

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ.

1854.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

МАРТЪ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И К^о.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ.

	СТР.
I. Встрѣча. Стих. А. Н. МАЙКОВА.	1 — 2
✓ Каленикъ. Разсказъ А. А. ФЕТА.	3 — 16
Два стихотворенія ДЕЛЬВИГА 1) Призваніе и 2) Отрывокъ.	17 — 18
✓ Холодный Домъ. <i>Романъ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.</i> Переводъ съ англійскаго И. А. Бирилева. Часть третья	19—106
✓ Женихъ изъ Ножовой Линіи. Комедія А. КРА- СОВСКАГО	107—172
Шарманщикъ. Стих. А. А. ФЕТА.	173
Къ звѣздамъ (изъ Шиллера). Стих. А. А. ФЕТА.	174
Клермонтскій Соборъ. Стих. А. Н. МАЙКОВА	175—182
✓ II. Вальтеръ Скоттъ и его современники. <i>Статья</i> <i>первая.</i> А. В. ДРУЖИНИНА	1 — 52
✓ III. Русская Литература въ 1853 году. <i>Статья</i> <i>третья и послѣдняя.</i> (Всеобщая Исторія. — Географія и Статистика).	1 — 28
IV. Библиографическая Хроника (разборы 10 книгъ).	1 — 56
V. Иностранная Литература (Алхимія въ XIX сто- лѣтіи. — О новыхъ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій. М. Л. МИХАЙЛОВА. — Эсхиль и исто- рическая трагедія въ Греціи (статья <i>Луи Бино</i>). — Викторъ Кузенъ и его литературныя произведенія (статья <i>Густава Планша</i>).	1 — 42
VI. Современная Хроника Россіи (за январь 1853 года).	1 — 8
VII. Новости наукъ, литературы, искусствъ и про- мышленности	1 — 71
Петербургскія Замѣтки.	71 — 96
<i>Моды</i> (съ двумя парижскими картинками модъ).	
Новыя Музыкальныя Сочиненія, продающіяся въ мага- зинахъ Бернарда и Стелловскаго.	

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ОТВѢСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ,
УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАННЫЯ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

*Beatæ plane aures, quæ non vocem foris
sonantem, sed intus auscultant veritatem
docentem.*

Gersonius.

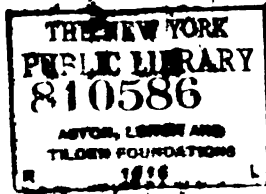
ТОМЪ ХСІІІ.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И К^о.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 3 марта 1854 года.

Ценсоръ А. Фрейганъ.

ROYAL
LIBRARY
BANK

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ.

МАРТЪ.

I. Словесность.

	СТР.
ВСТРѢЧА, стихотвореніе А. Н. МАЙКОВА.....	1
КАЛЕНИКЪ, разсказъ А. А. ФЕТА.....	3
ДВА стихотворенія ДЕЛЬВИГА: 1) Призваніе и 2) Отрывокъ..	17
ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ. Романъ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА. Переводъ съ англійскаго И. А. Бирилева. Часть третья.....	19
ЖЕНИХЪ ИЗЪ НОЖОВОЙ ЛИНИИ. Комедія А. КРАСОВСКАГО.....	107
ШАРМАНЩИКЪ, стихотвореніе А. А. ФЕТА.....	173
КЪ ЗВѢЗДАМЪ (изъ Шиллера), стихотвореніе А. А. ФЕТА..	174
КЛЕРМОНТСКІЙ СОБОРЪ, стихотвореніе А. Н. МАЙКОВА..	175

II. Науки и Художества.

ВАЛЬТЕРЪ СКОТТЪ и его современники. <i>Статья первая.</i> А. В. ДРУЖИНИНА.....	1
---	---

III. Критика.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1853 ГОДУ. <i>Статья третья и послѣдняя</i> (Всеобщая Исторія. — Географія и статистика)..	1
--	---

IV. Библиографическая Хроника.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Игорь, князь Сѣверскій, переводъ Гербеля.....	1
Труды Комиссiи, Высочайше учрежденной при Университетѣ Св. Владиміра для описанія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа. Томъ II.....	11

стр. 107. 108. 109. 110. 111. 112. 113. 114. 115. 116. 117. 118. 119. 120.

Указатель церковныхъ чтеній изъ св. книгъ Новаго и Ветхаго Заѣта, изданный <i>В. Гречулевичемъ</i>	16
Исторія военного искусства, <i>М. Богдановича</i>	—
Объ отношенія языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ, <i>А. Гильфердинга</i>	—
Разказы Прѣзжаго, <i>П. Небольсина</i>	23
Комедія Мирзы <i>Фетъ-Али-Ахундова</i>	26
Паденіе Турціи.....	29
О числѣ, соч. <i>Порфирія Гаствило-Кармловича</i>	—

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

Вѣра Надежда и Любовь, съ присовокупленіемъ духовныхъ стихотвореній <i>А. А. М. М.</i>	35
--	----

ЖУРНАЛИСТИКА.

Стихотворенія гг. Фета и Некрасова. — Биографія П. А. Ѳедотова, соч. г. Толбина. — Басни Ѳедотова. — Два Пріятели, повѣсть г. Тургенева. — Крестьянка, романъ г. Потѣхина. — Благодарность, повѣсть.....	35
--	----

V. Иностранная Литература.

Алхимія въ XIX столѣтіи.....	1
О новыхъ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій <i>ж. л. мн-хайлова</i>	10
Эсхиль и историческая трагедія въ Греціи (статья <i>Луи Бино</i>).....	16
Викторъ Кузень и его литературныя произведенія (статья <i>Густава Планша</i>).....	28

VI. Современная Хроника Россіи.

Обозрѣніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій правительства по государственному управленію за январь 1853 года.....	5
--	---

VII. Смѣсь.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ, НАУКЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Литература въ Германіи : стихотворенія Бауернфельда; романъ Луизы Мюльбахъ; сборникъ народныхъ пѣсень; повѣсти Дрехелеръ Манфелда; Альфредъ Мейснеръ; «Шесть лѣтъ въ Суринамѣ»; «Исслѣдованія собственныхъ именъ» и проч. — Литература въ Англии и Сѣверной Америкѣ : «Разказы о южной	
--	--

границѣ»; стихотворенія Попе; біографія д'Израэли; сатира Тэккерей; Норвегія и ея ледники; Библія на *ста-пятидесяти языкахъ*. — Литература во Франціи: Англичане у себя дома; Алжирія и ея нравы; Маргаритки; Бельгія; второй томъ записокъ доктора Верона; новая реторика; два романа французскаго и швейцарскаго писателя, написанные на одну тему; историческіе и литературные разговоры; переводъ «Дженни Эйръ»; одиннадцатый томъ «Литературной Франціи»; Японія. — Еще одна англійская книга. — Афинскій Акрополь. — Литература въ Италиі. — Туринскіе журналы и газеты. — Китайскій журналъ. — Театръ въ Парижѣ: *Ромуль*, новая комедія Александра Дюма; Брессанъ на Французскомъ Театрѣ; *Луиза Нантейль*, драма Леона Гозлана; Смерть Сенвиля; *Электрическій телеграфъ*; *Венеціанскій купецъ*; *На морь и на сушь*. — Опера въ Парижѣ. Альбони и Крувелля; Фреццоллини и Маріо. — Новый теноръ въ Италиі. — Опера принца Густава шведскаго и герцога саксен-кобург-готскаго. — Концерты и музыкальные вечера. — Симфонія Сен-Саена. — Водевильные куплеты и пѣсни. — Статистика парижскихъ театровъ въ прошломъ году. — Театръ въ Германіи: новыя драмы и комедіи; опера Флоттова. — Анекдотъ о Рашели. — Театръ въ Лондонѣ. — Англійскій тарифъ за 1853 годъ. — Выставки въ Бакер-стритъ и Снит-филдѣ. — Фабрика золотыхъ цѣпочекъ въ Спрингфилдѣ. — Новый пароходъ въ Сѣверной Америкѣ. — Магнитизёры. — Смотрители лондонскаго монумента. — Механическія и физиологическія причины движенія столовъ по изслѣдованіямъ Бабини. — Что дѣлается въ Парижѣ. — Балы и костюмы. — Биржа. — Некрологъ. — Обработка свеклы. — Новый способъ мочки льна и пеньки. — Машины и изобрѣтенія. — Болѣзнь овощей. — Статистика холодныхъ зимъ во Франціи. — Измѣненія въ составѣ парижской обсерваторіи. — Фотографія. — Гидролокомотивъ. — Блестящая глина. — Греческіе памятники въ Каноссѣ. — Египетскій саркофагъ въ Вѣнскомъ Музеумѣ. — Снимки съ масляныхъ картинъ. — Перламутровая бумага. — Краски въ Помпеѣ. — Торговля гуано. — Статистика умалишенныхъ. — Этеризація животныхъ. — Средство отъ укушенія ядовитыхъ змѣй. — Болѣзнь Атлантическаго Океана. — Магниты изъ чугуна. — Машина для домашняго хозяйства. — Электрическій телеграфъ вокругъ свѣта. — Рѣчь Гопкинса о движеніи наукъ въ прошломъ году. — Изслѣдованія физическаго состава солнца. — Фотографическія карты луны. — Распредѣленіе звѣздъ по ихъ величинѣ. —

Успѣхи наукъ въ Греціи. — Электрическіе опыты Паладжи. — Волшебныя зеркала. — Усовершенствованіе въ устройствѣ маяковъ. — Опасность притираний. — Ученая утка. — Золото и мѣдь въ Америкѣ. — Какъ выбирала Парижская Академія преемника Араго. — Біографія Араго..... 1

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«L'honneur et l'argent», комедія г. Понсара. — Другія новости французской сцены. — «Маркитантка», драматическое представленіе г. Кукольника. — Бенефисъ г. Мартынова. — «Станціонный Смотритель», драма, передѣланная изъ повѣсти Пушкина. — «Подвигъ Ширванскаго Полка», драматическое представленіе и «Антрпренерь-Афферистъ», водевиль. — «Фаустъ», балетъ; его содержаніе и исполненіе. — Зимній садъ и нѣкоторыя сомнѣнія. — Оранжерея. — Цвѣточные экспедиціи и горныя удовольствія. — Балы. — Вопросъ объ истинѣ бальныхъ наслажденій. — Бальные разговоры. — Безпроигрышная лотерея и ярмарка въ пользу бѣдныхъ. — Бѣги на Невѣ и катанья на Невской Набережной. — Масляница. — Гулянье у горъ. — Фланеры разныхъ возрастовъ и половъ. — Кто представляетъ въ балаганахъ. — Характеръ балаганныхъ представленій. — Удовольствія за удовольствіями. — Превращеніе театральной залы въ маскарадную, описанное прозою и стихами. — Неизвѣстный поэтъ. — Маскарадная исторіяка.... 71

Моды (съ двумя парижскими картинками модъ).

I.

ВСТРѢЧА.

Случается порой, въ весенній ясный день,
Когда къ намъ вѣтерки съ полудня прилетаютъ,
Съ крышъ капли быстрыя какъ золото мелькаютъ,
И на душѣ твоей томленье, сонъ и лѣнь;
И смотришь, какъ народъ идетъ толпой шумящей,
Какъ вдулось синее стекло замерзшихъ рѣкъ,
Какъ скачутъ вороны, копя рыхлый снѣгъ...
Вдругъ посреди толпы, какъ метеоръ блестящій,
Идетъ красавица... внезапно предъ тобой
Какъ будто-бы пахнѣтъ цвѣтами и весной,
И словно обожжетъ тебя, какъ гордо взглянетъ
Въ лицо тебѣ, и ждетъ, что ты потупишь взоръ
И, какъ царицѣ, дашь стопамъ ея просторъ:
О, какъ тутъ хорошо и вмѣстѣ стыдно станеть!
Вся жизнь въ груди въ тотъ мигъ воспрянетъ ото сна,
И знать хотѣлось бы, что думаетъ она —
Межъ-тѣмъ, какъ ослѣпленъ, потерянъ и встревоженъ,
Ты кажешься такъ малъ, незначущъ и ничтоженъ...
Стоишь какъ вкопанный, а взоръ за ней слѣдить
Въ толпѣ, во множествѣ мелькающихъ нарядовъ,
И все въ душѣ твоей какъ струнный гулъ дрожить
Подъ электричествомъ двухъ встрѣтившихся взглядовъ...

Вотъ такъ рождается и мысль твоя, поэтъ,
Какъ образъ пламенный, какъ мимолетный свѣтъ;
И только слышишь, при трепетѣ блаженства,
Запомнить рѣзкихъ чертъ красу и совершенство,
Покуда не прошла та творческая дрожь
И душу не объялъ художническій холодъ:
Прочь зодчій! планъ готовъ, размѣрять и хорошъ,
И плотничать иди пила, топоръ и молотъ!

А. МАЙКОВЪ.

~~ВЪ СЪБЪЕДИНЕННЪХЪ СЛОВАХЪ~~

БАЛЕНИГЪ.

РАЗСКАЗЪ.

(Посвящается И. П. Борисову.)

Есть люди, которые разговаривают вслухъ сами съ собою. Не знаю, чего это признакъ и какъ бы растолковалъ докторъ Круповъ подобную манию? Но я долженъ сознаться, что нерѣдко вслухъ разговариваю самъ съ собою. Въ настоящую минуту дѣлаю то же самое...

Всѣ науки, всѣ искусства стремятся къ одной цѣли — постигнуть природу, разгадать ея отрывочныя явленія и привести ихъ въ духъ нашемъ, такъ сказать, къ одному знаменателю; а между-тѣмъ изслѣдователи, положи руку на сердце, должны признаться, что въ объясненіяхъ своихъ они говорятъ только слова и слова, а природа все-таки — древняя Изида. Да зачѣмъ намъ ходить такъ далеко, разсматривать окружающій насъ міръ? Тамъ бездна. Загляните въ себя: что такое мысль? какой это своенравный, неуловимый дѣятель; а между-тѣмъ у ней есть своя, строгая, беспощадная логика, сокровенная, загадочная, какъ самая мысль, независящая отъ нашей воли, и потому неизбѣжная, какъ судьба.

— Как это старо! говорите вы. Согласенъ. А между-тѣмъ я безпрестанно въ своихъ монологахъ натыкаюсь на подобную сторону, о которой благоразумные люди и не думаютъ, потому-что это бесполезно.

Да и какъ же мнѣ не говорить объ этомъ?

На-дняхъ случилось со мной слѣдующее. Послѣ обѣда у знакомыхъ, отдыхая, въ числѣ прочихъ, на креслахъ, въ кабинетѣ, я, отъ нечего-дѣлать, началъ разсматривать лежавшую близъ меня иллюстрированную натуральную исторію. Между прочими, прекрасно-исполненными политипажамы, мнѣ попалось на глаза изображеніе жирнаго, неуклюжаго звѣрка, съ совершенно-круглой головой, на которой только обозначались мѣста для глазъ, а самыхъ глазъ не было замѣтно. Выраженіе всей фигуры, и особенно головы, самое бессмысленное и между тѣмъ въ высшей степени злое. Съ перваго взгляда на этотъ политипажъ я почувствовалъ, что уношусь изъ кабинета куда-то далеко; и когда глаза мои прочли французскую подпись: «Zemsky», я невольно вскрикнулъ; но такъ громко, что присутствующіе расхохотались. Разгадайте мнѣ, какимъ образомъ въ то же мгновеніе душа моя освѣтилась палевыми лучами заходящаго южнаго солнца, наполнилась благоуханіемъ вечерней степи, и мнѣ показалось, что я опять молодъ, что тамъ, далеко, будутъ меня поджидать каждую минуту... подождутъ передъ чаемъ, подождутъ за самоваромъ, предъ ужиномъ, за ужиномъ и наконецъ долго, долго послѣ ужина. Мнѣ представилось, что я опять вижу этого самого, долготѣ мнѣ совершенно-незнакомаго звѣрка ползущимъ по вспаханному полю и кричу своему кучеру: «стой!», въ-мигъ со-скакиваю съ нетычанки и съ изумленьемъ начинаю разсматривать движущуюся неуклюжую тварь дымчатаго цвѣта, величиною, складомъ и движеніями вполне-напоминающую слѣпаго четырех-дневнаго щенка. Разсмотрѣвъ звѣрка довольно подробно сверху, я хочу перевернуть его ударомъ ноги, но въ ту же минуту голосъ Каленика (моего кучера) раздается за мной: «Ваше благородіе, хи, хи, хи! Не троньте, хи, хи!» Если оно укуситъ, то надо умереть. Это зимское щеня, хи, хи». Испытавъ не разъ неисчерпаемую мудрость Каленика, я перевернулъ звѣря самымъ быстрымъ движеніемъ ноги, но сдѣлалъ это весьма-осторожно, причемъ зимское щеня показало двѣ пары острыхъ и весьма-плотныхъ клыковъ. «Хи, хи! Ужь не рано! Ваше благородіе, будетъ гроза, и мы, хи, хи, не дождемъ.» Эти слова остудили мой естествоиспытательскій пылъ и черезъ ми-

нугу мы уже полной рысью катились по ровной дорогѣ, какія бывають у насъ только въ южныхъ губерніяхъ, да и то лѣтомъ, когда жадная земля тотчасъ впитываетъ въ себя самый проливной дождь, и теплый вѣтеръ снова сушить ея поверхность. Когда Каленикъ съ обычнымъ смѣхомъ пророчилъ грозу, небо было совершенно чисто, заря погорала цвѣтомъ до-бѣла, а не до-красна раскаленнаго желѣза, а между-тѣмъ, услыхавъ «хи, хи — будетъ гроза» — и «хи, хи, не дождемъ», я убѣдился, что это такъ же вѣрно, какъ то, что намъ до мѣста оставалось верстѣ 15. Отчего же такая довѣренность къ изреченіямъ Каленика? спросите вы. Очень-просто: слова его постоянно оправдывались на дѣлѣ, какъ это случилось на дняхъ во французской «Иллюстраціи» насчетъ незнакомаго мнѣ звѣрка. У француза онъ названъ Ziensky, а Каленикъ назвалъ его «зимское щеня», и я болѣе вѣрю Каленику. Усѣвшись въ нетычанку, я пытался разспросить его: а почему ты знаешь, что это зимское щеня? «Хи, хи, какъ же не знать: оно зимское щеня». — «Кто же тебѣ это сказалъ?» Каленикъ не отвѣчалъ ничего, и на повторенный вопросъ я услыхалъ обычное «хи, хи, не могу знать». — «Ну, а почему же ты знаешь, что будетъ гроза?» — «Какъ же, хи, хи, сейчасъ будетъ». — «Да почему же ты это думаешь?» — «Какъ же, хи, хи, сейчасъ будетъ, хи, хи, вотъ-то насъ пробереть, хи, хи». Вполнѣ-убѣжденный, что видѣнный мною звѣрь зимское щеня и что сейчасъ будетъ гроза, я замолчалъ. Точно, не прошло пяти минутъ, какъ съ юга понесло холоднымъ вѣтромъ и на горизонтѣ начали показываться тучи... Да что! это миллионная доля того, что зналъ Каленикъ. Жаль, что на всѣ разспросы, относительно источника его свѣдѣній, онъ, какъ истый мудрецъ, отвѣчалъ «не могу знагъ», а то, быть можетъ, онъ открылъ бы намъ такія истины, до которыхъ люди не дойдутъ и черезъ 500 лѣтъ, а, можетъ-быть, и никогда.

Въ 18.. году, прибывъ изъ командировки въ штабъ полка, я подалъ рапортъ о назначеніи мнѣ казеннаго деньщика и, возвратясь, по окончаніи караула, въ эскадройъ, совершенно забылъ о моемъ рапортѣ. Уже черезъ мѣсяць получаю изъ полка предписаніе донести о прибытіи ко мнѣ деньщика Каленика Вороненки, котораго я и въ глаза не видалъ. Судя по предписанію, что онъ болѣе трехъ недѣль уже долженъ быть у меня, я рѣшился обождать еще нѣсколько дней, и потомъ донести, что таковой Каленикъ не явился. Когда я запечатывалъ рапортъ, слуга доложилъ мнѣ, что вахмистръ привелъ тщетно-ожидаемаго

Каленика. Я вышелъ въ переднюю и увидѣлъ русаго малаго, лѣтъ 18-ти, съ самымъ добродушнымъ выраженіемъ лица, съ сѣрыми (сознаюсь въ моемъ тогдашнемъ невѣжествѣ), мнѣ показалось, самыми тупоумными глазами. «Гдѣ ты былъ?» — «Хи, хи, въ Ершовкѣ». — «Какъ въ Ершовкѣ? Стало-быть, ты былъ здѣсь?» — «Хи, хи, никакъ нѣтъ». — «А гдѣ же ты былъ?» — «Хи, хи, въ Ершовкѣ.» Я не предвидѣлъ конца нашему разговору, но вахмистръ лукаво посмотрѣлъ на него и проговорилъ скороговоркой: «Ваше благородіе, ему адъютантъ изволилъ дать бумагу, да отправить сюда за 12 верстъ, въ Ершовку, а онъ вспомнилъ, что въ его губерніи, изволите видѣть, есть Ершовка, да туда. Я уже изволилъ ему говорить, что онъ не въ такцію попалъ, а теперь, какъ прикажете?...»

«Ну, братъ, живи смирно и дѣлай что велятъ, такъ все будетъ хорошо». Лицо Каленика приняло какое-то торжественное выраженіе, и онъ голосомъ задушевнаго убѣжденія сказалъ: «Радъ стараться». Съ-этихъ-поръ во все продолженіе службы его у меня, я не могъ имъ нахвалиться. Правда, всѣ порученія онъ исполнялъ по-своему; но какъ результатъ оказывался удачнымъ сверхъ ожиданія, то къ странному исполненію всѣ привыкли. Несмотря на то, что, какъ истый хохлёнокъ, онъ былъ немного-неряшливъ, онъ тѣмъ не менѣе любилъ щеголять. Впрочемъ, щегольство его простиралось на три предмета: на красную рубашку, на новые сапоги, которые онъ шилъ всегда самъ съ особеннымъ удовольствіемъ, и на голубой картузь съ кисточкой. Картузь этотъ непременно долженъ былъ быть бирюзоваго цвѣта съ донышкомъ на китовомъ усѣ, который Каленикъ неизбѣжно сломить, бывало, на другой день, такъ-что картузь получалъ видъ перегнутаго листа для насыпанія дрови въ узкогорлую бутылку. Съ лошадьми, за которыми онъ смотрѣлъ у меня пять лѣтъ, онъ тоже обходился по-своему. На водопой водилъ обыкновенно къ рѣкѣ всю четверку; а когда лошадей бывало болѣе, то и въ этомъ случаѣ водилъ всѣхъ разомъ, и каждый разъ, когда лошади съ водопою начинали играть, упускалъ, заливаясь со смѣху, заводныхъ, и падалъ съ той, на которой сидѣлъ. Эта протѣлка повторялась рѣшительно каждый день. Чувство страха было для него недоступно. Однажды слуга мой послалъ Каленика отыскать по деревнѣ сливокъ къ чаю. Ничего о томъ не зная, я сидѣлъ въ своей комнатѣ. Вдругъ сдерживаемое судорожное «хи, хи, хи» раздается въ передней. Я догадался: вѣрно, что-нибудь

случилось. Выхожу и вижу Каленика, который едва въ состояніи, отъ смѣха, держать окровавленными руками горшокъ съ молокомъ. Полушубокъ и штаны его висѣли клочьями.

— Что это съ тобой?

— Хи, хи, хи, хи.

— Что это?

— Собаки съѣли. Собакъ двадцать. Ужь я бился, бился... кони бѣ не баба, съѣли бы совсѣмъ. — И онъ снова залился истерическимъ смѣхомъ. При переѣздахъ днемъ, Каленикъ никогда не кричалъ на лошадей, за-то ночью, какъ бы она ни была свѣтла и хотя бы ѣхать было не далѣе пяти верстъ, онъ непремѣнно кричалъ: «Эхъ, коники! не дайте въ полѣ помереть!» Не проходило недѣли, чтобъ къ экипажамъ не придѣлывали новаго дышла. Гдѣ и какъ онъ ухитрялся ихъ ломать, я до-сихъ-поръ не знаю. На охотѣ онъ былъ незамѣнимъ: не державъ отроду ружья въ рукахъ, онъ съ козель такъ зорко все видѣлъ, что былъ мнѣ чрезвычайно полезенъ.

Если вы бывали въ Малороссіи, то знаете, что рѣчки, впадающія въ Днѣпръ, образуютъ широкіе луга, покрытые во время разлива водою, а въ остальное время года озерами, оставшимися отъ половодья. Когда вода спадетъ, озера эти быстро заростають исполинскимъ камышомъ, и какъ, по причинѣ топкости береговъ, нельзя пробраться до воды, то дикія утки тысячами водятся въ этихъ озерахъ. По кочковатому, покрытому мохомъ и осокою прибрежью озеръ, въ пролетъ бываетъ множество бекасовъ и дупелей, которые, сколько я замѣтилъ, ежегодно держатся на тѣхъ же мѣстахъ, хотя кругомъ раскиданы совершенно такія же болота. Линія половодья обозначена уступомъ разсыпчатого песку ослѣпительной бѣлизны. Съ этого уступа уже начинается уровень степи и, войдя на него, можно далеко обозрѣвать извиляющуюся долину. Въ самое знойное время рѣдко задыть по топкому лугу, и потому дорога идетъ обыкновенно подъ самымъ песчанымъ берегомъ.

Служебныя обязанности заставили меня переехать на постоянное жительство въ штабъ. Зная въ двухъ верстахъ удобную мѣстность, во время травянаго продовольствія, въ іюнѣ, довольно часто навѣдывался я насчетъ пролета дупелей.

Наткнувшись на сильный пролѣтъ, я соблазнилъ командира своего, когда-то страстнаго охотника и отличнаго стрѣлка, по-

вхатъ со мной на охоту. Ружья у него сохранились прекрасныя; но Медоръ былъ только страшенъ для слоняющихся по пустому рынку свиней и собакъ, а отнюдь не для дичи. Итакъ, намъ пришлось обходиться моимъ Трезоромъ; а какъ генеральскіе кучера не знали мѣстности, то рѣшено было, что насъ повезетъ Каленикъ. У болота мы оставили нашего автомедона на дорогѣ, а сами потянули влѣво по кочажнику, переходя отъ времени до времени по травѣ, достягавшей намъ до колѣнъ. Генераль сначала объявилъ, что вовсе не нуждается въ собакъ; но, убивъ пару дупелей, тогда-какъ онъ не взогналъ ни одного, я замѣтилъ, что, вмѣсто удовольствія, могу только возбудить въ немъ досаду. Я свиснулъ Трезора и сталъ равняться такъ близко, что мы могли охотиться съ одной собакой. Къ-счастью, дупелей было много, и старшій охотникъ, казалось, былъ совершенно-доволенъ.

— Нѣтъ, идите вы направо, а я лѣвѣе: поищу утокъ, сказалъ онъ, настроившись вдоволь. Такъ мы и сдѣлали. Вскорѣ я услышалъ выстрѣлъ и вслѣдъ за тѣмъ голосъ зовущаго меня генерала.

— Накличьте, пожалуйста, сюда собаку: я видѣлъ, проклятая утка перелетѣла вонъ за тотъ камышъ и, какъ перчатка, упала на той сторонѣ.

Мы съ трудомъ перебрали черезъ воду и поиски начались. Напрасно собака болѣе получаса описывала круги по высокой травѣ — утки не было какъ не было!

— Посмотрите, вашъ Каленикъ дѣлаетъ какіе-то телеграфическіе знаки...

Я взглянулъ: точно Каленикъ, отъ котораго мы ушли не мѣнѣе версты, въ азартѣ махалъ своимъ классическимъ картузомъ. Не понимая ничего, я началъ отвѣчать ему тѣмъ же, дѣлая знакъ, чтобъ онъ подѣхалъ, хотя внутренно отчаявался въ возможности подобнаго подвига. Вѣроятно, онъ понялъ меня, потому-что мы увидали, какъ онъ началъ поворачивать лошадей то вправо, то влѣво, какъ лошади начали спотыкаться и обрываться въ болото, и какъ, наконецъ, нетычанка быстро понеслась къ намъ. Но на половинѣ пути новое болото, и на этотъ разъ Каленикъ рѣшительно остановился.

Долго не могъ я понять, что онъ кричалъ, наконецъ разобралъ: «правѣ!» Я подался вправо. «Еще правѣй, подлѣ гене-

рала!» Мы оглянулись : въ двухъ шагахъ за генераломъ изъ травы торчалъ неподвижный хвостъ собаки. Я подошелъ и поднялъ утку.

Охотники знаютъ, какъ трудно на большомъ, безпредметномъ пространствѣ, даже и вблизи, съ точностью опредѣлить мѣсто, на которое упала убитая птица.

— Ну, батюшка, вамъ не нужно никакихъ Трезоровъ!

— Онъ у меня всегда такъ, отвѣчалъ я. — Каленикъ возьметъ за какое-нибудь дѣло, вы посмотрите и подумаете, что онъ это дѣлаетъ на-смѣхъ ; подождите — увидите, что онъ правъ.

Знаете ли вы, что такое учебный плацъ въ степной губерніи ? Это произвольно-большое пространство той же степи, на которомъ мѣсто ученія мѣняютъ почти ежедневно, во избѣжаніе пыли тамъ, гдѣ на прошедшемъ церемоніалѣ трава выбита копытами... Чисто, гладко. Тамъ-и-сямъ торчатъ, Богъ-вѣсть, когда и для чего насыпанные курганы. Ни плетня, ни рва, ни канавы — гарцуй хоть до Одессы.

Видите ли вы эту кожаную сигарочницу ? Лѣтъ шесть тому назадъ, добрый товарищъ моего дѣтства, а впоследствии однополчанинъ подарилъ мнѣ ее, прощаясь со мной въ Бирюевѣ. Гдѣ-то теперь эта буйная головушка? Такъ же ли горячо бьется это нѣжное, благородное сердце? Съ-гѣхъ-поръ я не разставался съ моимъ подаркомъ. Однажды на ученіи, скакавъ съ линейными унтер-офицерами, я какъ-то обронилъ сигарочницу и, возвращаясь домой, вслухъ на это жаловался, считая, разумѣется, сигарочницу погибшей. Раздосадованный потерей, я забылъ не велѣть отпрягать лошадей. Между-тѣмъ, отдохнувъ немного, вспоминаю, что мнѣ нужно вхвать.

— Вели подавать.

— Дрожки отложены.

— Вели запрещъ.

— Нѣкому.

— Какъ нѣкому ?

— Каленикъ съѣзъ на бѣлогриваго, да куда-то поскакалъ.

Недоумѣвая рѣшительно, куда онъ поскакалъ, я, въ нетерпѣніи, вышелъ на улицу и сталъ глядѣть направо и налево, не покажется ли онъ съ которой-нибудь стороны. Ни слуху, ни духу!

Не знаю, долго ли я въ волненіи ходилъ передъ воротами, какъ вдругъ вижу подъ шлагбаумомъ показалась фигура Каленика, на бѣлогривомъ, идущемъ самымъ флегматическимъ шагомъ. Я сталъ махать, кричать — ничто не помогало. Каленикъ приближался, но такъ медленно, что терпѣніе мое истощалось. Наконецъ, когда до него могъ долетать мой вопль, я закричалъ ему: «маршъ-маршъ!» Съ этимъ словомъ облако желтой пыли, какъ вихрь, понеслось ко мнѣ, и когда лошадь ткнулась на всемъ скаку, чтобъ круто поворотить въ ворота, что-то шлепнуло, и я увидалъ Каленика распростертымъ на песокъ. Лошадь, привыкшая къ подобнымъ эволюціямъ, сдѣлала страшный прыжокъ, вскинула заднія ноги на воздухъ и, взвизгнувъ, понеслась въ конюшню.

— Что ты, ушибся?

— Хи, хи, хи! Никакъ нѣтъ, ничего.

— Куда же это ты ѣдешь?

— На плацъ.

— Зачѣмъ?

— За торбочкой.

Хладнокровный взглядъ Каленика вполне убѣждалъ меня, что онъ, какъ по всемъ вѣроятностямъ должно было ожидать, съѣдидъ даромъ, и я принялся его бранить.

— Въдь вотъ, еслибъ у тебя хотя на грошъ было толку, поѣхалъ ли бы ты въ степь искать то, чего, должно-быть, никогда и не видалъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, хи, хи, хи.

— Что никакъ нѣтъ-съ? Такъ зачѣмъ же ты ѣдешь?

— За торбочкой.

И, въ подтвержденіе своего толкованія, онъ досталъ изъ-за пазухи сигарочницу.

Я замолчалъ. Мнѣ стало стыдно. Какъ ни былъ я убѣжденъ въ мудрости Каленика, но бывали случаи, когда я не держалъ ей слѣпо довѣряться. Онъ иногда съ самымъ добродушнымъ хладнокровіемъ, съ самымъ чистосердечнымъ смѣхомъ и, къ-тому же, безъ всякой видимой необходимости, рѣшался, во что бы ни стало, сдѣлаться сказочнымъ геросемъ и затмить славу Геллы, Европы и всѣхъ баснословныхъ плавателей и путешественниковъ. Однажды въ той же нетычанкѣ я возвращался съ товарищемъ съ бала. Это было на масляной. Товѣкъ

слой наканунѣ-пропорошившаго снѣга покрывалъ промерзлую землю. Ночь была мѣсячна и такъ же свѣтла, какъ петербургскія лѣтнія ночи. Мы ѣхали шибко. Гладкая дорога гудѣла подъ нами, какъ чугуны. Товарищъ мой прислонился въ правомъ углу нетычанки и, вѣроятно, дремалъ; а я, для соверпѣннаго спокойствія, спустился съ сидѣнья и, плотно завернувшись въ шубу, заснулъ. Внезапно-прервавшійся гулъ и сотрясеніе разбудили меня. Приподымаюсь — Боже! что это такое?

Узнаю знакомую гнилую рѣчку, деревню на противоположномъ берегу, и вижу, что Каленикъ, шикая, спускается на ледъ. Я схватилъ его за плечо и крикнулъ: «Стой!»

Онъ остановилъ лошадей.

— Куда ты ѣдешь?

— Дорогою.

Съ этимъ я не могъ согласиться. Дорога, какъ лѣвѣнно-всему міру, шла шаговъ на сто лѣвѣе, да и по ней-то я не совѣтовалъ бы никому пускаться четверкой въ рядъ въ февралѣ. А тамъ, куда правилъ Каленикъ, былъ омутъ, на которомъ ледъ даже и въ декабрѣ никогда не бывалъ надеженъ.

— Дай мнѣ возжи, а самъ ступай пѣшномъ на ту сторону; да найди перевозчиковъ, которые лучше нашего знаютъ, что тутъ дѣлать.

Во время разговора товарищъ мой очнулся и вполне одобрилъ мое распоряженіе. Каленикъ сѣлъ съ козель и началъ перебираться черезъ рѣчку, стегая передъ собой кнутомъ ледъ.

— Посмотри, посмотри, что это онъ дѣлаетъ? спросилъ товарищъ: — экой болванъ! Хоть бы шелъ лѣвѣе, а то воображаетъ, будто ледъ, выдерживая ударъ кнута, обязанъ сдержатъ и кучера.

Я ничего не отвѣчалъ и смутно чувствовалъ, что Каленикъ просвѣчетъ себѣ дорогу. Наконѣцъ онъ сталъ приподниматься на противоположный берегъ и закричалъ своимъ визгливымъ салъцетомъ: «Эй, подите сюда!» Никто не отзывался. Онъ пошелъ вдоль деревни, немилосердо стуча въ ставни и двери каждой хаты — то же безмолвіе. Отъ бѣлыхъ стѣнъ, освѣщенныхъ луною, темная фигура Каленика обозначалась такъ рѣзко, что мы могли видѣть малѣйшее его движеніе. Съ четверть часа ходилъ онъ безуспѣшно отъ однихъ дверей къ другимъ; но вдругъ сталъ бро-

саться туда и сюда, как сумасшедшій, и въ то же время слышался такой страшный визгъ, вой и лай, что даже становилось жутко. Ужь не напали ли опять на него собаки? но въ такомъ случаѣ онъ бы кричалъ, а выходитъ, что онъ гоняется за собаками. Нѣсколько минутъ адскій гамъ не умолкалъ, и вотъ въ одномъ окнѣ засвѣтился огонь и вслѣдъ за тѣмъ дверь хаты отворилась. Перевозчики, одинъ за другимъ, вышли на улицу, перешли еще лѣвѣй дороги черезъ ледъ, отпрягли лошадей и перевели ихъ по одной на ту сторону. Нетычанку перекатили на рукахъ. Какъ правдивый рассказчикъ, я долженъ добавить, что одинъ изъ вожатыхъ, захотѣвъ, вѣроятно, скорѣе до насъ дойти и избравъ для этого тотъ путь, по которому перешелъ Каленикъ съ кнутомъ, едва только началъ пробовать ледъ своимъ шестомъ, провалился по поясъ.

Сообразя всѣ эти обстоятельства, я невольно подумалъ: а можетъ-быть Каленикъ тутъ бы и четверкой провхалъ? убжденіе его развѣ ничего не значить?

Впрочемъ, нѣтъ, онъ не имѣлъ твердыхъ убжденій. Убжденіе предполагаетъ анализъ, а мудрость давалась ему синтетически. Онъ только непостижимымъ чутьемъ угадывалъ кратчайшій путь къ истинѣ, не зная и нисколько не заботясь о томъ, дойдетъ ли онъ до нея.

Вотъ вамъ на это доказательство. Вы помните, какъ предсказаніе Каленика на-счетъ грозы заставило меня немедля прервать изученіе зимскаго щеня и какъ неожиданно скоро-показавшіяся тучи оправдали слова моего «астронома». Не думайте, чтобъ это была острота — нѣтъ: это прозвище Каленика, подъ которымъ зналъ его весь полкъ. Кто первый его имъ пожаловалъ — исторія умалчиваетъ.

— Что тебѣ вздумалось въ такой жаръ подчивать насъ ветчиной? Пошли за редисомъ.

— Нѣкого. Вѣстоваго я услалъ съдлатъ Арлекина, а человекъ ушелъ со двора.

— Пошли своего астронома.

Я назвалъ бы Каленика скорѣй метеорологомъ, но и астрономомъ его можно было назвать. Онъ отлично зналъ, или, лучше сказать, чувствовалъ, какая теперь четверть луны, который часъ дня, или ночи, и сколько прибыло, или убыло во днѣ часовъ.

Возвращаюсь къ разсказу, или, лучше сказать, къ путешествію. Предсказаніе Каленика сбывалось во всей силѣ. Тучи, заволакивая горизонтъ, темнымъ полушаромъ быстро надвигались на еще мерцающій вечеръ, какъ черный налчикъ опускается на свѣжее лицо молодаго воина. Дождевыя капли начали тяжело стучать по кожаному фартуку нетычанки, и вслѣдъ затѣмъ полило какъ изъ ведра. Оставалось ѣхать всего версть десять, то-есть версты четыре до Чуты, версты двѣ за Чутою — и, увы! версты четыре Чутою. Вся правая сторона Днѣпра покрыта, какъ извѣстно, дремучими лѣсами, составляющими, такъ-сказать, сплошную массу, раскидывающую свои отрасли на безконечныя пространства. Одна изъ подобныхъ отраслей, пересѣкающая Кіевскую и половину Херсонской Губерній, называется Чутой. Чтò это за славный лѣсъ! Чей глазъ привыкъ скользить по чернѣющему строю чахоточныхъ елей и задумчивыхъ сосенъ, тотъ не можетъ понять, какое впечатлѣніе производитъ на путника, утомленнаго однообразіемъ огнедышущей степи, этотъ свѣжій, благоухающій, идущій къ вамъ на встрѣчу исполинъ. Вы вступили въ его очарованный кругъ. Какая цѣлебная прохлада! какъ тутъ легко дышать! какая сила въ каждой вѣткѣ, въ каждомъ листѣ! Ни одной березы, ни одной сосны — все широколиственный клѣнъ, столѣтній дубъ и щеголеватый берестъ.

Весною всѣ лужайки сплошь покрываются какими-то нѣжными голубыми цвѣтами, напоминающими незабудки. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не видалъ я такихъ цвѣтовъ. Лѣтний до послѣдней крайности, я во всю жизнь свою не постигалъ значенія слова «гулять». Но, проѣзжая весной черезъ Чуту, я не выдержалъ, соскочилъ съ тарантаса, пѣшкомъ прошелъ весь лѣсъ и безсознательно нарвалъ цѣлый снопъ этихъ очаровательно-насмѣшливыхъ и свѣжозадумчивыхъ голубыхъ цвѣтовъ.

Но всякая вещь, какъ угодно было замѣтить жившимъ до меня мудрецамъ, имѣеть свою хорошую и худую сторону. Въ Чутѣ я вамъ указалъ на хорошую — постараюсь указать на скверную.

Степной грунтъ имѣеть свойство, несмотря на страшную силу палящаго солнца, неумѣряемую никакой тѣнью, хранить долгое время влагу. Это доказываетъ обильное произрастеніе. Вслѣдствіе этого, легко понять, почему въ тѣнистой Чутѣ, куда лучи проникають съ трудомъ, грунтъ земли всегда влаженъ, а дорога, пересѣкающая лѣсъ, почти круглый годъ до крайности развѣзжена,

выбита, грязна и до-того скользка, что самыя острыя подковы не помогаютъ лошадямъ на ней держаться. Дорога эта, или, какъ говорится, просѣка, довольно-широка, но и днемъ не разберешь, держаться ли правѣе или лѣвѣе, потому-что и тамъ соскользнешь въ ровъ, и тутъ лошади попадають.

Черный рыцарь окончательо надвинулъ свое забрало, и темнота съ трудомъ позволяла различать дорогу. Дождь продолжалъ лить. Вотъ направо отъ дороги засвѣтился огонь—это домъ лѣсничаго, окруженный службами, въ которыхъ помѣщались инваліды лѣсной стражи.

Еслибъ я не боялся слишкомъ-часто прерывать нить повѣствованія, то разсказалъ бы, какъ хороша эта маленькая вила, вдали отъ людей приютившаяся у самаго вѣзда въ просѣку. Мнѣ всегда казалось, что громаднй дубъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ протягиваетъ свои мохнатые сучья надъ щеголевато-стриженной камышевой кровлей. Какъ видна любовь къ порядку въ этомъ тщательно и красиво-огороженномъ цвѣтникѣ, въ этихъ отлично-содержанныхъ клумбахъ! какую невозмутимой тишиной възѣтъ отъ этихъ пышныхъ кустовъ бѣлой акации! какъ милы и просты эти кисейныя занавѣски на окнахъ! Вѣрно, между здѣшними обитателями есть женщины. Мнѣ помнится, однажды въ растворенное окно я видѣлъ пальцы...

Въ настоящую минуту, подъ влияніемъ холоднаго дождя, промочившаго меня до костей, яркій свѣтъ, косвенно-падавшій изъ оконъ на дорогу, не возбуждалъ во мнѣ ни малѣйшаго сочувствія къ обитателямъ приюта; напротивъ, мнѣ было досадно, что людямъ тепло и свѣтло, а я дрожу отъ холода, и передо мной во мракѣ, едва-проницаемомъ для глазъ, сіяетъ четвероугольная рама просѣки, наполненная тьмою. Ночевать здѣсь я ни за что бы не рѣшился. Стоило ли для этого гнать лошадей и мокнуть? Мнѣ хотѣлось поскорѣй туда, за Чуту: тамъ еще свѣтлѣй, еще теплѣй, тамъ я даже буду радоваться, что промокъ, а все-таки приѣхалъ. Брать проводника я тоже не хотѣлъ, да и къ-чему? Онъ столько же увидитъ, какъ и мы, то-есть ровно-ничего. Все это я передумалъ передъ вѣздомъ въ просѣку и, молча, на этотъ разъ совершенно отдался на волю Каленика. Онъ тоже молчалъ и продолжалъ гнать рысью. Но вотъ мы вѣхали въ лѣсъ; негычанку начинаетъ швырять со стороны на сторону; слышно какъ лошади скользятъ и ошцбываются ногами.

— Да повзжай шагомъ!

— Хи, хи, хи! И онъ повхалъ шагомъ.

— Бери правый, или ты не слышишь, мы натимся въ ровъ? Да куда жъ ты влѣво-то опять забираешь? Пусти лошадей. Вѣдь вотъ тебѣ, дураку, и сказать-то ничего нельзя. Распустилъ лошадей, онъ и падаютъ. Которая упала?

— Копчикъ за возжи дернулъ.

— Такъ слѣзь да распутай его какъ-нибудь.

— Хи, хи, хи. Вотъ такъ штука!

Легко было мнѣ сердиться и читать наставленія, но придерживаться въ этомъ случаѣ какого-нибудь правила было не только нелегко, но положительно-невозможно. Тьма была такая, что я не видалъ собственныхъ рукъ. Отъ времени до времени молнія на мигъ освѣщала дорогу, а громовые раскаты пробуждали въ лѣсу какой-то странный, зловѣщій ропотъ.

Хотя кони наши были довольно-бойки, но всѣмъ извѣстно, какъ темнота усмиряетъ самую прыткую лошадь. Во мракъ она везетъ усердно и дѣлается крайне-покорной. Одного можно было ожидать: не вздумалось бы задумчивому волку, которыхъ здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо, полюбоваться нашимъ путешествіемъ. Въ такомъ случаѣ, я бы не взялся сказать, чѣмъ могло бы кончиться наше полуночное ристаніе по лѣсу... Дождь не переставалъ лить. Мы подвигались впередъ со скоростью версты въ часъ. Блеснула молнія, и я вижу, что мы подъезжаемъ только къ первому мостику, а ихъ еще впереди три.

— Чтò, Каленикъ? Выѣдемъ мы изъ лѣсу?

— А кто его знаетъ? Хи, хи, хи.

Въ этомъ хи-хи-хи было столько искренней веселости, оно звучало такъ же визгливо, какъ-будто я засталъ Каленика на порогѣ конюшни надъ не спѣлымъ арбузомъ, и побранилъ зачѣмъ онъ ѣсть всякую дрянъ.

Тутъ я въ первый разъ понялъ, что у него нѣтъ убѣжденія. Одно чутье, одинъ геній — и больше ничего. Но, увы! наши способности развиваются всегда однѣмъ га-счетъ другихъ. И Каленикъ подвергся общему закону развитія. Онъ положительно зналъ уже, что такое пепероски, находилъ у лошадей хвиптазію, утверждалъ, что морды у нихъ оттого искусаны, что онъ въ стойлахъ по но-

чамъ заводить канитель и наконецъ торжественно пришелъ просить, чтобъ ему сшили плисовую поддёвну.

Въроятно, вслѣдствіе образованія, онъ уже считалъ для себя неприличнымъ отвѣчать на вопросы о погодѣ, а я подозреваю, что онъ совершенно утратилъ свое второе зрѣніе и вошелъ въ чреду обыкновенныхъ людей, о которыхъ говорить болѣе нечего.

А. ФЕТЪ.

ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ ДЕЛЬВИГА (1).

I.

ПРИЗВАНІЕ.

Дѣва, дѣва! въ сѣнь дубровы,
Къ рѣчкѣ, спящей въ камышахъ,
Приходи : Эротъ суровый
Мнѣ ужъ въ трехъ являлся снахъ.

Двѣ стрѣлы спустилъ онъ съ лука
Къ двумъ противнымъ сторонамъ :
Знаю, намъ грозитъ разлука,
Сердце вѣрить вѣщямъ снамъ.

Скоро ль тяжкія мученья
Усладишь лобзаньемъ ты
И мгновеньемъ наслажденья
Утолишь мои мечты?

Вѣрь тому, что я открою :
Время съ крыльями — лови!
Иль оно умчитъ съ собою
Много тайнаго въ любви!...

---

(1) Эти два неизданные стихотворенія найдены въ рукописяхъ покойнаго поэта барона Антона Антоновича Дельвига и доставлены намъ В. П. Гаевскимъ.
Ред.

II.

ОТРЫВОКЪ.

Пѣвецъ! зачѣмъ, когда къ тебѣ стучалась
 Красавица вечернею порой,
 И тихо грудь подъ дыжкой колебалась,
 И взоръ свѣтлѣлъ притворною слезой,

Ты позабылъ твой жребій возвышенный
 И пренебрегъ душевной чистотой,
 И, потушивъ въ груди огонь священный,
 Ты Бахуса манилъ къ себѣ рукой?

И Бассарей съ кистями винограда
 Къ тебѣ пришелъ, шатаясь на ногахъ,
 Съ улыбкой рекъ : «вотъ бѣдствіямъ отрада :
 «Люби и пей на дружескихъ пирахъ!»

Ты въ руки ковшъ; онъ выжалъ сокъ шипящій,
 И Грація закрылася рукой,
 И отъ тебя мечтаній рой блестящій
 Умчался вслѣдъ невинности златой...

«И твой удѣлъ у Пинда пресмыкаться;
 Не будешь къ намъ ты Фебомъ приобщенъ!
 Блаженъ, кто могъ съ невинностью пробраться
 Черезъ грязный міръ, возвышеннымъ плѣнемъ!»

ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Часть третья.

ГЛАВА XIV.

ТОНЪ И МАНЕРЫ.

На слѣдующій день, вечеромъ, Ричардъ оставилъ насъ и вступилъ въ новую карьеру. Исполненный любви къ Адѣ, онъ поручилъ ее мнѣ попеченіямъ, считая меня истиннымъ другомъ, на котораго могъ твердо положиться. Меня трогало до слезъ, и теперь до слезъ трогаетъ, когда я вспомню, какъ они оба были внимательны ко мнѣ, даже въ грустныхъ минуты разлуки. Я составляла необходимое лицо во всѣхъ ихъ планахъ, настоящихъ и будущихъ. Мнѣ поручалось еженедѣльно писать Ричарду, подробно рапортуя объ Адѣ (Ада должна была писать черезъ день). Самъ онъ обязался собственноручно увѣдомлять меня о своихъ занятіяхъ и успѣхахъ, съ тѣмъ, чтобъ я могла слѣдить за его постепенностью и терпѣніемъ въ трудѣ. Я впоследствии должна была Аду одѣвать къ вѣнцу, жить съ ними вмѣстѣ, послѣ ихъ свадьбы, заниматься всѣмъ хозяйствомъ въ ихъ домѣ, и они брались осчастливить меня на всю жизнь.

— И если мы выиграемъ процессъ — разбогатѣемъ! сказала Ричардъ, чтобъ повершить дѣло.

Лицо Ады омрачилось грустнымъ выраженіемъ.

— Что же, милая Ада, отчего эта грусть? спросилъ Ричардъ послѣ короткой паузы.

— Ахъ, Ричардъ! пусть мы проиграемъ, только бы дѣло скорѣе кончилось, сказала Ада.

— Это еще неизвѣстно, возразилъ Ричардъ: — рано или поздно, а дѣло кончится; оно ужъ тянется, Богъ знаетъ, сколько времени.

— Да, Богъ знаетъ, сколько времени! сказала Ада со вздохомъ.

— Правда; но... прибавлялъ Ричардъ, отвѣчая на взглядъ Ады, выразившій мысль ея безъ помощи словъ: — чѣмъ дольше оно тянется, тѣмъ ближе должно быть къ концу. Развѣ это не такъ?

— Ты лучше меня знаешь, Ричардъ. Но мнѣ кажется, что если мы будемъ надѣяться на выигрышъ процесса, мы будемъ несчастны.

— Зачѣмъ же надѣяться, милая Ада! весело сказалъ Ричардъ.
— Мы на столько понимаемъ его, что не имѣемъ никакой надежды. Я только говорю, что если мы выиграемъ процессъ, то будемъ законнымъ образомъ богаты. Оберканцелярія въ нѣкоторомъ видѣ, нашъ старшій, ворлиивый опекунъ и все, что она намъ дастъ (если она дастъ что-нибудь), будетъ наше законное достояніе. Зачѣмъ намъ пренебрегать своими правами?

— Зачѣмъ пренебрегать? сказала Ада: — но мнѣ кажется, самое лучшее — позабыть объ этомъ процессѣ.

— Ну, пожалуй, пожалуй! вскричалъ Ричардъ: — позабудемъ процессъ; выбросимъ его окончательно изъ нашей памяти. Тѣтушка Дердонъ улыбается, стало-быть, и концы въ воду!

— Тѣтушка Дердонъ пока еще не улыбалась, сказала я, взглянувъ на Ричарда изъ-за крышки сундука, въ который я укладывала его книги: — но теперь улыбнется, потому-что выбросить процессъ изъ головы — самое-лучшее дѣло.

— Ну, не станемъ объ этомъ толковать, сказалъ Ричардъ, и тутъ же началъ строить милліоны воздушныхъ замковъ, одинъ шатче другаго. Онъ уѣхалъ въ хорошемъ расположеніи духа, и мы, оставшіе съ Адой однѣ, повели тихую жизнь.

При нашемъ пріѣздѣ въ Лондонъ, мы, съ мистеромъ Жардисомъ, сдѣлали визитъ мистриссъ Желлиби; но, къ-несчастью, не застали ея дома: она была за городомъ, куда-то ѣздила пить чай, и взяла съ собою миссъ Желлиби. Кромѣ испиванія чаю, въ этотъ вечеръ произносилось множество спичей, писалось множество писемъ, относительно благотворительныхъ проектовъ разведенія кофейныхъ плантацій, совместно съ туземцами благословеннаго края Баррибула-Гха. Все это, безъ-сомнѣнія, требовало дѣятельнаго участія пера и чернилъ и было достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобъ бѣдная миссъ Желлиби считала первый выѣздъ свой настоящимъ праздникомъ.

Спустя нѣсколько времени, мы сдѣлали еще визитъ мистриссъ Желлиби. Она была въ городѣ, но только не дома; тотчасъ же послѣ завтрака, отправилась она въ этотъ день въ Майль-Эндъ, по какимъ-то баррибульскимъ дѣламъ, истекающимъ изъ благотворительнаго обще-

ства, известнаго подъ названіемъ Восточно-Лондонская Отрасль Развѣтленія Пособій. Я не видала Биби въ первый визитъ нашъ (его нигдѣ не могли отыскать, и кухарка крѣпко была увѣрена въ томъ, что онъ удралъ за тележкой мусорщика) и, прійдя къ мистриссъ Желлиби во второй разъ, я опять о немъ освѣдомилась. На полу еще валялись устричныя раковины, изъ которыхъ онъ строилъ себѣ домъ, а его не было. Кухарка предполагала, что онъ убѣжалъ за овцами. — «Какъ, за овцами?» спросили мы съ удивленіемъ. — «Да, за овцами, отбѣчала она: — въ торговыя дни онъ убѣгаетъ за ними, иногда даже за городъ, и возвращается оттуда грязь-грязью».

На слѣдующее утро, послѣ этого визита, я сидѣла съ опекуномъ моимъ у окна; Ада дѣятельно писала, я думаю, къ Ричарду, какъ вдругъ доложили намъ о пріѣздѣ миссъ Желлиби. Она взошла, ведя за собою ловца козлицъ, Биби, отчищеннаго и отмытаго до такой степени, что нѣкоторымъ образомъ не стыдно было ввести его въ общество постороннихъ людей: въ углахъ лица и рукъ его не было грязи и смоченные черезчуръ волосы лежали на лбу и вискахъ кружками, въ видѣ бараньей шерсти, послѣ дождя. Все, что было надѣто на бѣдномъ ребенкѣ, было или узко или широко для него. Его разнохарактерный костюмъ состоялъ изъ китайской шапки, мѣховыхъ рукавицъ и сапоговъ, по образцу крестьянскихъ; ноги его, испаранные вдоль и поперекъ и походившія на географическія карты, были прикрыты коротенькими клѣтчатыми панталонцами, оканчивающимися снизу различными узорами на каждой ногѣ. Несовсѣмъ-полный комплектъ пуговицъ на бортахъ его пестрой куртки, очевидно, былъ частью составленъ изъ старыхъ пуговицъ съ фраковъ мистера Желлиби. Замѣчательныя оныты заплатъ и штопанья были видны на тѣхъ частяхъ его одежды, которыя способны къ протиранію. Та же искусная игла была замѣтна и въ костюмѣ миссъ Желлиби. Но, несмотря на все это, наружность ея была презентабельна и она казалась даже хорошенькою, хотя и конфузилась при взглядѣ на внѣшнія несовершенства своего спутника.

— О, Боже мой! сказалъ мистеръ Жарндисъ: — проклятый восточный вѣтеръ!

Ада и я, мы поздоровались съ миссъ Желлиби радушно и представили ее мистеру Жарндису. Поклонясь и сѣвъ на стулъ, она обратилась къ моему опекуну и сказала:

— Ма (1), приносить почтеніе; надѣется, что вы ее извините:

(1) Ма — вмѣсто Маман; Ра — вмѣсто Рара — такъ обыкновенно дѣти называютъ своихъ родителей въ англійскихъ семействахъ.

они занята корректурой. Ей надо отправить сегодня пять тысяч новых циркуляровъ. Она знаетъ, какъ васъ это интересуесть. Одинъ экземпляръ она посылаетъ вамъ — и она сердате подала бумагу мистѣру Жаридису.

— Благодарю васъ, сказалъ енекутъ мой. — Я очень-обязанъ мистриссъ Желлиби... О, Воже мой!... Ууу!... этотъ восточный вѣтеръ!

Мы возились съ Биби; сняли съ него его забавную шапку, сфранцизовали, поминитъ ли онъ насъ, и тому подобное. Сначала онъ козырился на насъ, смотрѣлъ изподлобья, но, при видѣ сладкаго пирога, сдѣлался дѣстунше, сѣлъ ко мнѣ на колѣни и спокойно пожевывалъ. Мистѣръ Жаридисъ удался во временную Воркотню, а миссъ Желлиби повела съ нами разговоръ обычными отрывистыми фразами.

— У насъ гадко, попрежнему, сказала она: — не минуты покою. Африка... туземцы... письма!...

Я попробовала сказать ей что-то въ утѣшеніе.

— Не говорите, миссъ Семерсонъ, что тратите слова! Я знаю, какъ со мной обращаются; никто меня не переувѣритъ. И васъ бы никто не переувѣрилъ, еслибъ съ вами такъ обращались. Биби, пошелъ, сядь подъ фортепяно и играй тамъ!

— Н-е х-о-ч-у! промычалъ Биби.

— Хорошо же, неблагодарный, гадкій, злой мальчишка! возразила миссъ Желлиби, съ слезами на глазахъ: — теперь я никогда не буду заниматься твоимъ туалетомъ!

— И-д-у, К-а-д-д-и, и-д-у! сказалъ Биби, тронутый ея слезами, и тотчасъ же отправился подъ фортепяно. Онъ былъ доброе дѣти.

— Объ этомъ не стоитъ плакать, конечно, говорила миссъ Желлиби: — не я выбилась изъ силъ. Я до двухъ часовъ ночи писала адресы на циркулярахъ. Я ихъ ненавижу до такой степени, что, при видѣ ихъ, у меня трещитъ голова. Выгляните на этого несчастнаго ребенка: видали ли когда-нибудь такое пугало?

Биби, не понимая, къ-счастью, какъ онъ смѣшонъ въ своемъ пестромъ костюмѣ, сидѣлъ на коврѣ между нежными фортепяно и спокойно грызъ пирогъ.

— Я усала его туда, въ уголъ, замѣтила миссъ Желлиби, придвинувъ стулъ свой ближе къ нашимъ: — не надо слышать ему, что я говорю. Дѣти очень-понятливы! Да, такъ у насъ, говорю я, гадко, даже гадче, чѣмъ было. Отецъ скоро обанкрутится: те-то будетъ довольна та, которая всему причиной!

Мы выразили надежду на поправленіе дѣлъ мистера Желлиби.

— Благодарю; только надежды тутъ нѣтъ на волосъ! говорила миссъ Желлиби, мотая головою. — Отецъ говорилъ мнѣ еще вчера утрошъ (онъ страшно несчастливъ), что ему не устоять. Это будетъ чудо, если онъ устоитъ. Если изъ лавокъ намъ присылаютъ все, что хотѣть, служанки распоряжаются припасами, какъ имъ вздумается; я, еслибъ и знала хозяйничать, не могла бы: не имѣю времени ни минуты. Ма ничѣмъ не хочетъ заниматься — какъ же тутъ отцу устоять? Еслибъ я была на его мѣстѣ, я убѣжала бы вонъ изъ дома!

— Душа моя! сказала я съ улыбкой: — вашъ батюшка думаетъ, безъ сомнѣнія, о своемъ семействѣ.

— О, да, у него славная семья, миссъ Семерсонъ! возразила миссъ Желлиби. — Спросите лучше, какое онъ имѣетъ утѣшеніе отъ своей семьи!.. да!.. семья!.. семья его: письма, грязь, хаосъ, беспорядокъ, вѣчная, безконечная стирка... въ которой ничего не стирается!..

Миссъ Желлиби топнула ногой и утерла глаза.

— Я такъ жалѣю отца, продолжала она: — что нѣтъ словъ выказать! Но будетъ. Я больше терпѣть не могу! Я уже рѣшилась. Не вѣкъ быть невольницей, не вѣкъ слушать предложенія мистера Квеля! Славная вещь, какъ же! выйти замужъ за филантропа! Нѣтъ, я уже сыта по горло! говорила бѣдная миссъ Желлиби.

Сознаюсъ, мнѣ трудно было помочь горю: я сама чувствовала сильную ненависть къ мистриссъ Желлиби, видя и слыша эту заброшенную дѣвочку и зная сколько горькой и насмѣшливой истины въ ея словахъ.

— Еслибъ мы съ вами не были знакомы прежде, говорила миссъ Желлиби: — я бы постыдилась прійти сегодня къ вамъ: я знаю, какою смѣшной должна я вамъ казаться. Но вамъ все извѣстно, и я хотѣла васъ видѣть. Богъ знаетъ, увижусь ли съ вами еще разъ, когда вы прійдете въ Лондонъ!

Она произнесла эти слова съ такимъ многозначительнымъ выраженіемъ, что мы переглянулись съ Адою, ожидая еще большаго открытія.

— Нѣтъ! сказала миссъ Желлиби, качая головою: — не то, что вы, думаете! На васъ я могу положиться, вы меня не выдадите... Я обречена!

— Безъ вѣдома родителей? спросила я.

— Ахъ, Боже милостивый, миссъ Семерсонъ! возразила она, болѣе тоскливымъ, чѣмъ сердитымъ тономъ: — да съ кѣмъ же мнѣ совѣтоваться? Вы, вѣдь, знаете, что на семейными дѣлами не занимается; а сказать бѣдному отцу я боюсь: это его убьетъ.

— Но мнѣ кажется, мой другъ, онъ больше будетъ огорченъ тѣмъ, что вы выйдете замужъ, не предупредя его, не испросивъ его благословенія.

— Нѣтъ, сказала миссъ Желлиби: — не думаю.. Я всячески буду стараться поконить его, когда онъ навѣститъ меня. Биби и другія дѣти могутъ поочереды гостить у меня иногда; по-крайней мѣрѣ, будетъ кто-нибудь о нихъ заботиться.

Много было добрыхъ чувствъ въ бѣдной Кадди. Голосъ ея все болѣе и болѣе смягчался, по-мѣрѣ-того, какъ она рассказывала намъ картину семейной жизни, которой никогда не испытала; она плакала такъ горько, что Биби, сидѣвшій между ножками фортепьяно, не могъ удержаться отъ громкихъ рыданій, видя слезы сестры. Я взяла его изъ засады, посадила къ себѣ на колѣни, заставила его поцаловаться съ Кадди, показала, что она смѣется (она въ-самомъ-дѣлѣ улыбалась, чтобъ подтвердить слова мои), позволила ему мазать насъ всѣхъ ручонками по лицу и такимъ-образомъ насилу могла его успокоить. Такъ-какъ засѣданіе между ножками фортепьяно мало могло развлекать его, то мы поставили его на стулъ передъ окномъ на улицу, миссъ Жиллиби поддерживала его за ноги и продолжала свой рассказъ.

— Это началось съ того времени, какъ вы въ первый разъ пріѣхали къ намъ, говорила она.

— Какимъ же образомъ? спросили мы.

— Я повила, какъ я необразована, отвѣчала она: — и рѣшилась, во чтѣ бъ ни стало, выучиться танцовать. Я сказала ма, что я стыжусь самой себя, что мнѣ надо учиться танцамъ. Она посмотрѣла на меня своимъ дальновзоркимъ взглядомъ, какъ-будто я была на берегу Африки, и ничего не сказала; но я уже рѣшилась выучиться танцамъ и потому отправилась въ Ньюманскую Улицу, въ танцевальный классъ мистера Тервейдропа.

— Такъ это тамъ, моя милая? начала я.

— Да, тамъ, сказала Кадди: — и я помолвлена съ мистеромъ Тервейдропомъ. Тамъ два мистера Тервейдропа: мистеръ Тервейдропъ отецъ и мистеръ Тервейдропъ сынъ. Мой мистеръ Тервейдропъ — сынъ. Я жалѣю только объ одномъ, что я дурно образована: мнѣ бы хотѣлось принести ему счастье, потому-что я люблю его очень.

— Я должна сознаться, что это меня очень огорчаетъ, сказала я.

— Не знаю, чтѣ васъ огорчаетъ, отвѣчала она боязливо, но такъ, или иначе, а я дала слово мистеру Тервейдропу, и онъ меня очень любить. До-сихъ-поръ и мистеръ Тервейдропъ-отецъ ничего не знаетъ, потому-что старикъ такой *тонный*, и если ему сказать, такъ, вдругъ,

пожалуй, съ нимъ сдѣлается ударъ, или какой-нибудь обморокъ. Онъ истинный джентльменъ, право, истинный джентльменъ.

— А жена его знаетъ? спросила Ада.

— Жена старика Тервейдропа, миссъ Клеръ? спросила миссъ Желлиби, раскрывъ глаза. — Да у него нѣтъ жены; онъ вдовецъ.

Здѣсь мы были прерваны Биби. Миссъ Желлиби, держа его за ноги, управлялась съ ними безъ церемоніи и дергала ихъ какъ рукоятку звонка при всѣхъ патетическихъ мѣстахъ своей рѣчи, такъ-что бѣдный ребенокъ заревѣлъ наконецъ громкимъ голосомъ и просилъ меня о помощи; я замѣнила ему Кадди, и начала сама придерживать его за ноги, а она, поцаловавъ его и сказавъ, что нечаянно сдѣлала ему больно, продолжала разсказъ :

— Такъ вотъ въ какомъ положеніи дѣла! сказала миссъ Желлиби.

— Мы обвиняемся, какъ только можно будетъ, и потомъ я пойду въ контору къ отцу, откуда напишу къ ма. Она много не будетъ обо мнѣ тревожиться : что я для нея? перо и чернила. Главное счастье мое въ томъ, говорила Кадди, что за мужемъ я никогда не буду слышать объ Африкѣ. Молодой мистеръ Тервейдроппъ, изъ любви ко мнѣ, ненавидитъ Африку; а что касается до старика Тервейдропа, то если онъ знаетъ, что есть на свѣтѣ такая страна, такъ и будетъ съ него.

— Это истинный джентльменъ-то? спросилъ я.

— Да онъ истинный джентльменъ, говорила Кадди: — онъ вообще извѣстенъ по своимъ манерамъ.

— Онъ учить чемунибудь? спросила Ада.

— Нѣтъ онъ ничему не учить, отвѣчала Кадди: — но манеры его воспитательны.

Потомъ Кадди начала говорить, съ нѣкоторымъ замѣнательствомъ и какъ бы конфузясь, что ей нужно еще сообщить намъ одно обстоятельство и что она надѣется на наше снисхожденіе. Дѣло въ томъ, что она связала знакомство съ миссъ Флайтъ, маленькой сумасшедшей старушкой, и что она рано по утрамъ ходитъ къ ней и встрѣчается тамъ съ молодымъ мистеромъ Тервейдроппомъ на нѣсколько минутъ, передъ завтракомъ, только на нѣсколько минутъ. — Я хожу къ ней и въ другое время, говорила миссъ Желлиби: — но Принцъ не приходитъ. (Имя молодаго мистера Тервейдропа : Принцъ.) Мнѣ не нравится это имя, но что дѣлать, онъ вѣдь не самъ далъ себѣ имя. Старый мистеръ Тервейдроппъ называлъ его Принцемъ въ честь принца регента, котораго онъ любилъ до безумія за его блистательныя манеры. Я думаю, тутъ нѣтъ ничего дурнаго, что я бываю у миссъ Флайтъ; я

люблю эту бѣдняжку да, кажется, и она меня любить. Еслибъ вы могли видѣть молодого мистера Тервейдропа, то вѣрно онъ бы вамъ понравился; но, во всякомъ случаѣ, я надѣюсь, вы не имѣете о немъ дурнаго понятія. Я теперь иду въ танцевальный классъ. Еслибы вы мнѣ позволили пригласить васъ съ собою, миссъ Семерсонъ, говорила Кади дрожащимъ голосомъ:—то это бы меня очень, очень обрадовало.

Мы въ-самомъ-дѣлѣ какъ-то хотѣли съ мистеромъ Жаридисомъ сходить къ миссъ Флайтъ въ этотъ день; но утромъ намъ не удалось. Мистеръ Жаридисъ очень былъ заинтересованъ рассказомъ объ этой странной старушонкѣ, съ которой мы познакомились въ первый прїездъ нашъ въ Лондонъ. Будучи увѣрена, что я имѣла большее вліяніе на миссъ Желлиби и что могу ее остановить отъ всякой неблагоразумной рѣшимости, я предложила ей, взявъ съ собою Биби, идти вмѣстѣ въ танцевальный классъ, а оттуда сойдтись съ мистеромъ Жаридисомъ у миссъ Флайтъ, и покончить день обѣдомъ у насъ въ домѣ. Последній пунктъ предложенія пришелся очень по вкусу какъ брату, такъ и сестрѣ. Съ помощью булавокъ, воды, мыла и щетокъ, мы отчистили, какъ было можно, бѣднаго Биби и отправились въ Ньюманскую Улицу, лежащую отъ насъ очень-близко.

Танцевальная школа находилась въ достаточно-грязномъ домѣ, на углу переулка. По всѣмъ окнамъ лѣстницы стояли бюсты. Въ томъ же дѣлѣ, какъ значилось на вывѣскахъ, находились: учитель рисованія, продавецъ каменнаго угля и литографія. На вывѣскѣ, зашпательной по своему положенію и огромности, я прочла *Мистера Тервейдропа*. Дверь была отворена и передняя завалена различными музыкальными инструментами въ ящикахъ; въ числѣ инструментовъ находились фортепьяно и арфа. Миссъ Желлиби сообщила мнѣ, что вчера вечеромъ зала танцевальной школы была нанята для концерта.

Мы вошли на лѣстницу. Видно было, что домъ былъ прежде красивъ, когда на комъ-нибудь лежала обязанность обметать и чистить его и ни на комъ не лежало обязанности курить въ немъ съ утра до вечера. Прямо съ лѣстницы вступили мы въ большую танцевальную залу мистера Тервейдропа, которая примыкала задней стѣной къ стояламъ и освѣщалась сверху. Это была почти пустая комната, съ большимъ резонансомъ, съ сильнымъ запахомъ конюшни, съ камышовыми скатертями вокругъ стѣнъ, которыя были украшены въ симметрическомъ порядкѣ изображеніемъ лиръ и маленькими стеклянными бра для свѣчей. Нѣсколько молодыхъ леди, отъ тринадцати или четырнадцати лѣтъ до двадцати-двухъ или трехъ включительно, находились уже налицо и я неслала глазами танцмейстера, какъ вдругъ Кади толкнула меня въ

рфу и произнесла обычное представлениѣ : — Миссъ Семерсонъ, мис-теръ Принцъ Тервейдронъ !

Я раскланялась маленькому, голубоглазенькому человѣчку, ребяческой наружности, съ волосами, разобранными посрединѣ и завитыми вокругъ головы. Онъ держалъ въ лѣвой рукѣ смычокъ, а подѣ-мышкою маленькую скрипочку, какую я, бывало, часто видала въ школѣ, гдѣ мы ее называли карманной скрипочкой. Бальные башмачки его были особенномалы ; въ манерахъ его, мягкихъ, женоподобныхъ, возбуждающихъ сочувствіе въ сердцѣ, проглядывало какъ-то очень-выразительно, что онъ похожъ на мать и что съ матерью обращались вообще не очень-внимательно и не очень-гнѣвно.

— Я очень-счастливъ, что имѣю честь видѣть друга миссъ Желлиби, сказалъ онъ, кланаясь мнѣ низко. — А я уже начиналъ бояться, прибавилъ онъ съ робкою нѣжностью ; такъ-какъ теперь довольно-неудно, я полагаю, что миссъ Желлиби измѣнитъ своему обѣщанію и не придетъ.

— Прошу васъ, сэръ, припишите эту неакуратность мнѣ : я удержала миссъ Желлиби и прошу у васъ прощенья, сказала я.

— Смѣю ли я !.. началъ-было онъ.

— И теперь, продолжала я : — вы мнѣ позволите больше не мѣшать вашей ученицѣ.

Съ этими словами я удалилась къ скамейкѣ и сѣла между Биби, который, по привычкѣ, давно уже вползъ въ уголъ, и старую леди съ критическою наружностью, которой двѣ внучки готовились танцовать и которая была очень-недовольна сапогами Биби. Принцъ Тервейдронъ ударилъ пальцами по струнамъ своей карманной скрипочки и пары стали становиться въ кадрилъ. Въ эту минуту, изъ боковой двери явился старый мистеръ Тервейдронъ во всемъ блескѣ своего величія.

Это былъ жирный, старый джентльменъ, съ фальшивымъ цвѣтомъ лица, фальшивыми зубами, наклееными бакенбардами и въ парикѣ. Начинетный ватой лифъ его фрака, нуждался только въ известнаго рода украшеніяхъ, чтобъ быть вполне-совершеннымъ. Онъ былъ подбитъ, набитъ, подтянутъ, подизанъ, какъ только можно. Галстухъ его, въ который погружались его подбородокъ и даже уши, такъ подтягивалъ его лицо, что глаза выходили изъ своихъ орбитъ, и намъ казалось, что оно неминуемо должно развалиться, какъ только снимется галстухъ. Онъ держалъ подѣ-мышкою большую и тяжелую шляпу съ широкими полями, а въ рукахъ пару бѣлыхъ перчатокъ, которыми чистилъ шляпу, позирун на одной ногѣ, съ видомъ человѣка, котораго никто не можетъ превзойти въ величіи и подыманіи носа и плечъ. У него была трость, былъ лорнетъ, была та-

бажорка, были кольца, были манжеты, было все, кромѣ природы. Онъ былъ ни молодъ, ни старъ, онъ былъ ничто; онъ былъ только истинная модель высокаго тона.

— Батюшка, вотъ миссъ Семерсонъ, пріятельница миссъ Желлиби.

— Много чести, отвѣчалъ старый мистеръ Тервейдропъ: — дѣлаеть намъ вашъ визитъ миссъ Семерсонъ. И когда онъ наклонился, чтобъ отвѣсить мнѣ поклонъ, мнѣ показалось, что у него складки даже на бѣлакахъ глазъ.

— Батюшка, говорилъ мнѣ сынъ, съ совершеннѣйшимъ убѣжденіемъ: — замѣчательный человекъ! моему батюшкѣ всѣ удивляются.

— Продолжай Принцъ! продолжай! сказалъ мистеръ Тервейдропъ, стоя спиною къ камину и снисходительно махая перчаткою. — Продолжай, дитя мое!

Вслѣдствіе этого приказа, или вслѣдствіе этого милостиваго разрѣшенія начался урокъ. Принцъ Тервейдропъ то игралъ на своей карманной скрипочкѣ, танцуя, то стоя игралъ на фортепьяно, то напѣвалъ тактъ, чтобъ навести на путь истинный свихнувшуюся пару; выдѣлывалъ съ добросовѣстною отчетливостью каждый прыжокъ, каждое па и не отдыхалъ ни минуты. Знаменитый отецъ его ничего не дѣлалъ, грѣлъ спину передъ каминомъ и позировалъ модель отличныхъ манеръ.

— Вотъ только и дѣла ему, что спину грѣеть, сказала старая леди съ критическою наружностью: — а надъ дверью выставялъ, небойсь, свое имя.

— Вѣдь и сынъ его носить ту же фамилію, сударыня, сказала я.

— Да, ту же... Онъ, я вамъ скажу, не далъ бы сыну никакого имени, еслибъ могъ, возразила критическая леди. Посмотрите на одежду сына... Фракъ его, въ-самомъ-дѣлѣ, былъ очень-обыкновенный, очень-поношенный, словомъ: очень-скудный. А отецъ-то, видишь, какъ выпялился и вымазался!.. продолжала старая леди: — а все, извольте видѣть, тонныя манеры. Я бы ему задала манеры! Я бъ его такъ отмаверила, что своихъ бы не узналъ!

Любопытство подстрекнуло меня узнать побольше о старомъ джентльменѣ и я спросила критическую леди:

— Скажите, сударыня, чтó же онъ теперь: учить хорошимъ манерамъ?

— Какимъ тутъ манерамъ! отрывисто отвѣчала леди.

Послѣ минутнаго размышленія, я спросила ее еще, что, быть-можетъ, его спеціальнѣйшій предметъ фехтованье?

— Куда ему фехтовать, сударыня! отвѣчала старая леди.

Я взглянула на нее вопросительно. Старая леди, разгораясь все болѣе и болѣе при мысли о представителѣ прекрасныхъ манеръ, рассказала мнѣ его исторію, увѣряя въ истинѣ своихъ словъ.

Онъ женился на кроткой, маленькой учительницѣ танцованія, съ посредственнымъ образованіемъ (самъ же во всю свою жизнь только и дѣлалъ, что манерился) и замучилъ ее до смерти, то-есть, лучше сказать, заставилъ ее трудиться и работать до смерти для того, чтобъ содержать себя на такую ногу, какъ то человѣку съ великими манерами подобаешь. Словомъ: чтобъ имѣть передъ собою образцы хорошаго тона, чтобъ корчить ихъ сколько возможно самому, онъ считалъ необходимымъ посѣщать всѣ публичные митинги, гдѣ собирается праздный фешонэбланный кругъ, показываться въ Брайтонѣ и другихъ мѣстахъ въ известное время и тунеядничать въ роскошномъ костюмѣ. Чтобъ доставить ему средства къ такой жизни, слабая, маленькая танцмейстерша мучилась и трудилась, и теперь бы продолжала мучиться и трудиться, еслибъ только выдержали ея силы, и она могла бы прожить до сего часа. Онъ имѣлъ такую сильную власть надъ бѣдной женой своей, что она вѣрила въ него до послѣдней минуты своей жизни. Сынъ наследовалъ довѣріе матери и, видя всегда передъ собою блистательныя манеры своего отца, работаетъ для него двѣнадцать часовъ въ день.

— Посмотрите, какіе тоны онъ задаетъ! говорила критическая леди, кивая съ негодованіемъ головою на стараго мистера Тервейдрона, который въ эту минуту натягивалъ бѣлыя перчатки и совершенно былъ далекъ отъ подозрѣнія, какія чувства онъ теперь внушаетъ. — Онъ право мечтаетъ, что онъ какой-нибудь лордъ!.. Видишь ты, какимъ прикидывается снисходительнымъ отцомъ къ сыну, который выбивается для него изъ силъ! право, сочтешь его за самаго нѣжнаго и добродѣтельнаго родителя. О! продолжала старая леди, глядя на него съ озлобленнымъ видомъ: — а бѣ тебя искусила! я-бы тебя!..

Эта сцена казалась мнѣ очень-забавною, хотя я выслушала рассказъ старой леди съ чувствомъ истиннаго участія. Трудно было усомниться въ справедливости словъ ея, видя отца и сына передъ собою. Не знаю, что бѣ я могла подумать о нихъ безъ рассказа старой леди; не знаю, какъ бы я вообразила ихъ себѣ, еслибъ не видѣла ихъ, а слышала бы одинъ только рассказъ.

Глаза мои перебѣгали отъ молодаго мистера Тервейдрона, такъ горячо-работающаго, къ старому мистеру Тервейдрону, принимающему живописныя позы хорошаго тона, какъ вдругъ послѣдній гордо подошелъ ко мнѣ и вступилъ въ разговоръ.

Онъ прежде всего спросилъ меня: доставляю ли я честь и счастье

Лондону постояннымъ въ немъ жительствомъ? Я не сочла нужнымъ отвѣчать ему, что я ни въ какомъ случаѣ ничего Лондону не доставляю, но просто сказала ему, гдѣ я живу обыкновенно.

— Столь прелестная и столь совершенная леди, какъ вы, сказали онъ, цалуя свою правую щеку и указывая на ученицъ: — будетъ глядѣть снисходительнымъ окомъ на наши несовершенства. Мы дѣлаемъ все, что можемъ: полируемъ, полируемъ, полируемъ!

Онъ съелъ возлѣ меня, принимая не безъ труда позу тѣхъ великихъ образцовъ, изображенія которыхъ висѣли надъ диваномъ. И въ-самомъ-дѣлѣ онъ былъ похожъ на нихъ.

— Полируемъ.. полируемъ... полируемъ! повторилъ онъ, взявъ щепотку табаку и нѣжно отряхая пальцы: — но мы не въ томъ вѣкѣ, если я осмѣлюсь сказать, передъ особою, столь-щедро надѣленною природою и искусствомъ. Слова эти сопровождался высокомернымъ наклономъ головы — операциою для него весьма-трудной, требовавшей закрытія глазъ и поднятія бровей: — но мы не въ томъ вѣкѣ, въ которомъ хорошія тонъ и манеры считаются достоинствомъ!

— Не въ томъ, сэръ? спросила я.

— Мы переродились, отвѣчалъ онъ, качая головою: — поколѣнія настоящаго вѣка неспособны къ хорошему тону. Въ нихъ развивается вульгарность. Быть-можетъ, я говорю пристрастно, быть-можетъ, мнѣ не слѣдуетъ сказать вамъ, что вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ меня называютъ джентльменъ Тервейдропъ, или что его королевское высочество принцъ регентъ сдѣлалъ мнѣ честь: спросилъ обо мнѣ, когда я снялъ передъ нимъ шляпу въ воротахъ брайтонскаго павильона (что за чудное званіе!): кто это такой? кто это такой? отчего я его не знаю? отчего дѣтъ у него тридцати тысячъ фунтовъ стерлинговъ годоваго дохода? Но это такъ... небольшіе анекдоты, сударыня, общественное достоиніе, и теперь еще повторяютъ ихъ въ фешонэбльномъ кругу.

— Серьезно? спросила я.

Онъ отвѣтилъ высокомернымъ поклономъ. — Все, что осталось отъ хорошаго тона, прибавилъ онъ: — чахнетъ. Англія, отечество мое — увя... очень переродилась и перерождается съ каждымъ днемъ. Мало осталось у нея джентльменовъ, да, насъ мало — и насъ смѣняетъ поколѣніе... ткачей!

— При взглядѣ на васъ, я думала, что джентльменство упрочивается здѣсь съ каждымъ днемъ, сказала я.

— Вы сдѣлаете добрыя, произнесъ онъ опять съ высокомернымъ поклономъ. — Вы льстите мнѣ. Но нѣтъ... нѣтъ! Я никогда не буду въ состояніи развить въ моржъ бѣдномъ сыгъ эту существенную часть

его искусства. Избави Боже, чтобъ я желалъ повредить моему много дѣтищу, но... я долженъ сказать правду, въ немъ нѣтъ хорошихъ манеръ.

— Онъ, кажется, прекрасный учитель, замѣтила я.

— Поймите меня, милостивая государыня : онъ прекрасный учитель, это правда. Все, что можетъ быть приобретено, онъ приобрѣлъ; все, что можетъ быть передано, онъ получилъ... но *есть* вещи... онъ взялъ еще щепотку табаку и еще поклонился, какъ-бы желая этимъ выразить : — хоть, наприимѣръ, такого рода...

Я взглянула на середину зала, гдѣ обожатель миссъ Желлиби, занимаясь отдѣльно съ каждой ученицей, трудился еще болѣе прежняго.

— Милое дитя мое! проворчалъ мистеръ Тервейдроупъ, поправляя свой галстухъ.

— Вашъ сынъ неутомимъ, сказала я.

— Мнѣ очень-утѣшительно, отвѣчалъ мистеръ Тервейдроупъ : — слышать отъ васъ такой отзывъ. Да, въ нѣкоторомъ отношеніи онъ идетъ по слѣдамъ доброй матери своей : она была преданное созданіе; но женщины, дивныя женщины, сказалъ мистеръ Тервейдроупъ, съ противной любезностью : — что вы за чудный полъ!

Я встала и присоединилась къ миссъ Желлиби, которая въ это время надѣвала свою шляпку. Время, назначенное для урока, кончилось и потому надѣваніе шляпъ было общимъ занятіемъ. Когда миссъ Желлиби и несчастный Принцъ успѣли влюбиться другъ въ друга, не знаю, по крайней-мѣрѣ, теперь, я увѣрена, они не имѣли времени обмѣняться нѣсколькими словами.

— Мой милый, сказалъ мистеръ Тервейдроупъ благосклонно своему сыну : — не знаешь ли, который часъ ?

— Нѣтъ, батюшка, не знаю.

У сына не было часовъ, за-то у отца были прекрасныя золотыя часы, которые онъ вынулъ изъ кармана жилетки съ образцовыми манерами.

— Дитя мое, сказалъ онъ : — теперь два часа. Не забудь, что въ три часа ты долженъ быть на урокъ въ Кенсингтонѣ.

— Времени еще много, успѣю, батюшка, отвѣчалъ Принцъ : — проглочу кусокъ два да и въ дорогу.

— Милый другъ мой, сказалъ отецъ : — ты долженъ сѣднѣть. Тамъ, въ столовой, найдешь кусокъ холодной баранины.

— Благодарю васъ, батюшка. А вы сами теперь пойдете ?

— Да, мой милый. Я хочу, сказалъ мистеръ Тервейдроупъ, прищуривъ глаза и подымая плечи, съ видомъ скромнаго сознанія своихъ преимуществъ : — пройтись, какъ обыкновенно, по городу.

— Вамъ бы гдѣ-нибудь хорошенько пообѣдать, батюшка, сказалъ сынъ.

— Да, мой другъ, я объ этомъ думалъ; я закушу во французскомъ отелѣ въ Оперной Колоннадѣ.

— И дѣльно, батюшка. Прощайте, сказалъ Принцъ, пожавъ ему руку.

— Прощай, другъ мой. Да благословить тебя Богъ!

Мистеръ Тервейдроупъ произнесъ эти слова съ видомъ благочестія и они, казалось, сдѣлали на сына доброе впечатлѣніе — столько, прощаясь съ отцомъ, выказавъ онъ чувства любви, привязанности и почтенія къ нему. Пять-шесть минутъ, употребленныхъ Принцомъ на поклоны намъ, и въ-особенности одной изъ насъ, выказали мнѣ дѣтскій характеръ его съ прекрасной стороны. Я почувствовала къ нему любовь и состраданіе, смотря, какъ онъ, засунувъ въ карманъ свою маленькую скрипочку, а вмѣстѣ съ ней и желаніе побыть съ Кадди, и въ добромъ настроеніи духа, отправился закусить холодной баранниной, чтобъ потомъ побѣжать на урокъ въ Кенсингтонъ; все это, врядъ ли не больше заставило меня сердиться на отца, чѣмъ рассказъ критической леди.

Мистеръ Тервейдроупъ-старикъ отворилъ для насъ дверь и откланялся намъ съ манерами, истинно-достоинными великихъ образцовъ, которыхъ онъ корчилъ. Съ тою же тонною важною перешелъ онъ на другую сторону улицы, чтобъ прогуляться въ фешонэбльныхъ частяхъ города, между малымъ числомъ оставшихся джентльменовъ въ перерождающейся Англіи. Оставаясь одна съ Кадди, я нѣсколько времени терялась подъ впечатлѣніемъ всего слышаннаго и видѣннаго въ Ньюманской Улицѣ, такъ-что, не только не могла говорить съ Кадди, но и не понимала, что она говоритъ мнѣ. Я все думала, много ли на свѣтѣ такихъ индивидуальностей, которыя, ничего не дѣлая, счастливо поживаютъ на чужой счетъ, трудами другихъ, и пользуются еще вниманіемъ, какъ образцы хорошаго тона, хорошихъ манеръ; и чѣмъ больше я думала, тѣмъ больше казалось мнѣ, что много въ Англіи мистеровъ Тервейдроуповъ, такъ-что, наконецъ, я рѣшилась бросить эту мысль, обратилась къ Кадди и болтала съ ней во всю дорогу къ Линкольнской Палатѣ.

Кадди рассказывала мнѣ, что предметъ ея любви такъ мало образованъ, что она съ трудомъ только можетъ разбирать его записки; что онъ лучше бы дѣлалъ, еслибъ меньше думалъ о своей орфографіи, а то онъ, для большою ясности, лепитъ въ каждое слово столько буквъ, что оно утрачиваетъ, наконецъ, свой законный великобританскій характеръ.

— Онъ это дѣлаетъ, конечно, съ добрымъ намѣреніемъ, замѣчала Кадди : — но, бѣдняжка, онъ не знаетъ, какъ этия все портить !

Потомъ Кадди начала разсуждать о томъ, что Принцу некогда было сдѣлаться грамотѣемъ: онъ всю жизнь свою проводилъ въ танцахъ и только и дѣлалъ съ утра до ночи, что прыгалъ, училъ прыгать и скрипѣлъ на своей скрипочкѣ ! Впрочемъ, что же тутъ такого ? Она, слава Богу, можетъ писать за двоихъ.

— Не бѣда, что онъ неучень ! говорила Кадди : — пусть только любить меня; и я тоже не учена, знаю, этому виною АФрики !

— Еще я должна вамъ сообщить кой-что, миссъ Семерсонъ, сказала Кадди : — теперь мы однѣ, моего Принца вы видѣли, все знаете, такъ выслушайте же и остальное. Вамъ извѣстно, какой у насъ въ домѣ порядокъ. Я ничего не могу перенять такого, что бъ было полезно для жены Принца. У насъ все, какъ говорится, вверхъ дномъ : тутъ ничему не выучишься, потому я начала заниматься хозяйствомъ — какъ вы думаете, подѣ чьимъ надзоромъ?... Подѣ надзоромъ миссъ Флайтъ ! Раню утромъ я прихожу къ ней, пособляю ей прибрать комнату, снарядить птицъ и сварить для нея чашку кофе (она меня, конечно, научила) и такъ наострилась въ этомъ, что Принцъ не разъ говорилъ, что онъ никогда не пивалъ такого прекраснаго кофе и что даже и старый мистеръ Тервейдроупъ, большой знатокъ въ кофе, вѣрно остался бы совершенно-доволенъ моею варкою. Могу также состряпать пуддингъ, выбрать телячьи котлеты, купить чаю, сахару и масла и много хозяйственныхъ припасовъ.

— Я плохо умѣю шить пока, сказала Кадди, взглянувъ на заплаты, сдѣланныя на курткѣ Биби : — но, быть-можетъ, я и этому выучусь. Дѣ, миссъ Семерсонъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ я помолвлена за Принца и занимаюсь, подѣ руководствомъ миссъ Флайтъ, хозяйствомъ, у меня какъ-то на душѣ легче и я смотрю на ма, съ большею любовью, меньше ропщу на ея холодность ко мнѣ. Сегодня, увидавъ васъ и миссъ Клеръ, и сравнивъ васъ съ собою, мнѣ стало стыдно, право, за себя и за Биби, такъ сердце и перевернулось, что дѣлать; однако, скоро прошло; вообще съ этихъ поръ, я вамъ говорю, мнѣ какъ-то отраднѣе и я меньше ропщу на судьбу свою.

Бѣдная дѣвушка ! она говорила отъ чистаго сердца и мнѣ стало жаль ее.

— Кадди, душа моя, сказала я ей : — я начинаю очень любить тебя; будемъ друзьями !

— Вы говорите правду, миссъ Семерсонъ ? воскликнула Кадди : — о, какъ я буду счастлива !

— Да, милая Кадди, будемъ друзьями съ этого времени, сказала я: — будемъ говорить о твоей судьбѣ и придумывать все, что можетъ быть тебѣ полезно.

Кадди была въ восторгѣ. Я наговорила ей все, что говорится въ утѣшеніе и ободреніе; между-тѣмъ, мы подходили къ лавкѣ мистера Крука, дверь въ которую была отворена. Надъ дверью видѣлся биле-тикъ, сообщающій прохожимъ, что во второмъ этажѣ отдается въ наемъ комната. По поводу этого билетика, Кадди рассказала мнѣ, когда мы входили на лѣстницу, что въ лавкѣ мистера Крука, въ отдаваемой въ наемъ комнатѣ жилъ писецъ, который умеръ скоропостижно, что, по этому случаю, былъ обыскъ и что все это причинило смертельный страхъ нашей бѣдной старушонкѣ. Дверь и окно въ этой комнатѣ были открыты и мы взглянули въ нее. Что за мрачное, грустное мѣсто! Мнѣ въ одно время было и горестно и страшно и какимъ-то сырымъ холодомъ вѣяло на меня.

— Что съ вами, миссъ Семерсонъ? вы ужасно блѣдны! сказала Кадди.

Мы, тихо разговаривая, вошли въ чердачокъ миссъ Флайтъ. Ми-стеръ Жарндисъ и Ада были ужъ тамъ и смотрѣли на птицъ, висящихъ въ окнѣ; между-тѣмъ, какъ врачъ, стоя у камина, внимательно говорилъ съ миссъ Флайтъ.

— Мой визитъ конченъ, сказалъ онъ, выходя впередъ: — миссъ Флайтъ чувствуетъ себя значительно-лучше, и завтра, такъ-какъ ей очень хочется, можетъ идти въ Палату.

Миссъ Флайтъ, благосклонно поблагодаривъ его, сдѣлала и намъ об-щій книксенъ.

— Много чести, ей-Богу, много чести, говорила она: — другой визитъ отъ Жарндисовъ! Очень-рада... очень-счастлива! Жарндисъ изъ Холоднаго Дома, здѣсь... подъ моей скромной крышей! и обра-тятся къ Кадди, она сдѣлала ей особенный книксенъ. — А! Фицъ-Жарндисъ!... сказала она, называя этимъ именемъ Кадди: — вдвойнѣ-рада! вдвойнѣ-рада!

— Была она больна? спросилъ мистеръ Жарндисъ врача, который такъ внимательно говорилъ съ миссъ Флайтъ и теперь не спускалъ съ нея глазъ. Хоть мистеръ Жарндисъ сдѣлалъ вопросъ шопотомъ, но тонкій слухъ миссъ Флайтъ не пропустилъ его и она отвѣчала за док-тора.

— О, очень-больна! тяжело-больна! Не болѣзнь... знаете... испугъ! Дрожадо сердце... нервы!... Сказать правду, продолжала она глу-химъ и боязливымъ голосомъ: — смерть! Въ домѣ былъ ядъ!.. ядъ!..

страшныя вещи! я была испугана... Мистеръ Вудхауртъ знаетъ, какъ я была испугана... мой докторъ, мистеръ Вудхауртъ! прибавила она твердымъ голосомъ: — Жаридисы... Жаридисъ изъ Холоднаго Дома... Фицъ-Жаридисъ!...

— Миссъ Флайтъ, сказалъ мистеръ Вудхауртъ, ласковымъ голосомъ и взявъ ее нѣжно за руку: — миссъ Флайтъ оцѣнываетъ болѣеъ свою съ свойственною ей точностью. Она была разстроена происшествіемъ здѣсь, въ домѣ, которое могло бы разстроить и челоуѣка съ болѣе-сильнымъ здоровьемъ, чѣмъ ея; разстройство ея перешло въ болѣзнь. Въ первую минуту, когда узнали о смерти, она прибѣжала за мной, но ужъ было поздно и я не могъ сдѣлать никакой пользы несчастному; теперь я вознаграждаю себя тѣмъ, что иногда прихожу сюда и, можетъ-быть, приношу какую-нибудь пользу ей.

— Добрьйшій челоуѣкъ изъ всѣхъ врачей на оутѣ, шепнула мнѣ миссъ Флайтъ: — жду рѣшенія... Въ день суда... тогда вознагражу его...

— Дня черезъ два она оправится совершенно, сказалъ мистеръ Вудхауртъ, смотря на нее съ наблюдательною улыбкою: — то-есть будетъ такъ здорова, какъ только можетъ. Знаете ли, вѣдь ей улыбнулось счастье...

— Совѣтъ неожиданно! сказала миссъ Флайтъ, весело улыбаясь: — неслыханное дѣло, мой другъ!... Всякую субботу... Кенджъ-разказчикъ, или Гуппи (писарь изъ конторы Кенджа-разказчика) приносятъ мнѣ конвертъ съ шиллингами... да, съ шиллингами... ей-Богу, правда!.. И всякій разъ равное число шиллинговъ... Семь шиллинговъ... шиллингъ на каждый день... И какъ теперь кстати... Вы знаете, откуда эти деньги?... Да, откуда?... вотъ вопросъ... Очень-натурально... Сказать, что я думаю?... Вотъ что! — сказала миссъ Флайтъ съ лукавымъ взглядомъ и, отступивъ назадъ, значительно мотала указательнымъ пальцемъ правой руки:— лордъ канцлеръ!.. понимаете... государственная печать снята... ужъ давно снята... Вотъ, онъ и присылаетъ... Пока не кончится дѣло... Рѣшеніе... это очень-вѣроятно... Онъ нѣсколько мѣшкаетъ... жизнь коротка... Но добръ!.. Прошлый разъ въ судѣ... я каждый день бываю въ судѣ... съ документами... я намекнула ему... онъ сѣзаялся... то-есть, я улыбнулась ему съ моей скамейки... Онъ улыбнулся мнѣ съ своей скамейки... Но это большое счастье — не правда ли?.. И Фицъ-Жаридисъ распоряжается деньгами очень-хозяйственно... очень-хозяйственно... увѣрю васъ!..

Я поздравила ее, потому-что она обращалась ко мнѣ съ этимъ разказомъ, съ счастливымъ прибавленіемъ ея доходовъ, и желала такого

же счастливаго продолженія на долгое время. Мнѣ не было надобности ломать себѣ голову, отыскивая источникъ такого человѣколюбиваго поступка: опекунъ мой стоялъ передо мною, внимательно разсматривая птицъ и добрая душа его была мнѣ извѣстна.

— А что, сударыня, спросилъ онъ своимъ пріятнымъ голосомъ: — какъ зовутъ вашихъ нестренькихъ затворницъ? Не имѣютъ ли онѣ у васъ особенныхъ названій?

— Я могу отвѣчать утвердительно за миссъ Флайтъ, сказала я: — я она дала намъ обѣщаніе — помнишь, Ада?.. рассказать всё ихъ названія.

Ада помнила очень-хорошо.

— Развѣ я обѣщалась? сказала миссъ Флайтъ. — Кто здѣсь за дверь? Зачѣмъ вы здѣсь, Крукъ, что вы здѣсь подслушиваете?

Старикъ, хозяинъ лавки, отворилъ дверь настежь и остановился на порогѣ, держа въ рукѣ свою мѣховую шапку и на плечахъ кошку.

— Хи!.. я не подслушиваю, миссъ Флайтъ, сказалъ онъ: — я было хотѣлъ постучаться, да вишь вы, какая быстроглазая... хи!

— Прочь кошку! выгоньте ее вонъ! закричала сердито старая леди.

— Хи, хи!.. не беспокойтесь милостивые государи, никакой нѣтъ опасности, сказалъ мистеръ Крукъ, осматривая съ головы до ногъ каждое изъ насъ: — она не бросится на нихъ, пока я тутъ.

— Вы извините моего хозяина, сказала старая леди съ видомъ достоинства: — онъ того... не въ своемъ умѣ! Что вамъ надо, Крукъ? у меня здѣсь гости.

— Хи! сказалъ старикъ: — вы знаете, что я лордъ-канцлеръ.

— Хорошо, хорошо! отвѣчала миссъ Флайтъ: — но что жъ изъ этого?

— А то, отвѣчалъ старикъ: — что лорду-канцлеру смѣшно не познакомиться съ Жарндисомъ; хи! не правда ли, миссъ Флайтъ, смѣшно?.. Смѣю ли представиться, сэръ?.. Покорнѣйшій слуга. Я съ дѣломъ Жарндисовъ такъ же хорошо знакомъ, какъ и вы, сэръ. Я зналъ и покойнаго сквайра Тома, сэръ. А васъ я никогда не видалъ, даже не встрѣчалъ васъ въ Палатѣ. Хи, а я-таки, частенько туда пошатаюсь! хи!

— Я никогда тамъ не бываю, сказалъ мистеръ Жарндисъ (и въ самомъ-дѣлѣ, онъ ни за что не хотѣлъ присутствовать въ Палатѣ). Я бы лучше сходилъ... куда угодно, только не въ Палату.

— Ей-Богу? возразилъ Крукъ, корча губы для улыбки: — вы-таки порядкомъ честите моего благороднаго и ученаго брата, сэръ... Хи!.. Впрочемъ, это, быть-можетъ, свойственно Жарндису... Хи!.. что вы такъ пристально смотрите, мистеръ Жарндисъ, на птицъ моей жилицы?

Старикъ все болѣе-и-болѣе подавался впередъ и теперь стоялъ ужъ рядомъ съ мистеромъ Жаридисомъ, толкая его слегка локтемъ и пристально смотря ему въ лицо сквозь свои тяжелые очки.

— Это одна изъ ея странностей; она всячески избѣгаетъ сказать имена своихъ птицъ, а у нихъ у каждой есть свое имя, шепталъ онъ моему опекуну.

— А что, Флайтъ, задать имъ переключку?.. Хи!.. сказалъ онъ громко, подмигивая намъ и показывая на нее. Старушонка отвернулась и обратилась къ камину.

— Задавайте, если у васъ такая страсть... мистеръ Крукъ, сказала она сердито.

Старикъ посмотрѣлъ на клѣтки, взглянулъ на насъ и началъ переключку.

— Надежда, Радость, Молодость, Миръ, Покой, Жизнь, Пыль, Пепелъ, Истощеніе, Недостатокъ, Отчаяніе, Сумасшествіе, Смерть, Хитрость, Глушость, Слова, Парки, Лохмотья, Пергаментъ, Грабежъ, Первенство, Триктракъ, Шпинать, Салать, говорилъ старикъ: — приготовленный рукою моего благороднаго и ученаго брата. Вотъ и всѣ... Хи!..

— Подымается вѣтеръ! шепталъ мой опекунъ.

— Когда мой благородный и ученый братъ рѣшить дѣло, имъ дадутъ свободу, говорилъ Крукъ подмигивая намъ: — и тогда, прибавилъ онъ шопотомъ и дѣлая гримасы, если (на чтѣ, хи!.. нѣтъ никакой надежды) освободить ихъ изъ клѣточекъ, то другія, которыя никогда въ клѣткахъ не бывали, заключаютъ ихъ на мѣстѣ.

— Дуетъ, дуетъ съ востока, говорилъ опекунъ мой, глядя изъ окна на флюгернаго пѣтуха: — такого вѣтра не запомню!

Съ трудомъ выбрались мы изъ этого дома; но не миссъ Флайтъ удерживала насъ, нѣтъ, она была очень-разсудительное маленькое созданіе во всемъ, чтѣ касалось спокойствія другихъ; насъ задержалъ мистеръ Крукъ. Онъ никакъ не могъ отвязаться отъ мистера Жаридиса, прилипъ къ нему, какъ желѣзо къ магниту. Онъ предложилъ показать намъ палату своей Oberканцеларіи и всю странную рухлядь, весь вздорный хламъ свой, который лежалъ кучами по угламъ и оконкамъ. Во время обзора этихъ рѣдкостей, онъ старался быть какъ можно ближе къ мистеру Жаридису, удерживалъ его иногда, пропустивъ насъ впередъ; вообще въ немъ замѣтно было сильное пополозновеніе вступить съ мистеромъ Жаридисомъ въ какое-то тайное объясненіе, которое мучило его и которымъ онъ никакъ не могъ разродиться. Трудно вообразить себѣ ужимки и кривлянье, которыя дѣлалъ въ это время мистеръ Крукъ, и которыя такъ странно и такъ вѣрно выражали

его кошачью осторожность и нерышительность и вѣстѣ-съ-тѣмъ желаніе что-то высказать, или что-то сдѣлать. Онъ неотступно слѣдилъ за нами опекуномъ, рѣдно отводилъ глаза отъ его лица. Если онъ шелъ рядомъ съ Жарндисомъ, онъ наблюдалъ за ними съ хитростью старой бѣлой лисицы; если онъ шелъ впереди, онъ постоянно оборачивался; если мы стояли, онъ занималъ мѣсто передъ нами, подымалъ глаза кверху, жмурился свои сѣдые брови, такъ-что онѣ сливались вѣстѣ, приставлялъ то тотъ, то другой палецъ искривленной руки своей къ открытому рту и, казалось, слѣдилъ за каждой чертою лица Жарндиса.

Наконецъ, осмотрѣвъ все въ домѣ (кошка, безъ-сомнѣнія, сопровождала своего хозяина), разобравъ все лохмотья этого хлама, который, конечно, былъ очень-любопытенъ, мы достигли задней части лавки. Здѣсь, на пустой бочкѣ, поставленной на дно, была стеклянка съ чернилами, нѣсколько грязныхъ перьевъ, испачканныхъ асфитъ, а на стѣнѣ было наклеено множество крупныхъ печатныхъ буквъ, разной формы.

— Чѣмъ же вы тутъ занимаетесь? спросилъ опекунъ мой.

— Пробую учиться читать и писать, сказалъ мистеръ Крукъ

— Хорошо ли идетъ?

— Медленно, гадко, отвѣчалъ старикъ нетерпѣливо: — тяжело учиться въ мои лѣта.

— Вамъ бы заняться съ кѣмъ-нибудь, сказалъ опекунъ мой.

— Да, заняться; хи!.. пожалуй бы, научили меня навыворотъ! сказалъ старикъ съ злобнымъ и недоувѣрчивымъ взглядомъ: — довольно и того, что прежде не выучился; а то выучиться навыворотъ навыворотъ... хи!.. слуга покорный!

— Какъ, навыворотъ? спросилъ опекунъ мой съ своей обычной, доброжелательной улыбкой: — уже-ли вы думаете, что найдется такой человекъ, который захотѣлъ бы выучить васъ неправильно?

— Найдется или нѣтъ, мистеръ Жарндисъ изъ Холоднаго Дема, не знаю, сказалъ старикъ, вздернувъ очки на лобъ и потирая руки: — я, мистеръ Жарндисъ, знаю навѣрное только то, что на чужой кофевой ротъ не развѣивай... хи!.. и вѣрю только самому себѣ... хи!.. чѣмъ-же ошибешься!

Странные отвѣты, дикія манеры мистера Крука служили очевиднымъ поводомъ опекуну моему осведомиться у мистера Вудкаурта, насколько справедливы слова бѣдной Флайтъ относительно мозгового устройства мистера Крука. Молодой врачъ отвѣчалъ отрицательно: ему казалось, что мозгъ мистера Крука неприкосновененъ, а что самъ мистеръ Крукъ, какъ всѣ невѣжды, подозрителенъ и недоувѣрчивъ и находитъ часто подъ вліяніемъ освѣжающихъ паровъ джина. Этотъ нави-

токъ очень былъ по-сердцу мистеру Круку: онъ выпивалъ его алопатическими приемами и такъ часто, что весь онъ и вся лавка его были пропитаны сильнымъ запахомъ джина.

На возвратномъ пути отъ миссъ Флайтъ, я купила Биби вѣтряную мельницу и два мучные мѣшка; это такъ привязало его ко мнѣ, что онъ никому не позволялъ снять съ себя шапку и перчатки, кромѣ меня, и ни съ кѣмъ не хотѣлъ сидѣть рядомъ за обѣдомъ, какъ только со мной. Кадди сидѣла по другую сторону меня, рядомъ съ Адой, которой мы тотчасъ же сообщили всю повѣсть любви, какъ только-что вернулись домой. Мы такъ занимались съ Кадди и съ Биби, что Кадди развеселилась и опекунъ мой былъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, словомъ: мы все были веселы и счастливы; наконецъ вечеромъ Кадди въ наемной каретѣ отправилась домой, Биби почти спалъ у ней на колѣняхъ, но все-таки держалъ въ своей ланенкѣ вѣтряную мельницу.

Я забыла сказать... то-есть... ну, словомъ, я еще до-сихъ-поръ не сказала, что мистеръ Вудкауртъ былъ тотъ самый молодой врачъ, съ которымъ мы познакомились у мистера Беджора, что мистеръ Жарндисъ пригласилъ его въ этотъ день обѣдать. Онъ у насъ обѣдалъ и, когда все разошлось и мы остались одни, я сказала Адѣ:

— Ну, душечка, поболтаемъ что-нибудь о нашемъ Ричардѣ!

Ада разсмѣялась и сказала мнѣ, грозя пальчикомъ:

— То ли у тебя, душа моя, на умѣ?

ГЛАВА XV.

Бель — Яркъ.

Во время пребыванія нашего въ Лондонѣ, мистеръ Жарндисъ былъ постоянно осаждаемъ толпою чувствительныхъ леди и джентльменовъ, дѣла которыхъ рѣшительно поражали насъ. Мистеръ Квель, который представлялся къ намъ тотчасъ же послѣ нашего пріѣзда, былъ не только посвященъ во все челоуѣколюбивыя подвиги, но и, казалось, разыгрывалъ непоследнюю роль на этомъ поприщѣ. Лоснящіеся желваки на вискахъ его багровѣли и желтѣли въ филантропическихъ трудахъ; волосы зачесывались съ такою яростью назадъ, что корни ихъ, тревожные идеи о братствѣ, готовы были выскочить изъ законной почвы и переселиться въ Африку, на красную кожу туземцовъ Баріобула-Гха. Для него все предметы, все виды, все роды благотворительности были равны; но въ-особенности онъ отличался въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о поднесеніи кому бы то ни было подарка на память. Высокій духъ

его, казалось, черпалъ силу свою въ безкорыстномъ удивленіи великихъ двигателямъ филантропическаго міра. Онъ могъ сидѣть сколько угодно времени и въ наисладчайшемъ удовольствіи лощить рукою желваки висковъ своихъ въ присутствіи какого бы то ни было свѣтла. Увидавъ его въ первый разъ окончательно погруженнымъ въ созерцаніе великихъ достоинствъ мистриссъ Желлиби, я, въ простотѣ души, считала эту знаменитую леди главнымъ предметомъ, поглощающимъ всё его способности; но мнѣ скоро удалось убѣдиться въ противномъ. Мистеръ Квель былъ панпгиристомъ, хлопальщикомъ и проч. цѣлаго ряда замѣчательныхъ субъектовъ, въ родѣ мистриссъ Желлиби.

Мистриссъ Пардигль въ одинъ прекрасный день пріѣхала также съ подпискою на какой-то предметъ; мистеръ Квель былъ съ нею. Все, что говорила мистриссъ Пардигль, мистеръ Квель передавалъ намъ и точно также излагалъ передъ нами внутреннее достоинство мистриссъ Пардигль, какъ онъ излагалъ внутреннее достоинство мистриссъ Желлиби въ первыя минуты нашего съ нею знакомства. Мистриссъ Пардигль написала своему краснорѣчивому другу, мистеру Гёшеру, рекомендательное письмо къ моему опекуну. Съ мистеромъ Гёшеромъ явился также и мистеръ Квель. Мистеръ Гёшеръ на первый взглядъ обѣщалъ немного: слабенькій, щелушный джентльменъ съ такимъ широкимъ и плоскимъ лицомъ, что глаза его на его тарелко-видной физиономіи казались двумя коринками на большомъ пряникѣ и были такъ малы, что право можно было подумать, будто бы природа назначила ихъ на другую физиономію. Едва только мистеръ Гёшеръ съѣлъ, какъ мистеръ Квель, обратясь къ намъ съ Адой, спрашивалъ насъ шопотомъ: какъ мы находимъ великаго оратора и не кажется ли онъ намъ сверхъестественнымъ существомъ. Мистеръ Квель подразумѣвалъ въ вопросѣ своемъ нравственныя качества. Онъ спрашивалъ также, глубоко ли поражаетъ насъ сильное развитіе чела великаго оратора? Коротко сказать, мы наслушались отъ этихъ людей о миссіяхъ разнаго сорта, но всего яснѣе для насъ было то, что миссія мистера Квеля состояла исключительно въ экстазахъ и въ удивленіи великимъ миссіонерамъ на поприщѣ филантропіи, и что эта миссія была самая популярная.

Мистеръ Жаридисъ, какъ человѣкъ мягкаго сердца, какъ человѣкъ, готовый всегда подать руку помощи каждому и сдѣлать все, что можно, не чуждался этого общества; но онъ часто говаривалъ намъ, что это общество самое неудовлетворительное, самое непослѣдовательное, въ которомъ добродѣтель выражается въ спазматическихъ формахъ, въ которомъ милосердіе служитъ ливреей для прикрытія громогласныхъ пустозвоновъ и спекуляторовъ, пылкихъ на словахъ и холодныхъ и ни-

чтожныхъ на-самомъ дѣлѣ, ползущихъ въ рабствѣ передъ сильными лордами и невыносимыхъ для обыкновенныхъ смертныхъ, которые предпочитаютъ, въ своей смиренной долѣ, протянуть руку падающему слѣпцу молча, чѣмъ съ крикомъ, шумомъ, гвалтомъ и самохвальствомъ приподнять упавшаго не больше какъ на одну дюймъ и потомъ оставить его на собственный призывъ.

Когда мистеръ Гёшеръ предложилъ поднести подарокъ мистеру Квелю, а мистеръ Квель, въ свою очередь, предложилъ поднести подарокъ мистеру Гёшеру, и когда мистеръ Гёшеръ битыхъ полтора часа говорилъ объ этомъ предметѣ на митингѣ при двухъ благотворительныхъ школахъ маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, преимущественно дѣтей вдовъ и вдовцовъ, и убѣждалъ ихъ выступить впередъ съ своими пенсами и полупенсами на великое жертвоприношеніе, вѣтеръ, я думаю, зарядилъ на дѣля три недѣли съ востока.

Я приноминаю объ этомъ обстоятельстве потому, что перехожу къ мистеру Скимпюлю. Мнѣ казалось, что его дѣтскій, безвечный характеръ, его безыскусственность, въ противоположность хитрооплетеніямъ мистера Квеля, мистера Гёшера и другихъ, были значительнымъ утѣшеніемъ для добраго моего опекуна. Я увѣрена, что посреди этого натянутого, жеманнаго, ложнаго общества, чистосердечный рассказъ, простая манера мистера Скимпюля должны были облегчать измученную душу мистера Жарндиса. Не думаю, чтобъ мистеръ Скимпюль угадывалъ это и не думаю, хотя не вполне его изучила, чтобъ онъ старался именно такъ дѣйствовать, по расчету. Мнѣ кажется, чѣмъ онъ былъ для опекуна моего, тѣмъ онъ былъ для каждаго въ мірѣ.

Онъ былъ не такъ здоровъ, и хотя также находился въ Лондонѣ, но мы съ нимъ не видались до-сихъ-поръ. Однажды утромъ онъ явился къ намъ, въ своемъ обычномъ веселомъ расположеніи духа.

— Вотъ и я съ вами! сказалъ онъ. Онъ страдалъ разлитіемъ желчи. Ну что же такое! богатые люди часто страдаютъ разлитіемъ желчи, поэтому онъ можетъ себя считать человѣкомъ съ состояніемъ. И почему же не такъ? онъ дѣйствительно человѣкъ съ средствами, судя по его намѣреніямъ, исполненіе которыхъ требуетъ иногда большихъ расходовъ. Онъ роскошно отблагодарилъ врача, который его пользовалъ: удвоилъ, учетверилъ его доходы. Онъ сказалъ своему доктору: — ну, любезный и милый докторъ, вы жестоко ошибаетесь, если думаете, что лечите меня даромъ: я вамъ скажу, что я обсыпалъ васъ въ моихъ мысляхъ грудой золота. Знаете ли вы это? И мистеръ Скимпюль былъ совершенно увѣренъ, что говорить и дѣлать — все-равно. Въ-самомъ-дѣлѣ, еслибъ онъ имѣлъ эти кругленькіе кусочки металла, иди

эти тоненькія бумажки, съ которыми человечество соединяетъ столько важности, то онъ непременно вложилъ бы ихъ въ руку своего доктора. Не имѣя этихъ кусочковъ и бумажекъ, онъ замѣнилъ дѣло желаніемъ. Ну что же? прекрасно! если онъ въ-самомъ-дѣлѣ такъ думалъ, если желаніе его было искренно и чисто, какъ въ-самомъ-дѣлѣ оно и было, то ему казалось ясно, что оно вполне замѣняло деньги и выражало его благодарность. Такъ ли думалъ объ этомъ докторъ? — Ну это другое дѣло.

— Это, быть-можетъ, частью и потому, говорилъ мистеръ Скимполь: — что я ничего не смыслю въ цѣнности денегъ, по-крайней-мѣрѣ, я такъ думаю. Мнѣ это кажется совершенно-правильнымъ. — Мясникъ мой приходитъ ко мнѣ и говоритъ, что у него есть на меня *маленькій счетъ* и онъ желаетъ, чтобъ я его уплатилъ. Тутъ, видите ли, въ думѣ мясника кроется нѣкоторый запасъ поэтического настроенія: онъ называетъ долгъ или счетъ *маленькимъ счетомъ*; чтобъ сбѣгать уплату не такъ тягостной для насъ обоихъ. Я говорю мяснику: другъ мой, шовѣрь, что я тебѣ давно уплатилъ. Ты, дружище, напрасно безпокойшься и приходишь ко мнѣ толковать о *маленькомъ счетѣ*. Я знаю, что я его уплатилъ.

— Ну, а если предположить, сказалъ шутя опекунъ мой: — что мясникъ ставилъ бы говядину только въ-счетъ, а не приносилъ бы на твою кухню?

— Милый мой Жаридисъ, возразилъ мистеръ Скимполь, ты удивляешь меня: ты берешь только сторону мясника, съ которымъ я имѣлъ дѣло, который говорилъ точно также. Онъ сказалъ мнѣ: — Сэръ, зачѣмъ же вы кушали молодого барашка по восемнадцати пенсовъ фунтъ? Зачѣмъ вы ѣли молодого барашка по восемнадцати пенсовъ фунтъ, дружище мой? сказалъ я, изумленный, безъ-сомнѣнія, его вопросомъ. — Я, пріятель, люблю молодого барашка — вотъ и все. Кажется, это логно. — Очень-хорошо, сэръ, сказалъ онъ, а еслибъ я вмѣсто молодого барашка приносилъ вамъ *ничего*, какъ вы, вмѣсто денегъ, даете мнѣ *ничего*, что бы тогда вы сказали? — Другъ мой, будемъ же рассуждать не такъ, какъ дѣти, а какъ разумные дѣловые люди! Предположеніе твое невѣрно; по моему мнѣнію, оно даже невозможно. Барашекъ у тебя былъ, слѣдовательно принести его ты могъ, если только хотѣлъ принести, а принести *ничего* или ничего не принести для тебя также было невозможно, какъ идти и не пройти ни одного шага. Деньгъ у меня нѣтъ — вотъ это другое дѣло, слѣдовательно я только могу желать заплатить тебѣ, а исполнить своего желанія не могу. Еслибъ у меня были деньги и я имѣлъ бы желаніе отдать ихъ тебѣ, то нѣтъ

никакой причины думать, чтобъ я ихъ тебѣ не отдалъ. Ну, и что-же, вы думаете? На это онъ не могъ отвѣчать мнѣ ни полслова! И дѣло между нами было кончено.

— И онъ не обратился на тебя съ жалобой? спросилъ онекумъ мой.

— Какъ же, онъ жаловался, сказалъ мистеръ Скимполь — но въ этомъ случаѣ онъ находился подъ вліяніемъ страстей, а не рассудка. Кстати о страстяхъ. Воспоминаніе о нихъ наводитъ меня на мысль о Бойтсорнѣ. Онъ пишетъ ко мнѣ, что ты съ дамами общался пріѣхать на короткое время къ нему на хуторъ, въ Ламкольшиаиръ.

— Мои дамы отъ него безъ ума, сказалъ мистеръ Жарндисъ, и я действительно далъ слово за себя и за нихъ.

— Природа забыла, кажется, уравновѣсить его, замѣтилъ мистеръ Скимполь, обратясь къ намъ съ Адою. Онъ немощно бурлитъ, какъ море; немощно просто-душно, какъ быкъ, который забралъ себѣ въ голову, что всякой цвѣтъ — красный цвѣтъ! Но, во всякомъ случаѣ, я отдаю справедливость его кулачнымъ, такъ сказать, марсовскимъ достоинствамъ.

Было-бы странно ожидать, чтобъ эти два человѣка, такой различной натуры, имѣли другъ о другѣ высокое понятіе: мистеръ Бойтсорнъ придавалъ много важности множеству различныхъ вещей; мистеръ Скимполь равно ни о чемъ и нисколько не беспокоился, такъ-что мнѣ часто приходилось замѣчать готовность въ мистеръ Бойтсорнѣ выразить очень-крутое мнѣніе, когда дѣло касалось до мистера Скимполя. Какъ бы то ни было, мы съ Адою сказали мистеру Скимполю, что очень любимъ мистера Бойтсорна и считаемъ бесѣду съ нимъ очень-приятною.

— Онъ приглашаетъ и меня, сказалъ мистеръ Скимполь: — я если дитя можетъ быть поручено на такіа ружья... впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ это возможно, потому-что около этого дитяти будутъ два ангела-хранителя и освѣтятъ его своею нѣжностью — такъ я пойду. Онъ предлагаетъ заплатить за меня все, что будетъ стоить дорога назадъ и впередъ. Я думаю, что это будетъ стоить денегъ. Можетъ-быть нѣсколько шиллинговъ, или фунтовъ-стерлинговъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Кстати о деньгахъ. Коавинсъ-то!.. каковъ? Вы помните, миссъ Семерсамъ, друга нашего Коавинса?

Мистеръ Скимполь сдѣлалъ мнѣ этотъ вопросъ, конечно, въ ту самую минуту, какъ воображенію его представлялся Коавинсъ. Онъ спрашивалъ меня своимъ обычнымъ веселымъ тономъ и безъ всякаго замѣчательства.

— О помню! сказала я.

эти тошнелія бумажки, съ которыми человечество соединяетъ столько важности, то онъ непремѣнно вложилъ бы ихъ въ руку своего доктора. Не имѣя этихъ кусочковъ и бумажекъ, онъ замѣнилъ дѣло желаніемъ. Ну что же? прекрасно! если онъ въ-самомъ-дѣлѣ такъ думалъ, если желаніе его было искренно и чисто, какъ въ-самомъ-дѣлѣ оно и было, то ему казалось ясно, что оно вполне замѣняло деньги и выражало его благодарность. Такъ ли думалъ объ этомъ докторъ? — Ну это другое дѣло.

— Это, быть-можетъ, частью и потому, говорилъ мистеръ Скимполь: — что я ничего не смыслю въ цѣнности денегъ, по-крайней-мѣрѣ, я такъ думаю. Мнѣ это кажется совершенно-правильнымъ. — Мясникъ мой приходитъ ко мнѣ и говоритъ, что у него есть на меня *маленькій счетъ* и онъ желаетъ, чтобы я его уплатилъ. Тутъ, видите ли, въ душѣ мясника кроется нѣкоторый запасъ поэтического настроенія: онъ называетъ долгъ или счетъ *маленькимъ счетомъ*, чтобы сдѣлать уплату не такъ тягостной для насъ обоихъ. Я говорю мяснику: другъ мой, шовѣрь, что я тебѣ давно уплатилъ. Ты, дружище, напрасно безпокойшься и приходишь ко мнѣ толковать о *маленькомъ счетѣ*. Я знаю, что я его уплатилъ.

— Ну, а если предположить, сказалъ шутя опекунъ мой: — что мясникъ ставилъ бы говядину только въ-счетъ, а не приносилъ бы на твою кухню?

— Милый мой Жаридисъ, возразилъ мистеръ Скимполь, ты удивляешь меня: ты берешь только сторону мясника, съ которымъ я имѣлъ дѣло, который говорилъ точно также. Онъ сказалъ мнѣ: — Сэръ, зачѣмъ же вы кушали молодого барашка по восемнадцати пенсовъ фунтъ? Зачѣмъ я ѣлъ молодого барашка по восемнадцати пенсовъ фунтъ, дружище мой? сказалъ я, изумленный, безъ-сомнѣнія, его вопросомъ. — Я, пріятель, люблю молодого барашка — вотъ и все. Кажется, это ясно. — Очень-хорошо, сэръ, сказалъ онъ, а еслибъ я вмѣсто молодого барашка приносилъ вамъ *ничего*, какъ вы, вмѣсто денегъ, даете мнѣ *ничего*, что бы тогда вы сказали? — Другъ мой, будемъ же разсуждать не такъ, какъ дѣти, а какъ разумные дѣловые люди! Предположеніе твое невѣрно; по моему мнѣнію, оно даже невозможно. Барашекъ у тебя былъ, слѣдовательно принести его ты могъ, если только хотѣлъ принести, а принести *ничего* или ничего не принести для тебя также было невозможно, какъ идти и не пройти ни одного шага. Деньгъ у меня нѣтъ — вотъ это другое дѣло, слѣдовательно я только могу желать заплатить тебѣ, а исполнить своего желанія не могу. Еслибъ у меня были деньги и я имѣлъ бы желаніе отдать ихъ тебѣ, то нѣтъ

никакой причины думать, чтобъ я ихъ тебѣ не отдалъ. Ну, и что же, вы думаете? На это онъ не могъ отвѣчать мнѣ ни полслова! И дѣло между нами было кончено.

— И онъ не обратился на тебя съ жалобой? спросила онекумъ мой.

— Какъ же, онъ жаловался, сказалъ мистеръ Скимполь — но въ этомъ случаѣ онъ находился подъ вліяніемъ страстей, а не разсудна. Кстати о страстяхъ. Воспоминаніе о нихъ наводитъ меня на мысль о Бойтсорнѣ. Онъ пишетъ ко мнѣ, что ты съ дамами общаешься дригъхатъ на короткое время къ нему на хуторъ, въ Лидкольншайръ.

— Мои дамы отъ него безъ ума, сказалъ мистеръ Жарндисъ, и я действительно далъ слово за себя и за нихъ.

— Природа забыла, кажется, уравновѣсить его, замѣтилъ мистеръ Скимполь, обратась къ намъ съ Адою. Онъ немножко бурливъ, какъ море; немножко яростно-дикъ, какъ быкъ, который забралъ себѣ въ голову, что всякой цвѣтъ — красный цвѣтъ! Но, во всякомъ случаѣ, я отдаю справедливость его кулачнымъ, такъ сказать, марсовскимъ достоинствамъ.

Было-бы странно ожидать, чтобъ эти два человѣка, такой различной натуры, имѣли другъ о другѣ высокое понятіе: мистеръ Бойтсорнъ придавалъ много важности множеству различныхъ вещей; мистеръ Скимполь равно ни о чемъ и нисколько не безпокоился, такъ что мнѣ часто приходилось замѣчать готовность въ мистеръ Бойтсорнѣ выразить очень-крутое мнѣніе, когда дѣло касалось до мистера Скимполя. Какъ бы то ни было, мы съ Адою сказали мистеру Скимполю, что очень любимъ мистера Бойтсорна и считаемъ бесѣду съ нимъ очень-приятною.

— Онъ приглашаетъ и меня, сказалъ мистеръ Скимполь: — и если дитя можетъ быть поручено на такія руки... впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ это возможно, потому-что около этого дитяти будутъ два ангела-хранителя и освѣять его своею нѣжностью — такъ я пойду. Онъ предлагаетъ заплатить за меня все, что будетъ стоить дорога назадъ и впередъ. Я думаю, что это будетъ стоить денегъ. Можетъ-быть нѣсколько шиллинговъ, или фунтовъ-стерлинговъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Кстати о деньгахъ. Коавинсъ-то!.. каковъ? Вы помните, миссъ Семерсонъ, друга нашего Коавинса?

Мистеръ Скимполь сдѣлалъ мнѣ этотъ вопросъ, конечно, въ ту самую минуту, какъ воображенію его представился Коавинсъ. Онъ спрашивалъ меня своимъ обычнымъ веселымъ тономъ и безъ всякаго замѣшательства.

— О помню! сказала я.

— Знаете ли, что онъ попалъ въ безвыходную тюрьму, сказалъ мистеръ Скимполь: — и ужъ больше не оскорбитъ дневной свѣтъ своимъ присутствіемъ.

Эта новость, правду сказать, подѣйствовала на меня неприятно. Когда рѣчь зашла о немъ, я не ожидала такого серьезнаго конца и вообразила себѣ этого несчастнаго въ томъ смѣшномъ видѣ, въ которомъ онъ сидѣлъ на софѣ передъ безпечнымъ мистеромъ Скимполемъ и, то-и-дѣло, утиралъ себѣ голову платкомъ.

— Преемникъ его сообщилъ мнѣ эту новость, продолжалъ мистеръ Скимполь: — этотъ преемникъ въ моемъ домѣ считаетъ себя чѣмъ-то въ родѣ хозяина, какъ мнѣ кажется. Вчера онъ приходитъ ко мнѣ въ минуту рожденія моей голубоокой и единственной дочери, то-есть при первыхъ лучахъ утренней зари. Я это замѣтилъ ему: я сказалъ, что поступокъ его неразуменъ и неприличенъ. Еслибъ, говорю я, у васъ была голубоокая дочь и я бы явился въ ея рожденіе такъ нахально, безъ всякаго приглашенія, понравилось ли бы вамъ это?—Чу-дакъ, онъ все-таки остался.

Мистеръ Скимполь разсѣялся этой забавной глупости и взялъ тихо нѣсколько аккордовъ на фортепьяно, за которыми сидѣлъ.

— И онъ сказалъ мнѣ, продолжалъ мистеръ Скимполь, ударя каждый разъ по клавишамъ, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я ставлю точки. И онъ сказалъ мнѣ... что Коавинсъ... приказалъ долго жить... что онъ оставилъ... трехъ дѣтей... сиротъ... безъ матери... что должность Коавинса... неприбыльна... что дѣти его... маленькіе Коавинсы... въ жалкомъ... состояніи...

Мистеръ Жарндисъ не вытерпѣлъ, всталъ при концѣ этого *инструментальнаго* разсказа и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, потирая себѣ голову. Мистеръ Скимполь наигрывалъ акомпаниментъ любимой пѣсни Ады. Мы съ Адой обѣ посматривали на мистера Жарндиса, понимая совершенно процессъ его настоящаго мышленія.

Послѣ нѣсколькихъ туровъ взадъ и впередъ по комнатѣ, послѣ различныхъ потирзій головы и чуянья восточнаго вѣтра, опекунъ мой положилъ руку на клавиши фортепьяно и остановилъ игру мистера Скимполя.

— Мнѣ это очень не нравится Скимполь! сказалъ задумчиво мистеръ Жарндисъ.

Мистеръ Скимполь забылъ совершенно разсказъ свой и изумленными глазами смотрѣлъ на мистера Жарндиса.

— Онъ былъ въ нуждѣ, продолжалъ опекунъ мой, шагая взадъ и впередъ на небольшемъ пространствѣ между фортепьяно и стѣною,

и трепля волосы свои съ затылка на лобъ, какъ-будто бы раздувалъ ихъ сильный восточный вѣтеръ. Если мы такихъ людей будемъ дѣлать средствъ нашими ошибками, или неловкостями, или недостаткомъ свѣдѣній въ практической жизни, или нашими несчастіями, то намъ не слѣдуетъ радоваться впоследствии ихъ горю. Въ ремеслѣ его не было дурнаго. Онъ содержалъ дѣтей своихъ. Не мѣшало бы навести о немъ болѣе вѣрныя справки.

— Ахъ, о Коавинсѣ? сказалъ мистеръ Скимполь, догадавшись наконецъ въ чѣмъ дѣло.—Нѣтъ ничего легче. Прогулка до главной квартиры Коавинса, и можно узнать все, что захочешь.

Мистеръ Жарндисъ кивнулъ намъ головой; мы давно ужъ ожидали этого знака. Пойдемъ, друзья мои, сказалъ онъ намъ, отчего же намъ нейти? и туда лежитъ хорошая дорога. Мы были готовы въ одну минуту и тотчасъ же пошли. Мистеръ Скимполь не отставалъ отъ насъ и всю дорогу восхищался предпринятою прогулкою—такъ это ново, такъ это пріятно для него, говорилъ онъ, что не Коавинсъ идетъ его отыскивать, а онъ Коавинса.

Онъ повелъ насъ сначала въ Канцелярскую Улицу, въ Канцелярскій Переулокъ, къ дому съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ; онъ называлъ этотъ домъ замкомъ Коавинса. Мы подошли къ подъѣзду и позвонили; на призывъ нашъ изъ комнаты, въ родѣ конторы, вышелъ безобразный мальчикъ и сталъ осматривать насъ сквозь рѣшетчатую дверцу.

— Вамъ тутъ кого надо? спросилъ мальчикъ, уперевъ въ подбородокъ два острея, которыми оканчивались рѣшетки дверцы.

— Здѣсь былъ, какъ бишь его, какой-то чиновникъ, или приставъ, или что-то въ этомъ родѣ, сказалъ мистеръ Жарндисъ:— онъ недавно умеръ.

— Ну, сказалъ мальчикъ:— что же?

— Мнѣ хочется знать его имя.

— Имя? Неккетъ, сказалъ мальчикъ.

— А гдѣ жилъ онъ?

— Гдѣ жилъ? Въ Бель-Ярдѣ, по лѣвой рукѣ, въ свѣчной лавкѣ. На вывѣскѣ написано «Бляйндеръ».

— Былъ онъ... не знаю какъ бы спросить его, ворчалъ мой опекунъ:— былъ онъ... рачителенъ?

— Кто? Неккетъ-то? отвѣчалъ мальчикъ:— да, очень-рачителенъ. Сторѡжа ему нипочемъ. Станетъ, бывало, на углу, или тамъ гдѣ-нибудь и, не переводя духу, отстоитъ часовъ восемь или десять сряду. Ужъ коли возьмется за дѣло, такъ сдѣлаетъ.

— Ну да, ну да, ворчалъ про себя опекунъ мой: онъ могъ бы быть

и хуже; онъ могъ бы взяться за дѣло и ничего не дѣлать. Спасибо, любезный. Больше мнѣ ничего ненадо.

Мы отправились назадъ къ Линкольской Палатѣ, оставивъ мальчика у рѣшетчатой двери. Онъ еще нѣсколько минутъ прослѣдилъ за нами, держа голову на бокъ и треля и поглаживая рукою веретенья рѣшетки. Мистеръ Скинмоль ожидалъ насъ на углу улицы: онъ не рѣшался ближе подходить къ тому мѣсту, гдѣ нѣкогда бывалъ Коэвинсъ. Соединясь все вмѣстѣ, мы отправились въ Бель-Ярдъ, узкій переулокъ, въ довольно-близкомъ разстояніи отъ Линкольской Палаты. Мы очень-скоро отыскали свѣчную лавку. Тамъ председательствовала старушка очень-добрая на видъ, страдающая водявою, а, можетъ, удушьемъ, а можетъ, и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

— Дѣти Неккета? сказала она на мой вопросъ: — Да, миссъ, здѣсь, въ четвертомъ этажѣ, миссъ. Подымитесь наверхъ, на правой рукѣ, дверь прямо противъ лѣстницы. И она передала мнѣ ключъ черезъ прилавокъ.

Я посмотрѣла на ключъ, посмотрѣла на нее, не зная, что дѣлать съ ключомъ. Старушка же между-тѣмъ продолжала заниматься своимъ дѣломъ, будучи увѣрена, въ простотѣ сердечной, что передача ключа объясняетъ все, какъ нельзя лучше. Пораздумавъ немного, я убѣдилась, что ключъ этотъ могъ только быть отъ двери той комнаты, въ которой сидѣли несчастныя дѣти Неккета, а потому, не затрудняя болѣе старушку никакимъ вопросомъ, я вышла изъ лавки и пошла наверхъ по темной лѣстницѣ. Хотя мы подымались наверхъ такъ тихо, какъ только могли, но все-таки четыре пары ногъ, бродящихъ въ темнотѣ по старымъ деревяннымъ ступенямъ, должны были невольно произвести нѣкоторый шумъ; и въ-самомъ-дѣлѣ, поднявшись во второй этажъ, мы замѣтили, что нарушаемъ спокойствіе какого-то человѣка, который, пріотворивъ дверь своей комнатки, стараясь узнать сквозь темноту, кто идетъ около его владѣній.

— Вамъ что? Гредли, что ли нужно? сказалъ онъ, взглянувъ на меня сердитымъ и недовольнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, сэръ, сказала я: я иду выше.

Онъ осмотрѣлъ Аду, осмотрѣлъ мистера Жарндиса и мистера Скинполя тѣмъ же сердитымъ взглядомъ, какой бросилъ на меня. Мистеръ Жарндисъ пожелалъ ему добраго дня. — Добраго дня! сказалъ онъ отрывисто и грубо. Это былъ длиннорослый, блѣднолицый господинъ съ озабоченнымъ видомъ, съ малымъ остаткомъ волосъ, крупными чертами лица и глазами на-выкатѣ. Вся наружность его имѣла нѣчто воинственное, готовое поставить его тотчасъ же въ боевую позицію, и въ

манеръ, его видно было пополазновеніе къ кулачному бою и раздражительный темпераментъ. Все это вмѣстѣ съ его станомъ, еще массивнымъ и крѣпкимъ, хотя клонящимся очевидно къ упадку, сказать по правдѣ, испугало меня. Въ рукахъ у него было перо и, взглянувъ чрезъ отворенную дверь въ его комнату, я замѣтила, что она была завалена бумагами.

Оставивъ его въ покоѣ, мы пошли дальше и, постучавшись въ верхнемъ этажѣ, въ дверь прямо противъ лѣстницы, я услышала тонекій дѣтскій голосокъ: — мы заперты, ключъ у мисетрисъ Бляйндеръ.

Услышавъ это воззваніе, я вставила ключъ въ замочную скважину и отперла дверь. Въ бѣдной, грязной комнаткѣ, съ косымъ потолкомъ и почти безъ всякой мебели мы нашли истощеннаго, маленькаго мальчика, такъ, лѣтъ пяти или шести; онъ укачивалъ и убаюкивалъ на рукахъ ребенка мѣсяцевъ восемнадцати, сыраго тѣлосложенія. Въ каминѣ не было огня, хотя на дворѣ было холодно, а дѣти были закутаны въ какія-то старыя лохмотья платковъ и воротничковъ. Костюмъ ихъ былъ такого свойства, что вовсе, кажется, не согрѣвалъ ихъ, потому-что лицо мальчика было сине и носъ покраснѣлся съ кончика.

— Кто васъ здѣсь заперъ однихъ? спросили мы прежде всего.

— Черли, отвѣчалъ мальчикъ, оставивъ свое занятіе и вытаращивъ на насъ глазѣнки.

— Кто же это Черли? братъ вашъ, что ли?

— Нѣтъ, это сестра наша, ее зовутъ Шарлотта; батюшка называлъ ее Черли.

— Съ вами болѣе никого нѣтъ кромѣ Черли?

— Я, сказалъ мальчикъ: — и еще Эмма, и онъ поправилъ изорванный чепчикъ на ребенкѣ, котораго укачивалъ: — и еще Черли.

— А гдѣ же теперь Черли?

— Пошла стирать, сказалъ мальчикъ, и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, укачивая ребенка. Любопытство подстрекало его и онъ, стараясь глядѣть на насъ, чуть-чуть не задѣлъ нѣсколько разъ нанковый чепчикъ за спинку кровати.

Мы посматривали другъ на друга и на этихъ бѣдныхъ ребятнишекъ, какъ вдругъ отворилась дверь къ нимъ въ комнату и вошла очень-маленькая дѣвочка, сушій ребенокъ по росту, но съ лица такая серьезная, какъ бы взрослая; впрочемъ, очень-хорошенькая собой; на ней было надѣто что-то въ родѣ старушечьяго кашора, сдѣланнаго не по головѣ, и она отирала руки о какое-то подобіе передника. Кожа на рукахъ ея сморщилась и побѣлѣла отъ стирки, пальцы скорчились и мыльная пѣна, которую она обтирала съ нихъ передникомъ, обраца-

лась въ клубы пара. Безъ этихъ признаковъ усиленнаго труда можно было бы счесть ее за ребенка, пошедшаго поспрять изъ забавы, или изъ желанія покорчить бѣдную прачку, добывающую себѣ насущный хлѣбъ трудною работою.

Она занималась стиркою гдѣ-то по сосѣдству и очень спѣшила вернуться назадъ, потому-то, несмотря на свою легкость, она очень запыхалась, и не прежде могла говорить съ нами и смотрѣть на насъ покойно, какъ вытерла руки и перевела духъ.

— А вотъ и Черли! сказалъ мальчикъ.

Ребенокъ, котораго убаюкивалъ мальчикъ, протянулъ къ ней ручки и требовалъ, чтобъ она его взяла. Маленькая дѣвочка взяла его на руки, съ опытностью старой няньки, напоминаяшей очень ея каноръ и передникъ. Ребенокъ ласкался къ ней, прижимался къ ней ближе, а она смотрѣла на насъ изъ-за своей пошп.

— Уже-ли, шепталъ опекунъ мой намъ, послѣ того какъ мы поставили маленькому созданію стулъ и просили ее сѣсть: — ужели этотъ ребенокъ содержать трудами своими этихъ дѣтей? Между-тѣмъ маленькой мальчикъ прижался къ ней и закутался въ ся передникъ.

— Боже мой, Боже! посмотрите на нихъ, говорилъ опекунъ мой: — посмотритѣ на нихъ!

Да, эта картина была достойна того, чтобъ на нее посмотрѣть внимательно. Вообразите себѣ трехъ дѣтей, въ одной группѣ и двое изъ нихъ смотрять съ полной надеждой на третью, которая сама такъ еще мала, а между-тѣмъ общается такъ много любви и покровительства.

— Черли, милая Черли! сказалъ опекунъ мой: — сколько лѣтъ тебѣ?

— Лѣтъ тринадцать будетъ, сэръ, отвѣчало дитя.

— О какія большія лѣта, Черли! сказалъ опекунъ мой: — какая же ты старушка, моя милая!

Я не могу выразить ту нѣжность съ которою онъ произносилъ эти слова: въ голосѣ его слышалось столько симпатіи, столько грустнаго участія, столько сожалѣнія!

— И ты живешь здѣсь одна съ этими дѣтьми? сказалъ онъ.

— Да сэръ, возразила дѣвочка, смотря прямо ему въ лицо съ полнымъ довѣріемъ: — одна послѣ смерти батюшки.

— И чѣмъ же ты живешь, Черли? О Черли, сказалъ опекунъ мой, отвернувшись отъ нея на минуту: — чѣмъ же живешь ты, дитя мое?

— Послѣ смерти батюшки, сэръ, я хожу на работу. Сегодня была на стиркѣ.

— Пособи тебѣ Богъ, Черли! сказалъ опекунъ мой : — я думаю, что тебѣ трудно справляться съ котломъ : не достать до него.

— Въ патенахъ, сэръ, отвѣчала она быстро : — я выше, у меня, сэръ, высокія патены, точно такія, какія были у покойницы матушки.

— А давно ли умерла матушка твоя? Бѣдная мать!

— Матушка умерла тотчасъ же послѣ рожденія Эммы, сказала дѣвочка, взглянувъ на лицо ребенка, прижимавшагося къ ея груди: — тогда батюшка сказалъ мнѣ : «Будь, Черли, такой доброй матерью, какой ты только можешь», я и старалась изо всѣхъ силъ. Работала дома, чистила, мыла и холила ребенка; а теперь надо работать на сторонѣ — видите ли что, сэръ!

— А часто ли ты ходишь на работу?

— Такъ часто, какъ только могу, сказала Черли, смотря во всѣ глазки и улыбаясь : — надо, сэръ, зарабатывать пенсы и шиллинги.

— И ты всякій разъ запираешь дѣтей, когда уходишь на работу?

— Да, сэръ, чтобъ были покойны. Мистриссъ Бляндеръ раза два зайдетъ взглянуть на нихъ; мистеръ Гредли понавѣдается, иногда и мнѣ удастся прибѣжать съ работы, а они могутъ, знаете ли, играть тутъ между собой и маленькій Томъ не боится, когда я его запру. Правда, Томъ, вѣдь ты не боишься?

— Нѣ-ѣ-тъ, сказалъ Томъ рѣшительнымъ тономъ.

— А когда стемнѣетъ, на дворѣ зажгутъ фонари, отъ нихъ и въ комнатѣ у насъ свѣтло, очень-свѣтло, не правда ли, Томъ?

— Да-а, Че-е-рли, сказалъ Томъ: — очень свѣ-ѣтло.

— И онъ у меня сушій кладъ, сказала маленькая дѣвочка. И Боже, съ какими это материнскимъ, теплымъ чувствомъ было сказано! — И когда Эмма утомится, онъ ее убаюкаетъ и уложитъ въ постель, а когда самъ утомится, пойдетъ и ляжетъ. Когда я возвращаюсь домой, за свѣчу свѣчку и съищу какой-нибудь кусочекъ для ужина, онъ вскакиваетъ съ постели, садится со мной и мы закусимъ вмѣстѣ. Правда, Томъ?

— О, да-а, Че-е-рли, сказалъ Томъ : — праа-вда!

И въ радости ли отъ такого удовольствія въ жизни, или въ чувствахъ благодарности за любовь Черли, которая для него была все и во всемъ, онъ закрылъ лицо въ складкахъ ея платья и отъ смѣха перешелъ къ слезамъ.

Послѣ нашего прихода это были первыя слезы въ глазахъ дѣтей.

Бѣдная осиротѣвшая дѣвушка, говорила о своемъ отцѣ, говорила о своей матери и ни разу не нагнулась слеза на ея глазахъ, какъ будто она понимала всю необходимость присутствія духа, чтобъ не уны-

вать подь бременемъ труда и заботъ. Но теперь, когда заплакала Томъ, хотя она все-таки сидѣла спокойно, кажется, смотрѣла на насъ, но двѣ крупныя слезы скатились съ ея рѣсницъ и текли по щекамъ.

Я стояла съ Адой у окна, показывая видъ, будто разсматриваю крыша сосѣднихъ домовъ, закопченныя трубы, выдающіе цвѣты, итицъ въ маленькихъ клѣткахъ; между-тѣмъ мистриссъ Блайндеръ, поджавшись наверхъ (я думаю, что она употребила по-крайней-мѣрѣ часть времени на то, чтобъ взойти на лѣстницу) говорила съ опекуномъ моимъ.

— Неважное дѣло, сэръ, не брать съ нихъ за квартиру, скажите она: — душа не подыметъ обидѣть дѣтей!

— Ну друзья мои, сказалъ мистеръ Жарндисъ, обратясь къ намъ:— прійдетъ время и эта добрая женщина узнаетъ, что она дѣлала для нихъ много, и за все, что она сдѣлала для каждаго изъ этихъ... это бѣдное дитя прибавилъ онъ, послѣ минутной паузы: — можетъ ли она долго вынести такой тяжелый трудъ?

— Богъ пособитъ, такъ сможетъ, сказала мистриссъ Блайндеръ, отдуваясь на каждой буквѣ: — она такъ ловка, какъ только можно быть. Знаете ли, сэръ? у насъ на дворѣ всѣ, только и дѣло, что толковали, какъ она обращалась съ дѣтьми послѣ кончины ихъ матери. Посмотрѣли бы вы на нее, сэръ, какъ она ходила за своимъ умирающимъ отцомъ: это просто чудо. Покойникъ-свѣтъ, онъ лежалъ вотъ здѣсь, говорилъ мнѣ при последнемъ издыханіи: «Мистриссъ Блайндеръ, что бы ни случилось, а я вамъ скажу, что въ эту ночь я видѣлъ ангела-хранителя рядомъ съ моей дочкой, и я оставляю ее на волю всемогущаго Отца!» вотъ что говорилъ онъ мнѣ, сэръ.

— Больше ничего не завѣщалъ онъ вамъ? сказалъ опекунъ мой.

— Нѣтъ, сэръ, сказала мистриссъ Блайндеръ: — когда онъ только-что пріѣхалъ ко мнѣ, я не знала, что это за человекъ, и я скажу вамъ откровенно, что когда дошли до меня слухи, кто онъ такой, такъ я думала выпроводить его отсюда вонъ. На дворѣ у насъ стали на меня коситься, да и всѣ жильцы наши небожно радовались такому сосѣдству. Ужъ какъ хотите, продолжала мистриссъ Блайндеръ: — а всѣ говорятъ, что профессія нехорошая. Мистеръ Гредли былъ очень-недоволенъ такимъ сосѣдствомъ, а мистеръ Гредли славный жилецъ, хоть и тугаго характера.

— Такъ вы хотѣли отдѣлаться отъ него, сказалъ опекунъ мой.

— Дѣ, я хотѣла отказать ему, сказала мистриссъ Блайндеръ: — но срокъ подошлъ, дурнаго я за нимъ ничего не замѣтила и, правду сказать, по колебалась: жалко стало. Онъ же платилъ аккуратно, отъ работы не отгуливалъ, дѣлалъ свое дѣло, продолжала мистриссъ Блайн-

дерь, оставивъ случайно свой взоръ на мистера Скиншопа: — а ужъ и это хорошо, если человѣкъ дѣлаетъ свое дѣло.

— И поэтому вы его оставили у себя въ домѣ?

— Оставила. Я сказала ему, что если онъ поладитъ съ мистеромъ Гредли, то ужъ я объѣду за него дѣло съ другими жильцами и много не посмотрю, нравится ли его соседство на дворѣ или нѣтъ. Мистеръ Гредли хоть не вдругъ, однако согласился. Онъ и всегда былъ съ нами грубенькъ, за-то дѣтямъ его оказывалъ постоянно ласку. Чтобы узнать, сударь, человѣка, надо, говорить послевпца, съѣсть съ нимъ три пуда соли; такъ и вышло: пока не испытаешь такъ не узнаешь.

— А другіе жильцы были ласковы къ дѣтямъ? спросилъ мистеръ Жаридисъ.

— Такъ-себѣ, ничего, сэръ, сказала мистриссъ Блайндеръ: — оно, конечно, не то, чтобъ очень-многіе, все это, знаете, должность-то его... Мистеръ Коавинсъ далъ для дѣтей гнѣю, тамъ и другіе сдѣлали кой-какія пожертвованія и составила маленькая сумма. Нѣкоторою изъ соседокъ на дворѣ, которые, бывало, надъ покойникомъ воденывались, или хлосали его по плечу, когда онъ проходилъ мимо, не оставляютъ ниъ. Вотъ и съ Шарлоттой такъже. Другіе даютъ ей работу, да за-то попрекаютъ нѣтъ конца; другіе хвалятся тѣмъ, что она у нихъ работаетъ и, можетъ-быть, платятъ ей меньше, а требуютъ больше чѣмъ слѣдуетъ; но она терпѣлива и все переноситъ, за работой не дремлетъ и бьется изъ всѣхъ силъ. Конечно, не то, чтобъ было ниъ очень-дурно, но все-таки могло бы быть лучше, сэръ!

Мистриссъ Блайндеръ сѣла на стулъ, чтобъ облегчить грудь своею дыханіемъ, которое очень стѣснилось отъ такого длиннаго разсказа. Мистеръ Жаридисъ обернулся къ намъ и началъ съ нами разговаривать; вдругъ дверь съ шумомъ растворилась и мистеръ Гредли, о которомъ только-что говорили, и котораго мы видѣли на лѣстницѣ, вошелъ въ комнату.

— Не знаю, что вы тутъ дѣлаете, милостивые государи и государыни, сказалъ онъ, какъ-бы недовольный нашимъ присутствіемъ: — прошу прощенья за мой приходъ: я сюда прихожу не съ тѣмъ, чтобъ себя поназвать. Здравствуй, Черли! здравствуй, Томъ! здравствуй, мелюзга! какъ вы себя чувствуете?

Онъ нѣжно склонился надъ группою дѣтей, и они смотрѣли на него какъ на друга. Лицо его было все-таки мрачно, и взгляды, которыми онъ подчивалъ насъ, выражали злобное негодованіе. Мистеръ Жаридисъ видѣлъ это и, обратясь къ нему, оказалъ самымъ смиреннымъ голосомъ:

— Я думаю, никто не приходитъ сюда, руководясь однимъ только любопытствомъ.

— Можетъ-быть, сэръ, можетъ-быть, возразилъ мистеръ Гредли, схвативъ на руки маленькаго Тома и потрясывая его въ сильномъ нетерпѣннѣи : — избави Богъ спорить съ леди и съ джентльменами! Будетъ съ меня: мнѣ привелось поспорить столько, что иному во всю жизнь не удастся.

— Вѣрно есть причины, которыя заставляютъ васъ выходить изъ себя, сказалъ мистеръ Жарндисъ.

— Нѣтъ-таки, не отвязывается! проворчалъ мистеръ Гредли, начиная сердиться. — Я, сударь, бранчиваго десятка, я сударь, раздражительъ, я... я, сударь, невѣжливъ!

— И, кажется, очень. .

— Сэръ, зарычалъ мистеръ Гредли, быстро сбросивъ Тома съ колѣнъ своихъ и подходя къ мистеру Жарндису съ очевиднымъ намѣреніемъ вступить въ кулачной бой : — Знаете ли вы, сэръ, что значитъ Оберканцелярія?

— Быть-можетъ, къ-сожалѣнію...

— Къ-сожалѣнію? сказалъ удивленный мистеръ Гредли и гнѣвъ его утихъ. — Если такъ, сэръ, прошу прощенія. Я невѣжливъ — знаю. Прошу прощенія, сэръ! Я вамъ скажу, сэръ, продолжалъ онъ, горячасъ снова : — двадцать-пять лѣтъ таскаютъ меня по раскаленному желѣзу и я не умѣю ходить по мягкимъ коврамъ. Ступайте въ палату Оберканцелярія и спросите-ка ихъ: кто тутъ изъ ихъ истцовъ поворачиваетъ ими иногда такъ, что ни тпру... ни ну... и они скажутъ вамъ: шропшайрскій истецъ. Да, сэръ, говорилъ онъ сильно поколачивая одну руку о другую : — и они скажутъ вамъ : шропшайрскій истецъ ; а шропшайрскій истецъ, это — я!

— Вѣрю, очень вѣрю. Я и семейство мое имѣли честь доставлять нѣкотораго рода пищу въ это снисходительное Присутствіе, сказалъ опекунъ мой спокойно. — Я думаю, вы слышали обо мнѣ, ния мое — Жарндисъ.

— Мистеръ Жарндисъ, сказалъ мистеръ Гредли, раскланиваясь почтительно-неловкимъ образомъ: — вы, мистеръ Жарндисъ, переносите ваши непріятности спокойно, чѣмъ я переносу свои. Скажу болѣе, скажу при этомъ джентльменѣ и этихъ молодыхъ леди, если онѣ принадлежатъ къ вашимъ друзьямъ, что еслибъ я попробовалъ переносить ихъ иначе, то я давно бы сошелъ съ ума! Только, презирая ихъ, мстя за нихъ, сердясь, гнѣвно требуя справедливости, которой никогда не добьюсь, только, повторяю я, такимъ путемъ, могу я удержать отъ разброда пять моихъ чувствъ — да только такимъ путемъ! Вы, пожалуй, скажете мнѣ, что я безъ толку горячусь; а я вамъ скажу, что ужъ у меня такая

натура : не стерплю неправды, и горячусь очертя голову. По-мнѣ одно : или дѣйствовать, какъ я, или шататься въ палату, улыбаться да дѣлать книксены, какъ эта бѣдная, маленькая сумасшедшая старушонка. Середины тутъ для меня нѣтъ. Если я только поддамся, то непремѣнно выживу изъ ума.

Состояніе, въ которомъ онъ находился, гримасы, въ которыя ёжилось лицо его и эти сильные жесты, которыми онъ сопровождалъ каждое слово, производили самое грустное впечатлѣніе на зрителя.

— Мистеръ Жарндисъ, говорилъ онъ : — выслушайте мое дѣло, оно также вѣрно, какъ вѣрно то, что мы съ вами стоимъ на этомъ мѣстѣ. Насъ, сударь, два брата. Отецъ нашъ (онъ былъ фермеромъ) завѣщалъ все, чтó онъ имѣлъ : капиталъ, ферму и прочее — матери, по ея жизни. Послѣ смерти матери все должно было перейти, по духовному завѣщанію, ко мнѣ, кромѣ суммы въ триста фунтовъ стерлинговъ, которую я обязывался выплатить младшему брату. Мать умерла. Спустя нѣсколько времени, братъ сталъ требовать своихъ денегъ. Я и другіе родственники говорили, что часть ихъ уплачивается ужь тѣмъ, что онъ имѣеть содержаніе и помѣщеніе — вотъ и только. Посмотрите же, чтó изъ этого вышло ! Больше этого не сказано было ни слова; никто не опровергалъ духовнаго завѣщанія; никто объ уплатѣ не заикнулся. Братъ, чтобъ разъяснить это дѣло, подалъ прошеніе ; я долженъ былъ идти въ эту... Оберканцелярію ; я долженъ былъ, потому-что требовалъ законъ, и не позволялъ мнѣ идти ни въ какое другое присутственное мѣсто. Семнадцать человѣкъ было насъ опутано въ этомъ процессѣ. Дѣло началось спустя два года послѣ подаанія просьбы, потомъ его отложили еще на два года, и тогда этотъ лорд-оберканцлеръ — чтобъ ему ни дна, ни покрывки — вдругъ спрашиваетъ меня : дѣйствительно ли я сынъ моего отца ? Каково ? да въ этомъ никто никогда и сомнѣваться не думалъ ! Потомъ, можете себѣ вообразить, говорить, что насъ, подсудимыхъ, очень мало : ему изволите видѣть, мало семнадцати человѣкъ ! Вы, говорить, упустили другія лица; подайте-ка, говорить, всѣхъ ихъ сюда ! Дѣло должно, говорить, начаться съ начала; а между-тѣмъ протори и убытки по дѣлу были уже втрое больше того, чтó слѣдовало получить младшему брату. Братъ бы съ удовольствіемъ отказался отъ своего наследія, съ тѣмъ только, чтобъ избѣжать новыхъ расходовъ. Я просудилъ все, чтó мнѣ осталось послѣ отца по духовному завѣщанію, а дѣло все тянется, да тянется и не видать конца. И вотъ, посмотрите, на кого я теперь похожъ ? Да, мистеръ Жарндисъ, у васъ идетъ дѣло о тысячахъ, да о десяткахъ тысячъ, а у меня только о сотняхъ фунтовъ; но все-таки, мнѣ такъ же тяжело переносить неправду, какъ и вамъ, потому-что отъ

этих сотенъ фунтовъ зависеть вся моя жизнь, все мое благосостояніе, и все это сдѣлалось пухъ и прахъ!

Мистеръ Жарндисъ сказалъ, что онъ сочувствуетъ ему отъ всего сердца и что самъ вполне ненавидитъ уродливую систему дѣлопроизводства Оберканцеляріи.

— Вотъ опять! сказалъ мистеръ Гредли, съ тѣмъ же взрывомъ гнѣва: — система! всѣ мнѣ говорятъ, что это система! Я не долженъ ни къ кому обращаться — это система; я не могу прийти въ Палату и сказать: милордъ, я хочу знать отъ васъ, справедливо это, или несправедливо?.. Достанетъ ли у васъ духа, милордъ, сказать мнѣ, что я правъ и потому дѣло тянется?.. Милордъ ничего объ этомъ не знаетъ. Онъ председательствуетъ затѣмъ только, чтобъ приводить въ движеніе эту проклятую систему! Я не могу прийти къ мистеру Телькингорну, совѣтнику въ Линкольнской Палатѣ, и сказать ему, когда онъ меня выводитъ изъ терпѣнья своею холодностью и самодовольствіемъ, какъ и вообще всѣ они — не могу сказать ему: «я хочу отъ кого-нибудь получить возмездіе! онъ, изволите видѣть, не отвѣтчикъ. Вотъ система!

Гнѣвъ его доходилъ до ярости.

— Дѣ, я пришелъ въ отчаяніе отъ этой системы, сказалъ онъ, присѣвъ на стулъ и утирая лицо: — да, мистеръ Жарндисъ, я обвиненъ — я это знаю; я долженъ это знать. Я сидѣлъ въ тюрьмѣ, я куралесилъ тамъ и сямъ. Для нихъ я просто шропшайрскій истецъ; иногда даже они забавляются на мой счетъ. Для нихъ, видите ли, забавно, когда я вешлю и когда меня поведутъ подъ стражей въ тюрьму. Они говорятъ мнѣ, что лучше еслибъ я удерживался; а я говорю имъ, что, еслибъ я удерживался, я давно бы съ ума сошелъ! Я былъ нѣкогда человѣкъ тихаго характера; всѣ мои земляки помнятъ меня за добраго малаго; а теперь я на кого похожъ? и все это тяжба въ Оберканцеляріи. «Вамъ было бы полезнѣе, мистеръ Гредли», говорить мнѣ на прошедшей недѣлѣ лорд-канцлеръ: «чѣмъ болтаться здѣсь попустому, идти въ Шропшайръ и тамъ употреблять время на дѣло». Милордъ, милордъ! говорю я ему, я знаю, что для меня лучше и полезнѣе никогда бы не слышать имени вашего судилища; но я не могу передѣлать прошедшаго, а прошедшее тянетъ меня сюда. Дѣ, еслибъ я зналъ, что приходитъ время смерти, я бы пришелъ въ Оберканцелярію, легъ бы на ея порогъ и сказалъ бы имъ: вы выгоняли меня живаго, выгоните теперь мертваго!..

Лицо его такъ привыкло принимать гнѣвное выраженіе, что даже тогда, когда онъ успокоивался, оно не измѣнялось.

— Я пришелъ сюда съ-тѣмъ, чтобъ взять этихъ дѣтей къ себѣ на

часекъ-другой, сказалъ онъ, подходи къ нимъ опять: — пусть они поиграютъ у меня. Я избѣгаю говорить при нихъ объ этихъ вещахъ; впрочемъ, они много не поймутъ. Ты, вѣдь не боишься меня, Томъ — а?

— Ни-чек-о-ль-ко, сказалъ Томъ: — ты вѣдь на не-ея не серди-ишься!

— Не сержусь, не сержусь, дитя мое. Ты Черли, уходишь на работу? Да! Ну, а вы, дѣти, пойдите ко мнѣ! Онъ взялъ маленькую дѣвочку къ себѣ на руки и понесъ въ свою комнату; она казалась очень-довольною. Посмотримъ, нѣтъ ли тамъ у насъ прыгичнаго солдатики, говорилъ мистеръ Гредли, лаская ребенка.

Онъ попрежнему сдѣлалъ неловко-вѣжливый поклонъ мистеру Жаридеу, слегка поклонился намъ и пошелъ внизъ по лѣстницѣ.

Послѣ его ухода, мистеръ Скимполь пустился въ свой обычно-веселый разговоръ. Онъ говорилъ, что пріятно видѣть, какъ все на свѣтѣ устроивается къ-лучшему. Вотъ, напримѣръ, говоритъ онъ, мистеръ Гредли, человекъ съ крѣпкой волей и поражающей энергіей, нѣчто въ родѣ разумнаго кузнеца; вотъ этотъ мистеръ Гредли, понятно, что продолженіе многихъ лѣтъ искалъ въ жизни какого-нибудь препятствія, чтобъ удовлетворить своимъ марсовскимъ наклонностямъ, прешвояющимъ его сердце; словомъ: который продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ, какъ на иголкахъ; вдругъ ему, откуда не возьмись, Оберканцелярія, и она-то послужила ему именно тѣмъ предметомъ, котораго онъ искалъ. Съ этого времени они соединились законными узами. Еслибъ не Оберканцелярія, то онъ, мистеръ Скимполь, увѣренъ, что судьба обратила бы мистера Гредли въ баснословнаго героя, который врывалъ бы и громилъ всѣ роды городовъ, а можетъ, онъ бы сдѣлался великимъ политикомъ и проглотилъ бы, такъ-сказать, всю дипломатическую риторикку, какъ устрицу. Но судьба послала ему Оберканцелярію, и онъ вѣрно доволенъ ею, а она довольна имъ. Съ этого времени карьера его кончена. Возьмемъ хоть Коавинса! Какъ онъ, бѣдняга, горячился, бывало, изъ любви къ искусству! Даже онъ, самъ мистеръ Скимполь, не разъ посылаъ этого Коавинса (отца этихъ бѣдныхъ дѣтей) въ душѣ своей туда, куда вдронъ костей не носить. Да, Коавинсъ мучилъ его и даже, если сознаться откровенно, то было время, въ которое, еслибъ мистеръ Скимполь былъ султаномъ и его бы спросилъ въ одно прекрасное утро его великій визирь: что прикажетъ властелинъ вѣрныхъ своему рабу, то мистеръ Скимполь, пошелъ бы такъ далеко, что отвѣтилъ бы ему напрямки: — голову Коавинса! Но чѣмъ же все дѣло кончилось? Мистеръ Скимполь, вѣсто того, чтобъ снѣть голову съ Коавинса, былъ продолженіе всего времени его бла-

годѣтелемъ, далъ ему средства воспитать этихъ милыхъ дѣтей и направить ихъ по стезѣ добродѣтели. Эти воспоминанія такъ глубоко тронули душу мистера Скимполи, что слезы навернулись на глазахъ его, когда онъ смотрѣлъ вокругъ комнаты и думалъ: «я былъ истинный благодѣтель Коавинса, благосостояніе дѣтей его — это мое дѣло!»

Способность его поэтизировать все стороны жизни была такъ занимательна, что опекунъ мой не могъ удержаться отъ улыбки, взглянувъ на насъ послѣ тихаго разговора съ мистриссъ Бляйндеръ. Мы поцаловали Черли и сошли съ ней вмѣстѣ внизъ. Она пошла на работу; мы смотрѣли вслѣдъ ей и видѣли, какъ это крошечное, миленькое созданіе, одѣтое въ шапку и фартукъ совершеннолѣтней работницы, пробѣжала подъ арку воротъ и скрылась въ толпѣ, шумѣ и трескѣ безконечной улицы, какъ росинка въ волнахъ океана.

ГЛАВА XVI.

Улица одинокаго Тома.

Миледи Дедлокъ неугомонна, очень-неугомонна: не сидится ей на одномъ мѣстѣ. Изумленное, фешонэбльное соображеніе едва успѣваетъ слѣдить за ней. Сегодня она въ Чизни-Вольдѣ, вчера была въ своемъ отелѣ, въ Лондонѣ; завтра унесется, быть-можетъ, за границу; послѣ-завтра... но фешонэбльное соображеніе плохо предсказываетъ будущее. Даже любезность самого сэра Лейстера колеблется: онъ не въ состояніи сопровождать миледи повсюду. Другой вѣрный другъ его въ злые и добрые дни — подагра — гнѣздится въ отдѣланной дубомъ спальнѣ Чизни-Вольда и обнимаетъ его за обѣ ноги.

Сэръ Лейстеръ смотритъ, конечно, на подагру, какъ на злаго духа; однакожь понимаетъ ея патриціанское достоинство. Все Дедлоки по прямой мужской линіи, съ незапамятныхъ временъ и понынѣ, были жертвами подагры. Фактъ этотъ не требуетъ доказательства. Есть люди, которые умираютъ отъ ревматизма, отъ насморка, или отъ приличивыхъ болѣзней, бродящихъ посреди различныхъ слоевъ общества; но въ фамиліи Дедлоковъ другихъ болѣзней, кромѣ подагры, не бывало; рука смерти ведетъ ихъ въ гробъ одною наследственной, патриціанскою болѣзнью — подагрою. Игра случая, скажете вы. А можетъ, такъ и быть должно! Подагра въ знаменитомъ родѣ Дедлоковъ переходитъ отъ отца къ сыну, какъ старинная парча, или какъ древнія картины, или какъ богатое линкольншайрское помѣстье, словомъ: какъ что-то родовое. Сэръ Лейстеръ, конечно, несомнѣннѣе чужды мысли (впрочемъ, объ этомъ онъ не выражался), что смерть, дѣлая свое дѣло, не забы-

взять своихъ обязанностей передъ фешонабельными тѣнями и рекомендовать имъ cadaго, вновь-приводимаго Дедлока, слѣдующею фразою: «милорды и джентльмены, честь имѣю представить вамъ еще одного Дедлока, пришедшаго сюда чрезъ наследственную подагру».

Сэръ Лейстеръ очень-терпѣливъ. Онъ протянулъ свои родовыя ноги родовой болѣзни. Онъ чувствуетъ, что, быть-можетъ, для такого чело-вѣка, какъ онъ, лежать на спинѣ и подвергаться спазматическому пощипыванью въ оконечностяхъ, весьма-непріятно; но, съ другой стороны, онъ думаетъ: — мы всѣ страдали подагрой; она принадлежитъ намъ, какъ принадлежитъ паркъ и то мѣсто, на которое мы вотъ ужъ нѣсколько сотенъ лѣтъ, нисходимъ единственно только подагрой и я, думаетъ онъ, долженъ подвергаться этому неловкому положенію.

И картинно лежитъ онъ подъ малиновыми бархатными покрывами, затканными золотомъ, въ большой залѣ, передъ любимой картиной своей—портретомъ миледи, и яркій лучъ солнца блеститъ по длинной перспективѣ оконъ, пересѣкаясь съ нѣжными отливами тѣней. И въ паркѣ столѣтніе дубы, сося корнями плодотворную влагу полей, поверхность которыхъ никогда не оскорблялась прикосновеніемъ плуга или заступа, а всегда была или полемъ битвы, на которое стекались герои съ мечомъ и щитомъ, или полемъ охоты, на которое съѣзжались Дедлоки съ псами, стрѣлами и луками — свидѣтельствуютъ о его величіи. И въ комнатахъ предки его, перейдя изъ дѣйствительности въ нарисованныя тѣни, уносятся изъ воспоминанія также, какъ уносится карканье грачей, которое убаюкиваетъ пациента, также свидѣтельствуютъ о его величіи! И онъ очень-величественъ! И горе Бойтсону или всякой деревенской твари, которая осмѣлится самонадѣянно спорить съ нимъ!

Въ настоящую минуту портретъ миледи замѣняетъ ее у изголовья страждущаго супруга. Сама же она упорхнула въ городъ, безъ намѣренія тамъ остаться. И скоро вернется назадъ и быстротою движеній своихъ смутитъ фешонабельное соображеніе. Городской отель не готовъ къ ея приятію; онъ подъ чехлами и пустыненъ. Одинъ только напудренный Меркурій смотритъ съ отчаніемъ изъ окна прихожей. Онъ говорилъ вчера вечеромъ другому Меркурію, своему знакомцу, также привыкшему къ хорошему обществу, что если это все будетъ такъ, какъ идетъ до-сихъ-поръ, то онъ клянется честью, что этого не перенесетъ, что такому чело-вѣку, какъ онъ, остается одно только средство: веревку на шею — вотъ и все.

Какая можетъ быть связь между линкольншайрскимъ помѣстьемъ, городскимъ отелемъ, напудреннымъ Меркуріемъ и бѣднягою Джо, который метѣтъ ступеньки кладбища подъ лучами холоднаго солнца? Какая

можетъ быть связь между множествомъ людей различныхъ слоевъ общества, которыхъ случай облежаетъ иногда одного съ другимъ?

Джо цѣлый день мететь улицу вдоль и поперекъ, не зная ни о какой существующей связи. О нравственномъ состояніи своемъ онъ ничего не говоритъ и ничего не знаетъ. Онъ знаетъ только одно, и то, быть-можетъ, ненавѣрно, что чистить грязь и мести улицу очень-тяжело, и что еще тяжеле жить такую работою. Никто ничему не училъ его, и все, что онъ знаетъ, изучилъ самъ-собою.

Джо живетъ — это значить, Джо еще до-сихъ-поръ не умеръ — въ грязномъ мѣстѣ, извѣстномъ ему и его подобнымъ, подъ названіемъ Улицы Одинокого Тома. Это — грязная, немощеная улица, заселенная грязнымъ классомъ людей, гнѣздящихся въ развалившихся, подслѣпныхъ домикахъ. Ночью эти домики представляютъ собою цѣлыя муравейныя кучи бѣдняковъ, которые кончатся, какъ черви, по желанію, подъ крышкою и подъ поломъ. Дождь и вѣтеръ приносятъ имъ болѣзни и лихорадки, въ тысячу разъ худшія, чѣмъ рѣчи лорда Кудля, сэра Томаса Дудля, сэра Фудля и вообще всѣхъ фешенебельныхъ джентльменовъ, даже до Зудля, рожденныхъ исключительно для такой цѣли.

Раза два недавно слышался трескъ и подымалось облако пыли, подобно, какъ при взрывѣ мины, въ улицѣ Одинокого Тома, и каждый разъ разрушался и разсыпался какой-нибудь домъ, доставляя цѣлый парagraфъ новостей газетамъ, и двухъ или трехъ пациентовъ въ сѣсѣдній госпиталь. Но норы все-таки остаются занятыми и никогда не бываютъ пусты. И теперь много еще домовъ грозитъ разрушеніемъ въ улицѣ Одинокого Тома и много доставятъ новостей газетамъ.

Такое прекрасное владѣніе находится, конечно, подъ окшкою Оберманцеларія. Каждый британецъ, будь онъ слѣпой, знаетъ это очень-хорошо. Но почему такъ называется улица? Составляетъ ли Томъ народнаго представителя истцовъ или отвѣтчиковъ по дѣлу Жаридисовъ? Или Томъ жилъ здѣсь тогда, когда процессъ опустошилъ улицу, одиноко-одиноко, пока не присоединились къ нему другіе жильцы? Или это названіе означаетъ только мѣсто, гдѣ присутствуетъ бѣдность и гдѣ нѣтъ никакой надежды? Этого, быть-можетъ, никто не знаетъ. Джо, конечно, не знаетъ!

— Я не знаю, говорить Джо: — я ничего не знаю.

Странное состояніе, въ которомъ находится Джо! Мести улицу, шататься по ней и не понимать значенія этихъ мистическихъ символовъ, такъ плодовито-разбросанныхъ на лавкахъ, на углахъ, на дверяхъ и на окнахъ! Видѣть пинущихъ людей, видѣть читающихъ людей, видѣть почтальоновъ, разносящихъ письма — и не имѣть ни о чемъ ни

наибѣйшей идее, быть слѣпоу и глупу ко всему, какъ камень, должно-быть очень-странно. Видѣть множество людей, идущихъ въ церковь по воскресеньямъ, съ молитвенниками въ рукахъ, и думать (потому-что Джо, быть-можетъ, по-временамъ думаетъ), что все это значить? и если это что-нибудь да значить для другихъ, отчего же для меня не имѣеть никакого значенія? Да, странное состояніе Джо!

Джо выходитъ изъ улицы Одинокато Тома рано утромъ и жусть грязный кусокъ черстватаго хлѣба. Дорога его лежитъ черезъ нѣсколько улицъ; дома еще не отперты и вотъ онъ садится завтракать на порогъ дома Общества Благотворителей, и окончивъ завтракъ свой, благодарить за доставленное ему спокойствіе. Онъ удивляется величію зданія, думаетъ, зачѣмъ оно тутъ поставлено? Онъ не имѣеть никакой идеи, бѣдняга, о высокому значеніи того мѣста, на порогъ котораго вкушалъ свои крохи.

Онъ идетъ къ тому переулку, который долженъ чистить въ продолженіе дня. Городъ пробуждается и начинаетъ свое обыденное круженіе и верченіе, свое непонятное чтаніе и писаніе, прерванное на нѣсколько часовъ спокойствіемъ ночи. Джо не понимаетъ, что дѣлается окрестъ его. Сегодня торговый день. Слѣпыя быки забѣгаютъ не туда, куда слѣдуетъ, ихъ выгоняють кнутомъ и выбѣгаютъ они съ глазами, полными кровью, на мостовую и поражаютъ все, что имъ встрѣчается на пути.

Идутъ музыканты и нагрываютъ пѣсни. Джо прислушивается. То же дѣлаетъ и собака, собака при стадѣ, которая ожидаетъ своего пастуха у мясной лавки, и думаетъ объ овцахъ, съ которыми, наконецъ, развязалась на нѣсколько часовъ. Нѣкоторые изъ нихъ такъ кружили бѣдную собаку, что она не можетъ запомнить, гдѣ ихъ оставила. Она смотритъ по улицѣ взадъ и впередъ и вдругъ, словно что-то припомнивъ, подымаетъ уши и виляетъ хвостомъ. Блудливая собака, привыкшая къ низкому обществу и питейнымъ домамъ, опасна для овецъ: она готова по первому свисту вскочить имъ на спину и клочками вырывать ихъ волнистую шерсть; но эта собака не такая, эта собака учная, развитая собака; она знаетъ свою обязанность, знаетъ, какъ созывать овецъ; знаетъ, какъ разгонять ихъ. Эта собака и Джо прислушиваются къ музыкѣ, очевидно, съ тою же степенью животнаго наслажденія; очевидно, тотъ и другой совершенно-похожи между собою относительно возбужденныхъ музыкою воспоминаній, меланхолическихъ или радостныхъ чувствъ.

Оставьте маленькихъ собачекъ, подобно бѣдному Джо, безъ всякаго присмотра, и вы увидите, что черезъ нѣсколько лѣтъ онѣ позабудутъ лаять, но не кусаться.

День къ вечеру становится грязнѣе и темнѣе. Джо пробирается по-среди грязи, колесъ, лошадей, кнутовъ и зонтиковъ, и плетется съ ничтожной, выслуженной платой въ улицу Одинокого Тома, чтобъ заплатить хозяину за ночлеги. Настаютъ сумерки. Газовые рожки зажжены въ лавкахъ; фонаричикъ, съ своей лѣстницей, обходитъ троттуары по улицѣ. Все болѣе-и-болѣе вечерѣеть.

Въ своихъ комнатахъ мистеръ Телькингорнъ сидитъ, обдумывая жалобу въ Магистратъ. Грѣдди, отчаянный шроптайрскій истецъ, былъ сегодня у него и велъ себя буйно; насъ, конечно, не испугаешь; но этотъ злоумышленный негодий долженъ посидѣть въ тюрьмѣ. Кургузая аллегорія, въ небываломъ римскомъ шоломѣ, смотритъ съ потолка внизъ и указываетъ перстомъ своимъ на окно. Уже-ли потому и самъ мистеръ Телькингорнъ смотритъ въ окно? Не можетъ быть. Кургузая аллегорія постоянно сохраняетъ одинаковую позу; однако же мистеръ Телькингорнъ непостоянно смотритъ изъ окна.

Онъ смотритъ въ окна на проходящую мимо женщину. Что ему за дѣло до этой женщины? Мистеръ Телькингорнъ думаетъ, что на свѣтѣ много женщинъ — даже очень-много; что онѣ лежатъ въ основаніи всего того, что идетъ неправильно, хотя, собственно говоря, онѣ-то и даютъ работу адвокатамъ. Что жъ тутъ такого для мистера Телькингорна? Его ли дѣло, что мимо окна идетъ женщина, хотя она и идетъ таинственно? Онѣ всѣ таинственны, мистеръ Телькингорнъ знаетъ это очень-хорошо.

Да, онѣ всѣ таинственны, но не всѣ похожи на ту женщину, которая оставила теперь за собой и мистера Телькингорна и его домъ. Между ея одеждой и ея манерой есть какая-то рѣзкая непоследовательность. Судя по одеждѣ, это, должна быть горничная; но, судя по движеніямъ и по походкѣ, хотя она идетъ скрытно и поспѣшно, такъ поспѣшно, какъ только непривычная нога можетъ идти по грязной улицѣ — она леди. Лицо ея закрыто вуалью, но сквозь вуаль еще видны пріятныя черты лица; такъ-что ни одинъ прохожій не пропуститъ случая обернуться и поглядѣть на нее.

Она идетъ прямо, не поворачивая головы. Служанка ли это, или леди, во всякомъ случаѣ она идетъ за своимъ дѣломъ. Вотъ она на перекресткѣ, гдѣ стоитъ Джо съ своей метлой.

Онъ встрѣчается съ ней и проситъ милостыню. Она, не поворачивая головы, переходитъ по ту сторону улицы. Останавливается. Едва замѣтно киваетъ ему и говоритъ тихо: «поди сюда!»

Джо идетъ за ней, и послѣ двухъ-трехъ шаговъ останавливаются у пустаго двора.

— Тотъ ли ты мальчикъ, о которомъ я читала въ газетахъ? спрашиваетъ она его изъ-подъ вуали.

— Не знаю, отвѣчаетъ Джо, смотря съ удивленіемъ на вуаль: — какія газеты, я ни о чемъ ничего не знаю!

— Тебя допрашивали при обыскѣ?

— Не знаю. Вы, можетъ-быть, говорите про то, какъ меня потребовалъ приходскій сторожъ, говоритъ Джо: — развѣ въ газетахъ было написано Джо?

— Да.

— Это мое имя.

— Поди сюда поближе.

— Вы о томъ хотите знать, говоритъ Джо, слѣдуя за ней: — о томъ, который умеръ?

— Тихе, говори шопотомъ! Да, я хочу знать о немъ.

— Ну, чтó жь?

— Чтó онъ, былъ бѣденъ и такъ же... грязенъ?

— Да, отвѣчаетъ Джо.

— Чтó же, онъ былъ похожъ... нѣтъ, онъ не былъ похожъ на тебя? говоритъ женщина съ отвращеніемъ.

— О, нѣтъ, не такъ гадокъ, какъ я, говоритъ Джо: — развѣ вы его не знали?

— Какъ ты смѣешь меня объ этомъ спрашивать?

— Виноватъ, миледи, говоритъ Джо съ совершенной покорностью.

— Я не леди, я горничная.

— Такъ вы хорошенькая горничная! говоритъ Жо, оскаливъ зубы безъ всякой идеи о томъ, чтó онъ говорить.

— Молчи и слушай. Не говори со мной и стой отъ меня дальше. Можешь ли ты мнѣ указать всѣ тѣ мѣста, о которыхъ я читала въ газетахъ: мѣсто, гдѣ онъ писалъ, мѣсто, гдѣ онъ умеръ, мѣсто, гдѣ тебя допрашивали и мѣсто, гдѣ онъ погребенъ? Ты вѣдь знаешь, гдѣ онъ погребенъ?

Джо отвѣчаетъ киваньемъ головы.

— Ступай впереди меня и покажи мнѣ всѣ эти страшныя мѣста. Остановись передъ каждымъ изъ нихъ и не говори со мной ни слова, пока я сама тебя не заставлю. Не оборачивайся. Дѣлай то, чтó я тебѣ велю. Я тебѣ заплачу хорошо.

Джо останавливается, старается вслушаться въ то, чтó ему говорятъ, отиѣчаетъ слова на своей метлѣ, какъ-будто призадумывается; понимаетъ только то, что ему хотятъ заплатить, находить, что это хорошо и киваетъ своей всклокоченной головой.

— А! говорить Джо: — нагу не дамъ, смешнуй!

— Что бормочетъ это гнусное созданіе? вскрикиваетъ съ судорожнымъ движеніемъ слуганка и шитится отъ оскаленного зуба мальчика.

— Не бойсь, не бойсь не промахнусь! говоритъ Джо.

— Я не понимаю, что ты говоришь. Ступай впередъ! Я тебѣ дамъ столько денегъ, сколько ты никогда не видывалъ въ жизни.

Джо скривилъ губы для свиста, встряхнулъ всклокоченной головой, схватилъ метлу подмышку и пошелъ впередъ. Легко и быстро идетъ онъ голыми ногами по кремнистому камню, по кучамъ сора и грязи.

Страшное Подворье. Джо останавливается. Молчаніе.

— Кто здѣсь живетъ?

— А тотъ, кто бумаги ему давалъ и мнѣ далъ полкроны; ни гу-гу говорить! отвѣчаетъ Джо полупопотомъ и не поворачиваясь назадъ.

— Впередъ!

Лавка Крука. Джо опять останавливается.

Продолжительное молчаніе.

— Кто здѣсь живетъ?

— Онъ здѣсь жилъ, отвѣчаетъ Джо, какъ и прежде.

Молчаніе.

— Въ которой комнатѣ?

— Здѣсь наверху. Вотъ тамъ окно; смотривалъ иногда оттуда. Вотъ гостинница, куда меня требовали

— Впередъ!

Впередъ идти далеко, но Джо, подстрекаемый обѣщаніемъ, идетъ смѣло и не оборачивается назадъ. Идетъ по кривымъ грязнымъ переулкамъ, среди самыхъ смрадныхъ испареній. Вотъ маленькій дворъ, вотъ газовый фонарь (теперь газъ зажженъ), вотъ и желѣзная рѣшетка.

— Онъ лежитъ здѣсь! говоритъ Джо, смотря черезъ запертую калитку.

— Гдѣ? Какое страшное мѣсто!

— Здѣсь! говоритъ Джо, указывая пальцемъ: — неглубоко, можно метлой отрыть. Вѣдь для того и калитку запираютъ! Всегда на замкѣ... А, посмотрите, посмотрите, крыса-то... Вонъ бѣжитъ, вонъ бѣжитъ... Хи! прямо въ нору!

Служанка затрепетала и прячется въ уголокъ — въ уголокъ, отъ ужа-сающаго мѣста; руки судорожно вытянулись впередъ.

— Дальше, дальше! говорить она ему и Джо тарантиль на нее глаза свои, дивится и не понимает.

Служанка приходитъ въ себя.

— Это ужасное мѣсто — древнее кладбище? спрашиваетъ она.

— Какъ деревянное? спрашиваетъ удивленный Джо.

— Это настоящее кладбище?

— Какъ настоящее? бормочетъ, все болѣе-и-болѣе теряясь, Джо: — настоящее? какое настоящее?... лежить — вотъ и все тутъ!.. Настоящее!.. тутъ, чай, и не онъ одинъ — вотъ-те и настоящее!

Служанка также мало обращаетъ вниманіе на его безсмысленное бормотанье, какъ мало думаетъ о томъ, что говоритъ сама. Она снимаетъ перчатку съ руки съ тѣмъ, чтобъ достать изъ кошельки нѣсколько денегъ. Джо молчитъ, но онъ замѣчаетъ ея маленькую и бѣленькую ручку и думаетъ, что служанка-то, должно-быть, очень-пригожа, у нея вишь сколько перстней на рукѣ!

Она бросаетъ ему на ладонь монету, не касаясь его руки.

— Теперь, говоритъ она: — покажи мнѣ опять его могилу.

Джо протягиваетъ рукоятку метлы между желѣзными втулками рѣшотки и старается наивѣрнѣйшимъ образомъ указать могилу. Наконецъ онъ оглядывается назадъ, чтобъ убѣдиться, на сколько онъ вразумителенъ, но ни кого не видитъ сзади себя: онъ остался одинъ.

Первымъ долгомъ онъ считаетъ поднести монету къ рожку фонаря и видитъ, что это золото. Потомъ онъ бросаетъ ее о камень, чтобъ убѣдиться въ ея достоинствѣ. Наконецъ кладетъ ее въ ротъ для большей сохранности и быстро убѣгаетъ. Минуть сорокъ или часъ — и онъ въ улицѣ Одинокого Тома, и подвергаетъ опять свою гнию цѣлому процессу опытовъ, чтобъ убѣдиться въ ея несомнѣнномъ достоинствѣ.

Напудренный Меркурій не можетъ пожаловаться на недостатокъ общества сегодня. Миледи ѣдетъ на большой званый обѣдъ и на три или четыре бала. Сэръ Лейстеръ скучаетъ въ Чизли-Вольдѣ, скучаетъ потому, что у него всего только одинъ гость — подагра. Невеселый собесѣдникъ! Онъ жалуется мистриссъ Раунсвелъ на дождикъ, который такъ стучитъ по террасѣ, что мѣшаетъ читать газеты, даже передъ каминомъ, въ собственной спальнѣ.

— Лучше было бы, говоритъ мистриссъ Раунсвелъ Розѣ: — великъ сэръ Лейстеръ перешелъ въ другую половину дома. Собственная его спальня рядомъ съ половиною миледи; а нынѣшній годъ, что ты тамъ себя ни дѣлай, а ноги такъ и раздаются на Террасѣ Привидѣній.

ГЛАВА XVII.

Разсказъ Эсмира.

Ричардъ часто навѣщалъ насъ, пока мы были въ Лондонѣ (хотя онъ очень-скоро соскучился корреспонденціей) и своей ловкостью, своимъ хорошимъ расположеніемъ духа, своею веселостью и свѣжестью своего характера былъ всячески для насъ любезенъ. Но хотя я привязывалась къ нему всякій день все болѣе-и-болѣе, любила его все съ болѣею и съ новою силою, узнавая его, но я не могла не сожалѣть, что образованіе его исключало совершенно примѣнимость, практичность и концентрированность. Система, по которой онъ воспитывался, также точно, какъ и тысячи другихъ молодыхъ людей, съ различнымъ характеромъ и способностями, поставила его въ такое положеніе, въ которомъ онъ могъ исполнить возложенныя на него обязанности удовлетворительно и даже съ честью; но по-большой-части легкомысленно и неосновательно. Въ немъ, если хотите, была энергія и предпримчивость — качества, безъ которыхъ нельзя, конечно, достигнуть ни одной высокой цѣли, но, подобно водѣ и огню, онѣ прекрасны только какъ двигатели.

Я высказываю эти мнѣнія не потому, чтобъ хотѣла выставить ихъ справедливость — нѣтъ; я хочу только вѣрно описать свои мысли о Ричардѣ. Опекунъ мой говорилъ правду. Оберканцелярія дѣйствительно дала ему несчастное направленіе; она привязала къ его природѣ какую-то безпечность игрока, который ставитъ карту, разсчитывая единственно на случай.

Когда, однажды вечеромъ, пріѣхали къ намъ мистеръ и мистриссъ Бейгамъ Беджоръ и опекуна моего не было дома, то, во время разговора, я, безъ-сомнѣнія, спросила о Ричардѣ.

— Мистеръ Ричардъ Карстонъ, говорила мистриссъ Беджоръ: — слава Богу здоровъ и, я увѣрю васъ, онъ составляетъ великое приобрѣтеніе для нашего общества. Покойный капитанъ Своссеръ говорилъ, бывало, что я лучше чарки водки, лучше попутнаго вѣтра, когда сгнѣтъ соломинка, или нѣтъ въ трюмѣ прѣсной воды. Это была его привычка выражаться поморскому, изъ любви къ искусству; этимъ онъ хотѣлъ сказать, что считаетъ меня прекраснымъ приобрѣтеніемъ для каждаго общества. Я убѣждена, что я то же самое могу сказать про мистера Ричарда Карстона. Но я... вы не сочтете меня слишкомъ-торопливой?

— Нѣтъ, отвѣчала я: — потому-что вкрадчивый тонъ вопроса мистриссъ Беджоръ требовалъ, казалось мнѣ, такого отвѣта.

— И миссъ Клеръ, тоже не считать? сказала мистриссъ Беджоръ вѣжннмъ голосомъ.

Ада тоже отвѣчала нѣтъ, но смотрѣла очень-безпокойно.

— Такъ вотъ чтò, мои дорогія барышни, говорила мистриссъ Бейгамъ Беджоръ : — извините, что я васъ называю такъ, попросту ?

Мы просили почтенную мистриссъ Беджоръ не беспокоиться и называть насъ такъ, какъ ей угодно.

— Такъ-какъ вы, въ-самомъ-дѣлѣ, если я смѣю говорить прямо, продолжала мистриссъ Бейгамъ Беджоръ : — вполне-очаровательны, вы видите, мои милыя, что хотя я еще и молода... или, по-крайней-мѣрѣ, такъ, можетъ-быть, изъ вѣжливости, говоритъ мистеръ Бейгамъ Беджоръ...

— Нѣтъ, не изъ вѣжливости! взвизгнувъ тонкимъ голосомъ мистеръ Беджоръ, какъ-будто онъ былъ не въ маленькой комнатѣ, а на публичномъ митингѣ.

— Пусть такъ, пусть такъ ! возразила, улыбаясь, мистриссъ Бейгамъ Беджоръ : — мы будемъ говорить безъ комментариевъ : такъ, вы видите, что я еще молода.

— Еще бы нѣтъ ! взвизгнувъ опять мистеръ Бейгамъ Беджоръ.

— Да, такъ, хоть я еще молода, но имѣла много случаевъ наблюдать за юношами. Много ихъ перебывало на палубѣ дорогаго старикашки Криплера, увѣряю васъ. Послѣ этого, когда мы съ покойнымъ капитаномъ Своссеромъ были въ Средиземномъ Морѣ, я не упускала ни одного случая сблизиться и изучить молодыхъ людей, находящихся подъ его командою. Вамъ, конечно, никогда не случалось видать такихъ молодыхъ людей, и потому вы не поймете, еслибъ я вамъ рассказала про ихъ проказы, про ихъ продѣлки съ недѣльными счетами. Я, другое дѣло, море для меня родной домъ; я вамъ говорю: я настоящій матросъ. Также съ покойнымъ профессоромъ Динго...

— Европейская знаменитость ! проворчалъ мистеръ Беджоръ.

— Послѣ потери моего дорогаго перваго и сдѣлавшись женою моего дорогаго втораго, продолжала мистриссъ Бейгамъ Беджоръ, говоря о пережитыхъ своихъ супругахъ, какъ о частяхъ шарады : — я все-таки не упускала случая слѣдить за молодыми людьми. Аудиторія профессора Динго была обширна и разнообразна и я считала себѣ за особенную честь—какъ жена замѣчательно-ученаго человека, которая и сама ищетъ въ наукѣ все то утѣшеніе, которое наука дать можетъ—отворить двери нашего дома молодымъ студентамъ, какъ нѣчто въ родѣ ученой мѣняльной лавки. Каждый вторникъ вечеромъ былъ готовъ у насъ лимонадъ

в бисеканты для всѣхъ, кто желалъ освѣдѣться. И сколько тутъ было ума, сколько было науки!

— Замѣчательно-пріятныя собранія, миссъ Семерсонъ, сказала почитительно мистеръ Бейгамъ Беджоръ : — на этихъ собраніяхъ, подъ ученнымъ вліаніемъ европейски-великаго мужа, сколько, я думаю, было интеллектуальной зрѣкціи !

— И теперь, продолжала мистриссъ Бейгамъ Беджоръ : — сдѣлавшись женою моего дорогаго третьяго, мистера Беджора, я не оставила привычки, образовавшейся въ замужествѣ съ капитаномъ Своссеромъ, укоренившейся и разившейся весьма-благопріятно, при жизни покойнаго профессора Динго ; а потому я начала наблюдать за мистеромъ Ричардомъ Карстономъ, съ полнымъ пониманіемъ дѣла, а не какъ неофитъ. И я крѣпко увѣрена, что мистеръ Ричардъ Карстонъ пошелъ не по своей дорогѣ.

Ада смотрѣла такимъ испуганнымъ взглядомъ, что я сочла за долгъ спросить мистриссъ Бейгамъ Беджоръ: на чемъ она основываетъ свое мнѣніе ?

— Милая моя миссъ Семерсонъ, говорила она : — на характеръ и поведеніи мистера Ричарда Карстона — вотъ на чемъ ! Онъ, какъ бы вамъ сказать, смотритъ на все такъ легко, что даже не потрудится подумать и выкинуть въ настояція свои чувствованія; но я увѣрена, что карьера, которую онъ избралъ, ему не по натурѣ. Онъ не имѣетъ тѣхъ положительныхъ интересовъ, которые заставляютъ взяться за это дѣло. Если у него есть какое-нибудь определенное мнѣніе, такъ, я думаю, это только одно, что медицина ему очень надоѣла. Ну, а это многого не обѣщаетъ. Молодые люди, какъ, напримѣръ, мистеръ Аланъ Вудкауртъ, который видитъ въ этомъ дѣлѣ свои интересы, могутъ сквозь большіе труды, пренебрегая недостатками, преодолевая всѣ препятствія, добиться своей цѣли ; но съ мистеромъ Ричардомъ Карстономъ этого не будетъ, я въ этомъ увѣрена.

— Раздѣляетъ ли это мнѣніе и мистеръ Беджоръ? робко спросила Ада.

— Да, сказалъ мистеръ Беджоръ : — сказать правду, миссъ Клерь; я до-сихъ-норъ не понималъ этого обстоятельства такъ ясно ; но когда мистриссъ Беджоръ бросила на него такой свѣтъ, я нѣтъ никакого сомнѣнія, уразумѣлъ истину. Надо замѣтить вамъ, миссъ Клерь, что проникательный умъ мистриссъ Беджоръ, въ придачу ко всѣмъ ея физическимъ преимуществамъ, имѣетъ еще то рѣдкое достоинство, что онъ былъ сформированъ двумя столь замѣчательными... я хочу сказать, столь славными въздѣльвателями, какъ капитанъ королевскаго флота мистеръ Своссеръ и профессоръ Динго. Заключение, къ которому я при-

кажу касательно мистера Карстона, Ричарда, есть... короче сказать, я думаю то же самое, что и мистрисъ Бейгамъ Беджоръ.

— Покойный капитанъ Своссеръ, продолжала мистрисъ Бейгамъ Беджоръ : — говорилъ, что онъ считаетъ непреложнымъ правиломъ : коли тебѣ дано варить смолу, такъ ты вари сколько хочешь — не переваришь, а коли тебѣ надо швабровать палубу, такъ ты рукава засучи, да и валий, какъ-будто тебя кто за руки хватаетъ — вотъ какъ говаривалъ всегда капитанъ Своссеръ, и я думаю, что этотъ афоризмъ, какъ говаривалъ профессоръ Динго, можетъ точно также относиться и къ медицинской карьерѣ, какъ онъ относится къ флотской.

— Ко всемъ карьерамъ, ко всемъ профессіямъ! восклицалъ мистеръ Бейгамъ Беджоръ, пораженный мудростью такихъ принциповъ : — прекрасно сказано капитаномъ Своссеромъ, прекрасно сказано !

— Когда мы, послѣ свадьбы, жили съ профессоромъ Динго въ Северномъ Девоншайрѣ, говорила мистрисъ Бейгамъ Беджоръ : — то многіе изъ жителей упрекали его за то, что онъ портилъ ихъ дома и публичныя зданія, обламывая уголки своимъ геологическимъ молоточкомъ : «Я, говорилъ профессоръ Динго, признаю только одно зданіе : Храмъ Науки!» въ этихъ словахъ я также вижу принципъ капитана Своссера.

— Непремѣнно тотъ же самый принципъ, не премѣнно, говорилъ мистеръ Бейгамъ Беджоръ : — и какъ краснорѣчиво высказать! профессоръ Динго, миссъ Семерсонъ, сдѣлали тоже замѣчаніе во время своей послѣдней болѣзни. Онъ не премѣнно хотѣлъ (память ему ужъ напѣняла), чтобъ ему доставилъ его геологическій молоточекъ изъ-подъ подушки и чтобъ онъ могъ изслѣдовать фязіономіи его окружающихъ, какъ горныя формациі. Вотъ какова страсть къ наукѣ! преобладающая страсть!

Хотя, конечно, мистеръ и мистрисъ Беджоръ могли избавить насъ отъ этого близкаго знакомства съ великими принципами великихъ людей, однакожъ, тѣмъ не менѣе мы съ Адой чувствовали, что ихъ мнѣніе о Ричардѣ безкорыстно-справедливо, что они его поняли и оцѣнили правильно. Мы, однакожъ, рѣшились ничего не говорить мистеру Жардису прежде, пока не переговоримъ съ Ричардомъ; и такъ-какъ мы его ждали на этой недѣлѣ, то мы и условились имѣть съ нимъ очень-серьезный разговоръ.

Случая долго не пришлось ждать. Онъ былъ съ нами на другой день.

Давъ имъ съ Адой немного побесѣдовать, я вошла въ ту комнату, въ которой они сидѣли, и застала мою милочку (въ чемъ, къ-сожалѣ-

в бискупы для всѣхъ, кто желалъ освѣдѣться. И сколько тутъ было ума, сколько было науки!

— Замѣчательно-пріятныя собранія, миссъ Семерсонъ, сказалъ почтительно мистеръ Бейгамъ Беджоръ : — на этихъ собраніяхъ, подѣ ученымъ вліяніемъ европейски-великаго мужа, сколько, я думаю, было интеллектуальной зрѣкціи !

— И теперъ, продолжала мистриссъ Бейгамъ Беджоръ : — сдѣлавшись женою моего дорогаго третьяго, мистера Беджора, я не оставила привычки, образовавшейся въ замужествѣ съ капитаномъ Своссеромъ, укореившейся и развившейся весьма-благопріятно, при жизни покойнаго профессора Динго ; а потому я начала наблюдать за мистеромъ Ричардомъ Карстономъ, съ полнымъ пониманіемъ дѣла, а не какъ неопытъ. И я крѣпко увѣрена, что мистеръ Ричардъ Карстонъ пошелъ не по своей дорогѣ.

Ада смотрѣла такимъ испуганнымъ взглядомъ, что я сочла за долгъ спросить мистриссъ Бейгамъ Беджоръ: на чемъ она основываетъ свое мнѣніе ?

— Милая моя миссъ Семерсонъ, говорила она : — на характеръ и поведеніи мистера Ричарда Карстона — вотъ на чемъ ! Онъ, какъ бы вамъ сказать, смотритъ на все такъ легко, что даже не потрудится подумать и выкинуть въ настояція свои чувствованія; но я увѣрена, что карьера, которую онъ избралъ, ему не по натурѣ. Онъ не имѣетъ тѣхъ положительныхъ интересовъ, которые заставляютъ взяться за это дѣло. Если у него есть какое-нибудь опредѣленное мнѣніе, такъ, я думаю, это только одно, что медицина ему очень надоѣла. Ну, а это многого не обѣщаетъ. Молодые люди, какъ, напримѣръ, мистеръ Аланъ Вудкауртъ, который видитъ въ этомъ дѣлѣ свои интересы, могутъ сквозь большіе труды, пренебрегая недостатками, преодолевая всѣ препятствія, добиться своей дѣли ; но съ мистеромъ Ричардомъ Карстономъ этого не будетъ, я въ этомъ увѣрена.

— Раздвѣляетъ ли это мнѣніе и мистеръ Беджоръ? робко спросила Ада.

— Да, сказалъ мистеръ Беджоръ : — сказать правду, миссъ Клеръ; я до-сихъ-поръ не понималъ этого обстоятельства такъ ясно ; но когда мистриссъ Беджоръ бросила на него такой свѣтъ, я нѣтъ никакого сомнѣнія, уразумѣлъ истину. Надо замѣтить вамъ, миссъ Клеръ, что проникательный умъ мистриссъ Беджоръ, въ придачу ко всѣмъ ея физическимъ преимуществамъ, имѣетъ еще то рѣдкое достоинство, что онъ былъ сформированъ двумя столь замѣчательными... я хочу сказать, столь славными въздѣльвателями, какъ капитанъ королевскаго флота мистеръ Своссеръ и профессоръ Динго. Заключение, къ которому я при-

кажу касательно мистера Карстона, Ричарда, есть... короче сказать, я думаю то же самое, что и мистрисъ Бейгамъ Беджоръ.

— Покойный капитанъ Своссеръ, продолжала мистрисъ Бейгамъ Беджоръ: — говорилъ, что онъ считаетъ непреложнымъ правиломъ: коли тебѣ дано варить смолу, такъ ты вари сколько хочешь — не переваришь, а коли тебѣ надо швабритъ палубу, такъ ты рукава засучи, да и валий, какъ-будто тебя кто за руки хватаетъ — вотъ какъ говаривалъ всегда капитанъ Своссеръ, и я думаю, что этотъ афоризмъ, какъ говаривалъ профессоръ Динго, можетъ точно также относиться и къ медицинской карьерѣ, какъ онъ относится къ флотской.

— Ко всемъ карьерамъ, ко всемъ профессіямъ! восклицалъ мистеръ Бейгамъ Беджоръ, пораженный мудростью такихъ принциповъ: — прекрасно сказано капитаномъ Своссеромъ, прекрасно сказано!

— Когда мы, послѣ свадьбы, жили съ профессоромъ Динго въ Северномъ Девоншайрѣ, говорила мистрисъ Бейгамъ Беджоръ: — то многіе изъ жителей упрекали его за то, что онъ портилъ ихъ дома и публичныя зданія, обламывая уголки своимъ геологическимъ молоточкомъ: «Я, говорилъ профессоръ Динго, признаю только одно зданіе: Храмъ Науки!» въ этихъ словахъ я также вижу принципъ капитана Своссера.

— Непремѣнно тотъ же самый принципъ, непремѣнно, говорилъ мистеръ Бейгамъ Беджоръ: — и какъ краснорѣчиво высказать! профессоръ Динго, миссъ Семерсонъ, сдѣлалъ тоже замѣчаніе во время своей послѣдней болѣзни. Онъ непремѣнно хотѣлъ (память ему ужъ камѣняла), чтобъ ему доставилъ его геологическій молоточекъ изъ-подъ подушки и чтобъ онъ могъ изслѣдовать фазіономию его окружающихъ, какъ горцыя формация. Вотъ какова страсть къ наукѣ! преобладающая страсть!

Хотя, конечно, мистеръ и мистрисъ Беджоръ могли извлечь изъ этого близкаго знакомства съ великими принципами великихъ людей, однакожъ, тѣмъ не менѣе мы съ Адой чувствовали, что ихъ мнѣніе о Ричардѣ безкорыстно-справедливо, что они его поняли и оцѣнили правильно. Мы, однакожъ, рѣшились ничего не говорить мистеру Жардису прежде, пока не переговоримъ съ Ричардомъ; и такъ-какъ мы его ждали на этой недѣлѣ, то мы и условились имѣть съ нимъ очень-серьезный разговоръ.

Случая долго не пришлось ждать. Онъ былъ съ нами на другой день.

Давъ имъ съ Адой немного побесѣдовать, я вошла въ ту комнату, въ которой они сидѣли, и застала мою милочку (въ чемъ, къ-сожалѣ-

нію, я и не сомнѣвалась) готовою принимать все за чистыя деньги, что онъ ни говорилъ.

— Ну, какъ идутъ дѣла ваши, Ричардъ? спросила я, съѣвъ по другую сторону (онъ смотрѣлъ на меня какъ на родную сестру).

— О, довольно-хорошо! отвѣчалъ онъ.

— Что жь лучше можетъ быть этого, Эсвиръ? говорила моя мидочка торжественно.

Я попробовала—было взглянуть на нее серьезно, но, право, не могла.

— Довольно-хорошо? говорила я.

— Дѣ, говорилъ Ричардъ: — довольно-хорошо. По правдѣ сказать, скучненько: все одно и то же; но все-таки такъ хорошо, какъ только можно.

— Ахъ, милый Ричардъ!.. сказала я.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Ричардъ.

— Такъ хорошо, какъ только можно?

— Ну, чтожъ такое, тѣтушка Дердонъ? сказала Ада, смотря на меня черезъ плечо Ричарда: — если онъ говорить, что хорошо, стало-быть, хорошо — вотъ и все.

— О, безъ-сомнѣнія! возразилъ Ричардъ, поправляя беззаботно свои волосы: — притомъ же, это вѣдь только одинъ опытъ, пока не кончится нашъ процессъ... Ахъ, я забылъ! Не въ томъ дѣло, что тутъ процессъ!.. все идетъ хорошо, вотъ и только. — Бросимъ этотъ вздоръ и поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ.

Ада была въ-самомъ-дѣлѣ готова *бросить этотъ вздоръ*, будучи совершенно увѣрена, что разговоръ достигъ желанной цѣли; но я подумала, что дѣло надо кончить и потому сказала опять.

— Нѣтъ, Ричардъ, нѣтъ моя милая Ада, говорила я: — вы знаете, какъ важно для васъ обоихъ, вы знаете, какъ это необходимо для вашего брата, мистера Жарндиса, чтобъ мы подумали серьезно объ этомъ дѣлѣ. Нѣтъ, Ада, я думаю, что мы теперь же должны высказаться, чтобъ послѣ не было поздно.

— Дѣ, дѣ, намъ надо поговорить о многомъ, сказала Ада: — но я думаю, что Ричардъ совершенно правъ.

Какъ мнѣ было корчить изъ себя степенную гувернантку, когда она была такъ прекрасна, когда она смотрѣла на него съ такимъ довѣріемъ и съ такою любовью!

Мистеръ и мистриссъ Бейгамъ-Беджоръ, сказала я: — были вчера у насъ и они, кажется, думаютъ, что вы неохотно свыкаетесь съ обязанностями врача.

— Уже-ли они такъ думаютъ? сказалъ Ричардъ: — такъ это со-

вѣшь другое дѣло, это измѣняетъ обстоятельства. Мнѣ и въ голову не приходило, чтобъ они составили такое мнѣніе; я бы очень не хотѣла быть имъ въ тягость; но, впрочемъ, что за бѣда! Пока все идетъ такъ хорошо, какъ только можно.

— Слышишь, Ада, чтó онъ говорить? сказала я.

— Дѣло въ томъ, продолжалъ Ричардъ, полузадумчиво, полупутя: — сказать по правдѣ, мнѣ эта дорога не по вкусу и у нихъ въ домѣ мнѣ ужасно-скучно. Всѣ эти капитаты, Своссеры и профессоры Динго надоели мнѣ, какъ горькая рѣдка!

— Это я вполне понимаю! воскликнула Ада, радостно: — не то ли самое мы говорили съ тобою, Эсэиръ, вчера вечеромъ?

— Притомъ же, продолжалъ Ричардъ: — такъ все монотонно, сегодня, какъ вчера, завтра, какъ сегодня и т. д.

— Но мнѣ кажется, говорила я: — что подобное замѣчаніе относится ко всѣмъ родамъ занятій, такова жизнь вообще, исключая развѣ только особенные случаи.

— Вы такого мнѣнія? сказалъ Ричардъ, все-таки задумчиво: — быть-можетъ, оно и такъ! Гм! но откуда же вы это знаете? прибавилъ онъ, быстро развеселяясь: — да, мы бродимъ по кругу и говорить нечего, чтó ни толкуй, а все придемъ къ тому же: все идетъ довольно-хорошо—вотъ и все! но бросимъ это, поговоримъ о другомъ!

Но тутъ даже и Ада, съ своимъ влюбленнымъ личикомъ, хотя оно было совершенно-невинно и утѣшительно, именно такъ, какъ я его видѣла среди ноябрьскаго тумана, даже и Ада, говорю я, покачала головой на это предложеніе и взглянула серьезно. Я обрадовалась этому случаю, чтобъ дать почувствовать Ричарду, какъ можетъ быть вредно для его будущаго и въ-особенности для будущаго Ады, шутливый взглядъ на всѣ вещи и его безпечность. Къ-счастью, замѣчаніе мое сдѣлало его серьезнымъ.

— Милая тѣтушка Геббертъ, сказалъ онъ: — это правда, я объ этомъ думалъ нѣсколько разъ и сердился на себя нѣсколько разъ, но чтó дѣлать, такова натура! а вѣдь по правдѣ, я постояненъ; посмотрите, какъ я люблю Аду (милая Ада, какъ я тебя люблю!), да крайней-мѣрѣ въ любви! Въ другихъ вещахъ?.. но вѣдь это ужасная тоска! требуетъ столько времени; скука — да и только!

— Быть можетъ, это потому, прибавила я: — что вамъ не нравятся избранная вами карьера.

— Бѣдняжка! сказала Ада: — я не удивляюсь, что она ему не нравится!

Нѣтъ. Я была не въ силахъ прикидываться благоразумной. Я-было и попробовала опять, но не выдержала своей роли. Надо было посмот-

рѣть на эту маленькую шарочку, чтобъ конить мое положеніе: Ада скрестила свои ручки на его плечѣ, а онъ любителю ея голубыми глазами, которые устремлены на него. Это выше всякихъ силъ!

— Ты видишь, моя очаровательница, говорилъ Ричардъ, играя ея золотистыми кудрями: — я, быть-можетъ, немного потерпѣлся вы-беронгъ, или можетъ, я не понялъ своихъ наклонностей; но, впрочемъ, какъ понять не попробовавъ? Вопросъ теперь въ томъ: отказаться или нѣтъ? Впрочемъ, кажется, мы шумимъ изъ ничего.

— Какъ изъ ничего, милый Ричардъ, сказала я: — какъ можно сказать изъ ничего!

— То-есть, по-крайней-мѣрѣ, не изъ многого, прибавилъ онъ: — я хочу этимъ сказать только то, что я никогда не считалъ необходимымъ для себя вступить на докторскую карьеру.

Тутъ мы оба съ Адой принялись увѣрять его въ одинъ голосъ, что если онъ находитъ докторскія занятія не по своему вкусу, то есть еще время отказаться отъ нихъ и стать на другую дорогу.

— Чтѣ дѣльно, то дѣльно, тѣтушка, сказалъ Ричардъ. Я объ этомъ ужъ думалъ; и мнѣ кажется, что адвокатское званіе, мнѣ какъ нель-зя больше прійдется по вкусу.

— Адвокатъ! повторила Ада, голосомъ, въ которомъ выразился вснутъ, соединенный съ этимъ словомъ.

— Еслибъ я поступилъ въ кантору мистера Кенджа, говорилъ Ричардъ: — я бы тогда наострилъ ухо и поглядывалъ бы пристально на... ги!.. заперещенный-то плодъ, я бы тогда могъ слѣдить за дѣломъ и звалъ бы, какъ оно ведется, правильно или неправильно. Я былъ бы въ состояніи наблюдать за интересами Ады и, слѣдовательно, за своими интересами (потому-что это одно и тоже).

Я, конечно, далеко не могла убѣдиться въ справедливости словъ его и замѣтила, что стремленіе его за воздушными замками, за этимъ мнѣ-скимъ богатствомъ, запертымъ въ Оберканцелярш, набросило легкую тѣнь на личико Ады. Однакожь, я сочла за лучшее ободрить его и сказала ему, что онъ долженъ серьезно подумать, способенъ ли онъ къ адвокатству.

— Милая моя Минерва, сказалъ Ричардъ: — я такъ же рѣшительнѣе, какъ и вы сами. Правда, я ошибся; но ошибаться въ природѣ мнѣ-звѣка... Посмотрите, я буду такимъ адвокатомъ, какого еще свѣтъ не создавалъ. По этому-то я говорю, что мы теперь переживаемъ изъ пустяго въ порожнее.

Эта фраза заставила насъ опять принять серьезный тонъ и мы на-чали его убѣждать признаться, съ полной откровенностью и ничуть

не медля, во всемъ мистеру Жарндису. Характеръ Ричарда былъ таковъ, что для него, что сказано, то и сдѣлано; онъ тотчасъ же взявъ насъ подъ-руки, отправился отыскивать моего опекуна и разсказалъ ему все совершенно-подробно.

— Рикъ, сказалъ мистеръ Жарндисъ, выслушавъ его внимательно: — не безпокойся, мы отступимъ съ честью; но, во всякомъ случаѣ, мы должны быть осторожны для нашей кузины, Рикъ; да, для нашей хорошенькой кузины, Рикъ, чтобъ опять не сдѣлать ошибки. А потому врежде, чѣмъ мы вступимъ на адвокатное поприще, мы серьёзно обдумаемъ и не будемъ торопиться.

Энергія Ричарда была такого нетерпѣливаго рода, что ему казалось всего лучше сейчасъ же, сію же минуту отправиться къ мистеру Кенджу и занять мѣсто въ его конторѣ. Однакожъ, онъ сейчасъ же согласился на требуемую отъ него отсрочку, смирилъ свое нетерпѣніе, сѣлъ между нами и сталъ толковать о будущемъ назначеніи своемъ, какъ-будто онъ только и думалъ отъ самой колыбели, чтобъ быть адвокатомъ. Мистеръ Жарндисъ былъ очень-ласковъ и любезенъ съ нимъ, но совершенно-серьёзенъ; довольно сказать, что когда онъ прощался съ нами, уходя спать, Ада спросила его своимъ нѣжненькимъ голоскомъ:

— Братецъ Джонъ, я надѣюсь, вы не стали хуже думать о Ричардѣ.

— Нѣтъ, моя милая, сказалъ онъ.

— Потому-что... вѣдь, видите ли, братецъ Джонъ, ему немудрено было ошибиться въ такомъ трудномъ дѣлѣ... Это вѣдь очень-тяжелая вещь.

— Нѣтъ, нѣтъ, душа моя, сказалъ онъ: — не безпокойся.

— О, нѣтъ, не безпокоюсь, милый братецъ! говорила Ада, улыбаясь самой сладкой улыбкой и обвиняя его своей маленькой ручонкой: — но я... я буду несчастна, если вы переѣните о немъ ваше мнѣніе!

— Другъ мой, сказалъ мистеръ Жарндисъ: — я бы составилъ дурное мнѣніе о немъ только тогда, когда бъ онъ чрезъ свою вѣтренность сдѣлалъ тебя несчастной; но и тогда бы я былъ расположенъ бранить скорѣй себя, чѣмъ его, твоего бѣднаго Рика, потому-что я васъ соединилъ; но, те! все это пустяки! Времени передъ нимъ много и средствъ у него много. Я о немъ дурно думаю? Нѣтъ, влюбленная моя сестрица, я о немъ дурно не думаю, да и готовъ держать пари, что и ты о немъ дурно не думаешь.

— Ахъ, братецъ Джонъ! говорила Ада: — я бы не могла, я бы не съужила; въ этомъ я совершенно увѣрена, и тогда дурно думать о Ри-

чардѣ, когда бы о немъ думалъ дурно цѣлый свѣтъ. Мнѣ кажется, чѣмъ хуже бы стали думать о немъ другіе, тѣмъ лучше бы стала думать я.

— Помнится, сказалъ опекунъ мой, глядя на нея задумчиво: — помнится, что гдѣ-то сказано, что добрыя качества матери отражаются всегда въ дѣтахъ. Прощай, дитя мое, прощай моя милочка, пріятныхъ сновъ! счастливыхъ сновъ!

Въ первый разъ я замѣтила, что во взорѣ его, которымъ онъ провожалъ Аду, была легкая тѣнь беспокойства. Я очень-хорошо помнила ту мягкость, ту надежду, съ которыми онъ наблюдалъ за ними, когда они сидѣли за роялемъ и когда тѣни ихъ сливались въ одну и дрожали на стѣнѣ. Я помню и тотъ взоръ, которымъ онъ сопровождалъ милую парочку, когда она проходила подъ лучами солнца и скрылась наконецъ въ тѣни; но какая разница съ теперь брошеннымъ взоромъ! тѣ были такъ исполнены надежды, довѣрія, спокойствія!

Ада никогда не говорила про Ричарда съ такимъ чувствомъ, какъ сегодня вечеромъ. Она легла спать, не снимая съ руки своей браслета, который ей подарилъ Ричардъ, и какъ она была прекрасна! какъ она была спокойна! и она видѣла во снѣ его, я въ этомъ увѣрена, когда, часа черезъ полтора, я склонилась надъ ней и поцаловала ее тихонько въ пухленькую щечку.

Самой мнѣ что-то дурно спалось въ эту ночь и я сидѣла за работой. Объ этомъ, конечно, не стоитъ говорить, и я право не умѣю сказать, почему я была въ такомъ неловкомъ состояніи духа.

Какъ бы то ни было, я рѣшилась во что бы ни стало, не давать развиваться дурному расположенію духа и сѣла за работу. Безъ-сомнѣнія, я ужь не разъ сказала себѣ: — ты, Эсмеръ, ты смѣешь быть въ дурномъ расположеніи духа! помни, какъ ты должна быть благодарна за все, что для тебя сдѣлано!

Если бъ я могла заснуть, то я тотчасъ же бы легла въ постель; но сонъ былъ далеко отъ меня; я взяла свой руководѣльный ящикъ, достала оттуда вышивку и рѣшилась крѣпко заняться работой. Надо было считать по канвѣ всѣ крестяки и я не хотѣла оставлять работы до-тѣхъ-поръ, пока не сомкнутся глаза.

Я занялась прилежно: одинъ стежокъ, два, цѣлый рядъ крестиковъ; наконецъ готовъ уголокъ, наконецъ недостало шелку, я взяла свѣчку и пошла внизъ за шелкомъ въ временную Воркотню и, къ удивленію, застала тамъ опекуна моего. Онъ сидѣлъ задумавшись передъ каминомъ и смотрѣлъ на уголья. Серебристые волосы его въ беспорядкѣ лежали на головѣ, какъ-будто въ раздумьѣ своемъ, онъ постоянно потиралъ ее

руками. Во всякомъ случаѣ эта неожиданная встрѣча испугала меня, я остановилась на-минуту и непременно ушла бы назадъ, не нарушая его спокойствія, но онъ случайно увидѣлъ меня и я должна была остаться.

— Эсэиръ! сказалъ онъ съ удивленіемъ.

Я сказала ему зачѣмъ я пришла.

— Какъ, за работой до-сихъ-поръ, моя милая?

— Да, добрый опекунъ мой, сегодня я заработалась, сказала я; что-то не спится и мнѣ бы хотѣлось кончить вышивку. Но, добрый опекунъ мой, вы отчего до-сихъ-поръ не отдыхаете и отчего такъ грустны? Надѣюсь, что нѣтъ никакой причины вамъ тревожиться.

— Никакой, маленькая хозяйка, отвѣчалъ онъ: — по-крайней-мѣрѣ такой, которую бы ты могла понять.

Онъ говорилъ такимъ страннымъ, такимъ грустнымъ тономъ, что я невольно повторила его слова:

— Которую бы я могла понять?

— Останься на минуту Эсэиръ, сказалъ онъ: я думалъ о тебѣ.

— Надѣюсь, что не мысль обо мнѣ привела васъ къ такому грустному размышленію?

Онъ тихо провелъ рукою по лицу и снова глаза его выразили доброе и спокойное выраженіе. Перемена эта совершилась подъ вліяніемъ такой сильной воли, что я опять невольно повторила:

— Никакой, которую бы я могла понять?

— Маленькая хозяйка, сказалъ мистеръ Жардидсъ: — я думалъ, то-есть я только что-теперь задумался о томъ, что ты должна быть посвящена во всѣ тайны своей исторіи, то-есть знать все, что и я знаю. Впрочемъ, это немного, очень-немного, Эсэиръ!

— Дорогой опекунъ мой, сказала я: — когда въ первый разъ вы объ этомъ сами заговорили...

— Но съ-тѣхъ-поръ, сказалъ онъ серьезно, перебивъ меня и догадываясь о чемъ я хотѣла сказать: — съ-тѣхъ-поръ, Эсэиръ, я думалъ, что есть большая разница между вопросомъ съ твоей стороны и объясненіемъ съ моей. Быть можетъ, это моя обязанность рассказать тебѣ все то, что я знаю.

— Если вы такъ думаете, дорогой опекунъ мой, сказала я: — стало-быть, это справедливо.

— Я такъ думаю, возразилъ онъ, очень-нѣжно, очень-добродушно, но рѣшительно. — Да, милая моя, теперь я такъ думаю. Если твое положеніе въ глазахъ кого бы-то ни было можетъ казаться неловкимъ,

то по-крайней-мѣрѣ ты прежде другихъ должна знать всю истину, чтобъ смотрѣть на себя совершенно-правильно.

Я съѣла и, не безъ нѣкотораго усилія быть спокойной, сказала ему: — первая воспоминанія мои грустны — вы ихъ знаете, добрый опекунъ мой, и руки невольно поднялись къ лицу моему. Я запылась, повторяя эти печальные слова.

— Прошло девять лѣтъ, душа моя, сказалъ онъ, помолчавъ немного: — прошло девять лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ я получилъ письмо отъ одной женщины, живущей въ уединеніи, письмо, исполненное такой страсти и такой силы, какихъ мнѣ никогда не случалось видѣть въ письмахъ. Оно было писано на мое имя, быть можетъ, съ безумнымъ до мнѣ довѣріемъ, быть можетъ, съ тѣмъ, что была моя обязанность оправдать это довѣріе. Въ письмѣ говорилось о ребенкѣ, о сиротѣ, двѣнадцати лѣтъ отъ-роду, и именно въ тѣхъ словахъ, которые остались у тебя въ памяти. Эта женщина писала ко мнѣ, что она воспитывала ребенка въ тайнѣ, скрывая его происхожденіе, и что, со смертью ея, ребенокъ останется безъ друзей, безъ опоры, безъ имени. Дальше, она спрашивала меня согласенъ ли я продолжать воспитаніе такъ, какъ она начала?

Я слушала молча и внимательно смотрѣла на него.

— Тѣ слова, которые ты помнишь, показываютъ съ какой точки зрѣнія смотрѣли на ребенка, безъ сомнѣнія, невиннаго. Сердце мое забилось въ пользу малютки и я отвѣчалъ на письмо.

Я взяла его руку и поцаловала.

Письмо заклиало меня не стараться видѣть пишущую; она давно была чужда свѣту и соглашалась только принять отъ меня довѣренное лицо. Я довѣрилъ мистеру Кенджу. Леди сказала ему, что она въ нѣ-которомъ отношеніи тетка бѣднаго ребенка и что больше она никому на свѣтѣ ничего не скажетъ. Вотъ все чтѣ я знаю, другъ мой.

Я нѣсколько времени держала руку его въ своихъ рукахъ.

— Я чаще видалъ мою воспитанницу нежели она меня, сказалъ онъ, нѣжно глядя на меня: — и всегда зналъ, что она любима и счастлива.

— О, какъ я должна благословлять васъ, добрый опекунъ мой, васъ, моего настоящаго отца.

При словѣ отецъ, я опять замѣтила беспокойство на лицѣ его; но онъ превозмогъ себя и черезъ минуту былъ совершенно покоенъ; но все-таки слова мои произвели на него непріятное впечатлѣніе, такъ что я невольно опять повторила:

— Которую я не могу понять, которую я не могу понять!

— Да, это было справедливо, и надолго, надолго справедливо...

— Прощай, же душа моя; сказалъ онъ, поцаловавъ меня въ лобъ :
— и ступай опять ; теперь поздно и думать и работать. Ты и безъ
того цѣлый день думаешь за насъ, милая хозяйка.

Я не только не работала, но и не думала больше ничего. Съ бла-
годарностью помолилась я Богу за столько незаслуженныхъ милостей и
заснула спокойно.

На слѣдующій день у насъ были гости. Пріѣхалъ мистеръ Аланъ
Вудкауртъ. Онъ пріѣхалъ проститься, потому-что уѣзжалъ надолго
въ Китай и Индію, въ качествѣ врача на кораблѣ.

Я думаю, впрочемъ, и знаю навѣрное, что онъ небогатъ. Все,
что бѣдная мать могла сохранить для него, было истрчено на обра-
зование. Для молодого врача, неимѣющаго никакого знакомства въ Лон-
донѣ, жизнь трудна ; и хотя онъ занимался цѣлый день, лечилъ мно-
жество бѣдныхъ, но мало имѣлъ денегъ.

Онъ былъ старше меня семью годами ; впрочемъ, это въ скобкахъ :
не знаю зачѣмъ я объ этомъ сказала.

Я думаю, то-есть, помнится, онъ говорилъ намъ, что практиковалъ
три или четыре года, и еслибъ могъ надѣяться еще практиковать столько
же времени, то онъ не предпринялъ бы такого дальняго вояжа. Онъ
часто бывалъ у насъ и мы, сказать правду, грустили о его отъѣздѣ,
потому-что онъ былъ замѣчательно-искусный врачъ и на очень-хоро-
шемъ счету.

Когда онъ пріѣхалъ къ намъ прощаться, онъ привезъ свою матушку
въ первый разъ. Это была очень-хорошенькая старушка съ большими
черными глазами ; но она казалась немного-надменной. Она была родомъ
изъ Валлиса и считала свое происхожденіе отъ лакого-то знаменитаго
предка, по имени что-то въ родѣ Морган-ап-Керригъ, уроженца ка-
кого-то знаменитаго графства Джаймльтъ. Предокъ, кажется, всю свою
жизнь провелъ въ нагорныхъ битвахъ и какой-то бардъ, въ родѣ Крём-
лайнвашиворъ воспѣлъ дѣянія его въ пѣсни подъ заглавіемъ Міюлинви-
линводъ.

Мистриссъ Вудкауртъ, повѣдавъ намъ знаменитость своей высокой
родни, сказала, что она вполне убѣждена, что сынъ ея, мистеръ Аланъ
Вудкауртъ, куда бы не былъ заброшенъ судьбою, никогда не долженъ
забыть, какая кровь течетъ въ его жилахъ и никогда не долженъ всту-
пать въ бракъ, несоотвѣтствующій его общественному положенію ; она
внушала ему, что въ Остипдинъ, куда онъ отправляется, много прекрас-

ныхъ англичанокъ—спекулянткѣ, которыя, хотя имѣють и независимую собственность, но богатство ничего не значить безъ знаменитаго происхожденія, которое должно играть роль во всѣхъ случайностяхъ въ мірѣ. Она такъ много говорила о родственномъ достоинствѣ, что мнѣ невольно пришла въ голову очень—глупая мысль, будто она намѣрена спросить меня о моемъ происхожденіи.

Мистеръ Аланъ Вудкауртъ, казалось, мало сочувствовалъ плодовитости ея разказовъ и очень—нѣжно, очень—тонко свелъ разговоръ, не давая ей повода замѣтить свое неудовольствіе, на благодарность къ добродушному опекуну моему, за его гостепріимство и за тѣ счастливые часы—онъ называлъ ихъ счастливыми часами—которые онъ провелъ посреди насъ, воспоминанія о которыхъ, говорилъ онъ, будутъ всегда неизгладимы въ его сердцѣ и будутъ всегда его лучшею мечтою. Онъ пожалъ намъ руки, и я протянула ему свою, потому—что всѣ протягивали. Онъ поцаловалъ руку Ады, потомъ мою и потомъ уѣхалъ далеко, далеко! надолго, надолго!

Я была занята цѣлый день, писала письмо домой, приказыва въ Холодный Домъ, писала замѣтки моего добраго опекуна, стирала пыль съ книгъ и бумагъ и гремѣла ключами неумолкаемо. Я была занята до самыхъ сумерокъ. Когда солнце закатилось, я сѣла у окна пригѣвая и работая. Вдругъ дверь отворилась и, сверхъ моего ожиданія, вошла Кадди.

— Ахъ Кадди, моя милая, сказала я : — какіе прелестные цвѣты! У нея въ рукахъ былъ прекрасный букетъ цвѣтовъ.

— Конечно прекрасные, Эсэиръ, сказала Кадди : — лучше ихъ трудно сѣискать.

— Принцъ, моя милая? сказала я шопотомъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Кадди, качая головой и поднося ихъ къ моему носу : — нѣтъ не Принцъ.

— Ахъ, Кадди! такъ вотъ въ чемъ дѣло: у тебя два обожателя?

— Что? такъ ты думаешь, что у меня два обожателя?

— Да, два обожателя, сказала я, ущипнувъ ее тихонько за щечку.

Кадди разсмѣялась и сѣла подъ окномъ со мной и съ Адой, чтобъ поболтать немного. Она сказала намъ, что пробудетъ съ нами съ полчаса, пока не прійдетъ за ней Принцъ. Между—тѣмъ она безпрестанно любовалась букетомъ, то прикладывая его ко мнѣ на грудь, то вилетая его въ мои волосы. Наконецъ, уходя отъ насъ, она отвела меня въ сторону и прикрѣпила букетъ къ моей груди.

— Это для меня? сказала я съ удивленьемъ.

— Для васъ, отвѣчала Кадди и поцаловала меня. — Кто-то оставилъ этотъ букетъ для васъ.

— Для меня?

— Да, для васъ, въ квартирѣ бѣдной миссъ Флайтъ. Кто-то уѣзжаетъ нынче далеко, далеко, на корабль, и проситъ передать это вамъ. Нѣтъ, нѣтъ, не снимайте ихъ : это было его желаніе, я свидѣтель.

— Это на что-то похоже, Эсепрь! сказала Ада смѣясь и обвиняя меня : — это на что-то похоже, тѣтушка Дерденъ, на что-то похоже!

ГЛАВА XVIII.

Леди Дедлокъ.

Не такъ-то было легко Ричарду, какъ казалось, поступить на испытаніе въ контору къ мистеру Кенджу. Главною помѣхой въ этомъ дѣлѣ былъ самъ Ричардъ. Какъ только настало время оставить мистера Беджора, онъ началъ ужь сомнѣваться въ успѣхѣ своихъ новыхъ предпріятій.

— Право, говорилъ онъ : — вѣдь медицинская карьера — хорошая карьера, она мнѣ не хуже нравится другихъ. Попробовать развѣ еще немножко?

Вслѣдствіе этого онъ заперся въ своей комнатѣ, обложилъ себя книгами и костюми и въ это короткое время, казалось, завоевалъ порядочный запасъ свѣдѣній. Стремленіе его къ медицинскимъ занятіямъ было неравновѣрно : сначала онъ принялся за нихъ горячо, но потомъ понемногу сталъ охлаждаться, а, охладившись совершенно, опять бросился на нихъ съ новою энергіею. Это колебаніе между юриспруденціей и медициною продолжалось такъ долго, что наступилъ Ивановъ-день, а мистеръ Ричардъ находился все-еще у мистера Беджора. Наконецъ, спустя еще нѣсколько времени, поступилъ онъ въ контору мистера Кенджа и Корбая. При всѣхъ этихъ толкахъ и перетолкахъ, въ немъ сформировался такой запасъ самонадѣянности, что онъ вполнѣ былъ убѣжденъ въ прекрасномъ выборѣ своей карьеры; онъ былъ такъ веселъ, счастливъ и такъ влюбленъ въ Аду, что, право, трудно было вообразить себѣ въ немъ другое чувство, кромѣ любви.

— Да, говорилъ Ричардъ : — что касается до мистера Жарндиса, который, сказать мимоходомъ, частенько жаловался все это время на порывы восточнаго вѣтра, такъ, что касается до мистера Жарндиса, онъ, Эсепрь, по моему мнѣнію, славный-малый и ужь изъ одного этого я долженъ стараться взяться за дѣло какъ можно прилежнѣе.

Мысль, что Ричардъ можетъ вѣстия для дѣла, высказанная въ-особенности съ такимъ безпечнымъ и веселымъ лицомъ, не внушила большаго довѣрія. Однакожь, онъ часто говаривалъ намъ, что работы у него по горло, что онъ дивится, какъ еще до-сихъ-порѣ не постѣдѣлъ какъ лунь.

Все это время въ денежныхъ дѣлахъ своихъ онъ не оказалъ никакого усовершенствованія: оставался все тѣмъ же великодушнымъ, расточительнымъ, безпечно-мотоватымъ и совершенно-убѣжденнымъ, что онъ глубоко расчетливъ и благоразуменъ, какъ я описывала его прежде. Какъ-то я сказала при немъ Адѣ, что у него деньги сыплются, вѣроятно, съ неба, потому-что онъ не обращаетъ на нихъ никакого вниманія.

— Не слушай ея, моя милочка-кузина, говорилъ на это Ричардъ: — знаешь ли ты, моя звѣздочка, за что ворчитъ тѣтушка Дерлець? Вотъ видишь: какъ-то на-дняхъ я заплатилъ восемь фунтовъ стерлинговъ, или девять, кажется, не помню хорошенько, за жилетъ и за пуговки — какія хорошенькія пуговки! Вотъ она и подсмѣивается надо мною, а между-тѣмъ, оставаясь у этого Беджора, я бы долженъ былъ заразъ выложить двѣнадцать фунтовъ стерлинговъ за какія-нибудь противныя лекціи о костяхъ или вѣчени, и она не хочетъ понять, что, перемѣнивъ карьеру и купивъ жилетъ, я все-таки остаюсь въ барышахъ: четыре фунта стерлинговъ, это, сударыня моя, не шутка — такъ ли?

Много судили и редили, какъ устроить Ричарда въ Лондонѣ. Намъ пора было возвратиться въ Холодный Домъ и, по отдаленности нашего мѣста жительства отъ столицы, болѣе раза въ недѣлю мы не могли навѣщать нашего друга, ненытывающего себя въ юриспруденціи.

— Еслибъ онъ, говорилъ опекунъ мой: — поступилъ дѣйствительно въ контору мистеровъ Корбая и Кенджа, я нанялъ бы ему квартиру пообширнѣе, такъ-что, пріѣхавъ въ Лондонъ, и мы втроемъ могли бы у него останавливаться; но вотъ бѣда, прибавлялъ онъ всякій разъ, потирая значительно себѣ голову: — вотъ бѣда, нельзя сказать навѣрное, что рвеніе его къ юриспруденціи не охладится.

Какъ бы то ни было, разговоры наши кончились тѣмъ, что мы ему наняли помѣсячно хорошенькую мѣблированную квартиру въ большомъ, снежнойномъ дамѣ, близъ Королевскаго Сквера. Только-что онъ помѣстился, какъ закупилъ себѣ множество бездѣлушекъ, и нужныхъ и ненужныхъ, для комфорта. Когда мы съ Адей удерживали его отъ покупки какой-нибудь вещи и онъ убѣждался въ справедливости нашихъ словъ, то сбереженныя такимъ образомъ деньги считалъ непрѣменно барышомъ.

Я, говорить, могу истратить эти пять фунтовъ етерлинговъ, которые выигралъ по дѣлу какихъ-нибудь пуговокъ — не такъ ли, тѣтушка Дерленъ?

Всѣ эти хлопоты удерживали насъ отъ визита къ мистеру Бойтсону. Наконецъ дѣла были приведены къ концу. Ричардъ переехалъ на свою новую квартиру и мы рѣшились отправиться на хуторъ, гдѣ мистеръ Бойтсонъ жилъ на холостую ногу.

Ричардъ въ это время года, въ которое обыкновенно бываютъ судейскія вакаціи, могъ бы ѣхать съ нами къ мистеру Бойтсону, но ревность его къ труду, энергическое желаніе изучить всѣ пружины несчастнаго процесса приковали его къ Лондону, и мы поѣхали одни; и милочка моя, Ада, постоянно толковала о трудолюбіи своего брата Ричарда.

Мы весело катились въ дилижансѣ въ Линкольншайръ въ сопровожденіи мистера Скимполя. Онъ разсказалъ намъ, что господинъ, имѣвшій дурную привычку приходить къ нему незванымъ гостемъ въ день рожденія его голубоокой дочери, очистилъ всю его квартиру отъ мебели; это обстоятельство, конечно, плачевное для каждаго, было какъ нельзя больше по сердцу мистеру Скимполю.

— Столы и стулья, говорилъ онъ: — очень-скучныя вещи; если ихъ не мѣняешь, все одни и тѣ же, просто скука; смотришь на нихъ, они стоятъ передъ тобой — и никакого разнообразія! это выводитъ изъ всякаго терпѣнія. Какъ пріятно, когда нѣтъ постоянныхъ столовъ и стульевъ, право! Брать мебель напрокатъ всего пріятнѣе: перелегаешь какъ бабочка отъ краснаго дерева къ черному, отъ чернаго къ орѣховому — наслажденіе да и только! выбираешь фасонъ какой угодно, и однообразіе не утомляетъ.

— Всего страннѣе, однакожь, то, продолжалъ мистеръ Скимпаль въ веселомъ настроеніи духа: — что мои столы и стулья ваяты были у мастеровъ въ домъ; а хозяинъ квартиры отнялъ ихъ у меня за долгъ, и совершенно спокоенъ. Воля ваша, а это смѣшно! Этого я никакъ и никогда не пойму! Вѣдь мебельные мастера не брались уплачивать за меня квартирныя долги? За что же хозяинъ обобралъ ихъ мебель? Мнѣ кажется, это все-равно, еслибъ у меня была на переносицѣ бородавка и хозяинъ мой, неохотно смотрящій на бородавки, ухватился бы за посы моихъ мебельщиковъ и давай цапать ихъ, несмотря на то, есть ли на ихъ переносицахъ бородавки или нѣтъ? Какъ хотите, а логика его погрѣшительна!

— По-крайней-мѣрѣ ясно и непогрѣшительно то, говорилъ, улыбаясь,

мистеръ Жарндисъ: — что тотъ, кто обязался платить за столы и стулья, долженъ заплатить за нихъ.

— Безъ сомнѣнія, возражалъ мистеръ Скимполь: — это-то и главное дѣло! Я говорю своему хозяину: — дружище! знаете ли вы, что вѣдь за мебель, которую вы такъ смѣло берете къ себѣ, долженъ заплатить превосходнѣйшій изъ людей, мистеръ Жарндисъ. Развѣ вы имѣете какія-нибудь права на его собственность? — А онъ все свое: тащить да и только! что ни говори — какъ съ гуся вода!

— И не хочеть ничего слушать? сказалъ опекунъ мой.

— Ничего! отвѣчалъ мистеръ Скимполь: — я предлагалъ ему разныя *серьезныя* сдѣлки. Я пригласилъ его къ себѣ въ комнату. Я сказалъ ему: вы, вѣдь, дѣловой человекъ — я это знаю? Да, отвѣчалъ онъ. Хорошо, сказалъ я: — будемъ же толковать дѣльно. Вотъ чернильница, перья, бумага, облатки. Ну что вамъ нужно? Я занималъ у васъ въ домѣ квартиру и жилъ, къ общему нашему удовольствію, совершенно-спокойно. Теперь начались у насъ недоразумѣнія. Будемъ же заразъ и друзьями и дѣловыми людьми. Что вамъ нужно? И что же? на все на это онъ отвѣтилъ лишь фигурой въ восточномъ вкусѣ: — я, говоритъ, никогда не видалъ *цѣлта вашихъ денегъ!* Другъ мой, сказалъ я: — да у меня денегъ никогда не бываетъ; я не знаю, что значить имѣть деньги. Хорошо, говоритъ онъ: — ну если я потерплю нѣсколько времени, что же вы на это скажете? — Другъ мой, говорю я: — я не имѣю никакого понятія о времени. Вы говорите, что вы дѣловой человекъ, такъ и распорядитесь дѣловымъ образомъ; какъ только можно распорядиться посредствомъ чернилъ, перьевъ, бумаги и облатокъ, я все готовъ исполнить! Но не заставляйте же платить себѣ вещами, принадлежащими другимъ, а не мнѣ — это бессмысленно! Будемъ дѣловыми людьми — вотъ и все! Ну, и что же вышло: онъ дѣловымъ образомъ распорядиться не хотѣлъ — вотъ и все!

Нѣтъ сомнѣнія, что такое ребячество мистера Скимполя имѣло, вообще говоря, свои неудобства, но въ нѣкоторомъ отношеніи не было лишено и комизма. Во время дороги онъ чувствовалъ всегда хорошей аппетитъ и не отказывался раздѣлять всѣ закуски и лакомства, которыя предлагали намъ въ гостиницахъ; только никогда не платилъ за нихъ денегъ. Когда извошникъ, обходя всѣхъ пассажировъ вокругъ, попросилъ себѣ на водку, мистеръ Скимполь спросилъ его, весело-добродушнымъ тономъ: какую награду считаетъ онъ для себя наибольшей, и на отвѣтъ его: полкроны, онъ улыбнулся, сказалъ, что желаніе вообще довольно-умѣренное и предоставилъ заплатить за себя мистеру Жарндису.

Погода была прекрасная. Зелень полей колыхалась крупными волнами; птички чиркали такъ радостно; кустарники были полны дикихъ ягодъ; деревья густо драпированы зеленью; луга благоухали душистыми цвѣтами. Часу въ третьемъ за полдень прѣехали мы въ торговый городъ, гдѣ останавливается дилижансъ. — Маленькій городишко, съ церковью посрединѣ, съ площадью, съ рынокомъ, съ узенькой душевною улицей, съ тинистымъ прудомъ, въ которомъ сонная, поджарая лошадь освѣжала свои грязныя ноги. Въ небольшой полосѣ тѣни нѣсколько человѣкъ лежали и стояли въ полудремотѣ. Послѣ шелеста листьевъ, траски и шума экипажа, тихій городъ намъ показался такимъ ничтожнымъ, такимъ неподвижнымъ.

Въ гостиницѣ мы застали мистера Бойтсорна. Онъ прѣехалъ верхомъ и съ нимъ была коляска, въ которой намъ надо было отправиться на его хуторъ, миль за пять отъ города. Онъ очень обрадовался, увидавъ насъ, и быстро соскочилъ съ лошади.

— Клянусь честью! сказалъ онъ, радушно поздоровавшись съ нами: — вы попали на самый проклятый дилижансъ; такой скверной колесницы не сыщешь во всемъ свѣтѣ! Онъ, извольте видѣть, опоздалъ двадцать пять минутъ: за это слѣдуетъ его повѣсить на первой оснѣгъ!

— Будто онъ опоздалъ? сказалъ мистеръ Скимполь, къ которому относилась рѣчь мистера Бойтсорна. — Вотъ оно что; впрочемъ, я тутъ ничего не понимаю.

— Двадцать пять минутъ! двадцать шесть минутъ, гремѣлъ мистеръ Бойтсорнъ, смотря на свои часы: — да это ни на что не похоже! Опоздать двадцать шесть минутъ, когда въ каретѣ сидятъ дамы; нѣтъ, это не можетъ быть безъ умысла! Да что тутъ толковать! и отецъ его и дѣдъ въ придачу, были записные плуты, которыхъ когда-либо приходилось видать на козлахъ!

Говоря это съ чувствомъ сильнаго негодованія, онъ въ то же время сажалъ насъ нѣжно въ коляску и лицо его сіяло радостью и удовольствіемъ.

— Мнѣ очень совѣстно, милостивыя мои государыни, говорилъ мистеръ Бойтсорнъ, стоя съ непокрытой головой у дверецъ коляски: — мнѣ очень совѣстно и досадно, что я долженъ васъ вести въ обходъ и сдѣлать мнѣ двѣ крюку. Но что же дѣлать! прямая дорога лежитъ черезъ паркъ сэра Лейстера Дедлока, и я поклялся: до-тѣхъ-поръ, пока останется у меня хоть капля крови, не вступать во владѣнія этого супостата ни своею ногою, ни лошадиною! И подмѣтивъ взоръ опекуна моего, онъ разразился своимъ гремучимъ смѣхомъ, который, казалось, расшевелилъ и этотъ сонный и дрянной городишко.

— Развѣ Дедюки здѣсь, Лаврентій? спросилъ опекунъ мой, когда мы двинулись впередъ и мистеръ Бойтсорнъ галопировалъ рядомъ съ нами по зеленому лугу.

— Саръ Фарнось, возразилъ мистеръ Бойтсорнъ: — ха, ха, ха! саръ Фарнось здѣсь и, къ моему удовольствію, подагра душитъ его на порядкахъ. Миледи — при этомъ имени лицо его приняло самое нѣжное выраженіе — также скоро будетъ; ее ожидаютъ на-дняхъ. Я не удивляюсь, что она не очень слѣпнеть въ объятія своего супруга. Не понимаю, да я думаю никто не понимаетъ, какая тайна заставила такую превосходную женщину выйти за такого мозгляка. Ха, ха, ха, ха!

— Я думаю, говорилъ опекунъ мой, смѣясь: — твое заклятіе не протрается на насъ и мы можемъ иногда погулять въ паркѣ?

— Я никакихъ не кладу запрещеній на моихъ гостей, говорилъ мистеръ Бойтсорнъ, наклонясь къ намъ съ Адой, съ своей милой улыбкой, которая такъ шла къ нему: — развѣ только въ случаѣ отъѣзда! Но во всякомъ случаѣ, мнѣ очень-прискорбно, что я не могу имѣть счастья сопровождать васъ въ вашихъ прогулкахъ въ Чизни-Вольдъ, потому-что это прекрасное мѣсто; но, Жарндисъ, я тебя предупреждаю, что ты, какъ мой гость, встрѣтишь тамъ холодный приемъ. Баронетъ ходитъ тамъ, какъ недѣльные часы, то-есть такіе недѣльные часы, которые никогда не заводятся и, слѣдовательно, стоятъ... ха, ха, ха, ха! Я увѣренъ, съ нимъ сдѣлается новый припадокъ подагры, когда онъ увидитъ друзей своего друга и сосѣда... ха, ха, ха!

— Мы не будемъ дѣлать опытовъ надъ его подагрой, говорилъ опекунъ мой: — смѣю надѣяться, что мы оба далеки отъ мысли имѣть честь познакомиться между собою; а погулять въ паркѣ, оглядѣть раздругой домъ, это позволяется каждому любонистствующему, и мнѣ больше ничего ненадо.

Хорошо, сказалъ мистеръ Бойтсорнъ: — все это очень-хорошо и всѣмъ этимъ я очень-доволенъ! Здѣсь смотреть на меня какъ на втораго Аякса, вызывающаго громовое пораженіе. Ха, ха, ха, ха! когда, въ воскресенье, прохожу я въ нашу маленькую церковь, значительная часть нашего незначительнаго общества такъ и ожидаетъ, что я повалюсь, для ихъ потѣхи, подъ ударами молній дедюковскаго негодования. Ха, ха, ха, ха! онъ и самъ такъ же думаетъ, потому-что онъ, клянусь вамъ, пошлѣйшій, глупѣйшій и самый... полновѣсный осель!

Мы въѣхали на вершину холма и увидѣли Чизни-Вольдъ.

Это былъ живописный старый замокъ, обнесенный роскошнымъ паркомъ. Посреди деревьевъ и недалеко отъ замка видѣлся крестъ и куполь церкви, о которой говорилъ мистеръ Бойтсорнъ. Что это за вос-

хитительное мѣсто! безконечный боръ, по которому скользили лучи солнца, перегибавшая полутоны свѣта и тѣни, широкіе ковры зеленящихся луговъ, искристыя голубыя ленты воды, роскошный садъ, пестрыя клумбы самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, домъ съ его крышей, трубами, башнями, навѣльфонами, галереями, широкими террасами, обнесенными балюстрадой, около которой вились розы и канрифолин, казался чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Все, и домъ, и садъ, и террасы, и зеленые дуга, и воды, и старые дубы, и корни, и мохъ, и дѣсь, освѣщенные золотистыми лучами садящагося солнца, разстилались передъ нами волшебною панорамой.

Подъѣзжая къ деревнѣ, мы увидѣли маленькую гостиницу, украшенную гербомъ Дедлоковъ; на скамейкѣ, передъ дверью, сидѣлъ молодой человекъ и справлялъ у дочку; мистеръ Бойтсорнъ раскладался съ нимъ.

— Это сынъ управительницы домою, мистеръ Раунсволь, сказалъ онъ намъ: — онъ страстно влюбленъ въ одну молодую дѣвушку. Эта дѣвушка понравилась и леди Дедлокъ, и она взяла ее къ себѣ въ услуженіе; такая честь очень не по-сердцу молодому человеку. Однакомъ теверь онъ на ней жениться не можетъ, хотя бъ и розанчикъ былъ на это согласенъ, вотъ потому-то онъ и заходитъ сюда иногда денька на два, чтобъ... удить рыбу. Ха, ха, ха, ха!

— Что же они, обручены, мистеръ Бойтсорнъ? спросила Ада.

— Не знаю, не знаю, миссъ Клёръ, отвѣчалъ онъ: — вы ихъ увидите скоро вмѣстѣ и потому сами рѣшите вашъ вопросъ. Такимъ вѣщамъ надо учиться мнѣ у васъ, а не вамъ у меня.

— Пока Ада покраснѣлась, мистеръ Бойтсорнъ ударилъ по своему стѣрному коню, подскакалъ къ двери своего хутора, соскочилъ на ноги, снялъ шляпу и ожидалъ насъ съ распростертыми объятіями.

Онъ жилъ въ очень-красивомъ домикѣ, впереди котораго разстилался зеленый лужокъ; съ одной стороны былъ разведенъ большой цвѣтникъ и фруктовый садъ, оканчивающійся обильнымъ огородомъ, и все было обнесено надежной стѣной, въ защиту отъ похитителей. Старая липовая аллея сплеталась въ зеленый сводъ; вишневая деревья и яблони гнулись подъ тяжестью плодовъ. Вѣтви кустарниковъ, крыжовника и смородины пригибались къ землѣ; земляника и клубника краснѣлись вездѣ въ такомъ же изобиліи, и персики цѣлыми сотнями спѣли на солнцѣ. Подъ стѣтками и стеклами рамъ блистали свѣжіе огурцы, арбузы и дыни и наполняли грунтъ такъ изобильно, что, кажется, каждый дюймъ земли былъ цѣлымъ погребомъ съ запасомъ на долгое время. Между-тѣмъ приятный запахъ свѣжей травы и различнаго рода растений, не говоря ужъ о сосѣднихъ стогахъ душистаго сѣна, обращали весь хуторъ въ рос-

кошный букетъ. За старою кирпичною стѣною царствовала такая тишина и такое снокожество, что даже круги перьевъ, разставленные для пу- ганья птицъ, едва колебались на воздухѣ.

Хотя домъ вообще не въ такомъ порядкѣ, какъ садъ, но, во всякомъ случаѣ, это былъ настоящій старинный домъ, съ боровами на чердакѣ, съ кухней, высланной камнемъ, съ камнями изъ расписныхъ изразцовъ и съ большими балками, переложенными черезъ весь потолокъ. Передъ окнами съ одной стороны простирался спорный пунктъ земли; на немъ мистеръ Бойтсорнъ и день и ночь держалъ бдительнаго стража, кото- раго обязанность состояла единственно въ томъ, чтобъ, въ случаѣ не- чаяннаго нападенія, тотчасъ же поднять трезвонъ въ огромный колоколъ, повѣшенный здѣсь для этой цѣли; отвязать огромнаго и злаго бульдога, своего союзника, который сидѣлъ на тяжелой цѣпи въ своей конурѣ, и вообще разить, какъ только можно, смѣлаго непріятели. Недовольный этими физическими предостереженіями, мистеръ Бойтсорнъ выставилъ и свое имя на нѣсколькихъ деревянныхъ щитахъ, на которыхъ сказано : «Собака кусается. Страшно зла. Лаврентій Бойтсорнъ. — Мушкетоны заряжены крупной дробью. Берегись. Лаврентій Бойтсорнъ. — Не ходи здѣсь : попадешь въ волчью яму. Лаврентій Бойтсорнъ. — Капканы здѣсь стоять и денно и noctно. Лаврентій Бойтсорнъ. — Предостереженіе : всякій, кто осмѣлится безъ дозволенія явиться на сей собственности, будетъ наказанъ силою длани владѣльца, со всевозможною строгостью и подвергнется законному преслѣдованію. Лаврентій Бойтсорнъ». Эти лаконическія, но сильныя надписи, онъ показывалъ намъ изъ окна своей парадной гостиной, заливаясь отчаянными залпами смѣха : ха, ха, ха, ха, ха, ха! а птичка между-тѣмъ безвечно прыгала у него по головѣ и плечамъ.

— По моему мнѣнію, это ужасно скучная возня, сказалъ мистеръ Скимполь, съ обыкновенною своею безпечною : — если только все это не шутка ?

— Шутка ! ха ! возразилъ мистеръ Бойтсорнъ съ невыразимымъ жаромъ : — нѣтъ, сударь мой, это не шутка ! Я готовъ вмѣсто собаки посадить льва, вездѣ подвести подковы, гдѣ только станетъ нога нече- стиваго сэра Фарноса; я готовъ... ха, ха, ха, ха !.. Нѣтъ, это, сударь, не шутка !

Мы пріѣхали къ нему въ субботу. Въ воскресенье утромъ пошли мы всѣ въ маленькую церковь, въ паркѣ, по веселой тропинкѣ, проходящей непосредственно черезъ поле битвы.

Въ церкви было мало народу : по большей-части земледѣльцы, ра- бочіе, прислуга джентльменовъ въ олооткѣ. Между ними красовались

статные лакеи; въ-особенности понравился мнѣ заштатный старый ку-черъ: въ немъ такъ и отражалась вся знаменитость лордовъ, которыхъ онъ возилъ въ своей каретѣ. Хорошенькія, молоденькія дѣвочки цѣлой гирляндой сидѣли на своихъ мѣстахъ и мистриссъ Раунсвель, управительница замка Чизни-Вольдъ, отличавшаяся прилизною стана и плотностью стараго, но красиваго еще лица. Прелестная дѣвочка, о которой говорилъ мистеръ Бойтсорнъ, стояла рядомъ съ ней. Я бы, кажется, ее тотчасъ узнала по первому взгляду — такой была она обворожительной красоты; щеки ея пылали, блестящія глазки то потуплялись внизъ, то подымались къверху, подъ влияніемъ глазъ молодаго рыбака-аматѣра, который, должно-быть, случайно, стоялъ неподалеку отъ нея. Одно лицо и непріятное лицо, хотя и красивое, недоброжелательно слѣдило за хорошенькой дѣвочкой; впрочемъ, оно также недоброжелательно смотрѣло и на всѣхъ: это было лицо французенки.

Пока колоколъ еще гудѣлъ и знаменитые лорды не являлись, я успѣла оглядѣть церковь. Густыя деревья заслоняли окна и пропускали въ церковь мало воздуха и какой-то зеленоватый свѣтъ, отъ котораго лица окружающихъ казались очень-блѣдными. Небольшой лучъ свѣта, проникающій въ маленькую дверь, освѣщалъ неясно изображенія на стѣнахъ и сторожа, работавшаго прилежно около колокола. Но вотъ толпа зашевелилась по извѣстному направленію, пробѣжала почтительный шопотъ, и я догадалась, что является лордъ съ миледи.

Могу ли я когда-нибудь позабыть, какъ затрепетало мое сердце подъ влияніемъ брошеннаго на меня взгляда? могу ли я когда-нибудь позабыть выраженіе тѣхъ глазъ, которые впелись въ меня и, казалось, готовы были выскочить изъ своихъ орбитъ? Это была минута, одна только минута, но лицо, на которое я взглянула и съ котораго тотчасъ же опустила глаза свои на молитвенникъ, было мнѣ знакомо.

И странно, предо мной явилась длинная перспектива дней, проведенныхъ мною у моей крестной матери, даже и то время, когда, одѣвши, бывало, мою куклолку, я становилась на цыпочки, чтобъ посмотрѣться въ зеркало и причесать себѣ голову. Безспорно, что я никогда не видела леди; безспорно также, что лицо ея было, какъ двѣ капли воды, знакомо мнѣ.

Легко было догадаться, что перемонный, сѣдовласый подагрикъ-джентльменъ, былъ не кто другой, какъ сэръ Лейстеръ Дедлокъ, а леди — была леди Дедлокъ. Но почему лицо ея было нѣкоторымъ образомъ похоже на разбитое зеркало, въ обломкахъ котораго являлись мои воспоминанія, и почему я такъ была встревожена, такъ дрожала, встрѣчая нечаянно взглядъ миледи — въ этомъ я не могу дать отчета.

Я приняла это непростительной слабости нервъ ; но, при всемъ усилии, не могла превозмочь себя. Прошедшее время моей жизни и покойная крестная мать моя не выходили изъ моего воображенія ; это заставило меня думать, что, можетъ-быть, миледи Дедлокъ похожа лицомъ на миссъ Барбару. Быть-можетъ, и было какое-нибудь сходство, но выраженія этихъ двухъ лицъ были такъ различны, какъ небо и земля. Эта суровость, которая сверкала въ каждой чертѣ моей крестной матери, подобно бурѣ между горами, была совершенно-далека отъ лица, стоящаго предо мною, такъ-что, еслибъ и было личотное сходство между ними, то это сходство не могло бы поразить меня. Къ-тому же, я не запомню ни въ чемъ лицъ такого величія и такой гордости которыя были въ лицѣ леди Дедлокъ. и все-таки я, я—ничтожная Эсмеръ Семерсонъ, дитя, живущее отдѣльною жизнью, дитя, рожденіе котораго не принесло никому никакой радости — являлась передъ моими глазами, съ какой-то сверхъестественной силой изъ давно-прошедшаго, и эта фантастическая сила исходила изъ фешонэбльной леди, которую я никогда не видала и которая мнѣ никогда не снилась во снѣ.

Это обстоятельство бросило меня въ такое волненіе, что я готова была не слушать всѣхъ замѣчаній французенки, которая, сколько я замѣтила, пришла въ церковь для своихъ личныхъ наблюденій. Наконецъ, весьма-медленно я успокоилась и, спустя нѣсколько времени, взглянула на леди Дедлокъ, и взглянула безъ волненія.

По окончаніи службы, сэръ Лейстеръ очень-осанисто и любезно подалъ свою руку миледи, хотя онъ могъ передвигать ноги только съ помощью толстой палки, и проводилъ ее до двухѣстной кареты, въ которой онъ прѣхалъ.

Дорогою мистеръ Скимполь замѣтилъ мистеру Бойтсору, что баронетъ свысока взиралъ на окружающую его толпу.

— Онъ таковъ, говорилъ мистеръ Бойтсоръ. — И отецъ его и дѣдъ и прадѣдъ въ придачу, всѣ они таковы !

— Знаете ли, продолжалъ мистеръ Скимполь, совершенно-неожиданно для мистера Бойтсорна : — знаете ли, я очень люблю видѣть людей подобнаго сорта !

— Быть не можетъ ! завопилъ мистеръ Бойтсоръ.

— Нѣтъ, это такъ, продолжалъ мистеръ Скимполь. — Видите ли, онъ хочетъ дать почувствовать, что можетъ мнѣ покровительствовать—очень-радъ ! сдѣлай одолженіе !

— А я-такъ не радъ, кричалъ мистеръ Бойтсоръ въ большомъ волненіи.

— Не-уже-ли ? возразилъ мистеръ Скимполь съ своимъ обычнымъ

легкомыслиемъ : — да вѣдь это значить самому себѣ досаждать. Какая же въ этомъ надобность ? Я совершенно-доволенъ, доволенъ, какъ дитя, всѣмъ, что дѣлается вокругъ меня, и досаждать себѣ ничѣмъ въ мірѣ не стану. Вотъ, напримѣръ : я прихожу сюда, встрѣчаю великолѣннаго лорда, требующаго высокопочтенія къ своей особѣ. Прекрасно ! Вотъ тебѣ, говорю я, великолѣпный лордъ, мое высокопочтеніе — прими его ; если ты мнѣ можешь показать что-нибудь пріятное, я буду очень-счастливъ ; если ты хочешь дать что-нибудь пріятное, я буду очень-радъ и возьму. Великолѣпный лордъ, безъ-сомнѣнія, отвѣтитъ мнѣ : « Ты, братъ, славный дѣтина : ни жолчи моей не волнуешь, ни пищеваренія моего не портишь и нечего мнѣ передъ тобой быть ежомъ ». И право, для насъ обоихъ это будетъ недурно ! Вотъ съ какой точки зрѣнія смотрю я на вещи. Впрочемъ, можетъ-быть, это дѣтскій взглядъ.

— Ну, а если на другой день, говорилъ мистеръ Бойтсорнъ : — вы увидите человѣка, совершенно ему противоположнаго, тогда что ?

— Какъ что ? говорилъ мистеръ Скипполь съ полною простотою и скромностью : — и тогда то же самое — вотъ и все. Я бы, напримѣръ, сказалъ : « достопочтенный мой Бойтсорнъ, ты не хочешь видѣть великолѣннаго лорда ? Очень-хорошо ! и я не хочу его видѣть ! Я думаю, что моя обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ каждому угодить, и думаю, что въ этомъ же состоитъ обязанность каждаго ; словомъ, должна быть связь и гармонія, слѣдовательно, если ты не хочешь его знать, и я не хочу его знать. А теперь, дружище, пойдемъ обѣдать. »

— А еслибъ дружище-то, заревѣлъ мистеръ Бойтсорнъ : — еслибъ дружище-то сказалъ, что я тебѣ...

— Понимаю, понимаю, отвѣчалъ мистеръ Скипполь : — конечно, онъ такъ бы и сказалъ.

— ..... что, я тебѣ поднесу такой обѣдъ !... заревѣлъ мистеръ Бойтсорнъ, и къ этому, вѣрно, прибавилъ бы : « Если хочешь говорить, мистеръ Гарольдъ Скипполь, такъ говори дѣло ! »

— На это Гарольдъ Скипполь, какъ вамъ извѣстно, отвѣтитъ, говорилъ онъ самымъ-веселымъ тономъ и съ самой наивной улыбкою : — что онъ, право, не знаетъ, что значить дѣло ; о дѣлѣ не имѣетъ ни капли иден и не знаетъ, кто занимается дѣломъ или чѣмъ занимается дѣло. Если вы занимаетесь дѣломъ и если это вамъ по-сердцу — прекрасно, поздравляю васъ отъ всей моей души — вотъ и все. До меня же это не касается, увѣрю васъ, потому-что я настоящее дитя, и дѣло во мнѣ, а я въ дѣлѣ — никакой нужды не имѣемъ. Такъ видите ли, несравненный Бойтсорнъ, не самое ли лучшее идти обѣдать ?

Это вотъ одинъ очеркъ разговора изъ числа многихъ между мисте-

ромъ Бойтсорномъ и мистеромъ Скимполемъ. Я всегда боялась, чтобъ эти разговоры не кончились плачевнымъ взрывомъ со стороны нашего хозяина, въ чемъ не было бы никакого сомнѣнія, еслибъ обстоятельства были другія. Впервыхъ, мистеръ Бойтсорнъ свято хранилъ обязанности гостепріимнаго хозяина; вовторыхъ, опекунъ мой сѣялся отъ чистаго сердца съ мистеромъ Скимполемъ и надъ мистеромъ Скимполемъ, какъ надъ ребенкомъ, который цѣлый день тѣшится мыльными пузырями. Между-тѣмъ мистеръ Скимполь, не подозревая, какія живыя струны онъ затрогиваетъ и какой можетъ подвергнуться опасности, набрасывалъ карандашомъ ландшафтъ въ паркѣ, которому, конечно, никогда не было суждено быть конченнымъ; или садился за фортепьяно и разыгрывалъ отрывки какихъ-нибудь оперъ, или цѣлъ какія-нибудь пѣсенки, или ложился на спину подъ тѣнь дерева и наблюдалъ за движеніемъ облаковъ; вообще былъ, какъ-нельзя-болѣе, доволенъ самъ-собою.

— Предпріятія и усилія, говоривалъ онъ намъ, лежа на спинѣ въ тѣни: — для меня истинное наслажденіе. Я думаю, что я истинный космополитъ. Я имъ сочувствую глубочайшимъ образомъ. Лежа, хоть наприимѣръ здѣсь, я съ почтительнымъ удивленіемъ думаю объ этихъ предпріимчивыхъ умахъ, которые проникаютъ до сѣвернаго полюса, или въ самое сердце тропиковъ. Матеріалисты спрашиваютъ: «Зачѣмъ носить нелегкая къ сѣверному полюсу? Какая отъ этого польза?» Не знаю я, есть отъ этого польза или нѣтъ; но по-крайней-мѣрѣ я могу сказать навѣрное, что они, ида можетъ-быть безъ особеннаго умысла, однакожь, по-крайней-мѣрѣ, занимаютъ мои мысли. Возьмемъ хоть, наконецъ, крайность; возьмемъ туземцовъ съ американскихъ плантацій: конечно, они работаютъ сильно; конечно, эта работа имъ неочень по вкусу, и даже, быть-можетъ, ихъ существованіе несоветѣмъ-весело; но они оживляютъ для меня ландшафтъ; они придаютъ мѣстности поэтической колоритъ, и я увѣренъ, что это одна изъ пріятнѣйшихъ цѣлей ихъ существованія. И я очень благодаренъ имъ за это!

Мнѣ часто приходило въ голову, по поводу его рѣчей: порождаютъ ли въ немъ какую-нибудь мысль мистриссъ Скимполь и дѣти, и съ какой точки зрѣнія представляются они его космополитическому уму?

Быстро прошла недѣля. Погода стояла прекрасная; дни были теплы и ясны и пріятно было проводить ихъ въ широкомъ паркѣ, любуясь раскидистыми деревьями, пробивающимися лучомъ солнца сквозь густые листья зелени, перебѣгающе тѣню, между-тѣмъ, какъ птицы дѣла и слышалось въ воздухѣ тихое жужжанье насѣкомыхъ. У насъ въ паркѣ было одно любимое мѣсто; густо было оно покрыто мягкимъ мо-

хомъ и свѣжей зеленой муравой; на немъ лежало нѣсколько срубленныхъ и очищенныхъ отъ коры деревьевъ. Сидѣвшему на этомъ мѣстѣ, сквозь просѣку, открывалась богатая перспектива. Въ эту субботу сидѣли мы съ мистеромъ Жарндисомъ и съ Адой и любовались на ярко-освѣщенный планъ картины. Вдругъ вдалекѣ послышались сильные раскаты грома и крупныя капли дождя зашелестили по листьямъ деревьевъ.

Всю недѣлю воздухъ былъ наполненъ электричествомъ до удушливости; но гроза разразилась внезапно и съ такою силой, что прежде, чѣмъ мы успѣли достигнуть забора, громъ и сверканіе молніи было постоянное и тяжелыя капли дождя били по листьямъ, какъ свинцовыя пули. Въ такую грозу, соседство съ деревьями опасно, и мы поспѣшили по мшистымъ пригоркамъ въ сторожевую избушку лѣсничаго, находящуюся вблизи. Мы часто любовались мрачной красотой этой избушки, стоящей посреди густой зелени деревьевъ.

Въ избушкѣ было такъ темно, въ-особенности при небѣ, густо покрытомъ черными облаками, что мы съ трудомъ замѣтили человѣка, который, поклонясь намъ при входѣ, подалъ мнѣ и Адѣ по стулу. Ставни были открыты и мы любовались грозой.

Картина была величественна: вѣтеръ ревѣлъ, качалъ и гнулъ деревья; дождь лилъ, какъ изъ ведра; раскаты грома сливались одинъ съ другимъ и красновато-яркая молнія рѣзала небо въ разныхъ направленіяхъ.

— Однако, не опасно ли сидѣть у открытаго окна?

— О нѣтъ, милая Эсверъ, сказала Ада, спокойно обращаясь ко мнѣ.

Вопросъ, однакожъ, былъ предложенъ не мной.

Сердце затрепетало снова во мнѣ. Я никогда не слыхала этого голоса, какъ никогда не видала этого лица. Но голосъ этотъ дѣлалъ на меня странное впечатлѣніе; онъ вызывалъ во мнѣ панораму всей моей прошедшей жизни.

Леди Дедлокъ прежде насъ искала убѣжища отъ грозы въ сторожевой избушкѣ лѣсничаго.

Она тихо подошла къ моему стулу и облокотилась на его спинку. Повернувшись назадъ черезъ плечо, я увидѣла ее совершенно рядомъ со мною.

— Я испугала васъ? сказала она.

Нѣтъ, это былъ не испугъ. И чего мнѣ было бояться?

— Я думаю, сказала леди Дедлокъ, обращаясь къ моему опеуну: — что я имѣю удовольствіе говорить съ мистеромъ Жарндисомъ?

— Ваше вниманіе дѣлаетъ мнѣ больше чести, чѣмъ я могъ ожидать, миледи, сказалъ опеунъ мой.

— Я узнала васъ прошлое воскресенье въ церкви. Мнѣ очень-при-
скорбно, что какой-то поземельный споръ сэра Лейстера — вовсе безъ
его желанія, я увѣрена — можетъ нѣкоторымъ образомъ послужить къ
недоразумнѣннѣмъ между нами.

— Я знаю это обстоятельство, сказалъ, улыбаясь, опекунъ мой : — и
считаю себя совершенно-обязаннымъ не беспокоить васъ моимъ зна-
комствомъ.

Она протянула къ нему руку съ какимъ-то непринужденно-холод-
нымъ видомъ, и говорила съ полнымъ равнодушіемъ; но въ голосѣ ея
звучало много пріятности. Въ ней было столько же граціозности,
сколько и красеты; но это была *холодная* красета: при взглядѣ на
нее всякій легко замѣтилъ бы, что она имѣетъ сильную власть прива-
зять къ себѣ, если только захочетъ. Лѣсовщикъ подалъ ей стулъ и
она сѣла въ дверяхъ между нами.

— Пристроили ли вы молодаго человека, о которомъ писали сэру
Лейстеру и для котораго сэръ Лейстеръ, къ-сожалѣнію своему, не
могъ ничего сдѣлать? сказала она, повернувъ головку свою черезъ
плечо къ мистеру Жарндису.

— Пристроилъ, сказалъ онъ.

Она, казалось, уважала мистера Жарндиса и хотѣла съ нимъ сбли-
зиться. Въ гордой манерѣ ея было много привлекательнаго.

— Я думаю, это ваша воспитанница, миссъ Клеръ?

Онъ представилъ ей Аду.

— Вы утратите часть вашего безкорыстнаго, донкихотскаго харак-
тера, сказала леди Дедлокъ мистеру Жарндису, опять черезъ плечо :
— если вы будете воспитывать подъ вашею опекою такихъ красавицъ.
Но представьте меня также, сказала она, повернувшись ко мнѣ совер-
шенно : — и этой молодой леди.

— Миссъ Семерсонъ также моя воспитанница, сказалъ мистеръ
Жарндисъ : — съ тою только разницею, что я за нее не отвѣчаю ни
предъ какимъ лордомъ-канцеромъ.

— Миссъ Семерсонъ, лишилась своихъ родителей? сказала миследи.

— Да.

— Надѣюсь, что она совершенно-счастлива въ своемъ опекунѣ.

Леди Дедлокъ смотрѣла на меня; я смотрѣла на нее и отвѣчала ей
утвердительно. Вдругъ она отвернулась отъ меня послѣшно, даже съ
какимъ-то примѣтнымъ неудовольствіемъ, и опять заговорила съ моимъ
опекуномъ.

— Много прошло съ-тѣхъ-поръ, когда мы перестали съ вами
встрѣчаться, мистеръ Жарндисъ...

— Да, много. Для меня и эта недѣля тянулась очень-долго, отвѣчалъ онъ.

— Какъ! и вы даже льстите, или, быть-можетъ, думаете, что лесть мнѣ необходима? сказала она съ легкимъ презрѣніемъ. — Я думаю, я приобрѣла такое мнѣніе!

— Вы приобрѣли такъ много, леди Дедлокъ, сказалъ опекунъ мой: — что по-неволѣ должны немного платиться... впрочемъ, не передо мною.

— Такъ много! повторила она, тихо смѣясь: — да!

Въ ея манерахъ было столько возвышеннаго, столько силы, столько уничтожающаго... и ужъ я не знаю чего. На насъ съ Адой она смотрѣла какъ на дѣтей, такъ-что, тихо смѣясь и глядя на падающій дождь, она не обращала на насъ никакого вниманія и занималась спокойно своими мыслями, какъ-будто была одна.

— Я думаю, что, когда мы встрѣчались за границей, вы лучше знали мою сестру, чѣмъ меня, сказала она, взглянувъ на мистера Жарядиса.

— Да, мы прежде чаще встрѣчались, отвѣчалъ онъ.

— Мы пошли съ ней по разнымъ дорогамъ, сказала леди Дедлокъ: — и между нами всегда было мало общаго. Хоть это и грустно, но пособить этому нельзя.

Леди Дедлокъ опять стала глядѣть на дождь. Гроза стихла. Дождь ослабъ; молнія больше не сверкала; раскаты грома слышались только вдалекѣ; солнце начало ужъ золотить мокрые листья и отражаться въ падающихъ капляхъ дождя.

Пока мы сидѣли молча, маленькій фэзтонъ, запряженный паромъ лошадей, быстро подвѣзжалъ къ крылечку сторожевой избушки.

— Посланный возвращается назадъ, миледи, съ экипажемъ, сказалъ гѣсовщикъ.

Въ фэзтонѣ сидѣли двѣ женщины. Когда онъ остановился, изъ него вышли: французенка, которую я видѣла въ церкви, а за ней красивая дѣвушка. Въ рукахъ у нихъ было нѣсколько шалей и бурнусовъ. Французенка, смѣлая и самонадѣянная; красивая дѣвушка, сконюженная и робкая.

— Чтò это значить? Двѣ! сказала леди Дедлокъ.

— Я пока считаюсь вашей горничною, миледи, сказала французенка: посланный требовалъ горничную.

— Я думала, что я вамъ понадобитсяъ, миледи, сказала хорошенькая дѣвочка.

— Ты мнѣ понадобитсяъ, дитя мое, отвѣчала леди Дедлокъ спокойно: — надѣнь на меня эту шаль.

Миледи повернулась къ ней и та слегка набросила шаль на ея плечи. Француженка стояла незамѣченною, сверкала изъ уголовъ глазъ своихъ и шевелила блѣдными губами.

— Мнѣ очень прискорбно, сказала леди Дедлокъ мистеру Жарндису: — что мы не можемъ возобновить прежняго нашего знакомства. Вы мнѣ позволите прислать сюда экипажъ мой, къ услугамъ вашихъ молодыхъ дѣвушекъ. Онъ сейчасъ же сюда вернется.

Мистеръ Жарндисъ ни за что не хотѣлъ согласиться на это предложеніе. Миледи Дедлокъ снисходительно простилась съ Адой, но не со мной, и, опираясь на руку мистера Жарндиса, сѣла въ фаэтонъ. — Это былъ красивенькій, низенькій садовый экипажецъ съ верхомъ.

— Садись со мной, дитя мое, сказала она хорошенькой дѣвушкѣ: — ты мнѣ нужна. Пошелъ!

Фаэтонъ покатился и француженка, держа на рукѣ своей всѣ привезенныя шали, ошеломленная, осталась на своемъ мѣстѣ.

Я думаю, что для гордости сильное наказаніе — гордость. Гибель француженки былъ самый странный, какой мнѣ когда-либо случалось видѣть. Она стояла неподвижно, покаместъ фаэтонъ не повернулъ въ боковую аллею и потомъ, безъ малѣйшей перемѣны въ лицѣ, сняла башмаки, оставила ихъ на полу и пошла пѣшкомъ за фаэтономъ, по самымъ мокрымъ мѣстамъ парка.

— Это сумасшедшая? спросилъ мой опекунъ.

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчалъ лѣсовщикъ, который вмѣстѣ съ женой своей слѣдилъ за ней изъ окна: — нѣтъ, нѣтъ, сударь. Гортензія не безумная: она знаетъ что дѣлаетъ; она, изволите видѣть, очень-высокомерна и сердита. Дѣ, сударь, очень-высокомерна и сердита; за это и хотять смѣнить ее и взять на ея мѣсто другую. — Вотъ это, сударь, ей несовсѣмъ-то нравится.

— Да зачѣмъ же она идетъ безъ башмаковъ по мокрой травѣ? сказалъ опекунъ мой.

— А можетъ, ей, сударь, хочется поостынуть немного, сказалъ лѣсовщикъ...

— Или она думаетъ, что топчетъ блѣдную розу, сказала жена его.

Спустя нѣсколько минутъ, мы прошли неподалеку отъ замка. При первомъ взглядѣ на него, онъ намъ показался волшебнo-прекраснымъ, а теперь былъ еще прекраснѣе. Свѣжій вѣтеръ несъ пріятную прохладу; птицы громко пѣли; серебрястыя капли дождя, какъ брильянты, висѣли на стеклахъ; вся природа какъ-будто ожила снова, и маленькій фаэтонъ, какъ волшебная колесница, серебрился подъ лучами заходящаго

солнца; но, несмотря на эту картину, такъ же хладнокровно, такимъ же медленнымъ шагомъ шла m-lle Гортензія, босовога, по мокрой травѣ.

ГЛАВА XIX.

Впередъ!

Настали вакаціи. Въ Канцелярской Улицѣ штиль. Славные корабли *Lex* и *Justicia*, обшитые мѣдью, связанные желѣзомъ, съ чугунными жерлами, стоятъ въ гавани безъ рей и парусовъ. Летучій голландецъ, котораго экипажъ составляютъ кліенты, просящіе каждаго встрѣчнаго заглянуть въ ихъ бумаги, поставилъ паруса и улетѣлъ, Богъ-вѣсть, куда. Всѣ суды заперты; публичныя конторы томятся сномъ; даже сама Вестминстерская Палата обратилась въ тѣнистую долину, гдѣ бы съ удовольствіемъ готовы были запѣть соловьи и гдѣ теперь можно встрѣтить истцовъ болѣе нѣжнаго класса.

Темплъ, Канцелярская Улица, Палата Сержантовъ и Линкольская Палата, даже и съ полями, включительно, словно гавани во время отлива. Неконченные и нескончаемые процессы сидятъ на мели, облѣнившіеся писаря качаются на стульяхъ и ждутъ судейскаго термина.

Наружныя двери экспедицій заперты на-глухо и всѣ посланія и письма оставляются въ коморкѣ дворника. Цѣлый стѣнокъ травы пробился бы между камней мостовой по сторонамъ двора Линкольской Палаты, еслибъ разнощники писемъ не сидѣли, отъ нечего дѣлать, тутъ, въ тѣни и не занимались, въ раздумьи, грызеньемъ и жеваньемъ травы.

Во всемъ городѣ одинъ только судья, да и онъ засѣдаетъ въ палатахъ не чаще двухъ разъ въ недѣлю. Еслибъ жители ассизныхъ городовъ могли на него бросить взглядъ въ эту минуту: нѣтъ глубочайшаго парика, нѣтъ красной тоги, нѣтъ бѣлаго мѣха, нѣтъ палатской стражи, не видать бѣлыхъ палочекъ! Сидитъ только чисто-выбранный джентльменъ въ бѣлыхъ панталонахъ и въ бѣлой шляпѣ; судейская физиономія его загорѣла поматросски; загорѣлъ и кончикъ судейскаго носа и судейскій вкусъ направляетъ ноги преимущественно въ лавки за устрицами или за стаканомъ ирландскаго пива со льдомъ. Адвокаты Англіи разсѣялись по всему лицу земному. Какъ можетъ Англія обойтись безъ своихъ адвокатовъ въ продолженіе четырехъ длинныхъ лѣтнихъ мѣсяцовъ, безъ этого, оправданнаго давностью вѣковъ, убѣжища при несчастіи и единственнаго законнаго триумфа въ счастіи? — этотъ вопросъ до насъ не касается. Мы только можемъ увѣрить, что Альбіонъ теперь совершенно свободенъ отъ меча и щита, и что этотъ ученый мужъ, страдающій сильною раздражительностью нервовъ, при видѣ своего

клиента, подъ вліяніемъ противной партіи, теперь значительно поправляется, дыша нагорнымъ воздухомъ Швейцаріи. И этотъ знаменитый мужъ, который занимается дѣлами уничтоженія и разить всѣхъ опонентовъ своихъ грознымъ сарказмомъ, вселъ, какъ птичка, невиненъ какъ бабочка, и купается въ ваннахъ Франціи. И тотъ ученый мужъ, который слезно плачетъ при всякомъ патетическомъ обстоятельстве, не пролилъ ни одной слезинки въ продолженіе двухъ недѣль. И этотъ очень-ученый мужъ, который остудилъ жаръ своего кипучаго темперамента въ потокахъ и фонтанахъ юриспруденціи, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ, во время судейскаго термина, явить великую развитость въ судейскихъ крючкахъ, недоступныхъ уму непосвященныхъ и очень-мало доступныхъ уму посвященныхъ, бродитъ теперь съ характеристическимъ наслажденіемъ по засухѣ и пыли окрестъ Константинополя. Другіе разбросанные осколки этого великаго палладіума находятся на каналахъ Венеціи, у истоковъ Нила, въ купальняхъ Германіи и далеко на песчаныхъ берегахъ всей Англіи. Едва можно съискать только одного адвоката въ опустѣлой Канцелярской Улицѣ. И если этотъ единственный членъ правосудія, проходя по пустынной области Оберканцеляріи, сойдется случайно съ докучливымъ просителемъ, неспособнымъ оставить мѣсто страха и надежды, то они оба испугаются другъ друга и оба бросятся въ разные закоулки.

Такого жаркаго лѣта давно не запомнятъ. Всѣ молодые писцы влюблены до безумія и, своеобразно съ различными степенями своего социальнаго значенія, отправляются, для свиданія съ предметомъ своей страсти, или въ Маргетъ, или въ Рамсетъ, или въ Гревзендъ. Всѣ писцы среднихъ лѣтъ — женатые люди; они скучаютъ и находятъ, что ихъ семейства слишкомъ-велики. Покинутыя хозяевами собаки, бродятъ по пустымъ дворамъ судовъ, томятся жаждою, ищутъ воды, преимущественно во всѣхъ сухихъ мѣстахъ коротко дышать и высовываютъ языкъ. Собаки ельшихъ приводятъ своихъ хозяевъ къ фонтанамъ, или къ ушатамъ съ водой. Лавка, окна которой прикрыты маркизами, троттуаръ политъ водой и сквозь стекла видны сосуды съ золотыми и серебряными рыбками — считается вѣдомомъ. Темплъ такъ раскаленъ, что служитъ для Береговой и Флотской Улицъ, какъ-бы уютною плиткой, и уютитъ ихъ всю ночь.

Но въ палатахъ Темпла есть еще конторы, въ которыхъ можно прохладиться, если стоитъ искать прохлады, искупая ее такую невыносимую скукой; но въ маленькихъ переулкахъ, непосредственно за этими уединенными мѣстами, совершенная духота.

Въ палатахъ мистера Крука такъ жарко, что жители выворотили

домы наизнанку: вынесли столы и стулья на улицы и сидят на тротуарахъ. Мистеръ Крукъ также на улицѣ; рядомъ съ нимъ кошка, которой съ нимъ никогда нежарко!

Гостиница Солнечнаго Герба закрыла навремя свои гармоническія митинги и маленький Свильсъ ангажированъ на Пасторальные Сады, по ту сторону Темзы, гдѣ онъ разыгрываетъ роль угнетенной невинности, пость комическія пьсенки самаго дѣтственнаго содержанія и такимъ голосомъ, который не можетъ оскорбить наимѣнжайшаго слуха.

На всемъ юридическомъ сословіи лежитъ, какъ тяжелое облако, ржавчина и паутина бездѣйствія и праздности длинныхъ вакацій.

Мистеръ Снегзби, поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей, на Стрипномъ Подворьѣ, въ Канцелярской Улицѣ, покоряется общему вліанію сонливости не только въ душѣ своей, какъ симпатичный и созерцательный человекъ, но и тѣлесно, то-есть въ дѣлахъ своихъ, какъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей. Въ эти длинныя вакаціи ему больше свободы баловать себя прогулками къ гостиницѣ Скобы и на Плющіяный Дворъ, чѣмъ въ другое время года, и онъ говоритъ своимъ двумъ подмастерьямъ: «славная вещь, ребята, воображать себя въ такую жару на какомъ-нибудь островѣ; кругомъ вода, море бушуетъ, вѣтромъ подуываетъ и листья трепещутъ».

Крикса страшно суетится въ парадной гостиной въ этотъ день, одинъ изъ дней длинныхъ вакацій. Мистеръ и мистриссъ Снегзби имѣютъ въ предметъ задать пирушку и принимать гостей. Ожидаемая компанія богѣе-избранная, чѣмъ многочисленная; она состоитъ только изъ мистера и мистриссъ Чедбандъ и больше не изъ кого. Хотя мистеръ Чедбандъ говоритъ о себѣ и письменно и изустно, что онъ не что иное, какъ *корабль*, такъ-что иногда посторонніе принимаютъ его за господина, знакомаго съ мореплаваніемъ, однакожь онъ, ни больше ни меньше, какъ членъ Клуба Умѣренности и неистощимый ораторъ. Какъ все великіе люди, такъ и мистеръ Чедбандъ не принадлежитъ ни къ какой особенной профессіи и имѣетъ враговъ. Враги его утверждаютъ, что онъ о самомъ замѣчательномъ изъ всѣхъ предметовъ не можетъ ничего сказать замѣчательнаго, хотя будетъ говорить очень-много и очень-долго, и что положительныя блага міра сего дѣйствуютъ сильно на порывы его совѣсти. Впрочемъ, онъ имѣетъ и своихъ послѣдователей, въ числѣ которыхъ яркою звѣздою горитъ мистриссъ Снегзби. Она недавно записалась въ число пассажировъ корабля Чедбандъ, имѣющихъ пополуноженіе дешево и пріятно доѣхать до Эмпирей.

— Жена моя, говоритъ мистеръ Снегзби чижамъ, прыгающимъ по двору гостиницы Скобы (и то тогда, когда воображеніе его ужъ смяг-

чилось сладостными представлениями ручейков и зеленых рощиц): — жена моя любитъ крѣпко держаться своихъ правилъ!

Вотъ потому-то Крикса, гордясь, что по-крайней-мѣрѣ временно будетъ прислуживать семейству Чедбандъ — про старшаго члена котораго она знаетъ навѣрное, что онъ способенъ горланить, не переставая по-крайней-мѣрѣ битыхъ четыре часа съ ряду о какомъ угодно предметѣ — суетится и хлопочетъ за приготовленіемъ чая въ маленькой парадной гостиной. Гостинная блеститъ и горитъ (папилютки и фартукъ сняты), портреты мистера и мистриссъ Снегсби протерты мокрой тряпкой; лучшій чайный сервизъ поставленъ на столъ и около него сгруппирована вкусная, манящая носъ закуска: мягкій душистый хлѣбъ, янтарнаго цвѣта сливочное масло, тоненькіе ломтики ветчинки, копченые и вареные языки, колбасы и сосиски и, въ-заключение, нѣжные анчоусы въ петрушкѣ. Нечего говорить, что свѣжія яйца, сваренныя въ-смятку, лежатъ тоже, какъ обыкновенная принадлежность всѣхъ закусокъ, на столѣ, въ салфеткѣ, и рядомъ съ ними стоятъ поджаренные въ маслѣ госты. Чедбандъ, изволите видѣть, очень-вмѣстительный корабль и съ такими земными орудіями, какъ вилка и ножикъ, управляется замѣчательно-искусно.

Мистеръ Снегсби, въ лучшемъ скюртукѣ своемъ, поглядываетъ на заманчивую закуску и облизывается, ходитъ нерѣшительнымъ шагомъ взадъ и впередъ, прокашливаетъ въ кулакъ свой почтительный кашель и наконецъ не удерживается и говорить:

— Къ которому часу, душа моя, ожидаешь ты достопочтенныхъ мистера и мистриссъ Чедбандъ?

— Въ шесть, сухо отвѣчаетъ мистриссъ Снегсби.

Мистеръ Снегсби жметя и самымъ нѣжнымъ голоскомъ и какъ-бы случайно рѣшается сказать, что ужъ седьмага десять.

— Вамъ, можетъ-быть, хотѣлось бы начать и безъ нихъ? говоритъ мистриссъ Снегсби довольно-строго и поправляетъ чайникъ.

Очень-похоже на то, что мистеръ Снегсби далеко непрочъ приступить къ копченому языку, не дожидаясь достопочтенной компаніи; но замѣчаніе мистриссъ Снегсби его тотчасъ отрезвляетъ: онъ прокашливается почтительно и почтительно говорить:

— Нѣтъ душа моя, я только посмотрѣлъ на часы.

— Чтò значить часъ въ сравненіи съ вѣчностью? говоритъ мистриссъ Снегсби.

— Совершенно-справедливо, душа моя, говоритъ мистеръ Снегсби: — но я только хочу сказать, что, быть-можетъ, относительно закуски... Конечно, ты права, душа моя, часъ передъ вѣчностью — ничто... что,

относительно закуски, позволительно обращать на время больше внимания. И если часъ для чая насталъ, то нехудо и приступить.

— Приступить! повторила мистриссъ Снегсби съ значительною строгостью: — приступить!.. какъ-будто мистриссъ Чедбандъ, ни больше ни меньше, какъ тараканъ!

— Нѣтъ, вовсе не тараканъ, душа моя: — снѣжить отвѣчать мистеръ Снегсби.

Въ это время Крикса, караулившая изъ окна спальни, летитъ сломя голову по ступенямъ лѣстницы и врывается, въ сильномъ волненіи (какъ бы *ручное привидѣніе*), въ парадную гостиную и восклицаетъ съ неистовствомъ:

— Мистеръ и мистриссъ... какъ-бншь ихъ? показались на дворѣ!

Вскорѣ за этия слышится звонъ колокольчика. Мистриссъ Снегсби, снѣжить винуить Криксу, какъ слѣдуетъ доложить о гостяхъ и толкуетъ ей, что неисполненіе какихъ-либо приличій повлечетъ за собою немедленное отправленіе ея особы въ благотворительный пріютъ. Нервная система Криксы, подъ влияніемъ воспоминанія о благотворительномъ убѣжищѣ, приходитъ въ разстройство: она путается, заговаривается и докладываетъ: — мистриссъ и мистеръ, мистриссъ, мистриссъ... какъ-бншь ихъ?.. ахъ ты, Господи!.. Чизбинчи, Чиз... Чиз... что ли?.. и удаляется съ отягченною совѣстью.

Мистеръ Чедбандъ крупный, желтаго цвѣта джентльменъ, съ жирной улыбкою и имѣющій вообще, такъ-сказать, много масла въ своей системѣ.

Мистриссъ Чедбандъ мрачная, сурово-взирающая, молчаливая женщина.

Мистеръ Чедбандъ двигается тяжело, медленно и вообще нельзя сказать, чтобъ онъ не былъ похожъ на медвѣдя, который выучился ходить на заднихъ лапахъ. Онъ нѣкоторымъ образомъ затрудняется удобнымъ размѣщеніемъ рукъ, какъ-будто онѣ были не на нѣтъ; съ головы часто потѣетъ и никогда не начинаетъ говорить не поднявъ прежде вверхъ свою широкую лапу — знакъ, что онъ хочетъ наставлять своихъ слушателей.

— Други мои! говорить мистеръ Чедбандъ: — тишина дому сему! да здравствуетъ хозяинъ его, да благоденствуетъ хозяйка его и вся челядь ихъ въ мужскомъ и женскомъ поколѣніи. Други мои! зачѣмъ я желаю тишины и спокойствія? Чтѣ такое тишина? Драка это? Нѣтъ это не драка. Брань это, или нѣтъ? Нѣтъ это не брань. Чтѣ жъ это такое? Это дивное, сладостное, спокойное, ласкающее чувство? О, безъ-сомнѣнія!.. Вотъ потому-то, други и братья мои, желаю я тишины и мира между вами.

Мистриссъ Снегеби съ первыхъ уже словъ начала тантъ; мистеръ Снегеби, замѣтивъ масляность глазъ ея, думаетъ позволительнымъ, во-обще говоря, сказать, *баста!* и говорить.

Сильность города беретъ — и *баста*, прошло благополучно.

— Теперь, други мои, продолжаетъ мистеръ Чедбандъ: — благо я сталъ уже на эту дорогу...

Въ эту минуту внезапно является Крикса. Мистриссъ Снегеби, гробовымъ басомъ и не сводя замазлившихся глазъ съ жирнаго лица мистера Чедбанда, кричитъ совершенно-ясно:

— Прочь!

— Теперь, други мои, говоритъ несмущимъ мистеръ Чедбандъ: — благо я сталъ уже на эту дорогу...

Крикса все-таки шумитъ и ворчитъ смущеннымъ голосомъ: — Тысяча семьсотъ-восемьдесятъ-второй номеръ...

Гробовый басъ восклицаетъ громче и торжественнѣе прежняго:

— П-р-о-чь!

— Теперь, други мои, говоритъ мистеръ Чедбандъ: — мы будемъ въ духъ умѣренности тѣшины и спокойствія...

Крикса не умолкаетъ и шепчетъ дрожащимъ голосомъ: — тысяча семьсотъ-восемьдесятъ-второй номеръ...

Мистеръ Чедбандъ останавливается съ восторженностью челоуѣка, сильно-обстрѣленного преслѣдователями, спускаетъ медленно въ галстухъ складки своего подбородка, улыбается задумчиво, но все-таки жирной улыбкою, и говорить: — послушаемъ эту дѣвственницу. Чтѣ скажешь ты намъ дѣвственница?

— Тысяча семьсотъ-восемьдесятъ-второй номеръ, сэръ. Онъ хочетъ знать за чтѣ ему дали шиллингъ, говоритъ Крикса, едва переводя духъ.

— За что? возражаетъ мистриссъ Чедбандъ: — За феду — это очень-просто.

Крикса отвѣчаетъ, что тысяча семьсотъ-восемьдесятъ-второй номеръ требуетъ за феду шиллингъ и восемь пенсовъ, въ противномъ случаѣ, грозитъ полисменомъ.

Въдѣствие подобнаго доноса, мистриссъ Снегеби и мистриссъ Чедбандъ готовы разразиться страшнымъ приливомъ негодованія, но поднятiе руки мистера Чедбанда усмиряетъ бурю.

— Други мои! говоритъ онъ: — я помню, что я вчера не исполнилъ своего долга. Совершенно-справедливо быть за это наказаннымъ сегодня. Я не долженъ роптать. Рахиль, заплати восемь пенсовъ!

Пока мистриссъ Снегеби тяжело переводитъ духъ и значительно смотритъ на мистера Снегеби, какъ-будто говорить: «Учись!» и пока

мистеръ Чедбанъ сѣять благочестіемъ и маскомъ, мистриссъ Чедбанъ выплачивать восемь пенсовъ.

Такова привычка мистера Чедбанда : онъ съ умноломъ остается должнымъ, будто по ошибкѣ, и сводитъ публично итоги и счета, чтобъ выказать свою справедливость.

— Други мои! говорить мистеръ Чедбанъ : — восемь пенсовъ небольшая важность ; могло быть хуже, могло быть цѣлый шиллингъ и четыре пенса ; могло бы даже быть полароны. Такъ будемъ же радоваться, будемъ же веселиться, други мои !

Съ этимъ замѣчаніемъ, излеченнымъ, должно-быть, изъ какой-нибудь народной пѣсни, мистеръ Чедбанъ быстро подошелъ къ столу, и прежде чѣмъ взялся за стулъ, указательно поднялъ руку вверху :

— Други мои! говорить онъ : — что сіе распростертое предъ нами? Закуска. Нуждаемся ли мы въ закускѣ, други мои? Да, мы нуждаемся. А почему мы нуждаемся въ закускѣ, други мои? Потому мы нуждаемся, что мы смертны, что мы не изъ воздуха. Можемъ ли мы летать, други мои? мы не можемъ. Почему мы не можемъ летать, други мои?

Мистеръ Снегсби, ободренный благополучнымъ пропускомъ *баста*, рѣшается сказать хотя самымъ нѣжнымъ голосомъ, но очень-внятно : — пѣть крыльевъ ?

Мистриссъ Снегсби говорить : ги!.. и морщить лобъ; мистеръ Снегсби мгновенно упадаетъ духомъ.

— Такъ я говорю, други мои, продолжаетъ мистеръ Чедбанъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на глупое замѣчаніе мистера Снегсби : — почему мы не можемъ летать? Не потому ли, что мы созданы ходить? конечно потому. Могли ли бы мы, други мои, ходить безъ силъ? конечно нѣтъ. Что бы случилось съ нами безъ силъ, други мои? ноги бы наши подкосились, колѣнки бы наши согнулись, пятки бы вывернулись и мы бы упали на землю. Гдѣ же, смотря съ физической точки зрѣнія, источникъ, у котораго мы можемъ почерпнуть силы для нашихъ членовъ? Не состоитъ ли онъ, говорить мистеръ Чедбанъ, смотря на столъ : — изъ хлѣба различной формы, изъ масла, добываемого изъ молока, доиимаго отъ коровъ, изъ яицъ, снесенныхъ птицами, изъ ветчины, изъ языковъ, изъ сосисекъ и изъ другихъ подобныхъ вещей? Дѣйствительно такъ. Такъ сядемъ за столъ и займемся этимъ произведеніемъ природы!

Преслѣдователи почтеннаго мистера Чедбанда нахально утверждаютъ, что онъ обладаетъ особеннымъ даромъ пустословія; легко понять, что это клевета — гнусная клевета, выражающая ихъ настойчивый и упрямый характеръ ; всякому извѣстно, что ораторскій слогъ мистера Чедбанда достоинъ удивленія и слушается съ жадностью. Мистеръ Чедбанъ, между-

прочимъ, замолокъ, присѣлъ къ столу мистриссъ Снегсби и энергически налегъ на съѣстное. Превращеніе всякаго рода пищи въ масло, такъ нераздѣльно съ корпораціей вѣстительнаго корабля, что, начиная пить или ѣсть, онъ становится похожъ на обширную маслосейню. Въ этотъ періодъ препровожденія времени, Крикса, еще оналоженная своими предварительными погрѣшностями, не оставила ни одного изъ своихъ дѣйствительныхъ средствъ, чтобъ надѣлать глупостей. Мы упомянемъ только о двухъ ея выходкахъ: во первыхъ, она прогрѣбла по лысинѣхъ достопочтеннаго мистера Чедбанда тарелками военный маршъ, вовторыхъ, увѣчала его голову ломтиками хлѣба, намазанными яичнымъ желткомъ. Такъ въ этотъ-то періодъ препровожденія времени Крикса шепчетъ на ухо мистеру Снегсби, что его кто-то спрашиваетъ.

— Внизу—отъ слова не станется—что-то случилось, говоритъ мистеръ Снегсби.— Я надѣюсь, что честная компанія позволитъ мнѣ удалиться на полминутки.

Мистеръ Снегсби спускается и находитъ двухъ подмастерьевъ, созерцающихъ полицейскаго констебля, который держитъ за руку ободраннаго мальчишку.

— Съ нами крестная сила! говоритъ мистеръ Снегсби:— что случилось?

— Вотъ мальчикъ, говоритъ констебль:— сколько ему ни говорю, чтобъ онъ шелъ, а онъ все не идетъ.

— Какъ я не йду, сэръ, говоритъ мальчикъ, утирая грязнымъ рукавомъ грязныя слѣзы:— я и такъ хожу, всю жизнь хожу съ-тѣхъ-поръ, какъ родился. Куда же мнѣ еще идти? я право не знаю куда мнѣ идти.

— Онъ все-таки не идетъ, говоритъ констебль, спокойно поворачивая голову въ своемъ кожаномъ ошейникѣ:— что ему ни говори, а онъ все свое. Настойчивъ какъ лошакъ, потому я и долженъ его взять подъ стражу.

— Ахъ, Боже мой! куда же мнѣ еще идти? кричитъ мальчикъ, теребя, съ отчаянія, свои волосы.

— Ты такъ не кричи, а не то я съ тобой скоро расправлюсь, говоритъ констебль, заключая слово выразительнымъ тумакомъ. Мое дѣло сказать тебѣ, чтобъ ты шелъ.

— Да куда же? вопить мальчикъ.

— Гм! констебль, понимаете, говоритъ мистеръ Снегсби задумчиво и съ робкимъ и сомнительнымъ кашлемъ въ кулакъ:— въ-самомъ-дѣлѣ вѣдь это вопросъ: куда же?

— Я этого не знаю, возражаетъ констебль:— мое дѣло сказать ему только, чтобъ онъ шелъ. Мистеръ Снегсби смолкъ и на такой аргументъ только прокашлялся раза два своимъ сомнительнымъ кашлемъ.

— Да, Джо, ты долженъ идти впередъ, впередъ, впередъ и впередъ! Въ этомъ словѣ все твое глубоко-философское начало. Пошелъ же Джо, пошелъ!

Между-тѣмъ мистеръ и мистриссъ Чедбандъ и мистриссъ Снегсби, любопытство которыхъ возбуждено было крикомъ, явились на лѣстницѣ. Крикса стояла позади нихъ и такимъ образомъ весь домъ былъ въ сборѣ.

— Дѣло, сударь, въ томъ, говоритъ констэбль, обращаясь къ мистеру Снегсби: — этотъ мальчикъ увѣряетъ, что вы его знаете.

— Мистриссъ Снегсби кричитъ сверху: — нѣтъ, нѣтъ, онъ его не знаетъ!

— Милая моя, говоритъ мистеръ Снегсби, взирая на лѣстницу: — милая моя, позволь немного, прошу, мнѣй минуточку терпѣнья. Я нѣсколько знаю этого мальчика и знаю съ хорошей стороны, констэбль; и тутъ же поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей рассказалъ все, что зналъ о Джо, выслушавъ обстоятельство о полкронѣ.

— Хорошо, говоритъ констэбль: — какъ кажется, онъ правъ. Когда я его взялъ подъ стражу въ Гольнборской Улицѣ, онъ сказалъ мнѣ, что вы его знаете. Тутъ также молодой человекъ, стоящій въ толпѣ, подтвердилъ, что вы его знаете и что вы честный торговецъ, и что если я пойду къ вамъ за разспросами, такъ и онъ придетъ. Да вотъ его еще не видать, должно быть, не очень-крѣпко держитъ свое слово... Ахъ вотъ и онъ! легокъ на поминѣ! — Входитъ мистеръ Гуппи, кланяется мистеру Снегсби и съ извѣстнымъ поднятiемъ ноги, свойственнымъ клеркамъ, прикладываетъ пальцами къ шляпѣ въ честь дамъ, стоящихъ на лѣстницѣ.

— Только-что я выходилъ изъ конторы, я увидѣлъ этихъ людей, говоритъ мистеръ Гуппи поставщику канцелярскихъ принадлежностей: — и такъ-какъ я услышалъ ваше имя, то и подумалъ, что не худо вѣ-
наться.

— Это очень-хорошо съ вашей стороны сэръ, говоритъ мистеръ Снегсби: — и я вамъ очень обязанъ.

И мистеръ Снегсби опять начинаетъ рассказывать все, что знаетъ о Джо; и опять-таки о полкронѣ проходить молчанiемъ.

— А, такъ я знаю, гдѣ ты живешь, говоритъ констэбль мальчишкѣ: — ты живешь тамъ, въ Улицѣ Одинокого Тома. Славная, чистая улица, нечего-сказать!

— Я не могу думать о болѣе-приличномъ мѣстѣ, сэръ, отвѣчалъ Джо: — куда мнѣ!

— Ты видишь, что ли? говоритъ констэбль.

— Да, отвѣчалъ Джо.

— Ну, такъ посудите же сами, говоритъ констэбль, обращаясь къ

честной компаніи: — такъ всеудите же сами, что́ это за негодяй; я собственными своими руками вытрясъ изъ него вотъ эти двѣ полу-кроны!

— Это сдача съ соверина, мистеръ Снегсби, говоритъ Джо: — да-съ, съ соверина, который мнѣ дала одна дама; она была подъ ву-алью; я, говоритъ, дѣвка, служанка, пришла ко мнѣ, гдѣ я улицу чищу и говоритъ: покажи, говоритъ, вотъ этоть... вангъ-то домъ, покажи, го-воритъ, гдѣ жаль тотъ-то, которому вы бумаги давали списывать; по-кажи еще, говоритъ, и погость, гдѣ онъ лежитъ. Ты, говоритъ, тотъ, о которомъ газета, что ли, была. Тотъ, говорю я; ты можешь, гово-рить, показать эти мѣста; могу, говорю я, и показалъ; она дала мнѣ соверинъ, да и была такова! А отъ соверина осталось у меня очень-немного, продолжаетъ Джо, обливаясь слезами: — я долженъ былъ за-платить въ своей улицѣ пять шиллинговъ за промѣнъ, да мальчишкѣ какой-то утянулъ у меня пять шиллинговъ, а другой девять нѣнсовъ, да и хозяйникъ руну тоже приложилъ, такъ-что мнѣ осталось немного!

— Старого воробья на мажикѣ не надуешь, братъ, говоритъ кон-стабль, смотря на него съ отвращеніемъ: — вишь выдумалъ какія басни!

— Я не выдумалъ сэръ, отвѣчаетъ Джо: — это вѣрно, совершенно-вѣрно.

— Видите, каковъ гусь! говоритъ констабль пріятному обществу: — сегодня я ему пожалуй спущу, если вы за него поручитесь, мистеръ Снегсби.

— Нѣтъ! закричала мистриссъ Снегсби съ лѣстницы: — онъ не поручится!

— Душа моя! несмѣло сказалъ мистеръ Снегсби и еще рече при-бавилъ: — я увѣренъ, констабль, что онъ теперь пойдетъ въ свое мѣсто. Ступай, Джо, ступай!

— Я пойду сэръ, пойду, говоритъ несчастный Джо.

— Ну такъ и убирайся, замѣчаетъ констабль: — ты теперь знаешь, чего отъ тебя требуютъ. Убирайся. Вотъ твои деньги и помни, что другой разъ такъ легко не отдѣлаешься.

Окончивъ эту прощальную сентенцію, констабль, какъ это обыкно-венно водится, указываетъ бѣдному мальчишкѣ путь по направленію за-ходящаго солнца, желаетъ добраго дня честной компаніи и отправляется бродить по тѣнистой сторонѣ Стряпнаго Подворья, снявъ свой кован-ный шоломъ, для большей вентиляціи.

Между-тѣмъ невѣроятная исторія касательно Джо, леда и соверина возбуждаетъ до нѣкоторой степени любопытство всего общества.

Мистеръ Гуппи, одаренный отъ природы, такъ-сказать, *сладостен-*

малые умомъ, въ обстоятельствахъ очевидной ясности, и притомъ утонченный бездѣйствіемъ во время безконечныхъ ваканцій, но всѣмъ правдами искусства приступаетъ къ допросу; дамы изумлены ловкостью его ума и любопытство ихъ достигаетъ такого развитія, что мистриссъ Снегсби очень-ласково приглашаетъ оратора наверхъ выкушать чашку чаю и заранѣе извиняется за нѣкотораго рода опустошеніе, произведенное за чайнымъ столомъ.

Мистеръ Гуппи принимаетъ предложеніе. Джо вытребуется наверхъ и ставится у дверей. Мистеръ Гуппи начинаетъ снова допросъ то такъ, то сякъ, то иначе, и такъ прижимаетъ бѣднаго мальчика, какъ масленки жнуть кусочекъ масла, растягиваетъ и разсучиваетъ его по всѣмъ направленіямъ.

Допросъ вообще идетъ совершенно-нормально, какъ въ отношеніи безуспѣшности, такъ и въ отношеніи продолжительности, однакожъ мистеръ Гуппи сознаетъ свой талантъ въ слѣдственныхъ дѣлахъ, а мистриссъ Снегсби не только видитъ въ немъ удовлетвореніе своего инквизитивнаго расположенія, но думаемъ даже, что подобная вещь можетъ нѣкоторымъ образомъ возвысить ея мужа въ глазахъ поставщиковъ канцелярскихъ принадлежностей.

Между тѣмъ, при изобиліи столькихъ тонностей, корабль Чедбандъ, замаслился окончатально и сидитъ у моря и ждетъ погоды.

— Одно изъ двухъ, говорятъ мистеръ Гуппи: — или этотъ мальчишка вретъ, тогда исторія его вздоръ; или онъ говоритъ правду, тогда это таковой случай, который никогда не встрѣчался мнѣ во всю мою службу въ конторѣ мистеровъ Кенджа и Корбая.

Мистриссъ Чедбандъ шепчетъ что-то на ухо мистриссъ Снегсби.

— Чего вамъ не придетъ въ голову! восклицаетъ мистриссъ Снегсби: — быть не можетъ!

— Я васъ увѣрю, возражаетъ мистриссъ Чедбандъ.

— Мистриссъ Снегсби, убѣдаясь въ непреложности факта, съ торжествующимъ видомъ доводитъ до свѣдѣнія мистера Гуппи, вопервыхъ, что мистриссъ Чедбандъ законная жена достопочтеннаго мистера Чедбанда, и вторыхъ, что она, какъ нельзя лучше знаетъ контору господъ Кенджа и Корбая.

— Ей-Богу! говоритъ мистеръ Гуппи.

— Прежде моего перваго замужства... говоритъ мистриссъ Чедбандъ.

— Вы принадлежали къ какой-нибудь партіи? сударыня, говоритъ мистеръ Гуппи, переноса свой *слѣдственный* умъ на новую печву.

— Нѣтъ.

— Вы не имѣли никакого дѣла, сударыня ?

Мистриссъ Чедбандъ мотаетъ головою.

— Быть-можетъ, сударыня, вы были знакомы съ кѣмъ-нибудь, жившимъ какое-нибудь дѣло? говоритъ мистеръ Гуни, которому очень нравится разговоръ въ формѣ допроса.

— Нѣтъ, несомнѣнъ угадали, говоритъ мистриссъ Чедбандъ, приправляя эту шутку кисленькой улыбкой.

— Несомнѣнъ угадалъ! повторяетъ мистеръ Гуни: — очень-хорошо. Следовательно, сударыня, можетъ-быть, какая-нибудь особа изъ вашихъ знакомыхъ имѣла дѣла (мы теперь не войдемъ въ сущность этихъ дѣлъ) съ самою конторою мистеровъ Кенджа и Корбая. Изволите ли видѣть! Что жъ эта особа, мужчина или женщина?

— Ни то, ни другое, говоритъ мистриссъ Чедбандъ съ тою же приправою.

— Ни то, ни другое! А, следовательно, это было дитя? говоритъ мистеръ Гуни, бросая на удивленную мистриссъ Снегсби одну изъ тѣхъ адвокатскихъ взоровъ, которыми обыкновенно потчуютъ британскихъ присяжныхъ. — Теперь, сударыня, можетъ-быть, вы скажете намъ, чтѣ это былъ за ребенокъ?

— Наконецъ, вы попали, сэръ, говоритъ мистриссъ Чедбандъ, опять кисло улыбаясь. — Изволите видѣть въ чемъ дѣло: это было, судя по вашей наружности, до вашего поступленія въ контору. У меня была на воспитаніи дѣвочка, по имени Эсэиръ Семерсонъ, а потому я ее передала господамъ Кенджу и Корбаю.

— Миссъ Семерсонъ, сударыня! вскрикиваетъ мистеръ Гуни въ волненіи.

— Я зову ее просто Эсэиръ Семерсонъ, говоритъ мистриссъ Чедбандъ сурово. — Въ мое, сударь, время никакихъ миссъ къ ней не прибавляли. Просто, Эсэиръ. Бывало, скажешь: Эсэиръ, поди туда! Эсэиръ подай платокъ! Вотъ и все.

— Милостивая государыня, говоритъ мистеръ Гуни, ходя изъ угла въ уголъ по маленькой комнатѣ: — милостивая государыня, то скромное и ничтожное существо, которое имѣетъ честь сію минуту говорить съ вами, принималъ эту молодую леди, когда она первый разъ прибыла въ Лондонъ изъ мѣста, въ которомъ воспитывалась. Позвольте же мнѣ, милостивая государыня, пожать вамъ руку.

Мистеръ Чедбандъ, находя, наконецъ, совершенно-приличнымъ выкинуть свой обычный артикулъ, подымается съ мѣста; голова его, покрытая испариной, отирается носовымъ платкомъ. Мистриссъ Снегсби шепчетъ: «тсс!»

— Други мои! говоритъ мистеръ Чедбандъ: — мы насладились съ

ушѣренностью (врядъ ли слово было кстати относительно его особы) этии благани природы, которыхъ остатки зрѣть еще передъ собою. Да будетъ изобиліе въ дошѣ семя, да будетъ шнено и сокъ винограда множитъ и плодѣтся подъ крышею сей. Но, други мои, не наслаждались ли мы и еще чѣмъ—нибудь другимъ? Наслаждались! Чѣмъ же другимъ наслаждались мы, други мои? Интеллектуальною нищею. Да. Кто же снабдилъ насъ этою пищею? Другъ мой, впередъ!

Джо повернулся направо, повернулся налѣво, отступилъ назадъ, сдѣлалъ шагъ впередъ и, наконецъ, сталъ лицомъ—къ—лицу съ краснорѣчивымъ мистеромъ Чедбандомъ, очевидно, сомнѣваясь въ его миролюбивыхъ намѣреніяхъ.

— Молодой другъ мой, говоритъ мистеръ Чедбандъ: — ты лучше намъ жемчужины, ты лучше намъ брильянта, ты лучше намъ золота. Отчего жъ ты лучше намъ всѣхъ драгоценностей?

— Не знаю, говоритъ Джо: — почему мнѣ знать?

— Такъ ты не знаешь, другъ мой, говоритъ мистеръ Чедбандъ: — почему ты краше золота и камней? Что жъ ты такое, другъ мой? Звѣрь ли ты, пресмыкающійся среди полей? Нѣтъ, ты не звѣрь. Птица ли ты, летающая по воздуху? Нѣтъ, ты не птица. Рыба ли ты, ныряющая въ водахъ? Нѣтъ, ты не рыба; ты, другъ мой, человекъ. О, великое дѣло быть человекомъ! А почему великое дѣло, другъ мой? Потому-что ты способенъ слушать совѣты мудрости, потому-что ты способенъ понимать ихъ, потому, наконецъ, что ты не пѣшка, не пробка, не столбъ, не дерево, не камень. О рѣка мудрости!купаешься ли ты въ этой рѣкѣ, другъ мой? Нѣтъ ты не купаешься. Отчего жъ ты не купаешься въ этой рѣкѣ, другъ? Потому-что ты ходишь ошущю, потому-что ты ходишь въ повязкѣ. Чтò такое повязка, другъ мой? Отвѣчай мнѣ въ духѣ тишины и спокойствія.

При этомъ энергическомъ пунктѣ вопросно-ответнаго снѣчка, Джо, который, вообще говоря, кажется, совершенно потерялъ рассудокъ, накладываетъ грязный рукавъ рубашки себѣ на ротъ и издаетъ страшную зѣвоту.

Мистрисъ Снегсби съ негодованіемъ выражаетъ свое убѣжденіе, что Джо, ни больше, ни меньше, какъ лошакъ.

— Други мои! говоритъ мистеръ Чедбандъ, засовывая за галстухъ свой жирный подбородокъ, какъ-будто постороннюю вещь: — други мои, будемъ радоваться, будемъ веселиться!

Почтительное одобреніе со стороны мистриссъ Снегсби.

— Други мои, говоритъ мистеръ Чедбандъ, озираясь послѣдовательно вокругъ: — дѣло мое сегодня сдѣлано. Молодой другъ мой, прійди ко

мнѣ завтра; спроси у этой достопочтенной леди, гдѣ я живу, приди ко мнѣ послѣзавтра, приди ко мнѣ на четвертый день научиться ораторскому искусству. И кончилась рѣчь взаимноиъ руки и движеніемъ наподобіе быка.

Джо, которому больше ничего не остается, какъ идти вонъ, уходитъ. Мистеръ Гуни бросаетъ ему пени и мистриссъ Снегсби приказываетъ Криксъ вывести его на улицу. Но пока Джо сходитъ съ лѣстницы, мистеръ Снегсби нагружаетъ его нѣкоторыми остатками съѣтнаго и смотритъ на свою дрожащую половицу, какъ—будто ни въ чемъ не бывало.

Мистеръ Чедбандъ — о которомъ говорятъ враги, что это еще не диво, если онъ можетъ безъ умолку городить всякую околесицу, а диво въ томъ, что онъ иногда въ-состояніи перестать болтать вздоръ — удаляется подъ свой кровъ, гдѣ не замедитъ предаться сладкому покою.

Джо идетъ къ Блакэрайерскому Мосту, садится на нагрѣтый солнцемъ камень и начинаетъ закусывать.

И сидитъ онъ на камнѣ, грызетъ и жуетъ и поглядываетъ на большой крестъ на куполѣ Собора св. Павла, блистающій сквозь красное дымное облако дыма.

Солнце садится, рѣка быстро уноситъ волны свои, народъ стремится двумя потоками впередъ, впередъ, впередъ!

ЖЕНИХЪ ИЗЪ НОЖОВОЙ ЛИНІИ.

КОМЕДІЯ.

... Съ перваго взгляда оно смѣшно, а разгадайте вы его натуру — и увидите прекрасныя начала...

Н. Гоголь.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Дорожеевичъ Мордоплюевъ, купецъ третьей гильдіи, торгующій въ Москвѣ, въ Ножовой Линіи и на Ильинкѣ.

Александръ Харитоновичъ Перетычинъ, купеческій сынъ, пріятель.

Евграфъ Семеновичъ Сандараконъ, отставной чиновникъ, проживающій въ Москвѣ.

Зинаида Васильевна, жена его.

Юлинка, дочь ихъ.

Евсей Прохорычъ, главный прикащикъ у Мордоплюева.

Борька, мальчикъ при лавкѣ Мордоплюева.

Федосья Антоновна, торговка.

Оська, казачокъ Сандараконыхъ.

Малой изъ ширюльки.

Гости.

Дѣйствіе въ Москвѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Небольшая, довольно-чистая комната; направо диванъ и круглый столъ; налево конторка; на ней счеты и торговыя книги; надъ диваномъ два большіе портрета: на одномъ написанъ купецъ съ окладистой бородой, на другомъ — купчиха въ душегрѣйкѣ, съ большимъ платкомъ въ рукахъ).

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Прохорычъ *(одинъ)*. — Вотъ ужъ скоро за полдень, а хоминъ все еще не бывалъ; обѣдня, чай, давно кончилась... тепереча, стало-быть, выходить, зашелъ куда-нибудь. А нечего сказать, добрыйшій у насъ хозяинъ... еще вотъ какииъ пополезнемъ на ру-

какъ его нянчивалъ; и батюшка его, покойникъ, Дороей Кузьмичъ — царство небесное — мужикъ былъ знатный. Важно торговали мы съ нимъ въ Балабневѣ, да вотъ шоссейный подрядъ подкузьмилъ... и зачѣмъ было вязаться? Оттого и жизнь порѣшилъ. Ну, Иванъ Кузьмичъ и говорить: ты, говорить, Евсей Прохоровъ, брату двадцать лѣтъ служилъ честно, грѣха не укусилъ: ступай ко мнѣ въ Москву; жалованья тебѣ надбавлю и надъ обѣими лавками у меня будешь. — Ну, вотъ лѣтъ десятокъ съ походомъ и здѣсь промаячилъ, обжился какъ слѣдуетъ, да чтò будешь дѣлать! и второму брату Богъ вѣку не продлилъ... Тепереча, стало-быть, выходить, весь капиталъ и обѣ лавки, и въ Ножовой и на Ильингѣ, все досталось Ивану Дороеичу. Эвтого, какъ въ Москву прикатилъ, тоже говорить: ты, говорить, Евсей Прохорычъ, будь у меня прикащикомъ... Ладно, думаю себѣ... Вотъ десятый мѣсяцъ и у эвтого служимъ. Добрѣйшая душа, нѣчего сказать; только больно ужъ мягокъ... ужъ такъ мягокъ, что на поди... Ну, да еще къ Москвѣ не приглядѣлся, да и въ торговлѣ нашей не наторѣлъ: торговля — великое дѣло...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Прохорычъ и Борька (*остановясь въ дверяхъ*).

Борька. — Дядюшка Евсей Прохорычъ, самоваръ-то скоро уйдетъ-съ...

Прохорычъ. — Уйдетъ? Такъ запри сѣни, скорѣича: вотъ и не уйдетъ-съ.

Борька (*почесывая голову*). — Да, нѣтъ-съ... я хотѣлъ спросить... то-есть, что больно шибко кипить, такъ подавать не прикажете ли?

Прохорычъ. — Видали ли вы дураковъ?.. Ну, братъ, Борька, мало тебѣ давеча вихры-то трепали, надать бы еще надбавить. Вѣдь видишь, что хозяина нѣтъ, я напился съ молодцами: для чего жь, подавать?.. Экая дура съ печи!.. Еще въ Москвѣ при лавкѣ живешь... Прикрой его хорошенько, да и дожидайся хозяина!

Борька. — Ладно-съ. Да вотъ чтò, дядюшка: молодцы-то ужъ обѣдать просятъ.

Прохорычъ. — Ну, и пусть ихъ обѣдаютъ; зачѣмъ же дѣло стало?

Борька. — Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Прохорычъ (*однимъ*). — Молодцы! Охъ, ужь эти молодцы... важные ребята, нечего сказать!.. Кабы не Евсей Прохоровъ, на-торговали бы они на шильце съ мыльцемъ. Ужь безъ форсу могу сказать: одинъ я всѣмъ дѣломъ орудую. Говорять, примѣромъ, какой прикащикъ не воруетъ?.. Оно, вѣстимо дѣло, ужь такъ въ свѣтъ устроено, что каждый человекъ живетъ насчетъ другаго: управляющій щечится отъ помѣщика, дворецкій отъ управляющаго, а поваръ отъ дворецкаго... тепереча, стало-быть, выходитъ, почему же и прикащику въ хозяйскую выручку не заглянуть?.. Да заглядывай умъючи, концы хорони, чтобъ себѣ въ пользу, да и хозяина не доконать. А гдѣ нынче настоящій прикащикъ? гдѣ ты его найдешь?.. И въ лавкѣ, и въ магазинѣ, много ихъ сидитъ, да что это за народъ?.. Такъ, верхолѣтъ какой-то... фанаберія — и больше ничего. Онъ сидитъ тебѣ, и торгуетъ, и въ долги распуститъ, и продажу иной разъ не запишетъ, и около выручки потрется, и все этакое... да что толку-то?.. Что у него для переду?.. За-то на гулянье козыря изъ себя корчитъ; поди, узнай, что онъ прикащикъ... у него и папироска въ зубу! Возьметъ себѣ лихача, да и въ тятрѣ, а тамъ попозднѣе въ Рос-ти... Шампанское ему тамъ давай; судацкое, вишь кисло... Хо-зяинъ рубль къ рублю наколачиваетъ, а ему тепереча, стало-быть, выходитъ, и сто цѣлковыхъ ни почемъ. А какъ попадется, глядь — и поджалъ хвостъ, какъ кошка надъ кринкой... Чуть хо-зяинъ протурилъ — и пиши пропало!.. Чѣмъ бы самому лавку или магазинъ открыть, какъ бы оно съ умомъ и слѣдовало, а онъ мотается себѣ... да и оборвется, общиплется, и гранить себѣ мостовую.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Прохорычъ и Мордоплюевъ.

Мордоплюевъ. — А! ты ужь дома, Прохорычъ! Давно ли забрались? (*Снимаетъ шинель, встряхиваетъ и кладетъ на стулъ*).

Прохорычъ. — Да дѣло праздничное, хозяйнѣ, посидѣли ча-сокъ-другой, да и шабашъ. А вы, гдѣ это, хозяйнѣ, загулять изволили?.. Мы ужь больно-давно поджидаемъ.

Мордоплюевъ. — Гдѣ загуляться? городской задержалъ (*обтираетъ шляпу платкомъ и бережно ставитъ на котторку*).

Нашъ балабаевскій галантерейщикъ... надать завтра ему товару отобрать, вотъ, по этому ересту (*Отдаетъ Прохорычу бумагу*). То-есть, этакъ... какъ слѣдуетъ...

Прохорычъ. — Ужь знаемъ, хозяинъ, будьте покойны... и заволи поприкинемъ, и все этакое : въ Балабаевъ, соидетъ...

Мордоплюевъ. — Ну, да ты не такъ, чтобы больно, того... парень-то онъ важный : и хересомъ-было меня, и мадерой-то, и ледеру хотѣлъ послать ; ну, да накинусь ли я послѣ обѣдни, натошакъ ?

Прохорычъ. — Такъ чайку не прикажете ли?.. Самоваръ ужь давно кипятъ.

Мордоплюевъ. — Ладно, ладно ; конь съ землякомъ мы и пошли, ну да еще стакашекъ, другой, не мѣшаетъ.

Прохорычъ. — Сію минуту-съ... (*кричитъ въ дверь*.) Бориска! самоваръ подавай! скорыча!...

Мордоплюевъ. — Теперь добрые люди ужь объдаютъ, а мы часокъ-мѣсто позапоздаемъ (*Борька вноситъ самоваръ, а потомъ и весь чайный приборъ*)... Борька! что это рожа-то у тебя словно качанъ квашеной? да и волосы-то... не черти ли тебя таскали?

Прохорычъ. — Нѣтъ, хозяинъ ; ему для праздника давеча у лавки какой-то шельганъ ключья вычесалъ.

Мордоплюевъ. — Вотъ!.. да за что жь?

Прохорычъ. — А такъ, здорово живешь. Вотъ изволите видѣть : идегъ по ряду кака-то стрекуляція ; туды же очки на носу, а фрачишка-то весь, чай, двугривенныхъ два стоимъ. Гришка изъ сосѣдской лавки и давай ему натачивать : «Что вамъ угодно? что покупаете? Пожалуйте-съ ; у насъ помочи, перчатки, галстуки, жилетныя матеріи, манишки модныя»... Ну, голышъ-то и приостановился, а нашъ дуралей и подскочилъ... пожалуйте, говорить : у насъ, говорить, и галстуки и манишки лучше, и дешевле продадимъ ; да цапъ его за рукавъ и тащить въ лавку. Тотъ рванулся, а рукавъ-то у него почитай пополамъ... Тутъ онъ, какъ хватить Борьку за вихры, да и давай раскачивать : вотъ тебѣ, говорить, за галстуки, вотъ тебѣ за манишки... Ужь онъ его моталъ, моталъ, да еще въ претензію вошелъ : мнѣ, говорить, за фракъ-то заплатите, а не то къ надзирателю пойду жаловаться... такая чернильная выжимка ! Насилу трехрублевымъ отбился.

Мордоплюевъ. — И подьломъ ; ништо тебѣ, Борька. Экая дурья порода ! ты языкомъ што хопъ звони, а рукой покупателя

не трепшь... мало онъ тебя трепалъ. Ну, пошелъ, собирай на столъ, дуралей! А мы съ тобой, Прохорычъ выпьемъ по стакашку. Садись-ка.

Прохорычъ. — Покорно благодарю, хозяинъ; я ужъ пилъ съ молодцами.

Мордоплюевъ. — Ну, такъ что жъ, что пилъ, а я нѣшто не пилъ? Не худая статья передъ объѣдомъ маленько пораспариться; а насчетъ этого, я тебѣ скажу, здѣсь, въ Москвѣ, больно-неладно заведено, что каждому покупателю, только покажись въ ряды, такъ на ухо и наяриваютъ, да почитай силкомъ тянуть въ лавку. Ужъ кто идетъ за покупкой, тотъ и самъ найдетъ гдѣ и что купить; а кто такъ шатается, того и канатомъ не затащишь; а если и зайдетъ, только весь товаръ перероетъ—вотъ и все... Нѣтъ, у насъ, въ Балабаевъ, на этогъ счетъ великатнѣе: тамъ идешь ты гостиннымъ дворомъ, спросить тебя, «не покупаете ли чего?» да и шабашъ. А здѣсь какъ иной разъ часа три, четыре въ лавкѣ посидишь, чуть не оглохнешь.

Прохорычъ. — Осмѣлюсь доложить, хозяинъ, вы не по-купецки разсуждаете. Конечно, Балабаевъ городъ, да что онъ передъ Москвой-то?.. Я самъ двадцать лѣтъ въ Балабаевъ торговалъ, да и здѣсь вотъ ужъ другой десятокъ торгую. Въ Балабаевъ, пригвоздь, много-ли привъзгаго покупателя?.. А сюда со всѣхъ концовъ городской народъ валомъ валить. Тепереча, стало-быть, выходитъ, такой покупатель наворачивается, который Москвы-то и въ глаза не видалъ: такъ и надо его заманивать. Какъ словами-то его закидаешь, да отуришь, такъ онъ ошалѣетъ, да и по неволѣ въ лавку зайдетъ... Ну, тутъ его какъ хочешь, такъ и обрзониваешь.

Мордоплюевъ. — Ну, противъ этого я не спорю. Ты, Прохорычъ, старинный торговецъ, за прилавкомъ состарѣлся, такъ тебѣ и книга въ руки; не даромъ же я тебѣ обв лавки довѣрилъ.

Прохорычъ. — И не далъ маху, хозяинъ, вотъ ей-Богу не далъ маху! Истинно скажу, за копейку вашу я готовъ умереть, да и грѣха-то на душу взять нѣ для кого. Сиротой къ родителю вашему въ мальчики поступилъ, и вѣкъ живу сиротой: ни отца, ни матери, ни роду, ни племени; такъ тепереча, стало-быть, выходитъ, не для кого и копейку прочить. Вотъ смолоду, нѣчего грѣха таять, имѣлъ знакомства... ну, бывало, то-есть, этакъ... возьмешь изъ-лавки што-нибудь, платочекъ, или матерійцы, а нынче, такъ лстинно на хозяйскую копейку дрожишь.

Мордоплюевъ. — За-то и забыть не будешь... вѣрь Богу, а не мнѣ. Ну, а скажи-ка, Евсей Прохорычъ, вотъ тепереча десятый мѣсяць, какъ я здѣсь, въ Москвѣ: каково мы съ тобой торгуемъ?... а?... вѣдь хорошо торгуемъ?

Прохорычъ. — Нѣчего Бога гнѣвить, торгуемъ на порядкахъ. По Ножовой, правда, немного шибко идетъ, а въ Панской важно торгуемъ. Только, не въ гнѣвъ вамъ, хозяинъ, сами-то вы въ торговлѣ больно мягки, да и молодцы-то у насъ не то, чтобы того... вездѣ нуженъ мой глазъ... Торговля великое дѣло: тепереча, стало-быть, выходить, нужна такая сноровка...

Мордоплюевъ. — Да безъ сноровки какъ же и торговать!..

Прохорычъ. — Сноровка сноровкѣ рознь, Иванъ Доросевичъ. Обсчитать, обмѣрять, утянуть поларшина — эвто дѣло не торговца, а шильника. У насъ есть другія колѣны. Если я то-есть настоящий торговецъ, вотъ сию я въ лавкѣ; тепереча входитъ ко мнѣ покупатель; сперва-на-перва взгляну я, что на немъ, погляжу ему въ глаза, да какъ перемолваю слова два-три, ну и шабашъ: ужъ тепереча я знаю, кто онъ такой, что ему показать и сколько съ него взять. Покупатель такая ужъ вещь... онъ на то и покупатель, чтобы торговецъ отъ него живился; тепереча, стало-быть, выходить, сначала надобно его раскусить. Вотъ анамедни была оказія: приходитъ покупатель въ золотыхъ очкахъ; взглянулъ я на него... вижу, форсунъ — тутъ-то рыбу и ловить. Спросилъ сукна... показалъ я ему: нехорошо; я еще, и то неладно; сталъ я ему показывать высокіе сорта, по четыре и по пяти серебромъ и дороже — куда тебѣ, такъ и швыряетъ! Ужъ какое же зло меня взяло... Ну, сударь, говорю я, если эвто не сукно, такъ позвольте показать вамъ послѣднюю штуку, самый высокій сортъ, только, можетъ-быть, для васъ дорогонько будетъ... «Не твое дѣло; показывай!» Вотъ я живой рукой и досталъ съ верхней полки половинку подъ литерой А., сукно легонькое, на видъ больно казистое и себѣ въ покупкѣ всего два рубля пятьдесятъ копеекъ серебромъ аршинъ... Развернулъ ему — мой баринъ протеръ очки, смотрѣлъ, смотрѣлъ... «Ну вотъ, говоритъ, эвто сукно! для чего жъ ты мнѣ сразу не показалъ? а что за аршинъ?» Семь рублей серебромъ крайняя цѣна... Ну, начали торговаться, да пять аршинъ по пяти серебромъ я ему и отрѣзалъ. Тепереча, стало-быть, выходить, какъ знаю я покупательскую натуру, такъ съ форсуна-то рубль на рубль чистой пользы и сгладилъ... Да и ништо ему: не ройся въ товарѣ, какъ пѣтухъ въ кучѣ.

Мордоплюевъ. — Молодецъ Евсей Прохорычъ! Вотъ это колыно важное!..

Прохорычъ. — А съ барынями нѣшто не та же аказія?.. Охъ, ужъ эти мнѣ барыни! Иной разъ привалить ихъ цѣлая гурьба; покажи имъ новые ситцы : ну, и разложишь имъ царевскіе, битепажевскіе и прочіе другіе. Лепечуть себѣ по-французскому; то варь подь-носомъ, а въ стеклышко на него глядятъ, будто видѣе... И все имъ неладно : и пестро, и не во вкусъ... Тепереча, стало-быть, выходить, иной бы ихъ изъ лавки гулять отпустилъ, а ты и начнешь имъ кидать сорта пониже да помельче узоромъ, ты-есть этакъ потуманнѣе... Кидаешь, да похваливаешь; кидаешь вотъ этакой ворохъ, отуришь ихъ — глаза-то у нихъ и разбѣгутся. Ну въ четыре-то глаза и выберутъ что ни самую дрянъ ; а противъ хорошаго копейкъ по двадцати на аршинъ пользы дадутъ.

Мордоплюевъ. — Эту штуку я и самъ пробовагъ. А иную барыню не скоро, братъ, обрезоишь.

Прохорычъ. — Вѣстимо! всякая бываетъ, да на все свое колыно есть. Зайдетъ къ тебѣ иной разъ какая-нибудь франтиха, рыжая, рябая, носомъ словно рыбу удить; покажешь ей ленты, а она и спрашиваетъ : «какой цвѣтъ мнѣ лучше къ лицу?» — Известно, молъ, розовый, сударыня — «А почему жъ именно розовой?» — А потому, сударыня, что осмѣлюсь вамъ доложить, нѣжное къ нѣжному и идетъ». Вотъ, глядишь, этимъ словомъ у рыжей по сердцу-то какъ масломъ и смазано ; накупить она всякой всячины, да и денежки отдасть не торговавшись.

Мордоплюевъ. — Да ужъ гдѣ ей торговаться, коли ты ее такъ размажешь !

Прохорычъ. — Бываетъ еще у насъ покупатель, что-называется, *коваль*. Это народъ самый тяжелющій; товаромъ онъ небожно бракуеть, да торгуется пуще жида — чистый убытокъ даетъ... какъ ты съ нимъ орудовать будешь?.. И на это у насъ есть колыно. Тепереча я двойныя книги завелъ, да и говорю : «Извольте, сударь, я продамъ на совѣсть; сколько на рубль пользы пожалуете? Вѣдь по десяти копейкъ не обидно будетъ-съ?» «Ладно» говорить. Вотъ я и кладу ему товарную книгу; а ужъ тутъ на каждый рубль по тридцати копейкъ пользы приписано, да по десяти онъ даетъ мнѣ на совѣсть; тепереча, стало-быть, выходитъ, я съ него сорокъ копейкъ на рубль пользы и сдую.

Мордоплюевъ. — Штука тоже важнецъ!

Т. ХСІИ. — Отд. I.

Прохорычъ. — Мало этого; коли ты торговать, такъ тебѣ рече-ча знай, какого покупателя какъ назвать и какъ съ нимъ говорить. Пришелъ къ тебѣ мастеровой, ровно голить обнищать, — а ты говоришь ему: «Пожалуйте-сь! Что покупаете, хозяинъ?» Бучеру, али мужику въ сармагъ: «Что вамъ угодно, купецъ?» Дворянина величаетъ дворецкимъ: онъ охотиве покупаетъ...

Мордоплюевъ. — Дока ты, Прохорычъ, ей-Богу дока!.. Торговцамъ надать у тебя учиться. Ну, поторгуемъ же мы съ тобой — а?.. вѣдь поторгуемъ?..

Прохорычъ. — Для чего не поторговать. И тебѣ рече, слава Богу, торгуемъ важно. Только вотъ что, хозяинъ, осмѣлось я вамъ доложить: собой вы молодецъ, и ростомъ и дородствомъ, и въ настоящей порѣ, и капиталъ у васъ большой, а живете вы, не во гнѣвъ вамъ, вотъ ровно бобыль... ей-Богу!.. Ну, для кого мы тысячи-то наживаемъ?.. Родные у васъ все повимерли, царствие имъ небесное! Одна бабушка Анисья Меркуловна... Ну, да что? у той въ Балабаевъ огромный домина; умри — вамъ же все достанется. Тебѣ рече, стало-быть, выходить, ужъ пера бы вамъ и насчетъ судьбы своей порыньить. Здѣсь въ Москвѣ невѣсть и куры не клюютъ, и на вашъ капиталъ хоть какая такъ новарится.

Мордоплюевъ. — Экой ты, Евсей Прохорычъ! Да иѣшто ти не знаешь, вѣдь вотъ съ Покрова я ужъ четырехъ невѣсть смотрѣлъ, да и сваху-то прогналъ въ три шен? Что за онажный народъ эти свахи! Придетъ къ тебѣ этакая шлюха, принесетъ тамъ роспись какую ни на-есть, да и начнетъ тебѣ тараторить: и умница-то, и красавица-то, и полная-то, и бѣлая-то, и разумная-то... Ну что ты тутъ?.. Ну, поведешь смотреть; глядь: рожа словно тарелка, а носъ — что твой руль отъ доброй расшивы; одинъ глазъ смотритъ на Ярославль, а другой на Кострому... Тьфу ты, прахъ побори!.. Оно, конечно, приданое знатное, домъ каменный, ну и денегъ, глядишь, таки тово... да что мнѣ приданое? У меня своего капитала тысячь шестьдесятъ серебромъ. Мнѣ не приданое нужно, а человекъ, съ кѣмъ бы вѣкъ жить. Вотъ коли провѣдаю гдѣ невѣсту хорошенькую, хоть и безъ приданого, самъ сваху зашлю... Видѣлъ, правда, ж одну шутчку... вотъ ужъ краличка!.. Да нѣтъ... это не нашего поля ягода... (сдѣлаетъ).

Прохорычъ. — Оно, конечно, хозяинъ, сожительство себѣ брать не то, что товару купить; и товаръ иной разъ несворе отберешь. Да здѣсь, въ Москвѣ, долго не заждется... Москва-ма-

тушка кого жонив и напоить, и накормить, и женить, и разженить... Здѣсь нѣшто только куриного молока не найдешь.

Мордоплюевъ — Да, нѣчего сказать, важный городъ Москва, не Балабаеву нашему чета! Только носъ высунешь на улицу, ужъ и видно, что Москва: народъ совсѣмъ не того сложенія. И жить здѣсь знатно, особливо какъ деньги въ карманъ есть — а? Прохорычъ? вѣдь важно здѣсь жить?

Прохорычъ. — Худо ли здѣсь жить, только бы Богъ здоровья далъ! (*Опрокидываетъ стаканъ и на домышко кладетъ кусокъ салуру*). Благодарю покорно за угощеніе, хозяинъ... Тепереча я пойду къ молодцамъ, посмотрю, что тамъ они. Скоро ли обвдаты изволите?

Мордоплюевъ. — Вотъ только еще одинъ стаканъ выпью, да коли тамъ все готово, такъ и за столъ сядемъ.

Прохорычъ. — Ладно-съ. (*Кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Мордоплюевъ (*однѣн*). — А въ-самомъ-дѣлѣ, вѣдь въ Москвѣ-то знатное житье... а оттого, что городъ важный: куда хошь поѣзжай — конца не видать... одна улица почитай съ цѣлымъ Балабаевъ будетъ. Правда, у насъ Волга хороша, нѣчего сказать, живая рыба тоже ни почемъ; да что рыба! здѣсь сайку или калачъ возьми, откусилъ, такъ сейчасъ и слышно, что московскій. Ну, у насъ лѣтомъ машины ходятъ, за-то здѣсь тебѣ разнощикъ такъ прокричитъ, что въ Балабаевъ за рубль серебромъ не услышишь. Знатный городъ Москва!.. Въ Питеръ ли захотѣлъ — сядись на чугунку и валай! Не успѣлъ носу обтереть, ужъ и тамъ. Не хочешь въ Питеръ, поѣзжай куда на дачу... подкутишь тамъ, никто тебя не знаетъ... а у насъ, въ Балабаевъ, на другой день въ цѣломъ ряду загудятъ. Нѣчего сказать, славное здѣсь житье... (*ходитъ по комнатъ заложя за спину руки*). А Прохорычъ правду говорить, пора бы ужъ того... и ужъ больно бы пора... тридцать-третій пошелъ... Оно, конечно, и холостой живешь... да что!.. все не то!.. Вотъ, примѣромъ, самоваръ: вотъ онъ тепереча стоитъ... простоятъ онъ и до вечера, коли не хватятся, а кто хватится?.. Э-эхъ! (*садится*). Конечно, стряпуха есть, да вѣдь стряпуху не поцалуешь, а жену и поцаловать можно — ничего!.. знатно!.. Да гдѣ ея возьмешь? И много сватають, да все браковка... жди да подожди!.. (*встаетъ*). Эхъ, кабы эта штука! Вотъ ужъ истинно сказать, отборная барыш-

ня... одни глаза... Фу ты поди!.. Третій мѣсяць въ лавку ходить, и каждый разъ хлопчикъ позади, казачкомъ одѣтъ. Анамедни пришла, я говорю : «наше вамъ почтеніе, сударыня!» а она : «здравствуйте, говорить, здоровы ли вы?» О здоровьи спросила... Ну, я ей кисею въ убытокъ и отдавъ, да за два аршина атласу позабылъ взять. Вотъ кабы... да нѣтъ... за нашего брата не пойдетъ... скажетъ : бородачъ!.. А что борода?... поихнему мочалка (*подходитъ къ зеркалу*); какая же она мочалка? Борода какъ борода; правда, у меня желтовата маленько... да кабы ужъ пошла за меня, такъ и подкрасить бы можно... только нешто смѣяться стануть — скажутъ бороду вымазалъ; да ничего, и такъ сойдетъ. А ужъ какъ бы зажили-то!.. Въ шляпку бы ей перо... пару сѣрыхъ купилъ бы, да коляску, да санки модныя... О масляницъ, покатили бы съ ней, только держись... Поди! поди!.. прочь съ дороги!..

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Мордоплюевъ и Борька.

Борька (*въ дверяхъ*). — Вона! Что это хозяинъ-то въ горницѣ кричать «поди»?

Мордоплюевъ. — Пристяжную самъ бы взялъ, да какъ махнулъ бы... (*оборачивается и видитъ Борьку*). Ты чего тутъ стоишь, чертенокъ? Что тебѣ надать?

Борька. — Да васъ, хозяинъ, какой-то баринъ спрашиваетъ.

Мордоплюевъ. — Какой тамъ баринъ? Чего ему?

Борька. — Не знаю-съ; мнѣ, говорить, нужно хозяина, а самъ все волосья себѣ ерошить.

Мордоплюевъ. — Ну, ладно, сейчасъ выйду.

(*Борька хочетъ уйти и въ дверяхъ сталкивается съ Перетычкинымъ*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Мордоплюевъ и Перетычкинъ (*въ очкахъ, съ усами и эспаньёлкой, одѣтъ и причесанъ по модѣ, но платье довольно-поношенное*).

Перетычкинъ (*Борькѣ*). — Ничего, ничего, братецъ, я и самъ его найду; вѣдь мы пріятели (*увида Мордоплюева*). Ваня! ты ли это? Здравствуй, душечка!.. (*хватаетъ его за руку*) Не узнаешь, что ли?... а?..

Мордоплюевъ. — Извините, сударь, я, право... кажется, то-есть...

Перетычкинъ. — Такъ и есть, не узналъ!.. Ахъ, ты разбойникъ! Да ты посмотри на меня хорошенько; ну посмотри! (*сталомился въ лозу*) Чтò, все еще не узнаешь? а?.. Не узнаешь?

Мордоплюевъ. — Ей-Богу, нѣтъ-съ. Ну, вотъ хошь убейте, а ужь того...

Перетычкинъ. — Ахъ, ты бутузъ этакой! Ну, а помнишь Сашу Перетычкина? Еще у васъ въ Балабаевъ цѣлый годъ гостилъ, у покойницы тѣтушки Феклы Назаровны, и жили-то рядомъ, возлѣ почты... ну, еще по воскресеньямъ вмѣстѣ на рѣчку бѣгали да на конькахъ катались.

Мордоплюевъ. — Дà, дà, помню, помню!.. Ахъ ты, Саша, Саша!.. Ну, братецъ, вотъ хотъ убей, а я бы тебя, право, не узналъ.

Перетычкинъ. — То-то вотъ и есть; я-такъ, не бойсь, узналъ съ-разу, даромъ что ты растомыль какъ быкъ!

Мордоплюевъ (*Перетычкину*). — Да легко ли тебя узнать-то, милый ты человекъ, вишь ты какъ перемѣнился? Ну, а какъ тебя ко мнѣ-то Богъ надоумилъ?

Перетычкинъ. — Да я вчерась только узналъ отъ Пивоварова — что у насъ въ прикащикахъ жилъ, теперъ онъ такъ шатается — онъ сказалъ мнѣ, что ты ужь безъ-малаго годъ въ Москвѣ и въ дядиныхъ лавкахъ торгуешь. Нынче утромъ махнулъ я въ ряды, узналъ тамъ о твоей квартирѣ — да и къ тебѣ... Такъ-то, братъ, Ваня!..

Мордоплюевъ. — Дà, братъ Сашуха, еще Богъ привелъ свидѣться. Ну, а тятенька твой здоровъ ли?

Перетычкинъ. — Слава Богу; ему, чай, тамъ хорошо.

Мордоплюевъ. — Гдѣ тамъ?

Перетычкинъ. — А на томъ свѣтѣ-то!

Мордоплюевъ. — Какъ? да ништо ужь порвѣнился?

Перетычкинъ. — Скоро два года будетъ.

Мордоплюевъ. — Царство небесное!.. Ну тебѣ, братъ Саша, чай, большой капиталъ остался?..

Перетычкинъ. — Да таки на порядкахъ: двѣ лавки въ Мускатильномъ Ряду, да въ палаткахъ товару тысячь на десять серебромъ было.

Мордоплюевъ. — Вотъ и важно... Теперъ, чай, торгуешь?

Перетычкинъ. — Дà, торгую... ха, ха, ха!.. Вотъ дурака

нашелъ : стану я торговать !.. Да хоть бы товаръ-то нашъ былъ такой... барышни ходили бы покупать... а то лакъ да вохра, ошпидаръ да купоросъ... Стоить великой дряхлю руки марать !.. Къ намъ только и шатаются фабричныя да маляры — хорошенъкого личика не видишь.

Мордоплюевъ. — Ну, такъ за нашъ товаръ возмись, павскую лавку открой... къ намъ, братъ, иной разъ такія ходятъ, что фу-ты на !..

Перетычкинъ. — Вотъ еще! Стану я аришничать... Нѣтъ, братъ Ваня, меня и тятенька съ маменькой не къ этому готовили. Ты не знаешь, вѣдь ко мнѣ четыре учителя ходили ; тятенька, правда, сначала хотѣлъ-было къ лавкѣ пріучать, да маменька куда тебѣ!.. Вѣдь она была изъ благородныхъ... и въ гимназію, говорить, не пуцу : пусть дома къ университету готовится... лѣтъ шесть, братъ, возился... ну, и ужь совсѣмъ было, и французскій, и географію, и исторію, все вызубрилъ — хоть сайтасъ въ студенты; да маменька захворала, скончалась... а мѣсяца черезъ два и тятенька туда же за ней... Ну, и баста !

Мордоплюевъ. — Эхъ, братъ Саша! Такъ мы съ тобой, выходить, оба почитай круглыя сироты.

Перетычкинъ. — Это все вздоръ... Жизньъ есть сонъ, надо умѣть жить... были бы, братъ, деньги.

Мордоплюевъ. — Нѣтъ, Саша, плохо сиротское дѣло! нѣтъ милѣй дружка, какъ родимая матушка! Вспомнишь ее, да и заплачешь... (*утираетъ глаза*). Ну, такъ ты и въ студентахъ былъ?

Перетычкинъ. — Нѣтъ, раздумалъ. Какъ тятенька умеръ, не до того было... Экзаменъ же такой трудный... да и къ-чему забивать голову, когда тысячь тридцать цѣлковыхъ въ карманѣ есть? Я же опеки не боялся : мнѣ ужь двадцать-второй годъ былъ... (*со вздохомъ*). Дѣ, братъ Ваня, славный былъ у меня капиталець!

Мордоплюевъ. — Какъ былъ? Да вѣдь чай и теперь есть?

Перетычкинъ (*спохватясь*). — Ну, дѣ, разумеется, есть; только какъ бы тебѣ сказать... не въ рукахъ : зачѣмъ деньги дома держать? я ихъ пустилъ въ оборотъ.

Мордоплюевъ. — Въ какой же оборотъ?

Перетычкинъ. — По рукамъ роздалъ... то-есть въ проценты... да набралъ разныхъ акцій въ Компанію Усовершенствованія... чего бишь? Не помню... Только, легко разбогатѣть можно.

Мордоплюевъ. — Ну, и много барышей зашибаешь?

Перетычкинъ. — Тысячь пять цѣлковыхъ въ годъ. За-то по-

смотрѣлъ бы ты, Ваня, какой у меня жеребецъ, какъ вышколенъ... и премию на скачки получилъ. Пролетки обиты у меня малиновымъ бархатомъ... Квартиру нанимаю на Тверскомъ Бульварѣ, пятьсотъ цѣлковыхъ плачу; оно не дешево, да вѣдь за-то полъ у меня этакой... знаешь, паркетъ. Обои малиновые съ золотыми звѣздочками; занавѣски тоже малиновыя съ желтыми червячками. Бывало, выгдѣшь куда-нибудь, всякой остановится и смотритъ... Дѣ, братъ Ваня!.. Пожилъ я, нѣчего сказать.

Мордоплюевъ. — Какъ пожилъ? Да вѣдь и теперь тоже живешь?

Перетычкинъ. — Конечно, живу... Вотъ когда-нибудь завѣжай, посмотри... Впрочемъ, у меня окна передѣлываютъ... Какъ кончатъ, я тебя затащу... Эхъ, братъ Ваня!.. Ты не понимаешь, что такое жизнь! Какъ тятенька умеръ, такъ просто я совсѣмъ переродился... образовалъ себя совсѣмъ иначе... то-есть понялъ современность. Вотъ, напримеръ, перчатка: она бездѣлица... а все это у меня съ шикомъ... А ты, я думаю, и не знаешь, что такое шикъ?

Мордоплюевъ. — Шикъ? Не знаю, братъ Саня, что это за шикъ таковой... У меня въ лавкѣ перчатокъ много, а все такъ, безъ шикю.

Перетычкинъ. — Ха, ха, ха!.. Ну, братъ Ваня! ничего ты не понимаешь... (Въ сторону) Фу! калая дубина!..

Мордоплюевъ. — Э, постой... догадался! Шикъ... надо быть вотъ этотъ чугунный перстень, что у тебя на большомъ пальцѣ.

Перетычкинъ. — Нѣтъ, это просто перстень, только по модѣ надѣтъ.

Мордоплюевъ. — То-то... А я думалъ, ужъ не онъ ли шикомъ называется, что ты его на большой-то палецъ напялилъ.

Перетычкинъ. — Нѣтъ, Ваня, шикъ... это модное слово; это значить... ну, да я послѣ тебя растолкую; а жить, какъ я жилъ... то-есть живу... скажешь, братъ, спасибо. Поутру, бывало, встанешь, халать персидскій, то-есть настоящій персидскій... напьешься чаю, выкуришь сигарку, сядешь въ пролетки, проѣдешься по Москвѣ, а тамъ обѣдать къ Печяину, или Шевалье. Шампанскаго выпьемъ, на бильярдѣ поиграемъ, потомъ на бульваръ, или куда-нибудь на дачу... тамъ вдругъ, глядишь, какая-нибудь барышня у тебя подъ носомъ... не конфужусь, братъ, какъ бывало прежде — и наставилъ лорнетъ, да и смотришь ей прямо въ глаза. Вечеромъ въ театръ; возьмешь съ собой трубку...

Мордоплюевъ. — Какъ же трубку? вѣдь, говорятъ, курить тамъ ужъ не велено?

Перетычкинъ. — Зрительную трубку, братецъ... Ну, сидишь тамъ, хлопаешь... изъ театра къ какой-нибудь актрисѣ... окончить вечеръ...

Мордоплюевъ. — На чтожь тебѣ актёрши-то? Нешто хочешь учиться представлять?..

Перетычкинъ. — Совсѣмъ не то, братецъ! Ты вотъ ничего не понимаешь... Съ актрисами знакомиться — это въ тонѣ... Ну, скажи по правдѣ, вѣдь самъ тоже, я думаю, иногда заглядываешься на хорошенькихъ — а?

Мордоплюевъ. — Какъ иной разъ не заглядѣться! На то глаза во лбу... Да нѣтъ, братъ Саша, намъ не рука; пожалуй, какъ разъ въ товарѣ перепутаешься.

Перетычкинъ. — Фу, какой право ты! Да развѣ человекъ можетъ жить безъ страстей? Этого гуманность требуетъ... Ну, женись!..

Мордоплюевъ. — Вотъ эвта штука у меня давно въ головѣ... Надать бы жениться... ужъ мнѣ тридцать-третій въ доходѣ; да и скучно, братъ Саня... то-есть подчасъ бываетъ вотъ какъ... ужъ и не говори!..

Перетычкинъ. — Такъ зачѣмъ же дѣло стало? Въ Москвѣ невѣсть пропасть; сейчасъ сосватають.

Мордоплюевъ. — Ужъ и сватають, братъ Саша, да все, какъ на смѣхъ, либо косая, либо тутъ бородавка какая-нибудь... ужъ такое несчастье!..

Перетычкинъ. — Да вѣдь не всѣ же невѣсты съ бородавками; а иной маленькая, этакъ, бородавочка, очень идетъ.

Мордоплюевъ. — Хорошо кабы маленькая, а то...

Перетычкинъ. — Да какъ хорошенькую не найди, это вздоръ; стоитъ только поискать. Можетъ-быть, у тебя ужъ и есть кака-нибудь на примѣткѣ? Подумай-ка!

Мордоплюевъ. — Есть-то, есть, Саша, нѣчего грѣха таить, и ужъ какая штучка-то... да за меня не пойдетъ!

Перетычкинъ. — А почему же не пойдетъ?

Мордоплюевъ. — А потому, что барышня, братъ, и по-французски говорить... фу ты какая! Ну, пойдетъ ли за нашего брата?..

Перетычкинъ. — Гдѣ же ты ее видѣлъ?

Мордоплюевъ. — Да вотъ ужъ третій мѣсяць ко мнѣ въ лавку ходить, когда съ матерью, а когда и одна. Позади мальчишка

въ извѣстнѣ, еще на груди красныхъ ленточки нашивты... а ужъ какал, братъ, красота! Начнетъ съ матерью пофранцузски, а сама все этакъ на меня... Только войдетъ въ лавку, скажетъ: здравствуйте!.. такъ по сердцу вотъ словно мурашки... Вотъ взялъ бы и, да и... ужъ Богъ знаетъ что!

Перетычкинъ. — А кто она такая и гдѣ живетъ — ты не знаешь?

Мордоплюевъ. — Знаю, Саша, знаю. Вотъ видишь ли: какъ-то анамедни у ней не хватило за товаръ шести рублей серебромъ, вотъ она и говорить: вы мнѣ, говорить, доверите? А я говорю: помилуйте, сударыня, съ большимъ удовольствіемъ, хоть цѣлую лавку, не токма-что шесть рублей серебра. Пришлите же, говорить, завтра къ намъ на домъ прикащика: маменька отдасть. Попросила бумажки, и написала гдѣ живутъ... на другой день малой сходилъ и получилъ деньги... важная барышня!

Перетычкинъ. — А цѣла ли эта записка?

Мордоплюевъ. — Вотъ здѣсь, у меня въ конторкѣ, сейчасъ тебѣ покажу... *(вынимаетъ изъ конторки лоскутокъ бумаги)* Вотъ она. Ишь какъ славно пишетъ!

Перетычкинъ *(читаетъ)*. — «На Пръсенскихъ Прудахъ, домъ чиновника Евграфа Семеновича Сандаракова, спросить хозяйку дома Зинаиду Васильевну».

Мордоплюевъ. — Это ея мать: ее зовутъ Зинаида Васильевна.

Перетычкинъ. — Сандарокovy! Да я ихъ знаю, братецъ; богатые люди... *(Въ сторону)* Что за глупая фамилія! Впрочемъ, я гдѣ-то слышалъ...

Мордоплюевъ. — Не-ужто знаешь, Саша? Вотъ штука-то! Нешто бывалъ у нихъ?

Перетычкинъ. — Сколько разъ... Да вотъ: хочешь ли я тебя сосватаю?.. а?.. хочешь?..

Мордоплюевъ. — Голубчикъ! отецъ родной! сдѣлай милость! По гробъ жизни тебѣ буду... Вотъ хотъ сейчасъ въ ножки поклонюсь!..

Перетычкинъ. — Что ты, что ты, братецъ!.. Не нужно. Ужъ сказалъ, такъ сосватаю и женю.

Мордоплюевъ — Ну, а какъ она за меня не пойдетъ?

Перетычкинъ. — Ужъ пойдетъ, я тебѣ ручаюсь.

Мордоплюевъ. — Ахъ, ты милый человекъ! Да я тебѣ вотъ какъ... ну, просто ничего не пожалю...

Перетычкинъ. — Такъ давай же руку... конечно! Завтра я поѣду къ нимъ, сделаю отъ тебя предложеніе, а послѣзавтра съ тобой вмѣстѣ...

Мордоплюевъ. — Да, ужъ какъ кошъ; только, братъ, Сани, чтобъ было безъ обману.

Перетычкинъ. — Вотъ тебѣ на! Да кому ты это говоришь? будь покоенъ... А теперь, для начала дѣла, не худо бы и бутылочку шампанскаго... Да знаешь ли что, Ваня?.. Поведемъ—ка къ Печкину; тамъ и хватимъ релерцу.

Мордоплюевъ. — Да какъ же ѣхать-то? Вѣдь я еще не обѣдалъ.

Перетычкинъ. — Такъ что жъ? Тамъ и отобѣдаемъ... поѣдимъ отлично! Ты меня шампанскимъ, а я тебя обѣдомъ угощу... Ну, ходить, что ли?

Мордоплюевъ. — Да право не знаю... Какъ же ѣхать, когда дома обѣдъ сваренъ...

Перетычкинъ. — Ха, ха, ха! вотъ штука-то! обѣдъ сваренъ! А раавъ у тебя нѣкому его съѣсть? Или ты прикащикова боишься? можетъ, они тебя распекаютъ?

Мордоплюевъ. — Вотъ еще какого чорта городить! Стану я прикащикова бояться... Да что они мнѣ!.. Я ихъ, пожалуй, и за виски!..

Перетычкинъ. — Такъ отчего жъ не ѣдешь?

Мордоплюевъ. — Ну, да пожалуй, поведемъ... толковать тутъ нѣчего.

Перетычкинъ. — Давно бы такъ. Только вотъ что, Ваня: одолжи братъ мнѣ цѣлковыхъ двадцать—пять: домой завязать не хочется.

Мордоплюевъ. — Изволь, хоть пятьдесятъ! Денегъ, что ли, у насъ нѣтъ?.. дряни-то эвтой довольно... (выкидываетъ изъ карманки огромную пачку депозитовъ и даетъ одну Перетычкину). Вотъ тебѣ пятьдесятъ серебра; не мало ли?..

Перетычкинъ. — Нѣтъ, довольно; вѣдь у меня дома деньги есть... Да пошли—ка, братъ, за извозникомъ: до Печкина вѣдь не близко.

Мордоплюевъ. — Зачѣмъ же извозника? А жеребецъ-то твой?..

Перетычкинъ. — Да разбился ногами, братецъ. Вотъ ужъ третій день на извозникахъ ѣзжу.

Мордоплюевъ. — Ну, ладно; у насъ тутъ на углу стоять... Вотъ я только шинель надвну.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тъ же и Прохорычъ.

Прохорычъ. — Я ужь больно заждался, хозяйнѣ. Пожалуйте; щи на столъ поданы..

Перетычкинъ (*Прохорычу*). — Ну, эти щи ты, любезный, самъ и ѣшь на здоровье, а хозяйнѣ твой дома обѣдать не будетъ. Мы сейчасъ къ Печкину ѣдемъ.

Прохорычъ. — Не-ужь-то въ-самомъ-дѣлѣ вы, Иванъ Доросенчъ, отъ обѣда ѣхать изволите? Когда же это у насъ бывало?

Мордоплюевъ (*надъвал шмелъ*). — Да нельзя, Прохорычъ. Такая линія вышла!.. Вотъ видишь, пріятель... можетъ, кто спросить, или што нужное, такъ, можь черезъ часикъ будетъ.

Перетычкинъ. — Да поведемъ, братецъ! Чтò тутъ съ нами растолковывать. (*Уходятъ*.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Прохорычъ (*однѣ*). — Вотъ тебѣ и здравствуй! Тепереча, стало-быть, выходить, проклажайся я одинъ... Да мнѣ и кусокъ въ горло не пойдетъ. Ну, братъ хозяйнѣ! Чтò-то неладно... И что это за пріятель? Ровно петухъ безхвостый... Отурить онъ его, ей-Богу отурить!.. Ужь какъ ты хошь, Иванъ Доросенчъ, а видно не одобровать тебѣ! (*Уходитъ*.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(*Небольшая гостиная въ домъ Сандаракова. Диванъ, коверъ, столовыя часы, солнечная лампа, на окнахъ цвѣты и проч.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Юлинка (*одна, сидитъ подь окномъ*). — Боже мой, какая тоска! Живешь точно въ деревнѣ... еще хуже, ей-Богу! Чтò за фантазія пришла маменькѣ продать дачу и переѣхать въ этотъ глухой домъ, да еще въ такой глуши, на Прѣсенскнхъ Прудахъ! Просто, умереть можно! Только и утѣшенія, когда гостишь у Машеньки или у Полины; хоть развлечешься пріятно : съдешь къ оконку — экипажи ѣздить, мимо ходять студенты, офицера

въ каскахъ... особенно кавалеристы... Ахъ!.. это charmant!.. Гусарь мнѣ больше всего нравится... весь въ золотѣ... прелесть!.. Ну, и уланъ тоже очень красивъ; только каска мнѣ не нравится. Взглянешь на окно, улыбнется этакъ... ну, сдѣлаешь ему глазки... не для чего-нибудь такого: влюбляться въ каждаго, это смѣшно... придетъ время, полюбишь... вѣдь говорятъ же: сердце любить не спросяся; а завлечь этакъ очень-приятно: пусть себѣ ходятъ да вздыхаютъ. Вотъ здѣсь такъ цѣлый день порядочнаго человѣка не увидишь; пройдетъ разнощикъ какой-нибудь — и только. Ахъ, да... Еще ходитъ красноносый квазимодо. Чтѣ за смѣшная рожа! Вѣчно съ портфелемъ, тоже остановится и глазеть, думаетъ, что имъ займутся... противный!.. Когда-нибудь покажу ему языкъ... ей-Богу покажу. Прошу покорно! Да вотъ онъ и идетъ. Ахъ, гадій!.. Спрячусь (*прячется за горшокъ срани и выльдыкаетъ изъ-за него*). Остановился... смотреть. Ну чтѣ смотришь?.. Пошелъ прочь!.. Отвратительный!..

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Юлинька и Зинаида Васильевна.

Зинаида Васильевна (*войдя при послѣднихъ словахъ Юлиньки*). — Julie, ты съ кѣмъ то амурничаешь?

Юлинька. — Фи, тапан! Съ чего вы это взяли? Я просто спряталась... Какой-то противный все шатается мимо оконъ и дѣлаетъ мнѣ гримасы.

Зинаида Васильевна. — Плюнь на него, mon ange. Мало ли народу шатается по улицѣ!

Юлинька. — Ну, нѣтъ; тапан; здѣсь и этотъ красноносый въ рѣдкость. Здѣсь точно въ ссылкѣ... очень-приятно глядѣть на эти глупые пруды... просто умереть со скуки! Хоть бы на недельку опять уѣхать куда-нибудь за городъ... ей-Богу!

Зинаида Васильевна. — Чтѣ жъ дѣлать, мой другъ, когда нельзя! Надо имѣть средства... ты ничего не понимаешь.

Юлинька. — Какъ не понимать, тапан! Обыцались сдѣлать soirées dansante, Клязминыхъ пригласить и Бирюковыхъ, а только все откладываете!

Зинаида Васильевна. — Какъ ты малодушна, Julie! Безъ средствъ ничего не сдѣлаешь... Подожди, имѣй терпѣннѣе.

Юлинька. — Да, хорошо вамъ говорить, тапан, а я просто съ ума схожу. Большое удовольствіе душитъ себя лѣтомъ здѣсь, въ

Москвѣ! Мнѣ кажется, что я состарюсь и умру въ этой душной тюрьмѣ (плачетъ).

Зинаида Васильевна. — Наконецъ это глупо, Julie; ты ужъ не ребенокъ; надо имѣть сколько-нибудь разсудка. Я сама воспитана en grand, у папеньки было 16 душъ... Вышла, конечно, я не за дворянина, а все-таки была въ кругу... можно сказать, блистала въ обществахъ; ну а теперь... конечно, я и теперь еще въ такихъ лѣтахъ, что отъ общества не откажусь, но что жъ дѣлать! обстоятельства... А ты еще молода и даже очень-молода; тебѣ можно всего ожидать въ будущемъ.

Юлинька. — Да каковѣ же все ждате, папан? когда этого дождешься?

Зинаида Васильевна. — Опять скажу: терпѣніе, ma chère. Счастье иногда приходитъ вдругъ, неожиданно. Вотъ у меня теперь билеты на три лотереи; можетъ-быть, достанутся и большіе выигрыши. Напримеръ, домъ въ Петербургѣ въ 12,000 рублей серебромъ.

Юлинька. — Да вѣдь домъ будетъ разыгрываться въ 55-мъ году, папан.

Зинаида Васильевна. — Не правда, въ нынѣшнемъ, и я его непременно выиграю: у меня есть предчувствіе... вотъ увидишь. Тогда ужъ, натурально, мы поведемъ въ Петербургъ, и ты выйдешь за какого-нибудь гвардейца; тамъ вѣдь это очень-легко.

Юлинька. — Мнѣ кажется, папан, это только однѣ мечты; а вотъ въ воскресенье съѣздить бы хоть къ Раппо въ Тиволи... Тамъ такъ пріятно; вы же давно обѣщали нанять коляску. Хоть въ этомъ-то не откажите папан.

Зинаида Васильевна. — До воскресенья еще далеко: нынче понедельникъ; да ужъ если обѣщала, такъ и быть, поведемъ.

Юлинька (бросаясь на шею къ Зинаидѣ Васильевнѣ). — Ахъ, маменька! душенька! да я васъ зацалую... Смотрите же: parole d'honneur! А я сдѣлаю себѣ новое платье изъ той кисеи, что въ именины подарили. Ахъ, какъ весело! Чудесно! (прыгаетъ по комнатѣ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тѣ же и Федосья Антоновна (въ чепцѣ, сверху покрытая платкомъ, съ огромнымъ узломъ въ рукахъ).

Федосья (раскланиваясь). — Здравствуйте, матушка, Зинаида Васильевна; здоровы ли, моя родная? Юлія Евграфовна! Какъ

вы, мой ангелъ драгоценный? Да что васъ и спрашивать! Целуйте, какъ розочка... и дай Богъ! дай Богъ!

Зинаида. — Что это, Федосья Антоновна, задремала совсѣмъ? Я ужь хотѣла послышать, да забыла гдѣ ты живешь.

Федосья. — Сбиралась, моя родная, каждый день собиралась, вотъ разрази меня! Да такая вышла оказія... вѣрите Богу, двѣ недѣли ногъ подъ собой не слякала... насилу Богъ привелъ кончить!

Зинаида. — Объ чемъ же захопоталась такъ, Федосья Антоновна?

Федосья. — Да что моя родная, вѣдь вамъ житье-бытье мое не безизвѣстно. Не отъ богатства шатаешься по Москвѣ, вотъ съ этакииъ уаищемъ, и руки-то тебѣ оттядеетъ, и мозоли-то понагрешъ, и шорло-то отъ пыли пересохнетъ, да что жь дѣлать? Знаешь, Богъ такъ судилъ! А продажу, сами вы знаете, моя родная, ото всякаго берешь: и барыня тебѣ даетъ, и купчиха, и приказничиха тебѣ даетъ, и продай, говорить, Федосья Антоновна, едѣлай милость! Ну, и продаешь; хотъ плачешь, а продаешь!

Зинаида. — Само-собой, ужь это твое занятіе. А что жь ты хотѣла разсказать про какія-то хлопоты.

Федосья. — А вотъ сейчасъ, моя родная. Позвольте присѣсть, ангелъ мой драгоценный (*садится*). Не слышали ли вы о Микитѣ Прохеръгѣ?... Вотъ что маклеромъ былъ, да весь прожился; еще у него жена о шести пальцахъ на левой рукѣ... такъ Шестипалихой и зовутъ. Вотъ и дала мнѣ продавать два платья: одно тарлатановое, а другое клѣтчатое гласѣ. Мыкалась, мыкалась я съ ними — не продаются! Какъ-то подъ-вечеръ захожу я къ Ивану Кузьмичу, къ булгактеру; у него гости; какъ завидѣли меня, сейчасъ же и въ залу, обступили всѣ... показывай, говорятъ, все, что у тебя есть! Только-что я разложила, а булгактерина и хватъ за эти два платья, давай торговать, сторговала да и говорить: скажи же ты мнѣ, Антоновна, чьи эти платья, а безъ того не покупай... Я давай отпѣкиваться: какъ, молъ, это можно; отъ нужды продаютъ, такъ просили не сказывать; а она знай себѣ: коли не скажешь, не куплю да и только! Что ты будешь дѣлать? Мялась, мялась, да и говорю: это, молъ, платья маклерши Арины Петровны Шестипалихи. Какъ-только раскрыла я ротъ, какъ подлетитъ ко мнѣ одинъ гость, усатый такой, да какъ закричитъ: «какъ ты смѣешь сестру мою марать?» Такъ напугалъ... вотъ разрази меня! А я, родная ты моя, и не знала, что этотъ усатъ-то братъ Ше-

стивалки... Такъ на меня и напираетъ : «Какъ ты ситишь, говоришь, марасть мою сестру, будто она отъ нужды платья продаетъ? Шляха ты, говорить, алтынница, мерзавка этакая...» Ну, а я вѣдь сама дежистраторша : покойничъ-то у меня вѣдь въ Земскомъ Судѣ служилъ, моя родная.

Зинаида. — Знаю; ты ужь давно мнѣ сказывала.

Федосья. — Ну, а этотъ нахаль, такъ-таки при всѣхъ и озорилъ... что ты будешь дѣлать? А на мое счастье случился тутъ стряпчий Бидзоръ Иванычъ, славный человекъ... немножко хмѣльнаго обыкновенія придерживается, а ужь въ дѣлахъ настоящій клыкъ. Подай, говорить, прошеніе, я тебѣ напишу... дешево не раздается! Вотъ на другой день и написалъ онъ, моя родная, и ужь такъ жалостливо написалъ, что я наплакалась... правда, два цѣловыхъ слупилъ, ну да Богъ съ нимъ! Вотъ какъ подала я прошеніе-то, да цѣлыя двѣ ведлы всѣ коженъки и притоптама, вотъ все дѣло брось! Анъ Богъ-то не безъ милости : третью деня я гляжу, а самъ-то съ усамъ ко мнѣ и натить; помиримся, говорить: вотъ тебѣ! получай! да и подаетъ мнѣ пятьдесятъ цѣловыхъ. Боже мой! Не взвидѣла я свѣта отъ радости. Пятьдесятъ серебромъ при моей нищетѣ! Чтѣ кабы да вочаще таія оказанія, да тутъ бы и умирать ненадобно.

Юлианна (*тихо Зинаидѣ Васильевнѣ*). — Фи, патлап, какая вѣзость!

Зинаида. — У всякаго свои понятія, ма сѣге. (*Антоновнѣ*) Теперь поважи-ка ты намъ, Федосья Антоновна, нѣтъ ли у тебя чего новенькаго?

Федосья. — Есть, моя родная, есть для васъ два платяца отличныя: одно грогровое, а другое муаръ, только по одному разу надеваны (*развязываетъ узелъ*). Извольте-ка посмотреть! (*развертываетъ платяца*). Точно на васъ сшиты, ангель мой драгоценный.

Зинаида (*разсматривая*). — Гро-гро недурно, а это ужь очень-ярко. Впрочемъ, Юлианкѣ теперь шелковыхъ платяцевъ и неужно : у нея есть. Вотъ еслибъ что-нибудь легкое, лѣтнее...

Федосья. — Были два газовыхъ съ отдѣлкой, да продала, моя родная, нѣчего дѣлать, продала; а эти оба купчики Агросны Семеновны Прищуровой.

Зинаида. — Ну, а нѣтъ ли у тебя хорошенькой мантили, визитки, или чего-нибудь этакого?

Федосья. — Есть, моя родная, много есть, да не на вашу

руку... не хочу и показывать (имло). А вотъ нужно бы съ вами, мой ангелъ, по секрету* перемолвить!

Зинаида. — Юлинька, пооди-ка, шоп апге; тамъ, на этажеркѣ, лежать ключи; потрудись, сходи сама въ чуланъ, да наклади варенья изъ большой банки; а то Устюшка набьетъ себя полонъ ротъ. Да прикажи самоваръ поставить: Федосью Антоновну надо чайкомъ попотчевать.

Федосья. — Покорно благодарю, моя родная; я ужъ столько вами довольна, что и сказать не могу. (Юлинька уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Зинаида Васиљевна и Федосья Антоновна.

Зинаида. — Ну, что жъ такое у тебя новенькаго, Федосья Антоновна?

Федосья. — А вотъ что, ангелъ мой драгоценный... Да нѣтъ, ей-Богу, я и сказать-то не смѣю... Какъ разгнѣваестеся, да прогоните меня въ три пѣи...

Зинаида. — Полно, Федосья Антоновна, какъ тебѣ не стыдно! Говори, пожалуйста, безъ церемоній.

Федосья. — Такъ вотъ что, моя родная: не припомните ли, какъ, недѣли двѣ назадъ, вы повстрѣчались со мной на Лубянкѣ — еще изволили ходить одиъ, безъ Юлии Евграфовны, только Оська былъ позади. Вы отъ корсетницы вышли, а я и пырь вамъ въ глаза...

Зинаида. — Помню, помню; погода была прекрасная; я ходила корсеты смотреть.

Федосья. — Ну вотъ, ангелъ мой безцѣнный, только-что вы успѣли завернуть за уголъ, а ко мнѣ и подлетаетъ одинъ знакомый кавалеръ, прекрасный кавалеръ. «Здравствуйте, говоритъ, милая Федосья Антоновна! Съ какой это хорошенькой дамочкой ты сейчасъ разговаривала?» А я говорю, вотъ съ такой-то, и фамилию сказала. «Да она замужня?» — Замужня, говорю. — «Такъ нѣльзя ли, говоритъ, у нихъ въ домѣ познакомиться? Такая скука, говоритъ, не знаешь, гдѣ развлечься, а она же говоритъ, такая роскошная» — ужъ Богъ-вѣсть отъ кого онъ узналъ, что вы хорошо пожить-то любите» — такая, говоритъ, милашка.

Зинаида. — Что ты, Федосья Антоновна!

Федосья. — Такъ-таки и сказалъ: «милашка!» да еще мало-того, вотъ хоть сейчасъ умереть — пышкой назвалъ!

Зинаида. — Какой вздоръ! Не-уже-ли я еще такъ хороша?

Федосья. — Да развѣ въ зеркаль-то вы себя не видите? Въдь вы, ангель мой безцѣнный, просто маковъ цвѣтъ... вотъ разрази меня! Да поставь-ка васъ рядомъ съ Юліей Евграфовной, кто скажетъ, что вы ей маменька? Въдь вы кажетесь не больше, какъ двумя годками ея постарше, право!

Зинаида (*глядясь въ зеркало*). — Полно! что ты Федосья Антоновна! можно ли этому повѣрить!

Федосья. — Да вотъ хоть сейчасъ разрази меня! Ну, вотъ моя драгоценная, нынче ранѣхонько поутру этотъ кавалеръ и прѣзжаетъ ко мнѣ. «Здравствуй, говорить, Федосья Антоновна! А бываешь ли ты, говорить, у этой г-жи Сандараковой? Ну, помнишь, что анамедни...» — Да ужь давненько, я говорю, не бывала. — «Не на Прѣсенскихъ ли Прудахъ она живетъ?» — Точно такъ, молъ, батюшка. «А дочка есть у нихъ?» — Какъ же есть, сударь. — «А какъ ее зовутъ?» — Юлія, молъ, Евграфьевна. — «Хорошенькая?» — Дѣ, я говорю, просто красавица! — «Не мудрено, говорить, если судить по маменькѣ...»

Зинаида. — Ну, а еще больше ничего обо мнѣ не сказалъ?

Федосья. — Нѣтъ, спросилъ, моя родная: «а сама-то, говорить, какого характера?» — Я говорю: развеселаго, батюшка; просто чудная дама. «На же, говорить, тебѣ рубль серебромъ».

Зинаида. — Для чего жь это онъ такъ разспрашивалъ объ Юленькѣ?

Федосья. — Ужь не знаю, моя родная, право не знаю.

Зинаида. — Да онъ кто такой? Военный?

Федосья. — Нѣтъ, ангель мой драгоценный, говорить, что служилъ въ военной, а теперъ, вишь, въ отставкѣ.

Зинаида. — Молодой человекъ?

Федосья. — Молодой, молодой, лѣтъ двадцати-шести, не больше.

Зинаида. — Блондинъ, или брюнетъ?

Федосья. — Это что такое, родная?

Зинаида. — Блѣокурый онъ?

Федосья. — Нѣтъ, родная, черноволосый.

Зинаида. — А глаза у него какіе?

Федосья. — Глаза темнокаріе, какъ черные таракашки, такъ во всѣ стороны и бѣгаютъ.

Зинаида. — А носъ?

Федосья. — Да носъ, такъ-себѣ...

Зинаида. — Съ горбомъ?

Т. ХСШ. — Ота. I.

Федосья. — Нить, безъ герба, матушка, и хвостикъ не хоту — гдѣ его вѣять?

Зинаида. — А ростомъ высокъ онъ, ага, можетъ, низенькій?

Федосья. — Средняго, родная; насчетъ росту, будетъ средняго.

Зинаида. — И съ усами?

Федосья. — Какъ же, съ усами, и вотъ здѣсь хвостикъ этойкой... забыла, какъ его называютъ.

Зинаида. — Эспаньйолька.

Федосья. — Да, да, шпаньйолка.

Зинаида. — Ну, а какъ состояніе? Богатый онъ человекъ?

Федосья. — Богатый, богатый... Цѣлковый дагъ... Я, говорить, ничего не пожалю для человека, если только... а ты, говорить, скажи, что очень, моги, интересуется... а потомъ, говорить, я и самъ...

Зинаида. — Какъ же его зовутъ? По фамиліи-то какъ?

Федосья. — А по фамиліи-то, родная моя, дай Богъ память...

ВЪЛЕНІЕ ЦѢЛОЕ.

Тъ же и Евграфъ Семеновичъ *(со задушкою, съ толстою книжкой съ рукави)*.

Евграфъ. — А! Колба Петровна! Ты опять здѣсь проявилась. Какимъ это вѣтромъ занесло?

Федосья. — Что это, батюшка, Евграфъ Семенычъ, вы меня такимъ именемъ называете, какого и на свѣтѣ нѣтъ.

Евграфъ. — То-то же! ха, ха, ха! Это по-вашему, по-хмически... Ну, какой еще дрянн сюда нанесла — а?

Федосья. — Будьте это дрянн! Что вы, родной! все вещи отличныя. Купи-ка что-нибудь для дочки-то, или хотъ для сумрути.

Евграфъ. — Купить?.. Хорошо! *(разсматриваетъ вещи)*. А нѣтъ ли у тебя свры, да антимоніи? Мнѣ бы для ракетокъ нужно... Ха, ха, ха!..

Зинаида. — Оставьте, пожалуйста, вещи глупости... Ну, зачѣмъ сюда пришли?.. Развѣ вамъ тѣсно въ кабинетъ?

Евграфъ. — Что за тѣсно! Да ты не знаешь, дурочка, какую драгоценность я поддѣлалъ за три двугривенныхъ. Смотри-ка сюда! *(развертываетъ книгу и читаетъ)* «Открытыя тайны древнихъ мажиковъ. Изданіе 1764 года». А? тутъ все есть: и цатуральная магія, и кабаластика, и все, что хочешь...

Зинаида. — Отстаньте вы, ради Бога, съ вашей кабалистикой!

У васъ владарю-то не переслушаешь. Пойдемъ, Федосья Антѣио-на; я думаю ужь самоваръ готовъ (успокоить).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Евграфъ Семеновичъ (*однимъ, глядя жену вслѣдъ*). — Дура, и больше ничего! Кукла XIX-го вѣка!.. И вся эта бабья порода такова. Имъ бы вотъ шляпку, да чепчикъ, да оборочку, да бахрому, а химіи никакой, то-есть, просто ни бальмеца! Сядетъ прыщъ на носу — ужь они его и одеколономъ, и тѣмъ, и другимъ. А знаютъ ли, что такое прыщъ? отчего онъ происходитъ? и зачѣмъ онъ тутъ съелъ? вотъ и запятая!.. А ты все наблюдаешь, изучаешь все... Въ природѣ столько тайнаго, а ты открывай, не жалѣй головы... Какая-нибудь бездѣлица, а смотришь, она того... напимъръ, чернильный орѣшекъ... ну, что онъ такое? а раскуси-ка его!.. Онъ рѣшаетъ жизнь и смерть человѣка, даетъ безсмертіе — вотъ онъ каковъ! Да что орѣшекъ! у насъ есть и почище. Здѣсь (*показывая на голову*), слава Богу, много! Колумбъ открылъ Америку, Фултонъ изобрѣлъ пароходъ, а Сандаракъ — фосфорное освѣщеніе... Да!.. Куда къ чорту всѣ эти газы — дрянъ и больше ничего!.. Вотъ только бы мнѣ кончить аппаратъ, ну и баста! Тогда всѣ дома, лавки, магазины — все будетъ освѣщаться посредствомъ фосфора... да!.. это не спички какія-нибудь. Привилегія въ рукахъ, а тамъ и милліоны въ карманѣ! А слава-то?.. Ха, ха, ха!.. Ха, ха, ха!.. (*потирая руки, ходочетъ во все горло*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Евграфъ Семеновичъ и Зинаида Васильевна.

Зинаида. — Что это такое? Съ чего это вы такъ развеселились? Хохочете до того, что весь домъ дрожить. Я думала, кто врѣзалъ.

Евграфъ. — Чего жь ты испугалась, дурочка? Я хохочу оттого, что на сердце весело... Вотъ здѣсь кипитъ, то-есть, этакъ, химически... понимаешь?..

Зинаида. — Не понимаю я вашей глупой химіи; а ужь пора бы вамъ на себя оглянуться: что это вы съ самимъ-собою и съ нами дѣлаете?

Евграфъ. — Что я дѣлаю? Ха, ха, ха! Никто не знаетъ, что я дѣлаю, а я знаю, и скоро все узнаютъ... весь свѣтъ узнаетъ каковы мы гуси! Ха, ха, ха!

Зинаида. — Очень-приятно будетъ, когда весь свѣтъ узнаетъ, что вы сумасбродъ, и что жену съ дочерью скоро пустите по міру.

Евграфъ. — Ну это еще дудки! Я вамъ подготовлю такую химию, что вы у меня ахнете!..

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Тъ же и Оська (*подастъ Зинаидѣ Васильевнѣ письмо*).

Оська. — Вотъ къ вамъ письмо-съ.

Зинаида. — Отъ кого это?

Оська. — Да принесла баба Кудряевыхъ-съ; говорить: отдай барышнѣ.

Зинаида. — Ну, не мерзкій ли ты мальчишка? Сколько разъ я тебѣ приказывала подавать письмо на поднось, а не изъ своихъ грязныхъ лапъ. Развѣ такъ подаютъ господамъ?

Оська. — Да на поднось-то Устинья ягоды выбирала, такъ теперь и не взглянешь.

Зинаида. — А вытереть нельзя было? Теперь вотъ лапами-то перепачкалъ еще хуже. Этакая невѣжа! (*читаетъ письмо*) «Милая и добрая Зинаида Васильевна! по случаю именинъ моей «Олиньки, убедительно прошу васъ пожаловать къ намъ, съ «Юлинькой, послѣзавтра на вечеръ. Евграфа Семеныча я не «приглашаю: онъ такой философъ, и знаю, что не поѣдетъ. При- «ѣзжайте непременно: я наняла четырехъ музыкантовъ; танцевъ «будетъ въ волю и кавалеровъ множество; надѣюсь, что время «проведемъ весело. Ваша Дарья Кудряева». Ступай, отнеси письмо къ барышнѣ и скажи, чтобъ она сейчасъ же написала отвѣтъ, что, молъ, непременно будемъ (*Оська уходитъ съ письмомъ*). Ну, слава Богу, я очень-рада: Юлинька хоть одинъ вечерокъ отведетъ душу.

Евграфъ. — Кудряевы! а! знаю! Это тотъ, что управлялъ имѣніемъ у князя... какъ-бишь его?.. Еще цапнулъ сто тысячъ въ карманъ себѣ, этакъ, химически... помню, помню. Не-уже-ли вы къ нему поѣдете?

Зинаида. — А что жъ? По-вашему сидѣть въ четырехъ стѣнахъ да любоваться на васъ? Хоть бы вы вспомнили, что у васъ дочь невѣста — какія теперь у насъ средства? Куда мы ее вывозимъ? какія доставляемъ ей удовольствія?.. Бѣдная дѣвочка готова умереть со скуки, а вы запретесь на цѣлый день въ кабинетъ, да только варите да толчете тамъ разныя глупости.

Евграфъ. — Ну, для этихъ глупостей у тебя голова-то все-равно, что *(бьетъ рукой по спинкѣ кресла)*. А я еще въ гимназiи изучалъ химию, да вотъ ужъ тридцать лѣтъ все около нея тружусь, для нея и службу оставилъ, да...

Зинаида. — Да мнѣ-то что въ этомъ пользы? Вотъ теперь приглашаютъ на вечеръ: нужны перчатки, ленты, цвѣты, экипажъ нанять, а вамъ и горя мало! Дайте по-крайней-мѣрѣ хоть на эти бездѣлицы.

Евграфъ. — А гдѣ мнѣ взять? У меня теперь нѣтъ денегъ; черезъ полгода я дамъ вамъ хоть сто тысячъ серебромъ, обошью васъ кредитками.

Зинаида. — Слышала я эти химеры! Но не можетъ-быть, чтобъ у васъ не было денегъ: давно ли вы продали дрожки за полтора серебра, а мнѣ отдали только восемьдесятъ? гдѣ жъ у васъ семьдесятъ цѣлковыхъ?

Евграфъ. — Гдѣ? Вотъ тебѣ, здравствуй! А медикаменты, а препараты — развѣ мнѣ мало надобно?

Зинаида. — Такъ это вы ухлопали семьдесятъ цѣлковыхъ на вашу дрянь? Прекрасно! Но когда же будетъ этому конецъ? Или вы хотите промотать и послѣдній домишко, а меня съ дочерью оставить на всю жизнь безъ куска хлѣба? *(плачетъ)*.

Евграфъ. — Вишь ты какая химiя! Ну, а припомни-ка, кто кого промоталъ? Не черезъ тебя ли я продалъ и дачу, и лошадей? не черезъ тебя ли бьюсь и теперь деньгами-то? Что?

Зинаида. — А кто отдалъ въ займы три тысячи серебромъ шарлатану-фокуснику и не получилъ ни копейки?

Евграфъ. — Такъ что жъ за бѣда? Пропали деньги, за-то онъ объяснилъ мнѣ гальванопластику; а кто задавалъ балы да вечера и въ одинъ вечеръ сорилъ по триста цѣлковыхъ?

Зинаида. — А кто въ именины показывалъ фантазмагорiю да сжегъ на дачѣ домъ новый тысячь въ двѣнадцать — а?

Евграфъ. — А кто въ модныхъ магазинахъ моталъ на тряпки по двѣсти да по четыреста серебромъ?..

Зинаида. — А кого за глупые есейверки вытурили въ отставку... позвольте васъ спросить!..

Евграфъ. — А кто на лотереи проухлялъ больше тысячи рублей да на аллегри въ одну зиму промоталъ цѣлковыхъ двѣсти — нельзя ли узнать?

Зинаида. — Въ аллегри я брала не на ваши деньги... свой

же фермуаръ продала; а лотереи... что жъ такое? у меня были и выигрыши значительные...

Евграфъ. — Да; резиновые подтяжки да волосяной хлысть — важные выигрыши!.. Хлысть-то, правда, славно бы пригодился...

Зинаида. — Что? что такое?..

Евграфъ. — Да... кабы разложить... этакъ химически... да хорошенько-бы...

Зинаида. — Низкій вы человекъ! сумасшедшій баранъ!.. Вотъ вамъ!.. Ну, есть ли въ васъ хоть капля благородства?.. И я, при моемъ воспитаніи, унизила такъ себя... выпшла за такого сумасброда!.. Да ужъ доведете вы меня до крайности: выведу все изъ дома, возьму съ собою дочь и уѣду. Умирайте съ голоду съ вашей дурацкой химіей! На колѣняхъ будете ползать, да ужъ такъ глупа не буду. Ужъ я вамъ покажу себя, только бы мнѣ выиграть домъ въ двѣнадцать тысячъ.

Евграфъ. — Да, карточный домъ съ однимъ окномъ... тараханамъ въ наймы отдавать! (*Уходитъ*).

Зинаида (*кричитъ ему вслѣдъ*). — Безмозглый химикъ! глупая карриатура! Вѣдь послала же мнѣ судьба въ наказаніе такого урода!..

ДВЕНАДЦАТЫЕ ДЕЙСТВІЕ.

Зинаида Васильевна и Перетычкинъ (*при послѣднихъ словахъ выглядываютъ съ двери*).

Перетычкинъ. — Извините... можетъ-быть, я...

Зинаида (*растерявшись*). — Ахъ Боже мой!.. (*Перетычкину*) Что вамъ угодно?

Перетычкинъ (*расшаркиваясь съ дверяхъ*). — Excusez, madame!.. Я не имѣю удовольствія быть знакомымъ... но.. позвольте спросить... не вы ли Зинаида Васильевна?..

Зинаида. — Да, вы не ошиблись. (*Въ сторону*). Ахъ, какой милашка!..

Перетычкинъ. — Еще разъ mille pardons madame! Я помѣшалъ вамъ... вы, кажется, были заняты...

Зинаида. — Нов, monsieur... Я бранила... вѣдь вы знаете, люди такъ глупы.

Перетычкинъ. — Oui, madame... Люди ужасно глупы...

Зинаида (*про-себя*). — Прелесть мужчина!.. Это долженъ быть онъ (*вслушь*). Позвольте же узнать, что доставляетъ мнѣ удовольствіе...?

Перетычкинъ. — Василь мой васъ удивляетъ, не правда ли, сударыня?.. Человекъ вовсе-незнакомый приходитъ въ домъ и... Но я надюсь, вы позволите мнѣ высказаться...

Зинаида. — Съ удовольствіемъ... Садитесь, пожалуйста (*садит-ся*). Позвольте спросить, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

Перетычкинъ. — Александръ Харитовичъ Перетычкинъ.

Зинаида. — Служите гдѣ-нибудь?

Перетычкинъ. — Нѣтъ-съ, я теперь въ отставкѣ... но прежде служилъ, и даже очень...

Зинаида. — Вѣроятно, въ военной службѣ?

Перетычкинъ. — Да-съ: я служилъ въ гусарахъ.

Зинаида (*про-себя*). — Такъ и есть, это онъ!..

Перетычкинъ. — Но теперь, откровенно сказать, я такъ мун-рую... знаете, при хорошемъ состояніи это приятно.

Зинаида. — Конечно... молодой человекъ, и если имѣетъ со-стояніе...

Перетычкинъ. — О! состояніе у меня прекрасное! Два зав-ки... то-есть фабрики... еще винный заводъ... да это все сто-итъ плевка... а есть одно обстоятельство... или, такъ-сказать, сча-стіе цѣлой жизни... простите меня за откровенность...

Зинаида (*про-себя*). — Вотъ ужъ и объясняться началъ!.. (*вслушь*). Признаюсь вамъ... мнѣ это такъ странно... я не пони-маю... не ужели я...

Перетычкинъ. — Вы согласитесь, сударыня, если сердце стра-даетъ... пламенѣетъ, такъ-сказать... ну не-уже-ли вы будете такъ жестоки и откажете?...

Зинаида (*про-себя*). — Вѣдь какъ онъ говорить-то!.. Ну, про-сто, душка!.. (*вслушь*). Конечно, женское сердце клabo... Но если женщина ужъ имѣетъ обязанности... посудите сами...

Перетычкинъ. — Это вздоръ, сударыня!.. Та, о которой я говорю, не имѣетъ еще никакихъ обязанностей.

Зинаида. — О комъ же вы говорите?

Перетычкинъ. — О вашей милой дочкѣ... Надюсь, она еще не выбрала себѣ...

Зинаида. — Какъ? вы думаете въ мою Julie?

Перетычкинъ. — Нѣтъ-съ, это не я... а мой другъ, задум-шавшій пріятель.

Зинаида. — Вашъ пріятель? Вотъ странность!.. и вы...

Перетычкинъ. — И я упалъ къ вамъ какъ свѣтъ на голову... просто пріѣхавъ просить за него. Онъ, знаете, такъ робокъ...

настоящій теленокъ... никакъ не смѣлъ явиться самъ, и влюбленъ безъ памяти, ей-Богу!... Вотъ хоть сейчасъ въ сумасшедшій домъ... Будьте же сострадательны, сдѣлайте милость!.. (*Береть ея руку и целуетъ съ жаромъ*).

Зинаида. — Ахъ, Боже мой! Что вы? что вы?

Перетычкинъ. — Вы такія добрыя... съ вашимъ сердцемъ, въ вашими глазами, съ вашими...

Зинаида. — Шшг!.. Тише, ради Бога! Ахъ, какой вы шалунъ!.. Ну, неравно увидитъ мужъ, или войдетъ Юлинька... Лучше скажите, кто такой вашъ пріятель?

Перетычкинъ. — Прекрасный, отличный малой.

Зинаида. — Но гдѣ жъ онъ видѣлъ Julie?

Перетычкинъ. — Это ужъ его тайна.

Зинаида. — А какихъ онъ лѣтъ?

Перетычкинъ. — Молодой человекъ; постарше меня годомъ, не больше.

Зинаида. — Съ состояніемъ?

Перетычкинъ. — Богатый человекъ, даже очень-богатый.

Зинаида. — Здѣшній, или пріѣзжій?

Перетычкинъ. — Пріѣзжій; да онъ ужъ совсѣмъ остался въ Москвѣ.

Зинаида. — А какъ его фамилія?

Перетычкинъ. — Ну, ужъ фамилію его, извините, я вамъ теперь не скажу. Вотъ если дѣло сладится, тогда извольте. А имя его Жанъ — я его всегда такъ зову.

Зинаида. — Жанъ... что жъ? это хорошенъкое имя. Конечно, онъ, также какъ и вы, дворянинъ?

Перетычкинъ. — Нѣтъ, онъ купецъ...

Зинаида (*съ гримасой*). — Купецъ!

Перетычкинъ. — Да-съ, купецъ; но вѣдь у него капитала больше трехсотъ тысячъ... понимаете?... Да и малый-то важный... bon garçon... Одинъ только недостатокъ: очень-робокъ въ обществѣ.

Зинаида. — Что жъ? это недостатокъ очень-пріятный въ мужчинѣ. Но я вамъ должна сказать откровенно: теперь дѣла у насъ такъ разстроены, что я за Julie не могу дать почти ничего...

Перетычкинъ. — О, помилуйте! Онъ самъ все сдѣлаетъ: навезетъ вамъ атласу, бархату, бѣлыхъ лифовъ... ничего не пожалять.

Зинаида. — Ну, если онъ такъ благородецъ, то я вамъ за Юлиньку могу поручиться: она такъ ко мнѣ привязана, что мнѣ

стоитъ сказать только одно слово; а на счетъ мужа и безпокоить-ся нечего.

Перетычкинъ. — Какъ? Развѣ онъ у васъ... (*показывая на золоу*).

Зинаида. — Да... онъ такой физикъ... ни во что не вмѣшивается.

Перетычкинъ. — Тѣмъ лучше. (*Встаетъ*) Итакъ, сударыня, а въ надеждѣ... и вы вѣрно позволите намъ завтра въ пять часовъ пріѣхать вмѣстѣ?

Зинаида. — Съ удовольствіемъ; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Перетычкинъ. — Мой Жанъ будетъ кататься какъ сыръ въ маслѣ; а у меня остается только одно удовольствіе видѣть васъ.

Зинаида (*грозя пальцемъ*). — О, какой же вы шалунъ!... Au revoir!

Перетычкинъ. — Au revoir, madame! (*съ стороны*) Чортъ знаетъ, что я ей нагородилъ!.. (*Уходитъ*).

Зинаида (*проводя его*). — Прелесть, что за мужчина! Charmant!..

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Зинаида Васильевна и Юлинька.

Юлинька. — Кто это у васъ былъ, папан? Я сейчасъ видѣла, въ калитку прошелъ молодой мужчина.

Зинаида. — Ахъ, Julie! ты не знаешь, mon ange, какое счастье!.. Ты даже и не предчувствуешь, а у тебя скоро будутъ брильянты, шали, экипажи...

Юлинька. — Откуда это, папан?.. А! да... вы все надеетесь на лотерею.

Зинаида. — Какая лотерея? Къ тебѣ сватается женихъ.

Юлинька. — Женихъ, папан? Ужъ не тотъ ли, о которомъ сейчасъ говорила Федосья Антоновна? Она сказала, на прощаньи, что какой-то молодой человекъ очень мной интересуется.

Зинаида. — О нѣтъ, совсѣмъ не то. Это богатъ; онъ въ тебя страстно влюбленъ и не пожалѣетъ ни золотъ, ни брильянтовъ, ничего на свѣтъ.

Юлинька. — Такъ это тотъ самый, что сейчасъ былъ здѣсь.

Зинаида. — Нѣтъ, это его пріятель; онъ пріѣзжалъ отъ него съ предложеніемъ, и я дала за тебя слово; а завтра въ пять часовъ они пріѣдутъ оба вмѣстѣ.

Юлинька. — Вотъ странности! Да гдѣ же онъ меня видѣлъ?

Зинаида. — Ужъ это онъ сарниваетъ, я не знаю для чего.

Юлинька. — А что, онъ военный, папан?

Зинаида. — Нѣтъ, отъ кушачъ... прѣзвѣній... и страхъ-какъ богатъ.

Юлинька (съ презрѣніемъ). — Купецъ! А я думала, что военный...

Зинаида. — Что за ребячество, па сѣбе! Быви бы деньги — вотъ на что надо обращать вниманіе; а то не все ли равно?..

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Евграфъ Семеновичъ.

Евграфъ (*прѣзно останаеся передъ женой*). — Позвольте-ка васъ спросить, сударыня, давно ли вы стали къ себѣ къ дому хахалей принимать? Что это значить? Что за новая химія — а?..

Зинаида. — А это значить, что ты, глухой хиникъ, ужъ со-всѣмъ съ ума спятилъ. Лучше поблагодари судьбу; что она посылаетъ Юлинькѣ неожиданное счастье.

Евграфъ. — Какое счастье? откуда?

Зинаида. — А такое, что къ Julіe сватается женихъ, страшный богатъ, и мы скоро опять будемъ ѣздить въ экипажахъ.

Евграфъ. — Вишь ты какая чепуха пригрѣзилась!

Зинаида. — Самъ ты чепуха, и больше ничего! Этотъ молодой человекъ, что ты себѣ чашъ выдалъ... вѣдь онъ прѣзжалъ отъ жениха съ предложеніемъ; а завтра и самъ женихъ приѣдетъ рекомендоваться.

Евграфъ. — Ну, если правда...

Зинаида. — А тебя, мнѣ кажется, это и не радуетъ, тогда-какъ другой отецъ сталъ бы праздновать такой счастливый день.

Евграфъ. — Что жь праздновать-то и я, пожалуй... Оська! Оська!..

Зинаида. — На что тебѣ это?

Евграфъ. — А вотъ поскать бы...

Зинаида. — Давно бы такъ!

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Оська (*выходитъ изъ кабинета; лицо у него все перепачкано*).

Зинаида. — Что это? изъ трубы, что ли, ты вылезъ?

Оська. — Нѣтъ-съ; я у барина уголь да обру волокъ-съ.

Евграфъ (*ласково*). — Ступай, выйдѣйся; да вотъ тебѣ три

цѣлковыхъ, сбѣгай въ аптеку, купи на четвертакъ жженого купорося да антимоніа на двутриденный — слышишь?.. Не повабудь же.

Зинаида (*вырывая деньги изъ рукъ мужа*). — Это что за глупости! (*Осмы*) Пошелъ скорѣй въ магазинъ, возьми бутылку шампанскаго, да и назадъ. Вотъ еще! на такой радости, да не выпить юлинькина здоровья!

(*Осмы уходитъ. Баринъ Соловьевъ остается поведенчески отъ изумленія*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(*Комната первого дѣйствія; на стульяхъ развѣшаны нѣсколько шляпокъ, новый спортукъ, на столѣ новыя шляпа и зеленыя перчатки*).

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Прохорычъ и Борька (*разсматриваютъ платье*).

Прохорычъ. — А давно ли этой дряни нанесли сюда?

Борька. — Да только хозяинъ отдыхать легъ, а портной привезъ да самъ все и развѣшалъ.

Прохорычъ. — Важно, знатно!.. Ну, Иванъ Дороевичъ, попался ты въ лапы къ стрекуляціи — разрядить она тебя, а тамъ и до кармана доберется... Теперича, стало-быть, выходить, придется тебѣ въ проходномъ ряду пылью торговать... Ностой-ка; кажишь, кто-то подыхалъ... кто такой, посмотри скорвичка!

Борька (*бросаясь къ окну*). — Это онъ, дядюшка, подкатилъ.

Прохорычъ. — Кто онъ?

Борька. — Да этотъ, ледящій-то.

Прохорычъ. — Опять лукавый принесъ! Ну, да ужъ теперь освѣтять они его... Уйду; не хочу и смотреть. (*Отходитъ въ сторону и, при входѣ Перетычкина, ускользаетъ незамѣтно*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Перетычкинъ и Борька.

Перетычкинъ (*съ шляпкой, съ большимъ сверткомъ подъ мышкой*). — А что, Ваня еще не вставалъ?

БОРЬКА. — Хозяинъ-то-съ?

ПЕРЕТЫЧКИНЪ. — Ну, да, хозяинъ... Фу, какой ты дуракъ, братецъ!

БОРЬКА. — Еще отдыхаетъ-съ.

ПЕРЕТЫЧКИНЪ. — Ступай же ты сейчасъ — да цирюльня тутъ есть поблизости?

БОРЬКА. — Вотъ здѣсь, внизу, подъ нами-съ.

ПЕРЕТЫЧКИНЪ. — Такъ приведи сюда цирюльника, да не такого пострелёнка, какъ ты самъ, а пусть подмастерье придетъ... да захватилъ бы бритвы, компасы и все тамъ, что слѣдуетъ... ну! ступай живѣе! (*уходитъ въ боковую комнату*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

БОРЬКА (*однѣ*). — Ишь ты, кургузый, затѣялъ какую штуку! Изволь для него бѣгать. Да ужъ въ мальчикахъ такое житье; тотъ кричитъ: «пошолъ сюда!..» другой кричитъ: «пошолъ сюда!» Да погоди! лѣтъ черезъ пятокъ выйду въ прикащики, цѣльковыхъ сто въ годъ получать буду, а тамъ, глядишь, на отчетъ посадятъ... а я ужъ посмотрѣлся, какъ лавку-то обихаживаютъ, маху не дамъ... а ужъ своей не открою... Лучше трактиръ заведу, бильярдъ поставлю... Самъ играй сколько хочешь!.. Теперь вотъ всѣ: Борька да Борька, а тогда небось скажутъ: «Борисъ Карпычъ, наше вамъ почтеніе-съ!» Знаемъ мы... Ай!.. кажись хозяинъ идетъ... побѣжать поскорѣ!..

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ПЕРЕТЫЧКИНЪ и МОРДОПЛЮЕВЪ (*въ халатъ*).

ПЕРЕТЫЧКИНЪ. — Ну, братъ Ваня, погляди-ка, на триста-то серебромъ какихъ я тебѣ чудесъ купилъ... просто, залобуешься!

МОРДОПЛЮЕВЪ. — Спасибо, братъ, Саша, спасибо.

ПЕРЕТЫЧКИНЪ. — А какая у тебя жена хорошенькая будетъ!

МОРДОПЛЮЕВЪ. — А что? она и впрямь обрадовалась, какъ ты сталъ сватать-то за меня?

ПЕРЕТЫЧКИНЪ. — Еще бы! Не сто разъ тебѣ толковать.

МОРДОПЛЮЕВЪ. — Ну, а мать-то что?

ПЕРЕТЫЧКИНЪ. — И мать чуть не прыгаетъ. Я, говорить, считаю это за такое счастье... ну, тамъ и прочее.

МОРДОПЛЮЕВЪ. — Ладно; а сама-то она что сказала?

ПЕРЕТЫЧКИНЪ. — А сама-то: я, говорить, для того только и въ лавку ѣздилъ, чтобъ увидѣть Ивана Доросевича.

Мордоплюевъ. — Будто она такъ и сказала?

Перетычкинъ. — Да какъ же! вѣдь, я тебѣ ужъ рассказывалъ...

Мордоплюевъ. — Да ты не шутишь?

ДВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же, Борька и Цирюльникъ.

Борька. — Вотъ, цирюльника привелъ-съ.

Перетычкинъ. — Хорошо (*Борька уходитъ*). Ну, любезный, умѣешь-ли ты порядочно стричь и завивать? Говори правду, а не то мы на Кузнецкій Мостъ пошлемъ.

Цирюльникъ. — Помилуйте, сударь, останетесь довольны.

Перетычкинъ. — Да вѣдь не меня — я всегда у Морку зави-
ваюсь; а вотъ этого барина. Сначала ты подстрижешь его, этакъ,
немножко, по-нынѣшнему... и завьешь, хорошенько... только
смотри, если будетъ хорошо, получишь рубль серебромъ.

Цирюльникъ. — Слушаю-съ.

Перетычкинъ. — Ну, садись же, братъ Ваня; время терять
нечего.

Мордоплюевъ (*въ неръшимости*). — Да вотъ чтò, Саша... не
лучше ли такъ?

Перетычкинъ. — Что ты это, съ ума сошелъ, что-ли? Ну,
полно дурачиться, садись, говорятъ тебѣ! (*сажаетъ его на-
силъно. Мордоплюевъ закрываетъ глаза, цирюльникъ завъшиваетъ
его и начинаетъ стричь*). Полчаса какихъ-нибудь, и онъ тебя
такъ обработаетъ, что не услышишь... просто переродишься,
самъ себя не узнаешь въ зеркало. Вотъ ужъ онъ почти и кон-
чилъ... (*Цирюльнику*) А гдѣ у тебя компасы?

Цирюльникъ. — Компасы гвѣются-съ.

Перетычкинъ. — Хорошо; а пока они гвѣются, подстриги
ты ему бороду-то... Ну, катая смѣлѣ!..

Цирюльникъ. — Слушаю-съ (*достаетъ изъ кармана ножницы
и гребенку*).

Мордоплюевъ (*вскакиваетъ*). — Послушай-ка, братъ, Саша...
(*отводитъ его въ сторону*) Ну, къ чему это?..

Перетычкинъ. — Что ты, сумасшедшій! чего жъ ты боишься?

Мордоплюевъ. — И самъ не знаю... Ну, вотъ такая страсть
напала, что бѣда!.. Зажмурилъ глаза, думаю лучше... анъ по-
койникъ тятенька и стоитъ передо мной... такой злящій... нѣтъ;
Саша, какъ ты хочешь, а ни за чтò не дамся!.. Ты придумай,
нельзя ли это какъ-нибудь...

Перетычкинъ. — Да чего тутъ придумывать? Дай подстричь хоть немножко; а те на что ты похожъ... Ну, ходите, что-ли?

Мордоплюевъ. — Подстричь? Ну, пожалуй... темъ и быть... только пожалуйста не коротко!..

Перетычкинъ. — Да будь покоенъ. Вотъ что: не лучше ли намъ уйти къ тебѣ въ спальню, а то неравно зайдетъ кто-нибудь. Тамъ онъ тебя и завьетъ, и подстрижетъ. Пойдемъ, братъ Ваня... Ну, любезный, бери-ка свои снаряды! *(Вѣсь усаждаетъ съ боковую дверь)*.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Прохорычъ *(осторожно заглядываетъ въ двери)*. — Ничего нѣту; выжи... *(входитъ)*. Куда провалились? Надо быть, въ спальню. *(Увидя на полу обрѣзки волосъ)*. Э! да ужъ они и обкарнали его, проклятые!.. *(ходитъ по комнатѣ и останавливается передъ портретомъ отца Мордоплюева)*. Дорожей Кузьмичъ! почтеннѣйшій благодѣтель! ожидалъ ли ты такой оказіи?.. Сорокъ лѣтъ торговалъ ты, какъ истинный купецъ, и умеръ ты, какъ христіанину подобаетъ... Царство тебѣ небесное!.. Думалъ ли ты, родной, что сынокъ твой поступить въ такую оказію?.. И что эвто за выжига подвернулась? откеля взялась она?.. Сертучонко около колъмокъ болтается. Еще, говорятъ, купеческій сынъ... оборони Господи! Да отъ русскаго купца такое непутное дѣтище не уродится; только взглянешь — ну, вотъ, такъ бы ему тѣю!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Прохорычъ и Перетычкинъ.

Перетычкинъ. — А! ты здѣсь, старина... какъ бишь тебя зовутъ?

Прохорычъ. — Какъ сегодня, такъ и завтра.

Перетычкинъ. — Э! да ты, братъ, я вижу, осель большою руки, даромъ что бородка-то побѣгала! Ну, ступай же ты сейчасъ...

Прохорычъ. — Какъ же! вотъ такъ и пошелъ!.. Нешто вы можете мной распоряжаться?

Перетычкинъ. — Не я, старый шутъ, а хозяинъ твой. Слышешь ли ты его не послушаться, когда онъ тебѣ деньги платитъ?

Прохорычъ. — Вѣстимо, онъ платитъ, а не ты. Ваня братъя около его же кармана трется, какъ бы выудить что-нибудь...

Перетычкинъ. — Я съ глазами неучесть-тоговать даюгъ не стаяю; а Вова велеть мнѣ послать именно тебя, такъ ты слушай обонми ушами: пошелъ скорый на биржу, спроси такъ у извощиковъ, гдѣ бы достать хорошую коляску парой до десяти часовъ вечера, да чтобъ сейчасъ же закладывали, а чѣмъ будеть стоять — порядись. Ну, пошелъ, безъ разговоровъ, да живи!..

Прохорычъ. — Ладно. *(уходитъ)* Самому бы тебѣ настоять колесныя-то ноги, такъ скорый бы обгадъ.

Перетычкинъ. — Что-о?

Прохорычъ. — Ничего-съ, прохалло! *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Перетычкинъ *(однимъ)*. — Этакая невѣжа! Вотъ они все на одинъ покрой! Да татаринъ гораздо-взыбливѣ... покажетъ тебѣ халать, или ермолку такъ учтиво... а тутъ прищипитъ напой-ни-будь... и туда же! Какъ я счастливъ, что развязалъ съ этимъ народомъ!.. Да итъ, Иванъ шибко избаловалъ ихъ, а оттого, что самъ безъ воспитанія. Я его скоро образую... Вотъ теперь только еще постричься, такъ ужъ совсѣмъ другой человекъ будеть, а какъ познакомя его съ литературой — просто и не узнаешь!.. Боже мой! какъ подумаешь, какъ приятно просвѣтить человека, зачечь ему, такъ-сказать, свѣтильникъ... и вотъ онъ человекъ образованный... А посмотреть, много ли осталось у меня етъ покупокъ... *(Смотритъ въ бумажникъ)* Пять-десять... восемьдесятъ... сто... всего сто-тридцать серебромъ. Дуракъ я, не взялъ у него цѣлковыхъ сотъ шесть... Ну, да можно еще выманить, когда понадобится.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Перетычкинъ и Мордоплюевъ *(завитый и въ новомъ сюртукъ)*.

Перетычкинъ *(увидя Мордоплюева, бѣжитъ ему на встрѣчу)*. — А! ты ужъ, Ваня, и готовъ!.. Фу ты, какимъ молодцомъ... и не узнаешь... чудо! Вотъ теперь такъ всякая барышня отъ тебя растаетъ!

Мордоплюевъ. — Растаетъ-то растаетъ, да мнѣ, Саша, что-то больно неловко.

Перетычкинъ. — Отчего же тебѣ неловко?

Мордоплюевъ. — Въ новомъ сюртукѣ руки-то вотъ точно связаны,

Перетычкинъ. — Ничего; это пройдетъ.

Мордоплюевъ. — Когда-то еще пройдетъ, а тепереча больно неловко...

Перетычкинъ. — Пустяки, братецъ; это съ непривычки; а походишь недѣльку, такъ будешь, какъ въ халатъ... и раздѣться не захочется.

Мордоплюевъ. — Ну, ужъ шалишь, братъ Саша; такъ узко спать, что, мнѣ кажется, въ одинъ день умаешься...

Перетычкинъ. — Полно вздоръ-то городить! Вотъ ты вѣдь ничего не понимаешь, а вѣдь ты теперь настоящая картинка... хоть сейчасъ рисуй съ тебя! Только ходишь, какъ-то по-медвѣжьи... а походка много значить... Вотъ теперь мы вдемъ къ невѣсть, въ благородный домъ: надо умѣть, какъ войти, какъ раскланяться; ужъ развѣ мнѣ поучить тебя немножко...

Мордоплюевъ. — Сдѣлай милость, поучи, братъ Саша! Ужъ я тебѣ дамъ волю... обработывай меня, какъ знаешь.

Перетычкинъ. — Ну, хорошо, изволь. Прежде всего нужно держать себя не такимъ тюфякомъ, какъ ты, а вотъ этакъ... прямо... видишь?

Мордоплюевъ. — Вижу...

Перетычкинъ. — Ходить не въ раскачку, а ровно... вотъ такъ... Пройдемся вмѣстѣ; смотри на меня (*береть его за руку и смѣлѣе проаживаются вокругъ комнаты*). Ну, это еще недурно. Теперь, когда входишь въ комнату, сдѣлай шага три впередъ, и потомъ нога объ ногу, вотъ этакъ... (*Мордоплюевъ повторяетъ всѣ его движенія*). «Сударыня, честь имѣю кланяться... Балабаевскій купецъ такой-то»; а тамъ опять назадъ, вотъ такъ. Ну, отойдемъ къ дверямъ. Представь себѣ, что ты входишь въ комнату... Ну, начинай: «сударыня...»

Мордоплюевъ (*подражая неловко*). — Сударыня...

Перетычкинъ. — Эхъ, братецъ! совсѣмъ не такъ!

Мордоплюевъ. — Да какъ же, Саша? Вѣдь ужъ ты такой, право...

Перетычкинъ. — Ну, зачѣмъ ты переваливаешься съ боку на бокъ, точно сибирскій медвѣдь? Говорятъ тебѣ, держись прямо. Ну, начни опять: «сударыня...»

Мордоплюевъ. — Сударыня... сибирскій... тьфу! балабаевскій купецъ...

Перетычкинъ. — Ха, ха, ха!.. Ну, братъ, Ваня, ты просто шутъ гороховый: сейчасъ все и забылъ... Ну, смотри на меня.

«Сударыня! честь имѣю кланяться; балабаевскій купецъ...» тутъ скажешь свое имя и фамилію. Ну, сажай!..

Мордоплюевъ (*посторая опять*). — Сударыня! честь имѣю кланяться... балабаевскій купецъ...

Перетычкинъ. — Ну, что жь остановился?

Мордоплюевъ. — Купецъ Мордоплюевъ.

Перетычкинъ. — Ну, вотъ, это порядочно! Только смотри, не оробѣй; а главное побольше форсу... то-есть, этакъ тонируй!

Мордоплюевъ. — Ну, ужь этаго я, братъ, не съумю.

Перетычкинъ. — А очень-легко... я тебя сейчасъ выучу. Слушай: прѣдемъ мы къ невѣстѣ; ну, разумѣется, пойдутъ разговоры... а какъ только я отнесусь къ тебѣ, или о чемъ спросу, ты отвѣчай мнѣ по-французски...

Мордоплюевъ. — По-французски? Что ты, Саша? нешто я умю?

Перетычкинъ. — Да вѣдь только два слова: «вуй моншеръ!» Вотъ и подумаютъ, что ты хорошо образованъ.

Мордоплюевъ. — Какъ ты, Саша, сказалъ? Ну-ка, скажи еще.

Перетычкинъ. — Вуй моншеръ!

Мордоплюевъ. — Вуй моншеръ! Чтò же это значить по-нашему-то?

Перетычкинъ. — Это значить: да, мой милый.

Мордоплюевъ. — Вуй моншеръ; да, мой милый... хорошо?

Перетычкинъ. — Напримѣръ, я скажу: лѣтомъ въ Москвѣ, жить очень-скучно; вѣдь ты желалъ бы нанять дачу, не правда-ли? (*толкаетъ его*) Ну!

Мордоплюевъ. — Вуй моншеръ!..

Перетычкинъ. — Что ты! какой моншеръ? Вуй моншеръ!

Мордоплюевъ. — Ахъ, да бишь... вуй моншеръ!

Перетычкинъ. — Ты, пожалуй, и уже этакъ же переврешь.

Мордоплюевъ. — Нѣтъ, Саша, не перевру, запомню... вуй моншеръ! вуй моншеръ!

Перетычкинъ. — Смотри же, братъ Ваня; а то вѣдь срѣ-жешь голову. (*Смотритъ въ окно*). Вотъ и коляска прѣехала! Ну, поведемъ же; пора; надѣвай шинель! (*подаетъ ему*).

Мордоплюевъ. — Да куда ее! и такъ смерть жарко!..

Перетычкинъ. — Ну, такъ возьми, въ коляску положишь... Перчатки не забудь... А платокъ въ карманъ?

Мордоплюевъ. — Въ карманъ.

Перетычкинъ (ударяя себя по лбу). — Ахъ, мортъ возьми! совсѣмъ изъ ума вонь! Есть у тебя духи?

Мордоплюевъ. — Нѣтъ, Саша, я эвтой дряннѣ не люблю.

Перетычкинъ. — А вѣдь непремѣнно нужно... Какъ же ты пойдешь къ невѣстѣ ненадушонный?

Мордоплюевъ. — Такъ зачѣмъ же дѣло етало? Вѣ лавкѣ у меня много : можно мальчишку дослатъ.

Перетычкинъ. — Дѣ, скоро онъ тебѣ принесетъ; еще, пожалуй, какую-нибудь дряннѣ. Лучше вотъ чтѣ : давай-ка три цѣлковыхъ! Вѣ коляскѣ я живо слетаю на Кузнецкій Мостъ и самыхъ лучшихъ французскихъ привезу.

Мордоплюевъ (даетъ деньги). — На вотъ, пожалуй!

Перетычкинъ. — Подожди же; я духомъ ворочусь (ублаетъ).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Мордоплюевъ (одинъ). — Важный паренъ , нечего сказать; хоть вѣ ухо вдѣни! Я, говорить, тебя, Ваня, такимъ молодцомъ поставлю, что всѣ рядские вѣ загыжахъ зачешутъ. А и впрямъ, чтѣ бы я былъ безъ него? Такъ, какой-то Маргафонъ, никакой бы комплекции не зналъ. Попалась бы жирѣха... хомъ какая ни на есть, а все зубы словно ваксой вымазаны, ну и иди съ ней! А тутъ барышня, да еще какая! прійдетъ вѣ лавку, да только глазкомъ поведетъ — ну просто аршинъ изъ рукъ валится, и по-французски говоритъ... Хоша я самъ и не умѣю, а все лучше. Ну, да и вѣ гости съ эвтакой выѣдешь, такъ ужъ всякой скажетъ : «Ахъ, сударыня!» Ой, ой! прахъ побери! подѣ-мышками рѣжетъ, мочи нѣтъ! Ну, за-то, Саша говорить : «ты, братецъ, молодецъ во всей формѣ!» (Ходитъ по комитѣ, ловчится и нечаянно видитъ себя въ зеркалѣ). Ай! батюшки, да не-ужъ-то эвто я? Ха, ха, ха! Ха, ха, ха! Вотъ оказія-то! Отродясь волосы-то не вились, а теперь, смотри-ка какой сталъ! Какъ-бинъ, Сашуха-то училъ меня? Да! «Сударыня, честь имѣю кланяться» .. Пойстой, начну съизнова (расшаркивался). «Сударыня, честь имѣю кланяться; балабаевскій купецъ Мордоплюевъ»... А еще : вуй моншеръ. «Сударыня, честь имѣю кланяться! вуй моншеръ!»

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Мордоплюевъ и Прохорычъ.

Мордоплюевъ (оборачиваясь и увидя Прохорыча). — А! Прохорычъ! И ты здѣсь? Ну, чтѣ смотришь? али не узналъ?

Прохорычъ. — Узнать-то узналъ, да и глазамъ-то не вѣрит-ся, какъ они обшаршавили васъ, ровно шавку какую. Господи твоя воля! Да изъ чего вы себя губите-то, Иванъ Дороевичъ? Не што я не знаю? Вадъ изъ-за испутной вертячки, что у насъ въ лавкѣ крыгала, ровно сорока, да болтала пофранцузски — тилунъ бы ей на языкъ.

Мордоплюевъ. — Ну, ужъ насчетъ этого говори, братъ, да не заговаривайся; я жели много врать будешь, такъ убирайся отсюда прищель!

Прохорычъ. — Да я и уйду, только вотъ письмо извольте почитать, сейчасъ почтальионъ принесъ. *(Подаетъ письмо.)*

Мордоплюевъ. — Откуда это? А! изъ Балабаева, отъ бабушки Анисьи Меркуловны! Ладно! *(распечатываетъ и читаетъ)*: «Любезному внучку моему, Ивану Дороевичу; посылаю я тебѣ мое нижайшее почтеніе и низкій поклонъ и заочно мое благословеніе, на вѣки нерушимое. И дай тебѣ Богъ всякаго благополучія и всякой корысти моими грѣшными молитвами. А мнѣ больно тошно, Ванюша, что ты ко мнѣ такъ рѣдко пишешь, а я ужъ стала припадать шибко; видно, пора и на покой. А еще прошу тебя слезно, внучекъ дорогой, живи ты въ Москвѣ честно и доброизвольно, не отшатнись отъ страха Божьяго. А живи ты, Ванюша, честно, какъ родители твои жили, да и тебѣ загазали. Если же я что-нибудь услышу, то ты меня, старуху, такъ въ гробъ и положишь. Прощай, мой золотой, цалую тебя въ сахарныя уста. Бабушка твоя, Анисья Меркульевна.» Ишь ты какъ нацарапала! *(Оборотясь и видя, что Прохорычъ плачетъ)* Что ты, Прохорычъ, объ чемъ разрюмился?

Прохорычъ. — Объ чемъ! А нешто вамъ и не жалко ее, голубушку? Старушка такая добрая, почтенная, христомлюбивая, а теперича, стало-быть, выходитъ, уже заранѣе подавай за упокой! Какъ-только услышитъ радостную вѣсточку, что вы женитесь на модницѣ, со стыда много не наживеть.

Мордоплюевъ. — А отъ кого она услышитъ? Балабаевъ отсюда не рукой подать.

● **Прохорычъ.** — Не рукой подать! А нешто мало нашихъ-то въ Москвѣ? Зубоскальству-то и конца не будетъ: ну, теперича, стало-быть, выходитъ, сейчасъ же и въ Балабаевъ напишутъ, что вотъ, молъ, Иванъ Дороевичъ какое колено отмочилъ... Да ужъ истинно сказать, колено важнее!

Мордоплюевъ (*прейдя въ раздумьи по комнатамъ*). — А что? вѣдь и впрямь, дѣло-то неладно.

Прохорычъ. — Да такъ-то неладно, что оборони Богъ! Неужь-то вы, хозяинъ, ужь забыли покойника тятеньку и маменьку, дай Богъ имъ царство небесное! какъ они васъ воспитали да уму-разуму учили. Да не токма-что они, а всѣ дальнѣе-то у васъ съ-роду жили похристіански... Вѣдь ужь коли я купецъ, такъ теперича, стало-быть, выходить, и родства нищу въ купечествѣ. Зачѣмъ же я въ дворянство-то погъзу? Богъ всякому указалъ свое. купецъ ты — ну и живи по-купецки; дворянинъ — живи по дворянски; стрекулистъ ты — такъ стрекулятничай. Оно, говорить нечего, у насъ въ рядахъ много всякой фанаберіи, да скоро и въ трубу вылетаютъ. Неужь-то перенимать у нихъ? Вѣдь, кабы тятенька съ маменькой встали да провѣдали про ваши замыслы — въ умъ бы рехнулись! Вотъ, ей-Богу! Вѣстимо, изъ земли они сырой вамъ ни словечка не промолвятъ, да вотъ ихъ потреты красуются; взгляните-ка, какъ они оба смотрятъ на васъ, будто живые, на глазахъ ровно слезы выступили... вотъ словно говорятъ вамъ: Ванюша! Ванюша! что ты, родной, съ собой дѣлаешь? Куда ты ѣдешь? Зачѣмъ тревожить кости наши, да губишь и свою головушку?

Мордоплюевъ (*сильно растроганный*). — Оно вѣстимо... Э! да, что тутъ! не поѣду, да и конецъ! Вотъ ни за что не поѣду! Хоть онъ тутъ тресни, а ужь шабашъ! Что я за дуракъ такой въ-самомъ-дѣлѣ! (*снимаетъ сюртукъ и бросаетъ на полъ*). Сыщика-съ мнѣ, Прохорычъ, халать... Тѣбу ты пропасть! Словно кто обошелъ меня!

Прохорычъ (*подавая халатъ*). — Слава тебѣ, Господи! Давно бы такъ, хозяинъ! А то у меня все сердце выболѣло, да и голова-то кругомъ пошла. Ну теперича, стало-быть, выходить, и лодырю этому, коли прѣдетъ, такъ вотъ тебѣ Богъ, а вотъ тебѣ двери?

Мордоплюевъ. — Ну его къ лѣшему! на порогъ его — да въ шею!..

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Перетычкинъ (*съ флакономъ въ рукахъ*).

Перетычкинъ. — Вотъ и я! Отличныхъ, братъ, досталъ! Французскіе, высшій сортъ... Это что такое? зачѣмъ ты раздѣлся?

Мордоплюевъ (*растерявшись*). — Да такъ...

Перетычкинъ. — Какъ такъ? Да чтожь это значить?

Мордоплюевъ. — Да такъ... Ты, братъ, проваливай; я ужъ не поѣду.

Перетычкинъ. — Не поѣдешь? ты съ ума сошелъ, что ли?

Мордоплюевъ. — Нѣтъ еще, а не поѣду, да и только. Шалишь, братъ, Саша! ты меня атурить хотѣлъ, анъ вотъ нѣтъ!

Перетычкинъ (*поглядѣвъ на Прохорыча*). — Э! понимаю! (*Мордоплюеву*). Ну, пожалуй, не ѣзди! Я одинъ поѣду, посватаюсь вмѣсто тебя, да и жѣнусь, а ты сиди тутъ, какъ лѣшій въ болотѣ! И охота же такой хорошенькой барышнѣ интересоваться этакимъ чучелой!.. Вѣдь вотъ сейчасъ встрѣтилась со мной на Лубянкѣ: ѣдетъ съ матерью; карета щегольская... Какъ увидала меня, и замахала платкомъ «Мы, говорить, сейчасъ домой; а здоровъ ли милый Иванъ Дороеичъ? Ради Бога привезите его поскорѣе, мы васъ ждемъ!» А вотъ тебѣ и Иванъ Дороеичъ: словно аршинъ проглотилъ — стоитъ какъ сычъ, только глазами хлопаетъ!

Мордоплюевъ. — Да неужто она такъ и сказала: «милый Иванъ Дороеичъ?»

Перетычкинъ. — А я вратъ тебѣ, что ли, стану?

Мордоплюевъ (*почесывая въ затылкѣ*). — Ну, коли такъ, такъ пожалуй и того...

Перетычкинъ. — Чтò того?

Мордоплюевъ. — Ну и сѣздить можно.

Перетычкинъ. — Да какъ же не ѣхать-то? Начали дѣло — и вдругъ бросить! Она, вѣдь, расплачется, ну и пиши пропаю! Потеряешь этакую невѣсту, самъ плакать будешь, да ужъ не воротишь.

Мордоплюевъ. — Такъ чего же звать?.. Что жъ въ-самомъ-дѣлѣ? Поѣдемъ да и шабашъ! (*сбрасываетъ халатъ*).

Перетычкинъ (*подавая ему сюртукъ*). — Ну, надѣвай же проворнѣе! Теперь давай сюда платокъ... Слышишь, каковъ запахъ-то? Постой, я тебя спрысну (*прыскаетъ его духами*). Фу ты, какая амбра! Ну бери шляпу, шинель, да и маршь! (*уходя, Прохорычу*) Что? грибъ съѣлъ, старый сычъ? (*оба уходятъ*).

Прохорычъ (*качая головой*). — Господи владыко! Что жъ это такое? И ума не приложу...

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Гостиная втораго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Зинаида (*въ шелковомъ платьѣ; модный уборъ на головѣ*). — Боже мой, какъ копаются Julie! Битыхъ два часа не можетъ кончить своего туалета. Вотъ я—такъ одѣлась въ минуту (*оборачивается передъ зеркаломъ*). Платье немножко—темно... Лучше бы надѣть сиреневое; впрочемъ, этакъ солиднѣе; а одѣнься—ка я по своему вкусу, такъ для Юлиньки сравненіе будетъ слишкомъ невыгодно. И все еще не готова... а давеча цѣлое утро брэнчала на гитарѣ... Чтò за несносная дѣвчонка!.. Да и благоговѣрный—то мой тоже (*кричитъ въ боковую дверь*). Евграфъ Семенычъ! неужели вы еще не напялили вашего фрака? Побойтесь Бога; женихъ сейчасъ прѣдетъ!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Зинаида Васильевна и Евграфъ Семеновичъ (*во фракъ и бѣломъ жмлетѣ*).

Зинаида. — Насилу-то выползла! Ну, не стыдно ли, и съ вашей ли фигурой... цѣлый часъ возитесь передъ зеркаломъ!

Евграфъ. — Чтò ты, дурочка, гдѣ же тутъ часъ? Я только фракъ надѣлъ да виски попригладилъ... Посмотри-ка, каковъ молодецъ — а?

Зинаида (*съ иронической гримасой*). — Ужасно хорошо! А руки-то?.. Поглядите-ка, въ чемъ это онъ у васъ? Чтò за срамъ! Точно вы трубу чистили!..

Евграфъ. — А! это я римскія свѣчки дѣлалъ... Ну, тутъ порохъ, селитра... еще кое-чтò...

Зинаида. — Такъ вымойте поскорѣе, или хоть одеколономъ оботрите; а то за васъ со стыда сторишь.

Евграфъ. — Нѣтъ, я разведу немножко селитряной кислоты съ водой, такъ вотъ тебѣ и вся химія... духомъ выгѣсть.

Зинаида. — Подите вы съ своей глупой кислотой... Когда тутъ съ ней возитесь?.. Надѣньте хоть перчатки—вотъ и не видно будетъ.

Евграфъ. — Какъ же перчатки? Вѣдь я не на балъ...

Зинаида. — Такъ что жь за бала? Нынче ни одинъ порядочный человекъ безъ перчатокъ не ходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТІЕ.

Тѣ же и Юлинька (*въ кисейномъ платьѣ и модной прическѣ*).

Юлинька. — Вотъ и я, папан. Посмотрите, каково я одѣта?... Вѣдь хорошо, не правда ли?

Зинаида. — Ну, Julie, я думала, ты до завтра не кончишь. Можно ли такъ копаться?

Юлинька. — Вотъ это мило! какія вы, право, папан! Вѣдь я жду жениха... Не выйдти же мнѣ на смѣхъ, какой-нибудь душой... А вы лучше взгляните, каково на мнѣ новое платье сидитъ?

Зинаида (*осматривая ее*). — Очень-мило. Только надо держаться попрямѣ: ты все какъ-то сутулишься.

Юлинька. — Чтѣ вы, папан! это вамъ такъ кажется... а посмотрите-ка, хорошо ли?

Зинаида. — Нѣтъ ничего, та сѣге.

Юлинька. — Хотѣла я воротничокъ надѣтъ, да очень-жарко.

Зинаида. — И прекрасно, что не надѣла. У поленьевой дѣвушки чѣмъ открытѣ плечи, тѣмъ она авантажнѣе. Кѣ-тому же ты ждешь жениха—для чего кутаться?... Чѣмъ насъ природа надѣлила, срывать совсѣмъ нѣ для-чего.

Евграфъ. — Однако жь, душечка, не спуститъ же ей вовсе съ плечъ...

Зинаида. — Не ваше дѣло-сь! Вы бы вотъ лучше хозяйствомъ-то занялись, посмотрѣли бы, чтѣ тамъ въ дѣвичей дѣлается... Эй, Оська! Оська!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Оська.

Зинаида. — Ну, чтѣ? Устюшка приготовила тамъ закуску, какъ я ей приказала?

Оська. — Ужь на тарелки наклала-сь.

Зинаида. — А самоваръ кипитъ?

Оська. — Кипитъ-сь.

Зинаида. — А ты все еще въ лохмотьяхъ щеголяешь! Этой мерзавецъ мальчишка! Того и гляди, гости прѣдутъ, а.

онъ ходить оборванный! Пошолъ, негодяй, сейчасъ же надѣнь новый казакинъ; да только смѣй ты у меня при гостяхъ подать что-нибудь безъ перчатокъ... вѣдь тамъ у тебя пара нитяная есть?

Оська. — Есть-съ.

Зинаида. — Ну, такъ смотри же; а не то всё уши обдеру. Пошолъ одѣнься! (*Оська уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же, кромѣ Оськи.

Юлинька. — Ахъ, папаша, я что-то робью... Сама не знаю отчего, а какъ-то страшно... сердце такъ и бьется.

Зинаида. — И, полно, та сѣге! что за глупость! чего бояться? Вѣдь онъ купецъ... къ-тому же иногородный... Вотъ еслибъ какой-нибудь чиновникъ, или что-нибудь этакое... а купцы не имѣютъ этой тонкой образованности. Будь только развязна, тоируй побольше — и ты сейчасъ же вскружишь ему голову.

Юлинька. — А говорить онъ пофранцузски, папаша?

Зинаида. — Вотъ объ этомъ забыла спросить.

Юлинька. — Нынче вѣдь изъ купцовъ многіе пофранцузски говорятъ, а я, признаюсь, немножко забыла... Какъ бы не сконфузиться...

Зинаида. — И, полно, mon ange! онъ вѣрно не вступитъ съ тобой въ серьезный разговоръ, а общія фразы ты знаешь очень-твердо.

Евграфъ. — Такъ чего жъ еще? Вотъ когда я служилъ въ губерніи, былъ у насъ при губернаторѣ одинъ чиновникъ; только два слова зналъ пофранцузски: вуй да нонъ, да такъ умѣетъ ихъ вклеивать... Ну, вотъ и думали, что онъ славно пофранцузски говорить... во всей канцеляріи такъ французомъ и прозвали.

Зинаида. — Ужъ вы тутъ наскажете!

Юлинька (*взглянувъ въ окно*). — Ахъ, папаша! вдутъ! вдутъ!

Зинаида. — На дрожжахъ, или въ каретѣ?

Юлинька. — Въ коляскѣ, папаша... Какая щегольская коляска!

Зинаида. — Это вѣрно его: вѣдь онъ ужасный богачъ. Ну, Евграфъ Семенычъ, ужъ вы примите ихъ... Да не будьте такимъ филиномъ, поразговоритесь; потомъ явимся и мы; а то вдругъ какъ-то неловко... Allons, Julie! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Евграфъ Семеновичъ (*однимъ*). — Вотъ поди ты съ ними! каковы химики! Со мной такъ бойки... какъ ртуть, такъ и бьгають, а тутъ и на попятный дворъ. И что за важная штука женихъ!... Мы его приемемъ, этакъ... химически.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Евграфъ Семеновичъ, Мордоплюевъ и Перетычкинъ.

Перетычкинъ. — Мое почтение! Извините...

Евграфъ. — Милости просимъ, господа; пожалуйста; безъ церемоніи.

Перетычкинъ. — Очень-пріятно-съ; но позвольте узнать, съ кѣмъ мы имѣемъ удовольствіе говорить?

Евграфъ. — Со мной, со мной, братецъ... развѣ вы не видите, что со мной говорите?

Перетычкинъ. — Конечно; но мы не имѣемъ чести быть въ знакомствѣ.

Евграфъ. — Такъ познакомимся... Отставной коллежскій секретарь Евграфъ Семеновъ Сандаракъ, отецъ невесты вашей, на которой вы намѣрены...

Перетычкинъ. — Нѣтъ-съ, это не я, а вотъ пріятель мой.

Евграфъ. — А! Ну, очень-радъ, очень-радъ.

Мордоплюевъ (*расшаркиваясь по знаку Перетычкина*). — Судары...

Перетычкинъ (*держитъ его за фалду*). Что ты, братецъ?

Мордоплюевъ (*про-себя*). — Тьфу, забылся... (*вслушь*) Честь мнѣю кланяться, балабаевскій купецъ Иванъ Доросенчъ Мордоплюевъ.

Евграфъ. — Какъ вы сказали?

Мордоплюевъ. — Иванъ Доросенчъ.

Евграфъ. — Нѣтъ, по фамили-то?

Мордоплюевъ. — Мордоплюевъ.

Евграфъ. — Мордоплюевъ! Чортъ знаетъ, какихъ фамилій нѣтъ на свѣтѣ!..

Мордоплюевъ. — Да-съ, бываютъ очень-странныя фамиліи.

Евграфъ. — Да что же мы стоимъ? Прошу садиться, господа! Жена съ дочерью сейчасъ выйдетъ. (*Мордоплюеву*). Ну, вы вѣдь торгуете... Много у васъ товару?

Мордоплюевъ. — Достаточное количество-съ.

Евграфъ. — А что... вы, этакъ, аршиномъ или на вѣскахъ?

Мордоплюевъ. — Все больше аршиномъ-съ.

Евграфъ. — А вѣски-то развѣ фальшивыя?

Мордоплюевъ. — У насъ ужь товаръ такой-съ.

Евграфъ. — А вѣдь, чай, на каждый аршинъ вы по вершку утянете — а?..

Мордоплюевъ (*сконфузясь*). — Помилуйте... мы торгуемъ на чести-съ.

Евграфъ. — Знаемъ мы вашу честь-то!.. Да вы, пожалуйста, не обидьтесь: вѣдь, можетъ, вы и не таковъ, какъ другіе... Мало ли вашей братья... на свѣтъ много химиковъ! (*молочкомъ мабаку, обращаясь къ Перетычкину*) А васъ какъ зовутъ, пожалуйста узнать... .

Перетычкинъ. — Александръ Харитонычъ-съ...

Евграфъ. — А по фамили?

Перетычкинъ. — Перетычкинъ.

Евграфъ. — Перетычкинъ: Гмъ!.. Служите гдѣ-нибудь?

Перетычкинъ. — Нѣтъ-съ; теперь не служу.

Евграфъ. — А прежде служили, вѣрно; по статекѣ?

Перетычкинъ. — Нѣтъ-съ; я служилъ въ военной службѣ. Я изъ дворянъ, служилъ офицеромъ.

Мордоплюевъ (*тихо Перетычкину*). — Что ты врешь? какой же ты офицеръ?

Перетычкинъ. — Отстань, не твое дѣло!

Евграфъ. — Офицеромъ?.. Это недурно... Я самъ тотъ же офицеръ; а вотъ чернилъ терять не могу, хоть и отлично ихъ дѣлаю.

Перетычкинъ. — Такъ вы ужь нигдѣ не вводите служить?

Евграфъ. — Нѣтъ, съ 835 года въ отставку.

Перетычкинъ. — Оно, конечно, при хорошемъ состояніи...

Евграфъ. — Да какое у меня теперь состояніе? Былъ, братъ, оно, да сплыло! А современемъ будутъ и миллионы въ карманъ.

Перетычкинъ. — Вѣрно, хотите въ какой-нибудь коммерческой оборотъ?

Евграфъ. — Э, нѣтъ! Я натуральной магіей занимаюсь.

Перетычкинъ. — Натуральной магіей?.. то-есть, какъ это?

Евграфъ. — Да такъ. Вотъ теперь у тебя носъ какъ быть слѣдуетъ, а хочешь, онъ сейчасъ будетъ на сторону?

Перетычкинъ. — Ну, нѣтъ, благодарю васъ!

Евграфъ. — Да ты думаешь кулакомъ? Нѣтъ! Я тебѣ это такъ... химически...

ПЕРЕТЫЧКИНЪ. — Химически?

Евграфъ. — Да! А не то, хочешь, рожу тебѣ помкомъ съдаю?.. Ну, хочешь, что-ли?.. Или вотъ всѣ трое безъ головъ будемъ?

ПЕРЕТЫЧКИНЪ (всторону). — Что за чудаки! (вслушь). Неужели совсѣмъ безъ головъ?

Евграфъ. — Что жь, не вѣришь, что ли? Ну, давай рубль серебромъ: сейчасъ при тебѣ же въ кулакѣ растоплю.

ПЕРЕТЫЧКИНЪ. — А, понимаю-сь! то-есть это фокусы.

Евграфъ. — Какіе фокусы! Натуральная магія. А ужь ракеты, бураки, колеса, звѣзды, римскія свѣчки — это ужь, братъ, никто лучше меня не съдааетъ. Да это все пустяки; у меня есть еще... а! да вотъ, кажется, и наши ползуть!..

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же, Зинаида Васильевна и Юлинька.

Евграфъ. — Рекомендую... вотъ жена моя, Зинаида Васильевна; а это дочь, Юлинька. Вѣдь славная дѣвочка, не правда ли?

Юлинька (тихо отцу). — Ахъ, папа, что вы это!

ПЕРЕТЫЧКИНЪ (толкая подъ бокъ Мордоплюева). — Ну, что же ты?

Мордоплюевъ (подходя и стараясь быть ловкимъ). — Сударыня, честь имѣю кланяться; балабаевскій купецъ Иванъ Дорощичъ (отступая назадъ, расшаркивается и роклетъ со стола лампу). Ахъ, извините-сь; ей-Богу, не нарочно! (отбѣгаетъ въ сторону и почти съ ногъ сбиваетъ Евграфа Семеновича).

Евграфъ. — Ой-ой-ой! Потихе, почтеннѣйшій! у меня мозоли.

Зинаида. — Ничего, вѣдь они не видали. Садитесь, съдайте одолженіе!

Мордоплюевъ (садясь въ кресла, разламываетъ гитару). — Ай! что еще тутъ за оказія?

Зинаида. — А! Это юлинькина гитара. Ну ее! не беспокойтесь; пожалуйста вотъ сюда!.. (Всѣ садятся. Продолжительное молчаніе).

ПЕРЕТЫЧКИНЪ (толкая Мордоплюева). — Ну, что же, Ваня? Говори хоть что-нибудь.

Мордоплюевъ (усиливается что-то сказать, но никакъ не можетъ). — А, гмъ!

Зинаида. — Какіе у насъ прекрасные дни! Я не запомню такого лѣта.

Перетычкинъ. — Да, лето чудесное-сь. Только ужь очень-жарко; такая жель, что мочи нѣтъ.

Зинаида. — Вотъ мы такъ живемъ здѣсь совершенно на дачѣ: такая тишина, воздухъ легкій, настоящая деревня. А вы, Иванъ Доросевичъ, любите деревенскую жизнь?

Мордоплюевъ. — Какъ же-сь! Въ деревнѣ лѣтомъ важно; только иной разъ навозомъ припахиваетъ-сь.

(Зинаида Васильевна и Юлинька съ трудомъ удерживаются смѣхъ).

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и Оська (съ новымъ казакинъ, босикомъ и съ запачканными перчатками, выноситъ чай и останавливается въ нерешимости, кому прежде подать).

Евграфъ. — Ну, что сталъ? Подай прежде вотъ сюда, какъ слѣдуетъ... Чайку, господа! слѣжайте милость... Да ромцу-то подбавляйте побольше... этакъ химически...

Юлинька (тихо матери). — Посмотрите-ка, маман : вѣдь Оська-то босикомъ...

Зинаида. — Не-уже-ли? Ахъ, мерзавецъ... Какой конфузъ!.. я готова уйти со стыда...

Евграфъ (Оськѣ). — Ну, теперь пошолъ, барынѣ давай.

Юлинька. — А перчатки-то какія... Поглядите, что это, маман?

Зинаида (взгляни чашку, тихо Оськѣ). — Вотъ я съ тобою раздѣляюсь, бестія! Развѣ можно босикомъ, и въ такихъ перчаткахъ подавать?

Оська (во все горло). — Да это Устюшка-сь. Она въ нихъ самоваръ чистила : вишь кирпичомъ руки обдерешь!

Зинаида. — Тсъ!.. молчи!.. Какъ примешь чашки, пошолъ вонъ и не приходи сюда. Пускай дѣвка подаетъ. (Молчаніе).

Перетычкинъ. — Лѣтомъ здѣсь, въ Москвѣ, очень-скучно, сударыня, и даже нездорово. Какая-то атмосфера такъ тебя и давить... За-то зимой сколько удовольствія : маскарады, театры... (Мордоплюеву). Ты, кажется, тоже очень любишь театръ? (дѣластъ ему знаки).

Мордоплюевъ. — Вуй моршень.

Перетычкинъ. — Штъ! молчи! (толкаетъ его; Мордоплюевъ роняетъ стаканъ).

Евграфъ. — Что? знать горячо? (Оськѣ). Цошолъ! подбери! (Мордоплюеву). Не обожглись ли?

Мордоплюевъ (*обтирая платкомъ колѣнку*). Маленько вотъ здѣсь насквозь прохватило. Да ничего-съ.

Юлинька (*тихо матерн*). Фи, какой онъ смѣшной, папан! Должно-быть набитый дуракъ.

Зинаида. — Молчи, поп ange. Развѣ можно судить по первому взгляду?

Евграфъ. — Не прикажете ли еще по чашкѣ, господа?

Перетычкинъ. — Нѣтъ-съ довольно; откровенно сказать, мы ужъ пили дома.

Зинаида. — Если пошло на откровенность, вѣдь и мы тоже напились.

Евграфъ — Да ужъ теперь время и къ закускѣ подвигаться... Винца-бы намъ хорошенькаго, да еще какой-нибудь химіи этакой...

Зинаида. — Сейчасъ приготовить. А вы бы, между-тѣмъ показали свой кабинетъ. (*Перетычкину*). Вѣдь вы не знаете, онъ у насъ такой химикъ... у него очень-много любопытныхъ вещей. Вотъ Иванъ Доросевичъ, какъ человекъ коммерческій, вѣрво химіей не интересуется. (*Юлинькѣ*). Останься съ нимъ, па сѣге; вѣдь надобно же вамъ познакомиться.

Евграфъ. — А и въ-самомъ-дѣлѣ, пойдѣте, господа. Я покажу вамъ чудные препараты: у меня и машина электрическая есть... Пожалуй, я вамъ заряджу... Ну, милости прошу... вотъ сюда пожалуйте!.. (*Уходитъ съ женой и Перетычкинымъ въ кабинетъ*).

АВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Мордоплюевъ и Юлинька.

Юлинька (*про-себя*). Чтò за фантазія у папан оставить меня съ этимъ офаномъ! Ну, чтò я стану съ нимъ говорить?

Мордоплюевъ (*про-себя*). — Вотъ оказія-то! Какъ взгляну на нее, такъ варомъ и обварить, ей-Богу!.. (*Молчаніе*).

Юлинька. — Скажите, пожалуйста, какъ ваша фамилія?

Мордоплюевъ. — Мордоплюевъ-съ.

Юлинька (*всторону*). — Боже мой! чтò за фамилія! (*вслушь*). Давно ли вы здѣсь въ Москвѣ?

Мордоплюевъ. — Да вотъ ужъ десятый мѣсяцъ торгуемъ-съ.

Юлинька. — Мнѣ кажется, я бывала у васъ въ лавкѣ?

Мордоплюевъ. — Какъ же-съ, неоднократно... я самъ и товарь вамъ отпускалъ-съ. Еще въ послѣдній разъ, не изволите ли

припомнить, мы сдѣлали вамъ на тридцать-семь копеекъ серебромъ почтенія-съ?

Юлинька (*всѣа удерживаясь отъ смѣха*). — Благодарю васъ... А далеко отсюда вы живете?

Мордоплюевъ. — На Моросайкѣ-съ, противъ будки на углу; внизу тутъ питейный домъ, а наверху я снимаю-съ. (*Молчаніе. Юлинька смѣется потихоньку; Мордоплюевъ старается еще что-то сказать и никакъ не можетъ*).

Юлинька. — Ну, какъ вамъ нравится Москва?

Мордоплюевъ. — Важный городъ-съ, только ужь больно за-кавыристъ... А ужь насчетъ калачей и яблоннаго квасу — у насъ такого не отвѣдаешь-съ.

Юлинька. — А прежде вы гдѣ жили?

Мордоплюевъ. — Въ Балабаевѣ-съ.

Юлинька. — Что жь это? городъ?

Мордоплюевъ. — Точно такъ-съ.

Юлинька. — И большой городъ?

Мордоплюевъ. — Не больно малъ-съ; Волга у насъ не Москвѣ-рѣкѣ чета... Лѣтомъ и расшива и мокшанъ проходить-съ.

Юлинька. — Какая же это расшива?

Мордоплюевъ. — Судно-съ; нагрузить въ него тамъ, на Низу, да и погонять до Рыбны, а тамъ и дальше-съ.

Юлинька. — А есть у васъ театръ? бывають маскарады?

Мордоплюевъ. — Тياتръ какъ-то играли-съ, да меня покойникъ тятенька не пушалъ: вишь тамъ баловства много-съ.

Юлинька. — Стало-быть, у васъ тамъ довольно-весело?

Мордоплюевъ. — Какъ же-съ! Судачина свѣжая у насъ бываетъ копейки по четыре серебромъ за фунтъ, а ужь мелкая рыба на почемъ-съ. Хотите (*) стерлядокъ, и тѣ-ведороги; а не хотите — ~~наливнички~~ есть. Только ужь одно у насъ больно-велодно...

Юлинька. — А что такое?

Мордоплюевъ. — Да примѣромъ скажете: вотъ хоть почитайте вы себѣ за укомъ, завтра же по всему городу и зазвонять-съ.

Юлинька (*всторону*). — Нѣтъ, ужь съ вишь не достаетъ терпѣнія. (*Вслухъ*). Ахъ, Боже мой! Какъ вдругъ закружилась голова... въ глазахъ темно...

(*) Мѣстное провинціальное нарѣчіе: е произносится какъ *ю* и удареніе на последнемъ слогѣ.

Мордоплюевъ (*вскликая въ испугъ*). — Что съ вами, сударыня?

Юлинька. — Сама не знаю, а такъ дурно... ради Бога, позовите маменьку!

Мордоплюевъ (*про-себя*). — Вотъ тебѣ здравствуй! (*кричитъ съ двери кабинета*). Сударыня! Пожалуйте-ка сюда-съ! Съ барышней что-то неладно.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же, Зинаида Васильевна, Перетычкинъ и Сандаракъ.

Зинаида (*бросается къ Юлинькѣ, которая притворилась безчувственною*). — Что такое? что съ тобой, мой ангелъ? Ахъ, Боже мой! Она въ обморокъ... Евграфъ Семеновичъ, подай поскорѣй одеколону! Тамъ есть у васъ, въ кабинетѣ; надо ей виски потереть.

Перетычкинъ (*тихо Мордоплюеву*). — Ужъ ты не сказалъ ли ей чего?

Мордоплюевъ. — Что ты? Нешто я дуракъ какой! Мы все такъ вальяжно разговаривали.

Евграфъ (*прибываетъ съ стекляжкой*). — Вотъ, душечка, изволь...

Зинаида (*отталкиваетъ ее*). — Что это? Извергъ вы этакій! Уморить, что ли, вы ее хотите?

Евграфъ (*шокаетъ*). — А! это скипидаръ! Постой, вотъ я сейчасъ! (*блжтитъ въ кабинетъ и приноситъ другую стекляжку*) Вотъ, помочи ей хорошенько. Это настоящая фарина!

Зинаида (*натирая Юлинькѣ виски*). — Ахъ, какъ это неприятно!.. Впрочемъ, я очень понимаю; новыя чувства... При томъ же, она у меня такая слабонервная...

Перетычкинъ. — Я полагаю, имъ теперь всего лучше усюкнуться; а намъ ужъ позвольте до слѣдующаго визита...

Евграфъ. — Куда же вы, господа? Это что за химія? Сейчасъ закуску подадутъ.

Перетычкинъ. — Извините. Мы ужъ въ другой разъ, когда-нибудь... а теперь Юлія Евграфовна въ такомъ положеніи...

Евграфъ. — Жаль, очень-жаль! А мы бы того...

Перетычкинъ (*тихо Зинаидѣ Васильевнѣ*). — По-крайней-мѣрѣ, можетъ ли онъ надѣяться?

Зинаида. — А вотъ я съ ней переговорю; да вы будьте по-

койны : она не выйдет изъ моей воли. (Гролко). А когда же вы опять навѣстите насъ?

Перетычкинъ. — Да хоть послѣзавтра, если позволите. Надюсь, Юлія Евграфовна будетъ попрежнему здорова и весела. И такъ au revoir, madame!

Зинаида. — Au revoir, monsieur. Не забудьте же, Иванъ Доросенчъ; мы васъ ждемъ.

Мордоплюевъ. — Ужь будьте покойны-съ (уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Евграфъ Семеновичъ, Зинаида Васильевна и Юлинька.

Юлинька (выскакивая съ кресель). — Нѣтъ, тамап, какъ вы хотите, а я не пойду за этого урода!

Зинаида. — А! такъ ты это нарочно, ma chère?

Юлинька. — Да что жь мнѣ было дѣлать, тамап? Это такой дуракъ! О чемъ ни заговорю, онъ отвѣчаетъ такія пошлости, что со стыда сгорѣть можно.

Зинаида. — Вѣрно, не бывалъ въ хорошихъ обществахъ, оттого и теряется; а стоитъ только ввести его въ кругъ, такъ черезъ годъ ты сама его не узнаешь.

Юлинька. — Ввести въ общество этакого урода... ѳи, тамап!

Зинаида. — А съ чего жь ты взяла, что онъ уродъ? Что такое ты въ немъ замѣтила?

Юлинька. — Да стѣбитъ только взглянуть на него—и все кончено. Ну, какъ онъ ходитъ? какъ говоритъ? Все бьетъ, колотитъ, не умѣетъ ни встать, ни сѣсть... Да и что за фамилія? Вдругъ нанишутъ тебѣ на адрессъ : à madame madame de Mor-dorplueff... ѳи! какая гадость!.. Нѣтъ, воля ваша, тамап, я не пойду, ни за что не пойду!..

Зинаида. — Да ты вѣрно забыла, что онъ страшный богатъ? Въдъ у тебя будетъ бархатный салопъ, брильянтовые кольца, экипажи...

Юлинька. — Что мнѣ въ богатствѣ, когда онъ мнѣ противенъ, тамап! Я не могу его видѣть.

Зинаида. — Послушай, Julie, это черезчуръ ужь глупо. Ты, кажется, не ребенокъ : понимаешь свое положеніе да и наши обстоятельства. Отказаться отъ такой прекрасной партіи—это просто безумно! Впрочемъ, все въ твоей волѣ... По всему видно, что ты не жалѣешь отца и не любишь мать свою, тогда-какъ въ тебѣ одной всѣ наши надежды.

Юлинька. — Такъ изъ-за вашихъ обстоятельствъ я должна вѣкъ страдать, всю жизнь обливаться слезами?.. О, какъ я несчастна! (*плачетъ*).

Евграфъ. — Что жъ, въ-самомъ-дѣль, душечка, если онъ ей не по вкусу? Это вѣдь все-равно, что хватить купоросу, или вымазать себя...

Зинаида. — Убирайтесь вы... Ступайте, сидите съ вашей химией... Вы можете тамъ себя, что хотите, а не суйтесь, гдѣ васъ не спрашиваютъ. «Ступайте же, говорю я вамъ! (*топаетъ ногою*).

Евграфъ. — Ну, ну, ну! Ишь ты какъ расходилась! Фу ты, важная птица! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Зинаида Васильевна и Юлинька.

Зинаида (*лаская Юлиньку*). — Ну, полно же ребячиться, топанге, будь разсудительна... поцалуй меня... Ты знаешь, что я люблю тебя больше всего на свѣтѣ: ну захочу ли я видѣть тебя несчастною? Ты еще такъ неопытна. Наружность у мужчины — пустая вывѣска. Человѣкъ, который съ перваго взгляда намъ противенъ, послѣ заставитъ полюбить себя всей душой. Можетъ-быть, и онъ будетъ прекраснымъ мужемъ... Особенно съ такимъ состояніемъ, ему это будетъ очень легко.

Юлинька. — Да помилуйте, татап, какъ же я съ нимъ покажусь въ обществѣ? Вѣдь онъ ходитъ какъ медвѣдь и ужъ вѣрно не танцуетъ... тогда-какъ другіе... Ну, просто прелесть!..

Зинаида. — Фу, какъ ты еще глупа, Julie! У тебя все вѣтеръ въ головѣ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Перетычкинъ. (*При входѣ его Юлинька опять бросается въ кресла*).

Перетычкинъ. — Вотъ я и опять у васъ... Bon soir, madame. Вы вѣрно удивляетесь.

Зинаида. — Напротивъ, намъ очень-пріятно.

Перетычкинъ. — Юлія Евграфовна, кажется, почиваютъ... Имъ бы всего лучше лечь въ постель.

Зинаида. — Нѣтъ, теперь у нея только слабость... Да это пройдетъ.

Перетычкинъ. — А я пріѣхалъ, сударыня, потому-что вотъ изволите видѣть... Ваня мой престранный человекъ. Только мы сѣли въ коляску, что жъ, говорить, вѣдь я теперь женихъ, а ничего не подарилъ невестѣ... Вы извините его, онъ ужь никакъ не увѣренъ, что...

Зинаида. — О, помигуйте !..

Перетычкинъ. — Я и говорю : что жъ, братецъ, если ты хочешь, то можно въ слѣдующій разъ, когда мы все это рѣшимъ какъ должно. Нѣтъ, говорить, я хочу теперь жъ... Ну, мы заѣхали къ Фульду, и вотъ Ваня проситъ Юлію Евграфовну принять двѣ бездѣлочки (*подаетъ два футлярчика*). Конечно, это стоитъ четыреста цѣлковыхъ... да для насъ это не пріемъ.

Зинаида (*принимая вещи*). — Ахъ, Боже мой! для чего жъ это? Поблагодарите Ивана Дорозовича; скажите, что мы очень тронуты ихъ вниманіемъ... да, пожалуйста, не забудьте послѣзавтра.

Перетычкинъ. — О, будьте увѣрены !.. Au revoir (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же, кромѣ Перетычкина.

Зинаида (*открывъ одинъ футляръ*). — Посмотримъ, что такое... Ахъ Julie! какой прекрасный браслетъ, и съ брилліантами!

Юлинька (*вскакивая съ кресла*). — Не-уже-ли съ брилліантами? Покажите-ка, татап!

Зинаида (*открывая другой футляръ*). — И брилліантовые серьги... Какая игра! чудо!.. Посмотри, та сѣге...

Юлинька. — Ахъ, татап! Вѣдь это прелесть что такое !..

Зинаида. — И послѣ этого не прекрасный онъ человекъ? не благородная душа?.. Не слышавши отъ насъ ничего рѣшительнаго, вдругъ посылаетъ такія вещи!

Юлинька (*надвывая на руку браслетъ*). — Поглядите, татап, какая работа... какой блескъ!.. (*повертывая рукою*). Чудо! чудо!..

Зинаида. — Ну, и ты все еще будешь упрямиться?

Юлинька. — Да вѣдь онъ такой смѣшной, неловкій... А если я скажу ему, купить онъ мнѣ и кольѣ, и часица этакіе... съ эмалью... вѣдь купитъ, татап?

Зинаида. — Все, все, что твоей душѣ угодно; десяти тысячъ не пожалеть... Я теперь вижу, какъ онъ въ тебя влюбленъ; а что человекъ, что жъ за бѣда? На богатыхъ людей свѣтъ смотритъ совсѣмъ-иначе. Мы его введемъ въ кругъ, приучимъ къ об-

жесту, выучимъ танцовать, и какихъ-нибудь въ полгода онъ со-
всѣмъ пореродится.

Юлинька. — А я ужь до-тѣхъ-поръ не буду вытязать съ нимъ
на вечера, покада онъ не сдѣлается морозвизнѣе.

Зинаида. — Разумѣется; да изъ любви къ тебѣ онъ скоро
перемѣнитъ свои манеры.

Юлинька. — Воображаю, какая будетъ свадьба! Подвѣнчное
платье я себѣ сдѣлаю: бѣлый муаръ съ блондами... вотъ здѣсь
букетъ изъ флёр-д'оранжа...

Зинаида. — Объ этомъ еще надобно будетъ посоветоваться съ
Аделаидой Францовной: вѣдь у нея будемъ шить все приданое.

Юлинька. — Скажу ему непременно, чтобъ музыкантовъ былъ
цѣлый оркестръ, и умъ вотъ натащусь-то! Буду танцовать
и кольку-мазурку, и трамбантъ... Онъ, какъ будетъ весело...
чудо!.. (прыгаетъ по комнатѣ).

Зинаида. — Только послушай, паа снѣге, ты не сердись... а
въ трамбантъ у тебя очень-неловко выходить вотъ это на (*тан-
цуетъ*).

Юлинька. — Чтò вы, маман!.. Я всегда дѣлаю вотъ такъ...
(*танцуютъ оба*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Евграфъ Семеновичъ.

Евграфъ (*остановивъ се въ дверяхъ*). — Чтò это? чтò это?..
что за химія?.. Славно!.. Валяй ребята!.. Каковы?.. То пла-
чуть, то пляшуть!.. Вотъ она бабья-то порода... разбери ты ее!..

ДВѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

(*Комната се домъ Сандаракowychъ. Направо отъ зрителей столъ,
на немъ графины, бутылки, и закуска; нальво ширмы изъ тре-
стника, оббитыя плющомъ, и небольшая кушетка. Въ средипѣ,
окозъ отворенныя дѣрки, видна освѣщенная зала, мелькають
люди и слышны звуки оркестра.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

ОСЬКА (*выноситъ изъ залы и ставитъ на столъ огромный
подносъ, на которомъ насыпаны конфеты, миндальные орѣхи*

и разный сухой десерт). — Всѣхъ обнесъ. Ну, ужъ и подвѣсище! всѣ руки обтянулъ! Да что ужъ больно мало ѣдятъ. Иная возьметъ одну конфетку, а другая фиштакку, да и сидить-себя, и чванится. Вотъ, кабы нашему брату подали, такъ положить бы ротъ набилъ, да и въ карманы-то... А что?... чего звать-то?... Благо никого нѣту, цапнуть да и къ сторонѣ! Мало будетъ, такъ еще подсыплютъ : подумаютъ, гости съѣли... Ну, валий, Оська, не робѣй! (*Хватаетъ съ подноса горстьми и прячетъ въ карманы.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Оська и Федосья Антоновна.

Федосья. — Что ты это дѣлаешь, чертѣнокъ? а? Прошу покорно, за какія штуки принялся! Вѣдь ты этакъ весь десертъ растаскаешь.

Оська. — Да я, тѣтушка, только два орѣшка.

Федосья. — Какіе тутъ два орѣшка? полные карманы набилъ; вишь, какъ оттопырились. Вотъ я пойду да скажу барынѣ, такъ она тебя!

Оська. — Ступай, пожалуй, а я скажу, что ты полштофа французской водки изъ шкафа унесла да въ чуланъ спрятала... Небось, къ себѣ домой утащить хочешь?

Федосья. — Полно ты, паценокъ! какой же полштофъ, и всего-то было на доньшкѣ... вотъ разрази меня!.. Ну да убирайся, пошелъ въ залу! Неровно тамъ спросятъ.

Оська. — А-га! струсила небось! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТІЕ.

Федосья (*одна*). — Этакое зелье! хамовъ выродокъ! Еще вздумалъ стращать, да мнѣ и сама Зинаида Васильевна выпить-то не запрещаетъ. А ужъ нѣчего сказать, сговоръ богатѣйшій! Ну, Юлія Евграфовна, вымолила себѣ женишка! Хоть онъ и окомелкомъ глядитъ, да карманъ-то хорошъ. Шутка сказать, еще двѣ недѣли всего, какъ дѣло началось, а ужъ онъ накупилъ ей тысячи на двѣ серебромъ. А вечера-то какіе задаетъ, ужъ и рукой махни! Вотъ хоть бы нынче, какой ужинъ будетъ : однихъ поваровъ на кухнѣ шесть человекъ готовятъ... вотъ разрази меня! А винъ-то всякихъ, а десерту-то всякаго... Да чего же я смотрю? взять и мнѣ маленько, хоть ребятишкамъ полакомиться. (*Оглядываясь во всѣ стороны, кладетъ съ подноса себѣ въ карманы.*)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Федосья Антоновна и Оська.

Оська. — Вишь ты! давеча меня... а сама-то что?

Федосья — Ну, что же такое? Возьми и ты еще, возьми, дурачокъ. Не бойся! Накладуть свѣжаго : тамъ много...

Оська. — Вѣстимо много (*беруть съ подноса оба*). А вы ступайте-ка въ двѣичью. Устюшка тамъ что-то надрянила.

Федосья. — Чтò еще такое?

Оська. — Сахаръ, что-ли, тамъ подмочила, да и наколоть-то нѣкому.

Федосья. — Сейчасъ иду. Все, вездѣ Федосья Антоновна! Хорошо, что я пришла на этотъ случай, а то были бы безъ меня, какъ безъ рукъ... вотъ разрази меня! (*Уходятъ съ Оськой.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Зинаида Васильевна (*въ бальномъ платьѣ*) и Перетычкинъ (*щегольски-одѣтый*) *выходятъ изъ залы.*

Перетычкинъ. — Зинаида Васильевна, я надѣюсь и на слѣдующую кадрили...

Зинаида. — Ну, нѣтъ, извините, не могу.

Перетычкинъ. — Отчего же, не-уже-ли устали?

Зинаида. — Вотъ прекрасно! Я готова танцовать до утра, да нужно кой-чѣмъ распорядиться, знаете, по хозяйству; а потомъ я ваша, хоть на цѣлый вечеръ.

Перетычкинъ. — Только на одинъ вечеръ, и то въ танцахъ! Ахъ, Зинаида Васильевна! Еслибъ я могъ услышать это слово: «я ваша» въ другомъ смыслѣ!

Зинаида. — Ну полноте, шалунъ! Оставимъ это.

Перетычкинъ. — А вѣдь нынче у васъ очень-весело, да! Какъ мой Ваня-то! какъ развернулся : протанцовалъ три кадрили, и очень-порядочно.

Зинаида. — Ну, конечно, онъ ошибался, да что жъ за бѣда! Ему это извинительно.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тъ же, и Евграфъ Семеновичъ (*въ бальномъ фракѣ*).

Евграфъ. — А! вы здѣсь! А я васъ, искалъ, искалъ, просто съ ногъ сбился.

Зинаида. — Зачѣмъ это, батюшка? Ужь не вздумали ли вы насъ преслѣдовать?

Перетычкинъ. — Да развѣ Евграфъ Семеновичъ какой-нибудь Отелло?

Зинаида. — Нѣтъ, онъ просто сумасшедшій. (Мужу.) Ну, чтѣ жъ вамъ надобно, позвольте узнать?

Евграфъ. — А гдѣ, душечка, ключъ отъ кабинета? Вѣдь я тебѣ далъ убрать.

Зинаида. — Ну, да; онъ спрятанъ у меня въ комодѣ... На что вамъ его?

Евграфъ. — А мнѣ нужно бы немножко заняться... этакъ по секрету. Ну, да тебѣ-то я скажу: вотъ видишь, ужинъ-то вѣдь у насъ будетъ въ саду, такъ я готовлю маленькую штучку...

Зинаида. — Какую это? Ужь не фейерверкъ ли? Смотрите, чтобъ опять не надѣлать бѣды!

Евграфъ. — О, нѣтъ, душечка! Вѣдь это будетъ такъ, ручные, маленькіе скакунчики, прыгунчики — вотъ и все.

Зинаида. — То-то! Не вздумайте пускать ракеты: еще полицію накличете.

Евграфъ. — Чтѣ ты? развѣ я не знаю? Вѣдь здѣсь Москва... Ну, какъ же бы мнѣ ключикъ-то...

Зинаида. — Не повѣрите, какъ вы мнѣ надоели! Ну, пойдемте. Только отвяжитесь, ради Бога!

Перетычкинъ. — А я пойду искать себѣ vis-à-vis. (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Мордоплюевъ (въ новомъ сюртукѣ, въ блондъ жилетѣ и галстукѣ), Юлинька (изысканно-одѣтая и вся въ брильянтахъ).

Мордоплюевъ. — А что, Юлія Евграфовна, вы устали-съ?

Юлинька. — О, нѣтъ! Иногда на вечерахъ мнѣ случается танцовать до пяти часовъ, и то я не устаю... Танцы — это блаженство!

Мордоплюевъ. — А я такъ признательно въспрѣтъ-съ. Теперича, я думаю, бѣлье хоть выжми.

Юлинька. — Иванъ Дороеичъ!

Мордоплюевъ. — Чего изволите-съ?

Юлинька. — Нельзя ли безъ этихъ фразъ?

Мордоплюевъ. — Очень-можно-съ... а ужъ какъ хотѣлъ-съ...

Юлинька. — Иванъ Дороеичъ!

Мордоплюевъ. — Виноватъ-съ... а ужь какъ хотите, вдругъ отъ всего не отстанешь.

Юлинька. — Ну, скажите мнѣ, довольны ли вы своей новой квартирой?

Мордоплюевъ. — Очень доволенъ-съ. Важная фатера!

Юлинька. — Квартира!

Мордоплюевъ. — Да-съ, квартера; только отъ Рядовъ больно далеко; да теперича у меня свои лошади.

Юлинька. — А я очень-рада, что мы будемъ жить такъ близко къ нашимъ: я каждый день буду видѣться съ маман... Ведь отъ Бударина сюда рукой подать. По вечерамъ будемъ вмѣстѣ гулять на Прудахъ... Ведь и вы тоже будете гулять съ нами?

Мордоплюевъ. — Дячего не прогуляться. Только, чай, въ прудахъ-то много лягушекъ-съ?

Юлинька. — А вамъ-то что же?

Мордоплюевъ. — Да я больно не люблю, когда онѣ квакають-съ.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Тѣ же и Федосья Антоновна.

Федосья. — Пожалуйте, барышня; васъ маменька за чѣмъ-то спрашиваетъ.

Юлинька. — Сейчасъ. (Мордоплюеву) Извините; не знаю, на что это я ей понадобилась (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Мордоплюевъ (одино, глядя ей вслѣдъ). — Важная штучка! Настоящая конфетка... карамелька эдакая... да ужь больно высококачественная: теперича депозитки только успѣвая отсчитывать... тысячи три серебромъ ужь вылетѣло!... Ну, за-то ужь какъ взглянуть — просто оближи пальчики!

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Мордоплюевъ и Оська (выносятъ чай).

Мордоплюевъ. — Что такое притащилъ? А! чайку!... важно! Давай сюда (треплетъ его за носъ)! Да рыло-то утри, пострелёнокъ!

Оська. — Что жь, сударь, гривенничекъ-то обвѣдали?

Мордоплюевъ. — Эной плуть! Ну, ладно; еще время-то не ушло... Заразъ два давай (Оська усаживаетъ).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Мордоплюевъ (*однимъ*). — А чайку выпить знатно... Позаправлюсь маленько, да и пойду еще французскую отмахаяю. — А правду сказать, что въ ней толку-то? Ходишь себя туда да сюда, а чуть оплошалъ маленько, того и гляди какой-нибудь мамзели ножку отставишь. То ли бы дѣло, трепака... вотъ какъ отхваталъ бы! Али по-нашему, какъ у насъ, въ Балабаевѣ, въ хороводы бы поиграть... А тутъ что? ходи какъ шальной, да и головой не тряхни... А нѣтъ ли тутъ чего подбавить для куражу? (*читаетъ на бутылкахъ ярлыки*) Мадера... лафитъ... ромъ ямайскій лучший. Вотъ это статья подходящая... (*наливаетъ въ стаканъ*). Ай! вотъ-такъ ухнулъ!.. Ну, да ничего, поваднѣте будеть... (*оборачивается и смотритъ въ дверь*). Вотъ-те разъ! Невѣста идетъ, да еще и съ маткой... Спрячусь; а то скажутъ: пьянствуешь. (*Прячется за ширмы*).

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.

Мордоплюевъ (*за ширмами*), Зинаида Васильевна и Юлинька.

Зинаида. — Какъ у насъ нынче весело! Не правда ли, та сѣге?.. Курдяева и Брысина такъ и рвутся съ досады: имъ и во снѣ не приснится сдѣлать такой вечеръ...

Юлинька. — Ну, гдѣ же имъ! развѣ онѣ могутъ такъ жить?..

Зинаида. — А главное, всѣмъ завидно, что Богъ наградила тебя такой судьбою; а ихъ милыя дочки еще посиди у моря, да подожди погоды.

Юлинька. — Конечно, всѣ думаютъ, что я очень-счастлива. А знаете ли, папан, что я вамъ скажу... Хотите, чтобъ я высказала вамъ откровенно?

Зинаида. — Говори, mon ange. Сядемъ вотъ здѣсь, отдохнемъ немножко. (*Садятся воля ширмъ на кушеткѣ*).

Юлинька. — Теперь у насъ вечера, танцы... такъ весело, шумно... и я въ какомъ-то упоеніи, а когда все это утихнетъ, и я буду его женой... Ахъ, папан! Вы не повѣрите, у меня сердце замираетъ при одной мысли...

Зинаида. — Но чего жъ ты боишься, мой другъ? что тебя такъ беспокоитъ?

Юлинька. — Ахъ, Боже мой! да развѣ вы не видите, папан, какъ онъ глупъ, какъ смѣшонъ? Только войдетъ въ комнату, а

за него краснѣю... ну, вотъ точно онъ за прилавкомъ стоитъ... Неужели вы думаете, chère maman, что я могу его любить?

Зинаида. — А почему жъ и нѣтъ, мой другъ? При такомъ состояннн, ты будешь жить въ роскоши; онъ будетъ тебя по-конть, лелѣять...

Юлинька. — Фи! противный!.. Я не могу вспомнить про его медвѣжьи ласки; и если бы не эти прекрасныя вещи, которыя онъ мнѣ подарилъ, я не позволила бы ему и подойти къ себѣ.

Зинаида. — А въ-самомъ-дѣлѣ, онъ, должно-быть, очень-глупъ... Александръ Харитонычъ водить его за носъ и дурачить на каждомъ шагу, разумеется, изъ-за денегъ; это очень-замѣтно, да и самъ онъ мнѣ признался... Впрочемъ, кто жъ тебя заставляетъ быть слишкомъ-нѣжной? Будь съ нимъ только ласкова — вотъ и все. (*Мордоплюевъ высказиваетъ изъ-за ширмы и убѣгаетъ въ залу*).

Зинаида. — Я сама, mon ange, шла замужъ не по любви, а жила очень-весело!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Зинаида Васильевна, Юлинька и Перетычкинъ.

Перетычкинъ. — А! вы здѣсь, mesdames! А я сейчасъ былъ въ саду... Садикъ у васъ очень-маленькнй, за-то освѣщенъ прекрасно: вездѣ разноцвѣтныя стаканчики... честь и слава Евграфу Семенычу! Онъ тамъ еще какой-то фейерверкъ затѣваетъ.

Зинаида. — Да; это его страсть; ужъ онъ не можетъ жить безъ этихъ глупостей.

Перетычкинъ. — А нынѣшннй вечеръ у насъ кончится важно! Ужинъ и танцы на чистомъ воздухѣ... На наше же счастье ночь-то кава!.. Да гдѣ у насъ Ваня? Его что-то не видать.

Зинаида. — Онъ былъ недавно въ залѣ.

Перетычкинъ. — Я его тамъ не замѣтилъ. Ну, з скажите, Юля Евграфовна, какво я образовалъ молодца-то?.. Въ двѣ недѣли такнє успѣхи!..

Юлинька. — Да, чудесныя успѣхи! въ кадрили путается вся фигура и безпрестанно всѣмъ давить ноги.

Перетычкинъ. — Ну, что жъ! это современемъ пройдетъ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ И ОСЬКА.

Оська. — Барыня! официанты прислали спросить, не пора ли накрывать ужинъ-съ?

Зинаида. — Разумется, ужь пора. А какъ убрать столъ, тутъ же будутъ танцы... да вели музыкантамъ водки дать!

Оська. — Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Зинаида. — Во время стола у насъ будетъ музыка и потомъ танцы вплоть до утра.

Юлинька. — Ужь разумется, маман.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ И ФЕДОСЬЯ АНТОНОВНА (*объясняетъ съ испугъ*).

Федосья. — Матушка, Зинаида Васильевна! видь вы ничего не знаете; а у насъ въ домъ-то бѣда... вотъ разрази меня!

Зинаида. — Что такое? что случилось?..

Федосья. — А вотъ что моя драгоценная: у Евграфа Семеновича въ кабинетъ вдругъ что-то вспыхнуло, и такой трескотки пошло, что страсти!.. А потомъ повалилъ густой дымъ... а онъ, сердешный, такъ и кричитъ *блжжжж* нитомъ!..

Зинаида. — Ну, я это предвидѣла... И все его проклятые сейверки!.. Ужь не горитъ ли тамъ у него?..

Перетычкинъ (*поднявши носъ*). — Да... въ-самомъ-дѣль... ужасно запахло сѣрой... (*За сценой слышенъ крикъ Евграфа Семеновича*).

Федосья. — Да вотъ, кажись, и онъ, бѣдняжка, сюда изволитъ жаловать.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ И ЕВГРАФЪ СЕМЕНОВИЧЪ (*волосы у него обожжены, лицо, руки и бѣлый жилетъ перепачканы*).

Евграфъ. — Ой-ой-ой!.. ой-ой-ой!.. Чтобъ бѣсъ тебя побралъ!.. Проклятое ты!.. Ой-ой-ой!.. моча лѣтъ... Чуть вся реку не сварило!..

Зинаида. — Ничто! по дѣломъ вамъ!.. Я очень рада... теперь, авось, бросите ваши дурацкія затѣи... Да не горитъ ли у васъ тамъ, въ кабинетъ-то?

Евграфъ. — Нѣтъ, теперь все потухло... Ой-ой-ой!.. Чтобъ тебя!.. Глаза совсемъ не глядятъ..

Юлиевна. — Да что такое у васъ случилось, пеня?!

Евграфъ. — Что случилось?.. А вотъ видны, Жуля... Понесъ я въ садъ ручное колесо да хотѣлъ несметрѣть, коромысь ли ситиль... ну... понесъ къ свѣткѣ... да отъи близко... а она и пошло... и пошло катать... всю-было рожу свалило...

Зинаида. — Ну, посмотрите, на что вы теперь похожи? Походите, бесстыдникъ, умойтесь поскорѣе да переменяйте живеть. Ну, что если васъ увидитъ женихъ : вѣдь вы голову срѣжете!..

Перетычкинъ. — Да гдѣ же въ-самомъ-дѣлѣ Ваня-то досихъ-шора? Онъ у насъ совсѣмъ пропалъ!

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

Тѣ же и Мордоплюевъ (довольно-пьяный; вслѣдъ за нимъ едетъ Прохорычъ и остается у дверей).

Мордоплюевъ. — Анъ врешь! не пропалъ!.. Мы здѣсь... ваше вамъ почтенье-съ!..

Перетычкинъ. — Ваня! да ты-ли это?.. Что это такое?

Мордоплюевъ. — Какой я тебѣ Ваня?... Ну что глядишь шаромыга — а?... что глядишь?... Али еще хонь въ карманъ зализать?... Нѣтъ, шалишь, братъ!.. А мы вотъ съ Прокорычемъ на свадьбу пришли... Вѣдь здѣсь свадьба?... Сговорилъ что ли тамъ... А гдѣ женихъ-то?... Покажите-ка мнѣ его!.. ась?... хе, хе, хе!

Перетычкинъ. — Да что ты, Ваня? что съ тобой? Откуда ты, братецъ, и въ такомъ видѣ?

Мордоплюевъ. — Пошолъ прочь, выжига! Какой я тебѣ братецъ?... Мотыга ты!.. Что?... Али еще семьсотъ выудить хошь?... Подайка и эти... Вишь ты какая птица!.. Я, говорить, служилъ... вретъ онъ!.. Гдѣ онъ служилъ?... Онъ вохрой торговалъ — и больше ничего!..

Перетычкинъ. — Прошу покорно! Да онъ едва на ногахъ стоитъ... и гдѣ это такъ хватилъ?

Мордоплюевъ. — Да, хватилъ!.. я важно хватилъ... знай вашихъ!.. А вы что?... вы отурить хотѣли — а?... Въ глаза-то вы и то, и сѣ, а тамъ и дуракъ, и такой-сякой... Что?... Нешто я не слыхалъ?... Я все слышалъ... я вотъ тутъ сидѣлъ... Да! я дуракъ, да душа-то у меня... (колотитъ себя по груди) душа-то!.. десять вашихъ за одну не возьму — вотъ что!.. И ужъ я ли не любилъ?... да еще какъ любилъ-то!.. Эхъ-ма!.. (плачетъ) А вы только карманъ любите, а не человекъ... Свѣли три тысячи серебромъ... Ну, и будетъ съ васъ, подавитесь!..

Евграфъ. — Но послушайте, любезнѣйшій! это что за химія?.. Вы смотрите у меня...

Мордоплюевъ. — Отваливай ты, арабская рожа! Ишь, харю-то ваксой вымазалъ! На сапоги бѣ поберегь!.. Ты что?.. ты небожно напирай!.. Я самъ купецъ — да!.. Что? небожь ободрать хотѣлось?.. Анъ нѣтъ... шалишь!.. Теперича въ Балабаевъ уѣду... здѣсь намъ не рука... здѣсь какъ-разъ объягорять... Да и нѣшто : не суйся въ Москву! знай сверчокъ свой шестокъ! А тамъ я важно заторгую... землячку себѣ возьму... купеческую... Пушай сама въ лавкѣ сидить... да за-то меня любить будетъ... да еще какъ любить-то!.. А вы что?.. Ну, что смотришь?.. ась?..

Зинаида. — Боже мой! что это такое?.. Я умру со стыда...

Мордоплюевъ. — Чего-съ?.. Мы пришли на свадьбу... вѣдь здѣсь, кажись, свадьба живетъ?.. Хотите, спляшемъ вамъ, али пѣсню споемъ... *(Поетъ)*.

Хорошо ль тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣту стыда въ глазахъ,
Ни стыда нѣту, ни совѣсти...

Эхъ-ма! Завѣй горе въ веревочку!.. *(Утираетъ слезы)*. Э!.. да что тутъ!.. Хошь-бы на свадьбѣ-то выпить... Прохорычъ! Ну, что тамъ стоишь? На-ка-сь, пей!.. И я выпью : вѣдь водка-то наша... *(наливаетъ дѣл рюмки)* Здравія желаемъ-съ!.. *(пьютъ)* Ну, вотъ теперича и по домамъ. Важно погостили... Прощенія просимъ, честная компанія!.. Поищитека-сь себѣ другаго тумака... да! поищите, да и того... и отурите его... а мы — наше вамъ почтеніе-съ!.. *(Уходитъ шатаясь; поддерживаемый Прохорычемъ)*.

Евграфъ *(послѣ минутнаго молчанія, обратясь къ женѣ)*. — Что, матушка? хорошь ли бабій язычокъ? каково поработалъ?.. Эа-то вотъ тебѣ и богатый женихъ! вотъ тебѣ и экипажъ откидной! Что? какова эта химія-то — а?..

А. КРАСОВСКІЙ.

ШАРМАНЩИЦЪ.

Къ окну я въ потемкахъ приникъ —
Ну, право, нельзя неумѣтнѣй:
Опять въ нереулкѣ старикъ
Съ своей неотвязною пѣсней!

Тѣ звуки свистать и поють
Нескладно-тоскливо-неловки...
Встаютъ предо мною, встаютъ
За рамой двѣ свѣтлыхъ головки.

Надъ ними поверхность стекла
При мѣсяцѣ ярко-кристальна.
Одна такъ рѣзвѣ-весела,
Другая такъ томно-печальна.

И старая пѣсня! съ тоской
Мы прошлое нѣжно лелѣемъ,
И жаль мнѣ и той и другой,
И радъ я сердечно объимъ.

Межъ нихъ въ промежуткѣ видна
Еще голова молодая —
И все онъ хорошъ, какъ одна,
И все онъ груститъ, какъ другая.

Онъ преданъ навѣки одной
И грусти терзаемъ приманкой...
Уидешь ли ты, гдѣрь съдой,
Съ твоей неотвязной шарманкой?..

А. ФЕТЪ.

КЪ ЦВѢТАМЪ.*(Изъ Шиллера.)*

(Посвящаются Н. В. Гервеляю.)

Дѣти солнечнаго взохода,
 Пестрыхъ пажитей цвѣты,
 Васъ взлелѣяла природа
 Въ честь любви и красоты.
 Ваши яркіе уборы
 Подъ перстомъ прозрачнымъ Флоры
 Такъ нарядно-хороши;
 Но, любимцы нѣги вешней,
 Плачьте: прелесть жизни вѣишней
 Не вдохнула въ васъ души.

Вслѣдъ за жаворонкомъ, вѣжно
 Соловьи о васъ грустятъ;
 На листьяхъ у васъ небрежно,
 Кольхаясь, слябѣ опять;
 Ваши пышныя короны
 Превратила дочь Діоны
 Въ брачный пологъ метельковъ.
 Плачьте, плачьте, дѣти свѣта!
 Въ васъ тоска понятна ата —
 Вамъ невѣдома любовь.

Но томленіе разлуки
 Выношу я не скорбя;
 Другъ мой, Нанин! эти руки
 Вьютъ подарокъ для тебя.
 Жизнь и душу, страсть и рѣчи —
 Сердца нѣжныя предтечи,
 Вамъ теперь передаю,
 И сильнѣйшій межъ богами
 Здѣсь подъ скромными листьями
 Скрылъ божественность свою.

А. ФЕТЪ.

КЛЕРМОНТСКИЙ СОБОРЪ.

Не свадьбу праздновать, не ширь,
Не на воинственный турниръ
Блеснуть оружьемъ и конями,
Въ Клермонтъ нагорный притекли
Богатыри со всей земли.
Какъ лугъ, усыянный цвѣтами,
Вся площадь, полная гостей,
Вздыхалась массаиъ людей
Какъ перекатными волнами.
Лучъ солнца ярко озарялъ
Знамена, шары, перья, рины,
Гербы, и ленты, и девизы,
Лазурь, и пурпуръ, и металлъ.
Подъ золотоканннмъ балдахинномъ,
Средь духовенства властелиномъ
Въ тиарѣ папа возсѣдалъ;
У трона — герцоги, бароны,
И красныхъ кардиналовъ рядъ,
Вокругъ ихъ — сирыхъ обороны —
Толпои рыцари стоять :
Въ узорныхъ латахъ итальянцы,
Тяжелый швабъ и рыжий бриттъ,
И галлъ, отважный сибаритъ,
И въ шлемахъ съ перьями неманинъ.

Лишь отдаленъ отъ всѣхъ старикъ,
 Дерзавшій свергнуть папства узы,
 То обращенный еретикъ
 Изъ фанатической Тулузы.
 Здѣсь строй норманновъ удалыхъ,
 Какъ въ маскахъ, въ шлемахъ пудовыхъ,
 Съ своей тяжелой аллебардой.
 На крыши взгромоздяся, народъ
 Всѣхъ поименно ихъ зоветъ :
 Все это львы, да леопарды,
 Орлы, медвѣди, ястреба —
 Какъ-будто грозныя прозванья
 Сама сковала имъ судьба,
 Чтобъ обезсмертить ихъ дѣянья !
 Надъ ними, стаей лебедей,
 Слетѣвшихъ на берегъ зеленый,
 Изъ ложъ кругомъ сияютъ жены
 Въ шелку, въ зубчатыхъ кружевахъ,
 Въ алмазахъ, въ млечныхъ жемчугахъ.
 Лишь шопотъ слышится въ собраньи.
 Необычайная молва
 Давно чудесныя слова
 И непонятныя сказанья
 Носила въ мирѣ. Видѣнъ крестъ
 Былъ въ небѣ. Несся стогъ съ Востока.
 Заря кроваваго потока
 Имѣла видъ. Межъ блѣдныхъ звѣздъ,
 Какъ человѣческое, было
 Лицо луны и слезы дило,
 И вокругъ клубился дымъ и игла...
 Чего-то страшнаго ждала
 Толпа внимать готовая Богу —
 И били грозную тревогу
 Со всѣхъ церквей колокола.

Вдругъ звонъ затихъ — и на ступени
 Престола папы преклонилъ
 Убогій пилигримъ колѣни;
 Его съ любовью осыпалъ
 Святымъ крестомъ первосвященникъ,

И, помоляся небесамъ,
Пустынникъ говорилъ къ толпамъ

«Смирный нищій, бѣглый плѣнный
Предъ вами, сильныя земли!
Темна моя, ничтожна доля;
Но движеть мной иная воля.
Не мнѣ внимайте, короли —
Самъ Богъ, державствующій вами,
Къ моей склонился нищета;
И повелѣлъ мнѣ стать предъ вами;
И вамъ въ сердечной простотѣ
Сказать про плѣнь, про тѣ мученья,
Что испыталъ и видѣлъ я.
Вся плоть истерзана моя.
Спина хранитъ слѣды ремня,
И язвамъ нѣту исцѣленья!
Взгляните : на рукахъ моихъ
Оковъ кровавыя заплата.
Въ темницахъ душныхъ и сырыхъ,
Безъ утѣшенья, безъ участья,
Провелъ я юности дѣта;
Копалъ я рвы, бряцаю цѣпью,
Влачилъ я камни знойной степью,
За то, что вѣровалъ въ Христа!
Вотъ эти руки... Но въ молчаньи
Вы потушаете глаза;
На грозныхъ лицахъ состраданья,
Я вижу, катится слеза :
О, люди, люди! язвы эти
Смутили васъ на краткій часъ!
О, впечатлительныя дѣти!
Какъ слезы дешевы у васъ!
Уже-ль, чтобъ тронуть васъ, страдальцамъ
Къ вамъ надо нищими предстать?
Чтобъ васъ увѣрить, надо дать
Ощупать язвы вашихъ пальцевъ!
Тогда лишь бѣдствіямъ земнымъ,
Тогда неслыханнымъ страданьямъ,
Безчеловѣчнымъ истязаньямъ

Вы сердце вънемлете своихъ!..
 А тѣхъ страдальцевъ миллионы,
 Которыхъ вамъ не слышны стоны,
 Къ которымъ мусульманинъ злой
 Какъ къ агницамъ трепетнымъ приходитъ
 И безпрепятственно уводитъ
 Изъ нихъ рабовъ собѣ толпой;
 Въ глазахъ у брата душитъ брата
 И перодившихся дѣтей
 Во чревъ рѣжетъ матерей,
 И вырываетъ для разврата
 Изъ нихъ объятій дочерей?..
 Я видѣлъ : блѣдныхъ, безоружныхъ,
 Толпами гнали по степямъ;
 Отсталыхъ старцевъ, жонъ недужныхъ
 Бичомъ стегали по ногамъ;
 И турокъ рыскалъ по пустынѣ,
 Какъ передъ стадомъ гуртовщикъ.
 Но мигъ — мнѣ памятный донынѣ,
 Благословенный жизни мигъ,
 Когда, окованнымъ, средъ дыма
 Прозрачныхъ утреннихъ паровъ
 Предстали намъ Ерусалима
 Святые храмы безъ крестовъ!..
 Замокли стоны и тревога,
 И, позабывши прахъ и тлѣнь,
 Возславословили мы Бога
 Въ виду сіонскихъ древнихъ стѣнъ,
 Гдѣ ждали насъ позоръ и плѣнь!
 Породнены тоской, чужбиной,
 Латинецъ съ грекомъ обнялись,
 Всѣ, какъ сыны семьи единой,
 Страдать безропотно клялись.
 И грекъ намъ далъ примѣръ великій.
 Іерея, пѣвшаго несломъ,
 Съ коня спрыгнувши, турокъ диній
 Ударилъ взвизгнувшимъ бичемъ :
 Тотъ пѣлъ и бровию не двинулъ!
 Злодѣй страдальца опрокинулъ,
 И вырвалъ бороду его...

Рванули съ волость ны кѣнели,
 А онъ Евангелья словами
 Господне славилъ торжество!
 Въ куски изрубленное тѣло
 Злодѣи побросали въ яму:
 Мы сохранили ихъ всецѣло,
 И, о душѣ его молясь,
 Въ тенищѣ, гдѣ страдали сами,
 Моглы вырыли руками,
 И на груди святой земли
 Его останки погребли.

«И онъ не встанетъ, гдѣ, предъ вами
 Вашъ язва обнажить евои
 И выпросить у васъ слезами
 Слезу участя и любви!
 Увы, не разверзавтъ гробы
 Святыя жертвы адской злобы!
 Нѣтъ, и живое не придетъ
 Къ вамъ одновѣрцевъ вашихъ племя —
 Христу молящійся народъ:
 Одинъ креста несетъ онъ бремя,
 Одинъ онъ тернъ Христовъ несетъ!
 Какъ рабъ евангельскій, израненъ,
 Въ степи лежитъ, больной, безъ силъ...
 Иль ждете вы, чтобъ наполни
 Его чужой самаритянинъ,
 А вы, съ конницей истре, бойды,
 Пройдете мимо, какъ слѣпцы?
 О, нѣтъ, для васъ еще священны
 Любовь и правда на землѣ!
 Я вижу ужасъ вдохновенный
 На вашемъ доблестномъ челѣ!
 Возстань, о воинство Христово,
 На мусульманъ войной суровой!
 Да съ громомъ рухнется во прахъ —
 Созданье злобы и коварства —
 Ихъ тяготѣющее царство
 На христіанскихъ ранахъ?
 Разбейте съ чашъ Христа окозы,

Дохнуть имъ дайте жизнью новой;
 Они васъ ждуть, чтобъ васъ обнять,
 Край вашихъ ризъ обლობать!
 Идите! ангелами мщавя,
 Изъ храма огненнымъ мечомъ
 Изгнавъ невѣрныхъ моголѣвъ,
 Отдайте Богу божій домъ!
 Тамъ благодарственные псалмы
 Для васъ народы воспоютъ,
 А падшимъ — мучениковъ пальмы
 Вѣнцами ангелы сплетутъ!

Уможь. Въ отвѣтъ, какъ-будто громы!
 Перекатилися въ горахъ,
 То кликъ одинъ во всехъ устахъ:
 «Идемъ, оставимъ женъ и дѣды!»
 И въ умиленіи святомъ,
 Вокругъ желѣзные бароны
 Въ восторгѣ плакали какъ жены,
 Врагъ лобызаясь со врагомъ,
 И руку жаль герой герою,
 Какъ левъ косматый, дана бою;
 На общій подвигъ дамы съ рукъ
 Снимали злато и жемчугъ,
 Свой грошъ и нищія бросали;
 И радость всехъ была свѣта,
 Ее литавры возвѣщали,
 И въ небесахъ распространяла
 Со всехъ церквей колокола!

Вотъ такъ латинскіе народы
 Во имя братства и любви,
 Шли въ отдаленные мѣсты,
 Кипѣла доблесть въ мѣхъ кровей,
 Иудъ чуждая и Крезамъ,
 Лишь славолубіемъ дыша,
 Подъ этой стальною и желѣзною
 Жила великая душа.

И ею созданные люди
 На насъ колоссами глядятъ,
 Которыхъ каменные груды
 Ни мечъ, ни громъ не сокрушатъ.
 Тогда въ ряды священной рати
 Не ополчались мы войной.
 Тогда, отставшая отъ братій,
 Россія дѣтскою рукой
 Училась пробовать въ набѣгахъ
 Свой мечъ на лютыхъ печенѣгахъ;
 Тогда крещенія вода
 Едва чело ей окропила
 И къ жизни сердце пробудила;
 Едва рубила города
 Она по дебрямъ одиночальнѣ;
 Чужда высокимъ идеаламъ,
 И міру цѣлому чужда,
 Одной съ нимъ жизнью не дышала,
 Одной съ нимъ чаши не пила.
 Теперь чреда ея пришла.
 Ей двигать міръ пора настала
 И въ недоконченный походъ
 За гробъ Христа она идетъ.
 За что жѣ западные братья
 Ей шлютъ не ласку, не привѣтъ,
 А богохульныя проклятья
 И скрежетъ демоновъ во слѣдъ?
 За что жъ съ тоскою и заботой
 На насъ они, косясь, глядятъ?
 За что жъ на насъ идутъ ихъ флоты
 И намъ войной они грозятъ?
 За что жъ?.. За то, что насъ плѣняетъ
 Еще великій идеалъ,
 Что кровь въ насъ юная играетъ,
 Что насъ отнынѣ Богъ избралъ
 Творить Его святую волю;
 За то, что намъ досталось на долю
 Свершить, что Западъ начиналъ;
 За то, что мы матерьялиэмомъ
 Не разнастигли разумъ свой,

Не поглумились съ цинизмомъ
Мы надъ бессмертною душой;
За то, что честию не торгуемъ,
Что правда намъ еще свята,
И фарисейскии не дагуемъ
Не лобызаемъ мы Христа...
И, можетъ-быть, они предвидятъ,
Что изъ Россіи ледяной
Еще невиданное выйдетъ
Гигантовъ племя къ нимъ грозей,
Гигантовъ — съ ненасытной жаждой
Безсмертья, славы и добра,
Гигантовъ — какъ ихъ міръ однажды
Зрѣлъ въ грозномъ образѣ Петра.

А. МАЙКОВЪ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

1854.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

АПРѢЛЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕНА И К^о.

СОДЕРЖАНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИЖКИ.

	СТР.
I. Заднѣпровскія Сцены. В. С. ГЛЕНКИ.	183—284
Холодный Домъ. Романъ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА. Переводъ съ англійскаго И. А. Бирилева. Часть четвертая	285—348
Степь. Стих. А. А. ФЕТА.	349
Ива. Стих. А. А. ФЕТА.	—
Пароходъ. Стих. А. А. ФЕТА.	350
II. Первое Соперничество Карла V и Франциска I. (Историческій очеркъ <i>Минье.</i>)	53 — 96
Вальтеръ Скоттъ и его современники. <i>Статья</i> <i>вторая.</i> А. В. ДРУЖНИНА.	97 — 144
III. Горе отъ Ума. Комедія А. С. Грибоедова.	29 — 48
IV. Библиографическая Хроника (разборы 26 книгъ).	57 — 106
V. Иностранная Литература («Римская Исторія», соч. Швеглера, и «О древнѣйшемъ народонаселе- ніи Италіи», историческое изслѣдованіе Герлаха). <i>Статья первая.</i> П. Н. КУДРЯВЦЕВА.	43 — 74
VI. Современная Хроника Россіи (за февраль 1853 года).	9 — 16
VII. Новости наукъ, литературы, искусствъ и про- мышленности	97 — 174
Петербургскія Замѣтки.	174—189
<i>Моды</i> (съ парижскою картинкою модъ).	
Новыя Музыкальныя Сочиненія, продающіяся въ мага- зинахъ Бернарда и Стелловскаго.	

ОГЛАВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИЖКИ.

АПРѢЛЬ.

I. Словесность.

	СТР.	
ЗАДНЪПРОВСКІЯ СЦЕНЫ. В. С. ГЛЕНКИ	183	✓
ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ. Романъ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА. Переводъ съ англійскаго И. А. Бирилова. Часть четвертая	285	✓
Три стихотворенія А. А. ФЕТА : 1) СТЕПЬ, 2) ИВА, 3) ПАРХОДЪ	349	

II. Науки и Художества.

ПЕРВОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО КАРЛА V и ФРАНЦИСКА I. (Историческій очеркъ мнѣше.)	53	
ВАЛЬТЕРЪ СКОТТЪ и его современники. Статья вторая. А. В. ДРУЖИНИНА	97	✓

III. Критика.

ГОРЕ ОТЪ УМА. Комедія А. С. Грибоедова. Четыре новыя изданія	29	✓
--	----	---

IV. Библиографическая Хроника.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа	57	✓
Обозрѣніе Оттоманской Имперіи, Молдавіи, Валахіи и Сербіи, В. Серчевскаго	64	
Матеріалы къ исторіи Инженернаго Искусства въ Россіи, А. Савельева	68	
Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1725 годъ, г. Обручева	69	
Сравнительныя обзоры иностранныхъ морскихъ законодательствъ, В. Мельницкаго	—	
Священная Исторія Новаго Завета, А. Рудакова	71	
О Государственномъ межеваніи въ Россіи	—	
Признательность Псковскихъ гражданъ. Н. Лебедева	72	

	стр.
Упражненія при обученіи русскому чтенію, <i>А. Кремлева</i>	72
Нравственное чтеніе для дѣтей отъ 6 до 9 лѣтъ, сост. <i>К. О. Л.</i>	74
<i>Rachel souppée par Corneille, par un habitant de Moscou</i>	—
Лучшіе московскіе блины.....	75
Историческіе Труды <i>А. Тожилына</i>	76
Маркигантка, <i>Н. Кукольника</i>	—
Сочиненія <i>Петра Каратыгина</i>	77
Дядюшка на трехъ ногахъ, или хотѣли солгать, а сказали правду Комедія въ одноѣ дѣйствіи, соч. <i>П. Каратыгина</i>	—
ПРОДОЛЖЕНІЕ НАЧАТЫХЪ ИЗДАНІЙ.	
Временникъ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, кн. 18.....	78
ПЕРЕВОДЫ.	
Искатели золота, соч. <i>А. Дюма</i>	81
Калифорнія, соч. <i>А. Дюма</i> , перев. <i>Л. Лавретъева</i>	—
Дѣтская любовь.....	82
Подарокъ горнаго духа.....	—
НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.	
✓ Собраніе русскихъ пѣсень <i>О. Исаева</i>	83
Сорокъ два обѣда. составл. <i>П-ю М-ѣ</i>	—
Битвы русскихъ съ черкесами, <i>И. Николаевича</i>	—
✓ Древность Москвы, <i>П. Хааскаго</i>	84
Записки объ уженъѣ рыбы, <i>С. Аксакова</i>	—
ЖУРНАЛИСТИКА.	
«Братъ и Сестра,» драма въ 4 дѣйств. г. Потѣхина. — «Муму», разсказъ г. Тургенева. — «По поводу романовъ и разсказовъ изъ престопаароднаго быта», крит. ст. г. А-ва. — Стихи: «Ис- кусство и Правда» г. А. Григорьева. — Критика «Библиотеки для Чтенія»: Санскритизмъ г. Сенковского. — Статья г. Че- репанова: «Ловля звѣрей въ Сибири» и статья г. Аксакова: «Охота съ ястребомъ за перепелами». — О лекціяхъ Тэке- рея. — «Инструкція о управленіи дому и деревень», Волин- скаго. — Статья г. Лешкова «О народномъ продовольствіи въ древней Россіи». — «Салустій, римскій историкъ». — Пере- водъ «Макбета» г. Лиховинымъ.....	85
V. Иностранная Литература.	
«Римская Исторія», соч. Швеегера, и «О древнѣйшемъ народо- населеніи Италіи», историческое изслѣдованіе Герлаха. <i>Статья</i> <i>первая. Н. Н. Кудрявцева</i>	43

VI. Современная Хроника Россіи.

СТР.

Обозрѣніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій правительства по государственному управленію за февраль 1853 года .....

9

VII. Смѣсь.

НОВОСТИ НАУКЪ, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Англійская и сѣверо-американская литература: Лонгфеллоу и его сочиненія; переводы съ санскритскаго; «Тѣни и лучи изъ жизни артиста»; «Кругосвѣтное путешествіе живописца»; Валласъ на Amazonской Рѣкѣ; «Опытность жизни», сказки Гауторна; «Странствованіе натуралиста по берегамъ Девоншейра»; «Луиза Эльтонъ»; «Поиски Франклина»; изслѣдованія Овена о продолжительности человѣческой жизни. — Итальянская литература: книги на сардинскомъ діалектѣ; историческое сочиненіе. — Латинская литература: Эмериды Исаака Казобона. — Нѣмецкая литература; Путешествіе въ Бразилію; живописецъ Пехтъ; романы и историческія сочиненія. — Шведская литература: Александръ Кастрень, его жизнь и путешествія. — Литература въ Греціи; возрожденіе цивилизаціи; Евгеній Булгари и другіе писатели; освобожденіе Греціи; развитіе школъ и просвѣщенія; писатели и народныя пѣсни. — Французская литература: «Константинополь»; греческая антологія; работы вокругъ джизегскаго сфинкса; присоединеніе къ Франціи савойскихъ провинцій; изслѣдованіе геральдики; рассказы изъ древней исторіи Франціи; мысли маркизы сан-Марсанъ, печатанныя въ ея собственной типографіи; Фредерикъ Амьель. Эдмондъ Тексъ; «Исторія герцоговъ Шампаніи»; переводъ Рамайяны; Поль де-Моленъ; Симеонъ Пеконталь; изданія «Избранной Библіотеки»; Бейль и Пратъ. Новый журналъ въ Парижѣ; пародія на «Мушкетера». — Дороговизна въ Лондонѣ. — Наслѣдникъ гантскаго престола. — Спектакли и чтенія въ Англии. — Страсть слушать. — Французскія лягушки въ Лондонѣ. — Процессъ Ломлея съ г-жею Вагнеръ. — Фабрика «револьверовъ» Кольта. — Балы и объѣды въ Парижѣ. — Голубыя камелии. — Перестройки и проектъ новаго театра. — Балетъ «Звѣзда» и г-жа Лемонье. — Соперница Рашель. — Новая комедія г-жи Жирарденъ. — Партія въ никетъ. — Новые водевили. — Смерть Эстеръ. — Театральные процессы. — «Молодость Лудовика XIV» въ Брюсселѣ. — Театръ въ Берлинѣ: балетъ «Аладинъ, или волшеб-

ная лампа». — Смерть вѣнца Рубини и живописца Мартинна. — Причины упадка пѣнія. — Четыре франка за ноту. — Всеобщая азбука. — Книжная торговля въ Мадридѣ. — Археологическія разысканія въ таврскихъ горахъ. — Смерть адмирала Руссена. — Висячая желѣзная дорога. — Машины для переноски тяжестей. — Сохраненіе подводной части судовъ и обшивка кораблей. — Открытіе подлоговъ посредствомъ электричества. — Древнія монеты въ Англии. — Археологическія открытія въ Египтѣ. — Могилы карловингскихъ временъ. — Гималайская сосна. — Библіотеки въ Пруссіи. — Ломки древняго мрамора. — Открытіе человѣческихъ костей въ Намюрѣ. — Аптекскіе карлики. — Еще археологическія открытія. — Клавирграфъ. — Шампиньонисты. — Преобразование Парижской Обсерваторіи и Комиссіи Долготы. — Новыя планеты. — Вычисленія солнечныхъ и лунныхъ затмѣній. — Наблюденія надъ солнечнымъ затмѣніемъ 1851 года. — Новѣйшіе успѣхи въ фотографическихъ и стереоскопическихъ изображеніяхъ. — Изобрѣтенія Араго, обнаруживаемыя послѣ его смерти. — Опыты надъ прохожденіемъ свѣта чрезъ сухой и влажный воздухъ. — Паноптиконъ.....

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Тянина въ общественной жизни. — Мирныя наслажденія. — Что такое удовольствіе? — Увлеченные и увлекающіеся. — Наблюденія въ театрахъ. — Зрителя и зрительницы. — Обыкновенная комедія. — Фантазія на едва-слышные мотивы. — Музыкальность нашего времени. — Папеньки, маменьки, дѣтки и музыкальные учителя. — Скромные любители искусства. — Концерты и живыя картины. — Некрологъ. — Абонементъ на вѣльянскую оперу. — Вѣчные странники. — Нескромное желаніе быть знаменитостью. — Астрономическія наблюденія надъ землею. — Тѣла свѣтлыя и темныя. — Напрасныя хлопоты. — Новость и ея продолжительность. — Новыя зданія Петербурга. — Отдыхъ. — Выставка лотереи дѣтскихъ пріютовъ. — Физиологическія лекціи профессора Загорскаго. — Аукціонъ дублетовъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ. — Новости художественныя. — Военное направленіе въ искусствахъ. — Патріотическія стихотворенія и ихъ успѣхъ. — Русская народная поэма.....

Моды (съ парижскою картинкою модъ).

ЗАДНЬПРОВСКІЯ СЦЕНЫ.

I.

Противъ городского сада стоялъ трехъэтажный каменный домъ довольно-благовидной наружности. Внизу были двѣ лавки : книжная и бакалейная; средній этажъ отдавался въ наймы, а въ верхнемъ жилъ самъ владѣлецъ дома, купецъ 2-й гильдіи Матвѣй Федотовичъ Кульбасовъ. Съ двѣнадцатилѣтняго возраста, когда еще Матвѣй Федотовичъ былъ въ школѣ, Кульбасовъ занимался торговлею, вымѣнивая книги, бумагу и перья на бакалейные товары. Отецъ взялъ Матвѣя изъ школы и сдѣлалъ его сидѣльцемъ въ своей лавкѣ. Матвѣй оправдалъ ожиданія отца и оказалъ гораздо-болѣе дѣятельности за прилавкомъ, нежели на школьной скамьѣ. Но видъ книгъ, кромѣ пріятной дремоты, возбуждалъ въ немъ желаніе извлечь изъ нихъ существенную пользу. Зная, что учебныя книги въ-ходу и всегда требуются, онъ уговорилъ отца завести книжную лавку. Матвѣй ѣздилъ по ярмаркамъ и покупалъ книги, всякія, какія попадались — и учебныя, и романы, оригинальные и переводные.

Книжная лавка Кульбасова была ни больше, ни меньше, какъ безпорядочная кладовая. Книги различнаго формата стояли на полкахъ. Безпорядокъ былъ такого рода, что одна часть «Панорамы Вселенной» стояла на одной полкѣ съ «Библіотекою для Чтенія», замѣняя утраченный номеръ этого журнала. Чтобы сильнѣе подѣйствовать на покупателей, Матвѣй Федотовичъ, посерединѣ лавки, на полкѣ, разставилъ книги въ переплетахъ, такъ-что золотыя буквы на переплетахъ рябили въ глазахъ у входящихъ

въ лавку. Кульбасовъ имѣлъ удивительный даръ приобретать книги и при первомъ взглядѣ на покупателя, съ быстротою и сметливостью давалъ цѣну за книгу.

Кульбасовъ устроилъ бібліотеку для чтенія и отдавалъ читать книги городскимъ жителямъ на недѣли и мѣсяцы, за весьма-умѣренную плату. Случилось, что женатый палатскій писарь зачиталъ «Камчадалку» и «Миръ въ маломъ видѣ» — презанимательную книгу съ картинками, раскрашенными не кистью, а пальцемъ, и такъ искусно, что на картинѣ, изображающей восходъ солнца, все было замазано зеленою краскою. Матвѣй Ѳедотовичъ не могъ хладнокровно стерпѣть потери такой драгоценной книги и требовалъ съ потерявшаго возмездія. Палатскій писарь удовлетворилъ требованіе сушеными грибами, которые пришлись ему даромъ.

Матвѣю Ѳедотовичу наступалъ двадцать-третій годъ; отецъ хотѣлъ непременно женить сына, да и Матвѣй Ѳедотовичъ былъ не прочь отъ семейной жизни и молодой жены.

Возлѣ дома Кульбасовыхъ стоялъ, какъ-будто величався своимъ каменнымъ достоинствомъ, домъ, принадлежавшій купеческой вдовѣ Аленѣ Селиверстовнѣ Петровой, недавно-овдовѣвшей послѣ трехлѣтняго замужства. Она вышла замужъ семнадцати лѣтъ, слѣдственно въ полномъ цвѣтѣ красоты и молодости. Послѣ года печальнаго вдовства, видя свое неловкое положеніе и сиротство двухъ дочерей своихъ, молодая вдова стала думать о новомъ замужствѣ; ей ужъ видѣлись вдовьи сны, и она рассказывала, что третью ночь сряду снится ей покойникъ Петръ Аванасъевичъ, увѣщавающій ее не грустить и не маяться. Вдругъ, откуда ни возьмись, явился передъ нею Матвѣй Ѳедотовичъ, и Петръ Аванасъевичъ говоритъ ей: «вотъ тебѣ, Лѣлинька, мужъ!» и, взявъ за руки жену и Матвѣя Ѳедотовича, покойникъ соединилъ ихъ. Сновидѣніе свое Алена Селиверстовна рассказывала кумъ; та рассудила, что, видно, на то воля покойника, и ей нужно выйти замужъ безпремѣнно за Матвѣя Ѳедотовича, и прибавляла, что пора перестать вдовьи слезы лить въ сиротствѣ и въ одиночествѣ. Матвѣй Ѳедотовичъ также чувствовалъ влеченіе къ прелестямъ вдовы. Книги тутъ пригодились ему: чтобъ подѣйствовать на воображеніе Алены Селиверстовны, онъ давалъ ей читать романы, гдѣ топились и рѣзались герои отъ несчастной любви.

Матвѣй Ѳедотовичъ просилъ отца быть сватомъ. Въ воскресный день родитель его, надѣвъ новый длинный сюртукъ, распустивъ

по жилету голубой бисерный снурокъ и положивъ въ карманъ старинные золотые часы, тщательно осмотрѣлся передъ зеркаломъ, помолился Богу и отправился сватать сына. По осени съиграли и свадьбу. Матвѣй Федотовичъ поселился въ каменномъ домѣ жены своей и сдѣлался хозяиномъ двухъ лавокъ.

Сидѣльцемъ у Матвѣя Федотовича былъ мѣщанинъ Федя, у котораго впоследствии развилось сильное попопановеніе къ различнымъ плутнямъ, за что ему и было отказано. Самому Матвѣю Федотовичу сидѣть постоянно въ лавкѣ было невозможно: по дѣламъ торговли, онъ иногда ѣздилъ по уѣздамъ и деревнямъ на ярмарки. Дочерей посадить за прилавокъ Алена Селиверстовна и слышать не хотѣла и рѣшительно объявила мужу, что не позволитъ дочерямъ сидѣть за прилавкомъ:

— У меня Агаша съ Наташею не такъ воспитаны, чтобъ быть прикащицами. Мы, слава-Богу, не мѣщане какіе-нибудь! Авось попадется намъ и порядочный прикащикъ. Не всѣ же такіе, какъ Федька!

Старшая дочь Алены Селиверстовны, Агаѣя Петровна, была полная дѣвушка; цвѣтъ волосъ она имѣла рыжій и мазала ихъ медвѣжьимъ жиромъ: ей сказали, что отъ этого средства волосы чернѣютъ. Станъ ея не былъ строенъ, а лицо усѣяно веснушками, и при взглядѣ на нее казалось, что гдѣ-то ее прежде видѣли; дѣйствительно оказывалось, что Агаши безпрестанно мелькаютъ передъ глазами. Наталья Петровна была годомъ моложе сестры и повыше ростомъ, не мазала волосъ медвѣжьимъ жиромъ и отличалась необыкновенною сонливостью. О характерѣ сестеръ ничего нельзя сказать положительнаго, потому-что у дѣвушекъ того круга, къ которому онѣ принадлежали, характеръ развивается большею частью только послѣ замужства, когда онѣ сами дѣлаются хозяйками. Любимымъ развлеченіемъ сестеръ было рассказывать другъ другу утренніе сны. Если сны были сложны и темны, онѣ доставали изъ комода толстую книгу, въ истертomъ картонномъ переплетѣ; листы этой книги были пропитаны жиромъ, отчего и книга, казалось, разбухла. На заглавномъ листѣ красовалось слово: *Оракулъ* — Оракулъ самый полный, вышедшій въ Москвѣ въ двадцатыхъ годахъ, съ *Столкователемъ* и *Кабалою*. При этомъ случаѣ являлась работница Морька и просила дѣвушекъ посмотрѣть въ *карануль*, что значить и ея сонъ.

— Агаша, Наташа! что вы не идете пить горячее? кричала изъ другой комнаты Алена Селиверстовна.

Сестры, спрятавъ книгу въ комодъ, шли къ матери пить чай и занимались хозяйствомъ; въ праздникъ, возвратясь отъ обѣдни, обѣдали и ложились отдыхать; вечеромъ выходили гулять въ городской садъ или заходили въ гости, гдѣ наслушивались городскихъ новостей. Матвѣй Федотовичъ былъ хлѣбосоль и любилъ угостить и выпить съ хорошимъ человѣкомъ.

Алена Селиверстовна часто страдала болью подъ ложкою, но только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгала къ помощи доктора, всегда пользуясь домашними средствами. Максимычъ, старый сосѣдъ, большой знатокъ въ практической медицинѣ, подавалъ свои совѣты Кульбасовымъ. Однажды у Матвѣя Федотовича случился тифусъ; по заведенному обыкновению, Алена Селиверстовна не вдругъ послала за докторомъ, а прежде посоветовалась съ Максимычемъ, что ей дѣлать съ больнымъ мужемъ. Сосѣдъ присовѣтывалъ поставить предъ глазами больного кулебяку съ визигою, окорокъ ветчины, ватрушекъ, сельдей и паюсной икры.

— Можеть-быть, говорилъ Максимычъ : — больной, какъ взглянетъ на столъ, аппетитъ у него и возбудится; а какъ попроситъ чего-нибудь, тотчасъ ему и дадите. Это ужъ я по себѣ знаю, что какъ повшъ хорошенько — всякую больсть какъ рукою сниматьъ.

— Послушай-ка, Матвѣй Федотычъ, сказала Алена Селиверстовна мужу: — Агаша съ Наташею вечеръ приступили ко мнѣ: возьми имъ французскаго учителя. И то правду сказать, мы средство имѣемъ : отчего же и не побаловать дѣтей? Намедни на гуляньѣ, какъ полковая музыка играла, встрѣтилась намъ Тарасыха съ дочкою; какую же она штуку выкинула! Вѣришь ли, мы всѣ три отъ стыда сгорѣли! Стоимъ предъ нею, да и мнемся. Тарасыха такъ и трещить пофранцузски.

— Ну, да, возьми пожалуй изъ гимназін; пускай ихъ забавляются.

— Изъ гимназін-то учитель, чай, дорого возьметъ; а мнѣ Максимычъ говорилъ, что лучше взять какого-нибудь со стороны побѣднѣе. Онъ не дорого и возьметъ.

По рекомендаціи того же Максимыча, Кульбасовы взяли учителя преподавать французскій языкъ дочерямъ. Учитель посадилъ дѣвушекъ за латинскую грамматику и началъ мучить надъ склоненіями. Наталья Петровна часто, склоняя слово *mensa*, говорила сестрѣ, что ее клонитъ дремота. Желая узнать успѣхи дочерей во французскомъ языкѣ, Алена Селиверстовна попросила жену совѣтника проэкзаменовать ихъ. Совѣтница, увидя латинскую

грамматику, сказала Кульбасовой, что она полатинѣ не знаетъ. Алена Селиверстовна пришла въ ужасъ и послала за учителемъ и Максимычемъ. Учитель явился и увѣрялъ, что для ихъ же пользы началъ учить ея дочерей полатинѣ, потому-что латинскій языкъ есть корень языка французскаго.

— Что тутъ съ своими корнями въ глаза-то лѣзть? развѣ я тебя нанимала обучать латинскому языку? Шутка сказать, прошло полгода, а онѣ самой малости по-французскому сказать не умѣютъ. И ты, батюшка, хорошъ, продолжала она, обращаясь къ Максимычу: — вздумалъ дочерей моихъ полатински учить!

— Напрасно тревожитесь, Алена Селиверстовна, отвѣчалъ Максимычъ: — Миша правду говорить, что латинскій языкъ корень французскаго, и онъ хотѣлъ фундаментально передать его дочерямъ вашимъ.

— Да что изъ этого толку-то вышло? Въ полгода все еще на четвертой страничкѣ сидятъ, и книгу-то приволокъ такую толстую, что ее въ десять лѣтъ не одолѣешь. Нѣшто нѣтъ потоньше? Зачѣмъ это имъ все знать, что тамъ написано? Нужно, чтобъ онѣ умѣли сказать что-нибудь разговорное. Я тебѣ, Максимычъ, разъ спустила. По твоей милости, Матвѣй Федотычъ чуть-было на тотъ свѣтъ не отправился. Вотъ тебѣ двери...

И французскій языкъ былъ навсегда оставленъ.

Въ десять часовъ утра, въ январскій морозъ, Матвѣй Федотовичъ, прозябнувъ въ лавкѣ, пришелъ наверхъ погрѣться. Въ гостиной ждалъ его одинъ человекъ, пришедшій поговорить по какому-то дѣлу. Кульбасовъ налилъ гостю стаканъ чая и предложилъ ему подлить въ чай ямайскаго. Хозяинъ и гость сѣдѣли на диванѣ, обитомъ штофомъ изъ стараго платья Алены Селиверстовны. Предъ диваномъ стоялъ столъ карельской березы и четыре кресла, по два въ рядѣ. Надъ диваномъ висѣли два поясные портрета. Матвѣй Федотовичъ былъ написанъ, неизвестно почему, съ широкимъ лбомъ и толстою шеєю, а у него былъ узкій лобъ и длинная шея. Но живописецъ, вѣроятно, держался мнѣнія, что широкій лобъ признакъ большаго ума — взялъ да и написалъ широкій лобъ. Алена Селиверстовна была изображена въ бѣломъ платьѣ, въ красной турецкой шали на плечахъ, и съ огромными руками, сложенными на груди, какъ у покойницы. На головѣ у нея нарисовано было что-то очень-странное... подумаешь, парикъ напудренный, станешь всматриваться — нѣтъ, кажется, токъ, или турецкая чалма... долго будешь сомнѣваться и отгады-

вать. Даже Агаша вопрошала «Оракула», что нарисовать мажоринский живописец: у маменьки на головѣ, токъ или чепчикъ? и не могла получить никакого отвѣта. Но Кульбасовы были довольны портретами... Въ залѣ пѣла канарейка и чиликалъ скворецъ. Морька ужъ во второй разъ принесла самоваръ и сказала:

— Хозяинъ, къ твоей милости пришли.

— Да кто пришелъ?

— Заднѣпровскіе, старуха съ парнемъ.

— Зачѣмъ? Спроси толкомъ.

Работница ушла и скоро возвратилась.

— Баютъ, что ты знаешь, отъ лекаря пришли.

— А, ну, знаю! Веди ихъ сюда! Вы, сударь, не прогнѣвайтесь, что при васъ маленько покалякаю съ старухою. Александръ Владиміровичъ мнѣ прикащика рекомендуетъ. Признаться, насолляли мнѣ эти сидѣльцы: комиссія съ ними!

Въ комнату вошла старуха; съ нею пришелъ молодой человекъ лѣтъ двадцати, рослый, румяный, неловкій. Она перекрестилась на образъ и поклонилась хозяину и гостю.

Старуха была высока, худощава. На ней былъ черныиъ ватопный капотъ, а на головѣ шапочка обшитая бѣличьиимъ мѣхомъ; изъ-подъ мѣха виднѣлись сѣдые волосы и придавали рѣзкимъ чертамъ ея патріархальную важность. Лицо этой женщины было такъ замѣчательно-благородно, что невольно оставалось въ памяти. Сырые большіе глаза старухи не имѣли непріятной старческой желтизны, и въ нихъ какъ-будто отражалась мысль.

Матвѣй Федотовичъ всталъ за подбородокъ, потомъ взялъ бороду въ кулакъ и провелъ по ней рукою во всю длину, пытливо смотря на старуху и на молодого человека.

— Я прослышала, батюшка, что вашей милости прикащикъ требуется, сказала старуха: — вотъ мой сынъ, можетъ, вамъ по нраву будетъ. Кланяйся! прибавила она повелительно, обращаясь къ молодому человеку. — Если пожелаете, милостивецъ, возьмите его на испытаніе.

— Эхъ, матушка! какое тутъ испытаніе? Пыталъ я, да не много выпыталъ. А какъ звать-то тебя?

— Анною, батюшка, Григорьевною.

— Ты изъ какого званія?

— Покойникъ мужъ мой прежде купцомъ былъ, да разорили насъ лиходѣи. Не слыхали ли вы, батюшка, про Межжерова?

— Слыхалъ, много слыхалъ! Говорятъ, честная душа былъ, по

добросердечію и опростоволосилъ. На кого бѣда не бываетъ! всѣ подѣ Богомъ ходимъ.

— Такъ вотъ, батюшка, Межжеровъ былъ мой сожитель. Стало, небезъизвѣстно вашей милости, что, по довѣренности, онъ и въ бѣду впутался. Остались мы только съ дѣтьми, да съ сумою; только и пристанища было, что домишко, гдѣ голову приклонить; а то пришлось бы подѣ чужимъ угломъ умереть. Покойникъ-то, мой мужъ, не могъ тоску осилить : грустилъ, тосковалъ, да и лишился разсудка. Осталась я одна съ несмысленными ребятишками : старшему, Семену, седьмой годъ былъ ; оспа пришла къ нему — онъ и ослѣпъ. Дочь кое-какъ выростила : въ Москвѣ послалъ Богъ добрыхъ людей ; они приголубили сироту и меня своими милостями не оставляли. А вотъ, меньшей, Илья, здѣсь на-лицо : за него и бью твоей милости челомъ. Что будетъ изъ него — Богъ знаетъ ; а теперь худаго за нимъ я не видала, баловствомъ пороковъ не прикрывала ; по милости отца Аванасія, Илья три года въ монастырѣ жилъ служкою ; тамъ и грамоту уразумѣлъ ; церковную и гражданскую печать бойко читаетъ. Раздумье взяло меня, какъ просить вашу милость ? Только на то и надѣюсь, что Александръ Владимірычъ Макаровъ знаетъ меня давно ; онъ и Илью своими милостями не оставляетъ. Да и Сергій Борисычъ Ишкинъ, мѣкринскій помѣщикъ, также знаетъ все наше семейство : у него, въ Москвѣ, дочь моя два года жила. Онъ васъ просить не откажетъ мнѣ.

При словахъ : «Ишкинъ васъ просить», натянутое выраженіе совершенно сгладилось съ лица Матвѣя Федотовича, и эти простыя слова, высказанныя старухой, пріятно подѣйствовали на самолюбіе Кульбасова ; но, какъ тонкій политикъ, онъ не показалъ того, что было у него на сердцѣ, и, качая головой, протяжно началъ говорить :

— Оно все такъ, можетъ-быть, сынъ твой и хорошій малый, да я-то, матушка, такимъ лиходѣемъ обвѣденъ былъ, что сказать не умѣю. Какъ думаете, Иванъ Васильевичъ, вѣдь нужно же сидѣльца ? Изъ рогожи его не сошьешь.

Гость поднялъ брови, помѣшалъ ложечкой въ стаканъ и посмотрѣлъ на старуху.

— Позвольте-ка мнѣ, Матвѣй Федотычъ, замѣтить, сказалъ онъ : — тутъ есть одно обстоятельство, которое требуетъ разъясненія. Ты, матушка, говорила, что у тебя сынъ по седьмому году

ослѣпъ. Хорошо! родятся и вовсе слѣпые; а который ему теперь годъ?

— Тридцать-второй, мой батюшка; онъ у меня былъ первый.

— Не о томъ рѣчь. Ты говорила, что въ Москвѣ бывала и что тамъ у тебя есть благодѣтели. Отчего ты не привела туда сына и не просила, чтобъ его приняли тамъ въ заведеніе? Тамъ, мать моя, берутъ и слѣпыхъ, и глухихъ, и нѣмыхъ, и всѣхъ содержать на казенный счетъ. Неразумно, мать моя, неразумно!

— Думала я и сама объ этомъ, когда матушка императрица Марія Ѳеодоровна такое заведеніе устроила; да ужь поздно было: Семену четырнадцатый годъ пошелъ; да онъ у меня столяръ хорошей вышель. Истинно, Богъ слѣпца умудряетъ. Семень и слѣпой мнѣ помогаетъ кормиться.

Гость промолчалъ и допилъ стаканъ чаю.

— Теперь мнѣ съ тобою толковать недосугъ, сказалъ Матвѣй Ѳедотовичъ. — А что у насъ сегодня, какой день?

— Середа, середа, Матвѣй Ѳедотычъ. Знаете, намъ нельзя дней забыть; сегодня же почтовый день, отвѣчалъ гость.

— Хорошо; такъ ты, любезная, приходи ко мнѣ въ воскресенье. Понедѣльникъ тяжелый день — его мимо; а во вторникъ мы къ прилавку царя поставимъ.

Гость всталъ съ дивана, взглянулъ на часы и сказалъ:

— Ого! ужь половина двѣнадцатаго! Пора намъ, Матвѣй Ѳедотычъ!

— Идемъ, такъ идемъ! Жена! хозяйка! Алена Селиверстовна! поди-ка сюда.

— Что, батюшка, тебѣ нужно? отвѣчала Алена Селиверстовна, показываясь однимъ бокомъ въ дверяхъ, и, махнувъ рукою, медленно вошла въ комнату.

— Вотъ, матушка, поговори съ гостею; а я по дѣлу пойду.

И Кульбасовъ съ гостемъ ушли. Алена Селиверстовна скоро познакомилась съ Анною Григорьевною. Она обласкала старуху, усадила ее и приказала работницѣ согрѣть самоваръ.

— Шуточное ли дѣло, мать моя! вѣдь изъ Заднѣпровской Улицы пришла. Чай и кости-то у тебя всѣ прозябли, говорила Алена Селиверстовна. — Садись и ты, мой батюшка.

— Ничего, матушка; благодаримъ за ласку; молодъ еще и постоитъ! отвѣчала Анна Григорьевна.

Принесли самоваръ. Хозяйка угощала, спрашивала Анну Григорьевну про ея нужды и семейную жизнь.

— Я родилась-то, матушка, Алена Селивестровна, не могу тебѣ въ точности сказать, въ какомъ мѣстѣ; слышала только отъ благодѣтелей моихъ, что должно быть не здѣсь. Кто были родители мои — и того не знаю. Выросила меня не родная матушка; не видала я ласки родительской; сиротствую я съ той поры, какъ увидѣла Божій свѣтъ. Видно, надъ колыбелью моею не пѣсенки пѣлись, а горячія слезы лились. Не на радость, видно, была я отцу и матери, и что перенесла на своемъ вѣку — знаетъ про то душа моя да Творецъ милосердый. Еще милость Господня, какъ глазъ не выплакала. Ты, матушка, можетъ-быть, слышала, что былъ у насъ намѣстникомъ Григорій Осипычъ Былинъ; онъ въ этой должности находился долгое время; еще старшій-то сынъ его на помѣщицѣ Варгуниной женился...

— Знаю, знаю! Они у насъ товаръ забирають. Признаться тебѣ, я Варгуниху-то не люблю: горда больно, и головой не кивнетъ.

— Ну, да это, вѣдь, другое племя; старики-то были простые, милосердые люди. Покойница Марья Мартыновна рассказывала мнѣ, какъ попала я къ нимъ въ домъ. Разъ, вечеромъ, въ глубокую осень, пошелъ человекъ съни за бариномъ запирать; Григорій Осипычъ изъ гостей поздно пріѣхалъ. Глядь... дверь-то не притворяется; слуга нагнулся и увидѣлъ корзину, простую корзину, въ чемъ бѣлье кладуть; а въ корзину ребенокъ, платкомъ драдедамовымъ покрытъ, посинѣлъ отъ холода и ужъ не плачетъ. Человекъ испугался, да къ барину; баринъ самъ вышелъ въ сѣни, взялъ ребенка, принесъ въ горницу, позвалъ супругу, да и говорить: «Ну вотъ намъ Богъ прибѣлъ дакъ!» Она, моя голубушка, не оттолкнула младенческую душу, вынула ребенка изъ корзины и стала распеленывать. Рубашка на младенца была батистовая; на шеѣ надѣтъ былъ золотой крестикъ на голубой лентѣ и ладонка съ запискою: *Во имя Бога милосердаго, дайте пріютъ несчастной сиротѣ. Дѣвочка наречена во святомъ крещеніи Анною; семи мѣсяцевъ.* Вотъ, матушка, эта записочка и теперь у меня на груди. Я жила и умру съ нею. Ужъ вѣрно, родителямъ моимъ не весело было меня въ чужой домъ прикинуть. Я по себѣ сужу: легче бы ноги и руки обрубили, чѣмъ дѣтей моихъ по бѣлу свѣту размыкали. Тѣло мое болитъ, да и перестанетъ, а за дѣтей душа страдаетъ!

Анна Григорьевна потушила голову, и крупныя слезы падали на черный платокъ ея. Алена Селивестровна также прослезилась

и съ участіемъ смотрѣла на рассказчицу. Илья, глядя на мать, которую привыкъ уважать и любилъ горячо, переѣнился въ лицѣ, и фуражка выпала изъ рукъ его.

Анна Григорьевна посмотрѣла на образъ и продолжала :

— Царица небесная не дала умереть мнѣ, слабому ребенку, отъ холода и голода. По имени благодѣтеля моего назвали меня Григорьевою. Григорій Осипычъ говорилъ, что въ грѣхъ бы себя поставилъ отдать изъ дома сироту безпріютную. Выросли меня мои покровители, любили какъ свое дѣтище, не попрекали брошеннаго подкидыша, наградили по возможности и выдали замужъ. Мужъ мой честный былъ человекъ, изъ купеческаго званія; жила я съ нимъ, могу сказать, въ любви и довольствѣ; но, видно, не та доля моя была! Можетъ-быть, на мнѣ зарокъ лежалъ, и я мужу, недумано, негадано, бѣду накликала — и прошла жизнь моя не такъ, какъ слѣдовало! Родился у меня ужъ третій ребенокъ — вотъ Илья-то. Оборотами да торговлею жили, славу Богу, не хуже другихъ. На бѣду нашу, мужъ въ подряды вступилъ. Я говорила покойнику-мужу: «осмотрись—ты этимъ дѣломъ никогда не занимался—чтобы не пришлось намъ съ ребятишками по міру идти». Покойникъ сталъ таяться отъ меня — и ухлопалъ весь капиталъ. Собрали мы кое-что, да вотъ и отправились мыкаться по бѣлому свѣту; мужъ захотѣлъ умереть на родинѣ, вотъ мы пріѣхали сюда да и купили домишко за Днѣпромъ. Тутъ мой мужъ недолго и маялся: съ горя стало на него помѣшательство находить. Тосковалъ покойникъ, на меня и на дѣтей глядя, сталъ заговариваться, а потомъ и совсѣмъ помѣшался. Такъ и отдалъ онъ Господу душу. Осталась я одна съ тремя сиротами; чтѣ было цѣннаго, все распродала... Ходила я какъ шальная; соберу, бывало, дѣтей, пою имъ пѣсни; а у самой сердце такъ и надрывается отъ тоски; голова кружится. Хозяйства въ домѣ никакого не вела; сама обносилась; дѣти оборвались, ни присмотрѣны, ни ухожены. Какъ вспомню, матушка, какая я страшная грѣшница, такъ даже сердце замреть! Еще какъ Господь меня милуетъ! Бывало, въ сумерки, возьму слѣпаго своего Семена (онъ по пятнадцатому году тогда былъ), пойду съ нимъ къ отцу на могилу; сядемъ мы съ нимъ на могилѣ; начну я плакать и роптать; сама не помню, чтѣ дѣлаю, а время стояло холодное. Тутъ Господь, видно для сиротъ, меня, многогрѣшницу, помиловалъ. Я захворала и долго въ безпамятствѣ была. Пролилась на меня святая благодать — послалъ Богъ сиротамъ благодѣтелей: призрѣли и защитили ихъ.

Отыскали меня теперешніе здѣшніе помѣщики Ипкины. Я съ ними познакомилась, когда еще жила у моихъ покровителей: Ипкины были съ ними въ родствѣ. Увидѣли они, что я въ такомъ положеніи, дѣтей взяли къ себѣ, а ко мнѣ прислали доктора и женщину, чтобъ за мною присматривала; лечили меня на свой счетъ. Какъ оправилась я отъ болѣзни, точно туманъ спалъ съ глазъ моихъ и увидѣла я, къ какой гибели шла и дѣтей вела въ омутъ. Послѣ сказали мнѣ, что у меня была бѣлая горячка. Когда я совсѣмъ выздоровѣла, возблагодарила я Господа и своихъ благодѣтелей и пошла въ Кіевъ; съ-тѣхъ-поръ положила себѣ каждагодно ходить туда же.

Выслушавъ исторію Анны Григорьевны, Алена Селиверстовна сказала :

— Много вытерпѣла ты, матушка, но явно помиловалъ тебя Господь. Ужъ ты о сынѣ своемъ не горюй : я поговорю Матвѣю Федотычу, чтобъ онъ взялъ парня твоего въ сидѣльцы; можетъ, онъ меня и послушаетъ.

Потомъ Алена Селиверстовна повела Анну Григорьевну по комнатамъ, чтобъ показать ей домъ и свое хозяйство, а на прощанье сунула ей въ руку денегъ и дала узелокъ съ чаемъ и сахаромъ. Денегъ Анна Григорьевна не взяла, а за гостинецъ поблагодарила.

— Захаживай, Григорьевна, смотри же, безпремѣнно приходи! сказала Кульбасова, провожая гостью.

II.

Возвращаясь домой, Анна Григорьевна усердно помолилась и поставила свѣчку на деньги, вырученныя отъ продажи стола и двухъ скамеекъ, сдѣланныхъ слѣпымъ.

— Ну, Илья, молись Богу! кажется, быть тебѣ при мѣстѣ.

— Да ужъ онъ безпремѣнно возьметъ меня; Александру Владимірычу не откажетъ. Только бы Кульбасовъ взялъ меня къ себѣ, я ужъ заслужу его милость.

— То-то, смотри, молись да не кичись! На меня много не надѣйся : я ужъ стара становлюсь. Думай теперь самъ о себѣ; помни, что у тебя сестра останется.

— А чтò, матушка, сестра скоро прійдетъ домой?

— Чтò у тебя память-то коротка стала? Она ушла на цѣлый день. Вѣдь у Кузьминыхъ приданое шьютъ. Ужо пойдемъ къ Александру Владимірычу поблагодарить его за всѣ милости.

Перейдя деревянный мостъ, перекинутый черезъ Днѣпръ, они повернули направо и пошли по длинной и пустой улицѣ, гдѣ тянулись безконечные заборы и стояли бѣдные домишки, занесенные сугробами снѣга. На самомъ концѣ Зднѣпровской Улицы стоялъ домъ Анны Григорьевны, кругомъ обнесенный полуразвалившимся заборомъ; съ улицы виднѣлась только крыша съ двумя закоптылыми трубами. Илья подошелъ къ калиткѣ и постучался. Со двора раздался лай, собака вытѣзала изъ-подъ воротни на улицу и бросилась къ Ильѣ.

— Чтò, Арапка, обрадовался? сказалъ Илья.

Калитка отворилась.

— Здравствуй, Семень! Ты одинъ? спросила Анна Григорьевна.

— Одинъ.

Анна Григорьевна сама заперла калитку, взяла Семена за руку и всѣ трое вошли на деревянное крыльцо. Домъ Анны Григорьевны стоялъ на небольшомъ дворѣ, гдѣ выстроены были сарай, примыкавшій къ саду, въ которомъ росли березы, ели и нѣсколько яблонь. На дворѣ, у калитки, подлѣ конуры Арапки, лежали сѣти, покрытыя рогожею, и лодка, опрокинутая вверхъ дномъ. Въ сараѣ сидѣли на нашествѣ куры съ тремя доморощенными птѣухами; тамъ же стояла телега съ рогожнымъ верхомъ, и у одного стойла ѣла сѣно рыжая кобыла — единственная роскошь въ домѣ; была и корова, но она пала, и Анна Григорьевна не могла еще собраться съ деньгами купить другую. Въ темныхъ сѣняхъ были три двери: первая вела въ комнаты, вторая — въ кухню, а третья — на чердакъ, куда шла узкая лѣстница. Первая комната изъ сѣней была довольно-велика, съ четырьмя окнами; два изъ нихъ выходили на дворъ и два другія — въ садъ. Хотя сѣнная дверь была обита войлокомъ, но въ комнатѣ постоянно ходилъ вѣтеръ. Стѣны были оклеены русскими газетами двадцатыхъ годовъ. Около стѣны стояли стулья, обитые черною кожею, а въ углу конторка съ доскою, обитая также черною кожею, порывѣвшею отъ времени; на конторкѣ лежали ноты, на которыхъ буквы были сдѣланы выпукло изъ воска; тутъ же лежалъ кларнетъ и «Творенія Тихона Задонскаго». Между конторкою и печью дверь, ведущая въ угольную комнату съ однимъ окномъ; лежанка занимала почти половину ея. У стѣны, между окномъ и лежанкою, стоялъ диванъ съ высокою спинкою, на который нельзя было садиться обыкновеннымъ порядкомъ, а нужно было какъ-то

вскарабкиваться. У дивана стоялъ столъ, покрытый ветхою, но чистою скатертью. Подлѣ лежанки дверь въ спальню Анны Григорьевны — душную, маленькую комнату, безъ свѣта и воздуха. Единственное небольшое окно было заколочено доскою, вслѣдствіе ссоры съ сварливою сосѣдкою. Мѣщанка Сысоевна не пожалѣла на дѣло о заколоченномъ окнѣ *красенькой* и торжествовала, что отняла свѣтъ у ненавистой ей *Межжорихи*. За спальней была кухня, за кухнею еще комната, гдѣ жилъ слѣпой Семень съ братомъ; она же называлась и столярною.

Старшій сынъ Анны Григорьевны, Семень, ослѣпъ на седьмомъ году отъ рожденія. И въ дѣтствѣ сознавалъ онъ свое горькое положеніе и неменьше взрослога скорбѣлъ о потерѣ зрѣнія; онъ понималъ, что слѣпота его тяготитъ бѣдную мать и что онъ сталъ бесполезенъ самому себѣ. У семилѣтняго Семена сдѣлалась оспа; ребенокъ горѣлъ, и страшный зудъ мучилъ его; одна только мать не боялась заразительной болѣзни сына и ухаживала за нимъ. Болѣзнь стала проходить, но исказила лицо его. Однажды Семень проснулся и долго не могъ открыть глазъ; онъ дотронулся до нихъ рукою и закричалъ. Крикъ его заставилъ содрогнуться Анну Григорьевну; она бросилась къ сыну; Семень дико кричалъ :

«Маменька, маменька! мнѣ темно!»

Анна Григорьевна наклонилась къ нему и, убѣжденная въ истинѣ, упала на колѣни подлѣ постели ребенка, потомъ нѣжно обняла его, какъ-бы желая ласками своими разогнать мракъ, окружающій сына. Когда Анна Григорьевна оставалась одна, ей часто слышался крикъ Семена : «Маменька, маменька! мнѣ темно!» Съ семи лѣтъ весь міръ сосредоточился у Семена въ памяти и сердцѣ. Онъ былъ необыкновенно-чувствителенъ, безпредѣльно привязанъ къ матери и угадывалъ, когда она была больна или грустила. Все обыкновенное, ежедневное, все то, что въ умѣ дѣтей не оставляетъ никакихъ слѣдовъ, было имъ замѣчаемо; рассказывали ли сказку, читали ли ему — обо всемъ онъ привыкъ разсуждать, и мысль его не сосредоточивалась въ болѣзненной скорби, но приводила его къ обдуманной покорности — и въ сердцѣ его образовался міръ неразъединенный съ природою и развилась особенная нѣжность и любовь къ окружающимъ. Семень страстно любилъ музыку; звуки ласкали его и вызывали къ новой жизни. Предъ нимъ носились знакомые образы, освѣщенные прелестью дневнаго свѣта, еще мелькавшего въ его воображеніи. Онъ вы-

учился играть на кларнетъ, пѣлъ псалмы и духовныя пѣсни. Одинъ, безъ вожатаго, уходилъ онъ, въ теплый лѣтній вечеръ, на берегъ Днѣпра, протекавшаго въ двухъ стахъ шагахъ отъ дома, садился на уединенномъ берегу и игралъ на кларнетъ. По рѣкѣ тянулись длинные плоты, и мужики, гнавшіе лѣсъ, приставали на ночлегъ, разводили огни и, готовя ужинъ, пѣли заунывныя пѣсни. Семень слушалъ ихъ, и свѣжій воздухъ отъ рѣки вѣялъ ему въ лицо. Онъ чувствовалъ, какъ хорошъ былъ вечеръ, какъ полны заманчивой прелести окрестности, дремлющія въ таинственномъ ночномъ мракѣ; но для него нѣтъ живой природы: вокругъ него бродятъ мрачныя призраки безъ свѣта, безъ жизни! Онъ еще грустище игралъ на кларнетъ, переливая въ звуки свою завѣтную думу и молитву.

Научившись дѣйствовать долотомъ и пилою, онъ ощупью стругалъ доски, дѣлалъ мѣбель, чинилъ замки и точилъ изъ дерева табакерки. Роста былъ Семень нѣсколько-выше средняго. Худой, съ лицомъ изрытымъ оспою, онъ не былъ непріятенъ; но черты его лица оживлялись пріятливою улыбкою. Въ праздничные дни, надѣвъ длинный суконный сюртукъ и взявъ палку, Семень шелъ въ церковь, гдѣ всегда становился на клиросъ, молился и пѣлъ. Храмъ Божій былъ для него второе небо. Я помню простую рѣчь Семена, когда, бывало, ребенкомъ, гулялъ я съ нимъ по берегу Днѣпра. Живое сочувствіе къ природѣ, его нѣжная любовь и кротость, съ какою выражался онъ — все привлекало къ нему.

Другой сынъ Анны Григорьевны — Илья. Семень думалъ, куда бы опредѣлить брата, и рѣшилъ, чтобъ онъ искалъ мѣста въ прикащики.

Маша, единственная дочь Анны Григорьевны, жила съ нею до пятнадцатилѣтняго возраста и была постояннымъ ея товарищемъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, Анна Григорьевна отправилась въ Москву и остановилась у старинныхъ знакомыхъ своихъ, помѣщиковъ Ишкиныхъ, любившихъ старуху и принимавшихъ живое участіе въ ея несчастіяхъ. Ишкины полюбили Машу, просили мать оставить дѣвочку у нихъ, обѣщая скоро пріѣхать въ ту губернію, гдѣ жила Анна Григорьевна, въ помѣстье, доставшееся имъ по наслѣдству. Межжерова не могла отказать людямъ, которымъ была обязана ласкою и помощью, и хотя съ грустью, но согласилась оставить у нихъ дочь. Живя въ домѣ богатыхъ людей, Маша привыкла смотрѣть и держать себя барышнею. Она выучилась различнымъ рукодѣльямъ (для этого Анна Григорьевна

и оставила ее въ Москвѣ), а дочери Ишкиныхъ занимались и умственнымъ образованіемъ Маши. Старшая выучила Машу грамоту и даже проходила съ ней курсъ исторіи. Маша въ годъ могла ужь понимать почти все, что барышни говорили пофранцузски. Меньшая выучила Машу играть на фортепьяно и пѣть модные романсы; голосъ у Маши былъ хорошъ и слухъ очень развитъ. Анна Григорьевна радовалась, когда получала отъ дочери письма, написанныя красиво и грамотно, но со вздохомъ говорила Семену, что боится за Машу, когда, послѣ роскошной жизни, она увидитъ нужду своихъ родныхъ.

Черезъ два года Ишкина собрались въ деревню, находившуюся въ семидесяти верстахъ отъ города, гдѣ жила Анна Григорьевна, и въ началѣ мая, изъ Мокрина, имѣнія Ишкиныхъ, пріѣхалъ къ ней посланный съ извѣстіемъ, что господа въ деревнѣ и просятъ Анну Григорьевну немедленно ѣхать повидаться съ Машей. Прогостивъ у нихъ нѣсколько дней, старуха почти-насильно увезла дочь домой. Сердце Маши грустно забилося при взглядѣ на маленькій домъ матери, и она съ перваго дня стала скучать дома, гдѣ единственною роскошью былъ чай, которымъ семья лакомилась по праздникамъ. Томительное однообразіе постоянно дѣйствовало на душу дѣвушки. Мелочныя домашнія хлопоты, приготовленіе скуднаго обѣда, стукъ въ мастерской слѣпаго брата — все это заставляло Машу невольно вздыхать о роскошной жизни у Ишкиныхъ. Дома ей не съ кѣмъ было ни поговорить, ни посмѣяться; мать все работала, а братъ по вечерамъ игралъ на кларнетѣ такъ заунывно, что сердце ея обливалось кровью, и она тихонько плакала. Анна Григорьевна скоро замѣтила, что Маша тоскуетъ, и что жизнь у богатыхъ людей поселила въ ней отвращеніе отъ тягостныхъ домашнихъ нуждъ, оттолкнула сердце ея отъ родныхъ; опытность ея угадала тревогу и скуку дочери, и она съ ужасомъ увидѣла свою ошибку, что такъ долго позволила Машѣ отвыкать отъ трудовой жизни, для которой родилась она.

Въ угольной комнатѣ съ огромною лежанкою, на которой спалъ старый сѣрый котъ и стоялъ ясно-вычищенный самоваръ, сидѣла на диванѣ Маша и шила. На столѣ горѣла свѣча въ большомъ жестяномъ подсвѣчникѣ. Илья сидѣлъ у стола и обклеивалъ гравированныя картинки, изображающія сельскіе и городскіе виды и женскія головки. Работу эту Илья досталъ отъ кандитера, пользовавшагося огромною извѣстностью не по изяществу произведеній своего искусства, а потому, что былъ одинъ въ городѣ, и желаю-

щѣ поневолѣ должны были лакомиться его пирожными. Кондитеръ вздумалъ поновить свою лавку и, перемѣнивъ обои, нашелъ нужнымъ украсить стѣны картинками и отдалъ Ильѣ картонировать гравюры за весьма-умѣренную плату.

— Завтра непременно кончу совсѣмъ и снесу картинки, сказалъ Илья, обратясь къ матери.

— Оканчивай, оканчивай, отвѣчала она:— да попроси кондитера, чтобъ сказалъ про тебя, если кто пожелаетъ заказать работу.

— Я ужъ просилъ его, матушка. Маша, если я завтра получу деньги, я тебѣ обнову куплю.

— Благодарю; это совсѣмъ ненужно; ты знаешь, мы вѣчно въ деньгахъ нуждаемся, а ты вздумалъ еще мнѣ обновы покупать.

— Чтò жь купить тебѣ?

— Мнѣ ничего ненужно, рѣзко сказала Маша.

Мать какъ-будто не замѣтила тона Маши, а братъ не обратилъ на него вниманія.

Въ комнату вошелъ Семенъ и сѣлъ возлѣ матери.

— Чтò это у васъ такая тишина и твоего голоса, Маша, слышно? Поговори что-нибудь; вѣдь ты долго жила въ столицѣ.

На глазахъ Маши навернулись слезы; она вздохнула и наклонила голову надъ работою.

— О чемъ намъ говорить, братецъ? Все ужъ переговорено, отвѣчала она.

— Ну такъ почитай мнѣ Тихона Задонскаго. Я давно не слышалъ, какъ ты читаешь; а я люблю твой голосъ. Матушка говорила мнѣ, что ты и писать мастерица.

— Я тебѣ почитаю, сказала Анна Григорьевна:— Маша устала; она много работала сегодня; пусть глаза отдохнутъ. А ты, Илья, сходи-ка за масломъ: завтра трехъ-святителей, а у насъ и лампада не теплится.

Анна Григорьевна отдала Ильѣ деньги, и онъ ушелъ. Нѣсколько минутъ всѣ молчали. Маша не отводила глазъ отъ работы. Ей было неловко. Она готова была расплакаться и убѣжать изъ комнаты. Анна Григорьевна взяла за руку дочь.

— Машенька, ты скучаешь съ нами? спросила она.

— Нѣтъ, маменька, отвѣчала Маша:— у меня голова болить.

— Нѣтъ мой другъ, не голова болить, а ноетъ у тебя сердце отъ тоски, отъ скудости нашей. Вотъ ты на меня и смотришь прямо не можешь: отчуждилась отъ насъ душа твоя. Помнишь ли,

мой другъ, когда Ишкины оставляли тебя въ Москвѣ, я говорила тебѣ: «Маша, не выучись въ столицѣ гнущаться бѣдностью родныхъ». Видишь Богъ, я не хотѣла оставлять тебя въ Москвѣ; я знала, отпустивъ тебя изъ роднаго дома, что ты, возвратясь къ намъ, будешь презирать бѣдность и разлюбишь братьевъ.

— Матушка, зачѣмъ вы обижаете сестру?

— Оставь меня, Семень! Я согрѣшила предъ Богомъ, сдѣлала зло моему дѣтищу, я должна и спасти Машу. Ты думала, по неопытности и молодости, что вѣчно будешь жить въ роскоши, какъ живутъ люди богатые; ты наглядѣлась тамъ на довольство, на наряды; тебя тамъ все нѣжило и веселило. Ты не печалилась отъ ихъ горести, а раздѣляла съ ними только радость да льготу; къ матери ты возвратилась съ горемъ и сѣтованіемъ на ея бѣдность; ты боишься слѣпаго брата, который тяжкими трудами своихъ немощныхъ рукъ кормитъ мать твою. А бѣдная мать и убогій братъ ежедневно молились за тебя и ожидали твоего возвращенія, какъ праздника! Чужіе люди невольно заставили тебя забыть родныхъ потому, что дѣлили съ тобой свой избытокъ. Я выросла въ чужомъ домѣ — не жалуясь на благодѣтелей моихъ: они много сдѣлали мнѣ добра и милости; но когда я стала входить въ разумъ, болѣло мое сердце, искала душа своего, роднаго. Всего было у меня довольно, не знала я нужды, а все бы отдала, пошла бы всюду, еслибъ знала, что найду мать мою. Такъ, бывало, и горѣло сердце при мысли о родномъ; кажись, пришелъ бы свой, я бы всю любовь отдала ему. Тебя сглазило чужое богатство. Ушла ты отъ матери и горько плакала, разставаясь съ нею; а возвратилась домой кичливою и гордою — утратила любовь между чужими. Я говорю это съ тѣмъ, что, можетъ-быть, Господь поможетъ и ты попривыкнешь къ нашему житью-бытью. Много горя перенесла я, но Его милосердіе не оставляло меня. Была я въ бѣдѣ по смерти отца вашего, чуть душу свою не погубила; но терпѣть и переносить нужду научилъ меня не богатый домъ, а бѣдствія и нужда!

Почувствовавъ справедливость словъ матери, Маша рыдала и цаловала у нея руки.

— Милый братецъ! сказала Маша: — не сердись на меня; я сама не знаю, какъ зло поселилось въ душѣ моей, но я также, какъ и прежде, люблю тебя. И она обняла брата.

Семень поцаловалъ сестру и взялъ ее за руку.

— Дайте и вы, матушка, свою руку, сказалъ Семень и, сое-

динивъ руки матери и сестры, крѣпко сжалъ ихъ въ своей рукѣ. Когда Илья возвратился, онъ увидѣлъ радостныя лица.

— Илья, сказала весело Анна Григорьевна: — прежняя Маша къ намъ возвратилась. Поцалуй сестру.

Съ этого дня Маша совѣмъ перемѣнилась. По прїездѣ домой, она со страхомъ увидѣла, какую скучную жизнь предстояло ей испытать въ семьѣ, послѣ веселой жизни у Ишкиныхъ. Она была такъ молода, когда оставила своихъ, что легко забыла ихъ бѣдность. Но, видя, съ какою безропотною готовностью мать переноситъ трудовую жизнь, видя слѣпаго брата, такъ нѣжно любившаго ее, дѣвушка начала сознавать справедливость словъ матери и свое ложное положеніе въ домѣ Ишкиныхъ. «Лучше (думала она) заботиться о матери, доброй и честной женщинѣ. Судьба назначила мнѣ жить въ родной семьѣ».

Маша ходила шить поденно на городскихъ щеголихъ; она умѣла кроить по мѣркѣ и старалась примѣняться къ самымъ прихотливымъ вкусамъ любительницъ нарядовъ и новизны. Когда не было чужой работы, она шила для матери и братьевъ. На трудовыя деньги купила она Семену кievскій Псалтирь и часто читала ему псалмы. Она рѣшительно сказала матери, что не поѣдетъ въ деревню, чтобъ не поддаться опять искушенію.

Зимнее утро только-что начинало яснѣть, когда къ воротамъ дома Анны Григорьевны подѣхалъ возъ, покрытый рогожею, изъ-подъ которой торчали головы и хвосты мерзлыхъ гусей и куръ, а посерединѣ воза лежала огромная свинья. Мужикъ, поколачивая ногой объ ногу, ходилъ около воза. Илья отворилъ ворота, и возъ, скрипя, вѣхалъ во дворъ. Анна Григорьевна и Маша вышли на крыльцо. Мужикъ снялъ шапку и, доставъ изъ нея завернутое въ грязной тряпицѣ письмо, подалъ его Аннѣ Григорьевнѣ.

— Вотъ тебѣ отъ ишкинской барыни письмецо и живности прислали тебѣ. Мы на семи подводахъ въ городъ притянулись. Барыня вотъ это тебѣ велѣла завезти. (Мужикъ указалъ рукою на возъ.) Да и твоей дочкѣ молодая барышня грамотку прислали! сказалъ мужикъ и поглядѣвъ въ шапку: — Тутъ, нѣту-ти. Пошарилъ за пазухою: — Ну, Григорьевна, кажись утерялъ! Знать, заснулъ дорогою, да и утерялъ, родная!

— Ничего, я скажу, что получила; а ты поди-ка въ кухню, да погрѣйся.

Въ кухню Анна Григорьевна подала мужику рюмку водки и

кусочъ пирога. Выпивъ водки, мужикъ сѣлъ на лавку и скоро съѣлъ пирогъ.

— Ахти! Видно не въ часъ мы тронулись. Вѣдь тебѣ еще посылку наказывала барыня отдать и баяла, чтобъ я тебѣ самой ее отдаю. Забѣжалъ въ избу, да видно тамъ и оставилъ. Ахти, моя родная!

— Ну, прїѣдешь домой, такъ послѣ съ оказіей прищелнешь.

Мужикъ пошелъ отпрягать лошадь. Анна Григорьевна съ Машею убрали провизію, заперли въ кладовую и пришли въ комнаты.

— Маша, сказала Анна Григорьевна: — мужичокъ говорить, что Сергій Борисычъ скоро будетъ въ городъ, и чтобъ ты съ нимъ безпремѣнно ѣхала гостить въ Мокрино.

— Нѣтъ, матушка, мнѣ теперь ѣхать нельзя: сами знаете, работы полны руки. Ужъ вы побѣжайте; вамъ нельзя отказаться: надо ихъ отблагодарить.

— Да, только больше недѣли у нихъ не прогону.

Анна Григорьевна достала изъ рабочаго стола очки, перевязанные черною лентою, протерла стекла носовымъ платкомъ и, налѣвъ ихъ, стала разбирать письмо, присланное отъ Шишкиныхъ.

— Илья, сказала она: — возьми листъ бумаги; нужно отвѣтъ благодарный писать. Да прежде начерно напиши, что я буду говорить тебѣ. Приготовь перо и чернильницу.

Илья сѣлъ противъ матери и ждалъ, пока она обдумывала.

— Пиши! сказала Анна Григорьевна и стала диктовать:

«Отецъ добродѣтели и мать милосердія и терпѣнія, Сергій Борисовичъ и Софья Никаноровна! Преисполненная благодарности къ вашему великодушію, сердце мое не находитъ словъ излить предъ вами въ мертвыхъ буквахъ, что чувствуемъ мы, осыпанные вашими милостями. Не оставляя меня и сиротъ моихъ въ скупости нашей, вы осыпаете насъ своими щедротами. Я съ семьею моею молю Провидѣніе, чтобъ Оно воздало вамъ по заслугамъ вашимъ. Смѣю сообщить вамъ, что думаю сына моего, Илью, отдать въ услуженіе къ здѣшнему купцу Кульбасову. Хотя онъ и подалъ мнѣ надежду, что возьметъ Илью къ себѣ въ прикащики, но еще навѣрное не знаю, а полагаюсь на волю общаго нашего Отца небеснаго. Когда устрою сына, притеку къ вамъ, чтобъ лично возблагодарить васъ и осчастливиться воззрѣніемъ на ваше семейство. Присылать за мною не извольте беспокоиться: шестисотныя пространства проходила я, по благодати Господ-

«ней, дебрями и лѣсами, боролась съ вѣтрами и непогодюю, и борь-
 «ба сія укрѣпила ветхое тѣло мое. Дочь моя, Марья, цалуешь
 «тысячу разъ благодѣтельныя длани ваши и обливаешь ихъ сле-
 «зами умиленія. Она и теперъ занята шитьемъ и сею работою
 «кормитъ меня и брата и въ настоящее время не можетъ пред-
 «стать предъ очи ваши. Слепецъ мой хваленіемъ устъ своихъ,
 «въ уединенныхъ молитвахъ, ежедневно славословитъ благодѣяніи
 «ваши. А молитва бѣднаго доступна Богу живому. Со всѣмъ мо-
 «имъ семействомъ остаюсь вѣрная и нелицемѣрная
 «за васъ богомолица

«Анна Межжерова.»

— Теперъ Илья, надо намъ съ тобой сходить къ Александру Владимірычу. Ты долженъ поблагодарить его за ласки и милости: онъ тебя отъ смерти спасъ; по гробъ я ему слуга за его добрую душу, сказала Анна Григорьевна.

Старуха прочитала письмо, запечатала его и, отдавая Машѣ, сказала:

— Ты отдай, Маша, письмо мужичку, какъ онъ соберется отъ насъ ѣхать.

III.

Въ небольшой комнатѣ, съ двумя окнами, на которыхъ повѣшаны были филейные драпри, и оклеенной желтыми обоями съ диковинными голубыми цвѣтами, растущими, вѣроятно, въ какой-нибудь еще неоткрытой странѣ, сидѣла на диванѣ молодая женщина и держала на рукахъ хорошенькаго двухлѣтняго ребенка, который смѣялся и теребилъ мать за носъ, что, казалось, доставляло ей невыразимое удовольствіе. Чѣмъ болѣе рѣзвился и кричалъ ребенокъ, тѣмъ довольнѣе была мать и чаще цаловала его.

Предъ диваномъ стоялъ столъ, гдѣ лежали книги на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Это была квартира губернскаго лекаря Александра Владиміровича Макарова, пріѣхавшаго, два года назадъ, на службу въ губернскій городъ.

Въ прихожей послышались голоса. Варвара Алексѣевна встала съ дивана и, съ ребенкомъ на рукахъ, подошла къ двери.

— Дома господа, Степанидушка?

— Дома, Анна Григорьевна.

— А, любезная Анна Григорьевна! Войдите скорѣе, сказала Варвара Алексѣевна, отворяя дверь въ переднюю.

— Здравствуйте, красавица моя! Какъ васъ Богъ хранить? А все съ ангельчикомъ-Сашенькой! сказала Анна Григорьевна, снимая теплые сапоги.

Съ Анной Григорьевной пришелъ Илья; онъ низко поклонился Варварѣ Алексѣевнѣ и такъ смутился при видѣ молодой, хорошенькой женщины, что, снявъ вязанья шерстянныя перчатки, хотѣлъ положить ихъ въ рукавъ своей шинели, но наклонился и безотчетно сунулъ ихъ въ сапоги старухи.

— Я теперь здороваться съ вами не стану: я съ холоду пришла; не подходите ко мнѣ, Варвара Алексѣевна.

— Ничего, Анна Григорьевна! Мнѣ вашъ холодъ не страшенъ. Пойдемте въ комнату. А мы съ мужемъ недавно вспоминали про васъ, что вы насъ совсѣмъ забыли.

— Не забыла я васъ, мои благодѣтели, и никогда не забуду, да хлопоты со всѣхъ сторонъ нагрнули. Вотъ привела къ вамъ Илью за добрымъ совѣтомъ.

— Садитесь, Анна Григорьевна, вотъ тутъ, на диванъ, сказала хозяйка и, обратясь къ Ильѣ, прибавила: — а вы что же не садитесь? Пожалуйста, не церемоньтесь. Мой мужъ сейчасъ придетъ; онъ пишетъ письма. О чемъ же вы хлопочете, Анна Григорьевна?

— Да вотъ, Варвара Алексѣевна, неожиданно-негаданно бѣда пришла. Выросила я Илью до той поры, что, какъ говорится, женить пора, а онъ у меня вышелъ недоумокъ. Довела его я своею безпечностью до того, что не знаю, куда съ нимъ дѣваться. Ужъ что тотъ за молодець, у котораго есть двѣ руки да здоровье Богъ далъ, а онъ безъ дѣла, какъ растерянный бродить!

При этихъ словахъ матери, Илья краснѣлъ и не зналъ куда смотрѣть.

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ Макарова.

— Здравствуйте, батюшка Александръ Владимірычъ! сказала старуха:—вы насъ-то здоровьемъ награждаете, а сами частенько бываете больны. Вотъ меньшой сынъ мой, Илья. Вы его на ноги поставили—вотъ какимъ верилой вытянулся. Я его къ вамъ за благимъ совѣтомъ привела.

— Очень-радъ видѣть вашего сына, Анна Григорьевна, а отъ совѣтовъ и наставленій увольте. Признаюсь вамъ, никогда не рѣшусь брать на себя роль поучителя и совѣтника.

— Э, благодѣтель мой! отчего же добраго совѣта не подать человѣку? Даете же вы, батюшка, хворымъ лекарство, а иногда и доброе слово приободрить.

— Вы говорите, что сынъ вашъ грамотѣ бойко знаетъ. Это хорошо: онъ можетъ попасть на купеческую контору. Будь это въ Москвѣ, я, можетъ-быть, былъ бы полезенъ и постарался бы его помѣстить; а здѣсь, вы знаете, нѣтъ никакихъ средствъ.

— Прослышала я, что у Кульбасова прикащикъ отсталъ, а онъ ищетъ въ книжную лавку сидѣльца. Ходила я къ нему, да мало мнѣ надежды. Илья-то бы ему годился.

— Если хотите, я Кульбасова попрошу взять вашего сына; съ удовольствіемъ для васъ это сдѣлаю, Анна Григорьевна. Завтра же заѣду къ Кульбасову; у него жена была нездорова. Вообрази, Варенька, продолжалъ Александръ Владиміровичъ, обращаясь къ женѣ: — съ мадамъ Кульбасовой приключилось, по ея выраженію, не вѣсть какая лихость. Пришелъ ко мнѣ Кульбасовъ, страшно-испуганный, и удраскиваетъ идти къ нему говоря, что его хозяйка, ни съ того ни съ другаго, помираетъ. Прихожу къ нимъ и слышу, что больная кричитъ на весь домъ; на-силу могъ добиться, что съ нею. Дочери Кульбасовой увѣряютъ меня, что у маменьки душа изъ тѣла выходитъ. Что же узналъ я? больная изволила накушаться луку и толокна съ квасомъ; потомъ отправилась въ баню, откуда воротилась въ однихъ башмакахъ — чулокъ не надѣла оттого, что ноги у нея очень потѣютъ — и сдѣлалась у нея боль подъ ложкою.

— Это презабавно! сказала Варвара Алексѣевна: — вѣрно ты скоро помочь ей?

— Очень-скоро и увѣрилъ домашнихъ, что изъ такого теплаго и спокойнаго помѣщенія душа и безъ моеи помощи скоро не выйдетъ.

— Вчера, въ сумерки, принесли отъ Кульбасовыхъ чаю и сахару; я еще не успѣла разспросить въ чемъ дѣло, какъ посланный ушелъ.

— И, пожалуйста, никогда не возвращай этихъ подарковъ, сказалъ Александръ Владиміровичъ женѣ по-французски: — откажется отъ ихъ благодарности, значить, оскорбитъ этихъ людей презрѣніемъ. Отосли лучше чай и сахаръ Аннѣ Григорьевнѣ — и дѣло съ концомъ.

Въ назначенное воскресенье Анна Григорьевна, послѣ обѣдни, пошла съ Ильею къ Кульбасову. День былъ базарный. Дѣлатель-

ность городская оживилась. Утро было ясное; отъ сильного мороза солнце багровымъ пятномъ пробивалось изъ-за синѣющей дали. По деревяннымъ подмосткамъ улицы шла Анна Григорьевна. Илья задумчиво шелъ возлѣ матери; видно было, что онъ нѣсколько разъ хотѣлъ заговорить, но мрачное выраженіе лица матери останавливало рѣчь его. Пройдя Задняпровскую Улицу, они перешли мостъ и повернули направо, къ городскому саду, противъ котораго были выстроены каменные дома, не хуже столічныхъ. Влѣво отъ сада виднѣлась церковь съ пятью главами. Старуха перекрестилась на церковь и взглянула на сына.

— Чтò, Илья? ну какъ Матвѣй Ѳедотычъ другаго взял? Скажала она: — вѣдь въ городъ ты не одинъ. За нашимъ братомъ гоняться много не стануть.

— Нѣтъ, матушка, Александръ Владимірычъ говоритъ, что Кульбасовъ ему слово далъ не брать никого, окромя меня.

— То-то, смотри Илья, это тебѣ наука. Помни, что тебѣ надѣяться нѣ на кого. Береги платье снова, а честь смолода. Станешь шалить: оно, можетъ-быть, на первый разъ и удастся и съ рукъ сойдетъ; сатана попутаетъ, а тутъ недалеко и до омута, и самъ не увидишь, какъ запутаешься! Начнешь людей обманывать, совѣсть запродашь, а тамъ и отъ Господа откачнешься!

Они подошли къ дому Кульбасова. Илья посмотрѣлъ на вывѣски: на одной было написано желтою краскою по черному полю: «Продажа бакалейныхъ товаровъ», а на другой красовались, неизвестно почему, написанныя славянскими буквами слова: «Книжная лавка».

Книжная лавка въ провинціи — кладовая всякаго хлама, обыкновенно развозимаго по ярмаркамъ, и этотъ книжный хламъ находится въ пріятномъ сосѣдствѣ съ лавкою бакалейныхъ товаровъ, гдѣ крысы, навѣшисъ сухой бумаги, къ большому своему удовольствію, находятъ колбасы, муку и орѣхи. Для самого владѣльца лавокъ было бы гораздо выгоднѣе имѣть лавку съ желѣзными припасами: какую пользу могла принести ему книжная лавка съ литературными произведеніями, отправляемыми изъ столицъ пудами?

Анна Григорьевна остановилась у воротъ, какъ-будто не рѣшаясь войти въ домъ. Замѣтивъ у хозяйскихъ воротъ чужихъ людей, мальчикъ, закликавшій прохожихъ въ лавки, отъ скуки и любопытства подѣхалъ на одной ногѣ по дорожкѣ, имъ же расчищенной по льду.

— А чтò, голубчикъ, сказала старуха: — хозяинъ дома?

— А на что вамъ?

— Да такъ, нуждица малая есть. Самъ приказалъ намъ придти.

— Вы по бѣдности, что ли, бабушка?

Анна Григорьевна сердито поглядѣла на веселаго мальчика.

— Ты вѣрно здѣсь только баловать выучился? сказала она.—
Если по бѣдности, такъ не къ тебѣ!

Мальчикъ только-что хотѣлъ отвѣчать, какъ у лавки показалея покупатель; мальчикъ опять прокатился по льду и ушелъ въ лавку.

Они пошли къ крыльцу.

Елена Селиверстовна приняла Межжеровыхъ очень-радушно. Матвѣй Ѳедотовичъ тоже былъ веселъ и такъ сильно ударилъ Илью по плечу, въ знакъ милости и покровительства, что тотъ покраснѣлъ отъ боли.

— Ты, матушка, выслушай мои кондиціи, сказалъ хозяинъ Аннѣ Григорьевнѣ: — первое дѣлю, я возьму твоего молодца къ себѣ жить. Бѣгать по городу ему не приходится; я ему дамъ помѣщеніе во флигель на дворѣ. Обѣдать онъ будетъ съ моего стола. Одежду на первый случай дамъ ему ту, что осталась отъ пострѣла Ѳедки, почитай совсѣмъ новая: сюртукъ и нижнее платье; плуть-то съ твоимъ сыномъ одного роста. А въ праздники пушай и домой уходить. Только въ январѣ мѣсяцѣ у меня часто не отлучаться: тутъ пора бойкая, помѣщики изъ деревень прѣзжаютъ, а онъ больше въ книжной лавкѣ будетъ. Вѣдь ты говорила, что онъ грамотный? Ты вотъ что замѣть себѣ, Илья... такъ, что ли, звать тебя?

— Да-съ, отвѣчалъ Илья.

— Ну, заруби себѣ на память, Илья: по воскресеньямъ лавки должны быть затворены; а какъ приноровишься, ну, можно и отворить лавку. Будешь радѣть о хозяйской пользѣ, и тебѣ будетъ хорошо. Ты въ карты не играешь, водки не пьешь?

— Нѣтъ-съ, робко отвѣчалъ Илья.

— Знаю, сначала вы всѣ говорите нѣтъ-съ, а послѣ чортъ знаетъ откуда что ползаетъ, прешальной сдѣлаешься!

Переговоры были кончены. Кульбасовъ рѣшилъ, что со вторника Илья вступитъ къ нему въ сидѣльцы. Анна Григорьевна простилась съ хозяевами и пошла домой. Подойдя къ своему дому, она увидѣла, что ворота были отворены и на дворѣ стояла повозка. Маша встрѣтила мать на крыльцѣ.

— Ну, Машенька, слава Богу! Илью оставилъ Матвѣй Ѳедотычъ.

IV.

Первая недѣля, проведенная Ильею у Кульбасова, прошла для новаго прикащика очень-скоро; онъ уже привыкъ къ своей должности, но Матвѣй Федотовичъ заключалъ, что у Ильи все изъ рукъ валится и часто бранилъ его за недогадливость, хотя и самъ Кульбасовъ неслишкомъ былъ одаренъ догадливостью.

Сидя по нѣскольку часовъ одинъ, когда никто не заходилъ въ лавку, Илья читалъ все, что попадетъ ему подъ-руку, особенно любилъ онъ заманчивыя заглавія романовъ и повѣстей, и иногда, слѣдуя за какою-нибудь интригою, до того зачитывался, что не замѣчалъ входившаго хозяина.

— Илья, а Илья! говорилъ Матвѣй Федотовичъ: — что ты носишь въ книгу уткнулъ, али заснулъ? Ты не въ ученые ли нарахтишься? Смотри, наберешься чепухи въ голову. И постыдять тебя люди, да зачитывались.

— Скуки ради читалъ, Матвѣй Федотычъ, отвѣчалъ смущенный прикащикъ.

— Скуки ради! Не музыку ли для тебя привести? Посмотрѣлъ бы ты въ чуланъ: не съѣли ли тамъ опять чего крысы? Намедни схватился я сочиненій Княжнина, и три книги, проклятыя, какъ кружевами выточили! А книги-то помадобились: Василій Григорьевичъ очень просилъ, сказалъ Матвѣй Федотовичъ, и ушелъ въ бакалейную лавку.

Въ книжную лавку вошла толстая барыня съ дѣвочкой.

— Есть ли у васъ самая лучшая французская грамматика? спросила барыня.

— Есть, отвѣчалъ Илья и показалъ нѣсколько книгъ.

— Покажи мнѣ самую лучшую. Это все тонкія, а мнѣ учитель сказалъ, что она толстая. Какъ бишь онъ называлъ книгу-то?

— Ноеля и Сапсаля грамматика, маменька, отвѣчала дѣвочка.

— Ну, вотъ, слышишь? Такую и покажи.

Илья показалъ книгу и открылъ заглавный листъ.

Дѣвочка взяла книгу и, поводя пальцомъ по словамъ, старалась ихъ разобрать.

— Ну что же ты, прочла, что ли?

— Прочла, маменька, отвѣчала дѣвочка: — грамматика Ноеля.

Барыня взяла изъ рукъ дѣвочки книгу и принялась разсматривать ее.

— Что это, батюшка мой, какая скверная бумага! сказала она, и подошла къ двери лавки, чтобъ при свѣтѣ рассмотреть книгу: — Скверно въ руки взять, такая сѣрая да шаршавая бумага; надо-долго ли этой книги станетъ ребенку? Въ недѣлю всю разорветъ. Я тебѣ говорила, покажи получше.

— Лучше нѣтъ; это ужъ такъ напечатано.

— Ну, а что стоить?

— Рубль серебромъ, отвѣчалъ Илья.

— Съ ума ты спятилъ и вмѣстѣ съ хозяиномъ-то твоимъ; вся ваша лавка столько не стоить! сказала барыня. — Ну, что стоишь разиня ротъ? прибавила она обратясь къ дѣвочкѣ: — пойдѣмъ, матушка!

— И онѣ ушли изъ лавки.

Около сумерекъ въ книжную лавку зашла Маша. Братъ и сестра поцаловались.

— Я иду съ работы, сказала дѣвушка:—и зашла къ тебѣ. Я думаю, что матушка на-дняхъ домой прійдетъ отъ Варвары Алексѣевны; а я безъ нея много денегъ выработала, сегодня получила. Маша вынула изъ платка двѣ ассигнаціи. — Посмотри, Илюша, вѣдь это двадцать-одинъ рубль будетъ. Почти мѣсяцъ у Кузьминыхъ работала. До матушки тратить не стану; какъ-нибудь перебежусь. Ну, что Илюша? какъ твое житье?

— Покажься ничего, хорошо: хозяинъ милостивъ и хозяйка ласкова ко мнѣ.

— А дочерей видѣлъ?

— Всякій день вижу. Старшая-то носъ воротитъ и поздоро-ваться порядкомъ, отъ гордости, не хочетъ; меньшая попростѣе. Мнѣ говорила Морька, ихняя работница, что притираются больно. Старшая-то все съ какимъ-то франтомъ въ окошко перемигивается; онѣ тутъ часто мимо меня шмыгаетъ. Да это Маша, не мое дѣло. А какъ богаты они!.. сколько у нихъ добра! матеріи цѣлыми кусками въ сундукахъ лежить.

Маша вздохнула. — Известное дѣло, Илюша! копейка неза-работанная. Что же имъ дѣлать, какъ не наряды нашивать? Дай-ка, братецъ, мнѣ, отъ скуки, что-нибудь почитать.

— Вотъ я тебѣ приготовилъ, возьми «Черную Женщину» да двѣ книги «Библиотеки для Чтенія». Тамъ мнѣ понравился «Кузьма Рошинъ».

Илья подалъ сестрѣ книги, и она спрятала ихъ подъ салопа. Въ это время изъ бакалейной лавки послышался голосъ хозяйки.

— Маша, хозяинъ идетъ! Да ты не уходи, я скажу ему, что сестра, чтобъ онъ чего не подумалъ.

Матвѣй Федотовичъ вошелъ въ лавку и пристально посмотрѣлъ на Машу.

— Вишь ты, какъ на тебя, Илья, похожа! Сестрѣнка, что ли твоя? сказалъ онъ, кивая головой на Машу.

— Сестра, отвѣчалъ Илья.

— Сейчасъ и видно, что родные. Повидаться, что ли, съ братомъ пришла?

— Я работала у Кузьминыхъ, да и зашла къ брату.

— У Кузьминыхъ? Знаю; они дочку просватали. Ну, а мать твоя здорова ли? Что ея невидно?

— Здорова-съ, гостить у Варвары Алексѣвны; она очень нездорова.

— Слыхалъ я: роды ея были трудны. Макаровы давно, что-ли, знаютъ мать вашу?

— Давно. Мы милостями ихъ много обласканы. Я жила въ Москвѣ два года у мѣкринскихъ помѣщиковъ и тогда еще знала Александра Владимірыча: онъ къ Сергѣю Борисычу хаживалъ, отвѣчала Маша.

— У васъ, кажется, еще слѣпенькій есть. Ну, что онъ, какъ живеть? спросилъ милостиво Матвѣй Федотовичъ.

— Слава-Богу, здоровъ-съ.

— Господь убогихъ милуетъ, замѣтилъ Матвѣй Федотовичъ. — Поди-ка, любезная, сюда! прибавилъ онъ и повѣлъ Машу въ бакалейную лавку.

Подойдя къ полкѣ, онъ досталъ оттуда стеклянную банку съ чаемъ, насыпалъ чаю на бумагу, поставилъ банку на прежнее мѣсто, потомъ открылъ ящикъ у прилавка, вынулъ фунтъ сахару и, отдавая оба свертка Машѣ, сказалъ:

— Отнеси это отъ меня старцу Божьему, слѣпому твоему брату; а это возьми, да сама полакомься, и онъ взялъ горсть пряниковъ и отдалъ Машѣ.

Матвѣй Федотовичъ, неизвѣстно по какой причинѣ, предположилъ, что Семень непременно долженъ быть старецъ убогій. Впрочемъ, не одинъ Кульбасовъ, но люди, лично знавшіе Семена, называли его старцемъ убогимъ и были вполне убѣждены, что если человекъ слѣпъ, такъ долженъ быть старецъ убогій.

Маша, поблагодаривъ хозяина, простилась съ братомъ и пошла домой. Уже совѣтъ смерлось, когда она вошла на мостъ, но

ей видно было по тѣни, что кто-то шелъ за нею. Она оробѣла. Черезъ нѣсколько минутъ догналъ ее высокій, статный молодой человекъ въ лисьей шубѣ; онъ вѣжливо поклонился Машѣ и пошелъ съ нею рядомъ.

— Откуда вы, Марья Семеновна?

— Цѣлый день была у Кузьминыхъ, потомъ зашла къ брату, да и запоздала; теперь спѣшу домой. А какъ вы меня испугали, Алексѣй Дмитричъ! Странно, право: мы съ вами ужъ который разъ на мосту встрѣчаемся.

Для молодаго человека эти встрѣчи вовсе не были странны; онъ улыбнулся и не отвѣчалъ на это замѣчаніе.

— Чего же вы испугались? Я васъ издали увидѣлъ и слышалъ догнать.

— Я полагала, что вы ужъ уѣхали; вѣдь вы проститься приходили къ брату.

— Не рѣшился еще, Марья Семеновна: раздумье беретъ. Не то, чтобъ правду сказать, съ родными было жаль разстаться; тятеньку, оно конечно, мнѣ не подобаетъ оставить въ теперешнемъ положеніи; а подумаешь, что и пользы я ему мало приношу, только торчу у него предъ глазами. Связалъ я себя по рукамъ и по ногамъ своимъ неразуміемъ! Въ такой омутъ попалъ, что и не выкарабкаешься.

— Чтò вамъ много огорчаться, Алексѣй Дмитричъ! Богъ милостивъ, пройдутъ всѣ ваши непріятности. Вы же одинъ сынъ; батюшка посердится да и помилуется!

— Да бѣда-то моя, бѣда накликанная. Не только супротивъ отца и супротивъ себя, но и противъ всего нашего сословія совѣстно. Возьмите вы только, Марья Семеновна, сколько я несчастій надѣлалъ; на себя я наложилъ вѣчное пятно. Деньги—прахъ ихъ возьми! у тятеньки есть; да я-то въ глазахъ его значенія никакого не имѣю; всякое довѣріе потерялъ.

— Въ вашемъ дѣлѣ, Алексѣй Дмитричъ, больше виноваты злые люди.

— Отъ себя происходятъ всѣ несчастія мои, Марья Семеновна. Положимъ, что въ справедливости Богъ свидѣтель: денегъ я не промоталъ. Да зачѣмъ я гулялъ да бражничалъ? А тутъ и пріятели и совѣтчики подвернулись; довѣрился я лихому человеку. По-дѣломъ тятенька и не вѣритъ мнѣ, что я деньги его не промоталъ, а самъ руками отдалъ злодю. Сумленье родительское мнѣ въ наказанье отъ Господа послано. Какъ вспомню я все это,

Марья Семеновна, такъ сердце замираетъ, каково такъ жить! Живой бы отъ позора въ землю запоховался.

— Тяжело ваше положеніе! сказала Маша съ участіемъ.

Они подошли къ дому Анны Григорьевны.

— Я зайду къ вамъ, Марья Семеновна, побесѣдовать съ Семеномъ Семенычемъ: какъ поговоришь съ нимъ, такъ на душѣ прояснится. Рѣчью своею онъ за-живое задѣваетъ; не видитъ онъ свѣта Божьяго, а зрячихъ на свѣтъ наводитъ.

Маша постучала въ калитку.

— Кто тамъ?

Семень отперъ калитку.

— Здравствуйте, Семень Семенычъ; я встрѣтился съ Марьей Семеновной, да и зашелъ васъ повидать.

— Здравствуйте, Алексѣй Дмитричъ. Ступайте въ комнаты, а я запру калитку.

Когда они вошли въ комнату, Маша пошла въ спальню матери снять салопъ.

— Садитесь-ка, Алексѣй Дмитричъ, сказалъ, входя, Семень: я вамъ расскажу какая тутъ у насъ опять кутерьма была. Сосѣдка-то наша, Сысоиха, напугала меня: кричала такъ, что за Дняпромъ, чай, слышно было. Арапка нашъ, вишь, лапу курицы ея перекусилъ, да Ваську, сынишку-то Сысоихи, испугалъ. И тюрьмой-то она намъ грозила. Я ужъ отдавалъ головой Арапку, пускай его въ тюрьму посадятъ. Нѣтъ, говорить, пещъ до смерти меня выпужалъ!.. Пойдетъ къ начальству на насъ просить.

Маша возвратилась, и Семень повторилъ ей исторію съ со-сѣдкою.

— Не тревожьтесь, братецъ, сказала дѣвушка: — если она опять прійдетъ, мы съ нею сладимъ: у меня есть деньги, я ей за курицу заплачу.

— И что баба, вотъ другой годъ, взъямась, ни съ того, ни съ сего, на насъ, всякія каверзы выдѣлываетъ!

— Позвольте мнѣ эту бабу пугнуть, Семень Семенычъ. Я съ нею разомъ справлюсь, угомоню вѣдму кievскую.

Въ калитку послышался сильный стукъ.

— Видно, опять Сысоевна ломится. Не отвела еще душеньки! сказалъ, вставая, Семень и хотѣлъ идти.

— Не ходите, Семень Семенычъ, я ей отопру. Алексѣй Дмитриевичъ вышелъ изъ комнаты. Едва отперъ онъ калитку, какъ Сысоевна, свирѣпо размахивая руками, вбѣжала во дворъ.

— Гдѣ тутъ у васъ живая душа? кричала она. — Выходи, ты, слѣпой, плати мнѣ за курицу! Я такой капи заварю, что ты съ сестрѣнкою-то своею, московскою бѣлоручкою, напляшешься: не мытьемъ, такъ катаньемъ возьму! Вишь, здѣсь добрыхъ людей обводить задумали портняжкой, работающей прикидываться! Знаемъ мы, чѣмъ въ Москвѣ промышляли! Душегубцы, разбойники!

— Чтѣ ты развѣдмилась? баня, чтѣ ли, торговая здѣсь? говорилъ Дмитріевичъ, подступая къ изумленной Сысоихѣ.

— А твоя милость здѣсь чѣмъ командуетъ? Чтѣ ты, въ батраки нанялся у Межжерихи? Выгнали дармовѣда изъ отцовскаго дома... Вишь заступу какую нашли! Ты здѣсь, безъ матери, видно за дочкой наблюдаешь?..

— Замолчи, или я тебя заставлю язычице-то проглотить. Позорить честныхъ людей!..

— За чужую честь вступаешься, а свою по бѣлому свѣту размыкалъ. Изъ-за тебя отца въ крѣкъ скорчило. Успѣли тебя Межжеровы приворожить! Въ колдовство да наворажеванье только и живутъ!

Алексѣй Дмитріевичъ взялъ Сысоиху за руку и, оборотивъ къ себѣ спиною, погналъ къ калиткѣ, поступая съ нею точно какъ съ ребятишками, которымъ даютъ *финики*; подведя Сысоиху къ калиткѣ, онъ толкнулъ ее на улицу и заперъ калитку, сказавъ: — поцалуй пробой, да и ступай домой!

Оскорбленная мѣщанка долго еще стучала въ калитку и такъ неистово кричала, что изъ сосѣднихъ домовъ вышли любопытные и окружили Сысоиху, которая начала рассказывать собравшейся около нея публикѣ такіе ужасы, что сосѣди спѣшили разойтись по домамъ, бояливо поглядывая на домъ Анны Григорьевны.

— Больше не придетъ, я ее выпроводилъ, сказалъ Алексѣй Дмитріевичъ, входя въ комнату.

— Наслалъ Господь на насъ сущее наказаніе: дня не проходитъ, чтобъ Сысоиха не шигла на насъ какъ змѣя! сказалъ Семень: — ужъ и правду говорятъ: не купи двора, купи сосѣда!

Въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло, и Маша зажгла свѣчу.

— Я ей когда-нибудь, этой негодной бабѣ, крѣпко бока намну!

— Не дѣлайте этого, Алексѣй Дмитріичъ, сказалъ Семень: — на васъ только слава худая пойдетъ: пожалуй еще до тятеньки вашего доведутъ. А чтѣ? какъ его здоровье?

— Тятенькѣ легче, но все еще не встаетъ съ постели. Лекаръ говоритъ, что надо весны дожидаться. Со мною, вотъ другой мѣ-

свѣцъ, тятенька помилостивѣе сталъ и къ рукѣ допускаетъ. Вчера призвалъ меня къ себѣ и долго со мною разговаривалъ, Не знаю, Семень Семенычъ, чѣмъ судьба моя бездольная кончится!

— Полагайтесь на милость Божию — молитесь. А изъ Москвы ничего не слышать?

— Ни слуху, ни духу, Семень Семенычъ, какъ въ воду все кануло. Совсѣмъ съ ума свело меня это дѣло. Повѣрите ли и самъ я себя противенъ дѣлаюсь, какъ подумаю, что сию безъ всякаго дѣла, сложа руки. Точно кто на меня тяжелую руку наложилъ. Дѣла наши торговыя разстроились; тятенька потерялъ ко мнѣ довѣріе, даже въ самой малости; заводъ стоитъ да гнѣеть, и все у насъ стало такое же, какъ я — опальное!

Маша съ участіемъ взглянула на Алексѣя Дмитріевича.

— Я слышала, что тѣтенька ваша добрая женщина и васъ очень любить: вы, Алексѣй Дмитричъ, просите ее у батюшки ходатайствовать. Быть не можетъ, чтобъ онъ совсѣмъ лишилъ васъ своей милости: вѣдь вы у него одинъ сынъ. Онъ, можетъ-быть, только испытать васъ кочетъ.

— Ахъ, Марья Семеновна, когда бъ вы знали, какъ тягостно для меня это испытаніе. Не могу вамъ рассказать всего, что на душѣ моей. Будь у меня хоть малыя средства, я бы принялся за торговлю: съ голоду бъ не умеръ; да въ томъ-то и сила, что я кругомъ обрѣзанъ. Тѣтенька, точно, добра ко мнѣ, да, по слабости своей, бабы навѣты всякіе слушаетъ и часто, вмѣсто похвалы, мнѣ вредъ дѣлаетъ, перенося тятенькѣ чужія пустыя рѣчи. Что ни скажетъ ей какая ни на есть босамыга, она всему вѣру даетъ, а подъ иной часъ, еще больше мнѣ докучаетъ.

Посидѣвъ еще нѣсколько времени, Алексѣй Дмитріевичъ простился съ Семеномъ.

Провожая его со свѣчкой, Маша сказала: — Прощайте, Алексѣй Дмитричъ. Послушайтесь совѣта брата; онъ правду говоритъ, что Богъ не безъ милости.

Алексѣй Дмитріевичъ медленно шелъ по улицѣ: замѣтно было, что онъ, желая продолжить время, шелъ какъ-будто нѣхотя. Подойдя къ довольно-большому деревянному дому, отличавшемуся какою-то особенною угрюмостью, молодой человѣкъ остановился и, поднимая голову, посмотрѣлъ на окна мезонина. Въ окнахъ было темно; только лучъ мѣсяца серебрилъ фантастическіе узоры на замерзшихъ окнахъ. Алексѣй Дмитріевичъ постучалъ въ калитку и долго ждалъ, пока заспанный работникъ отперъ ему; потомъ

прошелъ онъ чрезъ дворъ, заваленный со всѣхъ сторонъ бревнами и досками. Войдя въ сѣни, Алексѣй Дмитріевичъ ужь занесъ ногу на ступеньку лѣстницы, ведущей въ мезонинъ, какъ изъ дверей вышла старуха и пытливо осмотрѣла молодаго чело-вѣка съ головы до ногъ маленькими, злыми глазами. Въ рукахъ у нея была помадная банка, наполненная жиромъ, въ которомъ плавала и дымилась толстая свѣтильня.

— Чтò, Марковна, тятенька не спрашивалъ меня?

— Нѣтъ, мой родненькій, не спрашивалъ.

Алексѣй Дмитріевичъ пошелъ по лѣстницѣ.

V.

Отецъ Алексѣя Дмитріевича былъ нѣкогда градскимъ головою и, по богатству своему, высоко стоялъ въ глазахъ того круга, къ которому принадлежалъ по сословію. Въ семи верстахъ отъ города у него былъ кожевенный заводъ, очень-хорошо устроенный, но въ настоящее время запущенный и заброшенный. Два года Дмитрій Ефимовичъ, по болѣзни своей, прекратилъ торговлю. Полгода пролежалъ старикъ въ постели: параличъ лишилъ его лѣвой руки и ноги. Родная сестра Дмитрія Ефимовича, вдова, Матрена Ефимовна, ходила за больнымъ и завѣдывала хозяйствомъ. Старуха Марковна, наперсница ея, жила у Отрубевыхъ оттого, что ей нѣгдѣ было жить. Работница Аграфена, толстая и лѣнивая бабенка, имѣвшая даръ забывать все, чтò ей приказывали хозяева и затвердившая одно слово, которое часто приходилось ей выговаривать: «запамятовала»; работникъ Петръ, здоровый парень, живущій весьма-дружно съ жучкою, дворовымъ псомъ, и часто перебранивавшійся съ Аграфеною — вотъ всѣ домочадцы старика Отрубева.

Два года назадъ, когда Дмитрій Ефимовичъ самъ ужь пересталъ заниматься дѣлами и началъ приучать сына къ торговлѣ, онъ далъ Алексѣю Дмитріевичу порученіе вхать въ Москву, гдѣ слѣдовало ему получить съ наслѣдниковъ умершаго купца, съ которымъ онъ имѣлъ расчетъ по торговлѣ за забранный товаръ, до пятнадцати тысячъ ассигнаціями.

Алексѣй Дмитріевичъ провелъ молодость подъ строгимъ надзоромъ отца, но, прїѣхавъ въ Москву, не могъ избѣжать соблазна и началъ мотать деньги. Въ Москвѣ встрѣтился онъ съ землякомъ и прїтелемъ, прикащикомъ въ чайномъ магазинѣ. Получивъ

остальные деньги, Отрубевъ зашелъ къ земляку. Вечеромъ они подгуляли; боясь потерять бумажникъ съ деньгами, Алексѣй Дмитріевичъ отдалъ его спрятать прикащику.

На другой день получилъ онъ отъ отца письмо, въ которомъ старикъ писалъ, что знаетъ всё его шалости и приказываетъ ему немедленно возвратиться домой. Алексѣй Дмитріевичъ пошелъ къ земляку за своими деньгами; но когда онъ спросилъ его о бумажникѣ, прикащикъ прикинулся удивленнымъ и отвѣчалъ:

— Да ты съ пьяныхъ глазъ насчитаешь, что я тебѣ долженъ сто тысячъ! Ты говоришь, что я положилъ твой бумажникъ въ комодъ; вотъ я его отперъ: шарь по ящикамъ, что найдешь — все твое! Посмотрю я на тебя, Алексѣй, совсѣмъ ты въ Москвѣ съ панталыку сбился. Гдѣ у твоего отца глаза были: этакого барана за получкой прислалъ! Скажи-ка мнѣ, кто свидѣтелемъ былъ, какъ ты мнѣ деньги давалъ прятать? Не видалъ я твоихъ денегъ, а, грѣшный человекъ, угощался съ тобою, и ты пошелъ отъ меня хмельной. Можетъ, съ тобою и были деньги, да ты гдѣ-нибудь ихъ оставилъ. Это ужь твое дѣло!

Напрасно Отрубевъ усовѣщевалъ земляка: прикащикъ стоялъ на одномъ, что бумажника съ деньгами въ глаза не видалъ. Началось дѣло. Алексѣй Дмитріевичъ, какъ приговоренный къ смерти, прѣѣхалъ къ отцу. Раздраженный отъ болѣзни старикъ сурово встрѣтилъ сына, упрекалъ его въ томъ, что онъ совершенно разорилъ его, пустилъ, на старости лѣтъ, почти по міру. Съ тѣхъ-поръ Алексѣй Дмитріевичъ жилъ у отца, наказанный бездѣйствіемъ и презрѣніемъ.

Несчастное происшествіе перевернуло жизнь Алексѣя Дмитріевича: онъ какъ-будто одичалъ и съ горя сталъ уходить къ пріятелямъ, гдѣ проводилъ время играя до разсвѣта въ карты.

Отецъ узналъ о ночныхъ отлучкахъ сына и въ короткихъ выраженіяхъ сказалъ ему нѣсколько сильныхъ поученій, показывая глазами на стоявшую въ углу толстую суковатую дубовую палку. Молодой человекъ игралъ въ карты, чтобъ только убить время, вовсе не чувствуя страсти къ игрѣ, и безъ сожалѣнія оставилъ свои ночныя похождения.

Въ купеческомъ кругу всё были увѣрены, и весьма-основательно, что Дмитрій Ефимовичъ имѣетъ значительный капиталъ и только прикидывается разореннымъ, чтобъ не давать воли сыну. По возвращеніи Алексѣя Дмитріевича изъ Москвы, всё родные и знакомые, поддѣлываясь къ его отцу, обвиняли и преслѣдовали

молодого человека. Но когда исторія мететства Отрубева уже потеряла свою занимательность, тетенки и мамешки разошлись, то онъ все-таки богатый женихъ, стали къ нему гораздо милостивѣе, уже не такъ тяжело выдыхали, вспоминая о заблужденіяхъ молодости и объ опасной гутьбѣ и намекали Алексѣю Дмитриевичу, что доброму молодцу одинъ остался выхаль мѣть пренести — женитьба. Отрубевъ, потирая рукою лобъ, слушалъ эти глубоки истинны и, кусая губы, смотрѣлъ, какъ улыбаются ему красавицы-дѣвицы, показывая свои черные зубы; а самъ думалъ о свѣтлыхъ глазахъ Машки; ему слышались ея умныя рѣчи, славыныя тихимъ звучнымъ, приятливымъ голосомъ, и выходя отъ радужныхъ красокъ на лицу, онъ нагивалъ голову:

Очи съ колодекой,
Славная такая!

Онъ ускорялъ шаги, подходя къ воротамъ дома Межжеревыхъ и не подозревая, что за нимъ слѣдятъ съ дихорадочнымъ любопытствомъ жители Заднѣпровской Улицы. Въ Заднѣпровскѣ частыя появленія купеческаго сына волновали соседки Анны Григорьевны, и они уже съ презрѣніемъ начали смотреть на московскую пармляску. Въ то время, когда Анна Григорьевна гостила у Макаровыхъ, Алексѣй Дмитриевичъ сталъ часто проводить вечера у Семена. Въ какомъ бы ни былъ положеніи, къ каждому бы знанію ни принадлежалъ человекъ, онъ, хоть даже и безсознательно, не всегда уважаетъ то, что выдѣлится изъ обыкновенной среды и становится выше этого круга. Отрубевъ видѣлъ, какъ Анна Григорьевна, среди бѣдности, умѣла высоко поставить себя.

Алексѣй Дмитриевичъ старался облизиться съ Семеномъ, читалъ ему «Житіе Святыхъ» и въ сотый разъ разсказывалъ Машѣ несчастное свое дѣло въ Москвѣ. Находя такъ много нравственнаго утѣщенія въ беседахъ Семена и столько живаго сочувствія къ его ежедневнымъ страданіямъ въ глазахъ Машки, онъ сталъ съ нетерпѣніемъ ожидать сумерекъ; когда Мама возвращалась съ поденной работы, Алексѣй Дмитриевичъ надѣвалъ свою шубу и шелъ къ уединенному дому Межжеревыхъ. Въ Машѣ встрѣчалъ онъ дѣвушку, какой до-сихъ-поръ не случалось ему видѣть въ своемъ кругу: она такъ умно говорила, такъ умѣла вести себя, ея свѣтлые глаза такъ выразительно и приятно смотрѣли изъ-подъ черныхъ рѣсницъ, а черные волосы придавали ея ближнему лицу такое благоверное и гордое выраженіе, которое очень не нравилось заднѣпровскимъ мѣщанкамъ... Алексѣй Дмитриевичъ думалъ, что

еслибъ отецъ далъ ему хоть маленькія средства, онъ принялся бы за дѣло: пустился бы въ торговлю, женился бы на Машѣ и былъ бы совершенно счастливъ. Но онъ зналъ, что въ отцовскомъ домѣ все ненавидѣли семейство Межжеровыхъ. Матрена Ефимовна называла Анну Григорьевну нищею гордянкою и старою колдуньей; даже расположеніе Ишкиныхъ относила она къ тайнымъ чарамъ старухи. Маша въ ея глазахъ была ужь погибшая дѣвушка.

— Знаемъ, знаемъ, чему выучиваются въ столицѣ! говорила Матрена Ефимовна: — извѣстно, на какое обученіе мать ее туда и отдавала. А сама, чтобъ лучше людей морочить, каждый годъ по богомольямъ шляется да подаеніе собираетъ.

Долго выжидала Сысоевна случая рассказать Матренѣ Ефимовнѣ про обиду, нанесенную ей Алексѣемъ Дмитриевичемъ, и о томъ, что она своими двумя глазами видѣла, какъ Анна Григорьевна, вслѣдъ за ней, на утренней зарѣ, бросаетъ по вѣтру къ дому Отрубеву муку, говоря притомъ заклинанія.

Матрена Ефимовна покупала вату и возвращалась домой съ Марковной. Сысоевна выслѣдила ихъ еще издали и, сгорбась и понахливая, подошла къ старухѣ.

— Матушка ты моя, Матрена Ефимовна, сколько лѣтъ, сколько зимъ не видала тебя, моя благодѣтельница! Какъ Богъ тебя хранилъ? сказала Сысоевна.

— А! Сысоевна! здравствуй, мать моя! Слава Богу, твоими молитвами живу да своихъ прибавляю. Чтò это ты запропастилась и глазъ не кажешь?

— Куда намъ, мелочи, васъ беспокоить! Вотъ наемни ходила къ обѣдни, къ Троицѣ, мимо васъ шла, думаю: дай, молъ, зайду съ просвирою навѣдаться къ Дмитрію Ефимычу, да не осмѣлилась. Ну, что онъ, сердечный, поправляется ли? Прослышала я, что больно хвораетъ.

— Отошло теперь, Сысоевна; а на прошлой недѣлѣ такъ свернуло братца, что за священникомъ послали.

— Годъ-то нынче тяжелый: болѣзни все ходятъ и помираетъ много!

— Трудный годокъ выпалъ и для людей и для скота; черная полоса такая: высокосъ завсегда такъ бываетъ.

— Вотъ, моя роднейшая, собираюсь я все у знающихъ людей спросить: отчего это высокосъ лютѣнъ бываетъ. Колея, чтò-ли, такая ужь приходитъ?

— Какъ это ты, Сысоевна, вѣкъ изжила, а этого не знаешь?

Вѣдь чрезъ три года въ четвертый годъ—то сутками убыльшася. Вотъ оттого и каверзы всякія бывають.

— Ахъ, родненькая ты моя! А мнѣ это и не вдогадъ. То-то, какъ погляжу я, все напасти! Вотъ у Филипповны, ни съ того, ни съ сего, мужъ запыль; а я его годовъ десять знаю: трезвый былъ человекъ... Скажу же я тебѣ, родненькая, уберегите своего племянника, Алексѣя Дмитрича. Хвать—похватъ, сгубить врагъ и добраго молодца.

— Что ты бряхаешь, Сысоевна? зачѣмъ Алѣшеньку поминать? Неровенъ часъ...

— Родненькая, у меня предъ глазами съ испуга все ходужомъ захождю. Право, убереги ты въ такую годину своего племянника. Каждый день похаживаетъ онъ по Заднѣпровской Улицѣ; жвмя—живеть у старой Межжерихи.

— Обозналась ты, Сысоевна! Зачѣмъ онъ будетъ туда ходитъ?

— Разрази меня на мѣстѣ, коли лгу, родненькая! Все тебѣ расскажу, какъ дѣло было. Старая—то вѣдьма, Межжериха, дочку изъ Москвы привезла; вишь она тамъ портняжеству обучалась. Дочушка—то птица не великонька, съ мизинець вся, да плутня въ до тонкости знаетъ. Вотъ и мокринскіе паны души въ ней не слышутъ, такъ мудрено ли, что Алексѣй Дмитричъ, по молодости, ею прельстился. Я вѣдь тебѣ все это по дурости говорю, а можетъ, у васъ положено, чтобъ онъ на Межжерихѣ женился.

— Что ты! Алѣшенькѣ жениться на Межжерихѣ! Да отецъ никогда не согласится. Расскажи ты мнѣ, Сысоевна, всю правду.

— Родненькая моя, Матрена Ефимовна, какъ Богъ святъ, не облыжно все показываю. Ходитъ твой племянникъ къ Межжеровой дочкѣ, губитъ онъ чество свое молодецкое! Ужъ я тебѣ, благодѣтельница, все до тонкости выясню. Напустила колдунья Межжериха на моего Осипку черную немочь по зависти. Сдѣлалъ онъ намени у воротъ да снѣжокъ огребалъ; выпустила Межжериха своего пса и зауськала на Осипку; какъ подошелъ зѣрище къ младенцу, да обнюхалъ его всего кругомъ, съ той поры сталъ мой парнишка пухнуть и цѣлыя три noci кричалъ благимъ матомъ. Три дня его заговоренною водою поили — нѣтъ помощи! Взяло меня горе, пошла я къ Межжерихѣ; вошла на дворъ, да какъ посмотрю — такъ у меня жилки затряслись! Маша-то стоитъ посреди двора съ Алексѣемъ Дмитричемъ, да въ уши ему что-то нашептываетъ, а онъ, сердечный — извѣстно, мужское дѣло —

весь посоловѣлъ. Увидалъ меня Алексѣй Дмитричъ, да какъ вскинется, учалъ кричать и ударилъ меня въ самый високъ — я такъ и покатила на-земь. Лежу ни жива, ни мертва; а однимъ глазомъ только смотрю, какъ москвка-то его разжигаетъ. Не помню, какъ меня добрые люди домой приволокли. Три недѣли вылежала. Не виню я твоего племянника: известно, онъ въ то время самъ былъ не свой. Пришла бы я къ тебѣ сказать бѣду мою, да ты меня, родненькая, можетъ, полнѣмъ бы со двора прогнала: взяла бы, по родству, сторону Алексѣя Дмитрича.

— Надоумила ты меня, Сысоевна! Знаю я теперъ, куда Алѣшенька, какъ вечеръ, то лыжи и наострить. Грѣшно тебѣ, Сысоевна, не упредить меня: вѣдь вгонить онъ своимъ неразумнѣемъ отца во гробъ; братецъ и такъ ужъ на ладонь дышетъ. Я-то и ума не приложу, чтѣ съ Алѣшенькой дѣется — подъ ладъ не дается, а его испортили ворожбою да наговорами. Не даромъ я лиходѣйку Межжериху на порогъ къ себѣ не пускаю.

Не сомнѣваясь въ колдовствѣ Анны Григорьевны, Матрена Ефимовна, пришедши домой, прямо отправилась въ комнату къ племяннику. Старуха обшарила всѣ углы и пересмотрѣла одежду Алексѣя Дмитріевича, въ полной увѣренности, что найдетъ въ подкладкѣ платья зашитый заговоръ. На окнѣ нашла она какой-то порошокъ и, несмотря на отвращеніе, рѣшилась отвѣдать его. «Соленый» сказала она, съ трепетомъ прикоснувшись къ нему языкомъ: «это что-то не даромъ; вѣрно колдунья чего-нибудь подсобила; и цвѣтъ-то такой анаемскій!» Потомъ, обтеревъ ротъ, прибавила: «сбѣги съ меня вся погонь вражья, какъ весною вода съ горъ бѣжить!»

Между-тѣмъ, Марковна, выглядывая изъ-за двери, иногда качала съдою головой и повторяла движенія Матрены Ефимовны.

— Ну, Марковна, какъ до брата дойдетъ, что Алѣшенька къ межжерихиной дочкѣ похаживаетъ — бѣда будетъ. Выпытаю я у Алѣшеньки всю правду и не стану пущать его къ заднепровскимъ. Ты, мать моя, кзкъ придетъ Алѣшенька, да сойдетъ внизъ обѣдать, принеси его шубу ко мнѣ: посмотрю я, не зашито ли гдѣ нечистыхъ травъ, любовныхъ крючковъ, или писанныхъ заговоровъ. Вѣдь они, жидоморы, на все поднимаются, говорила Матрена Ефимовна, сходя съ лѣстницы.

Вечеромъ, когда Алексѣй Дмитріевичъ собирался идти, къ нему пришла Матрена Ефимовна.

— Соскучилась я по тебѣ, соколикъ мой, Алёшенька, сказала она: — мы съ тобою нынче совсѣмъ не видимся. Куда это ты опять собираешься?

— Что жъ мнѣ дома дѣлать одному? Пойду куда-нибудь.

— Къ тятенькѣ Матвѣй Фодотычъ пришелъ; они межъ собою позанились; вотъ я пришла къ тебѣ предупредить, не ходи ты со двора: неравно тебя братецъ позоветъ.

— Если спросить, скажите, что пошелъ узнать по своему дѣлу: говорятъ, изъ Москвы въ Губернское бумагу прислали.

— А я сегодня съ Марковной на базаръ ходила, тятенькѣ на халатъ ваты покупала и повстрѣчала одну старицу, поразговори-лась съ нею. Ахъ! что она мнѣ, про непутныхъ Межжеровыхъ поразсказала!

— Охота вамъ, тётенька, со всякою сволочью разговаривать? Чай, повстрѣчали скверную язычницу Сысоиху? Я вотъ скажу Петрухѣ, какъ она придетъ къ намъ, гнать ее метлой со двора.

— Чтò ты, Алёшенька! за чтò ее такъ порочишь?

— За ея ехидство, за то, что она честныхъ людей обнеситъ. Варно и вамъ поразсказала про меня съ три короба?

Матрена Ефимовна не могла танъся долге и съ воплемъ бросилась обнимать Алексѣя Дмитриевича.

— Алёшенька, не для меня, а для батюшки роднаго пожалѣй себя; недолго ему на свѣтѣ маяться. Убереги ты свою молодость отъ вражбихъ напущеній. Брось ты эту ледащюю портняжку московскую, межжерихину дочку: изведутъ онѣ тебя, ненагляднаго, сгубятъ твою голову молодецкую, высосутъ кровь изъ тебя, ужалятъ живсю.

— Полно, тётенька, повторять присказки Сысоевны. Я вамъ слыжу, Аяка Григорьевна примѣрной жизни, а дочка ея такая дѣвушка, какихъ я у насъ и не видывалъ. Не приходится вамъ поверить ихъ глупымъ привороживаньемъ. Пріучили вы дармоѣдокъ-то: онѣ къ вамъ ходятъ да небыллицы разсказываютъ.

— До ярости приворожили онѣ его! Отцы мои, у него глаза-то какъ у волка горятъ! У меня есть водица: Алёшенька, выпей ты завтра этой водицы натошакъ, а то ты совсѣмъ повредишься! завопила Матрена Ефимовна.

Не отвѣчая ничего испуганной тѣткѣ, Алексѣй Дмитриевичъ надѣлъ шубу, взялъ картузъ и вышелъ изъ комнаты.

VI.

Дмитрій Беймовичъ лежалъ въ кровати. На лицѣ старика выражалась угрюмость. Съдыя, широкія его брови срослись на переносицѣ и придавали его физиономіи что-то мрачное. Каріе глаза Дмитрія Беймовича никогда не останавливались ни на какомъ предметѣ, и если онъ съ кѣмъ разговаривалъ, то смотрѣлъ въ землю. На столѣ, предъ постелью, лежала книга, а подлѣ книги очинъ въ серебряной оправѣ, и стояла кружка съ питьемъ. Комната была жарко натоплена. Окна, до половины забитыя войлокомъ, пропускали свѣтъ только сверху рамы. У стола стояло старое неудобное кресло, обитое черною кожей.

При входѣ Алексѣя Дмитріевича, больной лежалъ, положивъ правую руку подъ голову и, не обративъ на сына вниманія, щурился глазами. Алексѣй Дмитріевичъ подошелъ къ отцу, спросилъ о здоровьѣ и поцаловалъ у него руку.

— Снявши голову, по волосамъ не плачутъ! отвѣчалъ старикъ: — теперь не для чего изъ пустаго въ порошокъ переливать.

Алексѣй Дмитріевичъ поблѣднѣлъ; отецъ посмотрѣлъ на него черезъ руку и крикнулъ.

— Набы Бога боится да отца почиталъ, не жилъ бы въ родительскомъ домѣ зачумленнымъ!

— Позвольте, тятенька, мнѣ въ послѣдній разъ оказать предъ вами, что давно пудовиками гнететъ меня, сказалъ Алексѣй Дмитріевичъ, подходя къ отцу: — дайте, тятенька, мнѣ льготу, да возвратите вашу милость: заслужу я васъ предъ Богомъ и предъ вами. Сидя, сложя руки, я денно и нощно каюсь.

— А что ты прежде объ этомъ не задумалъ? Поздно за разумъ хватился. Вотъ, скажи-ка ты мнѣ, оминовъ мой возлюбленный, одно мое утѣшеніе въ старости: куда это съ утра до вечера позволишь показывать? какіе у тебя завелось новые друзья да приятели?

Алексѣй Дмитріевичъ несколько вздрогнулъ.

— У меня, тятенька, друзей въ цѣломъ городѣ нѣтъ. Хожу иногда къ Межжеревымъ, съ слѣпымъ сыномъ Анны Григорьевны побесѣдовать; кромѣ полезнаго совѣта для себя, худаго, ничего отъ нихъ не выжесу. Ихъ за тихость да за добрую жизнь не любятъ заднѣпрскіе.

— Вижу, что покажся сыночекъ. На что лучше твоего покаянія? Съ межжеревинной дочкою въ честныхъ бесѣдахъ время прово-

дишь; среди бѣла дня, на зазоръ крещеному міру, по дворахъ гуляешь. Это, что-ли, сынокъ, у тебя покаяніемъ называется?

— Не вѣрьте, тятенька, обогали меня противъ васъ, сказалъ горячо Алексѣй Дмитріевичъ.

— Обогали! И въ томъ тебя обогали, что ты отъ дома отбился, каждый вечеръ къ Межжерихѣ своей таскаешься? Тебя Сысоевна видѣла; ты ей глаза чуть не выцарапалъ.

— Неповиненъ я ни въ чемъ, тятенька. Анна Григорьевна не таковская, чтобъ въ своемъ домѣ зазоръ допустила. Сведите меня съ облыжникомъ моимъ глазъ на глазъ!

Дмитрій Ефимовичъ, указавъ сыну на дверь, началъ метаться въ постели и застоналъ.

Въ комнату прибѣжала Матрена Ефимовна и бросилась къ брату.

— Пожалѣй ты себя, братецъ, не мучь ты себя! Прости Алѣшеньку по молодости его. Ужъ я давеча слезами обливалась, упрашивала его, чтобъ берегъ да слушался тебя, кормилецъ нашъ! Уйди, Алѣшенька, не раздражай ты сердца родительскаго, шептала Матрена Ефимовна.

Алексѣй Дмитріевичъ вышелъ изъ комнаты.

— Послалъ же мнѣ Господь на старости лѣтъ наказаніе! Одно сокровище у тебя — радуйся Дмитрій Ефимычъ! говорилъ старикъ, стоная.

Матрена Ефимовна наклонилась надъ братомъ и, поправляя простыню на постели, говорила:

— Не тревожь ты себя, братецъ, не пуцу я Алѣшеньку къ Межжеровымъ. Я теперь все до тонкости про московскую портняжку вызнала. Ты бы, кормилецъ, порѣшилъ скорѣе съ Матвѣемъ Федотычемъ. Женимъ Алѣшеньку — и дурь пройдетъ.

— Оставь меня, сестра, съ прибаутками своими. Знаю, что дѣлаю! Дай ты мнѣ вылежаться.

— Не сердись, родненькій; я вѣдь такъ сказала. Не хочешь ли чаю испить?

— Захочу, такъ спрошу, отвѣчалъ сердито больной и повернулся къ сестрѣ спиною.

Матрена Ефимовна на цыпочкахъ вышла изъ комнаты и отправилась къ племяннику.

— Не грѣшно ли было вамъ, тѣтенька, поссорить меня съ тятенькой: вы, вѣрно, не вытерпѣли и пересказали ему всѣ бабы сплетни? сказалъ Алексѣй Дмитріевичъ, вошедшей къ нему тѣткѣ.

— Господи, Боже мой! что это ты говоришь, Алѣшенька? От-

родясь не была смутьянкою : буду ли злодѣйкою своему кровному? Любила и дѣлала я тебя съ малолѣтства, какъ дѣтище родное, а чѣмъ же ты коришь меня!

Старуха дѣлала гримасы, собираясь плакать.

— Тятенька самъ всю подноготную узналъ.

— Самъ узналъ? Быть не можетъ! Скажите мнѣ лучше всю правду: вы Сысоевну пытали и потомъ тятенькѣ рассказывали небывальщину. Недолго намъ съ вами подъ одною кровлею жить: есть у насъ широкій Днѣпръ, рѣка быстрая... Положу я свою голову, а на вашей душѣ грѣхъ останется! сказалъ Алексѣй Дмитриевичъ, желая испугать тетку и заставить ее высказать сплетни.

Матрена Ефимовна стояла передъ нимъ ни жива ни мертва.

— Ненаглядный ты мой Алѣшенька! видно, на старости нашлю на меня *озеленіе*, говорила старуха, струсивъ, и загозила передъ племянникомъ.

— Кабы любили меня, такъ бы и жалѣли, да и тятеньку не беспокоили бы.

— Выслушай ты меня, Алѣшенька, покаюсь я тебѣ, какъ было дѣло: послушалась я непутной Сысойхи. Вечоръ пришла она ко мнѣ: я ей травки обѣщала дать для ея сынишка; вишь у него съ глазу родимецъ сдѣлался. И пошла она мнѣ рассказывать, горластая, какъ Межжериха тебя къ дочкѣ привораживаетъ; видишь, она каждый день душеньку твою за упокой поминаетъ, чтобы напустить на тебя тоску безотвязную. Тятенька и услышалъ, какъ она голосила, и спросилъ, что у насъ тамъ дѣется. Я и говорю: Сысоевна пришла о здоровьѣ твоемъ провѣдать. А что же она тамъ Алексѣя да Межжерову поминаетъ? Я не спохватилась, да, со страха, все ему и брякнула.

— То-то, тетенька, говорилъ я вамъ, не пускайте въ домъ сразу чумную. А теперь вы то надѣлали, что могу я быть чрезъ васъ погибшій человекъ. Не вы ли ужъ, стакнувшись съ Аленю Селиверстовною, надумали тятеньку женить меня на ея дочери? Скажите все разомъ. Говорю вамъ, не долго намъ вмѣстѣ жить.

— Алѣшенька! въ этомъ я неповинна. Не ополчайся ты на меня. Самъ Матвѣй Фодотычъ сталъ учащать къ намъ, лебезить предъ братцомъ и въ хвостъ и въ голову. Бесѣду душевную ведетъ, мелкимъ бѣсомъ разсыпается. Я и смекнула, что старая лиса не даромъ хвостомъ виляетъ. Тятенькѣ самому въ мысль и впало женить тебя на кульбасовской старшей падчерицѣ, а я тутъ не участница. Прошое воскресенье, у Благовѣщенья, сама

Кульбасиха съ Марковной повстрѣчалась и давай ея выпытывать опросами да расспросами, что-де Дмитрій Евимичъ сына не женить? Про тебя спрашивала, какъ ты въ родительскомъ домѣ живешь. Знаетъ она, что у братца деньги есть — вотъ и прочить за тебя свою Агашу. Ты вѣдь у насъ, мой соколикъ, всѣмъ вьзялъ, всякая на тебя, доброго молодца, позарится (продолжала Матрена Евимовна, поддѣлываясь къ племяннику). Я и сама знаю, что ты, мой соколикъ, невесту почище себя найдешь: Агаша тебѣ не подстать — бѣдобрыса больно, а сама какъ красной жбанъ; да не перечь ты волъ родительской. Будетъ и Агаша жена, какъ всѣ прочія. Брось ты эту портиаку московскую. Осерчалъ на тебя тятенька, приказалъ мнѣ строго-на-строго, чтобы не выходилъ ты ни пяди изъ дома. Завтра Матвѣй Федотычъ насъ къ себѣ звалъ: Алёны Селиверстовны рожденье справлять будутъ. Тятенька тебя со мною посылаетъ. Надо вѣхать, Алёшенька.

— Ну такъ слушайте, тётенька, скажите, что я захворалъ, голова у меня болитъ и я въ лѣжку лежу.

— Сказать-то я скажу, да какой прокъ чрезъ то будетъ? Какъ дознается онъ, что я его обманула — бѣда и тебѣ и мнѣ будетъ. Алёшенька, утѣшь ты меня, старуху, все для тебя сдѣлаю, не ходи только къ Межжеровымъ: изведутъ они тебя, загубятъ твою душеньку, сгорятъ красные твои дни, какъ свѣча...

— Да полно, вамъ, тётенька! Коли хотите, чтобы я еще на свѣтъ маялся, такъ сдѣлайте, что я вамъ скажу. Не говорите тятенькѣ, что я не хочу къ Матвѣю Федотычу вѣхать; поѣзжайте однѣ, а про меня всѣмъ скажите, что я боленъ; а то, прощайте тётенька — только вы меня и видѣли.

— Алёшенька, не говори рѣчей такихъ! сдѣлаю я для тебя, какъ желаешь, сказала старуха обнимая племянника.

— Изъ дверей показалась голова Марковны.

— Матрена Евимовна, хозяинъ васъ требуетъ.

— Иду, иду! Ну, Алёшенька, смотри же: за порогъ и не думай...

Матрена Евимовна пошла къ брату, а племянникъ отправился къ себѣ въ комнату.

Петръ наколотъ дровъ и пошелъ въ мезонинъ къ Алексѣю Дмитриевичу.

— Что, Петръ, у тятеньки никого чужихъ нѣтъ?

— Нѣтути, отвѣчалъ работникъ и, прислонясь спиною къ печкѣ, спустилъ съ веревки дрова.

— А тѣтенька гдѣ?

— Кто ее знаетъ, я къ нимъ туда не хожу. Груняха топить у хозяина : я вишь дрова на полъ шибко швыряю. Выходила ко мнѣ Марковна : хозяинъ наказывалъ къ отцу Ивану сходить, чтобъ онъ безпремѣнно пришелъ.

— А когда тебѣ Марковна велѣла батюшку звать, сейчасъ, что ли? сказалъ Алексѣй Дмитриевичъ.

— Дѣ, скажи, говорить, чтобъ пришелъ.

— Ну, когда жъ пришелъ—то : сегодня или завтра?

— Чтобъ безпремѣнно пришелъ, твердилъ работникъ.

— А ты скажи отцу Ивану, что, молю, хозяинъ безпремѣнно проситъ васъ завтра утромъ прійти. Будешь помнить?

— Да что тутъ помнить—то? Скажи, молю, сегодня, хозяинъ завтра утромъ проситъ прійти.

«Тѣмъ лучше, что онъ перепутываетъ» подумалъ Алексѣй Дмитриевичъ : «по-крайней—мѣрѣ я вечеромъ буду свободенъ. Знаю, для чего тѣтенька посылаетъ : чтобъ уговаривать меня.

— Петруха, возьми—ка на водку гривенникъ, у меня больше нѣтъ теперь, а послѣ еще дамъ. За мною не пропадетъ, сказалъ онъ.

Работникъ выпучилъ глаза на Алексѣя Дмитриевича и не бралъ денегъ.

— Ты, Петруха, смиренный паренъ, съ бабами пустяковъ болтать не станешь, сказалъ Отрубевъ.

— Съ кѣмъ же мнѣ тутъ и болтать—то? Вотъ только съ Груняхой подъ иной часъ выбранюсь.

— Слушай же, Петруха, мнѣ нужно со двора идти, только я не хочу, чтобъ дома знали, что я ушелъ. Дай мнѣ свой тулупъ и шапку. А какъ выпустишь меня въ калитку, посматривай : я скоро назадъ ворочусь.

— Нѣтути, въ калитку не ходи, ни за что и отворять не стану : только возмись за скобку, Груняха рожу свою выставить. Ступай лучше на задній дворъ да махни чрезъ заборъ. Я и самъ такъ перелѣзаю.

Одѣвшись въ платье работника, Отрубевъ отправился на задній дворъ, перелѣзъ чрезъ заборъ и пошелъ по улицѣ.

Послѣ сильной оттепели сдѣлался легкій морозъ, и когда Алексѣй Дмитриевичъ повернулъ въ Заднѣпровскую Улицу, мѣсяцъ

стоялъ прямо надъ его головою и озарялъ всю окрестность бѣлымъ свѣтомъ. Влюбленный молодой человекъ не думалъ смотрѣть на луну и посылать къ ней нѣжные вздохи ; онъ взглянулъ на мѣсяцъ и поморщился отъ досады, потомъ остановился, осмотрѣлъ мѣстность и пошелъ по лѣвой сторонѣ, которая оставалась въ тѣни ; такъ шелъ онъ, закрывая лицо тулупомъ и боясь на каждомъ шагу встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ. На правой сторонѣ, въ концѣ улицы, виднѣлась крыша дома Межжеровыхъ, и свѣтъ мѣсяца ярко озарялъ двѣ трубы, подлѣ которыхъ стояло ведро ; на крышѣ лежалъ еще чистый мартовскій снѣгъ, искрившійся при лучахъ мѣсяца. Въ ту сторону и смотрѣлъ Алексѣй Дмитріевичъ и, не зная въ любви свѣтскихъ тонкостей, онъ и не подозрѣвалъ какъ былъ смѣшонъ въ мохнатой шапкѣ съ висячими, какъ уши лягавой собаки, наушниками, въ засаженномъ овчинномъ тулупѣ работника ; онъ и не думалъ о томъ, что, являсь предъ любимой женщиною въ подобномъ костюмѣ, онъ вызоветъ насмѣшку — первую разочаровательницу влюбленныхъ. Онъ шелъ смѣло и былъ убѣжденъ, что встрѣтитъ въ Машѣ самое живое участіе.

Возвратясь отъ Макаровыхъ домой, Анна Григорьевна была очень недовольна, когда узнала, что въ ея отсутствіе Алексѣй Дмитріевичъ часто приходилъ къ нимъ. Она предчувствовала, что сближеніе молодыхъ людей вызоветъ новыя семейныя непріятности. Не давая замѣтить дѣтямъ, старуха зорко слѣдила за каждымъ словомъ и взглядомъ Отрубева и стала холодно обходиться съ нимъ. Но, желая овладѣть вполнѣ Машею, она удвоила къ ней материнскую нѣжность, думая, что дѣвушка не будетъ таить отъ нея своей привязанности и тѣмъ избѣжить опасныхъ послѣдствій, которыхъ такъ страшилась старуха.

Когда Алексѣй Дмитріевичъ пришелъ къ Межжеровымъ, Анна Григорьевна и Маша собирались идти со двора.

— Здравствуйте, Анна Григорьевна! сказалъ Отрубевъ входя съ Семеномъ въ угольную комнату.

— Ахъ, батюшка Алексѣй Дмитричъ, я вдругъ-то васъ и не признала ! Чтò это вы такъ нарядились ?

— Да вотъ, Анна Григорьевна, пріятель одинъ на охоту звалъ ; за Веселовскимъ Озеромъ волки показались, мы и собрались, отъ скуки, поохотиться. А гдѣ же Марья Семеновна? спросилъ Алексѣй Дмитріевичъ нетвердымъ голосомъ.

— Маша одѣвается. Вы ужъ не взыщите на насъ. Благодарите-

ли наши, мокринскіе господа, пріѣхали въ городъ повеселиться; завтра въ собраніе на балъ ѣдутъ; прислали за Машей наряды шить. Теперь ужь, покуда они въ городъ, не отпустятъ ея отъ себя.

Маша, въ салопъ, вошла въ комнату и съ удивленіемъ взглянула на Алексѣя Дмитриевича, который отвѣчалъ ей грустнымъ взглядомъ. Ему такъ много хотѣлось высказать Машѣ, сердце его такъ сильно билось... онъ очень враждебно посматривалъ на Анну Григорьевну.

— Вы будете веселиться на масляницѣ, Марья Семеновна? сказалъ онъ.

— Какое особенное веселье! Буду смотрѣть, какъ барышни наряжаются, да шить имъ обновы. Что это вы, Алексѣй Дмитричъ, какъ на святкахъ вырядились? сказала Маша.

— На волка ѣду охотиться: или я доканаю звѣря, или онъ меня уходитъ. Вы ужь Семень Семенычъ напеките блиновъ, да и помяните меня.

— Что съ вами, Алексѣй Дмитричъ? Вы сегодня такіе блѣдные: здоровы ли вы? И къ-чему это вы на охоту ѣдете?

— Авось ухажусь скорѣе, Марья Семеновна! Чтò мнѣ съ здоровьемъ-то дѣлать? Умру, такъ тятенькѣ руки развяжу.

Анна Григорьевна строго посмотрѣла на Алексѣя Дмитриевича и сказала:

— Полноте, я вашихъ рѣчей и слушать не хочу! Батюшка на васъ гнѣвается — потерпите, онъ и помилуетъ. Бываетъ въ бѣломъ свѣтѣ, что родительское сердце въ дѣлахъ, а дѣтское въ камнѣ. Изъ-подъ своей кровли станешь бѣду выносить, горю не поможешь, а только бѣду свою на судьбище чужимъ людямъ передашь. Родной одною рукою бьетъ, а другою приласкаетъ; а чужія руки побьютъ безъ жалости, съ приговоромъ да причитаньемъ: «по дѣломъ вору и мука». Не заставитъ совѣсть потупиться того человѣка, который своихъ родителей не обманываетъ. Родительская бѣда и дѣтская бѣда — сестры родныя. Съ благословеніемъ Божиимъ да силами крѣпкими другъ друга въ лихой часъ и отстоять можно!

Старуха такъ пристально посмотрѣла на Алексѣя Дмитриевича, что ему стало неловко, и слова ея показались ему укоромъ.

— Маша, я сейчасъ одѣнусь, сказала Анна Григорьевна и ушла изъ комнаты.

— Что это, въ-самомъ-дѣлѣ, Алексѣй Дмитричъ, вы такъ отчаяваетесь? Приходите лучше утромъ на Соборную Горю: я съ

мокринскими барышнями за покупками поѣду; вы на нихъ и посмотрите, какія онѣ хорошенькія, оообенво Вѣра Сергѣевна, добрая, ласковая такая.

— Что мнѣ на барышень смотреть, Марья Семеновна! какое мнѣ дѣло до нихъ? Со мною сегодня просто бѣда случалась: изъ дома мнѣ выходить заказано... Марья Семеновна, выходите завтра вечеромъ отъ Ишкиныхъ, какъ они со двора уйдутъ. Можетъ, я въ послѣдній разъ васъ увижу, а сказать мнѣ вамъ нужно такое дѣло, отъ котораго жизнь моя зависить.

— Приходите завтра часовъ въ восемь, къ Зазулину дому, гдѣ Ишкины остановились, я къ вамъ на минуточку къ форштату и выйду.

Алексѣй Дмитріевичъ оживился.

— Такъ вы цѣлую недѣлю тамъ проживете и не возвратитесь домой? Ахъ, Марья Семеновна, еслибъ вы знали, что я терплю! Кабы не вы, убѣжалъ бы я на край свѣта. Выходите вы завтра, сказалъ Отрубевъ умоляющимъ голосомъ и спѣша высказаться: — Отъ вашего слова судьба моя будетъ зависить!

— Идемъ, Маша, сказала Анна Григорьевна, входя въ комнату: — пора! Можетъ, ты зачѣмъ и нужна барышнямъ. Прощайте, Алексѣй Дмитріичъ; ужъ вы вашу тоску-кручину бросьте свѣрымъ волкамъ: пусть они ее разнесутъ по лѣсамъ.

— Прощайте, Анна Григорьевна; прощайте, Марья Семеновна. Я еще останусь у васъ: мнѣ нужно съ Семеномъ Семенычемъ посоветоваться.

Оставшись одинъ, Алексѣй Дмитріевичъ вспомнилъ, что завтра ему невозможно будетъ уйти изъ дома. Ну, ужъ во что бы ни стало, подумалъ онъ, а я къ Федотычу не поѣду. Мнѣ только бы отъ Марьи Семеновны слово вѣрное взять — я ни на что не посмотрю.

Проводя мать и сестру, Семень заперъ калитку и возвратился въ угольную комнату.

— Я къ вамъ за совѣтомъ пришелъ, Семень Семенычъ. Научите вы меня уму-разуму. Со всѣхъ сторонъ мнѣ жутко приходится. Опять на меня тятенька сердится: по милости злыхъ языковъ, житья нѣтъ мнѣ въ домѣ!

— Просите Господа, Алексѣй Дмитріичъ, чтобъ открылась истина, а чернымъ мыслямъ не поддавайтесь.

— Ужъ до того дошло, что, вотъ пощупайте-ка, въ чемъ я къ вамъ пришелъ, а изъ дома ушелъ убрядомъ.

Семень проведъ рукою по тулуну Отрубева.

— На васъ, кажись, овчинный тулупъ?

— Да и тотъ у работника выпросилъ. Дожилъ я, какъ говоритсѣ, до блага знамени. Вамъ, Семень Семенычъ, я все разскажу: вы на моемъ лицѣ краски не увидите. Вышли у насъ сплетни, оболгали меня предъ тятенькою; всему повѣрилъ и запретилъ мнѣ со двора выходить.

— Худо, Алексѣй Дмитричъ! Въ этомъ—то и сила, что оболгали. Напрасно вы ушли изъ дома. А прослышать ваши домашніе, что вы къ намъ ушли, несмотря на запретъ тятенькинъ, скажутъ, что мы васъ привораживаемъ; какую ни на—есть сплетню заметалки сорокъ на хвостъ навяжутъ и пустятъ ее на всѣ четыре стороны. У насъ, за Димромъ, глаза и уши со всѣхъ сторонъ сторожатъ насъ. Худо, что ушли безъ спроса!

— Хуже теперешняго ме будетъ, Семень Семенычъ. Я и то по цѣлымъ мѣсяцамъ, какъ сычъ, у себя на мезонинѣ одинъ сидѣлъ, а почестъ была та же. Дѣло крутой оборотъ приняло. Пришло тятенькѣ въ голову женить меня на старшей кудьбасовской падчерицѣ; а еслибъ вы знали, Семень Семенычъ, какой пронырливый и лукавый Матвѣй Федотычъ: чай отъ него вашему братцу много терять приходится! Я Федотыча насквозь вижу. Какъ случилось со мною несчастье, онъ первый по городу трубилъ, что и такой и слякой я, и давихъ мнѣ каверзъ не строилъ, какими рѣчами не оболгалъ! А какъ смекнулъ, что у тятеньки немаловажный капиталъ остался, такъ и началъ у насъ пороги обивать: лежалый товаръ захотѣлось съ рукъ сбыть. Не выдалъ я его сороковую бочку, телегу немаланую, Агафью Петровну!

— Молитесь, Алексѣй Дмитричъ, молитесь! Вотъ пройдетъ масляница, тутъ ужъ свадьбы играть нельзя. А вы не противьтесь приказу тятеньки, противъ него не говорите. Держите строгій постъ да говѣйте — въ мысль и взойдете, на душѣ у васъ сладится, и тѣма просвѣтлѣетъ.

— Исполню совѣтъ вашъ, Семень Семенычъ, сдѣлаю, какъ вы меня наставляете. Не даромъ говорятъ, что Богъ слѣнца умудряетъ.

— Какая наша мудрость! Только и есть у меня въ жизни, что вѣра да молитва. Вотъ послушайте, я вамъ сыграю.

Семень взялъ кларнетъ и заигралъ. Когда звуки кларнета пронеслись по комнатѣ, какая—то неприятная дрожь пробѣжала по тѣлу Алексѣя Дмитриевича; онъ сталъ пристально глядѣть на не-

худалое лицо слѣпаго. Но чѣмъ долѣе игралъ Семень, тѣмъ болѣе овладѣвало душою Алексѣя Дмитріевича тихое, безмятежное чувство; горе улеглось, и звуки кларнета смягчились, когда Отрубевъ внимательнѣе вслушался въ нихъ.

Семень игралъ долго, потомъ, переставъ играть, запѣлъ что-то умильное. Алексѣй Дмитріевичъ началъ вторить ему и, невольно увлекаясь чувствомъ, пѣлъ громко.

VII.

Наканунъ дня рожденія Алены Селиверстовны, въ домѣ Кульбасовыхъ, въ гостиной и залѣ вымыли полы, обмели по угламъ паутину и постлали въ прихожей половики. Въ кухнѣ приготовлялась великолѣпная кулебяка съ рыбою и съ вязигою. Въ самый день семейнаго праздника, въ гостиной, освѣщенной двумя стеариновыми свѣчами, на диванѣ, подъ портретами хозяевъ, сидѣла Матрена Ефимовна, какъ почетная гостья. Другая гостья, особа чиновная и большая пріятельница Матренѣ Ефимовнѣ, усѣлась на креслѣ визави съ нею, между двумя дочерьми хозяйки. Агаша была въ этотъ вечеръ очаровательна: не только щеки, но и борода и кончикъ носа были подрумянены. Шелковое малиновое платье, съ мыскомъ, смотрящимъ вверхъ, придавало стану неопisanную прелесть. Агафья Петровна съ дѣтства росла въ ширину, но это дородство было не безъ пріятности, и Матрена Ефимовна справедливо замѣчала, что странно, какъ такая дѣвушка, что называется кровь съ молокомъ, можетъ не нравиться ея племяннику, а свела его съ ума сухопарая московская портняжка! Навѣрное, тутъ дѣло, какъ говорила Анна Григорьевна, безъ привораживанья не обошлось. Наталья Петровна не выказывалась въ этотъ вечеръ никакими особенностями: ей еще не пришло время блеснуть своими прелестями предъ зоркою свахою.

Матвѣй Федотовичъ бесѣдовалъ съ своимъ шуриномъ, и мужчины, не занимаясь дамами, вели разговоръ о цѣнахъ на хлѣбъ, о томъ, что продавцы поприжались и теперь не продаютъ, а со дня на день ожидаютъ, что цѣна возвысится; потомъ разговоръ перешелъ къ тому, что нынче нельзя рубль на рубль барыша брать, и много было высказано глубокихъ истинъ о бренности земной и о тому-подобныхъ предметахъ.

Они сидѣли у стола подлѣ двери и курили. Предъ Кульбасовымъ и гостями стояли стаканы съ пивомъ. Хозяинъ часто бралъ

носовой платокъ за конецъ и махалъ имъ по воздуху, разгоня дымъ, котораго не терпѣла Матрена Ефимовна. У другой половинки дверей стоялъ Илья, съ подносомъ въ рукахъ. Шуринъ Матвѣя Федотовича крутилъ свою рѣдкую бороду и говорилъ безъ устали.

— Я тебѣ скажу, Матвѣй Федотычъ, на чемъ нынче свѣтъ-то стоитъ. Смекаешь ты, отчего все это ведется — а? смекаешь? Помнишь ты, прошлаго года по лѣту къ намъ комедіанты понаѣхали и еще одинъ фигли-мигли выдѣлывалъ, на мельницѣ вертѣлся и шпаги глоталъ; вѣдь и ты глядѣлъ, и я глядѣлъ своими двумя глазами, да и не мы одни глазѣли, и людѣ смотрѣлъ; а чему мы дивились — дѣло орѣховой скорлупы не стоитъ! Нашли забаву, на что глаза паять да деньги давать! Пришелъ какой ни-на-есть свѣжій человекъ, ну, и видитъ, что все вздоръ: не ходитъ онъ колесомъ, не вертится на мельницѣ, шпаги не глотаетъ. Оно и вышло озеленіе! А? смѣкаешь? А ты, дурень, деньги отдалъ и туда же глаза таращилъ. Вотъ оно куда пошло!

Матвѣй Федотовичъ крикнулъ и закачалъ головой. Умозаключенія шурина всегда имѣли на него такое дѣйствіе, какъ-будто его въ двадцать градусовъ мороза взяли за ноги и окунули въ прорубь головою, а потому онъ никогда не отвѣчалъ послѣдовательно на выходки шурина. Передъ гостями поставили десертъ: яблоки, сухіе конфекты, изъ которыхъ особенно-заманчиво смотрѣли арбузная и дынная корки, орѣхи разныхъ сортовъ — все это разставлено было въ изобилии.

Алена Селиверстовна принесла на тарелкѣ смоквы, которыя она удивительно умѣла приготавливать, и начала усердно подчивать Матрену Ефимовну.

— Покушайте, матушка Матрена Ефимовна: смоковки-то моего приготвиленца. Это для васъ завѣтныя, гостя моя дорогая!

— Чѣмъ же я ѣсть-то стану, дорогая моя Алена Селиверстовна? На прошлой недѣлѣ послѣдній зубъ напередѣ выпалъ: стала утромъ крендель ѣсть, а онъ и хруснулъ.

— Ничего, прикушайте хоть смоковки, настаивала хозяйка.

Матрена Ефимовна принялась сосать губами смокву.

— Отличная смоква! не на радуешься на васъ, какая вы хозяйка и, вѣрно, дочки въ матушку.

Пріятно, когда отдають похвалу достойному, и потому на замѣчаніе Матрены Ефимовны и хозяйка, и дѣвицы и гостя — всѣ улыгнулись.

— Какъ это, Матрена Ефимовна, молодецъ-то вашъ, племянникъ, все хвораетъ? На видъ онъ у васъ такой бравый, а все жалуется на хворость? начала хозяйка.

— Ужь не говорите, Алена Селиверстовна! Боюсь я за него. Вечоръ его, моего голубчика, такъ схватило, что у меня ажю удущье сдѣлалось. И къ вамъ ему больно хотѣлось, да ужъ я его бузиною напоила и сказала, что какъ ему полегчаетъ, то и поѣдемъ вмѣстѣ къ Матвѣю Фодотычу; ну, онъ и успокоился.

Услыша имя Алексѣя Дмитриевича, шуринъ наострилъ уши и началъ вслушиваться въ разговоръ.

— Признаться вамъ, Матрена Ефимовна, я думала, что вашъ Алексѣй Дмитричъ по гордости знать насъ не хочетъ—согрѣшила грѣшница, осудила его: какъ это старыхъ знакомыхъ забывать? Мы и съ родителями и сродниками его хлѣбъ-соль важивали. Я еще всегда за него горою стояла; мы съ Матвѣемъ Фодотычемъ слова дурнаго не давали про него сказать стороннимъ людямъ. Молодо-зеленцо; съ кѣмъ бѣды не бываетъ! не наше дѣло судить.

— Отъ совѣсти Алѣшенька глазъ къ вамъ показать не можетъ. Онъ мнѣ сегодня говорилъ: поѣзжайте, молъ, тѣтенька, за благимъ дѣломъ, замолвите за меня слово Аленѣ Селиверстовнѣ: пускай не взъищеть за нехождение. Послѣ тятеньки да васъ, тѣтенька, я пуще всего дорожу ласкою Матвѣя Фодотыча да Алены Селиверетовны. Сказать вамъ по откровенности, много Алѣшенька и горя-то терпитъ. Бываетъ, ему часомъ и то и другое, точно лиходѣй какой руку тяжелую наложилъ!

Матрена Ефимовна вздохнула.

— Всяко бываетъ! сказалъ громогласно шуринъ и потрясъ головою. — Я вотъ Фодотычу рассказывалъ, какой случай на моемъ рѣку случился. Былъ у меня пріятель... вмѣстѣ мальчишками голубей гоняли... хорошій былъ человекъ. Вы-то, Алена Селиверстовна, его знавали; Козикъ, по прозвищу Сорока?

— Какъ не знать! Еще у него на правой рукѣ одного пальца не было. Бывало, и говорить: вѣдь я, матушка Алена Селиверстовна, безпальный...

— Ну-съ, онъ самой и есть. Сорокой-то его по отцу прозывали. Покойникъ отецъ Козика любилъ на охоту ходить; возьметъ ружье да пріятеля подцѣпить какого, и пойдетъ — ужъ такое пристрастіе имѣлъ. А зачѣмъ на охоту-то ходилъ? Добредеть, бывало, до дерева, повалится, да и проспится; а домой совѣстно съ пустыми руками прійти: на дорогѣ гдѣ-

нибудь и кувить зайца или тетерью, чтобъ жена на зубы не подыма. Вотъ, былъ онъ съ прителемъ на охотѣ, хватить черевъ край, да и расхвастался : « а-де, говоритъ, одию дробью во ста шаговъ воробья на-повадь положу »; а притель и говоритъ : « чгдъ воробья! убей ужъ сороку, что на корону съла ! » И утораздла же глупую птицу на сливу коровъ състь ! Козикъ и прицѣлился : глядь, корова-то пошаталась, пошаталась, да и грянулась о земь со всѣхъ четырехъ ногъ ; а сороки той и слѣдъ престыль . Отъ зятаго случая его Сорокой и прозвали . Сорока да Сорока — такъ онъ и умеръ сорокою, а прозвище за снмомъ осталось . Вотъ молодой Козикъ и задумалъ жениться ; кажись, дѣло извѣстное : житье человѣкъ и жену ему, хозяйку надо . Для порядка такъ заведено сноконъ вѣка до нашихъ временъ . Налить вамъ сказитъ, сударыни мои, что однажды были мы съ Козикомъ на именинкахъ у Милона Савича Байбарова . Извѣстное дѣло, какъ въ компаніяхъ водится : выпили и поужнали ; отъ хорошаго человека рано не уйдешь . Пошли мы съ Козикомъ домой ; чьсъ второй ночи былъ ; идемъ, да промежь себя тары да бары, а призна-тельно, въ головъ-то у насъ пошумливаю . Смотримъ, по тѣни за нами, кажись, кто-то крадется . Козикъ разъ обернулся, другой обернулся, да кричитъ мнѣ : смотри-ка, за нами оборотень идетъ ! Что жъ бы вы думали ? пробирается по слѣдамъ нашихъ большущій чернѣй котъ, буркалами такъ я сверкаетъ, а самъ все « курны » да « курны » . Вошли мы и на мостъ : что жъ, сударыни мои ? кошка-то за нами по слѣдамъ, то припрыгнетъ, то поползетъ и спину выгнетъ, то приостановится и зафыркаетъ, а хвостъ кломъ торчитъ . Козикъ и говоритъ : что братишь, чернѣй-то не даромъ за нами увязался ; это не спроста ! Какъ вошли мы на мостъ, я нарочно приостановился, да нагнулся, а самъ промежь ногъ-то и смотрю . Кошка и прыгъ ко мнѣ ; я ее ухватилъ за заднія лапы да и махнулъ въ Дивьпръ : слышали мы съ Козикомъ, какъ онъ и въ воду бултыхъ . Ну, говорю я Козикъ, утопили мы льшаго въ омутъ, и пошли себѣ . Не успѣли мы мостъ пройти, откуда ни возьмись, котъ намъ шмыгъ на встрѣчу и началъ около насъ такія штуки выдѣлывать, что намъ жутко стало, и прошила дрожь . Ну, братъ, васька, говоритъ Козикъ кошке, видно, намъ отъ тебя добромъ не отдѣлаться : только дозвоаемся, за котораго пѣзъ насъ ты гоняешься ? Вошли мы да и разошлись по сторонамъ . Что жъ произошло ? Вѣдь оборотень проклятый за Козикомъ пошелъ ; идти да на Козика глазами поводить, да хвостъ прыч

котъ согнулъ. Козикъ-то опослѣ разсказывалъ, что какъ пришелъ онъ домой, да отворилъ въ комнату дверь, вотъ-то, какъ шаманой, впередъ его бросился, всѣ углы обшарилъ — и пошла его нелегкая по комнатамъ носить : и на столѣ, и на стульяхъ, вездѣ перебивалъ. Цѣлую недѣлю не могли выжить изъ дому. Анъ вотъ оно, какая тутъ кабарда произошла ! Женится Козикъ ; гляжу : сюрёшенько послѣ свадьбы носъ и повѣсилъ, и говоритъ мнѣ : видно ужъ судьба моя такая злощастная : помнишь черную кошку, чтò тогда за нами увязалась ? Я и смеянулъ, что та черная кошка была теперешняя жenuшка Козика. Почитай онъ и мѣсяца съ нею путно не выжилъ ; а надѣть вамъ, сударыни мои, доложить, что взялъ Козикъ жену черноглазую : и волосъ черный, и обликъ и манерцы у нея такія кошачьи были. Въ дому у него пошло все вверхъ дномъ, сущій Содомъ и Гоморъ ! Вотъ тебѣ и черный котъ ! Черезъ чернаго-то оборотня Козикъ и въ гробъ пошелъ. Тогда-то я и спохватился, кого въ Днѣпръ-то топилъ.

Слушатели молчали.

— Оборотень ! проговорила наконецъ Матрена Ефимовна : — ужъ будто они и обликъ человѣческій принимаютъ ? Ну, а послѣ женитьбы черная-то кошка не показывалась ему, мой батюшка ?

— Довольно-съ и одного раза было. Говорю вамъ, что отъ этой причины Козикъ въ землю пошелъ. Чтò ему за нимъ по улицамъ ходить, самъ доброю волею въ сожительство взялъ !

— Пстой-ка, братъ ! ты вотъ все въ словахъ путаешься ; я тебя прослушалъ. Сперва ты сказалъ, что за вами увязалась черная кошка, а потомъ черный котъ. Ужъ ты говори по справедливости, то-есть какъ было, сказалъ Матвѣй Федотовичъ, желая сбить шурина и дать ему почувствовать, что и мы кое-что понимаемъ.

— Котомъ, кошкою, это ужъ такъ весь родъ кошачій прозывается : стало, и попрежде насъ съ тобою разобратъ не могли. Оно на взглядъ какъ хочешь, пожалуй котъ, а пожалуй и кошка — въ сужденіи все-таки тварь будетъ ; съ разу не распознаешь, отъвѣчалъ шурина.

Еще въ началѣ, а потомъ и во все время разсказа шурина, Матвѣй Федотовичъ подливалъ себѣ въ стаканъ рому и пилъ пуншъ ; вдругъ ему стало очень-весело и захотѣлось смѣяться ; онъ взглянулъ на шурина и залился хохотомъ : ему показалось, что у шурина, вмѣсто бороды, кошачья морда. Алѣна Селиверстова была очень-недовольна смѣхомъ мужа и нарочно громко заговорила съ гостею.

— Чего это не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ, какихъ уму непо-
стижимыхъ происшествій! сказала она и подвинулась къ Матренѣ
Ефимовнѣ.

— Не надивуюсь я и сама, матушка Алёна Селиверстовна,
какія ужасті приключаются. Есть и у меня на душѣ горюшко,
и рассказывать-то страхъ беретъ. Изведутъ лиходѣи моего Алё-
шеньку, напустили на него черную немочь, сказала Матрена
Ефимовна.

— Храни Господи, что́ это вы говорите! воскликнула хозяйка
и съ любопытствомъ посмотрѣла на Матрену Ефимовну.

— Рассказала бы я вамъ всю бѣду мою нерасчерпаемую, да
вотъ не приходится, чтобъ красныя дѣвицы слушали.

— Что́ вы это усѣлись, какъ пришитыя! сказала Алёна Сели-
верстовна дочерямъ : — пошли бы да промялись; чай ноги от-
сидѣли!

Сестры съ неудовольствіемъ отошли отъ стола: имъ очень хо-
тѣлось узнать секретъ Матрѣны Ефимовны и на зло совсѣмъ ушли
изъ комнаты.

— Ступай, Ильюшка; нужно будетъ, позовутъ, прибавила хо-
зайка, обращаясь къ прикащику и указала ему на дверь. Илья
ушелъ.

Матрѣна Ефимовна начала перешептываться съ хозяйкою.

— Только вы, моя родная Алёна Селиверстовна, никому не
говорите, что́ скажу я вамъ въ тайности.

— Что́ вы, Матрѣна Ефимовна, и во снѣ не проболтаюсь!

— Алёшеньку-то у насъ спортили привораживаньемъ да при-
говорами заддѣпровскіе прощальги, чтобъ имъ...

— Ахти, мать моя! я и сама то же думала, что у васъ съ
нимъ неладно! Да кто же посягнулъ на его молодость? Только
скажите: я всякую порчу какъ рукою сниму! Меня одна старушка
научила; приходила она изъ далекихъ странъ. Мнѣ же нельзя
этихъ средствъ не знать: у меня двѣ дѣвки на рукахъ!

— Григорьевна, что Межжорихой прозывается. У нея еще
дочка у здѣшнихъ помѣщиковъ Ишкиныхъ въ Москвѣ гостила;
вотъ та, что́ портняжить-то. Голь перекатная, ворожбою да вся-
кими смутьянствами вся семейка перебивается. Да никакъ у васъ
сынишка-то межжорихинъ въ сидѣльцахъ живетъ? Поселили вы
въ своемъ домѣ змѣиное отродье! Это онъ и чай-то намъ пода-
вать? Не рада я была, что и увидѣла его.

Алёна Селиверстовна вскрикнула и повлоснула руками. Кульбаева покосилась на жену.

— Экъ гаркнула! сказалъ онъ: — аль тебя укусило что?

— Наша, батюшка, женское дѣло, не прикасайся! Матрёна Ефимовна одинъ секретецъ мнѣ рассказывала. Обобща меня жалостью да убожествомъ мать-то Ильющина, продолжала Алёна Селиверстовна, обращаясь къ Матрѣнѣ Ефимовнѣ: — такою казанскою сиротою прикинулась, все такъ жалобно говорила; мнѣ и не въ-догадъ было, что она колдунья — все на Агашу глазищи палила. Теперь-то я на разумъ надела: что жь бы вы думали? вѣдь у Агашки на другой день губы такъ выворотило, что ажно лицо покривилось.

— Говорю вамъ, что Межжориха самая наибольшая вѣдьма; повадили онъ съ дочкою къ себѣ моего Алѣшеньку. Сами знаете, много ли молодцу надобно: разъ она его повадила, онъ и сталъ липнуть; не ѣсть, не пить, все тянетъ его къ московской портянкѣ!

И Матрёна Ефимовна захохла.

Прощаясь съ Матрёною Ефимовною, хозяйка сунула ей въ руку грязную бумажку, въ которой была завернута какая-то трава.

— Только дайте ему въ чемъ-нибудь семь разъ натошакъ съѣсть этой травы — всю порчу какъ рукою сниметъ; головою вамъ ручаюсь, что пройдетъ, говорила Алёна Селиверстовна, провожая гостью.

— Милости просимъ къ намъ въ четверкъ блинковъ покушать. Братецъ безпрѣмѣнно просить приказалъ.

— Будемъ, будемъ, Матрёна Ефимовна, сказалъ Матвѣй Федотовичъ, провожая старуху въ сѣни.

На дворѣ стояли помшани, покрытыя ковромъ; Петрушка сидѣлъ на облучкѣ и съ-просонья маталъ на лошади янудомъ. Садясь въ сани, Матрёна Ефимовна долго уговаривала Петрушку не бить лошадей и нешайбо взать съ горы.

VIII.

Провода барышень въ Дворянское Собраніе, Маша долго не рѣшалась идти на свиданіе съ Алексѣемъ Дмитриевичемъ, несколько разъ надѣвала и опять снимала есаокъ. Она вполне сознавалась, что поступила опрометчиво, соглашаясь видѣться на-

едниъ съ молодымъ человѣкомъ; не Алексѣй Дмитриевичъ былъ вчера такъ жалокъ и убитъ горемъ, такъ убѣдительно просилъ ее прійти и хотѣлъ сказать ей что-то очень-важное... Притомъ же, думала она, изъ домашнихъ никто не узнаетъ, что я ходила; а если спросятъ барышни, я скажу, что была у брата: онъ живетъ отсюда близко.

Во всѣхъ окнахъ квартиры Ишковыхъ было темно; люди пошатаясь по угламъ и заснули. Маша, никѣмъ незамѣченная, вышла на крыльцо и пошла по улицѣ.

Она поспѣшно шла къ форштату. Ужъ показались маленькіе дома съ прогнившими столбами, на которыхъ висѣли драныя половинки воротъ, и кругомъ раздавался отчаянный вой собакъ. Алексѣй Дмитриевичъ ждалъ ужъ болѣе часа; онъ нѣсколько разъ прошелъ по Петербургской Улицѣ мимо грязной цирюльни, гдѣ висѣла на стѣнѣ лампа съ разбитымъ стекломъ и дремала у дверей цирюльничъ, въ ожиданіи бороды повѣстителя.

Алексѣй Дмитриевичъ разъ десять обошелъ весь форштатъ и, наскучивъ долгимъ ожиданьемъ, сталъ громко стучать каблуками по обмеральмъ деревяннымъ подмосткамъ.

Навстрѣчу къ нему шла Маша.

— Это вы, Марья Семеновна? А я васъ часа три ждалъ! сказалъ Алексѣй Дмитриевичъ. — Я полагалъ, что вы и не прійдете; а меня сегодня къ Кульбасовымъ посылаютъ тятенька: у нихъ рожденіе Алѣны Селиверстовны празднуютъ. Да ужъ я просилъ тятеньку сказать, что въ постели лежу. Благодарю Бога за то, что тятенька на этотъ разъ по-моему сдѣлала: добрый стихъ на нее нашелъ; а то, каково бы мнѣ было цѣлый вечеръ смотреть на чурбанъ ппезвннй — на мою суженую-ряженую!

— Старшая вамъ не нравится, такъ понравится, можетъ-быть, меньшая; напрасно вы не поѣхали съ тятенькою.

— Развѣ только тѣмъ взяла, что сонлива больно. Я и то разъ, по приѣзду тятеньки, былъ у Матвѣя Федотыча, и вывела Алѣна Селиверстовна ко мнѣ дочекъ на-показъ. Старшая, что ни скажетъ, какъ топоромъ отрубить, а меньшая, по скромности, видно, спать захотѣла. Сталъ я прощаться, а Матвѣй Федотычъ и говорить: Наташа, что жъ ты не кланяешься? Алексѣй Дмитричъ уходитъ! Я взглянулъ на нее, а она и глазъ раскрыть не можетъ: прикурнула покуда мы разговаривали.

— Какой вы насмѣшникъ, Алексѣй Дмитричъ! Вы, пожалуй, съ своими пріятелями и надо мною насмѣхаетесь. Дурно я одѣ-

жала, что пришла по словамъ вашимъ. Не слѣдъ мнѣ было идти съ вами видѣться... Я сейчасъ уйду; говорите скорѣе, что вамъ нужно было передать мнѣ; я въ такой поздній часъ одна изъ чужаго дома ушла...

— Ужъ такъ мнѣ нужно было видѣть васъ, Марья Семеновна, я сегодня цѣлую ночь напролетъ не спалъ: ждалъ не дождался часа обѣщаннаго. Все, что лежитъ у меня на душѣ горя, все вамъ выскажу.

Алексѣй Дмитріевичъ остановился; голосъ его перервался; слова не клеились.

Молодые люди шли нѣсколько времени молча.

— Еслибъ вы знали, Марья Семеновна, какой вчера мнѣ день выдался, что я дома вытерпѣлъ — какъ злые люди наговорили на меня тятенькѣ!

— Кто же такой врагъ у васъ? Вы сами не разъ говорили, что, кромѣ насъ, никуда не ходите, а отъ насъ пустыя рѣчи къ вамъ въ домъ не перебѣгутъ!

Алексѣй Дмитріевичъ отчаянно махнулъ рукою.

— Не о томъ рѣчь, Марья Семеновна. Еслибъ я не любилъ васъ, началъ онъ смѣло и рѣшительно: — не терпѣлъ бы укоровъ да безчестья, а ушелъ бы, куда глаза глядятъ. Но теперь, будь вдвое лютѣ моя жизнь, не могу я бросить родной городъ!

Маша не отвѣчала. Отрубевъ взялъ ее за руку и продолжалъ:

— Вы только слово одно скажите мнѣ, Марья Семеновна, что ненарасно мучусь я. У прочихъ людей солнце утромъ всходитъ и бѣлый день наступаетъ, а я не вижу дня свѣтлаго: дожидаюсь я, какъ оно за горы спрячется, крадусь я подъ вечеръ, какъ воръ ночной, чтобъ видѣть васъ, Марья Семеновна! И не нужно мнѣ свѣта блага; пускай тоска грызетъ меня, только дайте мнѣ слово крѣпкое, что не будете вы ни чьею женою, пока я живъ буду!...

И Алексѣй Дмитріевичъ горячо пожалъ руку Машы. Дѣвушка молчала и вдругъ остановилась. Алексѣй Дмитріевичъ почувствовалъ, что все закружилось передъ его глазами; онъ обнялъ Машу...

— Ни за кого не пойду, шептала дѣвушка, и Отрубевъ обмеръ отъ этого слова.

Изъ-подъ сосѣдней подворотни выползла на брюхѣ собака, бросилась подъ ноги Алексѣю Дмитріевичу и начала съ ожесточеніемъ теревить его за подолъ шубы.

Отрубевъ проводилъ Машу до квартиры Ишкиныхъ. На сердца

у него стало такъ легко и свободно! Пройдя гору, онъ снялъ фуражку, потомъ опять надѣлъ ее и безотчетно нѣсколько разъ перешелъ улицу. Съ горы съѣзжали шагомъ пошивни, въ которыхъ сидѣла Матрена Ефимовна.

— Петруха! а Петруха! крикнулъ Алексѣй Дмитріевичъ.

Пошивни остановились, и молодой человѣкъ подошелъ къ тѣткѣ. Матрена Ефимовна заахала и ухватилась за Петрушку.

— Откоснитесь; что цѣпляетесь? ворчалъ Петрушка: — а вы ослѣпли? это хозяинъ!

— Алѣшенька, это ты? А я жъ со страху сомгѣла, ажно въ жаръ бросило!

— Чего же вы испугались? Вѣдь вы знали, что я васъ ждать буду.

— Такъ, мой соколикъ! Шуринъ-то Матвѣя Федотыча ужаси какія страсти рассказывалъ.

Алексѣй Дмитріевичъ сѣлъ подлѣ тѣтки и приказалъ Петрушкѣ ѣхать скорѣе.

— Голубчикъ мой, Алѣшенька, не вели ты ему такъ лошадь стегать: разнесетъ она наши косточки!

— Не бойтесь, тѣтенька, конь-то нашъ отъ старости едва ноги волочить — не понесетъ.

— А гдѣ же это ты былъ? спросила Матрена Ефимовна.

— У Змѣева, Федора Иваныча, по своему дѣлу справлялся. Говорилъ онъ мнѣ, что плуть-то въ острогъ попался.

— Услышалъ Богъ мои молитвы! Теперь ужъ не отвернется! Отольются волку овечьи слезы!

— Пойдетъ дѣло своимъ порядкомъ. А что, тѣтенька? чай Кульбасова мелкимъ бѣсомъ предъ вами рассыпалась, егозила и сорочила и въ хвостъ и въ голову?

— Ничего, Алѣшенька! О тебѣ все очень спрашивала, а Агашенька красѣла да губы кусала, какъ твое имя поминали. Ужъ посмотрѣла я, какія красавицы-дочки уродились у Алѣвы Селиверстовны, точно наливыя яблочки!

— Мужа скоро разорять: на бѣвила да на румяна много денегъ потребуютъ. Смотрите, тѣтенька, не проговоритесь вы тѣтенькѣ, что я со двора ходилъ.

— Сохрани Господи, Алѣшенька! Развѣ Марковна, грѣхомъ, пробрехается.

— Да она-то почему узнаетъ? Я дверь приперъ: постучится да и прочь пойдетъ; подумаетъ, что я заспался. Вы послушайте

меня, тѣтенка : если тятенька будетъ клонить меня на женитьбу, вы скажите, что вотъ-маль Алексѣй, подумавъ, не прочь и жениться. Скажите, что, дескать, отъ меня объ этомъ просить.

— Алѣшенька, другъ ты мой! видно, оставилъ тебя врагъ-то. Вечоръ я тебѣ въ картузъ травку такую пользительную зашила: она, видно, ворожебу осилила; теперь тебя не будетъ больше тянуть къ московской пертяжкѣ.

Матрена Беймова съ радости чуть не вывалилась изъ саеней, но въ эту минуту они остановились у воротъ дома Отрубева.

IX.

Печально шло время въ домъ Анны Григорьевны. Сосѣди громко говорили, что Отрубевъ днюетъ и ночуетъ у Межжеровыхъ. Неутомимо-враждующая Сысоевна своими сметными подняла на ноги весь околотокъ. Часто случалось, что въ праздничный день подгулявшіе мѣщане, затянувъ пѣсни и желая щегольнуть молодецкою удалью, ватагою проходили мимо дома Межжеровыхъ, стучали въ калитку, отпуская остроты на-счетъ влюбленного Алексѣя Дмитріевича и предлагали покумиться съ Машею. На ихъ буйное веселье и громкій смѣхъ отвѣчалъ только лай Арапки, да трепетало отъ радости сердце Сысоевны, ближайшей сосѣдки Анны Григорьевны.

Всѣ эти мелочныя оскорбленія тяжело падали на сердце Семена. Отъ давно понявъ любовь сестры и, разговаривая съ Машею, по отрывистымъ ея рѣчамъ, по трепету ея голоса отгадала, въ чемъ дѣло, и выжидалъ только времени, чтобъ дѣйствовать и отстаивать сестру. Маша любила Отрубева со всею горячностью первой привязанности. Бѣдная дѣвушка, наглядѣвшаяся на веселую и счастливую жизнь богатыхъ, по возвращеніи изъ Москвы, долго страдала среди однообразной жизни своего семейства. Случай развернулъ въ ней понятія, чуждыя тому кругу, въ которомъ судьба назначила ей жить. Только твердая воля Анны Григорьевны, живая и умная ея заботливость спасли молодую дѣвушку отъ отчаянія. И вотъ, она встрѣтила молодого человека несчастнаго, но по богатству и званію стоящаго выше ихъ во мнѣніи заднѣпровскихъ жителей; она замѣтила, что Алексѣй Дмитріевичъ, необращавшій никакого вниманія на богатыхъ дѣвушекъ, у которыхъ она работала, находилъ удовольствіе говорить только съ нею одною и часто проводилъ время въ

ихъ семействъ, какъ-бы желая показать ей, что уважалъ ихъ бѣдность. Сердце дѣвушки невольно увлеклось новою, заманчивою страстью. Иногда Маша работала медленно; грудь ея болѣзненно ныла; голова была тяжела, а предъ глазами ея появлялся Алексѣй Дмитриевичъ, грустный и разстроенный. То вдругъ блѣдное лицо ея оживлялось, и сердце, поддаваясь какому-то грустному трепету, напоминало ей голосъ молодаго человѣка; потомъ она возвращалась къ сознанію и со страхомъ видѣла, съ какимъ удивленіемъ слѣдили за нею сторонніе глаза.

Въ угольной комнатѣ, у окна, сидѣла Маша и шила сѣтцевое платье. На полу, почти во всю длину комнаты, была разстлана шинель. Анна Григорьевна стояла на колымажкѣ и, наклонивъ голову, пристально разсматривала подкладку, потомъ оторвала нитку, нѣсколько секундъ вдѣвала ее въ иголку и начала престогиать подошъ шинели.

— Куда это я ножницы дѣвала? сказала она, ощупывая рукою вошгъ шинели. — Ты, что ли, ихъ взяла, Маша? Какой, право, Илья неряха: совсѣмъ подошъ у шинели обиль, и зиму не вынеслъ. А шинель-то совсѣмъ была новѣхонья, когда подарилъ Александръ Владимірычъ. И какая ходьба-то его? Развѣ куда хозяинъ пошлетъ да домой въ праздникъ прійдетъ. На немъ такъ и горитъ платье — таковой носкій!

Маша взяла ножницы и подала ихъ матери.

Послышался стукъ въ калитку.

— Стучатся; отвори Маша. И кого это же въ-пору пришло?

Маша ушла и чрезъ нѣсколько минутъ возвратилась; съ нею вошла женщина высокаго роста, имѣвшая даръ какъ-то необыкновенно косить глазами. При входѣ въ комнату, она быстро осмотрѣла всѣ предметы и, казалось, кого-то искала.

— Здравствуйте, матушка Лизавета Ларионовна, сказала Анна Григорьевна, приподымаясь съ колымажки.

— Здравствуйте, Анна Григорьевна. А вы, матушка, все за работомъ?

— Да. Милости просимъ, садитесь вотъ тутъ, на диванъ. Какъ здравствуетъ вашъ супругъ?

Гостья перекинула чрезъ шинель и сѣла на диванъ.

— Ничего, живемъ оба помаленьку; только у мужа другіе недѣлю ломъ въ ногахъ. Я его муравьинымъ спиртомъ палюю, такъ получше теперь, сказала гостья и подозрительно оглядывая Машу съ головы до ногъ.

Лизавета Ларионовна пришла именно для того, чтобъ собственными глазами увѣриться въ окончательной погибели Машы: общее мнѣніе давно ужь рѣшило, что она погибшая. Желая услужить Матрени Бѣиловнѣ, съ которою была очень-дружна, Лизавета Ларионовна взялась узнать всю подноготную: много ли Алексѣй Дмитриевичъ отцовскаго добра передаетъ Межжеровымъ, поговариваетъ ли Анна Григорьевна о свадьбѣ, и пр. Всѣ эти живые вопросы волновали гостью, а грустное лицо Машы подтверждало ея сомнѣнія, и потому гостя начала выпрашивать издалека.

— А вамъ грѣшно, Марья Семеновна, сказала она: — совсѣмъ меня забыть. Ну, матушка-то ваша все за работою, да у ней и домашнего дѣла много, а вы частенько мимо воротъ моихъ похаживаете, а къ намъ и не заглянете.

— Я все это время была занята работою; право, Лизавета Ларионовна, совсѣмъ нѣтъ свободнаго времени, отвѣчала Маша.

— Это и видно, Марья Семеновна, что ужь слишкомъ изнуряете себя работою. Я вотъ смотрю на васъ да и думаю: совсѣмъ вамъ не мѣсто у насъ за Днѣпромъ жить, между нами необразованными. Напрасно только матушка взяла васъ отъ Иппиныхъ; столица же вамъ благопріятствовала; а живучи здѣсь и свѣта блага, каковъ онъ есть, не увидите!

— Нѣтъ, Лизавета Ларионовна, позвольте мнѣ сказать, что напрасно вы говорите, будто Машѣ не мѣсто у матери жить. Какое намъ дѣло, что недоброжелатели бросаютъ на нашъ дворъ щепки? Мы живемъ для своей семьи, сказала Анна Григорьевна.

Она знала, что гостя любила, отъ нечего-дѣлать, собирать ещѣтніи и разносить ихъ по домамъ, и догадывалась, что Лизавета Ларионовна пришла вовсе не изъ участія, продолжала прилежно работать и мало разговаривала съ гостей.

— Я вамъ это все любя васъ говорю, продолжала Лизавета Ларионовна: — по душѣ жаль мнѣ, что Марья Семеновна совсѣмъ захирѣетъ здѣсь. Сами знаете, какіе у насъ женихи-то могутъ быть — все неотесанные мѣщане, грошовые торговцы! А она у васъ дворянкой смотреть: по ней и мужа молодца надобно, а у насъ кругомъ на десять верстъ такихъ нѣтъ. Я и старуха, да мнѣ времечкомъ приходится тошнѣхонько въ такомъ захолустьѣ жить. А чтѣ дѣлать! власти нѣтъ, должна все это терпѣть по милости моего Якова Павлыча. Воспитывалась я и жила не въ курной избѣ, а также, какъ Марья Семеновна, была въ барскомъ домѣ. Подсунулся Яковъ Павлычъ и пустилъ пыль въ глаза; на-

сказалъ мнѣ съ три короба : я, де-скажь, учился и до философіи дошелъ. Я и спрашиваю у знающихъ людей, что, молъ, эта та-кое философія-то, чинъ, что ли, какой. Какой тамъ чинъ! вся-то эта философія выдѣннаго яйца не стоитъ. Я, говоритъ, самъ до всего дойду; повертѣлся, повертѣлся и дошелъ—было до желтаго дома. Цѣлый вѣкъ у меня заѣлъ; молодость мою, какъ траву скошенную, высушилъ; тридцать лѣтъ маюсь... Перешла я, по его милости, изъ хоромъ да въ яму; пророчили мнѣ все это добрые люди, говорили золотыя слова, да у меня въ то время уши, видно, детемъ были замазаны.

Ожидая, что Анна Григорьевна, вызванная на откровенность ея разговоромъ, расскажетъ ей и свои обстоятельства, гостя безпрестанно посматривала на старушку; но Анна Григорьевна только иногда качала головою и обрѣзывала растрепавшуюся подкладку шинели.

— А я вѣдь къ вашему Семену Семенычу пришла; крайняя нужда его видѣть. Дома ли онъ?

— Гдѣ жъ ему быть? тамъ у себя въ столярной что-то дѣлаетъ.

— Маша, сказала Анна Григорьевна, обращаясь къ дочери: — пойдн, позови Семена.

— Что жъ Марья Семеновнѣ беспокоиться, я и сама пойду.

— Куда вамъ идти! пускай она позоветъ брата.

Маша вышла изъ комнаты. Гостя только и выжидала случая остаться съ Анною Григорьевною наединѣ. Проводя Машу глазами, она вздохнула.

— Что это, матушка Анна Григорьевна, Марья Семеновна у васъ такая блѣдная; вы бы съ докторомъ посоветовались, у васъ же Макаровъ всегда подъ-рукою: онъ и за леченье съ васъ ни копейки не возьметъ.

— Христось съ вами, Лизавета Ларионовна! отъ чего я Машу лечить буду? Она, слава Богу, никакой особенной боли не чувствуетъ, отвѣчала, улыбаясь, Анна Григорьевна.

Гостя сдѣлала кислую мину.

— Охъ, тяжело нынче, правду сказать, имѣть взрослыхъ дѣтей! Я—такъ благодарю Бога, что у меня нѣтъ этой заботы. Какъ погляжу, что нынче на свѣтъ дѣлается --- голова кругомъ поидеть. Хоть бы васъ взять, примѣрно, Анна Григорьевна: сколько у васъ горя и заботъ; еще какъ вы это все переносите; видимо, Господь васъ милуетъ.

Анна Григорьевна оставила работу и, приподнявъ голову, посмотрѣла черезъ очки на гостью, которая превратилась вся въ слухъ, ожидая сердечныхъ извланій старухи.

— Какъ же вы хотите, чтобы у бедной матери семейства не было заботы? Топерешняя моя жизнь лишней тяжести мнѣ на плеча не взваливается. Блѣдна моя Маша — у ней ужь обликъ такой; за-то не темна у нея душа, и я знаю, что на сердцѣ у нея нѣтъ худаго помысла. О женихахъ особой печали, правду сказать, мы не имѣемъ: присвадается за Машу хоть и нашъ братъ, только бы не распущенный какой — и выйдетъ она, а не будетъ судьбы — и въ двѣихъ просидитъ: безчестна нѣтъ. Это вы рѣчи-то ведете, Лизавета Ларионовна, съ молвы оссладушекъ. На чужой ротокъ не накинешь платокъ, сказала Анна Григорьевна и вдругъ перебила круто разговоръ:

— Говорили вы, Лизавета Ларионовна, что сожигатель вашъ лемотою въ ногахъ страдаетъ; я вспомнила одно средство, чѣмъ въ двѣ недѣли воспользовался Агапчъ. Въ одну недѣлю зантъ сожигатель свѣтъ увидитъ.

Лизавета Ларионовна такъ сложила пальцы, что они хрустнули, и подумала: «Ужъ я тебя, старая лиза, на полянку выведу. Точно гвоздь на заборъ — ломится, а не поддается!» и еще больше стала косить глазами.

Между-тѣмъ Маша прошла въ комнату брата.

— Братецъ, Лизавета Ларионовна пришла и васъ зоветъ: ей что-то нужно съ вами поговорить.

Семень сидѣлъ и пилилъ доску; вокругъ него лежали на полу отружки, а подлѣ него стоялъ старшій чугунокъ съ разведеннымъ клеємъ. Въ комнатѣ было темно; единственное маленькое окно внесено было свѣтомъ.

— Зачѣмъ это я ей нуженъ? сказалъ Семень. — Ходятъ, зашатали, по соседямъ, да по дворамъ на двостъ соръ разбрасываютъ. Давать имъ нечего! Онъ всталъ, положилъ пилу на палъ, снялъ съ себя старую кацавейку Анны Григорьевны, обшарилъ руками стѣну, гдѣ висѣлъ его сюртукъ, надѣлъ его, застегнулъ и пошелъ за сестрою.

— Вотъ вамъ и Семень на-лицо, сказала Анна Григорьевна, когда слѣной вошла.

— Здравствуйте, Семень Семенчъ; а я къ вамъ съ просьбой.

— Чтò вамъ требуется, Лизавета Ларионовна? спросилъ онъ, садясь на стулъ подлѣ лежанки.

— Да вотъ, мой батюшка, затѣялась у Безбородовыхъ свадьба: старшаго сына женить. Упрашивали, умаливали, чтобъ я была посаженою матерью. Говорять, коли я не соглашусь, то свадьба не быть. Не хотѣлось мнѣ, да подумала, что отъ благого дѣла не слѣдъ отказываться, ну и дала слово! Желалось бы мнѣ сдѣлать для нихъ сюрпризъ. Свадьба будетъ у нихъ парадная: въ предсѣдательской каретѣ къ вѣнцу поѣдутъ; позѣжано будутъ не какія-нибудь, а все благородные; молодымъ-то нужно будетъ гостей позабавить танцами, а у насъ, известно, такой городокъ, что игруновъ ни на какихъ инструментахъ не достанешь. Вы, мой батюшка, мастеръ на олейтѣ играть всякія пѣсни, вы бы поиграли, а молодые бы поплясали.

— Я, матушка, Лизавета Ларионовна, на олейтѣ не играю; а такъ, самоучкою, для себя, на кларнетѣ наигрываю духовныя пѣсни и псалмы; а танцевъ отродясь не играла.

— Играйте, что знаете, пѣсенку веселую какую, а гости попрыгаютъ. Все-равно, кларнетъ, такъ кларнетъ. И какіе особенныя танцы нужно играть, Семень Семенычъ? Вѣдь вы только не хотите; а какъ же въ прошломъ году ходилъ по всему городу пѣмецъ съ органомъ и собачонокъ таскалъ — твари неразумныя, а бывало, какъ подъ его гудокъ запляшутъ — всякъ распотѣшутъ. Ну и вы, мой батюшка, гудите на кларнетѣ, что на мысль пришло: никто не взъищеть!

— Нѣтъ, ужъ увольте меня, Лизавета Ларионовна. Гдѣ мнѣ, слѣпому, по пирамъ ходить!

— Напрасно гордитесь, Семень Семенычъ. Я бы настояла, чтобъ вамъ за труды хорошая благодарность была.

— Целите, Лизавета Ларионовна; что это вамъ въ голову пришло! Какой Семень музыкантъ, что пойдетъ въ народъ играть! сказала Анна Григорьевна.

— Вы, Анна Григорьевна, не обижайтесь моею просьбою, потому-что у предсѣдателя, какъ соберутся гости, барышня садится за фортепьяны, и гости промежь собою танцуютъ.

— Я и не обижаясь. Еслибъ Семень умѣлъ играть, слова бы не сказала: онъ пошелъ бы по вашему приглашенію и игралъ бы цѣлый вечеръ на-пролетъ.

Гостыя надулась и, по своей привычкѣ, начала осматривать комнату: ей хотѣлось чѣмъ-нибудь улюловать Анну Григорьевну.

— Позвольте узнать, чей это у васъ портретъ? спросила она, указавъ рукою на стѣну, гдѣ повѣшенъ былъ портретъ мужа

Анны Григорьевны, писанный болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ. Портретъ полинялъ и облупился, но Анна Григорьевна очень дорожила имъ, такъ же, какъ и бумажникомъ своего покойнаго мужа. Много было прежде денегъ въ этомъ бумажникѣ, а теперь въ немъ лежали только обветшалыя расписки должниковъ, по которымъ Анна Григорьевна не могла ничего получить. Портретъ и бумажникъ были заветныя ея вещи; они напоминали ей то время, когда она жила богатою и счастливою!

— Покойникъ Семень Петровичъ снималъ еще въ Москвѣ свой портретъ, я его сама объ этомъ просила. Да и портретъ—то у меня тутъ на стѣнѣ давнешенько висить, и вы его не разъ видали, да видно забыли, сказала Анна Григорьевна.

— А нехорошо *патреты* съ себя писать, и какое это несчастіе приносить! Вотъ оно надъ вашимъ сожителемъ и сбылось! У меня былъ двоюродный братъ, дослужился онъ до обер-офицера, скопилъ денежку на черный день, приличную партію по своему званію сдѣлалъ. Жена—то и пристала къ нему: напиши да напиши свой патреть. Ну, позвали живописца, онъ и нарисовалъ. Да что жъ вышло? Съ самаго того времени братъ мой сталъ прихварывать, точно что заколдовало его; домъ пошелъ вверхъ дномъ. Записалъ живописецъ его счастье! Вотъ тутъ, какъ хотите, такъ и судите.

— Какъ это такъ, Лизавета Ларионовна, кажись, всѣ съ себя снимаютъ портреты. Бывала я въ Москвѣ въ большихъ господскихъ домахъ и видѣла, что и знатные господа такъ дѣлаютъ; а ничего—живутъ въ благополучіи, отвѣчала Анна Григорьевна.

— Жила и я, метушка, въ столичномъ городѣ, славу Богу, увидалась всего на своемъ вѣку. Все это до поры, до времени.

Анна Григорьевна недоувѣрчиво поглядѣла на рассказчицу.

— Богъ вамъ судья, Семень Семенычъ! не хотѣли вы уважить моей просьбы, сказала гостя, вставая съ дивана. — Заболталась я съ вами, а Матрѣна Бенимовна за мною работника присылала: ей что—то нездоровится, просила провѣдать прійти. Я думала, что встрѣчу у васъ Алексѣя Дмитрича, такъ съ нимъ бы и до дому дошла. Онъ у васъ вѣдь не рѣдкій гость.

— Да, частенько ходитъ къ Семену, и вечеръ былъ.

— Еще и сама хвастается, что къ дочкѣ ходитъ! чуть—было громко не сказала гостя и стала прощаться. Анна Григорьевна пошла провожать гостью.

Выходя отъ Межжеровыхъ, на порогъ калитки Лизавета Ларио-

новна встрѣтила старика, на которомъ надѣта была большая баранья шапка и поношенная шинель. Старикъ былъ сильно озабоченъ и, поднявъ лѣвую руку, дѣлалъ таинственные знаки Аннѣ Григорьевнѣ.

— Видно, сегодня такой черный день выдался, и этотъ Агапычъ навстрѣчу подвернулся!

Старикъ пошелъ съ Анною Григорьевною по двору.

— Здравствуй, Григорьевна, сказалъ онъ: — нерадостную вѣсть принесъ я тебѣ; ажно самого какъ варомъ сварило!

Войдя въ угольную комнату, Агапычъ перекрестился на образъ и положилъ на лежанку свою шапку съ огромными наушниками.

— Я по походкѣ слышу, что дорогій гость пришелъ, сказалъ Семень. — Здравствуй, Агапычъ, какъ поживаешь? Гдѣ это ты запропастился? дня три не былъ.

— Садись, Агапычъ, сказала Маша.

Но Агапычъ не садился и, казалось, не слыжалъ, чтѣ ему говорили, шевелилъ губами и задумчиво глядѣлъ въ окно.

Онъ носилъ названіе читальщика. У кого въ домѣ случался покойникъ, Агапычъ немедленно являлся туда, приносилъ завернутый въ платокъ Псалтырь и читалъ по умершихъ за весьма умеренную плату, изъ половины съ приходскимъ дьячкомъ, почему и былъ извѣстенъ въ городѣ подъ именемъ читальщика. Агапычъ былъ невысокъ ростомъ и чрезвычайно худоцавъ, имѣлъ привычку моргать и голова его тряслась. Лобъ старика былъ покрытъ морщинами, представлялъ какую-то перепутанную стѣ продолговатыхъ, широкихъ и впалыхъ морщинъ. Несмотря на то, что Агапычъ хромалъ на лѣвую ногу, онъ постоянно ходилъ или стоялъ, отчего Анна Григорьевна шути называла его ржавымъ маятникомъ, «скрипить», говорила она, «а все изъ стороны въ сторону пошатывается».

Агапычъ отличался большою головою, вовсе не по туловищу. Зимой носилъ онъ огромную мѣховую шапку, но во время лѣтнихъ жаровъ ничѣмъ не прикрывалъ своей лысины. Только въ сильные жары скидывалъ онъ съ плечь сибирку, доставшуюся ему по наслѣдству, и надѣвалъ неизвѣстнаго цвѣта и фасона сюртукъ, у котораго одна пола волочилась по землѣ, а другая закрывала половину сапога. Агапычъ былъ очень усерденъ къ своей должности и даже пристрастился къ званію читальщика. Читая надѣ покойниками Псалтырь, онъ болѣею-частью чередовался читать по ночамъ, говоря, что ночью ему одному читать вальготнѣе. Не

выпуская ни одного слова, онъ читалъ громко и внятно; и если сонъ начиналъ одолевать старика, онъ чаще клалъ земные поклоны. Когда случалось ему выслушать похвалы за исполненіе его обязанностей, Агапычъ говорилъ: «Какъ придетъ часъ воли Божіей, помру я, авось кто-нибудь найдетъ добрый человекъ, почитаетъ Псалтырь и налѣ моимъ грѣшнымъ тѣломъ».

Сверхъ должности читальщика, Агапычъ былъ общій комиссіонеръ: продавалъ тавлинки, выдѣлываемыя Семеномъ, холсты, нитки, чулки и шерстяные носки, отдаваемые ему на комиссію.

— Какую же ты, Агапычъ, принесъ мнѣ недобрую-то вѣсть? спросила Анна Григорьевна.

— Плохую, Григорьевна, плохую! Лекарь-то въ ночи сегодня померъ, отвѣчалъ Агапычъ и заморгалъ.

— Господи, Боже мой! Что ты говоришь, Агапычъ? Александръ Владимірычъ померъ?

— Померъ, Григорьевна, померъ, сегодня въ ночи померъ; а мы съ дьячкомъ взялись по немъ Псалтырь читать. Теперь дьячка чередъ — вотъ я и улучилъ времечко, да и думаю: дай, молъ, забѣгу къ Григорьевнѣ, она добротою его пользовалась — погорюеть. Слышь ты, Григорьевна, какъ все дѣло-то было. Покровскій панъ захворалъ и прислалъ лошадей за лекаремъ-то. Покойникъ безотказная душа былъ — поѣхалъ. Подъѣхали къ Сосновъ, а ледъ чуть на рѣкѣ держится — распустила вѣснущка. Кучеръ-то ударилъ по лошадямъ, кибитченка въехала на средину, ледъ кракнулъ — они и бултыхъ въ воду. Лекаръ изъ-подъ льда кое-какъ выкарабкался да мокрый и шелъ по деревни верстѣ пять. Какъ пріѣхалъ дообратно домой, его и разломило, назябся больно. Свернуло его въ три денька. Говорятъ, воспаленіе судалалось — и отдалъ Богу душу. Видалъ я на своемъ вѣку покойниковъ, а, почитай, Григорьевна, жалче лекаря не приходилось видѣть. Любовно они жили съ хозяйкою-то. Да ты ихнюю жизнь лучше меня знаешь. Варвара-то Алексѣевна, сердечная, едва ноги волочить и съ этакаго горя стала какъ не своя. Оно, можетъ и такъ, Григорьевна, придетъ бѣда, отвори ворота! Агапычъ затрясъ головою и продолжалъ: — плакать-то она не плачетъ, а какъ въ забытій ходитъ. Я было началъ, какъ водится, Псалтырь читать; хозяйка подошла ко мнѣ и зачала слушать, а потомъ, какъ взглянетъ на меня не своими глазами, а сама какъ захохочетъ! Горе-то видно у нея съ души поднялось и умъ помутило; стада она по комнатамъ все разбрасывать и закричала благимъ матомъ. У

меня духъ захватило и голосъ порвался, я дѣчка и поставилъ; за него ужъ ночьку потружусь. Поди-ка ты, Григорьевна къ нимъ, а то въ домъ все вверхъ дномъ идетъ; работница совсѣмъ смалася, за ребенкомъ нѣкому смотрѣть.

— Какъ нейди, Агапычъ, сейчасъ пойду! Спасибо, что извѣстилъ; долго ли тутъ до грѣха? Варвара Алексѣевна слабая такая, а съ такой горести у нея и точно рассудокъ можетъ повредиться, отвѣчала Анна Григорьевна, свертывая шинель и складывая работу въ уголъ дивана.

— Старуха поспѣшно одѣлась, вышла вмѣстѣ съ Агапычемъ изъ дома и пошла по Заднѣпровской Улицѣ.

— Не ожидала я такого случая, сказала Анна Григорьевна: — мнѣ до-сихъ-поръ это сномъ кажется!

Агапычъ, сильно прихрамывая, отставалъ отъ Анны Григорьевны.

— Ноги-то у меня нынче стали плохи; не ходокъ я, Григорьевна, на одной-то ногѣ; за тобою не угонюсь. Пора бы старымъ костямъ на мѣсто, да Господь, видно, за грѣхи конца не посылаетъ! Вотъ лекарю такъ бы пожить надо: хозяйка у него молодая и дѣтки пошли; а у меня ни роду, ни племени, торчу, какъ пѣрсть, одинъ, а супротивъ положеннаго не пойдешь. И лекарь былъ, да видно отъ смерти не пользуешься! говорилъ Агапычъ.

X.

Глубокій снѣгъ около дома Анны Григорьевны стоялъ. Съ появленіемъ весны, даже въ столярной Семена сдѣлалось свѣтлѣе. Вѣтеръ пересталъ выть въ трубы и щели. На дворѣ у Межжеровыхъ показалась трава, и насадка съ многочисленнымъ семействомъ кудахтала у сарая. Воробьи чирикали и перелетали съ забора въ садъ, гдѣ ужъ оживали корни деревъ и зачернѣлись гряды, засѣваемая картофелемъ, лукомъ и капустой. Домъ Межжеровыхъ стоялъ почти на самомъ выѣздѣ изъ черты города. Направо высилась небольшая гора, по которой бѣжала дорога къ вѣтряной мельницѣ; сзади мельницы зеленѣла сосновая роща и разстилались луга. Подъ горою было озеро, гдѣ, въ лѣтніе жары, купались жители Заднѣпровской Улицы; налѣво протекалъ Днѣпръ, и правый песчаный берегъ рѣки шелъ почти вровень съ землею и имѣлъ въ этомъ мѣстѣ отмели; а на лѣвомъ, крутомъ берегу живописно расположенъ былъ городъ. По скату развѣтвившихся

горъ, лѣпились маленькіе деревянные дома, окруженные садами и огородами; внизъ къ рѣкѣ вилась протоптанная извилистая дорожка въ разныхъ направленіяхъ.

Семень работалъ въ столярной. Дверь комнаты была отворена: погода была ясная, и широкая струя теплаго воздуха, согрѣтаго весеннимъ солнцемъ, проходила въ сырую и теплую мастерскую Семена. Занятый работою, онъ не слышалъ, какъ вошла мать.

— Богъ милости прислалъ, Семень, сказала старуха.

— А, это вы, матушка! Я нарочно отворилъ у себя дверь: пушай хоть воздухомъ сырость повываиветь.

— Время-то нынче благодатное, продолжала Анна Григорьевна: — я по улицѣ шла и пригрѣлась на солнышкѣ. Взяло меня раздумье... Садись-ка, Семень, да поговоримъ.

Семень оставилъ работу, сѣлъ на лавку подлѣ матери и сказалъ:

— Догадываюсь я, матушка, что крушить васъ. Ноеть и мое сердце, да ничего тутъ не придумаешь. Будемъ выжидать время.

— Не ожидала я напасти такой, а все оттого, что вздумала я псумничать—радовалась, по неразумію своему, что Маша попривыкла къ нашему житью, а не спохватилась, что молодые глаза смотреть на голыя стѣны до поры до времени, а тамъ захотятъ и на свѣтъ взглянуть. Не слѣдъ было Алексѣю Дмитричу ходить къ намъ: человекъ онъ молодой, красивый, одинъ только гость и былъ, съ которымъ ей можно было слово перемолвить отъ скуки. Онъ же и самъ подъ несчастьемъ живетъ. Что мудреного, что души ихъ сказались другъ-другу! Я не палачъ, не могу я на части разорвать Машу; она еще пятна на себя не положила, а злобою-то да суровостью только до грѣха ее довести можемъ. Я вотъ какъ теперь порѣшила, Семень: уговоримъ-ка мы Машу на лѣто къ Ишкинымъ въ деревню ѣхать; Вѣра Сергѣевна все просить, чтобъ я ее къ нимъ отпустила. Она тамъ, въ разсѣянности, можетъ, и забудетъ Алексѣя Дмитрича. Старикъ-то положилъ на словъ съ Матвѣемъ Ѳедотычемъ непременно женить сына на его падчерицѣ. Да ужъ и дай Богъ дѣлу этому устроиться, а то на насъ со всѣхъ сторонъ напасти поднимутся. Я того и жду, что хозяинъ Ильѣ откажетъ; онъ мнѣ и то намекалъ, что нынче всякая мелкота не въ свои сани лѣзетъ, и зарокъ-то себѣ давалъ не брать въ домъ ханжей-нищихъ. Чего ужъ я не наслушалась! Зайду сегодня провѣдать Илью, а оттуда пройду къ

господамъ и все расскажу барышнямъ по откровенности. А ты безъ меня посоветуй Машѣ, чтобъ она вѣхала въ деревню.

— Хорошо, матушка, я поговорю Машѣ. Правду сказать, крутой нынче для насъ годъ выпалъ : не то, такъ другое ! У меня судьба руки связала ; только и могу, что погоревать, а въ бѣдѣ плохой помощникъ.

— Мнѣ вотъ что въ голову пришло : неравно я захожусь долго и придетъ безъ меня Алексѣй ; скажи ему, чтобъ онъ вовсе пересталъ ходить къ намъ. Лучше все это разомъ покончить ; по крайней-мѣрѣ не будутъ видѣть его сосѣдушки наши и разговоры уймутся.

Нелегко было старухѣ выслушивать жесткія выходки Матвѣя Федотовича, которому жена по секрету сказала о привораживаньѣ. Она ясно видѣла, что ей скоро придется взять сына отъ Кульбасовыхъ, хотя Илья и скрывалъ отъ матери безпрестанныя нападки и обиды хозяина. Страдая сердцемъ о будущей судьбѣ сына, Анна Григорьевна со страхомъ замѣтила и развивающуюся любовь Маши къ Алексѣю Дмитріевичу. Убѣжденная въ упрямствѣ старика Отрубевы и зная, что онъ, изъ гордости, никогда не позволить сыну жениться на бѣдной мѣщанкѣ, Анна Григорьевна пошла съ твердостью на встрѣчу мрачному будущему. Всегда бодрая, всегда дѣятельная, она была скрытна и не могла высказываться. Семейное горе тяжело падало на ея душу, но она не склонила подъ нимъ головы и смѣло спѣшила отстаивать дѣтей своихъ отъ несправедливаго преслѣдованія и клеветы. Задньпровскіе жители называли ее хитрою и лукавою женщиною, хотя она и никогда не прибѣгала къ этимъ низкимъ средствамъ. Прямота и самая честность старухи втапывались сосѣдами въ грязь. Они попрекали Межжерову, что, оставшись послѣ мужа въ крайней бѣдности, она брала красить старое платье; попрекали ее повивальнымъ искусствомъ, слѣпымъ сыномъ, швеею-дочерью. Правда, у Анны Григорьевны была гордая натура, прямое сердце и постоянное отвращеніе отъ всего грязнаго и низкаго. Зная къ себѣ нелюбовь сосѣдей, она трепетала за дѣтей ; въ ихъ безукоризненномъ поведеніи заключалась ея гордость, ея тщеславіе, и она каждый разъ была убита, уничтожена, когда черное пятно могло пасть на честь дѣтей ея.

Переговоривъ съ Семеномъ, Анна Григорьевна пошла въ кухню, гдѣ Маша готовила обѣдъ.

— Ты, Маша, объдай съ братомъ, а меня не ждите; можетъ быть, я долго не прийду.

— Куда же вы идете, маменька?

— Пойду къ Ильѣ, а отъ него зайду узнать о здоровьи Софы Никаноровны, отвѣчала Анна Григорьевна, надѣвая свой черный ваточный салопъ и покрывая голову платкомъ.

Простясь съ Машею, старуха ушла.

Семень заперъ за матерью калитку и остановился на дворѣ. «Трудное дѣло наложила на меня матушка, думалъ онъ: какъ я, ни съ того, ни съ сего, скажу Машѣ, что ей въ деревню катъ надо — точно ее изъ дома гонять! И такъ у насъ человѣческаго голоса не слышно, а тутъ я и ее съ роднаго гнѣзда слоню! А вхатъ надо: того хотятъ наши недоброжелатели!» Семень вздохнулъ и пошелъ въ комнаты.

— Чтò это, братецъ, маменька все печальная такая? вѣрно огорчена чтъмъ-нибудь да скрываетъ? спросила у него Маша.

— У Ильюши съ хозяиномъ что-то неладно. Кульбасовъ намедни жаловался матушкѣ на брата: вишь сталъ вдругъ и лѣнивъ, и грубъ, и должности своей не исполняетъ! Такая, видно, ужъ черная полоса пришла: куда ни кинь, такъ клинъ. Что ни зачнемъ, не клеится у насъ. И ты со скуки чаврѣешь, Маша. Я бы тебѣ посовѣтовалъ... Семень смѣшался и не договорилъ.

— Я отъ васъ всякій совѣтъ рада принять, братецъ. Скажите только, чтò мнѣ дѣлать.

— Ты часто жалуешься, что у тебя грудь болитъ. Позвай ты на лѣто къ мокринскимъ господамъ: тамъ на вольномъ воздухѣ скорѣе поправишься.

— Вѣрно, вы, братецъ, вспомнили прежнее время, когда я горевала сама не зная о чемъ; теперь не то: теперь не захочу бросить матушку и васъ и уѣхать въ чужіе люди.

— Я для тебя говорю, Маша, сказалъ Семень: — тебѣ здѣсь маяться и то цѣлую зиму прискучило; ты вѣдь все это время спины не разгибая проработала! Семень замолчалъ; онъ чувствовалъ, что не могъ настаивать и продолжать разговоръ.

— Маша, сказалъ онъ, уходя изъ комнаты: — когда объѣдъ будетъ готовъ, ты приди меня позвать; я покуда поработаю: дверь у сарая осѣла — нужно поправить.

Семень взялъ въ столярной топоръ и вышелъ на дворъ. Отыскавъ рукою дверь сарая, онъ съ усиленіемъ отворилъ одну подинку и сталъ ее ощупывать со всѣхъ сторонъ.

Маша вышла на крыльцо и, видя, что братъ занятъ работою, безотчетно стала смотрѣть на прозрачную даль синяго неба. Озаренная лучами солнца облака, гонимыя вѣтромъ, быстро неслись и, отдѣляясь другъ отъ друга, распадались фантастическими группами. Маша прошлась нѣсколько разъ по двору и потомъ сѣла на крыльцѣ. Слова брата не выходили у нея изъ памяти; она предчувствовала разлуку съ Алексѣемъ Дмитриевичемъ: сердце ея сжалось, ей стало невыразимо-грустно, и она зарыдала.

Семень въ ту же минуту услышалъ ея рыданія и положилъ говорить.

— Ты здѣсь, Маша? спросилъ онъ.

— Здѣсь, братецъ, на крыльцѣ. Я пришла звать васъ обѣдать.

Семень подошелъ къ крыльцу.

— Мнѣ послышалось, что ты плачешь, сказалъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Маша, но въ голосъ ея слышались слезы.

— Напрасно ты скрываешь отъ меня, мой другъ: слухъ мой никогда меня не обманываетъ; ты плакала... я знаю, тебѣ скучно, ты сокрушаешься. Не на что тебѣ порадоваться, моя бѣдная ласточка!

— Грустно мнѣ что-то, братецъ; сама не знаю отчего сердце ноетъ.

— Нужда да горе не дадутъ намъ льготы, и на твою долю пришлось терпѣть да молчать! Семень обнялъ сестру и горячо поцаловалъ.

— Ты все одна, Маша; познакомилась бы ты съ кѣмъ-нибудь изъ здѣшнихъ дѣвушекъ.

— Я хотѣла, братецъ, да на меня у насъ въ околоткѣ всѣ косятся, прозвали меня московскою портняжкою. И за то корятъ, что я шитьемъ занимаюсь! Вотъ, предъ масляницею, шила платье я на дочекъ Елены Селиверстовны, такъ онѣ и говорить со мною не хотѣли. Какъ имъ обходиться со мною, какъ съ ровнею, когда мой братъ у нихъ въ услуженіи живетъ? Сама хозяйка увидѣла у меня серебряный наперстокъ и спросила, откуда я его взяла. Я сказала, что мнѣ старшая мокринская барышня подарила. Что жъ бы вы думали, братецъ? она начала подсмѣиваться надо мною. «Знаемъ, говорить, мы васъ, швей московскихъ; вамъ скоро золотыя горы, чай, подарятъ!» Я понять не могла, къ-чему она мнѣ глаза колетъ, да ужъ послѣ догадалась...

— Нужно тебѣ, Маша, уѣхать отсюда,

— Зачѣмъ вы, братецъ, настаиваете, чтобъ я ѣхала? Вѣдь ма-тушка въ Кіевъ лѣтомъ собирается : съ кѣмъ же я васъ оставлю?

— Со мною и Агапичъ поживетъ! Ему все-равно, гдѣ жи-тить. Если милость Господня не оставитъ, такъ что жъ можетъ случиться? Я дома каждый уголокъ знаю. А тебѣ жить въ такой заботѣ нельзя, ты этакой тяжести не вынесешь. Вотъ Алексѣй Дмитричъ и мужчина, а вѣдь ты, чай, не разъ отъ него слы-хала, что ему не въ мочь домашній раздоръ выносить.

— А вы, знаете ли, братецъ, что у нихъ въ домѣ пуще прежняго начались неприятности?

— Рассказывалъ онъ и совѣта просилъ. Тутъ одинъ совѣтъ можно подать: лучше ему покориться волѣ родительской и же-ниться, по его приказу, на падчерицъ Кульбасова.

Маша смутилась и поспѣшно отвѣчала:

— Чтѣ вы, братецъ! Онъ мнѣ самъ, сидя у насъ, говорилъ, что и не думаетъ жениться! А какія Кульбасовы сплетни новывели, и насъ тутъ припутали!

— Говорятъ, не бойсь, что всему ты причиную.

— И повторять не стану вздорныхъ ихъ словъ. Сысоевна на-сказала на меня тѣткѣ Алексѣя Дмитрича, что я и такая и эта-кая; даже маменьку колдуньей сдѣлали. Вы знаете, братецъ, какъ я веду себя, а онъ такія дѣла про меня рассказываютъ, что я удивляюсь, откуда имъ все это въ голову приходитъ!

— Не сердись на злыхъ людей, Господь наказываетъ ихъ злымъ сердцемъ, сказалъ Семенъ, взявъ сестру за руку. Не ви-жу я, но чувствую, какъ тоскуешь ты. Мы теперь одни, Маша, стыдиться нѣкого; если ты не скажешь мнѣ всей правды, то ста-нешь только себя обманывать. Признайся по откровенности: лю-бишь ты Алексѣя Дмитрича?

— Братецъ! братецъ... вскричала испуганная Маша.

— Ты любишь его, и я ничего не могу сдѣлать для вашего счастья! Можетъ, только молитва слѣпного дойдетъ до Господа, и Онъ пошлетъ вамъ свою милость и благодать!

Семенъ съѣлъ возлѣ Маши на крыльцо.

— Ты таишься отъ меня, Маша, а знаешь ли, моя горлянка, что для тебя я часто рошщу на слѣпоту свою : не для себя хо-тѣлъ бы я свѣтъ видѣть, хотѣлъ бы отъ васъ разогнать тьму.

— Дѣ, братецъ, я люблю Алексѣя Дмитрича и сама не знаю какъ полюбила его...

— Теперь, Маша, какъ ты мнѣ открылась, я тебѣ скажу прямо:

хоть и больно мнѣ разстаться съ тобою, а нужно, необходимо-нужно тебѣ вхаты въ деревню. Здѣсь тебѣ оставаться нельзя: забѣдять тебя въ нашемъ муравейникѣ. Того и гляди, что Илья домой придетъ на печи лежать. Ты повѣжай съ Богомъ; и если Алексѣй точно любить тебя, какъ справедливый человекъ, то я, понытавши его, всѣ силы для твоего благополучія употреблю.

— Всему я причиною, что у насъ въ домѣ неприятели; чрезъ меня Илья можетъ мѣста лишиться! говорила растерявшаяся Маша.

— Чѣмъ же ты виновата? развѣ зазывали мы къ себѣ Алексѣя, нашептывали ему ослушникомъ противъ родныхъ быть? Нѣтъ, Маша, это ужь люди такіе: злобы у нихъ много, они ее въ люди и выпускаютъ; нѣлюбю имъ, какъ прослышать, что другіе въ тишинѣ живутъ. Ты, мой другъ, молись только Богу, горячо молись — и окрѣпнетъ твое сердце. Господь отнял у меня зрѣніе, но дажь мнѣ незлобіе, а любовь — даръ Господа, говорить мнѣ, что ты будешь счастлива, моя ласточка.

XI.

Сокращая скучные часы одиночества, молодой Отрубевъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, игралъ на гитарѣ и пѣлъ, какія зналъ на память пѣсни. Весеннее солнце ярко освѣщало его комнату. Переставъ играть, Алексѣй Дмитриевичъ задумался и потомъ, стараясь заглушить свое горе, взялъ опять гитару и запѣлъ свою любимую пѣсню:

И кому надъ сиротой
Слезы лить и грустить?
Кто на прахъ холодный мой
Взглянетъ жалостливо?

Матрена Ефимовна, неспускавшая глазъ съ племянника и убѣжденная, что на него *напущено Межжорихою*, подкралась, въ-сопровожденіи неизбежной Марковны, къ дверямъ его комнаты и, разстроганная словами пѣсни, проливала обильныя слезы.

— Слышишь, Марковна, затянулъ Алѣшенька свою любимую! Какъ заслышу я эту пѣсню, у меня внутри точно острымъ ножомъ кольнетъ, сказала старуха и, боясь, чтобъ племянникъ не засталъ ея у дверей, спѣшила спуститься съ лѣстницы.

На встрѣчу ей выбѣжала Аграфена и, махая руками, кричала:

— Хозяинъ спрашиваетъ; куда ты запропастилась?

Матрена Ефимовна засуетилась и пошла къ брату.

Дмитрій Ефимовичъ, отдохнувъ послѣ обѣда, ходилъ по комнатѣ. Онъ сталъ поправляться послѣ своей долгой болѣзни и на костыляхъ начиналъ прохаживаться по комнатѣ.

— А что, сестра, давно я свѣта Божьяго не видалъ; погода, кажись, стоитъ теплая! У меня въ куту-то ужъ душно становится. Я и дворишко свой забылъ; чай у насъ весь тѣсъ сгнилъ; Петрухѣ одному не усмотрѣть. Какъ еще у насъ изъ-подъ носа не перетаскали весь лѣсъ, что на перестройку приготовленъ? сказалъ Дмитрій Ефимовичъ входящей сестрѣ.

— Что ты, братецъ! Да у насъ со двора и щепки не пропадетъ: я за этимъ денно и ночью наблюдаю.

— Сестра, дай-ка мнѣ шубу да шапку; поведи ты меня на крыльцо.

Матрена Ефимовна начала укутывать брата, и они вышли на крыльцо. Дмитрій Ефимовичъ, прикрывая глаза отъ солнца, осматривалъ свои владѣнія.

— Сестра, сестра! что это наверху у насъ, Алексѣй что ли скоморошничаетъ?

— Да, братецъ, это Алѣшенька играетъ. Видъ онъ у насъ птица въ клеткѣ, отъ скуки и щебечетъ.

— Отъ скуки! насмѣшливо замѣтилъ старикъ.— Отъ скуки любовный пѣсни горланить! Ты бы ему сказала, чтобъ онъ лучше духовныя книги читалъ; а то этою музыкою онъ мнѣ душу вытянулъ: точно за упокой танеть. Ему бы только невѣсть какія пѣсни пѣть...

Узнавъ чрезъ тетку отцовскій приказъ, Алексѣй Дмитриевичъ повѣсилъ гитару на стѣну, и ему еще скучнѣе стало одиночество, еще медленнѣе пошло время, котораго было слишкомъ-много, чтобъ чувствовать пустоту, его окружавшую.

Онъ подошелъ къ окну и увидѣлъ, что Агапичъ, ковыляя, подходилъ къ ихъ дому. Старикъ часто приходилъ къ Отрубевымъ и пользовался расположеніемъ Матрены Ефимовны. Алексѣй Дмитриевичъ позвалъ его къ себѣ, чтобъ спросить про Межжеровыхъ, у которыхъ онъ не былъ нѣсколько дней.

— Какая, Митричъ, у тебя лѣстница-то крутая! я съ болью-то ногой насилу влѣзь. Какъ живешь, можешь? А я Ефимовнѣ полотно принесъ, дешево бы отдалъ: по бѣдности продаютъ, да у тебя тѣтенка-то прижимиста, сказалъ Агапичъ

входя въ комнату Алексѣя Дмитріевича и положивъ къ нему на постель свертокъ полотна.

— Садись, Агапычъ; ты не отъ Анны Григорьевны?

— Почеваль я у Григорьевны: старуха въ горь— у наринишкито ея, что въ сидѣльцахъ у Федотыча, что-то съ хозяиномъ не ладно, задать его стали. Да и дочку къ мокринскимъ господамъ хочеть отправить: донимають дѣвку злыднями наши заднѣпровскіе! Видь поди—ты бабы къ чему привяжутся! Ни за что, ни про что ославили дѣвку. Ты, чай, знаешь, Митричъ, все дѣло чрезъ тебя: слышь, ты къ нимъ часто прихаживаешь!

— Это все тѣтенка накутермила. И дѣло все стало чрезъ то, что она всякую сволочь къ себѣ принимаетъ да выслушиваетъ, къ намъ этихъ заднѣпровскихъ заметалокъ точно лѣшій на дворъ загоняеть. А что ходилъ я къ Аннѣ Григорьевны, такъ ходилъ съ честнымъ намѣреніемъ: коли Марья Семеновна не откажеть, безпремѣнно женюсь на ней.

— Нельзя, Митричъ! Григорьевна безъ воли родительской за тебя дочки не выдастъ, и тебѣ супротивъ отца и родной тѣтки не сладъ идти. Нельзя! И Агапычъ замоталъ головою.

— На все воля Божья, Агапычъ! Нужно мнѣ повидаться съ Анною Григорьевною. Ты отъ насъ не зайдешь ли къ нимъ?

— Я теперъ проживаю у нихъ. Семень стосковался, что сестра ѣдетъ: все она съ нимъ и поговорить и писаніе священное ему почитаетъ. Смирная она у нихъ дѣвка, работница и грамотница. Скажу я, по справедливости, Митричъ: мнѣ Григорьевна говорила, чтобъ ты нареканія на ихъ домъ не клалъ и не прихаживалъ. Женись на комъ прикажеть родитель.

— Видно и тебя тѣтенка своими рѣчами наставила? спросилъ Алексѣй Дмитріевичъ.

— Ну, что ты, Митричъ, расходился? Что меня Ефимовна купила, что ли? Женись ты на комъ хочешь, мое дѣло сторона— я во все концы не бью!

Агапычъ сильно закивалъ головой, всталъ со стула, завернулъ полы своей сибирки, взялъ подъ-мышку полотно и пошелъ къ дверямъ.

— Ты не сердись на меня, Агапычъ. Мнѣ все думается, что тѣтенка подсылаеть ко мнѣ выпытывальщиковъ, а ужъ присказки—то прискучили.

— Пожалуй, если хочешь, приходи къ Григорьевнѣ и переговори; а мое дѣло сторона,

Агапыч простился съ Алексѣемъ Дмитріевичемъ и, спускаясь съ лѣстницы, твердилъ :

— Я тутъ въ вашихъ дѣлахъ не причастникъ, Митричъ, не причастникъ !

Вечеромъ Алексѣй Дмитріевичъ пошелъ къ Аннѣ Григорьевнѣ.

Старуха сидѣла въ угольной комнатѣ и вязала чулокъ. Агапычъ полулежалъ на лежанкѣ и, облокотясь рукою на колено, находился въ состояніи сладкой дремоты. Какъ человекъ необыкновенно-уживчивый, онъ вездѣ былъ какъ дома, потому-что постоянной квартиры вовсе не имѣлъ; ему было все равно, положить ли его спать на полъ, или на печку: онъ тотчасъ засыпалъ и сналъ безмятежно до разсвѣта.

Маша лежала въ спальнѣ матери : у нея съ утра была сильная головная боль. Семень сидѣлъ подлѣ Анны Григорьевны.

— Вы, матушка, порѣшите завтра, чтобъ Маша вѣхла? спросилъ тихо Семень.

— И сегодня бы Маши у насъ не было, еслибъ не разболѣлась у нея голова. Завтра утромъ пойду къ Вѣрѣ Сергѣевнѣ. Они въ субботу безотлагательно ѣдутъ.

— Семень, хочешь? крикнулъ Агапычъ, и вставъ съ лежанки, поставилъ подъ руку Семена тавлинку.

— Спасибо, Агапычъ. Да что это тебѣ попричилось? Ты знаешь, что я не нюхаю. Ну ужъ, развѣ для компании ! Семень взялъ щепотку табаку, понюхалъ и чихнулъ.

— Здорово, Семеньчъ. А добрый табакъ, твоему московскому не уступить ! А я и запоматывалъ, что ты не потребляешь. Признаться, вздремнулось, такъ я и понюхалъ, чтобъ сонъ разогнать. А ты, что, Григорьевна, пальцами шевелишь? Брось чулокъ-то, посумерничаемъ !

— Постой, Агапычъ; кажись у насъ въ сѣняхъ кто-то ходитъ.

— Кому ходить, матушка? Калитка заперта.

Анна Григорьевна вышла въ сѣни и встрѣтилась съ Алексѣемъ Дмитріевичемъ, который только-что отворилъ въ комнату дверь.

— Что за человекъ здѣсь ходитъ? спросила она.

— Это я, Анна Григорьевна; у васъ калитка не заперта, а напрасно вы на всякій случай не запираете, сказалъ Алексѣй Дмитріевичъ.

— Вѣрю Агапычъ не заперъ; онъ ходилъ со двора, да видно и запоматывалъ. А я васъ въ потьмахъ-то не узнала, Алексѣй Дмитріевичъ.

— Какъ ваше здоровье, Анна Григорьевна? А я, вотъ съ недѣлю все хвораю : что-то грудь заложило и кашель одолевъ. Прослышалъ я, говорилъ Алексѣй Дмитріевичъ робкимъ голосомъ : — что Марья Семеновна въ деревню на лѣто собирается ?

Анна Григорьевна сдвинула брови и холодно отвѣчала :

— Алексѣй Дмитріевичъ, сердитесь вы на меня, или нѣтъ, а я, какъ мать, должна сказать правду и только случая выжидала въ сурьезности поговорить съ вами. Посѣщали вы насъ, можетъ, и съ добрымъ намѣреніемъ, а чрезъ то вышло худое дѣло. Не взыщите, что я васъ и въ комнату не пропу : дальше въ лѣсъ, больше дровъ.

Алексѣй Дмитріевичъ прислонился къ стѣнѣ и совершенно потерялся отъ словъ Анны Григорьевны.

— Чѣмъ я такъ провинился предъ вами? сказалъ онъ : — я къ вамъ подъ защиту хотѣлъ прибѣгнуть, шелъ съ души всю тяжесть снять, а вы меня, какъ вора, изъ дома гоните ! Не воромъ я ходилъ къ вамъ, а, видить Богъ, честнымъ человѣкомъ, и по гробъ вашей ласки не забуду. Не удастся тѣтенькѣ своими каверзами разлучить меня съ Марьей Семеновной. Я пришелъ къ вамъ сказать объ этомъ. Не женюсь я ни на комъ, окромѣ Марьи Семеновны — ни на комъ, Анна Григорьевна !

Алексѣй Дмитріевичъ одушевился и говорилъ громко :

— Не могу рассказать вамъ, какъ люблю я Марью Семеновну. Бывало, жилъ я плохо, спознался съ людьми недобрыми, прогуливалъ съ ними молодость, не могъ я совладать съ собою ; а полюбивъ Марью Семеновну, все это я оставилъ : точно стѣна каменная предо мной распалась ; сталъ я думать, какъ бы счастье свое найти. Вы же меня блажими совѣтами на путь истинный навели, а теперь во тьму кромѣшную гоните !

— Не я васъ отталкиваю, Алексѣй Дмитричъ. У меня у самой сердце давно по клочкамъ истерзано, и сама горькими слезами обливаюсь, да приходится отрывать эти клочки отъ сердца. Какой молвы не посѣяли про насъ злые языки ! Я бѣдна, беззащитна. Машѣ скоро на улицу нельзя будетъ глазъ показать ; должна я ее въ домъ чужой отправить : моей ужъ силы не стало переносить все это. Вы одинъ сынъ у богатаго родителя ; онъ посердится да и помилуетъ. Васъ никто корить не станетъ : былъ молодцу не укора. Говорите вы, что любите Машу ; оно, можетъ, и такъ ; теперь вы говорите, что жить безъ нея не можете, а женитесь противъ воли родительской, будете терпѣть ну-

жду — на насъ все обрушится, и Машу попрекнете. Нѣтъ, Алексѣй Дмитричъ, не трудитесь къ намъ захаживагъ. Видно, нѣтъ въ этомъ дѣлѣ ни Божьяго, ни родительскаго благословенія.

— Анна Григорьевна, согласитесь вы только, дайте ваше крыжкое слово, что если я получу тятенькино благословеніе, то вы не попреянтствуете моему счастью.

— Воля Божія, Алексѣй Дмитричъ, а я своему дѣтицу и вашему счастью мучительница не буду. Это ужъ мое послѣднее слово.

На другой день въ угольной комнатѣ топилась печь. Маша, положивъ доску на лежанку, разглаживала бѣлый каленкоровый капоть къ причастью матери. Услышавъ шаги въ другой комнатѣ, она спросила:

— Это вы, братецъ?

— Я пришла, отвѣчала Анна Григорьевна. Оставь, Маша, глаженье; барыня и барышни, дай Богъ имъ здоровья, сейчасъ приказали тебѣ придти. Онѣ выгъзжаютъ сегодня послѣ обѣда. Софья Никаноровнѣ полегчало. Собирайся же, мой другъ; я тебя въ нимъ сведу.

Маша пошла въ спальню, отворила комодъ, начала вынимать изъ ящика бѣлье и увязывать въ узелъ. Ей стало жаль своей угольной комнаты, гдѣ проводила она длинные зимніе вечера за работою и гдѣ началась любовь, принесшая ей столько счастья и столько горя. Она знала, что вчера приходилъ къ нимъ Алексѣй Дмитриевичъ и о чемъ-то долго говорилъ съ матерью, но не могла понять отчего не вошелъ онъ въ комнату. Она знала, что молодой человекъ будетъ въ отчаяніи, когда узнаетъ о ея отъѣздѣ.

Разлука грустно отзывалась въ ея сердцѣ.

Маша облокотилась на комодъ и долго простояла на одномъ мѣстѣ, не перемѣняя положенія.

— Ты здѣсь, Маша? сказалъ Семень, отворяя дверь.

— Здѣсь, братецъ, отвѣчала она: бѣлье доставала изъ комода.

— Не огорчайся, Маша; я тебѣ слово далъ, что сколько силъ моихъ будетъ, все сдѣлаю для твоего благополучія. Матушка идетъ: ты ужъ не показывай, что тебѣ вхать не хочется. Она и такъ объ Ильошѣ все подъ безпокойствомъ ходитъ, сказалъ Семень, затворяя дверь.

Маша простилась съ братомъ, надѣла салопъ и, съ узломъ въ рукѣ, пошла вмѣстѣ съ матерью по Заднѣпровской Улицѣ.

XII.

На четвертой недѣлѣ великаго поста Матвѣй Фодотовичъ и Алена Селиверстовна возвращались отъ заутрени. Пушистый снѣгъ большими хлопьями устилалъ улицу. Утро было туманное и сырое, и когда Кульбасовы подходили къ дому, вмѣстѣ съ снѣгомъ пошелъ дождь.

— Нѣтъ же догадки у Ильюшки, чтобы зонтикъ принести! Только и умѣютъ, что объѣзжать да опивать, а прислужить некому, сказала Анна Селиверстовна, входя въ сѣни.

Заспанная и растрепанная Морька, отворила имъ двери.

— Готовъ ли самоваръ? спросилъ Матвѣй Фодотовичъ.

Работница вытаращила глаза и молча затворила сѣнныя двери.

— Что же ты молчишь? али оглохла? самоваръ готовъ?

— Нѣту—те, не кипитъ что—то; я ужъ два раза лучины подкладывала— шумить, а не кипитъ.

— У тебя всегда такъ! Ты, чай, вмѣсто самовара, да въ трубу воды налива?

Кульбасовы прошли въ спальню. Алена Селиверстовна стала снимать сапогъ и теплые сапоги. Матвѣй Фодотовичъ повѣсилъ шубу на дверь, взялъ чубукъ, стоявшій въ углу, вычистилъ трубку гусемъ, лежавшимъ на окнѣ, подлѣ разбитой тарелки, на которой былъ высыпанъ пепелъ, и набилъ трубку.

— Жена! а жена! сказалъ Матвѣй Фодотовичъ: — этакъ мы чаюто и не дождемся. Морька проспала, пока мы были у заутрени, и теперь часа два насъ проморить.

— Сейчасъ, Матвѣй Фодотычъ! Ужъ и ты, право, какой, что тебѣ загорится! Беда въ я только носъ свой суй. Такъ, батюшка, привыкъ мною помыкать!

— Не нужно мнѣ вашего чаю! сказалъ сердито Матвѣй Фодотовичъ, ударивъ чубукомъ объ полъ.

Алена Селиверстовна ничего не отвѣчала мужу и вышла изъ комнаты. Матвѣй Фодотовичъ покосился на жену, поднялъ трубку, надѣлъ на чубукъ и началъ закуривать.

— Чего озлился? сказала Алена Селиверстовна, входя въ комнату: — не годъ чаю не пилъ! За нею шла Морька съ самоваромъ, изъ котораго съ шумомъ вылеталъ паръ и щекоталъ ноздри работницы. Морька отворачивала въ сторону свое заспанное лицо.

Въ спальнѣ было невыносимо-жарко, и Матвѣй Фодотовичъ часто вытиралъ пестрымъ платкомъ выступавшій со лба потъ. Изъ со-

сѣдней комнаты слышалось энергическое храпѣнье съ какимъ-то свистомъ и шипѣньемъ.

— Лимона что ли тебѣ надо? сказала Алена Селиверстовна, подавая мужу стаканъ чаю.

— Не нужно мнѣ твоего лимона — только ротъ вяжеть!

— Ты, батюшка, вѣрно лѣвою ногою съ постели всталъ — слова въ ладъ не скажешь!

— Какою случилось, такую и всталъ! А на какой же ладъ я съ тобою разговаривать буду?

— Ну, пошелъ! Господи, Боже мой, семнадцать лѣтъ денно и ноцно объ одномъ только думаю, какъ бы угодить тебѣ: за все мое усердіе, ты со мною хуже чѣмъ съ работницею обращаешься.

— Къ-чему ты попреки-то затѣваешь? ревѣть, что ли, хочется? сказалъ Кульбасовъ наморщивъ брови.

— Только-было я успокоилась, да съ тобою мнѣ многогрѣшницѣ, видно, маяться до гробовой доски! продолжала Алена Селиверстовна.

Матвѣй Федотовичъ молчалъ и курилъ; Аленѣ Селиверстовнѣ вдыхала и допивала четвертую чашку чая не глядя на мужа.

— На старости лѣтъ, я въ своемъ дому спокоя не вижу: всѣмъ должна угодить и отъ всякаго червя терпѣть приходится. Какой-нибудь Илюшка избаловался такъ...

— Избаловался! а кто избаловалъ-то? Сама пирогами да булками пичкала. Я и бездѣлицы ему не спускалъ, за всякую провинность взыскивалъ, возразилъ Матвѣй Федотовичъ.

Алена Селиверстовна вдругъ повеселѣла и кроткимъ уже голосомъ спросила мужа:

— Не хочешь ли еще стаканчикъ? чай-то горячій... Потомъ взяла стаканъ и налила.

— Ну, пусть хоть я его избаловала, что жъ? я это дѣлала изъ жалости. Не стѣна, вѣдь, я каменная! Вижу, сирота обдѣнѣщій, я его и приголубила. Думала ли я, гадала ли, что згнѣю за пазухою отогрѣю? А вышелъ онъ лиходѣй, каверзникъ! Матрена Ефимовна сказывала, что и вся семейка Межжеровыхъ, таки вся, какъ есть, безпутная! Посмотрѣлъ бы ты, какъ Илюшка вечеромъ на меня фыркнулъ, когда я сказала, что его сестрѣнка на шею повѣсилась къ Алексѣю Дмитричу; пошелъ огрызаться — откуда прыть взялась! Который день съ Агашей не здороваешься.

У дѣвки, съ обиды, ажно нота сдѣлалась. Посуди-ка самъ, какъ же сердцу не ныть, когда ужь этакая тварь забывается!

Матвѣй Федотовичъ сильно оскорбился, когда узналъ отъ своей сожительницы, что Отрубевъ промѣнялъ его падчерицу на задгьпровскую мѣщанку. Кульбасовъ давно уже выжидалъ случая отомстить Межжеровымъ. Алена Селиверстовна безпрестанно вооружала мужа противъ Ильи, и безвыходно страдала, что, по милости Межжеровыхъ, ея Агаша потеряла такого богатаго жениха.

— Я ему собью спѣсь! сказалъ Матвѣй Федотовичъ.

— Это еще цвѣточки, а подожди, чтò дальше будетъ!

— Что-о-о? промычалъ Матвѣй Федотовичъ.

— Изволь, я тебѣ въ подробности расскажу. Не могу же я тамъ и врикрывать Ильюшку. У насъ дочери на выданьи, про такія вещи и понятія не имѣють; такъ вотъ Агаша спраста и подмѣтила (Агаша солгала), что какъ тебя нѣтъ въ лавкѣ, то откодь ни возьмись къ Ильюшкѣ и шмыгъ Натѣшка, надоринская воспитанница.

— Говори дѣло, жена; не для чего тутъ всѣхъ припутывать! нетерпѣливо замѣтилъ Матвѣй Федотовичъ.

— Чтò ты, батюшка, простофилей-то прикидываешься? Я тебѣ говорю, что безпутства у себя не потерплю! Сама Ильюшку со двора сгоню. Вспомни, что у насъ дочери невѣсты!

— Чего изъ кожи-то лѣзешь? нешто я дамъ Ильюшкѣ потачку. Возьми ты въ толкъ: чѣмъ же я могу уличить его, не видавъ своими глазами? Онъ, бестія, отъ всего отопрется.

— Не отопрется; мы на мѣствъ его прикроемъ!

Матвѣй Федотовичъ сложилъ ладони и началъ разводить руками передъ носомъ жены и, смотря ея въ глаза, зло смѣялся.

— А свадьбу-то мы ладили, ладили: не сшить ли для Агаши подвѣчнаго платья? Али молода еще: двадцать-сѣдмой пошелъ; пуцай въ дѣвкахъ покрасуется. А красоты-то Богъ не далъ! (Матвѣй Федотовичъ погладилъ рукою бороду.) То-то, матушка, изжила ты вѣкъ, а выучилась только пустыя рѣчи меледить, а дочки твои, видно, у разумной матери на печкѣ просидятъ. Илью-то я, пожалуй, и безъ твоего совѣта въ три погибели сгону, да отъ этого легче не будетъ. Я теперь спать хочу, сосну часокъ-другой. И Матвѣй Федотовичъ легъ на диванъ.

Алена Селиверстовна нетерпѣливо ожидала пробужденія доче-

рей. Она нарочно входила безпрестанно въ ихъ комнату, и наконецъ, громко кашляя, подошла къ постели Агаша.

— Что это вы, маменька, спать не даете? Ни свѣтъ, ни зоря, стучите да кашляете надъ самымъ ухомъ! сказала Агаша, гнѣвно потягиваясь.

— Вставай, Агашенька. Мы ужъ пришли давно и отдохнули, а вы все спите! Я на свободѣ все про Илью тятенькѣ высказала: мы его уже накроемъ!

Агаша тотчасъ вскочила съ постели и начала одѣваться. Слова матери, какъ бой барабана на улицѣ, заставили сестеръ оживиться. Зѣвая во всю комнату, проснулась и Наташа.

— Я ужъ, маменька, говорила вамъ, что съ Ильюшкой не здороваюсь. Мало ли у насъ пережило ихъ въ услуженіи — со всякимъ не переклянешься! сказала Агаша и подошла къ окну, на которомъ стояла глубокая тарелка, покрытая бумагой. Агаша сняла бумагу; въ тарелкѣ налита была какая-то буро-желтая жидкость, и на днѣ плавали листы махорки. Этимъ настоємъ Агаша, каждый день, утромъ и вечеромъ, мыла свое прекрасное лицо, чтобъ на немъ не было желтыхъ пятенъ.

— Вы, маменька, какъ узнаете все про Ильюшку, такъ ахнете! Мы тепереча съ Морькою за нимъ пригвѣчаемъ. Онъ у тятеньки зачалъ выручку обкрадывать. Выстругалъ тоненькій таковой прутикъ, да на конецъ прутика пригвѣпилъ воскъ и въ ящикъ подъ выручку, гдѣ выходитъ щель, подсунетъ прутикъ: денюгито, какая ни на есть мелочь, прилипасть къ воску, а онъ денюгито матери передаетъ.

— Агашенька, что же ты мнѣ давно про это не сказала? Дайка я сейчасъ его на свѣжую пору выведу! Посмотрю, не въ лавкѣ ли Матвѣй! воскликнула Алена Селиверстовна и пошла къ двери.

Агаша такъ нагло солгала о кражѣ сдѣльца, что сама испугалась своей выдумки. Навная дѣвушца въ ссѣдкахъ и дѣи доходила иногда до крайности, и изъ того только, что разъ застала прикащика, стругавшаго какой-то прутикъ, вообразила воровство посредствомъ этого прутика. Точно столько же правды было и въ интригѣ Ильи.

— Нельзя теперъ тятенькѣ про это говорить. Вы ужъ и сѣшить стали! Напрасно не въ-пору шумъ сдѣляется. У меня есть еще одно дѣльцо: я пригвѣчаю за Ильюшкой, сказала Агаша

Петровна и, наклонясь надъ тарелкою, стала умывать лицо буркою жидкостью. Въ дверяхъ показалась борода Матвѣя Федотовича.

— Чтò вы, соня, заспались? спросилъ онъ.

Агаша подняла голову; по лицу ея бѣжали струи грязной воды. Кульбасовъ отскочилъ отъ двери и плюнулъ.

— Фу ты пропасть! вскричалъ онъ. — Которая это изъ васъ въ грязи-то выпачкалась?

— Ничего, Матвѣй Федотычъ, это Агаша веснушки съ лица сгоняеть, сказала Алена Селиверстовна, зсялоня своею особою дочь.

— Да пуцай бы она физиономію свою совствъ смыла, а другую, посмазливъе, приставила, сказалъ Матвѣй Федотовичъ, отходя отъ двери.

— Видно, что не родной батюшка: не жаль ему чужаго дѣтица; только позорить умветь! У дѣвушки жениха отняли недоброжелатели, она съ горя притираньемъ утѣшается, а онъ все-таки рветъ душу мою пополамъ да надвое. Чтò, Агашенька, чай это притиранье такое такое? Вишь ты какъ сморщилась! сказала Алена Селиверстовна, съ нѣжностью глядя на дочь.

— Нѣтъ, ничего, маменька; только въ глаза попало и проморгался не могу!

Напившись чаю, Агаша вмѣстѣ съ матерью суетилась и придумывала, какъ бы половчѣе открыть интригу прикащика. Выбѣгая въ кухню, Агаша совѣтовалась съ Морскою.

Предъ обѣдомъ, Матвѣй Федотовичъ, прохаживаясь по лавкѣ, подозрительно посматривалъ на Илью.

— Ты, глухая тетеря, подумаешь, что нѣвѣсть какимъ дѣломъ занять; ему говорятъ, а онъ и ухомъ не ведеть! Да ты давно ли оглохъ? Я вотъ скоро въ трубу стану съ тобою разговаривать. Слушай толкомъ: я, можетъ, поздно приду изъ гостей домой, ты безъ меня лавки запри, а ключи хозяйкѣ отдай, сказалъ Матвѣй Федотовичъ и, прищурясь съ усмѣшкой, смотрѣлъ на прикащика.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Илья.

— Что ты носъ-то въ книгу уткнулъ? Сколько разъ говорено тебѣ было, чтобъ пустяками не занимался? А скажи-ка ты мнѣ, отчего тебѣ по ночамъ не спится? Цѣлую свѣчу сжегъ; этакъ, пожалуй, и домъ спалишь. Али оттого безсонница, что воровать задумалъ?

— Не спалось что-то; а свѣча у меня недолго горѣла, хозяинъ, отвѣчалъ смущенный Илья.

Матвѣй Федотовичъ принялся свѣрять по книгѣ счеты.

— Да я еще вѣчоръ хотѣлъ спросить тебя: что это не видать надоринской Наташки? Бывало она то за тѣмъ, то за другимъ къ намъ прихаживала? сказалъ онъ, потирая глаза рукою и смотря сквозь пальцы на прикащика.

— Я прослышалъ-съ, что барыня ихъ больны, а оттого самого Натальѣ Осиповнѣ нельзя изъ дома отлучиться.

— Вишь ты, какъ величаетъ! Онъ тутъ всякую шваль знаетъ, какъ и по отчеству прозываютъ! сказалъ Матвѣй Федотовичъ и презрительно посмотрѣлъ на Илью.

Прикащикъ былъ такъ далекъ отъ мысли, что хозяинъ могъ дозрѣвать его въ интригъ и съ намѣреніемъ спрашивать о Натальѣ, да притомъ, зная всегдашнюю манеру Матвѣя Федотовича говорить съ нимъ, пропустилъ эти слова мимо ушей.

— А съ почты объявленія не приносили? спросилъ Кульбасовъ.

— Нѣтъ-съ, не приносили, отвѣчалъ Илья.

— Не приносили! передразнилъ его Матвѣй Федотовичъ. — Можетъ и давно принесли, да ты куда-нибудь засунулъ да и забылъ. Мнѣ вотъ почитай всякій день Василій Григорьевичъ голову моетъ, что ему «Вѣчнаго Жида» не высылаютъ. При этомъ Кульбасовъ гнѣвно глядѣлъ на прикащика. — А спроси тебя, какъ зовутъ кого въ околоткѣ— тотчасъ и по отчеству назовешь, говорилъ Матвѣй Федотовичъ и, возвышая голосъ, все ближе и ближе подступалъ къ Ильѣ; наконецъ протянулъ руку, чтобъ схватить его за воротникъ, но Илья убѣжалъ.

ХІІІ.

Илья стоялъ въ дверяхъ дома Анны Григорьевны. Сементъ, ощупывая брата, продолжалъ :

— Какое несчастье у васъ случилось? Съ тебя, Ильюша, градомъ потъ лить; ты видно скоро шель.

— Говори, Илья, все, какъ у васъ было съ хозяиномъ, сказала Анна Григорьевна.

— Дайте вы малому духъ перевести, выѣшался Агапычъ.— Ну чего вы къ нему приступили? Вишь онъ съ перепугу-то захлебнулся! Садись-ко, Илья, вздохни маленько.

Илья сѣлъ на стулъ.

— За что у васъ дѣло стало? нетерпѣливо спрашивала Анна Григорьевна. — Говори, не скрывай отъ меня правды. Что и задумываться, коли вины за собою не знаешь? Все жъ они люди, а не звѣри: за что жъ такъ, сбухта-барахты, набросятся? сказала Анна Григорьевна, недовѣрчиво смотря на сына.

— Коли, матушка, велите правду, какъ есть, говорить, продолжалъ Илья: — такъ ужъ давно и хозяинъ и хозяйка съ дочками противъ насъ злобились; а вывела все старшая дочь Алены Селиверстовны, которую хозяева хотѣтъ выдать за Алексѣя Дмитрича. Какъ была объ масляной въ гостяхъ у насъ тѣтка Алексѣя Дмитрича, она имъ нѣвъсть чего напела на Машу: и вы-то ворожбаю занимаетесь, и Маша Алексѣя Дмитрича къ себѣ приворожила. За это за самое хозяева и ополчились всѣ на насъ.

— Все это я знаю, и Семену говорила, что тебѣ не житье у Матвѣя Федотыча; да съ его стороны крайности такой не чаяла! Я ужъ совсѣмъ изъ силъ выбилась... Дѣ, дѣтушки, уходили вы меня! Что-то вы будете дѣлать, какъ я ноги протяну? Я вѣдь не двушленная: крѣпко желѣзо, да и то ржа вѣсть! Вспомните меня не разъ, какъ придется вамъ своею волею жить. Извѣстно, что Матвѣй Федотычъ затѣялъ, по злобѣ, срамить насъ за то, что Алексѣй Дмитричъ не женился на его падчерицѣ: жаль ему разстаться съ мощною Дмитрия Ефимыча. Ходи опять по мытарствамъ, да проси за тебя, Илья! Силъ моихъ не стало. Хоть бы ужъ Господь сжалился, а то и смерти на меня нѣтъ.

Анна Григорьевна опустила голову и горько заплакала. Это была тяжелая, мрачная минута въ семейномъ быту, когда скорбь вырывается невольно изъ истерзанной груди матери. Илья ушелъ изъ комнаты, а Семень сложилъ руки на груди и молчалъ.

Анна Григорьевна стала готовить ужинать и накрыла столъ скатертью, замѣчательною по своей ветхости: она вся исштопана была нитками, отчего на ней выходили разные узоры. Потомъ старуха положила на столъ черный хлѣбъ, поставила деревянный буракъ съ крупною солью и принесла изъ кухни большой муравленный горшокъ, изъ котораго шелъ паръ.

— Садитесь, сказала Анна Григорьевна, обратясь къ сыновьямъ. Агапычъ сѣлъ на стулъ у стола, а Семень и Илья, придвинувъ скамейку, стоявшую у лѣжанки, сѣли на нее рядомъ. Анна Григорьевна раздавала имъ похлебку, а сама ничего не ѣла. Агапычъ ѣлъ похлебку съ большимъ аппетитомъ и ужъ принялся за другой ломоть хлѣба.

— Чтò подгорюнился? сказалъ онъ, поглядывая на Пльо : — отъ хлѣба-соли не отказывайся. Послушай-ка, чтò я тебѣ скажу, да слова мои мотай себѣ на усъ. (Агапычъ положилъ ложку и затрясъ головою.) Расскажу я тебѣ, какая судьба моя была. Въ молодыхъ лѣтахъ отдалъ меня батюшка въ услуженіе въ купеческій домъ. Хозяинъ мой не твоему чета былъ : мы торговали съ Питеромъ, съ Москвою и съ Астраханью. Угодилъ я хозяину и полюбилъ ему. По его милости, я и на старости лѣтъ могу трудовую копейку достать. Хозяинъ-то, дай Богъ ему царствіе небесное, грамотъ меня обучалъ. Я ему, бывало, по праздникамъ Степенную Книгу читывалъ, и по церковному читать бойко поваторѣлъ. Дѣло прошлое и не въ похвалбу себѣ скажу, а вѣдь себя трезво; хозяина любилъ и почиталъ, какъ роднаго и, живучи у него въ домѣ, ничѣмъ отъ него въ утайку не пользовался...

Агапычъ оперся локтемъ на столъ и задумался.

— На чемъ бишь я остановился-то? продолжалъ онъ : — кажись, о манастѣ моей говорилъ. Лютая пришла — не твоей чета ! Послалъ Господь на меня испытаніе. Сказывалъ я тебѣ, что у меня въ то время родныхъ никого не было : нѣ къ кому было отъ бѣды уйдти. Вишь ты, какъ дѣло было : у хозяина въ кладовой пуда три серебра хранилось, и пропади оно. Старшій сидѣлецъ, Степанъ, кривою жилъ; за-то мы его и прозвали Степанъ-кривой, не влюбилъ меня за ласку ко мнѣ хозяйскую, и сталъ шмыгать къ хозяину на меня съ кляузами. А хозяинъ-то у насъ на это не смотрѣлъ : къ доброму былъ и самъ съ добрымъ словомъ. Зазывалъ, зазывалъ Степанъ злобу-то, вотъ она зашигѣла ему и отвѣтила. Накликалъ онъ бѣду на мою голову и показалъ хозяину облыжно, что-де я серебро укралъ, да передалъ судовщикамъ, и плыветь оно теперь по матушкѣ-Волгѣ. Клянется, божится, указился весь, въ ногахъ валяется у хозяина ; тотъ, по его словамъ, сталъ пытатъ меня и страхомъ и ласкою. Самъ плакалъ, а нечего дѣлать, отдалъ насъ подъ слѣдствіе. Посадили насъ въ острогъ. Облыжникъ-то мой стоялъ все на одномъ, да еще на вопросахъ на меня огрызался. А попуталъ таки Господь и его : задумалъ онъ ѡвжаты. Какъ ужь освободился онъ, не могу доподлинно сказать, а пустился на утѣкъ; да тутъ же и цокаралъ его Господь : онъ споткнулся, да и сломалъ себѣ лѣвую ногу ; трои сутокъ благимъ матомъ кричалъ. И стала его совѣсть мучить, просилъ, чтобъ меня призвали, да при всемъ начальствѣ набольшемъ сознался. «Суди меня Богъ да добрые люди, согрѣшимъ,

говорить, я предъ тобою, Иванъ. Прости меня, Христа ради, сними съ души хрѣхъ тяжкій! Я зарылъ хозяйское серебро между двухъ дубковъ въ саду и на томъ мѣствъ березу посадилъ. Ищите, добрые люди! Развяжите душу мою!» Какъ услышалъ я слова его, гора съ плечь свалилась; такъ вотъ душа во мнѣ съ радости и запрыгала; я ужь съ этакого счастья Степана обнялъ, благодарилъ, что снялъ онъ съ меня петлю. Серебра поискали и нашли гдѣ показалъ Степанъ; вышелъ я изъ ямы на свѣтъ Божій. Видно, мнѣ на роду было написано свѣковать бездомникомъ: покуда тянулось слѣдствіе, хозяинъ померъ. Кабы онъ былъ живъ, не оставилъ бы меня, а-то всему голова стала послѣ него дочка; ей не вдогадъ было... женское дѣло, замужъ вышла: гдѣ же ей помнить про меня было? А я отъ совѣсти на глаза къ ней не пошелъ; прошлаго не воротишь; а на бѣломъ свѣтѣ куда ни взглянешь, вездѣ дорожка есть. Нашлись добрые люди и прикрыли голенькаго. Сталъ я раздумывать куда идти, да не спросясь броду и сунулся въ воду, взялъ съ дурусти обузу не по силамъ: пошелъ въ бурлаки. А затѣмъ и пошелъ, что денегъ впередъ дали; я на это-то и бросился, что мнѣ было чѣмъ до весны прокормиться. Вскрылись рѣки, мы съ пришибенскими мужиками и потянули путиною бичевою, захлеснули за веревку лямку, налетли всѣмъ тѣломъ и потащили судно... Ноги то у меня и пристали, язвы пошли. Какъ шли мы по берегу, песокъ да камень шибко ноги портили. Просишь, бывало: пошли Господь попутнаго вѣтра! Какъ дождемся вѣтра, тогда парусъ поддѣвнуть—и идетъ судно на своемъ ходу; намъ льгота давалась, можно и на боковую. Заварить кашеваръ ужинъ, поѣдимъ и поляжемъ спать, а водоливъ на очереди зажжетъ свѣчку; какъ сгорить половина, онъ и разбудитъ насъ. Потянулъ я путиной недельку-другую, и разломило меня съ непривычки. Подули противные вѣтры, зачало насъ отбрасывать назадъ да назадъ. Шибко я разболѣлся, не могу поднять ни ногъ, ни рукъ; разсчитали меня, сколько пришлось деньгами, да и паспортъ выдали и оставили на берегу; такъ ужь у нихъ водится. И то сказать, куда имъ болющаго-то? Доплелся я до дереvuшки, да тамъ съ мѣсяцъ и провалялся у добрыхъ людей. Какъ оправился я и далъ обвѣщаніе сходить на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ, и въ Кіевѣ былъ, и въ Москвѣ, и въ Воронежѣ побывалъ. А чтò, Григорьевна, почитай ужь годковъ пять будетъ, какъ мы съ тобою въ Воронежъ ходили? вскорости, какъ барынька померла...

— Четыре будетъ по лѣту, Агашычъ, отвѣчала она.

— Съ тобою-то, Григорьевна, намъ сподручно было. А вотъ одинъ-то я ходилъ, такъ подь-часъ жутко становилось. А ничего, Господь хранилъ; я и на ноги оирвѣгъ, и милосердіе надъ собою испыталъ. Бываю, погода гдѣ захватить, дождь до костей выпочить, зайду въ село, аль на постоялый дворъ (что по пути было)— добрые люди накормятъ и напоютъ, а унауютъ, что на богомолье идешь, и денегъ дадутъ, и хлѣба, и одеждою прикроютъ. Я тебѣ, Григорьевна, рассказывалъ, какъ я въ лѣсу плуталъ подъ Владиміромъ. Три дня ходилъ по лѣсу, а выходу нѣтъ. Одолѣлъ мени голодь, изъ силъ совсѣмъ выбился; на третью ночь и шаптъ сталъ терять. Предъ глазами кровавыя пятна, въ головѣ шумить, какъ жерновъ на мельницѣ. Легъ я подъ дерево, хочу молитву творить — памяти не стало, словъ, кажись, на языкъ поймаъ не могу. Долго ли коротко ли я лежалъ, и послѣ не вспомнилъ. Открылъ глаза — и послалъ Господь благодать. Надъ головою ясный день стоитъ. Ну, думаю я: знать въ послѣдній разъ солнце выглянуло! Коли избавлюсь какимъ чудомъ отъ голодной смерти — не буду никогда ѣсть мяснаго; допозлу хоть на колѣняхъ до Соловецкихъ. Лежу я, да все это въ мысляхъ и располагаю; вдругъ слышу: кажись, голоса человѣческіе. Прибодрился я, всталъ и пошелъ. Глядь, и вышелъ на поляну; вижу, стоятъ скирды сѣна, а мужички за нимъ съ возами прѣвкали. Возблагодарилъ я Бога за свое избавленіе и исполнилъ свое обѣщаніе: двадцать-пять годовъ не ѣмъ мяснаго. Въ одномъ только грѣшенъ я, недостойный: не побывалъ въ Соловецкомъ. Пришелъ изъ Владиміра въ Москву — и отнимись у меня правая рука: одеревѣла совсѣмъ. Надѣтъ тебѣ сказать, ходилъ я всякій день къ Иверской. Тамъ, Илья, народу тѣмъ-тѣмущая перебываетъ. Прѣвхала разъ барынька молебеньъ путевою служить. У ней въ Москвѣ было тяжебное дѣло; вотъ, возвращаясь на свою сторону, въ здѣшній городъ, она и завхала къ Иверской; выйдивши изъ церкви, стала она милостыньку давать да, по благодушію своему, и разговорилась со мною. Я тебѣ скажу, что я милостыньку бралъ, только чтобъ прокормиться чѣмъ было, а остальное въ кружку церковную опускалъ. Началъ-было я нищей братіи раздавать, да подумалъ: не приходится мнѣ изъ чужаго кармана раздатчикомъ быть! Какъ барыня со мною разговорилась, я ей житѣе и поразказалъ свое. «Что говорить, Иванъ, тебѣ здѣсь жить; чѣловѣкъ ты хворый, одинокій, ходитъ за тобою некому. Повзжай ты со мною.» Такая у покойницы-барыни душа

жалостливая была! Вотъ и прѣхалъ я съ нею въ вашъ городъ; живучи у нея, я каждодневно благодарилъ Господа за жизнь такую. Выжилъ я у нея три года, и померла моя благодѣтельница въ первую хомеру. Такъ скоро свернуло ее, что мы, всѣ домашніе, надивиться не могли. Читалъ я за поминъ души ея Псалтирь сряду три дня и три ночи, безъ перемежки, да съ-тѣхъ-поръ и положилъ себѣ, покуда не ослѣпну, читать, какъ потребуется надобность, по усопшимъ Псалтирь. Есть у родныхъ достатокъ отблагодарить за труды — возьму; а у немущаго и такъ почитаю, изъ добраго слова. Случится, кто попроситъ вещи какія для домашняго обихода продать — я и нощу по знакомымъ домамъ: надать и мнѣ отблагодарить моихъ доброжелателей за хлѣбъ за соль. Не околечся я, не остался бы у васъ въ городѣ, а ходилъ бы во мѣстамъ благодатнымъ. Не сталъ бы сложа руки смерть высиживать.

— Дѣ, нынче трудно жить на свѣтѣ! возразила Анна Григорьевна.

— Есть, Григорьевна, и нынче богобоязливые люди. Ходилъ я по разнымъ сторонамъ, всего наглядѣлся. Есть много и добрыхъ, готовыхъ на благое дѣло... Въ мѣрѣ что въ морѣ. Ну, теперь взять: съ чего Ефимычъ не допущаетъ своего сынишку на твоей дочкѣ жениться? И самъ онъ въ зипунѣ ходилъ, а не въ каретѣ ѣздилъ, изъ свраго же кафтана выточень. Федотычу надчеряцу пора пришла съ рукъ сбыть, а вы тутъ поперегъ пути-дороги стали — онъ и довхалъ Илью. Спасибо тебѣ, Григорьевна, за хлѣбъ и соль, говорилъ Агапычъ и всталъ изъ-за стола.

— Слышалъ, Илья, мою жизнь-то, какова она была? прибавилъ Агапычъ и звнулъ.

— Теперь и соснуть пора, Григорьевна; завтра разбуди меня, неравно засплюсь. Съ Божьею помощію приставлю Илью на мѣсто. Безъ утайки, на-лицо, я тебѣ сказалъ, Илья, что безвинно вытерпѣлъ. Отбился же отъ лихой бѣды! И Агапычъ ударилъ Илью по плечу, а потомъ отправился спать въ кухню, на печку.

Семень простился съ матерью и пошелъ въ столярную, гдѣ съ марта до совершеннаго тепла онъ обыкновенно ночевалъ, а лѣтомъ переходилъ спать въ сарай на сѣновалѣ. Зимой онъ спалъ въ кухнѣ, чтобъ не топить столярной (въ средней комнатѣ спать было невозможно), а когда не было Маши, то въ угольной комнатѣ, на диванѣ; на лежанкѣ и на печи Семень никогда не спалъ. Онъ привыкъ къ холоду въ своей столярной и устроилъ

себя кровать, положивъ доски на толстыя полѣнья. На доскахъ положено было сѣно, покрытое холстомъ.

Семень взялъ кларнетъ и сѣлъ на свою кровать. Въ комнатѣ было темно; она была завалена досками, стружками; стѣны покрылись пятнами отъ сырости, кверху обглѣвлены паутиною; изъ щелей торчала пакля. На жесткой постели сидѣлъ Семень въ женской кацавейкѣ съ маленькимъ блѣднымъ воротничкомъ, на концахъ котораго ужь не было нѣху, а видѣлась кожа. Исхудалое лицо Семена, съ закрытыми глазами, не выражало ни горя, ни страданія — ничего, рѣшительно ничего. Каждый отвернулся бы отъ Семена и поспѣшилъ бы уйдти изъ его комнаты; а между-тѣмъ, въ груди слѣпаго билось чистое, благородное, любящее сердце, въ головѣ развивалась мысль свѣтлая, которая соединяла его сердце съ свѣтомъ, несуществующимъ для его глазъ. Никто не видѣлъ, никто не могъ понять, сколько любви скрыто въ груди слѣпца, и съ какимъ трепетомъ вѣрилъ онъ и молился, нося въ душѣ завѣтный миръ, какъ торжество надъ людьми, могущими созерцать миръ и косившими среди улыбающейся имъ природы.

Семень игралъ на кларнетъ свои любимыя гимны. Раздумывая объ участи Ильи, Анна Григорьевна не могла спать и приняла въ столарную.

— Я услышала, что ты играешь, сказала она: — и приняла къ тебѣ. Я-было легла, да сна нѣтъ; только повертѣлась съ боку на бокъ. А какая стоитъ теплая ночь! надъ Днѣпромъ тучки дымчатая, дождевыя покачиваютъ. Будетъ дождикъ — все заслепнетъ.

Семень пересталъ играть, положилъ кларнетъ на постель и вышелъ съ матерью на крыльцо.

Ночь была весенняя, теплая. Надъ Днѣпромъ разстилались черныя облака, принимая формы огромныхъ скалъ и чудовищъ. Когда облака отрывались другъ отъ друга, на небѣ проглядывали свѣтлая полоса и мелькали звѣзды. Порывистый вѣтеръ, пробѣгал по поверхности рѣки, волновалъ воду. Это была одна изъ тѣхъ немногихъ весеннихъ ночей, когда обновленная земля раскрываетъ свои неистощимыя силы. Въ саду Межжеревыхъ, на деревьяхъ обозначились ужь почки; на дворѣ показалась трава. Только однообразный стукъ въ доску нарушалъ тишину. Изрѣдка мимо воротъ дома, по дорогѣ, ведущей къ вѣтряной мельницѣ, проважали телеги съ кудами хлѣба, на которыхъ, покачиваясь, си-

дѣли мужики, напѣвая заунывную пѣсню, прерываемую зѣвотою. Заслыша скрипъ колесъ, Арапка выставляя свою морду изъ конуры и, гремя цѣпью, тихо лаялъ и дико взвизгивалъ.

Анна Григорьевна и Семень сѣли на ступеньку крыльца.

— А какой воздухъ теплый! сказалъ Семень.

— Да, приходитъ красное времечко; только намъ нѣтъ отдыха. Съ ума у меня нейдетъ Илья.

— Не унывайте, матушка! Агапычъ, можетъ-быть, поможетъ куда-нибудь брата помѣстить въ услуженіе. Недавно еще убогій нашъ домишко со всѣхъ сторонъ былъ занесенъ снѣгомъ; пригрѣло солнышко — и взяло свое. Вы Машу своею материнскою ласкою отъ лукавыхъ мыслей отвели; не надо намъ на первыхъ порахъ и Ильюшу суровостью страшить. Приласкаешь молодость — и привяжется. А то онъ, пожалуй, дома чуждаться будетъ.

— Оно такъ, Семень. У насъ насѣдка цыплятъ повывела и хохлитъ, и ходить за ними, и отъ хищныхъ птицъ оберегаетъ, и подъ крыло прячетъ. Еслибъ мы сначала повернули съ Машею круто, только ненавистны бы ей стали, и добромъ бы тутъ не кончилось. Я къ вамъ ужъ примѣнилась: съ Машею ласкою все сдѣлаешь; а Илья съ малолѣтства скрытенъ былъ. Теперь же я стара стала: силъ не достаетъ всю обузу на плечахъ нести.

Анна Григорьевна посмотрѣла на сына; на лицѣ ея выразилась глубокая грусть, и она долго молчала.

На соборныхъ часахъ пробило два часа.

— Никакъ часы бьютъ? сказала старуха и стала считать: — разъ, два... Пора тебѣ спать, Семень. П мнѣ завтра рано вставать.

— Прощайте, матушка, сказалъ Семень: — не тревожьтесь! Отдадимъ горе на волю Божью.

Анна Григорьевна перекрестила сына и взглянула на небо. Надъ крышею дома стояло мрачное облако: оно резко бросилось въ глаза старухи. Кругомъ горизонта ужъ разевались тучи; на востокѣ небо прояснилось, какъ врьдѣ разсвѣтомъ; отчего это облако поразило Анну Григорьевну — она не могла дать себѣ отчета, но сердце ея забилось грустнымъ предчувствіемъ.

На небѣ показалась розовая полоса; разсвѣтъ обозначалъ окрестности. Изъ сосѣднихъ домовъ, по Заднѣвровской Улицѣ, начинавшей пресыхать отъ непроходимой грязи, выходили старики и старухи съ необыкновенными бородавками, украсившими ихъ

щеки и подбородки, и приветствовали другъ друга съ добрыми утромаъ.

Въ сараѣ Межжеровыхъ куры слетали съ напеста, и пѣтукъ, махая крыльями, возвѣщалъ восходъ солнца. Въ саду чиркали чики, и воробьи, отнимая другъ у друга сухой прутикъ для гнѣзда.

Семень все еще сидѣлъ на крыльцѣ; услыша звонъ, онъ всталъ, помолчился въ ту сторону, откуда до него доносились звуки колоколовъ, и пошелъ въ кухню будить Агапыча.

XIV.

Яркое солнце стояло среди прозрачнаго и голубаго неба. Въ пригородскихъ церквахъ уже оканчивалась обѣдня, и народъ семьями расходился по домамъ. По Заднѣпровской Улицѣ, на лавочкахъ, подлѣ воротъ сидѣли старики, непомнившіе опредѣлительно сколько десятковъ лѣтъ прожили они за Днѣпромъ. Подъ надзоромъ дѣдовъ, играли на улицѣ ребятишки. Завидя издали идущихъ матерей, они бросились къ нимъ на встрѣчу.

— Ладу нѣтъ мнѣ съ этими пострѣлятами! говорилъ высокій старикъ съ желтою бородою, и поймавъ мальчика, который рвался и кричалъ :

— Пусти, дѣда, мама идетъ !

Дѣдъ чмокалъ губами и держалъ мальчика. Нѣсколько ребятишекъ подкрались сзади къ старику и начали дергать его за полу. Старикъ повернулся, чтобъ поймать шалуновъ, а мальчикъ, освободясь изъ его рукъ, побѣжалъ по улицѣ.

— Постой, шалунъ, сказалъ старикъ : — вотъ уже догоню !

Но веселые ребятишки, снова столпившись вокругъ суетливаго старика, рѣзвились и визжали.

— А вотъ слѣпой идетъ — вѣжъ васъ на сковородѣ изжаритъ, сказалъ старикъ, показывая на другую сторону улицы, гдѣ шелъ Семень съ Агапычемъ.

Ребятишки бросились въ разсыпную. Семень шелъ подлѣ Агапыча ; въ правой рукѣ онъ держалъ палку, которою ощупывалъ дорогу. Агапычь часто пріостанавливался, пожималъ плечами и нѣсколько разъ то снималъ, то надѣвалъ опять шапку съ огромными, засаленными наушниками.

— Послалъ Господь денѣкъ! сказалъ онъ : — солнышко какъ въ Петровки пригрѣваетъ ! Старожилы замѣчаютъ, Семеньчъ, что ка-

ково Благовѣщенье, таково будетъ и Христовъ-день. Загнчалъ я, да годъ на годъ не приходитъ : запрошлый годъ въ Благовѣщенье выдался день вѣтряный и снѣгъ шелъ, а Христовъ-день такой же, какъ сегодня выстоялъ.

— Да какъ узнать, Агапычъ? У насъ стоитъ время благодатное, а гдѣ-нибудь, можетъ, снѣгъ или дождь идетъ — свѣта глазомъ не окинешь, отвѣчалъ Семень. — А вотъ, Агапычъ, плохо, что наша старуха слегла. Нужно бы Машу извѣстить. Сходи-ка къ Ильюшѣ, скажи ему, чтобъ къ сестрѣ написалъ.

— Не нужно писать, только дѣвку перепугаешь. Подумаешь и нѣ вѣсть что у васъ дѣется. Я тебѣ говорю, что Григорьевна, хоть и очень больна, а встанетъ: въ ней ничего смертнаго нѣтъ. Я же посмотрѣлся на больныхъ. Вотъ какъ свернула лихая болѣзнь покойницу-барынку, я и рукою махнулъ. Смотри къ Христову-дню встанетъ, вмѣстѣ къ заутренѣ пойдемъ! А ты, Семеньчъ, надоумилъ меня : приведу я къ вамъ бабѣнку — она Григорьевна поможетъ къ празднику убраться. Ась? хочешь?

— Приведи, Агапычъ; мы ее, по возможности, поблагодаримъ!

— Чѣмъ тутъ благодарить? Сыта она у васъ будетъ и приютъ дадите, а она смирная, работающая бабѣнка, говорилъ Агапычъ, какъ-бы отвѣчая на евою мысль.

Подходя къ воротамъ, Семень опередилъ Агапыча, вынулъ изъ кармана гвоздь, вставилъ его въ скважину, гдѣ былъ засовъ, и отворилъ калитку.

Агапычъ подошелъ къ Семену.

— Вышь ты, какъ ухитрился! Я все не споровлю. Намедневъ пришелъ, совалъ, совалъ гвоздь-то въ калитку — не поддается, живо кожу съ ладони ссадилъ.

Анна Григорьевна сидѣла на диванѣ въ угольной комнатѣ. Опасность болѣзни уже прошла, но тяжелый недугъ рашаталъ ея твердую натуру. Прямой станъ ея сторбился, слухъ и зрѣнiе стали тупѣть, голова старухи кружилась, и мысли перепутывались. Звучный голосъ ея дребезжалъ, и старческій кашель по нѣскольку минутъ не давалъ ей свободно дышать.

— Богъ милости прислалъ, Григорьевна! сказалъ Агапычъ, входя съ Семеномъ въ комнату.

— Спасибо, Агапычъ. А вотъ и я на свѣтъ Божій выпелада. Надоело мнѣ у себя въ темнотѣ лежать. Пробовала по комнатѣ ходить, не отекала ли ноги... Не привелось мнѣ въ такой болѣшой праздникъ и у обѣдни быть.

— Поиравляйся, Григорьевна, къ Христулу-дню. Мы, дорогое шедши съ Семенычемъ, говорили : не хочешь ли, я тебѣ бабѣнку приведу, она тебѣ къ празднику убраться поможетъ. Ась? хочешь, что ли?

Агапычъ сѣлъ на лежанку.

— Нужно бы мнѣ, Агапычъ, помощь : по болѣзни моей, у насъ все запущено. Приведи, Агапычъ; нужно, безпремѣнно-нужно!

— Бабѣнка смирная; мужъ у нея въ прошедшемъ году померъ : спина отнялась, охаль да охаль — и свернуло его.

— А чтò, спросилъ Семень : — дѣти есть, сироты остались?

— Нѣтъ, бездѣтна.

— Хорошо, что обузы нѣтъ, сказала Анна Григорьевна.

Агапычъ всталъ съ лежанки.

— Прощай, Григорьевна.

— Куда ты сибьшишь? Поѣшь пирога.

— Надѣтъ сходить, бабѣнку къ тебѣ привести. Отъ нынѣшняго восемь деньковъ до праздника осталось ; а послѣ мнѣ время не будетъ : съ дьячкомъ читать сговорился ; завтра мой чередъ. Зозудинская тетка померла.

— А не старая еще была женщина; я ее на первой недѣлѣ у обѣдни видѣла. Семья-то у нея велика — жаль дѣтей!

Агапычъ повернулся бокомъ къ Аннѣ Григорьевнѣ и покосился на старуху : на него нашель смилъ придираяться къ словажь.

— Больно ужъ ты жалостлива, Григорьевна! Семья большая осталась! Не убогіе остались : все на возрастъ и пристроены, въ довольствѣ живутъ. Умеръ человекъ — ну, жаль, а все же живи-живи, а помирать надо! Опять тутъ жалости нѣтъ. Много болящихъ и калѣкъ : не всѣхъ же покойница-барынька подъ свою крышу взяла, а мнѣ жребій выпалъ. Нѣшто, не было жальче меня, а ужъ такъ выпало! Всѣхъ жалостью не покроешь. Жалость жалости рознь. Вотъ Семеныча жаль! При словѣ «Семеныча» Агапычъ ткнулъ Семена пальцемъ въ спину и продолжалъ : — Будь онъ зрячій, всю семью прокормилъ бы одинъ мастерствомъ своимъ. Ослѣпни Федотычъ — проживетъ и безъ жалости! И Митрича отецъ безъ рукъ, безъ ногъ мается — а какая тутъ жалость! И свою и сыновнюю только душу томить. Много, чай, къ нему жалостливыхъ приходятъ, Лазаря поютъ : послалъ Господь тебѣ испытаніе — а вся жалость тутъ надъ сундукомъ сидитъ! Раскрывай, Ефимычъ, кошну, вынимай казну!

— Все же надо жалость имѣть, Агапычъ, когда человекъ подѣ несчастіемъ находится.

— Я тебѣ говорю : жалость жалости ровнь ; гдѣ нужна, гдѣ и такъ пройдетъ, настаивай Агапычъ.

Анна Григорьевна знала, что Агапыча не переспоришь.

— Присядь-ка, сказала она : — докуда вы молились, мнѣ Господь Богъ милость чрезъ окошко подалъ.

Агапычъ сѣлъ на диванъ подлѣ Анны Григорьевны.

Старуха вынула изъ кармана письмо, достала изъ пакета деньги и положила ихъ на столъ, надѣла очки и начала читать письмо :

«Любезная маменька !

«Поздравляю васъ съ праздникомъ Благовѣщенья. Вотъ ужъ «два раза господа посылали изъ деревни къ вамъ въ городъ, но «вы съ посланнымъ не писали ко мнѣ ни строчки. Это меня «очень беспокоитъ. Я боюсь, маменька, не занемогли ли вы по- «слѣ всѣхъ огорченій, или сердитесь на меня ? Хотя бы братъ «Ильюша уведомилъ меня о васъ. Теперь поѣхалъ въ городъ «прикащикъ, я его просила доставить вамъ это письмо въ руки. «Не могу описать вамъ всѣхъ благодарній, какими здѣсь поль- «зуюсь. Барышни такъ ко мнѣ добры, что только мысль о васъ «заставляетъ меня здѣсь скучать. Напишите, если вы здоровы : «я сейчасъ выпрошу лошадей и приѣду къ вамъ. Шила я «барышнямъ блузы, и онѣ подарили мнѣ десять рублей сере- «бромъ, которое при семъ письмѣ къ вамъ посылаю. Предста- «вить себѣ не можете, маменька, какъ мнѣ грустно, что я должна «встрѣтить правдники не съ вами ! Грѣшно братьямъ забыть меня. «Прошу васъ написать ко мнѣ съ симъ посланнымъ хотя одну «строчку. Я его очень просила, чтобы онъ зашелъ къ вамъ, какъ «дойдетъ домой. Целую ваши ручки, а братьямъ кланяюсь. Про- «шу вашего родительскаго благословенія. Любящая васъ дочь

«Марья Мешжерова.»

— Добрая душа у паньчѣй, тебя не оставяютъ и дочку милуютъ, сказала Агапычъ. — А что же ты прежде намъ не сказала, что письмо получила ?

— Семена хотѣла обрадовать ; а сегодня надо къ Магнѣ писать, сказала Анна Григорьевна : — поблагодарить нужно господъ за всѣ ихъ милости къ намъ.

Анна Григорьевна взяла со стола деньги и пошла въ спальню, отворила ящикъ комода, вынула бумажникъ, раскрыла его и по-

ложила деньги, потомъ постлала на столъ въ угольной комнатѣ скатерть и вынула изъ печки пирогъ съ рыбою.

Агапычъ поѣлъ пирога и ушелъ.

На страстной недѣлѣ Анна Григорьевна въ первый разъ послѣ болѣзни пошла въ церковь и съ того дня занялась хозяйствомъ. Работница, приведенная Агапычемъ, мыла полы; Семенъ выставлялъ въ угольной комнатѣ зимнюю раму; Анна Григорьевна протирала стекла. Когда всѣ эти хлопоты были кончены, комната приняла веселый видъ. Анна Григорьевна вынула образъ изъ старой кюты, находящейся у нея тридцать лѣтъ, и стала обметать пыль. Старинной живописи образъ Трехъ Святителей былъ въ позолоченной ризѣ. Эту иконою благословили Анну Григорьевну къ вѣнцу, и она, во всю свою долгую жизнь, переносила много трудовъ и лишеній, ни за что не хотѣла разстаться съ этимъ образомъ. Поставивъ его въ кюту и затепливъ лампаду, Анна Григорьевна принесла изъ чулана творогъ, яйца и масла, обернула чистою салфеткой деревянную пасочницу, на которой внизу былъ вырѣзанъ крестъ, приготовила сыръ, положила въ него коришки и, покрывъ пасочницу салфеткой, поставила подъ гнѣтъ. Старуха выучилась готовить пасху изъ творогу въ Москвѣ, а въ томъ городѣ, гдѣ она жила, пасху не готовили изъ сыра: ее замѣняли куличъ.

Наканунѣ праздника Семенъ, съ помощью работницы, вывелъ дворъ и усыпалъ крыльцо желтымъ пескомъ. Еще за три часа до заутрени, онъ надѣлъ свой новый, длинный, тепловатый свертукъ, и Анна Григорьевна повязала ему на шею бѣлую косынку.

— Вишь ты женихомъ какимъ вырядился, Семенъ! сказалъ Агапычъ, и пошелъ съ Семеномъ въ церковь, гдѣ съ большимъ усердіемъ сталъ громкимъ голосомъ читать «Страсти».

Оставшись одна, Анна Григорьевна, прошла по комнатамъ, которыя, несмотря на праздничный видъ свой, показались ей безжизненны и пусты. Вокругъ нея не было семейства, и это одиночество испугало старуху: ей показалось, что дѣти ея умерли. Поддавшись тягостнымъ впечатлѣніямъ, она подошла къ конторкѣ, облокотилась на нее и долго смотрѣла на мелькающій вдаль Дятль. Анна Григорьевна думала о Маши, объ Ильѣ и о томъ, что-то будетъ впередъ: доживетъ ли она до другого свѣтлаго праздника?

Но, огараясь освободиться отъ горькаго чувства, смрадливаго сю, старуха отомла отъ конторки и громко сказала:

— На все воля Божія! Не такъ живи, какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велитъ; потомъ пошла въ свою спальню, зажгла свѣчу, надѣла очки, открыла Евангеліе и стала на колѣни; но слезы долго мѣшали ей читать.

По Заднѣпровской Улицѣ, какъ и въ городѣ, было тихо и пусто; но старыя и низкія дома безъ фундамента, смотрѣли не такъ мрачно. Съ улицы, чрезъ вымытыя стекла, видно было, что въ комнатахъ стояли деревянные столы, на которыхъ, между колбасъ и яицъ, возвышались вареные поросята съ разинутыми ртами и съ продѣтыми между зубовъ корешками хрѣна. Съ первымъ ударомъ соборнаго колокола, народъ забѣгалъ по улицамъ. На Заднѣпровской Улицѣ съ трескомъ запылали смоляныя бочки и красноватое пламя освѣтило разодранныхъ мѣщанокъ съ цвѣтными косынками на головахъ и съ нитками бусъ на шеяхъ. Мужчины шли вслѣдъ за женщинами; они громко разговаривали между собою. Старухи, въ ваточныхъ капотахъ и кацавейкахъ, несли въ уздахъ святить пасху. Нѣкоторыя изъ старухъ хватали за подолъ платья шедшихъ впереди дѣвушекъ и говорили: «Куда ты бѣжишь? Нѣтъ догадки за старухой-матерью приглядѣть: вишь темень кака!»

Въ городѣ, на колокольняхъ задымилась плошки, выбрасывая сѣроватое пламя. Анна Григорьевна вышла со двора.

Въ это же время, въ домъ Отрубевы происходило слѣдующее. Дмитрію Ефимовичу вздумалось перейти на другую половину дома, въ ту комнату, гдѣ онъ жилъ съ покойною своею женою. Огромный, окованный желѣзомъ сундукъ, въ которомъ хранились бумаги и деньги, вмѣстѣ съ кроватью перенесенъ былъ на новоселье. Съ чердака взяты четыре старинныя кресла, обитыя матеріею нѣкогда красною, но въ настоящее время выточенною молью. Дмитрій Ефимовичъ приказалъ обить мебель ситцемъ и былъ доволенъ перемѣщеніемъ, хотя его новая комната была не свѣтлѣе и не удобнѣе прежней. Большой и угрюмый старикъ опустился нравственно и физически и впадалъ, по временамъ, въ совершенную апатію. Алексій Дмитріевичъ замѣчалъ, что отецъ его потерялъ силы и энергію и постепенно разрушался. Старикъ наскучило слушать вѣчное поддакиванье сестры, ея безпрестанное ухаживанье, и онъ, лежа въ постели, отворачивался къ стѣнѣ и, говоря, что хочетъ спать, часто высылалъ Матрену Ефимовну изъ комнаты. Не сердясь уже въ душѣ на сына, онъ старался

забыть все прошлое, ухватился за мысль женить его какъ можно скорѣе, и день-ото-дня становился къ нему ласковѣе.

— Я еще несосвѣтъ разорился, говорилъ онъ. — Какъ увидишь что ты опомнишься — съ Богомъ, займись и торговлею. Хочешь — и заводъ возобновлю. Съ помощію Божіею, мы еще не ударимъ въ грязь лицомъ!

На слѣдующее утро въ домѣ Отрубева всѣ ходили, какъ говорится, подѣ страхомъ. Болѣзнь Дмитрія Ефимовича развивалась съ новою силою. У него отнялся языкъ, и зрѣніе до того притупилось, что старикъ ужъ не узнавалъ окружающихъ. Марковна съ ужасомъ замѣчала, что Матрена Ефимовна безпрестанно плакала и разговаривала сама съ собою, почему заключила, что, видно, старухѣ помереть въ этомъ году.

— Да и хозяйину-то она умереть не дастъ, говорила Марковна: — все стонетъ да охаетъ надъ нимъ.

Алексѣй Дмитріевичъ почти безвыходно находился при отцѣ. Время, проведенное у постели умирающаго, пробудило много грустныхъ мыслей въ душѣ молодаго человѣка. Печальная дѣйствительность проходила предъ его глазами...

Онъ вспомнилъ, что, много лѣтъ тому назадъ, въ этой самой комнатѣ, умерла его мать. Ему живо представился отецъ, тогда еще видный, здоровый мужчина. Молодой человѣкъ вспомнилъ, какъ въ то время отецъ былъ ласковъ и нѣженъ къ нему; вспомнилъ, съ какою любовью онъ прижался къ груди отца и какъ глубоко сочувствовалъ его печали о ихъ общей потерѣ...

Еще никогда къ жизни не случалось Алексѣю Дмитріевичу такъ живо чувствовать свое одиночество. Находясь подѣ вліяніемъ зрѣлища страданій любимаго имъ человѣка, предъ которымъ онъ вполне сознавалъ себя виноватымъ, онъ преклонилъ колѣно и не замѣтилъ, какъ Матрена Ефимовна на ципочкахъ вошла въ комнату.

Старуха въ это время еще болѣе сморщилась, безпрестанно волновалась и спрашивала Лизавету Ларионовну, будетъ ли братъ живъ. Та отвѣчала, что про то только знаетъ Богъ. Въ настоящую минуту Матрена Ефимовна была въ совершенно-разстроенномъ положеніи. Черная косынка сдвинулась у нея съ головы; конецъ сѣдой косы, высвободясь изъ-подъ косынки, торчалъ въ видѣ рога. Одинъ башмакъ былъ совсѣмъ стоптанъ и едва держался на ногѣ, на другой ногѣ башмака вовсе не было: онъ свалился съ ноги, когда Матрена Ефимовна суетилась пода-

вать брату лекарства, и старуха, не замѣчая того, ходила въ одномъ шерстяномъ чулкѣ. Заботясь о ея здоровьѣ, чтобъ она не простудилась выбѣгая въ сѣни, Марковна надѣла на старуху вязаный шерстяной платокъ и завязала концы назади, что дѣлало костюмъ старухи чрезвычайно-оригинальнымъ.

— Алѣшенька, сказала она, племяннику, положивъ руку ему на плечо : — полно тебѣ задумываться, не занемоги. Матвѣй Федотычъ пришелъ тятеньку провѣдать. Плохъ мой кормилецъ! (она заплакала) охъ, очень-плохъ! продолжала Матрена Ефимовна и подошла къ двери.

Дверь тихо отворилась, и рослая фигура Матвѣя Федотовича показалась въ дверяхъ. Алексѣй Дмитріевичъ сдѣлалъ невольное судорожное движеніе губами : ему особенно въ эти минуты очень-непріятно было видѣть Кульбасова. Принявъ огорченную эмоцію, Матвѣй Федотовичъ нагнулся и медленно подходилъ къ кровати больного; дружески кивая головою Алексѣю Дмитріевичу, онъ сдѣлалъ при этомъ кислую гримасу, вздыхая, закачалъ головою, поднялъ глаза въ потолокъ и показывалъ на грудь рукою.

Въ эту минуту у Дмитрія Ефимовича сдѣлалась еще хуже мнота. Матрена Ефимовна и Алексѣй Дмитріевичъ бросились къ постели больного. Руки и ноги старухи затряслись, и она едва устояла. Алексѣй Дмитріевичъ поблѣднѣлъ и взялся за ручку кресла, стоявшаго у постели. Матвѣй Федотовичъ остановился неподвижно на одномъ мѣстѣ.

Отецъ дрожащею рукою благословилъ сына.

Еще нѣсколько мгновений страданія — и послѣдній, глубокій вздохъ вылетѣлъ изъ груди Дмитрія Ефимовича.

— Осиротѣли мы съ тобой, Алѣшенька! говорила Матрена Ефимовна. — Не покидай ты меня! скоро схоронишь ты и мои старыя вѣсти!

— Не убивайте вы себя, Матрена Ефимовна! Вамъ здоровье нужно для Алексѣя Дмитрича, утѣшалъ старуху Матвѣй Федотовичъ и, невольно-растроганный участіемъ сиротъ, моргалъ глазами и теръ вѣки желтымъ фуляровымъ платкомъ.

— Пришелъ часъ воли Божіей! Оно такъ и быть должно : больной старецъ и помираетъ. Земля въ землю и пойдетъ! заключилъ Кульбасовъ и указалъ изъ полъ.

Матрена Ефимовна обняла и Матвѣя Федотовича.

Алексѣй Дмитріевичъ долго не могъ прійти въ себя отъ внезапной смерти отца. Послѣ девяти дней онъ отперъ сундукъ,

стоявшій подъ кроватью покойнаго отца его, и досталъ оттуда домовыя книги, бумаги и нашелъ чистаго капитала, хранящагося въ билетахъ, на сто тысячъ рублей. Были и векселя на частныхъ лицахъ, но на незначительную сумму. Молодой человекъ не ожидалъ получить такое наслѣдство: Дмитрій Ефимовичъ никому изъ домашнихъ не рассказывалъ своихъ дѣлъ и былъ всегда скрытенъ и остороженъ въ торговыхъ операціяхъ.

Разумѣется, послѣ смерти Дмитрія Ефимовича всѣ съ любопытствомъ слѣдили за богатымъ наслѣдникомъ. У заднѣпровскихъ жителей, гдѣ новость не смѣняется новостью, извѣстіе о смерти старика получено было въ самый день праздника, утромъ, и потому цѣлую недѣлю шли толки о машиной свадьбѣ. Матрена Ефимовна отворила кладовую, наполненную разными вещами: шубами, бѣльемъ, платьемъ, оставшимся послѣ покойной матери Алексѣя Дмитріевича. Старуха отдала племяннику кольцо и брилліантовыя серьги, сѣла на порогъ кладовой, наклонила голову на колѣни и сказала:

— Охъ, тошнѣхонько мнѣ, тошнѣхонько! Женится Алѣшенька на Межжеровой дочкѣ, женится! по всему вижу, что женится!

На этотъ разъ предчувствіе не обмануло старухи.

До шести недѣль Алексѣй Дмитріевичъ велъ уединенную жизнь и не думалъ никому говорить о своихъ будущихъ планахъ и надеждахъ; написалъ только тотчасъ же къ Машѣ, увѣдомилъ ее о смерти отца, просилъ и убѣждалъ дѣвушку какъ-можно-скорѣе пріѣхать въ городъ.

XV.

Вѣтхія крыши деревянныхъ домовъ на Заднѣпровской Улицѣ утонули въ зелени. Въ комнатахъ у Анны Григорьевны были отворены окна. Изъ сада вѣялъ теплый воздухъ, напитанный запахомъ цвѣтущей черемухи.

Анна Григорьевна, съ пріѣздомъ Маши, не измѣнила своего образа жизни, и въ домѣ у нея все шло попрежнему. Только въ угольной комнатѣ, подлѣ двери, висѣли стѣнные часы, которые принесъ Алексѣй Дмитріевичъ и устроилъ ихъ ходъ. Одиный Агапычъ былъ недоволенъ этимъ нововведеніемъ. Дожидаясь Алексѣя Дмитріевича, Анна Григорьевна иногда запаздывала обѣдомъ, и тогда случалось съ часами что-то очень-странное. Агапычъ

переводилъ часы и часто, вмѣсто минутной, трогалъ часовую стрѣлку и говорилъ, что часы испортились.

— Да ихъ бы, Григорьевна, совсѣмъ нѣ длячего тебѣ и заводитъ было, прибавлялъ онъ, трясъ головой : — только шипять, да звонять безъ пути !

Посреди комнаты, гдѣ была конторка, стоялъ столъ, подлѣ котораго сидѣла Анна Григорьевна; напротивъ нея стояла Маша и кроила бѣлье. Старуха взяла со стола кусокъ полотна и развернула его, но вдругъ оставила работу, сняла очки, начала протирать ихъ платкомъ и, обернувъ голову къ окну, посмотрѣла въ садъ.

— Господь послалъ мнѣ добрыхъ людей, сказала она : — и я, недостойная, свѣше силъ моихъ взъискана Его милостью. Богатства мнѣ не нужно, старыя руки еще прокормятъ, а въ любви дѣтской награждена я, благодаря Бога !

Анна Григорьевна, весело улыбаясь, глядѣла на Машу и была совершенно-счастлива.

Отрубевъ постоянно проводилъ время у невѣсты и всегда нѣхотя уходилъ домой. Воспоминаніе прошлаго все-еще непріятно на него дѣйствовало, когда онъ оставался одинъ въ мезонинѣ. Старый отцовскій домъ наводилъ на него уныніе, и онъ началъ перестраивать его по своему плану. Еще за два года до смерти, старикъ заготовилъ лѣсъ для перестройки, но лѣсъ гнилъ, и больной Дмитрій Ефимовичъ только отъ нѣчего-дѣлать говорилъ сестрѣ, чтобъ она смотрѣла, не растащили бы со двора дѣски. Занимаясь перестройкою, Алексѣй Дмитріевичъ придумалъ устроить на мезонинѣ удобное помѣщеніе для Анны Григорьевны и предлагалъ тѣткѣ, куда перестраивали домъ, переѣхать къ Межжеревымъ, но Матрена Ефимовна держалась примѣты : что если на старости лѣтъ перемѣнить мѣсто, гдѣ ужъ прожила столько лѣтъ, то скоро умереть, и потому перешла жить въ полуразвалившійся флигель. Матрена Ефимовна изрѣдка видалась съ Анною Григорьевною, и старухи чрезъ Алексѣя Дмитріевича посылали другъ другу поклоны. Отрубевъ окончилъ перестройку и женился.

Сосѣди замѣчали, что у Сысоевны порвался звонкій голосъ, и она похудѣла. Молодые долго упрашивали Анну Григорьевну переѣхать къ нимъ. Но привычка къ своей темной спальнѣ удерживала старуху за Днѣпромъ : она боялась поселить вражду между теткою и племянникомъ.

стоявшій подъ кроватью покойнаго отца его, и досталъ оттуда домовыя книги, бумаги и нашелъ чистаго капитала, хранящагося въ билетахъ, на сто тысячъ рублей. Были и векселя на частныхъ лицахъ, но на незначительную сумму. Молодой человекъ не ожидалъ получить такое наследство: Дмитрій Ефимовичъ никому изъ домашнихъ не рассказывалъ своихъ дѣлъ и былъ всегда скрытенъ и остороженъ въ торговыхъ операціяхъ.

Разумѣется, послѣ смерти Дмитрія Ефимовича всѣ съ любопытствомъ слѣдили за богатымъ наследникомъ. У заднѣпровскихъ жителей, гдѣ новость не смѣняется новостью, извѣстіе о смерти старика получено было въ самый день праздника, утромъ, и потому дѣлюю недѣлю шли толки о машиной свадьбѣ. Матрена Ефимовна отворила кладовую, наполненную разными вещами: шубами, бѣльемъ, платьемъ, оставшимся послѣ покойной матери Алексѣя Дмитріевича. Старуха отдала племяннику кольцо и брилліантовыя серьги, сѣла на порогъ кладовой, наклонила голову на колѣни и сказала:

— Охъ, тошнѣхонько мнѣ, тошнѣхонько! Женится Алѣшенька на Межжеровой дочкѣ, женится! по всему вижу, что женится!

На этотъ разъ предчувствіе не обмануло старухи.

До шести недѣль Алексѣй Дмитріевичъ велъ уединенную жизнь и не думалъ никому говорить о своихъ будущихъ планахъ и надеждахъ; написалъ только тотчасъ же къ Машѣ, увѣдомилъ ее о смерти отца, просилъ и убѣждалъ дѣвушку какъ-можно-скорѣе пріѣхать въ городъ.

XV.

Вѣтхія крыши деревянныхъ домовъ на Заднѣпровской Улицѣ утонули въ зелени. Въ комнатахъ у Анны Григорьевны были отворены окна. Изъ сада вѣялъ теплый воздухъ, напитанный запахомъ цвѣтущей черемухи.

Анна Григорьевна, съ пріѣздомъ Маши, не измѣнила своего образа жизни, и въ домѣ у нея все шло попрежнему. Только въ угольной комнатѣ, подлѣ двери, висѣли стѣнные часы, которые принесъ Алексѣй Дмитріевичъ и устроилъ ихъ ходъ. Одинъ Агапчы былъ недоволенъ этимъ нововведеніемъ. Дожидаясь Алексѣя Дмитріевича, Анна Григорьевна иногда запаздывала объдомъ, и тогда случалось съ часами что-то очень-странное. Агапчы

переводилъ часы и часто, вмѣсто минутной, трогалъ часовую стрѣлку и говорилъ, что часы испортились.

— Да ихъ бы, Григорьевна, совсѣмъ нѣ длячего тебѣ и заводить было, прибавлялъ онъ, тряся головой : — только шипять, да звонять безъ пути !

Посреди комнаты, гдѣ была конторка, стоялъ столъ, подлѣ котораго сидѣла Анна Григорьевна; напротивъ нея стояла Маша и кроила бѣлье. Старуха взяла со стола кусокъ полотна и развернула его, но вдругъ оставила работу, сняла очки, начала протирать ихъ платкомъ и, обернувъ голову къ окну, посмотрѣла въ садъ.

— Господь послалъ мнѣ добрыхъ людей, сказала она : — и я, недостойная, свыше силъ моихъ взъискана Его милостью. Богатства мнѣ не нужно, старыя руки еще прокормятъ, а въ любви дѣтской награждена я, благодаря Бога !

Анна Григорьевна, весело улыбаясь, глядѣла на Машу и была совершенно-счастлива.

Отрубевъ постоянно проводилъ время у невѣсты и всегда нѣхотя уходилъ домой. Воспоминаніе прошлаго все-еще непріятно на него дѣйствовало, когда онъ оставался одинъ въ мезонинѣ. Старый отцовскій домъ наводилъ на него уныніе, и онъ началъ перестраивать его по своему плану. Еще за два года до смерти, старикъ заготовилъ лѣсъ для перестройки, но лѣсъ, гнилъ, и больной Дмитрій Ефимовичъ только отъ нѣчего-дѣлать говорилъ сестрѣ, чтобъ она смотрѣла, не растащили бы со двора дѣски. Занимаясь перестройкою, Алексій Дмитріевичъ придумалъ устроить на мезонинѣ удобное помѣщеніе для Анны Григорьевны и предлагалъ теткѣ, покуда перестраивали домъ, переѣхать къ Межжеревымъ, но Матрена Ефимовна держалась примѣты : что если на старости лѣтъ перемѣнить мѣсто, гдѣ ужъ прожила столько лѣтъ, то скоро умереть, и потому перешла жить въ полуразвалившійся флигель. Матрена Ефимовна изрѣдка видалась съ Анною Григорьевною, и старухи чрезъ Алексія Дмитріевича посылали другъ другу поклонны. Отрубевъ окончилъ перестройку и женился.

Сосѣди замѣчали, что у Сысоевны порвался звонкій голосъ, и она похудѣла. Молодые долго упрашивали Анну Григорьевну переѣхать къ нимъ. Но привычка къ своей темной спальнѣ удерживала старуху за Днѣпромъ : она боялась поселить вражду между теткою и племянникомъ.

стоявшій подъ кроватью покойнаго отца его, и досталъ оттуда домовыя книги, бумаги и нашелъ чистаго капитала, хранящагося въ билетахъ, на сто тысячъ рублей. Были и векселя на частныхъ лицахъ, но на незначительную сумму. Молодой человекъ не ожидалъ получить такое наследство: Дмитрій Ефимовичъ никому изъ домашнихъ не рассказывалъ своихъ дѣлъ и былъ всегда скрытенъ и остороженъ въ торговыхъ операціяхъ.

Разумѣется, послѣ смерти Дмитрія Ефимовича всѣ съ любопытствомъ слѣдили за богатымъ наследникомъ. У заднѣпровскихъ жителей, гдѣ новость не смѣняется новостью, извѣстіе о смерти старика получено было въ самый день праздника, утромъ, и потому цѣлую недѣлю шли толки о машинной свадьбѣ. Матрeна Ефимовна отворила кладовую, наполненную разными вещами: шубами, бѣльемъ, платьемъ, оставшимся послѣ покойной матери Алексѣя Дмитріевича. Старуха отдала племяннику кольцо и брилліантовыя серьги, сѣла на порогъ кладовой, наклонила голову на колѣни и сказала:

— Охъ, тошнѣхонько мнѣ, тошнѣхонько! Женится Алѣшенька на Межжеровой дочкѣ, женится! по всему вижу, что женится!

На этотъ разъ предчувствіе не обмануло старухи.

До шести недѣль Алексѣй Дмитріевичъ велъ уединенную жизнь и не думалъ никому говорить о своихъ будущихъ планахъ и надеждахъ; написалъ только тотчасъ же къ Машѣ, уведомилъ ее о смерти отца, просилъ и убѣждалъ дѣвушку какъ-можно-скорѣе пріѣхать въ городъ.

XV.

Вѣтхія крыши деревянныхъ домовъ на Заднѣпровской Улицѣ утонули въ зелени. Въ комнатахъ у Анны Григорьевны были отворены окна. Изъ сада вѣялъ теплый воздухъ, налитанный запахомъ цвѣтущей черемухи.

Анна Григорьевна, съ пріѣздомъ Маши, не измѣнила своего образа жизни, и въ домѣ у нея все шло попрежнему. Только въ угольной комнатѣ, подлѣ двери, висѣли стѣнные часы, которые принесъ Алексѣй Дмитріевичъ и устроилъ ихъ ходъ. Одинъ Агапъ былъ недоволенъ этимъ нововведеніемъ. Дождаясь Алексѣя Дмитріевича, Анна Григорьевна иногда запаздывала обѣдомъ, и тогда случалось съ часами что-то очень-странное. Агапъ

переводилъ часы и часто, вмѣсто минутной, трогалъ часовую стрѣлку и говорилъ, что часы испортились.

— Да ихъ бы, Григорьевна, совсѣмъ нѣ длячего тебѣ и заводить было, прибавлялъ онъ, тряся головой : — только шипять, да звонять безъ пути !

Посреди комнаты, гдѣ была конторка, стоялъ столъ, подлѣ котораго сидѣла Анна Григорьевна; напротивъ нея стояла Маша и кроила бѣлье. Старуха взяла со стола кусокъ полотна и развернула его, но вдругъ оставила работу, сняла очки, начала протирать ихъ платкомъ и, обернувъ голову къ окну, посмотрѣла въ садъ.

— Господь послалъ мнѣ добрыхъ людей, сказала она : — и я, недостойная, свыше силъ моихъ взъискана Его милостью. Богатства мнѣ не нужно, старыя руки еще прокормятъ, а въ любви дѣтской награждена я, благодаря Бога !

Анна Григорьевна, весело улыбаясь, глядѣла на Машу и была совершенно-счастлива.

Отрубевъ постоянно проводилъ время у невѣсты и всегда нѣхотя уходилъ домой. Воспоминаніе прошлаго все-еще непріятно на него дѣйствовало, когда онъ оставался одинъ въ мезонинѣ. Старый отцовскій домъ наводилъ на него уныніе, и онъ началъ перестраивать его по своему плану. Еще за два года до смерти, старикъ заготовилъ лѣсъ для перестройки, но лѣсъ, гнилъ, и больной Дмитрій Ефимовичъ только отъ нѣчего-дѣлать говорилъ сестрѣ, чтобъ она смотрѣла, не растащили бы со двора дѣски. Занимаясь перестройкою, Алексѣй Дмитріевичъ придумалъ устроить на мезонинѣ удобное помѣщеніе для Анны Григорьевны и предлагалъ тѣткѣ, покуда перестраивали домъ, переѣхать къ Межжеровымъ, но Матрена Ефимовна держалась примѣты : что если на старости лѣтъ перемѣнить мѣсто, гдѣ ужъ прожила столько лѣтъ, то скоро умереть, и потому перешла жить въ полуразвалившійся флигель. Матрена Ефимовна изрѣдка видалась съ Анною Григорьевною, и старухи чрезъ Алексѣя Дмитріевича посылали другъ другу поклоны. Отрубевъ окончилъ перестройку и женился.

Сосѣди замѣчали, что у Сысоевны порвался звонкій голосъ, и она похудѣла. Молодые долго упрашивали Анну Григорьевну переѣхать къ нимъ. Но привычка къ своей темной спальнѣ удерживала старуху за Днѣпромъ : она боялась поселить вражду между теткою и племянникомъ.

Семень не хотѣлъ разстаться съ своимъ домомъ и на предложеніе шурина жить у него отвѣчалъ: — я у тебя въ домъ буду какъ въ лѣсу, а здѣсь у меня все подъ-рукою. Мы здѣсь остаемся съ Агапичемъ. Да и за чтò мы домшко нашъ оставимъ опальнымъ? А наемщики какіе у насъ будутъ.

Несмотря на сопротивленіе тѣщи, Отрубевъ велѣлъ обшить ея домъ новымъ тѣсомъ и покрыть крышу сарая, гдѣ Семень могъ спать лѣтомъ на сѣновалѣ, не боясь дождя.

Хотя перестройка и не требовала большихъ издержекъ, но Матрона Ефимовна сердилась и горевала, что осѣтила племянника женнина роденька, и рассказывала, какъ заставила Межжерова выстроить новый домъ. Матрона Ефимовна и тѣмъ была недовольна, что Маша сама занималась хозяйствомъ; но на ворчанье ея никто не обращалъ вниманія.

В. Г. ЛИНКА.

ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ.

РОМАНЪ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Часть четвертая.

ГЛАВА XX.

Новый жилецъ.

Длиныя судейскія вакаціи клонятся къ концу такъ медленно и лѣнливо, какъ медленно и лѣнливо катить волны свои мутная рѣка по плоской странѣ, къ устью своему, въ морѣ: такъ же лѣнливо и мистеръ Гушпи отряхаетъ съ вѣждъ своихъ дремоту бездѣйствія. Онъ ужъ истушилъ лезвее своего перочиннаго ножика, сломилъ у него кончикъ, вертя дыры и тыкая по вѣсѣмъ направленіямъ верхнюю доску своей конторки: не то, чтобъ онъ сердился на конторку, или на ея верхнюю доску — нѣтъ! ни чуть не бывало! Ему, изволите видѣть, надо же чѣмъ-нибудь заниматься, но заниматься такъ, чтобъ ни физическая, ни интеллектуальная натуры его не подверглись особенному напряженію, и онъ нашелъ, что всего спокойнѣе повертываться на ножкѣ своего табурета, втыкать ножикъ въ конторку свою и зѣвать.

Кенджъ и Корбай за городомъ. Главный клеркъ пристрастился къ охотѣ и отбылъ на законныя владѣнія своего родителя. Два товарища мистера Гушпи находятся въ отпуску. Мистеръ Гушпи и мистеръ Ри-

чардъ Карстонъ имѣютъ честь быть одни въ конторѣ. Мистеръ Ричардъ Карстонъ помѣщенъ на-время въ комнатѣ самого мистера Кенджа; мистеръ Гушни за это сердится, и крѣпко сердится. Вотъ сидитъ онъ въ старой Матросской Улицѣ съ своей достопочтенной матерью за ужинкомъ, закусываетъ морскимъ ракомъ съ салатомъ и говоритъ съ убійственнымъ сарказмомъ:

«Да, матушка, я думаю, что для этихъ бѣлоручекъ грязна наша контора. Еслибъ я зналъ, что къ намъ поступитъ такой бѣлоручка, такъ я велѣлъ бы всѣ стѣны вновь перекрасить».

Мистеръ Гушни косится на каждого, кто занимаетъ какое бы то ни было мѣсто въ конторѣ мистеровъ Кенджа и Корбая; ему такъ и мерещется, что затѣваютъ недобрые планы надъ его головой. Каждого изъ новобранцевъ подозрѣваетъ онъ въ умышленной къ себѣ ненависти. Спросите его: съ чего это онъ взялъ, гдѣ онъ слышалъ, гдѣ онъ видѣлъ; онъ сощуритъ лѣвый глазъ и замотаетъ головой вправо и влево.

Въ силу такихъ глубокихъ соображеній онъ начинаетъ интриговать самымъ тонкимъ, самымъ гибкимъ образомъ тогда, когда нѣтъ никакой интриги; начинаетъ смѣло и рѣшительно задавать шахъ-и-матъ, когда передъ нимъ нѣтъ никакого партнера.

Вотъ потому-то видитъ мистеръ Гушни, не безъ особеннаго удовольствія, что новобранецъ глубоко погруженъ въ безконечныя бумаги процесса по дѣлу Жарндисовъ: мистеръ Гушни знаетъ основательно, что въ этомъ процессѣ, кромѣ путаницы, кривчковъ и натяжекъ, ничего нѣтъ, и что въ немъ даже и самъ бѣсъ ногу переломить. Мистеръ Гушни раздѣляетъ свое удовольствіе, по этому поводу, съ третьимъ лицомъ въ конторѣ мистеровъ Кенджа и Корбая, съ известнымъ острякомъ, именно молодымъ Смольвидомъ, съ которымъ онъ часто бесѣдуетъ въ длинные дни судейскихъ ваканцій.

Въ Линкольнской Палатѣ крѣпко сомнѣваются, былъ ли когда молодой Смольвидъ (котораго иногда называютъ щенкомъ, выражая такую метафорой его незрелость) ребенкомъ, или прямо явился на свѣтъ такимъ, какъ есть. Теперь ему около пятнадцати лѣтъ, а ужъ онъ успѣлъ проглотить всю юриспруденцію и приобрести известность, какъ глубокий знатокъ оберканцелярскихъ процессовъ и какъ старый членъ судейскихъ палатъ. Говорятъ, подсмѣиваясь надъ нимъ, что онъ питаетъ сильную страсть къ леди, ведущей сигарную торговлю по сосѣдству Канцелярскаго Переулка и, изъ любви къ ней, отказавшись отъ руки другой леди, которой давно ужъ сдѣлалъ предложеніе. Онъ замѣчательно малъ ростомъ, черты лица его замѣчательно истасканы и издали его можно замѣтить по очень-высокой шляпѣ. Сдѣлаться мистеромъ Гушни — вотъ

его честолюбивые замыслы. Онъ одѣвается по образцу этого велико-свѣтскаго джентльмена (который ему въ нѣкоторомъ родѣ некровителъствуетъ): говорить какъ онъ, ходить какъ онъ, вообще перенимаетъ его манеры вездѣ и во всемъ. Онъ почтенъ особеннымъ довѣріемъ мистера Гуппи и по-временамъ, при нѣкоторыхъ житейскихъ недоразумѣніяхъ, предлагаетъ ему мудрые совѣты, черпая ихъ изъ кладезей своей *долго-лѣтней* опытности.

Мистеръ Гуппи цѣлое утро не зналъ за что взяться. Онъ перепробывалъ посидѣть на каждомъ стулѣ и нашелъ всѣ ихъ неловкими; онъ совалъ раза три, четыре свою разгоряченную голову, съ намѣреніемъ остудить ее, въ желѣзный шкафъ для храненія важныхъ бумагъ, и наконецъ убѣдился, что всего удобнѣе развалиться на подоконникѣ и глязѣть на улицу. Мистеръ Смольвидъ, по приказанію мистера Гуппи, два раза сбѣгалъ за пѣнистымъ напиткомъ, дважды наливалъ конторскіе стаканы и, боясь, чтобъ напитокъ не ушелъ, прикладывалъ всякій разъ лшнейку на ребро стакановъ. Но все это не разогнало скуки. Мистеръ Гуппи изрекаетъ парадоксъ какъ-бы въ назиданіе мистера Смольвида: чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше пить хочется, и склоняется головою на наличникъ окна, въ безнадежномъ томленіи.

И пока сидитъ мистеръ Гуппи въ такомъ положеніи и смотритъ на тѣнь стараго Сквера Линкольнской Палаты, на невыносимые кирпичи и известку, замѣчаетъ онъ пару человѣческихъ бакенбардъ, выходящихъ изъ крытаго сводомъ двора и направляющихся прямо къ нему. Въ то же время раздается свистъ и громкій крикъ : «Хююю!.. Гуппи!

— Прошу покорно! говоритъ мистеръ Гуппи, приподнявшись и обращаясь къ мистеру Смольвиду : — прошу покорно! Смоль! посмотри: Джоблингъ!

Голова Смоля высовывается изъ окна и киваетъ Джоблингу.

— Откуда тебя нелегкая принесла? спрашиваетъ мистеръ Гуппи.

— Съ Торговыхъ Садовъ, изъ Дентфорда. Ну, братъ, концы въ воду, иду въ солдаты. Одолжи, братъ, полкроны : голодь мучить.

Джоблингъ ниѣтъ, въ-самомъ-дѣлѣ, голодный видъ, и вообще замѣтно, что на дентфордскихъ Торговыхъ Садахъ ему очень не везло.

— Выбрось, братъ, полкроны изъ окна, если есть у тебя залившия. Ей-Богу голодець какъ собака.

— Пойдемъ вмѣстѣ обѣдать, говоритъ мистеръ Гуппи, бросая монету на мостовую.

Мистеръ Джоблингъ ловить на-лету очень-удачно.

— А долго ли придется ждать тебя? говоритъ Джоблингъ.

— Мигомъ. Я только ожидаю, пока уйдетъ злодѣй, говоритъ мистеръ Гушпи, кивая головой на внутреннія комнаты.

— Какой злодѣй?

— Да тутъ одинъ новичокъ. Получаетъ мѣсто. Ну что жъ ты, по-дождешь?

— Идешь! Нѣтъ ли чего пока почитать? говоритъ Джоблингъ.

Смольвидъ предлагаетъ ему Адрес-календарь, но Джоблингъ рѣшительно отказывается отъ этой книги и говоритъ: «убирайся!»

— Хочешь газеты? говоритъ мистеръ Гушпи: — Смоль принеси-ка нѣсколько номеровъ! Но знаешь, братъ, лучше здѣсь не оставайся. Сядь пока у насъ на лѣстницѣ и читай. Тамъ покойно.

Джоблингъ соглашается и выражаетъ вообще своей физиономіей, что опять-де смекаетъ въ чемъ дѣло. Остроумный Смольвидъ снабжаетъ его газетами, многозначительно бросаетъ взглядъ на лѣстницу, въ родѣ предостереженія, чтобъ гость, соскучившись долгимъ ожиданіемъ, не выгѣзъ изъ своего спокойнаго мѣста преждевременно.

Злодѣй наконецъ уходитъ и Смольвидъ тотчасъ же соединяетъ Джоблинга и Гушпи.

— Ну, какъ же ты можешь? говоритъ мистеръ Гушпи, пожимая руку мистера Джоблинга.

— Такъ-себѣ. А ты какъ?

Мистеръ Гушпи отвѣчаетъ тоже: «такъ-себѣ, ничего особеннаго. На это мистеръ Джоблингъ предлагаетъ тотъ же вопросъ въ другомъ родѣ: «а она какъ?» Мистеръ Гушпи считаетъ такой вопросъ за неприличную вольность и оскорбленіе и отвѣчаетъ: «Джоблингъ, въ душѣ человека есть струны...» Джоблингъ проситъ прощенія.

— Спрашивай о чемъ хочешь, только не объ этомъ, говоритъ мистеръ Гушпи съ мрачной улыбкой: — потому-что *есть* струны, Джоблингъ...

Мистеръ Джоблингъ считаетъ долгомъ опять извиниться.

Во время этого короткаго разговора, дѣятельный Смольвидъ, какъ непремѣнный членъ дружескаго обѣда, написалъ круглымъ писарскимъ почеркомъ на маленькомъ лоскуткѣ бумаги: «Сейчасъ вернемся». Это увѣдомленіе для всѣхъ тѣхъ, до кого оно касается, кладетъ онъ на именныя ящики, беретъ свою высочайшую шляпу, надѣваетъ ее подъ тѣмъ же угломъ наклоненія, подъ которымъ мистеръ Гушпи имѣетъ привычку надѣвать свою, и докладываетъ своему патрону, что пора идти.

Вотъ и пошли они въ сосѣднюю гостинницу, изъ рода тѣхъ, которыя обыкновенно прозываются, «зубочистки», потому-что, послѣ известнаго часа порцій джину въ такихъ гостинницахъ, потребители имѣютъ дур-

ную привычку чистить другъ другу зубы такъ старательно, что иногда не остается ни одного налицо. Содержательница этой гостиницы, вертлявая молодая женщина, лѣтъ сорока, говорятъ, имѣла вліяніе на вѣщательнаго Смольвида, о которомъ можно сказать мимоходомъ, что онъ козлунъ-оборотень, потому-что годъ на него не имѣютъ никакого вліянія. Онъ словно прожилъ много вѣковъ и запасся всею совиною мудростью. Если онъ когда и лежалъ въ люлкѣ, то надо думать, что и тогда ужь былъ во фракѣ. Тонкій у него, опытный взглядъ у этого Смольвида; пить онъ и курить, что твоя обезьяна; подыметъ ли бровь, вздернетъ ли носомъ — все знаетъ тонкая бестія, знаетъ всю подноготную! Словомъ сказать: воспитанный юриспруденціей, онъ сдѣлался тѣмъ-то въ родѣ ископаемаго чертѣнка, котораго земное происхожденіе объяснялось въ публичныхъ конторахъ палаты тѣмъ, что онъ былъ сынъ Джона До отъ единственной женской отрасли изъ породы Ро (1) и что первая сорочка его была сшита изъ синяго, адвокатскаго мѣшка.

Невозмущаемый соблазнительнымъ видомъ цвѣтной капусты и живности, коробокъ съ зелеными стручками гороха, свѣжими, чистыми огурчиками, жирными частями говядины, готовыми для вертела, выставленными за окнами, указываетъ мистеръ Смольвидъ дорогу къ знакомой гостиницѣ. Тамъ знаютъ его коротко и боится его. Тамъ у него есть любимый уголь; тамъ говоритъ онъ, какія нужно выписывать газеты, тамъ онъ грубъ, если газеты удерживаютъ свыше десяти минутъ. Тамъ не проведутъ его на плохой столъ: ужь не подадутъ ему какой-нибудь, такой кусочекъ говядины, а непременно филе. А въ соусѣхъ онъ такой дока, что просто бѣда!

Сознавая его слоновую силу и покоряясь его ужающей опытности, мистеръ Гушпи совѣтуется съ нимъ въ выборѣ блюдъ для сегодняшняго обѣда. Обращая на него вопросительный взглядъ, пока хозяйка повторяетъ каталогъ всѣхъ блюдъ, онъ говоритъ: — что выберешь, Смоль, а? Смоль въ глубинѣ своей премудрости избираетъ телятину, ветчину и французскіе бобы: — и не забыть у меня фарша, Полли! прибавляетъ онъ съ выразительнымъ взглядомъ изъ достопочтеннаго ока. Мистеръ Гушпи и мистеръ Джоблингъ заказываютъ то же самое. Къ этому прибавляются три стакана того-и-сего пополамъ. Хозяйка быстро возвращается назадъ, неся

---

(1) Въ англійскомъ судопроизводствѣ принято было замѣнять во всѣхъ бумагахъ процессовъ собственныя имена тяжущихся, которыя выставлены были въ заглавіи дѣловой бумаги, сокращенными именами До и Ро; одно изъ нихъ употреблялось вмѣсто имени истца, другое вмѣсто имени отвѣтчика. Нынѣ это вывелось изъ употребленія.

въ рукахъ что-то, въ родѣ модели вавилонской башни, что на-самомъ-дѣлѣ выходитъ, ни больше ни меньше, какъ дюжины двѣ жестяныхъ тарелокъ и колпаковъ. Мистеръ Смольвидъ доволенъ тѣмъ, что ему дано; опытный глазъ его смотритъ благосклонно и благосклонно подмигиваетъ хозяйкѣ.

И вотъ, посреди всевозможной кутерьмы, хожденія взадъ и впередъ, постоянной суетни, трѣска и визга цѣпей и колесъ машины, поднимающей изъ кухни свѣжія кушанья, посреди рѣзкаго крика, вызывающаго новыя порціи чрезъ домашній рупоръ, звона и стука тарелокъ и оловянныхъ блюдеъ, смрада и запаха варенымъ и жаренымъ мясомъ, посреди довольно-высокой температуры, при которой грязные ножи и ска-терти, кажется, сами-по-себѣ испускаютъ жиръ и пивныя пятна, такъ посреди всего этого юридическій триумvirатъ усмиряетъ свой аппетитъ.

Мистеръ Джоблингъ плотнѣе застегнуть, чѣмъ требуютъ уставы моды. Поля шляпы его какой-то особенной природы: онѣ блестятъ и лоснятся, какъ-будто служатъ любимымъ мѣстомъ прогулки для улитокъ. Тотъ же феноменъ замѣчается и на нѣкоторыхъ частяхъ его одежды, въ-особенности при швахъ. У него такое вялое лицо, какое бываетъ у джентльмена въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; даже и русыя бакенбарды его отвисли какъ-то сомнительно.

Аппетитъ его въ такомъ развитіи, что нѣкоторымъ образомъ кажется, будто-бы, нѣсколько дней тому назадъ; онъ изощрялся строгою умеренностью. Онъ такъ быстро распоряжается своими порціями телятины и ветчины, что справился съ ними ужъ окончательно, пока юридическіе друзья его были только на половинѣ. Мистеръ Гушпи, убѣдясь въ справедливости этого явленія, предлагаетъ ему возобновить требованія.

— Спасибо, Гушпи, говоритъ мистеръ Джоблингъ: — кажется, я и еще съѣмъ.

Приносятся новыя порціи и съ тою же быстротою отправляются въ желудокъ мистера Джоблинга.

Мистеръ Гушпи молча поглядываетъ на него повременамъ, какъ онъ, вполонину обработавъ новый кусокъ телятины, останавливается перевести духъ и потянуть изъ стакана (также возобновленнаго ужъ другой разъ) *того-и-сего* пополамъ, протягиваетъ ноги и потираетъ себѣ руки.

Поднятія въ немъ этакого рода усладительное состояніе, мистеръ Гушпи говоритъ:

— Ну, что Тонни, опять сталъ человѣкомъ?

— Да, еще пока несовсѣмъ, отвѣчаетъ мистеръ Джоблингъ: — пока только новорожденный.

— Не хочешь ли еще зелени? спаржи, горошку, цвѣтной капусты—а?

— Спасибо Гушни, говоритъ мистеръ Джоблингъ : — кажется, я бы съѣлъ цвѣтной капусты.

Приказъ отдается не безъ саркастическаго прибавленія со стороны мистера Смольвида : — смотри жь Полли, безъ червяковъ! и является капуста.

— Росту, росту, Гушни, говоритъ мистеръ Джоблингъ, работая ножомъ и вилокъ съ изумительнымъ наслажденіемъ.

— Ну, очень-радъ.

— Право теперь ужь порядочный мальчикъ, такъ, лѣтъ семнадцать, говоритъ мистеръ Джоблингъ.

Больше онъ не произнесъ ни одного слова, пока не окончилъ возложенную на него обязанность относительно капусты, одновременно съ мистеромъ Гушни и мистеромъ Смольвидомъ, оканчивающими свои первые порціи, такъ-что, совершенно-легко и быстро онъ опередилъ своихъ товарищей на порцію телятины, порцію ветчины и порцію капусты.

— Ну, Смоль, говоритъ мистеръ Гушни : — выдумывай пирожное !

— Пуддингъ изъ мозговъ, говоритъ мистеръ Смольвидъ не заикаясь.

— Прекрасно, прекрасно ! кричитъ мистеръ Джоблингъ, сверкнувъ глазами : — его-то и нужно. Спасибо Гушни. Кажется, я съ большимъ удовольствіемъ съѣмъ пуддингъ изъ мозговъ.

Три пуддинга изъ мозговъ приносятся и мистеръ Джоблингъ, находясь въ пріятномъ расположеніи духа, говоритъ, что ему ужь лѣтъ около двадцати. За пуддингомъ, по командѣ мистера Смольвида, являются три ломтика честера и три маленькія рюмочки рому.

Достигнувъ благополучно этого сладостнаго окончанія обѣда, мистеръ Джоблингъ вытягиваетъ ноги на обитый ковромъ стулъ (онъ самъ занималъ почти полстола) — прислоняется къ стѣнѣ и говоритъ : Ну, братъ Гушни, выросъ; просто, человекъ совершенныхъ лѣтъ!

— Какого ты теперь мнѣнія, говоритъ мистеръ Гушни : — насчетъ того... а? Смольвидъ! понимаешь!

— То-есть ровно ничего! Я теперь имѣю удовольствіе пить за его здоровье.

— Сэръ, ваше здоровье! говоритъ мистеръ Смольвидъ.

— Нѣтъ, я хочу, братецъ, сказать, какого ты мнѣнія насчетъ того... продолжаетъ мистеръ Гушни : — насчетъ рекрутства?

— Гм! мнѣніе мое послѣ обѣда, отвѣчаетъ мистеръ Джоблингъ : — само-по-себѣ; а мнѣніе мое до обѣда тоже само-по-себѣ, дружище Гушни. Это, братъ, двѣ вещи совершенно-разныя. Но даже и послѣ обѣда я задаю себѣ вопросъ, что мнѣ дѣлать, чѣмъ жить? *Иль фо*

мандже, понимаешь, говоритъ мистеръ Джоблингъ, произнеся эти французскія слова на англійскій манеръ: — *Иль ёо мандже*, говоритъ французъ, а *мандже* также необходимо и мнѣ, какъ и французу. А, можетъ, и еще необходимыѣ.

Мистеръ Смольвидъ совершенно того же мнѣнія, что *мандже* для Джоблинга еще необходимыѣ.

— Еслибъ мнѣ кто-нибудь сказалъ, продолжаетъ Джоблингъ: — еще тогда, когда мы съ тобой, Гушпи, ѣздили въ Линкольншайръ и осматривали Кестль-Вольдъ...

— Чизни-Вольдъ, поправляетъ его мистеръ Смольвидъ.

— ... Чизни-Вольдъ. (Я благодарю моего почтеннаго друга за доставленное удовольствіе). Еслибъ кто мнѣ тогда сказалъ, что я буду въ такомъ скверномъ положеніи, въ которомъ нахожусь теперь, я бы его... я бы его поколотилъ, говоритъ мистеръ Джоблингъ, прилебнувъ грогу съ видомъ отчаянной рѣшимости: — я бы ему свернулъ голову!

— Ну въѣд и тогда, Тонни, обстоятельства твои были тонки, замѣчаетъ мистеръ Гушпи: — ты помнишь, только объ этомъ и толковалъ, сидя въ таратайкѣ.

— Гушпи, говоритъ мистеръ Джоблингъ: — правда твоя, и тогда дѣла мои были плохи, но я думалъ, авось повезеть.

— Авось, авось! много въ тебѣ надежды; но лучше было бы замѣнить тебя, болѣе-вѣрнымъ словомъ.

— У меня былъ, братецъ, положительный поводъ думать, что все перемелется — и будетъ мука, говоритъ мистеръ Джоблингъ съ какою-то неопредѣленностью выраженія, а можетъ, и мысли: — да нѣтъ, не тутъ-то было. Все лопнуло. Какъ начались продѣлки въ конторахъ; какъ этотъ глухой народъ, съ которымъ конторы имѣютъ дѣло началъ приставать къ горлу съ самыми пустыми должншкками, такъ и съ мѣстомъ надо было проститься; да и новаго нельзя было получить: еслибъ и взялся за чтò, тотчасъ бы подкузьмили. Ну, что жъ человѣку было дѣлать? выбили изъ колен, пришлось жить, чѣмъ Богъ послалъ. Ну, вотъ я и жилъ скрытно на Торговыхъ-Садахъ и тамъ дешево жить. Да, что жъ тутъ, что дешево, когда у человѣка нѣтъ и полфарсинга? Тамъ можно было бы также хорошо жить и съ деньгами.

— Лучше, замѣчаетъ мистеръ Смольвидъ.

— Конечно. И это было бы ешеобязно; а ешеобязная жизнь и бакенбарды — это мои слабости, пусть всякій знаетъ, мнѣ все-равно, говоритъ мистеръ Джоблингъ: — да, это мои слабости, сэръ, мои слабости. Хорошо! продолжаетъ мистеръ Джоблингъ, приложившись снова къ сво-

ему грогу: — что жь дѣлать человѣку, спрашиваю я? Идти въ солдаты — вотъ и все!

Мистеръ Гуппи серьёзно вдается въ разговоръ, съ намѣреніемъ выразить, чтѣ остается, но его понятіямъ, дѣлать человѣку въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Голосъ и манеры его глубоко-убѣдительно, какъ вообще индивидуума, который во всю жизнь свою не сдѣлалъ ничего глупаго, кромѣ того развѣ, что запутался въ нѣжныхъ сѣтяхъ любви.

— Джоблингъ, говорить мистеръ Гуппи: — я самъ, и нашъ общій другъ Смольвидъ...

(Мистеръ Смольвидъ скромно замѣчаетъ: «оба джентльмены!» и прихлебываетъ изъ стакана).

— ... Не разъ поговаривали объ этихъ вещахъ съ-тѣхъ-поръ...

— Какъ меня выгнали, съ горестью восклицаетъ мистеръ Джоблингъ: — договаривай Гуппи, договаривай. Я знаю, чтѣ ты думаешь.

— Нѣ-ѣтъ! съ-тѣхъ-поръ, какъ ты оставилъ Палату... нѣжно прибиваетъ мистеръ Смольвидъ.

— ... Да, съ-тѣхъ-поръ, какъ ты оставилъ Палату, Джоблингъ, говорить мистеръ Гуппи: — я сообщилъ нашему общему другу Смольвиду планъ, который хочу предложить тебѣ. Знаешь ты Снегсби, поставщика канцелярскихъ принадлежностей?

— Слышалъ это ини, отвѣчаетъ мистеръ Джоблингъ: — но намъ онъ не оставялъ и потому я его не знаю.

— Онъ изъ нашихъ, Джоблингъ, и я съ нимъ знакомъ, говорить мистеръ Гуппи: — да, сударь, я его знаю, и въ послѣднее время были нѣкоторыя обстоятельства, которыя свели меня съ нимъ ближе. Объ этихъ обстоятельствахъ нечего распространяться: они въ нѣкоторомъ отношеніи, быть-можетъ, имѣютъ, а можетъ, и не имѣютъ связи съ предметомъ, который, быть-можетъ, набросалъ, а можетъ и не набросалъ, такъ сказать, нѣкоторую тѣнь на мое существованіе.

Такъ-какъ у мистера Гуппи есть смущающая привычка завлекать своихъ искреннихъ друзей на этотъ нѣжный предметъ, набрасывающій, быть-можетъ, тѣнь на его существованія, и какъ только они коснутся его, ошеломятъ ихъ своей рѣзкой строгостью касательно струнъ чело-вѣческаго сердца, то мистеръ Джоблингъ и мистеръ Смольвидъ не поддаются на эту удочку и безмолвствуютъ.

— Можетъ-быть, такъ, а можетъ и нѣтъ, повторяетъ мистеръ Гуппи: — но во всякомъ случаѣ это къ дѣлу не относится. Довольно сказать, что мистеръ и мистриссъ Снегсби готовы всегда обязать меня; и что Снегсби во время судейскаго термина имѣетъ много бумагъ для пере-

писки. Кромѣ дѣл Тѣлькингорна, у него славные заказы и на сторонѣ. Я увѣренъ, что еслибъ нашъ общій другъ Смольвидъ сидѣлъ теперь на скамьѣ присяжныхъ, онъ былъ бы готовъ въ этомъ посягаться.

Мистеръ Смольвидъ соглашается и въ этомъ согласіи видно непререборимое желаніе произнести клятву.

— Итакъ, господа присяжные, говоритъ мистеръ Гушпи : то—естъ сэръ Джоблингъ, ты скажешь, что это плохое средство къ жизни. Хорошо. Согласенъ. Но все же лучше, чѣмъ ничего. Тебѣ надо время, и надо довольно времени, чтобы старое забылось. Чѣмъ такъ болтаться, безъ куска хлѣба, лучше время протянуть въ перепискѣ мистеру Снегсби.

Мистеръ Джоблингъ готовъ возражать, но мудрый Смольвидъ удерживаетъ его легонькимъ кашлемъ и словами : гм! Шекспиръ!

— Предметъ этотъ имѣетъ двѣ вѣтви Джоблингъ, говоритъ мистеръ Гушпи :—одну я тебѣ сказалъ; теперь перейдемъ къ другой. Ты знаешь Крука, канцлера, черезъ улицу. Что ты, Джоблингъ, продолжаетъ мистеръ Гушпи, слѣдственно—ободрительнымъ тономъ : Крука, канцлера, черезъ улицу?

— Видалъ, говоритъ мистеръ Джоблингъ.

— Видалъ. Прекрасно. А знаешь маленькую Флайтъ ?

— Всѣ ее знаютъ, говоритъ мистеръ Джоблингъ.

— Всѣ ее знаютъ. Прекрасно. Въ послѣднее время возложена на меня обязанность выплачивать ей еженедѣльно нѣкоторую сумму денегъ, за вычетомъ недѣльнаго квартирнаго долга ; этотъ долгъ, сообразно даннымъ мнѣ инструкціямъ, я выплачиваю при ея глазахъ мистеру Круку. Эти дѣла свели меня съ мистеромъ Крукомъ и познакомили съ его домомъ и съ его привычками. Я знаю, что у него отдается комната. Ты можешь жить въ ней очень—дешево и подѣ какимъ хочешь именованіемъ, такъ же спокойно, какъ будто—бы ты былъ отсюда за тридевять земель. Онъ ни о чемъ не спрашиваетъ и по одному моему слову, отдастъ тебѣ комнату въ наемъ. И вотъ что я еще хочу сказать тебѣ, Джоблингъ, говоритъ мистеръ Гушпи, понизивъ вдругъ голосъ и довольно фамилярнымъ тономъ :—это, братецъ, предикое чучело, копошется въ какихъ—то старыхъ бумагахъ, забралъ себѣ въ голову выгучиться самоучкою читать и писать, въ чемъ, кажется мнѣ, ни канли нѣтъ успѣха. Дѣ ужасно дикое чучело, и я думаю, не худо бы приглядѣться къ нему поближе.

— Ты вѣдь однако не предполагаешь?.. началъ—было мистеръ Джоблингъ.

— Я предполагаю, возражаетъ мистеръ Гушпи, поднявъ плечи съ

свойственною скромностью: — что я его никакъ понять не могу. Сошлюсь на общаго нашего друга, Смольвида: онъ, быть-можетъ слышалъ, а можетъ и не слышалъ мое всегдашнее замѣчаніе, что я этого Крука никакъ понять не могу.

Мистеръ Смольвидъ произноситъ законическій отвѣтъ въ формѣ: — да!

— Я кой-что смекаю въ дѣлахъ и въ жизни, Тонни, говорилъ мистеръ Гушпи: — и рѣдко бываетъ со мной, чтобъ я кого-нибудь болѣе или менѣе не понялъ. Но такой старой рыси, какъ Крукъ, такого скрытнаго, такого тайнаго животнаго (хотя я не знаю, бываетъ ли онъ когда трезвъ) я никогда не видывалъ. Онъ страшно-старъ и душонки за нимъ не водится. Говорятъ, что онъ чертовски-богатъ. Контрабандистъ ли онъ, мошенникъ ли онъ, ростовщикъ ли онъ, дѣлатель ли фальшивой монеты — чортъ его знаетъ, только я думаю, что тебѣ не мѣшаетъ поразнюхать о немъ поподробнѣе. Миѣ кажется, что тутъ надо по рукамъ — и дѣло въ шляпѣ.

Мистеръ Джоблингъ, мистеръ Гушпи и мистеръ Смольвидъ кладутъ локти на столъ, упираютъ подбородки на руки и взираютъ на потолокъ. Спусти нѣсколько времени, они пьютъ, тихо прислоняются къ спинкамъ стульевъ, засовываютъ руки въ карманы и смотрятъ другъ на друга.

— Еслибъ у меня было столько энергій, сколько бывало прежде, Тонни, говорить мистеръ Гушпи со вздохомъ: — не есть струны въ человѣческомъ сердцѣ...

Пока мистеръ Гушпи топить остатокъ горестныхъ мыслей въ ромъ съ холодной водою, онъ говоритъ, что Тонни Джоблингъ впродолженіе всѣхъ ваканцій даже до того времени, пока не начнутся адвокатскія продѣлки, можетъ черпать въ его кошелекъ отъ трехъ даже до пяти, пожалуй, хоть до шести фунтовъ стерлинговъ. Пусть никто не осмѣлится сказать, прибавляетъ мистеръ Гушпи, съ особеннымъ удареніемъ: — чтобъ Вильямъ Гушпи повернуть къ нуждающемуся другу спину.

Послѣдняя часть предложенія идетъ такъ прямо къ дѣлу, что мистеръ Джоблингъ говоритъ съ чувствомъ: — другъ, Гушпи, руку!

Мистеръ Гушпи протягиваетъ руку и говоритъ: — другъ, Джоблингъ, вотъ она!

Мистеръ Джоблингъ отвѣчаетъ: — другъ, Гушпи, мы истинные братья!

— Братья, говоритъ мистеръ Гушпи.

Послѣ этого они крѣпкожимаютъ другъ другу руки и мистеръ Джоблингъ, прибавляетъ расчувствовавшись до слезъ: — спасибо Гушпи, спасибо; кажется я-бъ выпилъ еще стаканчикъ въ честь нашего знакомства.

— Последний жилецъ Крука умеръ тамъ, замѣчаетъ мистеръ Гунни, какъ-то случайно.

— Умеръ! говоритъ мистеръ Джоблингъ.

— Былъ обыскъ. Внезапная смерть. Тебѣ, вѣдь, это все-равно?

— Мнѣ все-равно, говоритъ мистеръ Джоблингъ: — умеръ такъ умеръ; вѣдь надо же гдѣ-нибудь умереть. Чертовски-страшно, что ему центральнѣе понадобилось умереть въ моей квартирѣ.

Мистеру Джоблингу, однакожь, подобная вольность со стороны умершаго лица не нравится, и онъ дѣлаетъ замѣтки въ рядѣ слѣдующихъ: «мало ли мѣсть, гдѣ можно протянуть ноги... ги! позволю подумать, умеръ!» или: «ему бы, чай, не понравилось еслибъ мнѣ вздумалось умереть на его мѣстѣ».

Такъ-какъ условія законнымъ образомъ повершены, мистеръ Гунни предлагаетъ откомандировать вѣрнаго Смольвида, для удостовѣренія: дома ли Крукъ, и если этотъ мистеръ дома, тотчасъ же приступить къ рѣшительнымъ переговорамъ. Мистеръ Джоблингъ находитъ предложеніе мистера Гунни совершенно основательнымъ и мистеръ Смольвидъ, удивляясь необычайною шляпою, выносить ее, по образцу своего патрона, вмѣстѣ съ гостиницы, и скоро возвращается съ вѣстью, что мистеръ Крукъ дома, что онъ его видѣлъ съвозъ дверную шель, за прилавкомъ, гдѣ онъ спитъ какъ убитый.

— Такъ надо расплатиться, говоритъ мистеръ Гунни: — и идти. Смольвидъ, сколько еѣ навѣ слѣдуетъ?

Мистеръ Смольвидъ поднятіемъ брови даетъ знать козянкѣ, чтобъ она явилась, и говоритъ безостановочно: — четыре порціи телятины, четыре порціи ветчины — три. Четыре порціи картофеля — три и четыре. Одна порція цвѣтной капусты — три и шесть. Три пудинга съ мозгомъ — четыре и шесть. Шесть бутылокъ — пять. Три честера — пять и три. Четыре стакана того-и-сего позволамъ — шесть и три. Четыре порціи рому — восемь и три и восемь и шесть козянкѣ. Восемь и шесть Полли — полсаверина, восемнадцать пенсовъ сдачи!

Не истощивъ силъ своихъ подъ вліяніемъ такихъ сильныхъ вычислений, Смольвидъ отпускаетъ друзей съ холоднымъ поклономъ, а самъ остается позади, для любозныхъ наблюдений за Полли, если поблагодарятъ обстоятельства, и для чтенія газетныхъ новостей. Газетные листы, сравнительно съ ними (исключая шляпы), такъ велики, что, когда онъ беретъ въ руки «Таймсъ» и перебѣгаетъ глазами по столбцамъ, приходитъ въ голову, что онъ лежитъ на кровати и кутается въ одеяло.

Мистеръ Гуппи и мистеръ Джоблингъ плетутся къ лавкѣ тряпья и бутылокъ и находятъ мистера Крука все еще спящимъ, какъ убитый, то-есть храпящимъ громко и непробудимымъ ни виѣшнимъ шумомъ, ни даже легкими толчками. На столѣ около него, посреди обычнаго хлама, стоитъ вѣстительная бутылка джину и стаканъ. Воздухъ такъ пропитанъ запахомъ этого цѣлительнаго напитка, что даже глаза кошки, сидящей на полатахъ, когда она ихъ открываетъ и смотритъ на проходящихъ, кажутся въ полъяна.

— Вставайте, проснитесь! говоритъ мистеръ Гуппи, сотрясая довольно-сильно съѣжившуюся фигуру мистера Крука: — эй, сэръ Крукъ, вставайте!

Но разбудить мистера Крука такъ же трудно, какъ заставить двигаться старое тряпье, пропитанное виннымъ запахомъ.

— Случалось ли тебѣ видать такое состояніе между опьяненіемъ и сномъ? говоритъ мистеръ Гуппи.

— Если это его обыкновенный сонъ, замѣчаетъ мистеръ Джоблингъ, нѣсколько безпокойнымъ тономъ: — такъ я думаю, что когда-нибудь, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, онъ продлится очень-долго.

— У него всегда больше обморокъ, чѣмъ сонъ, говоритъ мистеръ Гуппи и трясетъ его еще разъ: — Эй, лордъ, вставайте! Его легче обокрасть сто разъ, чѣмъ разбудить! Откройте глаза!

Послѣ всего шума, крика и трясенья онъ открываетъ глаза, но жалѣтно, что онъ не видитъ посѣтителей, не сознаетъ и не видитъ ничего. Хотя онъ сгибаетъ ногу на ногу, разводитъ руками, раздвигаетъ и сдвигаетъ свои сморщенные губы, однакожь въ немъ не видно, какъ и прежде, никакого сознанія.

— Во всякомъ случаѣ, онъ живъ, говоритъ мистеръ Гуппи. — Какъ ваше здоровье, лордъ-кандеръ? Я привелъ къ вамъ друга. Есть дѣло.

Старикъ все еще сидитъ, чавкая исхохшими губами и не видать въ немъ никакого сознанія. Спустя нѣсколько минутъ, онъ силится встать. Они его поднимаютъ; онъ прислоняется къ стѣнѣ и тарашитъ на нихъ глаза.

— Какъ ваше здоровье, мистеръ Крукъ? говоритъ ошеломленный мистеръ Гуппи: — какъ ваше здоровье, сэръ? Вы какъ-будто околдованы, мистеръ Крукъ. Надѣюсь, что вы здоровы?

Старикъ, нацѣливъ ложный ударъ или на мистера Гуппи, или просто въ пространство, самопроизвольно поворачивается и прямо носомъ упирается въ стѣну. Въ такомъ глупомъ положеніи онъ остается минуту, или двѣ, потомъ, шатаясь, переходитъ лавку и отворяетъ дверь на улицу. Свѣжій воздухъ, шумъ и движеніе на улицѣ, время, или, быть-мо-

жетъ, всѣ эти соединенныя силы вмѣстѣ приводятъ его въ чувства. Онъ возвращается назадъ довольно-твердымъ шагомъ, поправляетъ на головѣ свою мѣховую шапку и смѣло смотритъ на своихъ посѣтителей.

— Покорный слуга, джентльмены; я вздремнулъ; крѣпко сплю, что дѣлать!

— Очень-крѣпко, говоритъ мистеръ Гушпи.

— Развѣ вы пытались меня будить? говоритъ подозрительный Крукъ?

— Такъ, немножко, отвѣчаетъ мистеръ Гушпи.

Взоръ старика упадаетъ на пустую бутылку; онъ изслѣдуетъ ее, беретъ ее въ руки и нѣжно поворачиваетъ внизъ горлышкомъ.

— Хи, хи! вскрикиваетъ онъ, какъ нечистый духъ въ сказкахъ:— тутъ кто-то прикладываетъ рыло: бутылка пуста.

— Увѣряю васъ, мы нашли ее такъ, какъ она есть, говоритъ мистеръ Гушпи. Коли хотите, я велю ее налить для васъ навзрѣвъ?

— Конечно, хочу, говоритъ мистеръ Крукъ, съ большою радостью:— конечно хочу, объ этомъ и толковать нечего. Вотъ тутъ, за угломъ, въ гостинницѣ Солнечнаго Герба. Скажите: лорду-канцлеру, на четырнадцать пенсовъ. Они меня знаютъ!

Онъ такъ ласково передаетъ пустую бутылку мистеру Гушпи, что этотъ джентльменъ, кивнувъ головой своему другу, спѣшитъ за уголъ и поспѣшно возвращается съ полною бутылкою. Старикъ беретъ бутылку, какъ любимаго внука и, какъ нѣжный дѣдушка, ласкаетъ и треплетъ ее.

— А! хи! шепчетъ онъ съ полузакрытыми глазами и пробуя изъ бутылки:— это не лордканцлерское въ четырнадцать пенни; это въ восемнадцать пенни!

— Я хотѣлъ вамъ угодить, говоритъ мистеръ Гушпи.

— Вы настоящій вельможа, сэръ, отвѣчаетъ мистеръ Крукъ, прихлебнувъ еще изъ бутылки, и горячее дыханіе его кажется пламенемъ, способнымъ зажечь спиртъ:— вы, сэръ, просто великобританскій баронетъ.

Пользуясь этимъ благоприятнымъ случаемъ, мистеръ Гушпи представляетъ своего друга подъ импровизированнымъ именемъ мистера Вилля и объясняетъ цѣль ихъ прихода. Крукъ ласково держитъ бутылку въ рукахъ, но больше не пьетъ (онъ никогда не переходитъ извѣстнаго предѣла опьяненія, или трезвости), и мѣрзаетъ съ ногъ до головы новаго жильца своего и остается доволенъ.

— Вы не хотите ли взглянуть на комнату, молодой человекъ? говоритъ онъ:— славная комната! Чисто вымыта. Мыломъ и поташемъ!

Хи, хи! Ее надо пускать вдвое дороже, неговоря ужъ объ обществѣ со мной и о такой прекрасной кошкѣ для мышей.

Нахвалявая такимъ-образомъ комнату, старикъ ведетъ ихъ наверхъ и они въ-самомъ-дѣлѣ находятъ, что тамъ чище, чѣмъ было прежде и что даже въ комнатѣ стоитъ кой-какая старая мѣбель, которую хозяинъ вычерпалъ изъ своего гламнаго подземелья. Дѣло сладилось легко, потому-что лордъ-канцлеръ не можетъ быть тугъ предъ лицомъ мистера Гуппи, товарища по дѣламъ съ Кенджемъ и Корбаемъ, знатока въ процесѣ Жардисовъ и во многихъ другихъ достославныхъ произведеніяхъ великобританской юстиціи. Рѣшено было такъ, что мистеръ Вивль займетъ съ завтрашняго дня свою комнату. Затѣмъ, мистеръ Вивль и мистеръ Гуппи отправляются на Стряпное Подворье въ Канцелярскую Улицу, гдѣ первый представляется мистеру Снегсби и, что всего важнѣе, заслуживаетъ вниманіе со стороны мистриссъ Снегсби. Потомъ направляются они, для сообщенія успѣховъ своихъ къ знаменитому Смольвиду, который, въ своей оригинальной шляпѣ, ожидаетъ ихъ въ конторѣ и наконецъ, расстаются послѣ того, какъ мистеръ Гуппи выяснилъ передъ ними свое желаніе повершить день радостно и свести ихъ всѣхъ въ театръ: —но есть струны въ человѣческомъ сердцѣ, прибавилъ онъ: —которыя заставляютъ меня смотрѣть на это удовольствие, какъ на злую насмѣшку.

На слѣдующій день, подъ скромнымъ покровомъ вечерняго мрака, смиренно является мистеръ Вивль въ канцелярію Крука; нестѣснаемый нисколько своимъ багажемъ, онъ помѣщается въ своей новой квартирѣ и два глаза ставень, смотрятъ на него во время сна съ особеннымъ удивленіемъ. Утромъ на другой день мистеръ Вивль, сказать мимоходомъ, самый безтолковѣйшій пустозвонъ, занимаетъ иглоку и нитокъ у мистриссъ Флайтъ, молотокъ у своего хозяина и принимается за работу. Онъ вколачиваетъ различные предохранительные снаряды для оконныхъ занавѣсокъ, и для посуды и развѣшиваетъ на дрянные крючки двѣ свои чашки, молочникъ и другія замѣчательныя произведенія глины, и распоряжается вообще съ предпримчивостью матроса.

Но что всего болѣе цѣнить мистеръ Вивль (исключая своихъ свѣтлорусыхъ бакенбардъ, къ которымъ онъ питаетъ такую привязанность, какую только могутъ возбудить бакенбарды въ душѣ смертнаго), это коллекція гравюръ въ истинно-національномъ вкусѣ, изображающихъ богинь Альбіона, или Блестательную Галерею Британскихъ Красавицъ, то-есть леди высшаго фешонбельнаго круга во всѣхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, къ которымъ способны соединенныя силы искусства и капитала. Этими великолѣпными портретами, хранившимися непочти-

тельно въ шляпной картонкѣ, во время заточенія ихъ владѣльца на Торговыхъ Садахъ, украшаетъ онъ свою комнату. И такъ-какъ Блестательная Галерея Британскихъ Красавицъ облечена въ разнообразныя идеальныя костюмы, играетъ на разнообразныхъ инструментахъ, ласкаетъ разнаго рода собакъ, корчитъ разнаго рода физиономіи, ошлетена разнообразными гирляндами цвѣтовъ, обнесена разнохарактерными балюстрадами, то видъ вообще выходитъ торжественный.

Но фешонэбльный свѣтъ такая же слабость и мистера Вивля, какъ и мистера Тони Джоблинга. Запастись вчерашними нумерами газетъ изъ гостиницы Солнечнаго Герба и вечеркомъ почитать о блестящихъ и изумительныхъ метеорахъ, крейсирующихъ по фешонэбльному небу во всѣхъ направленіяхъ, составляетъ для него немаловажное наслажденіе. Свѣдѣніе, какой членъ, какого блестящаго и изумительнаго круга, совершилъ изумительный и блестящій подвигъ вчера, или обдумываетъ блестящій и изумительный подвигъ на завтрашній день, даетъ ему огромный запасъ радости. Знать, на чемъ остановилась Блестательная Галерея Британскихъ Красавицъ, или на чей думаетъ остановиться, знать, какіе блестящія браки имѣютъ совершиться, какая блестящая молва ходитъ по блестящему обществу, значить, знакомиться съ наиславнѣйшими судьбами человѣческаго рода. Мистеръ Вивль обращаетъ услажденный взоръ свой съ газетныхъ новостей на усладительные портреты Блестательной Галереи и проч. и ему мнится, что онъ знаетъ оригиналовъ и оригиналы знаютъ его.

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, онъ спокойный жилецъ, расторопный, угодливыи малый, способный заняться и стиркой и стиркой съ такимъ же успѣхомъ, съ какииъ занимается драпировкой своей комнаты и выказывающій большія соціальныя наклонности, когда вечернія тѣни ложатся на дворъ. Въ это время дня, если его не посѣтитъ мистеръ Гушпи, или образъ и подобіе мистера Гушпи, маленькій Смоль, теряющійся въ своей наввысочайшей шляпѣ, оставляетъ онъ свою мрачную комнату, гдѣ онъ наследовалъ большую конторку, опрысканную чернильными дождемъ, и занимается разговорами съ Крукомъ, или съ кѣмъ бы то ни было на дворѣ, гдѣ такъ много любителей хорошаго общества, потому-что мистриссъ Пайперъ, первая особа на дворѣ, находитъ современнымъ сдѣлать два замѣчанія мистриссъ Перкинсъ: вопервыхъ, она говоритъ, что еслибъ у ея Джинни были бакенбарды, то она бы очень хотѣла, чтобъ онѣ были похожи на бакенбарды этого молодого человѣка, и вовторыхъ: помяните мое слово, мистриссъ Перкинсъ, что, рано или поздно, а этотъ молодой человѣкъ подберетъ къ своимъ рукѣмъ всѣ денежки Крука.

ГЛАВА XXII.

СЕМЕЙСТВО СМОЛЬВИДОВЪ.

Въ очень дурно-устроенной, въ очень дурно-испаряющейся части города (хотя одна изъ ея улицъ и называется Красная Горка), чертёнокъ Смольвидъ, названный именемъ Бартоломея и извѣстный, подъ родительской кровлей, подъ болѣе-краткимъ именемъ Барта, проводитъ маленькую частичку своего времени, на которое колѣбра и со-кривосновенныя съ нею дѣла, наложивъ свои тяжёлыя руки. Онъ живётъ въ маленькомъ, узномъ нереужь, всегда тихомъ, мрачномъ и случномъ, обнесённомъ, какъ могла, во всѣхъ стѣнахъ кирпичными стѣнами, но гдѣ еще и до-сихъ-поръ гнѣтъ отъ стараго дерева пень, распростра-странная такой свѣжій и натуральный запахъ, какой свѣжій и натураль-ный видъ молодости имѣетъ Смольвидъ.

Въ семействѣ Смольвидовъ, былъ всего-на-всѣ одинъ только ребен-нокъ. Маленькихъ старичковъ и старушекъ было много, но дѣтей не было до-тѣхъ-поръ, пока бабушка Смольвида (она еще жива) не ослаб-ла духомъ и не впала въ совершенное ребячество. Обладая полнымъ отсутствиемъ наблюденія, памяти, разсудка, соображенія и вѣчнымъ по-полнозвониемъ спать въ растопленномъ каминѣ, бабушка мистера Смоль-вида, безспорно, могла быть утѣхою знаменитой фамилии.

Дѣдушка мистера Смольвида также живъ. Онъ совершенно въ без-помощномъ состояннн относительно своихъ дряхлыхъ членовъ; но умъ его невриосновененъ. Онъ до-сихъ-поръ удерживаетъ, такъ же хорошо, какъ удерживалъ и прежде, первый четыре правила ариметки и не-большой запасъ самыхъ-рѣвннхъ историческихъ фактовъ. Что жъ ка-сается до идеализма восторговъ, восхищенія и другихъ френологическихъ атрибутовъ, то онъ несколько не слабѣе, относительно ихъ, чѣмъ былъ въ дни своей молодости. Все, что дѣдъ мистера Смольвида по-чариннулъ духомъ своимъ на первыхъ годахъ жизни, было не больше мушкетера и осталось куколкой, которой не суждено было развиться даже въ престую бабочку.

Отецъ этого забавнаго дѣдушки, по соседству съ Красной Горкой, былъ что-то въ родѣ кривоконжаго, двуногаго, зашибающаго дельгу наука, который тчетъ свою паутину, чтобъ словить неопытныхъ мухъ, и удаляется въ тѣсные уголки своего гнѣзда, пока онъ не запутается въ паутинѣ. Божество, которому онъ поклонялся—это сложные проценты. Онъ жилъ для нихъ, женился на нихъ и умеръ отъ нихъ. Онъ потер-вѣлъ какой-то значительный убытокъ, въ одномъ честномъ предпрн-

тин, между-тѣмъ, какъ всѣ убытки должны были, повидимому, пасть на противную сторону; это обстоятельство нанесло ударъ, конечно, не сердцу, потому-что присутствіе его оставалось тайной, а чему-то особенно въ его существованіи и положило конецъ его жизни. Такъ-какъ характеръ его былъ несовсѣмъ-красивъ, а онъ прошелъ курсъ наукъ въ благотворительной школѣ по всѣмъ вопросамъ и отвѣтамъ о древнихъ народахъ, въ родѣ аморитовъ и хиттитовъ, то его часто выставляли на видъ, какъ образецъ вреда образованія.

Духъ его проникъ и въ сердцѣ юнаго его сына, которому онъ постоянно твердилъ: «чѣмъ раньше за дѣло, тѣмъ лучше», и отдалъ его на тринадцатомъ году жизни въ контору денежнаго маклера, человека тонкаго свойства. На этомъ поприщѣ молодой джентльменъ исправилъ свой плохой и боязливый характеръ и, развивая въ себѣ родовые дары, усвоилъ окончательно способность учета. Вступая рано въ жизнь и женился поздно, подобно отцу своему, онъ имѣлъ сына, также валаго и ничтожнаго характера, который, также вступая рано въ жизнь и женился поздно, сдѣлался отцомъ близнецовъ Бартоломея и Юдиша Смольвидовъ. Впродолженіе всего времени, въ которое развивалось семейное древо Смольвидовъ, вступающихъ въ жизнь рано и женившихся поздно, они укрѣплялись въ твердости практическаго характера; имъ запрещались всѣ удовольствія, не позволялось читать повѣстей, сказокъ, романовъ, басенъ, и изгонялись всѣ роды и виды игръ.

Въ настоящую минуту, въ темномъ маленькомъ подвалѣ, нѣсколькими футами ниже горизонта мостовой... Чтò за грязная, мрачная, неприятная комната! ничего въ ней не видно, кромѣ скорлупы, грубой, байковой скатерти, грубаго, изогнутаго жестянаго подноса, на которомъ виднѣлось довольно-правильное изображеніе духа Смольвидова дѣдушки... Такъ въ настоящую минуту, въ этомъ подвалѣ, въ двухъ, обитыхъ черной волосяной матеріей креслахъ, сидятъ, по обѣимъ сторонамъ камина, отягченные годами мистеръ и мистриссъ Смольвидъ и проводятъ счастливые часы. На каминномъ очагѣ стоятъ два треногіе таганчика, для горшковъ и кострюль, за которыми дѣдушка Смольвидъ считаетъ непреложнымъ долгомъ наблюдать строго; посреди нихъ торчитъ что-то въ родѣ мѣдной висѣлицы, назначенной, впрочемъ, для жаренья; дѣдушка Смольвидъ не спускаетъ и съ нея наблюдательныхъ своихъ глазъ. Въ подушкѣ стула достопочтеннаго мистера Смольвида, охраняемой его паутинными ногами, находится выдвигной ящикъ, въ которомъ, и деть молва, погребено несметное богатство. Возлѣ него лежитъ лишняя подушка, въ которой онъ постоянно нуждается, для впаданія въ голову дражайшей спутницы своихъ преклонныхъ лѣтъ, если

она задумаетъ сдѣлать нападеніе на его деньги — пунктъ, въ которомъ онъ особеннымъ образомъ чувствителенъ.

— А гдѣ Бартъ? спрашиваетъ дѣдушка Смольвидъ у Юдины, сестры Бартоломея.

— Онъ еще не приходилъ, отвѣчаетъ Юдина.

— Онъ въ это время чай пьетъ?

— Нѣтъ, еще рано!

— Сколько же остается?

— Десять минутъ.

— А?

— Десять минутъ! громко вскрикиваетъ Юдина.

— Гм! говоритъ дѣдушка Смольвидъ: — десять минутъ!

Бабушка Смольвидъ, почавкала губами, потрясла головой, смотря на треногій таганчикъ; она слышитъ, что говорятъ: *десять*; въ умѣ ей представляются деньги и она вскрикиваетъ, какъ отвратительный, старый безперый попугай; десять фунтовъ стерлинговъ! десять фунтовъ стерлинговъ!

Дѣдушка Смольвидъ тотчасъ же посылаетъ ей въ голову подушку.

— Молчи! кричитъ добрый старичокъ.

Подушка оказываетъ двойное дѣйствіе: она даетъ затылку мистриссъ Смольвидъ порядочный ударъ о спинку креселъ, приводитъ чепчикъ ея въ самое отчаянное состояніе и производитъ реакцію на мистера Смольвида, который опрокидывается отъ усилія на спинку своихъ креселъ, какъ разбитая кукла. Отличнѣйшій старичокъ—джентльменъ бываетъ въ такія минуты болѣе—похожъ на связку платья съ черною тряпкою наверху, чѣмъ на человѣка, а потому не приходитъ въ себя, пока внучка не произведетъ надъ нимъ двухъ операций: вопервыхъ, не заболтаетъ его, какъ какую-нибудь большую бутылъ, и вовторыхъ, не обколотитъ и не обомнетъ его, какъ матрацъ. И опять сидятъ они другъ противъ друга, съ сиутницею своихъ послѣднихъ дней, какъ два стража, забытые черною смѣною — смертью.

Юдина, достойная собесѣдница этого общества. Она такъ бесомнѣнно сестра мистера Смольвида младшаго, что еслибъ на этой парочкѣ зашѣсть опару, то врядъ ли бы испеклось что-нибудь среднее пропорціональное. Она такъ удостовѣряетъ, по-крайней-мѣрѣ, въ наружномъ сходствѣ съ породою обезьянъ, что еслибъ одѣтъ ея въ мишурное платье съ шапочкой на головѣ, она могла бъ смѣло исходить весь материкъ и плясать подъ звуки органа и никто бъ не обратилъ на нее вниманія, какъ на что-нибудь особенное. Впрочемъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, она одѣта въ обыкновенное старое платье темнаго цвѣта.

Юдишь никогда не имѣла куклы, никогда не слыхала о сказкахъ, никогда не играла ни въ какую игру. Раза два-три случалось ей попадать въ общество дѣтей, когда ей было лѣтъ около десяти, но ни она не знала, что дѣлать съ дѣтьми, ни дѣти не знали, что дѣлать съ ней. Очень-сомнительно, умѣла ли Юдишь смѣяться. Она такъ рѣдко видала смѣхъ, что достовѣрность остается на сторонѣ противнаго мнѣнія. О чемъ-нибудь, въ-родѣ невиннаго, веселаго смѣха, она, очевидно, не имѣла никакого понятія. Еслибъ она попробовала посмѣяться, то, вѣрно, ей помѣшали бы зубы, потому-что она стала бы подражать, такъ, какъ она во всемъ подражала, своему достопочтенному дѣдушкѣ. Вотъ какова Юдишь!

А братецъ ея не сумѣетъ спустить волчка ни за что въ мѣрѣ. О Джакъ-Великанѣ, или о Синбадѣ-Матросѣ онъ столько же знаетъ, сколько о жителяхъ звѣздъ. Онъ скорѣе будетъ согласенъ самъ обратиться въ кошку, или мышъ, чѣмъ станетъ играть въ кошку-и-мышку; но онъ выше сестры своей въ томъ отношеніи, что изъ мрачнаго круга своихъ потемокъ выступилъ въ обширную полосу свѣта, бросаемаго мистеромъ Гуппи. Потому и велико его удивленіе и подражаніе этому блестящему чарователю.

Съ шумомъ, подобнымъ грому, ставитъ Юдишь одинъ изъ жестяныхъ подносовъ на скорблзую скатерть и собираетъ на немъ чашки и блюдечки. Хлѣбъ кладетъ она въ жестяную корзинку, а масло (очень-маленькій кусочекъ) на небольшую свинцовую тарелочку. Дѣдушка Смольвидъ, косо смотритъ на приготовленіе къ чаю и спрашиваетъ Юдишь:

— Гдѣ дѣвка?

— Черли? говоритъ Юдишь.

— А? вылетаетъ изъ устъ дѣдушки Смольвида.

— Черли? кричитъ Юдишь.

Это имя затрогиваетъ бабушку Смольвидъ и она, не спуская глазъ, какъ обыкновенно, съ треногаго таганчика, кричитъ:

— На водѣ! Черли, на водѣ! На водѣ, на водѣ, Черли на водѣ! и воспаляется до энергіи.

Дѣдушка посматриваетъ на подушку, но силы его еще не возобновились послѣ бывшаго напряженія.

— Ха! говоритъ онъ, когда все смолкло: — она, я думаю, ѣсть много. Лучше бы ей платить деньгами за работу, чѣмъ кормить ее.

Юдишь, съ хитрымъ взглядомъ своего брата, качаетъ головой и кривитъ ротъ, чтобъ сказать: нѣтъ; однакожъ не говоритъ.

— Нѣтъ? отвѣчаетъ старикъ: — отчего же нѣтъ?

— Ей надо шесть пенсовъ въ день; а мы можемъ обойтись дешевле, говорить Юднѣ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

Юднѣ отвѣчаетъ глубоко-значущимъ киваньемъ головы; намазываетъ масло такъ тонко на хлѣбъ, что его вовсе и не видать, боится обронить каждую крошку и разрѣзываетъ хлѣбъ на маленькіе кусочки.

— Эй ты, Черли! куда запропастилась? кричитъ она.

Робко повинаясь этому воззванію, маленькая дѣвочка, въ грубомъ передникѣ, въ большомъ капорѣ, съ влажными, мыльными руками и съ пологой щеткой, является и приѣдаетъ.

— Чѣмъ ты теперь занимаешься? говоритъ Юднѣ, взглянувъ на нее какъ старая вѣдьма.

— Чистю заднюю комнату наверху, миссъ, отвѣчаетъ Черли.

— У меня дѣлать хорошо и не мѣшкать. Ну, пошла! Скорѣй! говоритъ Юднѣ, топнувъ ногою: — ты больше дѣлаешь хлопотъ, чѣмъ дѣла.

Отдавъ это приказаніе, строгая вѣдьма возвращается за свою работу, снова начинаетъ ковырять масло и рѣзать хлѣбъ; на нее падаетъ черезъ окно тѣнь отъ ея брата, и она бѣжитъ, съ хлѣбомъ и ножомъ въ рукахъ, отпереть для него стѣнную дверь.

— А, Бартъ! пришелъ! говоритъ дѣдушка Смольвидъ.

— Пришелъ, отвѣчаетъ Бартъ.

— Опять былъ съ своимъ другомъ Бартъ?

Смольвидъ кивнулъ головой.

— Очень-хорошо. Живи на его счетъ сколько можно и берегись его глупыхъ замашекъ. Надо съ него сорвать сколько можно. Въ этомъ должна быть вся дружба, говоритъ почтенный мудрецъ.

Бартъ не принимаетъ добраго совѣта съ такимъ подобострастіемъ, съ какимъ могъ; онъ удостоиваетъ старичка только тѣмъ вниманіемъ, которое выражается миганьемъ глаза и киваньемъ головы, беретъ стулъ и садится за чай. И четыре старыя лица наклонились надъ чашками чаю, какъ хоръ злыхъ духовъ. Мистриссъ Смольвидъ чавкаетъ губами и смотритъ на таганъ, а мистеръ Смольвидъ требуетъ часто, чтобъ его встряхивали, какъ большую сткланку съ лекарствомъ чернаго цвѣта.

— Да, да, говоритъ добрый старичокъ, обращаясь опять къ своимъ урокамъ практической мудрости: — это такое правило, которое далъ бы тебѣ и твой отецъ, Бартъ. Ты никогда не видалъ своего отца — тѣмъ хуже. Это былъ мой истинный сынъ.

Хотѣлъ ли онъ этимъ выразить достоинства своего сына или нѣтъ — неизвѣстно.

— Онъ былъ мой истинный сынъ, повторяетъ старикъ, положивъ свой кусокъ хлѣба съ масломъ на колѣни : — славный счетчикъ, умеръ, тому назадъ лѣтъ пятнадцать.

Мистриссъ Смольвидъ, руководимая своимъ инстинктомъ, кричитъ : — Пятнадцать сотенъ фунтовъ стерлинговъ. Пятнадцать сотенъ фунтовъ стерлинговъ въ черномъ ящикѣ, пятнадцать сотенъ фунтовъ стерлинговъ! Пятнадцать сотенъ фунтовъ стерлинговъ заперты!

Достойный супругъ ея, отложивъ въ сторону свой кусокъ хлѣба съ масломъ, немедленно отправляетъ подушку въ голову своей дражайшей половины такъ сильно, что она ударяется затылкомъ о спинку кресла и упадетъ самъ на-взничъ, обезсилявъ. Наружность его, послѣ исправительныхъ демонстрацій противъ мистриссъ Смольвидъ, особенно-выразительна и совершенно-непріятна : вопервыхъ, потому, что подобнаго рода экзерциціи обыкновенно надвигаютъ его черную ермолку на одинъ его глазъ и даютъ ему дьявольски-развращенный видъ ; вовторыхъ, потому-что онъ произноситъ страшную брань противъ мистриссъ Смольвидъ, и втретьихъ, потому-что контрастъ между этими сильными выраженіями и его безсиіемъ, въ которое онъ впадаетъ, даетъ ему видъ злодѣя, который сдѣлалъ бы много зла, еслибъ могъ. Все это такъ часто повторяется въ семействѣ Смольвидовъ, что не производитъ никакого впечатлѣнія на зрителей. Старикъ только вытрясывается и выколачивается ; подушка снова кладется на свое обыкновенное мѣсто, возлѣ него, и старая мистриссъ Смольвидъ, которой, быть-можетъ, поправлять чепчикъ, а быть-можетъ и нѣтъ, сидитъ опять въ своемъ стулѣ, готовая быть опрокинута, какъ мячъ.

Проходитъ нѣсколько времени въ настоящую минуту, пока старый джентльменъ охладился до такой степени, что можетъ продолжать свой разговоръ ; но, несмотря на достаточную степень охлажденія, онъ все-таки примѣшиваетъ къ своей рѣчи нѣкотораго рода крѣпкія слова, которыми подучетъ дражайшую свою половину, могущую только сообщаться съ треногимъ таганомъ. Онъ говоритъ въ слѣдующихъ словахъ :

— Еслибъ твой отецъ, Бартъ, прожилъ дольше, то, вѣрно, наколотилъ бы порядочную деньгу... Ты дьявольская трещотка!.. но только-что онъ началъ воздвигать зданіе, фундаментъ, подъ которое работай столько лѣтъ... ты проклятая сорока, козій смѣхъ, демонская утроба, чтѣ тебѣ надо?.. Заболѣлъ онъ и умеръ изнурительной лихорадкой, онъ всегда былъ человекъ бережливый, скопи-домокъ, человекъ трудолюбивый... Я тебѣ бросилъ бы въ голову ободранную кошку, на мѣсто подушки, я тебѣ бы.. чортова перечница!.. и мать твоя, женщина разсудительная, сухая, какъ дрань, канула, какъ топоръ въ воду, ро-

днѣвъ тебя и Юднѣвъ... Ты старая стрекоза, ты демонская трещотка, ты свиная башка!..

Юднѣвъ, не интересуясь нисколько тѣмъ, что она слыхивала ужь не одинъ разъ, сливаетъ въ полоскательную чашку и собираетъ остатки съ подноса, съ дна чайника, съ чашекъ и съ блюдечекъ для ужина маленькой поденьщицѣ. Точно также собираетъ она въ жестяной коробкѣ всѣ корки и крошки хлѣба, оставленные строгою бережливостію умѣренныхъ хозяевъ.

— Мы съ твоимъ отцомъ были товарищи, Бартъ, говорятъ отарый джентльменъ : — и когда я умру, все останется вамъ съ Юднѣвою. Для васъ большое счастье, что вы во-время вступили въ ученье : Юднѣвъ къ цвѣточной мастеряцѣ, а ты въ адвокатство. Вы не должны тратить деньги ; вы должны трудиться для насущнаго хлѣба и увеличивать капиталъ. Когда я умру, Юднѣвъ пойдетъ опять къ цвѣточной мастеряцѣ, а ты въ свою контору.

Судя по наружности Юднѣвъ, можно было бы подумать, что она способности заниматься терніемъ чѣмъ цвѣтами, но она дѣйствительно въ свое время была посвящена въ искусство и тайны дѣланія розъ и лилій. Тонкій наблюдатель, можетъ-быть, открылъ бы въ глазахъ сестры и брата въ то время, когда ихъ достопочтенный прародитель говорилъ о своей смерти, нѣкотораго рода нетерпѣніе и даже, можетъ-быть, нѣкотораго рода желаніе, чтобъ онъ отправился бы туда поскорѣе.

— Ну, если всѣ отпили, говоритъ Юднѣвъ, оканчивая своимъ распоряженіемъ : — такъ я позову дѣвчонку сюда : пусть она здѣсь напьется чаю. А коли дашь ей пить въ кухнѣ, такъ она и вѣкъ не кончить.

Согласно этому, вводится Черли и, подъ сильной перестрѣлкой глазъ, беретъ за полоскательную чашку и за бѣдные остатки хлѣба и масла. При усиленномъ наблюденіи за утоленіемъ голода молодой поденьщицы Юднѣвъ Смольвидъ, кажется, достигаетъ геологическаго возраста и какъ-будто происходитъ съ незапамятныхъ временъ. Ея систематическое направленіе всегда выбранить или оборвать, хоть и безъ всякаго повода, въ полномъ смыслѣ замѣчательно ; оно развилось до такихъ размѣровъ, до которыхъ рѣдко достигаетъ въ самыхъ взрослыхъ специалистахъ.

— У меня смотри, не шататься цѣлое послѣ-обѣда изъ угла въ въ уголь, кричитъ Юднѣвъ, мотая головой и топая ногами (потому-что она замѣтила, что глаза поденьщицы несвоевременно обращены на полоскательную чашку) : — набьешь глотку да и за работу !

— Слушаю, миссъ, отвѣчаетъ Черли.

— Молчи, негодная, возражаетъ миссъ Смольвидъ : — я знаю, что

вы за птицы: на словахъ все готовы, а на дѣлѣ ничего нѣтъ. Скорѣй, скорѣй!

Черли дѣлаетъ огромный глотокъ чаю, въ знакъ повиновения, и такъ быстро уничтожаетъ бѣдные остатки съѣстнаго, что миссъ Смольвидъ даетъ ей наставленіе не быть жадной, что *въ вашемъ братѣ*, замѣчаетъ она, отвратительно. Черли пришлось бы, можетъ-быть, много выслушивать общихъ мѣсть о томъ, что прилично и неприлично *мгд брату*, еслибъ не раздался стукъ въ дверь.

— Посмотри, кто тамъ, только, чуръ, не жевать, какъ отворишь дверь! кричить Юдвѣ.

Предметъ ея наблюденій убѣгаетъ отворять дверь; сама миссъ Смольвидъ спѣшитъ, пользуясь временемъ, спрятать остатки хлѣба и масла и опрокидываетъ двѣ-три грязныя чашки на дно подноса, желая этимъ выразить, что всякое потребленіе чая и хлѣба считается совершенно-оконченнымъ.

— Ну, кто тамъ, что ему нужно? говорить огрызливая Юдвѣ.

Оказывается, что это, ни больше ни меньше, какъ мистеръ Джорджъ.

Мистеръ Джорджъ входитъ въ комнату безъ всякихъ предварительныхъ докладовъ и церемоній.

— Хѣюю! говорить мистеръ Джорджъ: — у васъ тепленько. Постоянный огонь. Вамъ, можетъ-быть, хорошо къ этому приучаться. Мистеръ Джорджъ дѣлаетъ послѣднее замѣчаніе про себя и кланяется дѣдушкѣ Смольвиду.

— Гм! Это вы, говорить старикъ. — Какъ поживаете? какъ можете?

— Понемножку, отвѣчаетъ мистеръ Джорджъ и беретъ стулъ. — Ваша внучка? я нигдѣ честь видать ихъ прежде. Мое почтеніе, миссъ!

— А это мой внукъ, говорить дѣдушка Смольвидъ: — вы его прежде не видывали. Онъ служитъ въ конторѣ адвокатовъ и мало бываетъ дома.

— Мое почтеніе! Онъ очень-похожъ на сестру, какъ двѣ капли воды. Чертовское сходство, говорить мистеръ Джорджъ, удара въ выразительно, но можетъ быть несомнѣннѣ-вѣжливо, на послѣднее прилагательное.

— Ну, а какъ дѣла, мистеръ Джорджъ? спрашиваетъ дѣдушка Смольвидъ, потирая логонько ногу.

— Что дѣла, дѣла, какъ сажа бѣла!

Это закончѣный, загорѣлый джентльменъ лѣтъ пятидесяти, хорошо-сложенный и недурной наружности; съ черными, курчавыми волосами; съ свѣтлыми глазами и съ широкой грудью. Его мускулистыя, сильные

руки, также загорѣвшія, какъ и лицо, имѣли, очевидно, тяжелое употребленіе въ жизни. Всего замѣчательнѣе въ немъ то, что онъ всегда садится на кончикъ стула, какъ-будто съ незапмятныхъ поръ имѣеть привычку оставлять позади себя пустое пространство для платья или для какого-нибудь другаго снаряда. Походка его, мѣрная и тяжелая очень шла бы къ шуму и звону шпоръ. Теперь онъ гладко выбритъ; но какое-то подергиваніе рта свидѣтельствуетъ о знакомствѣ верхней губы съ огромными усщами; въ томъ же фактѣ удостоверяетъ частое самопроизвольное положеніе руки и пальцевъ на уста. Вообще, посмотрѣвъ на мистера Джорджа, непременно приходитъ въ голову, что онъ нѣкогда служилъ въ тяжелой кавалеріи.

Между мистеромъ Джорджемъ и семействомъ Смольвидовъ, поразительный контрастъ. Никогда, я думаю, не приходилось ни одному кавалеристу стоять на такой несовмѣстной квартирѣ. Онъ и семейство Смольвидовъ все-равно, что тяжелый рыцарскій мечъ и ножичекъ для вскрытія устрицъ. Его развитый станъ и крупныя формы, его свободныя манеры, выражающія потребность въ большомъ пространствѣ и ихъ поджарость и поджипанность; его звучный, громкій голосъ и ихъ острая неприятная пискотня, составляли двѣ рѣзкія и противоположныя крайности.

Смотря на него, какъ онъ тутъ сидитъ посреди этой грязной и мрачной комнатки, немножко согнувшись, опершись руками на колѣни, выворотивъ локти въ стороны, такъ смотря на него, приходитъ въ голову, что онъ, того-и-гляди, проглотитъ все семейство Смольвидовъ за-разъ и съ ихъ четырьмя комнатами и съ кухней на придачу.

— Что хочется жизни, что-ли, втереть въ ноги-то? спрашиваетъ мистеръ Джорджъ дѣдушку Смольвида, осмотрѣвшись въ комнату.

— Ха! мистеръ Джорджъ, это, знаете, частью привычка, а частью, конечно, пособляетъ и циркуляціи крови, отвѣчаетъ старикъ.

— Ц-и-р-к-у-л-я-ц-и-я! повторяетъ мистеръ Джорджъ, скрестивъ руки на своей широкой груди и ставъ еще вдвое толще: — было бы чему циркулировать.

— Конечно, я старъ, мистеръ Джорджъ, говоритъ дѣдушка Смольвидъ: — но силы у меня, по лѣтамъ моимъ, довольно. Я старше ея, говоритъ онъ указывая на жену: — однако, посмотрите, что это за трюка... Ты дьявольская трещотка!... прибавляетъ онъ, возобновляя свое враждебное расположеніе духа.

— Бѣдняга! говоритъ мистеръ Джорджъ, поворачивая голову въ ту сторону, гдѣ сидитъ бабушка Смольвидъ: — не браните старушку. Посмотрите на нее: чевецъ на сторону, сама еле-дышетъ. Поправьтесь, су-

дарыня, поправьтесь. Вот такъ, дайте вашу руку! Не сердитесь на нее, мистеръ Смольвидъ, вспомните свою мать, продолжалъ мистеръ Джорджъ, возвращаясь опять къ своему стулу: — вѣдь и та, чай, была такая же старуха, какъ ваша жена.

Старикъ ворчитъ что-то подъ-носъ себѣ.

— А условіе помните? спрашиваетъ мистеръ Джорджъ. — Трубку за двухмѣсячные проценты! Дѣ! Все вѣрно. Не бойтесь велѣть подать трубку. Вотъ новый билетъ, вотъ и двухмѣсячные проценты и ни одинъ дьяволъ не смѣетъ путаться въ дѣла мои!

Мистеръ Джорджъ сидитъ скрестивъ руки и пожираетъ глазами все семейство Смольвидовъ и всю комнату, пока дѣдушка Смольвидъ, при помощи Юднѣ, достаетъ изъ запертаго бюро два кожаные ящика; въ одинъ изъ нихъ онъ погружаетъ только-что полученный документъ, а изъ другаго достаетъ точно такую же бумажку и передаетъ ее мистеру Джорджу. Мистеръ Джорджъ свертываетъ ее такъ, какъ должно для закурки трубки. Старикъ разсматриваетъ оба документа вдоль и поперекъ, прежде чѣмъ рѣшается освободить ихъ изъ кожаной тюрьмы, раза три или четыре пересчитываетъ деньги, заставляетъ Юднѣ по нѣскольку разъ повторять каждое слово, и такъ дрожитъ при всякомъ движеніи и при всякомъ словѣ, что дѣло тянется продолжительно. Когда, наконецъ, все кончилось и онъ оторвалъ отъ запертаго бюро хищные пальцы и глаза, принялся онъ отвѣчать мистеру Джорджу на послѣднее его замѣчаніе.

— Не бойтесь велѣть подать трубку! Мы не такъ жадны, сэръ. Юднѣ, посмотри-ка, гдѣ тамъ трубка, да подай стаканчикъ водки и воды мистеру Джорджу!

Забавные близнецы, переглядывавшіеся во все это время между собою, выключая того момента, когда кожаные ящики приковывали ихъ вниманіе, теперь удаляются въ другую комнату, будучи, вообще говоря, весьма-недовольны посѣтителемъ, котораго оставляютъ своему дѣду, какъ оставляютъ молодые медвѣжата нутешественника въ пользу стараго медвѣдя.

— Тутъ вы, я думаю, проводите цѣлый день? говоритъ мистеръ Джорджъ.

— Конечно, конечно, отвѣчаетъ старикъ.

— И вы ничѣмъ не занимаетесь?

— Наблюдаю за огнемъ... когда что-нибудь варится или жарится...

— Вѣдь это не всегда бываетъ, говоритъ мистеръ Джорджъ съ большимъ выраженіемъ.

— Конечно не всегда, конечно.

— И вы ничего не читаете и не заставляете читать себя?

Старикъ мотаетъ головою съ какими-то особеннымъ торжествомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! У насъ чтеніе въ семействахъ не бывало. Богъ избавилъ. Чтеніе прибыло не даетъ. Это такъ, глухость, лѣнь, су-масшествіе. Нѣтъ, нѣтъ!

— Ну вы другъ друга стѣбите, говорить посѣтитель такъ тихо, что старикъ не можетъ его слышать, и осматриваетъ дорожную чету.

— Я думаю... говорить онъ теперь громко.

— Что?

— Я думаю, что вы меня какъ-разъ засадите, если я не соберу денегъ къ сроку?

— Нѣтъ, мой другъ! восклицаетъ старикъ, протянувъ обѣ руки для объятій: — никогда не засажу. Вотъ пріятель мой въ Сити, которому я посоветовалъ вамъ дать денегъ... тотъ засадитъ.

— А почему же вы знаете? говоритъ мистеръ Джорджъ, и закрѣпляетъ вопросъ восклицаніемъ вполголоса: — ахъ ты подлая скотина!

— На него, мой другъ, нельзя положиться. Я ему ни на волосъ не вѣрю. У него подай деньги—вотъ и все.

— Чортъ съ нимъ! говоритъ мистеръ Джорджъ.

Въ это время Черли является съ подносомъ, на которомъ лежатъ трубка, маленькой сверточекъ табаку, стаканчикъ водки и вода.

Мистеръ Джорджъ, увидавъ ее, спрашиваетъ откуда она: — въ тебѣ нѣтъ семейнаго сходства, говоритъ онъ.

— Я поденьница, сэръ, отвѣчаетъ Черли.

Тяжелый кавалеристъ (если только онъ въ-самомъ-дѣлѣ кавалеристъ, или былъ кавалеристомъ) снимаетъ съ нея капоръ и слегка, въ-особенности для такой тяжелой руки, какъ его, гладитъ ее по головѣ.

— Ты оживляешь весь домъ, говоритъ онъ ей: — все семейство нуждается въ такомъ личикѣ, какъ твое, и также сильно, какъ нуждается въ чистомъ воздухѣ. Черли удаляется. Мистеръ Джорджъ закуриваетъ трубку, пьетъ грогъ за здоровье пріятеля, дѣдушки Смольвида.

— Такъ вы думаете, что онъ меня засадитъ?

— Я думаю, что засадитъ, я боюсь, что засадитъ. Онъ, я знаю, говоритъ несовѣмъ-осторожно дѣдушка Смольвида: — упекалъ разъ двадцать своихъ должниковъ.

Это было сказано несовѣмъ-осторожно потому, что, при словѣ *двадцать*, лучшая и дражайшая половина его, которая до-сихъ-поръ смотрѣла на огонь, пробуждается и начинаетъ бормотать: — двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ и двадцать банковыхъ билетовъ въ шкатулкѣ;

двадцать сотенъ тысячъ, двадцать милліоновъ, двадцать... но въ эту минуту подулнна прерываетъ поречень всѣхъ сортовъ двадцати и сиропидываетъ и контузаетъ старую леди. Мистеръ Джорджъ смотритъ на этотъ экспромтъ, какъ на новость, и освобождаетъ бабушку Смольвида изъ-подъ гнета.

— Ты дьявольская трескотня, ты скверношъ, ты адская змѣя, ты вѣдма, кошачья утроба, которую надо сместь на кострь! рычалъ старикъ, распростертый въ своихъ креслахъ.

— Потрясите меня немного, другъ мой!

Мистеръ Джорджъ смотрѣлъ на обонгъ стариковъ такими глазами, какъ-будто онъ чувствовалъ себя не въ своемъ умѣ. Понявъ просьбу дѣдушки Смольвида, онъ беретъ его за шиворотъ, приводитъ вверхъ съ кресель такъ легко, какъ куклу, и кажется думать, не вытрасти ли изъ него дальнѣйшія исползованія къ метательной силѣ воздуха. Но впрочемъ, мысли этой въ исполненіе не рѣшается привести, однако же потрясаетъ его довольно-сильна, такъ-что голова старика вертится какъ у арлекина, сажаетъ его прямо въ креслахъ, такъ энергически наваливается на него ерможу, что старикъ минуты двѣ не можетъ отмигаться, какъ слѣдуетъ.

— О Боже! вздыхаетъ мистеръ Смольвидъ : — Спасибо, спасибо, другъ! Паууу... духъ захватило! Хое, хое! и мистеръ Смольвидъ твердитъ это не безъ откровеннаго ужаса къ своему дорогому другу, который все-таки етоитъ надъ нимъ, какъ какая-нибудь массенная каланча.

Ужасающее привидѣніе между-тѣмъ ниспускается постепенно до своего стула, начинаетъ затачиваться большими глотками дыма и утѣнять себя философскими размысленіями. — Имя твоего пріятеля, живущаго въ Сити, начинается съ буквы Д; знаю я тебя, дружище, тебѣ только съ чертами и возиться и ты правъ : онъ меня засадитъ.

— Чтѣ вы говорите, мистеръ Джорджъ? спрашиваетъ старикъ.

Кавалеристъ отрицательно трясетъ головою и, опершись на валико локтемъ правой руки, въ которой держитъ трубку и, вывернувъ восточно локоть лѣвой руки, продолжаетъ курить. По-временамъ онъ поглядываетъ на мистера Смольвида съ глубокимъ вниманіемъ, и чтобъ легче всматриваться въ черты старика, размахиваетъ рукою клубы табачнаго дыма.

— Я увѣренъ, говоритъ онъ, и измѣняетъ на столько свое положеніе, на сколько надо, чтобъ, согнувшись, касаться губами край въ стакана съ грогомъ : — что я единственный человекъ изъ всѣхъ живыхъ, а можетъ-быть, и изъ мертвыхъ, который сумѣлъ выжать изъ васъ хоть трубку табаку?

— Это правда, отвѣчаетъ старикъ : — гостей у меня не бываетъ и угощать я не люблю : это не въ моемъ характерѣ. Но вы, такой вельсичакъ, поставили трубку въ условіе...

— Чтò трубка, пустяки! Не главное, чтобъ выжать изъ васъ что-нибудь за свои деньги.

— Ха! какой вы тонкій мудрецъ, сэръ! говоритъ дѣдушка Смольвиндъ, потирая себѣ ноги.

— Большой мудрецъ. Да. Пеу. Прогулки сюда вѣрное доказательство въ моей мудрости. Пеу. Да и мое состояніе тоже. Пеу. Вѣтъ знаютъ, что я мудрецъ, говоритъ мистеръ Джорджъ спокойно покуривая: — я на пути мудрости.

— Не угадайте духомъ, сэръ. Дѣла опять поправятся.

Мистеръ Джорджъ смѣется и шепчетъ.

— У васъ нѣтъ родственниковъ? спрашиваетъ дѣдушка Смольвиндъ, съ особеннымъ блистаньемъ глазъ : — которые бы отсчитали за васъ капиталецъ, или бы по-крайней-мѣрѣ поручились за васъ моему пріятелю въ Сити : порука двухъ лицъ ему достаточна, онъ согласится еще дать въ долгъ. У васъ нѣтъ такихъ родственниковъ, мистеръ Джорджъ?

Мистеръ Джорджъ продолжаетъ спокойно курить и отвѣчаетъ :

— Если бъ у меня и были такіе родственники, то я не сталъ бы ихъ беззаконить. Я своимъ надѣлалъ и безъ того много хлопотъ въ жизни. Можетъ-быть, самое лучшее показаніе для бродяги состоитъ въ томъ, чтобъ прійти къ порядочнымъ людямъ, которыхъ прежде знать не хотѣлъ и съ которыми жить не хотѣлъ. Но я бродяга не такого сорта. По мнѣ, коли ушелъ, такъ и не приходи.

— Но врожденнымъ чувства, мистеръ Джорджъ, замѣчаетъ дѣдушка Смольвиндъ.

— Къ двумъ первымъ порукамъ... Гм, говоритъ мистеръ Джорджъ, качая головою и кура спокойно : — Нѣтъ, я тоже не изъ такого сорта.

Дѣдушка Смольвиндъ, послѣ послѣдняго оттрясыванья, все спускался и спускался въ своихъ креслахъ, такъ-что теперь онъ, ни больше ни меньше, какъ связанъ платьевъ съ голосомъ внутри, требующемъ Юдифь. Является эта гурія, оттрясываетъ старика по своему способу и онъ велитъ ей остаться при себѣ. Какъ кажется, онъ боится утрудять своего посетителя, готового, по первому призыву, подать ему помощь очень-энергично.

— А! замѣчаетъ онъ, прійдя опять въ свое нормальное состояніе : — если бы вы, мистеръ Джорджъ, принормали капитана, вамъ было бы очень-нехудо. Безибы тогда, когда вы пришли въ первый разъ сюда, вслѣдствіе нашихъ объявленій, то-есть, я подразумеваю объ-

явленій моего пріятеля въ Сити и нѣкоторыхъ другихъ, которые отдали свои капиталы подъ залогъ и мнѣ позволяютъ также упомянуть о немъ ничтожномъ капиталшкѣ, такъ, еслибъ тогда вы намъ пособили, вы бы, мистеръ Джорджъ маху не дали.

— Я бы очень хотѣлъ не *дать маху*, какъ вы говорите, отвѣчаетъ мистеръ Джорджъ, кура уже не такъ спокойно, какъ прежде, потому-что присутствіе Юдиен наложило на него очарованіе — толкъ не любовнаго рода, подъ вліяніемъ котораго онъ постоянно смотрѣлъ къ ту сторону, гдѣ стояла она: — но вообще-то я очень доволенъ, говоритъ мистеръ Джорджъ. — что ничего не вышло.

— Отчего же, мистеръ Джорджъ? отчего же, чортъ возьми! говорить дѣдушка Смольвидъ съ полнымъ выраженіемъ отчаянія.

— По двумъ причинамъ, товарищъ.

— По какимъ же это причинамъ, мистеръ Джорджъ, по какимъ же причинамъ, чортъ возьми?

— Нашего друга въ Сити? насмѣшливо говоритъ мистеръ Джорджъ и спокойно прихлебываетъ изъ стакана.

— Пожалуй хоть его. По какимъ же это причинамъ-то?

— Первое дѣло, отвѣчаетъ мистеръ Джорджъ и смотритъ на Юдиенъ, какъ-будто бѣ разительное сходство, которое существуетъ между старикомъ и ею, заставляетъ его думать, что совершенно все-равно, кто бѣ ею ни слушалъ, она или онъ: — вы, джентльмены, хотѣли меня одурачить. Вы печатали въ объявленіи, что мистеръ Гаудонъ (пожалуй, хоть капитанъ Гаудонъ, если это вамъ лучше нравится) имѣеть узнать нѣчто въ свою пользу.

— Ну, что жь? говорить старикъ сухо и отвратительно.

— А то, говоритъ мистеръ Джорджъ, продолжая курить: — что ему не очень было бы полезно сидѣть въ тюрьмѣ по милости цѣлой стаи лондонскихъ ростовщиковъ.

— А почему знать? Можетъ-быть, нѣкоторые изъ его богатыхъ родственниковъ уплатили бы за него деньги, или по-крайней-мѣрѣ поручились бы за него, и внесли бы проценты. А между-тѣмъ онъ оставилъ насъ въ дуракахъ. Онъ задолжалъ намъ всѣмъ большія суммы денегъ. Я бы лучше согласился удавить его собственными руками, чѣмъ вынустить его изъ рукъ. Когда я сижу здѣсь и думаю о немъ, говоритъ старикъ, подымая вверхъ свои безсильные десять пальцевъ: — такъ мнѣ приходитъ сильное желаніе его удавить... и, въ быстромъ порывѣ гнѣва, онъ мечетъ подушку въ голову безотвѣтной мистриссъ Смольвидъ; но подушка счастливо минуетъ бѣднягу и пролетаетъ мимо.

— Нѣчего мнѣ говорить, начинается снова кавалеристъ, вынуть на

минуту трубку изо рта и обращая опять взоръ свой отъ полета полудушки къ трубкѣ, которая почти вся докурилась: — нечего мнѣ говорить, что онъ жилъ шибко и разорился въ-пухъ. Я нѣсколько дней былъ рядомъ съ нимъ и видѣлъ, какъ онъ летѣлъ сломя голову въ пронасть. Я былъ при немъ, когда онъ былъ боленъ и здоровъ, богатъ и бѣденъ. Я не разъ останавливалъ его руку, когда прїидя, въ бѣдственное состояніе, онъ прикладывалъ пистолеть къ своему виску.

— Я бы далъ дорого, чтобъ онъ спустилъ курокъ! говоритъ доброжелательный старичокъ: — и чтобъ голова его разлетѣлась на столько же частей, сколько онъ долженъ фунтовъ стерлинговъ.

— Да, частей было бы много, отвѣчаетъ хладнокровно кавалеристъ: — во всякомъ случаѣ было время, когда онъ былъ молодъ, полонъ надеждъ и красивъ; и я радуюсь, что въ дурные дни я не далъ ему возможности прибѣгнуть къ отчаянному поступку. Вотъ первая причина.

— И вторая причина, а чай, не лучше этой? ворчитъ старикъ.

— Не знаю. По-крайней-мѣрѣ она положительнѣе. Еслибъ я хотѣлъ его найти, то я долженъ былъ бы отправиться на другой свѣтъ. Онъ былъ тамъ.

— Почему вы это знаете?

— Его не было здѣсь.

— Почему вы знаете, что его не было здѣсь?

— Не теряйте хладнокровія, какъ потеряли деньги, говоритъ мистеръ Джорджъ, спокойно выколачивая трубку. Онъ ужъ давно передъ этимъ утонулъ — я въ этомъ увѣренъ. Онъ бросился за бортъ, умышленно или неумышленно — не знаю. Можетъ-быть, другъ вашъ въ Сити знаетъ. Знаете ли мистеръ Смольвидъ, что эта за пѣсенка? прибавилъ онъ, насвистывая и настучивая тактъ по столу пустой трубкой.

— Пѣсенка? отвѣчаетъ старикъ: — у насъ здѣсь нѣтъ пѣсенокъ!

— Это погребальный маршъ. Подъ его звуки хоронятъ солдатъ. Вотъ и конецъ. Теперь если ваша прелестная внучка — извините миссъ — будетъ такъ добра и спрячетъ трубку на два мѣсяца, то на слѣдующій разъ намъ не придется покупать новой. Прощайте мистеръ Смольвидъ.

— Прощайте, другъ мой! говоритъ старикъ, протягивая обѣ руки.

— Такъ вы думаете, что вашъ другъ въ Сити засадитъ меня, если я не уплачу въ срокъ? говоритъ кавалеристъ, смотря на мистера Смольвида сверху внизъ, какъ великанъ.

— Да, другъ мой, отъ него все станется, отвѣчаетъ старикъ, смотря на него какъ нищей.

— Мистеръ Джорджъ свѣтется и, взглянувъ на мистера Смольвида и

помогившись сморщенной Юдией, выходитъ изъ двери, гремя всеобразными саблею и шпорами.

— Чтобъ тебя проклято!... говоритъ старикъ, гримасясь на запирающуюся дверь : — я тебя, пса, скручу. Попадешься ты мнѣ подъ руку.

Послѣ этого любезнаго замѣчанія, погружается онъ снова дуломъ своимъ въ чарующія области мышления, которыя отведены ему образованіемъ и образомъ жизни, и опять онъ и мистриссъ Смольвицъ проводятъ счастливые часы гименея какъ два забытые стража черной сѣтвой.

Пока два вѣрные сожителя дежурятъ на своемъ посту, мистеръ Джорджъ идетъ по улицамъ тяжелымъ и крупнымъ шагомъ, съ очень нахмуреннымъ лицомъ. Восемь часовъ и день быстро клонится къ концу. Онъ останавливается у Ватерлооскаго Моста, читаетъ афишку и рѣшается зайти въ Астлейскій Театръ. Въ театрѣ онъ очень восхищается прыжками лошадей, ловкостью и силою въздвигноровъ. Критически възоромъ смотритъ на оружіе; недоволенъ сраженіями, необличающимъ исполненіемъ-плохое знаніе фехтовальнаго искусства, но глубоко сочувствуетъ поэзии. Въ послѣдней сценѣ, когда король сицилійскій становится на колесницу и, соглашаясь благословить двухъ влюбленныхъ, распространяетъ надъ ними знамя любви, вѣки его глазъ умягчаются слезою.

По окончаніи пьесы, мистеръ Джорджъ опять переходитъ рѣку и направляетъ стопы свои къ той замѣчательной части города, которая примыкаетъ къ Синему Рынку и Лейстерскому Сиверу и служитъ притягательнымъ фокусомъ двушмысленныхъ иностранныхъ отелей и двушмысленныхъ иностранцевъ, боксеровъ, учителей фехтованья, спорщиковъ, стараго фарфору и горныхъ домовъ, выставокъ и огромнаго рынка лодмотелье и существъ, невидимыхъ днемъ. Проникнувъ въ самое сердцѣ этой части города, онъ достигаетъ, черезъ дворъ и выѣздный ходъ, до большаго кирпичнаго зданія, состоящаго изъ голыхъ стѣнъ, пола, потолочныхъ балокъ и потолочныхъ окошекъ. На лицевомъ фасадѣ, если только это зданіе имѣло лицевой фасадъ, написано крупными буквами :

ДЖОРДЖЪ

ГАЛЕРЕЯ ДЛЯ СТРѢЛБЫ ВЪ ЦѢЛЬ И ПРОЧ.

Онъ идетъ въ галерею для стрѣлбы и проч.; тамъ горитъ газъ, стоятъ два-три бѣлые, растерченные щита для стрѣлбы въ цѣль; принадлежности для стрѣлбы изъ лука, рапиры и эскадроны для ежтованія и все, что необходимо для истинно-великобританскаго боксера.

Сегодня вечеромъ, однакожь, ни одно изъ этихъ упражненій не приложится въ дѣйствіе въ галереѣ для стрѣлбы въ цѣль и прочее. Въ

ней такъ мало посѣтителей, что видѣть всего одинъ только малорослый, грубый человѣчекъ съ широкой головой. Онъ лежитъ на полу и спитъ.

Маленькій человѣчекъ одѣтъ, какъ оружейный мастеръ, въ фартукъ и фуражкѣ изъ зеленой шерсти; руки его закопчены пороховымъ дымомъ и грязны. Неподалеку отъ него стоитъ грубой работы столъ съ клещами и винтомъ, гдѣ онъ работалъ. Онъ очень-малорослый человѣкъ съ сконканнымъ лицомъ и, судя по испещренной, помятой щекѣ его можно полагать, что ему достался разъ-другой выстрѣлъ испытаннаго стрѣлка.

— Филь! говоритъ кавалеристъ спокойнымъ голосомъ.

— Все въ порядкѣ! отвѣчаетъ Филь, полая къ его ногамъ.

— Чтò было сдѣлано?

— Шестьдесятъ выстрѣловъ изъ ружья и двѣнадцать изъ пистолета. И цѣль! Филь испускаетъ стоишь при воспоминаніи.

— Запнай, Филь!

Филь идетъ исполнить приказъ. Судя по его походкѣ, видно, что онъ хромоногъ, однакожъ, можетъ двигаться быстро.

На обезображенной сторонѣ лица у него нѣтъ брови, а на другой сторонѣ видна густая черная бровь. Это разнообразіе и несимметричность даютъ ему какой-то особенный и таинственный видъ. Кажется, все, чтò только могло, коснулось рукъ его; и если не оторвало и не обломало его пальцевъ, но-крайней-мѣрѣ скрючило, покрыло корой и скривило замѣчательнымъ образомъ. Видно было, что онъ очень-силенъ и ворочалъ тяжелыя скамейки, такъ, какъ-будто не имѣлъ никакого понятія о значеніи вѣса. У него есть странная привычка: ходить не прямо по галереѣ и подходить къ тѣмъ предметамъ, въ которыхъ нуждался, не такъ, какъ обыкновенно это дѣлается; напротивъ, онъ прихрамывалъ и завиривалъ, шмыгая спиною по стѣнамъ; такимъ-образомъ на всѣхъ четырехъ стѣнахъ видна была салная полоса, которая называлась въ просторѣчій: Филькинъ путь.

Этотъ блюститель Джорджевой галереи, въ отсутствіи Джорджа, заперевъ дверь, оканчиваетъ свои обязанности тѣмъ, что, вопервыхъ, заворачиваетъ всѣ газовые рожки, кромѣ одного и, вовторыхъ, вытаскиваетъ изъ деревяннаго лара, помѣщеннаго въ углу, два матраца и все нужное для постелей. Ставивъ все въ противоположный конецъ галереи, какъ кавалеристъ такъ и Филь устрояютъ себѣ ночныя логовища.

— Филь! говоритъ хозяинъ, подходя къ нему безъ сюртука и жилетки и имѣя самый воинственный видъ: — тебя, говорятъ, нашли подъ воротами, а?

— Въ кавалѣ, говоритъ Филь : — ночной караульщикъ споткнулся на меня.

— Такъ страсть къ бродяжничеству приходитъ къ тебѣ, какъ слѣдуетъ, по порядку.

— Совершенно какъ слѣдуетъ, говоритъ Филь.

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, хозяинъ!

Филь даже и до постели не можетъ дойти прямо : онъ находитъ необходимымъ ошмыгать спиною двѣ продольныя стѣны галереи и потомъ ужъ нырнуть въ свой матрацъ. Кавалеристъ, пройдясь два или три раза на разстояніи ружейнаго выстрѣла, поглядѣвъ на мѣсяцъ, сквозь потолочное окно, прямою дорогою отправляется къ матрацу и ложится спать.

ГЛАВА XXII.

Мистеръ Беккетъ.

Свѣжо смотрѣть аллегорія на поля Линкольнской Палаты, несмотря на то, что вечеръ душень. Но комната мистера Телькингорна высока; оба окна открыты настежь и вѣтеръ гуляетъ въ ней свободно, охлаждая предметы. Невыгодно открыть окна, когда на дворѣ ноябрь съ туманомъ и ливнемъ; еще менѣе заманчиво открыть ихъ въ январѣ, когда является онъ со снѣгомъ и льдомъ; но свѣжій воздухъ пріятенъ въ утомительные дни длинныхъ судейскихъ ваканцій : онъ даетъ возможность смотрѣть аллегоріи такъ свѣжо, что ея, и безъ того пылинки, въ видѣ персиковъ, колѣнки въ видѣ букетовъ цвѣтовъ и розовенькія жилки и мускулы на рукахъ, еще болѣе кажутся яркими.

Столбы пыли вздымаются въ окна мистера Телькингорна и вѣрно засѣдаютъ въ подушкахъ его мебели и бумагахъ. Вездѣ ложится она тяжелымъ слоемъ. Если случайный вихрь подымется съ полей и, словно испугавшись, бросается то въ ту, то въ другую сторону, онъ вертится и суетится и бросаетъ столько пыли въ глаза аллегоріи, сколько Фениксъ, или самъ мистеръ Телькингорнъ, одинъ изъ ея вѣрнѣйшихъ представителей, бросаютъ пыли, при удобномъ случаѣ, въ глаза мірянъ.

Въ этомъ складочномъ депо пыли, въ которомъ вращаются его бумаги и самъ онъ, и всѣ его кліенты, и всѣ вещи міра сего, одушевленные и неодушевленные, сидитъ мистеръ Телькингорнъ у одного изъ открытыхъ оконъ и наслаждается бутылочкой стараго портвейна. Хотя онъ человекъ крутаго нрава, сухой, сжатый, молчаливой, но отчего же не наслаждаться ему старымъ портвейномъ? У него тутъ въ полнѣ

Линкольнской Палаты есть тайный погребъ съ безцѣннымъ выборомъ стараго портвейна, и этотъ погребъ также одинъ изъ его секретовъ.

Когда онъ обѣдаетъ одинъ въ своихъ комнатахъ, какъ обѣдалъ сегодня, когда подадутъ ему кусокъ рыбы и кусокъ бифштексу, или цыпленка, принесенныхъ изъ сосѣдней гостинницы, онъ спускается со свѣчкой въ нижнѣя области опустѣлаго дома, въ которыхъ громко раздаются шаги его, и возвращается, сопровождаемый отдаленнымъ гуломъ гремящихъ дверей, окруженный подземною атмосферой, и выноситъ бутылку, изъ которой онъ извлекаетъ дивный пятидесятилѣтній нектаръ, который краснѣетъ въ стаканѣ, сознавая свое достоинство и наполняетъ комнату душистымъ ароматомъ южныхъ гроздь.

Сумерки. Мистеръ Телькингорнъ наслаждается у открытаго окна своимъ портвейномъ. Портвейнъ какъ-будто нашептываетъ ему о своемъ пятидесятилѣтнемъ заключеніи и безмолвіи. Мистеръ Телькингорнъ застегивается плотнѣе. Болѣе непроницаемъ, чѣмъ когда-нибудь, сидитъ онъ и пьетъ, и углубляется въ тайны. И думаетъ онъ въ этотъ сумрачный часъ о всѣхъ извѣстныхъ ему секретахъ, связанныхъ съ темными лѣсами Великобританіи, съ большими, пустыми заколоченными домами Лондона, и, быть-можетъ, оставляетъ мысли двѣ для себя, своей семейной исторіи, своему капиталу, своему духовному завѣщанію — что, безъ-сомнѣнія, скрыто для каждаго непроницаемымъ покровомъ — и своему другу юности, человѣку такой же масти, какъ онъ самъ и также адвокату, который жилъ такою же жизнью, и достигнувъ до семидесятипяти-лѣтняго возраста, вдругъ замѣтилъ — по-крайней-мѣрѣ такъ говорятъ — что такая жизнь однообразно-скучна, отдалъ свои золотые часы парикмахеру и въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ отправился спокойно домой въ Темплъ и — повѣсился.

Но мистеръ Телькингорнъ не одинъ сегодня вечеромъ и не можетъ предаваться размышленію такъ безконечно-длинно, какъ обыкновенно предается. За тѣмъ же столикомъ, хотя на нѣкоторомъ почтительномъ удаленіи, сидитъ плѣшивый, сладенькій, лоснящійся человѣчекъ. Онъ почтительно покашливаетъ себѣ въ кулакъ, когда адвокатъ угощаетъ его еще виномъ.

— Ну, Снегсби, говорить мистеръ Телькингорнъ : — начнемъ омять эту странную исторію.

— Если прикажете, сэръ.

— Вы говорили мнѣ тотъ разъ, когда были такъ добры и пришли ко мнѣ...

— Прому прощенія, если это съ моей стороны была смѣлость, сэръ;

но я помню, что вы заинтересовались этой особой и я думалъ, что, быть может... вы бы... теперь... пожелали... то-есть...

Мистеръ Телькингорнъ не промахъ, онъ не выкинуть изъ затрудненія, не подскажетъ никакого конца.

Мистеръ Снегсби теряется въ словахъ, производитъ почтительный кашель и говорить :

— Я долженъ у васъ просить прощенья, сэръ, за эту вольность, я знаю что я долженъ...

— Вовсе нѣтъ, говоритъ мистеръ Телькингорнъ. — Вы говорили мнѣ, Снегсби, что вы надѣли шляпу и пошелъ ко мнѣ, не сказавши женѣ. Это было съ вашей стороны, я думаю, разсудительно, потому что дѣло такого рода не требуетъ никакой огласки. Такъ, пустое дѣло.

— Вы знаете, сэръ, возражаетъ мистеръ Снегсби : — моя жена — отъ слова не станется, имѣетъ очень-инквизиторскій характеръ. Она очень инквизитивна. И, бѣдняжка, она подвержена спазмамъ; для нея очень-полезно, когда духъ ея чѣмъ-нибудь занятъ. Потому она и управляетъ силы своего духа, можно сказать, на каждый предметъ, какой ей попадется подъ-руку, касается ли онъ до нея, или нѣтъ, въ особенности, если онъ до нея не касается. У жены моей очень-дѣятельный духъ, сэръ.

Мистеръ Снегсби цѣтъ и ворчитъ съ почтительно-удивительнымъ кашлемъ въ кулакъ :

— Славное вино, ей-Богу, славное !

— Поэтому-то вы и удержали въ секретѣ вашъ прошлый визитъ? говоритъ мистеръ Телькингорнъ : — и вѣрно не скажете и про сегодняшний ?

— Да сэръ, и сегодняшний. Жена моя — отъ слова не станется — въ настоящее время находится въ умѣренномъ настроеніи, или по-крайней-мѣрѣ она такъ думаетъ и намѣрена посѣщать Вечернія Упражнения (такъ они называютъ почтенный Клубъ Умѣренности, подъ предѣтельствомъ мистера Чедбанда). Онъ, изволите видѣть, владѣетъ огромнымъ запасомъ краснорѣчія — въ этомъ спору нѣтъ, но мнѣ стиль его какъ-то не по-нутру. Впрочемъ, это сюда не относится. Дѣло въ томъ, что такъ-какъ жена моя занята теперь умѣреннымъ настроеніемъ, то мнѣ очень-удобно посѣщать васъ, не говоря ей объ этомъ ни слова.

Мистеръ Телькингорнъ киваетъ въ знакъ согласія.

— Налейте-ка, еще стаканчикъ, Снегсби, говоритъ онъ.

— Благодарю васъ, сэръ. Я увѣренъ, отвѣчаетъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей, производа въ кулакъ почтительный кашель: — я увѣренъ, что это славное вино, сэръ !

— Да теперь такого не съищешь, говоритъ мистеръ Телькингорнъ:— ему, Снегсби, слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ.

— Вотъ что сэръ! Это меня не удивляетъ, то—есть это такое лицо, которому можетъ быть столько лѣтъ, сколько угодно.

Отдавъ эту хвалу, въ обихихъ чертахъ, портвейну, мистеръ Снегсби, въ простотѣ души своей, прокашливаетъ въ свой кулакъ удивленіе къ такому драгоценному напитоку.

— Повторите—ка опять ту исторію, которую рассказывалъ мальчишкѣ? говоритъ мистеръ Телькингорнъ, опустивъ руки въ карманы своихъ ржавыхъ панталонъ и развалившись спокойно въ креслахъ.

— Съ удовольствіемъ, сэръ.

И съ совершенною вѣрностью, хотя, быть-можетъ, очень—плоховито, повторяетъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей все, что рассказывалъ Джо при блистательномъ обществѣ, собравшемся у него въ домъ. Приходя къ концу своего повѣствованія, мистеръ Снегсби вдругъ останавливается и вскрикиваетъ испуганнымъ голосомъ :

— Боже! мы здѣсь не одни, сэръ!

Мистеръ Снегсби съ удивленіемъ и съ испугомъ видитъ, что между нимъ и адвокатомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ стола, за которыми они сидятъ, стоитъ человекъ съ шляпой и съ палкой въ рукахъ. Онъ смотритъ на нихъ съ внимательнымъ любопытствомъ. Мистеръ Снегсби помнитъ очень—хорошо, что этого человека не было, когда онъ входилъ самъ къ мистеру Телькингорну и что онъ не входилъ при немъ ни въ дверь ни въ окно. Въ комнатѣ есть шкапъ, но петли его не скрижали и на полу не слышно было шаговъ, между—тѣмъ посреди ихъ стоялъ третій человекъ, внимательно и спокойно слушалъ; въ одной рукѣ держалъ онъ шляпу и палку, другая рука была загнута за спину. Это былъ коротко—рослый, крѣпко—сложенный джентльменъ, очень—плотный на видъ, одѣтый весь въ черное платье съ быстрыми глазами и среднихъ лѣтъ. Кромѣ того, что онъ смотрѣлъ на мистера Снегсби такъ внимательно, какъ—будто хотѣлъ снять съ него портретъ, въ немъ ничего не было замѣчательнаго, развѣ только его сверхъестественное явленіе.

— Не обращайте вниманія на этого джентльмена, говоритъ мистеръ Телькингорнъ своимъ спокойнымъ голосомъ:— это только мистеръ Бѣккетъ.

— Гм! въ—самомъ—дѣлѣ, сэръ? отвѣчаетъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей, выражая своимъ кашлемъ, что онъ, какъ въ потьмахъ, относительно особы мистера Бѣккета.

— Я хотѣлъ, чтобъ онъ выслушалъ эту исторію, Снегсби, говоритъ

адвокатъ : — потому-что мнѣ вздумалось (по известной причинѣ) раз-
брать это дѣло подробнѣе. Онъ на эти вещи мастеръ. Ну чтожь вы
думаете, мистеръ Бѣккетъ ?

— Это очень-просто, сэръ. Такъ-какъ наши его протурили отсюда,
то вѣрно онъ тамъ ; и если мистеръ Снегсби согласится сходить со
мною въ улицу Одинокатаго Тома, то часа черезъ два, не больше, мы
этого мальчика представимъ вамъ. Я бы конечно могъ сходить и
одинъ, но съ мистеромъ Снегсби это короче.

— Мистеръ Бѣккетъ — полицейскій агентъ, Снегсби, говоритъ ад-
катъ пояснительнымъ тономъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сэръ? говоритъ мистеръ Снегсби, и волосы его
нѣвѣютъ сильное поползновеніе стать дыбомъ.

— И если вы не находите никакой положительной причины къ отъѣзду
сопутствовать мистеру Бѣккету въ вышеупомянутую улицу, продолжаетъ
адвокатъ : — то я буду вамъ очень-обязанъ.

Въ минуту нерѣшительнаго размышленія со стороны мистера Снегсби,
мистеръ Бѣккетъ успѣлъ прослѣдить и проникнуть своимъ опытнымъ
взоромъ самыя сокровенныя мысли его.

— Вамъ нечего бояться, говоритъ онъ ему : — мальчику ничего не
достанется. Насчетъ этого вы можете быть спокойны. Онъ, по моему
мнѣнію, совершенно правъ. Мы приведемъ его сюда только затѣмъ,
чтобъ предложить ему вопросъ другой — вотъ и все. Ему за это запла-
тятъ и отправятъ опять назадъ. Для него, я вамъ скажу, это будетъ
выгодно. Я вамъ даю слово, какъ честный человѣкъ, что мы его от-
пустимъ въ совершенной безопасности. Не бойтесь: никакого вреда ему
не будетъ.

— Очень-хорошо, согласенъ, мистеръ Телькингоръ ! восклицаетъ
мистеръ Снегсби, успокоенный и разувѣренный : — если только я могу
быть увѣренъ...

— Безъ-сомнѣнія ! Да послушайте мистеръ Снегсби, продолжаетъ
Бѣккетъ доверительнымъ тономъ и, отвѣдя его въ сторону, похлопываетъ
легонько по груди : — послушайте, вы человѣкъ свѣтскій, человѣкъ дѣ-
ловой, человѣкъ съ прямымъ смысломъ — вотъ вы каковъ, по моему
мнѣнію.

— Я долженъ благодарить васъ за столь лестное для меня мнѣніе
ваше, отвѣчаетъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей, скромно
откашляваясь въ кулакъ : — но...

— Да, да, вы точно таковы, мистеръ Снегсби, говоритъ мистеръ
Бѣккетъ : — слѣдовательно нѣтъ надобности говорить такому человѣку
какъ вы, занятому такими важными дѣлами, которыя требуютъ чело-

вѣка съ быстрымъ соображеніемъ, съ изумительною дѣятельностью и съ твердою головою (я знаю, у меня дядя былъ на вашей дорогѣ)... такъ нѣтъ надобности говорить такому человеку какъ вы, что самое благо-разумное, самое полезное дѣло то, чтобъ о такихъ мелочахъ, какъ эта, молчать. Понимаете? молчать!

— Конечно, конечно, отвѣчаетъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей.

— Вамъ я скажу по секрету, говоритъ мистеръ Бѣккетъ съ самою наввиною откровенностью: — что сколько я могу понимать это дѣло, мнѣ кажется, что покойникъ долженъ былъ бы имѣть нѣкоторую часть наслѣдства, и что эта минимая горничная сыграла съ нимъ какую-нибудь штуку — понимаете?

— Гм! говоритъ мистеръ Снегсби. Однакожъ по лицу незамѣтно, чтобъ онъ понималъ ясно.

— А вамъ, конечно, хочется, продолжаетъ мистеръ Бѣккетъ, все-таки поколачивая самымъ дружескимъ образомъ мягкую грудь мистера Снегсби: — а вамъ, конечно, хочется, чтобъ всякій имѣлъ свою законную часть, то-есть вамъ хочется справедливости — такъ ли?

— Безъ-сомнѣнія, отвѣчаетъ утвердительно мистеръ Снегсби.

— Такъ вотъ, согласно желанію вашему, и съ тѣмъ, чтобъ обязать вашего... какъ бышь называете вы ихъ... клиента, или постоянного покупателя?... Я забылъ, какъ называлъ ихъ мой дядя.

— Я обыкновенно называю ихъ постоянными покупателями, отвѣчаетъ мистеръ Снегсби.

— Такъ и должно, такъ и слѣдуетъ! отвѣчаетъ мистеръ Бѣккетъ, дружески пожимая ему руку: — такъ вотъ, согласно желанію вашему и съ тѣмъ, чтобъ обязать вашего постоянного покупателя, вы имѣете въ виду идти со мною тайно въ улицу Одинокого Тома и держать все дѣло въ совершеннѣйшемъ секретѣ. Таковы ваши намѣренія, сколько я понимаю?

— Вы совершенно-правильно понимаете, сэръ; совершенно-правильно! говорятъ мистеръ Снегсби.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ ваша шляпа, отвѣчаетъ его новый другъ, который такъ ловко обходится съ шляпой, какъ-будто онъ былъ шляпный фабрикантъ: — и если вы готовы, я совершенно къ вашимъ услугамъ.

Они оставляютъ мистера Телькингорна и уходятъ на улицу. Почтенный адвокатъ безъ всякаго измѣненія въ лицѣ, этой поверхности, немсчерцаемой бездны, продолжаетъ наслаждаться своимъ пятидесяти-лѣтнимъ портувейномъ.

— Вамъ не случалось видать малаго перваго сорта, по имени Гредли — а? говорить Беккетъ въ дружескомъ разговорѣ съ мистеромъ Снегсби, когда они оба спускались съ лестницы. А что?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ мистеръ Снегсби, послѣ нѣкотораго размышленія: — не случалось.

— Такъ, ничего особеннаго, говоритъ мистеръ Беккетъ: — оны, изволите видѣть, немножко-горичаго свойства, набураманъ, грозилъ нѣкоторымъ важнымъ особамъ, за это волею его посадить, а оны гдѣ-то укрываются, чего, конечно, благоразумному человѣку дѣлать не слѣдуетъ.

По иждрѣ того, какъ они идутъ по улицамъ, мистеръ Снегсби замѣчаетъ, какъ новость, что хотя путь ихъ совершается ускореннымъ шагомъ, однакожь спутникъ его находить время какинъ-то особеннымъ образомъ нырять и подглядывать; также замѣчаетъ оны, что когда надо повернуть направо, или налево, оны, какъ-будто ошеломленный идетъ, идетъ все прямо и вдругъ повернетъ круто въ ту, или другую сторону. Повременамъ, встрѣчаясь съ полицменомъ, мистеръ Снегсби замѣчаетъ, что оба, и констебль и его вожатый, выдаютъ въ глубокую метафизичку, подходя другъ къ другу, кажется, какъ-будто обозрѣваютъ другъ друга, а между-тѣмъ смотря въ пространство. Иногда мистеръ Беккетъ, встрѣтисъ съ какинъ-нибудь малорослымъ молодымъ человѣкомъ, въ лощеной шляпѣ и съ гладко-причесанными волосами, завернутыми локонами за ухомъ, касается его слегка пальной, какъ-будто, не смотря на него: молодой человѣкъ оборачивается и тутъ же ступается. По-большей-части мистеръ Беккетъ замѣчалъ вещи, вообще съ такимъ же малымъ измѣненіемъ въ лицѣ, какъ было мало измѣненія въ траурномъ кольцѣ, надѣтомъ на его мизинцѣ, или въ булавкѣ, съ очень-малымъ числомъ брильянтовъ и съ большимъ числомъ листовъ, застѣгивавшей его галстухъ.

Когда они наконецъ пришли въ улицу Одинокаго Тома, мистеръ Беккетъ остановился на минуту на углу, взявъ зажженный фонарь изъ рукъ сторожеваго полицмена, который, также съ другимъ фонаремъ, прикрепленнымъ къ его носу, началъ сопровождать ихъ. Посреди этой двухъ вожатыхъ идетъ мистеръ Снегсби по отвратительной улицѣ, безъ канавъ по сторонамъ, безъ всякой вентиляціи, покрытой толстымъ слоемъ грязи и вонищей воды (хотя во всѣхъ другихъ частяхъ города улицы сухи и чисты), издающей сирадную вонь и являющей грязныя сцены, такъ-что оны, постоянный житель Лондона, едва могутъ вѣрять своимъ ощущеніямъ. Изъ этой улицы в ея грязныхъ развалинахъ тянутся вѣтви другихъ улицъ и дворовъ, такъ отвратительно-

грязныхъ и гадкихъ, что мистеръ Снегсби упадаетъ тѣломъ и духомъ и ему кажется, что онъ съ каждой минутой, погружается все глубже и—глубже въ адскую пропасть.

— Отойдемъ немножко въ сторону, мистеръ Снегсби, говоритъ мистеръ Бѣккетъ, встрѣчаясь съ чѣмъ-то, въ родѣ грязнаго паланкина, окруженнаго шумною толпою. — Отойдемъ въ сторону!

Когда бѣднякъ пронесется мимо, толпа, бросивъ этотъ привлекательный предметъ любопытства, собирается около трехъ посѣтителей, какъ хоръ привидѣній, и, осмотрѣвъ ихъ, разбѣгается въ стороны, прячется за углы, въ подворотни, съ бранными криками и свистомъ, продолжающимися до-тѣхъ-поръ, пока они не уходятъ отъ этого мѣста.

— Это лихорадочные дома, Дерби? холодно спрашиваетъ мистеръ Бѣккетъ, обращая огонь своего потаеннаго фонаря на рядъ вонючихъ развалинъ.

Дерби говоритъ: — Да, это лихорадочные дома, и рассказываетъ, что, вотъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду, народъ вальма-валить туда и выносятся оттуда мертвыми и полуумирающими, какъ паршивыя овцы.

Мистеръ Бѣккетъ, идя далѣе, замѣчаетъ мистеру Снегсби, что онъ кажется очень-убитымъ; на это мистеръ Снегсби отвѣчаетъ, что онъ не можетъ дышать этимъ зловреднымъ воздухомъ.

Въ разныхъ домахъ разспрашивается, гдѣ живетъ мальчикъ, по имени Джо. Такъ-какъ въ улицѣ Одинокаго Тома знаютъ людей не по ихъ имени, а по даннымъ имъ прозвищамъ, или кличкамъ, то мистера Снегсби постоянно спрашиваютъ: какой это Джо: Морковь или Пугало, или Долото, или Такса, или Тошій, или Кирпичъ. Мистеръ Снегсби, не зная навѣрное его прозвища, описываетъ его наружность съ большими-и-большими подробностями. Много смутныхъ мнѣній относительно оригинала его описаній. Иные думаютъ, что это Морковь, другіе, что это Кирпичъ. Приводятъ Таксу; оказывается, что это не тотъ и даже близко къ нему не подходитъ. Когда мистеръ Снегсби и его возматые останавливаются, около нихъ стекается густая толпа, изъ грязной глубины которой вырываются угодливые совѣты въ пользу мистера Бѣккета. Когда они двигаются впередъ и освѣщаютъ путь свой нотаיים фонарями, толпа разбѣгается и слѣдитъ за ними издали, изъ-за переулковъ, развалинъ и угловъ, какъ и прежде.

Наконецъ находятъ лачужку, гдѣ Заскорблышъ имѣетъ уголь для вечера. Полагаютъ, что Заскорблышъ, не кто другой, какъ Джо. Начинаются переговоры между мистеромъ Снегсби и хозяйкою дома, окутанной черной тряпкой; голова ея торчитъ изъ собачьей конуры, гдѣ сама она лежитъ на связкѣ грязныхъ лохмотьевъ — эти переговоры наводятъ

на мысль, что Заскорблынь не кто другой, как Джо. Заскорблынь пошелъ теперь къ доктору, чтобъ для какой-то больной женщины принести лекарства, и скоро вернется назадъ.

— А что сегодня здѣсь ночуетъ? говорить мистеръ Бёккетъ, открывая другую дверь и освѣщая внутренность открытой комнаты потайнымъ фонаремъ: — а? Ребята, кажется, наизаились порядкомъ, прибавляетъ онъ, приподымая руки двухъ сонныхъ мужчинъ съ ихъ лица.

— Что это, ваши мужья, что ли? спрашиваетъ онъ двухъ женщинъ.

— Да, сэръ, отвѣчаютъ женщины: — это наши мужья.

— Кирпичники, что ли?

— Кирпичники, сэръ.

— А вы зачѣмъ здѣсь, вы вѣдь не лондонскія?

— Нѣтъ, сэръ, мы изъ Гертфордшайра.

— Откуда? изъ Гертфордшайра?

— Изъ Сент-Альбанса.

— Пришли сюда, чтобъ здѣсь бродяжничать?

— Мы пришли сюда, сэръ, вчера. Тамъ у насъ нѣтъ теперь работы. Да и сами не рады, что пришли: добра кажется, не будетъ.

— Да, начали хорошо работать, нечего сказать, говорить мистеръ Бёккетъ, кивая головою на безсознательно-пьяныхъ кирпичниковъ, лежащихъ на полу.

— Да, сударь, плохо, возражаетъ женщина со вздохомъ: — Женя и я, мы не разъ ужъ капались, что зашли сюда.

Комната, несмотря на то, что футами тремя выше двери, была такъ низка, что каждый изъ ея посѣтителей могъ бы задѣть головою за закопченный потолокъ, еслибъ держался прямо. Она поражаетъ во всѣхъ отношеніяхъ: даже сальный огарокъ, горитъ блѣднымъ, мутнымъ огнемъ въ зловредномъ воздухѣ. Въ ней находятся двѣ скамейки для сидѣнья и высокая скамья вмѣсто стола. Мужчины заснули тамъ, гдѣ стояли, а женщины сидѣли за свѣчкой. Въ рукахъ той женщины, которая говорила, лежалъ очень-маленькій ребенокъ.

— А сколько лѣтъ маленькому? говорить мистеръ Бёккетъ, въ виду, кажется, ему не больше двухъ дней: еще головку не держитъ, и когда онъ осторожно освѣщаетъ ребенка лучомъ своего потайнаго фонаря, мистеру Снегси приходитъ въ голову, что онъ гдѣ-то увидѣлъ этого ребенка.

— Ему нѣтъ еще трехъ недѣль, сэръ, говоритъ женщина.

— Это твое дитя?

— Мое.

Другая женщина, которая прикрывала ребенка, когда они вошли, нагнулась теперь над нимъ и поцаловала его соннаго.

— Ты, кажется, его любишь—таки, какъ своего роднаго, говорить мистеръ Бёккетъ.

— У меня былъ точно такой же маленькой, да Богъ взялъ, сударь.

— Ахъ, Дженни, Дженни! говорила другая женщина : — и слава Богу : жилось бы, такъ маялся; и хорошо, что Богъ прибралъ.

— Ужели ты такая жестокосердая, говорить ей мистеръ Бёккетъ, строго : — ужели ты желаешь смерти своему дѣтищу?

— Нѣтъ, сэръ, отвѣчаетъ она : — Богъ видитъ, что я бы не хуже другой леди съумѣла пожертвовать своей жизнью за ребенка.

— Такъ зачѣмъ же ты говоришь такія вещи? говорить мистеръ Бёккетъ, смягчившись : — это нехорошо.

— Да такъ, сударь, приходятъ черныя мысли въ голову, когда я смотрю на ребенка, говорить женщина съ глазами, полными слезъ : — а еслибъ онъ скончался, такъ право я бы сошла съ ума — я это знаю. Я видѣла, какъ мучилась бѣдная Дженни, когда лишилась своего ребенка — помнишь, Дженни?.. А вотъ посмотрите на нихъ, продолжаетъ она, указывая на спящихъ мужчинъ : — посмотрите на мальчика, котораго вы ждете и который пошелъ принести мнѣ лекарство. Посмотрите на тѣхъ дѣтей, съ которыми вамъ часто приходится имѣть дѣло и которыя вырастаютъ подѣ вашими глазами.

— Полно, полно, говорить мистеръ Бёккетъ : — ты воспитаешь его честно и онъ будетъ для тебя утѣшеніемъ и твоей опорой въ преклонныхъ лѣтахъ.

— Да ужъ я употреблю все силы, отвѣчаетъ она, утирая глаза : — но сегодня вечеромъ я такъ измучилась; еще же, привязалась ко мнѣ эта лихорадка, на душѣ словно камень, такъ и замираетъ сердце, какъ подумаю, что съ нимъ будетъ : мужъ какъ взбѣсится и его будетъ колотить и меня бить, пожалуй, родительскій домъ ему опротивѣетъ, уйдетъ куда—нибудь бродяжничать. Я теперь одна—однѣхонька, изъ силъ для него выбиваюсь ; а какъ онъ, за все—то труды мои да сдѣлается послѣ негодемъ! какъ, право, надумаешься такихъ мыслей, такъ и придетъ въ голову, что лучше, кабы Богъ его теперь прибралъ, какъ ребенка, Дженни, право!

— Ну полно, полно Лиза, говорить Дженни : — ты устала, да и больна ; дай-ка мнѣ его на руки.

Принимая ребенка, она приводитъ одежду матери въ безпорядокъ, но тотчасъ же прикрываетъ грудь ея, у которой лежалъ малютка.

— Мой покойный свѣтикъ заставляетъ меня любить такъ сильно этого малютку, говорить Джени; качивая его на рукахъ своихъ: — и онъ же, мой ангелочекъ, заставляетъ и Лизу такъ сильно любить своего ребенка, что она желаетъ ему смерти. Пока она такъ думаетъ, я думаю, что я бы все отдала, только бы вернуть моего ненагляднаго. А все-таки мы, одно и то же думаемъ объ, только высказать-то не умѣемъ, а тутъ-то, внутри, у обнять одно и то же!

Пока мистеръ Снегсби сморкаетъ носъ и производитъ въ кулакъ симпатическій кашель, слышны шаги. Мистеръ Бѣкетъ направляетъ лучъ свѣта къ двери и говоритъ мистеру Снегсби: — вотъ, кажется, Заскорблышъ. Онъ это, или нѣтъ?

— Это Джо! говоритъ мистеръ Снегсби.

Джо, пораженный стоитъ подъ лучомъ свѣта, какъ фигура волшебнаго фонаря; онъ дрожитъ отъ страха: ему кажется, что онъ оскорбилъ законъ, не убравшись еще даже Улицы Одинокато Тома. Между-тѣмъ мистеръ Снегсби успокаиваетъ его: — Ничего, говоритъ онъ ему: — не бойся Джо, ты только пойдешь съ нами и тебѣ заплатятъ. Джо приходитъ въ себя и, будучи отведенъ въ сторону мистеромъ Бѣкетомъ для частныхъ сообщеній, объясняется съ ними удовлетворительно, хотя все-таки вапытавшись.

— Я поговорилъ съ ними, говоритъ, возвращаясь мистеръ Бѣкетъ: — все вѣрно. Теперь, мистеръ Снегсби, мы совершенно-готовы.

Впервыхъ, Джо исполняетъ свою добродушную послугу, подавая лекарство, которое онъ принесъ, съ слѣдующимъ законическимъ повелѣниемъ: — выпить все за-разъ. Въ вторыхъ мистеръ Снегсби владетъ на столъ полкраны — свою обычную ленту въ пользу безчисленно-разнообразныхъ невзгодъ чловѣчества. Въ третьихъ мистеръ Бѣкетъ беретъ Джо за руку, нѣсколько выше локтя и ведетъ его предъ собою: безъ этихъ предосторожностей не только Заскорблышъ, но и никто въ мирѣ не можетъ быть классически доставленъ къ полямъ Линкольнской Палаты. По совершеніи всѣхъ этихъ формальностей, желаютъ они, совокупно, доброй ночи бѣднымъ женщинамъ и выстунаютъ снова на горизонтъ смрадной и грязной Улицы Одинокато Тома.

По шумному пути, которымъ они спустились въ эту нечистую яму, возвращаются они опять изъ нея. Толпа окружаетъ ихъ со свистомъ, визгомъ и крикомъ до того самаго мѣста, гдѣ снова реставрируется фонарь во владѣніяхъ Дерби. Толпа здѣсь нечезаетъ, какъ шабашъ вѣдьмъ, и становится больше невидимой.

Сквозь болѣе-чистыя и свѣжія улицы, которыя теперь кажутся ми-

стеру Снегси еще болѣе чистыми и еще болѣе свѣжими, идутъ они до воротъ дома, въ которомъ помѣщается мистеръ Телькингорнъ.

Достигнувъ половины освѣщенной лѣстницы (комнаты мистера Телькингорна находятся въ первомъ этажѣ), мистеръ Бѣккетъ говоритъ, что, ключъ отъ пріемной залы у него въ карманѣ и звонить ненадо. Для человѣка, столь опытнаго, какъ мистеръ Бѣккетъ, въ разнообразныхъ дѣлахъ подобнаго рода, онъ отпиралъ дверь недовольно-скоро и не безъ некотораго шума. Впрочемъ, можетъ-быть, это условный знакъ.

Наконецъ они входятъ въ освѣщенную лампой переднюю и въ кабинетъ мистера Телькингорна, въ ту комнату, гдѣ онъ только-что наслаждался своимъ старымъ порвейномъ. Самого его нѣтъ; но свѣчи въ старомодныхъ подсвѣчникахъ зажжены и въ комнатѣ довольно-свѣтло.

Мистеръ Бѣккетъ все еще держитъ Джо *классическимъ* образомъ; мистеръ Снегси не понимаетъ, почему ему кажется, что у мистера Бѣккета безчисленное множество глазъ. Въ этомъ порядкѣ дѣлаютъ они нѣсколько шаговъ въ комнату; вдругъ Джо вскрикиваетъ и останавливается.

— Въ чемъ дѣло? спрашиваетъ мистеръ Бѣккетъ шопотомъ.

— Вотъ она! кричитъ Джо: — вотъ она!

— Кто?

— Леди!

Женская фигура, плотно-закрытая вуалью, стоитъ посреди комнаты, освѣщенная огнемъ свѣчь. Она неподвижна и безмолвна. Лицомъ она обращена къ нимъ, но не обращаетъ никакого на нихъ вниманія и стоитъ какъ статуя.

— Ну, скажи мнѣ, говоритъ мистеръ Бѣккетъ громко: — почему ты знаешь, что это та самая леди?

— У нея та же вуаль, отвѣчаетъ Джо, смотря на нее: — и шляпка та же, и платье то же.

— Точно ли такъ, Заскорблышъ? отвѣчаетъ Бѣккетъ, пристально наблюдая за ними: — посмотри хорошенько!

— Я и такъ смотрю хорошо, говоритъ Джо, вытаращивъ глаза: — та же вуаль, та же шляпа, то же платье.

— Ну, а перстни — помнишь? спрашиваетъ мистеръ Бѣккетъ.

— Какъ же, помню; такъ и блестяли на пальцахъ, говоритъ Джо, потирая свои пальцы и не спуская глазъ со статуи.

Статуя снимаетъ перчатку и выставляетъ правую руку.

— Ну что же ты скажешь?

Джо мотаетъ головой: — Нѣтъ, перстни не тѣ, говоритъ онъ: — и рука не та.

— Что ты говоришь такое? спрашивает мистер Бёккетъ, очевидно-обрадованный и очень-довольный.

— Ручка была и бѣлѣе, и меньше, и красивѣе, отвѣчаетъ Джо.

— Постой же, говоритъ мистеръ Бёккетъ : — а помнишь ты ее голосъ, или нѣтъ?

— Я думаю, что помню.

Статуя, говоритъ:— я буду говорить такъ долго, какъ тебѣ угодно. Ну что, узнаешь? Похожъ былъ тотъ голосъ на мой?

Джо, смотритъ испуганнымъ взглядомъ на мистера Бёккета и говоритъ: — ни капли не похожъ!

— Зачѣмъ же ты, говоритъ мистеръ Бёккетъ : — сказалъ, что эта была та самая леди?

— Потому, говоритъ Джо несмѣло, но нисколько не сбиваясь въ своихъ показаніяхъ : — потому, что вуаль и чепецъ и платье тѣ же самыя. И на этой и на той то же самое. А перстни не тѣ и голосъ не тотъ; а вуаль, чепецъ и платье тѣ же и надѣты такъ же, и ростомъ онѣ равны между собою, и она дала мнѣ совершить и улизнула.

— Ну, говоритъ мистеръ Бёккетъ тихо:— отъ тебя толку не добьешься. Во всякомъ случаѣ, вотъ тебѣ пять шиллинговъ, не трать ихъ на пустяки и не дѣлай глупостей. Бёккетъ воровски отсчитываетъ деньги, какъ марки, изъ одной руки въ другую — это его особенность, какъ человека, постоянно-играющаго во всѣ случайности, вотомъ кладезь ихъ небольшой кучкой на руку мальчика и уводитъ его за дверь, оставая мистера Снегсби, очень-взволнованнаго при такихъ таинственныхъ обстоятельствахъ, съ женщиною, закрытою вуалю. Но при появленіи въ комнату мистера Телькингорна, вуаль приподымается и взоръ его видитъ очень недурную собой французенку, но не въ нормальномъ расположеніи духа.

— Благодарю васъ mademoiselle Гортензія, говоритъ мистеръ Телькингорнъ, съ своимъ обычнымъ равнодушіемъ : — больше я не желаю васъ беспокоить.

— Я увѣрена, что вы такъ милостивы, сэръ, не забудете, что я до-сихъ-поръ безъ мѣста, говоритъ mademoiselle.

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія!

— И будете такъ добры, не оставите меня вашей рекомендаціей?

— Ни подъ какимъ видомъ, mademoiselle Гортензія.

Одно слово мистера Телькингорна... сколько оно значитъ! какъ оно могущественно!

— Для васъ все будетъ, mademoiselle Гортензія, не безпокойтесь!

— Примите увѣреніе въ моей преданности, сэръ!

— Покойной ночи, mademoiselle Гортензiа!

Mademoiselle Гортензiа уходитъ съ свойственною французенкамъ любезностью.

Мистеръ Бёккетъ, которому нечужды всѣ роли, провожаетъ ее до лѣстницы съ ловкостью церемонiейстера.

— Ну, Бёккетъ? спрашиваетъ мистеръ Телькингорнъ, по его возвращенiи.

— Не правду ли я вамъ говорилъ, сэръ; нѣтъ сомнѣнiя, что это была другая въ ея одеждѣ. Мальчикъ опредѣлительно объяснилъ всѣ обстоятельства. Ну, видите ли мистеръ Снегсби, говоритъ мистеръ Беккетъ, обращаясь къ поставщику канцелярскихъ принадлежностей:— я вамъ сказалъ, что вамъ Джо уйдетъ отсюда безо всякой обиды — не правда ли?

— Вы сдержали ваше слово, сэръ, отвѣчаетъ мистеръ Снегсби: — и если мистеръ Телькингорнъ не имѣетъ во мнѣ больше надобности, то... я думаю, что жена моя очень беспокоится...

— Благодарю васъ, Снегсби, вы мнѣ больше неужны, говоритъ мистеръ Телькингорнъ: — я вамъ очень-обязанъ; я вамъ причинилъ много хлопотъ сегодня...

— О! нисколько, сэръ. Желаю вамъ покойной ночи.

— Вы видите, мистеръ Снегсби, говоритъ мистеръ Бёккетъ, провожая его до двери и пожимая ему самымъ дружескимъ образомъ руку: — вы видите, что я люблю васъ за то, что вы человекъ, въ некоторомъ отношенiи такой... которому нечего лѣстить. Вотъ вы каковы. Когда вы исполнили свой долгъ, вы это знаете — и дѣло въ шляпѣ. Вотъ оно что! Дѣло въ шляпѣ и концы въ воду. Такъ ли?

— Я стараюсь этого достигать, сэръ, отвѣчаетъ мистеръ Снегсби.

— Нѣтъ, мистеръ Снегсби, вы къ себѣ несправедливы. Вамъ нечего объ этомъ хлопотать, говоритъ мистеръ Бёккетъ, пожимая ему руку самымъ нѣжнымъ образомъ: — вы таковы — и кончено. Это-то и достойно уваженiя въ человекѣ вашего ремесла. Повѣрите мнѣ.

Мистеръ Снегсби дѣлаетъ соответственный отвѣтъ и идетъ домой, такъ возмущенный всѣми происшествiями, что онъ сомнѣвается, во снѣ ли все это ему кажется, или наяву; сомнѣвается, по улицамъ онъ идетъ, или по воздуху; сомнѣвается, мѣсяцъ ли смотритъ на него изъ облаковъ или нѣтъ, и проч. Сомнѣнiя его, впрочемъ, скоро разсѣваются положительнымъ явленiемъ дражайшей супруги его, которая, въ полномъ комплектѣ панталютокъ и ночномъ чепцѣ, сидитъ на софѣ. Она разсыпала Криксу къ сосѣднимъ полицейскимъ карауламъ предупредить ихъ о внезапной пропажѣ своего законнаго супруга, продолжала всѣ

периоды обмороковъ съ полнотою древнихъ трагедій. И что-же? за все это ожидать ее весьма-слабая благодарность!

ГЛАВА XXIII.

Разсказъ Эсэри.

Мы возвратились домой, проведя шесть веселыхъ недѣль у мистера Бойтсерна. Въ эти шесть недѣль мы часто бродили по парку и по лѣсамъ, и рѣдко проходили мимо сторожевой набушки полгвсонщика, къ которой укрывались отъ грозы, чтобъ не сказать нѣсколько словъ съ хозяйкою набушки. Леди Дедлокъ мы больше тамъ не встрѣчали, а видели ее только по воскресеньямъ въ церкви. Въ Чизни-Вольдъ были гости; и хотя миссисъ была окружена многими хорошевыми личками, однако же ее лицо производило на меня все то же вліяніе, которому я подвергалась въ первый разъ. Я и теперь еще невольно понимаю, было ли это тягостное вліяніе, или пріятное; привлекало оно меня къ ней, или отталкивало. Я думаю, что я удивлялась ей и смотрѣла на нее съ кинимъ-то страхомъ, и знаю навѣрное, что присутствіе ее обращало мысли мои назадъ, къ старому времени моей жизни.

Не разъ приходило мнѣ въ голову по воскресеньямъ, что я также нечужда ее вниманію, что я также занимала ее мысли, какъ она занимала мои; хотя, быть-можетъ, въ другомъ отношеніи. Но когда мнѣ случалось бросить украдкой взглядъ на нее и замѣтить, какъ она спокойна, недоступна, холодна, я понимала, что догадки мои бессмысленны. Сравнительно съ ней, я находила себя слабою, нераассудительною и часто думала я объ этомъ, оставшись одна.

Разскажу теперь одно обстоятельство, которое случилось незадолго передъ нашимъ отъездомъ отъ мистера Бойтсерна.

Я прогуливалась съ Адой въ саду; ко мнѣ подошла горничная и доложила, что кто-то меня спрашиваетъ. Войдя въ столовую, я увидѣла тамъ француженку, которая шла босякомъ по жерной травѣ во время грозы.

— *Mademoiselle Esther*, начала она, смотря на меня пристально-услужливымъ взглядомъ, хотя вообще манера ее была пріятна и она говорила безъ бойкости и безъ униженія: — Я осмѣлилась прійти сюда безъ вашего позволенія; но я увѣрена, что вы мнѣ простите, потому-что вы такъ добры.

— Вамъ нѣтъ надобности извиняться, если вы пришли поговорить со мной, отвѣчала я.

— Все мое желаніе въ этомъ. Тысячу разъ благодарю васъ за не-

зволёніе. Вы вѣдь мнѣ позволите говорить съ вами, не правда ли? говорила она, съ свойственной французкѣ быстротою.

— Безъ сомнѣнія.

— Вы такъ любезны! Выслушайте меня. Я оставила миледи. Мы съ ней не сошлись. Миледи такъ горда, такъ ужасно горда!.. Виновата! Вы совершенно-правы: — она быстро поняла то, что я хотѣла еще сказать и просила заранѣе прощенья. Я знаю, что я не должна, придя сюда, жаловаться на миледи. Я только говорю, что она надменна, очень надменна, больше я не скажу ни слова!

— Продолжайте, сказала я.

— Благодарю васъ за ваше вниманіе. Я имѣю невыразимое желаніе служить молодой леди, которая добра, совершенна и прекрасна. Вы добры, совершенны и прекрасны какъ ангелъ. Ахъ, еслибъ я могла имѣть честь служить вамъ горничной!

— Я очень жалѣю... начала я.

— Не отказывайте мнѣ такъ скоро! сказала она съ невольнымъ содроганіемъ своихъ тонкихъ, черныхъ бровей: — дайте мнѣ надѣяться хоть одну минуту! Я знаю, что служба при васъ будетъ уединеніемъ: я этого и желаю. Я знаю, что эта служба сдѣлаетъ меня менѣе-извѣстной. Прекрасно, я этого и желаю! Я знаю, что я получу меньше жалованья — ничего: съ меня будетъ достаточно.

— Увѣрю васъ, сказала я, встревоженная уже одною мыслью имѣть при себѣ такую спутницу: — увѣрю васъ, что я не имѣла нужды въ горничной...

— Отчего же мнѣ? отчего же вамъ не имѣть такую преданную, какой я буду? Я бы сочла себя счастливой, еслибъ могла служить мнѣ; я бы была такъ равностна, такъ предана, такъ вѣрна вамъ. Позвольте мнѣ служить вамъ. Не говорите о деньгахъ. Возьмите только меня; возьмите меня безъ жалованья!

Она была въ такомъ странномъ состояніи, что я право боялась ея и отступила назадъ. Въ пылу своемъ, она не замѣчала моего испуга и все-таки продолжала упрашивать меня, говоря быстро, самымъ преданнымъ голосомъ, въ которомъ, однакожъ, слышались пріятность и какое-то благородство.

— Mademoiselle Esther, мы уроженки Юга, пылки, и любовь и ненависть можемъ чувствовать глубоко. Миледи была надменна со мною; я была надменна съ ней. Это было, прошло, кончилось! Возьмите меня къ себѣ въ услуженіе, я буду стараться угождать вамъ. Я больше буду дѣлать для васъ, чѣмъ вы теперь можете себѣ вообразить. Если вы возьмете меня, вы не будете расквашены, ибѣть, вы не будете

раскаиваться, и я вамъ буду служить отъ всего сердца. О, вы не знаете, какъ я вамъ буду служить!

Въ лицѣ ея выражалась какая-то грозящая энергія, когда она стояла передъ мною и слушала мои объясненія о невозможности воспользоваться ея предложеніемъ (считая, безъ-сомнѣнія, лишнимъ говорить ей, какъ мало я этого желала); она въ эти минуты походила на женщину, съ улицъ Парижа во времена терроризма. Несмотря на все это, она выслушала меня, не прерывая моихъ словъ, и когда я кончила, она сказала мнѣ своимъ звучнымъ языкомъ и очень-нѣжнымъ голосомъ:

— *Mademoiselle Esther*, я понимаю васъ. Вамъ не угодно моей службы. Мнѣ это очень-грустно. Прощайте. Позвольте мнѣ поцаловать вашу ручку.

Она смотрѣла на меня теперь еще внимательнѣе прежняго, и когда я протянула ей свою руку и она коснулась ея на-лету, мнѣ показалось, что она перечла всѣ жилы въ моихъ пальцахъ.

— Мнѣ кажется, я изумила васъ, *mademoiselle Esther*, въ тотъ день, когда была буря? сказала она, присѣдая мнѣ въ послѣдній разъ.

Я созналась, что она удивила всѣхъ насъ.

— Я дала клятву, *mademoiselle Esther*, сказала она, улыбаясь: — и мнѣ хотѣлось затвердить эту клятву крѣпче, чтобъ вѣрнѣе исполнить, и я затвердила ее и исполню ее вѣрно! Прощайте, *mademoiselle Esther*.

Такъ, къ моему удовольствію, кончились наши переговоры. Я думаю, что она удалилась послѣ этого изъ деревни, потому-что больше я ее не видывала и больше не случалось ничего такого, что бы нарушило наши удовольствія впродолженіе шестилѣтнихъ недѣль, по истеченіи которыхъ мы возвратились домой. Этимъ я и начала мой рассказъ.

Въ это время и спустя еще нѣсколько недѣль, Ричардъ часто посѣщалъ насъ. Кромѣ-того, что онъ пріѣзжалъ къ намъ каждую субботу, или воскресенье, и оставался до утра понедѣльника, онъ еще иногда совершенно-неожиданно пріѣзжалъ къ намъ верхомъ, бесѣдовалъ съ нами вечеромъ и на другой день, рано утромъ, уѣзжалъ въ Лондонъ. Онъ также былъ живаго характера, какъ и прежде и считалъ себя очень-прилежнымъ; но, право, мнѣ что-то не вѣрилось его словамъ. Мнѣ казалось, что все прилежаніе его было ложно направлено; что онъ съ рвеніемъ занимался изученіемъ этого несчастнаго дѣла, на которое напрасно было рассчитывать. Онъ говорилъ намъ, что онъ окончательно выникъ въ это дѣло, изучилъ всѣ его тайны и находитъ, что завѣщаніе, по которому онъ съ Адой должны наследовать несметныя богатства, составлено совершенно-правильно и должно было бы имѣть свою силу, еслибы въ *Оберканцеляріи* была хотя капля здраваго смысла, или спра-

ведливости... (О, какъ это *еслибъ* звучало тяжело въ моемъ ухѣ...) и что въ скоромъ времени должно ожидать рѣшенія этого дѣла. Онъ успокоивалъ себя различными аргументами, которые, одинъ за другимъ, погружали его все болѣе-и-болѣе въ эту путаницу. Онъ даже началъ посѣщать Оберканцелярію. Онъ говорилъ намъ, какъ онъ встрѣчалъ тамъ ежедневно миссъ Флайтъ; какъ они тамъ поговаривали, и хотя онъ надъ ней смѣялся, однакожъ сожалѣлъ ее отъ чистаго сердца. Но онъ никогда не думалъ о томъ... да онъ никогда не думалъ, мой бѣдный, родной Ричардъ, будучи столько счастливъ и имѣя передъ собою столько надеждъ... что между нимъ, такъ свѣжо-молодымъ и ею, старую преклонныхъ лѣтъ, что между его надеждами и ея запертыми въ кляткахъ птицами, ея бѣднымъ чердакомъ и безумнымъ настроеніемъ, видно несчастное сходство.

Ада любила его такъ сильно, что не была въ-состояніи не вѣрить всему тому, что онъ говорилъ; а мой опекунъ, хотя часто жаловался на восточный вѣтеръ и чаще обыкновеннаго читалъ въ своей Воркотнѣ, хранилъ, относительно этого предмета, глубокое молчаніе. Однажды, отправляясь въ Лондонъ повидаться съ Кадди Желлиби по ея настоятельной просьбѣ, я просила Ричарда встрѣтить меня около конторы почтовыхъ дилижансовъ съ тѣмъ, чтобъ поговорить съ нимъ кое-о-чемъ. Я застала его на условленномъ мѣстѣ, и мы пошли съ нимъ рука-объ-руку.

— Ну, Ричардъ, сказала я ему, какъ только могла принять серьезный видъ: — чувствуете ли вы теперь себя основательнѣе?

— О, безъ-сомнѣнія, моя милая, отвѣчалъ Ричардъ: — теперь все обстоитъ благополучно.

— Но основательно ли? сказала я.

— Что вы подразумѣваете подъ этимъ словомъ? спросилъ Ричардъ съ веселымъ смѣхомъ.

— Основательно ли вы изучаете законы? сказала я.

— О, безъ-сомнѣнія, отвѣчалъ Ричардъ: — все идетъ какъ нельзя лучше.

— Вы такъ и прежде говаривали, дорогой Ричардъ!

— Развѣ вы не довольствуетесь такимъ отвѣтомъ? Ну хорошо, положимъ это не отвѣтъ. Основательнѣе? что же вы подразумѣваете подъ этимъ словомъ? Основался ли я на законномъ фундаментѣ?

— Да.

— Конечно, я не могу сказать, чтобъ я вполне основательно вникъ въ законы, говорилъ Ричардъ, упирая особенно на слово *воплнѣ*, какъ-будто въ немъ заключалась вся трудность. — Какъ же можно

выпнуть основательно, когда эти дѣла идутъ такъ неосновательно. Но въ словѣ эти дѣла, я разумѣю, конечно, запрещенный предметъ.

— Не-уже-ли вы думаете, что этотъ процессъ когда-нибудь кончится въ вашу пользу? сказала я.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, сказалъ Ричардъ.

— Мы прошли нѣсколько шаговъ молча. Вдругъ Ричардъ остался и сказалъ мнѣ съ полнымъ чувствомъ и глубокой откровенностью:

— Милая Эсфирь, я понимаю васъ и, кланусь небомъ, я желаю быть болѣе настоящимъ человѣкомъ. Я не говорю относительно къ Адѣ; я ее люблю страстно, и съ каждымъ днемъ все болѣе-и-болѣе, но настоящимъ относительно другихъ предметовъ. Еслибъ я былъ человѣкъ солидный, я ужился бы у мистера Беджора, ужился бы у мистера Кенджа и Корбая, велъ бы дѣла свои въ систематическомъ порядкѣ и не былъ бы въ долгахъ.

— Развѣ вы въ долгахъ? Ричардъ.

— Да, отвѣчалъ Ричардъ: — у меня есть нѣсколько долговъ, моя милая. Сказать по правдѣ: я привязался къ бильяру и къ другимъ глупостямъ. Ну, теперь камень съ души долой: я высказалъ все. Вы меня не презираете за это, Эсфирь?

— Вы знаете, какъ я васъ люблю, сказала я.

— Вы снисходительнѣе ко мнѣ, чѣмъ я самъ къ себѣ, отвѣчалъ онъ. — Милая Эсфирь, я считаю себя несчастнымъ, что не могу быть основательнымъ, и какъ же мнѣ быть? Еслибъ вы жили въ недостроенномъ домѣ, могли ли бы вы спокойно расположиться? Еслибъ вамъ было суждено бросать все, за что только вы прійметесь, оставаясь все недоконченнымъ, тяжело было бы вамъ братья за что-нибудь — вотъ таково мое несчастное положеніе. Я родился подъ этимъ безконечнымъ edificіемъ, въ которомъ играютъ главную роль случайности и перемѣны, и это сдѣлало меня непоследовательнымъ и безтолковымъ такъ, что мнѣ часто приходитъ въ голову, что я недостойнъ любить свою кузину Аду.

Мы были въ уединенномъ мѣстѣ. Ричардъ закрылъ лицо руками и горько плакалъ, произнося послѣднія слова.

— О, Ричардъ! сказала я: — успокойтесь: у васъ доброе сердце и любовь Ады съ каждымъ днемъ будетъ направлять васъ на лучшую дорогу.

— Я знаю, моя милая, отвѣчалъ онъ, пожимая мнѣ руку: — я знаю все это. Я нѣсколько разъ собирался вамъ высказать то, что вы сказали сегодня, но или не имѣлъ случая или просто не доставало духа. Я знаю, какое могутъ имѣть на меня вліяніе слова Ады, но я никогда

этого не испыталъ. Я даже недостаточно-основателенъ и для этого. Я люблю ее страстно, между-тѣмъ, дѣлаю ей вредъ, дѣлая вредъ себѣ каждый день, каждый часъ. Но это же не можетъ, наконецъ, продолжаться. Дѣло наше кончится и вы увидите къ чему я способенъ.

Мнѣ грустно было видѣть его слезы, слышать его рыданія; но, право, грустнѣе было слышать съ какими воедушвеніемъ говорилъ онъ о своихъ воздушныхъ замѣхахъ.

— Я внимательно разбиралъ бумаги, Эсэиръ, я погружался въ нихъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, продолжалъ онъ, прійдя опять въ веселое расположение духа : — и увѣрю васъ, что мы выйдемъ побѣдителями. Что же касается до годовыхъ отсрочекъ, то ихъ бываетъ безчисленное множество—и это не бѣда. Все кончится благополучно, это вы увидите.

Замѣтивъ, что онъ ставитъ подъ одну и ту же категорію мистеровъ Кеаджа и Корбая и мистера Беджора, я спросила его : скоро ли онъ надѣется получить мѣсто въ Линкольнской Палатѣ ?

— Я думаю, что никогда, отвѣчалъ онъ съ усміемъ. — Мнѣ кажется, что съ меня ужъ достаточно. Работая по дѣлу Жарндисовъ, какъ невольникъ, я по горло сытъ законами, и врядъ ли могу полюбить свое занятіе. Теперь, продолжалъ онъ : — я право не знаю, долженъ ли я обращать на законы все мое вниманіе ?

— Не знаю, сказала я.

— Не смотрите такъ серьезно, отвѣчалъ Ричардъ : — право, лучше этого я ничего не счѣмю сдѣлать, милая Эсэиръ. Мнѣ нѣтъ надобности искать постоянного мѣста. Проще, какъ хотите, а когда-нибудь да кончится ; до-тѣхъ-поръ, конечно, мнѣ надобно имѣть занятія, но занятія такіа, которыя были бы согласны съ моимъ вкусомъ.

Я посмотрѣла на него и покачала головою.

— Да, милая моя, Эсэиръ, и я думаю, что мнѣ надо поступить въ военную службу, говорилъ Ричардъ тономъ полнаго убѣжденія.

— Въ военную службу? сказала я.

— Непремѣнно. Мнѣ надо только получить назначеніе... и тогда вы увидите !

И, въ доказательство обдуманности своихъ намѣреній, онъ показалъ мнѣ намятную книжку, въ которой сдѣланы были подробныя вычисленія : что вотъ, впродолженіе шести мѣсяцевъ, онъ, положимъ, задолжалъ двѣсти фунтовъ стерлинговъ, не бывъ въ военной службѣ; а сдѣлавшись офицеромъ онъ даетъ слово не входить, ни подъ какимъ видомъ, въ долги, слѣдовательно, каждый годъ черезъ это сохранится четыреста фунтовъ стерлинговъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ составитъ значительную сумму денегъ. Потому онъ краснорѣчиво и чистосердечно

говорилъ мнѣ, какъ, изъ любви къ Адѣ, которую дѣйствительно онъ любилъ страстно и постоянно, онъ готовъ принести всё жертвы, съ тѣмъ только, чтобъ исправить недостатки своего характера, сдѣлать самостоятельнымъ и приобрести энергію. Слова его произвели на меня грустное впечатлѣніе. Мнѣ тяжело было думать, что всё стараніе ея напрасны, что характеръ, сформировавшійся при такихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, врядъ-ли можетъ когда-нибудь заняться самою и нежестовъ.

Я говорила съ Ричардомъ съ полною откровенностью; просила его, изъ любви къ Адѣ, не думать объ этомъ несчастномъ процессѣ Обер-канцеляріи. Онъ соглашался со мною въ истинѣ моихъ желаній, воувы! постоянно обращался къ своему любимому предмету.

Наковецъ мы достигли Сохоскаго Сквера, гдѣ Кадди назначила свиданіе со мною, это очень-спокойное мѣсто близости Ньюманской Улицы. Кадди была въ серединѣ сада, и какъ-только увидѣла меня, бросилась ко мнѣ на встрѣчу со всѣхъ ногъ. Послѣ обыкновенныхъ вѣжливостей, Ричардъ оставилъ насъ вдвоемъ.

— Тутъ, близости, у Принца урокъ, Эсэиръ, сказала Кадди: — онъ оставилъ мнѣ ключъ отъ сада. И если вы хотите со мною погулять, то мы здѣсь запремся и можемъ переговорить спокойно обо всемъ, зачѣмъ я желала видѣть ваше утѣшительное личико.

— Прекрасно, моя милая! сказала я: — лучше этого ничего нельзя придумать. Обнявъ и расцаловавъ утѣшительное личико, Кадди взяла меня подъ-руку, мы вошли въ садъ и заперлись.

— Вотъ чтó я вамъ скажу, Эсэиръ, говорила Кадди, понимая, какъ слѣдуетъ употребить съ пользою часъ дружеской бесѣды: — когда вы мнѣ сказали, что я дурно дѣлаю, что не прошу позволенія на бракъ у матушки, хоть ей некогда мною заниматься, я сочла это долгомъ передать Принцу, во первыхъ, потому, что я всегда дорожу вашимъ мнѣніемъ, а во вторыхъ, потому, что отъ Принца нѣтъ у меня никакихъ секретовъ.

— Я думаю, Кадди, онъ согласился со мною?

— О, моя милая, съ вами онъ согласится во всемъ. Вы не можете себя представить, какъ онъ васъ уважаетъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Во всякой другой дѣвухѣ это возбудило бы ревность, говорила Кадди, смѣясь и потряхивая головою: — но меня это радуетъ, потому что вы мой первый и мой единственный другъ; и какъ бы васъ ни любила, мнѣ все кажется мало.

— Клянусь тебѣ, Кадди, сказала я : — ты просто дала слово привести меня въ хорошее расположеніе духа. Ну, моя милая ?

— Дѣ, такъ я начала—было, отвѣчаетъ Кадди, скрестивъ свои руки около моей : — рассказывать, что мы объ этомъ долго говорили съ Принцемъ; я и говорю : « Принцъ, такъ-какъ миссъ Семерсонъ... »

— Я надѣюсь, что ты не сказала миссъ Семерсонъ ?

— Нѣтъ, право я не сказала! отвѣчала быстро Кадди, очень обрадовавшись и съ лицомъ, сіяющимъ удовольствіемъ : — я просто сказала: Эсэиръ. — « Такъ-какъ, говорю я Принцу, Эсэиръ такого мнѣнія и объ этомъ пишетъ ко мнѣ въ своихъ милыхъ письмахъ, которыя ты слушаешь съ такимъ удовольствіемъ, то я думаю, что мнѣ надо во всемъ соизнаться, ма, тогда, когда ты хочешь. И я думаю, Принцъ, говорю я, что Эсэиръ думаетъ, что и тебѣ нужно сообщить обо всемъ твоему отцу: это будетъ лучше и основательнѣе. »

— Дѣ, моя милая Кадди, сказала я : — ты не ошиблась : Эсэиръ, точно такого мнѣнія.

— Видишь, стало-быть, я была права ! Это порядкомъ взволновало Принца, не потому, чтобъ онъ имѣлъ какое-нибудь сомнѣніе, но потому, что онъ боится испугать чувствительное сердце старика. Вѣдь старикъ мистеръ Тервейдропъ такой нѣжный; онъ, пожалуй, подумаетъ, что такое признаніе со стороны сына—непочтительный поступокъ, и это убьетъ его. А вѣдь ты знаешь, какія у него прекрасныя манеры, прибавила Кадди : — и сердце у него очень-чувствительное.

— Будто бы, душа моя ?

— Ахъ, дѣ. И Принцъ то же говоритъ. Такъ вотъ, милое дитя мое— это названіе я не къ тебѣ отношу, Эсэиръ—прибавила Кадди покраснѣвъ : — но я обыкновенно называю Принца милымъ дитятемъ.

Я засмѣялась и Кадди засмѣялась, покраснѣла еще болѣе и продолжала :

— Такъ это очень его взволновало, Эсэиръ...

— Кого взволновало? моя милая.

— О, ты злодѣйка! сказала Кадди, смѣясь и покраснѣвъ до ушей : — мое милое дитя, если тебѣ хочется слышать ! Онъ былъ болѣе нѣсколько недѣль и все откладывалъ объясненіе со дня на день; наконецъ онъ сказалъ мнѣ : — Кадди, если миссъ Семерсонъ, которую такъ уважаетъ батюшка, согласится присутствовать при моемъ объясненіи, я бы рѣшился. Я дала слово спросить тебя. И думаю себѣ, продолжала она, смотря на меня съ надеждою, но робко : — что если вы согласитесь, то послѣ я буду васъ просить ядти со мною къ ма. Вотъ о чемъ я думала, когда писала къ вамъ, что мнѣ надо просить

вашъ о милости и о пособіи. И еслибъ вы согласились исполнить нашу просьбу, мы были бы, Эсмиръ, вамъ совершенно обязаны.

— Посмотрите, Кадди, сказала я; притворяясь размышляющей. — Мнѣ право, кажется, что я могла бы для васъ исполнить и кой-что потрудитѣ этого. Я совершенно къ услугамъ твоимъ и милого дитяти.

Кадди была въ восторгѣ отъ моего отвѣта, тѣмъ болѣе, что она такъ впечатлительна, какъ только можетъ быть самое доброе, самое нѣжное сердце. Пройдясь еще нѣсколько по саду, она надѣла чистыя перчатки, оправилась, чтобы не уронить себя въ глазахъ представителя высказанныхъ манеръ.

Принцъ въ-самомъ-дѣлѣ давалъ урокъ. Мы застали его за трудной работой: онъ близъ съ очень-туною ученицею, сухожавой, маленькой дѣвочкой, съ узкимъ лбомъ, грубымъ голосомъ и съ неодушевленной, недовольной мамѣ. Урокъ наконецъ кончился послѣ всѣхъ неудачъ и замѣшательствъ; и когда маленькая дѣвочка перемѣнила башмаки и закуталась въ шаль, ее увели домой.

Послѣ нѣсколькихъ словъ приготовления, мы отправились отыскивать стараго мистера Тервейдрона. Его мы застали съ перчатками и шляпою въ рукѣ, какъ совершенный образецъ высокихъ манеръ на себѣ, въ своей отдельной комнатѣ — единственномъ спокойномъ углу во всемъ домѣ.

— Батюшка, миссъ Семмерсонъ, миссъ Желлиби!

— Очарованъ! восхищенъ! говорилъ мистеръ Тервейдронъ-старикъ, кланяясь съ важностью. Позвольте мнѣ! И онъ подалъ намъ стулья. — Обрадованъ! И онъ поцаловалъ кончики пальцевъ своей лѣвой руки. — Мое маленькое убожище вы превратили въ рай. И онъ развалился на софѣ, какъ первый джентльменъ Лондона.

— Вы опять находите насъ, миссъ Семмерсонъ, за тѣмъ же занятіемъ, сказалъ онъ: — полируемъ, полируемъ, полируемъ! Опять нѣжный полъ доставляетъ намъ честь и счастье своимъ присутствіемъ. Для нашего времени и то ужъ много (а мы страшно перередились со времени его королевскаго высочества принца-регента, моего благодѣтеля, если мнѣ позволено будетъ такъ выразиться), что благородныя манеры и тонъ, несомнѣнны востаны въ грязь ногами ремесленниковъ. Нѣтъ, еще на нихъ ниспосылаются лучи улыбки красоты, сударыня.

Я ничего не нашла нужнымъ отвѣчать ему и онъ взялъ цѣветку табаку.

— Любезный сынъ мой, у тебя, говорилъ мистеръ Тервейдронъ: — сегодня четыре урока: я тебѣ совѣтую закусить слегка и снѣзнить.

— Благодарю васъ, паненька, отвѣчалъ Принцъ: — я буду акура-

тень. Папенька, прошу васъ, выслушайте спокойно, что я вамъ хочу сказать.

— Боже милостивый! воскликнулъ образцовый джентльменъ, поблѣднѣвъ и съ видными испугомъ, когда Принцъ и Каади, рука-объ-руку, склонились передъ нимъ на колѣни. Что это значитъ? Припадокъ съумасшествія? или что-нибудь другое?

— Папенька, отвѣчалъ Принцъ: — я люблю эту молодую дѣвушку и далъ слово на ней жениться.

— Далъ слово на ней жениться! воскликнулъ мистеръ Тервейдропъ, склонившись на софу и закрывая лицо руками: — Боже, родной сынъ мой поражаетъ меня въ самое сердце!

— Мы ужъ влюблены другъ въ друга давно, папенька, лепеталъ Принцъ: — и миссъ Семмерсонъ, узнавъ объ этомъ, посоветовала намъ сознаться во всемъ передъ вами и была такъ добра, согласилась присутствовать въ настоящую минуту. Миссъ Желлиби, молодая дѣвушка, она, папенька, питаетъ къ вамъ глубокое уваженіе.

Мистеръ Тервейдропъ-старикъ, стонетъ отъ горя.

— О, перестаньте, пожалуйста, перестаньте папенька! со слезами говорилъ Принцъ: — миссъ Желлиби молодая дѣвушка и питаетъ къ вамъ глубокое уваженіе; главная цѣль нашей жизни будетъ упрочить ваше благосостояніе.

Мистеръ Тервейдропъ-старикъ рыдаетъ.

— Перестаньте, папенька, перестаньте, говорилъ со слезами сынъ.

— Сынъ, сынъ! восклицалъ мистеръ Тервейдропъ: — очень-хорошо, что этого удара не испытаетъ твоя несравненная мать. Не жди же, сынъ, твоего отца, не жди его! Поражай сынъ... поражай въ самое сердце!..

— Я умоляю васъ, папенька, не говорите такихъ вещей, говорилъ Принцъ съ горькими слезами: — это убиваетъ меня. Я увидаю васъ, папенька, наше первое желаніе, цѣль всей нашей жизни будетъ состоять въ томъ, чтобъ упрочить ваше благосостояніе. Каролина и я, мы не забудемъ своихъ обязанностей — мои обязанности будутъ и въ обязанностяхи, мы объ этомъ не разъ говорили между собою, и при вашемъ надзорѣ, руководясь вашими совѣтами, папенька, мы принесемъ все въ жертву, только чтобъ доставить вамъ спокойствіе и удовольствіе.

— Рази сынъ, рази! говорилъ мистеръ Тервейдропъ: — рази въ самое сердце!

Но имъ все-таки казалось, что онъ внимательно внимаютъ въ слова Принца.

— Милый папенька, продолжалъ Принцъ: — мы знаемъ очень-хо-

реши, что вы привыкли къ некоторому комфорту, и имѣете на него полное право; повѣрите, что мы сочтемъ себѣ за честь, за счастье доставлять вамъ этотъ комфортъ. Если вы согласитесь на нашъ бракъ и оправдаете мой выборъ, то будьте увѣрены, что первую нашу мысль будетъ ваше спокойствіе. Вы всегда будете надъ нами главой и хозяиномъ и мы понимаемъ вполне, какое бы мы заслужили презрѣніе, еслибъ на первомъ мѣстѣ были не вы, еслибъ мы не старались всѣчески угождать вамъ.

Тяжела была внутренняя борьба мистеру Тервейдропу; онъ выпрямился на софѣ; жирныя щеки его висѣли черезъ галстухъ — истинная модель фемонабльнаго отца!

— Сынъ мой, говорилъ мистеръ Тервейдропъ: — дѣти мои! я не могу противостоять вашимъ просьбамъ: будьте счастливы!

Благосклонность, съ которою онъ обвинялъ свою будущую дочь и протягивалъ руку къ сыну (сынъ покрывъ ее самыми нѣжными и почтительными поцалуями) не мало меня удивляла.

— Дѣти мои, говорилъ мистеръ Тервейдропъ, обвиняя Кадди съ отеческою нѣжностью и съ расчетливою елегантною: — милыя дѣти мои, ваше счастье будетъ первою моею заботою. Я буду слѣдить за вами. Вы будете жить всегда со мною (то-есть, вѣрнѣе бы сказать: я всегда буду жить съ вами). Домъ этотъ, съ-этихъ-поръ, также ваша собственность, какъ и моя. Считайте его вашимъ домомъ и будьте счастливы.

Такова была магическая сила въ его ловкости и тонныхъ манерахъ, что Принцъ и Каролина были преисполнены благодарностью, какъ-будто онъ принесъ въ нихъ пользу какую-нибудь огромную жертву, а не согласился помѣститься съ ними жить на всѣ остальные дни свои.

— Что касается до меня, дѣти мои, сказалъ мистеръ Тервейдропъ: — то я клонюсь ужь къ желтѣющей тяжелой осени моей жизни, и нѣтъ возможности опредѣлить, какъ долго въ этомъ вѣкѣ ткачей и пряхъ останутся слѣды истиннаго и высокаго джентльменства. Но какъ бы то ни было, я все-таки буду исполнять обязанности относительно общества и, по обыкновенію, буду показывать себя въ городѣ. Желанія мои скромны и умѣренны. Мнѣ больше ничего не нужно, кромѣ маленькаго кабинета, нѣсколькихъ необходимыхъ вещей для туалета, скромнаго завтрака и умѣреннаго обѣда. Отъ васъ я буду только требовать исполненія этихъ мелочей, все же остальное будетъ на моемъ попеченіи.

Они глубоко были поражены такимъ великодушіемъ.

— Сынъ мой, говорилъ мистеръ Тервейдропъ: — относительно этихъ небольшихъ недостатковъ въ тебѣ — я хочу сказать о тонѣ и о мане-

рахъ, которые могутъ быть только усовершенствованы образованіемъ, но которыхъ привить нельзя, если они не врожденны—ты можешь совершенно положиться на меня. Я былъ всегда вѣренъ своему дѣлу въ дни его королевскаго высочества принца-регента и не сойду съ своего поста. Нѣтъ, сынъ мой, если ты когда-нибудь смотрѣлъ съ гордостью на положеніе твоего отца, то ты можешь быть увѣренъ, что ни одинъ его поступокъ въ будущемъ не запятнаетъ прошедшаго. Что же касается до тебя, Принцъ, до тебя, у котораго характеръ другой (всѣ мы не можемъ и не должны быть похожи одинъ на другаго), ты долженъ работать, трудиться, приобрѣтать деньги и съ каждымъ днемъ увеличивать число твоихъ занятій.

— Вы можете въ этомъ положиться на меня, папенька: я буду стараться отъ всего моего сердца, отвѣчалъ Принцъ.

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь, говорилъ мистеръ Тервейдропъ: — знаю, что твои качества не блестящи, милое дитя мое, но они прочны и полезны — объ этомъ и говорить нечего; я только скажу вамъ обоимъ, дорогія дѣти мои, словами несравненной, покойной жены моей, на жизненный путь которой я имѣлъ счастье проливать нѣкоторый лучъ свѣта: наблюдайте за институтомъ; наблюдайте за моими небольшими нуждами — и да благословить васъ Богъ!

Послѣ этого старый мистеръ Тервейдропъ сдѣлался такъ любезенъ, что я сочла за лучшее немедленно отправиться къ Тавіевой Гостинницѣ. Кагда разсталась съ женихомъ своимъ такъ нѣжно и такъ дружелюбно, была въ такомъ восторгѣ отъ родственныхъ чувствъ мистера Тервейдрона—отца, что я ни за что на свѣтѣ не хотѣла произнести хотя полслова въ его порицаніе.

Въ окнахъ дома, поблизости Тавіевой Гостинницы, были приклеены блѣты, извѣщающіе о пустыхъ квартирахъ, и онъ казался грязнѣе и мрачнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Имя несчастнаго мистера Желлиби, было, два два тому назадъ, въ спискѣ банкротовъ, и онъ сидѣлъ запершись въ столовой съ двумя джентльменами, посреди кучи бумагъ, счетныхъ книгъ и нѣсколькихъ сутягъ, и дѣлалъ тщетныя попытки уразумѣть мистеріи своихъ дѣлъ. Онѣ, казалось, были выше его пониманія, такъ-что когда Кагда, по ошибкѣ, завела меня въ столовую, я увидѣла, что мистеръ Желлиби, въ своихъ очкахъ, убитымъ сидѣлъ на концѣ обѣденнаго стола и былъ только безчувственнымъ, безмолвнымъ наблюдателемъ, между-тѣмъ, какъ два джентльмена, посреди которыхъ онъ сидѣлъ, разбирали его бумаги.

Выбираясь наверхъ, на половину мистриссъ Желлиби, мы замѣтили, что всѣ дѣти сползли въ кухню и дурачились тамъ безъ всякаго за ни-

ми надзора. Мы застали знаменитую леди въ самомъ жару сильной корреспонденціи: она вскрывала письма, сортировала ихъ, читала, писала и, въ полномъ смыслѣ слова, завалена была конвертами. Она такъ была углублена въ свои занятія, что сначала не узнала меня, хоти смотрѣла на меня прямо своимъ дальнородкимъ взглядомъ.

— Ахъ! миссъ Семерсонъ! сказала она наконецъ: — я васъ всѣмъ-было не узнала! Надѣюсь, что вы здоровы и что мистеръ Жарндисъ и миссъ Клеръ также здоровы!

Я, въ отвѣтъ, выразила надежду на здоровье мистера Желлиби.

— Нѣтъ, несомнѣнъ, моя милая, сказала мистриссъ Желлиби, совершенно-спокойно: — дѣла его въ дурномъ положеніи и онъ убить духомъ. Къ-счастью, я такъ занята, что не имѣю времени думать объ этомъ. Въ настоящую минуту у насъ сто-семьдесятъ семействъ, миссъ Семерсонъ, считая по пяти членовъ въ каждомъ изъ нихъ, готовыхъ, отправиться, если ужъ не отправились, на лѣвый берегъ Нигра.

Я подумала о ея собственномъ семействѣ, которое не только не отправилось, но и не думало отправляться на лѣвый берегъ Нигра, и удивилась, какъ она можетъ быть такъ спокойна.

— Вы, какъ я вижу, привели съ собою Кадди, замѣтила мистриссъ Желлиби, взглянувъ на свою дочь: — это рѣдкость теперь здѣсь ее видѣть: она совершенно покинула свои прежнія занятія и заставила меня употреблять въ настоящее время для переписки мальчиба.

— Но, повѣрьте ма... начала-было Кадди.

— Ты знаешь, Кадди, перебила ее мать, тихимъ, но рѣшительнымъ тономъ: — что теперь я должна употреблять секретаремъ мальчиба; онъ въ эту минуту обѣдаетъ. Слѣдовательно, къ-чему же ведутъ твои противорѣчія?

— Я не хотѣла противорѣчить вамъ, ма, отвѣчала Кадди: — я только хотѣла сказать, что вы, вѣрно, не пожелали бы сами, чтобъ я всю жизнь свою была чурбаномъ.

— Я желала, моя милая, говорила мистриссъ Желлиби, распечатавая письма и смотря на нихъ съ нѣжностью: — чтобъ ты имѣла передъ глазами всегда примѣръ своей матери въ энергій, дѣятельности и филантропіи. Чурбанъ! прошу покорно! Еслибъ въ душѣ твоей было хоть сколько-нибудь симпатіи къ судьбамъ туземцевъ и человѣчества, ты бы высоко стояла въ нравственномъ отношеніи и тебѣ бы не приходило въ голову такія идеи. Да, въ тебѣ нѣтъ симпатіи, Кадди, нѣтъ. Я это тебѣ давно и нѣсколько разъ говаривала.

— Да, ма, правда, если дѣло идетъ объ Африкѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ въ тебѣ симпатіи. Это могло бы убить меня, миссъ

Семерсонъ, еслибъ, къ-счастью моему, я не была такъ много занята, казалась мистриссъ Желлиби, приятно взглянувъ на меня и откладывая, куда слѣдуетъ, только-что распечатанное письмо : — это разстроило бы и огорчило бы меня. Но у меня голова такъ полна мыслями о Барриобула-Гха и я дѣлаю столько пользы своею специальностью, что Африка для меня истинное лекарство противъ всѣхъ огорченій. Вы это, я думаю, видите, миссъ Семерсонъ?

Кадди мигала мнѣ, чтобъ дать знать о времени начать разговоръ въ ея пользу, и я, уловивъ минуту, когда прекрасные очи мистриссъ Желлиби были направлены на Африку, сказала ей :

— Быть-можетъ, мистриссъ Желлиби, вы удивитесь, если узнаете, что привело меня сюда нарушить ваши занятія.

— Я всегда очень-рада видѣть васъ, миссъ Семерсонъ, говорила мистриссъ Желлиби, не отводя глазъ отъ занимательныхъ писемъ и сладко улыбаясь : — хотя бы я, и она покачала головою : — очень бы желала, чтобъ дочь моя чувствовала болѣе интереса къ борриобульскимъ проектамъ.

— Я пришла сюда съ Кадди, сказала я : — потому-что Кадди считаетъ дурнымъ скрывать отъ своей матери все, что до нея касается, и теперь пришла сообщить вамъ, очень для нея важную тайну.

— Кадди, сказала мистриссъ Желлиби, остановивъ на минуту свои занятія и потомъ, покачавъ головою, снова принялась за нихъ : — ты, вѣрно, хочешь сказать мнѣ какую-нибудь глупость!

Кадди развязала свою шляпку, бросила ее на полъ и, заливаясь слезами, сказала :

— Ма, я влюблена!

— Какой вздоръ! замѣтила мистриссъ Желлиби разсѣянно, смотря на какую-то депешу : — я такъ и знала, что глупость!

— Я влюблена, ма... и дала слово выйдти замужъ, говорила, рыдая, Кадди : — за молодого мистера Тервейдропа, танцмейстера, и старый мистеръ Тервейдропъ, истинный джентльменъ, далъ свое согласіе... Ма, и я прошу васъ... благословите и вы насъ... я знаю, безъ вашего благословенія мнѣ не будетъ счастья, твердила Кадди въ сильныхъ рыданіяхъ. Доброе созданіе! въ эти минуты она единственно руководилась чувствомъ дочеринной привязанности.

— Вы опять свидѣтельница, миссъ Семерсонъ, замѣтила мистриссъ Желлиби спокойно : — какое для меня счастье быть такъ занятой и имѣть необходимость въ концентрованности. Вотъ Кадди дала слово выйдти замужъ за сына танцмейстера — соединяется съ народомъ, въ которомъ нѣтъ ни капли симпатіи къ судьбамъ человѣческихъ поколѣ-

ний! Между-тѣмъ, какъ мистеръ Гѣшеръ, одинъ изъ первыхъ филантроповъ нашего времени, говорилъ мнѣ не разъ, что онъ къ Кадди неравнодушенъ.

— Ма... я... всегда ненавидѣла... и презирала мистера Гѣшера... говорила, всхлипывая, Кадди.

— Кадди, Кадди! возразила мистриссъ Желлиби, вскрывая, съ совершеннымъ спокойствіемъ духа, конвертъ другаго письма: — я въ этомъ никогда не сомнѣвалась. Да и могло ли быть иначе, когда ты совершенно лишена тѣхъ симпатій, которыя въ немъ преобладаютъ! И еслибъ мои общественныя обязанности не были моимъ любимымъ дѣлителемъ, еслибъ я не была занята въ огромныхъ размѣрахъ огромными проектами, то эти мелочи мучили бы меня, миссъ Семерсонъ. Не могу ли я позволить, чтобъ глухой постунокъ Кадди (отъ которой я ничего другаго и не ожидаю) заградилъ отъ моего вниманія великій африканскій континентъ? Никогда, никогда, повторяла мистриссъ Желлиби рѣзкимъ, спокойнымъ голосомъ и съ пріятной улыбкой и продолжала сортировку писемъ: — нѣтъ никогда!

Я такъ не была подготовлена къ столь холодному приему, хотя бы и должна была ожидать его, что, право, не знала, что сказать. Кадди совершенно выплакалась и выговорила. Мистриссъ Желлиби продолжала свои почтенныя занятія, раскрывала и сортировала письма съ самою пріятной и веселой улыбкой и только по временамъ говорила: — о нѣтъ, никогда, никогда!

— Я надѣюсь, ма, выговорила наконецъ бѣдная Кадди: — что вы на меня не сердитесь?

— О Кадди, ты совершенно-глупая дѣвочка, отбѣтила мистриссъ Желлиби: — какъ спрашивать такой вадоръ, послѣ того, что я сказала о моемъ умственномъ направленіи.

— И я надѣюсь, ма, вы даете намъ ваше согласіе и желаете намъ всего хорошаго? сказала Кадди.

— Ты бессмысленный ребѣнокъ ужь потому, что сдѣлала такой безразсудный шагъ, сказала мистриссъ Желлиби: — ты непослушный ребѣнокъ, потому-что ты должна была бы посвятить всю свою жизнь великому дѣлу филантропіи. Но шагъ ужь сдѣланъ, я ужь надела мальчишка, слѣдовательно, и говорить нечего. Пожалуйста Кадди, говорила мистриссъ Желлиби, своей дочери, которая ее обнимала и целовала: — пожалуйста не мѣшай мнѣ, я очень-занята: всѣ эти письма надо разе-брать до прихода вечерней почты.

Я думала, что теперь всего лучше уйти и хотѣла-было начать прощаться, но была задержана словами Кадди.

— Вы не будете противъ того ма, чтобъ я его представила вамъ? сказала Кади.

— О Боже мой, Кади! воскликнула мистриссъ Желлиби, погруженная ужъ въ созерцаніе туземцевъ Баррибуда-Га: — ты опятъ, Кади, свое. Кого ты хочешь еще представить?

— Его, ма.

— Кади, Кади! сказала мистриссъ Желлиби, утомленная этими мезетчинами: — въ этомъ случаѣ ты должна привести его въ такой день, когда нѣтъ «общественнаго комитета», или «комитета раздѣленія пособій», или какого-нибудь другаго комитета. Словожъ сказать: ты должна соображаться съ моимъ свободнымъ временемъ. Моя милая миссъ Сомерсонъ, съ вашей стороны очень-любезно, что вы пришли замолвить слово за эту глупенькую дѣвочку. Прошайте. Если я вамъ скажу, что у меня пятьдесятъ-восемь новыхъ писемъ получено сегодня утромъ отъ фабрикантовъ, которые желаютъ привести къ единству туземцевъ и развитіе кофейныхъ плантацій, то вѣрно вы не рассердитесь, если я вамъ скажу, что я занята по горло.

Я не могла угадывать, что Кади была въ грустномъ расположеніи духа, что, обвинявъ меня, она рыдала на моей груди; она говорила, что жестокая брань была бы для нея легче, чѣмъ это совершенное равнодушіе къ ея судьбѣ; она говорила мнѣ, что у нея нѣтъ почти ни одного платья, сколько-нибудь годнаго подъ вѣнецъ. Я утѣшала ее, выставляя, сколько она можетъ сдѣлать добра для своего бѣднаго отца и для Биби. Въ такихъ разговорахъ мы соиди внизъ и добрались до кухни, гдѣ бѣдныя дѣти ползали на коленочкѣхъ цолу, въ грязь, и я не иначе могла набъжать совершеннаго уничтоженія моего костюма, какъ только прибънувъ къ сказкамъ. По-временамъ слышались наверху крики, которые пугали насъ, потому-что мистеръ Желлиби подходилъ къ окну и, для большаго уразумѣнія дѣлъ своихъ, хотѣлъ выброситься изъ третьяго этажа на мостовую.

Возвратясь домой, послѣ столькихъ хлопотъ, я много и долго думала о Кади и находила, право, что она будетъ счастлива. Тихая ночь звѣздное небо напоминали мнѣ дальнихъ путниковъ, которые, быть-можетъ, тоже любятъ эти созвѣздія, которыми любовалась я.

Дома принимали меня съ такую радость, что я, право, готова была плакать отъ восторга, еслибъ не боялась, что это глупо. Разспрашивали меня про Кади и такъ ласкали меня, что я считала себя самымъ счастливымъ существомъ въ мірѣ.

Цѣлый вечеръ провели мы въ самой родственной болтовнѣ съ мистеромъ Жарндисомъ и съ Адой, такъ-что прійдя въ свою комнату, я

увидѣла, что лицо мое горѣло отъ чрезвѣрныхъ разговоровъ. Вдругъ кто-то тихо постучался въ дверь. Войдите сказала я. Хорошенькая, маленькая дѣвочка, въ траурномъ платьѣ, вошла въ комнату.

— Честь имѣю представиться, миссъ, сказала она тихимъ голосомъ я Черли.

— Какъ я рада, что вижу тебя, Черли! сказала я, поцаловать ее нѣжно.

— Я ваша горничная, сказала Черли.

— Серьезно, Черли?

— Да-съ, мистеру Жардинсу угодно было позволить мнѣ эту честь.

Я сѣла, положила руку на плечо Черли и смотрѣла на нее.

— Миссъ, сказала Черли, скрестивъ руки, и слезы текли по щекамъ ея щеки: — Томъ въ школѣ, миссъ, и учится хорошо; Эмма осталась у мистриссъ Блайндеръ... и какой за ней присмотръ! Чтѣ съ вами миссъ, не плачьте пожалуйста!

— Я не могу удержаться, Черли.

— И я, миссъ, не могу удержаться, говорить Черли: — мистеръ Жардинсъ такъ добръ: онъ говорилъ, что вы будете такъ добры, поучите иногда меня чему-нибудь. Мы съ Томомъ и съ Эммой будемъ видѣться каждый мѣсяць, и я такъ благодарна, миссъ; я постараюсь заслужить вашу любовь!

— О, милая Черли! не забудь того, кто все это для тебя сдѣлалъ.

— Нѣтъ, миссъ, ни я, ни Томъ, ни Эмма, мы этого не забудемъ. Вы, вы все для насъ сдѣлали.

— Нѣтъ, Черли, я первый разъ объ этомъ слышу; для васъ все сдѣлалъ мистеръ Жардинсъ.

— Да, миссъ; но все это сдѣлано изъ любви къ вамъ и мы этого никогда не забудемъ.

И Черли бѣгала и суетилась вокругъ меня, приводя въ порядокъ всѣ вещи, которыя только могла достать своей ручонкой.

— Не плачьте, пожалуйста, не плачьте, миссъ, сказала она мнѣ опять.

— Я никакъ не могу удержаться, Черли, повторила я ей.

И Черли также не могла удержаться, и мы оба плакали отъ радости.

СТЕПЬ.

Всплываю на просторъ сухаго океана,
И въ зелени мой возъ ныряетъ какъ ладья,
Въ волнахъ шумящихъ нивъ, среди цвѣтовъ скользи
Минуетъ острововъ коралловыхъ бурьяна.
Ужь сумракъ. Ни тропы не видно, ни кургана...
Не озаритъ ли путь звѣзда, мнѣ свѣтъ лиа?
Въ дали тамъ облако : заринцу ль вижу я?
То блещетъ Днѣстръ — взойшла лампада Аккермана.
Какъ тихо! Постоимъ... Я слышу, стадо мчится:
То журавли; зрачкомъ ихъ соколъ не найдетъ!
Я слышу, мотылькъ на травкѣ шевелится,
И грудью скользкой ужъ по зелени ползетъ...
Такая тишь, что могъ бы въ слухѣ отразиться
И зовъ родной — но нѣтъ, никто не позоветъ !

А. ФЕТЪ.

И В А.

Сидеть здѣсь, у этой нмы.
Что за чудные извивы
На корѣ вокругъ дунла !
А подъ нею какъ красивы
Золотые переливы
Струй дрожащаго стекла!
Вѣтви сочныя дугою
Перегнулись надъ водою,

Какъ зеленый водонадъ,
 Какъ живыя, какъ иглою,
 Будто ссора межъ собою,
 Листья веду бороздать...

А. ФЕТЪ.

НАРОХОДЪ.

Злой дельфинъ, ты просишь ходу,
 Ноздри вышуть, паръ валить,
 Сердце мощное кипитъ,
 Лапы съ шумомъ роютъ воду...
 Не лишай родной земли
 Этой дъвы, этой розы,
 Прощай, прощанья слезы
 Вдохновенныя продли!
 Но напрасно: конь морской,
 Ты коньсея быстрой птицей...
 Только плынуть вереницей
 Неренды за тобой.

А. ФЕТЪ.

II.

ВАЛЬТЕРЪ СКОТТЪ И ЕГО СОВРЕМЕННОСТИ.

Статья первая.

О литературныхъ трудахъ и частной жизни сэра Вальтера Скотта писано было весьма-много на всѣхъ европейскихъ языкахъ, особливо на англійскомъ. Новые труды по этому предмету до-сихъ-поръ являются отъ времени до времени въ разныхъ журналахъ, историч. словесности и энциклопедическихъ лексиконахъ; рѣдкій годъ обходится безъ дополненій къ доселѣ-изданнымъ биографіямъ и собраніямъ писемъ поэта къ знаменитѣйшимъ изъ своихъ современниковъ. Изъ жизнеописаній Скотта, по добросовѣстности и обилію матеріаловъ, локгартово твореніе «Записки о жизни сэра В. Скотта» считается лучшимъ, несмотря на свою громадность (парижское изданіе Бодри заключаетъ въ себѣ болѣе 1500 страницъ мелкой печати), и даже нескладность, съ ней соединенную. Джонъ Локгартъ, какъ извѣстно читателямъ, былъ женатъ на старшей дочери романиста, Софин, послѣ своего брака провелъ нѣсколько лѣтъ близъ Абботс-орда, почти ежедневно видясь съ своимъ знаменитымъ родственникомъ, и незамѣтно обогащаясь самыми характеристическими, любопытными свидѣніями, недоступными для всѣхъ остальныхъ читателей скоттова гемля. Книжкою Локгарта мы руководствовались во многомъ, не упуская однакожъ изъ виду цѣлаго собранія брошюръ и статей о жизни В. Скотта, собранія, доставленнаго автору черезъ снисходительность многихъ лицъ, основательно изучившихъ исторію британской словесности и богатыхъ матеріалами по части ея исторіи.

Долгомъ считаемъ предупредить читателя, что нашъ этюдъ о Скоттѣ и современникахъ Скотта оканчивается не послѣдними днями

жизни поэта, а разстройствомъ его дѣлъ и банкротствомъ дома констаблей. По нашему мнѣнію, послѣдніе годы скоттовой жизни и его геройская борьба съ коммерческими бѣдствіями должна составить особый эпизодъ, по направленію и изложенію вовсе-несходный съ здѣсь представляемой статьею. Если читатель съ удовольствіемъ встрѣтитъ трудъ, здѣсь предлагаемый, то мы не замедлимъ и съ заключительнымъ эпизодомъ.

I.

Замокъ Гарденскій и родоначальники дома Скоттовъ. — Старый Батъ и его жена. — Отбиваніе скота у сосѣдей. — Вильямъ Гарденскій и его страшный братъ. — Свинтонъ Свинтонскій и легенда о Галидон-Галльскомъ сраженіи. — Вальтеръ Скоттъ Бородатый, его приверженность дому Стюартовъ. — Положеніе шотландскаго дворянства во второй половинѣ прошлаго столѣтія. — Герцоги буллейгскіе и аргайльскіе. — Рожденіе романиста В. Скотта, впоследствии сэра Вальтера. — Болѣзни и леченіе. — Описаніе Сенди-Коуской Фермы и ея обитателей. — Первые занятія ребенка. — Отецъ и мать В. Скотта. — Братъ и сестра. — Дяди и тѣти. — Чудаки и старые яkobиты. — Дама въ красномъ платьѣ. — Поѣздка въ Батъ и воспоминаніе о первомъ посѣщеніи театра. — Письмо мистриссъ Кокбурнь о раннемъ развитіи способностей маленькаго Вальтера.

Меню горамъ той части Шотландіи, которую народъ до-сихъ-поръ называетъ пограничною, отъ ея близости, къ когда-то непріязненнымъ провинціямъ Англіи, недалеко отъ Тивіотской Долины, до-сихъ-поръ возвышаются развалины мрачнаго, массивнаго Замка Гарденскаго (Harden — запово мора), древнѣйшаго мѣстопробыванія древней фамиліи *Скоттовъ*. Передъ главной башней строенія, окрестные холмы раздвигаются въ обѣ стороны, открывая глубокую, темную, узкую долину, по которой изливается горная рѣчка — одинъ изъ притоковъ Боревика. Самый замокъ стоитъ на утесѣ, надъ водою; старыя деревья, кое-гдѣ растущія по берегу, изда-изда достигаютъ своими верхушками до подножія его стѣнъ, а изъ оконъ и бойницъ первой стѣны легко можно разглядѣть каждое деревце глѣздо на этихъ деревьяхъ. Одинъ взглядъ на описанное мѣсто можетъ уже дать приблизительное понятіе о томъ, каковы были первыя члены названной нами фамиліи, и какаго рода профессіей занимались они преимущественно. Войны, постоянныя набѣги, защита своего замка отъ своихъ и чужихъ постоянно занимали собой старыхъ бароновъ, связанныхъ узамъ родства съ самыми безпокойными фамиліями Шотландіи. Имя перваго гарденскаго владѣтеля, который считался ученымъ человекомъ и зналъ столько буквъ, сколько нужно для подписанія своего имени, было —

Вальтеръ; въ народѣ же прозывался онъ старикомъ Ватомъ. Запимался старикъ Ватъ отбиваніемъ скота у своихъ сосѣдей; онъ былъ женатъ на великой красавицѣ, прославленной современными министрелами, подъ именемъ «арроутскаго цвѣтка», особѣ, повидимому довольно-энергической и несколько несмущавшейся сомнительными занятіями своего супруга. Мало того, супруга старого Вата часто сама посылала его въ опасныя экспедиціи, изъ хозяйственныхъ цѣлей. Всякій разъ (гласить преданіе), когда запасъ говядины въ замкѣ истощался, молодая красавица приказывала подносить мужу за обѣдомъ пару шпоръ на пустомъ блюдѣ. Увидавъ шпоры, лордъ приказывалъ сдѣлать лошадей, пристегивалъ клейморъ и отправлялся на добычу, къ ужасу окрестныхъ поселянъ и владѣтелей. Въ шотландскомъ народѣ до-сихъ-поръ сохраняется острое слово воинственнаго старика, послѣ одного изъ такихъ набѣговъ. Прогоняя по дорогѣ къ замку чье-то отбитое стадо, старый Ватъ прихвѣтилъ подъ горой огромный стогъ сѣна, можетъ-быть, припасенный для быковъ, поступившихъ въ его владѣніе; въ сопровожденіи своихъ вонювъ, онъ подекакалъ къ стогу и вскричалъ, грозя ему кулакомъ: «Хорошо, что у тебя нѣтъ четырехъ ногъ, быть бы тебѣ сегодня въ нашъ замкъ!»

Молодой сынъ Вата гарденскаго, Вильямъ Скоттъ, съ дѣтскихъ лѣтъ раздѣлялъ труды и похождения своего родителя, на радость своей родительницы, «цвѣтку арроутскому». Вильямъ былъ строень, ловокъ и красивъ лицомъ, какъ дѣвушка; эти три достоинства въ черный дѣнь спасли и его и, можетъ-быть, весь домъ Скоттовъ отъ окончательной гибели. Одинъ разъ, тѣшась набѣгомъ на земляхъ казначея-депутата Шотландіи, сэра Гедеопа Муррая Элибанкскаго, юноша и его оруженосцы были окружены мурраевыми воинами и разбиты на-голову, послѣ кровопролитной схватки; самого Вильяма Скотта, схваченнаго въ плѣнъ, привели на судъ къ озлобленному владѣтелю, передъ ворота его замка, на берегу Твидя. У воротъ же находилось старое дерево, въ подобныхъ случаяхъ служившее висѣлицей; на одномъ изъ суковъ болталась петля, а на крѣпостной стѣнѣ уже сидѣли и ждали любопытнаго зрѣлища многочисленные вассалы и домочадцы сэра Гедеопа. Въ ту минуту, когда молодой плѣнникъ готовился помолиться Богу и взглянуть въ послѣдній разъ на прозрачно-бѣгущую Твидъ, хозяйка замка, тоже стоявшая на валу, поспѣшно подозвала къ себѣ грознаго супруга и сказала ему, указывая на осужденнаго: «Что ты хочешь дѣлать, сумасшедшая голова? Ты забылъ, что у тебя три дочери въ дѣвцахъ, и собираешься повѣсить молодого дворянина, словно какого-нибудь конюха? Гдѣ ты найдешь такого красавца и молодца-зятя? Ступай, предложи

ему жениться на той изъ дочерей, которая похуже; остальныхъ звать тоже удастся пристроить.»

Сэръ Гедеонъ, совершенно-довольный такимъ предложеніемъ, тутъ же, не снимая петли съ дерева, велѣлъ подвести къ себѣ юному ѿбъяснилъ ему свое желаніе. Вильямъ очень-хорошо зналъ, что ему достанется самая безобразная изъ старухъ, некрасивыхъ дочерей своего побѣдителя, но размышлять было некогда; онъ изъявилъ свое согласіе такъ быстро и съ такимъ радостнымъ видомъ, что дамы полюбили его еще болѣе. Чтобы не произошло обмана, или проволочки, бракъ былъ заключенъ тотчасъ же; а такъ-какъ для написанія контракта не доставало въ замкѣ пергамента, то сэръ Гедеонъ тотчасъ велѣлъ вырѣзать на этотъ конецъ квадратикъ изъ кожи барабана, находившагося въ его арсеналѣ. Этотъ оригинальный лоскутъ до-сихъ-поръ хранится въ бумагахъ дома Скоттовъ. Нелишнимъ считаемъ прибавить къ разсказанной исторіи, что бракъ молодого Вильяма оказался самымъ счастливымъ, что изъ некрасивой пѣвсты, вышла преданная, умная жена и что самъ молодой человекъ, достигнувъ славы и почестей при дворѣ Іакова VI, былъ любимцемъ и почти другомъ этого государя. Вообще, какъ читатель, безъ-сомнѣнія, догадывается, подобная жизнь и набѣги Скоттовъ нисколько не мѣшали этой фамиліи дѣлать свое дѣло на полѣ ратномъ, являться ко двору государей и наконецъ пользоваться уваженіемъ своихъ современниковъ (1).

(1) Вотъ еще поэтическая легенда, героемъ которой является опять одинъ изъ предковъ Вальтера Скотта (съ материнской стороны), рыцарь, по имени Свинтонъ Свинтонскій, весьма-любимый мнестрелями и составителями хроникъ за свою богатырскую силу, гигантскій ростъ и жизнь, исполненную подвиговъ всякаго рода. Воинъ этотъ, за что-то неполадившій съ фамиліей Гордоновъ, убилъ наповаль, въ честномъ бою, главу этого семейства. Сынъ убитаго владѣтеля, подобно Эдгарду Равенсвуду, поклялся на могилѣ своего родителя, пролить кровь своего врага и продолжать междосемейную войну до послѣдней возможности. Планамъ его помѣшала война, возгорѣвшаяся между Шотландією и Англією, вследствие которой оба врага должны были, каждый со своими воинами, стать подъ родныя знамена и по-крайней-мѣрѣ, на время, не предпринимать непріятельскихъ дѣйствій одинъ противъ другаго.

Въ сраженіи при Галидон-Гиллѣ шотландцами командовалъ генералъ робкій и неуклюжій: по его распоряженію, вся армія раскинута была на склоне безлѣснаго холма, представляя вѣрную цѣль стрѣлкамъ великобританскимъ. Долго смотря на бесплодное истребленіе своихъ товарищей, рыцарь Свинтонъ Свинтонскій не выдержалъ и вызвался ударить на непріятельскихъ стрѣлковъ и отбросить ихъ далеко. Въ это время къ Свинтону подъѣхалъ такъ оскорбленный имъ молодой Гордонъ со всеми

Изъ ближайшихъ предковъ автора Ваверлея, особенно-замѣчательнъ Вальтеръ Скоттъ Бородатый (Beardie), едва-было непогибшій за свою преданность вторично-изгнанному изъ Англіи дому Стюартовъ. «Бородатымъ» прозвали его за то, что онъ, со дня изгнанія Іакова II-го, дажь обътъ не брить подбородка до возвращенія на родину любимой имъ династіи; а такъ-какъ сказаннаго возврата не воспослѣдовало, жилъ же Вальтеръ Скоттъ весьма долго, то и огромная борода его оставалась небритою до конца дней. Не довольствуясь отпущеніемъ бороды и смѣлыми рѣчами, Вальтеръ не разъ присоединялся къ кланамъ, поднимавшимъ оружіе за Стюартовъ, интриговалъ, составлялъ разныя общества и наконецъ попалъ въ бѣду, изъ которой едва-едва спасло его заступничество Анны, герцогини монмутской и буклейгской. Съ этой поры знаменитый домъ герцоговъ буклейгскихъ, постоянно-связанный съ Скоттами узамъ отдаленнаго родства и феодальнаго покровительства, сблизился съ этой фамиліей еще болѣе. Неукротимость бородатаго Вальтера имѣла результатомъ конфискованіе всѣхъ его владѣній — и вотъ одна изъ причинъ, по которой ближайшіе родственники романиста Вальтера Скотта обладали достаткомъ едва-едва только предохранявшимъ ихъ отъ бѣдности.

Другая причина, по которой фамилія Скоттовъ лишилась своего прежняго значенія и достатка (не лишаясь, впрочемъ, общаго къ себѣ уваженія) заключается въ размноженіи самого семейства, размноженіи, заставившемъ многихъ его членовъ покинуть свои родныя земли и искать средствъ къ существованію иногда въ городахъ, иногда даже на чужбинѣ. Недлинные считаемъ разсказать по этому случаю нѣсколько словъ о положеніи шотландскаго дворянства во второй половинѣ прошлаго сто-

всадниками, бывшими въ его распоряженіи. Въ присутствіи всей арміи, ювша присоединился къ отряду своего заклятаго недруга и, слезши съ коня, сталъ на колѣни передъ соперникомъ своего родителя. «Я знаю (сказалъ онъ ему), что лучшаго воина нѣтъ во всей Шотландіи; только отъ твоей руки могъ пасть мой великій отецъ. Я еще не имѣю рыцарскаго званія: посвяти меня въ рыцари и поѣдемъ вмѣстѣ на мой первый подвигъ». Обрядъ былъ совершенъ тутъ же, рыцари обнялись, ударили на англичанъ, прогнали стрѣлковъ и далеко врѣзались въ толпу непріятеля. Но подкрѣпленія имъ дано не было. Совершивъ чудеса храбрости, и старый рыцарь, и крестникъ⁽²⁾, и вассалы ихъ были изрублены англичанами. Когда сраженіе кончилось, трупъ Свинтона былъ найденъ лежащимъ на тѣлѣ молодаго рыцаря — гигантъ искунилъ убійство отца, защищая сына, пока только защита оказывалась возможною.

(2) Godson — такъ называли молодыхъ рыцарей старики, посвятившіе ихъ въ это званіе, то-есть совершившіе надъ ними ту церемонію, которую знаетъ всякій читатель рыцарскихъ романовъ.

дѣли. Въ каждомъ графствѣ Нижней Шотландіи, а иногда и въ нѣсколькихъ графствахъ сряду, всѣ почти дворянскія фамиліи приходились одна другой родными и, кромѣ того, въ видѣ остатковъ феодальнаго времени, нѣсли надъ собой какое-нибудь одно аристократическое семейство, къ которому питали чувство отчасти родственное, отчасти патриархально-подчиненныхъ. Семейство герцоговъ бокклейгскихъ (Бокли), къ которому принадлежала только-что упомянутая нами герцогиня Анна, находилось къ Скоттамъ и множеству другихъ фамилій въ отношеніи весьма-оригинальных и трогательныхъ. Герцоги бокклейгскіе въ старое время могли призвать подъ свои знамена, въ случаѣ войны, до ста лордовъ-владѣтелей, связанныхъ съ ними узами крови и до десяти тысячъ дворянъ безземельныхъ, но тоже приходившихся имъ роднею. Эти безземельные воины въ мирное время жили на земляхъ герцоговъ и подчиненныхъ имъ лордовъ-владѣтелей; если же кому изъ нихъ земли не доставало, кредитъ главнаго патрона былъ къ услугамъ бѣднаго родственника для прислужанія ему должности въ Эдинбургѣ, Лондонѣ, Индіи, въ сухопутныхъ войскахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ и во флотѣ. Лорды-владѣтели, не желая дробить своихъ имѣній, тоже старались пристроить своихъ меньшихъ сыновей въ разныя должности, не изъ сирочинства, и въ этомъ дѣлѣ опять имъ пособляли герцоги бокклейгскіе. То же дѣлалось и въ другихъ графствахъ, гдѣ каждый аристократъ старался прославить свой кредитъ, иногда достигавшій до-того, что нѣкоторыя знатныя фамиліи (какъ, напримѣръ, герцоги аргайльскіе, Аргю) держали себя совершенно на королевскій ногѣ, творя въ окрестныхъ провинціяхъ судъ и расправу, управляя выборами, заботясь своими клиентами сотни должностей въ Англіи и Шотландіи, а сверхъ того ежедневно держа обѣденные столы на триста, четыреста и пятьсотъ человекъ. Эти-то отношенія лордовъ титулованныхъ, простыхъ лордовъ, лордовъ-владѣтелей, дворянъ-арендаторовъ и дворянъ безземельныхъ, отношенія, и понынѣ весьма-замѣтныя въ Шотландіи, связывали все населеніе страны и приносили дворянству неисчислимыя выгоды. Мы еще не разъ будемъ имѣть случай говорить объ этомъ предметѣ; а теперь, окончивши съ самой скучной частью нашей біографіи, то-есть, род-словною героя, поспѣшимъ перейти къ самому разсказу.

Вальтеръ Скоттъ, впоследствии сэръ Вальтеръ, поэтъ, романистъ и историкъ, авторъ «Пѣсни послѣдняго менестреля», «Ивангое» и «Жизни Наполеона Бонапарте», праправнукъ Бородатаго Вальтера, родился въ Эдинбургѣ, 15 августа 1777 года отъ Вальтера Скотта, чиновника одного изъ городскихъ присутственныхъ мѣстъ и мистриссъ Анны Скоттъ, дочери доктора Ротсефорда, профессора медицины въ Эдинбургскомъ Уни-

зерситетѣ. «Я былъ необыкновенно-здоровымъ ребенкомъ (имѣеть нашу романснсть въ своихъ занискахъ ⁽³⁾, составленныхъ имъ вскорѣ послѣ брака и брошенныхъ безъ окончанія), но едва не умеръ оттого, что моя кормилица имѣла чахотку и скрывала свою болѣзнь, чтобъ не лишиться мѣста. Но когда ее отставили и отдали меня доброй, здоровой крестьянкѣ (которая и теперь любитъ разсказывать, какъ изъ ей мальчугана (laddie) вывелъ великій джентльментъ), я снова оправился и силу свою сохранилъ до воинадцатилѣтняго возраста. Въ это время одинъ разъ, съ наступленіемъ ночи, я совершенно-неожиданно выразилъ свое нежеланіе идти ко сну тѣмъ, что выпрыгнулъ изъ постели и сталъ бѣгать по комнатамъ, что было во мнѣ силы. Съ трудомъ и былъ пойманъ и уложенъ въ постель послѣ этихъ, къ-сожалѣнію, послѣднихъ доказательствъ моего проворства. На утро у меня явилась лихорадка, которая обыкновенно бываетъ у дѣтей при прорѣзываніи зубовъ; она длилась три дня, а на четвертой правая нога моя потеряла силу двигаться. Ни вывиха, ни опухоли, ни боли нигдѣ не оказывалось; призванные доктори и дѣдушка мой, профессоръ Ротсеордъ, знаменитый своими анатомическими познаніями, не знали что и подумать; всѣ средства, ими присоветованные, не оказывали ни малѣйшаго дѣйствія. Послѣ долгаго леченія, меня отправили, по совѣту дѣдушки, на Сенди-Нодесскую Ферму, гдѣ проживалъ мой другой дѣдъ; тамъ долженъ былъ я на чистомъ воздухѣ ожидать себѣ пособія отъ природы и нѣсколькихъ легкихъ лекарствъ. Тамъ-то получилъ я первое сознаніе о своемъ существованіи, и очень-хорошо помню, что тогдашній мой видъ и положеніе были достаточно-забавны. Между разными страшными леченіями для моей ноги, одно заключалось въ томъ, что меня завязывали съ руками и ногами въ кожу только-что убитаго барана. Я хорошо помню себя въ этомъ мехнатомъ татарскомъ одѣяніи, лежащимъ на полу маленькой лавчаты, между-тѣмъ, какъ мой дѣдушка, потрескавшаго вида старикъ, съ бѣлыми, какъ серебро, волосами ⁽⁴⁾, дѣлалъ все возможное, чтобъ заставить

⁽³⁾ Записки эти извѣстны подъ именемъ эшестальской рукописи, отъ фермы Эшесталь, гдѣ въ то время жилъ Скоттъ. Рукопись эту, весьма-любопытную и мило написанную, издалъ Джонъ Гибсонъ Локкартъ въ 1836 году.

⁽⁴⁾ Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ произведеній поэтъ почтилъ память дѣда слѣдующими поэтическими строками :

Владѣтель дома, крытаго соломою,
Сѣдой старикъ шотландской чистой крові,
Добрый-мудрецъ безъ великихъ школьныхъ званій,
Судья всегдашній опорышкѣ сосѣдей,
Судья правдивый, строгій, даровой!
(Введеніе къ 3-й пѣснѣ Marjona.)

меня подзвать. Хлопоты по этому случаю съ нимъ дѣлать намъ дальшій родственникъ, сэръ Джорджъ Макъ Дугалль Макерстонскій, старичокъ, въ мундирѣ старыхъ временъ, изъ свѣтлаго сукна (онъ служилъ когда-то въ Сѣромъ шотландскомъ полку), красномъ камзолѣ, шитомъ золотомъ, и шляпѣ, почти занитой позументами. Помню я его съдыя кудри, бѣлы какъ молоко, и зачесанныя по-военному; помню, какъ онъ ставилъ передо мной на кофѣи и, держа свои часы за цѣпочку, волочилъ ихъ передо мной по ковру. Оба старца и дитя, завернутое въ баранью шкуру, могли бы послужить сюжетомъ довольно-оригинальной картины. Немного дѣдъ и сэръ Джорджъ Макдугалль играли со мной: оба старика умерли, когда мнѣ не было еще трехъ лѣтъ отъ-роду (5).

Въ томъ, что окрестности Седди-Ноусской Фермы дали душѣ будущаго барда первое поэтическое настроеніе, не можетъ быть никакимъ сомнѣній: одно наименованіе мѣсть, обрुжавшихъ владѣніе дѣдушки, приведетъ на память читателю скоттова гешія десятки вѣчно-юныхъ, вѣчно-прекрасныхъ страницъ и пѣсень. Надъ самымъ домикомъ фермы выстается каменный утесъ, увѣнчанный полуразрушенными стѣнами и башнями, изъ которыхъ одна, самая большая, отчасти сохранилась, или, по крайней-мѣрѣ, не утратила своего величественнаго очертанія. Это остатки Замка Смальгольмскаго, сцена той безсмертной баллады, которую такъ живо передавалъ намъ Жуковский. Въ этотъ самый замокъ приходила преступная тѣнь рыцаря Кольдингема, въ плащѣ съ соколинымъ перомъ, съ тремя звѣздами на голубомъ щитѣ и палашиомъ на золотой цѣпи; на площадку этого замка взомель, послѣ убійства, суровый баронъ Смальгольма, на этой же площадкѣ сидѣла

(5) До-сихъ-поръ (1836 г.) въ окрестностяхъ Седди Ноу (рассказываетъ зять Вальтера Скотта), живы двѣ старухи, находившіяся въ услуженіи на фермѣ въ тотъ годъ, когда туда привезли маленькаго Вальтера. Одна изъ нихъ, Тибби Гонтеръ, очень-хорошо его помнитъ и говоритъ, что то былъ тихонькій крошка, любимецъ всего дома. Молодые молочницы, отправляясь донѣ овецъ на пастбище, сажали дитя себѣ на плечи и носки его по холмамъ и по долинамъ. Маленькій Скоттъ весьма-часто проводитъ цѣлыя утра въ сообществѣ главнаго пастуха, въ шутку названнаго коровьимъ судьей, лежа на травѣ и играя съ маленькими ягнатами, къ которымъ всю свою жизнь чувствовалъ особенную привязанность. Одинъ разъ его совершенно забыли въ полѣ и хватились только тогда, какъ потускнѣвшее небо и отдаленные раскаты грома показали скорое приближеніе бури. Старая бабушка, супруга владѣтеля соломою крытаго дома, сама бросилась въ долину, откуда пришло стадо; но не успѣла добраться до своего питомца ранѣе начала грозы. Ребенокъ лежалъ на травѣ, нисколько не пугаясь своего одиночества, хлопая ручонками и вскрикивая: ахъ, славно! славно! (bonny! bonny!) всякій разъ, когда на небѣ вспыхивала молнія.

... одиноко унылая тамъ
 Молодая жена, и тиха и блѣдна,
 И въ молчаніи грустно въглядитъ
 На поля, небеса, на мертвунски лѣса,
 На пространно-бѣгущую Твидь ⁽⁶⁾...

Само-собою разувѣется, что съ знаменитой площадки видно все это еще многое. Почти подъ ногами зрителя лежитъ древнее *Драйбургское* Аббатство, окруженное ивами, считающими уже нѣсколько столѣтій. Далѣе подымается мрачный *Эльдонъ* — коническая гора, кажущаяся розовой отъ покрывающаго ее вереска, Эльдонъ, на которомъ Томасъ Реймеръ, поэтъ эрельдоунскій, имѣлъ свиданіе съ царицей волшебницъ, а позади еще нѣсколькихъ древнихъ замковъ тянутся холодные пустыри *ламмермурскіе*. Нѣсколько въ сторону, къ западу, открывается монастырь *Мельрозскій* ⁽⁷⁾, подобно сѣдому утесу, обвитому полчищами растеніями; положеніе этой обители, хорошо-сохранившейся и во всѣхъ сторонахъ окаймленной голубыми изгибами Твида, знаменито во всей Европѣ. Наконецъ вся картина замыкается горами Галаскини, Этнскени и Ярроускини, горами, сто разъ воспѣтыми въ древнѣйшихъ казкахъ и балладахъ Шотландіи... Таковы были (говорить одинъ изъ пографовъ Скотта) первые предметы, представлявшіеся дѣтскимъ взорамъ послѣдняго и величайшаго изъ нашихъ пограничныхъ министрелей.

Самъ поэтъ, въ посланіи своемъ къ другу своей молодости, Вилляму Эркину, подробно обрисовываетъ сцены, приковывавшія къ себѣ его вниманіе въ самые нѣжные годы дѣтства. Не имѣя ни возможности, ни надобности дѣлать изъ сказаннаго посланія обширныхъ выписокъ, мы ограничимся только немногими строками, дающими весьма-ясное понятіе о фюзіоніи края:

«То была дикая и суровая картина: повсюду высіялись нагія скалы, «взгроможденныя одна на другую; но между ними часто пробѣгали про- «странства, украшенныя свѣжей, бархатной зеленью, и во многихъ мѣ- «стахъ одинокій ребенокъ могъ примѣтить милые ему цвѣты и на кам-

(6) Жуковскій былъ несовсѣмъ-вѣренъ оригиналу въ этомъ отношеніи: онъ пропустилъ одну строку въ концѣ: «а вдоль всей Тевіотской Долины». Скоттъ копировалъ пейзажи съ вѣрностью дагерротипа: этимъ объясняется безпримѣрная популярность его стиховъ въ Шотландіи и нѣкоторая къ нимъ холодность со стороны континентальныхъ читателей.

(7) Есть моахиня въ древнихъ драйбургскихъ стѣнахъ:

И грустна и на свѣтъ не глядитъ;
 Есть въ мельрозской обители мрачный монахъ, и проч.
 (*Замокъ Смальгольмъ.*)

меня позвать. хлопоты по этому случаю съ нимъ дѣлалъ намъ дальнѣй родственникъ, сэръ Джорджъ Макъ Дугалль Макерстонскій, старичокъ, въ мундирѣ старыхъ временъ, изъ свѣтлаго сукна (онъ служилъ когда-то въ Стромъ шотландскомъ полку), красномъ камзолѣ, шитомъ золотомъ, и шляпѣ, почти зашитой позументами. Помню я его сѣдыя кудри, бѣлыя какъ молоко, и зачесанныя по-военному; помню, какъ онъ становился передо мной на колѣни и, держа свои часы за дѣлочку, велочлалъ ихъ передо мной по ковру. Оба старца и дитя, завернутое въ баранью шкуру, могли бы послужить сюжетомъ довольно-оригинальной картины. Недолго дѣдъ и сэръ Джорджъ Макдугалль играли со мной: оба старика умерли, когда мнѣ не было еще трехъ лѣтъ отъ-роду (5).

Въ томъ, что окрестности Сенди-Ноусской Фермы дали душѣ будущаго барда первое поэтическое настроеніе, не можетъ быть никакихъ сомнѣній: одно наименованіе мѣстъ, окружавшихъ владѣніе дѣдушки, приведетъ на память читателю скоттова гения десятки вѣчно-юныхъ, вѣчно-прекрасныхъ страницъ и пѣсней. Надъ самымъ домикомъ фермы высится каменный утесъ, увѣнчанный полуразрушенными стѣнами и башнями, изъ которыхъ одна, самая большая, отчасти сохранилась, или, по-крайней-мѣрѣ, не утратила своего величественнаго очертанія. Это остатки Замка Смаьгольмскаго, сцена той безсмертной баллады, которую такъ удачно передалъ намъ Жуковский. Въ этотъ самый замокъ приходила преступная тѣнь рыцаря Кольдингема, въ шинакѣ съ соколинымъ перомъ, съ тремя звѣздами на голубомъ щитѣ и палашию на золотой цѣпи; на площадку этого замка взомелъ, послѣ убійства, суровый баронъ Смаьгольма, на этой же площадкѣ сидѣла

(5) До-сихъ-поръ (1836 г.) въ окрестностяхъ Сенди Ноу (разсказываетъ зять Вальтера Скотта), живы двѣ старухи, находившіяся въ услуженіи на фермѣ въ тотъ годъ, когда туда привезли маленькаго Вальтера. Одна изъ нихъ, Тибби Гонтеръ, очень-хорошо его помнитъ и говоритъ, что то была тихенькій крошка, любимецъ всего дома. Молодые молочницы, отправляясь доить овецъ на пастбище, сажали дитя себѣ на плечи и носили его по холмамъ и по долинамъ. Маленькій Скоттъ весьма-часто проводить нѣмныя утра въ сообществѣ главнаго пастуха, въ шутку названнаго коровникъ судьей, лежа на травѣ и играя съ маленькими ягнтатами, къ которымъ всю свою жизнь чувствовалъ особенную привязанность. Одинъ разъ его совершенно забыли въ долѣ и хватились только тогда, какъ потускнѣвшее небо и отдаленные раскаты грома показали скорое приближеніе бури. Старая бабушка, супруга владѣтеля соломою крытаго дома, сама бросилась въ долину, откуда пришло стадо; но не успѣла добраться до своего питомца ранѣе начала грозы. Ребенокъ лежалъ на травѣ, нисколько не пугаясь своего одиночества, хлопая ручонками и вскрикивая: ахъ, славно! славно! (bonny! bonny!) всякій разъ, когда на небѣ вспыхивала молнія.

. . . одиноко унылая тамъ
 Молодая жена, и тиха и блѣдна,
 И въ молчаніи грустномъ глядитъ
 На поля, небеса, на мертвунски лѣса,
 На пространно-бѣгущую Твидь (6)...

Само-собою разумѣется, что съ знаменитой площадки видно все это еще многое. Почти подъ ногами зрителя лежитъ древнее *Драйбургское* Аббатство, окруженное ивами, считающими уже нѣсколько столѣтій. Далѣе подымается мрачный *Эльдонъ* — коническая гора, кажущаяся розовой отъ покрывающаго ее вереска, *Эльдонъ*, на которомъ *Томасъ Реймеръ*, поэтъ эрслидоунскій, имѣлъ свиданіе съ царицей воллебницъ, а позади еще нѣсколькихъ древнихъ замковъ тянутся холодныя пустыри *ламмермурскіе*. Нѣсколько въ сторону, къ западу, открывается монастырь *Мельрозскій* (7), подобно сѣдому утесу, обвитому ползучими растениями; положеніе этой обители, хорошо-сохранившейся и со всѣхъ сторонъ окаймленной голубыми изгибами Твида, знаменито во всей Европѣ. Наконецъ вся картина замыкается горами *Галаскини*, *Этриксскими* и *Ярроускими*, горами, сто разъ воспѣтыми въ древнѣйшихъ сказкахъ и балладахъ Шотландіи... Таковы были (говоритъ одинъ изъ биографовъ Скотта) первые предметы, представлявшіеся дѣтскимъ взорамъ послѣдняго и величайшаго изъ нашихъ пограничныхъ министредей.

Самъ поэтъ, въ посланіи своемъ къ другу своей молодости, *Вильяму Эркину*, подробно обрисовываетъ сцены, приковывавшія къ себѣ его вниманіе въ самые нѣжные годы дѣтства. Не имѣя ни возможности, ни надобности дѣлать изъ сказаннаго посланія обширныхъ выписокъ, мы ограничимся только немногими строками, дающими весьма-ясное понятіе о физиономіи края:

«То была дикая и суровая картина: повсюду выслались нагія скалы, «взгроможденныя одна на другую; но между ними часто пробѣгали про- «странства, украшенныя свѣжей, бархатной зеленью, и во многихъ мѣ- «стахъ одинокій ребенокъ могъ примѣтить милые ему цвѣты и на кам-

(6) Жуковскій былъ несовсѣмъ-вѣренъ оригиналу въ этомъ отношеніи: онъ пропустилъ одну строку въ концѣ: «а вдоль всей Тевіотской Долины». Скоттъ копировалъ неизяжи съ вѣрностью дагерротина: этимъ объясняется безпримѣрная популярность его стиховъ въ Шотландіи и нѣкоторая къ нимъ холодность со стороны континентальныхъ читателей.

(7) Есть монахія въ древнихъ драйбургскихъ стѣнахъ:

И грустна и на свѣтъ не глядитъ;
 Есть въ мельрозской обители мрачный монахъ, и проч.

(*Замокъ Смальгольмъ.*)

мою подзвать. Хлопоты по этому случаю съ нимъ дѣлалъ нѣтъ дальнѣй родственникъ, сэръ Джорджъ Макъ Дугалль Макерстонскій, старичокъ, въ мундирѣ старыхъ временъ, изъ свѣтлаго сукна (онъ служилъ когда-то въ Стромъ шотландскомъ полку), красномъ камзолѣ, шитомъ золотомъ, и шляпѣ, почти зашитою позументами. Помню я его сѣдыя кудри, бѣлыя какъ молоко, и зачесанныя по-военному; помню, какъ онъ становился передо мной на коѣнни и, держа свои часы за цепочку, велочилъ ихъ передо мной по коври. Оба старца и дитя, завернутое въ баранью шкуру, могли бы послужить сюжетомъ довольно-оригинальной картины. Недолго дѣдъ и сэръ Джорджъ Макдугалль играли со мной: оба старика умерли, когда мнѣ не было еще трехъ лѣтъ отъ-роду⁽⁵⁾.

Въ томъ, что окрестности Сенди-Ноусской Фермы дали душѣ будущаго барда первое поэтическое настроеніе, не можетъ быть никакикъ сомнѣній: одно наименованіе мѣстъ, окружавшихъ владѣніе дѣдушки, приведетъ на память читателю скоттова гения десятки вѣчно-юныхъ, кѣше-прекрасныхъ страницъ и пѣсень. Надъ самымъ домикомъ фермы высится каменный утесъ, увѣнчанный полуразрушенными стѣнами и башнями, изъ которыхъ одна, самая большая, отчасти сохранилась, или, по-крайней-мѣрѣ, не утратила своего величественнаго очертанія. Это остатки Замка Смалъгольмскаго, сцена той безсмертной баллады, которую такъ изящно передалъ намъ Жуковский. Въ этотъ самый замокъ приходила преступная тѣнь рыцаря Кольдингема, въ шпакѣ съ соколинымъ перомъ, съ тремя звѣздами на голубомъ щитѣ и палашомъ на золотой цѣпи; на площадку этого замка взомель, послѣ убійства, суровый баронъ Смалъгольма, на этой же площадкѣ сидѣла

(5) До-сихъ-поръ (1836 г.) въ окрестностяхъ Сенди Ноу (разсказываетъ зять Вальтера Скотта), живы двѣ старухи, находившіяся въ услуженіи на фермѣ въ тотъ годъ, когда туда привезли маленькаго Вальтера. Одна изъ нихъ, Тибби Гонтерь, очень-хорошо его помнитъ и говорить, что то былъ тихенькій крошкя, любимецъ всего дома. Молодыя молочницы, отправляясь донъ овецъ на пастбище, сажали дитя себѣ на плечи и носили его по холмамъ и по долинамъ. Маленькій Скоттъ весьма-часто проводитъ цѣлыя утра въ сообществѣ главнаго пастуха, въ шутку названнаго коровьимъ судьей, лежа на травѣ и играя съ маленькими ягнатами, къ которымъ всю свою жизнь чувствовалъ особенную привязанность. Одинъ разъ его совершенно забыли въ полѣ и хватились только тогда, какъ потускнѣвшее небо и отдаленныя раскаты грома показали скорое приближеніе бури. Старая бабушка, супруга владѣтеля соломой крытаго дома, сама бросилась въ долину, откуда пришло стадо; но не успѣла добраться до своего питомца ранѣе начала грозы. Ребенокъ лежалъ на травѣ, нисколько не пугаясь своего одиночества, хлопая ручонками и вскрикивая: ахъ, славно! славно! (bonny! bonny!) всякій разъ, когда на небѣ вспыхивала молнія.

... одиноко унылая тамъ
 Молодая жена, и тиха и блѣдна,
 И въ молчаніи грустномъ глядитъ
 На поля, небеса, на мертвунски лѣса,
 На пространно-бѣгущую Твидь ⁽⁶⁾...

Само-собой разумеется, что съ знаменитой площадки видно все это еще многое. Почти подъ ногами зрителя лежитъ древнее *Драйбургское* Аббатство, окруженное ивами, считающими уже нѣсколько столѣтій. Далѣе подымается мрачный *Эльдонъ* — коническая гора, кажущаяся розовой отъ покрывающаго ее вереска, Эльдонъ, на которомъ Томсъ Реймеръ, поэтъ эрсиядоунскій, имѣлъ свиданіе съ царицей волшебницъ, а позади еще нѣсколькихъ древнихъ замковъ тянутся холодные пустыри *ламмермурскіе*. Нѣсколько въ сторону, къ западу, открывается монастырь *Мельрозскій* ⁽⁷⁾, подобно сѣдому утесу, обвитому ползучими растеніями; положеніе этой обители, хорошо-сохранившейся и со всѣхъ сторонъ окаймленной голубыми изгибами Твида, знаменито во всей Европѣ. Наконецъ вся картина замыкается горами Галаскини, Этнискими и Ярроускими, горами, сто разъ воспѣтыми въ древнѣйшихъ сказкахъ и балладахъ Шотландіи... Таковы были (говоритъ одинъ изъ биографовъ Скотта) первые предметы, представлявшіеся дѣтскимъ взорамъ послѣдняго и величайшаго изъ нашихъ пограничныхъ министрелей.

Самъ поэтъ, въ посланіи своемъ къ другу своей молодости, Вильяму Эркину, подробно описываетъ сцены, приковывавшія къ себѣ его вниманіе въ самые нѣжные годы дѣтства. Не имѣя ни возможности, ни надобности дѣлать изъ сказаннаго посланія обширныхъ выписокъ, мы ограничимся только немногими строками, дающими весьма-ясное понятіе о фязіономіи края:

«То была дикая и суровая картина: повсюду высіялись нагія скалы, «взгроможденныя одна на другую; но между ними часто пробѣгали про-
 «странства, украшенныя свѣжей, бархатной зеленью, и во многихъ мѣ-
 «стахъ одинокій ребенокъ могъ примѣтить милые ему цвѣты и на кам-

(6) Жуковскій былъ несовсѣмъ-вѣренъ оригиналу въ этомъ отношеніи: онъ пропустилъ одну строку въ концѣ: «а вдоль всей Тевіотской Долины». Скоттъ копировалъ пейзажи съ вѣрностью дагерротипа: этимъ объясняется безпримѣрная популярность его стиховъ въ Шотландіи и нѣкоторая къ нимъ холодность со стороны континентальныхъ читателей.

(7) Есть монахиня въ древнихъ драйбургскихъ стѣнахъ:

И грустна и на свѣтъ не глядитъ;

Есть въ мельрозской обители мрачный жонахъ, и проч.

(*Замокъ Смальгольмъ.*)

«няхъ и на полуразрушенныхъ стѣнахъ. И многія, временемъ потрясенныя стѣны, казались ему чудомъ человѣческаго искусства, и много «странныхъ разсказовъ выслушивалъ онъ про эти старыя строения, и много разъ самъ, съ помощью своего воображенія, населялъ ихъ живущими витязями, возвратившимися изъ набеда»...

Теперь слѣдуетъ перейти къ предмету еще важнѣйшему и описать людей, окружавшихъ маленькаго Вальтера какъ въ домѣ родителей ея, такъ и на фермѣ, гдѣ протекали первые годы послѣ перенесеннаго пробудившагося въ душѣ поэта, самоознанія.

Отецъ будущаго писателя, Вальтеръ Скоттъ-старшій, былъ добрымъ, чрезвычайно-красивымъ и всѣми уважаемымъ старикомъ; много драгоценныхъ качествъ передалъ онъ въ наследство своему сыну, но замѣчательнѣйшимъ изъ нихъ была мягкость нрава. Не имѣя достаточныхъ свѣдѣній по части запутанно-многосложной шотландской администраціи, мы не можемъ передать съ достовѣрностью, въ чемъ именно состояли служебныя занятія стараго Скотта, да и едва-ли кто изъ читателей способенъ интересоваться такими подробностями. Довольно будетъ сказать, что занятія мистера Скотта были весьма-щекотливы и многосторонни, вмѣщая въ себѣ и судебныя дѣла и адвокатскія обязанности, и хлопоты по опекамъ надъ малолѣтними кліентами. Его честность, соединенная со вседневною готовностью пособлять ближнимъ какъ совѣтомъ, такъ и дѣломъ, доставила ему обширную практику, но мало денежныхъ выгодъ. Онъ былъ сухъ, неласковъ и нѣсколько-перемоненъ въ обращеніи; ѣздилъ въ гости и пилъ вино рѣдко; но въ минуты веселости, особенно обѣдая съ друзьями въ кругу своего семейства, иногда очаровывалъ всѣхъ собесѣдниковъ своей тихой, лукавой, оригинальной веселостью. Подобнаго рода старички довольно-часто встрѣчаются между людьми, безукоризненно-спокойно проводившими свою долгую жизнь и вѣдѣствіе того невидящими никакой причины хмуриться или тяготиться унылыми воспоминаніями. Онъ былъ строгихъ правилъ и часто, отложивъ дѣловыя бумаги въ сторону, проводилъ долгіе часы надъ фоліантами Некса (Клох) и Споттисвуда. «Этотъ человѣкъ (какъ говоритъ про него одинъ изъ пережившихъ его родственниковъ) свершилъ свой жизненный путь, отъ колыбели до гроба, не потерявъ ни одного друга и не добывъ себѣ ни одного недруга».

Мистриссъ Анна Скоттъ, урожденная миссъ Ротсерфордъ, была женщиной весьма-малаго роста и довольно-некрасивой наружности. Какъ дочь извѣстнаго медика и профессора, она получила самое лучшее, по тогдашнему времени, воспитаніе въ институтѣ мистриссъ Евоннѣ Сп-

веръ; для окончательнаго же изученія свѣтскихъ манеръ и высшихъ знаній провела нѣсколько времени подъ надзоромъ нѣкоей мистриссъ Гильви, дамы изъ весьма хорошаго круга, нѣсколько-испорченной едантизмомъ, пуританизмомъ, а оттого незачуръ взыскательной. Вліяніе этой суровой особы на кроткій нравъ мистриссъ Анны отразилось во многихъ невинныхъ странностяхъ, которыя только придаютъ собенную живописность и рельефность всему ея характеру. По словамъ сына, она, будучи уже семьдесятъ лѣтъ, сидѣла на стулѣ такъ прямо и съ такимъ опасеніемъ коснуться его спинки своей спинной, что можно было принять ее за пансіонерку, еще находящуюся подъ надзоромъ мистриссъ Очильви. Вообще же, мать поэта была женщиною разумною, преданною, свѣдущею въ хозяйствѣ и во многихъ отношеніяхъ хорошо-образованною. Она любила читать исторію, стихи и романы, писала безъ ошибокъ и во всеѣ Эдинбургѣ считалась хозяйкою самою благовоспитанною и привѣтливою.

У маленькаго Вальтера было много сестеръ и братьевъ, изъ которыхъ почти всѣ умерли въ младенчествѣ, равнѣ его появленія на свѣтъ. Изъ нихъ уцѣлѣло только двое, да двое другихъ родились послѣ Вальтера. Старшій, Робертъ Скоттъ, служившій въ королевскомъ флотѣ и отъ времени до времени пріѣзжавшій въ домъ своихъ родителей, былъ гинишъ великобританскаго моряка, а потому не могъ не произвести впечатлѣнія на воспримчивое воображеніе своего брата. «Его нравъ былъ гордъ и задоренъ (говорить сэръ Вальтеръ) и въ обращеніи со мною Робертъ былъ порядочнымъ и довольно-капризнымъ деснотомъ; но все-таки я его любилъ очень. Онъ имѣлъ склонность къ литературѣ, читалъ намъ стихи съ чувствомъ, и самъ, между морскими своими товарищами, считался за поэта. Стихи его, писанные наканунѣ знаменитаго сраженія 12 августа 1782 года (*), кажутся мнѣ совершенно-достойными своей извѣстности. Онъ имѣлъ очень-хорошо—талантъ, котораго не было дано на мою долю; былъ весьма-ловокъ на всѣ механическія работы, и угощалъ насъ, если ему случалось быть въ духѣ, чудными разказами о бояхъ и смѣлыхъ экспедиціяхъ. Но за-то, въ дурныя минуты, онъ на практикѣ знакомилъ насъ съ обычаями англійскихъ военныхъ судовъ, въ избыткѣ давая намъ толчки, щелчки и подзатыльники. Парижскій миръ положилъ предѣлъ честолюбивымъ мечтамъ брата; сверхъ-того, благодаря своему высокому духу, онъ успѣлъ повздорить съ кѣмъ-то изъ офицеровъ и получить

(*). Въ этомъ сраженіи французскій флотъ былъ совершенно разбитъ эскадрою адмирала Роднея.

отращеніе отъ службы. Онъ вступилъ въ службу Остиндской Компаніи, сдѣлавъ два большіе рейса и погибъ гдѣ-то жертвою гибельнаго климата».

Странныхъ, разительныхъ и забавныхъ личностей было множество между родственниками и друзьями фамиліи Скоттовъ какъ въ Эдinburghъ, такъ и на Сеиди-Ноуской Фермѣ. Шотландія, только-что ускоившаяся послѣ послѣдней бури, навлеченной на нее несчастной высадкой принца Карла Эдуарда и желѣзной строгости его побѣдителя, герцога Кумберлендскаго, все еще была наполнена приверженцами дома Стюартовъ, лицами, участвовавшими въ куллоденскомъ сраженіи. Всѣ Скотты, за весьма-малыми исключеніями, принадлежали къ Якобитамъ; но такъ-какъ, по ходу вещей, ихъ симпатія къ дому Стюартовъ и въ какомъ случаѣ не могла быть ни для кого опасною, то они и пользовались совершенною свободою мнѣній, вспоминали о претензентѣ сколько имъ было угодно и бесѣдовали о добромъ старомъ времени безъ всякой практической цѣли. Партія, когда-то предприимчивая и опасная, незамѣтно сдѣлалась безвредною, а политическія ея симпатія самою собою перешли въ разрядъ поэтическихъ преданій. Вдова сѣдаго дѣдушки Роберта, продолжавшая управлять фермою при пособіи Томаса Скотта⁽⁹⁾, дяди маленькаго Вальтера, первая рассказала ребенку исторію о принцѣ Карлѣ и куллоденской баталіи — исторію, которымъ судило было, подъ перомъ ея гениальнаго внука, удивить собою весь читавшій свѣтъ. Отъ нея же услышалъ онъ исторію дѣлъ и подвиговъ своихъ предковъ; чрезъ ея бесѣды ознакомился съ старыми Ватонъ Гарди-

(9) Сказанный Томасъ Скоттъ тоже достоинъ занять мѣсто въ фамильной галереѣ, съ которой мы знакомимъ читателя. До девятидесятилѣтняго возраста онъ читалъ безъ очковъ и удивлялъ ближнихъ необыкновеннымъ искусствомъ своей игры на шотландской волынкѣ. Когда, во время послѣдней его болѣзни, ему давали лекарства, онъ ихъ бралъ въ ротъ и потомъ тихонько выплевывалъ въ платокъ, говоря: «всю жизнь я не принималъ докторскихъ снадобьевъ, пусть же безъ нихъ и умру». «Я постигъ старика (рассказываетъ Лонгартонъ) года за два до его смерти; со мною былъ и сэръ Вальтеръ. Болѣе почтенной фигуры не видалъ я въ свою жизнь. Онъ былъ высокъ и прямъ, съ длинными кудрями самой яркой бѣлизны. Чулки его были свернуты около коленъ, какъ носили за три поколѣнія назадъ. Онъ читалъ Библію безъ очковъ и такъ былъ углубленъ въ чтеніе, что насъ сперва не замѣтилъ, но потомъ, увидавъ своего племянника, всталъ, подошелъ къ нему и поцаловалъ его въ обѣ щеки, сказавъ: «Дай Богъ тебѣ здоровья, Вальтеръ, добрый мой дѣтина. Теперь ты великій человекъ, но сердце у тебя всегда было слабое». Въ старикѣ оставалось много веселости, живости и какого-то особеннаго юмора.

лингъ, съ бородатымъ Скоттомъ и съ героями Галидонъ-Гилля, получить восторженное понятіе о герояхъ всей Шотландіи, Черномъ угласъ, Вильямъ Валласъ и Робертъ Брюсъ, король Робертъ, герцогъ Баннокборнскомъ. «Одинъ разъ, подъ соломенной кровлей сендускаго дома, явилась старая женщина огромнаго роста и величайшей наружности, въ длинномъ красномъ платьѣ, на которую я смотрѣлъ вѣроятно съ большимъ страхомъ, нежели маленькій Джонсонъ на королеву Анну. Она начала знакомство тѣмъ, что дала мнѣ яблоко. Величественная особа въ красномъ носила знаменитое имя Гордоновъ, подобно бородатому Вату, оставалась вѣрною памяти Стюартовъ; низше же свою проводила въ уединеніи и знала тысячи романтическихъ исторій. Кто изъ почитателей Вальтера Скотта не отыщетъ въ его романахъ воспоминаній о Меджъ Гордонъ, такъ поразившей своимъ видомъ дѣтскую фантазію будущаго писателя (10)?

(10) Тѣтка ребенка, тоже проживавшая на фермѣ миссъ Дженетъ Скоттъ, добрая старая дѣва, пристрастная къ поэзій, первая познакомила маленькаго Вальтера съ лучшими изъ народныхъ пѣсень, а нѣкоторыя баллады читала при немъ до-тѣхъ-поръ, пока онъ не врѣзывался въ его память. «Особенно скоро (опять говорить сэръ Вальтеръ) далась мнѣ баллада о Гардикануть, къ великой досадѣ и огорченію нашего постоянного гостя, достойнаго приходскаго клерджмена, доктора Дункана, котораго тихія и воздержныя рѣчи поминутно прерывалъ я выкрикиваньемъ своихъ любимыхъ стиховъ. Я будто вижу предъ собой его длинную, худощавую фигуру, съ ногами въ какихъ-то особенныхъ башмакахъ съ застѣжками, его длинное лицо, должно-быть, по своей длинѣ сходное съ доп-кихотовымъ, и, кажется, слышу, какъ онъ восклицаетъ: «Гораздо-покойнѣе говорить въ пушечномъ жерлѣ, чѣмъ при этомъ ребенкѣ». Несмотря на свою природную брюзгливость, то былъ добродушнѣйшій и прекраснѣйшій старикъ, джентльменъ въ полномъ смыслѣ слова, совершенно-несходный со многими изъ своихъ собратій, паразитовъ нашего дворянства. Въ свою молодость онъ былъ капелланомъ лорда Марчмонтскаго, видалъ Поне и умѣлъ рассказывать о многихъ лицахъ, украшавшихъ собой вѣкъ королевы Анны. Не пользуясь крѣпкимъ здоровьемъ, онъ прожилъ, однакожъ, до девяноста лѣтъ, и послѣдніе годы его жизни ознаменовались радостью великою. Изъ Индіи вернулся къ нему въ Шотландію его сынъ, полковникъ Вильямъ Дунканъ, нажившій себѣ большое богатство, вмѣстѣ съ славою прѣвосходнаго воина и умнаго администратора. Въ 1795 году, за нѣсколько дней до его смерти, я заѣхалъ къ старику, чтобъ узнать о его здоровьѣ. Онъ сидѣлъ за работою, исхудалый до послѣдней степени, и, завернувшись въ клѣтчатый тартановый плафрокъ, поправлялъ листы историческаго сочиненія, надъ которымъ много лѣтъ трудился. Сильнымъ голосомъ онъ прочелъ мнѣ нѣсколько отрывковъ изъ рукописи; и когда я попросилъ его перестать, посовѣтовавъ ему избѣгать излишняго утомленія, онъ сказалъ мнѣ такія

Въ обществѣ подобныхъ людей проходило дѣтство даровитаго дитяти съ большою пользою для его сердца и разума, но безъ особеннаго результата для здоровья. Большая нога не поправлялась : перепробовавъ все средства и системы леченія, докторъ наконецъ поволи на благоую мысль о минеральныхъ ваннахъ. На основаніи ихъ предписаній. Вальтеръ отправленъ былъ, подъ надзоромъ тѣтушки Дженетъ, въ Батъ, гдѣ ихъ встрѣтилъ еще дядя Робертъ Скоттъ, капитанъ остиндскихъ войскъ. Ребенка лечили, баловали, учили читать и возили въ театръ: послѣднее ему особенно нравилось, хотя въ первый разъ, при представленіи шекспировой *As you like it*, при ссорѣ двухъ братьевъ, мальчикъ горько заплакалъ, вскричавъ : « развѣ они не братья? » (11). « Какъ

замѣчательныя слова : « Я знаю, что мнѣ остается жить какую-нибудь недѣлю : зачѣмъ избѣгать занятія, которое едва можетъ сократить мою жизнь нѣсколькими днями? » Я вѣхалъ домой, и честный старецъ умеръ раньше чѣмъ чрезъ недѣлю. »

(11) Вотъ какими поэтическими строками поэтъ, въ собраніи своихъ мелкихъ статей въ прозѣ, подарилъ читателей при воспоминаніи объ этомъ представленіи :

« Немногія воспоминанія дѣйствуютъ на воображеніе сколько-нибудь воспримчиваго человѣка живѣе и таинственнѣе воспоминанія о первомъ спектаклѣ, на которомъ ему удалось присутствовать. Странная форма пощенія, наполненная группами столпившихся жителей, сама составляетъ часть зрѣлища; но гораздо-болѣе этой толпы взоръ привлекается необыкновенной величины загадочнымъ занавѣсомъ, который повременамъ тихо волнуется, позволяя различать около своего края какую-нибудь блестяще-костюмированную фигуру, или снизу концы чьихъ-то ногъ, обутыхъ въ сандалии и двигающихся съ осторожностью; а потомъ освѣщеніе, подобно свѣту дня; музыка, которую, по неопытности, принимаешь за самое представленіе, наконецъ тихое поднятіе занавѣса и за нимъ глѣбый магическій міръ съ озерами, лѣсами и горами, міръ, повидимому, освѣщенный новымъ солнцемъ и населенный особаго рода существами, которыхъ языкъ — стихи, которыхъ одежда повергаетъ насъ въ изумленіе, которыхъ дѣла и разговоры такъ отличны отъ нашихъ всѣдневныхъ разговоровъ и дѣлъ : то заставляющіе ихъ плакать, то приводящіе въ ужасъ, то возбуждающіе въ насъ неодолимый хохотъ! Сверхъ всего этого, какъ дѣйствуютъ на насъ взрывы аплодисмента, подобныя отдаленному грому, да позволеніе участвовать въ общемъ восторгѣ, хлопая нашими маленькими руками. Все нами сказанное и еще многое живо намъ помнится, тѣмъ-болѣе, что въ первое наше пощеніе театра мы смотрѣли на сцену, на которой еще красовался Геррикъ. Много лѣтъ прошло съ той поры, но часы безграничнаго наслажденія свѣжи въ нашей памяти. До-сихъ-поръ мы помнимъ, какъ начали гаснуть огни, какъ толпа начала расходиться, какъ въ сердцахъ нашихъ еще оставалось слабое ожиданіе того что музыка снова заиграетъ, занавѣсъ снова поднимется и очарователь-

и вернулся домой (простоуднно прибавляетъ сэръ Вальтеръ), то въ нѣскольکو дней, съ помощью опыта, я постигнулъ всю естественность сеоръ и даже потасовокъ между братьями». Батское леченіе, довершенное сенди-ноускииъ воздухомъ и вѣдомъ на маленькой лошаdkѣ, подаренной ему дядей Томасомъ въ слѣдующее лѣто, поправило Вальтера, хотъ хромать онъ не переставалъ во всю свою жизнь.

Каждому челоуѣку на свѣтѣ стоитъ только хорошенько прославиться ддятого, чтобъ почетные и изустные анекдоты о необыкновенномъ его дѣтствѣ и о неслышанно-раннемъ развитіи его способностей могли ходить по свѣту. Въ этомъ гѣтъ ничего невозможительнаго и подобныя анекдоты иногда съ успѣхомъ влетаютъ въ биографическія статейки; но мы все-таки попросимъ позволенія не останавливаться на безчисленныхъ разсказахъ о дѣлахъ мальчика-Скотта, имѣя впереди много замѣчательныхъ дѣланій, совершенныхъ Скоттомъ въ его зрѣломъ возрастѣ. Ограничимся только приведеніемъ здѣсь одного документа, составленнаго безъ всякой задней мысли и лести, въ то время, когда ребенку-Вальтеру было только шесть лѣтъ отъ-роду. Вотъ письмо, писанное въ 1777 году, родеветнищею его матери, мистриссъ Кокбурнь (12) къ своему другу, пастору доктору Дугласу.

«Прошлую ночь я ужинала у Вальтеръ Скотта. У него есть геній — слышишь, мальчикъ, которому ничего подобнаго я до-сихъ-поръ нигдѣ не видала. Ему не двѣнадцать и не четырнадцать, а шесть лѣтъ отъ-роду. Когда я вышла, онъ читалъ своей матери какую-то поэму; послѣ того самъ прочелъ мнѣ описаніе какого-то кораблекрушенія. Во время чтенія онъ приходилъ въ восторгъ, поднимая ручонки и прерывая стихи криками: «мачта упала!... мачта сломана... они погибнуть, всѣ погибнуть!» Потомъ онъ сказалъ мнѣ, улыбаясь: «это очень-печально; дай-те я прочту вамъ что-нибудь веселенькое». Потомъ мы говорили о Мильтонѣ и другія читанныхъ имъ книгахъ; отвѣты его приводили меня въ изумленіе. Ложась послѣ того спать, онъ сказалъ тѣтъкѣ:

ный сонъ приснится намъ съизнова. Какъ непонятна казалась намъ апатія старшихъ членовъ нашего общества, которые, имѣя всѣ къ тому средства, не проводили въ театрѣ каждаго вечера!»

(12) Мистриссъ Кокбурнь занималась поэзіею и издала въ свѣтъ томикъ своихъ пѣснопѣній, подъ названіемъ: «Лѣсовыя Цвѣтки». Сэръ Вальтеръ увѣряетъ, что въ этой книжечкѣ, ужъ при немъ несуществовавшей въ продажѣ, есть много милыхъ стиховъ и возвышенныхъ мыслей. Имя Кокбурновъ извѣстно въ британской словесности и въ исторіи шотландскаго судопроизводства. Одинъ изъ Кокбурновъ былъ лордомъ-деканомъ шотландскихъ адвокатовъ.

«мнѣ нравится эта леди!»—«Какая леди?» спросила та.—«Мистрисъ Кокбуртъ: она такая жъ виртуозка, какъ и я». — «Милый Вальтеръ», опять спросила тетушка Джени : «что такое виртуозъ или виртуозка?» — «Не-уже-ли ты не знаешь, тетушка? Виртуозъ ⁽¹³⁾ тотъ, что хочетъ знать все на свѣтѣ!» — «Сознайтесь, сэръ, что все это необыкновенно, изумительно!»

По девятому году, Вальтера отдали въ школу и, за исключеніемъ весьма-рѣдкихъ отлучекъ изъ столицы Шотландіи, постояннымъ мѣсто-пробываніемъ его сталъ городъ Эдинбургъ, съ фizioноміей котораго намъ предстоитъ въ слѣдующей главѣ короче познакомиться.

II.

Эдинбургъ въ концѣ прошлаго столѣтія. — нравы жителей. — Драки и кулачные бои. — Образъ жизни высшаго общества. — Науки и литература. — Народный поэтъ. — Нѣчто о жизни и трудахъ Роберта Борнса (Burns). — Вліяніе его произведеній на отечественную словесность. — Свиданіе молодого Вальтера Скотта съ Борнсомъ. — Гравюра и ласковое слово. — Физіономія и манеры поэта. — Школьные занятія Вальтера. — Греческій языкъ. — Парадоксальная параллель между Гомеромъ и Аріосто. — Пуританинъ Джемсъ Мичелль. — Домашній спектакль, таицы и пѣаніе. — Тревога въ Эдинбургѣ. — Полю Джонсъ. — Нашествіе горскихъ воиновъ. — Походженія Александра Стюарта Инвернагайлскаго. — Путешествіе въ горныя провинціи Шотландіи. — Бытъ горцевъ-владѣтелей. — Леченіе. — Шарлатанъ Грагамъ и его Хрипъ Зравія.

Эдинбургъ, какъ извѣстно, по своему мѣстоположенію, можетъ назваться однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ; благодаря скоттовымъ романамъ и очеркамъ путешественниковъ, общая наружность древней столицы съ ея тюрмою, аббатствомъ, сотней средневѣковыхъ строеній и цитаделью на вершинѣ коническаго холма, знакома всякому читателю В. Скотта. Живописная мѣстность, украшенная водой и скалами, на всякомъ шагѣ представляющая картины то грозныя и печальныя, то милыя и улыбающія-

(13) Слово *virtuoso*, употребленное маленькимъ Вальтеромъ, имѣло въ прошломъ столѣтіи значеніе, вовсе-несходное съ его настоящимъ значеніемъ: оно означало *антикварія*. Вотъ какими стихами поэтъ Экенсейдъ (Akenside) описываетъ виртуоза тогдашнихъ временъ :

«Онъ зналъ обычай временъ прошедшихъ,
«Старинное искусство и обряды,
«Порядокъ пиршествъ, свадьбъ и похоронъ,
«Широкъ, торжество, забавъ, ученыхъ споровъ.
«Одежды старыя ему знакомы были,
«Оружіе мужчинъ, уборы женщинъ
«Ученымъ слогами могъ онъ описатьъ,
«Наряды гладиаторовъ и скопороховъ».

сверхъ-того, еще освѣщена множествомъ воспоминаній, въ которыхъ горя перемѣшивается съ поэзіей, недавнія событія съ преданіями отдаленныхъ вѣковъ. Самый городъ, во время юности Вальтера Скотта былъ та же, какимъ засталъ его докторъ Джонсонъ во время своего перехода изъ чтоваго экипажа къ дому своего поклонника Босвелля, когда, проходя узкими и грязными улицамъ, онъ бормоталъ, зажимая себѣ носъ: «въ темнотѣ я ощущаю Шотландію!» И Лондонъ въ ту пору не могъ хвалиться чистотой улицъ; но онъ все-таки въ этомъ отношеніи былъ далеко-выше Эдинбурга, въ которомъ подъ-вечеръ нельзя было ходить, ни ѣздить спокойно, потому-что изъ домовъ вывалились не только помои, но и всякія ненужныя вещи, даже тяжелыя — бросались на улицу. Городское управленіе обыкновенно состояло изъ людей этакихъ, часто вовсе-неживущихъ на своемъ мѣстѣ и предоставлявшихъ всю заботу о городскомъ благочиніи малому числу ночныхъ сторожей низшихъ полицейскихъ чиновниковъ. Такъ-какъ простолюдиамъ (особенно горцамъ, highlanders) запрещено было носить оружіе, то грабежи и убійства случались весьма-рѣдко; но драки, потасовки и кулачные бои о которыхъ мы еще поговоримъ впоследствии) происходили непрерывно на самыхъ лучшихъ улицахъ. Нерѣдко случалось, что два джентльмена, поссорившись между собою, тузили другъ друга нещадно; если одинъ изъ нихъ былъ горцемъ, а другой низовцемъ (lowlander), то къ ратоборцамъ присоединялись простолюдины изъ Верхней и Нижней Шотландіи, съ палками и камнями. Дѣлалось и то, что какой-нибудь смелый истритель нанималъ двухъ-трехъ горцевъ съ тѣмъ, чтобъ въ темнотѣ поколотить своего недруга.

Независимо отъ отдѣльныхъ стычекъ и потасовокъ разъ въ недѣлю, а иногда и чаще, въ Эдинбургѣ происходили павальные кулачные бои между забійками разныхъ частей города.

Несмотря на такія остатки средневѣковыхъ нравовъ задорной Шотландіи, занятія дворянъ, проживавшихъ въ Эдинбургѣ, были спокойны и пріятны. Науки и литература пользовались тамъ большимъ уваженіемъ: въ этомъ отношеніи, столица Шотландіи сдѣлала большіе успѣхи со времени прекращенія политическихъ смутъ на Сѣверѣ. Классическая ученость на древній манеръ, о которой такъ сожалѣлъ докторъ Джонсонъ, бесѣдуя съ отцомъ Босвелля и лордомъ Монбоддо, дѣйствительно упала въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, особенно по части изученія древнихъ языковъ и древней литературы. Но за-то науки историческія, естественныя и философскія поднялись чрезвычайно и приобрѣли себѣ первоклассныхъ представителей, изъ которыхъ довольно будетъ назвать Смита, Стюарта, Юма и Робертсона. Эдинбургскій Университетъ сдѣ-

дился центромъ блистательной и полезной дѣятельности, надѣяна горель большимъ числомъ профессоровъ и дилеттантовъ, вносившихъ въ общество свою любовь къ наукѣ, свое уваженіе ко всему важному и прекрасному. Ученые старики и ученые молодые люди, по необходимости сдѣлались посѣтителями лучшихъ домовъ въ столицѣ, неразвлеченной ни политическими дѣлами, ни обиліемъ увеселеній; ихъ ласкали и цѣнили по достоинству; мужчины и женщины слѣдили за ихъ словами и сѣли, научаясь, отдавали наукѣ должную ей почесть. Труды Босвелли и многихъ другихъ, нмѣ полузабытыхъ писателей и писательницъ, поддерживали легкую словесность своей родины; подъ вліяніемъ этихъ людей, въ Эдинбургѣ ужь составилось нѣсколько литературныхъ обществъ для чтенія новыхъ книгъ, выписыванія журналовъ и разсужденія какъ объ отечественной, такъ и объ иностранной словесности. Молодые люди имѣли охоту къ занятіямъ и много времени на ея удовольствіе. Наконецъ, Эдинбургъ и Шотландія имѣли то, чего въ то время не имѣла Англія, именно: поэта народнаго и гениальнаго въ лицѣ Роберта Борнса. Сыгъ земледѣльца, пастухъ и продавецъ скота, Робертъ Борнсъ, по жизни и духу своихъ произведеній, сходенъ съ нашимъ незабвеннымъ Кольцовымъ; разница въ ихъ литературномъ значеніи та, что Кольцовъ явился въ русской словесности ужь послѣ упрощенія нашего языка чрезъ труды Карамзина, Крылова, Грибоедова и Пушкина, между-тѣмъ, какъ Борнсъ имѣлъ своими предшественниками, какъ въ Англіи, такъ и въ Шотландіи, поэтовъ часто-даровитыхъ, иногда гениальныхъ, но писавшихъ на старомъ стихотворномъ языкѣ, исполненнымъ риторики, напыщенности и условныхъ, неестественныхъ оборотовъ рѣчи ⁽¹⁴⁾. Потому-то изъ новыхъ британскихъ поэтовъ почти всѣмъ тѣмъ-нибудь одолженъ Борнсу, а многіе происходятъ отъ него по прямой линіи ⁽¹⁵⁾. Борнсъ провелъ свое дѣтство съ простыми людьми, посреди красоты природы, въ полѣ и лѣсахъ; онъ любилъ дѣвушку изъ простаго званія и потерялъ ее, напередъ извѣдавъ всю сладость раздѣленной любви. Онъ былъ знакомъ съ поэтическими легендами и лучшими поэтами своей родины; но вещи, вырвавшіяся изъ-подъ его пера, были чужды всякому подражанію. Онъ пѣлъ не героевъ древности и даже

⁽¹⁴⁾ До-сихъ-норѣ еще англійская поэзія не упростилась достаточно. Корень ея цвѣтистости въ духѣ языка и поэтахъ, подобныхъ Шекспиру.

⁽¹⁵⁾ Англичане въ томъ не сознаются, но, какъ кажется (и нѣтъ ли наше раздѣле по нѣсколькимъ знатокамъ дѣла), что вся школа лексиковъ (Уордсвортъ, Уильски, Кольриджъ) съ одной стороны, а Джорджъ Креббъ и его подражатели съ другой, прямо идутъ отъ Борнса, не взирая на разность въ языкѣ и въ развитіи самихъ поэтовъ.

не героевъ старой Шотландіи: въ его пѣсняхъ отражалась поэзія родныхъ горъ и лѣсовъ, сельскихъ работъ и сельскихъ бесѣдъ зимою и первая страсть молодой поселанки и его собственныя, сердце рвущія воспоминанія о милой Мери, которая теперь въ небесахъ! Все питало его талантъ; всякая мелочь будила въ немъ поэтическія чувства. Одинъ разъ, идя за плугомъ, онъ нечаянно разорилъ гнѣздо полевыхъ мышей, и изъ-за этого происшествія было одно изъ обворожительнѣйшихъ стихотвореній, когда-либо писанныхъ. Другой разъ, толкуя о пропажѣ любимаго барана, или передавая въ простодушной балладѣ исторію хлѣбнаго зерна, посеяннаго въ землю, онъ сумѣлъ возвыситься до чистой, истинно-народной поэзіи. Когда слухи о такомъ пѣвцѣ достигли жителей Эдинбурга, они выказали къ Борнеу большое участіе; вытребовали въ столицу, достали ему мѣсто ⁽¹⁶⁾, ласкали его, угощали и задавали въ честь его шпы, бывшіе для Борнеа, склоннаго къ веселой жизни, великимъ бѣдствіемъ. Восторги, пробужденные Борнеомъ, были вполнѣ раздѣлены Англіею, которая еще болѣе Шотландіи нуждалась въ новомъ элементѣ словесности, томъ самомъ элементѣ, который составлялъ всю сущность трудовъ гениальнаго Борнеа. Великобританская поэзія того времени, какъ національная, такъ и созданная вліаніемъ еще сильной въ ту пору французской словесности, дошла до крайнихъ предѣловъ искусственности: метафора раскидывала въ ней свою широкую мантию, и половина мірскихъ предметовъ не входила въ ея область по своей *вульгарности* (*vulgarity*). Борнеъ подошелъ во-время. Публика, не останавливаясь ни трудностью пониманія его стиховъ, ни увѣреніями тогдашнихъ судей искусства, заучила борнеовы пѣсни — и поэтъ сталъ ея любимцемъ. Цѣлая россыпь новыхъ, простыхъ, всѣмъ доступныхъ идей, раскинулась передъ любителями поэзіи, незнавшими куда дѣваться отъ бывшихъ до того въ ходу дидактическихъ, психологическихъ и ложно-налическихъ пѣснопѣній. Все въ борнеовыхъ пѣсняхъ оказывалось новостью: и ихъ сладкозвучный, оригинальный разгѣръ, и безъискусственность изложенія, и простонародныя, но меткіе обороты, и пониманіе природы, и безпредѣльная теплота нилкаго сердца ⁽¹⁷⁾. Самое знакомство съ личностью поэта-самоучки усиливало удивленіе, возбужденное его трудами. То былъ человекъ веселый и красивый, весьма-образованный для поселанна, но нисколько нестыдившійся своего званія и несшій неожиданно пришедшую къ нему славу безъ всякаго неспріятнаго

⁽¹⁶⁾ Несовсѣмъ, впрочемъ, пригодное для Борнеа. Его сдѣлали акцизнымъ досмотрщикомъ.

⁽¹⁷⁾ См. статью о Борнеѣ въ собраніи этюдовъ (*Essays*) Карлейля.

замѣшательства. Онъ говорилъ хорошо, умѣлъ веселиться и рассказывать бойкія, простыя народныя исторіи. Пока буря вдохновенія не касалась его души, онъ казался добродушнымъ, уминымъ гулякой; но чуть мысль его наполнялась поэтическими образами, особенно воспоминаніями старой любви и дѣтства, Борнсъ являлъ собой типъ истиннаго поэта. Онъ искалъ уединенія, бѣжалъ отъ людей и, наездивъ съ природою, его вскормившею, на мѣстахъ ему дорогихъ и связанныхъ съ жизнью его сердца, отдавался весь своимъ порывамъ. Онъ бросался на траву, проводилъ ночи безъ сна подъ сномъ небомъ, плача и призывая свою Мери, видя ея глаза между звѣздами, забывши о снѣ и времени, не думая сдерживать порывовъ своего сердца. Плодомъ такихъ дней выходили его лучшія пѣсни и баллады. Но чѣмъ болѣе Борнсъ знакомился съ жизнью столичной, тѣмъ рѣже стали находить на него эти минуты творчества. Посреди развлеченій и новыхъ привязанностей онъ понялъ, что источникъ первыхъ его вдохновеній иссякаетъ и что, для поддержанія своей славы, ему ужъ нужно полное образованіе, нуженъ трудъ. Онъ сталъ трудиться въ рѣдкія, свободныя минуты и результатъ его усилій, могъ назваться удивительнымъ — такъ богата была его натура. Свѣдѣнія Борнса расширились, англійскій языкъ дался ему до-того, что письма и другія вещи, имъ писанныя на этомъ языкѣ, принадлежать къ образцовымъ; сатирическій элементъ въ его стихотвореніяхъ усилился и, по оригинальности своей, обѣщалъ многое впереди. Но веселая жизнь шла своимъ чередомъ, а у Борнса не было друга, способнаго руководить его занятіями. Растративъ свое здоровье и вполне сознавая свои недостатки, Борнсъ умеръ слишкомъ-рано для искусства, но не уронилъ своей поэтической репутаціи. Главная задача его поэзіи была выполнена; ея значеніе до-сихъ-поръ еще неоцѣненное вполне однако признано и разъяснено многими историками словесности ⁽¹⁸⁾.

(18) Нелишнимъ считаемъ выписать замѣтку сэра Вальтера Скотта о свиданіи его съ этимъ замѣчательнымъ челоѣкомъ.

«Кстати о Борнсѣ. И я могу сказать, что видѣлъ Виргилія. Когда онъ въ первый разъ явился въ Единбургъ (1786 г.), мнѣ было шестнадцатъ лѣтъ; несмотря на этотъ возрастъ, во мнѣ было на столько чувства, чтобъ умѣть цѣнить его творенія. Я искалъ случая увидать Борнса, но у меня почти не оказывалось знакомства между писателями, или дворянами западныхъ провинцій, а между этими людьми онъ бывалъ всего-чаще. Одинъ изъ клерковъ моего отца, Томасъ Грирсомъ, знавшій поэта, обѣщалъ мнѣ пригласить его къ себѣ на обѣдъ, но не сдержалъ своего слова. Такимъ-образомъ я встрѣтился съ Борнсомъ только одинъ разъ у почтеннаго профессора Фергюссона, въ компаніи мно-

Въ эдинбургскомъ училищѣ Фразера, а потомъ въ Университетской Коллегіи молодой Вальтеръ Скоттъ учился только тому, что ему нравилось, оставляя немилые предметы въ совершенномъ пренебреженіи,

гихъ джентльменовъ, имѣвшихъ литературную репутацію, между которыми я хорошо помню знаменитаго Дюгальда Стюарта. Само-собой разумѣется, что бывшіе тутъ молокососы монхъ лѣтъ не принимали участія въ бесѣдѣ, а сидѣли молча и слушали. Въ этотъ день я былъ пораженъ дѣйствиємъ произведеннымъ на Борнса одною гравюрою работы Бенбюри, висѣвшею на стѣнѣ комнаты. На пей изображенъ былъ мертвый солдатъ на кучѣ снѣга; по одну сторону труна уныло сидѣла собака, по другую — женщина, съ младенцемъ на рукахъ. Подпись была такая:

«Безъ чувствъ, безъ жизни, на поляхъ Канады

«Лежитъ ея охолодѣвшій мужъ,

«И капаютъ жены несчастной слезы

«На грудь, и бѣдное дитя у груди.

«Печальное пророчество ребенку,

«Вскормленному слезами и бѣдой!»

Борнсъ не могъ оторваться отъ картины, или, скорѣе, отъ мыслей, ею возбужденныхъ. Онъ заплакалъ. Потомъ онъ спросилъ, кѣмъ писаны строки, здѣсь приведенныя. Случилось такъ, что изъ бывшихъ въ комнату никто, кромѣ меня, не могъ этого вспомнить. Я сказалъ на-ухо одному изъ знакомыхъ, что сказанные стихи взяты изъ поэмы Ленгорна, напечатанной подъ немного-обѣщающимъ названіемъ: «Мирный Судья». Приятель передалъ свѣдѣніе Борнсу, который наградилъ меня тутъ же взглядомъ и ласковымъ словомъ, памятнымъ мнѣ и до сего времени.

Поэтъ былъ сильно и крѣпко сложенъ; манеры имѣлъ простыя, сельскія, но не грубыя; ихъ простота и безыскусственность бросались въ глаза лицамъ, знавшимъ и цѣнившимъ талантъ этого человѣка; лицо его казалось болѣе-широкимъ и массивнымъ, чѣмъ на портретахъ. Вообще, Борнса можно было принять за умнаго мызника старой шотландской школы. Во всемъ его лицѣ ясно отражалась умъ, сметливость; но поэтическимъ выраженіемъ отличались только одни глаза: большіе, темные; они горѣли (буквально, *горѣли*, повторяю) чуть только онъ говорилъ съ чувствомъ и охотою. Подобныхъ глазъ не видалъ я во лбу ни у одного человѣка, хоть имѣлъ случаи въ свою жизнь наглядѣться на всѣхъ знаменитыхъ современниковъ. Въ разговорѣ Борнсъ былъ твердъ и самоувѣренъ, въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Въ кругу самыхъ ученыхъ людей того времени и того края онъ выражался безъ замѣшательства и безъ задора. Если его мысли не сходились съ мыслями этихъ людей, онъ не терялся, но твердо и скромно выражалъ свои личныя убѣжденія. Память моя не сохранила въ ясности никакихъ подробностей мною описанной бесѣды. Съ-тѣхъ-поръ я встрѣчалъ Борнса только на улицѣ; онъ, конечно, не узналъ меня, да я на это и не могъ рассчитывать. Его очень ласкали въ Эдинбургѣ, но матеріальныя выгоды, имъ полученныя за стихотворенія, были очень-малы, особенно, если взять въ соображеніе тѣ размѣры, до какихъ съ-тѣхъ-поръ достигла цѣнность литературной собственности.»

а оттого перелетая, подобно метеору, съ одного конца класса на другой, къ досадѣ и огорченію истинно-любившихъ его наставниковъ. «Моя память (признается онъ самъ) напоминала собой старинныя каменные пушки, весьма-неудобныя для стрѣльбы и заряжанія, но производящія великое дѣйствіе, чуть только какой-нибудь предметъ повертывался подъ ихъ выстрѣлъ». Особенно-плохими оказывались услуги въ языкѣ греческомъ — обстоятельство, о которомъ неогъ до конца дней вспоминалъ съ горестью. Сознавая самъ своимъ малымъ познаніемъ (предлагаетъ Скоттъ), я думалъ, что могу оправдать себя, выказывая постоянное презрѣніе къ самому предмету. Я открыто сообщалъ товарищамъ, что не желаю знать погречески. Одинъ юноша, изъ первыхъ въ классѣ, почувствовалъ ко мнѣ истинное и благородное сожалѣніе. Онъ навѣстилъ меня въ Джордж-Скверѣ, изъяснилъ мнѣ все безуміе моего поведенія, сообщилъ, что я служу предметомъ насмѣшекъ для класса и предложилъ мнѣ свою помощь, днемъ и ночью, для одолженія могущихъ встрѣтиться трудностей при изученіи языка. Главная моя гордость была оскорблена тѣмъ болѣе, что, по моимъ понятіямъ, званіе совѣтника (имя ученика было Арчибальдъ, а отецъ его содержалъ гостиницу) не давало ему никакого права вѣнчиваться въ мои дѣла. Я отвѣчалъ холодно-учтивымъ отказомъ, а мальчикъ ушелъ отъ меня болѣе-огорченнымъ, чѣмъ разсерженнымъ. Вскорѣ послѣ того, когда въ классѣ намъ заказали каждому составить по этюду, насчетъ изучаемыхъ нами писателей, я имѣлъ смѣлость смастерить произведеніе, въ которомъ я сравнивалъ Гомера и Аріосто, разумѣется, во вредъ первому. Досада добраго профессора Дельзелля не можетъ быть описана словами: его равно удивила и моя дерзость и количество безтолковой начитанности, замѣтной въ моемъ трудѣ. Онъ произнесъ надо мной тяжкій приговоръ: «ты дуракъ и дуракомъ вѣчно останешься!» Къ удовольствію моему, ученый мой наставникъ прожилъ долго и, спустя много лѣтъ, бесѣдуя со мною, удостоилъ отречься отъ своего невыгоднаго заключенія».

Отецъ Скотта, вѣроятно, замѣчая пристрастіе своихъ сыновей къ библїямъ и предпочтеніе, оказываемое ими рыцарскимъ романамъ передъ книгами, болѣе-полезными и назидательными, взялъ къ себѣ въ домъ, въ видѣ гувернера и наблюдателя, одного строгаго и ученаго пуританика, по имени Джемса Мичелля, воспоминаніе о которомъ высказывается въ нѣсколькихъ лучшихъ персонажахъ нашего романиста ⁽¹²⁾. Министръ Скоттъ призрѣлъ бѣдняка и впоследствии выхлопоталъ ему

(12) Монтрозъ.

хорошее мѣсто, а во время его занятій съ дѣтьми, строго наблюдалъ, чтобъ они не заразились его причудами. Джемъ Мичелль былъ вигомъ и поклонникомъ круглоголовыхъ; маленькій же Вальтеръ любилъ домъ Стюартовъ и благоговѣлъ предъ кавалерами. Слѣдствіемъ того, у наставника съ питомцемъ ежедневно происходили споры, при которыхъ оба антагониста цитировали любимыхъ поэтовъ, горячились и, совершенно выбившись изъ силъ, переходили къ очереднымъ занятіямъ. Все это не мешало Мичеллю любить мальчика съ нѣжностью отца и начертать въ рукописи подъ названіемъ: «Замѣчательныя событія моей жизни, составленныя для поученія моихъ дѣтей» — трогательное воспоминаніе о портѣ, про которую мы рассказываемъ. Нельзя безъ особеннаго чувства перечитывать замѣтокъ этого милого чудака, описаній того, какъ иногда мальчикъ засыпалъ при чтеніи книгъ (конечно, причина тому была въ его тѣлосложеніи, прибавляетъ добродушный учитель), или какъ маленькій Вальтеръ, прощаясь съ нимъ, подарилъ своему гувернёру, на память, латинскую грамматику, всю разукрашенную на поляхъ изображеніями животныхъ и забавными надписями. Если нѣтъ случая, за лѣность, или другой проступокъ, грозить ему наказаніемъ, мастеръ Вальтеръ⁽²⁰⁾ всегда кидался нѣтъ на шею и, цагая меня, просилъ прощенія, послѣ чего всякая мысль о строгости исчезала». О своихъ спорахъ съ Вальтеромъ, Мичелль упоминаетъ, какъ о бесѣдахъ, несомнѣнно-пророчившихъ о будущей славѣ своего питомца⁽²¹⁾.

⁽²⁰⁾ Въ Англии и Шотландіи дѣтей мужскаго пола, лѣтъ до шестнадцати, называютъ по именамъ, съ прибавленіемъ слова «master»; исключеніе составляютъ старшія дѣти знатныхъ фамилій, къ которымъ ужь перешелъ, по смерти отца, или другихъ родственниковъ, титулъ ихъ.

⁽²¹⁾ Въ своихъ замѣткахъ Мичелль ничего не упоминаетъ о неудовольствіи своемъ въ тотъ день, когда вѣтренныя ему дѣти, съ согласія отца и матери, затѣяли нѣчто въ родѣ домашняго театра, и не только разыграли въ затѣ старинную пьесу «Джемъ Шоръ», но даже принялись разучивать шекспирова «Ричарда III-го», въ которой хромоножка Вальтеръ взялъ себѣ роль герцога глостерскаго. Вслѣдъ затѣмъ дѣтей стали учить танцевать, не слушая пуританскихъ возгласовъ Мичелля, ужь готовившагося бѣжать изъ дома; но въ сказанномъ горѣ утѣшеніемъ гувернёра было то, что его дорогой мастеръ Вальтеръ, по болѣзни ноги, не могъ принимать участія въ танцахъ. Не успѣвъ бѣдный Мичелль примириться съ идеей о танцахъ, какъ старикъ Скоттъ, любившій музыку и самъ хорошо игравшій на виолончели, захотѣлъ, чтобъ дѣти его учились пѣнію. Съ этой цѣлью приглашенъ былъ въ домъ нѣкто Александръ Кембель (Campbell), восторженный дилеттантъ и пѣвецъ, къ тому же и литераторъ, сочинитель «Путешествія по Шотландіи», въ свое время пользовавшейся нѣкоторымъ успѣхомъ.

Маленькій Вальтеръ только что—началъ ходить въ школу, когда въ Единбургѣ случилось происшествіе, сильно—връзавшееся въ его память и сблизившее его съ нѣсколькими оригинальными особами, которыхъ слу безъ того никогда бѣ не довелось видѣть въ полномъ блескѣ. Въ одно утро, огромная столица Шотландіи взволновалась слухами о близости неминуемой опасности пожара, разграбленіи и всѣхъ ужасовъ самой безжалостной войны. Миръ съ Соединенными Штатами еще не былъ заключенъ и два военныхъ сѣвероамериканскія судна, подъ начальствомъ корсара Поль Джонса, сдѣлавшія столько вреда великобританской торговлѣ, усмотрѣны были у береговъ Шотландіи, недалеко отъ столицы. Поль Джонсъ (герой кунера романа, «Лодманъ»), въ то время пользовался славой за свою предприимчивость, соединенную съ непримиримой ненавистью къ Англіи⁽²²⁾; его операціи вдоль непріятельскихъ береговъ дѣйствительно составляли одну изъ блестящихъ страницъ американской исторіи; но все это едва-ли можетъ объяснить ужасъ, объявившій весь Единбургъ при его при-

тиетно противился Мичель, тиетно разсуждалъ онъ о бесполезности музыки: уроки начались, но голоса и способности учениковъ далеко не соответствовали рвенію пѣвца, ихъ учившаго. «Реву и усилій было довольно, но гармоніи никакой не выходило. Наконецъ наша джорж—скверская сосѣдка, леди Коммингъ, прислала къ отцу человѣка просить его не *наказывать* *своихъ дѣтей разомъ*. Она была увѣрена, прибавляла посланный, что дѣти вполне заслуживали своей участи, но соединеніе ихъ жалобныхъ криковъ оказывалось невыносимымъ для сосѣднихъ ушей. Добрая леди приняла пѣніе и музыкальные уроки дѣтей за вопль при сѣченіи розгами, и (прибавляетъ Скоттъ) была совершенно—права: изъ всѣхъ моихъ братьевъ, только одинъ Робертъ умѣлъ пѣть, но его въ ту пору не было съ нами»⁽²³⁾.

⁽²²⁾ Поль Джонсъ, какъ извѣстно, былъ родомъ англичанинъ. Экспедиція его къ берегамъ Шотландіи, одна изъ смѣлѣйшихъ во всей исторіи морскаго дѣла, предпринята была вслѣдствіе ложныхъ извѣстій о томъ, что горныя провинціи этой страны желаютъ поднять оружіе противъ Англіи. Блестательнѣйшимъ дѣломъ Поля Джонса можетъ, безспорно, назваться его бой съ двумя англійскими фрегатами, «Сераписомъ» и «Графиней Салисбюри» у береговъ Франціи. Командуя старымъ 44-хъ—пушечнымъ фрегатомъ «Bonhomme Richard», американскій морякъ взялъ оба непріятельскія судна, изъ которыхъ каждое числомъ орудій превышало его фрегатъ.

⁽²³⁾ «Учитель нашъ Квинбелль жилъ долго и впоследствии впалъ въ бѣдность, которую я имѣлъ удовольствіе смягчать, если не облегчать вполне. Онъ «былъ маломъ благодарности и въ одномъ отношеніи выказывалъ се забавнымъ образомъ. Онъ не хотѣлъ сознаться, что у меня, его ученика, не было ни «уха, ни голоса: малые мои успѣхи въ пѣніи, по его словамъ, заключались въ «недостаткѣ охоты съ моей стороны.» («Эстетическія Записки В. С.»)

ближеніи. По улицамъ начали строить завалы и ставить ржавыя пушки; мирные жители тысячами кинулись бѣжать изъ столицы, а на мѣсто ихъ явились повсюду лица, словно пришедшія изъ области рыцарскихъ балладъ и легендъ Шотландіи, старые воинственные горцы, шефы клановъ, обвѣшанные оружіемъ, въ-сопровоженіи своихъ родныхъ воиновъ. Постояннаго войска въ городѣ вовсе не имѣлось, а потому эти сѣдые герои, выдавшіе на своемъ вѣку не одну možдоусобную войну и съ дѣтства привыкшіе къ оружію, пришли, привлеченные ужасными слухами, выручать своихъ ученыхъ, но невоинственныхъ соотечественниковъ. Одинъ изъ нихъ, престарѣлый Александръ Стюартъ инвернесгайлскій, имѣвшій дѣла съ отцомъ Вальтера, привлекъ къ себѣ все вниманіе ребенка, особенно въ тотъ день, когда явился при немъ во всеоружіи и радостно вскричалъ: «наконецъ-то мнѣ удастся обнажить клейморъ еще разъ передъ смертью!» Не смущаясь сценами общаго ужаса, бодрый старецъ пошелъ въ городской магистратъ и засталъ всѣхъ членовъ правленія въ положеніи, близкомъ къ помѣшательству. Никто изъ нихъ не скрывалъ своего страха; каждый думалъ о томъ, чтобъ самому улизнуть потихоньку, оставивъ на произволь судьбы бразды правленія. Инвернесгайлъ пристыдилъ трусовъ, поставилъ на видъ всю невозможность для малой горсти людей взять старый, большой городъ и, въ-заключеніе, вызвался снова поѣхать въ горы и привести съ собой цѣлый отрядъ своихъ воиновъ. Мало-по-малу городъ началъ успокаиваться и скоро прибыло извѣстіе о томъ, что джонсова флотилія, разоривъ нѣсколько приморскихъ мѣстечекъ и потопивъ суда, ей понавшіяся, отъѣхала въ открытое море.

Герой этихъ дней, Александръ Инвернесгайлскій, продолжалъ отъ времени до времени бывать по своимъ дѣламъ въ домѣ Скоттовъ. Вальтеръ не могъ насмотрѣться на его грозную фигуру, наслушаться разсказовъ воинственнаго старца, участвовавшаго не только въ дѣлахъ 1745, но и 1715 года, дравшагося одинъ на одинъ съ знаменитымъ Робъ-Роемъ (Робертомъ Рыжинымъ), коротко-знавшимъ графа Мара и принца Карла Эдуарда. Нѣчего и говорить о томъ, что маститый горецъ былъ ревностнымъ якобитомъ послѣ куллоденскаго сраженія; онъ долго скрывался въ пещерѣ около своего дома, занятаго англійскимъ гарнизономъ, потомъ схваченъ и преданъ суду, но спасся отъ смерти совершенно-неожиданнымъ образомъ. Въ престонпанскомъ сраженіи (гдѣ, какъ извѣстно, войска претендента остались побѣдителями), одинъ англійскій полковникъ, по имени Уайтъ Фурдъ, наблюдая за отступленіемъ своей части, былъ раненъ и упалъ на землю. Одинъ гигантскаго роста горецъ уже поднялъ свою двухстороннюю сѣкиру надъ головой офи-

цера, когда его рука была остановлена Александромъ Инвернегайлскимъ. Полковникъ выздоровѣлъ и въ черный день отплатилъ своему спасителю спасеніемъ его жизни. Въ судной комиссіи онъ разсказалъ всю исторію—и неукротимый горецъ, вмѣсто смертнаго приговора, встрѣтилъ шансъ общаго участія. Всѣ эти разказы по нѣсколько разъ Вальтеръ слышалъ отъ своего грознаго друга, а старикъ, очарованный вниманіемъ мальчика, привязался къ нему всей душою. Слѣдствіемъ этой приемы была первая поѣздка пятнадцатилѣтняго Скотта въ горныя провинціи, къ старому Стюарту Инвернегайлскому (24).

(24) Это маленькое путешествіе оставило такіе неизгладимые слѣды въ памяти мальчика, до такой степени содѣйствовала его поэтическому развитію, что нельзя будетъ не сказать о ней нѣсколькихъ словъ. «Въ первый разъ (разсказываетъ Вальтеръ) я очутился въ дальнихъ горахъ на своей собственной лошади горной породы—обстоятельство, исключившее всю мою душу восхищеніемъ и сладостью независимости. Когда переехавъ мною, съ бельскихъ возвышеній открылась несравненная Долина Пертскихъ, я весь предался восторгу и ребяческому изумленію. Я шевельгъ поводомъ, не зная самъ, что дѣлаю, и глядя на раскидывавшіяся передо мною чудеса природы, будто боялся, чтобъ они не исчезли разомъ, какъ театральная декорация, не давъ на себя наглядѣться. Съ-гѣхъ-норъ многи важныя событія, имѣвшія вліяніе на всю мою жизнь, свершились въ усугубленномъ потускнѣть въ моей памяти, но воспоминаніе о вышеописанномъ, несравненномъ пейзажѣ существуетъ съ рѣдкой ясностью.»

Съ образомъ жизни горныхъ шеговъ и съ частной дѣятельностью старика Инвернегайля знакомить насъ слѣдующая замѣтка Скотта: «Наконецъ я добрался до владѣній гостеприимнаго хозяина. Възѣхавъ на голую вершину холма, свѣсившагося надъ старинной башней, другими строениями и кусочкомъ воздѣланной земли, я примѣтилъ старика, окруженнаго тремя сыновьями и подлужной служителей. Вся компанія дремала на верескѣ, съ ружьями въ рукахъ, завернувшись въ тартаны; множество собакъ и куча убитой дичи показывали счастливое окончаніе охоты. Далеко внизу, у подножія горы, находилась толпа женщинъ, занимавшихся грузкой сѣна на телеги; между трудолюбивыми работницами, какъ оказалось впоследствии, жена лерда и три ея дочери занимали первое мѣсто, дѣлая свое дѣло безъ усталы. Поклонившись гостю, хозяйки безъ всякаго замѣшательства отошли отъ сѣна, отправились въ свои комнаты и вышли оттуда въ чистомъ платьѣ, украшеннаы, вслѣдствіе утренней работы, яркимъ румянцемъ, для пріобрѣтенія котораго не одна знатная леди отдавала бы половину своихъ брильянтовъ. Дѣвочки оказались недлишенными воспитанія; манеры ихъ поражали привѣтливостью; въ веселостяхъ не было недостатка, ибо каждый день, безъ исключенія, послѣ работъ начинались танцы, пѣніе и музыка. Даже за обѣдомъ играла музыка и всякое блюдо (замѣчательное по своей огромности) приносилось на столъ двумя крайне-легко одѣтыми кельтами, въ-сопровожденіи третьяго, дувшаго изо всей

Описанныя нами поѣздки и увеселенія, соединенныя съ вліаніемъ чистаго воздуха, имѣли благотворное вліаніе на здоровье будущаго охотника. Болѣзни, довольно-часто посѣщавшія его въ дѣтствѣ, исчезли, не оставя по себѣ никакого слѣда, кромѣ великой страсти къ чтенію, приобретенной во время невольнаго затворничества. Сама хроная нога участіи выправилась, можетъ-быть, потому, что ее совершенно перестали лечить. Последняя попытка въ ея пользованіи сблизила Вальтера съ лицомъ весьма-интереснымъ въ исторіи шарлатанства и апокрифическихъ наукъ, докторомъ Грагамомъ, Калиостро своего рода. Знаменитый докторъ Грагамъ (сообщаетъ намъ В. Скоттъ ⁽²⁵⁾) былъ эмпирикомъ, нелишненнымъ таланта, но еще болѣе богатымъ самоувѣренностью. Въ его натурѣ имѣлась частица сумасшествія. Онъ имѣлъ отличные электрическіе аппараты и дѣйствовалъ ими весьма-искусно. И я, вмѣстѣ со многими другими, выдержалъ курсъ его леченія. До-сихъ-поръ я будто вижу передъ собой одного изъ пациентовъ, стараго графа Гоптоунскаго, какъ онъ сидитъ въ огромныхъ креслахъ, обвѣшанный цѣпами, ожерельями и магнитными кусочками, точь-въ-точь какой-нибудь индійскій предводитель. Потомъ вздумалъ онъ устроить «храмъ здравія» и читать лекціи о пользѣ небесныхъ ваннъ. Когда эдинбургское городское правленіе запретило ему читать такую безсмыслицу, онъ сталъ издавать объявленія отъ своего лица, исполненныя брани и всякаго вздора. Въ одной диссертациі онъ объявлялъ, что смотреть на безуміе магистрата подобно полдневному солнцу, смотрящему на тусклое мерцаніе копеечной свѣчи, или какъ высшіе духи глядятъ на червячковъ, зародившихся въ гниломъ сырѣ! Грагамъ имѣлъ наружность щеголеватую, и обыкновенно показывался публикѣ, имѣя на себѣ бѣлый кафтанъ, шитый серебромъ, chapeau-bas подъ-мышкой и огромной двойной туфлей, раздѣлявшійся на его голзвѣтъ, подобно двумъ вершинамъ Парнасса. «Храмъ здравія», о которомъ я говорилъ, бывалъ, въ часы приѣма, украшенъ богиней здравія, стоявшей на пьедесталѣ, въ родѣ живой картины, или статуи; одна изъ этихъ богинь впоследствии сдѣлалась супругой лорда

силы въ волюнку». Нужно прибавить, что, въ числѣ стариковъ, окружавшихъ владѣтеля инвергайлскаго, особенное вліаніе Вальтера привлекъ сѣдой великанъ—горецъ, тотъ самый, который занесъ свою сѣкуру надъ головой раненнаго полковника Уайтфурда.

(25) Забѣтка эта, по словамъ Докгарта, сдѣлана сэромъ Вальтеромъ на поляхъ книги, составленной капитаномъ Грозомъ: «Руководитель къ здоровью, богатству, красотѣ и долгой жизни». Названное сочиненіе заключаетъ въ себѣ взглядъ на жизнь и теорію шарлатановъ стараго и новаго времени.

цера, когда его рука была остановлена Александром Инвернсгайлскимъ. Полковникъ выздоровѣлъ и въ черный день отплатилъ своему спасителю спасеніемъ его жизни. Въ судной комиссіи онъ разсказалъ всю исторію—и неукротимый горець, вмѣсто смертнаго приговора, встрѣтилъ знамя общаго участія. Всѣ эти разсказы по нѣскольку разъ Вальтеръ слышалъ отъ своего грознаго друга, а старикъ, очарованный вниманіемъ мальчика, привязался къ нему всей душою. Слѣдствіемъ этой пріязни была первая побѣдка пятнадцатилѣтняго Скотта въ горныя провинціи, къ старому Стюарту Инвернсгайлскому (24).

(24) Это маленькое путешествіе оставило такіе неизгладимые слѣды въ памяти мальчика, до такой степени содѣйствовала его поэтическому развитію, что нельзя будетъ не сказать о ней нѣсколькихъ словъ. «Въ первый разъ (разсказываетъ Вальтеръ) я очутился въ дальнихъ горахъ, на своей собственной лошади горной породы—обстоятельство, исполшившее всю мою душу восхищеніемъ и сладостью независимости. Когда передо мною, съ бельскихъ возвышеній открылась несравненная Долина Пертская, я весь предался восторгу и ребяческому изумленію. Я шевелилъ поводомъ, не зная самъ, что дѣлаю, и глядя на раскидывавшіяся передо мною чудеса природы, будто боялся, чтобъ они не исчезли разомъ, какъ театральная декорация, не давъ на себя наглядѣться. Съ-гдѣхъ-норѣ многи важныя событія, имѣвшія вліяніе на всю мою жизнь, совершились и усѣли потускнѣть въ моей памяти, но воспоминаніе о вышеописанномъ, несравненномъ пейзажѣ существуетъ съ рѣдкой ясностью.»

Съ образомъ жизни горныхъ шефовъ и съ частной дѣятельностью старика Инвернсгайля знакомить насъ слѣдующая замѣтка Скотта: «Наконецъ я добрался до владѣній гостепріимнаго хозяина. Въѣхавъ на голую вершину холма, свѣсившагося надъ старинной башней, другими строениями и кусочкомъ воздѣланной земли, я примѣтилъ старика, окруженнаго тремя сыновьями и подюжиной служителей. Вся компанія дремала на верескѣ, съ ружьями въ рукахъ, завернувшись въ тартаны; множество собакъ и куча убитой дичи показывали счастливае окончаніе охоты. Далеко внизу, у подножія горы, находилась толпа женщннъ, занимавшихся грузкой сѣна на телеги; между трудолюбивыми работницами, какъ оказалось впоследствии, жена мерда и три ея дочери занимали первое мѣсто, дѣлая свое дѣло безъ усталы. Поклонившись гостю, хозяйки безъ всякаго замѣшательства отошли отъ сѣна, отправились въ свои комнаты и выныли оттуда въ чистомъ платьѣ, украшенныя, вслѣдствіе утренней работы, яркимъ румянцемъ, для пріобрѣтенія котораго не одна затная леди отдала бы половину своихъ брильянтовъ. Дѣвцы оказались нелишними воспитанія; манеры ихъ поражали пріятностью; въ веселостяхъ не было недостатка, ибо каждый день, безъ исключенія, послѣ работъ начинались танцы, пѣніе и музыка. Даже за обѣдомъ играла музыка и всякое блюдо (замѣчательное по своей огромности) приносилось на столъ двумя крайне-легко одѣтыми кельтами, въ-сопровожденіи третьяго, дувшаго изо всей

Описанныя нами поѣздки и увеселенія, соединенныя съ вліаніемъ горнаго воздуха, имѣли благотѣльное вліаніе на здоровье будущаго романиста. Болѣзни, довольно-часто посѣщавшія его въ дѣтствѣ, исчезли, не оставя по себѣ никакого слѣда, кромѣ великой страсти къ чтенію, приобретенной во время невольнаго затворничества. Сама хромая нога отчасти выправилась, можетъ-быть, потому, что ее совершенно перестали лечить. Последняя попытка въ ея пользованіи сблизила Вальтера съ лицомъ весьма-интереснымъ въ исторіи шарлатанства и апокрифическихъ наукъ, докторомъ Грагамомъ, Калиостро своего рода. Знаменитый докторъ Грагамъ (сообщаетъ намъ В. Скоттъ ⁽²⁵⁾) былъ эмпирикомъ, нелишеннымъ таланта, но еще болѣе богатымъ самоувѣренностью. Въ его натурѣ имѣлась частица сумасшествия. Онъ имѣлъ отличные электрическіе аппараты и дѣйствовалъ ими весьма-искусно. И я, вмѣстѣ со многими другими, выдержалъ курсъ его леченія. До-сихъ-поръ я будто вижу передъ собой одного изъ пациентовъ, стараго графа Гоптоунскаго, какъ онъ сидитъ въ огромныхъ креслахъ, обвѣшанный цѣпами, ожерельями и магнитными кубочками, точь-въ-точь какой-нибудь индійскій предводитель. Потомъ вздумалъ онъ устроить «храмъ здравія» и читать лекціи о пользѣ *небесныхъ ваннъ*. Когда эдинбургское городское правленіе запретило ему читать такую бессмыслицу, онъ сталъ издавать объявленія отъ своего лица, исполненные брани и великаго вздора. Въ одной диссертациі онъ объявлялъ, что смотреть на безуміе магистрата подобно полдневному солнцу, взирающему на тусклое мерцаніе копеечной свѣчи, или какъ высшіе духи глядятъ на червячковъ, зародившихся въ гниломъ сырѣ! Грагамъ имѣлъ наружность щеголеватую, и обыкновенно показывался публикѣ, имѣя на себѣ бѣлый кафтанъ, шитый серебромъ, *sarcou-bas* подъ-мышкой и огромной двойной туфлей, раздѣлявшійся на его головѣ, подобно двумъ вершинамъ Парнасса. «Храмъ здравія», о которомъ я говорилъ, бывалъ, въ часы приѣма, украшенъ богиней здравія, стоявшей на пьедесталѣ, въ родѣ живой картины, или статуи; одна изъ этихъ богинь впоследствии сдѣлалась супругой лорда

силы въ волюнку». Нужно прибавить, что, въ числѣ стариковъ, окружавшихъ владѣтеля инвергайлскаго, особенное вліаніе Вальтера привлекъ сѣдой великанъ-горецъ, тотъ самый, который занесъ свою сѣкиру надъ головой раненнаго полковника Уайтфурда.

(²⁵) Замѣтка эта, по словамъ Локгарта, сдѣлана сэромъ Вальтеромъ на поляхъ книги, составленной капитаномъ Грозомъ: «Руководитель къ здоровью, богатству, красотѣ и долгой жизни». Названное сочиненіе заключаетъ въ себѣ взглядъ на жизнь и теорію шарлатановъ стараго и новаго времени.

Гамильтона (26). Изъ «храма здравія» вышло нѣчто въ родѣ игорнаго дома, съ ссорами и драками. Наконецъ въ одну ночь какой-то юноша, изъ числа посѣтителей, въ дракѣ былъ насквозь проткнутъ раскаленной желѣзной палкой для мѣшанія угольевъ въ каминѣ, отчего и умеръ въ скоромъ времени. Толпа народа, услыхавъ о преступленіи, почти разметала домъ, гдѣ храмъ помѣщался, а городское правленіе запретило Грагаму приниматься за дальнѣйшія аферы. Послѣ того онъ звалъ народъ *земляными ваннами*; но не въ силахъ будучи опять подняться, умеръ, чуть-ли не голодною смертью.»

III.

Вальтеръ получаетъ должность подъ начальствомъ отца. — Порядокъ его занятій. — Чтеніе. — Джонъ Ирвингъ. — Путешествія за городъ и первые опыты романовъ. — Книга епископа Перси: «Остатки древней поэзіи». — Взаиміе на Скотта. — Рисованіе. — Жидъ Боррель и Вальтеръ. — Мнѣніе Лонггарта о изученіи живописи писателями. — Дѣтскіе опыты. — Литературныя Общества и Клубы. — Литературныя занятія и шутки стараго времени. — «Speculative Society». — Френсисъ Джеффри; его знакомство съ Вальтеромъ. — Жилище молодого человѣка. — Начало музея. — Исторія Фарфороваго бледка. — Муррай Броутовскій. — Анекдотъ про нишаго и доброе дѣло. — Обращеніе Скотта съ низшими. — Его убѣжденія и терпимость. — Карризмъ. — Экзамень и возложеніе адвокатской тоги.

Когда Вальтеру пошелъ шестнадцатый годъ, отецъ выхлопоталъ ему мѣсто своего помощника, или, скорѣе, писца, безъ жалованья, но съ платою трехъ пенсовъ за каждую исписанную имъ страницу опредѣля-

(26) Та самая леди Гамильтонъ, которую потомъ прославилъ привязанность лорда Нельсона, героя трафальгарскаго. Авторъ статьи, находящейся передъ читателемъ, въ дѣтствѣ своемъ имѣлъ случай слышать воспоминанія о красотѣ леди Гамильтонъ отъ покойнаго своего сосѣда, по имени, Алексѣя Гавриловича Харламова, видѣвшаго ее въ Англии. Покойный морякъ рассказывалъ также объ одномъ балѣ, на которомъ леди Гамильтонъ произвела впечатлѣніе, чрезвычайно-оригинальное. У береговъ Неаполя англійскіе офицеры устроили балъ на кораблѣ и пригласили къ себѣ всѣхъ капитановъ съ турецкой эскадры, тамъ находившейся. Мусульмане сначала вели себя кротко и чинно; но когда на палубу явился побѣдитель абукирскій подъ-руку съ дамой своего сердца, они хоромъ издали крикъ удивленія, зацолюкали зубами, подняли руки кверху, а потомъ всей толпой пустились ходить за плѣвнншей ихъ красавицей. Напрасно ихъ старались усадить, успокоить, напрасно имъ толковали, что такое поведеніе коветитъ леди: турки не хотѣли слышать ничего. Гдѣ имъ останавливалась леди Гамильтонъ, бородатые капитаны тоже бросали якорь, садились кружкомъ, поджавъ ноги и не спуская съ нея глазъ. Молодые мичмана стали надъ ними подсмѣиваться, слѣдствіемъ чего едва не вышла ссора весьма-серьезная.

наго закономъ размѣра. «Я лѣнивъ отъ природы (сообщалъ романистъ, бесѣдуя въ разное время со своими друзьями) но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ взявшись за работу, схвативъ весло въ руки, могу превращаться въ неутомимаго чловѣка. Работая для моего отца, я въ одинъ прѣздъ, не ѣвши и не отдыхая, исписывалъ до 120 страницъ, и такимъ образомъ приобретаю около 30 шиллинговъ, обыкновенно тотчасъ же употребляемыхъ на покупку книгъ, или рѣдкихъ вещей, къ которымъ я ужъ тогда имѣю пристрастіе. Времени моихъ занятій по службѣ я никогда не считаю потеряннымъ временемъ: вопервыхъ, эти занятія приучили меня къ труду устойчивому; а вовторыхъ, моя должность заключалась не въ одномъ переписываніи бумагъ: меня посылали къ разнымъ кліентамъ отца и другимъ лицамъ, имѣвшимъ до него дѣло, въ разныя сосѣднія провинціи; мнѣ поручали бывать въ присутственныхъ мѣстахъ; и такъ-какъ, по нашимъ обычаямъ, адвокатъ не имѣетъ права имѣть личныхъ сношеній съ защищаемыми имъ особами, то я нередко бывалъ и зрителемъ и дѣйствующимъ лицомъ въ дѣлахъ, открывавшихъ мнѣ большое поле для наблюденій. Одинъ разъ мнѣ пришлось сдѣлать цѣлую экспедицію въ окрестности живописнаго озера Лохъ-Катрина⁽²⁷⁾, къ владѣніямъ одного задорнаго лерда, захватившаго чужую землю и объявлявшаго, что онъ съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтитъ лицъ, посланныхъ для его вывода. Мы ѣхали съ солдатами и капраномъ, рассказавшимъ мнѣ по этому случаю исторію своихъ походовъ, ѣхали и всякій часъ ждали нападенія. Ночевали мы по-военному, не выпуская изъ рукъ оружія; только подъ-конецъ слухи о сопротивленіи оказались ложными, а самъ непокорный лердъ безъ шума эмигрировалъ въ Америку».

О книгахъ, читанныхъ Скоттомъ съ дѣтскихъ лѣтъ, и о поэтѣхъ, особенно ему милыхъ, многого говорить мы не станемъ. «Есть пора въ жизни (говоритъ онъ самъ съ рѣдкой глубиной наблюдательности), когда мы приходимъ въ восторгъ даже отъ однихъ рифмъ и отъ одного размѣра. До-сихъ-поръ, вслѣдствіе юношескихъ воспоминаній, мнѣ нравятся такія строфы и четверостишія, въ которыхъ снисходительнѣйшій цѣнитель не найдетъ ничего хорошаго. Я читалъ много, читалъ безъ системы, заучивалъ длиннѣйшія стихотворенія, не зная, къ чему они мнѣ современемъ пригодятся. Могу только сказать, что главное направленіе моей фантазіи влекло меня ко всему волшебному, фантастическому, рыцарскому и отдаленному. Узнавъ, что въ итальян-

(27) Впослѣдствіи имъ прославленнаго въ поэмѣ «Дѣва Озера» (Lady of the Lake).

ской словесности есть много твореній въ моемъ вкусѣ, и скоро научился этому языку и познакомился съ поэзіей Тасса, Аріосто, Босардо, Данта и Бокаччіо. Мой рабочій столъ вѣчно былъ загроможденъ десятками самыхъ-разнообразныхъ книгъ, по-большой-части вытхъ на-прокатъ, или купленныхъ въ лавкѣ Джона Сиббальда, содержателя подвижной библіотеки, въ которую по-временамъ заглядывали литераторы того времени, Борисъ, между-прочимъ. Самъ Сиббальдъ былъ человѣкомъ весьма-грубымъ и суровымъ, но недлиненнымъ ни вкуса, ни образованія. Я имѣлъ полное право рыться въ его заброшенномъ запасѣ старыхъ французскихъ и итальянскихъ книгъ, на которыя не находилось охотниковъ между абонентами его библіотеки (28).

Почти каждый человѣкъ, расшевеливая свои юношескія воспоминанія, непремѣнно отыщетъ въ нихъ какую-нибудь книгу, или поэтическое произведение, дѣйствовавшее особенно-благоутворно (а иногда и очень-вредно) на его развитіе, въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду. Подобнаго рода сочиненіемъ для молодого Скотта было знаменитое собраніе старыхъ просто-

---

(28) Труды Вальтера и привязанность его къ безпорядочному чтенію раздѣляли молодой человѣкъ изъ его школьныхъ товарищей, Джонъ Ирвингъ, впоследствии занимавшій важную должность по гражданской службѣ. Оба они, бывши еще дѣтьми, имѣли обыкновеніе прогуливаться вдвоемъ по живописнымъ городскимъ окрестностямъ, посѣщая мѣста, почему-нибудь прикосновенныя къ исторіи, или поэтическимъ преданіямъ. «Въ старомъ замкѣ, или на полѣ стариннаго сраженія, мы оба, такъ сказать, плавали въ своей сферѣ, наполняя удивленіе лицами живыми, въ древнемъ нарядѣ и съ привычками давняго времени». Такимъ-образомъ друзья не разъ всѣщали пещеру, въ которой, по словамъ легенды, спалъ крѣпкимъ сномъ король Артуръ и его рыцари, въ-ожиданіи звуковъ волшебнаго рога, долженствующаго ихъ вызвать изъ долгаго заточенія. Когда время не позволяло предпринять долгаго перехода, молодые фантазёры взбирались на ближайшія скалы, отыскивали тамъ какую-нибудь расщелину, или подобный уголокъ, скрытый отъ взоровъ, садясь въ нее, вытаскивали изъ кармана «Царицу Волшебницъ» Спенсера, «Отравскій Замокъ» Горациа Вальпола и занимались чтеніемъ. Одинъ разъ ими избрана была такая неприступная вора, что, разъ въ нее влѣзши, они совершенно не знали, какъ изъ нея выбраться и едва-было не сломали ногу при отступленіи. Иногда наши юноши, вмѣсто чтенія, условливались разсказывать другъ другу, во время пути, необыкновенныя, романческія исторіи собственнаго сочиненія, задавъ себѣ нужныя тѣмы за нѣсколько дней впередъ. Такимъ-образомъ Скоттъ двумя путями шелъ къ ожидающему его назначенію: во-первыхъ, развивая и обогащая свою фантазію, а вовторыхъ, приобрѣтая, чрезъ регулярный, сухой трудъ, ту способность къ механической работѣ, безъ которой и талантливѣйшій человѣкъ не сумѣетъ совладѣть со своимъ талантомъ.

народныхъ балладъ и пѣсень, изданное около половины прошлаго столѣтiя, Перси, епископомъ дроморскимъ. Въ городкѣ Кельсо, гдѣ проживала ужь извѣстная намъ дѣвица Дженетъ Скоттъ, посреди стариннаго сада въ голландскомъ вкусѣ, съ длинными, прямыми аллеями, обставленными непрерывнымъ рядомъ ивъ и липъ, съ рѣдкими растенiями, группами цвѣтовъ, лабиринтомъ и живой бесѣдкой (bower), посреди которой высился платанъ — цѣлая гора широкихъ листьевъ — сидя подъ этимъ самымъ, имъ изображеннымъ платаномъ, мальчикъ впервые наслаждался «Остатками старинной поэзи» (29) и заучилъ половину вещей, въ нихъ помѣщенныхъ. Въ первый разъ, поглощая эти воинственныя пѣсни, сумрачныя баллады и легенды временъ рыцарскихъ, онъ увидѣлъ, что и его собственныя свѣдѣнiя по части народной поэзи не могутъ назваться ничтожными. Все слышанное имъ въ этомъ родѣ отъ стариковъ-волынщиковъ, старыхъ тѣтушекъ и горскихъ виртуозовъ, стало группироваться въ его памяти, между-тѣмъ, какъ мысль о томъ, что остатки народной поэзи не пустяки, если лицо такого высокаго званiя, какъ Перси, посвящалъ имъ свои досуги, дада ему должный запасъ уваженiя къ сокровищамъ, хранившимся въ его памяти (30).

Еще однимъ занятiемъ, по нашему мнѣнiю, имѣвшимъ чрезвычайно-полезное влiянiе на артистическое развитiе будущаго литератора, должно считать уроки живописи простыми и масляными красками, начатыя подъ руководствомъ крошечнаго и забавнаго еврея, по имени Борреля.

---

(29) Сборникъ епископа Перси до-сихъ-поръ считается и всегда считается будетъ однимъ изъ драгоценнѣйшихъ памятниковъ народной музыки, необходимымъ пособiемъ для историка и настольной книгой всякаго любителя безыскусственной поэзи. Изъ иностранцевъ даже, Августъ Тьерри, въ своемъ извѣстномъ сочиненiи «Conquete de l'Angleterre par les Normands», отдастъ полную справедливость трудамъ Перси; Альфредъ Мишльель, автора весьма-дѣльной книги: «Etudes sur l'Angleterre», посвящаетъ нѣсколько лучшихъ страницъ отчету о трудѣ, давшемъ почти европейскую извѣстность многимъ, дотогу неизвѣстнымъ пѣснямъ и легендамъ. Кто, напримѣръ, изъ грамотныхъ людей не знаетъ сказокъ про Гризельду, стрѣлка, про Робинъ-Гуда и его товарища Литльджона? Русскiй переводъ въ прозѣ, одной изъ граціознѣйшихъ балладъ изъ числа изданныхъ Перси: *О рыцарь и добродѣтельной ольушкѣ*, напечатанъ въ «Современникѣ», кажется, за 1850 годъ, въ Сѣси (Письма о журналахъ).

(30) Короткое пребыванiе Скотта въ Кельсо замѣчательно тѣмъ, что въ этомъ городѣ онъ подружился съ двумя мальчиками, Джемсомъ и Джономъ Беллентейнъ, исторiя которыхъ такъ тѣсно связана со всей исторiей его жизни и литературной дѣятельности.

Часть времени, опредѣленнаго на живопись, проходила въ тщетныхъ усиліяхъ со стороны Вальтера совладать съ трудностями искусства (ни глазъ не былъ зорокъ, а рукъ не доставало вѣрности, говоритъ онъ самъ), между-тѣмъ, какъ остальная посвящалась весьма-интересныхъ бесѣдамъ. «Боррель считался прусскимъ подданнымъ; отецъ его занималъ должность комиссара въ войскахъ Фридриха-Великаго.»

Преемникомъ Борреля по части художественныхъ уроковъ былъ кто Валькеръ, прозываемый Синей-Бородою за свое безобразіе, чело-вѣкъ, повидному, аккуратный и формальный во всѣхъ дѣлахъ жизни, что не помѣшало ему, однакожъ, промотаться до-чиста и умереть несостоя-тельными должникомъ. И подъ его руководствомъ Скоттъ трудился съ ревностью, принесшей за собою награду, хотя нѣсколько и отдаленную. Едва-ли кто-нибудь въ настоящее время сомнѣвается въ той пользѣ, какую извлекаетъ каждый поэтъ и романистъ изъ познанія правилъ живописи, а Скоттъ имѣлъ счастье приобрести сказанныя познанія, именно въ той мѣрѣ, какая была ему надобна. «Слишкомъ-долгія и слишкомъ-успѣшныя занятія живописью», замѣчаетъ Локгартъ (и мы выпишемъ его слова, видя въ нихъ мысль новую и полезную), «могли бъ, вмѣсто пользы, принести вредъ Скотту, какъ художнику-литератору. Онъ могъ привыкнуть копировать съ картинъ вмѣсто то-го, чтобъ изображать природу на своихъ страницахъ. Мы не видали «бы въ его сочиненіяхъ той очаровательной манеры изображать при-роду, которая состоитъ въ выборѣ немногихъ разительныхъ особенно-стей, сгруппированныхъ съ легкою, безсознательною граціею, равно «чуждою и голословныхъ тирадъ стараго времени, и рабской копировкѣ «мелочей, въ которую вдаются второстепенные писатели нашихъ дней. «составители пейзажей, похожихъ на дѣловую опись, поэты, столько же «понимающіе художественный порядокъ, сколько его понимаютъ китай-«скіе рисовальщики».

О дѣтскихъ опытахъ Вальтера въ стихахъ и прозѣ, о его стихо-твореніяхъ «Буря», «Изверженіе Этны», о поэмѣ «Гвискаръ и Ма-тильда», за которую первая его поклонница, ужъ упомянутая нами мистриссъ Кокбурнъ, привѣтствовала его посланіемъ, пророчившимъ ему великую славу въ будущемъ, мы станемъ говорить такъ же мало, какъ и о его школьныхъ занятіяхъ. Лучшимъ результатомъ этихъ по-пытокъ можно назвать то, что молодаго человѣка, какъ сочувствую-щаго искусству и съ нѣкоторымъ успѣхомъ занимающагося поэзіею, избрали членомъ нѣсколькихъ эдинбургскихъ литературныхъ обществъ, гдѣ онъ имѣлъ случай сблизиться съ людьми замѣчательными; а сблизившись съ ними разъ, приобрѣсти ихъ дружбу на всю свою жизнь

Веселый нравъ, большой запасъ энтузіазма и любовь къ людямъ, дѣлали изъ меня несомнѣннѣйшаго сверсника молодыхъ людей, далеко-передвинувшихъ меня познаніями всякаго рода; но въ самыхъ занятіяхъ обществъ я не былъ лицомъ, заслуживающимъ вниманія. Говорить хорошо я могъ только о вредметахъ, которые сильно взволновывали все мое чувства, а статьи мои выходили крайне-плохи отъ непривычки писать и отъ неумѣнья обобщать свои идеи. Я принимался за нихъ не иначе, какъ при совершенной необходимости, и тогда дѣлался похожимъ на лорда Рокрентскаго Замка, *срубавшаго цѣлое дерево для того, чтобъ вскипятить чайникъ*. Количество раздробленныхъ, перепутанныхъ свѣдѣній, запасенныхъ мною по каждому предмету, не-легко поддавалось процессу сжатія, и совладать съ нимъ оказывалось дѣломъ несомнѣннѣйшимъ-легкимъ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ мой странный мозгъ оказывалъ мнѣ хорошія услуги и тѣмъ поддерживалъ, хотя сколько-нибудь, мою репутацію. Драгоценнѣйшими пріятелями моими въ это время были Джонъ Ирвингъ, Вильямъ Клеркъ, имѣвшій служебныя занятія, сходныя съ моими, Джорджъ Аберкромби (впослѣдствіи лордъ), сынъ знаменитаго генерала. Адамъ Фергюсонъ, сынъ известнаго профессора, юноша, соединяющій вѣчно-веселый нравъ съ теплотой сердца, Томасъ Дугласъ, нынѣ графъ Селькиркскій, Давидъ Бойль⁽³¹⁾ и двое или трое еще — все молодые люди, весьма-преданные политическимъ и философскимъ наукамъ, по-временамъ способные *смотрѣть на цѣлый свѣтъ, какъ на пустыки, сравнительно съ предметами, ихъ занимавшими*.

Чтатель, знакомый съ великобританскими нравами прошлаго столѣтія, безъ труда догадается, что засѣданія многочисленныхъ литературныхъ обществъ и клубовъ, которыхъ Скоттъ былъ членомъ, не могли отличатся тишиной и толками объ однихъ только дѣлахъ словесности. И въ «Литературномъ Обществѣ» и въ «Тивіотдельскомъ Клубѣ» и въ собраніи, носившемъ, въ отличіе отъ прочихъ, просто названіе «Клуба», собесѣдники занимались опустошеніемъ бутылокъ съ ревностью, достойною лучшей цѣли. На этихъ пирушкахъ Вальтеръ пріобрѣлъ способность пить весьма-много, не напиваясь пьянымъ, за чтó получилъ названіе *полковника грога*, названіе, можетъ-быть, больше его радовавшее, нежели волшебный титулъ «авторъ Ваверлея», добытый имъ впоследствии. Разъ добывшись способности «быть своимъ господиномъ, даже среди пира», Скоттъ пріобрѣлъ во всѣхъ клубахъ немалое вліяніе, укрощая ссоры, возникавшія за бутылкой между его безпокой-

(31) Бывшій впоследствии лордомъ.

ными сочленами. Много лѣтъ спустя, поэтъ писалъ къ своему сыну Вальтеру, служившему въ гусарахъ : «правы неужелились къ лучшему, и въ настоящую пору рѣдкій гуляка можетъ представить себѣ, въ какой степени невоздержность допускалась въ обществѣ, въ мое время. Молодой человекъ лучшаго круга могъ нантись въ гостай и «безчувствія, пьяный проспать всю ночь на улицѣ, подраться съ лучшимъ пріителемъ — и все это не вѣнялось ему въ нозорь. На улицахъ, ночью, пьяные нападали на проходящихъ, особенно на тѣхъ, кто бродилъ въ трезвомъ видѣ. На меня самого, во времена вюсти, «напали, въ Тронской Улицѣ, трое такихъ молодцовъ; но такъ-какъ «со мною на эти оказіи всегда была толстѣйшая напка, то всё они не «остались въ выгодѣ. Много вреда, по всей вѣроятности, принесли «моему сложенію наши ужины въ тавернахъ и клубныхъ застѣванія. Я «пилъ всякій день, иногда много, иногда мало — вотъ и причина моей «желудочной болѣзни. Советую тебѣ избѣгать употребленія крѣпких «напитковъ. Не думай, однако (прибавляетъ баронетъ шутливымъ тономъ), чтобъ твой родитель во дни молодости былъ совершеннымъ «пьяницей : онъ всегда помнилъ, что изъ всѣхъ пороковъ, пьянство «болѣе всего несомнѣнно съ величіемъ».

Оканчивая о старинныхъ литературныхъ клубахъ Эдинбурга, нельзя не упомянуть о самомъ важномъ изъ числа ихъ «Speculative Society», къ которому Скотта причислили въ январѣ 1791 года. Названное общество считало въ числѣ своихъ членовъ многихъ людей, впоследствии занявшихъ блестящѣйшія мѣста въ судахъ, парламентѣ и словесности. Члены общества избрали Вальтера сперва своимъ бібліотекаремъ, а впоследствии секретаремъ и казначеемъ. Поощряемый ихъ вниманіемъ, онъ написалъ и прочелъ въ собраніи нѣсколько статей, по содержанию своему совершенно согласовавшихся съ направленіемъ его любимыхъ замѣтій⁽³²⁾. Между членами общества, по своему миниатюрному росту, изощрой ирружности, вѣчно-оживленной насмѣшливой улыбкой, по своимъ изящнымъ манерамъ и пламенному, увлекательному краснорѣчію, отличался молодой Френсисъ Джеффри, впоследствии лордъ, деканъ общества шотландскихъ адвокатовъ, первоклассный критикъ и основатель «Эдинбургскаго Обзорнія». Вотъ какими словами описываетъ этотъ замѣчательный человекъ свое первое обліженіе съ В. Скоттомъ.

«Въ самый первый вечеръ, проведенный мною посреди общества, «меня поразила видъ молодого секретаря, важно-сидящаго на конѣ

⁽³²⁾ «О происхожденіи феодальной системы» (1791 г.), «О достоинствѣ поэмы Оссиана» (1792 г.) и «Происхожденіе скандинавской мифологии».

СТУЛА въ преуказанной шерстяной колпакъ. Когда президентъ подошелъ къ своему стулу, чтобъ открыть засѣданіе, эта особа поднялась съ своего мѣста и принесла извиненіе всей компаніи въ томъ, что «злая зубная боль вынудила его явиться въ собраніе, имѣя на себѣ такую злобѣзную машинку. Вслѣдъ за тѣмъ Скоттъ прочелъ свой опытъ «о балладахъ, до того меня поразившій, что я тутъ же попросилъ своего сосѣда насъ познакомить. На слѣдующій вечеръ я зашелъ къ нему и засталъ его, посреди вромечнаго чуланчика въ подвальномъ этажѣ дома, занимаемаго его отцомъ въ Джордж-Скверѣ. Всюду валялись заплеванные книги, старыя монеты, римскія и шотландскія гравюры, древнее оружіе, клайморъ и двусторонняя сѣкира, подаренныя ему лердомъ инвернагайльскимъ. Съ великою тщательностью сохранялось гдѣ-то въ углу, фарфоровое блюдечко съ которымъ связана цѣлая романтическая исторія ⁽³³⁾; имѣлись и другія странныя вещи — основаніе буду-

⁽³³⁾ Исторія фарфороваго блюдечка, о которомъ здѣсь упоминается, до того характеристична, что нельзя не передать ее здѣсь въ подробности. Подобныя разсказы лучше обрисовываютъ вѣкъ и людей, нежели многотомныя диссертациі.

Мистриссъ Скоттъ, мать нашего поэта, несмотря на свои нравственныя достоинства, была любопытна, какъ всѣ женщины. Одинъ разъ осенью, вечеромъ, вниманіе ея привлекъ къ себѣ портшезъ, остановившійся передъ ихъ воротами. Изъ него вышелъ человекъ, тщательно-закутанный въ плащъ, и прошелъ въ рабочій кабинетъ хозяина, послѣ чего двери были тщательно заперты. Мистеръ Скоттъ пришелъ къ женѣ гораздо-позже обыкновеннаго времени; какое-то неуловимое, неопредѣленное чувство ярко выразалось на его лицѣ. На разпросы жены онъ отвѣчалъ темно и неохотно. Въ-теченіе довольно-долгаго времени, почти всякій вечеръ, происходила та же исторія: тотъ же закутанный незнакомецъ являлся въ домъ, бесѣда такъ же долго тянулась, отвѣты мужа становились темнѣе и короче. Добрую хозяйку всего болѣе поражало то, что во время сказанныхъ засѣданій, случавшихся въ пору вечерняго чая и ужина, гостепріимный мужъ ей ни разу не требовалъ никакого питья, или кушанья въ кабинетъ, ни разу не угостилъ посѣтителя хотя бы рюмкой вина. На этомъ-то основаніи мистриссъ Скоттъ, не въ-силухъ будучи переносить дальнѣйшей невѣдѣнности, и рѣшилась основать планъ своихъ дѣйствій. Услыхавъ, поздно вечеромъ, когда незнакомецъ сидѣлъ у мужа, звонокъ въ кабинетъ, она вошла туда съ подвосою и чашками чая, какъ-будто бѣ принявъ зтогъ звонокъ (она очень-хорошо знала, что мужъ ей требовалъ слугу для отправки за портшезомъ) за извѣщеніе о чайной порѣ. Незнакомецъ оказался пожилымъ человекомъ величавой наружности, въ блестящемъ нарядѣ; онъ вѣжливо поклонился, въ отвѣтъ на приглашеніе хозяйки, и взялъ чашку съ подноса. Но мистеръ Скоттъ нахмурилъ брови и не взялъ чая. Черезъ нѣсколько минутъ посѣтитель раскланялся и уѣхалъ. Тогда мужъ мистриссъ Скоттъ отворилъ окно настежь, схватилъ со стола чашку, изъ

«шаго абботсфортскаго музеума, такъ известнаго всей Европѣ. Изъ этой «норки (den) мы отправились въ таверну, гдѣ и поужинали».

Разъ рѣшившись, вмѣсто сухаго перечня событій скоттской молодости, знакомить съ ней читателя посредствомъ характеристическихъ анекдотовъ, способныхъ бросать свѣтъ на этотъ періодъ его жизни, не можно умолчать еще объ одной исторіи, которую сэръ Вальтеръ, по увѣренію лицъ, бывшихъ въ его обществѣ, любилъ подъ старость разсказывать. Посѣщая, въ свободныя отъ служебныхъ занятій часы, курсы лекцій Дюгальда Стюарта, читавшаго въ Эдинбургѣ моральную философію, будущій романистъ часто усаживался волежъ какого-то молодого и трудолюбиваго, но бѣдно-одѣтаго студента, нѣскольکو-старше годами, чѣмъ В. Скоттъ. Знакомство завязалось въ-скорости, и не одинъ разъ новые пріатели, сходясь вмѣстѣ по праздникамъ, совершали, къ обоеудному удовольствію, обширныя загородныя прогулки; но при этомъ одно обстоятельство казалось Скотту весьма-страннымъ: его другъ ни разу не заговаривалъ ни о мѣстѣ своего жительства, ни о своихъ родныхъ, ни о ихъ общественномъ положеніи. Одинъ разъ, возвращаясь вечеромъ изъ уединенной прогулки за городомъ, Вальтеръ встрѣтилъ недалеко отъ городскихъ воротъ дряхлаго, но красиваго старика-нищаго, живописно и неподвижно стоявшаго со шляпой въ рукѣ, опершись на палку. Скоттъ подалъ ему милостыню и съ-тѣхъ-поръ старикъ сталъ попадаться ему на глаза весьма-часто. Вскорѣ послѣ того, гуляя вмѣстѣ съ пріателемъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, будущій романистъ снова встрѣтилъ нищаго, снова подалъ ему мелкую монету и вдругъ, взглянувъ на своего спутника, примѣтилъ на лицѣ юноши признаки ка-

---

которой пилъ незнакомецъ, и, размахнувшись, бросилъ ее на мостовую. Хозяйка вскрикнула, заступаясь за свой фарфоръ, но мистеръ Скоттъ взглянулъ на нее и сказалъ строгимъ голосомъ: «я могу простить ваше маленькое любопытство, сударыня, но вы должны за него заплатить потерю чашки. Я могу принимать у себя по двѣмъ людямъ, которыхъ за всю вселенную не соглашусь видѣть своими гостями. Ни я, ни мои домашніе не стануть пить изъ чашки, оскверненной губами *Муррая Броутонаскаго*».

Этотъ человѣкъ извѣстенъ въ исторіи тѣмъ, что занималъ, въ 1745 году, должность секретаря при принцѣ Карлѣ Эдуардѣ; но чуть экспедиція пошла худо для послѣдователей послѣдняго представиться дома Стюартовъ, рѣшился спасти свою жизнь, выдавая англичанамъ своихъ товарищей, служившихъ въ войскѣ претендента. Лордъ Кильмарнокскій и лордъ Балмерино лишились жизни вслѣдствіе обвиненія Муррая. Когда Сен-Джемская Судная Палата судила послѣдняго, у него было спрошено, при появленіи обвинителя: «вамъ извѣстенъ этотъ свидѣтель, милордъ?» «Нѣтъ!» гордо отвѣчалъ Балмерино; «я зналъ прежде человѣка, именующагося Мурраемъ Броутономъ, но то былъ джентльменъ и человѣкъ честный!»

о—то страннаго замѣшательства. Миновавъ нищаго, онъ тутъ же спросилъ молодаго человѣка : не знаетъ ли онъ чего—нибудь дурнаго насчетъ го старика ? Въ отвѣтъ на такой вопросъ, студентъ залился слезами и кричалъ : « О нѣтъ, сэръ ! сохрани Боже ! но я, презрѣнное существо, стыжусь говорить съ нимъ... онъ мой отецъ ! Въ—теченіе своей жизни онъ довольно заработалъ на свое пропитаніе ; но, чтобъ имѣть средство платить за мои уроки, онъ стоитъ на холоду и на вѣтрѣ съ открытой головою ! » Глубоко—тронутый признаніемъ, Скоттъ успокоилъ учителя, обѣщалъ хранить въ—тайнѣ все узнанное и продолжалъ облюбоваться съ нимъ по—старому. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ довелось ему снова увидѣть нищаго старика въ уединенномъ мѣстѣ, и тотъ попросилъ у него позволенія сказать ему нѣсколько словъ. « Сэръ (начальникъ), « я знаю какъ ласковы вы къ моему Вилли. Онъ говорилъ мнѣ про васъ раньше, чѣмъ я имѣлъ счастье васъ увидѣть. Простите мнѣ за вы моей смѣлости и согласитесь ли доставить мнѣ счастье и удовольствіе видѣть васъ подъ своей кровлею, завтра, въ субботу, въ два часа ? Вилли нездоровъ эти дни, и ему радостно будетъ на васъ взглянуть ». Полный любопытства и теплыхъ чувствъ, Скоттъ согласился, въ указанный часъ пришелъ по адресу въ уединенную избушку, въ той самой части, гдѣ впоследствии было имъ помѣщено жилище Дженни (сестры, героини « Эдинбургской Темницы ». На каменной скамьѣ у входа уже сидѣлъ его молодой пріятель, блѣдный и нѣсколько—похудѣвшій отъ болѣзни, глядя ему навстрѣчу и произнося дружеское пріѣтствіе. Всегда затѣмъ Вилли ввелъ Вальтера въ маленькую, но чистую свѣтелку, гдѣ находился самъ старикъ, въ лучшемъ своемъ платьѣ, занимавшійся качаніемъ бараньей ноги, привѣшенной надъ огнемъ, на крѣпкой—веревкѣ. Баранина, картофель и виски оказались превосходными, а бесѣда, оживленная разсказами старика, много служившаго и видавшаго на своемъ вѣку, тянулась до самаго вечера. Нищій гордился своимъ гостемъ и своимъ сыномъ, и нѣсколько разъ повторялъ, глядя на послѣдняго : « Дастъ Богъ, я поживу и увижу, какъ мой царень (bairn) станетъ болтать головою съ каедры ! » Воротясь домой, Вальтеръ разсказалъ всю исторію своей матери и оба они рѣшились поскорѣй прискаты молодому Вилли мѣсто гувернёра въ хорошемъ семействѣ. Духовникъ госпожи Скоттъ, докторъ Эркингъ, человѣкъ съ сердцемъ и кредитомъ, самъ вызвался на доброе дѣло, съискалъ юношѣ мѣсто и обѣщалъ современемъ позаботиться объ исполненіи желанія старика насчетъ каедры. Таковъ былъ въ обращеніи съ низшими В. Скоттъ, котораго еще такъ недавно нѣкоторые критики и биографы считали представителемъ какъ существа смѣшного и грубого, не-

подненное предрасудковъ, достойныхъ суроваго феодальнаго времени! Отвергать то, что, по нѣкоторымъ изъ своихъ убѣжденій и неслыханнымъ странностямъ, Скоттъ довольно-рѣзко отягчался отъ массы своихъ современниковъ, мы не станемъ, конечно; но въ то же время можемъ сказать съ достовѣрностью и доказать въ слѣдующихъ главахъ нашего труда, что эти убѣжденія и странности имѣли въ себѣ много милаго, патріархальнаго, артистическаго. Любя Стюартовъ и все прикосновенное къ ихъ исторіи, Вальтеръ Скоттъ все-таки былъ лучшимъ подданнымъ и, въ частныхъ сношеніяхъ, другомъ своего настоящаго государя; восторженная его преданность памяти Брюса и Дугласа не влекла за собой никакого непріязненнаго чувства къ своимъ братьямъ-англичанамъ. Пересказывая подвиги своихъ предковъ, онъ, конечно, не сожалѣлъ о тѣхъ временахъ, когда Ватъ Гарденскій безнаказанно грабилъ чужія стада и чужія деревни; но зоркій взглядъ антикварія, изобретенный изученіемъ старины, ясно видѣлъ, что и въ древнія времена земля не была населена одними варварами и разбойниками. Личныя убѣжденія Скотта по этому предмету оказывались чрезвычайно-полезными въ тотъ вѣкъ, когда множество даровитыхъ, но заблудившихся людей въ Англіи указывало полную готовность на основаніи немногихъ, прочтанныхъ или новыхъ сочиненій, перестроивать весь свѣтъ по-своему. Въ бесѣдахъ съ пламеннѣйшими изъ вѣговъ своего времени Скоттъ, съ помощью своей терпимости, веселости и теплоты душевной, часто побуждалъ и наѣки привязывалъ къ себѣ лица, которые могли бы только ожесточиться и предаться еще большому фанатизму, еслибъ ихъ, въ спорѣ, ветрѣтили задоромъ и жесткими выходками. Не слѣдуетъ однакожъ думать, чтобъ на будущаго романиста повременамъ не находили періоды капризнаго и неуступчиваго расположенія, по прямой линіи перешедшія къ нему отъ отца, вмѣстѣ съ деликатностью нрава и другими джентльменскими качествами. Но разница между отцомъ и сыномъ была та, что мистеръ Скоттъ началъ терять мягкость своего характера, поднимаясь далѣе на пути жизни ⁽³⁴⁾, между-тѣмъ какъ Вальтеръ Скоттъ

(34) Про Скотта-отца Локгартъ сообщаетъ нѣсколько исторій, показывающихъ, что въ послѣдніе годы своей жизни достойный старецъ сдѣлался нечуждъ пуританскаго духа, за который когда-то самъ обвинялъ Мичеля. Однажды, когда дѣти его похваляли сушь, стоявшій на столѣ, онъ влилъ въ него кружку воды, сказавъ: «да, онъ *слишкомъ* для васъ хорошъ!» На литературныя занятія Вальтера старикъ смотрѣлъ съ неувольствіемъ; но впоследствии, убѣдясь, что молодой человекъ не имѣетъ стремленія заниматься одной литературой и основать свое общественное положеніе на этомъ шаткомъ грунтѣ, совершенно успокоился.

дній, иногда покоряясь вліанію своей горячей крови во дни молодости въ совершенныя лѣта сдѣлался образцомъ терпимости въ обществѣ.

Мы ужь сказали, что Вальтеръ, несмотря на мѣсто, полученное имъ находящееся подъ правымъ начальствомъ его родителя, началъ готить себя къ званію адвоката, добровольно отказываясь отъ прямой службойной дороги, которая бы, современемъ, доставила ему, безъ хлопотъ, ту самую должность, что занималъ его отецъ и начальникъ. Прина такой повидимому безразсудной мѣры заключалась въ семейномъ исчетѣ: мистеръ Скоттъ, желая обезпечить одного изъ своихъ сыновей, неимѣвшаго блестящихъ способностей Вальтера, самъ предложилъ послѣднему устроить участь меньшаго брата, выбравъ себѣ другую дорогу. Согласно этому плану, будущій романистъ измѣнилъ все занятія, изучилъ законы и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ даже годовъ, упорнаго труда, выдержалъ частный, а потомъ публичный экзаменъ съ полнымъ успѣхомъ. Послѣ экзамена его заставляли прочитывать всѣ тезисы и деканъ факультета далъ молодому человѣку дозволеніе возложить на себя безобразную тогу. Одинъ изъ друзей дома, находившійся при торжествѣ, тутъ же, конечно, изъ любезности обратился къ Вальтеру съ какой-то должностной просьбой, вручилъ ему гинеею (6 р. сер.) какъ адвокатскій гонорарій (fee) и долго послѣ того любимый романистъ Бароны, бравшій вънослѣдствіи по пяти тысячъ гиней⁽²⁶⁾ за одну книгу, стоившую ему нѣсколькихъ недѣль труда, вспоминалъ о радости, доставленной гинеею услужливаго пріятеля. На первые деньги, заработанныя въ адвокатской должности, купленъ былъ матери серебряный подовѣчникъ⁽²⁶⁾, а себѣ большой ночный колпакъ⁽²⁷⁾— можетъ-быть, ту самую зловѣщую шапку, въ которой его увидѣлъ впервые лордъ Джеффри. День избранія, согласно тордаинскимъ обычаямъ, окончился ужиномъ, даннымъ отъ лица Скотта своимъ новымъ товарищамъ.

Событія эти произошли въ концѣ іюня, 1792 года. Вальтеру былъ тогда двадцать-второй годъ отъ рожденія.

⁽²⁵⁾ 30,000 рублей серебромъ.

⁽²⁶⁾ Старая леди, прожившая еще 25 лѣтъ и вполне-насладившаяся славою своего сына, держала этотъ подовѣчникъ на каминѣ и съ гордостью указывала его всѣмъ посѣтителемъ.

⁽²⁷⁾ Въ Англіи и Шотландіи, съ идеей о ночномъ колпакѣ связана идея о брагѣ. Въ день свадьбы жениху дарятъ великолѣпный колпакъ ближайшіе его родственники. Покупая себѣ колпакъ, Скоттъ показалъ, что считаетъ день своего избранія днемъ для себя важнымъ.

IV.

Адвокатскія занятія. — Нѣмецкій классъ и нѣмецкая словесность. — Скоттова переводъ бюргеровой Леноры; успѣхъ. — Приобрѣтеніе черена и жертвѣхъ костей. — Дикій охотникъ. — Изданіе первой брошюры. — Услужливость Эркина. — Творенія и характеръ. — Метью Грегори Льюизъ. — Его романъ и «Повѣсти Ужаса». — Переписка и знакомство съ В. Скоттомъ. — Военныя занятія. — Эдинбургскіе волонтеры, пѣшіе и конные. — Скоттъ избравъ квартирмейстеромъ въ конномъ полку. — Маневры и ученя. — Загородныя поѣздки. — Воспоминанія Скотта и Роберта Шортрида о Лиддальсдальскомъ Округѣ. — Вилла Элліотъ. — Музыкантъ, старый Томасъ О'Туззильгонъ. — «Ура! вотъ наконецъ и боченокъ везуть!». — Знакомства аристократическія. — Мистриссъ Скоттъ-Гарденъ, леди Діана Скоттъ. — Отзыви женщины о наружности и обращеніи Скотта. — Серьезная любовь. — Миссъ Шарлотта Карпентеръ. — Сватовство и женитьба.

Засѣданія шотландскихъ судовъ (sessions), происходя въ одно, известное время года, оставляютъ такимъ-образомъ и судьямъ и адвокатамъ достаточно времени на отдыхъ, сельскую жизнь и разъезды по разнымъ провинціямъ, для распространенія своей репутаціи. Поэтому и жизнь Вальтера Скотта, со времени полученія имъ своего новаго званія, представляетъ собой какъ-бы двѣ отдѣльныя жизни, равно-занимательныя и равно-дѣятельныя, но сходныя между собой только по своему вліянію на литературное развитіе будущаго писателя.

Адвокатскія занятія Скотта не могли назваться обширными: его молодость и конкуренція другихъ, болѣе-знаменитыхъ собратій, мѣтили его практикѣ⁽³⁸⁾, да сверхъ-того онъ говорилъ робко и конфузился передъ большою аудіенціей. Часто ему приходилось, поочереды, быть бесплатнымъ защитникомъ неимущихъ подсудимыхъ, и въ такихъ случаяхъ онъ выполнялъ свою обязанность такъ честно и добросовѣстно, что бѣдняки, не дожидаясь очереди, обращались къ нему за совѣтомъ и помощью.

Часы, свободные отъ должностныхъ занятій, и продолжительные интервалы между судебными сессіями, будущій романистъ употреблялъ на занятія, по своей многочисленности, способныя удивлять собой наглядное поколѣніе.

«Трудно передать читателю (говорить самъ сэръ Вальтеръ въ одномъ изъ своихъ, такъ известныхъ читателямъ, предисловіи), какой эффектъ произведенъ былъ по всей ученой Шотландіи статьею, читанною ис-

(38) Доходы перваго года едва дошли до 25 фунтовъ стерлинговъ; на второй — Скоттъ получилъ около шестидесяти, на пятый — до полтора-ста (суммы, достаточной для жизни, по тогдашнимъ деньгамъ).

эпохъ Маккензи въ Королевскомъ Обществѣ, 21 апрѣля 1788, статью о поводѣ *германской литературы и поэзіи*. Мы въ первый разъ знали о существованіи великихъ, гениальныхъ твореній, на языкъ родственномъ нашему и сходственномъ съ нашимъ по своей мужественной выразительности. Сказанныя творенія были намъ переданы, и по духу и по формѣ согласовались съ лучшими сокровищами нашей словесности. Токлонникамъ Мильтона и Шекспира предстояло знакомство съ поэтами, напоминавшими собой гѣвца «Потеряннаго Рая». съ драматургами, не преклонившимися передъ ложной теоріей единства, искавшими вдохновенія въ полныхъ проявленіяхъ жизни и въ безграничномъ разнообразіи противоположностей. Ихъ вымышленные рассказы, баллады, фантастическое направленіе, любовь къ сверхъестественному затронули вниманіе большинства великобританскихъ литераторовъ. Въ Единбургѣ, гдѣ это впечатлѣніе проявилось еще живѣе, вслѣдствіе значительнаго сходства между языками нѣмецкимъ и нарѣчіями нижнихъ провинцій Шотландіи, шестеро или семеро молодыхъ людей, связанныхъ между собою узамъ тѣсной дружбы, рѣшились составить классъ для изученія нѣмецкаго языка. Они собирались вѣстѣ по условленнымъ днямъ, и часы, проводимые ими въ новомъ занятіи, проходили необыкновенно-пріятно. Вѣчной причиною шутокъ и споровъ была лѣность одного изъ товарищей, нынѣ бесѣдующаго съ читателемъ, который, не имѣя терпѣнія основательно изучать грамматику, думалъ одолѣвать всѣ трудности посредствомъ шотландскихъ и англосаксонскихъ оборотовъ и черезъ то впадалъ въ безчисленные ошибки и промахи». Изъ другихъ свѣдѣній по этому предмету оказывается, что учитель нашей молодежи былъ сантиментальный медикъ Виллихъ, погѣшанный на прелестяхъ геснеровой музы и пытавшійся, весьма-неудачно, сблизить съ нею своихъ веселыхъ слушателей. Соучениками Скотта были Джонъ Макферленъ, Кирктонъ, Вильямъ Клеркъ, Томасъ Томсонъ и еще одинъ молодой человекъ, сынъ пертшейрскаго пастора, по имени Вильямъ Эрскинъ, юноша способностей быстрыхъ и ума необыкновеннаго. Какъ любитель и знатокъ, лекціи посѣщалъ, поощряя молодыхъ людей своимъ примѣромъ, мистеръ Ал. Фразеръ Тейтлеръ, впоследствии одинъ изъ главныхъ судей, и лордъ Вудгоули, переводчикъ шиллеровыхъ «Разбойниковъ».

Вслѣдъ за грамматикой и чтеніемъ нѣмецкихъ авторовъ нашли занятія болѣе-широкія. Кирктонъ весь предался Канту и пустился объяснять своимъ друзьямъ его философію. Скоттъ, повинувшись своей натурѣ, сталъ выучивать наизусть страшныя баллады и передавать отрывки изъ нихъ стихами. Въ это время одна изъ тогдашнихъ женщинъ-писательницъ, о твореніяхъ которой авторъ, къ сожалѣнію своему, не

иметь даже смутнаго понятія, именно миссъ Экинъ, повергнувъ въ восхищеніе всю аристократію Единбурга чтеніемъ (и, вѣроятно, восту-пымъ переводомъ) бюргеровой «Леноры». Эта баллада о мертвецѣ, увезшемъ къ себѣ въ могилу, или въ адъ, тосковавшую по немъ нест-оту, имѣла безпримѣрный успѣхъ на разныхъ языкахъ, подъ разными на-званіями и въ разныхъ краяхъ всей образованной Европы. Безчислен-ные переводы, подражанія, картины и гравюры ⁽³⁹⁾ изъ «Леноры», доста-точно свидѣтельствуютъ истину нашихъ словъ. Вальтеръ не присут-ствовалъ при чтеніи, но на другой же день досталъ себѣ «Ленору» въ оригиналѣ и послѣ ужина рѣшился не ложиться въ постель, не кон-чивъ перевода. Доработавшись до совершенно-неистоваго состоянія, онъ успѣлъ кончить дѣло ранѣе утра.

За-то и успѣхъ былъ немалымъ. И мило и немножко-сѣбно слѣ-дить за эффектомъ, сдѣланнымъ и на читателей и на самого перевод-чика балладю, которая, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, все-таки не-что иное, какъ пустая и довольно-нескладная сказка. Добрая приятель-ница Скотта и повѣренная его сердечныхъ дѣлъ ⁽⁴⁰⁾, миссъ Дженъ Кри-стоупъ (внѣсладствіи нѣмецкая графиня Пургисталль) тотчасъ же на-писала къ предмету вальтеровой страсти: «Клянусь честью, изъ Валь-тера Скотта выходитъ истинно-великій поэтъ, нѣчто среднее между Борнсомъ и Гремъ!» Въ тотъ же день баллада была прочитана самимъ авторомъ другому своему другу, сэру Александру Вуду, тихимъ и тор-жественнымъ голосомъ. «Не успѣли мы сказать нѣсколькихъ словъ о «достоинствахъ самой поэмы, какъ Скоттъ замолчалъ и молча сталъ «глядѣть на огонь. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, онъ вдругъ

⁽³⁹⁾ Намъ еще недавно случилось видѣть одну, истинно-ужасную кар-тину изъ «Леноры», писанную французомъ, имени котораго мы не упоминаемъ. Адскій конь, съ рыцаремъ и дѣвицей, скачетъ около кладбища; мертвецъ поднимаетъ забрано шлема и обнаруживаетъ не черепъ, не мертвое, или живое лицо, а какой-то отвратительный остатокъ лба и щекъ, сквозь который уже проглядываютъ кости.

⁽⁴⁰⁾ Мы ничего не сказали о первой привязанности В. Скотта, не на-ходя въ ней ничего ни особенно-характеристическаго, ни даже заниматель-наго. Вальтеръ влюбился въ молодую и богатую дѣвушку, съ которой видался у обѣдни. Разъ, во время дождя, онъ одолжилъ ей свой зон-тикъ, при выходѣ изъ церкви. Оказалось, что семейство дѣвицы было знакомо мистриссъ Скоттъ, и что сама Матильда очень любила литературу. Изъ этого возникла дружба и даже переписка о литературныхъ предме-тахъ; но ни родители юной особы, ни она сама не имѣли желанія поспрѣть искательства молодаго адвоката, едва-имѣющаго доходъ, достаточный для одинокой жизни. Матильда вскорѣ вышла замужъ за человека довольно-знатнаго, а Скоттъ, какъ мы скоро увидимъ, утѣшился, въ свою очередь.

«сказалъ мнѣ: «Боже мой! Боже мой! какъ бы мнѣ хотѣлось имѣть черепъ и двѣ кости, сложенные накрестъ!» Вудъ, самъ находившійся подъ влияніемъ неземной воззвн, объявлялъ очень-резонно и серьезно, что если шотъ желаетъ сходить вмѣстѣ съ нимъ къ славному хирургу Джону Беллю, то въ его домѣ онъ можетъ получить желаемое. Друзья тутъ же пустились въ путь и не мало были поражены, когда Белль (одинъ изъ безжалостнѣйшихъ насильниковъ того времени) отъ души засмѣялся, узнавъ о причинѣ ихъ прихода. Однакожъ, онъ, какъ добрый хозяинъ, попросилъ Скотта войти въ его кабинетъ и выбрать оттуда вени по своему вкусу. Черепъ и кости были выбраны, завернуты въ носовой платокъ и отнесены переводчикомъ «Леноры» въ свою квартиру, гдѣ и стояли на шкапѣ во все время его тамъ пребыванія. Долго спустя, Вудъ имѣлъ удовольствіе увидать тамъ знакомый ему черепъ съ костями, на шкапѣ же, въ одной изъ комнатъ Абботсфордскаго Замка.

Кончивъ съ «Ленорой» и насладившись своимъ успѣхомъ, Скоттъ принялся за другую балладу, Бюргера же, известную подъ названіемъ «Дикаго Охотника», и перевелъ ее гораздо-лучше и глаже, все болѣе и болѣе свыкаясь съ трудностями стихосложенія. Бюргеровъ «Дикій Охотникъ» никогда не имѣлъ той популярности, какаа выпала на долю «Леноры», но онъ несомнѣнно-грандіознѣе и страннѣе этой баллады. Въ немъ есть черты феодальныхъ временъ и послѣдніа ея страницы, когда нечестивый баронъ, свершившій мѣру своихъ преступленій на охотѣ въ день воскресный, видитъ вокругъ себя адскихъ собакъ и адскихъ всадниковъ, посреди лѣса, темноты и, кажется, еще грома и молніи, способна потрясти душу читателя. Обѣ баллады, чрезъ содѣйствіе В. Эрекина, имя котораго намъ не разъ придется встрѣтить въ-теченіе этой біографіи, отданы были эдинбургскому книгопродавцу Миллеру, какъ, кажется, безъ вознагражденія съ его стороны, и напечатаны въ 1796 году шотландскою брошюрой, безъ имени переводчика. Судя по Эдинбургу, успѣхъ книжки могъ назваться, весьма-удовлетворительнымъ, но изъ жителей Англіи только весьма-малая часть узнала о ея существованіи ранѣе появленія сказаннаго изданія. Бюргерова «Ленора» разъ пять являлась въ англійскихъ переводахъ, въ передѣлкахъ на британскій ладъ, и энтузіазмъ публики весь пошелъ на трудъ въ этомъ же родѣ, сдѣланный *Вильямомъ Тэйлоромъ Норвичскимъ*, молодымъ литераторомъ, всю жизнь подававшимъ самыя блистательныя надежды и никогда ихъ неосуществившимъ (41). Тѣмъ не менѣе, Скоттъ

(41) Вильямъ Тэйлоръ (съ прибавленіемъ Норвичскій, въ отличіе отъ другихъ Тэйлоровъ) родился въ Норвичѣ, въ 1765 году, отъ весьма-

получилъ не одинъ признакъ одобренія какъ отъ лучшей части анн-бургскихъ жителей, такъ и отъ довольно-многочисленныхъ литераторовъ, которымъ послалъ свое первое твореніе. Знаменитые его профессора Дюгальдъ Стюартъ и Вильямъ Тэйлоръ, о которомъ мы сейчасъ говорили, отвѣчали на знакъ его вниманія лестными письмами и, спустя нѣсколько времени, благодаря своей «Леонорѣ», будущій романистъ вошелъ въ письменныя сношенія съ человѣкомъ, о которомъ въ то время не могъ подумать безъ сердечнаго трепета, именно Льюисомъ, пользовавшимся въ то время блистательною, хотя кратковременною славою за свой романъ, исполненный всякаго рода ужасовъ и индодовъ, едва-ли непревосходящихъ по этой части всѣ страшныя исторіи, когда-либо писанныя человѣкомъ⁽⁴²⁾. Такъ-какъ въ Льюисѣ, такъ сказать, сосредоточилось извѣстное (и, конечно, оригинальное) направленіе поэзіи, то мы осмѣлимся сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ человѣкѣ и его странномъ, однако, переведенномъ едва-ли не на всѣ европейскіе языки сочиненіи.

Матью Грегори Льюисъ (Lewis) литературный денди, пріятель Скотта, Байрона, госпожи Сталь и многихъ знаменитыхъ людей своего

богатыхъ родителей. Онъ получилъ отличное воспитаніе и въ первой молодости два раза ѣздилъ въ чужіе края, для изученія коммерціи и иностранныхъ языковъ. Ему было 18-ть лѣтъ, когда, вернувшись изъ Германіи, онъ привезъ съ собою, вмѣстѣ съ обширными, по-тогдашнему, свѣдѣніями о германской словесности, нѣсколько стихотвореній, переведенныхъ имъ изъ Фосса, Гёте и Бюргера. Вслѣдъ затѣмъ онъ первый перевелъ «Ленору» (съ измѣненіями въ исторіи и размѣрѣ); переводъ его глаже, чѣмъ Скоттовъ, но бѣднѣе поэзіею. Двадцати лѣтъ отъ-роду, онъ сталъ какъ-бы въ посредники между англійской публикой и германской словесностью—обстоятельство, слишкомъ-рано давшее ему авторитетъ и извѣстность. Онъ былъ звѣздой литературныхъ клубовъ своего города и въ Лондонѣ его принимали очень-ласково. Въ это лучшее время своей дѣятельности онъ перевелъ лессингова «Натана», потомъ шиллерову «Мессинскую Невѣсту» и «Ифигенію» Гёте. Соути былъ его другомъ, а Кольриджъ отчасти ученикомъ. Къ-сожалѣнію, онъ разбросалъ свои свѣдѣнія по мелкимъ статейкамъ и мелкимъ переводамъ, да, сверхъ-того, не въ мѣру отдался политикѣ. Всю жизнь собирался онъ изготовить что-нибудь оригинальное и остался при одномъ намѣреніи. Даже славу знатока нѣмецкой словесности Тэйлоръ не поддержалъ, какъ слѣдуетъ, ставя, напримѣръ, Коцебу наравнѣ съ Шекспиромъ, что наконецъ вызвало опроверженіе со стороны лицъ, продолжавшихъ изучать нѣмецкую словесность. Последние его годы прошли весьма-печально, вслѣдствіе неудачъ литературныхъ и торговыхъ. В. Тэйлоръ умеръ въ мартъ 1836 года, 71 года отъ-роду.

⁽⁴²⁾ Романъ этотъ «The Monk», въ русскомъ переводѣ называется: «Монахъ, или пагубныя слѣдствія пылкихъ страстей».

времени, былъ маленькимъ, бойкимъ, нѣсколько-подсгпеватымъ чело-
вѣчкомъ, исполненнымъ необузданнаго воображенія и честолюбія, столь-
ко же необузданнаго. Славы литературной ему хотѣлось съ дѣтскихъ
лѣтъ и всѣ средства казались ему хороши для достиженія своей цѣли.
Примѣтивъ пристрастие публики къ романамъ и преимущественно къ
врачнымъ романамъ годвиновской школы (первымъ отцомъ страшныхъ
романовъ, былъ сатирическій Вальполъ въ своемъ сочиненіи «Отрант-
скій Замокъ») онъ рѣшился разомъ перещеголять всѣхъ своихъ предше-
ственниковъ и соперниковъ, поднести читателю такую повѣсть ужаса
(tale of terror), какой еще до него не бывало. Прекрасно владея язы-
комъ и страдая очень-изящными стихами, онъ быстро составилъ романъ
изъ испанскихъ нравовъ, въ которомъ главная роль дана была злому
духу. Этотъ духъ ада, являющійся во многихъ видахъ, между-прочимъ,
въ образѣ прекрасной женщины, совращаетъ съ истиннаго пути одного
добродѣтельнаго, но слишкомъ-гордаго человѣка, и ведетъ его къ поги-
бели черезъ цѣлый рядъ злодѣйствъ и преступленій. Но Льюизъ очень-
мало думалъ о томъ, какой вредъ могла принести его книга; онъ хотѣлъ
пугать и дѣйствовать на страсти, во что бы ни стало. Съ этой цѣлью
къ своему потрясающему, хотя довольно-цѣлѣпому разсказу главной
интриги, онъ прибавилъ нѣсколько фантастическихъ балладъ и эпизо-
довъ (43).

Весь романъ кончается сценами самыми кровавыми и возмутитель-
ными. Несмотря на вопіющія несообразности сочиненія, безпримѣрный
успѣхъ наградила Льюиза за его ловкость. Герцоги и графини, кото-

(43) Одинъ изъ нихъ — совершенство въ своемъ родѣ. Вся исторія
довольно-проста. Одинъ изъ героевъ романа, влюбленный въ дѣвушку,
обитающую въ какомъ-то старомъ замкѣ, хочетъ увести ее и придумы-
ваетъ, для облегченія побѣга, хитрость такого рода. Всѣ жители замка
убѣждены въ томъ, что разъ въ годъ въ немъ является тѣнь которой-
то изъ его владѣтельница, дамы, крайне-преступной и погибшей вслѣд-
ствіе своихъ преступленій. Въ ту ночь, когда привидѣніе должно яв-
ляться въ бѣлой, окровавленной одеждѣ, съ книжаломъ и фонаремъ въ
рукахъ, всѣ сторожа и люди уходятъ со своихъ мѣстъ, оставляя двери не-
запертыми. Основываясь на этомъ предразсудкѣ, дѣвушка соглашается,
нарядившись въ костюмъ, подобный наряду привидѣнія, пройти въ ворота
и сѣсть въ экипажъ своего друга. Въ назначенный часъ, дѣйствительно,
особа въ длинномъ, бѣломъ платьѣ, съ необходимыми пятнами крови, вы-
ходитъ изъ воротъ и идетъ въ условленное мѣсто. Женихъ подсаживаетъ
ее въ экипажъ и садится вмѣстѣ съ нею. Лошади мчатся, чуя, что везутъ
что-то недоброе; буря поднимается на ночномъ небѣ. При блескѣ мол-
ній, молодой селадонъ открываетъ, что увезъ, вмѣсто невѣсты, настоящее
привидѣніе. Все это описано превосходно.

рыми онъ бредилъ истосниво, стали приглашать его къ себѣ; къ счастью изданій романа разошлось съ быстротою. Торопясь извлечь изъ своей удачи все, что только можно изъ нея извлечь, нѣтъ романтизмъ рассудилъ пустить въ свѣтъ объявленіе о сборникѣ странныхъ стихотвореній и исторій, имѣющаго въ-скорости выйти въ свѣтъ подъ его редакціею и названіемъ «Повѣстей Ужаса». Но такъ-какъ никакихъ новыхъ повѣстей ужаса въ запасѣ не было, и самъ издатель, закружившись въ модномъ свѣтѣ, получилъ отвращеніе къ труду, то дѣло не оканчивалось легкимъ и требовало многихъ сотрудниковъ. Въ это время изумительный Эркингъ (идеалъ услужливыхъ друзей), имѣвшій въ Лондонѣ стланное знакомство и вѣдвшій туда по дѣламъ, вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ шоттовыхъ переводовъ изъ Бюргера, указалъ на нѣгъ Льюизу, прибавивъ, что нѣтъ составитель имѣетъ въ своемъ портфелѣ много *германской чертовщины*. Маленькій антрепренёръ литературныхъ ужасовъ, тотчасъ же послалъ Скотту ласковое письмо, завязалъ съ нѣмъ переписку, ослѣпилъ своимъ величіемъ, очаровалъ пріятностію обращенія и безъ труда завербовалъ въ свои сотрудники. Вскрѣдъ затѣмъ онъ посѣтилъ Эдинбургъ, наслаждался тамъ лестными пріемомъ и опять не забылъ лично обласкать Вальтера. «Что я почувствовала (черезъ тридцать лѣтъ говорилъ авторъ Ваверлея Олленъ Коннингену), когда получено было мною отъ Льюиза приглашеніе отобѣдать съ нѣмъ вмѣстѣ, въ его гостиницѣ! Въ семнадцать лѣтъ, глядя на Борнса, я не испытывала части тогдашнихъ ощущеній! (44).

(44) Не мѣшаетъ прибавить, что «Повѣсти Ужаса» долго не выходили въ свѣтъ; наконецъ вышли и прошли безъ успѣха: ложный вкусъ не могъ существовать долго. Самъ Льюизъ продолжалъ жить въ лучшемъ кругу Лондона, путешествовать по Европѣ, изрѣдка писать стихи и веселиться. Онъ умеръ около 1826 года, въ Ямайкѣ, принявъ полученное имъ наследство. Въ первое время сношеній съ Вальтеромъ Скоттомъ, Льюизъ былъ ему довольно-полезенъ черезъ свое вліяніе у книгопродавцовъ и въ кружкахъ литературныхъ.

Для любителей литературныхъ подробностей приводимъ здѣсь два отзыва о М. Г. Льюизѣ, Байроновѣ и Скоттовѣ. Не нужно подписывать, который кѣмъ составленъ: оба великіе поэта высказываются съ первыхъ словъ.

1) «Льюизъ былъ добрый человекъ, умный человекъ, но какъ онъ надоѣлъ мнѣ! Я единственно утѣшался, или жистилъ ему, страдая отъ какой-нибудь вспылчивой особы, ненавидящей болтовню, съ Гобгоузомъ или госпожей Сталь. Однако я любилъ Льюиза: то былъ брильянтикъ въ скверной оправѣ, не въ смыслѣ физическихъ красотъ, однакожъ. Онъ былъ скученъ и болтливъ и какъ любилъ перечесть всякому на всякомъ словѣ! Когда намъ случилось ѣздить верхомъ около Бренты, онъ, по близорукости, цукалъ меня впередъ, а я, по раз-

Кромѣ занятій служебныхъ, ученыхъ и литературныхъ, Вальтеръ Скоттъ въ течение довольно-обширнаго пространства времени, обширнаго настоящаго главою біографіи (1793 — 97), имѣлъ еще одно занятіе, сильно его интересовавшее, именно: изученіе военного искусства на практикѣ, въ кавалерійскомъ полку эдинбургской милиціи, собранной въ началѣ войны съ Франціею ⁽⁴⁵⁾. Не было солдата неутомимѣе его (разсказываетъ мистеръ Скинъ, другъ и сослуживецъ Скотта): не оставляя своихъ постоянныхъ занятій, трудясь и читая до позд-

свѣтлости, причинялъ ему великія бѣдствія, въѣзжая въ рѣку, перескакивая болота и лужи, гдѣ онъ вязъ, и дважды наѣзжая на дилжансы, къ ужасу пассажировъ. Три раза я терялъ его въ сумракахъ и долженъ былъ подавать сигналы, будто во время кораблекрушенія. Всю дорогу Льюизъ проводилъ въ болтовнѣ, ибо то былъ человѣкъ «великаго многословія». Бѣдный Матъ! онъ погибъ жертвой своего новаго богатства, во второй разъ посѣщая Ямайку (гдѣ росъ его сахаръ).

Я много сахара бы далъ,
Чтобъ Льюизъ нашъ не умиралъ!

2) И я отдалъ бы свою долю сахара, чтобъ спасти Льюиза. Много ли у насъ друзей безъ слабостей, или со слабостями, способными возбудить одну шутку? Его дурныя стороны только могли насъ забавлять. Онъ ѣздилъ въ Ямайку затѣмъ, чтобъ улучшить положеніе своихъ невольниковъ. Онъ дѣлалъ много добра украдкой и былъ щедрѣе созданиемъ... Льюизъ сходилъ съ ума на высокихъ знакомствахъ. Герцоги и герцогини не сходили у него съ языка, и всякій человѣкъ съ титуломъ могъ разсчитывать на его патетическую привязанность. Можно было, видя его, сказать: вотъ недавній рабчелъ, а между-тѣмъ онъ всю свою жизнь провелъ въ хорошемъ обществѣ. У него были быстрые глаза, вышуклые, какъ у наѣтокъ. Вся фигура его напоминала собой мальчика: это былъ самый маленькій изъ всѣхъ правильно-сложенныхъ людей, мною видѣнныхъ. Живописецъ Соундерсъ изобразилъ Льюиза въ черной мантии со складками, изъ-подъ которой видѣнъ былъ кинжалъ, потайной фонарь, или какой-то другой смертоносный аппаратъ; но сходство было сохранено въ-точности. Матъ до конца жизни казался ребенкомъ; и точно, его можно назвать ребенкомъ, даже испорченнымъ ребенкомъ, но все-таки ребенкомъ съ высокимъ воображеніемъ, которое онъ растратилъ на привидѣнія и нѣмецкіе романы. Онъ имѣлъ отличное ухо для стиховъ, лучше байронова.

⁽⁴⁵⁾ Въ англійской кавалеріи званіе quarter master не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ квартирмейстеромъ. Quarter Master — одинъ изъ замыкающихъ унтер-офицеровъ, на котораго въ походѣ возлагается постоянная обязанность квартирьера. Такъ-какъ эдинбургскій полкъ весь состоялъ изъ джентльменовъ, то мѣсто, данное Скотту, могло считаться наградою, при его молодыхъ лѣтахъ: офицерами полка были или баронеты, или лица почетныхъ лѣтъ, или отставные кавалеристы. Впрочемъ, должность Скотта нужно считать офицерскою, такъ-какъ къ ней была присоединена обязанность казначея и завѣдывающаго шьемонной частью.

ной ночи, онъ являлся на утреннія ученья чуть не верилъ, и запоздавшіе волонтеры могли быть увѣренными, что найдутъ его на полѣ, окруженнаго всѣми своимъ эскадронамъ, съ пѣсней, или веселой сказочкой на устахъ. Безъ графа Вальтера (Earle Walter), какъ называлъ Скотта весь полкъ, не существовало веселости на отдыхѣ, или въ свободныя минуты до окончанія сбора; при немъ же смѣхъ и шутки сыпались отовсюду, едва утихая при началѣ равненія. Такъ-какъ бѣльшая часть волонтеровъ имѣла свои занятія, независимыя отъ военной службы, то ученья производились въ пять часовъ утра, и Скотту часто приходилось, слѣзши съ лошади, бѣжать прямо въ судъ, надѣвать тамъ парикъ, адвокатскую тогу и часа четыре присутствовать на засѣданіи.»

Съ наступленіемъ теплыхъ мѣсяцовъ каждаго года, начинались загородныя поѣздки по должности и для увеселенія. Нигдѣ и никогда молодой адвокатъ не чувствовалъ себя такъ счастливымъ, какъ посреди горъ и живописныхъ озерныхъ окрестностей лядльсдельскаго края, верхомъ на добромъ конѣ, одинъ или съ двумя друзьями своего сердца, а при случаѣ, и просто съ какимъ-нибудь забавнымъ чудачкомъ, или веселымъ поселенникомъ. «На первой нашей поѣздкѣ (разсказываетъ спутникъ Скотта Р. Шортриджъ), хозяинъ ближайшей фермы Вилли Элліотъ, по всей вѣроятности, никогда невиданній адвоката и получившій извѣстіе, что къ нему ѣдетъ одна изъ такихъ особъ, дождался насъ у воротъ, встрѣтилъ Скотта съ великой почестью и непремѣнно хотѣлъ самъ вести его лошадь въ конюшню. Я за нимъ послѣдовалъ, смѣясь, а Скоттъ остался одинъ въ первой комнатѣ. Тогда Вилли еще разъ посмотрѣлъ на своего гостя въ дверную щелочку и, оборотясь ко мнѣ, прошепталъ: «ну, дружище Робинъ, чортъ возьми, если я его боюсь хоть сколько-нибудь: онъ такой же дѣтина, какъ и мы съ тобою!» Собаки, постоянно любимшія Скотта (46), собрались около него и его къ нимъ ласковость окончательно укрѣпили нервы добраго Вилли, а въ-теченіе обѣда и пуншевой бесѣды онъ успѣлъ развеселиться какъ слѣдуетъ.

Простившись съ Вилли и посѣтивъ пастора Элліота клейгедскаго, имѣвшаго у себя запасъ старыхъ балладъ и пѣсень, наши путники переночевали въ пасторскомъ домѣ, гдѣ, какъ въ старое время, гости

(46) Скоттъ всю свою жизнь пользовался необыкновенной привязанностью всѣхъ домашнихъ животныхъ, не только собакъ, на примѣръ, или кошекъ, но птицъ, лошадей, барановъ и такъ далѣе. Иногда за нимъ бѣжалъ какой-нибудь поросенокъ, не говоря ужъ о чужихъ собакахъ, пристававшихъ къ нему безпрестанно со своими ласками.

или по двое на одной постели, наши путники, съ разсвѣтомъ поѣхали къ старому Томасу О'Тузильгопу (*auld Thomas o'Thuzilchorp*), артисту, извѣстному въ округѣ за свою великолѣпную игру на волынѣ. Старикъ встрѣтилъ гостей какъ нельзя ласковѣе, подавъ завтракъ, сыгралъ множество необыкновенныхъ погсеахъ на своемъ инструментѣ, между дѣломъ, изготовилъ пуншъ изъ виски, въ крошечномъ деревянномъ сосудѣ, имѣющемъ форму ведра и носящемъ странное названіе *чудрость!* Этотъ сосудъ ужъ пятьдесятъ лѣтъ былъ извѣстенъ въ колоткѣ тѣмъ, что никто еще не вставалъ изъ-за него трезвымъ—съ такой ловкостью старый Томъ успѣвалъ его вновь наполнять, незамѣтно для гостей. Отдавъ должную дань «мудрости», туристы сѣли на лошадей и двинулись далѣе. «Ай, ай! (разсказываетъ Шортридъ на чудномъ, по своей наивности, шотландскомъ нарѣчій), откуда этотъ бѣсъ Вальтеръ набиралъ въ себя столько веселости и шутовства всякаго! Ста шаговъ мы не проѣзжали безъ того, чтобъ не пѣть, или не хохотать, или не кричать изо всѣхъ силъ! Гдѣ бы мы ни останавливались, какнѣтъ молодцомъ онъ подлаживался ко всякому! Ни передъ кѣмъ онъ не задираетъ носу, ни на кого онъ не хмурился. Онъ всегда былъ агентльменомъ!»

Одинъ разъ, вечеромъ, проѣхавъ порядочное пространство пустырями, Скоттъ съ Шортридомъ нашли гостепрѣимство въ уединенной фермѣ, названіе которой потеряно для исторіи. Честный владѣтель, глава обширной фамиліи, принявъ друзей очень-ласково, накормилъ ужиномъ, но, къ изумленію и даже къ удовольствію, не сдѣлалъ пунша, не поилъ никого и къ столу подавъ только какую-то бутылку водянки. По окончаніи ужина, добрый хозяинъ началъ дремать — обстоятельство довольно-замѣнительное, если взять въ соображеніе его дневные труды. Но вдругъ, къ минутному ужасу всей компаніи, онъ, какъ безумный, вскочилъ съ своего мѣста и, протирая глаза, закричалъ изо всей силы! «Ура! вотъ наконецъ и боченокъ везуть!» Въ ту же минуту вступили въ комнату два цастуха-атлета, еще наканунѣ отправленные къ знакомому контрабандисту, для покушки хорошей водки, чтобъ честно угостить адвоката! Боченокъ поставили на столъ, принесли воду, сахаръ—и веселье продолжалось до нервныхъ лучей солнца. Анекдотъ этотъ всегда оставался любимымъ анекдотомъ сэра Вальтера; онъ даже любилъ представлять дремлющаго хозяина и потомъ, вскаквивая, возглашать громовымъ голосомъ: «Ура! вотъ наконецъ и боченокъ везуть» (47)!

(47) «Во время всѣхъ этихъ поѣздокъ (прибавляетъ Шортридъ) мы по недѣлжмъ не опускали руки въ карманъ: деньги оказывались ненужными.

Къ-счастью, не всё кліенты и родственники Скотта принадлежали къ числу сельскихъ чудаковъ : между ними находилось нѣсколько лицъ отличнаго образованія, знакомыхъ со всѣми тонкостями свѣтской жизни и всегда готовыхъ ласково принимать даровитаго юношу. Въ замкѣ Мартоунскомъ, гдѣ проживалъ въ 1796 году Скоттъ Гарденскій (правной потомокъ стараго Вата), молодой человѣкъ, много-читавшій и путешествовавшій, Вальтеръ Скоттъ приобрѣлъ родственную пріязнь жены лезянна, урожденной графини Брюль-Марткирхенской, дочери сансовскаго посланника при сент-жемскомъ дворѣ, молодой особы, съ извѣстнымъ манеръ соединявшей любовь къ словесности и превосходное знаніе многихъ языковъ, изъ которыхъ два, нѣмецкій и англійскій, были для нея равно родными языками. Нѣмецкая бібліотека мистриссъ Скоттъ Гарденской постоянно была къ услугамъ Вальтера; но общество собиравшееся въ Мертоунѣ, во многихъ отношеніяхъ заставляло забывать о бібліотекѣ. Дружбу хозяйки къ Вальтеру совершенно раздѣляли самъ супругъ ея и его мать, леди Діана Скоттъ, умнѣйшая старуха, прочитавшая въ юности при дворѣ королевы Анны, гдѣ лично видѣлась съ Попомъ, Эддисономъ и другими лицами, прославившими это отдаленное царствованіе. Изъ воспоминаній госпожи Скоттъ-Гарденской, сообщенныхъ ею зятю покойнаго сэра Вальтера, мы можемъ составить себѣ ясное понятіе о манерахъ и наружности великаго поэта въ пору молодости. «Когда я въ первый разъ увидѣла сэра В. С.» (говорить эта замѣчательная женщина), ему было около двадцати-пяти лѣтъ, но не видъ онъ казался гораздо-моложе. Онъ казался (вѣроятно, только при женщинѣхъ) застѣнчивъ и неловокъ ; но въ его рѣчахъ сверкали такіе искры необыкновенныхъ способностей, что впоследствии, когда наша дружба завязалась тѣснѣе, я постоянно чувствовала, что бесѣдую съ гениальнымъ человѣкомъ. Онъ былъ чрезвычайно-скромнъ по части своихъ литературныхъ трудовъ, и, показывая ихъ мнѣ, какъ-будто не создавалъ ихъ достоинствъ. Всѣ замѣтки насчетъ языка ⁽⁴⁸⁾ онъ принималъ необыкновенно-просто и весело, не думая оскорбляться никакими совѣтами.

Наружность его была очень-пріятна : при очень-высокомъ ростѣ онъ казался силенъ и строенъ ; недостатокъ въ ногѣ не могъ его очень портить. Лицо было свѣжо и глаза свѣтлы, какъ у мальчика; улыбка поражала своей пріятностью, сверхъ-того, открывала рядъ правильныхъ и чрезвычайно-бѣлыхъ зубовъ. Общее выраженіе лица отличалось свѣ-

(48) Читатель вспомнить, что сэръ Вальтеръ до конца дней не могъ отвыкнуть отъ скоттацизмовъ.

меніюмъ задумчивости съ нѣжностью, невинной веселости съ важностью, которую придавалъ всей головѣ его лобъ, высокій и благородно сфори- ованный. На немъ могли остановиться глаза не одной прекрасной жен- щины. Это описаніе, можетъ-быть, во многомъ пристрастно, но оно не- лишкомъ противорѣчитъ отзывамъ другихъ лицъ, знававшихъ Скотта въ его молодости. Женщиныамъ онъ могъ нравиться, даже не успѣвъ возжечь себѣ своей великой извѣстности, которая, какъ извѣстно, часто превращаетъ въ красоту недостатки физическіе, по-крайней-мѣрѣ, въ глазахъ женщинъ (потому-что между мужчинами едва-ли кто-нибудь люблялся въ какую-нибудь безобразную дѣву единственно изъ-за ея литературной извѣстности).

Какъ бы то ни было, Вальтеръ Скоттъ въ послѣднихъ годахъ пре- цлага столѣтія могъ иногда, по своему собственному признанію, до- вольно молодыхъ и хорошенькихъ особъ до такого къ себѣ расположенія, что не одна изъ нихъ рѣшалась, на балѣ, вмѣсто танцевъ, просижи- вать въ уголку залы съ своимъ хромымъ кавалеромъ. Но несчастная любовь, о которой мы недавно упомянули, не развила въ немъ охоты къ волокитству, между-тѣмъ, какъ первая серьезная привязанность, возникшая вслѣдъ за нею по своей продолжительности и счастливому окончанію, на вѣчныя времена положила предѣлъ любовнымъ подвигамъ Скотта.

По окончаніи судебной сессіи, 1797 года, будущій романистъ от- правился, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Джономъ и весельчакомъ Ада- момъ Фергюссономъ, къ берегамъ англійскихъ озеръ, ужь тогда на- чинавшихъ входить въ славу за красоту ихъ окрестностей. Черезъ Твидскую Долину, Карлейль, Пенротъ, Броугамъ Каотль и Виндер- меръ, наши туристы прибыли въ красивое уединенное мѣстечко Гей- лендъ, гдѣ тоже были воды, и, плѣвившись его мѣстоположеніемъ, рѣшились пожить нѣсколько времени около находившихся тамъ минераль- ныхъ водъ, подобно героямъ, впоследствии описанныхъ Скоттомъ въ его «Источникѣ Сент-Ронанскомъ». На первой же утренней прогулкѣ три друга были поражены красотой одной амазонки, вѣзшей передъ ними. Молодые люди не снукали съ нея глазъ и успокоились только, узнавъ, что эта ея обитаетъ въ Гейлендѣ и пользуется тамошними водами. На балѣ, вечеромъ, они познакомились съ своей очаровательницей и сами произвели на нее доброе впечатлѣніе, благодаря своимъ красивымъ мун- драмъ (всѣ трое служили въ милиціи). Вальтеру, непринимавшему уча- стія въ танцахъ, за ужиномъ удалось сидѣть возлѣ дѣвушки и тѣмъ одержать верхъ надъ своими товарищами.

Знакомство завязалось и скоро перешло во взаимную любовь. Миссъ

Шарлотта Маргаретъ Карниетеръ родилась въ Англїи, отъ французскихъ родителей, впоследствии эмигрировавшихъ вмѣстѣ съ нею и даже разставшихся съ своими родовыми именемъ Шарпантье. Въ настоящее время у нея не было ни отца, ни матери, никого, кромѣ брата, служившаго въ Индіи, и почтеннаго опекуна, лорда Доуншайрскаго, связаннаго узами старой дружбы съ ея семействомъ. Миссъ Шарлотта, не имѣя правильной красоты; обладала богатствомъ наружныхъ прелестей: ея станъ казался легокъ и строенъ, какъ станъ еси, цвѣтъ лица имѣлъ красивый и нѣжный смуглый оттѣнокъ; большіе яркіе глаза и изобиліе шелковистыхъ волосъ, черныхъ какъ вороново крыло, довершали портретъ. Манеры дѣвушки, по своей живости и бойкости, напоминали ея родину; поанглійски она долго потому не могла говорить правильно. Въ Гейсленде жила она подъ надзоромъ старой пріятельницы своей покойной матери, миссъ Дженъ Никольсонъ.

Послѣ небольшихъ хлопотъ и взаимной переписки, которая очень—ниже въ своемъ родѣ, послѣ обоюдныхъ приготовленій, уроковъ французскихъ и англійскихъ, послѣ разныхъ объясненій съ лордомъ Доуншайрскимъ и ятръ, принятыхъ въ обозначеніе будущей семейной жизни, молодая чета была обвѣчана на послѣднихъ дняхъ 1797 года и пріѣхала на первый разъ въ родительскомъ домѣ Скотта на Джордж—Скверѣ. Веселыя, немного—рѣзкія манеры вальтеровой супруги, родившейся во Франціи и проводившей всю молодость посреди полной независимости, сперва возбуждали нѣкоторые толки между эдинбургскими старушками и заставили—было даже самую мистриссъ Аннъ (мать поэта) призадуматься. Особенно честная теща не могла приладиться къ тому, что ея молодая невѣстка любила по простымъ днямъ сидѣть и принимать гостей въ парадной гостиной, которая, въ силу прадедовскихъ обычаевъ, могла только открываться по днямъ высокаторжественнымъ. Но такъ—какъ во всемъ остальномъ мистриссъ Шарлотта оказывалась доброю и преданною дочерью, то все патриархальное семейство было скорѣе оживлено, нежели стѣснено ея прібытіемъ.

Черезъ годъ молодая мистриссъ Скоттъ произвела на свѣтъ дочь, Софію Шарлотту, а ея супругъ развѣнчался своимъ первымъ оригинальнымъ произведеніемъ—тою балладой о Смальгольмскомъ Замкѣ, которая такъ очаровывала и очаровываетъ русскаго читателя въ плѣнительныхъ стихахъ Жуковского.

А. ДРУЖИНИНЪ.

ПЕРВОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО КАРЛА V И ФРАНЦИСКА I.

(Историческій очеркъ Миньё.)

I.

Когда, по смерти Максимилиана I, въ январѣ 1519 года, санъ германскаго императора сдѣлался вакантнымъ, два сильные монарха — король Карлъ и Францискъ I — явились кандидатами на это званіе. Оба были извѣстны ужъ блистательными качествами и чрезвычайнымъ честолюбіемъ. Къ обширнымъ наслѣдственнымъ владѣніямъ своихъ предковъ хотѣли они присоединить званіе германскаго императора. Это соперничество было первымъ поводомъ къ продолжительной и упорной борьбѣ.

Карлъ, предки котораго, по отцовской линіи, пять разъ носили корону Германской Имперіи со времени паденія дома Гогенштауфеновъ, хотѣлъ утвердить эту корону за ежедневно-усиливавшемся Австрійскимъ Герцогствомъ, которому въ 1438 году семь избирателей передали ее послѣ угасшаго люксембургскаго дома. Какъ эрцгерцогъ, Карлъ владѣлъ по наслѣдству Восточною Германією; какъ преемникъ герцоговъ бургундскихъ, королей кастильскихъ и арагонскихъ — Нидерландами, Испанією, Неаполемъ Сицилією; сверхъ-того, онъ владѣлъ тогда еще главными островами Средиземнаго Моря, многими областями Африки и наконецъ ново-открытою Америкою. Ему было тогда только девятнадцать лѣтъ. Въ немъ не былъ видѣнъ еще вполне будущій государь, но ужъ можно было предугадывать будущее величіе по всѣмъ его поступкамъ.

Обер-камергеръ Карла, Вильгельмъ де-Круа, владѣтель шіеврскій, воспитавшій его, былъ еще въ то время его руководителемъ; но, любя

величіе своего государя, онъ стремился къ тому, чтобъ Карлъ своими дѣйствіями могъ самъ сохранить и утвердить это величіе. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ де-Круа развилъ въ Карлѣ познанія, необходимыя для управления всѣми отраслями государственныхъ дѣлъ. Пятнадцать лѣтъ отъ-роду, Карлъ ежедневно присутствовалъ въ своемъ Совѣтѣ и самъ излагалъ получаемыя имъ депеши (которыя вручались ему тотчасъ же по прибытіи курьеровъ, хотя бы это было и ночью во время сна) Государственнымъ дѣла были для него, такъ сказать, учеными книгами, политика, въ которой онъ оказался потомъ такъ великъ, была главнымъ предметомъ его ученія.

Въ молодости Карлъ чрезвычайно любилъ охотничьихъ собакъ и охоту за вепрями. Во время брака сестры своей инфанты Изабеллы съ испанскимъ королемъ Христіаномъ II, Карлъ до-того пристрастился къ танцамъ, что сдѣлался боленъ; но онъ умѣлъ преодолѣвать эту склонность и предпочиталъ важныя и полезныя занятія мелочнымъ удовольствіямъ. Обдумывая все прежде, нежели на что-нибудь рѣшиться, терпѣливо ожидая въ тѣхъ случаяхъ, когда могъ потребовать быстрого исполненія, Карлъ приобрѣлъ преждевременную зрѣлость сужденія. Обладая высшимъ природнымъ умомъ, тонкостью сужденія, рѣдкою силою души, онъ научился здраво разбирать каждое дѣло и приготовился быть самымъ тихимъ и твердымъ политикомъ своего вѣка, глядя счастію смѣло въ глаза, не увлекаясь успѣхами, не теряясь отъ неудачъ, не удивляясь никакому событію, готовый всегда встрѣтить всѣ опасности. Онъ тогда ужъ часто обнаруживалъ непреклонную волю и внушалъ всеобщее почтеніе.

Соперникъ Карла, Францискъ I, былъ нѣсколько-старше. Владѣнія его были не такъ обширны, но и не такъ разбросаны. Власть его была не такъ велика, но болѣе сосредоточена. Онъ нераздѣльно владѣлъ Французскимъ Королевствомъ и управлялъ имъ со славою. Въ этомъ обширномъ и тѣсно-соединенномъ государствѣ не было ни одной провинціи, отдѣльно-управляемой и могущей угрожать его власти. Отъ Атлантическаго Океана до Альпъ, отъ Пиренеевъ до арденнскихъ лѣсовъ — все составляло одно цѣлое, повинующееся Франциску. Онъ былъ во всемъ блескѣ молодости. Ему было двадцать-пять лѣтъ. Тѣмъ, чѣмъ Карлъ обѣщалъ быть нѣкогда, Францискъ уже былъ въ это время. Едва вступилъ онъ на тронъ, какъ прекратилъ всѣ внѣшніе бѣдствія, опечалившія конецъ царствованія предшественника его. Переправясь черезъ Альпы по путямъ, дотогдѣ непроходимымъ, онъ явился побѣдителемъ въ долинахъ Ломбардіи, гдѣ не думали, чтобъ онъ могъ выйти изъ горъ, и, къ изумленію Европы, которая почти вся возстала

на него, онъ завоевалъ Герцогство Миланское, дважды потерянное Лудовикомъ XII. Эти грозные швейцарцы, попеременно торжествовавшие надъ австрийскими герцогами при Моргартенѣ и Земпахѣ, надъ герцогами бургундскими при Грансонѣ, Моратѣ и Нанси, надъ германскими императорами при Праттельгѣ, Констанцѣ, Швадерлохѣ и Дорнхѣ, надъ французскими королями при Милавѣ, Новарѣ и Дижонѣ, впервые были разбиты Францискомъ I при Мариньянѣ. Въ этомъ двухдневномъ кровопролитномъ сраженіи Францискъ не сходилъ съ лошади, не снималъ шлема и, съ копьемъ въ рукѣ, въ первыхъ рядахъ, получилъ три удара коня въ латы.

Сражавшись какъ воинъ, побѣдивъ какъ полководецъ, онъ дѣйствовалъ потомъ какъ политикъ, подражая примѣру Лудовика XI; избѣгая важной ошибки Лудовика XII, онъ принялъ опять швейцарцевъ въ службу Франціи. Миланъ призналъ его своимъ герцогомъ, Генуя — повелителя и, утвердя власть свою во Франціи, онъ столь же усердно велъ переговоры, какъ дѣйствовалъ на полѣ битвы. Онъ получилъ отъ папы Льва X, Парму и Пьяченцу, возвращенныя Милану; императоръ Максимилианъ уступилъ ему Верону въ пользу союзниковъ его, венеціанцевъ; отъ англійскаго короля Генриха VIII выкупилъ онъ Турне, Мортанъ и Сент-Аманъ и присоединилъ ихъ къ Франціи.

Невсегда онъ былъ потомъ такъ счастливъ и такъ некусокъ; но послѣ четырехъ лѣтъ заслуженнаго счастья, казавшихся началомъ блистательнаго царствованія, приобрѣта славный миръ, обнаруживъ самыя высшія качества души, благородный умъ, твердое сердце, ласковый характеръ, рыцарскій нравъ, большое умѣнье править государственными дѣлами и располагая огромными силами, онъ обратилъ на себя вниманіе всей Европы и Германіи, угрожаемой вторженіемъ турковъ.

Германская Имперія, къ обладанію которой стремились оба эти короля—Карлъ, опираясь на преданія своего дома и обязуясь управлять, согласно существующимъ обычаямъ; Францискъ, основываясь на средствахъ своего могущества и предлагая защищать имперію противъ всѣхъ его враговъ — была тогда чрезвычайно раздѣлена. Это огромное государственное тѣло, отъ котораго отдѣлялось Итальянское Королевство, отторгнуто было Арльское, присоединенное къ Франціи, отъ котораго отпали швейцарскіе кантоны, уменьшилось въ объемѣ, но не сдѣлалось оттого тѣснѣе-соединеннымъ. Имперія эта была составлена изъ множества владѣній, враждовавшихъ между собою. Въ ней были и наследственные и избирательныя области, одно королевство, нѣсколько курфирствъ, герцогствъ, маркграфствъ, ландграфствъ, графствъ, княжествъ, вольныхъ городовъ, духовныхъ владѣній, отъ архіепископовъ до владѣ-

тельных приоровъ. Въ то время въ Германской Имперіи было двадцать-девять свѣтскихъ владѣтелей, восемьдесятъ духовныхъ, девяносто имперскихъ городовъ, двѣсти независимыхъ графствъ и нѣсколько тысячъ феодалныхъ баронствъ. Въ этомъ составѣ Германія, несмотря на недавнюю попытку императора Максимилиана, хотѣвшаго учредить *общій имперскій судъ* и постоянное войско, сохранила духъ несогласія, котораго нельзя было укротить, и нигдѣ такія многообразныя выгоды, которыя невозможно было согласить.

Когда надобно было избирать главу этого обширнаго и слабого союза, посреди котораго существовалъ особый союзъ городовъ, союзы феодалнаго дворянства и частныя союзы князей, право этого избранія принадлежало семи курфирстамъ; а именно, духовнымъ лицамъ: архіепископамъ майнцскому, трирскому и кѣльнскому, по званію архиканцлера въ Имперіи Германской, въ Арьскомъ и Итальянскомъ Королевствахъ; король богемскій, герцогъ саксонскій, пфальцграфъ баварскій и маркграфъ бранденбургскій были избирателями по званіямъ архи-кравчаго, архи-гофмаршала, архи-сенешала и обер-каммергера имперіи: они избирали императоровъ отъ имени всѣхъ прочихъ германскихъ владѣтелей. Эта высокая обязанность, ввѣренная имъ въ XIII вѣкѣ, подтверждена была потомъ въ 1356 году золотою буллою Карла IV, предписавшаго производить избраніе во Франкфуртѣ по большинству голосовъ.

Въ какомъ положеніи были эти семь избирателей въ-отношеніи къ двумъ кандидатамъ на званіе императора и вслѣдствіе какихъ выгодъ, или чувствъ должны они были объявить себя въ пользу того или другаго монарха?

Гогенцоллернскій домъ владѣлъ двумя курфиршествами: бранденбургскимъ и майнцскимъ. Маркграфъ Іоакимъ, глава этого могущественнаго дома, получилъ первое изъ этихъ курфиршествъ по наслѣдству, въ 1499 году, а братъ его, архіепископъ Альбертъ, приобрѣлъ второе, по избранію, въ 1514 году. Императоръ Максимилианъ при всякомъ случаѣ содѣйствовалъ усиленію этого дома; онъ подалъ маркграфу надежду на приобретеніе герцогства голштинскаго, допустилъ архіепископа соединить въ одно владѣніе три важныя области: Гальберштатскую, Магдебургскую и Майнцскую, и содѣйствовалъ къ назначенію гротмейстеромъ Тевтонскаго Ордена двоюроднаго ихъ брата, маркграфа Фридриха; слѣдовательно, онъ могъ повидному надѣяться на этихъ двухъ братьевъ для избранія своего внука; но онъ забылъ, что люди часто бываютъ честолюбивы, расчетливы и жадны къ богатствамъ. Гогенцоллерны стали, впрочемъ, дѣйствовать для общей пользы, а не въ видахъ благодарности. Настоящая выгода часто заставляетъ забывать прошедшее благодѣяніе.

Саксонскій домъ не имѣлъ никакой причины къ усиленію могущества Австріи и къ утверженію за ней наслѣдственного права на Германскую Имперію; напротивъ того, этотъ домъ былъ у императора Максимилиана нѣсколько лѣтъ ужъ въ немилости: Максимилианъ отказалъ курфюрсту Іоанну Фридриху въ Бергекомѣ и Юлихскомѣ Герцогствахъ, которыя прежде общалъ ему; онъ принудилъ двоюроднаго брата его, герцога Георга, возвратить Фрисландію Нидерландамъ; онъ изъявилъ желаніе, чтобъ по смерти гротмейстера Тевтонскаго Ордена, Фридриха саксонскаго, былъ назначенъ на его мѣсто бранденбургскій принцъ; слѣдовательно, саксонскій домъ питалъ къ Максимилиану сильную вражду, и курфюрстъ Фридрихъ, уважаемый всею Германіею за свое правосудіе и мудрость, не разъ ужъ противился на сеймахъ не всегда удачнымъ планамъ Максимилиана. Саксонскій курфюрстъ былъ зятемъ люнебургскаго герцога, могущественнѣйшаго изъ принцевъ древняго брауншвейгскаго дома, и дядя гельдернскаго герцога, которые оба были союзники Франциска I.

Баварскій пфальцкурфюрстъ Лудовикъ V тоже былъ недоволенъ Максимилианомъ: Ландсгутъ, баварское наслѣдство, отказано было въ 1503 году отцу его, Филиппу, который, потребовавъ его тогда съ оружіемъ въ рукахъ, былъ разбитъ и лишенъ всего. Пфальц-графъ Лудовикъ тоже еще не получалъ на свои владѣнія инвеституры императора. Политика и личныя чувства склоняли его на сторону Франціи; но онъ былъ бояливъ и скупъ: это могло обратить его и къ Австріи.

Рихардъ Грейфенклау фонъ Вольратъ, курфюрстъ-архіепископъ трирскій съ боязнью смотрѣлъ на увеличивающуюся силу габсбургскаго дома. Сосѣдство владѣній произвело, какъ это часто случается, столкновение въ обоюдныхъ выгодахъ этихъ державъ. Будучи тоже сосѣдомъ Нидерландовъ, какъ герцогъ гельдернскій, князь-епископъ литтисскій, герцогъ буййонскій, владѣтель седанскій, и герцогъ лотарингскій, онъ вовсе не желалъ, чтобъ монархъ, владѣющій огромными областями, сдѣлался еще и германскимъ императоромъ. Поэтому онъ склонялся на сторону Франциска I. Вліяніе его тѣмъ болѣе было важно, что онъ съ рѣдкимъ благоразуміемъ соединялъ искусство и твердость опытнаго правителя.

Курфюрстъ кѣльнскій, Германъ фонъ-Видъ, непохожъ былъ на трирскаго: онъ не имѣлъ опредѣленной воли; будучи робокъ и слабъ, онъ предавался вліянію окружающихъ его лицъ. Съ этимъ характеромъ можно было ожидать, что онъ только въ послѣднюю минуту приметъ сторону того, кто будетъ имѣть больше голосовъ.

Что же касается до богемскаго курфюрста, молодаго короля Лудо-

вика, онъ не имѣлъ тогда своего голоса : ему еще былъ тринадцатый годъ, и онъ былъ подъ двойною опекою дяди своего, польскаго короля Сигизмунда и императора Максимилиана. Наслѣдственный договоръ, соединившій богемскій и австрійскій дома, предложенный бракъ между королемъ Лудовикомъ и эрцгерцогинею Марією, сестрою испанскаго короля, а также между эрцгерцогомъ Фердинандомъ, братомъ Карла, и Анною, сестрою Лудовика, обезпечивали нѣкоторымъ образомъ за австрійскимъ принцемъ голосъ этого курфюрста.

II.

Слишкомъ за два года до смерти Максимилиана, нѣсколько курфюрстовъ, обольщенныхъ мужествомъ Франциска I, пораженныхъ его когуществомъ, которое могло защитить Германію, рѣшились обезпечить за нимъ будущее обладаніе германскою императорскою короною. Трирскій архіепископъ началъ переговоры объ этомъ.

Въ ноябрѣ 1516 года послалъ онъ изъ своего эренбрейтштейнскаго замка канцлера своего, доктора Генриха Дунгина фонъ-Вуйтла къ Франциску I, которому и общалъ свой голосъ. Бранденбургскій маркграфъ Іоахимъ послѣдовалъ его призыву. Докторъ Бернгардъ Зеландъ, кроссенскій бургомистръ Мельхіоръ Пеуль, бранденбургскій дворянинъ Іоахимъ фонъ Мольцманъ, совѣтники его и уполномоченные, отправились съ береговъ Шпре въ Аббевиль, гдѣ вступили въ переговоры съ канцлеромъ Дю-Пра, снабженнымъ всеми полномочіями отъ французскаго короля. 26 іюня 1517 года заключенъ былъ тѣсный союзъ между французскимъ королемъ и маркграфомъ. Король долженъ былъ отдать вторую дочь Лудовика XII, принцессу Рене (которой тогда было восемь лѣтъ), за бранденбургскаго курфюрста съ 150,000 золотыхъ эку приданаго ⁽¹⁾ и пансіономъ въ 4000 ливровъ. Самому маркграфу общана была пенсія въ 8000 ливровъ, за что, въ случаѣ войны, онъ обязывался выставлять рейтаровъ и ландскнехтовъ на счетъ Франциска I, и общалъ ему свой голосъ при избраніи.

17 августа курфюрстъ Іоахимъ ратификовалъ въ Кельнѣ на Шпре трактатъ союза и обѣщаніе своего голоса при избраніи. «Мы соеди-

(1) Золотое эку (au soleil) при Францискѣ I, въ 1517 году, вѣсело 3 грамма 25 сантиграммъ, по 3 фр. 30 сантимовъ за граммъ : значитъ, металлическая цѣнность эку стоила 11 фр. 5 сент. ; но какъ золото и серебро цѣнили тогда вообще по-крайней-мѣрѣ въпятеро больше цѣнности, то золотое эку, сравнительно съ нынѣшнею монетою, равнялось 55 фр. 25 сантимамъ.

няемся (сказано въ ратификаціи) съ Францискомъ I, королемъ французскимъ, герцогомъ миланскимъ и владѣтелемъ Генуи, и, по востребованію его посланниковъ, объявляемъ во славу всемогущаго Бога и христіанской вѣры, въ честь, пользу и величіе всей Германской Имперіи, въ чемъ и обязуемся сямъ трактатомъ: по кончиѣ свѣтлѣйшаго и непобѣдимаго нашего государя и императора Максимилиана (которому да даруетъ Богъ долгоденствіе) и въ то время, когда званіе императора будетъ вакантно, что мы, вмѣстѣ съ нашими друзьями и товарищами, принцами—курфирстами, соберемся въ обыкновенное мѣсто нашего свободнаго избранія и приложимъ стараніе, чтобъ наши и ихъ голоса вручили имперію Франциску I, и въ этомъ не только не станемъ препятствовать, но и будемъ содѣйствовать этому всеми нашими силами.»

Майнцскій архіепископъ довольно—скоро послѣдовалъ примѣру брата своего, маркиграфа. Узнавъ объ условіи, заключенномъ главою бранденбургскаго дома, онъ 12 октября отправилъ уполномоченнымъ во Францію знаменитаго Ульриха фонъ-Гуттена, «представителя тогдашней ученой и воинственной Германіи». — «Симъ полномочіемъ (говорилъ онъ въ грамотѣ) мы объявляемъ и сообщаемъ объ отправленіи храбраго и ученаго нашего совѣтника Ульриха фонъ-Гуттена, кавалера Золотой Шверы и доктора, къ свѣтлѣйшему и христіаннѣйшему принцу Франциску I, королю французскому, для заключенія съ его свѣтлостью отъ нашего имени прочнаго союза и исполненія другихъ, данныхъ ему порученій. Все, что онъ заключить, исполнимъ мы твердо и ненарушимо». Такимъ образомъ приобрѣтенъ былъ еще одинъ голосъ на избраніе Франциска I.

Оставалось приобрести еще одинъ только голосъ, чтобъ имѣть на своей сторонѣ большинство курфирстовъ. Францискъ достигъ и этого, склонивъ на свою сторону пфальцграфа Лудовика, обязавшагося содѣйствовать успѣху избранія. Съ голосами Трира, Бранденбурга, Майнца и Пфальца можно ужъ было надѣяться получить корону и мечтать о возстановленіи могущества Карла Великаго. Почитая ужъ себя главою Германіи, Францискъ распространилъ свои сношенія и вліяніе, чтобъ вѣрнѣе приготовить народы къ своему владычеству. Кромѣ этихъ четырехъ курфирстовъ, которыхъ онъ сдѣлался союзникомъ и кандидатомъ, онъ и между другими владѣтелями искалъ себѣ полезныхъ приверженцевъ. Такъ, наприимѣръ, принялъ онъ въ свою службу на юговосточной границѣ Нидерландовъ герцога Автона Лотарингскаго, Роберта де-ла-Марка (герцога бургундскаго и владѣтеля санданскаго), брата его, Эбергарда де-ла-Марка, принца-епископа литтвхскаго; на сѣверозападной границѣ—воинственнаго герцога гвельдернскаго, которому предложилъ присоединиться въ томъ

же году герцога клевский, юлихский и бергский; на Рейн — графа Герлаха изенбургского и графа Иоганна сальмского, владетеля Рейнбершайда, Дика и Альстера, наследственного маршала кельнского амтторства; в Северной Германии — герцога брауншвейг-полюбургского, зятя саксонского курфюрста и герцога Фридриха гоцтейнского, владетеля шлезвигского и наследника Норвежского Королевства, тогда как в Южной Германии герцог вюртембергский, маркиграф баденский и епископ страсбургский склонялись тоже на сторону Франциска I.

Тогда жилъ в Германии одинъ чрезвычайно-влиятельный человекъ, хотя онъ не былъ ни курфюрстъ, ни принцъ, ни графъ, а Францискъ I тотчасъ же постарался привлечь его на свою сторону. Это былъ знаменитый Францъ Сикингенъ. Онъ принадлежалъ къ древнѣйшему феодальному дворянству на Рейнѣ. Предки его сражались въ Италіи за швабскій домъ, и отецъ его былъ изгнанъ императоромъ Максимилианомъ за то, что поддерживалъ требованія пфальцскаго дома на баварско-ландсгутское наследство. Сикингенъ во всякое время могъ выставить своимъ союзникамъ двѣ тысячи лошадей, десять тысячъ ландскнехтовъ, многочисленную артиллерію и открыть имъ ворота двадцати-трехъ крѣпостей. Храбръ, предприимчивъ, съ образованнымъ умомъ, питомецъ Рейхлина, другъ Ульриха фонъ-Гуттена, воспитавшаго его подвиги на Мозель и на Эльбѣ, Сикингенъ любилъ литературу и войну.

Въ ту эпоху общественнаго безсилія и междоусобныхъ войнъ, Францъ Сикингенъ былъ общимъ и вооруженнымъ судьей въ обширной странѣ, омываемой Мозелемъ, Рейномъ, Неккеромъ, Майномъ и Ланомъ. Дворянство, привыкшее къ частнымъ союзамъ между собою, съ охотою шло подъ его знамена. Сикингенъ, предвождая армию въ пятнадцать тысячъ человекъ и заступаясь за слабыхъ и безсильныхъ, сражался предъ тѣмъ съ графомъ Рейнгардомъ цвейбрюккенскимъ, съ имперскимъ городомъ Мецомъ, герцогомъ Антономъ лотарингскимъ, ландграфомъ Филиппомъ гессенскимъ, и принудилъ ихъ всѣхъ къ вознагражденію обиженныхъ ими. Преданный суду за разграбленіе ворскихъ купцовъ и за осаду самаго города Вормса, Сикингенъ перенесъ гнѣвъ Максимилиана въ своей зренбургской крѣпости, которую защищавшие имъ владѣтели прозвали: *убѣжищемъ правосудія*. Она возвышалась на обширной и крутой скалѣ, у подножія которой протекалъ Альзейцъ. Дорога къ крѣпости была защищена многочисленными батареями; внутреннія зданія устроены были такъ, что бомбы не могли пробивать ихъ. И этотъ зренбургскій владѣтель вступилъ въ службу Франциска I. Маршалъ Флеранжъ, изъ дома Ла-Марковъ, съ которымъ Сикингенъ былъ въ тѣсной связи, свезъ его въ амбуазскій замокъ, гдѣ Фран-

цескъ принялъ его радушно. Онъ надѣлъ на Сиккингена и на двѣнадцать дворянъ, съ нимъ бывшихъ, великолѣпныя золотыя цѣпи, и далъ самому Сиккингену пенсію въ 3000 ливровъ, надѣясь, что новый союзникъ его, въ случаѣ нужды, наберетъ для него цѣлую армію.

Но молодой Карлъ вовсе не намѣренъ былъ уступить сопернику корону, которую предки его, Рудольфъ габсбургскій и Албертъ I, носили въ XIII и въ XIV столѣтіяхъ, и которая ужъ восемьдесятъ—одинъ годъ принадлежала его дому. Собственные его обширныя владѣнія подвергались опасности, если Францискъ I, сосѣдь его во Фландріи, Франконтѣ, Испаніи и Италіи, успѣетъ утвердиться въ Германіи: поэтому Карлъ началъ употреблять всѣ средства, чтобъ уничтожить планы соперника. До-тѣхъ-поръ онъ старался быть въ дружбѣ съ этими королями, чтобъ избѣжать войны въ Нидерландахъ, избавиться отъ вторженія въ Неаполь, не быть обезпкоеннымъ въ Испаніи. Онъ даже присягнулъ ему въ вассальствѣ по фландрскому и артуаскому графствамъ, и нойонскимъ договоромъ положилъ жениться на дочери Франциска I, Луизѣ, а тотъ, за это, призналъ права Карла на Неаполь. Какъ будущій зять и другъ короля Французовъ, Карлъ примирилъ дѣда съ тестемъ своимъ. Отвлекши Максимилиана отъ завоевательныхъ его плановъ, Карлъ получалъ его согласіе на нойонскій трактатъ, и за 200,000 золотыхъ эку убѣдилъ нуждавшагося въ деньгахъ императора отдать союзникамъ Франціи, Венеціанцамъ, единственный городъ, оставшійся отъ его завоеваній. Нойонскій трактатъ, заключенный 13 августа 1516 года, былъ подтвержденъ 11 марта 1517 г. камбрейскимъ договоромъ, въ которомъ французскій и испанскій короли согласились составить конференцію въ Монпельё, для рѣшенія неаполитанскаго вопроса. Послѣ этихъ договоровъ Карлъ, будучи въ постоянной дружбѣ съ Генрихомъ VIII, въ тѣсномъ союзѣ съ Францискомъ I, въ совершенномъ согласіи съ императоромъ Максимилианомъ, готовился ѣхать въ Испанію, чтобъ утвердить тамъ свою власть, обезпеченную со стороны Нидерландовъ и Италіи, и которую онъ надѣялся потомъ распространить и на Германію.

Въ эту минуту онъ узналъ о замыслахъ Франциска I. Не желая нарушать мира, который ему былъ нуженъ и который онъ съ такимъ трудомъ возстановилъ на Западѣ, Карлъ не хотѣлъ тоже, чтобъ французскій король, пользуясь этимъ же миромъ, уничтожилъ его надежды на полученіе императорской короны. Съ береговъ Зеландіи, гдѣ онъ находился въ это время, поручилъ онъ казначею своему Виллингеру уведомить императора Максимилиана о просякахъ Франциска у курюрстовъ. Нѣкоторые изъ нихъ предлагали уже Карлу свое содѣйствіе,

если онъ получить согласіе своего дѣда. Послѣ этого онъ уѣхалъ, оставя соперника переговариваться съ курфирстами. Но вмѣсто его началъ дѣйствовать дѣдъ его. Дорожа величіемъ своего дома, который такъ возвысился, Максимилианъ чувствовалъ необходимость поддержать его, и могуществомъ императорской власти связать разъединенныя гугенарства. Поэтому онъ съ обыкновеннымъ жаромъ началъ содѣйствовать планамъ своего внука. Прежде всего онъ сообщилъ ему сколько надобно будетъ раздать милостей, истратить денегъ, опредѣлить неяснѣй, чтобъ усилить въ этомъ предпріятіи. Виллингеръ и секретарь Рейнеръ писали объ этомъ Карлу отъ имени дѣда, зная въ-подробности положеніе, характеръ и выгоды каждаго изъ нѣмецкихъ принцевъ.

Карлъ получилъ эти инструкціи въ то время, когда занимался приведеніемъ въ порядокъ своего управленія въ Испаніи. Онъ только-что принялъ верховную власть въ Кастиліи, будучи признанъ королемъ при жизни еще матери своей, Іоанны, заключенной въ Тордесильясъ. Кортесы въ Вальядолидѣ принесли ему присягу отъ имени городовъ и высшаго дворянства; но Фламандцы, окружавшіе его, возбудили въ Кастильцахъ вражду и зависть своимъ самовластіемъ и сребролюбіемъ. Губернаторъ Шиверъ и канцлеръ Жан-Лесовежъ управляли всѣмъ и продавали все. Фламандцы обходились съ Испанією, какъ Испанцы съ новооткрытою Америкою.

Присутствіе въ Испаніи инфанта Фердинанда, честолюбіе, уже обнаруженное имъ, привязанность къ нему Испанцевъ, посреди которыхъ онъ воспитывался, языкомъ которыхъ говорилъ и нравамъ которыхъ слѣдовалъ, внушали тоже большое безпокойство его брату, Карлу; а потому, несмотря на формальное желаніе кортесовъ, Карлъ рѣшился отправить его въ другія земли. При поѣздкѣ своей изъ Вальядолида въ Сарагосу, онъ послалъ Фердинанда во Фландрію. Весьма-озабоченный расположеніемъ Кастильцевъ, не зная еще каково будетъ повиновеніе Арагонцевъ, къ которымъ онъ ѣхалъ объявить себя королемъ, онъ, сверхъ-того, былъ въ самое это время такъ бѣденъ, что принужденъ былъ занять 70,000 червонныхъ у герцога Верахаса, герцога Аркоса и графа Бенаvente на содержаніе своего дома. И въ эту-то минуту получилъ онъ посланіе своего дѣда.

Несмотря на печальное положеніе своихъ финансовъ, досталъ онъ тотчасъ же 100,000 червонныхъ и отправилъ ихъ къ императору черезъ камергера своего Жан-Куртевиля; сверхъ-того, онъ условился съ тремя генуэзскими и аугсбургскими банкирами, чтобъ они къ апрѣлю 1519 года приготовили ему еще 200,000 червонныхъ; но пемснѣй общалъ онъ курфирстамъ только по 4,000 гульденовъ и приказалъ Кур-

тебилью не тратить денегъ иначе, какъ съ увѣренностью. Максимилианъ, недовольный этою скупостью и предосторожностями, когда, для успѣха этого дѣла, нужно было много щедрости и довѣрчивости, написалъ своему внуку письмо, въ которомъ выразилъ ему свое удивленіе. Онъ сказалъ ему, что предложенныя цени слишкомъ малы, что присланная сумма недостаточна, и что, однакожь, надобно ее тотчасъ же раздать, иначе въ Германіи повѣрятъ больше французскимъ деньгамъ, нежели его ласковымъ обѣщаніямъ. Онъ сильно настаивалъ на необходимости тратить деньги и дѣйствовать безъ замедленія. — «Чтобъ задобрить людей (писалъ онъ), надобно многимъ рисковать. Подумай же хорошенько о нашемъ совѣтѣ и слѣдуй ему, иначе нѣтъ надежды окончить это дѣло, какъ того требуютъ общая наша польза и честь. Намъ бы очень-непріятно было, послѣ всѣхъ трудовъ и стараній о славѣ и величіи нашего дома, чтобъ все это было потеряно отъ одной ошибки, или нерадѣнія».

Вмѣстѣ съ тѣмъ созвалъ онъ курфирстовъ въ Аугсбургъ къ августу.

III.

Сеймъ собрался къ назначенному сроку. Собраніе это имѣло двѣ важныя цѣли: одну явную — защиту христіанства противъ неминуемаго вторженія Турковъ, а другую, тайную — наследованіе императорской короны. Впрочемъ, обѣ цѣли имѣли связь между собою, потому-что папа долженъ былъ объявить себя явно въ пользу того изъ двухъ кандидатовъ, который по лѣтамъ своимъ, приобѣтенной славѣ, военному могуществу казался ему болѣе способнымъ удержать успѣхи мусульманъ. Левъ X былъ чрезвычайно-озабоченъ этимъ вопросомъ, угрожавшимъ Европѣ большою опасностью. Селимъ I, продолжая дѣло своихъ грозныхъ и счастливыхъ предшественниковъ, готовился напасть на Западъ. Въ три года (1514 до 1517 г.) побѣдилъ онъ персидскаго Соф-Исмаила при Чальдиранѣ и отнялъ у него Діарбекиръ, Орфу и Моссуль, между Евфратомъ и Тигромъ; онъ совершенно разбилъ египетскаго судана въ Аленѣ и Каирѣ, разрушилъ владычество мамелюковъ, занялъ Сирію, Палестину, Египеть, принудилъ къ покорству меккекаго шерифа и многія арабскія племена. Упрочивъ свои побѣды и устроивъ сильный флотъ изъ двухсотъ судовъ, онъ возвратился въ Константинополь, болѣе нежели когда-либо угрожая Европѣ, отъ которой отвлеченъ былъ прежде войною на Востокѣ, въ это время совершенно-окончившеюся.

Приближеніе опасности взволновало панау: онъ боялся, чтобъ турки, вторгнувшись въ Венгрію, не спустились въ Италию, къ Риму. Онъ

вездѣ разослалъ воззванія и старался соединить между собою всѣхъ западныхъ владѣтелей, для объявленія священной войны противъ общаго врага христіанскаго міра. На Латранскомъ Соборѣ обнародовалъ онъ крестовый походъ и уполномочилъ союзныхъ государей взимать съ духовенства десятую часть его доходовъ на вооруженіе войска. При этомъ сообщалъ онъ имъ планы свои о будущихъ дѣйствіяхъ священной экспедиціи, требуя ихъ мнѣнія по этому предмету.

Каждый изъ монарховъ думалъ однакожь иначе. Францискъ I объявилъ, что для такого священнаго дѣла жертвуетъ онъ деньгами, людьми, пушками, кораблями, даже своею жизнью. Онъ обязался, если только дадутъ ему достаточно денегъ, выставить четыре тысячи человекъ въ полномъ вооруженіи, восемь тысячъ легко-конныхъ и пятьдесятъ тысячъ пѣхоты. Вместе съ швейцарцами, шотландцами, лотарингцами, савойцами, венеціанцами, флорентинцами обязывался онъ напасть на турковъ черезъ Фріуль и Иллирію, тогда-какъ германскій императоръ съ польскимъ и венгерскимъ королями, съ пѣмекскими князьями должны были двинуться въ Венгрію, а Испанія, Португалія и Англія противостать туркамъ въ Средиземномъ Морѣ.

Императоръ Максимилианъ съ пылкимъ воображеніемъ составилъ испанскій планъ, на исполненіе котораго потребовалось бы нѣсколько лѣтъ и по которому новые крестоносцы достигли бы съ Запада на Востокъ черезъ Африку, Европу и Азію и пришли бы подъ стѣны Иерусалима, гдѣ къ нимъ присоединились бы другія арміи, выгнавшія турковъ изъ Европы. Внукъ его, не столь пылкій и болѣе-глубокомысленный, требовалъ, чтобъ экспедиція отложена была до слѣдующаго года, и христіанскіе государи могли въ ней приготовиться, а между-тѣмъ Франція, Испанія, папа, Венеція и Флоренція могли защитить Италію отъ турковъ. Силы же Германіи, Польши, Венгрии и Богеміи отразить турковъ, если они нападутъ на христіанъ со стороны Дуная.

Для исполненія этого плана съ содѣйствіемъ Германіи, Левъ X прислалъ въ Аугсбургъ легатами къ императору и сейму кардинала Томаса Вю, который привезъ Максимилиану шпагу и шляпу съ благословеніемъ папы, и умолялъ германскій сеймъ участвовать въ этомъ походѣ, долженствующемъ спасти Европу, отнять у турковъ Константинополь и даже возвратить Иерусалимъ; предложено было на сеймѣ собрать одного солдата съ каждыхъ пятидесяти домовладѣтелей, употребивъ на содержаніе этой арміи десятую часть съ доходовъ духовныхъ лицъ и двадцатую съ гражданскихъ. Но сеймъ отказалъ въ этомъ тягостномъ для всей Германіи налогѣ.

Въ то время, какъ на сеймѣ явно обсуждался вопросъ о предстоящей войнѣ, производились и тайные переговоры съ курфюрстами, касательно избранія въ императоры. Максимилианъ, на минуту оставленный скупостью и недоувѣрчивостью своего внука, занялъ у банкира Фуггера 30,000 золотыхъ гульденовъ (гульденъ стоилъ немного-меньше золотого эку, всѣмъ 3 грамма и имѣлъ цѣнность въ 10 фр. 64 сан., которые тоже стоили внятеро дороже нынѣшнихъ) для уплаты за задержки принцевъ, прибывшихъ на сеймѣ для поддержанія правъ Австрій. Наконецъ, получены были и новыя инструкции Карла. Онъ прислалъ вексель на Неаполь въ 100,000 червонныхъ и поручилъ тотчасъ же раздать деньги, отправленные съ Куртевилемъ. Тогда Максимилианъ съ жаромъ принялся за дѣло: онъ безъ труда получилъ голосъ молодого бременскаго короля, раздавъ 11,000 гульденовъ посланникамъ польскаго короля, который вмѣстѣ съ нимъ былъ опекуномъ этого принца; голосъ кельскаго курфюрста былъ еще свободенъ, и Максимилианъ приобрѣлъ его за 20,000 гульденовъ и за 6000 пенсін. Но зная неостоянство курфюрста, онъ раздалъ другія суммы и пенсін двумъ братьямъ его, графамъ Вильгельму и Іоанну фонъ-Виду, канцлеру его, нѣкоторымъ совѣтникамъ и Вильгельму Невенару, одному изъ сильнѣйшихъ владѣтелей курфюрства, чтобъ они своимъ вліяніемъ поддерживали расположеніе курфюрста.

Казалось, гораздо-труднѣе было задобрить майнцкаго курфюрста и бранденбургскаго маркграфа. Последний изъ нихъ, отъѣзжая на аугсбургскій сеймъ, велѣлъ увѣрить Франциска I-го въ своей постоянной къ нему вѣрности, а сынъ его послалъ прекрасный брильянтовый перстень принцессѣ Рене, которую почиталъ своею невѣстою. Но, пріѣхавъ въ Аугсбургъ, курфюрстъ не устоялъ противъ убѣжденій и предложеній Максимилиана. Вмѣсто одного брака составилъ онъ другой: императоръ предложилъ выдать младшую внучку свою инфанту Екатерину за сына маркграфа съ приданымъ въ 70,000 гульденовъ, которые выплачены будутъ въ день избранія, кромѣ 30,000, назначенныхъ въ подарокъ ему.

Майнцскій архіепископъ получилъ въ Аугсбургѣ кардинальскую шляпу, кромѣ того, ему обѣщано было 52,000 гульденовъ наличными деньгами, буеть, серебряный сервизъ, какой угодно, и уплату за обон, заказанные имъ во Фландріи. Двумъ братьямъ его назначены были пенсін по 8000 гульденовъ, которыхъ выдача должна была производиться за порукою городовъ Антверпена и Мехельна.

Максимилианъ былъ очень радъ, что успѣлъ отвлечь этого курфюрста отъ союза съ Францискомъ, и далъ, сверхъ того, 12,000 гульденовъ и пенсіню маркграфу Казимиру бранденбургскому изъ франконской линіи

за усердіе, которое онъ обнаружилъ при этомъ случаѣ въ пользу императорскаго дома.

Поальграфъ не пріѣхалъ на сеймъ. Онъ отправилъ къ Франциску I гонца съ увѣреніемъ въ своемъ дружескомъ расположеніи и ѣздилъ въ это время въ Дилльсбергъ на охоту, предоставивъ Максимилиану вести переговоры съ другими курфирстами. Это отсутствіе безпокоило императора, знавшаго настоящія причины, по которымъ поальграфъ не пріѣхалъ на сеймъ. Чтобы склонить и его на свою сторону, Максимилианъ обратился къ брату его, графу Фридриху, который, впрочемъ, тоже имѣлъ важныя причины жаловаться на австрійскій домъ, но, несмотря на это, сохранилъ къ нему искреннюю привязанность. Этотъ графъ воспитывался при дворѣ герцога Филиппа-Красиваго и влюбился страстно въ инфанту Элеонору, которая отвѣчала ему взаимною любовью. Онъ получилъ отъ нея слово выйти за него замужъ (она потомъ вышла, въ 1518 году, за португальскаго короля Эммануила-Счастливаго, и по смерти его, въ 1530 году, за Франциска I-го). Карлъ нечаянно перехватилъ одно письмо графа къ сестрѣ своей и вознегодовалъ на страсть безземельнаго принца. Позвавъ ихъ обоихъ, онъ, въ присутствіи первыхъ сановниковъ двора, торжественно велѣлъ имъ отказать ся отъ даннаго другъ другу обѣщанія, а потомъ удалилъ отъ себя графа, сестру же увезъ въ Италію, чтобы выдать за португальскаго короля.

Это произошло въ предшествовавшемъ году въ концѣ августа. Графъ Фридрихъ удалился въ Амбергъ, въ Верхнемъ Поальцѣ, сохранивъ и въ изгнаніи привязанность къ Карлу; даже оставляя его, онъ писалъ ему, что будетъ вездѣ и во всемъ служить ему.

Вызванный вдругъ императоромъ въ Аугсбургъ, онъ спѣшилъ туда явиться, и Максимилианъ заставилъ его забыть недавнюю обиду своими ласками. Онъ ему подарилъ 20,000 гульденовъ и назначилъ пенсію съ тѣмъ, чтобы онъ склонилъ брата своего пріѣхать въ Аугсбургъ и заключить съ Карломъ политическій и избирательный договоръ. А чтобы удобнѣе ему было пріѣхать, Максимилианъ объявлялъ его владѣніа состоящими подъ покровительствомъ имперіи и запретилъ Швабскому Союзу искать удовлетворенія за ущербъ вормскихъ купцовъ, нанесенный Францемъ Сиклингономъ, поальцскимъ владѣтелемъ. Вместе съ тѣмъ, обѣщалъ онъ примирить курфирста съ этимъ опаснымъ союзомъ и вознаграждать за все, что курфирстъ потерялъ отъ притязаній Австріи.

Графъ Фридрихъ отправился въ Дилльсбергъ и такъ хорошо умѣлъ уговорить и убѣдить страхомъ и выгодами слабаго и непостояннаго своего брата, что привезъ его въ Аугсбургъ почти побѣжденнаго. Максимилиану легко было довершить побѣду. Онъ приобрѣлъ его голосъ, вы-

давъ ему инвеституру на всё его владѣнiя, возобновя наследственный союзъ между Австріею и Пезальномъ, назначивъ ему 80,000 гульденовъ вознагражденiя за отнятый Гагенау, котораго не могъ возвратить ему, потому-что городъ этотъ служилъ защитою австрійскихъ владѣнiй со стороны Эльзаса; наконецъ, предложивъ Вормеу 20,000 гульденовъ за убытки, понесенные имъ отъ Сиккингена.

Императоръ хотѣлъ также примирить со Швабскими Союзомъ (въ которомъ участвовали двадцать-два имперскiе города, рыцарскiй Орденъ Св. Георга, герцоги баварскiе и эрцгерцоги австрійскiе), этого грезнаго предводителя кондотьеровъ, который долженъ былъ воювать играть весьма-важную роль при избранiи. Въ это время Сиккингенъ, едва-только вступившiй въ службу Франциска I-го, поссорился съ нимъ. Одинъ вѣнецкiй купецъ, которому нѣсколько миланскихъ купцовъ не хотѣли платить долга, обратился къ Сиккингену, какъ къ раздавателю правосудiя въ Германiи. Тотъ купилъ его долгъ и, съ оруженiемъ въ рукахъ, выискалъ долгъ съ миланцевъ, торговавшихъ въ Германiи. Тѣ принесли жалобу государю своему, Франциску I, который остановилъ производство исковъ Сиккингена.

Послѣ этого вѣнецкiй кондотьеръ перешелъ отъ Францiи на сторону Австрiи. Максимилианъ тотчасъ же задобрилъ его въ пользу своего внука и назначилъ Карлу: «Съ Францомъ Сиккингеномъ мы кажется хорошо поступили, что назначили ему пенсiю и другiя выгоды: онъ теперь нашъ преданъ и можетъ оказать важныя услуги».

Такимъ-образомъ Максимилианъ успѣлъ склонить на сторону Карла пятерыхъ курфирстовъ; только у двухъ не имѣлъ онъ успѣха. Архiепископъ трирскiй остался вѣренъ Франциску I-му. Онъ отказался обѣщать заранее свой голосъ Карлу, потому-что, по законамъ Золотой Буллы, не должно было обнаруживать своего выбора. То, что послужило ему предлогомъ къ прикрытiю его политики, было истиннымъ основанiемъ отказа Фридриха саксонскаго: этотъ курфирстъ былъ недоступенъ; ни страхъ, ни выгоды не могли побудить его къ вступленiю въ переговоры.

Оппозицiя и сопротивленiе этихъ двухъ курфирстовъ непрiятны были для Максимилиана, но не остановили его дѣятельности; утѣренный въ большинствѣ голосовъ, приобрѣтенныхъ за огромную сумму — 514,175 золотыхъ гульденовъ (стоющихъ теперь до 27,245,975 фр.), промѣ 70,000 пенсiи, выплачиваемой городами Мехельномъ, Антверпеномъ и Франкфуртомъ, за поручительство Нидерландовъ, онъ рѣшился составить законный актъ. 27-го августа заставлялъ онъ подписать четырехъ курфирстовъ и посланниковъ пятого торжественное обѣщанiе, что они

изберутъ императоромъ внука его, именемъ котораго онъ письменно обязывался сохранить частныя ихъ привилегіи и общія права ихъ земель, давъ увѣреніе, что во управленіи имперією будутъ совѣтоваться съ германскими принцами и вѣрять администрацію германскихъ учрежденій. Эти взаимныя обязательства были раздѣлены 1-го сентября 1514 года.

Максимиліанъ тотчасъ же отправилъ въ Испанію Жюа Куртешиль съ шестнадцатью документами, относящимися къ пріобрѣтенію голосовъ: брачными договорами, обѣщаніями денегъ и пенсій, обезпеченными къ привилегіямъ и проч., законнымъ именемъ Карла. Онъ приглашалъ его къ немедленному подписанію, безъ всякаго измѣненія, и предлагалъ отправить ихъ сейчасъ же обратно для окончательнаго союза съ курфирстами, не разстроивъ такую дорогою цѣною купленного плана къ будущему его величію. Сверхъ-того, представлялъ онъ ему о необходимости немедленнаго отправленія векселей на аугсбургскихъ банкировъ Фуггера и Вельзера въ 450,000 золотыхъ гульденовъ, чтобы ихъ можно было получить до франкфуртскаго сейма. Изъ этихъ 250,000 гульденовъ и 75,000, привезенныхъ Куртешилемъ, Максимиліанъ извѣстилъ себя 50,000 на расходы при будущемъ франкфуртскомъ сеймѣ, на которомъ, получивъ отъ Карла ратификацію всѣхъ своихъ аугсбургскихъ распоряженій, долженъ онъ былъ выѣхать съ курфирстомъ предвзятельно провозгласить своего внука римскимъ королемъ.

IV.

Францискъ I-й съ неудовольствіемъ узналъ о томъ, что произошло въ Аугсбургѣ. Трирскій архіепископъ послалъ своего секретаря увѣдомить его обо всемъ. Даже самъ курфирстъ браденбургскій, какъ бы стыдясь своей переизбы, предупредилъ 16-го августа французскаго посланника при Максимиліанѣ Бодуэна де-Шампанья, владѣтеля Базожскаго, что дѣло французскаго Карла находится въ отчаянномъ положеніи, и что у короля уже пять голосовъ изъ семи. Онъ прибавилъ, однакожь, что майнцскаго и другихъ курфирстовъ можно еще отвѣчь большими пожертвованіями. Для этого давалъ онъ королю только восемнадцать дней сроку, послѣ чего все уже будетъ окончено. Это былъ мечтательный срокъ, потому-что онъ уже окончился, когда, 4-го сентября, Францискъ I-й получилъ денему Базожа въ Вавинъ. Несмотря на это, король тотчасъ же отправилъ къ Базожу пять бланковыхъ довѣренностей и прислалъ къ нему еще Мариньи, для веденія переговоровъ съ курфирстами; но въ Аугсбургѣ никого уже не было.

Францискъ I-й не потерялъ бодрости, узнавъ отпаденіе пфальцграфа, майнцскаго курфюрста и бранденбургскаго маркграфа. Онъ подумалъ, что, потерявъ ихъ, несмотря на прежнія обѣщанія, можетъ и вторично ихъ склонить на свою сторону, невзирая на новыя ихъ обязательства; а потому онъ отправилъ въ Германію Іоахима Мольтцана, бывшаго совѣтника бранденбургскаго курфюрста, принятаго имъ на службу, а потомъ Бодуана Шампаня съ самыми выгодными предложеніями; но, чтобъ имѣть время убѣдить ихъ, надобно было стараться объ отсрѣчкѣ избранія во Франкфуртъ. Дѣйствительно, встрѣтилось законное препятствіе къ этому избранію. Максимилианъ не былъ коронованъ императоромъ и былъ только римскимъ королемъ. И такъ-какъ былъ ужь одинъ римскій король, то нельзя было выбирать другаго. Объ этомъ представляли треврскій архіепископъ и герцогъ Фридрихъ саксонскій, и избраніе ихъ было уважено.

Максимилианъ не рѣшался произвести новаго избранія, не будучи еще самъ коронованъ. Это коронованіе происходило обыкновенно въ Римѣ. Идти въ Римъ съ арміею, значило нарушить миръ, такъ недавно возобновленный въ этой странѣ. Робкій дворъ испанскаго короля боялся этого шага. Не утвердившись еще въ расположеніи кастильцевъ и арагонцевъ, и стараясь дружески на конференціяхъ въ Монпельѣ уладить несогласія съ французскимъ дворомъ по Наварскому Королевству, Испанія чрезвычайно боялась, чтобъ Максимилианъ не предпринялъ опаснаго путешествія въ Римъ; а потому Максимилианъ ограничился тѣмъ, что заставилъ внука своего потребовать у папы письма къ нему императорской короны въ городъ Трентъ и чтобъ кардиналы Медичи и майнцскій были назначены для коронованія его въ день Рождества. Этотъ планъ былъ мечтательный. Онъ нарушалъ все обычай, и папа, конечно, не согласился бы на это требованіе, будучи тѣсно связанъ съ Францискомъ I и не желая, чтобъ владѣтель Неаполя сдѣлался императоромъ.

Но прежде чѣмъ Максимилианъ успѣлъ привести въ исполненіе свой планъ, обезпечившій наслѣдственное величіе его дома, его постигла смерть. Ему было около шестидесяти лѣтъ и здоровье его было съ нѣкотораго времени разстроено. Лихорадка мучила его въ Тироли. Чтoby избавиться отъ нея, онъ поѣхалъ въ Верхнюю Австрію. Тамъ, будучи однажды на охотѣ, почувствовалъ онъ сильную жажду, и чтобъ утолить ее, съѣлъ чрезвычайно-много дыни: эта неосторожность усилила его болѣзнь; вмѣсто перемежающейся лихорадки, получилъ онъ безпрестанную, которая 12 января 1549 года и прекратила его жизнь въ Вельсѣ.

Съ 1515 года Максимилианъ возилъ всегда съ собою ящикъ, въ который велѣлъ заранее положить свое тѣло, когда онъ умретъ. Невѣднѣ онъ часто обращался съ рѣчью къ этому ящику. Въ безсонныя ночи часто читали ему исторію его предковъ, къ которымъ онъ вскорѣ долженъ былъ присоединиться. Онъ самъ расписалъ заранее церемоніаль своихъ похоронъ и изъявлялъ желаніе, чтобъ сердце его вѣжливо было въ Брюгге, въ гробницу первой супруги его, Маріи бургундской.

Максимилианъ былъ благороденъ душою, изобрѣтательнаго ума, ласковаго и предприимчиваго характера. Соединяя въ себѣ, впрочемъ, нѣчто противорѣчія, онъ былъ легковѣренъ и недоувѣренъ, мужественъ и нерѣшительнъ, не богатъ, а расточителенъ, вспыльчивъ и неустоенъ. Однажды онъ вдругъ посреди коннаго уѣхалъ изъ арміи, потому-что во снѣ видѣлъ тѣни Родольфа габсбургскаго и Карла-Смѣлаго, которые предупреждали его, чтобъ онъ не довѣрялъ швейцарцамъ, находившимся у него въ службѣ. Наконецъ странною идеею его было еще то, чтобъ, по смерти папы Юлія II, быть самому избраннымъ въ папы.

Впрочемъ, странныя случайности жизни его произвели въ немъ и странности характера; различныя же выгоды обладаемыхъ имъ странъ сдѣлали его непостояннымъ въ своихъ предпріятіяхъ. Пяти лѣтъ отъ роду, онъ былъ завертъ въ вѣнской цитадели, гдѣ отецъ его, Фридрихъ III, былъ осажденъ и гдѣ дурной хлѣбъ, изъ отрубей, былъ единственною его пищею. Потомъ долго онъ странствовалъ съ своимъ семействомъ, лишеннымъ владѣній Матвѣемъ Корвиномъ; наконецъ былъ въ плѣну у Фланандцевъ, земли которыхъ защищалъ противъ жестокой политики Лудовика XI. Все это сильно воспламеняло его воображеніе и заставляло часто пускаться на опасныя предпріятія. Посеребренно занимался онъ то дѣлами Германіи, въ которой не могъ ввести порядка, то волненіями Нидерландовъ, которыхъ не имѣлъ силы покорить волюнѣ, то войною въ Италіи, гдѣ не могъ содержать арміи и утвердиться прочно, не имѣя на то довольно денегъ. Тамъ-образомъ онъ начиналъ много предпріятій и не кончалъ ни одного.

И однакожъ, онъ основалъ въ Германіи порядокъ лучше прежняго, уничтоживъ право частной войны, учредивъ законъ и правосудіе въ Имперской Палатѣ и въ Придворномъ Совѣтѣ, и довершивъ наконецъ раздѣленіе Германіи на округа. Сверхъ того, онъ былъ постояннымъ основателемъ величія своего дома. Бракомъ съ Марією бургундскою приобрѣлъ онъ Нидерланды; женитьбою сына своего Филиппа-Красиваго съ Юанною кастильскою и арагонскою приобрѣлъ для своего дома Испанію и Неаполь; приготовленнымъ имъ бракомъ внука своего Фердинанда

съ Анною богемскою получила Австрія вскорѣ тотомъ богатство и наследство Богемскаго и Венгерскаго Королевствъ. Наконецъ внуку Карлу приготовилъ онъ по-возможности все, чтобъ тотъ получилъ корону Германской Имперіи.

V.

Кончина Максимилиана дѣлала, однакожь, сомнительными все планы Карла. Какъ-скоро Францискъ I получалъ объ этомъ увѣдомленіе отъ банкира Фуггера, онъ тотчасъ возобновилъ прерванные замыслы. Ко всемъ дворянъ курфирстовъ отправилъ онъ людей искусныхъ изъ дворянъ, также изъ судебного званія, и наводилъ Германію своими агентами. Онъ даже отправилъ рекетмейстера Лангака и Балъи Антуана Ламе владѣтеля Плесси въ Польшу; они должны были ѣхать перелѣтныи къ королю Сигизмунду, сиекуну богемскаго курфирета, и вести съ нимъ тайные переговоры о возведеніи Франциска I въ санъ германскаго императора для собственныхъ выгодъ владѣній Сигизмунда, угрожаемыхъ вторженіемъ со стороны Турковъ.

Франциску I хотѣлось также привлечь къ себѣ стараго своего приверженца Сажингона, который могъ ему быть очень-полезенъ. Онъ отправилъ къ нему канцлера Брандера съ предложеніями дружбы и значительныхъ выгодъ, послалъ также вѣрнаго челоука въ Швейцарію, чтобъ заранѣе задобрить кантоны на случай войны, и къ патрѣ Льву X, просилъ о поддержаніи его всѣмъ своимъ вліяніемъ въ Германіи. Онъ даже просилъ англійскаго короля Генриха VIII объявить себя въ пользу его кандидатуры: Посланникъ этого короля Томасъ Болейтъ спросилъ при этомъ случаѣ: «Пойдетъ ли король лично противъ невѣрныхъ, если будутъ избраны императоромъ?» и Францискъ, съ живостью схвативъ его руку, а другую положи на сердце, отвѣчалъ: «черезъ три года, послѣ моего избранія, клянусь быть въ Константинополѣ, или умереть»; а потомъ прибавилъ: «я не истрочу три милліона, но буду избирать».

Кромѣ частныхъ агентовъ при каждомъ курфирствѣ, Францискъ назначилъ посланниковъ для общаго надзора за ходомъ предпріятія. Имъ предоставлялось получать все письма на его имя, управлять всеми дѣйствіями и заключать условія, касательно избранія, которыя онъ королевскимъ словомъ обязывался выполнить. Эти важныя должности возложены были на д'Альбре графа Дрѣ, дорвальскаго владѣтеля и губернатора Шампаньи, на Гильома Гуфье, владѣтеля Бенинве, адмирала Франкн и на Шарля Гильара, президента Парижскаго Парламента. Они учрежденъ сперва главную квартиру переговоровъ въ Люневилѣ, въ Лотарин-

гнъ, а потомъ перенесли ее ближе къ четыремъ рейнскимъ курюрстамъ въ Кобленцъ. Францискъ I поручилъ имъ вскрывать всѣ письма на его имя; онъ снабдилъ ихъ бланкетами, которые какъ-бы дѣлаи его присутствующимъ на берегахъ Рейна, и вѣтрлгъ имъ свою *магину печать*.

Во все время продолженія этихъ дѣятельныхъ переговоровъ онъ не упустилъ изъ виду ничего; велъ почти ежедневную переписку съ умнопоченными, подстрекая ихъ дѣятельность, ободряя ихъ, устранялъ препятствія, возникавшія отъ требованій электоровъ; и когда посланные его робѣли передъ большими уступками, онъ разрѣшалъ ихъ согласиться на все, чтобъ только успѣть въ своемъ предпріятіи.

Агенты Франциска I имѣли власть предлагать деньги, пенсіи, иждности каждому, кто могъ содѣйствовать его цѣли; сверхъ-того, должны они были представить курюрстамъ искуснымъ образомъ и другія обшія причины, изложенныя въ ихъ инструкціяхъ. Императоръ былъ верховною главою и естественнымъ защитникомъ христіанства, потому они должны были представлять, какой государь лучше могъ исполнить эту великую обязанность въ такую минуту, когда христіанству угрожала илчайшая опасность. Францискъ I говорилъ въ инструкціяхъ слѣдующее: «Будучи доволенъ тѣмъ, что ему Богъ далъ, христіантвннй король не побужденъ ни выгодами, ни честолюбіемъ и не желалъ бы императорской короны, которая ему больше принесетъ труда и заботъ, нежели выгодъ, еслибъ не былъ приглашенъ къ этому тѣмъ, которые требуютъ его защиты, и еслибъ пламенное желаніе его быть полезнымъ христіанству не заставило его рѣшиться на это. Онъ еще молодъ и въ цвѣтѣ лѣтъ, щедръ, великодушенъ, любитъ войну, опытенъ въ ней и искусенъ; у него хорошіе полководцы, обширное королевство, нѣсколько земель, гдѣ его любятъ и повинуются ему; у него много восточнаго войска, которое мужественнѣе всѣхъ въ Европѣ; много артиллеріи и хорошіе артиллеристы, много гаваней на Средиземномъ Морѣ и скантъ съ вооруженными кораблями, галерами и проч. Онъ въ дружбѣ со всѣми своими сосѣдями, такъ на службу Божію и христіанской вѣры можетъ посвятить себя и все достояніе безъ всякаго препятствія и нежелательства».

Другими красками описывалъ Францискъ своего соперника Карла: «Онъ еще молодъ, безъ всякой опытности и практики въ войнѣ, въ которой никогда не участвовалъ; онъ болѣзненъ и не въ силахъ нести такого тяжелаго бремени; онъ управляетъ чрезъ своихъ агентовъ, которые часто заботятся больше о своихъ выгодахъ, нежели объ общественныхъ; владѣнія его отдалены отъ Германіи, и въ минуту опасности

сти онъ не можетъ ни помочь ей, ни содѣйствовать; нравы испанцевъ совершенно противорѣчатъ нѣмецкимъ: что видно было, когда они вѣсть восмали; наконецъ, Карлъ былъ также неаполитанскимъ королемъ, а въ силу присяги, приносимой имъ при инвеститурѣ, всякій неаполитанскій король обязывался не искать германской короны. Если жъ онъ получитъ ее, это будетъ между нимъ и паномъ началомъ войны, которая вновь поселитъ раздоръ въ христіанскомъ мірѣ».

Главная выгода Франциска I состояла болѣе въ томъ, чтобъ воспрепятствовать могущественному своему сопернику быть избраннымъ въ императоры, нежели самому быть на этомъ мѣстѣ; а потому, онъ писалъ къ своимъ посланникамъ, что если они не въ состояніи будутъ избрать его, то предложить корону курфюрсту бранденбургскому, или саксонскому.

Карлъ, съ своей стороны, чувствовалъ, что для него важно усилить въ этомъ дѣлѣ, какъ усилъ онъ въ приготовленияхъ къ нему. Онъ былъ въ Монсерратскомъ Монастырѣ, въ Аррагоніи, когда, въ началѣ февраля, узналъ о кончинѣ своего дѣда. Послѣ первыхъ минутъ сердечной печали и официального траура, онъ тотчасъ же послалъ въ Германию приказанія, дѣятельно продолжать переговоры о своемъ избраніи. Сперва поручилъ онъ это кардиналу Матею Лангу, преданному австрійскому дому, но весьма-нелюбимому въ Германиі. Въ помощь ему назначилъ онъ Михаила фонъ-Волькенштейна, канцлера Саренштейна, казначея Виллингена, секретарей Рейнера и Циглера, которые при дѣдѣ его такъ долго управляли дѣлами имперіи, и своего умнаго и вкрадчиваго камергера Армерсторфа. Потомъ, узнавъ, однакоже, что курфюрсты не хотятъ вести переговоры съ кардиналомъ, отправилъ его въ Тироль и Австрію, гдѣ междоцарствіе произвело волненіе, и поручилъ вести дѣло графу Генриху нассаускому и рехетмейстеру Жерару де-Плену; онъ употребилъ къ этому также литтискаго принца-епископа и седанскаго владѣтеля, которыхъ Францискъ I неблагоприятно отдалилъ отъ себя, не исключая первому кардинальской шляпы, а у втораго отнять роту почетной стражи, которую вѣрилъ другому.

Карлъ предписалъ также, во что бы ни стало, привлечь на свою сторону Сиккингена, и писалъ къ Максимилиану Бергу, чтобъ тотъ отправился въ Швейцарію для убѣжденія кантоновъ принять его сторону. Посланнику своему при панѣ дон-Луису Карросу поручилъ онъ склонить на свою сторону Льва X, и также просилъ Генриха VIII предпочесть его своему сопернику.

Пока отдаленность и разстояніе мѣста позволили употребить въ дѣло всѣ эти игры, выгоды Карла имѣли въ Германиі усердныхъ защит-

инимовъ. Тетка его, правительница Нидерландовъ, Маргарита австрийская, искусно дѣйствовала въ его пользу. Она всю жизнь помогала ему мудрыми совѣтами. Какъ дочь Максимилиана, сохранила она вліяніе надъ всеми нѣмецкими принцами. Она тотчасъ же послала Максимилиана фонъ-Берга въ Аугсбургъ, переговорить обо всемъ съ Виллингеромъ, Рейперомъ и Циглеромъ, которые давно уже съ жаромъ дѣйствовали въ пользу Карла. Они убѣдили пфальцграфа Фридриха продолжать хлопотать около брата своего курюрста Лудвига и окончить то, что онъ такъ хорошо началъ въ Аугсбургѣ, поддерживая его въ твердомъ исполненіи данныхъ обѣщаній. Маркграфъ Казимиръ бранденбургъ-кульмбахскій согласился отправиться съ этою же цѣлью ко двору родственника своего курюрста Иоахима.

Сверхъ-того, уполномоченные послали двухъ искусныхъ и опытныхъ агентовъ въ Венгрію и Богемію въ то самое время, какъ Маргарита австрийская отправила казначея своего Маринуса изъ Брюсселя къ трирскому курюрсту, поручивъ графу нассаускому дѣйствовать у кѣльскаго электора. Наконецъ Армерсторфъ пріѣхалъ черезъ Гейльсбергъ въ Майнцъ.

Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ дѣятельно вели дипломатическую компанію. Кто уступалъ свой голосъ, кто свое вліяніе, кто косвенныя услуги, которыя могъ оказать, кто своихъ солдатъ, которыхъ собирали на вербовать. По всей Германіи скакали курьеры съ депешами и агенты обѣихъ королей съ блистательными свитами рыцарей. Всѣ они съѣзжались у курюрстовъ, осиривая другъ у друга ихъ расположеніе.

Францискъ I началъ одерживать верхъ при этой вторичной борьбѣ. Изъ пяти курюрстовъ, обѣщавшихъ въ Аугсбургѣ голоса свои Карлу, четыре: пфальцграфъ, маркграфъ бранденбургской, курюрстъ майнцкій и кѣльскій условились отказаться отъ своихъ прежнихъ обязательствъ и почитали себя вновь свободными. Даже черезъ день по смерти Максимилиана (14 января), пфальцграфъ писалъ изъ Гейльсберга къ Франциску I, что онъ сохранилъ къ нему то же расположеніе, какъ и прежде, и представлялъ ему теперь ручательство въ своемъ голосѣ, съ полученіемъ за то условленнаго вознагражденія.

Курюрстъ трирскій остался непоколебимо-вѣренъ и Молтцагъ объявлялъ, что маркграфъ бранденбургскій и курюрстъ майнцскій предлагали возвратиться на сторону Франциска I-го. Условія двухъ братьевъ были слѣдующія:

Маркграфъ требовалъ, чтобъ приданое принцессы Рене увеличено было до двухъ-сотъ тысячъ золотыхъ эку, изъ которыхъ сто тысячъ должны быть выданы 1-го мая въ Берлинѣ, а остальныя тотчасъ же

ю избрании; чтобъ пенсія его была назначена въ двѣнадцать тысячъ золотыхъ гульденовъ; чтобъ король выдалъ и за сына его одну дочь изъ французскихъ принцессъ (о чемъ уже было прежде сдѣлано предложеніе) и помогать ему, въ случаѣ нападенія враговъ.

Трирскій курфирстъ требовалъ 120,000 золотыхъ гульденовъ на сооруженіе церкви въ Галле: половину къ 1-му мая, а другую 15-го июля того же года; исходатайствованіе у папы званія всегдашняго легата Германіи, съ правомъ назначенія самому коадьюторовъ; подтвержденія привилегій по двойному званію архіепископа майнцакаго и архикапцлера имперіи; наконецъ удостовѣреніе, что будетъ поддержанъ въ ссорѣ своей съ гессенскимъ ландграфомъ и Эрфуртомъ, и защищенъ отъ вражды австрійскихъ эрцгерцоговъ и отъ оппозицій собственнаго своего капитула, благопріятствующаго Карлу.

Получивъ предложенія обоихъ братьевъ, Францискъ I-й хотя и находилъ ихъ нѣсколько-преувеличенными, но въплоть ожилъ въ своихъ надеждахъ. Рѣшась принять ихъ, если не успѣетъ получить уступки, онъ попеременно посылалъ въ Берлинъ Лапуссиньера и Базожа съ полномочіями къ обсужденію и принятію условій. Онъ ужъ разсчитывалъ, что съ этой минуты можетъ надѣяться на свое избраніе, тѣмъ болѣе, что маркграфъ Іоакимъ, уполномоченный заключить условія за себя и за брата, брался убѣдить и кельнскаго курфирста, на котораго имѣлъ большое вліаніе; сверхъ-того, англійскій король, хотя и подъ секретомъ, обѣщалъ ему свое содѣйствіе, а папа явно бралъ его сторону.

Левъ X, конечно, не желалъ бы видѣть императоромъ ни герцога миланскаго, ни короля неаполитанскаго; но такъ-какъ ему надобно было выбрать изъ двухъ враговъ, то онъ предпочиталъ перваго, который былъ не такъ страшенъ для папскаго престола, какъ второй, исключенный папскими законами изъ кандидатовъ на званіе императора. Въ помощь германскому легату своему, кардиналу Санкт-Сиксту и протонотарію Карраціоли, прислалъ онъ архіепископа Орсини, совершенно-преданнаго французскому королю.

Не надѣясь болѣе на всеобщій крестовый походъ, Левъ X разсчитывалъ только на Франциска I для отраженія турковъ. Онъ явно обѣявилъ себя въ его пользу и писалъ къ нему:

«Для большаго облегченія столь важнаго событія и для убѣжденія тѣхъ, которые будутъ участвовать при избраніи императора, къ содѣйствію ихъ законными и справедливыми наградами, мы обѣщаемъ вашему величеству словомъ римскаго первосвященника, что если вы получите званіе императора содѣйствіемъ и голосами нашихъ почтенныхъ братій, кельнскаго и трирскаго курфирстовъ, то, по желанію

вашего величества, возведемъ ихъ въ высокій санъ кардиналовъ. Давая вашему величеству это обѣщаніе, мы предоставляемъ вамъ объявить имъ объ этомъ отъ нашего имени».

Сверхъ-того, Левъ X, по желанію Франциска I, обязывался съѣздить майнцкаго архіепископа своимъ легатомъ въ Германіи. Онъ самъ писалъ этому честолюбивому архи-канцлеру имперіи, что польза погибающаго христіанства требуетъ усерднаго его содѣйствія; что опаснѣйшему врагу необходимо противопоставить могущественнѣйшаго изъ монарховъ. Приглашая его заботиться о избраніи французскаго короля, папа присовокуплялъ :

«Мы поручили возлюбленному нашему сыну, христіаннѣйшему королю Франциску обѣщать вамъ съ нашей стороны все, что можетъ служить къ возвышенію вашему, въ-особенности въ званіи легата Германіи. Обѣщанія эти обязываемся мы словомъ истиннаго римскаго первосвященника исполнить, какъ-скоро желаемая цѣль будетъ достигнута».

Левъ X-й послалъ къ Франциску I-му буллы, которыя долженъ онъ былъ показать тремъ курфирстамъ объ условномъ ихъ пожалованіи. Онъ, сверхъ-того, разослалъ буллы ко всемъ курфирстамъ, въ которыя формально исключалъ Карла изъ кандидатура на имперію, потому-что онъ былъ неаполитанскимъ королемъ. Для быстрыхъ и вѣрныхъ сообщеній своихъ съ кардиналомъ Санкт-Сикстомъ и архіепископомъ Орси-ни, папа учредилъ между Римомъ и Франкфуртомъ почту, проходящую чрезъ Иншпрукъ и Тироль. Онъ въ-особенности поручалъ имъ рекомендовать всемъ курфирстамъ французскаго короля, и ходатайство папы, казалось, должно было неминуемо увлечь трехъ духовныхъ курфирстовъ, связанныхъ съ нимъ узами чиновачалія и обѣщаемыхъ милостей.

VI.

Все было, казалось, готово упрочить успѣхъ Франциска I-го. Самые усердные приверженцы Карла почитали невозможнымъ его избраніе и думали представить сейму другаго кандидата, чтобъ по-крайней-мѣрѣ помѣшать избранію французскаго короля. Они выбрали брата Карла, Фердинанда, тоже австрійскаго эрцгерцога, который не могъ встрѣтить сопротивленія ни со стороны папы, ни со стороны Германіи, любившей его.

Правительница Нидерландовъ, Маргарита, приготовила все для отправления этого принца въ Германію изъ Мехельна, гдѣ онъ жилъ близъ нея уже нѣсколько мѣсяцевъ; но прежде, чѣмъ рѣшиться на такой важный

шагъ, она представила этотъ планъ своему племяннику, Карлу, убѣждая его согласиться на это. 20-го февраля 1519 года написала она къ нему письмо, подписанное, вмѣстѣ съ нею, вѣрными ея совѣтниками Филиппомъ клевскимъ, Круа, Генрихомъ нассаускимъ, Лапенгомъ, Иоанномъ фон-Бергомъ. Всѣ они предлагали Карлу : объявить вмѣсто себя кандидатомъ эрцгерцога Фердинанда.

Получивъ это письмо, Карлъ вовсе не упалъ духомъ, какъ совѣтатели его; онъ съ гордостью въ ту же минуту отказался отъ этого предложенія. Удаливъ брата изъ Италіи, гдѣ его ужь слишкомъ любили, онъ не хотѣлъ, чтобъ Фердинандъ и за Рейномъ былъ предпочтенъ ему; онъ хотѣлъ самъ основать медленно-приготовленное владичество австрійскаго дома, котораго онъ хотѣлъ остаться главою. Онъ написалъ объ этомъ тѣткѣ и брату и выразилъ въ письмахъ сильную твердость характера, обнаруживъ удивительное величіе видовъ и плановъ, которые потомъ осуществилъ.

Онъ говорилъ въ этихъ депешахъ, что Фердинандъ не обладалъ никакими качествами, чтобъ быть императоромъ и съ честью поддерживать это высокое званіе; что искательство его не основывалось ни на желаніи дѣда ихъ Максимилиана, ни на обязательствахъ, принятыхъ на себя курфирстами; что искательство это бесполезно и опасно; что, поддерживая его, онъ унизилъ бы честь своего дома, и что это значило бы исполнить намѣреніе Франциска I, желающаго только раздѣленія силъ и избранія третьяго императора, если имъ обомъ не удастся пріобрѣсть это званіе. Съ рѣдкимъ политическимъ предвѣдніемъ говорилъ Карлъ, что «это значило бы раздѣлять всѣ земли и владѣнія Австріи, ссорить его съ братомъ и вообще раздѣлять связку тростей, чтобъ легче было сломать каждую особенно и уничтожить все величіе ихъ дома».

Поэтому Карлъ запретилъ и поѣздку Фердинанда и кандидатство его, обѣщая за эту жертву поступать съ нимъ не только, какъ съ братомъ, но, какъ съ сыномъ. «У меня ничего не будетъ, говорилъ онъ, надъ чѣмъ бы ты не имѣлъ одинаковой власти со мною».

Чтобъ сохранить согласіе въ австрійскомъ домѣ, которое онъ потомъ тридцать-шесть лѣтъ поддерживалъ, Карлъ объявилъ, что увеличить часть Фердинанда въ нерозданномъ еще наслѣдствѣ Максимилиана, а потомъ уговорить курфирстовъ назначить его своимъ преемникомъ. «Когда я буду избранъ и вѣнчанъ императоромъ (говорилъ онъ), мнѣ легко будетъ заставить избрать римскимъ королемъ Фердинанда и поставить имперію въ такое положеніе, чтобъ она навсегда осталась въ нашемъ домѣ».

То, что онъ обѣщалъ тогда, было потому имъ исполнено. Въ 1520 году отдалъ онъ Фердинанду въ управление Австрію, Каринтію, Карниолію, Штирію и даже Тироль, а въ 1534 году, по просьбѣ ея и старанію, возложена была на него заранѣе германская корона, которая дѣйствительно съ-тѣхъ-поръ не выходила ужъ изъ габсбургскаго дома.

Видѣвъ съ-тѣхъ Карлъ объявлялъ, что ищетъ императорской короны для исполненія великихъ дѣлъ, и предписалъ употребить послѣднія усилія, чтобъ достигнуть успѣха въ начатыхъ переговорахъ. «Мы рѣшились (говорить онъ) ничего не жалѣть для этого и всѣмъ жертвовать для избранія, какъ для предмета самаго близкаго нашему сердцу». Онъ приказалъ ни въ чемъ не отказывать курфирстангъ, склонить на свою сторону Сиккингена, задобрить литтискаго князя и герцога Бургундскаго, послать денегъ кардиналу Сиону и обѣщать значительную сумму швейцарцамъ, однимъ словомъ: обезпечить успѣхъ избранія, чего бы это ни стоило. Впрочемъ, переговоры велись точно въ такомъ духѣ и до полученія его приказанія; а по полученіи, продолжались еще съ бѣльшимъ жаромъ.

Въ-особенности содѣйствовалъ ему въ этихъ трудныхъ переговорахъ свѣтлѣйшій изъ агентовъ его при главномъ курфирствѣ. Камергеръ Армерсторфъ прибылъ 27-го февраля въ Майнцъ. До того времени онъ пребылъ нѣсколько дней въ Гейдельбергѣ, гдѣ встрѣтилъ двухъ французскихъ агентовъ президента Гильера и барона Кана. Поальтруаго до конца остался въ сомнительномъ положеніи, ведя переговоры съ обоими королями, чтобъ не навлечь на себя ихъ вражды. Онъ обѣщалъ Армерсторфу свой голосъ за высокую цѣну. Онъ говорилъ ему видѣвъ съ-тѣхъ, что надобно увѣриться и въ прочіихъ курфирстахъ, *потому что для дурнаго корабля дуетъ противный вѣтеръ*.

Армерсторфъ тотчасъ же замѣтилъ это, являсь къ Альберту, обнаружившему очень-дурное расположеніе къ Карлу. Узнавъ чрезъ гонца отъ брата своего, маркграфа, успѣшный ходъ переговоровъ съ французскимъ королемъ, Альбертъ рѣшительно объявлялъ, что такъ-какъ условія съ покойнымъ императоромъ не исполнены были въ надлежащій срокъ, и какъ договоры, заключенные въ Аугсбургѣ, не содержались втайнѣ, то все кончено между ними и Карломъ. Напрасно Армерсторфъ упрашивалъ его припомнить прежнія свои обязательства, обѣщая ему, отъ имени своего короля всякое вознагражденіе: курфиртъ отвѣчалъ ему, что онъ съ братомъ получалъ увѣдомленіе будто-бы изъ всего, что обѣщано, ничего не будетъ исполнено послѣ избранія; что пенсимъ не будутъ выплачены и что инфанта Екатерина не будетъ

отдана за сына маркграфа. Онъ прибавилъ, что папа, французскій и англійскій короли составили союзъ, чтобъ пренятствовать набрацію Карла; что папа запрещаетъ вѣсть духовнымъ и свѣтскимъ курфирстамъ, подъ опасеніемъ отлученія отъ Церкви, избирать его; что, впрочемъ, французскій король располагаетъ ужь многими голосами и намѣренъ даже явиться въ Германію съ большою арміею, чтобъ быть коронованнымъ папою; что въ подобныхъ обстоятельствахъ нельзя одному бороться противъ всѣхъ, не подвергая майнцскихъ областей очевидной опасности.

Армерсторфъ упрекнулъ курфирета, что онъ вѣрять выдумкамъ противной партіи. Онъ сообщалъ ему, что герода Мехельнъ и Антверпенъ ручаются за платежъ пенсій и обѣщанныхъ суммъ: курфиреть отвергъ и это ручательство, какъ недостаточное. Тогда Армерсторфъ, разсердясь и видя, что всѣ усилія его безуспѣшны, просилъ позволенія откровенно объясниться и сказалъ: «Вижу, что противники наши сдѣлали вамъ предложенія выгодыѣ нашихъ, поэтому вы и хотите отдѣлаться отъ насъ; но это покроетъ васъ и брата вашего стыдомъ; имперія же и вся германская нація много и безвозвратно потеряютъ отъ этого.

Курфиреть хладнокровно согласился, что дѣйствительно ему было предложено съ другой стороны гораздо-больше, но что ему во всемъ нужно обезпеченіе; и если Карлъ дастъ ему больше, нежели обѣщаль императоръ Максимилианъ, то это будетъ справедливое возмездіе за его услугу, потому-что онъ убѣдилъ въ Аугсбургѣ и прочихъ курфирстовъ принять сторону Карла. Онъ прибавилъ, что и теперь еще все дѣло зависить отъ него, что онъ можетъ все передѣлать, потому-что товарищи послѣдуютъ его совѣтамъ и примѣру, и что онъ можетъ доказать это, показавъ ихъ письма. Въ-заключеніе, онъ потребовалъ 100,000 золотыхъ гульденовъ, сверхъ всего прежде обѣщаннаго, иначе все будетъ потеряно для Карла. Армерсторфъ испугался этого огромнаго требованія и съ гнѣвомъ отвѣчалъ, что не имѣетъ полномочія обѣщать болѣе того, что было условлено; что если король Карлъ не будетъ избранъ, то маркграфъ бранденбургскій и курфиреть майнцскій будутъ покрыты стыдомъ; что ихъ накажетъ Богъ и что они сами себѣ приготовятъ наказаніе. Онъ тотчасъ же откланялся, а курфиреть, взволнованный этою выходкою, просилъ хорошенько обдумать ночью все сказанное, говоря, что поутру пришлетъ къ нему узнать его рѣшеніе и сказать свое.

Въ глубинѣ души майнцскій курфиреть чувствовалъ, что эрцгерцогу австрійскому приличнѣе быть германскимъ императоромъ, нежели фран-

дузскому королю; сверх-того, онъ увлеченъ былъ и общественныя мнѣнія, сильно-говорившимъ въ пользу Карла; следовательно ему хотѣлось бы сойтись съ Карломъ, но выговоривъ себѣ за это сколько можно больше. Для этого послалъ онъ поутру къ Армерсторфу своего камердинера, потребовавшего уже только 80,000 гульденовъ и постепенно уменьшавшаго эту сумму до 60 и 50,000. Какъ и наканунѣ, Армерсторфъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ полномочій и онъ не можетъ ничего обѣщать, но что напишетъ къ королю для получения отъ него разрѣшенія.

Курфирстъ отвѣчалъ на это, что онъ не можетъ ждать, потому-что брать его и другіе курфирсты, которыхъ гонимы были въ Майнцѣ, требовали скорѣйшаго рѣшенія дѣла. Видная опасность заставила Армерсторфа рѣшиться принять на свою отвѣтственность нѣкоторую уступку. Онъ сказалъ курфирсту, что готовъ увеличить субсидію, если онъ вѣрнѣ сохранить эту сдѣлку и убѣдить другихъ курфирстовъ остаться при прежнихъ условіяхъ.

Послѣ трехдневныхъ споровъ, курфирстъ согласился на прибавку 20,000 гульденовъ. Пенсію въ 10,000 гульденовъ должно было обезпечить доходами съ Иншпрука, и Армерсторфъ обязался вручить курфирсту серебряную посуду и обои, которые ему были обѣщаны; сверх-того, Карлъ обязывался тоже исходатайствовать у папы для курфирста званіе безсѣйнаго легата и прочія выгоды, ожидаемыя имъ отъ французскаго короля.

Когда условились во всемъ, курфирстъ сказалъ Армерсторфу:

«Я хочу вамъ показать теперь, что собственныя выгоды не до такой степени руководятъ мною, какъ вы думаете, и что я дѣйствительно хочу служить вашему королю.»

Тутъ открылъ онъ ему свои шкатулки и показалъ всѣ полученныя письма, въ которыхъ предлагались ему выгоды и доказывались успешныя переговоры французскаго короля съ прочими курфирстами. Армерсторфъ пораженъ былъ изумленіемъ; онъ спѣшилъ денести о всемъ Карлу и умолялъ его подтвердить поскорѣе заключенныя условія, потому-что «если вы потеряете (писалъ онъ Карлу) этого курфирста, то онъ увлечетъ съ собою и брата своего».

Чтобъ доказать свое усердіе и искренность, курфирстъ тотчасъ же послалъ своего камердинера къ бранденбургскому курфирсту, чтобъ склонить его опять на сторону Карла. Онъ писалъ, что Карлъ прилагалъ къ нему своего совѣтника и камергера Армерсторфа для подтвержденія прежнихъ условій, и что, следовательно, и они обязаны были сдержать свое слово. «Прошу тебя (писалъ онъ) имѣть въ этомъ случаѣ въ ви-

честь и пользу имперіи, собственную свою, всего твоего семейства и всей германской націи. Если императорскую корону получают, которые чужды германскому племени, у которыхъ нѣтъ ни простоты, ни добросовѣстности, и которые никогда не желали пользы имперіи, это будетъ ея гибелью, потому—что они станутъ угнетать ее овладѣють ею, какъ своимъ наследственнымъ достояніемъ.»

Маркграфъ бранденбургскій получилъ это письмо 8-го марта. Вовсе не склоняясь на совѣтъ брата, онъ выразилъ все свое удивленіе, особенно быстрой перемены его рѣшенія, и отвѣчалъ, что почитаетъ себя ужь несвободнымъ располагать своимъ голосомъ; что статья того договора, уже подписанная имъ, вручена Мольтцану, который ихъ послалъ Франциску I-му; что онъ и братъ, оба должны оставаться вѣрными французскому королю, съ которымъ заключили условіе и получили доказательство его щедрости, а потому приглашалъ его оставаться твердымъ и убѣдить пфальцграфа дѣйствовать съ ними заодно; самъ же брался убѣдить со своей стороны кельнскаго курфюрста, увѣряя, между прочимъ, что никогда не измѣнитъ своихъ чувствъ.

Убѣжденія маркграфа подѣйствовали на перѣшительность майнцскаго курфюрста; онъ еще разъ поколебался. Когда, въ концѣ марта, Армерсторфъ явился опять къ нему съ извѣстіемъ, что Карлъ утвердилъ заключенныя съ нимъ условія, курфюрстъ ужь былъ опять въ сомнительномъ расположеніи. Армерсторфъ началъ снова убѣждать его и успѣлъ вновь уговорить, увеличивъ еще разъ сумму субсидій.

VII.

Дѣйствительно, это шестое рѣшеніе майнцскаго курфюрста было послѣднимъ. Онъ отправился въ Обер-Везель, близъ Кельна, куда четыре рейнскіе курфюрста должны были съѣхаться для совѣщанія о мѣрахъ противъ возрастающихъ волненій, происходившихъ отъ междуцарствія. Онъ спустился по Рейну, везя въ своей лодкѣ Армерсторфа и Циглера, съ трудомъ удерживая вспыльчиваго Армерсторфа, который хотѣлъ напасть на лодку легата Орсини, ѣхавшую за ними въ Везель для продолженія тамъ переговоровъ, начатыхъ въ пользу Франциска I-го въ Майнцѣ.

Пфальцграфъ, курфюрстъ майнцскій, кельнскій и трирскій прибыли въ Везель 28-го марта. 3-го апрѣля они заключили взаимный оборонительный союзъ до избранія новаго римскаго короля, обязавшись дѣйствовать во всемъ заодно.

Впродолженіе шести дней, проведенныхъ курфюрстами въ Везелѣ, аген-

ты обоих королей окружали их и уговаривали. Майнцскій архіепископ тайно убѣждал кѣльнскаго курфирста и коальцграфа принять сторону короля, котораго всеобщее желаніе германцевъ требовало на имперскій престолъ. Дѣйствительно, имперскіе города, которыхъ Карлъ в эту минуту поддерживалъ противъ нападешій виртембергскаго герцога Ульриха, объявили себя въ пользу своего заступника, такъ же, какъ нѣкіе франкскіе графы и владѣльцы рейнскихъ береговъ. Послѣдніе прислали въ Везель графа Кѣннигштейна, который съ угрозою объявилъ, что если курфирсты задумаютъ выбрать Франциска I-го, то они рѣшатся на все и прольютъ послѣднюю каплю крови, чтобъ воспринять этому выбору, съ попомощью всѣхъ германцевъ, нежелающихъ быть французами.»

Посланники Франциска не теряли, однакожъ, надежды; они обращались попеременно ко всѣмъ курфирстамъ; нѣмъ дѣятельно помогали трирскій курфирстъ и всѣ легаты папы. Кардиналъ Санта-Сикста, епископъ Орсини и протенотарій Каррачіоли письменно пригласили четырехъ курфирстовъ именемъ Льва X-го, избрать императора, который могуществомъ своимъ и искусствомъ могъ бы поддержать угрожавшее христіанство, а не неаполитанскаго короля, который, по закону Флорентинскаго IV не могъ быть императоромъ. Они потребовали даже отъ нихъ, чтобъ они гласно выразили свое мнѣніе. Курфирсты отвѣчали, что они съѣхались въ Везель не для избранія; что они въ свое время постараются избрать для Германіи и для христіанства, самаго полезнѣшаго и приличнаго государя; что папа Левъ X-й могъ въ этомъ быть уверенъ; но что они удивляются его требованію, которое противно обычаю, установленному самими папами и которымъ теперь хотѣтъ предписывать законы, какъ и кого избирать. А чтобъ небыть новыми просьбъ со стороны легата, они вручили ему этотъ отвѣтъ въ ту самую минуту, какъ садился въ лодки, уезжая изъ Везеля.

Волненія, происшедшія отъ этого свиданія, и заключеніе союза заставили всю Южную Германію взяться за оружіе. Еще въ концѣ января, тотчасъ же послѣ похоронъ Максимилиана, виртембергскій герцогъ Ульрихъ напалъ на имперскій городъ Рейтлингенъ и оставилъ его на себѣ: это было отмщеніе за смерть одного герцогскаго ерестейстера, убитаго около Рейтлингена. Это новое самоуправство было послѣднимъ, потому-что Максимилианъ еще до кончины своей хотѣлъ уже предать герцога имперскому суду. Возбудивъ, сверхъ-того, вражду своихъ союзей, баварскихъ герцоговъ Лудвига и Вильгельма, онъ подвергся нападению всего Швабскаго Союза.

Эти-то союзы городовъ Верхней Германіи, въ числѣ которыхъ былъ

и Рейтлингенъ, тотчасъ же собрали армию для нападенія на герцога. Главномонадущимъ былъ назначенъ герцогъ Вальгольмъ баварскій, но настоящимъ предводителемъ былъ Свингенъ, отказавшійся отъ всѣхъ предложеній Франциска I, поддерживаемыхъ герцогомъ лотарингскимъ, и вступившій въ службу Карла за пенсію въ 3000 золотыхъ гульденовъ и съ платою за содержаніе двадцатитысячной армии. Съ храбрыми своими ландскнехтами и шестьюстами наемными рыцарями онъ принялъ начальство надъ двадцати-четырехтысячною арміею и двинулся къ Виртембергу.

Герцогъ Ульрихъ считался въ Германіи союзникомъ Франциска I. Говорилъ даже — и враги Франціи подтверждали это — что герцогъ, по совѣтамъ французскаго короля, напалъ на Рейтлингенъ, и что на его деньги нанялъ теперь четырнадцать-тысячь швейцарцевъ. Это было несправедливо. Узнавъ о столь опасныхъ для него слухахъ, Францискъ I-й свѣдѣлъ опровергнуть ихъ. Онъ, 3 марта, разослалъ письма въ города: Любекъ, Констанцъ, Шнейеръ, Вермсъ, Эрзуртъ, Кёльнъ, Франкфуртъ и др. съ увѣреніями въ своей искренней дружбѣ.

«Мы всегда (говоритъ онъ) очень уважали и любили имперскіе города, позволяли ихъ жителямъ свободно торговать въ нашомъ королевствѣ и наследственныхъ владѣніяхъ. Мы обходились съ ними всегда ласково, какъ-бы съ нашими собственными подданными, и дали имъ множество привилегій. Мы увѣрены, что если ихъ спросить, то они все это подтвердятъ. А потому мы съ большимъ неудовольствіемъ узнали, что въ Германіи распространили слухи, будто-бы мы деньгами и войсками помогали тѣмъ, которые объявили себя врагами имперскихъ городовъ и напали на нихъ. Мы такъ далеки были отъ подобнаго поступка, такъ мало думали о немъ; что еслибъ нужно было начать войну, то за васъ и за Германскую Имперію взяли бы за оружіе, а не за другихъ. Этого вы и всегда должны ожидать по нашей давней дружбѣ и вашему союзу, который до-сихъ-поръ свято всегда сохраняли».

Но эти письма Франциска I-го не нослужили ни къ чему. Напрасно отказался онъ видѣться съ довѣреннымъ лицомъ, преланнымъ къ нему отъ герцога Ульриха; напрасно отказался быть судьей между нимъ и имперскими городами: никто не хотѣлъ вѣрить его безпристрастію. Всего хуже было то, что, ко всеобщему неудовольствію противъ этого мнимаго союза, прибавилось скорѣе и пораженіе на полѣ битвы.

Въ концѣ марта двинулась впередъ армія союзниковъ. Превосходство силъ и право были на ея сторонѣ. Безъ сопротивленія вторглась она въ Виртембергъ и тотчасъ же вступила въ Штутгартъ, а 21 апрѣля овладѣла Тюбингеномъ, куда скрылись дѣти герцога Ульриха, бѣжав-

шаго до счастливейшихъ временъ въ Монбельярское Граство. 24 мая послѣдняя крѣпость герцогства Аснеръ сдалась Швабскому Союзу, имя котораго осталась въ распоряженіи Карла.

Быстрое и совершенное пораженіе герцога виртембергскаго боги всего произошло оттого, что четырнадцать тысячъ швейцарцевъ, на защиту которыхъ онъ рассчитывалъ, оставили его. Въ первыхъ числахъ апрѣля кантоны внезапно и повелительно отозвали ихъ въ самомъ началѣ кампаніи.

Это отозваніе произошло отъ усердныхъ стараній и наставаній Максимилиана фон-Берга, успѣвшаго склонить къ этой мѣрѣ Швейцарскій Союзъ, все еще почитавшійся нераздѣльною частью Германской Имперіи, хотя при базельскомъ мирѣ, 1499 года, онъ объявилъ себя независимымъ и отказался отъ взноса податей, одержавъ тогда семь побѣдъ надъ имперскими войсками. Максимилианъ Бергъ прибылъ 16 марта въ Цюрихъ. Стараніями кардинала Сиона собранъ былъ тамъ сеймъ. Этотъ древній и упорный врагъ Франціи, совершенно расположилъ своихъ соотечественниковъ принять предположенія Берга. Швейцарцы говорили, что не допустить выбрать императора не изъ принцевъ германскаго племени. Множество депутатовъ выѣхало на встрѣчу къ Бергу, котораго приняли самымъ радушнымъ образомъ. Депутаты эти благосклонно выслушали его предложенія, и чтобы лучше доказать ему свое расположеніе, поселились вмѣстѣ съ нимъ, занимая ежедневно у него четыре большіе стола за обѣдомъ. Вообще они ничего не дѣлали даромъ, и прежде всего требовали уплаты старыхъ своихъ пенсій и назначенія новыхъ. Тяжело было Бергу вести эти переговоры. Обремененный ихъ требованіями, видя ихъ всѣдневно поутру и ввечеру у себя за столомъ, переносилъ ихъ гордую фамильярность и принужденный безпрестанно вести съ ними переговоры, со стаканомъ въ одной рукѣ и съ кошелькомъ въ другой, онъ съ отчаяніемъ писалъ въ Аугсбургъ, что «лучше бы согласился ворочать камень, нежели ѣхать въ Цюрихъ», гдѣ, однакожъ, умѣлъ скрывать свои настоящіе чувства подъ ласковою и пріятною наружностью.

Онъ успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ. Карлъ поручилъ ему раздать 20,000 золотыхъ гульденовъ пенсій по 1500 на каждый кантонъ, кромѣ двухъ-сотъ, прежде назначенныхъ австрійскимъ домошъ. Бергъ изтратилъ на пенсіи 26,000 гульденовъ, нѣсколько болѣе суммы, опредѣленной Карломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заплатилъ прежнія недоимки главнѣйшимъ представителямъ кантоновъ и общалъ удовлетворить другихъ. Этимъ средствомъ онъ достигъ всего: возобновленія наслѣдственнаго

союза, отозванія швейцарцевъ отъ герцога вюртембергскаго и сильнаго протеста противу кандидатура Франциска I.

Цюрихскій сеймъ выслалъ французскаго посланника, объявивъ, что не желаетъ имѣть Франциска своимъ императоромъ и что употребить всѣ средства, чтобъ онъ не достигъ этой цѣли. Дѣйствительно, сеймъ писалъ къ курфюрстамъ, отклоняя ихъ отъ избранія Франциска I, а папѣ сообщилъ, чтобъ онъ не мѣшалъ выбору курфюрстовъ, говоря, что швейцарцы никогда не отдѣлялись отъ папы, которому (при Юліи II) покровительствовали, ни отъ Германской Имперіи, которой почитали себя членами, и что, для общей пользы христіанства и имперіи, требуютъ они, чтобъ глава германской націи былъ не французъ.

Эти дѣйствія швейцарцевъ, вмѣстѣ съ пораженіемъ герцога Ульриха вюртембергскаго и герцога люнебургскаго на сѣверѣ (разбитаго герцогами келенбергскимъ и вольфенбюттельскимъ, приверженцами Австріи), и съ торжествомъ Швабскаго Союза, возобновившаго наслѣдственный договоръ съ Австріею и запретившаго банкирамъ союзныхъ городовъ помогать деньгами французскому королю, нанесли Франциску I большой ударъ въ его планахъ. Онъ былъ сильно раздраженъ и взволнованъ, и писалъ къ своимъ посланникамъ :

«Я былъ бы очень-радъ, еслибъ дѣло могло кончиться безъ войны, чтобъ избѣжать ея случайностей и пролитія человѣческой крови. Но если ужъ дѣло зашло такъ далеко, что мнѣ безъ стыда нельзя отступить, то я не позволю швейцарцамъ предписывать мнѣ законы. Я черезъ полгода выставлю армію въ сорокъ тысячъ человѣкъ. Если на меня нападутъ, я буду сильно защищаться. Вы очень-хорошо понимаете мою цѣль, почему я хочу получить императорскую корону и помѣнать въ этомъ Карлу. Если онъ успѣетъ въ этомъ, то, по обширности владѣній его, нанесетъ мнѣ современемъ жестокий вредъ. У насъ будутъ всегдашнія несогласія, и онъ, вѣрно, захочетъ вытѣснить меня изъ Италіи».

Францискъ долго колебался между совѣтами трирскаго курфюрста, убѣждавшаго его не собирать арміи, чтобъ не обвинили его, что онъ силою хочетъ заставить избрать себя, и совѣтами маркграфа бранденбургскаго, который, напротивъ того, уговаривалъ Франциска выставить поскорѣе армію, чтобъ внушить болѣе довѣренности своимъ приверженцамъ. Онъ рѣшился, наконецъ, на послѣднее. На три дни заперся онъ съ главнымъ интендантомъ своимъ Самблансеємъ, казначеємъ Бабу и другими финансовыми лицами, чтобъ найти нужныя деньги на вооруженіе войска. Хлопоты по избранію стояли ему ужъ дорого : онъ платилъ за все наличными деньгами. Еще прежде запрещенія, обнару-

должного Швабского Союза, главный банкирский дом Фугера отдал Франциску въ содѣйствіи своихъ кредиторовъ, терпя, вслѣдствіе этого патристическаго безкорыстія, до 30,000 гульденовъ. Кромя мата, привезеннаго Бониве въ Германію, Францискъ I-й послалъ въ теченіе апрѣля и въ первыхъ числахъ мая 400,000 золотыхъ марок, вывезуя ихъ восемь—стами всадниками черезъ Францію, Лотарингію и Трирское Курфюрство. Деньги эти находились всё у посланниковъ его на берегахъ Рейна въ кожаныхъ мѣшкахъ.

Въ то же самое время отправилъ онъ къ союзнику своему, герцогу мекленбургскому, пансіонеру своему герцогу голстейнскому, герцогу мекленбургскому, просившемуся къ нему въ службу, и въ—особенности къ маркграфу Іоакиму, который одинъ предлагалъ выставить пятнадцать тысячъ человекъ пѣхоты и четыре тысячи конницы, много денегъ, да того, чтобъ они содѣйствовали ему всѣми силами. Подобныя же переговоры принималъ онъ и съ Рейнграфомъ, котораго сдѣлалъ своимъ пансіонеромъ, чтобъ противопоставить его Сиккингему (Рейнграфъ былъ его сосѣдомъ и соперникомъ), и съ гвельдернскимъ герцогомъ, стариннымъ и постояннымъ другомъ Франціи. Самъ же Францискъ I-й собралъ роты своихъ тѣлохранителей на границахъ Шампани, куда отправилъ шестьдесятъ пушекъ, совершенно—новыхъ, бывшихъ въ Турѣ, и ихъ сосредоточилъ подъ начальствомъ маршала Шабанна корпусъ, готовый, въ случаѣ нужды, вступить въ Германію.

Карлъ не отсталъ отъ Франціи ни въ военныхъ приготовленияхъ, ни въ избирательныхъ просякахъ. Располагая во Франконіи побѣдоносною арміею Швабскаго Союза, управляемою Сиккингемомъ, онъ приказалъ, послѣ виртембергской кампаніи не распускать ее, а оставить на его жалованья на три мѣсяца. Сверхъ—того, сосредоточилъ онъ корпусъ на ренейской границѣ около Периньяна и Нампелуны, и предписалъ вербовать солдатъ для защиты Неаполитанскаго Королевства.

Такимъ—образомъ соперничество двухъ королей готово было вспыхнуть войною въ Германіи, Италіи, Франціи и Испаніи.

VIII.

Посреди вооруженій переговоры продолжались безостановочно. Послѣ долгихъ переговоровъ съ курфюрстомъ бренденбургскимъ, Іоакимъ Мольцатъ шедъ къ Франциску I-му:

«Все пойдетъ хорошо, если мы только успѣемъ удовлетворить требованія маркграфа. Онъ и братъ его, майнцскій курфюрстъ, вслѣдствіе увеличивающагося эти требованія. Кажется, дѣло дошло до того, что въ

рухъ претендентовъ побѣда останется за богатѣйшимъ. Очень бы желалъ, чтобъ вы прислали кого-нибудь мнѣ въ помощь, съ полномочіемъ заключать условія и ратификовать ихъ. «Письмо кончалось словами: *cito, cito, cito!* (скорѣй, скорѣй, скорѣй).

Лапуссильеръ и Базожъ отправлены были Францискомъ I въ Берлинъ и прибыли туда въ концѣ марта. Онъ хотѣлъ, во что бы ни стало заключить условіе съ маркграфомъ, котораго агенты называли главною пружиною всего дѣла. Предвидя даже, что маркграфъ, заключивъ съ нимъ условіе, можетъ не сдержать его, Францискъ прибавилъ: «Если и послѣ совершеннаго заключенія дѣла, посланники мои увидятъ, что есть еще какой-нибудь предметъ, который могъ бы поколебать маркграфа (маркграфа), они должны тщательно слѣдить за нимъ и справиться обо всемъ у друзей его и служителей; если онъ потребуеъ для себя, или для сына, еще чего-нибудь, то чтобъ непремѣнно дали ему, или обѣщали, не щадя ничего, лишь бы онъ былъ вполне удовлетворенъ и вѣрно сдержалъ данное слово. Имѣя его съ братомъ, а также пфальцграфа и трирскаго курфирета на своей сторонѣ, я могу быть увѣренъ въ успѣхъ дѣла».

Такимъ образомъ продолжались переговоры. Францискъ I не пугался никакихъ требованій бранденбургскаго курфирета; и когда посланники его колебались, онъ самъ писалъ имъ: «Не отказывайте ни въ чемъ: пусть маркизъ Іоакимъ всѣмъ будетъ доволенъ.» Вмѣстѣ съ другими требованіями назначилъ онъ 175,000 золотыхъ экю въ приданое принцессѣ Рене, и договоръ былъ окончательно заключенъ 8-го апрѣля. Условьясь, что срокъ перваго платежа будетъ 10-го мая въ Кюбленцѣ, гдѣ Жанъ д'Альбре самъ вручить 80,000 гульденовъ посланникамъ курфирета.

Договоръ, подписанный 8-го апрѣля курфиретомъ и скрѣпленный его печатью, пересланъ былъ Франциску I и состоялъ въ слѣдующемъ:

«Мы Іоакимъ, маркграфъ бранденбургскій, архиканцлеръ Римской Имперіи, курфиреть, герцогъ штеттинскій, номеранскій, бурграфъ нюрнбергскій и пр., полагая въ умѣ своемъ, что званіе германскаго императора болѣе всего установлено было для покровительства и защиты католической вѣры и для отраженія самыхъ опасныхъ ея враговъ, что не иначе можетъ быть исполнено, какъ ввѣривъ императорскую корону принцу весьма-мудрому въ совѣтахъ, храброму въ битвахъ, одаренному тѣлесною силою, достигшему цвѣта лѣтъ, могущественному словомъ и дѣломъ; и какъ въ это же время жестокой турокъ, весьма-опасный деспотъ, обнаруживаетъ разныя предпріятія противу христіанства, то очевидно должно опасаться, если христіане не противостанутъ ему съ уморствомъ му-

жества и съ значительными силами, и если милосердый и всемогущий Богъ не остановитъ его зѣбрства и алчности, все христіанство будетъ покорено и подвергнуто ужасному игу. А потому, будучи названъ Провидѣніемъ въ званіе маркграфа, князя Германской Имперіи и курфирста, мы болѣе всего желаемъ, чтобы, покуда мы живы, избранъ былъ главою имперіи принцъ, обладающій всѣми нужными качествами, который бы достойно могъ занять возложенное на него званіе. Да сего обратили мы взоры на непобѣдимаго и христіаннѣйшаго короля Франциска, милостію Божіею короля Франціи, герцога миланскаго и владѣтеля генуэзскаго, который своими цвѣтущими лѣтами, искусствомъ правосудіемъ, военною опытностію, блистательнымъ счастіемъ въ битвахъ и другими качествами, требуемыми войною и государственнымъ управленіемъ, превосходитъ, по всеобщему мнѣнію, всѣхъ прочіхъ христіанскихъ принцевъ.»

Расхваливъ великіе подвиги предшественниковъ Франциска I и его собственные, выразивъ твердую надежду, что онъ употребитъ свои способности и могущество къ защитѣ христіанства и обратитъ противъ враговъ вѣры мечъ, который до-тѣхъ-поръ обогрѣлся только въ христіанской крови — курфирстъ прибавляетъ, что эти причины и надежды побуждаютъ его къ избранію короля французскаго въ германскіе императоры. «Зрѣло обдумавъ все (говорилъ онъ), мы вѣрно общали и общаемъ государскимъ нашимъ словомъ избрать христіаннѣйшаго короля римскимъ королемъ, а потомъ императоромъ, и подать за него нашъ голосъ, если двое изъ нашихъ товарищей-курфирстовъ, подавая свой голосъ прежде насъ, изберутъ его и дадутъ ему свои голоса.»

Въ этомъ положеніи было дѣло, когда въ Берлинъ прибыли отъ короля Карла, графъ нассаускій и Жераръ де-Плень. Маркграфъ принялъ ихъ очень-холодно и сдѣлалъ имъ смѣшныя предложенія. Онъ предложилъ подать въ пользу Карла свой голосъ, если до него четверо другихъ курфирстовъ сдѣлаютъ то же. За это онъ требовалъ, чтобы приданое инфанты Екатерины было увеличено до 100,000 золотыхъ гульденовъ, пенсія его до 4000, субсидія до 30,000, и чтобы званіе намѣстника имперіи перенесено было съ саксонскаго курфирста на него. Это значило отказываться отъ всякихъ переговоровъ. Желая, однакожь, сохранить себѣ какія-нибудь выгоды на случай, если бы Карлъ одержалъ верхъ надъ Францискомъ, курфирстъ, послѣ усиленныхъ просьбъ австрійскихъ посланниковъ, объявилъ имъ, что согласенъ на условія, заключенныя въ Аугсбургѣ.

Пфальцграфъ обнаружилъ гораздо-болѣе требованій. Съ самой кончины Максимилиана, онъ безпрестанно велъ переговоры съ обѣими сто-

ронами. Съ одной принялъ онъ камергера Ламота, президента Гильяра, балля, Кана и рекетмейстера Кордье; съ другой же Армерсторфа, графа нассаускаго и Лароша. Покуда онъ увѣрялъ въ дружескомъ расположеніи посланниковъ Франциска I, канцлеръ его заключилъ 4-го апрѣля трактатъ съ посланникомъ Карла, съ обезпеченіемъ ему 10,000 гульденовъ субсидіи сверхъ прежде-обѣщанныхъ, и вмѣсто шести, восьми тысячъ пенсій; сверхъ-того, Карлъ долженъ былъ стараться о возвращеніи ему Гагенау, или выдачи въ вознагражденіе 80,000 гульденовъ. Для удовлетворенія же купцовъ, ограбленныхъ при проѣздѣ чрезъ Пфальцъ, посланники вручили 9000 гульденовъ Швабскому Союзу, чтобъ не отыскивать этого удовлетворенія вооруженною рукою.

За этииъ трактатомъ послѣдовалъ совершенно-другой. Избѣгая уже шесть недѣль, подъ различными предлогами, свиданій съ Бонниве, пфальц-графъ тайно послалъ къ нему 9-го мая того же канцлера въ соседнюю деревню, чтобъ условиться съ нимъ и заключить договоръ. Въ тотъ же день условились, что курфирстъ подастъ свой голосъ въ пользу Франциска I и получить, послѣ избранія, 100,000 гульденовъ субсидіи, и ежегодную пенсію въ 5000 золотыхъ кронъ, и для раздачи совѣтникамъ его 2000 гульденовъ ежегодно, съ возведеніемъ двухъ братьевъ его въ санъ епископовъ и съ принятіемъ въ службу Франціи графа Фридриха съ жалованьемъ по 6000 франковъ въ годъ, если тотъ пожелаетъ этого. Сверхъ-того, назначалась ему сумма въ 30,000 гульденовъ, чтобъ защититься противу Швабскаго Союза, и Францискъ I долженъ былъ помогать ему въ обратномъ завоеваніи городовъ и замковъ, которыхъ Максимилианъ лишилъ его на кѣльнскомъ сеймѣ, рѣшеніемъ своимъ о наслѣдствѣ Ландсгута. 22-го мая договоръ этотъ былъ подписанъ въ Кобленцѣ, а 28-го Францискъ I ратификовалъ его, получивъ отъ курфирста торжественное обѣщаніе: подать въ пользу его свой голосъ. Оно было написано почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ маркграфа бранденбургскаго. Но и въ этомъ документѣ не выставлено было денежныхъ условій. Впрочемъ, прикрывая ихъ самыми благовидными предлогами, пфальц-графъ безусловно говорилъ, что: «Для осуществленія нашихъ благихъ намѣреній, мы умоляемъ христіаннѣйшаго короля, чтобы онъ какъ можно упорнѣе продолжалъ свое домогательство объ императорской коронѣ, зная сколько все христіанство выиграетъ отъ его возвышенія; а потому вѣрностью государственнаго слова обязуемся избрать его, подать за него свой голосъ и убѣдить прочихъ курфирстовъ послѣдовать нашему примѣру. Лучшаго, достойнѣйшаго и пріятнѣйшаго для всего христіанства мы ничего не можемъ сдѣлать. Въ удовлетвореніе чего под-

писали мы эту грамоту собственноручно съ приложеніемъ нашей печати. Замокъ Гейдельбергъ.»

Герцогъ Фридрихъ саксонскій и курфюрстъ кельнскій одни не хотѣли заключать никакихъ условій. Первый дѣйствовалъ по нравотѣ чувствъ, чтобъ до конца быть вѣрнымъ своему долгу; второй — по слабости и нерѣшительности, между двумя равносильными противниками. Впрочемъ, долго отказываясь отъ свиданія съ посланниками Франциска I, кельнскій курфюрстъ тайно принялъ къ себѣ Жана д'Альбре въ концѣ имъ въ городѣ Боннѣ. Онъ обнаружилъ ему самое благоприятное расположеніе къ его государю, но не хотѣлъ письменно обязаться подать за него свой голосъ. Полагая, однакожь, что онъ болѣе имѣетъ надежды быть избраннымъ, нежели Карлъ, курфюрстъ сказалъ, что подастъ въ пользу его свой голосъ, желая за это приобрѣсть тѣ же выгоды, какъ и другіе курфюрсты, но которыми не смѣетъ вѣрить бумагамъ.

Впрочемъ, тѣ же надежды, которыми онъ подавалъ французскому королю, были даны и Карлу. Такимъ-образомъ посланники обѣихъ сторонъ надѣялись, что онъ въ послѣднюю минуту подастъ свой голосъ въ ихъ пользу. Тою же обоюдною надеждою ласкалъ ихъ и Генрихъ VIII своимъ ходатайствомъ у курфюрстовъ. Этотъ король обоимъ претендентамъ общалъ тайно свое содѣйствіе. Въмѣсто того, послалъ онъ въ Германію сѣра Ричарда Песа (Pase), хлопотать объ избраніи самого Генриха VIII; но посолъ этотъ, пріѣхавъ, увидѣлъ, что дѣло переговоровъ далеко ужъ зашло, и что суммы субсидій слишкомъ-велики для Генриха VIII, поэтому онъ не хлопоталъ о его кандидатствѣ, но никакъ и не рекомендовалъ.

Избирательный сеймъ созванъ былъ майнцскимъ курфюрстомъ, по званію архиканцлера, къ 17 іюня.

Курфюрсты собрались во Франкфуртъ 8 іюня. Они прибыли съ пышною свитою своихъ совѣтниковъ, служителей и тѣлохранителей. Съ минуты ихъ пріѣзда и до избранія не могъ въ городъ вѣхать никакой князь, ни посланникъ короля. Трирскій курфюрстъ, имѣвшій частыя свиданія съ Бониве, д'Альбре и Гильярмомъ, привезъ съ собою 50,000 золотыхъ эку для выдачи кельнскому курфюрсту и богемскому посланнику, чтобъ они подали голоса въ пользу Франциска I, который съ увѣренностью ожидалъ результата избранія. Онъ прислалъ къ трирскому курфюрсту и къ маркграфу бранденбургскому, двумъ твердымъ слерамъ своего дѣла, полномочія, вести переговоры съ прочими курфюрстами и подтвердить ихъ привилегіи, если онъ будетъ избранъ.

Изъ семи членовъ сейма, четверо общали ему неоднократно свой голосъ. Если майнцскій курфюрстъ вторично отказался отъ него, и если

пфальцграфъ заключилъ въ одно время условіе и съ его противникомъ, то надежды Карла вовсе отъ этого не улучшились. Испанскій король могъ съ достовѣрностью рассчитывать только на одного майнцаго курфирста. Онъ могъ также ожидать въ пользу свою гѣлоса богемскаго короля, не причиняя родства его съ Австріею. Сверхъ-того, Карлъ выдалъ вдову Фердинанда арагонскаго за Альбрехта бранденбургскаго, имѣвшаго сильное вліяніе на Богемію.

Францискъ I упустилъ изъ вида бракъ этой принцессы. Онъ послалъ, правда, въ Польшу переодѣтыми Лангака и Ангуана Ламе, которые и были очень-хорошо приняты королемъ Сигизмундомъ; сверхъ-того, послалъ онъ герцога Сьюффолка въ богемскій сеймъ, собравшійся въ Прагѣ; но герцогъ еще не пріѣзжалъ туда, когда канцлеръ Владиславъ Штернбергъ ужъ уѣхалъ.

Такимъ-образомъ при неопредѣленности двухъ гѣлосовъ кѣльнскаго и саксонскаго курфирстовъ, оставалось еще съ обѣихъ сторонъ много труда получить окончательное большинство.

Съ жаромъ принялись хлопотать оба претендента. Вдругъ въ окрестностяхъ Франкфурта явился Сиккингенъ съ двадцатитысячною арміею Швабскаго Союза. Всѣ приверженцы Франциска были изумлены, а друзья Карла обрадовались; вліяніе этихъ войскъ было усилено тайными прописками пфальцграфа Фридриха, литтвскаго епископа, маркграфа Казимира бранденбургскаго, графа Генриха нассаускаго и Максимилиана Берга, поселившихся въ Гёретъ въ двухъ миляхъ отъ Франкфурта, тогда-какъ прочіе агенты Карла оставались въ Майнцѣ. Бониве съ нѣкотораго времени перѣхалъ изъ Лотарингіи на берега Рейна съ конвоемъ въ восемьсотъ лошадей. А чтобъ еще болѣе приблизиться къ курфирстамъ и дѣйствовать на нихъ, онъ, подъ именемъ капитана Якоба, отправился въ Рюдесгеймъ, деревню въ пяти миляхъ отъ Франкфурта, оставивъ Жана д'Альбре и президента Гильяра въ Кобленцѣ.

IX.

Сеймъ открылся 18 іюня. По законамъ Золотой Буллы, курфирсты присутствовали сперва при божественной службѣ въ церкви Св. Вароломея.

Какъ-скоро сеймъ собрался, посланники обѣихъ королей представили ему манифесты, въ которыхъ, объявляя о кандидатствѣ своихъ государей, еще разъ изложили всѣ причины, которыя отдѣльно сообщали прежде каждому курфирсту. Конференціи и происки продолжались нѣсколькими днями. Около пфальцграфа хлопотали всего болѣе, потому-что

голосъ его могъ увлечь кѣльскаго курфюрста, все еще колебавшимъ между послѣднимъ своимъ договоромъ и страхомъ мнѣнія Саксонга. Графъ Фридрихъ, убѣдившій его въ Аугсбургѣ согласиться на усиліе Максимилиана, обѣщавъ склонить его и теперь подаетъ голосъ за Карла. Прокравшись въ Франкфуртъ, переодѣтый, приступилъ онъ къ маркграфу, чтобъ совершенно увлечь его на сторону Карла. Дѣйствительно, онъ поколебалъ его. Трирскій курфюрстъ тотчасъ же увѣдомилъ объ гдѣ опасности Бониве, написавшаго къ пфальцграфу самое сильное и увѣдительное письмо, въ которомъ говорилъ, что нельзя навѣять своему родственнику и другу, благопріятствуя тому, чей дѣлъ лишитъ его части владѣній. «Подумайте, что вы дѣлаете (говорилъ онъ). Вы наносите дому вашему глубокую рану. Вы не должны бояться за мои владѣнія : я предлагаю вамъ сейчасъ же съ семью, или восьмью тысячами готовыхъ у меня ландскнехтовъ двинуться на защиту мну, и сверхъ-того, по первому призыву явится самъ король въ Германію съ сильнѣйшею въ свѣтѣ арміею. Я даже могу, если вы захотите, идти на жалованье моего короля полководцу арміи Саксонга».

А чтобъ еще болѣе задобрить его, Бониве предложилъ пфальцграфу въ супруги одну изъ сестеръ короля, съ приданымъ въ 200—300,000 гульденовъ съ содержаніемъ на 200 всадниковъ во всю жизнь для защиты его владѣній и съ обезпеченіемъ всѣхъ потерь, которыя бы онъ понесъ за подаііе голоса въ пользу Франциска. Въ то же время Бониве увѣдомилъ короля обо всемъ происшедшемъ. Тотъ прислалъ свое рѣшеніе тотчасъ же. Если избраніе еще не кончено и если возможно склонить его въ пользу Франціи, то употребить все возможное, чтобъ выборъ не палъ на Карла. Онъ предлагалъ, чтобъ всѣ голоса, которыми Бониве могъ располагать, отдать какому-нибудь германскому принцу, а въ-особенности маркграфу бранденбургскому, по причинѣ взаимной ихъ дружбы. Если же и этого нельзя, то обратиться къ Фридриху саксонскому, за котораго дѣйствуетъ и трирскій курфюрстъ. потребовавъ только отъ обоихъ, когда кто изъ нихъ будетъ избранъ, чтобъ, послѣ коронованія императоромъ, они ходатайствовали о назначеніи Франциска I римскимъ королемъ. Если же герцогъ саксонскій откажется отъ этого условія, то избрать его безусловно, лишь бы корону не досталась Карлу.

Давно бы Францискъ долженъ былъ хлопотать объ этомъ. Цѣль его состояла не въ томъ, чтобъ быть самому избраннымъ. Еслибъ онъ и имѣлъ успѣхъ, то раскаялся бы въ немъ : онъ встрѣтилъ бы недоброжелательность и неповиновеніе въ Германіи, неудовольствіе во Франціи, зависть и вражду во всѣхъ государствахъ. Силы Франціи, уже потрясен-

ныя потери послѣ войнъ въ Италиі, истощились бы совершенно въ Германіи и повергли Францію въ неустройство. Имперія только ослабилась бы и затруднила Франциска. Ему нужнѣе было помѣшать, чтобъ Карлъ не былъ избранъ: этого требовала безопасность итальянскихъ его владѣній и собственного королевства. Какъ единственный наследникъ четырехъ могущественныхъ домовъ: бургундскаго, австрійскаго, кастильскаго и аррагонскаго, Карлъ сдѣлался представителемъ древней ихъ вражды къ Франціи. Франциску I всего нужнѣе было, чтобъ владѣтель Австріи, Нидерландовъ, Испаніи, Сициліи, Неаполя не надѣлъ на главу свою императорской короны. Слѣдовательно, чтобъ не придать ему этой новой силы, оставалось одно средство: избрать германскимъ императоромъ мѣстнаго владѣтеля, который былъ бы чуждъ распри, готовымъ всплынуть между Францискомъ и Карломъ. Но для этого нужно было время, труды и пожертвованія. Все это онъ употреблялъ, только въ свою пользу, тогда-какъ другаго кандидата надобно было давно приготовить и согласить всѣхъ къ его избранію.

Впрочемъ, письмо Франциска, отправленное изъ Мелёна 26 іюля, пришло въ Рюдесгеймъ слишкомъ-поздно. Уже 24 числа кардиналъ легатъ пересталъ поддерживать исключительно его кандидатство. Онъ получилъ новую инструкцію отъ папы, которому Карлъ жаловался на явное предпочтеніе Франциска I. Карлъ поручилъ посланнику своему въ Римѣ Луису-Карроу сказать Льву X, что ему нельзя уже отказаться отъ кандидатства, и что неуспѣхъ его повредитъ и сану его и власти. Напоминая честолюбивому флорентинцу благодаренія, оказанныя предшественниками его дому Медичи и успокоивая его насчетъ излишняго расширенія своей власти, Карлъ прибавилъ: папа можетъ быть вполне увѣренъ, что, по избраніи, онъ будетъ такъ вести себя въ-отношеніи къ римскому двору, къ особѣ папы и къ дому его, что папа ясно увидитъ въ немъ всегда послушнаго и преданнаго сына.

Левъ X, уже опечаленный сопротивленіемъ четырехъ курфирстовъ, собравшихся въ Везель, и встревоженный выраженіями общественнаго мнѣнія въ Германіи, склонился на сторону Карла. Онъ предписалъ своему легату: если избраніе будетъ нѣсколько сомнительно, не противиться избранію неаполитанскаго короля, боясь, чтобъ будущій императоръ не сдѣлался врагомъ папы. Тогда легатъ объявилъ курфирстамъ, что папа, желая сохранить миръ и согласіе, согласенъ на выборъ Карла, если курфирсты подадутъ въ пользу его свои голоса.

Объявленіе легата и перемѣчивость неаполитанскаго короля, чтобъ онъ подумалъ о личной своей безопасности, испортили въ-концѣ дѣло Франциска. Предпримчивый адмиралъ, видя это, принялъ

рѣшеніе оставить кандидатство своего короля, а предложить другое какому-нибудь иѣмецкому принцу, какъ-бы заранѣе угадывая иисаю, которое получилъ 26 числа.

Бониве сперва предложилъ маркграфа бранденбургскаго, но тотъ же могъ даже получить голоса своего брата, курфюрста майнцскаго. Потомъ представилъ онъ герцога саксонскаго, котораго мудрость, принуденіе, безкорыстіе и патриотизмъ дѣлали весьма-опаснымъ кандидатомъ. Даже папа, боясь восшествія на императорскій престолъ миланскаго герцога, или неаполитанскаго короля, которые оба будутъ опасны для Италіи, согласился бы на выборъ герцога саксонскаго. Но этотъ осторожный принцъ отказался отъ сдѣланныхъ ему предложеній.

Избраніе приближалось. 28 іюня, курфюрсты въ пурпуровой своей одеждѣ собрались, при колокольномъ звонѣ, въ церковь св. Варролеона, чтобъ окончательно рѣшить выборъ. Тамъ сошлись они въ маленькой часовнѣ близъ хора, гдѣ составился конклавъ.

Майнцскій курфюрстъ первый началъ говорить. Онъ предложилъ вопросъ : кого избрать : французскаго ли короля, испанскаго ли, или германскаго принца? По первому вопросу разсматривалъ онъ : прилично ли избрать Франциска I, когда, по законамъ Золотой Буллы, курфюрсты клялись не избирать чужеземнаго государя. Назначивъ французскаго короля, они нарушили бы этотъ законъ. Притомъ же французскій король, наследственно владѣя своимъ королевствомъ, захотѣлъ бы увеличить его насчетъ избирательной имперіи; что, овладѣвъ Миланомъ послѣ знаменитой мариньянской побѣды надъ швейцарцами, онъ захочетъ овладѣть и всею Италіею, а потомъ обратитъ свое честолюбіе и на Германію; что онъ будетъ стараться отнять Фландрію и Австрію у короля, отчего произойдутъ большія волненія и междоусобныя войны; что если въ этомъ случаѣ курфюрсты и другіе германскіе принцы будутъ противиться его намѣреніямъ, защищая права имперіи и внука Максимилиана, которому они такъ много обязаны, то Францискъ отниметъ у нихъ всѣ владѣнія и отдастъ ихъ другимъ; что они могутъ судить о правахъ, которыя имъ будутъ оставлены, взглянувъ на Францію, гдѣ еще недавно были сильные принцы, пользовавшіеся большою властью. Оспоривъ такимъ-образомъ кандидатство Франциска I, майнцскій курфюрстъ исключилъ его изъ числа претендентовъ. Потомъ началъ онъ разсуждать о избраніи германскаго принца, и столь же неблагопріятно говорилъ объ этомъ, утверждая, что подобный императоръ будетъ слабъ для управленія, примиренія и защищенія Германіи и для возстановленія въ ней религіознаго единства. Оставался, слѣдовательно, Карлъ. Курфюрстъ сознался, что если его выберутъ, то, по причинѣ отдаленности мѣсто-

пребыванія его, дѣла Германіи могутъ пострадать, а отъ могущества его могутъ пострадать привилегіи принцевъ; но онъ прибавилъ, что, по германскому происхожденію Карла, по его владѣніямъ въ Имперіи, по счастливымъ и великимъ его качествамъ, по огромнымъ средствамъ, которыя онъ употребитъ для пользы имперіи и всего христіанства, никто другой не кажется ему достойнѣе императорской короны.

Рѣчь эта произвела сильное вліяніе на курфирстовъ; они, однакожь, хотѣли послушать и трирскаго архіепископа, который, начавъ рѣчь, выразилъ удивленіе, что собрать его предпочелъ испанскаго короля французскому, но сказалъ, что, въ силу Золотой Буллы, не дозволено имъ выбрать ни испанца, ни француза; и если первый изъ нихъ владѣетъ землями въ Имперіи, то второй тоже обладаетъ Ломбардіею и Арльскимъ Королевствомъ, слѣдовательно, надобно разсмотрѣть только кто изъ нихъ приличнѣе для званія императора. Если выбрать Франциска I и обязать его не нападать ни на Неаполь, ни на Фландрію, то онъ непременно выгонитъ турокъ изъ Венеціи; если же выберутъ Карла, то можно ожидать, что война тотчасъ вспыхнетъ въ Нидерландахъ и въ Италіи, что Карлъ захочетъ отнять у Франциска Италію и что во время борьбы этихъ двухъ могущественнѣйшихъ государей христіанскаго міра, турки безпрепятственно вторгнутся въ Венгрію. Курфиреть сильно настаивалъ на испытанныхъ достоинствахъ и извѣстномъ мужествѣ Франциска I-го, сравнивая ихъ съ неопытностью противника его и изображая притомъ дружелюбное обхожденіе французовъ и гордую жестокость итальянцевъ. Въ заключеніе онъ сказалъ, что если выбирать между двумя чужеземцами, то Францискъ лучше Карла; если же отвергнуть всѣхъ иноземцевъ, то надобно избрать совершенно германскаго принца по обычаямъ, характеру и языку; что три могущественные дома: баварскій, бранденбургскій и саксонскій, одни могутъ дать главу имперіи, который, по примѣру Рудольфа габсбургскаго и Максимилиана, заставилъ бы уважать себя не только въ Германіи, но и во всемъ свѣтѣ.

Это предложеніе могло бы еще имѣть успѣхъ, еслибъ курфиреть саксонскій согласился на него; но вмѣсто того, чтобъ содѣйствовать ему, онъ въ своей рѣчи согласился съ майнцкимъ курфирстомъ и принялъ его мнѣніе. Онъ объявилъ, что законъ, запрещающій выбирать французскаго короля, даетъ имъ полную свободу избрать испанскаго, который носитъ званіе австрійскаго эрцгерцога и истинный германецъ; что въ настоящемъ случаѣ выборъ этотъ кажется ему лучшимъ; что онъ подаетъ голосъ въ пользу Карла съ условіемъ обезпеченія независимости имперіи и отвращенія опасностей, о которыхъ упоминали майнцскій и трирскій курфирсты.

Мнѣніе это увлекло всѣ прочія. Самъ трирскій архіепископъ согласился съ нимъ, и въ десять часовъ вечера всѣ семь курфирстовъ соединили свои голоса въ пользу Карла, избравъ его римскимъ королемъ и будущимъ императоромъ подъ именемъ Карла V-го.

Тотчасъ же составлена была капитуляція по формѣ, которая принята была и подписана Циглеромъ. Курфирсты отправили въ Италію пфальц-графа Фридриха съ Армсторфомъ и Вурмзеромъ для объявленія новоизбранному рѣшенія сейма.

Францискъ I-й узналъ 3-го іюля въ Пуасси результатъ выбора. Онъ хладнокровно принялъ его. Главныя лица двора его и совѣта грѣско радовались этому неусѣху, казавшемуся очень-счастливымъ для всей Франціи. Францискъ самъ казался довольнымъ и сказалъ иностраннымъ посланникамъ, что безъ убѣжденія курфирстовъ онъ и не подумалъ бы о имперіи; зная же сколько онъ встрѣтилъ бы затрудненій и неудовольствій въ собственномъ своемъ королевствѣ, онъ благодаритъ Бога, избавившаго его отъ этого избранія. Въ то же время писалъ онъ къ Бониве, Жаму д'Альбре и Гильяру, что доволенъ ими, несмотря на результатъ дѣла, почитая его выгоднымъ для себя и своихъ подданныхъ. Онъ приглашалъ ихъ поскорѣ къ нему возвратиться, избѣгая всякой враждебной встрѣчи. Тѣ выѣхали изъ Германіи не только безъ приключеній, но даже съ честью. Они отправили 4000 ландскнехтовъ герцогу люнебургскому, который разбилъ и взялъ въ плѣнъ герцога Генриха брауншвейскаго, а проѣзжая чрезъ Нанси, оставили лотарингскому герцогу средства къ защитѣ противъ угрожавшихъ ему нападеній за преданность свою къ Франциску I-му.

Такъ началось соперничество Франциска I-го и Карла V-го продолжавшееся болѣе четверти столѣтія. Послѣдній одержалъ верхъ. Общественное мнѣніе было за него, и счастье благоприятствовало первымъ попыткамъ его честолюбія. Избраніе Карла имѣло значительныя послѣдствія; оно измѣняло силы обѣихъ противниковъ и дало сигналъ упорной борьбы въ Италіи для завоеванія или сохраненія Миланскаго Герцогства.

ВАЛЬТЕРЪ СКОТТЪ И ЕГО СОВРЕМЕННОИКИ.

Статья вторая.

V.

Баллада «Замокъ Смалъгольмъ». — Стихъ Скотта; красота баллады. — Начало первой поэмы. — Положеніе книжной торговли въ Англіи и Шотландіи. — Практическій взглядъ на жизнь черезъ литературный трудъ. — Скоттъ получаетъ мѣсто шерифа селькиркского. — Устройство домашнихъ дѣлъ. — Работы по собранію старыхъ балладъ и пѣсень. — Товарищи и помощники. — Ричардъ Гибертъ; его знакомство съ Джономъ Лейденомъ. — Лавочка Коустэбля, будущаго «Наполеона книжной торговли». — Характеръ и занятія Лейдена. — Реджинальдъ Гибертъ, епископъ Калькутты. — Издатели сатирическихъ листовъ. — Эллизъ, Гисфордъ и Каннингъ; ихъ дѣятельность при концѣ прошлаго столѣтія. — Знакомство Скотта съ Джеймсомъ Гоггомъ, пастушкомъ этрискимъ. — Жизнь и дѣянія пастушка. — Изданіе въ свѣтъ «Minstrelsy of the Scotch Border». — Успѣхъ сборника.

Баллада *Замокъ Смалъгольмъ* (Смейльгольмъ) въ оригиналѣ названная «Кануномъ Иванова-дня» (Eve of St. John), кажется намъ нетленнымъ началомъ дѣятельности Вальтера Скотта, какъ поэта народнаго и оригинальнаго. Осенью 1799 года, находясь съ женою въ гостяхъ у гостепріимнаго Скотта гарденскаго, будущій романистъ, вмѣстѣ съ милыми хозяевами, или одинъ, ходилъ къ старой башнѣ, около которой протекли первые годы его счастливаго дѣтства.

Плодомъ этихъ прогулокъ вышла баллада, или, скорѣе, небольшая поэма, написанная по просьбѣ хозяйки. Если поэма въ русскомъ переводѣ такъ нравится намъ, то какое же дѣйствіе должна она была произвести на жителей и гостей Мертоунскаго Замка, шотландцевъ, знакомыхъ съ родными преданіями и каждый день видящихъ мѣста, въ ней воспѣтыя? И «Ленора» и «Дикій Охотникъ» и другія модныя

баллады того времени показались посредственными въ сравненіи съ этимъ сжатымъ, живописнымъ разсказомъ, чуждымъ нѣмецкой туманности, исполненнымъ картинъ, достойныхъ кисти великаго художника. И самая легенда, и аксессуары, и общій колоритъ всего разсказа громко свидѣтельствуютъ о томъ, что за дѣломъ сидѣлъ поэтъ, и поэтъ первоклассный. Эта ночь на горахъ, освѣщенныхъ сторожевыми огнями; рыцарь, осужденный за преступную любовь бродить въ мглѣ на пустынныхъ скалахъ; молодая владѣтельница Смальгольма и ея печальное раздумье на площадкѣ замка, потомъ ея вопросъ мертвецу: «ты снасеи, или нѣтъ?» наконецъ самъ сумрачный баронъ, отправившійся на потасное мщеніе въ то время, когда его сограждане бились съ англичаниномъ на поляхъ анкраморскихъ — все это драма и жизнь средневѣковой, суровой Шотландіи. И наконецъ, въ сказанной балладѣ стихъ уже является тѣмъ быстрымъ, порывистымъ скоттовымъ стихомъ, который всегда будетъ узнаваться и безъ авторской подписи, тотъ стихъ, чтѣ, по словамъ лорда Джеффри, дѣйствуетъ на душу какъ звуки превосходной военной музыки.

Изъ всѣхъ стихотворныхъ вещей Скотта, только одинъ «Смальгольмскій Замокъ» переданъ на русскій языкъ въ превосходномъ переводѣ, и это обстоятельство, позволяющее намъ глубже всмотрѣться въ сущность скоттовой поэзіи, не должно быть пропущено даромъ. И *Марміонъ*, и *Рокби*, и *Пѣсь послѣдняго минстреля* и *Владѣтель острова* — всѣ эти поэмы, несравненные въ своемъ родѣ, извѣстны нашей публикѣ только по стариннымъ переводамъ прозою, переводамъ, въ которыхъ вовсе нѣтъ тѣхъ качествъ, за которыя поэзія Скотта такъ вѣрно и нѣтко названа искрометною (sparkling). Въ четырехъ названныхъ нами поэмахъ дѣйствительно преобладаетъ какой-то неудовольный элементъ, по своему живительному и нѣсколько-туманящему свойству, напоминающій газъ нарзана, или шампанскаго. Опредѣлить его словами невозможно, и вотъ почему лица, желающія имѣть довольно-вѣрное понятіе о стихахъ Скотта, хорошо сдѣлаютъ, если со вниманіемъ перечтутъ «Смальгольмскій Замокъ» въ переводѣ Жуковского.

Почти въ одно время съ «Замкомъ Смальгольмскимъ» Скоттъ написалъ еще пять или шесть балладъ нѣсколько низшаго достоинства, предназначая ихъ частью на пополненіе своей брошюры съ «Ленорой», частью въ люазовы «Повѣсти Ужаса». Стихъ его выработывался болѣе и болѣе, а удачный выборъ сюжетовъ заставилъ г-жу Скоттъ-Гарденъ замѣтить, что, по ея мнѣнію, отъ самого автора зависитъ, черезъ одно распространеніе въ разсказѣ, перейти отъ сказокъ къ поэмамъ. Замѣтка этой прозорливой женщины принята была къ свѣдѣнію и пер-

вая мысль о повѣи «Пѣснь послѣдняго Менестреля» прелькнула въ умъ Вальтера Скотта. Ему уже оставался только одинъ шагъ до славы⁽¹⁾.

Замѣчательно, что, при всей своей любви къ литературѣ, при всеобщемъ разнѣи разныхъ плановъ и предпріятій, Скоттъ не имѣлъ ни малѣйшаго расчета на денежную сторону этихъ трудовъ: цѣнность литературной собственности въ то время еще находилась въ непрочноиъ положеніи, доходы лучшихъ писателей оказывались еще шаткими. Мода и одна мода нерѣдко награждала писателей, любимыхъ публикою, неправильными и неожиданными доходами: книгопродавцы, жадные и безденежные, давали хорошую цѣну только за тѣ вещи, которыя могли своей быстрой продажей воротить ихъ капиталы въ какую-нибудь недѣлю времени.

Эта неизвѣстность насчетъ практическаго результата археологическихъ и поэтическихъ усилій, безъ-сомнѣнія, нѣсколько гдѣ парализовала гений Скотта и часто, ко вреду любимой работы, отбрасывала его насильно въ миръ адвокатской рутинны и сутяжничества. Изъ представленныхъ нами очерковъ вальтеръ-скоттовой молодости, читатель безъ сомнѣнія уже составилъ себѣ понятіе о характерѣ будущаго романиста и поэта. Скоттъ не былъ артистомъ-фанатикомъ; онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ упрямцевъ изъ семьи Данта, Камюэнса и Сервантеса, которые спасали кѣлое искусство, пронося съ собою свѣтлый лучъ воззрѣнн черезъ огонь и воду, черезъ всѣ бѣдствія и искушенія, посланные на нихъ судьбою. Обвинять Скотта въ его прозаическомъ возвращеніи на удобства и неудобства жизни, на пріятность достатка и печальное значеніе бѣдности (особенно при возрастающемъ семействѣ) могъ только одинъ Карлейль въ своемъ превосходномъ этюдѣ, болѣе похожемъ на поэму, чѣмъ на біографическій очеркъ. Вальтеръ Скоттъ, неспособный пожертвовать благосостояніемъ жены и дѣтей созданію идеальныхъ лицъ своей поэтической фантазіи, дѣйствовалъ по внушенію своего сердца. Можетъ-быть, еслибъ онъ рѣшился поголодать въ-теченіе лучшихъ лѣтъ жизни, бросить въ кусты свою адвокатскую тогу и, вмѣсто споровъ въ судѣ объ украденныхъ коровахъ, почаще предаваться бурѣ поэтическаго вдохновенія, слава посѣтила бы его ранѣе и жизнь его вышла бы болѣе похожею на романъ. Но судьба не предназначила его для тревоженій и, можетъ-быть, веселая, честная фигура поэта, въ роли Данта или Камюэнса, оказалась бы также смѣшною, какъ Дантъ, или Камюэнсъ въ адвокатскомъ парикѣ посреди скромнаго города Эдинбурга.

(1) Въ это же время Скоттомъ написана была очень-эффектная драма, въ подражаніе нѣмецкимъ драмамъ, подъ названіемъ «Домъ Аспенскій» (House of Aspen). На сцену являлось «Тайное Судилище» и другіе страхи. Драма не печаталась до 1829 года.

Герцогу Боклейгскому, родственнику и патрону всей фамилии Скоттъ, вельможѣ, владѣніями котораго наполнены были окрестности Динбурга, выпала на долю возможность поддержать поэта въ трудную и длинную усмію всякаго рода, навсегда обезначивъ Вальтера и его семейство въ денежномъ отношеніи. Шерифъ—депутатъ Селькирскаго Графства, Андрю Пльуммеръ, страстный охотникъ до древней поэзіи и скоттокъ помощникъ по части собиранія народныхъ пѣсенъ, умеръ, и гдѣто его, приносящее до 300 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода, осталось вакантнымъ (2). Все Селькирское Графство, за небольшими исключеніями, принадлежало герцогу боклейгскому, и когда онъ выразилъ желаніе итъ шерифомъ Вальтера Скотта, все препятствія устранились. Обязанности новаго шерифа ни въ какомъ случаѣ не могли назваться многосложными: весь округъ принадлежалъ къ самымъ тихимъ и патриархальнымъ во всей Шотландіи, а сверхъ-того, изобилеовалъ красотами природы и мѣстами, имѣвшими въ своей памяти большой запасъ древнихъ пѣсенъ и сказокъ. Званіе адвоката осталось при Скоттъ, но онъ ужъ пересталъ кочать себѣ практики, въ которой никогда не чувствовалъ особенной склонности (3).

Устроивъ себя такимъ образомъ и вздохнувъ спокойно, Вальтеръ Скоттъ съ новымъ рвеніемъ предался собиранію остатковъ шотландской народной поэзіи. Съ помощниками его въ этомъ дѣлѣ мы теперь имѣемъ познать нашихъ читателей.

Первыми изъ нихъ слѣдуетъ назвать братьевъ Геберовъ, или, вѣрнѣе, Гиберовъ (Heber), людей весьма-ученыхъ. Старшій, Ричардъ, долго состоялъ членомъ великобританскаго Парламента, какъ депутатъ и представитель Оксфордскаго Университета. Самъ владѣя большими талантами и свѣдѣніями, Ричардъ Гиберь не могъ, по причинѣ государственныхъ занятій, много работать своей особою; но его непосредственное вліаніе

(2) Для читателей, незнакомыхъ съ административнымъ устройствомъ Великобританіи, не лишнимъ считаемъ объяснить, что каждое графство Трехъ Соединенныхъ Королевствъ состоитъ подъ управленіемъ лорда-лейтенанта, имѣющаго прямыхъ помощникомъ своимъ одного шерифа; но лорды-лейтенанты, имѣя службу въ столицѣ, или мѣста въ Верхней Палатѣ, въ спокойное время не живутъ въ своихъ графствахъ, отчего должность ихъ почти вездѣ считается номинальною, а важнѣйшая часть обязанности переходитъ къ шерифу. Это называется: исправлять свою должность чрезъ депутата; вслѣдствіе того и шерифы, состояще подъ прямымъ начальствомъ лордовъ-лейтенантовъ, называются шерифами-депутатами, въ отличіе отъ выборныхъ, городскихъ шерифовъ.

(3) Приданое мистриссъ Скоттъ состояло въ пожизненной пенсіи въ 500 ф. стер., купленной ея братомъ.

на все дѣльное и прекрасное могло назваться огромнымъ. Зоркій глазъ его всюду высккивалъ людей, одаренныхъ талантами, предприятимъ, усидчивому ходу которыхъ могъ онъ содѣйствовать кредитомъ и помощью. Имѣя связи со всѣми политическими людьми и учеными сословіями всей Великобританіи, особенно пользуясь привязанностью всѣхъ особъ, сколько-нибудь прикосновенныхъ къ университету, котораго онъ былъ представителемъ, Ричардъ Гиберъ пріобрѣлъ большое вліяніе и умѣлъ имъ пользоваться. Прибывъ въ Единбургъ на зиму, онъ тотчасъ же сошелся со Скоттомъ, самъ вызвался дать ему письма къ лицамъ, обладавшимъ старинными рукописями и коллекціями по части древней поэзіи. Обширная бібліотека Ричарда была всегда открыта ученымъ людямъ, и онъ даже сердился, если въ нее приходило мало посѣтителей. У него имѣлось какое-то дивное чутье ко всему артистическому и полезному ⁽⁴⁾. Одинъ разъ, посѣтивъ лавку Констэбля, Ричардъ Гиберъ увидалъ въ ней страннаго, волосатаго человѣка, стоявшаго на лѣсенкѣ для доставанія книгъ съ верхнихъ полокъ; въ рукахъ незнакомца находился фолиантъ и онъ читалъ его почти часъ времени, совершенно забывъ о своемъ зыбкомъ подножіи. Гиберъ предостерегъ незнакомца и, завязавъ съ нимъ разговоръ, узналъ, что онъ занятъ выборомъ старинныхъ стиховъ для одного мистера Скотта, про котораго ему говорили какъ про человѣка хорошаго, вознѣмѣвшаго похвальное намѣреніе издать въ свѣтъ остатки старой шотландской поэзіи. Это благородное рвеніе на пользу незнакомаго человѣка поразило Гибера, а дальнѣйшій разговоръ съ волосатымъ бѣднякомъ привелъ его въ восхищеніе. Какъ Панюржъ въ романѣ Рабле — этотъ необыкновенный юноша (имя его было *Джонъ Лейденъ*), готовъ былъ говорить безъ запинки на десяти древнихъ и новыхъ языкахъ; сверхъ-того, онъ съ толкомъ читалъ такія рѣдкія книги, о которыхъ даже самъ Ричардъ Гиберъ едва имѣлъ смутное понятіе. Молодой бѣднякъ считался сотрудникомъ единбургской литературной газеты и писалъ много для насущ-

(4) Во время своего пребыванія въ Единбургѣ онъ часто посѣщалъ бѣдную книжную лавчонку, гдѣ повременамъ сходились люди, неимѣвшіе довольно денегъ на покупку книгъ въ другихъ, болѣе-роскошныхъ магазинахъ. Разговорившись съ хозяиномъ лавки, Гиберъ сказалъ Скотту, случившемуся на улицѣ при его возвращеніи, «или я очень ошибаюсь, или этотъ купецъ будетъ въ-скорости извѣстнымъ человѣкомъ!» Имя продавца было *Арибалдъ Констэбль*. Черезъ годъ послѣ свиданія съ Гиберомъ, онъ ужъ былъ издателемъ «Единбургскаго Обзорія», черезъ десять лѣтъ, однимъ изъ богатѣйшихъ книгопродавцовъ въ свѣтъ; еще черезъ десять лѣтъ «Наполеономъ книжной торговли», способнымъ платить на наши деньги по *студвадцати-пяти тысячъ рублей ассигнаціямъ* за романъ, или поэму первоклассныхъ писателей.

наго хлѣба. Не теряя времени, Гиберъ познакомилъ Лейдена съ Скоттомъ и ввелъ его въ лучший кругъ города Эдинбурга.

Всюду получивъ ласковый пріемъ и пособіа, Джонъ Лейденъ въ теченіе двухъ лѣтъ оказалъ Скотту много услугъ по части коллекціи и сдѣлался однимъ изъ его лучшихъ друзей; но эта связь, обѣщавшая такъ много, прервалась вслѣдствіе желанія Лейдена ѣхать въ Индію, для изученія санскритскаго языка и санскритской литературы. Скоттъ, Гиберъ и Доддесъ выхлопотали—было Лейдену покойное мѣсто въ компанейской службѣ, но вдругъ, за четыре мѣсяца до срока, назначеннаго къ отъезду, дирекція компаніи, вѣроятно, желая отдѣлаться отъ чиновника съ литературными побужденіями, дала знать Лейдену, что всѣ мѣста заняты, кромѣ должности младшаго лекаря, которую ему и предлагаетъ, съ тѣмъ однако, чтобъ онъ предварительно выдержалъ медицинскій экзамень. Друзья Лейдена, конечно, сочли дѣло потеряннымъ, но къ неслыханному ихъ изумленію, молодой лингвистъ отвѣчалъ на предложеніе дирекціи полнымъ согласіемъ. Не теряя ни минуты, онъ принялся за медицинскія книги, въ четыре мѣсяца одолѣлъ науки, на изученіе которыхъ обыкновенные люди употребляютъ четыре года, выдержалъ экзамень, получилъ нужную степень и, будто желая показать всю силу своихъ способностей, еще издавъ, передъ своимъ отъѣздомъ въ Индію, поэму подъ названіемъ *Картины Дѣтства*. Въ 1811 году, проживая въ Индіи, онъ уже пользовался репутаціей необыкновеннаго ориенталиста, имѣющаго затмить заслуги сэра Вильяма Джонса, впервые раскрышаго передъ Европой сокровищницу индійской поэзіи. Ранняя смерть однако пресѣкла и надежды и славу Джона Лейдена (5).

Черезъ братьевъ Гиберовъ Вальтеръ Скоттъ еще сошелся съ нѣкоторыми молодыми лондонскими литераторами. То были Эллисъ, Гнефордъ и Канингъ, издатели сатирическихъ листковъ въ родѣ тепереш-

---

(5) Второй братъ Гибера, Реджинальдъ, нынѣ извѣстный, какъ авторъ исполненнаго занимательности сочиненія объ Индіи, только-что готовился вступить въ духовное званіе, когда Вальтеръ Скоттъ сошелся съ нимъ у его брата въ Оксфордѣ (6). Получивъ, въ первыхъ годахъ нашего столѣтія, мѣсто епископа въ Калькуттѣ, Реджинальдъ Гиберъ съ учено-религіозной цѣлью совершилъ много поѣздокъ по краю и плодомъ его путешествій осталась книга, считаемая англичанами за лучшее сочиненіе во всей ихъ словесности, такъ богатой путешествіями. Реджинальдъ умеръ на своемъ посту около 1825 года.

(6) Во время посѣщенія Скоттомъ Оксфорда, Реджинальдъ Гиберъ привелъ и его и весь университетъ въ восторгъ своей поэмой, заданной на конкурсъ во стихотворной части. Поэма называлась «Палестина».

о *Шуча*. Ихъ сатира, иногда тонкая и ѣдкая, иногда забавная и эдакимъ-нелѣпная, была постоянно-жива и остроумна; ея колкость оригинальность замѣчательны даже и теперь, черезъ столько лѣтъ съ ея появленіемъ. Проживая въ центрѣ лучшаго круга, слѣдя за ноткой и слухами города, Эллисъ, Гиффордъ и Каннингъ умѣли быть егда новыни, колкими и популярныни. Сегодня они осмѣивали воинственные планы Французской Республики, завтра отпускали забавныя трюфы насчетъ свѣтскаго пристрастія къ французскимъ обычаямъ; де черезъ день, поднимали на смѣхъ ложную филантропію того времени, или кололи эпиграммами какихъ-нибудь космополитовъ, гражданъ ра, чудаковъ, довольно-вредныхъ уже и въ тогдашнюю пору. Не одна политика давала пищу неутомимымъ насмѣшкамъ: для нихъ было много все новое — и туманность нѣмецкой философіи, и запутанность германской драмы, и педантизмъ ученыхъ, и нахальство разныхъ денди, вставшихъ въ тогдашнемъ свѣтѣ, и новыя литературныя теоріи, и какой-нибудь домъ, выстроенный безъ вкуса, и новая мода, некрасивая ли неудобная. Листки ихъ кипѣли пародіями, начиная отъ законченныхъ бюллетеней консула Бонапарте, до объявленій много шарлатана, родаца ниллюль противъ всѣхъ болѣзней. Гиффордъ, Эллисъ и Каннингъ ольное время дѣйствовали, не подписывая своихъ именъ и не распредѣляя общаго труда по способностямъ каждаго. Публика привыкла смотрѣть на нихъ какъ на литературныхъ близнецовъ, созданныхъ для ея увеселенія, а между-тѣмъ каждый изъ названныхъ шутниковъ имѣлъ свои собственные достоинства и свою собственную дорогу, по которой впоследствии пошелъ со славою. Гиффордъ, съ начитанностью и образованіемъ критика соединялъ способности превосходнаго редактора журнала; ими Каннинга, какъ оратора и государственнаго чловѣка, извѣстно всѣмъ (?); Эллисъ, впоследствии возведенный въ достоинство лорда, долго еще оставался веселымъ поэтомъ времени своей веселой молодости.

Въ началѣ 1800 года, проѣзжая, по должности шерифа, глѣбистый

(?) Вильямъ Гиффордъ былъ постояннымъ совѣтникомъ лорда Байрона и читателемъ всѣхъ его произведеній передъ ихъ печатаніемъ. Это онъ, прочтавъ, по просьбѣ лорда (при началѣ его карьеры) первую пьесу Чарльда Гарольда, написалъ книгопродавцу Муррау: «Скажите отъ меня Байрону, что мной была прочитана одна изъ блистательнѣйшихъ поэмъ во всемъ мірѣ.»

О Каннингѣ мы видимъ замѣтку въ дневникѣ Байрона. *Изъ всѣхъ слышанныхъ мною ораторовъ, Каннингъ болѣе всѣхъ даетъ понятіе о томъ, что такое ораторъ совершенный.*

Не мѣшаетъ еще сказать, что Эллисъ издалъ въ свѣтъ прелестное собраніе старыхъ англійскихъ стихотвореній, въ дополненіе къ изданію Перси.

около своего гробства, известный под названием Эттрикского, Вальтер Скотт, зажил несколько дней в Блекгаузъ, небольшом и тихомъ, архаическомъ семействомъ Ледю. Одинъ изъ молодыхъ людей этой фамилии, Вильямъ, или, попросту, Вилли Ледю, селся съ ирландцемъ, показывая ему дѣсь и живописныя окрестности своего жилища, и, въ разговорѣ о старыхъ балладахъ, сообщилъ Скотту, что въ кладкѣ нѣтъся живой экземпляръ старинной поэзии въ лицѣ поэта-самоучки, Джамса Гогга (Hogg), болѣе известнаго подъ именемъ «Пастушка Эттрикскаго». На разспросъ о пастушкѣ, Вилли сообщилъ исторію о томъ, какъ Гоггъ, ходя за скотомъ на фермы, выучился читать и писать безъ посторонней помощи, копируя буквы какой-то книги во время своихъ отдыховъ подлѣ открытаго небаго. Мать Гогга, съ самой молодости богатая свѣдѣніями по части ирландскаго языка и сказокъ, занималась юному съ чудесами старой народной музыки, а славнымъ талантомъ, являвшимся въ стадо доить овецъ, сдѣлалась и первымъ предметомъ и первую слушательницей стиховъ собственно гоггова пастуха Вилли Ледю, душой привазававшейся къ Джамсу, посѣтивши, по ирландскому требованію Скотта, представителю эттрикскаго пастушка шарфу. Пастушокъ, вопреки своей кичливости, возбуждавшей идеи ирландскаго, оказался нескладнымъ дѣтвиной гигантскаго роста, съ носомъ, уже начинавшимъ синѣть отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ; но эти недостатки не помѣшали Скотту признать въ немъ поэта самостоятельнаго, хотя и не первокласснаго. Успѣхи Бориса въ то время сбивали съ пути многихъ пастуховъ и земледѣльцовъ, имѣвшихъ случай получить первоначальное образованіе и слышать о томъ, что дѣлалось въ Эдинбургѣ; но Джамсъ Гоггъ, и по воспитанію своему и по жизни въ глуши, и могъ быть имъ чѣмъ-то подражателемъ. Еслибъ пастушокъ подалъ похвалу посреди эттрикскихъ лѣсовъ, можетъ-быть, талантъ его окрѣпъ и вернулся бы еще болѣе; но признаніе молодаго Вилли и почетъ сосѣдей уже начали пробуждать въ заблужденной головѣ Гогга мечты бурныя и честолюбивыя. Ему хотѣлось поскорѣй попасть въ Эдинбургъ: тамъ погулять и повеселиться, издать свои стихи, набрать побольше денегъ, найти на чьей-нибудь фермѣ хорошее мѣстечко безъ всякой работы, потомъ поѣздить по свѣту, еще нажить денегъ, а затѣмъ окончательнѣе пить и веселиться. Забавныя выходки Гогга, а еще болѣе его грубая наивность и какая-то оригинальная, порывистая особенность въ обращеніи, очень понравились Скотту: областавъ пастушка, онъ пригласилъ его къ себѣ въ столовую, общаясь, между-тѣмъ, войдя въ сношенія съ книгопродавцами насчетъ изданія его стихотвореній.

Вскорѣ послѣ описаннаго разговора, пастушокъ эттрикскій явился въ

Эдинбургѣ, предшествующій дѣльгъ стадамъ порученныхъ ему барановъ. Сдѣвъ скотъ куда слѣдовало, онъ, не теряя ни минуты и даже не переѣхавъ своего аркадскаго, запыленного костюма, явился въ джорж-скверскую квартиру Вальтера Скотта. Встрѣча пастушкѣ съ поэтомъ была самая радостная; какъ герои Илиады, они обмѣнялись дарами: Гогтъ принесъ собраніе старыхъ рукописныхъ балладъ и свои стихотворенія, сочиненныя дорогою, а Скоттъ поднесъ пастушкѣ нѣсколько денегъ, собранныхъ въ его пользу, вмѣстѣ съ запиской книгопродавца Констабля о его согласіи издать въ свѣтъ плоды гоговой музыки. Вилли Ледло и другіе гости шерфа, съ своей стороны, оказали пастушкѣ всевозможную ласку. Гогтъ развеселился, примѣтивъ, что мистриссъ Скоттъ (въ то время чувствующая себя несомнѣнно-здоровою) легла на диванъ и продолжала говорить съ гостями лежа; пастушокъ также растянулся на софѣ съ ногами, думая, что уроки городского обращенія всего-лучше брать отъ хозяйки дома. Мѣбель, только-что обитая шёлковой матеріей, нѣсколько пострадала отъ подбитыхъ гвоздями башмаковъ Гогга; но это обстоятельство не могло помѣшать общему удовольствію: обѣдъ прошелъ чрезвычайно-весело и эттрискій пастушокъ не уронилъ своей репутаціи: онъ смѣшилъ всю компанію народными присказками и спѣлъ за столомъ нѣсколько пѣсень. Хозяйка называла шерфа шетта (шерфъ), потому Вальтеремъ, а наконецъ, свенимъ милымъ Ватти. Къ концу обѣда и мистриссъ Скоттъ была просто маленькой Шарлоттой. Развеселившаго пастушкѣ отправили домой уже къ ночи, въ сопровожденіи трезваго служителя.

Такая жизнь не могла не понравиться Джемсу Гоггу, а самъ онъ произвелъ замѣчательный, хотя и довольно-забавный эффектъ на эдинбургскую публику. Съ появленіемъ въ свѣтъ «Горжаго Барда» (такъ называлось собраніе его стихотвореній, изданное Констаблемъ) извѣстность пастушкѣ распространилась по всей Шотландіи, а въ Эдинбургѣ стали его ласкать и угощать пуще прежняго. Впрочемъ, Гогтъ, при всей своей неотесанности, былъ весьма-зорокъ, самолюбивъ и обидчивъ; онъ скоро примѣтивъ, что большинство публики смотритъ на него какъ на забавнаго оригинала, а затѣмъ, не думая смягчать угловатость своихъ пріемовъ, сталъ спориться съ лицами, смѣявшимися надъ этою угловатостью. Бѣдный пастушокъ конечно обратился бы въ городского шута, еслибъ къ нему не подошёлъ на помощь Вальтеръ Скоттъ съ своимъ кредитомъ. Онъ убѣждалъ Гогга оставить на-время столицу и досталъ ему нѣсколько мѣстъ, одно за другимъ, при разныхъ фермахъ; только неусидчивый пастушокъ едва-ли былъ въ состояніи ужиться на какомъ-нибудь мѣстѣ. На него находили дми, въ которые онъ забывалъ мѣста

и стада, ему поручаемы : въ эти дни онъ совершалъ на Эдинбургъ, шёлъ, сѣдѣлъ народъ, ссорился съ друзьями и, до-чиста промотавъ все свое имущество, снова возвращался къ баранамъ въ этринскій лѣсъ.

Читатель, можетъ-быть, помнить о двухъ братьяхъ *Беллелетейлахъ*: Дженсъ и Джонъ, съ которыми Скоттъ подружился во время своего пребывания въ городѣ Кельсо. Старшій изъ нихъ, въ 1802 году издѣлалъ свою типографію въ этомъ небольшомъ городкѣ, издалъ ту книгу, надъ которою другъ его трудился столько лѣтъ и съ такимъ рвеніемъ, именно «Поэзію минестрелей пограничной Шотландіи» (*Minstrelsy of the Scotch Border*), въ трехъ томахъ, издалъ изящно и чисто, хотя и не роскошно. Первое изданіе, пущенное въ свѣтъ при началѣ 1802 года, въ скромномъ числѣ 800 экземпляровъ, все разошлось въ декабрю, доставивъ Скотту чистаго дохода около 80 фунтовъ стерлинговъ (480 р. с.); второе изданіе разошлось такъ же быстро и далъ составителю еще 500 фунтовъ (3000 р. с.), сумму, довольно-значительную по тогдашнимъ деньгамъ. Еще четыре изданія той же книги, заключающія въ себѣ около 15 тысячъ экземпляровъ, разошлись до 1820 года. Выборъ шестъ, ученое значеніе труда и наконецъ безчисленныя, полныя занимательности комментаріи, принадлежанія собственно Скотту и изложенныя съ необыкновенной увлекательностью, сдѣлали изъ всей коллекціи трудъ любопытный не для однихъ антикваріевъ. Въ какой-то рецензіи того времени было замѣчено очень-справедливо: «Въ «книгѣ, принадлежащей мистеру Скотту, видны зародки сотни историческихъ романовъ. Какъ полюбить публика того писателя, который «соединитъ въ одно цѣлое богатые элементы, раскиданные здѣсь, въ «такоемъ искусственномъ изобиліи!»

VI.

Переѣздъ на эштилскую нмузу. — Описаніе Эштила. — Образъ жизни Скотта. — Труды. — Знакомство съ Мунго-Паркомъ. — Воспоминанія о великомъ туристѣ. — Отъѣздъ Мунго-Парка. — Свиданіе съ Вордсвортомъ. — Взглядъ на труды и литературныя теоріи Вордсворта; его достоинства и слабыя стороны. — Упрощеніе языка. — Причина неудачъ и насмѣшекъ. — Лекціи. — Приемъ Скотта своему брату. — Рыбная ловля. — Процессія въ Джембургъ и Мельрозское Аббатство. — Окончаніе пѣсан послѣдняго Минестреля. — Блестательный успѣхъ поэмы. — Краткій ея анализъ. — Отъѣздъ Пятта и Фокса.

Небольшое помѣстье Эштилъ, съ домомъ и садомъ, принадлежащее двоюродному брату поэта, уѣхавшему въ Индію, осталось свободнымъ со смертію арендовавшаго дворянина, и Скоттъ, осмотрѣвъ его въ-

подробности, рѣшилъ въ немъ поселиться съ женою. Эштилъ лежитъ весьма-близко отъ Селькирка, на самомъ берегу Твиды, въ мѣстоположеніи красивомъ и романтическомъ; самая мыза, окруженная холмами, украшена древнимъ садомъ, цвѣтами, террасами и другими сельскими прихотями. Доходы Скотта, не считая случайныхъ литературныхъ выгодъ, въ то время простирались ужь до тысячи фунтовъ стерлинговъ (6,000 р. с.) въ годъ, а небольшое наследство, оставленное ему дядею, капитаномъ Робертомъ Скоттомъ, дало ему возможность устроить и украсить свою резиденцію, какъ слѣдовало человѣку его званія. Лучшее время жизни романиста протекло въ Эштилѣ: тутъ, посреди такъ любимыхъ имъ сельскихъ занятій, въ кругу семейства, богатый друзьями и полный завидной веселостью духа, Вальтеръ Скоттъ встрѣтилъ славу самую громкую, и, причисленный къ разряду первыхъ поэтовъ своего времени, сумѣлъ остаться прежнимъ Вальтеромъ, пріятелемъ всѣхъ даровитыхъ людей и чудаковъ своего округа. Изъ разныхъ замѣтокъ, изданныхъ впоследствии лицами, знавшими поэта въ эти годы, ясно видно, что для каждаго изъ нихъ дни, проведенные въ Эштилѣ, могли назваться днями наслажденій и веселья самаго ребяческаго; образъ жизни хозяина сложился такъ умно и искусно, что онъ могъ веселиться вмѣстѣ съ посѣтителями, не прекращая своихъ ежедневныхъ работъ. Вставалъ Скоттъ постоянно въ пять часовъ утра; если было холодно, самъ топилъ каминъ, потомъ самъ брлся и, одѣвшись въ коротенькій охотничій сюртучокъ (халата онъ не любилъ, какъ и всего, что располагаетъ къ лѣности), тотчасъ же садился за свой письменный столъ, около котораго въ стройномъ порядкѣ находились книги, съ вечера заготовленные для справокъ ⁽⁸⁾. Жена и дѣти вставали къ десяти часамъ. Позавтракавъ съ ними, Скоттъ работалъ еще часа два и затѣмъ оставался полнымъ хозяиномъ цѣлаго дня, въ ту пору, когда для большей части людей занятія только-что начинаются. Гостей онъ очень любилъ; но если день обходился и безъ посѣтителей, скука оставалась вещью незнакомою и непонятною для Скотта. Передъ обѣдомъ онъ ѣздилъ верхомъ, садилъ цвѣты и подрубалъ деревья, игралъ съ собаками, которыхъ множество находилось и внутри и внѣ дома, а вечеромъ совершалъ большую поѣзду по окрестностямъ; охо-

(8) В. Скоттъ сохранялъ обычай, принятый имъ съ молодыхъ лѣтъ, отвѣчать на каждое полученное письмо въ слѣдующее же утро. До окончанія дѣлъ по корреспонденціи онъ не садился работать, а переписка его всегда была огромная. Несмотря на раннее вставанье и аккуратность въ распредѣленіи работъ, быстрота, съ которой Скоттъ издавалъ книгу за книгой, статью за статью, заключаетъ въ себѣ что-то необыкновенное.

тлся или дождь рыбу. Дни дождливые, или очень-холодные, составляли, по его выражению, особенный фондъ для работы: въ-точнѣе въ заготовлялъ онъ экстренный запасъ рукописей, на случай, если каибудь день пропадетъ безъ утреннихъ занятій. При началѣ своего пребыванія въ Эшстлѣ, Скоттъ ужъ имѣлъ на рукахъ три или четыре труда: «Пѣсь послѣдняго Министреля», большую поэму; еще одну поэму, «Тристремъ», поменьше, и цѣлый рядъ статей для первыхъ книжекъ «Эднбургскаго Обзорнїя»⁽⁹⁾, начавшаго являться, подъ управленіемъ Эссейста Сидней Смита, съ октября 1802 года. Комстэбл, вѣдѣтель «Обзорнїя» и Джеффри, одинъ изъ его основателей, а впоследствии главный редакторъ, принадлежали къ разряду лицъ особенно-любимыхъ Скоттомъ.

Въ двухъ шагахъ отъ границъ эшстльскаго владѣнія, въ началѣ шестого столѣтія проживалъ въ домѣ своего брата, считавшагося однимъ изъ шерифскихъ помощниковъ и, стало-быть, особой, весьма-близкою къ эшстльскимъ жителямъ, тотъ самый Мунго-Паркъ, который оставилъ извѣстное сочиненіе о земляхъ и народахъ внутренней Африки, два раза совершилъ походы къ истокамъ рѣки Нигера и впоследствии погибъ жертвою своего ученаго самоотверженія. Мунго-Паркъ посправедливости долженъ носить названіе туриста изъ туристовъ, а книга его, нынѣ отчасти забытая, есть тѣмъ неменѣе твореніе замѣчательное въ своемъ родѣ. При началѣ чтенія, мунго-парковы записки о первомъ путешествіи⁽¹⁰⁾ не могутъ понравиться, особенно въ наше время, обильное щегольскими сочиненіями туристовъ-литераторовъ; но чѣмъ болѣе начинаешь вчитываться въ эти сжатые страницы, исполненные простодушія и какой-то особенной скромности, личность самого путешественника выдвигается впередъ и привлекаетъ читателя.

Мунго-Паркъ, одинъ совершено (сопровождавшіе его два друга не захотѣли за нимъ слѣдовать), совершилъ длинное странствованіе по мѣстамъ, въ которыхъ никогда не бывало бѣлаго человека; жи-

(9) Статя «О рыцарскихъ романахъ» (рецензія «Амадиса Гальскаго», Соути), «О шотландской поэзіи» (рецензія сиббальдова сочиненія *объ этой предметѣ*), «О жизни и трудахъ Чаусера» (рецензія годовишовой книги), «О старой англійской поэзіи» (рецензія сборника, изд. Эллисомъ) и, наконецъ, «О жизни и трудахъ Чаттертона», по случаю новаго изданія твореній этого несчастнаго поэта.

(10) Вторая экспедиція Мунго-Парка въ Африку извѣстна только по малому числу отрывковъ изъ его журнала и изустныхъ разсказовъ, собранныхъ послѣдующими путешественниками.

читательная часть этихъ переходовъ совершена была пѣшкомъ, и во время болѣзни. Еще на берегахъ Гамбін, около поселеній, изрѣдка посѣщаемыхъ европейцами, Мунго-Парку сказали, что онъ погибнетъ, если пойдетъ далѣе; но, онъ пошелъ впередъ, безъ малѣйшаго колебанія. Въ песчаной степи онъ остался безъ воды и видѣлъ передъ собою смерть самую ужасную; но, на его счастье, пошелъ дождь, и Мунго-Паркъ, утоливъ жажду, пошелъ далѣе. Разбойники его ограбили и оставили въ одной рубашкѣ посреди звѣрей и ядовитыхъ наѣкомыхъ; Мунго-Паркъ пошелъ далѣе, безъ коня, безъ одежды и оружія. Полудниное мавританское племя захватило туриста въ плѣнъ, мучило его ежедневно и морило голодомъ; онъ перенесъ всѣ муки и оскорбленія, бѣжалъ; но увидя себя свободнымъ, опять пошелъ далѣе. Наконецъ, онъ увидѣлъ передъ собой Нигерь — цѣль своего путешествія, и только тогда позволилъ себѣ подумать, что нѣсколько сотъ миль отдѣляютъ его отъ селеній, гдѣ нѣтъ опасности для бѣлаго человека. Уже новымъ путемъ, черезъ новыя бѣдствія и опасности, онъ вернулся къ своему исходному пункту, увидалъ друзей, давно ужъ считавшихъ его погибшимъ, и вернулся въ Англію, употребивъ на свой подвигъ два года и семь мѣсяцовъ. За всѣ свои дѣла Мунго-Паркъ получалъ, кромѣ славы, награду весьма-бѣдную, и попробовавъ исправлять должность медика въ небольшомъ городѣ Гедикѣ, предпочелъ поселиться на родномъ мѣстѣ, около Ярроускихъ Холмовъ. То былъ человекъ еще молодой, высокаго роста и атлетическаго сложения, значительно-ослабленнаго трудами и африканскими лихорадками, съ худощавымъ и строгимъ лицомъ, на которомъ сила и непреклонность воли изображались яркими чертами. Сельская жизнь и сельское бездѣйствіе ему не нравились; онъ мечталъ о новыхъ экспедиціяхъ и новыхъ открытіяхъ. Разказы его (говорить Скоттъ) въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда Мунго-Паркъ оживлялся и дѣлался разговорчивымъ, могли назваться необыкновенно-увлекательными. Одинъ разъ, когда онъ сообщалъ нѣсколько приключеній своихъ въ Африкѣ, приключеній, до того нѣтъ совершенно-неизвѣстныхъ — я спросилъ его: почему онъ ихъ не помѣстилъ въ свои «записки»? Мунго отвѣчалъ почти такъ: «Когда событія, со мной случавшіяся, могли быть переданы публикѣ съ пользою для нея, когда ихъ изложеніе влекло за собой возможно-большее пространство свѣдѣній о краѣ, я высказывалъ ихъ въ печати смѣло, представляя читателямъ вѣрить или не вѣрить, по своему усмотрѣнію. Но печатать случаи, касавшіеся меня и только меня, я не хочу и не стану: это значило бы безъ нужды колебать довѣріе читателя». Отвѣтъ этотъ, по моему мнѣнію, выражаетъ всего человека; и часто съ-тѣхъ-

поръ думалъ я собрать въ одно цѣлое все рассказы, слышанные мной отъ Мунго-Парка, но удерживался, вспоминая его замѣчаніе ⁽¹¹⁾.

Осенью 1804 года, собираясь въ свою вторую, последнюю экспедицію, кончившуюся, какъ извѣстно, гибелью всехъ лицъ, въ ней участвовавшихъ ⁽¹²⁾, великій путешественникъ ночевалъ въ Эшстигъ и протиснулся съ его гостеприимными обитателями. Грустное чувство Вальтера Скотта по этому случаю было усилено еще однимъ обстоятельствомъ. Незадолго до того, какъ правительство предложило Мунго-Парку начальство надъ экспедиціею, отправляемою во внутренность Африки, неукротимый туристъ вступилъ въ бракъ съ молодой дѣвушкой, индѣ-

⁽¹¹⁾ «Мунго-Паркъ (продолжаетъ поэтъ) не любилъ, когда его важными вопросами старались наводить на рассказы объ африканскихъ происхожденіяхъ, и съ похвалою отзывался о докторѣ Адамѣ Фергюссонѣ, при свиданіи, разложившемъ передъ нимъ карту Африки съ просьбою описать свой походъ по вершкамъ, со всевозможными подробностями. Отъ себя я могу замѣтить одно: лѣта и слава доктора Фергюссона давали ему право на такое любопытство; но простому любителю разспросовъ я бы не посоветовалъ возобновлять эту систему съ Мунго.

«Одинъ разъ, не заставъ его дома, я поѣхалъ искать его по берегу рѣчки Ярроу, и скоро открылъ своего африканца за страннымъ занятіемъ. Онъ стоялъ около воды, кидая туда камешки и внимательно слѣдя глазами за пузырьками, оттого поднимавшимися на поверхности рѣчки. «Вотъ,» сказалъ я шутя: «занятіе довольно-пустое для человѣка, выдававшего на своемъ вѣку столько необыкновенныхъ приключеній!» — «Оно не такъ пусто, какъ вамъ кажется,» возразилъ Мунго и тутъ же объяснял мнѣ, какъ во время своихъ одинокихъ странствованій по Африкѣ онъ узнавалъ глубину рѣкъ, кидая въ воду камни и примѣчая, скоро ли послѣ того поверхность воды покрывается пузырями.

«Онъ безпрестанно думалъ о своей Африкѣ и часто, просыпаясь ночью, воображалъ себя плѣнникомъ въ ставкѣ Али ⁽¹³⁾; но воспоминанія о вѣртерпѣнныхъ ужасахъ ни мало не охлаждали его желанія путешествовать. Когда я однажды ему это замѣтилъ, Мунго сказалъ: «мнѣ противно скучное шатанье по холмамъ Шотландіи и все здѣшніе труды, за которые человѣкъ едва получаетъ возможность держать душу въ тѣлѣ (не умереть съ голоду).»

⁽¹²⁾ До сихъ-поръ подробности о гибели Мунго-Парка не приведены въ ясность. По словамъ однихъ писателей, онъ убитъ дикими племенами на берегахъ рѣки Холибы, или Жолибы; по увѣреніямъ же другихъ, кончина Мунго послѣдовала въ Томбукту отъ лихорадки, или другой зиданческой болѣзни. Журналъ его пропалъ безъ вѣсти, начало же записки извѣстно изъ первыхъ изсѣкъ Мунго-Парка къ друзьямъ.

⁽¹³⁾ Такъ назывался предводитель мавровъ, особенно тираннашій Мунго-Парка и всюду таскавшій его съ собою какъ рѣдкій, но достойный воспоминаній и казней предметъ.

заслужившей его привязанность. Мунго, не имѣя духа передать женѣ вѣсть о необходимой разлукѣ, просилъ Скотта увѣдомить ее, что дѣла задержали его въ Эдинбургѣ, и такимъ образомъ понемногу готовить ее къ роковому извѣстію. «Я сѣлъ на лошадь и проводилъ Мунго по всей долинѣ, покрытой въ то утро густымъ осеннимъ туманомъ. Вся картина поразила меня, какъ изображеніе опаснаго, сомнительнаго предпріятія, на которое мой спутникъ пускался. Мунго казался твердымъ и непреклоннымъ. Мы доѣхали до мѣста, гдѣ слѣдовало разстаться; тутъ лошадь его остушилась и едва не упала. «Мунго, сказалъ я : не дурная ли это примѣта?» На это отвѣчалъ онъ имѣ улыбаясь, поговоркой «Примѣты ходятъ за тѣми, кто имѣ вѣрять!» и прищипнувъ лошадь, усккалъ вдоль по дорогѣ (14).

Годъ скоттова переселенія на эштанльскую мызу ознаменовался сближеніемъ двухъ поэтовъ, весьма-несходныхъ между собою по духу произведеній, по успѣху и даже по жизни, но постоянно питавшихъ одинъ къ другому взаимное чувство уваженія, ненарушаемое ссорами партій. Вильямъ Вордсвортъ (15), авторъ лирическихъ балладъ и сонетовъ, глава только-что начавшей формироваться школы *озерныхъ поэтовъ* (леккистовъ), совершая путешествіе по Шотландіи вмѣстѣ съ своей сестрою, при началѣ осени посѣтилъ скоттово уединеніе, пѣшкомъ, какъ слѣдуетъ поэту-леккисту. Впрочемъ, эквивалъ ѣхалъ за путниками въ нѣкоторомъ разстояніи. Вордсвортъ въ то время былъ человѣкомъ весьма-нестарымъ; задумчивая наружность его могла нравиться, а манеры поэта не успѣли еще очень пострадать вслѣдствіе долгаго произвольнаго затворничества и литературныхъ невпріятностей. Со-всѣмъ-тѣмъ, если мы не ошибаемся (вещь весьма-воз-

(14) Братъ Мунго-Парка, Арчибальдъ Паркъ, постоянно оставался другомъ Скотта, и, какъ шерифскій помощникъ, приобрѣлъ себѣ славу помкою одного убійцы, защищаемаго цѣлою шайкой цыганъ и грабителей. Вдвоемъ съ нашимъ шерифомъ онъ атаковалъ всю партію и вырвалъ оттуда бездѣльника, послѣ чего вся толпа обратилась въ бѣгство. Арчибальдъ считался едва-ли не первымъ богатыремъ во всемъ графствѣ.

(15) При началѣ нашего труда мы рѣшились въ правописаніи собственныхъ именъ не гнаться вполне за англійскимъ произношеніемъ и падить языки своихъ читателей, тѣмъ болѣе, что совершенно приблизиться къ точному звуку англійскаго произношенія не всегда бываетъ возможно. Иные литераторы (и мы сами между-прочимъ) предпочитали писать Уортсвортъ, вмѣсто Вордсвортъ; но если мы возьмемъ въ соображеніе, что и тутъ оба *р* должны быть почти неслышны, оба о произнесены крайне-протяжно и послѣднее *т* звучать какъ нѣчто среднее между *с* и *о*, то убѣдимся, что *Уортсвортъ* все-таки звукъ не англійскій.

можная, если сообразить литературную деятельность Скотта и его, может-быть, излишнюю неохоту высказывать свои мнѣнія, когда они оказывались невыгодными для его собратьев-читателей), ни Вордсвортъ, ни его поэзія, ни достопримѣчательныя литературныя теоріи, высказанныя имъ въ предисловіи къ лирическимъ балладамъ, не возбуждали въ будущемъ романтистъ особенно-пламеннаго сочувствія. Скоттъ любилъ жизнь, блескъ, веселость и обширный кругъ изящныхъ друзей. Вордсвортъ не только не понималъ жизни безъ книгъ и уединенія, но и вѣлъ слабость косо смотрѣть на особь, нераздѣлявшихъ его убѣжденій. «Искрометная поэзія» Скотта воспѣвала замки, шпры, турниры, важныя подвиги и страшныя легенды предковъ, золото и сталь, бархаты и гербы родины, стихомъ иѣткимъ, быстрымъ и увлекательнымъ; муза Вордсворта предпочтала витать около тихихъ озеръ, зеленыхъ кустовъ и отчасти идеальныхъ поселенъ, по-большей-части наклонныхъ къ философствованію и проливанію слезъ. Для Скотта, человѣка практическаго, литературныя занятія и доходы были, по его выраженію, походомъ, но отнюдь не костью; между-тѣмъ какъ Вордсвортъ весь отдавалъ своему призванію, не заботясь ни о богатствѣ, ни о будущности семейства; наконецъ, Скоттъ высоко цѣнилъ расположеніе мушкетера и всегда былъ готовъ прилаживаться къ ея вкусу, даже иногда во вредъ своему дарованію, тогда-какъ глубокомысленный ивнецъ Вестморлендскихъ Озеръ, съ истиннымъ постоянствомъ артиста шелъ своимъ собственнымъ путемъ, наперекоръ враждѣ и насмѣшкамъ свѣта, во многомъ несправляясь, но не отступаясь для популярности отъ своихъ любимыхъ литературныхъ убѣжденій. Къ приведенной здѣсь параллели слѣдуетъ прибавить, что и Скоттъ и Вордсвортъ оба могли назваться людьми весьма-добрими, образованными и повременамъ причудливыми.

Главная прелесть вордсвортовой поэзіи, которая долго будетъ привлекать къ себѣ читателей задумчивыхъ и глубокомысленныхъ, заключается въ картинности описаній природы, провидательномъ анализѣ впечатлѣній, которыми даритъ насъ уединенная жизнь, въ какой-то мезинной мечтательности, и въ-заключеніе всего, въ мастерскомъ изображеніи вострыхъ и большею-частью жалостныхъ событій изъ народной жизни. Но, чтобъ найти пріятность въ многотомныхъ твореніяхъ Вордсворта, читатель долженъ вооружиться большою терпимостью, немалымъ терпѣніемъ и безпрестанно вспоинать во время чтенія о томъ, что непростительные недостатки изучаемаго поэта уже искупались хорошими страницами только тогда онъ увидитъ себя въ силахъ одолѣть всѣ длинноты, безпрерывныя поясненія и дополненія, почти заставляющія предпологать, что Вордсвортъ писалъ для несовершеннѣйшихъ читателей, и муше

всего цѣлые ряды неудачныхъ строкъ и строфъ, производящихъ эффектъ совершенно-сходный съ эффектомъ нѣсколькихъ фальшивыхъ нотъ въ концертѣ. Многие первоклассные поэты бываютъ мѣстами слабы, и Гомеръ, отецъ поэзій, иногда позволяетъ себѣ вздремнуть; но несчастье Вордсворта состояло въ томъ, что его слабыя страницы, имѣя совершенный видъ пародій, часто способны возбудить хохотъ въ самую безпристрастную читателя. Совершенно разъединившись съ требованіями и вкусомъ свѣта, советуясь только съ своими поклонниками и, что еще хуже, съ старыми поклонниками, Вордсвортъ безпрестанно позволяетъ себѣ тирады и промахи истинно-ребячскіе. Даже его прекрасныя изображенія природы страдаютъ отъ неизвѣстной, дагерротипической точности рисунка; даже трогательнѣйшія изъ его балладъ испорчены или многословіемъ, или слезливыми амплификаціями, ведущими къ дѣлу, или прозаическимъ стихомъ, будто подставленнымъ на смѣхъ злѣйшимъ врагомъ поэта. Вордсворту выпала незавидная доля — подарить публику отрывкомъ изъ незаданной поэмы (16), отрывкомъ, состоящимъ изъ двухъ толстыхъ томовъ, писанныхъ бѣлыми стихами! Въ однихъ своихъ сонетахъ, по формѣ своей несовершенныхъ съ многословіемъ, поэтъ часто являлся поэтомъ истиннымъ; но и тутъ незнаніе мѣры принесло съ собой грустный плодъ: вордсвортовы сонеты считаются сотнями и по-временамъ цѣлая сотня относится къ одному и тому же предмету.

Понятно, вслѣдствіе всего сказаннаго, что въ началѣ нашего столѣтія Вордсвортъ не принадлежалъ къ любимцамъ публики. Онъ имѣлъ нѣсколькихъ поклонниковъ, вѣстѣ съ нимъ подвергнувшихся насмѣшкамъ со стороны критиковъ и публики. Духъ сатиры и ѣдкой ироніи, господствовавшей въ то время въ великобританскомъ обществѣ и, наконецъ, частью отразившейся въ поэтической личности лорда Байрона, находилъ себѣ обильную пищу въ жизни и трудахъ Вордсворта, а потомъ его друзей и подражателей. Сатирическія газеты нуждались въ новыхъ предметѣ для шутокъ, и Вордсвортъ съ своимъ ученымъ уединеніемъ, съ своими многословными стилями, подоспѣлъ во-время. «Эдинбургское Обзоріе», тотчасъ же послѣ своего основанія ставшее въ головѣ критическихъ изданій, обладало многими остроумными сотрудниками: Вордсвортъ и лексты стали ихъ любимомъ добычею. Поэтовъ, занимавшихся сочиненіемъ пародій, имѣлось весьма-много; каждый изъ нихъ счелъ долгомъ терзать Вордсворта и его музу, для потѣхи читателей. Насмѣшки удвоились, когда было замѣчено, что предметъ шутокъ знаетъ всю ихъ горечь и постоянно готовъ въ шуткѣ видѣть себѣ

(16) The Excursion, a portion of «Recluse».

личное оскорбленіе. И дѣйствительно, если мы станемъ на точку зрѣнія тогдашнихъ литераторовъ и читателей, многія отличныя качества осмѣиваемаго поэта покажутся намъ забавными. Какъ-то странно было, въ вѣкъ обильный войнами, въ эпоху Наполеона и Вильяма Пятта, въ государствѣ, направлявшемъ всѣ свои силы на борьбу съ ненавистнымъ завоевателемъ, ежечасно ожидавшемъ встрѣтить батальоны враговъ на своей родной почвѣ — видѣть маленькій кружокъ взрослыхъ мечтателей, поселившихся около озеръ Южной Англіи (17) и воспевавшихъ на сотнѣ страницъ какой-нибудь закатъ солнца, журчаніе ручейка, или приключенія слѣпного мальчика, захотѣвшаго кататься по водѣ въ корытѣ, находившемся около берега для удобства бабъ, полоскавшихъ бѣлье. Прошли годы, завоевателя низложили. Лордъ Байронъ очаровалъ публику своей огненной поэзію; Муръ рассыпалъ передъ нею сомажитные камни ирландской фантазіи; Скоттъ возсоздалъ былыя эпохи и назвалъ изъ мрака старинныхъ героевъ, а лежисты все оставались тѣми же пѣвцами заката солнца и зеленой травки и, сверхъ-того, отъ нѣсколькихъ лишнихъ годовъ на плечахъ, сдѣлались сердитѣе и упрямѣе. Насиѣшки удвоились и безжалостная война закинула съ обѣихъ сторонъ.

Литературныя теоріи, высказанныя Вордсвортомъ въ своихъ предисловіяхъ и нѣсколькихъ полемическихъ статьяхъ, заслуживаютъ вниманія, несмотря на частыя свои несовершенства, несмотря на то, что даровитый сотрудникъ поэта, Кольриджъ, о которомъ мы будемъ говорить современемъ, самъ опровергалъ идеи своего друга и родственника. Вордсвортъ увѣрялъ, между-прочимъ, что въ дѣлѣ поэзіи на свѣтѣ нѣтъ ничего малаго и недостойнаго пѣснопѣній. По его идѣ, терновый кустъ, птица на дорогѣ, камень, обросшій мхомъ, могли вдохновить поэта такъ же, какъ эти самые предметы вдохновляли великихъ художниковъ-живописцевъ. Быть самаго необразованнаго класса обремененъ тѣми же драмами, тѣми же страданіями и радостями, какъ и быть всѣхъ другихъ классовъ. Совершенство формы искупааетъ бѣдность содержанія, отсутствіе разительной мысли. Природа вообще достойна вдохновлять поэта. Для мыслящаго художника, все его окружающее составляетъ міръ поэзіи: окрестности какого-нибудь коттеджа около красиваго озера, могутъ быть воспеваемы всю жизнь и предметъ пѣснопѣній никогда не истощится. Простота содержанія должна отразиться

---

(17) Эти знаменитыя озера находятся въ живописномъ округѣ вест-морлендскомъ.

въ простотѣ слога; писать стихи нужно тѣмъ же языкомъ, на которомъ люди говорятъ между собою.

Таковы были главные убѣжденія, высказанныя Вордсвортомъ, и важность ихъ содержанія и формы весьма-очевидна, особенно, если мы возьмемъ въ соображеніе ту искусственность, которая все еще тяготѣла надъ англійской поэзіей. Поэтъ только привелъ въ систему основанія поэтической реформы, уже начатой Борнсомъ, Креббомъ и отчасти ихъ предшественникомъ Коуперомъ. Но — увы! многія изъ своихъ идей Вордсвортъ высказалъ языкомъ запутаннымъ, да сверхъ-того, сообщилъ самимъ теоріямъ достаточно рѣзкости, преувеличенія и исключительности. Доведя многія его умозрѣнія до крайнихъ результатовъ, легко было придти къ тому заключенію, что вся блестящая, драматическая, пышная сторона жизни недостойна поэзіи, и что истинный поэтъ обязанъ только изображать камни, поросшіе мхомъ, и слѣпыхъ мальчишковъ въ корытѣ. Тѣмъ же путемъ ревистный поклонникъ лектестскихъ теорій становился совершенно наперекоръ общаго вкуса и признавалъ Скотта, Мура, Китса, Шелли, Байрона поэтами ложной школы, осмѣливавшейся искать вдохновенія въ дагерротипныхъ изображеніяхъ сельской природы (18).

Хуже всего было то, что Вордсвортъ не имѣлъ духа, или не имѣлъ таланта достойнымъ образомъ примѣнить свои теоріи къ дѣлу. Поэтъ субъективный и мечтательный, скорѣе склонный къ лиризму, нежели къ артистическому безстрастію, такъ необходимому для поэтовъ, желающихъ владѣть перомъ, какъ кистью, онъ почти въ каждомъ стихотворномъ произведеніи опровергаетъ то, что написалъ въ прозѣ. Его любимые герои: пастухи, разношники, школьные учителя и собиратели пивковъ — тѣ же Вордсворты, замаскированные неудачно-пригнаннымъ костюмомъ. Сколько поэтъ ни описываетъ каждую заплату на ихъ нарядѣ; какъ онъ, иногда очень-неумѣстно, ни смѣется познакомить читателя съ чувствами, приключеніями, даже дѣтскими воспоминаніями этихъ героевъ, все-таки, вмѣсто поселянъ, читатель видитъ передъ собою не поселянъ, а поэтовъ-мечтателей, иногда милыхъ и умныхъ, чаще зараженныхъ духомъ болтовни и педантства. Его пастушки и поселянки говорятъ какъ дочери богатаго квакера, и синій чулокъ беспрестанно показывается изъ-подъ сит-

(18) Большимъ зломъ при спорѣ были жены, родственницы и поклонницы лектестовъ, дамы, по-большой-части начитанныя и даже занимавшіяся писаньемъ. Своими сплетнями и женской нетерпимостью раздражая любезныхъ себѣ поэтовъ, онѣ въ то же время возбуждали общее посѣяніе своею преувеличенной ненавистью къ противникамъ.

догова ихъ платья. Тонкіи, подробныя картины природы, вложенныя въ уста какого-нибудь неграмотнаго земледѣльца, поминутно поражаютъ своею неуиственностью и оттого терпятъ часть своей прасоты. Насчетъ языка и предполагаемаго упрощенія слога можно сказать еще болѣе невыгоднаго. Рывившись соблюдать тождество между языкомъ стихотворнымъ и языкомъ вседневной рѣчи, Вордсвортъ самъ попалъ невозможность задачи (19); но, не имѣя силъ выдѣлѣться отъ сказаннаго, добровольно сталъ жевать прекраснѣйшіе отрывки отроками прозаическимъ и какъ-будто преднамѣренношумными. Тягостная неровность языка, произведенная скачками подобаго рода, признана даже друзьями поэта. Англійскій стихотворный языкъ до-сихъ-поръ весьма-квѣтаетъ, допускаетъ метафоры, аллегоріи, сотню словъ, давно-загнанныхъ изъ прозы со всѣми этими особенностями, введенными поэзіей Шекспира. Вордсвортъ, какъ англичанинъ и поклонникъ старыхъ драматурговъ не смѣлъ, да и не думалъ бороться съ ними. Желая согласить эти несогласныя крайности, онъ достигъ только до того, что слѣдалъ противъ себя оружіе злѣйшихъ насмѣшниковъ, перенутымъ періодъ въ старинномъ духѣ съ фразами простонародными, пошлѣйшія общія мѣста съ возвышенными оборотами рѣчи, и убывая вса результатъ поэтической строфы выраженіями, словно-подслушанными отъ какой-нибудь старой бабы. Но мы будемъ жить случай еще говорить о лексикахъ; теперь же поспѣшимъ вернуться къ Вальтеру Скотту. Пріемъ, сдѣланный Вордсворту эстетическимъ хозяиномъ, оставалъ въ сердцѣ озернаго поэта самое отрадное воспоминаніе. Вальтеръ Скоттъ, какъ сотрудникъ «Эдинбургскаго Обзорія», уже открывшии свою перепалку съ авторомъ лирическихъ балладъ и его послѣдователями, долгеиъ счелъ какъ можно менѣе говорить о литературѣ, а вмѣсто того, представлять созерцательнымъ пѣшеходамъ рядъ наслажденій въ ихъ видуѣ. Послѣ отдыха и обѣда, поэты и дамы ихъ совершили прогулку по берегу рѣки, и когда наступила темнота, приняли участіе въ рыбной ловлѣ, крайне-живописной и занимательной. По приказанію шорта,

(19) Кольриджъ, имѣвшій многія достоинства хорошаго критика, опровернулъ эту теорію весьма-удачнымъ образомъ. «Положимъ (говоритъ онъ), что кампанія охотниковъ рѣшилась идти въ поле на слѣдующее утро и легла спать. Съ разсвѣтомъ одинъ изъ охотниковъ разбудилъ товарищевъ, сказавъ: «пора вставать, ужъ утро!» Но можетъ ли онъ сказать въ разговорѣ: *пора вставать, зашлось розовое утро?* А кажется, что въ зпителѣ «розовое утро» нѣтъ ничего ложнаго, напыщеннаго и протѣннаго прасоты. Разсудите теперь, можетъ ли совпадать разговорный языкъ съ языкомъ поэтическимъ?» (Coleridge's *Biographia Literaria.*)

берегъ Твида покрылся поселеніями, изъ которыхъ каждый имѣлъ въ рукѣ факель и длинную палку съ острымъ наконечникомъ. Развѣстившись по разнымъ пунктамъ около воды, они принялись, по нѣ выражаю, жечь воду, то—есть ловить лососей, привлеченныхъ свѣтомъ въ ихъ горону. Вся трудность заключалась въ томъ, чтобъ избрать себѣ хорошее мѣсто и, завидѣвъ лосося въ глубинѣ прозрачной рѣки, убить его острой палкою: если рыбаковъ принималъ глубокую часть рѣки за мель, или ошибался въ ударѣ, то за не удачей слѣдовало паденіе въ воду и общій хохотъ. Самъ Скоттъ едва не принялъ холодной ванны и только помощью сильнаго служителя, ухватившаго его за полу сюртука, спасся шерифа отъ насмѣшекъ. Къ Вордсворту, конечно, приставили вонихъ рыбаковъ, видѣвшихъ въ его платьѣ при каждомъ ударѣ. Веселое занятіе заключилось роскошнымъ ужиномъ и угощеніемъ для жителей фермы.

На другой день поэты разстались, и Скоттъ, не имѣя времени цѣлые дни бродить пѣшкомъ съ своимъ собратомъ, обвѣдалъ встрѣтить его черезъ два дня около Аббатства Мельрозскаго. «Мы были очарованы рассказываетъ Вордсвортъ Лонарту) дружескимъ, веселымъ пріемомъ Скотта, его живымъ, анекдотическимъ разговоромъ, его живыми и интересными исторіями и отвращеніемъ къ спорамъ всякаго рѣда, отвращеніемъ, почти—достойнымъ веселаго, доброжелательнаго, свѣтскаго человѣка. Намъ намъ успѣлъ прочесть и сказать на память четыре первые отъѣла «Пѣснь послѣдняго Министреля», исполненные картинныхъ описаній. Я былъ пораженъ новостью манеры, пламенной энергіею многихъ стиховъ. «Пока мы шли до Мельроза и за Мельрозомъ, намъ стоило только назвать шерифа — и всѣ двери передъ нами отворялись. Бездѣло это считали другомъ или добрымъ начальникомъ».

Развалины Мельрозскаго Аббатства, основаннаго королемъ Давидомъ-Первымъ (святымъ) и украшеннаго въ свое время пожертвованіями мученической фамиліи боклейгской (Боклю), принадлежатъ къ самымъ драгоценнымъ памятникамъ готической архитектуры; знаменитость этихъ развалинъ еще болѣе увеличена ихъ мѣстоположеніемъ около Твида и величественныхъ холмовъ геллдонскихъ, прославленныхъ разными легендами и историческими воспоминаніями. Встрѣтивъ своихъ гостей около условленнаго мѣста, Скоттъ показалъ имъ развалины въ—подробности, устроилъ въ сосѣдней гостинницѣ ночлегъ съ ужиномъ, а на утро снова оставилъ Вордсворта, имѣя въ эту пору года дѣла по округу. Въ Джеббургѣ поэты опять сошлись, и Скоттъ, снова привѣтствуя туристовъ, просилъ ихъ, шутя, не глядѣть на его шествіе въ городскія присутственныя мѣста: само-собою разужвется, запрещеніе тутъ же было на-

рушено и серьёзный поэт озер не могъ удержаться отъ смѣха, гдѣ, какъ, во исполненіе церемоніала, издавна-установленнаго въ Шотландіи, Вальтеръ Скоттъ, украшенный шапкой и треугольною шляпою, торжественно выступалъ между народомъ, итѣя впереди трубача, безъ всякаго совѣсти дувшаго въ свой испорченный инструментъ. На слѣдующій день около развалинъ Ферингерсткаго Замка, поэты немного поссорились о народѣ, по поводу того, что Вордсвортъ изъявилъ особенную привязанность къ деревьямъ (какъ извѣстно, Шотландія не богата лѣсомъ). Не пускаясь въ споры, Скоттъ разсказалъ, какъ одна изъ близкинь къ нему, очень-умныхъ женщинь, воспитанная на безлѣсныхъ Оркадскихъ Островахъ, въ виду скалъ и моря, итѣеть рѣшительное отвращеніе къ виду лѣса и отдѣльныхъ деревьевъ. Затѣмъ, проводивъ туристовъ съ немного, Скоттъ простился съ ними и вернулся къ своимъ обычнымъ занятіямъ.

Поэма, извѣстная подъ названіемъ «Zay of the last Minstrel» (Пѣнь послѣдняго Министрела), первая изъ скоттовыхъ поэмъ, главный трудъ всего описываемаго нами періода его сельской жизни, вышла въ свѣтъ къ самому началу 1805 года. До изданія названнаго произведенія, Скоттъ считался талантливымъ поэтомъ, разсказчикомъ, очень-увлекательнымъ, но болѣе; но, съ января 1805 года, онъ безъ споровъ и домогательствъ добылъ себѣ славу одного изъ первыхъ поэтовъ Великобританіи. Мѣсячѣмъ въ два года поэму издали восемь разъ⁽²⁰⁾ и денежные выгоды, доставленныя ею Скотту⁽²¹⁾, заставили его смотрѣть съ меньшимъ пренебреженіемъ на доходы литературные.

Лица, незнакомыя съ англійскимъ языкомъ, оцѣнить прелесть «Пѣни Министрела», какъ и другихъ поэмъ Вальтера Скотта тогда только, какъ появится русскій стихотворный переводъ этихъ произведеній, переводъ, исполненный первокласснымъ поэтомъ-переводчикомъ, въ родѣ нашего покойнаго Жуковскаго: никакой прозаическій трудъ не способенъ передать публикѣ понятія о чудномъ стихѣ, о картинныхъ эпизодахъ, которыми изобилуетъ первая поэма Скотта. Содержаніе ея не ново и къ тому еще испорчено введеніемъ въ разсказъ одной легенды, едва-ли интересной кому-нибудь, кромѣ шотландца⁽²²⁾; всѣ

⁽²⁰⁾ Въ числѣ 12,000 экземпляровъ. Всѣхъ экземпляровъ до 1830 года распродано около 44,000.

⁽²¹⁾ Около 800 фунт. стерл. (4800 руб. сер.), включая въ то число 100 фунтовъ, поднесенныхъ Скотту книгопродавцами, въ видѣ добровольнаго приношенія за выгоду, ими полученную.

⁽²²⁾ О карликѣ изъ гномовъ, или домовыхъ, служившемъ пажемъ у одного рыцаря изъ фамиліи Кранстоуновъ.

торія вертится на враждѣ и примиреніи двухъ могучихъ фамилій боклейгской и кранстоунской, примиреніи совершившемся вслѣдствіе того, что молодой лордъ Генри Кранстоунъ, влюбленный въ Маргариту, дочь герцогини боклейгской, на судѣ Божіемъ инкогнито сражается съ англійскимъ рыцаремъ и тѣмъ спасаетъ маленькаго брата своей возлюбленной, единственнаго представителя боклейгскихъ герцоговъ. Но вся эта пролая канва заткана арабесками, достойными удивленія. Жизнь старой феодальной Шотландіи рисуется передъ нами съ обворожительною ясностью; полудикая, воинственная поэзія среднихъ вѣковъ, мастерски-схваченная и переданная стихами, вполне-достойными своего предмета, видна въ каждой строкѣ, въ каждой фразѣ произведенія. Читатель видитъ передъ собой Замокъ Бранкомскій и его гордую владѣтельницу, окруженную своими рыцарями, посреди приготовления къ осадѣ; знакомится съ ограниченными мародерами (между ними и съ Ватомъ Гарденскимъ), слышитъ вечернее пѣніе монаховъ въ древнемъ Мельрозѣ, слѣдитъ за ночнымъ переходомъ англійскихъ войскъ, закованныхъ въ желѣзо, присутствуетъ на «Судѣ Божіемъ» — турнирѣ между двумя пѣшими рыцарями, видитъ самъ сидитъ на обручальномъ пиру, котораго описаніе одно сплошно доставитъ Скотту названіе одного изъ величайшихъ художниковъ. Самый рѣзкій недостатокъ всѣхъ старыхъ поэзіи и романовъ изъ рыцарской жизни, безспорно, заключается въ какомъ-то вяло-преувеличенномъ изображеніи необыкновенно-прекрасныхъ витязей, вѣрныхъ оруженосцовъ, безцвѣтныхъ дамъ и невозможныхъ злодѣевъ; у Скотта, напротивъ-того, подъ кольчугами и стальными шлемами видны люди съ цыкостью и смѣшными слабостями, съ повѣрьями, пороками и достоинствами того времени. Поэтому Скоттъ въ своихъ поэмахъ новъ какъ-нельзя-болѣе; его поэтический восторгъ не мѣшаетъ юмору, а слабость къ старинѣ — прозорливости наблюдателя. Онъ переноситъ читателя въ витяжную жизнь предковъ и иногда одинъ его стихъ, одна черта говорятъ болѣе, чѣмъ цѣлое изъисканіе о феодальныхъ нравахъ. Одно изъ полузабавныхъ лицъ поэмы — тощій и широкоплечій лердъ Вальтеръ Тинлишъ, проклинающій англичанъ, захватившихъ и предавшихъ пламени его пограничный замокъ, наивно замѣчаетъ: «пусть демонъ возьметъ ихъ души, вотъ ужь больше года, какъ моего дома никто не жегъ!» Подобнаго же рода черта брошена Скоттомъ при описаніи того, какъ маленький герцогъ боклейгскій захваченъ въ лѣсу англійскими рыцарями. При видѣ враговъ, малютка не плачетъ и не просится къ матери, а гордо приказываетъ отпустить себя домой, обѣщая, въ случаѣ непослушанія, «повѣсить непокорныхъ у своего замка, въ добычу воронамъ». Такихъ мастерскихъ особенностей множество во всей поэмі. Вся поэма за-

жмута въ другую, маленькую возму о томъ, какъ послѣдній изъ и-нестрелей, драхльскій бардъ, воевавшій вмѣстѣ съ герцогомъ монмут-скинъ, получилъ гостепрѣимство и пріютъ въ домъ Анны, вдовствующей герцогини бокклейгской и монмутской. Приходъ стараго пѣвца, его замѣшательство передъ знатной дамой, его напрасныя усилія веревъ началоу давно-забытой пѣсни — всѣ эти страницы, принадлежащія къ лучшимъ частямъ поэмы, доставили Скотту одобреніе Питта и Фокса. Вильямъ Питтъ, разговаривая съ членомъ Парламента Вильмомъ Дондесомъ, лично-знавшимъ Скотта, восхищался стихами, описывающими замѣшательство Министрѣя. «Признаюсь вамъ (сказалъ и-нистръ), до-сихъ-поръ я не признавалъ, что поэзія способна перебить дорогу у живописи. Сцена, описанная Скоттомъ, повидимому можетъ быть изображена только въ цѣлой картинѣ. Расскажите мнѣ, кто такой Вальтеръ Скоттъ и чѣмъ онъ занимается?» Получивъ требуемыя свѣдѣнія, Питтъ сказалъ своему собесѣднику: «Его нельзя такъ оставить. Позаботьтесь объ этомъ»⁽²³⁾. Передъ этимъ министръ хвалилъ «Пѣсь Министрѣя» своей племянницѣ, леди Эсоири Стенгошъ и похвала эта тоже достигла до ушей поэта вмѣстѣ съ отзывомъ Чарльза Фокса. «Я прочелъ скоттову поэму три раза, говорилъ послѣдній и каждый разъ она казалась мнѣ прекраснѣе и прекраснѣе».

Про Шотландію говорить нечего: каждая строка, каждое собственныя въ поэмѣ говорили каледонскому сердцу. Кто восторгался поэтическими воспоминаніями, кто искалъ въ книгѣ имени своего предка, кто отиралился глядѣть на мѣсто дѣйствія, на замки и развалины, воспы-тывъ своимъ соотечественникомъ. Число посѣтителей Мельрозскаго Аб-батства возрасло до невѣроятной степени; остатки башенъ франкоускихъ, старой резиденціи герцоговъ бокклейгскихъ приобрѣли себѣ новую славу; восторгъ публики могъ назваться и всеобщимъ и всеиз-тольнымъ.⁽²⁴⁾

(23) Письмо В. Дондеса къ В. Скотту. На письмѣ значится надпись рукой сэра Вальтера: «отъ Вил. Дондеса, очень-радостное письмо».

(24) Самый благоразумный и добросовѣстный разборъ «Пѣсни Министрѣя» былъ помѣщенъ въ «Эдинбургскомъ Обзорѣніи»; авторомъ его былъ самъ редакторъ, Джеффри. Отдавъ должную дань скоттову гению и, признавъ его первокласснымъ поэтомъ, критикъ, не стѣсняясь общими восторгомъ и журнальной дружбой, указываетъ на слабость общей басы, неумѣстность этюда съ пажомъ-гномомъ, на нѣкоторые скоттицизмы и небрежность въ отдѣлкѣ многихъ стиховъ — очевидное доказательство смѣш-комъ быстрой работы. Къ этому Джеффри, небывшій энтузіастомъ отво-сительно феодальныхъ правовъ, прибавилъ нѣсколько замѣчаній о при-

VII.

кигопродавцы и издатели. — Братья Беллентейны, ихъ паружность и качества. — Наполеонъ книжной торговли, Арчибалдъ Констэблъ. — Ихъ сношенія Скоттомъ. — Работы для «Эдинбургскаго Обзорѣнія». — Изданіе классиковъ другіе труды. — Изумительная дѣятельность. — Редакція «Эдинбургскаго обзорѣнія». — Неудовольствія. — Критика Джеффри и статья Брума объ испаніи. — Джонъ Муррай, книгопродавецъ лондонскій. — Планъ новаго «Обозрѣнія». — Письма къ Эллису и Гиефорду. — Соути. — Горестныя вѣсти изъ испаніи. — Начало «Трехмѣсячнаго Обзорѣнія» (Quarterly Review). — Отвѣнія Скотта къ Джеффри и Констэблю. — Скоттъ въ Лондонѣ. — Принцесса валлійская. — Дѣти Скотта.

Появленіе такого талантливаго, дѣятельнаго и въ-особенности плодовитаго литератора, какимъ былъ Вальтеръ Скоттъ, имѣло вліяніе на ходъ книжной торговли города Эдинбурга. Издатели «Обозрѣній», книгопродавцы типографіки хорошо понимали, какую обильную дѣятельность общаетъ къ все болѣе-и-болѣе развивающаяся любовь публики къ чтенію; а понимая это, давно уже нуждались въ хорошихъ производителей стихотворнаго и прозаическаго товара. Скоттъ, начиная съ 1805 года, былъ заманенъ заказами и вызовами на разныя предпріятія по этой части, и чѣсто того, чтобы тяготиться ими, изъявлялъ всегдашнюю готовность рататься за каждый трудъ, обещающій славу и прибыль. По своему многотороннему образованію и способности писать обо всемъ съ любовью, о своей аккуратности и изобрѣтательности, онъ составлялъ рѣзкій контрастъ со многими литераторами своего времени, лишенными практиче-

страстіи къ нимъ возта. Скоттъ сперва было-разсердился, но тотчасъ же подавилъ неудовольствіе и тотчасъ, по выходѣ книжки, дружески отобѣдалъ съ своимъ критикомъ.

Статья Джеффри произвела въ публикѣ сильное впечатлѣніе, подобно всему, что только было писано этимъ даровитымъ человекомъ. Въ Лондонѣ, на одномъ обѣдѣ, въ присутствіи извѣстнаго шамъ Эллиса, какой-то изъ второстепенныхъ поэтовъ того времени захотѣлъ распространить завѣтки эдинбургскаго критика на всю поэму, и принялся осуждать всю жизнь Миннестреля. «Сэръ (сказалъ Эллисъ), вы напоминаете мнѣ анекдотъ съ скульпторомъ Фальконетомъ. Этотъ знаменитый художникъ, глядя на лошадь Марка Аврелія въ Капитоліи, сталъ, какъ слѣдуетъ французу, перечислять окружающимъ его друзьямъ всѣ недостатки коня; но вдругъ, посреди исчисленія, понюхалъ табаку и, указывая на модель лошади своего собственнаго издѣлія, сказалъ со вздохомъ: «А между-тѣмъ, господа, нужно признаться въ одномъ: эта проклятая, безобразная античная лошадь — живая, а моя лошадь — мертвая лошадь!» (Cependant, messieurs, il faut avouer que cette vilaine bête-la est vivante, et que la mienne est morte!)

скаго взгляда на свои занятія, причудливыми въ условіяхъ, неровными въ обращеніи, нерадивыми въ дѣлахъ, требующихъ точности. Съ своей стороны, и Скоттъ, зная свои достоинства, желалъ имѣть товарищами и издателями людей надежныхъ, въ случаѣ надобности, готовыхъ дать умный совѣтъ, или придумать дѣльное предпріятіе. Желającychъ сдружиться съ Скоттомъ имѣлось большое число, и выборъ не могъ назваться труднымъ. Два брата, Беллентейны, Джемсъ и Джонъ, съ которыми мы сейчасъ познакомимъ читателя, стали союзниками Скотта на тиверграфской части; а обоюдная связь поэта съ этими друзьями дѣтства увеличилась еще его вступленіемъ въ товарищество Беллентейновъ на торговой части. Арчибалдъ Констэблъ, издатель «Эдинбургскаго Обозрѣнія» и будущій Наполеонъ книжной торговли, устранилъ соперниковъ по части изданія скоттовскихъ сочиненій разомъ, предложивъ автору «Пѣсни Последняго Министрела» 1000 гиней (болѣе 6000 руб. сер.) за новую, еще неначатую поэму. Въ компаніи этихъ трехъ оригинальныхъ лицъ Скотту пришлось открыть свое плаваніе по литературному морю, видѣть много успѣха и много бѣдствій, извѣдать торжества самыя завидныя и бури самыя тяжкія.

Дружба поэта съ братьями Беллентейнами началась весьма-давно, въ школѣ городка Кельсо. Для Скотта личная симпатія вѣчно шла впередъ всѣхъ расчетовъ, и только этимъ чувствомъ можно объяснить его постоянную преданность интересамъ обоихъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ старшій, Джемсъ, могъ называться человѣкомъ дѣльнымъ. *Джемсъ Беллентейнъ*, маленькій, коренастый человѣчекъ, съ лицомъ довольно-красивымъ, но имѣвшій привычку безпрестанно коверкаться самымъ смѣшнымъ образомъ, обладалъ дѣятельностью, положительнымъ умомъ и природнымъ литературнымъ тактомъ, изощреннымъ еще болѣе вслѣдствіе чтенія и бесѣдъ съ умными людьми. Приговоры его по поводу печатаемыхъ или приносимыхъ на его судъ рукописей, отличались рѣзкостью, лаконизмомъ, но всегда оказывались вѣрными; носъ Джемса, поминутно-верчившійся и приходившій въ соприкосновеніе съ верхней губой, тулъ успѣхъ тамъ, гдѣ его не ждали, и ловко распознавалъ, какое предпріятіе останется безъ успѣха. Онъ любилъ веселость, хорошей етоль, застольныя прибаутки, имѣлъ густой басъ и пріятно пѣлъ разгульными пѣснями, но, не смотря на то, въ компаніи сохранялъ видъ строгій и будто пасмурный. *Джонъ Беллентейнъ*, похожій на своего старшаго брата, только болѣе-приземистый и тощій, не ходившій, а скакавшій какъ сорodka, безпутный, лѣнивый, неакуратный, способный считать себя богачомъ, имѣя долговъ болѣе чѣмъ волосъ на головѣ, Джонъ Беллентейнъ оказывался способнымъ испортить всякое дѣло, разорить самое

ебя, въ то же время думая, что дѣйствуетъ очень-разумно. Несмотря на свою молодость, онъ уже нѣсколько разъ оставался безъ куска хлѣба, и вынуждался изъ бѣды, при помощи чужихъ плечъ.

Многимъ обязанъ книгопродавцу Арчибалду Констэблю описываемый періодъ великобританской словесности; вліаніе Констэбля, его примѣры и его планы во многомъ содѣйствовали нынѣшнему развитію книжной торговли, и въ Англіи трудно указать на какое-нибудь нововведеніе по этой части, котораго начало не было бы развито и испробовано эдинбургскимъ торговцемъ. Отъ изданія лучшихъ журналовъ до продажи дешевыхъ курсовъ той или другой науки, отъ компактныхъ изданій, до дѣтскихъ книжекъ съ картинками, отъ коллекцій классиковъ до живописныхъ сборниковъ — всюду, гдѣ требовалось улучшеніе, дешевизна, изящество, Констэбль находился или единственнымъ издателемъ, или компаньйономъ или совѣтникомъ. «Эдинбургское Обзорѣніе», лучший критическій журналъ того времени, основано на деньги Констэбля: много писателей, талантливыхъ и любимыхъ публикой, открыты и пущены въ ходъ Арчибалдомъ, въ короткое время доведшимъ цѣнность литературной собственности до предѣловъ, за которыя она не переступила до-сихъ-поръ, и долго еще не переступитъ. Въ спорахъ о достоинствѣ того или другаго произведенія, Констэбль былъ скромнѣе и оставлялъ въ покоѣ знатоковъ дѣла; но тамъ, гдѣ выступала на сцену коммерческая сторона вопроса, являлся упрямымъ и непреклоннымъ. Изъ тысячи предпріятій, говоритъ Локгартъ, затѣянныхъ Констэблемъ, ни одно не оставалось безъ успѣха, если только онъ самъ не бросалъ его безъ вниманія: вещь, случавшаяся довольно-часто. Зоркость и ловкость Констэбля не всегда были соединены съ осторожностью, или, лучше сказать, часто онъ самъ, подъ вліаніемъ вѣчнаго успѣха, презиралъ осторожность, какъ качество не для него пригодное. Въ лучшихъ его замыслахъ имѣлось много чисто-артистическаго; обдумывая какой-нибудь новый, блестятельный оборотъ, Констэбль лишался сна, передавалъ свой планъ друзьямъ, и, въ случаѣ опроверженій, предавался порывамъ вспыльчивости, всегда составлявшей одну изъ замѣтнѣйшихъ сторонъ его характера. Вальтера Скотта онъ любилъ очень, но отнюдь не поддавался очарованію, которое поэтъ производилъ на всѣхъ окружающихъ своими душевными и умственными качествами; самая слава будущаго романиста нисколько ни стѣсняла Констэбля въ его замѣткахъ и указаніяхъ. Много разъ, просматривая вещи, писанныя его другомъ съ особенной любовью, книгопродавецъ прямо говорилъ «Это не пойдетъ!» и не отступался отъ своего приговора до-тѣхъ-поръ, пока Скоттъ не принималъ его замѣтокъ къ свѣдѣнію и исполненію. Чуть Скоттъ сошелся съ Констэблемъ поближе, закинула дѣятельность самая

интересности. За тысячу гивей, с которыми ны говорили, названа была вторая поэма «Мармионъ», также, какъ и «Пѣснь Министрала», основанная на легендахъ феодальной Шотландіи, такая же великолепная и частностяхъ и не-совсѣмь-отчетливая въ цѣломъ, также восторженными мнѣніемъ восторгошь⁽²⁵⁾. Бездѣлки, писанныя поэтомъ для отдохновенія теченіе двухъ или трехъ лѣтъ, послѣ выпуска въ свѣтъ его первой поэмы, какъ-то: реченіи новыхъ книгъ — обширная статья объ Оссианѣ, и два остроумные этюда по поводу разныхъ сочиненій о кулѣ, вступили въ «Эдинбургское Обозрѣніе». Въ то же время, по совѣщаніи съ Кенстэблемъ, Скоттъ предпринялъ трудъ медленный и весьма-полезный, въ видѣ красиваго и, во дѣлѣ своей, всѣмъ доступнаго изданія англійскихъ классиковъ, съ комментаріями и біографіями издаваемыхъ поэтовъ. Джекъ Драйденъ, поэтъ плодовитый, но писавшій въ періодъ упадка вкуса, былъ избранъ началомъ трудовъ по этой части; около того же времени Скоттъ получилъ приглашеніе обогатить вновь-предпринимавшее изданіе лучшимъ старыхъ романовъ біографіями ихъ авторовъ. Если ко всему этому прибавимъ первую часть романа⁽²⁶⁾, начатаго между дѣломъ, да еще писанною статьей, заступкою и предисловіемъ къ чужимъ книгамъ, то намъ будутъ се-

(25) Поэма эта, изданная въ началѣ 1808 года, въ первый годъ поддержала два изданія, во второй еще два, и до 1836 года была продана въ числѣ 50,000 экземпляровъ. Слѣдствіемъ такого успѣха произошла кратковременная мода на все средневѣковое и рыцарское. По словамъ Джеффри, первый годъ со времени появленія Мармиона, свѣтскія дамы и дяди только и толковали что о замкахъ, потайныхъ дверяхъ, шлемѣхъ съ забралами, турнирахъ и гербахъ. Арсеналы древняго оружія и колѣдчій старинныхъ вещей подобнаго же рода завелись во всѣхъ породныхъ домахъ. Но ужь близокъ былъ соперникъ-поэтъ, при появлении котораго мода на рыцарство не могла долго держаться. Во всякомъ случаѣ, безпримѣрный успѣхъ феодальныхъ поэмъ Скотта основанъ на красотахъ самихъ произведеній; мало того, сказанныя поэмы неоспорно подготовили публику къ ряду историческихъ романовъ, подаренныхъ имъ тѣмъ же писателемъ.

(26) «Дойдя до седьмой главы Ваверлея, я показалъ рукопись одному другу, на вкусъ котораго всегда надѣялся; но его отзывъ не могъ назваться поощрительнымъ. Имѣя нѣкоторую репутацию, какъ поэтъ и, не желая рисковать ею, я отложилъ въ сторону начатое дѣло безъ всякаго сожалѣнія. Хотя судъ моего друга и не былъ утвержденъ публикою, но это не можетъ служить доказательствомъ ошибки съ его стороны: онъ читалъ только похождения моего героя до его отъѣзда въ Шотландію. «стало-быть, только ту часть романа, которая всѣми признана наименѣе-занимательною.»

(В. Скоттъ, предисловіе къ полному изданію сочиненій.)
: Пріятель; отговѣтовавшій продолжать Ваверлея, былъ Вильямъ Эрдингъ.

вероятно понятны его слова, сказанныя, много лѣтъ потомъ, Джону Локгарту : « Да, да! (говорилъ Вальтеръ Скоттъ своему брату), дѣла были бы достаточно, чтобъ разорвать меня на кусочки ; но за-то я обладаю какой-то сумасшедшей потребностью работы. Моя кровь кипѣла какъ-будто во время лихорадки; я сознавалъ, что могу взяться за все на свѣтѣ и потягаться со всякимъ. Кроме того, чрезъ всякій трудъ я или приносилъ удовольствіе публикѣ, или пособлялъ какому-нибудь бѣдному собрату изъ числа поэтовъ, или ученыхъ людей. Подлежими представителями оборваннаго парнасонаго легіона были въ моемъ домѣ вѣчную работу, собирая матеріалы, компилируя факты, составляя указатели, дѣлая маленькія поѣздки въ ту и другую сторону. Потомъ я долженъ сказать еще одно : розыски, свѣдѣнія, пособія замѣчательнѣйшихъ людей моего времени давались мнѣ весьма-легко, благодаря моей извѣстности. Слава веселила меня и я смотрѣлъ на нее, будто на красивое перо въ шляпѣ. Всюду, всюду, особенно въ Лондонѣ, куда мнѣ случалось ѣздить по литературнымъ и другимъ дѣламъ, меня встрѣчали съ готовыми объятіями, глядѣли на меня какъ на чудо и, стало-быть, открывали доступъ повсюду. *Извѣстное имя* — это талисманъ въ Лондонѣ. Чѣмъ бы вы ни были знамениты : искусствомъ писать стихи, или рѣзать огурцы; чрезмѣрно-огромнымъ, или очень-малымъ ростомъ, умѣньемъ играть на театрѣ въ тѣ годы, когда остальныхъ людей сѣннуть розгами въ школѣ, или школьными занятіями въ тѣ годы, когда остальные люди думаютъ о смерти — вы обладатель талисмана, передъ которымъ всѣ двери отворяются... до-тѣхъ-поръ, пока общее мнѣніе не признаетъ васъ надобѣдой, или на ваше мѣсто не явится другой увеселитель публики. При такихъ условіяхъ я могъ и хотѣлъ работать много.

Едва успѣлъ Вальтеръ Скоттъ раздѣлаться съ Джономъ Драйденомъ и приняться за новый трудъ : комментаріи къ трудамъ Джонатана Свифта, какъ всыпнула ссора между поэтомъ и редакціею «Эдинбургскаго Обозрѣнія», ссора, имѣвшая послѣдствіемъ основаніе новаго журнала, съ успѣхомъ продолжающагося и до нашихъ дней. Главные и лучшіе сотрудники Френсиса Джеффри и самъ Джеффри, почти всѣ были предержащими фоксовой подпитки, между-тѣмъ, какъ Скоттъ принадлежалъ къ торіямъ и единомышленникамъ Вильяма Питта. Дѣла «Обозрѣнія», первые два года, съ его основанія, находились въ рукахъ доктора богословія Сиднея Смита, писателя, соединявшаго ученость съ природными дарованіями и, сверхъ того, остроуміе самое оригинальное. Сидней Смитъ первый водворилъ правдливость въ веденіи тогда еще новаго журнальнаго дѣла и называлъ за статьи платованіемъ и опредѣленную

цѣну. По идѣе Смита, критическому журналу не слѣдовало посвящать много страницъ политикѣ; но съ этимъ рѣшеніемъ не могъ согласиться его другъ и товарищъ Джеффри, постоянно—говорившій одно: «Наше Обзоріе» стоять на двухъ ногахъ: *правою* должна быть политика, *лѣвою* — словесность». Большинство людей, въ то время работавшихъ для известнаго журнала, скорѣе склонялось на сторону Джеффри, по своей молодости и горячности права. Войны съ Франціею, смерть Питта, кратковременное министерство Фокса и вообще бурное положеніе европейскихъ дѣлъ не мало содѣйствовали къ тому, что номера «Обзорія», вмѣщая въ себя статьи о внѣшней и внутренней политикѣ, стали расходиться быстрѣ другихъ номеровъ. Пользуясь этими обстоятельствами, Джеффри умѣлъ придать всему изданію характеръ отчасти-рѣзкій и во многомъ пристрастный. Скоттъ и его товарищи по убѣжденіямъ особенно раздражались тѣмъ, что «Эдинбургское Обзоріе» снисходительно смотрѣло на завоеванія ненавистнаго англичанамъ Наполеона Бонапарте. Крайне неумѣстны были подобныя миролюбивыя выходки въ ту эпоху, когда все государство напрягало свои силы и боролось съ гордымъ завоевателемъ; известно также, въ какой степени невѣрными оказались предсказанія виговъ на—счетъ результата борьбы. Огромное большинство находилось на сторонѣ Питта и его преемниковъ, цѣлью которыхъ было низложеніе Бонапарте. Тысячи вопросовъ второстепенныхъ, примѣшиваясь къ этимъ главнымъ, здѣсь очерченными вопросамъ, питая скрытое несогласіе между Скоттомъ и его товарищами «Эдинбургскаго Обзорія», наконецъ подали поводъ къ разрыву, невознаградимому.

Ужь въ джеффриевой рецензіи на «Пѣснь Министреля» можно подсмотрѣть начало обоюдныхъ неудовольствій; рецензія его же, по поводу второй поэмы Скотта, превосходная въ критическомъ отношеніи, заключаетъ въ себя еще болѣе аллюзій по поводу пристрастія нашего поэта ко всему старинному и феодальному (27). Будто забывалъ, что поэзія

---

(27) Лордъ Джеффри, постоянно—любимый Скоттомъ, привязанный къ нему въ—теченіе всей своей жизни, самъ даетъ нѣсколько свидѣній о томъ, подъ вліяніемъ какихъ воспоминаній писалъ онъ эти замѣтки. Во время министерства Фокса и Гренвилля послѣдовали рядъ постановленій, уничтожавшихъ нѣсколько (впрочемъ, весьма—незначительныхъ) привилегій, которыми шотландскіе суды пользовались съ незапамятныхъ временъ. Эти мѣры, показывавшія въ министерствѣ виговъ желаніе уравнивать судебныя установленія Шотландіи съ англійскими, огорчили Скотта. Джеффри и два его пріятели встрѣтили поэта на улицѣ тотчасъ послѣ рѣчи, сказанной имъ въ факультетѣ адвокатовъ по этому случаю;

рыцарскихъ временъ съ давняго времени способна вдохновлять поэтовъ, рецензентъ упрекаетъ Скотта, какъ литератора, тратящаго свой высокій талантъ на пустяки, интересныя для малаго кружка антикваріевъ. «Въ наше время (прибавляетъ онъ) также странно сочинять рыцарскую поэму, какъ, напримѣръ, строить себѣ домъ, въ видѣ аббатства, или индійской пагоды. Еще первый опытъ въ такомъ родѣ можетъ быть извиненъ, какъ милый капризъ гонія; но упорное слѣдованіе по одному и тому же пути, налагаешь на критика обязанность отвлечь поэта отъ труда бесполезнаго и неблагодарнаго». Само-собою разумѣется, что выше-приведенныя жесткія мысли смягчались, какъ заслуженной похвалой частностямъ, такъ и отрывками изъ самыхъ лучшихъ частей *Мар-жона*.

Рецензія эта, безъ-сомнѣнія, не могла доставить Скотту большаго удовольствія; но, цѣня Джеффри, какъ пріятеля, и по своимъ обширнымъ занятіямъ не имѣя времени слишкомъ принимать къ сердцу каждую журнальную строчку, поэтъ продолжалъ прежнія сношенія съ редакторомъ «Эдинбургскаго Обзорнія». Правда, наивная мистриссъ Скоттъ не упустила случая сказать Джеффри, во время обѣда, на изломанномъ англійскомъ языкѣ: «Говорятъ, мистеръ Джеффри, что вы очень выбрали Скотта въ журналъ; вѣрно мистеръ Констэблъ вамъ много далъ за это денегъ»; но эта выходка принята была какъ шутка и рассказывалась всѣмъ какъ шутка. Главная причина разрыва послѣдовала 1808 г., когда въ «Эдинбургскомъ Обзорніи» не явилась статья мистера Брума (внѣслѣдствіи лорда) о испанскихъ дѣлахъ и политикѣ французскаго императора. Прочитавъ названный этюдъ, явно воперечившій общему мнѣнію, требовавшему войны за Испанію, Скоттъ немедленно написалъ Констэблѣ записку, въ которой просилъ не присылать къ себѣ номеровъ, слѣдовавшихъ ему по подпискѣ. «Получивъ ее, книгопродавецъ тутъ же вычеркнулъ своего друга изъ списка абонентовъ, а затѣмъ прекратилъ съ нимъ (на-время) всѣ литературныя сношенія.

Послѣдствія здѣсь описанной размолвки оказались, какъ мы сейчасъ увидимъ, весьма-выгодными для англійской публики, да еще для одного ловкаго книгопродавца, менѣе-талантливаго, чѣмъ Констэблъ, но болѣе-акуратнаго и потому болѣе-счастливаго. Джонъ Муррай, лондонскій

и, замѣти волненіе Скотта, хотѣли развлечь его, дружески подшучивая надъ его страстью ко всему, что только напоминало старую Шотландію. «Не смѣйтесь, господа,» отвѣчалъ Скоттъ дрожащимъ голосомъ: «не трогайте мелочей, чтобъ не повредить старой Шотландіи въ важныхъ дѣлахъ.» Тутъ мы увидѣли, говоритъ Джеффри, слезы на его щекахъ.

торговедъ (впоследствии редакторъ байроновыхъ твореній и другъ иже поэта), свидѣвъ о несогласіяхъ между Скоттомъ и партіей «Эдинбургскаго Обозрѣнія», самъ явился въ Эмстиль, заикавалъ хохоту нѣсколько Биографій и другихъ трудовъ, по его усмотрѣнію, а потомъ навелъ его на мысль объ издааніи другаго «Обозрѣнія», лондонскаго, въ конкуренцію съ эдинбургскимъ. О томъ, какъ дѣятельно ухватились Скоттъ за эту идею, какъ быстро сформировались въ его головѣ планы и подробности по издаванію, мы много распространяться не будемъ, предпочитая представить нѣсколько замѣчательныхъ отрывковъ изъ писемъ поэта къ его лондонскимъ пріятелямъ.

«Ранѣе иурраеваго визита, я совѣтовался съ лордомъ адвокатомъ Шотландіи⁽²⁸⁾, касательно мѣръ противъ вліянія «Эдинбургскаго Обозрѣнія» и публики. Деятельность двадцатыхъ изъ числа жителей нашего Эдинбурга не раздѣляютъ мнѣніи изданія, безпрестанно-восхваляющаго политику Наполеона и утверждающаго, что самый невыгодный миръ съ Франціей лучше, нежели война съ необходимыми соперниками. Не-уже-ли мнѣніи, мнѣніи истинныхъ британцевъ не найдутъ себѣ достойнаго органа? Не-уже-ли наши противники изъ-за одного молчанія наше, будутъ продолжать свои успѣхи и приобретать новыхъ единомышленниковъ? Времени много пропущено; но лучше начать дѣйствовать познѣ, нежели сидѣть сложа руки.

Я спешу съ Гиффордомъ и онъ готовъ принять на себя должность редактора. Самъ я обѣщаю сколько угодно статей на первые номера. Насчетъ другихъ сотрудниковъ... не-уже-ли наша Англія уступитъ Шотландіи? Развѣ у васъ нѣтъ Мальтуса, братьевъ Гиббертовъ, Милла, Локвуда, Камминга, который, по своей высокой должности и силѣ съ всеми министрами, будетъ атлантомъ изданія? Еслибъ еще можно было его уговорить къ сотрудничеству — мы ишли бы геркулеса. Что стоить ему только одинъ разъ отказаться отъ министерскаго обѣда, откушать въ три часа у себя (откушать скромнѣе — ничего, крокъ выпить и кружки вина) и, сѣвши за перо, заложить основаніе хрестоматіи статейкѣ, хоть бы, нааримѣръ, въ защиту бѣдной Испаніи! Соути⁽²⁹⁾

⁽²⁸⁾ Лордъ-адвокатомъ былъ тогда Джонъ Кольтунъ, родственникъ Скотта.

⁽²⁹⁾ Робертъ Соути, другъ и школьный товарищъ Вордсворта, по которому изъ своихъ твореній относимыя къ школѣ лекціи, авторъ множества произведеній, изъ которыхъ лучшими считаются въ прозѣ «Жизнь Нельсона» и «Исторія Бразиліи», а въ стихахъ поэмы «Мадонна», «Кегама» и «Родригъ, послѣдній изъ готтевъ». Слава Соути, какъ прозаика, несопорима; но какъ поэта, онъ еще ожидаетъ окончательнаго

и, года съ три назадъ, предлагалъ работать для «Эдинбургскаго Обзоръ-нiя», но онъ отказался, единственно по причинѣ разности въ убѣжденiяхъ; для насъ онъ станеть работать тѣмъ охотнѣе, что, при его небогатомъ положенiи, гнѣей сотня въ годъ не будетъ ему лишнею... Правда, «Эдинбургское Обзорънiе» расходится иногда въ числѣ 9,000 нумеровъ; правда, Джеффри человекъ, способный писать прекрасно; но вы знаете пѣсню: генералъ Гоу храбрый человекъ, однако, есть генералы и кромѣ Гоу...»

(Письмо къ Джорджу Эллису).

«Успѣхъ «Эдинбургскаго Обзорънiя», по моему мнѣнiю, имѣеть причиною два условiя: 1) совершенную независимость изданiя отъ влiянiя книгопродавцовъ, которые умѣли сдѣлать изъ всѣхъ периодическихъ изданiй нѣчто въ родѣ пособiй сбыту своихъ книгъ и 2) постоянную плату за статьи.

Обязанности редактора трудны и многосложны. Мнѣ кажется, что, взявшись издавать по книжкѣ въ мѣсяцъ, мы не справимся: откуда набрать предметы для статей? Лучше всего, чтобъ нумеръ являлся каждые три мѣсяца; все изданiе можетъ быть названо «Англiйскимъ Обзорънiемъ» или «Трехмѣсячнымъ Обзорънiемъ». Напрасно вы, какъ редакторъ, не хотите работать сами; но, впрочемъ, занятiе вамъ найдется: у васъ будутъ рукописи, доставленныя молодыми, неопытными писателями, слишкомъ—длинные или слишкомъ—короткiя для журнала; вы, конечно, будете имѣть и охоту и право исправлять ихъ, подкладывая соль и перецъ въ чужое блюдо. Свирѣпныхъ и азардныхъ статей нужно избѣгать; вѣжливостъ прежде всего, а потомъ холодное опроверженiе,

---

привора. Поэмы его намъ кажутся многословными и тяжелыми, а содержанiе ихъ, взятое изъ отдаленной древности, или исторiи полудревнихъ народовъ, отзывается вдохновенiемъ болѣе книжнымъ, чѣмъ естественнымъ. Какъ эссеистъ, Соути заслуживаетъ великихъ похвалъ: его страшная начитанность, соединенная съ знанiемъ множества языковъ, придаетъ особенный интересъ даже самымъ пустымъ его статейкамъ. Статьи Соути, касающiяся политическихъ наукъ, къ-сожалѣнiю, затемнены въ одно время и ветерпимостью и шаткостью убѣжденiй — недостатками, доставившими автору много враговъ. Какъ человекъ, Соути отличался добрымъ нравомъ и тихою жизнью, исключительно посвященной труду. Онъ имѣлъ, при своемъ маломъ достаткѣ, едва-ли не великолѣпнѣйшую изъ частныхъ библиотекъ во всей Англiи, работалъ въ день болѣе двѣнадцати часовъ и, изнуривъ себя такою работою, послѣднiе годы жизни впалъ въ умственное разслабленiе. Соути важенъ еще въ свой периодъ какъ лучший изъ немногочислаго числа тогдашнихъ знатоковъ испанской и португальской словесности.

шутка довольно-бѣдная — вотъ что болѣе всего поразило нашихъ противниковъ...»

(Письмо къ В. Гюффордъ).

13-го декабря 1809 года вѣсти о разбитіи испанцевъ подъ Сомосьеррою дошли до Шотландіи; вслѣдъ за этимъ ужаснымъ извѣстіемъ прибыло другое: о взятіи Мадрида французами. Никогда еще между-народная ненависть англичанъ и ихъ сосѣдей не достигала такого кризиса: рѣдкій изъ англичанъ не пылалъ злобой и мщеніемъ. Письма Скотта за это время проникнуты то скорбью, то воинственнымъ духомъ; въ одномъ изъ нихъ заключается, какъ-бы восторженное восклицаніе: «Веллеслей (30) надо впередъ: Веллеслею нужно идти въ Испанію!» Понятно, что въ такой періодъ и слѣдовало открыть журналъ, способный высказать патріотическія идеи, завладѣть расположеніемъ читателей и, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать новой борьбѣ съ Наполеономъ.

«Трехмѣсячное Обзорѣніе» (Quarterly Review) появилось въ это самое время, и съ-разу приобрѣло себѣ нѣсколько тысячъ подписчиковъ. Гюффордъ, принявшій на себя, какъ мы видѣли, обязанность редактора, показалъ себя человѣкомъ чрезвычайно-ловкимъ и прозорливымъ. Несмотря на всѣ совѣты, на всѣ искушенія, онъ не захотѣлъ для временной популярности жертвовать дальнѣйшимъ успѣхомъ «Обзорѣнія»; оттого первые нумера изданія не имѣли въ себѣ ничего похожего на пафлетъ. Политическія статьи, малыя числомъ, отличались какъ приличіемъ, такъ и фундаментальностью; сторона литературная и вѣчно-занимательная стояла на первомъ планѣ. Скоттъ хорошо понималъ мысль своего друга и содѣйствовалъ ей со всѣмъ рвеніемъ своей натуры: первая книжка «Обзорѣнія» виѣщала въ себѣ три его рецензіи: «борисовыхъ посмертныхъ твореній», «хроники о сидѣ Кампеадорѣ» и «Керровой поѣздки въ Шотландію».

Констэбль, не взирая на ущербъ, причиненный Скоттомъ и Мурраемъ его интересамъ, вскорѣ послѣ появленія «Quarterly», написалъ поэту вѣжливое письмо, въ которомъ просилъ о продолженіи торговаго товарищества (31), между-тѣмъ, какъ Джеффри, вовсе неимѣвшій на-

(30) Читателю извѣстно, что герцогъ Артуръ Веллингтонъ въ то время носилъ фамилію лорда Веллеслея (Wellesley).

(31) Въ это время Джонъ Беллентейнъ, при помощи Скотта, открылъ въ Эдинбургѣ книжную лавку, и поэтъ, желая его поддержать, не могъ тогда же согласиться на предложенія Констэбля. Тѣмъ неменѣе онъ просилъ Арчибалда руководить новымъ книгопродавца своими совѣтами, а Констэбль успѣшилъ исполнить его желаніе.

эриальныхъ причинъ особенно дорожить сношеніями съ своимъ бывшимъ сотрудникомъ, часто сходился съ авторомъ «Маріюна», хотя держивался отъ посѣщеній скоттова дома, опасаясь новыхъ детскихъ выходокъ со стороны простодушной хозяйки. «Изъ всѣхъ вашихъ лондонскихъ сверстниковъ (шутя говаривалъ поэту редакторъ «Эдинбургскаго Обзорія»), мнѣ страшны только четверо. — Скоттъ. — Кто жь эти четверо?» Джеффри. — «Вошверныхъ, какой-то мистеръ Скоттъ». Скоттъ. — «Благодарю за комплиментъ и постараюсь, чтобы онъ сказанъ былъ ненаврасно». Джеффри. «Пожалуйста, Скоттъ, не браньтесь со мной очень». Скоттъ. «Васъ я люблю, а политика вашей не будетъ пошады». Джеффри. «Не вы зачинщикъ, а потому вамъ дается право быть свѣршнымъ». Скоттъ. «Не хочу я этого права. Кто ваши остальные соперники изъ числа четырехъ?» Джеффри. Джорди Эллисъ и Соути; четвертаго не назову». Вероятно, онъ разумѣлъ Каннинга. Въ этомъ же разговорѣ Джеффри просилъ Скотта снова помѣщать свои статьи въ его изданіи, обѣщаясь, въ такомъ случаѣ, не печатать никакихъ статей, относящихся до политики, но, должно быть, обѣщаніе принадлежало къ числу шутокъ (32).

Послѣ нѣсколькихъ перебранокъ и многихъ обоюдныхъ заблужденій, оба «Обзорія», Эдинбургское и Трехмѣсячное, раздѣлили между собою репутацію главныхъ (leading) журналовъ, стали на прочной ногѣ, во многомъ усовершенствовались, во многомъ испортились и затѣмъ продолжаютъ свое существованіе до нашихъ дней, несмотря ни на какую конкуренцію.

Вечеръ послѣ разрыва Вальтера Скотта съ редакціею «Эдинбургскаго Обзорія», рассказываетъ одинъ изъ друзей Локгарта, жившій въ компаніи вѣсѣлѣйшихъ людей своего времени, я провелъ пріятнѣйшій вечеръ въ компаніи двухъ величайшихъ львовъ Эдинбурга, то-есть Скотта и Френсиса Джеффри. Мы вмѣстѣ обѣдали въ одномъ домѣ и болтали до поздней ночи о тысячахъ вещей по части литературы, старинныхъ обычаевъ и настоящихъ дѣлъ. Краснорѣчіе Джеффри, его остроуміе, обиліе свѣдѣній и быстрая увлекательность разговора дѣлали его обворожительнымъ собесѣдникомъ. Скоттъ поминутно вызывалъ его на споръ, спорилъ самъ и по этому случаю выказывалъ такой же, если не бѣльшій запасъ свѣдѣній, соединенный съ горячимъ сочувствіемъ

(32) Этотъ анекдотъ переданъ Локгартомъ во второмъ томѣ скоттовой жизни; но съ-тѣхъ-поръ Джеффри его опровергнулъ въ предисловіи къ полному собранію своихъ сочиненій.

во всюду добрену и полезному. Въ разговоръ, относительно литературы, особенно шаршало то, что Джефери вѣчно забавлялъ насъ исторіями о кинкишлѣхъ прозябахъ, авторскихъ странностихъ и негиностихъ, между-тѣмъ, какъ его соперникъ во всякомъ сочиненіи, во всякомъ писателѣ, о которыхъ говорилось, отыскавалъ что-нибудь хорошия и достойное вниманія. Въ это время Джефери работалъ вѣстѣ съ Смитомъ, Брумомъ, Гернеромъ, Плайсфромъ и другими замѣчательными людьми; но, несмотря на то, всаду искалъ новыя сотрудничавы; завосмыслить его сердце было всего легче съ помощью остроумія и способности въ шуткамъ. Кто умѣлъ острить и съ талантомъ выгнать всякаго, тому страницы «Обозрѣнія» торжественно открывались. Вечеромъ Скоттъ шутилъ надъ этой слабостью Джефери и приписывалъ ей обиліе заданныхъ статей въ журналъ; Джефери же отвѣчалъ шутя, что не вѣстѣ силы идти противъ остроумія. За ставшемъ кларета, редакторъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія», чтобъ подразнить Скотта, сталъ хвалить своихъ товарищей, особенно Смита, Брума и Гернера. «Подите вы!» (сказалъ ему на это поэтъ) Смита и даже Брума я вамъ оставляю; но вамъ Гернеръ похожъ на безплоднаго быка въ Тристранѣ Шенди, котораго кормили за то, что онъ ходилъ по дугу съ важнымъ видомъ!» Веселая эта шутка возбудила общій хохотъ.

Не меньшимъ дружествомъ отличались скоттовы отношенія къ тогдашнимъ государственнымъ людямъ: его поѣздка въ Лондонъ, во время министерства Фокса, во многомъ содѣйствовала избавленію поэта отъ многихъ предубѣжденій, полученныхъ имъ въ Эдинбургѣ, гдѣ всякій споръ между лицами, принимавшими участіе въ городскомъ или областномъ управленіи, вѣчно отличался жесткостью, достойной времени грубой старой Шотландіи. Въ столицѣ Великобританіи, напротивъ, каждое значительное лицо, безъ различія вѣстѣи, оказывало всевозможныя ласки поѣзду «Послѣдняго Министреля», а министры, узнавъ, что шотландскій поэтъ хлопочетъ о вѣстѣ одного изъ производителей дѣла въ эдинбургской Судебной Палатѣ (Clerk of the Session), послѣднимъ доложить просьбу королю и увѣдомить Скотта о счастливымъ исходѣ дѣла. Во время этой же поѣздки, «шотландскаго льва» представляла принцесса Каролинъ, супругъ наследника престола, сохранявшей ту обворожительную веселость характера, которую она славилась, бывъ еще принцессою брауншвейгскою. Въ ея блекетскомъ дворцѣ Скоттъ часто обѣдывалъ и проводилъ цѣлыя вечера, читая стихи и рассказывая шотландскія сказочки, за что принцесса наградила его титуломъ «своего вѣрнаго трубадура». Въ-теченіе своихъ бесѣдъ съ ея высочествомъ, каледонскій поэтъ успѣлъ выхлопотать мессобіе наступку атракскому,

предварительно ознакомивъ принцессу съ его лучшими произведеніями (33).

Вновь полученное мѣсто окончательно избавило Скотта отъ хлопотъ, сопряженныхъ съ адвокатскими занятіями, увеличило его доходы, но обязало его проживать въ Эдинбургѣ шесть мѣсяцовъ въ годъ, во время судебныхъ засѣданій. Самые занятія по мѣсту состояли въ веденіи протоколовъ засѣданій и другихъ работъ въ такомъ же родѣ, по-большѣй-части передаваемыхъ прежними производителями дѣлъ на руки младшимъ чиновникамъ; но Вальтеръ Скоттъ имѣлъ слишкомъ-много дѣятельности, чтобъ получать жалованье за чужой трудъ: благодаря своей привычкѣ работать скоро, онъ дошелъ до возможности въ какой-нибудь часъ времени исправлять всю должность въ совершенномъ порядкѣ и, вслѣдствіе того, посвящать остальное время на литературныя труды.

За всѣ эти годы домъ Вальтера Скотта какъ въ Эшстилѣ, такъ и въ Эдинбургѣ, могъ назваться постояннымъ пріютомъ дружбы и семейнаго счастья. Въ 1808 году поэтъ имѣлъ ужъ четырехъ дѣтей: Софію, Вальтера, Анну и Карла; такъ-какъ старшей дочери еще не минуло десяти лѣтъ, то поэтъ неслишкомъ-много занимался воспитаніемъ своего юншества. Отъ дѣтей требовалось только, чтобъ они не дичились, не боялись лошадей и большихъ собакъ, плакали какъ можно меньше и *всегда говорили правду*. Дѣти всегда сидѣли за общимъ столомъ, учили наизусть старинныя баллады, обязаны были знать всѣ тропинки и развалины, посѣщаемыя во время общихъ прогулокъ, и, вмѣстѣ съ собаками и домашнимъ сѣрымъ котомъ, имѣли право всегда входить въ кабинетъ безъ доклада и играть тамъ, какъ бы отецъ ни былъ занятъ. Софія и Вальтеръ учились ѣздить верхомъ, и тотъ день, въ который они начали сами держаться на маленькихъ лошадакахъ, ознаменовался общей семейной радостью. Черезъ годъ, или два, Вальтеръ убилъ изъ ружья дикую утку. «Это событіе (пишетъ Скоттъ къ своему другу Мёрриту), обрадовало меня столько же, какъ успѣхъ какой-нибудь моей книги» (34).

(33) Въ воспоминаніе этихъ вечеровъ, принцесса Каролина валлійская, по прочтеніи первыхъ пѣсень Марміона въ рукописи, препроводила въ Шотландію, на имя Скотта, большую серебряную вазу старинной работы.

(34) В. Скоттъ долго не давалъ дѣтямъ въ руки своихъ сочиненій. Софія Скоттъ ужъ было около 12 лѣтъ, когда Джеймсъ Беллентейвъ спросилъ ее, читала ли она поэму подъ названіемъ «Дѣва Озера», что такъ хорошо продается въ его лавкѣ? «Нѣтъ,» отвѣчала дѣвочка: «мама не даетъ намъ своихъ стиховъ, потому-что она очень-лѣзхи, а дѣтямъ не

VIII.

«Дѣва Озера». — Предостереженія со стороны друзей. — Держь, пристрастный къ охотѣ. — Успѣхъ новой поэмы. — Байронова Сатира. — Дѣла Байрона съ «Эдинбургскимъ Обзорникомъ». — Вліяніе байроновой поэзіи на труды юности Скотта. — Сближеніе двухъ востокъ. — Писанна Скотта и Байрона. — Приирегентъ; его отзывы о Скоттѣ. — Свиданіе Скотта съ Байрономъ. — Занятіи Скотта. — Байронъ, его поэтический талантъ, веселость, пороки и страсти. — Важные дары. — Последнее свиданіе. — «Ромби»; достоинства и недостатки поэмы. — Популярность Байрона вредитъ успѣхамъ Скотта. — Денежныя дѣла. — Покупка Абботсфорда; описаніе книгъ.

Третья поэма Вальтера Скотта, извѣстная подъ названіемъ «Дѣвы Озера», явилась въ свѣтъ гѣтомъ 1810 года ⁽³⁵⁾. «Въ то время, когда я трудился надъ этою поэмою (разсказываетъ самъ ея авторъ) въ Эштилѣ проживала старая пріятельница нашего семейства, имѣтельница миссъ Ротерфордъ, ровесница мнѣ по годамъ и сестра во всемъ остальному. Нѣсколько разъ спрашивала она меня: почему я вставъ такъ рано, и узнавъ о существованіи новаго стихотворнаго произведенія, нѣсколько огорчилась. «Добрый другъ», сказала она мнѣ, «Бога-радъ не рискуй съизнова. Ты самъ еще неполнѣ знаешь сколько ты имѣтельница: повѣрь мнѣ, въ твоемъ положеніи неудача будетъ ужасна. Не гдѣзь выше, чтобъ не свалиться». Я отвѣчалъ ей словами Монтроза:

Боятся тотъ своей судьбы,
Иль крови не имѣть,
Кто уклонился отъ борьбы
И вдаль идти не смѣть!

«Сверхъ-того», прибавилъ я, «нужно сдѣлать рѣшительный опытъ. Если онъ не удастся, нужно покориться и всю жизнь писать прозой: это меня не огорчитъ и не испортитъ моего аппетита».

слѣдуетъ читать плохихъ стиховъ.» Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказалось, что мальчики видѣли книгу «Дѣву Озера», будто бы съ именемъ Вальтера Скотта. Одинъ изъ гостей, желая удостовѣриться, то ли ребенокъ не имѣетъ понятія о славѣ своего отца, спросилъ Вальтера: «Какъ ты думаешь, Ватти, за что твоего отца такъ все хвалятъ и почитаютъ больше, чѣмъ другихъ твоихъ родственниковъ?» Мальчикъ, получивъ нѣсколько времени, отвѣчалъ: «За то, что онъ всегда первый идетъ подъ кустомъ зайца.»

⁽³⁵⁾ Единственными издателями поэмы были братья Беллентейны. Костѣль, не участвуя въ выгодахъ, давалъ имъ много полезныхъ пособій во время печатанія и продажи. За поэму Скоттъ получилъ болѣе 2000 гиней; въ одинъ годъ она имѣла шесть изданій въ числѣ 20,000 экземпляровъ; затѣмъ, до 1836 года «Дѣва Озера» во всѣхъ изданіяхъ разошлась въ числѣ 50,000 экземпляровъ.

«Вообще нужно признаться (продолжаетъ Скоттъ), я не былъ спокоенъ на-счетъ успѣха. Многимъ изъ слушателей мои отрывки несомнѣнно нравились. Не могу забыть, между-прочимъ, какъ одинъ изъ друзей охолодиль мой восторгъ на самомъ эффектномъ мѣстѣ крайне-оригинальнымъ замѣчаніемъ. Этотъ другъ⁽³⁶⁾, страстный любитель охоты вслѣдствіи, воспитанный въ деревнѣ, вполне вознаграждалъ нѣкоторые недостатки своего образованія поэтическимъ тактомъ, здравымъ, природнымъ вкусомъ и замѣчательными умственными способностями. Мнѣ хотѣлось узнать его мнѣніе о поэмѣ; заманивъ его въ Эшсталь, я сталъ, послѣ обѣда, читать рукопись. Пріятель мой сидѣлъ молча, облокотясь на столъ и подпирая лобъ рукою. Молча прослушалъ онъ описаніе оленьей охоты до того мѣста, гдѣ разсказывается, какъ собаки кинулись въ воду вслѣдъ за своимъ господиномъ. Но тутъ, къ изумленію моему, слушатель вскочилъ съ громкимъ крикомъ, стукнулъ рукою по столу и закричалъ недовольнымъ голосомъ: «Всѣ собаки пропалутъ: можно ли ихъ пускать въ воду послѣ такой горячей гонки!» Впрочемъ, я былъ отчасти доволенъ восхищеніемъ, потому-что оно выказывало со стороны моего Нимврода немалое сочувствіе къ ходу разсказа. Другая его замѣтка, на-счетъ странствующаго рыцаря, была мнѣ неприятебъ, но я принялъ ее къ свѣдѣнію. Онъ съ первыхъ строкъ узналъ въ рыцарѣ короля Іакова — обстоятельство, которое должно оставаться какъ-нельзя-болѣе скрытымъ до конца произведенія. Я рѣшился поступить подобно ирландскимъ почтальйонамъ, пускающимъ коней вскачь только при самомъ концѣ переѣзда».

Въ «Дѣвѣ Озера», какъ и въ послѣдующихъ поэмахъ Вальтера Скотта, замѣтенъ огромный шагъ впередъ, показывающій всю прозорливость поэта и его способность примѣнять къ дѣлу указанія критиковъ. Вмѣсто бѣдной канвы, испещренной превосходными арабесками, мы уже видимъ передъ собой планъ мастерски-придуманннй и выполненный такъ искусно, что даже прозаическій переводъ всего произведенія представить собою если не романъ, то оживленную, занимательную повѣсть, основанную на историческихъ событіяхъ. Мѣсто дѣйствія избрано вблизи Единбурга и въ самой столицѣ, въ тревожныя времена короля Іакова V-го, по своей жизни и любви къ гарун-аль-рашидовскимъ похождениямъ, отчасти напоминавшаго собой того Ричарда Плантагенета, котораго такъ гениально обрисовалъ Скоттъ въ его «Ивангое». Вообще, Вальтеръ Скоттъ, начиная съ «Дѣвы Озера», въ своихъ стихотворныхъ произведеніяхъ является на столько же романистомъ, на сколько, впо-

(36) Карлъ Скоттъ, лордъ Но-Сотскій и двоюродный братъ поэта.

судства и был поставлен в своих романах. Каждое из лучших «Обзрѣній» того времени указало на замѣчательный внѣшній интерес «Девы Озера» и отдало ему должную справедливость; а известныи им Джорджъ Эллисъ даже рекомендовалъ ее автору, но отбѣсился риджскими временами и историческими эпизодами, подарить публикѣ какую-нибудь истинную шотландскую повѣсть, въ которой бы могъ онъ привлечь читателя съ новою Горной Шотландіи, ее меланхолическими красотами, оригинальными нравами жителей, ихъ родными поэмами и предрассудками ⁽³⁷⁾.

«Успѣхъ «Девы Озера», (говорилъ В. Скоттъ) заставилъ меня подумать, что мнѣ наконецъ удалось вбить гвоздь въ непоколебимое колесо фортуны. Но уже на литературномъ горизонтѣ явился на сцену членъ, которому суждено было отбросить въ уголокъ всѣхъ своихъ творческихъ покровъ. Возвращаясь изъ поездки къ восточнорландскимъ озерамъ, испустивъ наданіи моего «Маріона», я нашелъ и прочиталъ сатиру лорда Байрона, подъ названіемъ: «Британскіе барды и шотландскіе критики». Какъ известно, первое произведеніе благороднаго лорда, подъ этимъ названіемъ: «Часы Праздности», въ 1807 или 8 году, Ф. Джеффри предлагалъ помѣщать въ «Эдинбургскомъ Обзрѣніи». Рецензія ⁽³⁸⁾ эта такъ

⁽³⁷⁾ См. Quarterly Review за 1810 годъ.

⁽³⁸⁾ Сказанная рецензія принадлежитъ не Джеффри, а Генр. Брунн (впослѣдствіи лорду). Въ англійскихъ обзрѣніяхъ статьи не подписываются. Правда, что лучшие рецензенты узнаются по ихъ слогу. Манера Брунна весьма-сходна съ манерой Джеффри, оттого и нападеніе на первые опыты байроновой музы долго относилось насчетъ редактора. Еще въ 1831 году Quarterly Review, разбирая Мурову «Жизнь Байрона», относилась жестокость эдинбургской критики къ желанію оскорбить молодого поэта за его званіе лорда. Джеффри хладнокровно перенесъ всѣ обвиненія, на разные запросы отвѣчая очень-резонно: «стихи были плохи и заслуживали своей участи». Когда ему было сказано, по какой же причинѣ, изъ тысячи плохихъ стихотворныхъ книжекъ, вы устремили стрѣлы своего остроумія на байронову? онъ съ неменьшей справедливостью отозвался: «по своему общественному положенію поэтъ имѣлъ право на рецензію; а сверхъ-того порядочные стихи, изрѣдка мелькавшіе въ его книгѣ, показывали въ немъ поэта, все-таки болѣе стоящаго вниманія, нежели весь рой поэтовъ, о которыхъ «Обзрѣніе» и упоминать не желало». Весь этотъ споръ происходилъ изъ одного желанія вздорить: «Часы Праздности» слабы и журналъ могъ ихъ осудить съ полной справедливостью, тѣмъ болѣе, что это собраніе первыхъ трудовъ Байрона, по предисловію и содержанію нѣкоторыхъ пьесъ, поражало тѣмъ высокоуміемъ, которое постоянно составляло одну изъ особенностей поэта, высокоуміемъ, которое одна однажды чрезъ всю послѣдующую, блистательную дѣятельность.

оскорбляя холодаго поэта, что онъ и сочинилъ сатиру, въ которой безъ разбора отдѣлялъ и друзей и недруговъ. Между-прочимъ, досталось и мнѣ за то, что я описываю рыцарей, а между-тѣмъ беру по тысячѣ гиней за свою поэмку. Я названъ былъ «корыстолюбивымъ сыномъ Аналона», и такъ далѣе. Обиженіе въ корыстолюбіи оскорбля меня не могло; я перечелъ сатиру со вниманіемъ и конечно примѣтилъ въ ея авторѣ присутствіе первокласснаго дарованія. Забавно то, что Байронъ выбралъ меня совершенно понапрасну: чуть ли не я одинъ изъ лицъ, близкихъ къ Джеффри, замѣтилъ ему, тотчасъ же послѣ начатіи жесткихъ выходовъ о «Часахъ Отдохновенія», слишкомъ рѣзкій, непріятный тонъ статейки! Вообще, даже и послѣ прочтенія «Британскихъ Бардовъ» я не питалъ къ Байрону ни особенной злобы, ни особеннаго уваженія. Въ 1811 году я прочелъ начало Чайльдъ Гарольда. Сперва я не могъ переварить охлажденія, мизантропіи, духа сомнѣнія и гордости, которымъ отличалась поэма; но, перечитавъ ее съизнова, долженъ былъ признать необыкновенное дарованіе поэта и дивилась могуществу этого дарованія.»

Книгопродавецъ Джонъ Муррай, о которомъ мы уже говорили, желая сблизенія между двумя поэтами, поспѣшилъ передать лорду Байрону лестные отзывы Скотта и свѣдѣнія о восторгѣ, причиняемомъ автору «Пѣсни Министреля» поэзіей «Чайльдъ-Гарольда». На это Байронъ, кромѣ обычныхъ любезностей, отвѣчалъ просьбою передать Вальтеру Скотту отъ его имени, что его высочество принцъ-регентъ, встрѣтившись съ нимъ недавно на частномъ балѣ, сдѣлалъ нѣсколько въ высшей степени похвальныхъ отзывовъ о Скоттѣ и всѣхъ его поемахъ. «Я тѣмъ болѣе обязанъ передать нашъ разговоръ Скотту (приваливъ къ этому Байронъ), что считаю себя передъ нимъ очень-виновнымъ за непріятныя выходки въ сатиру?» Результатомъ этихъ обоюдныхъ нѣжностей оказалась переписка между двумя поэтами, часть которой приводится здѣсь въ нѣкоторомъ сокращеніи (39).

(39) *To the Right Honourable Lord Byron. etc., etc.*

Эдинбургъ, 3 іюля 1812.

Милордъ, обязательныя извѣстія, переданныя вами черезъ общаго нашего друга, Муррая, даютъ мнѣ смѣлость потревожить васъ, вопервыхъ, изъявленіемъ моей искренней благодарности, а вовторыхъ, однимъ объясненіемъ, котораго я не могу избѣгнуть, высоко цѣня доброе мнѣніе людей, подобныхъ вамъ, милордъ.

Что касается до благодарности за наслажденіе, доставленное мнѣ чтеніемъ «Чайльдъ-Гарольда» и предшествующихъ твореній вашихъ, то она можетъ только усилиться отъ благосклонныхъ отзывовъ вашихъ

Во второмъ своемъ письмѣ къ Байрону, Вальтеръ Скоттъ пригласилъ благороднаго лорда, въ случаѣ, если ему издумается совершить поѣздку во Шотландію, посѣтить его сельское уединеніе и взглянуть на своихъ шотландскихъ поклонниковъ. Но, вопреки обоюдному желанію, личное свиданіе между двумя поэтами произошло не ранѣе 1815 годъ, когда скоттова знаменитость увеличилась изданіемъ въ свѣтъ первыхъ его романовъ, а Байронъ, кромѣ послѣдующихъ нѣсень «Чайльд-Га-

насчетъ моихъ твореній, отзывомъ тѣмъ болѣе для меня драгоценнымъ, что они помѣщены въ творенія, писанномъ съ сатирическою илью^(*). Дорожа вполне мнѣніемъ вашимъ, я считаю себя въ-правѣ сдѣлать нѣсколько замѣтокъ по поводу выгодъ, доставленныхъ мнѣ поэмою «Мармонтъ». Поза эта, милордъ, не была заказана по контракту, или продана еще печатною, хотя я долженъ признаться, что денежные затрудненія и обстоятельства семейныя вынудили меня получить деньги ранѣе ея изданія въ совершенно-отдѣланномъ видѣ.....

Любя литературу и посвятивъ ей себя, я отказался для нея отъ зажитковъ, которыя почти, безъ-сомнѣнія, дали бы мнѣ и богатство и служебныя почести, еслибъ я имъ отдался исключительно. Безъ стыда скажу, что на этомъ основаніи считаю себя въ-правѣ извлекать вознагражденіе черезъ нѣкоторую привязанность публики къ моимъ произведеніямъ, и такимъ образомъ къ простому обезпеченію присоединять нѣкоторыя удобства жизни. Вотъ мое оправданіе, милордъ, единственно-вынужденное мнѣ уваженіемъ къ вашему гению, и еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что сатира ваша, какъ я слышалъ, не будетъ, по собственному вашему желанію, имѣть новыхъ изданій. Ваше доброе мнѣніе мнѣ дорого; передъ публикой я не сталъ бы оправдываться, тѣмъ болѣе, что образъ моей жизни, хорошо всѣмъ извѣстный, достаточно защищаетъ меня отъ всѣхъ обвиненій въ жадности, или скупости.....»

Остальная часть письма заключаетъ въ себѣ нѣсколько замѣтокъ о «Чайльд-Гарольдѣ», и шуточный запросъ о томъ: не преувеличилъ ли Муррай въ своемъ письмѣ любезности отзывомъ принца-регента. Байронъ отвѣчалъ слѣдующимъ посланіемъ.

To Walter Scott Esq. Edinburgh.

6 іюля 1812.

Сэръ, я только-что получилъ письмо, которымъ вы меня почтили. Ваше объясненіе на-счетъ проказъ моей молодости огорчило меня, показавъ, что вы считаете это дѣло достойнымъ вашего вниманія. Я былъ очень-молодъ и очень-золь, когда писалъ сатиру; я безразсудно изливалъ на всѣхъ брань и колкости, за-то нынѣ воспоминаніе о моей брани иногда являетъся мнѣ въ видѣ грознаго привидѣнія. Не могу достаточно отблагодарить васъ за похвалу вашу, а затѣмъ, оставляя свою персону, перехожу къ принцу-регенту. Онъ потребовалъ на одномъ балѣ, чтобъ меня ему пред-

(*) Въ поэмѣ «English bards» Байронъ, называя Скотта корыстнымъ дѣльникомъ (Амалона), однакожъ, отдастъ справедливость достоинствамъ его поэмъ.

рольда», успѣлъ подарить Англіи не одно новое произведеніе своего блестящаго гения ⁽⁴¹⁾.

Весной 1815 года (мы соединили въ настоящемъ разсказѣ большую часть свѣдѣній, сообщенныхъ Скоттомъ изустно и письменно на счетъ своего знакомства съ Байрономъ), будучи въ Лондонѣ, я послѣднимъ увидѣться съ моимъ заочнымъ другомъ. Печатныя сплетни и городскіе слухи приготовили меня къ свиданію съ какимъ-то фантастическимъ чудачкомъ, и хоть я имъ не очень вѣрилъ, но иногда серьезно думалъ о томъ, способны ли мы на то, чтобъ полюбить другъ друга. Къ удовольствію моему, я обманулся. Чрезвычайная вѣжливость и даже ласковость манеръ байроновыхъ меня обворожили. Каждый день мы сходились на часъ, или на два, въ гостиной Муррай и каждый разъ не могли наговориться достаточно. Кроме-того, въ-теченіе цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ мы безпрестанно видались на вечерахъ и обѣдахъ. Я не могъ насмотрѣться на красоту лорда Байрона. У Борнса были самыя дивныя глаза въ свѣтѣ, но Байронъ весь подходилъ къ идеалу поэта, идеалу, которымъ остался бы доволенъ самый восторженный изъ артистовъ. Измѣнчивое выраженіе его свѣтлыхъ глазъ, изящнѣйшее очертаніе лба, подбородка и въ-особенности рта, не передаваемо, да и не передастся ни въ одномъ портретѣ. На портретѣ вы видите люстру, но эта люстра не зажжена! Лицо Байрона — это дивная

ставили, и, послѣ нѣсколькихъ ласковыхъ замѣтокъ, касательно моихъ трудовъ, завелъ рѣчь о васъ и о вашихъ «безсмертныхъ дѣянiяхъ» (immortalities). Онъ предпочитаетъ васъ всѣмъ бардажъ, древнимъ и новымъ. На трудный вопросъ регента о томъ, которая изъ вашихъ поэмъ мнѣ больше нравится, я назвалъ «Пѣснь послѣдняго Министреля». Говоря о другихъ поэмахъ, я сказалъ ему : «Скоттъ долженъ-быть, по моему мнѣнію, названъ поэтомъ королей — его короли въ «Маріонѣ» и «Дѣвѣ Озера» описаны превосходно». Съ этимъ принцъ согласился, прибавивъ, что ваши изображенія «Джемсовъ» и величественны и полны поэзіи. Муррай нисколько не преувеличилъ его отзывомъ; напротивъ, вся ихъ ласковость и пріятность не можетъ быть вамъ передана въ сухомъ изложеніи...

⁽⁴¹⁾ Между прочимъ Скоттъ получилъ въ подарокъ отъ автора экземпляръ Гюра съ шутивой надписью : *парнасскому новеллетелю отъ одного изъ его подданныхъ*. Вообще Байронъ платилъ Скотту за его къ себѣ чувства полнѣйшимъ сочувствіемъ. Вотъ что говоритъ онъ о шотландскомъ поэтѣ въ своихъ замѣткахъ : «Глушцы тѣ, которые хотятъ сдѣлать изъ меня нѣчто въ родѣ скоттова соперника. Я предаю Скотту какъ человѣку и дивлюсь его дарованіямъ. Я до энтузіазма люблю его стихи. Его романы — цѣлая новая область въ словесности. Противникамъ, видно, надобно слышать, что Скоттъ во всемъ первый и они злятся, какъ авиняне злились на справедливаго Аристанда.

грѣза, a thing to dream of. Одна прекрасная женщина тогдашняго свѣта, имя которой часто произносится вмѣстѣ съ его именемъ, разсказывала которому-то изъ общихъ нашихъ пріятелей, какъ она, увидявъ Байрона въ первый разъ на балѣ, узнала его сама посреди толпы, и не могла отвести отъ него глазъ, и сама сказала себѣ: «Судьба моя въ этотъ блѣдномъ лицѣ!»

Съ Байрономъ мы говорили о словесности, о чужихъ краяхъ, о политикѣ; наши мнѣнія во многомъ сходились. Байронъ гордился своею знатностью и своимъ именемъ — въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; многія его мнѣнія отзывались шаткостью молодости и въ-особенности являлись гордой натурой.

Я не нашелъ въ Байронѣ особенной начитанности, особенно по части старыхъ историческихъ сочиненій и вообще старыхъ книгъ; но его врожденный поэтический тактъ и сочувствіе ко всему истинно-поэтическому не имѣли предѣловъ. Имѣя случай, въ-теченіе моей жизни, достаточно копаться въ старыхъ фолиантахъ и слышать много произведеній древней народной музыки, я часто развлекалъ Байрона разсказами о предметахъ для него новыхъ. Однѣмъ разъ я прочелъ ему мою любимую балладу о Гарджанутѣ: слушая ее, Байронъ пришелъ въ такое волненіе, что гости, находившіеся въ другой комнатѣ, выбѣжали къ намъ, думая, не случилось ли чего съ моимъ собесѣдникомъ.

Байронъ часто бывалъ унылъ, даже мраченъ; въ этихъ случаяхъ не слѣдовало его развлекать, и я всегда ждалъ очень-спокойно, чтобъ тоска решѣлась и тѣни оставили его лице подобно тому, какъ туманъ поднимается отъ земли кверху. По-временамъ замѣчалъ я въ немъ признаки подозрительности, и онъ смотрѣлъ вокругъ себя, какъ-будто желая поймать того или другаго изъ говорившихъ съ нимъ лицъ, въ какомъ-нибудь зломъ, потаенномъ умыслѣ. И въ подобныхъ случаяхъ я старался вести себя какъ можно проще и откровеннѣе; да и самъ Байронъ могъ ли опасаться серьезнаго нерасположенія съ моей стороны? Правда, я очень-хорошо зналъ, какъ много тѣни брошено на мою извѣстность его славою, на мои труды его дивными произведеніями; но замѣтливый человѣкомъ я едва-ли могу назваться; а судьба, не одаривъ меня талантами Байрона, вознаградила этотъ недостатокъ, надѣливъ меня душевнымъ спокойствіемъ и способностью къ счастливой жизни.

Еще однимъ великимъ недостаткомъ лорда Байрона можно назвать иногда посѣщавшую его страсть къ мистификаціямъ и злымъ шуткамъ; корень означенной склонности заключался въ его натурѣ, исперченной съ дѣтства. Однѣмъ разъ Вильямъ Беккъсъ выразилъ Байрону свое удивленіе, вслѣдствіе чтенія одного изъ его посвященій, въ которомъ

пѣвнй мистеръ Гобгоузъ, пріятель поэта, превозносился до небесъ, по едва-ли по заслугамъ. «Чему вы удивляетесь?» отвѣчалъ Байронъ: «это Гобгоузъ самъ написалъ о себѣ. Онъ надоѣдалъ мнѣ до-тѣхъ-поръ, пока я ему не далъ пера въ руки и не сказалъ: пиши самъ все, чтѣ захочешь». Вся исторія не имѣла въ себѣ частицы правды: посвященіе писалъ самъ Байронъ. Сверхъ-того, онъ любилъ, особенно передъ малознавшими его поклонниками, представляться мрачнымъ, угрюмымъ, прозносить рѣчи и намѣки совершенно-зловѣщіе.

Негодованіе свѣта, его клеветы и признаки справедливаго неодобренія дѣйствовали на Байрона одинаково-дурно. Онъ старался вести себя еще хуже, давать злословію еще большую пищу, будто говоря: «А! вы меня не любите, такъ вотъ же вамъ — злитесь еще больше».

Послѣднее мое свиданіе съ лордомъ Байрономъ произошло въ 1815 же году, послѣ моего возвращенія изъ Франціи. Мы обѣдали вмѣстѣ съ нимъ, актеромъ Матюзомъ, другимъ театральнымъ джентльменомъ Терри, который передѣлывалъ для сцены мои романы, и менѣ двоюроднымъ братомъ, Скоттомъ-Гала. Это былъ одинъ изъ самыхъ веселыхъ дней моей жизни. Подобно гомеровымъ героямъ, мы обитывались ларамъ на прощанья: я подарилъ Байрону великолѣпный кинжалъ въ золотой оправѣ, когда-то принадлежавшій странному Эльфу-Бею. Но мнѣ пришлось сыграть роль Діомеда (который, какъ извѣстно, получалъ даръ болѣе-цѣнный, чѣмъ свое приношеніе), потому-что Байронъ вскорѣ послѣ того прислалъ мнѣ огромную погребальную урну изъ серебра, найденную, вмѣстѣ съ мертвыми костями, около аонской стѣны. Я помню, какъ самъ лордъ сѣлся по случаю своего мрачнаго подарка. При вазѣ находилось письмо, которое я хранилъ внутри ея; но оно потомъ пропало. кто-нибудь изъ моихъ гостей не устоялъ противъ искушенія завладѣть автографомъ поэта.

Вліяніе байроновыхъ произведеній отразилось на первой поэмѣ Скотта «Рокби», изданной въ свѣтъ черезъ два года послѣ «Дѣвы Озера». Чрезвычайная популярность всѣхъ произведеній шотландскаго барда оправдывала его желаніе состязаться съ пѣвцомъ Гяура и Гарольда, а совѣты и требованія скоттовыхъ поклонниковъ даже требовали поэтическаго турнира между блестятейшими изъ рыцарей своего времени. Подобно нормандскому витязю въ «Ивангое», который перемѣнилъ доспѣхи и коня при появленіи новаго соперника, низложившаго всѣхъ его товарищей, Скоттъ совершилъ всѣ приготовленія съ великой заботливостью, не отказавшись даже усвоить себѣ часть тѣхъ особенностей, которыя дали лорду Байрону такую быструю извѣстность. Очень-хорошо замѣтивъ пристрастіе, оказываемое публикой къ героямъ самымъ мрач-

нынѣ, онъ выбралъ себѣ въ число главныхъ дѣствующихъ лицъ одного изъ тѣхъ буханьбровъ ⁽⁴²⁾, кортесовъ въ маломъ видѣ, наводившихъ самые отдаленные края земнаго шара слухами о своихъ отчаянныхъ походахъ. Мѣстомъ дѣйствія поэмы Скоттъ избралъ самый штильнѣйшій уголокъ Шотландіи — глубокую долину рѣки Греты, на берегахъ которой находятся замки : Рокби (мѣстопребываніе скоттова друга Морринса), Барнардскій и Мортгемскій, тщательно изучивъ всѣ окрестности. Онъ посвятилъ имъ въ своемъ новомъ произведеніи цѣлый рядъ превосходныхъ пейзажей. Сверхъ-того, Скоттъ старался по возможности избѣгать обычной своей небрежности въ стихѣ и обогатилъ поэму большимъ числомъ балладъ, написанныхъ съ любовью и стараніемъ. Со всѣмъ тѣмъ успѣхъ «Рокби», хотя и могъ назваться удивительнымъ, показалъ съ неоспоримой ясностью, что время популярности начало проходить для шотландскаго барда ⁽⁴³⁾. Самъ Локгартъ, крайне-взвѣснѣйшій судья во всемъ, что относится до заслугъ Вальтера Скотта, приписывая нѣкоторую холодность публики шутившимъ нападкамъ Томаса Мура, все-таки говоритъ, что главная причина неудачи заключалась въ «Чайльдъ-Гарольдѣ». «Рокби», съ своими красками и нѣсколькими любопытными частностями, много терпѣла при сраженіи». Къ этому не мѣшаетъ прибавить, что сказанная поэма Скотта, отличаясь занимательностью, грѣшила тѣмъ же, чѣмъ грѣшатъ лучшіе романы того же писателя. Матильда, героиня поэмы, в Вильфридъ, влюбленный въ нее юноша, отличались нестерпимой безцѣвностью,

---

⁽⁴²⁾ Такъ назывались въ XVII-мъ столѣтіи пираты, отправлявшіеся изъ Европы къ берегамъ Ост- и Вестиндіи, грабившіе тамъ корабли европейскіе и туземные, и кромѣ-того, дѣлавшіе частыя высадки на берега, и повременамъ завоевывавшіе цѣлыя провинціи. Войны королевы Елизаветы съ испанцами породили безчисленное множество корсаровъ. Религіозная и политическая ненависть, существовавшая между Англійей и Испаніей оправдывала всѣ ихъ жестокости. Въ школѣ Дрека, Ралейга и Фробшера образовались первые буханьбровы (тоже называемые флибустьерами), не хотѣвшіе окончить своихъ прибыльныхъ операций даже и по заключеніи мира. Въ Англии новыя имѣются семейства, одолженные своимъ богатствомъ грабительству предковъ-буханьбровъ.

⁽⁴³⁾ Въ первые три мѣсяца экземпляровъ «Рокби» разошлось до 10,000, но затѣмъ продажа приостановилась. Тѣмъ неменѣе, денежные выгоды, доставленныя поэмою, могли назваться огромными, а успѣхъ ея очень-значительнымъ. Во многихъ мѣстахъ новаго своего произведенія Скоттъ, видимо, соперничалъ съ Байрономъ и довольно-удачно тронулъ «байроновы струны». Описаніе Ризингама совершенно напоминаетъ собой изображеніе Коирада (въ Корсарѣ).

безцвѣтностью, еще сильнѣе поражавшею отъ своего контраста съ энергической, безподобно-схваченной фигурой Бертрама Ризингама.

За нѣсколько времени до изданія «Рокбѣ», приведя свои денежные дѣла чрезъ успѣхъ «Дѣвы Озеры» и изданіе небольшой патріотической поэмы, въ которой прославлялась настоящая борьба Испаніи съ Франціей («Видѣніе донъ Родрига»), въ положеніе самое удовлетворительное, Вальтеръ Скоттъ началъ серьезно помышлять о приобрѣтеніи хорошаго помѣстья, и, если можно, то въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ прошло его дѣтство. Въ глазахъ поэта красота мѣстоположенія была первымъ условіемъ; а такъ-какъ, по его мнѣнію, окрестности Мельрозскаго Аббатства могли назваться однимъ изъ прелестнѣйшихъ мѣстъ во всемъ свѣтѣ, то Скоттъ недолго колебался въ выборѣ. Чуть наступилъ срокъ эштыльской арендѣ, онъ успѣвшия купить помѣстье, подходившее къ самому аббатству, на томъ мѣстѣ, гдѣ рѣку Твидъ можно перейти вбродъ, отчего ферма, съ принадлежащею къ ней землею, слыва за подъ названіемъ Абботсфорда. Эти-то съ небольшимъ сто акровъ удобной земли, впоследствии увеличенные новыми покупками, нынѣ украшенные садами, рощами и готическимъ абботсфордскимъ замкомъ, служили основаніемъ помѣстья, къ которому столько лѣтъ стекались туристы изъ всѣхъ краевъ Европы. Ферма абботсфордская, до покупки ея Скоттомъ, принадлежавшая доктору Дугласу, находилась, отъ беззаботности прежняго своего хозяина, въ совершенномъ запущеніи: на поляхъ не расло ничего, кромѣ вереска; при бѣдномъ господскомъ домикѣ имѣлись, изъ хозяйственныхъ принадлежностей, только одинъ сарай, огородъ и грязный прудъ, вѣчно-покрытый стаемъ домашнихъ утокъ; но за-то окна дома выходили прямо на Твидъ, такъ любимый Скоттомъ; Мельрозское Аббатство красовалось невдалекѣ, и отъ эсельдонскихъ холмовъ къ самому броду шла древняя дорога — гигантскій остатокъ военныхъ построекъ во время римскаго владычества. Довольно-большое количество полей, показанныхъ при продажѣ неудобными къ воздѣлыванію, шло по берегамъ Твида, только ожидая умнаго хозяина. Тутъ новый помѣщикъ вознамѣрился посѣять дубовый лѣсъ, и его предпріятіе, сначала возбуждавшее смѣхъ между сосѣдами, удалось какъ-нельзя болѣе (44).

Кое-какъ помѣстившись съ семействомъ въ старомъ домѣ (45),

(44) Еще болѣе шутокъ возбудило желаніе Скотта насѣять около дома каштановую рощу; но тутъ онъ самъ поневолѣ раздѣляя общій хохотъ: каштаны, выпсанные нарочно изъ Испаніи, оказались *печеными*.

(45) Вотъ какъ описываетъ В. Скоттъ, въ письмѣ къ леди Эльварлей, свое переселеніе изъ Эштыля: «Всѣ сосѣди-поселяне сбѣжались смотрѣть. ХСІІІ. — Ота. II.

Вальтеръ Скоттъ воспѣшивалъ увеличить его разными пристройками для удобства посѣтителей, и въ то же время приступилъ къ постройкѣ коттеджа въ націоннѣ, но простомъ стилѣ, къ разведенію садовъ, улучшенію нивъ и покосовъ. Все имѣніе стоило ему 4000 фунтовъ стерлинговъ (24,000 р. с.). Покупая его, онъ отложилъ значительную сумму на постройки и улучшенія во хозяйствѣ, а потому всѣ работы пошли быстро и новый домъ строился недолго. Скоттъ занимался сельскимъ хозяйствомъ съ любовью, съ наслажденіемъ; а безпрестанное улучшеніе его финансовыхъ дѣлъ каждый годъ давало ему возможность прикупать новыя поля и задумывать новыя постройки. Скоро и новый коттеджъ сдѣлался только временнымъ жилищемъ помѣщика, а въ мѣну его началъ строиться, по плану лучшихъ архитекторовъ того времени, величавый замокъ, съ башнями и галереями, въ готическомъ стилѣ старой Англіи.

трѣть на обозъ съ своими вещами, и точно, вся процесія способна была возбудить хохотъ не въ однихъ земледѣльцахъ. Цѣлая выставка старыхъ мечей, луковъ, копій, кольчугъ и круглыхъ щитовъ, украшенная присутствіемъ другихъ, болѣе-современныхъ и употребительныхъ въ обществѣ предметовъ, представляла, особенно при переправѣ черезъ Твидъ, нѣчто цыганское и достойное кисти Кальйо. Индѣйка съ пылятами сдѣла въ огромномъ шлемѣ какого-то витязя нашихъ пограничныхъ странъ; даже на коромъ, кажется, взвалили часть мушкетовъ. За караваномъ бѣжала толпа румяныхъ, оборванныхъ ребятисекъ съ удочками и копьями, немощавшимися на повозки, другіе бѣжали въ видѣ зрителей, и вся сцена могла назваться крайне-живописною.

«Несмотря на переѣздъ и издержки, несмотря на довольно-шаткое положеніе денежныхъ дѣлъ, я, какъ ребенокъ, продолжаю покупать оружіе и всякаго рода рѣдкости; да, мало того, ужъ вознамѣрился прикупить еще кусокъ земли съ горами и красивыми, но безплодными, оврагами. Я не въ-силахъ протавиться искушенію: при землѣ этой есть озеро, въ пандавъ къ Твиду — кто можетъ устоять при такомъ соблазнѣ?»

III.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1853 ГОДУ.

Статья третья и послѣдняя.

Вскобщая исторія. — Приступая къ обзору сочиненій по части всеобщей исторіи за 1853 годъ, мы остановимся прежде всего на замѣчательной статьѣ г. Кудрявцева о сочиненіяхъ Т. Н. Грановскаго ⁽¹⁾: она относится къ вопросу о современномъ состояніи исторіи и указываетъ впервые, если не ошибаемся, на задачу такой важности, что съ выполненія ея исторія станетъ наукою вполне-положительною.

Извѣстно, какъ часто и громко повторяется мнѣніе о томъ, что исторія не наука. Самъ ученый редакторъ «Москвитянина», повицимому, разделяетъ такое мнѣніе, помѣщая въ отдѣлѣ иностранной словесности, на ряду съ повѣстями и романами, переводныя сочиненія иностранныхъ историковъ. Французы до-сихъ-поръ относятъ историческія сочиненія къ разряду изящной словесности (de belles lettres), какъ бы вовсе исключая ихъ изъ области науки. Въ этомъ мнѣніи есть своя доля правды: исторія не стала еще вполне наукою, но ужъ сознаетъ тѣ условія, при соблюденіи которыхъ займетъ почетное мѣсто въ ряду наукъ положительныхъ. Какія это условія и на сколько они до-сихъ-поръ выполняются — вотъ вопросъ, который постараемся разсмотрѣть при свѣтѣ мыслей, высказанныхъ г. Кудрявцевымъ. Это послужитъ самымъ

⁽¹⁾ Эти сочиненія суть: рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Московскаго Университета, о современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи, и о физическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніи къ исторіи — письмо Эдвардса къ Тьерри.

приличнымъ вступленіемъ къ нашему обзору историческихъ сочиненій 1853 года.

Первый вопросъ, который задаетъ историкъ при изученіи событій, состоитъ въ томъ, достоверно ли переданы они очевидцами и другими современными писателями, и этотъ вопросъ вполне можетъ быть рѣшенъ съ помощью того строгаго критическаго метода, который приобритенъ для исторіи Нибуромъ. Такъ-какъ вѣрное пониманіе и критическая оцѣнка свидѣтельствъ о событіяхъ — трудъ чисто-филологическій, будетъ всегда первымъ дѣломъ историка, то напрасно говоритъ г. Грановскій, что исторія по-необходимости должна выступить изъ круга наукъ философическихъ. Справедливѣе мнѣніе, что исторія и должна быть наукою исключительно-юридическою, да и дѣйствительно она ужъ освободилась отъ этой ограниченности и стремится теперь къ изученію всѣхъ сторонъ жизни народовъ, а не одной государственной и не однихъ международныхъ отношеній. Этимъ расширеніемъ своей сферы она обязана трудамъ Гиббона, Шлоссера и Гизо. Многие ужъ сдѣлано для такой полноты историческаго знанія эпохъ прошедшихъ, но еще болѣе остается сдѣлать. Другая, болѣе-великая заслуга Гизо, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что онъ первый энергически высказалъ и съ наибольшимъ успѣхомъ привелъ въ исполненіе мысль объ органической цѣлости исторіи. Дѣйствительно, историческія событія, во тѣсной между собою связи, образуютъ одну непрерывную цѣпь, послѣднія звенья которой составляютъ явленія современныя, а первыя принадлежатъ самой отдаленной древности. Такимъ образомъ исторія должна изобразить всю жизнь человѣчества, какъ одинъ непрерывный, необщій процессъ. Такое пониманіе дѣла даетъ смыслъ, значеніе и должное мѣсто какъ цѣлой жизни народовъ, такъ и отдѣльнымъ въ ней событіямъ. Безъ него исторія была бы не болѣе, какъ сборомъ страствованій не по различнымъ странамъ, а по различнымъ болѣе или менѣе отдаленнымъ эпохамъ; а съ этимъ взглядомъ она дѣлаетъ первый шагъ въ область науки. Замѣтимъ, однакожь, что такое построеніе исторіи, какъ одного цѣлаго организма, мы должны строго отличать отъ философскаго ея построенія на основаніи какой-либо теоріи, вовсе неизвлеченной изъ фактовъ и привнесенной извнѣ. Подобныя построенія, какъ, наприимѣръ, гегелево, не приносятъ почти никакой пользы наукѣ. Съ этой же точки зрѣнія на исторію раскрывается и существенная, практическая польза ея изученія.

Неразрывная связь событій приводитъ къ убѣжденію, что настоящее вытекаетъ изъ прошедшаго и только имъ и можетъ быть объяснено въ самой своей сущности; съ другой стороны — что прошедшее опредѣляетъ и будущее. Дѣйствительно, прошедшія событія развиваютъ новыя потребности, даютъ новое направленіе силамъ народа, указываютъ новыя цѣли для достиженія. Успѣшно содѣйствовать дальнѣйшему развитію невозможно, не понимая настоящаго положенія и прошедшихъ судебъ, потому-что

ное истинное развитіе совершается всегда на основѣ прошедшаго. Истинное, разумное совершенствованіе возможно только при значительномъ историческомъ образованіи.

Чтобъ быть вполне наукою, исторія не должна, однакожь, довольствоваться однимъ изображеніемъ жизни человѣчества, хотя бы она и была представлена въ послѣдовательныхъ своихъ моментахъ, какъ одинъ прерывный процессъ, а должна еще разъяснить этотъ процессъ, опредѣливъ, что въ немъ развивается, по какимъ законамъ онъ протекаетъ, какіе продукты онъ производитъ въ различныхъ моментахъ своей. Относительно отдѣльныхъ событій, ужь давно вошло въ обычай выяснять ихъ свойствами народа, его состояніемъ въ данную эпоху, и, что то же, обстоятельствами времени и, наконецъ, личностью тѣхъ историческихъ дѣятелей, которые принимали наибольшее въ нихъ участіе. Тотъ же аналитическій методъ долженъ быть приложенъ и ко всей совокупности событій. При всемъ своемъ разнообразіи, исторія должна быть возведена къ единству началъ, которыя въ ней дѣйствуютъ и развиваются. Подлежать въ ней развитію природныя свойства и соотвѣтствующій имъ быть народовъ, въ совокупности своей составляющихъ человѣчество. Развитіе это совершается по общимъ основнымъ законамъ человѣческой природы, которые, относительно отдѣльно о человѣка, положительно дознаны новою психологіею, а по отношенію къ цѣлому человѣчеству еще должны быть найдены исторіею по аналогіи съ названною нами наукою. Причина, производящая процессъ исторіи, можетъ быть также опредѣлена изъ основныхъ свойствъ человѣческой природы, равно и конечная цѣль процесса, которая, будучи еще далеко впередъ, разумѣется, не можетъ быть ясно сознаваема нами. Итакъ, человѣческая природа съ ея основными формами, свойствами и законами—вотъ первоначально-данное, къ которому восходитъ наша наука, и, восходя на эту высоту, получаетъ имя философіи исторіи. Не особые проявленія человѣческой природы въ каждомъ отдѣльномъ народѣ—этотъ первоначальный бытъ и отличительныя свойства, съ которыми народы выступаютъ на поприще своего историческаго развитія, требуютъ еще объясненія, и оно должно быть найдено исторіею съ помощью другихъ наукъ, а не философіи. Г. Грановскій въ рѣчи своей указываетъ на географическую и физиологическую основы для нашей науки. Дѣйствительно, можетъ возникнуть такой вопросъ: не опредѣляются ли отличительныя, природныя свойства народа вліяніемъ страны, въ которой онъ живетъ, и особою тѣлесною организаціею, которая въ немъ преобладаетъ? Г. Грановскій даетъ нѣсколько-преувеличенное значеніе географическимъ условіямъ; но справедливому замѣчанію г-на Кудрявцева вліяніе ихъ далеко не такъ постоянно и не обнимаетъ цѣлой судьбы народа, а простирается только на первоначальную пору его жизни. Въ-самомъ-дѣлѣ, нельзя отрицать поразительнаго соотвѣтствія между большею частью странъ и населяющихъ ихъ народовъ. Но изъ

этого еще не слѣдуетъ, что характеръ и судьба народа опредѣлены вліяніемъ страны. Укажемъ на мнѣніе противоположное, которое имѣетъ за себя авторитетъ Шеллинга и которое столько же служитъ къ объясненію замѣчнаго соотвѣтствія. Это мнѣніе состоитъ въ томъ, что, при первомъ и при общемъ разселеніи народовъ, каждый избралъ себѣ для постоянного жительства страну, свойства которой наиболѣе соотвѣтствовали его внутренней натурѣ, а внутренняя его натура опредѣлилась степенью религіознаго его развитія. Впрочемъ, и при такомъ пониманіи дѣла наложеніе географическихъ условій не можетъ быть устранено изъ исторіи, какъ по вліянію ихъ на первоначальный бытъ народовъ, такъ и потому, что по нимъ можетъ быть точнѣе опредѣлено, какія свойства должны быть признаны природными (1).

Что касается до фізіологическихъ признаковъ, которые отличаютъ одну породу отъ другой, то мы не считаемъ возможнымъ объяснить ихъ происхожденіе отличительныхъ внутреннихъ свойствъ народовъ, хотя и нельзя отрицать нѣкотораго между ними соотношенія. Важно было бы для историка привести ихъ въ такую связь между собою, что по одной изъ этихъ данныхъ можно было бы съ достовѣрностью заключить о другомъ. Тогда, предполагая еще, что были бы собраны точныя эмпирическія свѣдѣнія о всѣхъ древнѣйшихъ и новыхъ обитателяхъ земл. можно было бы съ точностью рѣшить весьма-важные и трудные вопросы о происхожденіи, или породѣ, разселеніи, первоначальныхъ свойствахъ и образѣ жизни народовъ малоизвѣстныхъ и загадочныхъ въ исторіи, каковыя пелазги, этруски, индіане, скифы, гуны и др. Но это только *ria desideria*: фізіологическія свѣдѣнія объ этихъ и другихъ народахъ далеко не собраны, да едва-ли и будутъ когда-либо собраны такъ, чтобъ можно было поручиться за ихъ достовѣрность. Важно ужъ и то, что задача этого рода постановлена, сдѣланы весьма-неплохія попытки къ ея рѣшенію, а пылливость ученыхъ новѣйшаго времени не медлитъ приступить и къ дальнѣйшему ея разъясненію. Остается намъ сказать о фізіологическихъ данныхъ почти то же, что ужъ сказано было о географическихъ: изъ нихъ невозможно объяснить происхожденія отличительныхъ свойствъ народовъ, но нельзя не признать, что, съ одной стороны, географическія и фізіологическія данныя, а съ другой, эти свойства суть явленія другъ другу параллельныя; а потому, на основаніи первыхъ, можно положительно сказать, какими свойствами надѣленъ народъ отъ природы, и, разумѣется, это заключеніе должно быть подтверждено болѣе или менѣе постояннымъ ихъ проявленіемъ въ исторіи. Устраняя вопросъ о происхожденіи, не можемъ не указать въ этомъ отношеніи на примѣръ другой, родственной науки, которая, благодаря пре-

(1) Разумѣется тѣ, которыя соотвѣтствуютъ природѣ страны—все-равно. Предполагается ли при этомъ вліяніе страны на народъ, или что страна избрана послѣднимъ, сообразно съ его характеромъ.

Бразованіахъ берлинскаго профессора Бенке, стала вполне-положительною и можетъ силѣ равняться съ другими естественными науками. Новая психологія, о которой здѣсь идетъ рѣчь, сводитъ всё безконечныя различія между отдѣльными людьми къ двумъ главнымъ пунктамъ: 1) къ различію основныхъ свойствъ, которыми одарены ихъ чувственныя, въ внѣшнему міру обращенныя силы, и 2) къ различію моментовъ образованія, то-есть обстоятельствъ воспитанія и цѣлой жизни, причемъ совершенно устраняетъ отъ себя вопросъ, въ какой связи это различіе основныхъ свойствъ съ различною тѣлесною организаціею людей, потому-что этотъ вопросъ неразрѣшимъ. Опредѣливъ основныя свойства лица, опытный психологъ останавливается на нихъ, какъ на первоначально-данномъ, и потомъ слѣдитъ за ихъ развитіемъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, образованія и жизни. Почему бы и историкъ не послѣдовать въ этомъ случаѣ примѣру психолога, тѣмъ болѣе, что и тотъ и другой равно изучаютъ человѣческую природу, только въ различныхъ размѣрахъ? Положимъ, что историческій матеріалъ, пужный для воззоданія всѣхъ прошедшихъ эпохъ, былъ бы собранъ въ возможной полнотѣ и очищенъ критически; что всѣ эпохи изображены, какъ рядъ исследовательныхъ моментовъ одного всеобщаго, историческаго процесса; что философія исторіи нашла законы и всеобщія начала этого процесса; наконецъ, положимъ, что, принявъ къ свѣдѣнію географическія условія страны и физиологическія данныя, историкъ опредѣлилъ бы отличительныя природныя свойства, съ которыми народы выступаютъ на поприще своего развитія; оставалась бы еще одна великая и собственно-историческая задача, именно: по примѣру психологіи, опредѣлить моменты образованія, то-есть обстоятельства и событія ихъ жизни, въ которыхъ съ одной стороны выразились, съ другой развились, видоизмѣнились и пополнились новыми чертами данныя природою свойства народовъ. Тогда исторія стала бы ужъ вполне наукою положительною. На эту-то послѣднюю задачу и указываетъ г. Кудрявцевъ въ прекрасной статьѣ своей. Онъ поясняетъ ее многими примѣрами, которые показываютъ, что каждая великая историческая эпоха не только отражаетъ въ себѣ народный характеръ, но и придаетъ ему новыя свойства, новыя отгѣнки, отчего съ ходомъ исторіи не только не стираются, но еще увеличиваются народныя особенности. Только для полноты нашего очерка считаемъ нужнымъ прибавить, что эти-то видоизмѣненія первоначальныхъ отличительныхъ свойствъ народныхъ и первоначальнаго ихъ быта и суть продукты того процесса, который должна изобразить и объяснить исторія.

Еслибъ съ высоты этихъ научныхъ требованій мы обратились вдругъ къ обзору вышедшихъ у насъ въ прошедшемъ году историческихъ сочиненій, то намъ пришлось бы назвать весьма-немногія по предмету древней исторіи, въ которыхъ отчасти выполнены нѣкоторыя изъ этихъ требованій. Въ-самомъ-дѣлѣ, изъ всѣхъ отдѣловъ исторіи наиболѣе посвя-

стались исторія древнихъ классическихъ народовъ, главнымъ образомъ потому, что для ея изученія существуютъ у насъ «Проклятыя», сборникъ, издаваемый ученымъ вполнѣ-привычнымъ въ эту дѣлу, г. Леонтьевымъ.

Въ книжкѣ нашего журнала за ноябрь 1853 г. помѣщенъ былъ подробный обзоръ статей третьей книги «Проклятыя». Поэтому здѣсь мы только упомянемъ о сочиненіяхъ чисто-историческаго содержанія. Это: 1) *Исторія Греціи до персидскихъ войнъ*, г. Леонтьева. Съ особенною подробностью рассмотрѣна внутренняя исторія Спарты и Аѳинъ, какъ главныхъ представительницъ эллинизма. Относительно Аѳинъ, въ этомъ сочиненіи наиболѣе замѣчательно самостоятельное изслѣдованіе вопроса о составѣ родовыхъ іонійскихъ филъ — вопроса, чрезвычайно-важнаго, потому-что отъ его рѣшенія зависитъ пониманіе законовъ Солона, Клисоена и вообще всего постепеннаго развитія Аѳинскаго Государства. Къ тому же предмету относится 2) специальное изслѣдованіе г. Куропи *О дарованіи Клисоевомъ гражданскихъ правъ метѣкамъ-иностранцамъ и метѣкамъ-рабамъ*. Здѣсь объяснено значеніе загадочныхъ словъ: метѣки-рабы; но авторъ присоединилъ ошибочное мнѣніе о происхожденіи цѣлаго класса метѣковъ и несовсѣмъ-вѣрно оцѣнилъ самую мѣру Клисоена. 3) Статья г. Грановскаго — *Чтенія Нибура о древней исторіи*, знакомить съ манерою знаменитаго изслѣдователя и его воззрѣніями на главнѣйшія событія и лица греческой исторіи во время пелопонесской войны. 4) *Римскія женщины по Тацитѣ: Агриппина-младшая и Понпея Сабина*, г. Кудрявцева. Это сочиненіе изображаетъ не только названныя лица, но и самую эпоху римскихъ цезарей. Въ рецензіи, помѣщенной въ нашемъ журналѣ, сообщены изъ него главнѣйшія событія изъ жизни Сенеки, причемъ обращено вниманіе на противорѣчіе между ученіемъ и жизнью знаменитаго философа-моралиста.

Не исключая изъ области исторіи развитія философскаго мышленія, не можемъ не сказать здѣсь нѣсколько словъ о сочиненіи, которое справедливо гордится бы любая европейская ученая литература. Мы говоримъ объ «*Очеркахъ древнѣйшаго періода греческой философіи*» г. Каткова, которые первоначально напечатаны были въ «Проклятыя» (кн. I и III), а послѣ вышли особою книгою. Это самое замѣчательное изъ всѣхъ ученыхъ сочиненій, появившихся въ прошедшемъ году: оно все основано на самостоятельныхъ, глубокихъ изслѣдованіяхъ самого автора и вполнѣ разъясняетъ древнѣйшій періодъ греческой философіи, который до-сихъ-поръ оставался неяснымъ, несмотря на труды Гегеля, Риттера, Брандиса и другихъ философовъ и ученыхъ Западной Европы. Мы не можемъ входить въ подробности при общемъ обзорѣ нашей литературы, на первый разъ обозначимъ только причины, почему этотъ древнѣйшій періодъ философіи доселѣ оставался не-

натымъ, и укажемъ на главнѣйшія въ этомъ дѣлѣ заслуги г. Каткова, познакомивъ по-крайней-мѣрѣ съ его воззрѣніемъ на предметъ. Древнѣйшія системы философскаго мышленія оставались до-сихъ-поръ непонятны главнѣйшимъ образомъ потому, что отъ нихъ уцѣлѣли только фрагменты, только отрывочныя изрѣченія философовъ. Чтобъ дать имъ какой-либо смыслъ, чтобъ связать ихъ въ одно цѣлое, новѣйшіе изслѣдователи рѣшились пополнять ихъ собственнымъ мышленіемъ и прибѣгали къ самымъ произвольнымъ толкованіямъ, придумывали, какъ говоритъ г. Катковъ, Богъ знаетъ что, чтобъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Произволь ихъ доходитъ въ этомъ дѣлѣ до такой степени, что, напримѣръ, изъ исторіи философіи Гегеля можно только узнать, что приходило въ голову этому нѣмецкому философу по поводу того или другаго древняго изрѣченія, а вовсе не древнѣйшую греческую философію. Съ этимъ вошюющимъ злоупотребленіемъ связано еще другое: какъ-бы забывая, что между нами и тѣми древними философами лежатъ два съ половиною тысячелѣтія съ безконечнымъ множествомъ событій, которыя могли совершенно измѣнить образъ мышленія и выраженія; изслѣдователи не выходятъ изъ круга привычныхъ имъ понятій, и древнимъ изрѣченіямъ даютъ тотъ же смыслъ, какой могли бы они имѣть только въ наше время; оттого и происходятъ самыя странныя смѣшенія понятій и, вмѣсто смысла, безсмыслица. Дѣло въ томъ, что они недовольно отрѣшились отъ собственнаго своего мышленія, не проникли въ духъ и міросозерпаніе той отдаленной эпохи и не поняли, какое вліяніе должны были имѣть религіозныя выраженія того времени на философское мышленіе. Такъ вода Фалеса, огонь Гераклита и прочія стихіи, упоминаемыя древними философами, не имѣютъ для новѣйшихъ изслѣдователей другаго значенія, кромѣ того матеріальнаго, какое и до-сихъ-поръ связано съ этими рѣченіями. Но третій, также существенный ихъ недостатокъ состоялъ въ томъ, что они не опредѣляли точно предмета и содержанія древнѣйшей философіи, не поняли, что она была философією природы, и поэтому ходили какъ-бы ощупью и во тьмѣ, а между-тѣмъ еще древніе называли этихъ философовъ физиологами въ томъ смыслѣ, что они старались понять процессъ природы. Не углубляясь въ общее содержаніе древнѣйшихъ системъ, они также поверхностно, однимъ характеристическимъ словомъ показывали и отличія ихъ между собою, отдавая каждой изъ нихъ какъ-бы въ монополію какую-либо одну стихію. Такъ, по ихъ мнѣнію, все ученіе Фалеса заключалось будто-бы въ томъ, что начало всего есть вода въ обыкновенномъ, матеріальномъ смыслѣ этого слова, послѣ чего придумывали объясненія, почему и какими образомъ такая странная мысль пришла въ голову этому физиологу. Анаксимену отдавали воздухъ, Гераклиту—огонь, Эмпедоклу—все четыре стихіи разомъ, и дѣло было кончено; но только мышленіе ихъ вовсе оставалось непонято. Вслѣдствіе такого поверхностнаго

взгляда на предмет не было никакой возможности вѣрно представить внутреннюю послѣдовательность философскихъ системъ древнѣйшаго періода; оставалось только прибѣгнуть къ произволу, что и сдѣлалъ Гегель. Прибавимъ, какъ-бы въ извиненіе самимъ себѣ, что легко винить теперь и Гегеля, и Риттера, и другихъ ученыхъ историковъ философіи послѣ того, какъ дѣло уже сдѣлано г. Катковымъ и въ изслѣдованіи его возстановленъ истинный смыслъ всей древнѣйшей греческой философіи. Какимъ же путемъ пришелъ г. Катковъ къ истинному ея пониманію, отъ котораго такъ далеки были всѣ предшествовавшіе ему изслѣдователи?

Основное его положеніе состоитъ въ томъ, что исторія философіи, какъ въ цѣломъ своемъ объемѣ, такъ и въ каждомъ отдѣльномъ періодѣ, несмотря на все разнообразіе системъ, представляетъ существенное единство мышленія. Только при поверхностномъ взглядѣ кажется, что различные мыслители и школы взаимно противорѣчатъ и уничтожаютъ другъ друга; но кто глубже всматривался въ дѣло, тотъ убѣжденъ, что, напротивъ, въ основѣ всѣхъ этихъ системъ лежитъ одно общее воззрѣніе, одно и то же содержаніе, и что каждый мыслитель только выражалъ его по-своему съ какой-либо одной стороны; отсюда и мнимыя между ними противорѣчія. Это основное положеніе, которое относится къ цѣлому развитію философіи, г. Катковъ умѣлъ превосходно примѣнить къ древнѣйшему, фрагментарному ея періоду. Онъ обнявъ его однимъ взглядомъ, представилъ всѣ школы какъ одно цѣлое, и отрывочныя изрѣченія древнихъ философовъ взаимно уяснили и восполнили другъ друга, сложились сами собою для образованія цѣлаго смысла. Онъ несомнѣнно показалъ, что одно общее ученіе о процессѣ природы, одна основная система развивается всѣми древнѣйшими мыслителями; но такъ-какъ самый процессъ проходитъ рядъ послѣдовательныхъ моментовъ, то ученіе cadaго изъ отдѣльныхъ мыслителей представляетъ его въ какомъ-либо одномъ изъ этихъ моментовъ, и есть не болѣе, какъ отрывокъ одной общей системы. Итакъ, древніе философы должны быть названы фрагментарными, не потому только, что ученіе ихъ сохранилось въ отрывкахъ, но и по самому содержанію и характеру своего мышленія. Такъ съ истинной точки зрѣнія опредѣлился и общій предметъ древнѣйшаго мышленія и лежащая въ глубинѣ внутренніи различія между отдѣльными его системами. Этимъ же воззрѣніемъ устраненъ всякій произволъ и даже всякое личное сужденіе со стороны изслѣдователя, и г. Катковъ излагаетъ ученіе древнѣйшихъ философовъ ихъ же собственными словами, опредѣляя только, сообразно съ ихъ духомъ и міросозерцаніемъ, въ какомъ смыслѣ должны быть поняты тѣ слова. Въ изслѣдованіи его не найдемъ никакой посторонней примѣси, ничего чуждаго и несвойственного эпохѣ, имъ изображаемой.

Группируя и сличая уцѣлѣвшіе фрагменты, онъ показалъ, что древніе греческіе философы ясно различали умозрѣніе отъ знанія, осно-

аннаго на одноѣ показаніи вѣдѣній чувствъ, и почти исключительно цѣнили первое. «Созерцай умомъ, говоритъ Эмпедоклъ, а не глазами». «Плохи свидѣтели, по словамъ Гераклита, глаза и уши людей, имѣющихъ варварскія души». И чѣмъ далѣе шло развитіе мышленія, тѣмъ недовѣрчивѣе становилось оно къ показанію чувствъ. Элеаты, отвергая всякое движеніе, тѣмъ самымъ обнаруживали полное недовѣріе къ свидѣтельству вѣдѣнія опыта. Изъ приводимыхъ г. Катковымъ (см. стр. 81 и 82 «Очерковъ») изреченій Демокрита видно, до какихъ тонкостей доходили древніе философы даже въ выраженіи своихъ мыслей объ этомъ предметѣ. Можно ли послѣ этого придавать матеріальное значеніе ихъ ученію о стихіяхъ? Углубляясь въ это ученіе, г. Катковъ рѣшительно устраняетъ всякое чувственное представленіе и всѣ привычныя намъ понятія, какія теперь возникаютъ въ насъ при словѣ: «огонь», «воздухъ» и т. п. Слова эти имѣли другое, отвлеченное значеніе для древнихъ мыслителей. Гераклитъ прямо говоритъ, что его огонь не есть то, что мы видимъ при горѣніи, не пламя; въ другомъ мѣстѣ онъ прямо называетъ его душою и духомъ и обозначаетъ его сущность слѣдующимъ сильнымъ словомъ: «міръ въ своей основѣ есть *огнь вѣчно-живой*». Слѣдовательно, подѣ словомъ «огонь», разумѣли они нѣчто духовное, основу космоса. Потому эта основная существенность представлялась имъ въ состояніи перехода къ бытію вещественному, и различныя степени ея овеществленія обозначали они различными стихіями: огонь, вѣчно-живой, переходитъ въ воздухъ, потомъ въ воду, далѣе въ землю. И самое слово «стихіи» (отъ гр. *στειχω*, нѣм. *steigen*, ступать) означаетъ ступени и, по мысли философовъ, именно ступени, по которымъ основная міровая сущность переходитъ на степень бытія вещественнаго. Съ другой стороны, ничего не можетъ быть поверхностнѣе, какъ придавать каждому древнему физиологу какую-либо одну стихію исключительно. Всѣ они, напротивъ, въ различныхъ стихіяхъ видятъ одно и то же: измѣненія одной и той же сущности.

Такъ, группируя фрагменты, г. Катковъ раскрываетъ настоящій ихъ смыслъ, сообразно съ собственными понятіями древнихъ мыслителей.

Уразумѣвъ общее, основное ученіе древнѣйшей философіи, г. Катковъ опредѣляетъ и внутреннюю послѣдовательность отдѣльныхъ системъ ея не по произволу, а согласно съ сущностью самого процесса, бывшаго предметомъ мышленія: послѣдовательность системъ соответствуетъ послѣдовательности моментовъ самого процесса.

Познакомивъ читателя съ основными положеніями г. Каткова и съ существенными свойствами его изслѣдованія, мы прибавимъ только, что въ первой его части авторъ излагаетъ одни вѣдѣнія историческія данныя — условія, при которыхъ развивалась философія въ древнѣйшій свой періодъ, указываетъ на связь съ предшествовавшимъ мифологическимъ развитіемъ, изслѣдуетъ мѣру вліянія племенныхъ особенностей

на особое направление и видное проявление отдельных философских учений, и представляет блестящие очерки великих личностей Пифагора, Ксенофана, Гераклита и Демокрита. Много новизны, поражающей своею глубиною и вѣрностью, мыслей высказано и въ этой части изслѣдованія; но во второй ужъ излагается самая сущность дѣла, то есть внутренняя исторія философскихъ системъ. Сначала изслѣдователь воспроизводитъ основныя черты той общей системы, которая проходила чрезъ все школы, и въ каждомъ мыслителѣ выражалась какини-либо изъ своихъ моментовъ; а потомъ переходитъ къ главной, заключительной своей задачѣ, и представляетъ очеркъ древнѣйшихъ системъ и ихъ послѣдовательномъ преемствѣ, какъ степеней, или моментовъ одной общей системы. Такимъ-образомъ, непонятный доселѣ древнѣйшій періодъ греческой философіи, теперь разъясненъ окончательно, и ему должна произносить имя г. Каткова съ благодарностью.

Съ глубиною и вѣрностью мышленія авторъ «Очерковъ» соединитъ еще и другое достоинство. Какъ-нельзя-лучше владѣетъ онъ некоторыми богатствами нашего роднаго слова и умѣетъ ими пользоваться для выраженія самыхъ глубокихъ и отвлеченныхъ мыслей, не прибѣгая къ техническимъ терминамъ философіи. Подъ-часъ нельзя не удивиться, съ какою свободою и легкостью выражаетъ онъ самыя трудныя мысли. Ясность, отчетливость, простота и сила — вотъ отличительныя свойства его рѣчи.

Какъ ни рѣзокъ и труденъ переходъ, а мы все-таки безъ оговорокъ приступимъ къ разсмотрѣнію историческихъ сочиненій одного изъ сотрудниковъ «Москвитянина», г. Гуренко. Этотъ молодой авторъ очень любитъ громкія фразы и пышныя, много-объщающія заглавія. Одну изъ своихъ статей называетъ онъ: *Новѣйшій взглядъ на законодательство Ликурга* (1), и, не прочитавъ, подумавъ, что взглядъ точно новъ и, пожалуй, чего добраго, выработанъ самимъ авторомъ. Впрочемъ, съ первыхъ же строкъ статьи успокоиваешься, види, что это все тотъ же взглядъ Грота, обстоятельно-изложенный у насъ г-мъ Леонтьевымъ въ третьей книгѣ «Прописевъ», и несравненно-слабѣе въ статьѣ г. Гуренко. Въ послѣдней встрѣчаются, впрочемъ, незначительныя отступленія, которыя ни на чемъ не основаны. Такъ, напримеръ, политическое устройство Спарты приписывается самому Ликургу, и авторъ видитъ въ немъ какъ-бы умышенное возвращеніе къ полумифической старинѣ отъ безначалія X и IX вѣковъ. По поводу нѣкаго раздѣленія Ликургомъ поземельной собственности, авторъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ-собою, и сначала допускаетъ это раздѣленіе относительно Спарты и ближайшей ея окрестности, а потомъ вторитъ, вслѣдъ за Гротомъ, что до этого предмета ликургова дисциплина вовсе не касалась.

(1) См. Москв. 1853, № 7.

главное второй статьи того же автора: *Война Пелопонесская, или историческое исследование по источникамъ* ⁽¹⁾ обличает — милое, но довольствоваться должны мы очень-малымъ — однимъ анекдотомъ. Какъ-бы не полагался на догадливость своихъ читателей и истинно, авторъ снѣмать предугадывать ихъ, что сочиненіе его — языкновенная компиляція, а опытъ историческаго исследования не имѣетъ. Но на повѣрку оказывается, что главнѣйшимъ и почти единственнымъ его источникомъ были «Чтенія о древней исторіи» Нибура. Мѣстами же авторъ знакомъ и съ самимъ Фукидидомъ. Основательное изученіе Фукидида дало бы ему возможность не такъ избравить е положение дѣлъ въ Греціи передъ началомъ и въ самое время войны пелопонесской, не говоря уже о томъ, что онъ былъ бы въ-состояніи ставить болѣе-полную характеристику величайшаго изъ греческихъ риковъ. За-то при всякомъ удобномъ случаѣ г. Гуренко очень-равно повторяетъ мысли и мнѣнія Нибура. Такъ, по поводу мороза въ Афинѣхъ, онъ высказываетъ (№ 17, стр. 6) мнѣніе изслѣдателя римской исторіи, будто-бы «исторія эпидемическихъ болѣзней гавляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ исторіи», съ чѣмъ, вѣрно, трудно согласиться. Далѣе, онъ повторяетъ рѣзко-высказанное муромъ мнѣніе о наглости, робости и безсовѣстности Клеона, какъ-и не подозревая, что мнѣніе это основательно опровергнуто Гротомъ (VI т. его «Исторіи Греціи»). Точно также, рассказывая о илѣн 300 спартіатовъ на островѣ Соактерн, нашъ авторъ, вслѣдъ Нибуромъ, приписываетъ это событіе мѣрамъ Демосоена, тогда-какъ это несомнѣнно доказалъ, что оно было дѣломъ Клеона. Или эти мѣдованія Грота неизвѣстны нашему автору, или же, изслѣдуя историческую войну по источникамъ, онъ долженъ былъ опровергнуть ю на основаніи древнихъ свидѣтельствъ. Третью часть своего изслѣ-самія онъ начинаетъ слѣдующею громкою фразою: «Алкibiадъ составляетъ одно изъ тѣхъ духовныхъ явленій въ исторіи, которыя рѣ-няютъ судьбу цѣлаго человечества. Много было говорено о немъ и енными и новыми писателями, но можно смѣло сказать, что вѣрнаго предмѣненія этой личности нѣтъ нигдѣ». Послѣ такого торжественнаго вступленія такъ и ждешь, что изслѣдователь по источникамъ ить предложитъ вѣрную характеристику этой личности. Ничуть не было: почти въ томъ же порядкѣ и въ тѣхъ же выраженіяхъ онъ по-горяетъ то, что сказано было Нибуромъ съ кафедры Беннскаго Уни-ерситета. Не обращая должнаго вниманія на предостереженіе г. Гра-овскаго ⁽²⁾, г. Гуренко позволяетъ себѣ поддѣмываться даже подъ-анеру Нибура, который любилъ частыя сближенія между явленіями

(1) См. Москв., № 16, 17 и 18.

(2) См. это предостереженіе въ его статьѣ о чтеніяхъ Нибура. Проп., III кн., стр. 156.

древней и новой исторіи. Такъ г. Гуренко сравниваетъ прибытіе въ Сицилію спартакаго полководца Гиллина, уничтожившаго послѣдніи туда «лотъ аенскій, съ возвращеніемъ Навелоона во Франціи въ огнестетской экспедиціи. Не понимаемъ, какъ такое сравненіе могло прійти въ голову *исследователю*? Что касается до послѣдней годовъ войны пелопоонесской, самъ г. Гуренко сознается, что онъ рассказываетъ о нихъ по лекціямъ Нибурга — и хорошо дѣлаетъ; только зачѣмъ было называть свой трудъ *исследованіемъ*, да еще по источникамъ? Развѣ потому, что въ статьѣ его попадаются общія соображенія и нѣкоторыя действительно-новыя замѣчанія, съ которыми самъ авторъ не знаетъ какъ справиться?.. Таково замѣчаніе, будто-бы «одно изъ важнѣйшихъ побужденій къ войнѣ лежало въ экономическихъ отношеніяхъ тогдашней Греціи», въ несоразмѣрности ея народонаселенія съ средствами пропитанія. Слѣдовало бы ужъ основательно разобрать эти экономическія отношенія и показать ихъ вліяніе на самый ходъ событий; но Нибуръ не касается этого вопроса, и нашъ авторъ, заблуждаясь, оставилъ свое замѣчаніе безъ вниманія, во всемъ изслѣдованіи ужъ ни разу къ нему не возвращается.

Наибольшій же недостатокъ его труда состоитъ въ крайней неопредѣленности общихъ соображеній и сбивчивости понятій. Г. Гуренко не имѣетъ точнаго понятія о томъ, что такое бытъ племенной и бытъ государственной, и, не различая ихъ ясно другъ отъ друга, аенскую демократію называетъ одною изъ формъ племеннаго быта; Спарта же, по словамъ его, «сама *замесла-было ногу* въ новый, болѣе государственный порядокъ», и все-таки, значитъ, не была государствомъ. Словами въ древней Греціи не было государства, по мнѣнію г. Гуренко, а были *узкія формы племеннаго быта*.

Показавъ недостатки труда г. Гуренко, отдадимъ ему и должную справедливость: рассказъ его живъ и занимателенъ тамъ, гдѣ онъ не дается въ грозкія фразы и несчастныя общія соображенія; а наибольшая его заслуга состоитъ въ указаніяхъ на то, что пелопоонесская война не была борьбою аристократіи съ демократіею и доризма съ іонизмомъ, потому-что за одно съ аристократическою и дорійскою Спартою нѣсколько дѣйствовали въ этой войнѣ государства демократическія и іонійскаго племени. Но и тутъ авторъ не сумѣлъ опредѣленно высказать своей мысли и выразился какъ-то темно, что «это была (№ 47, стр. 48) борьба племеннаго быта съ личностью, такъ сильно-развившеюся въ Ахейскомъ Государствѣ⁽¹⁾, этииъ первымъ проводникомъ центральной власти». А между-тѣмъ вовсе нетрудно было сказать, что борьба шла между противоположными стремленіями: стремленіемъ къ прежнему раздѣленію Греціи (къ автономіи ея городовъ), которое выгодно было для самого централизованнаго въ ней государства—Спарты, и стремленіемъ

(1) Котораго, впрочемъ, авторъ не признаетъ государствомъ.

политическому ея объединенію, которое начали уже приводить въ исполненіе афиняне, подчинивъ своей власти и союзниковъ. Разъединивъ Грецію, уничтоживъ союзъ афинскій, Спарта тѣмъ самымъ призывала себя гегемонію надъ нею.

Г. Бабстъ повиданному продолжаетъ посвящать свои труды изученію торіи Греціи во времена ея упадка. Года три назадъ, онъ издалъ сочиненіе: «Государственные мужи Греціи въ эпоху ея распаденія», сочиненіе, имѣющее многія существенныя достоинства, а въ прошломъ году въ нашемъ журналѣ напечатана его статья: *Дмитрій Полиоркетъ (эпизодъ изъ исторіи Диодоховъ)*. Мы были бы какъ нельзя больше рады, еслибъ наше предположеніе оказалось справедливымъ: отъ таковой послѣдовательности и постоянства въ занятіяхъ какимъ-либо однимъ періодомъ исторіи, наша историческая литература могла бы ожидать наибольшей для себя пользы. Господинъ же Бабстъ отличается всегда живостью своего взгляда на предметъ, прекраснымъ и занимательнымъ изложеніемъ, и остается пожелать только, чтобъ онъ нѣсколько-основательнѣе изучалъ источники и не спѣшилъ своею работою. Разсказъ его съ времени преемниковъ Александра, конечно, съ удовольствіемъ и охотою прочтатъ любители историческихъ сочиненій. Время это принадлежитъ къ числу наименѣе-извѣстныхъ въ древней исторіи, между-тѣмъ оно имѣетъ значительную важность, потому-что было временемъ утвержденія греческой цивилизаціи на Востокъ и возникновенія новыхъ государствъ, которыя потомъ мало-по-малу вошли въ составъ Римской Республики. Г. Бабстъ изобразилъ характеръ и переломчивую судьбу Дмитрія Полиоркета и ознакомилъ читателей отчасти и съ другими дѣятелями того времени и основателями государствъ, Египетскаго — Птолемеемъ, и Сирійскаго — Селевкомъ.

По исторіи среднихъ вѣковъ напечатано въ прошломъ году (Москв. № 9) только одно самостоятельное сочиненіе, именно г. Стасюлевича: *О св. Бернардѣ*. Уже не въ первый разъ приходится русскимъ читателямъ знакомиться съ личностью св. Бернарда: ей посвящено нѣсколько превосходныхъ страницъ въ диссертациі г. Грановскаго «Аббатъ Сутерій», въ которыхъ несравненно-ярче выступаетъ характеръ и дѣятельность св. Бернарда, чѣмъ въ специальномъ сочиненіи г. Стасюлевича. Странно, что послѣдній какъ-бы умышленно старается высказывать мнѣнія, противоположныя мнѣніямъ г. Грановскаго, и такимъ образомъ какъ-бы умышленно вдается въ сужденія невѣрныя и ошибочныя. Такъ, вопреки современнымъ свидѣтельствамъ, онъ усиливается доказать, что св. Бернардъ не былъ главнымъ виновникомъ втораго крестоваго похода, а только изъ послушанія къ папѣ Евгенію III принялъ на себя его проповѣдь и самъ вовсе не сочувствовалъ предпріятію, къ которому такъ настойчиво и съ такимъ восторженнымъ краснорѣчіемъ склонялъ императора Конрада III и французскихъ рыцарей. Г. Стасюлевичъ полагаетъ возможнымъ съ восторгомъ говорить о предметѣ, къ которому

не нѣтъ сочувствія; потомъ называетъ теоретически тѣхъ, къ подобно г. Грановскому, выставляютъ рѣзкую противоположность имъ законитыми современниками: Сугеріемъ и Бернардомъ. Однакожъ въ фактовъ и нѣкоторыхъ выраженій послѣдняго, приведенныхъ въ собственномъ изслѣдованіи г. Стасюлевича, видно, что Бернардъ дѣйствительно былъ представителемъ еоократическихъ стремленій и несравненно въ большей мѣрѣ, чѣмъ современныя ему папы Гонорій II и Евгений III, тогда-какъ Сугерій даже въ отношеніяхъ къ церкви и духовенству всегда нѣтъ въ виду цѣль чисто-государственныя. Отношенія Бернрда къ представителю науки того времени, Абельарду, и ученику его, Амальду бренианскому, только упоминаются г. Стасюлевичемъ, тогда-какъ он заслуживалъ бы тщательнаго изслѣдованія. Въ самомъ началѣ этой статьи раздѣляя Францію XII-го вѣка на капетинскую, испанскую, англійскую и германскую, неавѣдомо почему, авторъ относитъ Провансъ къ послѣдней. Если и принять его дѣленіе, то на Провансъ гораздо-болѣе имѣла вліянія Испанія, чѣмъ Германія.

Остается сказать еще объ одномъ самостоятельномъ изслѣдованіи, хотя предметъ его болѣе принадлежитъ политической экономіи, чѣмъ исторіи. Это—двѣ статьи г. Бунге («Отечественныя Записки» июль іюль), написанныя по поводу вышедшаго въ 1852 году сочиненія г-на Бабета: *Джонъ Ло, или финансовый кризисъ во Франціи въ первые годы республканства*. Эти двѣ статьи г. Бунге имѣютъ самостоятельное и немаловажное значеніе; чуть-ли не лучше объясняютъ оный финансовый кризисъ, произошедшій во Франціи шотландцемъ Ло, чѣмъ самое сочиненіе г. Бабета; по-крайней-мѣрѣ, онѣ восполняютъ существенныя недостатки послѣдняго. Г. Бунге рассматриваетъ это событіе въ связи съ предшествующимъ временемъ Кольбера и Лувуа XIV, поэтому въ первой статьѣ своей обстоятельно изображаетъ бѣдственное состояніе финансовъ и народнаго хозяйства во Франціи, происшедшее вслѣдствіе меркантильной системы, регламентарнаго устройства промышленности и страшнаго тяжести налоговъ въ вѣкъ Лувуа XIV. Такимъ образомъ опредѣляетъ онѣ историческое значеніе мѣръ, принятыхъ Ло, говоря, что онѣ довершили меркантильное устройство хозяйственныхъ отношеній, и что Ло сдѣлалъ неудавшуюся попытку установить монополію торговли, связанной съ кредитомъ. Затѣмъ, во второй статьѣ онѣ анализируетъ экономическія понятія Ло, высказанныя въ его сочиненіяхъ, рассматриваетъ его банкъ и соединенную съ нимъ торговую компанію, въ которыхъ основныя понятія его получили практическое приложеніе, объясняетъ видоизмѣненіе ихъ въ практикѣ и разрываетъ ихъ неудобосполнимость въ самихъ фактахъ; словомъ, исчерпываетъ весь предметъ, какъ знатокъ дѣла, предоставивъ читателю прочесть живой рассказъ о самихъ происшествіяхъ въ сочиненіи г-на Бабета. Только теперь, послѣ изслѣдованія г. Бунге, можно намъ сказать, что читатель найдетъ въ русской литературѣ самое об-

деніе системы Ло, и всякій согласится, что г. Бунге несравненно-тѣе содѣйствовать этому результату, чѣмъ г-нъ Бабстъ. Понятіа, рожденія и самая личность знаменитаго шотландца вѣрнѣе и основательнѣе изображены имъ, чѣмъ г. Бабстомъ, слишкомъ-пристрастнымъ Ло и несовсѣмъ-привычнымъ къ изслѣдованію вопросовъ чисто-экономическихъ. Въ заключеніе, г. Бунге указываетъ на то, что вообще банкротство во Франціи, произведенное «Системою Ло», не галось безъ вліянія на потрясенія, послѣдовавшія въ концѣ XVIII-го ка.

Переходимъ теперь къ переводнымъ историческимъ сочиненіямъ, которыя всѣ, за исключеніемъ армянскаго историка V-го вѣка Егдше ардапета, также напечатаны въ журналахъ; наиболѣе же изобилуютъ въ «Москвитяинѣ».

Впрочемъ, въ «Современникѣ» (№ 1 и 2) переведено замѣчательное сочиненіе Виктора Кузена: *Madame de Longueville*, но переведено съ пропусками и сокращеніями, отчего переименовано и самое его главіе. Въ русскомъ переводѣ оно называется: *Высшее французское общество въ XVII вѣкѣ*. Дѣйствительно, характеристика высшего французскаго общества того времени несравненно-интереснѣе, чѣмъ многія біографическія подробности, относящіяся къ знаменитой г-жѣ де-Донгвиль. Но въ томъ-то и бѣда, что самая эта характеристика много утратила своей живости, блеска и наглядности въ сокращенномъ русскомъ переводѣ, въ которомъ нѣтъ столькихъ подробностей біографическихъ, нѣтъ стиховъ, приведенныхъ Кузеномъ, не обращено никакого вниманія на обширное введеніе, въ которомъ изслѣдуется занимательный для историка и важный для характеристики того времени вопросъ о любви г-жи де-Донгвиль къ знаменитому ла-Рошфуко, и о мѣрѣ ея участія въ событіяхъ такъ-называемой Фронды. Словомъ, по этому переводу трудно составить себѣ понятіе о сочиненіи бывшего министра народнаго просвѣщенія и мыслителя французскаго. Не прибѣгая къ переводу, гораздо-лучше было бы рассказать его содержаніе, обратить вниманіе на главнѣйшія особенности и представить наиболѣе-значительныя черты въ характерѣ г-жи де-Донгвиль и самой эпохи. Но для этого, конечно, нужно знать исторію того времени и имѣть привычку къ исторической работѣ...

Не менѣе достойны вниманія статьи: Минье (изъ *Journal des Savants*), переведенныя также въ «Современникѣ» (№№ 3, 4, 5 и 6) и «Амдея» Пиндѣ (изъ *Revue Britannique*), помѣщенныя въ «Москвитяинѣ» (№№ 7, 8, 9, 12, 15, 17 и 18) *Объ отреченіи, пребываніи въ монастырь Св. Луста и смерти Императора Карла V-го*.

Не можемъ при этомъ случаѣ не обратить вниманія на одну замѣчательную особенность «Москвитяинна». Помѣщая переводъ статей Пиндѣ въ восьми нумерахъ своего журнала, редація только въ послѣднемъ

сочла за должное сообщить читателямъ, что онѣ написаны Амедеемъ Пишю; до послѣдняго же нумера имъ предоставлено было думать, что это, пожалуй, оригинальное произведеніе одного изъ ученыхъ сотрудниковъ «Москвитянина», или же по-крайней-мѣрѣ рассказъ, составленный на основаніи многихъ сочиненій, появившихся въ недавнее время послѣднихъ годовъ жизни Карла V-го. Да и подъ послѣднею статью не сказано, что это переводъ, что онъ взятъ изъ «Revue Britannique», а просто выставлено имя Пишю. Думайте, что угодно: наиримѣръ, что г. Пишю, хоть и носитъ французскую фамилію и, можетъ-быть, иже проживаетъ во Франціи и пишетъ пофранцузски, но тѣмъ не менѣе принадлежитъ къ числу сотрудниковъ «Москвитянина» и прямо доставляетъ свои статьи въ редакцію этого журнала для помѣщенія ихъ въ русскомъ переводѣ, подобно тому, какъ Филаретъ Шаль, или Пишю, корреспонденты «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей». И при другихъ переводныхъ статьяхъ «Москвитянина» нѣтъ никакихъ бібліографическихъ указаній; довольно ужъ и того, если читателя не мучать долгомъ неизвѣстностью и прямо, съ самаго начала откроютъ ему имя автора той статьи, которая, можетъ-быть, его заинтересовала... Но обратимся къ дѣлу. Никѣмъ неожиданное отреченіе отъ престола императора германскаго Карла V-го и удаленіе его въ монастырь были загакою даже для самихъ его современниковъ. Позднѣйшіе историки во множеству предположеній о причинахъ отреченія Карла V-го прибавили множество вымысловъ и анекдотовъ, болѣе или менѣе эффектныхъ, о пребываніи его въ монастырѣ и самой смерти, и эти вымыслы, юсихъ-поръ повторяющіеся, всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны. Недавно только воспользовались ученые подлинными документами — уцѣлѣвшими письмами самого Карла, сына его Филиппа, дочери, прачельницы Испаніи, Донны Хуанны, и лицъ, которыя были неразлучны съ нимъ во время монастырскаго его пребыванія, и разсказали множество вымысловъ, затемнявшихъ истину. Оба французскіе историка, и Минье и Пишю, показали, что Карлъ V всегда, даже въ самой молодости, былъ склоненъ къ тихой, уединенной жизни; склонность эта еще усилилась съ потерю нѣжно-любимой имъ супруги, и съ каждымъ годомъ возрастала по мѣрѣ его утомленія отъ тяжкихъ трудовъ правленія и по мѣрѣ разстройства здоровья вслѣдствіе извѣстной его неумѣренности въ пищѣ. Наконецъ спокойствіе и уединеніе стали для него совершенною необходимостью, и онъ удалился въ монастырь Св. Іуста. Здѣсь велъ онъ жизнь скромную, но нелишешную удовольствій, вдалекѣ отъ монашествующей братіи, съ людьми, вполнѣ ему преданными, посѣщаемый и членами своей фамиліи, и знатнѣйшими лицами государства, получая непрерывныя донесенія о важнѣйшихъ событіяхъ и самъ принимая въ нихъ дѣятельное участіе. Довольство и ясное расположеніе духа никогда не оставляли его, даже и въ самыя минуты смерти. Почувствовавъ ея приближеніе, онъ по-

селагъ, вмѣстѣ съ братією и съ своими приближенными, вознести къ богу молитвы объ упокоеніи души своей за гробомъ. Во время этихъ молитвъ, онъ стоялъ на обычномъ своемъ мѣстѣ, сохраняя совершенное покойствіе, и послѣ тотчасъ же обратился къ обыкновеннымъ своимъ занятіямъ и образу жизни, не чувствуя никакого болѣзненнаго отрясенія.

Черная изъ одного источника, оба историка пришли почти къ тѣмъ же результатамъ. Несмотря на большую и вполне-заслуженную славу Минье, выборъ «Москвитянина» кажется намъ болѣе удачнымъ, во-первыхъ, потому, что статьи Пинд доведены до самой смерти Карла V-го, тогда-какъ переведенный въ «Современникѣ» рассказъ Минье прекращается за годъ до его кончины, и потому статьи Пинд богаче подробностями и сообщаютъ обстоятельныя свѣдѣнія о лицахъ, окружавшихъ императора въ монастырскомъ его уединеніи, свѣдѣнія, которыхъ вовсе нѣтъ у Минье.

Двѣ статьи Ламартина — *Христофоръ Колумбъ* («Москвитянинъ» № 4) и *Юанна д'Аркъ* («Москвитянинъ», № 5 и 6) носятъ слѣды его повѣстческаго дарованія и могутъ занять воображеніе и умъ читателей; но новаго въ нихъ нѣтъ ничего, и онѣ лишены достоинствъ точнаго историческаго изслѣдованія. Ихъ можно отнести къ разряду изящныхъ историческихъ повѣствованій. Первое изъ нихъ, Христофоръ Колумбъ, доведено только до возвращенія его въ Испанію изъ перваго путешествія въ Новый Свѣтъ.

Извѣстное всѣмъ разсужденіе г. Уварова: «*Совершенствоуется ли достоверность историческая?*» еще въ 1852 году два раза переведено было въ нашихъ журналахъ: «Современникѣ» и «Москвитянинѣ», однакожь редакція послѣдняго, не довольствуясь этимъ, еще разъ помѣщаетъ у себя переводъ этого разсужденія, сдѣланный г. Розбергомъ, будто-бы съ замѣчаніями (№ 10), на самомъ же дѣлѣ замѣчаній нѣтъ никакихъ, а есть краткое предисловіе, для котораго по-видимому и напечатанъ вторично переводъ.

Политическая дѣятельность, дарованія и характеръ знаменитаго защитника американцевъ, возставшихъ противъ англійскаго владычества, краснорѣчиваго обвинителя Варрена Гастинга, угнетавшаго подданныхъ Ост-Индской Компаніи, и ожесточеннаго врага французской революціи 1789-го года очень-живо изображены въ статьѣ Ремюза: *Бурке* (то-есть Боркъ), *его жизнь и сочиненія*, переведенной въ «Москвитянинѣ» (№ 11 и 12).

Вскорѣ за статьєю Ремюза слѣдуетъ въ «Москвитянинѣ» другая, одного изъ лучшихъ англійскихъ историковъ, Маколея: *Варренъ Гастингъ* (№ 16 и 17). Эта статья написана Маколеемъ по поводу сочиненія нѣкоего Смита, который состоялъ въ связи съ фамилією перваго бенгальскаго губернатора, пользовался фамильными документами и счелъ своею обязанностью восхвалять Гастинга. Дѣйствительно, онъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ лицъ въ англійской исторіи прошедшаго столѣтія и оказалъ

важныя услуги английскому владычеству въ Индіи; но, съ другой стороны, своими поступками могъ возбудить къ нему ненависть въ туземцахъ. Враги его, какъ, напр., Боркъ, были къ нему сличкомъ-несправедливы; друзья же, въ родѣ Смита, сличкомъ-пристрастны. Маколей возстановляетъ истину и изображаетъ состояніе англійскаго владычества въ Индіи въ концѣ прошедшаго столѣтія.

Въ заключеніе поменируемъ небольшія статьи историческаго содержанія, помѣщенныя въ отдѣлѣ Иностранной Литературы нашего журнала. Большая часть ихъ относится къ ближайшему къ намъ времени, а въ этомъ состоитъ наибольшая ихъ занимательность. Вотъ ихъ перечень: Записки министра казначейства во времена Французской Имперіи, графа Молене (май, О. З.); Исторія англійской журналистики (О. З. июнь и июль); Англо-китайская война по китайскимъ документамъ (июль); Французы въ Канадѣ (октябрь); Наполеонъ и сэръ Гудзонъ Лоу (ноябрь).

Итакъ въ прошломъ году, за исключеніемъ «Исторической Греціи» г. Леонтьева, и «Очерковъ древнѣйшаго періода греческой философіи», г. Каткова, не было ни одного обширнаго и значительнаго историческаго сочиненія, которое могло бы выйдти особою книгою. Всѣ остальные всамудобно умѣстлялись въ журналахъ и въ сборникѣ г. Леонтьева. Судно нимъ, съ наибольшою самостоятельностью разрабатывается у насъ исторія древняя, и особенно исторія Греціи, съ которою почти въ цѣломъ ея объемѣ можно теперь уже достаточно ознакомиться по однимъ русскимъ сочиненіямъ. Относительно исторіи древнихъ вѣковъ и новѣйшаго времени, нельзя никого назвать, кто бы посвятилъ себя изученію того или другаго цѣльнаго періода; а на русскихъ ученыхъ лежитъ обязанность изучать не отдѣльныя событія исторіи другихъ народовъ, а цѣлые періоды, потому-что въ нашей ученой литературѣ, за исключеніемъ обширнаго и превосходнаго сочиненія г. Кудрявцева⁽¹⁾, нѣтъ ни одного капитальнаго труда, къ которому могли бы примкнуть спеціальныя изслѣдованія.

Географія и Статистика. — Прошлый 1853 годъ былъ особенно богатъ сочиненіями этого отдѣла. Многія изъ нихъ вышли отдѣльными книгами, но еще больше появилось ихъ въ видѣ журнальныхъ статей.

Самымъ дѣятельнымъ издателемъ замѣчательныхъ трудовъ явился Императорское Русское Географическое Общество. Подъ его руководствомъ, въ 1853 году, вышли въ свѣтъ слѣдующія книги и карты:

1) *Сѣверный Уралъ и береговой шребетъ Пай-Хокъ*. Сочиненіе это составляетъ первый томъ трудовъ Уральской Экспедиціи, снаряженной Географическимъ Обществомъ въ 1847, 1848 и 1850 годахъ;

(1) «Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской Имперіи до востановленія ея Карломъ Великимъ.»

мѣсть его обогащенъ двумя картами Урала и окрестныхъ мѣсть и графическими изображеніями перемѣтъ магнитнаго склоненія въ Боревъ и Обдорскъ.

2) *Седьмой томъ Записокъ* этого Общества, въ которомъ помѣнены два весьма-обширныхъ сочиненія: чрезвычайно-интересный *Дневникъ г. Латкина*, веденный имъ во время путешествія въ Печору въ 840 и 1846 годахъ, и *Статистическое Обзоріе Персіи*, составленное въ 1841 году полковникомъ, нынѣ генералъ-майоромъ Бламбергомъ. Статья г. Бламберга вышла потомъ отдѣльною книгою и мы имѣли уже случай (№ 9 «Отеч. Зап.» 1853 г.) отозваться о ней съ надлежащимъ безпристрастіемъ и, какъ должно въ этихъ случаяхъ водиться, при всей строгости сужденія о ней, указали на лучшія мѣста въ книгѣ и на свѣдѣнія, отличающіяся новизною и свѣжестью данныхъ въ нашей русской географической литературѣ. Умѣренность нашего отзыва не понравилась другимъ критикамъ, и почтенный составитель «Статистическаго обзорія Персіи» нашелъ себѣ что-то въ родѣ антагониста въ рецензентѣ, разбиравшемъ его книгу въ «Современникѣ» (Совр. № 10). Здѣсь не мѣсто пускаться въ полемику; но нельзя не сознаться, что суровость и рѣзкость отзыва помянутого рецензента о трудолюбивомъ путешественникѣ произвели на насъ непріятное впечатлѣніе и, можетъ-быть, охладили рвеніе другихъ составителей статистическихъ очерковъ издавать въ свѣтъ плодъ своихъ ученыхъ работъ.

3) *Восьмой томъ Записокъ* того же Общества, содержитъ въ себѣ только одну, но за-то полную высокаго значенія статью, извѣстнаго нашего ученаго К. А. Неводина «О Пятинахъ и Погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ вмѣстѣ съ «Картою Пятинъ и Погостовъ». Прекрасный въ высшей степени трудъ г. Неводина былъ увѣчанъ Имп. Рус. Геогр. Обществомъ, которое присудило ему самую лестную награду — константиновскую медаль. Въ слѣдующей книгѣ «Отеч. Записокъ» мы посвятимъ особую статью этому почтенному труду.

4) Первый выпускъ *Этнографическаго Сборника*. Первая книжка этого сборника, по отрывочности сообщаемыхъ ею свѣдѣній и, какъ первый еще опытъ, по отсутствію строго-систематическихъ приѣмовъ обычныхъ въ подобнаго рода изданіяхъ, послужила для читателей какъ-бы указателемъ всѣхъ богатствъ, какими въ нынѣшнее время обладаетъ Этнографическое Отдѣленіе Общества. Во время изданія первой книжки «Сборника», въ бібліотекѣ Общества скопилось до двухъ тысячъ этнографическихъ монографій, присланныхъ со всѣхъ концовъ Россіи любителями отечественнаго просвѣщенія, и вотъ изъ этого-то неопѣннаго запаса на выборъ взяты статейки цѣлкомъ и вошли въ первый выпускъ «Этнографическаго Сборника». Само-собою разумѣется, что на первый разъ и невозможно было тутъ требовать определенной системы и строгой сгруппи-

ровки всѣхъ монографій въ одно отдѣльное цѣлое: на это не доставало еще ни времени, ни физическихъ силъ.

5) Первые четыре номера «Вѣстника», журнала, издаваемого Географическимъ Обществомъ, и отличающагося превосходно-составленной программой, и

6) Топографическія и межевыя карты Корчевскаго и Калаганскаго Уѣздовъ Тверской Губерніи, роскошное и во всѣхъ отношеніяхъ драгоценное изданіе, служащее первымъ шагомъ къ важному труду—составленію топографическаго и межеваго атласа всей имперіи.

На ряду съ Географическимъ Обществомъ, съ тою же цѣлью расширенія географическихъ и статистическихъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ, подвизалось и Императорское Вольное Экономическое Общество. Конечно, спеціальное занятіе этого Общества доселѣ было—сельское хозяйство въ тѣсномъ значеніи слова; но еще въ прошломъ столѣтіи оно хлопотало о расширеніи сферы своей дѣятельности, поставивъ себѣ задачей разработку экономической статистики Россіи, и дѣйствительно трудилось на этомъ трудномъ, но важномъ и истинно-полезномъ поприщѣ. Передъ нами, напримѣръ, лежитъ теперь книга въ 544 страницы съ разными таблицами и рисунками и съ слѣдующимъ заглавіемъ: «Хозяйственное описаніе Астраханской и Кавказской губерній, по гражданскому и естественному ихъ состоянію, въ отношеніи къ земледѣлію, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанію Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества Высочайше одобренному и тѣченіемъ и изданіемъ онаго общества изданное. Въ Санктпетербургѣ, печатано въ Императорской типографіи 1809 года. Смирнова». Теперь же Общество обратилось къ старинной мысли и съ 1849 г. отвеслось къ любителямъ отечественнаго просвѣщенія съ просьбою доставлять къ нему хозяйственныя, экономическія описанія всѣхъ краевъ обширнаго нашего отечества. На вызовъ Общества откликнулись дѣтели отсюду; экономическихъ статей явилось множество, и Общество признало теперь возможнымъ приступить къ цѣлому ряду «описаній» посредствомъ особаго изданія, которое и названо имъ «Матеріалы для Хозяйственной Статистики Россіи». Въ прошломъ году явилась къ свѣтъ первый выпускъ этихъ матеріаловъ, и, если судить по этому первому выпуску, Экономическое Общество сулитъ намъ впередъ неоцѣненные богатства. Первый, капитальный, основной камень воздвигло Общество напечатаніемъ въ высшей степени интересной статьи профессора С. М. Ходецкаго, подъ названіемъ «Очеркъ Земли Войска Донскаго». Намъ остается только желать, чтобъ остальные выпуски «Матеріаловъ», по содержанію своему, хоть сколько-нибудь приближались къ прекрасной статьѣ г. Ходецкаго.

Всѣ упомянутыя доселѣ изданія составляли родъ сборниковъ. Суда же полагаемъ мы отнести и обыкновенно-появляющіяся къ каждому но-

гу году календаря. На прошлый 1853 годъ мы имѣли въ рукахъ только слѣдующіе :

1) *Мѣсяцословъ*, издаваемый Академіей Наукъ, въ которомъ, по-эжжену, нашли мы, между-прочимъ «Списокъ русскихъ губерній по ряду населенности», «Роспись городамъ», «Вѣдомости о числѣ рожившихся, бракомъ сочатавшихся и умершихъ православнаго исповѣданія въ 1850 году», наконецъ, чрезвычайно-любопытныя «Вѣдомости о слѣдъ учебныхъ заведеній и о числѣ учащихся; изъ нихъ увидѣли мы, что въ 1851 году число учащихся простиралось до 330,000 человекъ, именно 318,654 мужскаго пола и 11,213 женскаго.

2) *Памятная книжка Виленской Губерніи*, въ которой помѣщено нѣсколько статей историко-статистическаго содержанія; изъ нихъ особенно-интересны «Исторія управленія и законодательства Литвы», Павла Кукольника, «Столѣтнее существованіе Виленской Астрономической Обсерваторіи» г. Матвѣя Гусева и «Статистическій взглядъ на Виленскую Губернію» г. Адама Киркора.

3) *Новороссійскій Календарь*, отличающійся постояннымъ желаніемъ знакомить публику съ любопытными сторонами и характеристикою Новороссіи и Бессарабіи. На 1853 годъ, въ Новороссійскомъ Календарѣ нашли мы, между-прочимъ, «Историко-статистическое описаніе еврейскихъ колоній», замѣчанія «О внѣшней торговлѣ Новороссійскаго Края съ Бессарабіей въ 1851 году», «Таблицу географическихъ положеній» и перечень городовъ и мѣстечекъ Новороссійскаго Края и Бессарабіи съ коротенькими статистическими о нихъ свѣдѣніями.

4) *Кавказскій Календарь*, составленный по образцу Новороссійскаго Календаря, въ накія-нибудь пять-шесть лѣтъ до такой степени усовершенствовался, что сталъ наконецъ на степень очень-занимательной и очень-любопытной книги, на которую ужъ никто не смотритъ такъ, какъ у насъ привыкли смотрѣть на обыкновенные календари. «Кавказскій Календарь» полонъ насущнаго и животрепещущаго интереса для каждаго интересующагося этимъ краемъ. Новость ли данныхъ, неисчерпанность ли источниковъ, заманчивая ли особенность этого любопытнаго края, или усиленное рвеніе, способности и умѣнье составителей календаря составлять подобныя, полныя интереса книги—этого мы не можемъ рѣшить; знаемъ только, что «Кавказскій Календарь» далеко обогналъ всѣхъ своихъ собратьевъ. Между множествомъ прекрасныхъ и любопытныхъ статей, помѣщенныхъ въ «Кавказскомъ Календарѣ» на 1853 г., особенное вниманіе всѣхъ читателей остановили на себѣ мастерскіе «Разсказы о Кутавѣ».

Другихъ календарей и памятныхъ книжекъ на 1853 г. (кромя виленской) намъ не удалось видѣть, а между-тѣмъ мы знаемъ навѣрное, что подобныя изданія предпринимаются многими губернскими начальствами: вѣроятно, эти мѣстныя изданія расходятся на мѣстѣ и до столицъ не доходятъ, а очень-жаль: въ нихъ печатаются иногда драгоцѣнные матеріалы,

касаясь местной статистики и этнографіи. Недалеко какъ на этой нѣдѣ намъ совершенно-нечаянно попались въ руки два изданія, касающіяся одного и того же предмета, одно — «Мѣсяцесловъ» на 1851-й годъ, изданный въ Оренбургѣ, другое — «Адресъ-Календарь Оренбургскаго Края» на 1849 годъ, изданный въ Уфѣ и заключающій въ себѣ, между прочимъ любопытными свѣдѣніями, краткій этнографическій очеркъ народовъ, населяющихъ Оренбургскую Губернію, и краткій историческо-топографическій очеркъ городовъ и замѣчательныхъ мѣстъ Оренбургской Губерніи. А сколько подобнаго рода полезныхъ книгъ остались недоступными публикѣ и затерялись въ какомъ-нибудь отдаленномъ городкѣ!

Изъ явленій, относящихся собственно къ столицамъ, замѣчательною новостью были, впрочемъ, *Планы Санктпетербурга въ 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 годахъ съ приложеніемъ плановъ 13 частей столицы*, составленные Н. Цимывымъ, всего 22 плана, представляющіе собою какъ-бы наглядную исторію Петербурга отъ самаго его рожденія до 1849 года; восторжѣ, богатѣйшій, состоящій изъ восьмидесяти плановъ, *Атласъ столичнаго города Москвы*, съ алфавитнымъ къ нему указателемъ, составленный А. Хотевымъ, и наконецъ, третьихъ, вовсе несоответствующая своему назначенію книжка подъ заглавіемъ *Путеводитель по желѣзной дорогѣ отъ Москвы до станціи Крюковской въ городъ Воскресенскъ и къ Новому Иерусалиму* неизвѣстнаго автора.

По отдѣлу книгъ, имѣющихъ предметомъ ознакомить публику съ бытомъ и жизнью обитателей разныхъ мѣстностей нашего отечества, можемъ только *Очеркъ правоописательной этнографіи города Омскъ* г. С. П. Кораблева и *Народныя бѣлорусскія пѣсли* г-жи Е. П. Можно бы сюда присовокупить и путешествіе г. Анатолія Денидова къ Южную Россію, совершенное въ 1837 году; но такъ-какъ эта книга не оригинальная, а переводная, а статью свою мы посвятили только оригинальнымъ сочиненіямъ, то мы ни о ней, ни о другихъ книгахъ, въ отсутствіе живаго интереса прошедшихъ незамѣченными, не становимъ распространяться. Намъ остается назвать еще одно, действительно-выходящее изъ ряда обыкновеннаго книгодѣланія, изданіе, именно: *Описание Статистическаго Описанія Новороссійскаго Края* г. Скальковского, встрѣченное всѣми журналами съ безусловными и вѣсть-съ-тѣмъ съ безотчетными похвалами, но подвергнутое нами критической оцѣнкѣ. Мы не могли не указать на слабыя стороны труда г. Скальковского, и неправильное, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, пониманіе имъ своего предмета, а все-таки, какъ прежде такъ и теперь, не можемъ не признать этого труда обширнымъ и весьма-важнымъ пособіемъ для всѣхъ, желающихъ ближе ознакомиться съ Новороссійскимъ Краемъ.

По части учебныхъ книгъ вышелъ только три, именно: пятнадцатое изданіе *Краткой Географіи для дѣтей*, *Начальныя основанія Географіи* г. Ст. Барановскаго и *Учебная Статистика*, или *этно-*

рафинско-статистическое обозрѣніе пяти первоклассныхъ державъ Европы А. Брута: всѣ эти три учебника стоятъ на одинаковой стѣни несчетливой разработки предмета.

«Путешествіями» прошлый годъ былъ не богатъ, за-то много при-есть удовольствія любителямъ этого рода чтеній. Появились два со-няенія этого рода: одно — *изъ Рима въ Иерусалимъ*, графа Николая Адлерберга, поправившееся намъ именно потому, что про-той, безыскусственный рассказъ автора вездѣ согрѣтъ теплотою чув-тва, искренностью и задушевностью; другое — *Путешествіе въ Китай* Е. Ковалевскаго, лучшая и интереснѣйшая часть котораго была прежде всего напечатана на страницахъ нашего журнала (№№ 3, 4 и 5). Пмя г. Е. Ковалевскаго пользуется такою извѣстностью, талантъ его, какъ разкащика и наблюдателя, такъ несомнѣненъ, что излишне, думаемъ, прибавлять, что книга его была прекраснымъ приобѣтеніемъ для нашей географической литературы. Средствомъ изученія новыхъ особенностей такъ-называемаго «Серединнаго Царства», сосѣда нашего, явился въ прошломъ году второй томъ *Трудовъ членовъ Россійской Мис-сіи въ Пекинъ*. Книга эта содержитъ въ себѣ хотя и не очищен-ные критикую, но драгоценные матеріалы; а въ статьяхъ практи-ческихъ, гдѣ главное достоинство составляетъ благоразумный и вѣр-ный отчетъ въ личныхъ наблюденіяхъ изслѣдователей, она можетъ быть названа единственнымъ ученымъ пособіемъ для познанія Китая. Намъ остается только пожелать, чтобъ изданіе это продолжалось без-остановочно и чтобъ послѣдующіе томы поскорѣе, если только это воз-можно, сдѣлались достояніемъ публики, которая, вѣроятно, съ нетер-пѣніемъ ожидаетъ этого прекраснаго подарка.

Перейдемъ теперь къ статьямъ, которыя были напечатаны въ періо-дическихъ изданіяхъ, но оговоримся, что обиліе, разнообразіе и дроб-ность статей, при тѣсныхъ рамкахъ нашего обзора, лишаютъ насъ воз-можности обстоятельно указать, какія именно изъ этихъ статей особенно-замѣчательны и въ какомъ именно отношеніи.

Изъ статей чисто-статистическаго содержанія, первое мѣсто отдаемъ одному изъ трудолюбивыхъ дѣятелей, А. Н. Егунову, который въ об-ширномъ сочиненіи *О статистической литературѣ въ 1852 го-ду*, раздѣленномъ, вмѣсто главъ, на письма и напечатанномъ въ «Мо-сковскихъ Вѣдомостяхъ» (№№ 52, 71, 77, 85, 114, 119, 130 и 141), сдѣлалъ подробный и весьма-тщательный обзоръ всѣхъ сочине-ній, появившихся въ нашей литературѣ въ 1852 году. Вслѣдъ за г. Егуновымъ, считаемъ за долгъ указать на критическую статью г. И. Вернадскаго, напечатанную въ нашемъ журналѣ (№ 5) и посвященную разбору книги, появившейся въ свѣтъ еще въ 1851 году, подъ загла-віемъ «Планъ Статистическаго Описанія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа... и проч. Дн. Журавскаго», и на *Изслѣдованіе о дамже-*

нѣм народонаселенія въ Россіи г. А. П. Рославскаго (Вѣсти. Импер. Рус. Геогр. Общества кн. 3).

Изъ статистическихъ монографій и описаній городовъ, уѣздовъ и нѣ-
 злыхъ губерній, хорошими матеріалами для будущихъ описывателей раз-
 личныхъ краевъ Россіи, могутъ послужить слѣдующія: *Село Давыдовъ*
 въ Пошехонскомъ Уѣздѣ Ярославской Губерніи священника А. Архан-
 гельскаго (Вѣстникъ Импер. Рус. Геогр. Общества, кн. 1); *Село*
Липицы и его окрестности, въ Каширскомъ Уѣздѣ Тульской Губер-
 ніи, священника П. Троицкаго (тамъ же, кн. 2); *Село Голуны и*
Новомихайловское, той же губерніи Новосильскаго Уѣзда, священ-
 ника А. Руднева (тамъ же); *Защитный городъ Починки* (Жур.
 Мин. Вн. Дѣлъ прежняго изданія, кн. 5); *Городъ Каширь* (въ Жур.
 Мин. Внут. Дѣлъ прежняго изданія, кн. 2); *Городъ Торжокъ* (тамъ
 же, в того же изданія, кн. 4); *Островъ Эзель* г. А. Тидебеля (тамъ
 же, кн. 1 и 3); *Историческая Записка о Каменцѣ Подольскомъ*
 (Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, новаго изданія, кн. 3); *Романово-Бри-
 совогльбскій Уѣздъ* (Журн. Мин. Вн. Дѣлъ, новаго изданія, кн. 1
 и 2); *Воронежская Губернія* (Библ. для Чтенія № 7); *Херсон-
 ская Губернія* г. И. Ольгина (тамъ же, № 8); *Казанская Губер-
 нія* г. И. О. (тамъ же, № 9); *Пермская Губернія* (тамъ же, №
 10); *Курская Губернія* (тамъ же, № № 11 и 12); *О ра-
 стительности и климатѣ Кіевской Губерніи* г. Ф. Н. Базилера
 (Жур. Мин. Госуд. Имущ., № № 9 и 10); и придающія этой статьѣ
 особенное значеніе прекрасныя примѣчанія и дополненія къ ней г.
 К. С. Веселовскаго (тамъ же, № 10); *Очеркъ хозяйства Харь-
 ковской Губерніи* (Труды Импер. Волы. Экон. Общества, № 5) г.
 Д. Федоровскаго. Псковской Губерніи касаются двѣ статьи: *Исто-
 рическое обозрѣніе Псковской Губерніи въ сельскохозяйственномъ*
отношеніи (Журн. Мин. Госуд. Имущ. № № 10 и 11) и *Поле-
 водство Псковской Губерніи* (Труды Импер. Вол. Экон. Общества
 № 1). О Южной Россіи появились слѣдующія описанія: *Населеніе*
Новороссійскаго Края и Бессарабіи въ 1851 году г. А. А.
 Скальковскаго (Вѣст. Импер. Рус. Геогр. Общества, кн. 1); *Опытъ*
Юридической Статистики Новороссійскаго Края г. Ф. Захарѣ-
 вича (Жур. Мин. Внутр. Дѣлъ, прежняго изданія, кн. 2); *Вступи-
 тельная бесѣда о сельскомъ хозяйствѣ Новороссійскаго Края* г.
 Н. Палимпестова (Жур. Мин. Госуд. Имущ., № 7); *О состояніи*
сельскаго хозяйства въ Южной Россіи, въ 1852 году г. Д. Стру-
 кова (тамъ же, № № 6, 7 и 8); *Копеводство въ Южной Россіи и*
Воздѣлываніе кукурузы въ Бессарабіи (обѣ статьи напечатаны въ
 «Трудахъ» Импер. Волы. Экон. Общ., № 4), также *Матеріалы*
для хозяйственной статистики Таврической Губерніи (Жур. Мин.
 Внут. Дѣлъ, прежняго изданія, кн. 1).

Касательно самыхъ интересныхъ вопросовъ общественнаго хозяйства.

блѣднованныхъ съ большою или меньшею подробностью, съ большими ли меньшими талантомъ и точнымъ знаніемъ дѣла, особенное вниманіе братили на себя въ прошломъ году слѣдующія статьи: *Общественное хозяйство въ Санктпетербургѣ* (Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, новаго изданія, кн. 2); *Статистическое изслѣдованіе о торговлѣ драмами въ Санктпетербургѣ* (того же журнала, но прежняго изданія, кн. 3); *Объ обезпеченіи продовольствія государственныхъ крестьянъ* (Журн. Мин. Госуд. Имущ., № 10); *О храненіи народнаго права въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ* (тамъ же № 11); *Статистика градобитія въ имперіи* (Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, прежняго изданія, кн. 4); *Статистика пожаровъ въ имперіи* (того же журнала, новаго изданія, кн. 2); *Устройство полицейской и пожарной части въ городахъ* (тамъ же, кн. 3 и 4); *Объ устройствѣ ремесленнаго сословія и ремесленной промышленности* (тамъ же, кн. 4); статистическіе очерки европейскихъ государствъ и ихъ колоній, напечатанные въ первыхъ нумерахъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» за прошлый годъ, и въ высшей степени интересные *Очерки Турціи*, напечатанные въ послѣднихъ нумерахъ той же газеты.

Изъ отдѣльныхъ статей, относящихся до промышленности и торговли, укажемъ на слѣдующія спеціальныя обозрѣнія: *Садоводство Владимирской Губерніи* г. Н. Дубенскаго (Труды Импер. Вольн. Экон. Общества, № № 5 — 10); *Ловля сельдей въ Озерѣ Плещеевѣ* г. К. И. Тихонова (Вѣст. Импер. Рус. Геогр. Общ., кн. 1); *Свѣдѣнія о промышленности и торговлѣ въ селѣ Ивановѣ*, по даннымъ, сообщеннымъ мѣстными фабрикантами, гг. Бабуринымъ и Гарелинымъ (тамъ же, кн. 2); *Обозрѣніе промышленности города Суздаля и его ульда* г. П. Несытова (тамъ же, кн. 3); *Илецкія соляныя копи* (Жур. Мин. Вн. Дѣлъ, прежняго изданія, кн. 1 и Отеч. Зап. № 10); *Нижегородская ярмарка 1852 г.* (тамъ же, кн. 1 и 2); *Торговая дѣятельность на главныхъ ярмаркахъ Имперіи за 1852 г.* О достоинствѣ этихъ весьма-краткихъ замѣтокъ, основанныхъ на донесеніяхъ мѣстныхъ полицейскихъ начальствъ, мы распространяться много не станемъ.

Изъ ряда всѣхъ этихъ статей и статейекъ — бойкостью пера, мѣткостью взгляда, интереснымъ содержаніемъ и заманчивостью изложенія, далеко впередъ выступаютъ *Замѣтки о льсопромышленности и о главныхъ льсныхъ рынкахъ въ Бѣломорьѣ* О. А. Богуслава (напечатанные въ Жур. Мин. Вн. Дѣлъ, прежняго изданія, кн. 5) и *Обозрѣніе московской выставки*. «Обозрѣній» этихъ написано было много; но лучшія и болѣе-отчетливыя изъ нихъ были напечатаны въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», г. Баталіна, и въ нашемъ журналѣ (№ № 10 — 12), Е. Н. Андреева; хорошо были составлены и статьи г. Георга Мина въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ № 83, 84 и слѣд.): онѣ показали намъ слишкомъ ужъ поверхностны, но все-

такимъ стоять несравненно-выше статей, помещенныхъ о неславянскихъ этнографическихъ предметахъ въ другихъ журналахъ и газетахъ.

Дѣлностью и прилежнымъ изученіемъ предмета отличаются статьи о *Рыбной производительности Байкала* г. П. Пежемскаго и *Примлчанія къ этой статьѣ* г. И. В. Сельскаго (*Вѣстникъ Импер. Рус. Геогр. Общ.*, кн. 4). Вообще же Сибири посвящены были въ прошломъ году слѣдующія статьи: *Сельскія русскія о рѣкѣ Амурѣ въ XVII столѣтіи* г. Г. И. Спасскаго (тамъ же, кн. 2); *Объ омылахъ земледѣлія въ Камчаткѣ* г. Д. И. Булычева (тамъ же, кн. 4); *Хозяйственно-статистическій обзоръ Камчатки* г. Ю. Гагенейстера (*Жур. Мин. Вн. Дѣлъ*, прежняго изданія, кн. 5); *Очеркъ земледѣльческой промышленности въ Восточной Сибири* г. Н. С. Щупина, (тамъ же и того же изданія, кн. 6); *Бурятское хозяйство* (Труды Импер. Вольнаго Экон. Общества № 2); *Промышленные и хозяйственные обстоятельства города Читы* (тамъ же, № 11); *Торговля Чаукчей съ русскими и жителями острововъ Восточнаго Мора* г. П. М. Уткина (*Москов. Вѣд.* № 138); прибавимъ сюда, мимо, и статью того же автора, подъ заглавіемъ *Русскіе миссіонеры у Чаукчей* (*Москов. Вѣдомости* № № 82 и 83).

Изъ статей, отличающихся историческимъ направленіемъ, имѣетъ превосходныя изслѣдованія профессора С. М. Соловьева: *Географическія изслѣдованія о Древней Россіи* (*Отеч. Записки* № 6) и *Русскій городъ въ XVII вѣкѣ* (*Соврем.* № 1).

Оригинальными этнографическими матеріалами журналы наши въ прошломъ году были неочень-богаты. Въ этомъ отношеніи мы можемъ указать только на слѣдующія статьи: *Очерки Финскаго Севера*, выведенные изъ путевыхъ воспоминаній М. А. Кастрѣна (*Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ*, прежняго изданія кн. 3, 4 и 5); *Кастрѣнъ*, тоже краткое извлеченіе (*Пантеонъ* № 9); *Могила древнихъ Ливовъ* г. Бера (*Библ. для Чит.* № 2), *Замѣтки о Верхотурскихъ Вогулахъ, живущихъ по рѣкѣ Лозьѣ*, іермонаха Макарія (*Вѣстникъ Импер. Рус. Геогр. Общ.* кн. 1); *Горные Черемисы Казанской Губерніи* (*Жур. Мин. Вн. Дѣлъ*, прежняго изданія кн. 2); *Святки въ Московской Губерніи* г. В. Родиславскаго (*Москов. Вѣд.* № № 1 и 2); *Иеродимыя примѣты въ Южновскомъ Уѣздѣ*, священника Прокопія Руженцова (*Вѣстникъ Импер. Рус. Геогр. Общ.* кн. 2); *Зырянскія бани* г. С. Е. Мельникова (тамъ же); *Свадебные обряды Якутовъ* г. Н. Бера (тамъ же); *Старинная русская одежда*, г-жи Авдѣевой (*Отеч. Записки* № 6) и *Бытъ Бѣлорусскихъ крестьянъ*. Последняя изъ этихъ статей составлена преимущественно изъ превосходнаго этнографическаго описанія, доставленнаго въ 1848 и 1850 годахъ въ Императорское Русское Географическое Общество вольноотпущеннымъ помѣщика Павловичева, Николаемъ Анимелле (*Вѣстникъ* того же Общества кн. 4).

Множество мелкихъ оригинальныхъ и обширныхъ переводныхъ статей статистическаго и этнографическаго содержанія появлялось въ—теченіе да въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Особенно—богаты ими были «Санктпетербургскія Вѣдомости», «Отечественныя Записки», «Коммерческая Газета», «Московскія Вѣдомости», «Современникъ», «Москвитинъ», «Морской Сборникъ», газета «Кавказъ», разные губернскія вѣдомости, да и вообще редакціи каждаго періодическаго изданія видимо болѣлись о приданіи своему журналу, или своей газетѣ, возможно—большаго интереса. Такъ, напримѣръ, въ «Военно—Медицинскомъ Журналѣ» особый отдѣлъ посвященъ военно—медицинской статистикѣ; въ «Отечественныхъ Запискахъ» отдѣлъ иностранной литературы постоянно былъ занятъ свѣжими и любопытными, хотя и переводными статистическими и этнографическими описаніями; въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» еженедѣльно, а иногда два и три раза въ недѣлю помѣщались цѣлыя вѣстники съ промышленными, этнографическими или статистическими свѣдѣніями; «Коммерческая Газета» также помѣщала у себя разные свѣдѣнія; то же можно сказать и объ остальныхъ журналахъ и газетахъ. О статьяхъ такого рода мы не будемъ упоминать и, переходя отъ статистики и этнографіи къ «путешествіямъ», укажемъ на слѣдующія, отъ и необширные, однакожь имѣющія свою цѣну статьи, именно: *Ожрый Полюсъ*, г. П. М. Новосильскаго (Пантеонъ, № 9), *Свѣдѣнія объ экспедиціи, снаряженной для описи Аральскаго Моря, въ 1848 году* г. А. Бутакова — статья не большая, но важная, потому—что теперь читатели могутъ окончательно убѣдиться, что первый изслѣдователь Аральскаго Моря, первый описыватель этого прежде далеко—неполнѣ извѣстнаго русскаго моря, и первый составитель ученой карты его былъ не кто иной, какъ самъ же начальникъ экспедиціи, г. А. Бутаковъ (Вѣстникъ Импер. Русск. Географ. Общ. кн. 1), *Островъ Амуръ—аде* (тамъ же), и *Прогулка по Россіи, письмо изъ Астрабада* (Пантеонъ, № 6) — статья весьма—легонькая.

Изъ дорожныхъ записокъ и замѣтокъ путешественниковъ особенною легкостью и недолговѣчностью своего существованія замѣчательны *Письмо Русскаго Путешественника* г. Д. (Современникъ № 2), *Отъ Зауралья до Закавказья* г. Вердеревскаго (Санктпетербургскія Вѣдомости), *Очерки Константинополя* Г. Ч. (Московскія Вѣдомости № 136, 137 и 139), *Св. Софія* г. М. А. Г. (Современникъ № 11), *Путь къ святымъ мѣстамъ* (Современникъ № 11) и *Поездка по Германіи въ сельскохозяйственномъ отношеніи* г. Я. Юнсона (Труды Вольн. Экон. Общ. № 3). Гораздо съ большимъ интересомъ прочтены были *Дорожныя Записки* г. Павла Егорова, появившіяся въ «Современникѣ» (№ 9) и въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 8). Въ обоихъ этихъ журналахъ передавались публикѣ разсказы нашихъ наблюдательныхъ путешественниковъ, изъ которыхъ одни ужъ успѣли упрочить свое имя въ нашей литературѣ, другіе какъ—будто только—что

выступали на арену безъ нужной скромности или задержности. Изъ послѣднихъ принадлежатъ гг. В. Мельницкій и Павелъ Шпилевскій; въ ряду первыхъ стоятъ гг. Е. Ковалевскій и Павелъ Небольсинъ.

Г. В. Мельницкому принадлежатъ прекрасныя и по изложенію и по направленію, и по интересу содержанія статьи *Перелѣды по Россіи* (Современникъ, №№ 6, 8 и 11).

Г. Павелъ Шпилевскій былъ авторомъ болѣе-серьезныхъ и нѣсколькихъ въ наукѣ особенное значеніе трудовъ: онъ напечаталъ въ прошломъ году двѣ статьи, относящіяся къ одинаково-любопытному краю, именно: *Бѣлоруссія въ характеристическихъ описаніяхъ и фактастическихъ повѣрьяхъ* (Пантеонъ № 4 и 6), *Путешествіе по Польсю и Бѣлорусскому Краю* (Современникъ № 6, 7, и 8).

Г. Павелъ Небольсинъ напечаталъ въ нашемъ журналѣ (№№ 1, 2, 4, 5, 6, 10, 11 и 12) десять главъ *Разказовъ Пропажаго*, нѣкоторыхъ высокаго этнографическаго и статистико-экономическаго интереса.

ГОРЕ ОТЪ УМА. *Комедія А. С. Грибоѣдова. Третье изданіе. 1854. Въ 24-ю д. л. 227. стр.*

ГОРЕ ОТЪ УМА. *Комедія А. С. Грибоѣдова. Изданіе Черноглазова. 1854. Въ 24-ю д. л. XVI и 205 стр.*

ГОРЕ ОТЪ УМА. *Комедія А. С. Грибоѣдова. Изданіе Александра Смирдина. 1854. Въ 12-ю д. л. 162 стр.*

ГОРЕ ОТЪ УМА. *Комедія А. С. Грибоѣдова. Изданіе съ біографіею автора, написанною Ѳ. Булгаринымъ. 1854. Въ 12-ю д. л. XLVI и 153.*

30-го января 1854 года минуло двадцать-пять лѣтъ со дня смерти незабвеннаго въ нашей литературѣ Грибоѣдова — и вотъ нѣсколько издателей вдругъ взялись за его «Горе отъ ума». Комедія эта сдѣлалась общою собственностью, и потому издатели, торопясь одинъ передъ другимъ, хотѣли этимъ воспользоваться, чтобы распродать побольше экземпляровъ. Вотъ причина, почему въ-теченіе одного мѣсяца явилось *четыре* изданія... Но, какія изданія!

«Горе отъ ума» имѣло до настоящаго времени только *два* изданія: Первое давно сдѣлалось библиографическою рѣдкостью; второе, въ крошечномъ форматѣ, съ біографіей Грибоѣдова, написанною К. Полевымъ, находится у многихъ, и изрѣдка являлось еще въ продажѣ, но по цѣнѣ, въ *десять* разъ вышей противъ первоначальной цѣны, то-есть по *десяти* руб. сер. за экземпляръ. Это очень-хорошо доказываетъ, что двухъ изданій комедіи было недостаточно, и намъ кажется, что еслибъ ихъ было вдвое-больше, и тогда бы они всѣ разошлись въ двадцать-пять лѣтъ.

Вотъ лучшая похвала, какую можемъ сказать таланту Грибоѣдова. Двадцать-пять лѣтъ прошло со дня смерти автора «Горе отъ ума» и, можетъ-быть, только два-три голоса рѣшились сказать что-нибудь противъ этого произведенія, которому суждено долго играть важную роль въ нашей литературѣ. Слѣдовательно главный пробный камень — время — выдержанъ этою комедіею со славою. Въ двадцать-пять

лѣтъ стихъ нашъ ушелъ далеко въ отношеніи внѣшняго блеска; а между тѣмъ стихъ Грибоѣдова нисколько не утратилъ той могучей меткости, которая такъ поразила современниковъ, хотя они и жили въ то время, когда стихъ Жуковского, Батюшкова и Пушкина, попеременно приводилъ ихъ отъ одного изумленія къ другому и заставлялъ, казалось, быть нѣсколько-равнодушнѣе къ стиху Грибоѣдова. Но совсѣмъ тѣмъ первое впечатлѣніе комедіи было громадное (нисколько непреувеличенное слово); ее въ рукописи, знали наизусть въ Петербургѣ и Москвѣ — это фактъ, о которомъ всѣ, неприннадлежащіе къ старому поколѣнію, слышали. Но кто знаетъ, какъ привѣтствовали тогдашніе критики эту комедію? Это очень-любопытно.

Въ 1825 году явилось два обзорнія литературы за 1824 годъ. Одно изъ нихъ помѣщено было въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», альманахѣ, изданномъ Дельвигомъ, и называется: «Письмо къ графинѣ С. И. С. О Русскихъ повтахъ». Въ этомъ обзорніи нечисляются всѣ русскіе писатели, но о Грибоѣдовѣ не сказано ни слова.

За-то въ другомъ обзорніи, напечатанномъ въ другомъ альманахѣ, сказано было вотъ что:

«Русскій театръ въ прошедшемъ году обдѣнѣлъ оригинальными пьесами... Но все это выкупааетъ рукописная комедія г. Грибоѣдова: «Горе отъ ума», феноменъ, какого не видали мы отъ времени «Недоросля». Толпа характеровъ, обрисованныхъ смѣло и рѣзко; живая картина московскихъ нравовъ, душа въ чувствованіяхъ, умъ и остроуміе въ рѣчахъ, невиданная досель былость и природа разговорнаго русскаго языка въ стихахъ, все это увлекаетъ, поражаетъ, привлекаетъ вниманіе. Человѣкъ съ сердцемъ не прочтетъ ее не сѣвнившись, не тронувшись до слезъ. Люди, привычные даже забавляться на французской систематикѣ, или оскорбленные зеркальностью сценъ, говорятъ, что въ ней нѣтъ завязки, что авторъ не по правиламъ нравится; но пусть они говорятъ, что имъ угодно: *предразсудки разсыются и будущее оцѣнитъ достойно сію комедію, и поставитъ ее въ число первыхъ твореній народныхъ».*

Теперь, черезъ двадцать-пять лѣтъ, можемъ сказать, что слова эти шлояи сбылись: «Горе отъ ума» стоитъ въ числѣ первыхъ народныхъ нашихъ твореній и пользуется завидною участью: поколѣніе за поколѣніемъ выучиваетъ его наизусть.

Въ то время, когда слава Грибоѣдова мужала такимъ образомъ, что дѣлали сверсники Грибоѣдова по литературѣ, его друзья, литераторы того времени? Сколько они намъ объяснили самое твореніе и жизнь писателя, такъ сильно овладѣннаго русскимъ умомъ? Славная тѣнь Грибоѣдова все болѣе-и-болѣе отдалялась отъ насъ, его потомковъ, и дѣлалась заманчивѣе-и-заманчивѣе. Отчего, спрашивали многіе, Грибоѣдовъ такъ великъ въ своей комедіи, что объясненія этого литературнаго феномена не находимъ ни въ предъидущихъ трудахъ этого писа-

тебя, ни въ послѣдующихъ? Чѣмъ объяснить этотъ великій шагъ, который онъ сдѣлалъ отъ переводныхъ водевилей вдругъ къ высокой, во всѣхъ значеніяхъ, комедіи? Не есть ли это случайность? Гдѣ его біографія, которая бы намъ что-нибудь пояснила въ этомъ важномъ вопросѣ; гдѣ замѣтки его друзей, которые безпрестанно упоминаютъ о своей дружбѣ съ нашимъ комикомъ, замѣтки, въ которыхъ бы мы увидѣли его біографію, не только служебную, но и литературную?

Замѣтокъ нѣтъ; біографіи нѣтъ; есть... есть одни увѣренія нѣкоторыхъ, что они были друзьями Грибоѣдова, и плакали, горько плакали, когда умеръ Грибоѣдовъ; есть... фразы, фразы и фразы. Посмотрите: въ наше время умерли Пушкинъ, Крыловъ, Гоголь и Жуковский. Сколько разъисканій, сколько статей появилось и появляется! Не только сочиненія, написанныя этими авторами, въ томъ возрастѣ, когда они не могли еще имѣть вліянія на литературу, но всѣ сколько-нибудь замѣчательные ихъ разговоры, мнѣнія, письма — все собирается и печатается. Съ помощью этого, и личность и значеніе ихъ, какъ писателей, все будетъ ясно для каждаго... Превнне литераторы больше оплакивали потерю замѣчательнаго писателя, нежели нынѣшніе — и меньше дѣлали...

Такъ-какъ мы не намѣрены вновь оцѣнить произведеніе, уже оцѣненное по достоинству нашими знаменитыми писателями и поэтами, то скажемъ еще нѣсколько словъ кой-о-чемъ: о біографіяхъ Грибоѣдова, о его другихъ сочиненіяхъ, о стихахъ его...

Кто бы могъ подумать, что о жизни Грибоѣдова и о его сочиненіяхъ (за исключеніемъ: «Горе отъ Ума») говорится только въ двухъ статьяхъ: г. К. Полеваго и Ѳ. Булгарина! Статья «О Жизни и сочиненіяхъ Грибоѣдова», принадлежащая г. К. Полевому, была напечатана при второмъ изданіи «Горе отъ Ума» въ 1839 году. «Воспоминаніе о незабвенномъ Александрѣ Сергѣевичѣ Грибоѣдовѣ» г. Ѳ. Булгарина, было, кажется, напечатано въ 1830 году въ «Сынѣ Отечества» и нынѣ перепечатано при одномъ изъ вышеозначенныхъ изданій. Съ-тѣхъ-поръ друзья и пріатели Грибоѣдова молчали и молчатъ. Что можемъ мы сдѣлать?

Мы благодарны за ту и другую біографію; отдаемъ, однакожь, предпочтеніе біографіи г. К. Полеваго, какъ болѣе-полной. Но ни въ той, ни въ другой не обращено полного вниманія на вопросъ, который хотѣли бы мы разрѣшить: что способствовало такому быстрому развитію таланта Грибоѣдова, который еще въ 1818 году занимался вмѣстѣ съ Жандрою переводомъ незначительнаго водевиля «Притворная Невѣрность», а въ 1823 явился ужъ съ своимъ «Горе отъ Ума»? Что произошло въ это время въ нашей литературѣ? Чѣмъ занимался Грибоѣдовъ въ это время? Онъ былъ въ Перси, гдѣ составилъ первый планъ комедіи; но, по пріездѣ въ Москву, почти всю ее передѣлалъ, безпрестанно посѣщая общество и всматриваясь въ различные характе-

ры тогдашняго московскаго общества. Нельзя намъ быть довольными тѣмъ, что говоритъ г. Булгаринъ :

«Вотъ какими образомъ родилась эта комедія. Будучи въ Персіи, въ 1821 году, Грибоѣдовъ мечталъ о Петербургѣ, о Москвѣ, о своихъ друзьяхъ, родныхъ, знакомыхъ, о театрѣ, который онъ любилъ страстно, и объ артистахъ. *Онъ легъ спать въ кіоскъ, въ саду, и видѣлъ сонъ*, представившій ему любезное отечество, со всѣмъ, что осталось въ немъ милого для сердца. Ему снилось, что онъ въ кругу друзей рассказываетъ о планѣ комедіи, будто имъ написанной, и даже читаетъ нѣкоторыя мѣста изъ оной. Пробудившись, Грибоѣдовъ беретъ карандашъ, бѣжитъ въ садъ и въ ту же ночь начертываетъ планъ «Горе отъ Ума», и сочиняетъ нѣсколько сценъ перваго акта. Комедія эта заняла всѣ его досуги, и онъ *кончилъ ее въ Тифлисѣ, въ 1822 году*. Въ мартѣ 1823 онъ получилъ отпускъ въ Москву и Петербургъ на четыре мѣсяца. Приѣхавъ въ Москву, Грибоѣдовъ сталъ посѣщать общества, и въ то же время почувствовалъ недостатки своей комедіи и началъ ее передѣлывать. *Каждый выѣздъ въ сады представлялъ ему новые матеріалы* въ усовершенствованію своего труда, и часто случалось, что онъ, возвратясь поздно домой, писалъ цѣлыя сцены по ночамъ, такъ сказать, въ одинъ присѣсть. Такимъ—образомъ составилось сіе бессмертное твореніе, отпечатокъ чувствованій, впечатлѣній и характера незабвеннаго автора».

Г. К. Полевой повторяетъ то же самое о *смы*, что сказалъ г. Булгаринъ, и прибавляетъ :

«Грибоѣдовъ всегда былъ человѣкъ съ дарованіемъ, но *больше того* не могъ сказать о немъ, ни одинъ пламенный его хвалитель. И вдругъ—какой шагъ ! Послѣ *Притворной Невѣрности* онъ является со своимъ бессмертнымъ *Горе отъ Ума*. Тутъ разстояніе — земля и небо!»

Именно, объясненіе этого разстоянія мы и хотѣли бы услышать отъ біографовъ Грибоѣдова. Нужно замѣтить, что драматическіе наши писатели двадцатыхъ годовъ были блестящи и совершенно—поверхностны. Преимущественно же въ нихъ почти ничего не было русскаго, несмотря на то, что они сочиняли, переводили и передѣлывали французскія комедіи и водевилы — русскими стихами. Кокоскинъ, Жанръ, Хмѣльницкій, князь Шаховской составляютъ ту блестящую плеяду писателей Александринскаго Театра двадцатыхъ годовъ, о которой и до—сихъ—поръ многіе вздыхаютъ. Эти вздыхатели отчасти справедливы, отчасти совершенно несправедливы. Справедливы они въ томъ, что всѣ четверо писателей, упомянутые нами (ихъ же другомъ былъ и Грибоѣдовъ и съ ними кропалъ водевички) владѣли стихомъ гладкимъ и всѣ вообще были люди образованные. Стихъ всѣхъ этихъ писателей можно назвать лакированнымъ ; остроты и каламбуры совершенно—приличными. Если сравнить всѣхъ этихъ писателей Александринскаго Театра 1820 года со многими изъ нынѣшнихъ, мы, дѣйствительно, увидимъ разницу ве-

замѣряемую. Тѣ писатели позволяли себѣ иногда только самую легкую двусмысленность какого-нибудь верхомета, сейчасъ же расквашивагося въ легкости своего поведенія. Всѣ лица, выведенныя и Хмѣльницкимъ и Жандромъ и Грибоѣдовымъ и княземъ Шаховскимъ — были милые луны, милые повѣсы, милые вѣтренники, милые старички, милые молодые люди, милыя кокетки, милыя старушки... Всѣ они были однообразно-милы и всѣ остроумны. Но русскаго въ нихъ почти ничего не было : ни характеровъ, ни общества, ни тѣхъ условій, которыми должна была бы завязаться русская драма. Все это были остроумныя передѣлки. Спрашивается теперь : какимъ-образомъ изъ этой школы поверхностно-остроумной и однообразно-забавной на французскій ладъ, могъ выйти писатель такой, какъ Грибоѣдовъ? Мало этого : какимъ образомъ Грибоѣдовъ, самъ соучастникъ и Жандра (Притворная Невѣрность), и князя Шаховскаго и Хмѣльницкаго (Своя Семья) могъ, въ четыре или пять лѣтъ, до такой степени переменить свои понятія о драмѣ, что пренебрегъ совершенно прежними условіями французской сцены, и приобрѣлъ до такой степени серьезный взглядъ на общество, что съ разу отъ шуточнаго водевиля перешелъ къ высокой комедіи? Какъ могъ онъ въ четыре года свой французскій взглядъ на общество переменить на чисто-русскій?

Припомните нѣкоторые его стихи изъ «Горя отъ Ума», о нынѣшнемъ и старинномъ покроѣ платья, о смѣшеніи французскаго съ нижегородскимъ — и вы удивитесь еще больше этой перемены въ образѣ мыслей... Вотъ чтó біографы должны были имѣть въ виду, если хотѣли, чтобъ ихъ замѣтки о жизни Грибоѣдова сдѣлались біографіей этого замѣчательнаго человѣка, котораго Пушкинъ назвалъ *однимъ изъ самыхъ умныхъ людей во всей Россіи*.

Ни та, ни другая статья рѣшительно насъ не удовлетворяютъ въ этомъ главномъ отношеніи, потому-что авторы двухъ біографій не придали должной важности этому вопросу.

Г. К. Полевой по этому поводу говоритъ: «Тутъ разстояніе — земля и небо. Но развѣ не испыталъ Грибоѣдовъ жизни? Развѣ не перенесъ онъ тяжести всѣхъ изученій, начиная отъ прозаическаго общества до восторженныхъ созданій персидскихъ поэтовъ? Развѣ не погружался онъ въ глубину шекспировыхъ твореній, въ таинства исторіи? Развѣ не былъ онъ ревностнымъ изслѣдователемъ роднаго языка, не изыскивалъ силы средствъ его въ обществѣ, въ книгахъ старыхъ и новыхъ, и даже въ страсти къ *Славянизму*, какъ называли тогда желаніе обратиться къ старинному языку нашему? Огромно и тяжело было все такое изученіе, но Грибоѣдовъ перенесъ его, усвоилъ себѣ могучею волею, преобразилъ умомъ своимъ, и гений его развился, принялъ новый полетъ, изумилъ современниковъ и будетъ блистать въ отдаленномъ потомствѣ. Нужны ли доказательства, что онъ не былъ бы тѣмъ, чѣмъ сдѣлался, есlibы больше щадилъ и нѣжилъ свои способности, есlibы

не подвергалъ себя испытаніямъ жизни и ученія, думалъ о минутной известности, а не о коренномъ образованіи и преобразованіи себя? Вамъ важна: много дарованій гибнетъ отъ недостатка въ сильной волѣ; и гдѣ огромная рѣшимость соединяется съ дарованіемъ, тамъ произведетъ она гениевъ. Таковы были у насъ Ломоносовъ и Грибоѣдовъ, каждый въ своемъ вѣкѣ и въ своемъ мѣстѣ.»

Вотъ эти немногія слова мы считаемъ главными въ биографіи Грибоѣдова, написанной Г. К. Полевымъ. Но, къ-сожалѣнію, всѣ эти слова — голословныя показанія, ничѣмъ неподтвержденныя. Мало ли людей до Грибоѣдова и прибрѣтали опытность въ жизни, и трудились, и однакожь не доходили до тѣхъ результатовъ, до которыхъ дошелъ авторъ «Горе отъ ума»? Догадываемся, что въ эти четыре года Грибоѣдовъ изучилъ Шекспира, и по этому-то бросилъ прежнюю классическую форму комедій; догадываемся, что онъ много занимался изученіемъ и исторіею.—Догадываемся... Но зачѣмъ же современники Грибоѣдова не обратили вниманія на эти самые важные четыре года его жизни? Намъ необходимо ихъ уяснить себѣ, какъ самое первое обстоятельство, которое бросается въ глаза каждому, изучающему произведенія Грибоѣдова. Хитѣльничій, человекъ очень-замѣчательный, едва-едва могъ возвыситься до *жаревода Тартюфа* мольерова: такъ глубоко сидѣли тогдашніе драматическіе писатели въ тинѣ французскихъ водевилей... Грибоѣдовъ же создалъ русскую комедію.

Будемъ лучше подбирать кой-какія черты изъ упомянутыхъ нами двухъ биографій для объясненія этого главнаго литературнаго вопроса.

У г. Булгарина, переходъ Грибоѣдова отъ водевиля къ комедіи объясненъ вотъ какими словами:

«Я до сихъ поръ не говорилъ о достоинствѣ литературныхъ опытовъ Грибоѣдова, и *вовсе умолчу о прежнихъ его произведеніяхъ*, потому что они меркнутъ передъ бессмертнымъ трудомъ его, комедіей: *Горе отъ ума*»...

И коротко и ясно; значить, нѣтъ даже и желанія объяснить этотъ важный переходъ отъ водевиля къ комедіи! Этотъ вопросъ даже не представлялся г-ну Булгарину, между-тѣмъ, какъ рѣшеніе его крайне-поучительно для всѣхъ писателей. Нигдѣ, можетъ-быть, не найдете вы другаго примѣра, до какой степени занятія науками и любовь къ труду имѣютъ вліяніе на поэзію! Какъ они быстро измѣнили направленіе таланта Грибоѣдова! Вотъ гдѣ должны поучиться писатели, что они должны дѣлать, чтобъ не вынысываться въ первомъ произведеніи и имѣть успѣхъ въ обществѣ посредствомъ своихъ литературныхъ произведеній! Грибоѣдовъ къ своей комедіи готовился, можетъ быть, четыре года!

До 1816 года Грибоѣдовъ служилъ въ военной службѣ; въ 1817 г. онъ поступилъ на службу въ вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и ревностно занимался дѣлами, отправившись въ Грузію и Персію, гдѣ

онъ провелъ время до 1823. Чѣмъ онъ тамъ занимался — ни г. Полевоу, ни г. Булгаринъ не говорятъ. Замѣтили только одно, что характеръ его въ это время совершенно измѣнился: прежде онъ любилъ разсѣянную жизнь, теперь пристрастился къ кабинетнымъ занятіямъ. Подъ 1824 годомъ, когда Грибоѣдовъ, получилъ отпускъ и жилъ въ Петербургѣ, г. Булгаринъ рассказываетъ о немъ слѣдующее:

«Уединенная жизнь въ Персіи и Грузіи совершенно преобразила характеръ Грибоѣдова. Онъ не хотѣлъ болѣе появляться въ свѣтѣ, посвящалъ себя наукамъ и, при необыкновенной памяти и прилежаніи, пріобрѣлъ глубокія познанія, продолжая изучать то, чему положены были хорошія начала профессоромъ Буле. Грибоѣдовъ, сверхъ занятій изящною словесностію и поэзію, *трудился безпрестанно надъ изученіемъ предметовъ важныхъ. Правовѣдніе, философія, исторія, политическія и финансовыя науки составляли его вседневное упражненіе.* Онъ читалъ не для препровожденія времени, но для того, чтобъ научиться, и умѣлъ изъ всего извлекать полезное для ума и сердца. Изъясняясь пріятно и правильно на *всѣхъ* (?¹) языкахъ, онъ отлично-хорошо говорилъ по-русски, достоинство весьма-рѣдкое между образованными русскими. Краснорѣчіе его, всегда пламенное, было убѣдительно, потому что основывалось на здоровомъ смыслѣ и глубокой учености. Трудно было не согласиться съ нимъ въ мнѣніи. Онъ имѣлъ особенный даръ, какъ всѣ необыкновенные люди, убѣждать и привлекать сердца. Знать его было то же, что любить. Болѣе всего привлекавало къ нему его неспритворное добродушіе, которое, при необыкновенномъ умѣ, дѣйствовало на сердце, какъ теплота на природу. Оттого-то во время пребыванія своего въ Петербургѣ, Грибоѣдовъ, почувствовалъ ничтожность свѣтскихъ связей, подружился съ литераторами (²) и любителями наукъ и словесности, снискалъ ихъ привязанность и уваженіе, и жилъ только въ литературномъ кругу. Грибоѣдова не умѣли цѣнить въ свѣтѣ, не умѣли цѣнить его и нѣкоторые литераторы, которые думаютъ возвыситься тѣмъ, что выходятъ изъ природнаго своего круга, и въ пріемныхъ и гостинныхъ ищутъ награды за свои труды, въ благосклонности людей, неопостагающихъ другаго достоинства въ человѣкѣ, кромѣ связи, богатства и почестей. Грибоѣдовъ былъ выше всѣхъ этихъ мелочей. Онѣ казались ему смѣшными и жалкими столько же, какъ и люди, забывающіе для нихъ предопредѣленіе таланта. Онъ кушалъ познаніе свѣта опытностію; чтилъ и уважалъ званіе и почести въ людяхъ заслуженныхъ и достойныхъ, и никогда не

(¹) «На всѣхъ»? Выше (на стр. X) сказано, что Грибоѣдовъ зналъ совершенно нѣмецкій, французскій, итальянскій и англійскій языки, и понималъ латинскій. Въ Персіи онъ сталъ учиться поперсидски. Тоже сказано и у г. Полеваго.

(²) И прежде былъ друженъ.

склонялъ чело предъ временными любимицами фортуны, или счастливыми пронырами. Разумѣется, что съ этими чувствами Грибоѣдовъ долженъ былъ имѣть враговъ. Онъ имѣлъ ихъ, не сдѣлавъ никому ни малѣйшаго зла, но единственно за то, что былъ выше другихъ умомъ и душою. За это самое Сократъ испилъ цикуту».

По всемъ этимъ краткимъ намекамъ мы видимъ, что въ личности, въ характерѣ Грибоѣдова было что-то грандіозное, а въ его познаніяхъ, въ умѣ — многостороннее. Сила характера его была такова, что онъ не находилъ ничего невозможнаго для ума и воли. Въ разговорѣ, который г. К. Полевой приводитъ (на стр. 45) Грибоѣдовъ, между-прочимъ, сказалъ : «Власть человѣка ограничена только физическою неспособностью, но во всемъ другомъ человѣкъ можетъ повелѣвать собою совершенно, и даже сдѣлать изъ себя все». Понятно, послѣ этого, что могъ сдѣлать изъ себя человѣкъ, подобный Грибоѣдову, въ какія-нибудь пять лѣтъ (отъ 1817 до 1822) — періодъ, который такъ рѣзко дѣлитъ его жизнь на двѣ половины. Въ этотъ періодъ онъ посвятилъ себя не только наукамъ, но и службѣ государственной, гдѣ умъ его высказался во всемъ блескѣ, при персидскомъ посольствѣ. Туркменчайскій трактатъ, съ которымъ графъ Эриванскій прислалъ въ послѣдствіи Грибоѣдова въ Петербургъ, былъ болѣею-частью дѣломъ нашего знаменитаго писателя. И въ службѣ, точно такъ же, какъ и въ литературныхъ занятіяхъ, переворотъ у него былъ очень крутъ. Поэтому-то понятно, что Грибоѣдовъ могъ видѣть и не видѣть *сонъ*, о которомъ біографы распространяются съ такимъ простосердечіемъ, и все-таки написалъ бы «Горе отъ Ума» или что-нибудь въ этомъ родѣ. Комедія эта, незначительная своимъ дѣйствіемъ внѣшнимъ, велика своею сущностью, смысломъ, взглядомъ Грибоѣдова на общество, въ комедіи изображенное. Понятно, какъ могли забѣсить его толки старинныхъ классиковъ, отъ которыхъ онъ совершенно отдѣлился въ эти пять лѣтъ и для которыхъ форма была выше всего, комедія по стариннымъ правиламъ написанная — верхъ искусства, а гладкій стихъ — верхъ поэзіи. Они брали шелуху и не видѣли зерна.

Любовь къ Шекспиру преобладала кажется у Грибоѣдова, судя по тѣмъ словамъ, которыя г. К. Полевой приводитъ подъ 1828 годомъ:

«Продолжая разговоръ о Шекспирѣ, Грибоѣдовъ спросилъ у меня: на какомъ языкѣ я читалъ его? Я читалъ его тогда во французскихъ и нѣмецкихъ переводахъ, и сказалъ это. «А для чего же не въ подлинникѣ? Выучиться языку, особливо европейскому, почти нѣтъ труда: надобно только нѣсколько времени прилежанія. Совѣстно читать Шекспира въ переводѣ, если кто хочетъ вполне понимать его, потому-что-кажъ *всѣ великіе поэты, онъ непереводимъ, и непереводимъ оттого, что націоналенъ*. Вы непременно должны выучиться по-англійски». Помню еще, что въ то утро онъ особенно хвалилъ Шекспиру *Бурю* и находилъ въ ней красоты первоклассныя».

Мнѣніе о національности всѣхъ великихъ повтовъ и о невозможности переводить ихъ на другіе языки, не примѣняется ли и къ «Горе отъ Ума»? Не приблизился ли въ этомъ отношеніи ученикъ къ своему великому учителю?

Въ 1826 году, когда слава Грибоѣдова облетѣла всю Россію, нашъ комикъ жилъ въ Петербургѣ и также неутомимо продолжалъ развивать себя и интересоваться нашей литературой, науками — всѣмъ, что можетъ только интересоваться образованнаго человѣка.

«Часто онъ бывалъ недоволенъ собою, говоря, что чувствуетъ какъ мало сдѣлалъ для словесности». «Время летитъ, любезный другъ», говорилъ онъ: «въ душѣ моей горитъ пламя, въ головѣ рождаются мысли, а между-тѣмъ я не могу приняться за дѣло, ибо науки идутъ впередъ, а я не успѣваю даже учиться, не только работать. Но я долженъ что-нибудь сдѣлать... сдѣлаю!..» Вотъ какъ думалъ Грибоѣдовъ. Онъ не могъ безъ сожалѣнія вспоминать о томъ, что нѣкоторые наши писатели, особенно поэты, думаютъ, что имъ должно слѣдовать одному вдохновенію и ничему не учиться. Грибоѣдовъ указывалъ на Байрона, Гёте, Шиллера, которые оттого именно вознеслись выше своихъ совѣтниковъ, что *геній ихъ равнялся ихъ учености*. Грибоѣдовъ судилъ здраво, безпристрастно и съ особеннымъ жаромъ. У него навертывались слезы, когда онъ говорилъ о нашей словесности. «Жизнь народа, какъ жизнь человѣка, есть дѣятельность умственная и физическая», говорилъ Грибоѣдовъ: «Словесность — мысль народа объ изыщномъ. Греки, Римляне, Евреи — не погибли отъ того, что оставили по себѣ словесность, а мы... Какой результатъ нашихъ литературныхъ трудовъ по истеченіи года? Что мы сдѣлали и что могли бы сдѣлать!..» Разсуждая о сихъ предметахъ, Грибоѣдовъ становился грустенъ, угрюмъ, бралъ шляпу и уходилъ одинъ гулять въ поле или въ рощу» (стр. 24).

Съ каждымъ новымъ словомъ, съ каждой строкой, чувствуешь какъ любовь и уваженіе къ Грибоѣдову растутъ болѣе-и-болѣе. Какая сила чувствъ была соединена въ этомъ человѣкѣ, съ огромнымъ умомъ! Феноменъ рѣдкій не только въ литературѣ, но и въ жизни вообще.

«Мнѣ не случалось въ жизни, ни въ одномъ народѣ видѣть человѣка, который бы такъ страстно любилъ свое отечество, какъ Грибоѣдовъ любилъ Россію. Онъ, въ полномъ значеніи, обожеалъ ее. Каждый благородный подвигъ, каждое высокое чувство, каждая мысль въ русскомъ приводила его въ восторгъ. Еслибъ знали враги его, раздирившіе его литературную славу, какъ онъ радовался, находя въ нихъ хорошее! Грибоѣдовъ, зная столько иностранныхъ языковъ, любилъ читать русскія книги, особенно переводы (даже самые плохіе) великихъ писателей. Когда я изъявилъ ему мое удивленіе на этотъ счетъ, онъ отвѣчалъ: «Мнѣ любопытно знать, какъ изъяснены высокія мысли и наставленія мудрецовъ, и можетъ ли понимать ихъ классъ народа, незнающій иностранныхъ языковъ? Это археологическія и этнографическія

изысканія, любезный другъ» прибавилъ онъ съ улыбкою. Грибоѣдовъ чрезвычайно любилъ простой русскій народъ, и находилъ особенное удовольствіе въ обществѣ образованныхъ молодыхъ людей, неискореннымъ еще искательствомъ и свѣтскими приличіями. Онъ находилъ особеннаго наслажденіе въ посѣщеніи храмовъ Божіихъ. Кромѣ христіанскаго долга, онъ привлекаемъ былъ туда особеннымъ чувствомъ патриотизма. «Только въ храмахъ Божіихъ собираются русскіе люди», говорилъ онъ, «думаютъ и молятся по-русски. Въ русской церкви, и въ отечествѣ, въ Россіи. Меня приводитъ въ умиленіе мысль, что тѣ же молитвы читаны были при св. Владимірѣ, Дмитріи Донскомъ, Мономахѣ, Ярославѣ, въ Кіевѣ, Новѣ-городѣ, Москвѣ; что то же пѣніе трогало ихъ сердца, тѣ же чувства одушевляли набожныя души. Мы русскіе только въ церкви — и я хочу быть русскимъ».

Какъ, многіе стихи изъ «Горе отъ Ума» поясняются этими словами, и какъ бы мы хотѣли прочесть еще нѣсколько подобныхъ фактовъ изъ біографіи Грибоѣдова... но, увы! ихъ нѣтъ.

«Но эта любовь къ отечеству не заставила его ненавидѣть чужеземцевъ, подобно тѣмъ грубымъ невѣждамъ, которые почитаютъ врагомъ каждаго, кто не родится на берегахъ Волги или Оки. Напротивъ-того, Грибоѣдовъ радовался, когда чужеземецъ, посвящая свои таланты на пользу Россіи и былъ признателенъ къ каждому, оказавшему услуги его отечеству.»

Отрывочныя мѣста изъ двухъ статей о Грибоѣдовѣ, кажется намъ, могутъ по-крайней-мѣрѣ дать нѣкоторое понятіе о политическомъ преобразованіи Грибоѣдова въ пять лѣтъ, раздѣляющіе его литературную дѣятельность. На этомъ-то мы и хотѣли только остановить вниманіе читателя. Уже не Мольеръ, Ренаръ, Боасси, Фаваръ, Грессе, Седонъ, Колленъ-д'Арвиль, Фабръ-д'Эглантинъ занимаютъ его фантазію, какъ другихъ его соотечественниковъ по театру, а Шекспиръ, Байронъ, Шиллеръ и Гёте. Глубокое изученіе отечества сняло съ его глазъ, какъ повязку, прежнюю французскую теорію водевильнаго искусства, которому онъ вначалѣ послужилъ нѣсколько. Умъ его сдѣлался серьезнѣе, окрѣпъ въ изученіи — и плоды его явились въ «Горе отъ Ума.» Мы видели его отзывъ о Шекспирѣ; многимъ, можетъ-быть, пріятно будетъ узнать, что онъ переводилъ *Фауста* Гёте. Въ то время, когда слава о рукописной комедіи Грибоѣдова уже распространилась, именно въ 1825 г., онъ напечаталъ отрывокъ изъ «Фауста» въ одномъ изъ тогдашнихъ альманаховъ. Не думаемъ, чтобъ многимъ теперь былъ извѣстенъ этотъ отрывокъ, заключающій въ себѣ прологъ къ «Фаусту». Онъ былъ переведенъ въ 1824 году, по увѣренію г. К. Полевая; напечатанъ же въ 1825 г. Стихъ перевода тяжеловатъ, какъ вообще грибоѣдовскій стихъ, но не имѣетъ той силы, которую давала стиху его народность выраженій въ «Горе отъ Ума.» Грибоѣдовъ чуть ли не

первый началъ знакомить русскую публику съ «Фаустомъ» и такимъ-образомъ указалъ путь многимъ послѣдовавшимъ за нимъ переводчикамъ. Притомъ же нашей публикѣ ничего неизвѣстно грибоѣдовскаго, кромѣ «Горь отъ Ума», и это будетъ второю причиною, заставляющею насъ познакомиться съ «Прологомъ Фауста.» Вотъ этотъ переводъ :

Директоръ Театра. — По дружбѣ, мнѣ, вы господа,
 При случаѣ посильно, иногда
 И дѣятельно помогали;
 Сегодня, милые, нельзя ли
 Воображенію дать смѣлый вамъ полѣтъ?
 Парите вверхъ, и внизъ спускайтесь произвольно,
 Чтобъ большинство людей осталось мной довольно,
 Которое живетъ, и жить даетъ.
 Домъ зрѣлища устроены пребогатый,
 И бревнявой накатъ, и полъ дощатый,
 И все по зву : — одинъ свистокъ :
 Храмъ взлетѣть до небесъ, раскинется лѣсокъ,
 Лишь то бѣда, ума намъ гдѣ добиться?
 Смотрите вы на брови знатоковъ,
 Они, и всякій кто таковъ,
 Чему-нибудь хотѣли бъ удивиться ;
 А я испуганъ, сталъ въ тупикъ ;
 Не то, чтобы у насъ къ хорошему привыкли,
 Да начитались столько книгъ !
 Всю подноготную проникли !
 Увы!
 И слушаютъ, и ловятъ все такъ жадно !
 Чтобъ были вещи имъ новы,
 И складно для ума, и для души отраднo.
 Люблю толнящийся народъ
 Я, при раздачѣ ложъ и кресель ;
 Кому терпѣнье — трудень входъ,
 Тотъ получилъ себѣ — и весель,
 Но вотъ ему возврата нѣтъ !
 Стѣной густѣютъ непроломной,
 Толпа растеть, и ропотъ громный,
 И голоса : билетъ, билетъ !
 Какъ-будто ихъ рождаетъ преисподня ;
 А это чудо кто творить? — Поэтъ ;
 Нельзя-ли, милый другъ, сегодня?

Поэтъ. — О не тревожь, не мучь суетъ картиной.
 Задержи, скрой отъ глазъ народъ,
 Толпу, которая пестряющей пучиной
 Съ собою противувольно насъ влечеть.
 Туда веди, гдѣ подъ небесъ равниной
 Поэту радость чистая цвѣтѣтъ ;

Гдѣ дружба и любовь, его къ кою
 Обвивать, осѣмьять божественной рукою.
 Ахъ! часто, что отраду въ душу льеть,
 Что робко намъ уста пролетѣтали,
 Мечты не снѣдья... и вотъ
 Ихъ крылья бурнаго мгновѣнія умчали.
 Едва искупленныхъ трудами многихъ лѣтъ,
 Ихъ въ полнотѣ красы увидать свѣтъ.
 Обманчивъ блескъ : — онъ не продлится ;
 Но истинный потомству сохранится.

Весельчакъ. — Потомству? да; и слышно только то,
 Что духомъ всѣ парять къ потомкамъ отдаленнымъ ;
 Не ужъ-то, наконецъ, никто
 Не порадуется современнымъ ?
 Неужъ-то холодомъ мертвятъ какъ чародѣй
 Присутствіе порядочныхъ людей!
 Кто бредитъ лаврами на сценѣ и въ печати,
 Кому непославы кисть, лира или рѣзецъ
 Изгибы обнажать сердецъ :
 Тотъ поробуется-ли? — Толпа ему и кстати ;
 Желаетъ онъ побольше кругъ,
 Чтобъ дѣйствовать на многихъ вдругъ.
 Скорѣй фантазіи, гласъ скорби безотрадной,
 Движеніе, пылъ страстей, весь хоръ ея нарядной
 Къ себѣ зовите на чердакъ.
 Дурачеству оставьте дверцу,
 Не настѣжь, вполонину, такъ,
 Чтобъ всякому пришло по сердцу.

Директоръ. — Побольше дѣйствія! — Что зрителей манитъ?
 Имъ видѣть хочется — ну живо
 Представить имъ дѣла на видъ !
 Какъ хочешь, жаръ души излей красворѣчиво ;
 Иной уловкою успѣхъ себѣ унрочъ ;
 Побольше дѣйствія, смеленій и развитій!
 Лишь силой можно силу превозмочь,
 Число людей числомъ событій.
 Гдѣ приключеній тѣма — никто не перечесть,
 На каждаго по нѣскольку придется ;
 Народъ доволенъ разоидется,
 И всякой что-нибудь съ собою понесетъ.
 Сліяніе частей измучить васъ смертельно ;
 Давайте намъ подробности отдѣльно.
 Что цѣлое? какая прибыльъ вамъ ?
 И ваше цѣлое вниманье въ комъ пробудитъ ?
 Его расхитять по долямъ,
 И публика по мелочи осудитъ.

Поэтъ. — Ахъ! это ли имѣть художнику въ виду!
Обречь себя въ вѣкахъ укорамъ и стыду! —
Не чувствуетъ, какъ душу мнѣ терзаетъ.

Директоръ. — Размыслите вы сами напередъ :
Кто сильно потрясти людей желаетъ,
Способиѣе оружье избереть ;
Но время ваши призраки развѣть,
О гордые искатели молвы!
Опомнитесь! — кому творите вы?
Влечется къ намъ иной, чтобъ скуку поразвѣять,
И скука вмѣстѣ съ нимъ ввалилась — дремлетъ онъ ;
Другой явился отягчонъ
Парами пѣнистыхъ бокаловъ ;
Иной небрежный ловить стихъ, —
Сотрудникъ глупыхъ онъ журналовъ.
На святочные игры ихъ
Чистѣйшее желанье окривляетъ,
Невѣжество имъ зрѣнье затемняетъ,
И на устахъ бездушія печать ;
Красавицы подъ бременемъ уборовъ
Тишкомъ желаютъ расточать
Обманъ улыбки, нѣгу взоровъ.
Что возмечтали вы на вашей высотѣ?
Смотрите имъ въ лицо! — вотъ тѣ
Окремѣвшія толпы живымъ утѣсомъ ;
Тамъ мыслятъ дань обрѣсть картѣжные ловцы ;
Тотъ буйно ночь провести въ объятіяхъ безчестныхъ ;
И для кого хотите вы, слѣпцы,
Вымучивать внушене музъ прелестныхъ !
Побольше пестроты, побольше новизны,
Вотъ правило, и не преложно.
Легко мы всѣмъ изумлены,
Но угодить на насъ не можно.
Что? гордости порывъ утихъ?
Разсудокъ превозмогъ...

Поэтъ. — Нѣтъ! нѣтъ! — негодованье.

Поди, нищѣ служниковъ другихъ.
Тебѣ ль отдамъ святѣйшее стяжанье,
Свободу въ жертву прихотей твоихъ?
Чѣмъ равны небожителямъ поэты?
Что силой неудержною влечетъ
Къ ихъ жребію сердца, и всѣхъ обѣты,
Стихи всѣ во власть имъ предаеть?
Не сладкозвучіе ль? — которое тѣснится
Изъ ихъ груди, вливаетъ ту любовь,
И къ нимъ она отзывная стремится,

И въ нихъ восторгъ рождаетъ шювь и кювь.
 Когда природой равнодушно
 Крутится длинновоюющая прядь;
 Кому она такъ дѣлится послушно?
 Когда созданья всѣ, слаба ихъ мысль объять,
 Однѣ другимъ звучать противугласно;
 Кто соединяетъ ихъ въ пріятный слуху громъ,
 Такъ величаво! такъ прекрасно!
 И кто виновникъ ихъ потомъ
 Спокойнаго и пышнаго теченья?
 Кто стройно размѣряетъ ихъ движенья,
 И бури, вопли, крикъ страстей
 Мѣняетъ вдругъ на дивные аккорды?
 Кѣмъ славны имена и памятники твѣрды?
 Превыше всѣхъ земныхъ и суетныхъ честей,
 Изъ бранныхъ дѣлствіевъ кто чудно соллетаетъ
 Съ вѣками болѣ нетлѣнно и свѣжѣй
 То знаменье величія мужей,
 Которымъ онъ ихъ чела украшаетъ?
 Предъ чьей возлюбленной весна не увядаетъ?
 Цвѣты роскошные родить предъ нею персть
 Того, кто спутникъ ей отрадь, любви стезю;
 По смерти имъ Олимпъ отверсть;
 И невечернею вѣнчается зарею,
 Кто не коснѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ,
 Но въ гимнѣ единый слалъ красу небесъ съ землєю.
 Ты постигаешь ли умомъ
 Создавшаго міры и лѣта?
 Его престоль душа поэта.

Съ стихами обдѣланными, здѣсь видны стихи совершенно необработанные, даже до-того, что смыслъ нѣкоторыхъ трудно понять. Тѣмъ не менѣе, ужъ одинъ выборъ для перевода этого «Пролога къ Фаусту», пролога, въ которомъ значеніе поэта вообще и драмы, въ-особенности, поставлено такъ высоко, можетъ, мы надѣемся, способствовать къ подтвержденію нашего предположенія, что годы 1817—1823 для Грибоѣдова были временемъ, въ которое онъ изучалъ и Гёте.

Ты постигаешь ли умомъ
 Создавшаго міры и лѣта?
 Его престоль душа поэта —

мысль, въ которой выражается вся философія искусства Гёте, такая далекая отъ понятій литературной французской школы тогдашнихъ нашихъ драматическихкихъ писателей.

Какъ бы то ни было, мы старались указать на ту сторону литературной жизни Грибоѣдова, которая прежде всего требовала поясненія.

Если не доказали ничего, то виноваты не мы, а недостатокъ біографическихъ свѣдѣній.

Будемъ продолжать. Что жь дѣлалъ Грибоѣдовъ послѣ 1824 года, когда его «Горь» сдѣлалось извѣстно всему русскому міру?.. Чѣмъ занимался онъ въ эти остальные четыре года своей жизни? (онъ убитъ въ 1829 г., января 30-го, 33-хъ лѣтъ отъ-роду; «Горь отъ Ума» написано на 28-мъ году его жизни). Онъ весь былъ поглощенъ важными государственными дѣлами, которые были на него возложены. 1825-й годъ прошелъ для него въ экспедиціи противъ горцевъ, гдѣ онъ былъ съ генераломъ Вельяминовымъ; въ 1826 году врізгалъ навремя въ Петербургъ и изъ него отправился въ томъ же году, по службѣ, въ Грузію. Далѣе, вотъ отрывокъ изъ его письма отъ 16-го апрѣля 1827 года: онъ указываетъ на его занятія.

«Пришли мнѣ, пожалуйста, статистическое описаніе, самое подробнѣйшее, сдѣланное по лучшей, повѣйшей системѣ, какого-нибудь округа южной Франціи, или Германіи, или Италіи (а именно Тосканской Области, коли есть, какъ края наиболѣе-воздѣланнаго и благоустроеннаго), на какомъ хочешь языкѣ, и адресуй въ канцелярію главнѣйшаго командующаго, на мое имя (1). Очень меня обяжешь; я бы извлекъ изъ этого табличку не столь многосложную, но по-крайней-мѣрѣ порядочную, которую бы разослалъ къ нашимъ окружнымъ начальникамъ, съ кадрами, которые надлежитъ имъ исполнять... *Не ожидай отъ меня стиховъ*: Горцы, Персіяне, Турки, дѣла управленія, огромная переписка нынѣшняго моего начальника, поглощаютъ все мое вниманіе, не надолго, разумѣется: *кончится кампанія и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда не гожусь*: душа черствѣетъ, разумъ затмѣвается и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему. *Я рожденъ для другаго поприща...*»

Видно, что этому человѣку нужна была большая дѣятельность; время войны и тревогъ заставляло его усиленно трудиться. Когда дѣла начинали идти обыкновеннымъ порядкомъ, онъ весь стремился къ литературному поприщу... «Въ обыкновенное время никуда не гожусь... Я рожденъ для другаго поприща». Дѣлать дѣла онъ не любилъ наполовину, и потому, какъ понятенъ его стихъ:

Когда въ дѣлахъ — я отъ веселій прячусь,
 Когда дурачиться — дурачусь,
 А смѣшивать два эти ремесла
 Есть тѣма искусниковъ — я не изъ ихъ числа.

(1) Пріѣхавъ въ Грузію при началѣ войны съ Персією, Грибоѣдовъ находился при графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ, своемъ родственникѣ, любившемъ Грибоѣдова, какъ роднаго брата. (См. «Восп. о Гриб.») Дѣятельность графа и пламенное желаніе быть полезнымъ тому краю обрадовали Грибоѣдова и заставили его трудиться.

Грибоѣдовъ, прослужилъ съ графомъ Паскевичемъ всю персидскую кампанію и въ 1828 году прѣхалъ въ Петербургъ съ туркменчайскимъ трактатомъ. Въ мартѣ 1828 года прибылъ онъ въ Петербургъ, а въ апрѣль того же года былъ ужь назначенъ полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ... Такъ прошли послѣдніе четыре года его жизни, въ которые онъ оказалъ такъ много услугъ на государственномъ поприщѣ... Въ мартѣ 1828 года, привеза трактатъ, Грибоѣдовъ всею не предугадывалъ своего блестящаго назначенія и намѣревался выйти въ отставку, посвятить себя наукамъ и словесности и поселиться гдѣ-нибудь въ тиши (см. стр. XXIX).

Хотя Грибоѣдовъ, какъ видно выше, и писалъ, что у него нѣтъ времени для отдыха, мысли и поэзіи, однакожъ, и во время военныхъ и дипломатическихъ занятій сочинялъ планъ трагедіи и даже написалъ нѣсколько сценъ. Трагедія должна была называться *Грузинская Ночь*. Содержаніе ея должно было быть вотъ какое (стр. XXX) :

Одинъ грузинскій князь, за выкупъ любимаго коня, отдалъ другому князю отрока, раба своего. Это было дѣломъ обыкновеннымъ, и потому князь не думалъ о слѣдствіяхъ. Вдругъ является мать дитяти, бывшая кормилица князя, няня дочери его, упрекаетъ князя въ безчеловѣчномъ поступкѣ, напоминаетъ службу свою и требуетъ или возврата сына или позволенія быть рабою одного господина, и угрожаетъ ему мщеніемъ ада. Князь сперва гнѣвается, потомъ обѣщаетъ выкупить сына кормилицы и, наконецъ, забываетъ обѣщаніе. Но мать помнитъ, что у нея оторвано отъ сердца дитя и, какъ азиатка, замышляетъ жестокую месть. Она идетъ въ лѣсъ, призываетъ Дели, злыхъ духовъ Грузіи, и составляетъ адскій союзъ на пагубу рода своего господина. Появляется русскій офицеръ въ домѣ—таинственное существо по чувствамъ и образу мыслей. Кормилица заставляетъ Дели вселить любовь къ офицеру, въ питомицѣ своей, дочери князя. Она уходитъ съ возлюбленнымъ изъ родительскаго дома. Князь жаждетъ мести, ищетъ любовниковъ и ищетъ ихъ на вершинѣ горы Св. Давида. Онъ беретъ ружье, прицѣливается въ офицера, но Дели несутъ пулю въ сердце его дочери. Этого мало; мщеніе озлобленной кормилицы неполно: она требуетъ ружья, чтобъ поразить князя—и убиваетъ своего сына. Безчеловѣчній князь наказанъ небомъ за презрѣніе родительскихъ чувствъ и узнаетъ цѣну потеряннаго дитяти. Они гибнутъ въ отчаяніи.

Замыселъ этой трагедіи очень-трагиченъ, и въ немъ видна ужь та глубина мысли, безъ которой трудно было бы вообразить себѣ Грибоѣдова послѣ «Горе отъ Ума». Оттого ли, что трагедія основывалась на грузинской легендѣ; оттого ли, что авторъ хотѣлъ смягчить всю горечь сюжета прелестью картинъ Грузіи, которую онъ любилъ наравнѣ съ другимъ нашимъ повтомъ, Лермонтовымъ; но другимъ ли причинамъ, онъ перенесъ поле дѣйствія своей драмы въ Грузію—судить

е можемъ, по недостатку матеріаловъ... Слышавшіе же отрывки изъ этой трагедіи, вотъ что говорятъ :

«Грибоѣдовъ читалъ намъ нанзустъ отрывки, и самые холодные люди или растроганы жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина.»

«Н. И. Гречъ, услышавъ отрывки изъ этой трагедіи и цѣня талантъ Грибоѣдова, сказалъ въ его отсутствіи : Грибоѣдовъ *только опробовалъ перо* на комедію : «Горь отъ Ума». Онъ займетъ такую степень въ литературѣ, до которой еще никто не приближался у насъ : у него, сверхъ ума и генія творческаго, есть душа, а безъ этого нтъ поэзіи.»

И какъ подумаешь, что этотъ человѣкъ умеръ тридцати-трехъ лѣтъ—невольно защемятъ сердце! Какъ вспомнишь, что Ваальтеру Скотту было далеко за сорокъ лѣтъ, когда онъ *началъ* писать свои знаменитыя романы; что Фильдингъ написалъ своего «Тома Джонса» между сорока и пятидесятью годами; что Ричардсону было шестьдесятъ лѣтъ, или около того, когда онъ написалъ «Клариссу»; что первая часть великаго творенія Сервантеса, его «Дон-Кихота» была имъ кончена на пятьдесятъ—сѣдмюмъ году жизни... невольно призадумашься о томъ, что могъ бы сдѣлать Грибоѣдовъ, съ его громадною начитанностью, умомъ, практическою опытностью въ дѣлахъ, съ его творческою фантазією и вѣчно-юнымъ, вѣчно-симпатическимъ сердцемъ... Прибавьте, что Грибоѣдовъ не переставалъ заниматься, какъ нѣкоторые наши, даже замѣчательные поэты. Онъ былъ многостороннѣе и ученѣе почти всѣхъ ихъ; онъ ужъ на двадцать—восьмюмъ году написалъ свое «Горь отъ Ума»! Чѣмъ больше всматривашься въ характеръ этого человѣка, тѣмъ замѣчательнѣе становится его личность — одно изъ лучшихъ украшеній русской литературы; подбирая отрывочные факты его біографіи, проникаешься бѣльшимъ и бѣльшимъ къ нему уваженіемъ и чувствуешь, что память объ этомъ человѣкѣ никогда не умретъ въ Россіи.

«Блестящія обстоятельства не перемѣнили его образа жизни. Въ немъ также не было ни малѣйшаго признака несноснаго притворнаго желанія играть роль свѣтскаго человѣка и поэта, которое прививается ко многимъ отланнымъ людямъ. А между-тѣмъ, онъ былъ и поэтъ и свѣтскій человѣкъ въ самой высшей степени. Искренность, простота и благородство его характера привязывали къ нему неразрывною цѣпью уваженія, и я увѣренъ, что всякій, кто былъ къ нему близокъ, любилъ его искренно.»

Двадцать—пять лѣтъ прошло съ его смерти, и молодое поколѣніе, изучая Грибоѣдова по одному «Горь отъ Ума», питаетъ къ нему тѣ же чувства, которыя питало и прежде. Въ двадцать—пять лѣтъ не открыто ни одной черты, которая могла бы бросить малѣйшую тѣнь на эту прекрасную личность.

Мы ужь говорили, что нѣтъ никакой надобности, по поводу новых изданій «Горе отъ Ума», повторять давно-сказанное объ этой комедіи и разбирать ее. Мы больше говоримъ здѣсь о жизни Грибоѣдова, и жалѣемъ, что только двѣ статьи сохранили намъ кое-что изъ его прекрасной и поучительной дѣятельности. Поэтому, въ заключеніе, приведемъ отрывокъ изъ письма Грибоѣдова, въ которомъ онъ самъ рассказываетъ, какъ онъ женился на пути изъ Петербурга въ Персію, въ своему посланническому посту. (Восп. о Ал. Сер. Грѣб. стр. 38 и 39).

«Биваки на Казанчѣ», на турецкой границѣ, 24 іюня 1828 г.

«Я тебя изъ Владикавказа увѣдомилъ о взятіи Карса. Съ-тѣмъ-поръ прибылъ въ Тифлисъ. Чума, которая начала свирѣпствовать въ гдѣ-ствующемъ отрядѣ, задержала меня на мѣстѣ; отъ графа Паскевича-Эриванскаго ни слова, и я пустился къ нему на удачу. Въ думной мѣстѣ, гдѣ протекаютъ Храмъ и Алагетъ, лошади мои стали; далѣе, идя къ Шульверамъ, никакъ нельзя было понудить ихъ идти къ гору. Я въ рѣкѣ ночевалъ; рассердился, побросалъ экинажи, воротился въ Тифлисъ, накупилъ себѣ верховыхъ и вьючныхъ лошадей съ тѣмъ, чтобъ тотчасъ пуститься снова въ путь, а съ поста казачьяго отправилъ депешу къ графу... Это было 16 числа. Въ этотъ день и объѣхалъ у старой моей пріятельницы А...; за столомъ сидѣлъ противъ Нины Чевчевадзеовой, все на нее глядѣлъ, задумался, сердце забилось; не знаю, безпокойство ли другаго рода, по службѣ, теперь необыкновенно важной, или что другое, придало мнѣ рѣшительность необыкновенную: выходя изъ-за стола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: «Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire». Она меня послушалась, какъ и всегда: вѣрно, думала, что я ее усажу за фортепьяно; никакъ не то. Домъ ея матери воелъ: мы туда уклонились, вошли въ комнату; щепки у меня разгорѣлись, дыханье занялось; я не помню, что я началъ ей говорить, и все живѣе и живѣе; она заплакала, рыскалась; потомъ къ матушкѣ ея, къ бабушкѣ, къ ея второй матери, Пр. Н. А...; насъ благословили... отправили курьера къ ея отцу, въ Эривань, съ письмами отъ насъ обоимъ и отъ родныхъ. Между-тѣмъ вьюки мои и чемоданы изготовились, все вновь уложено на военную ногу; во вторую ночь я безъ памяти отъ всего, что со мною случилось, пустился опять въ отрядъ, не оглядываясь назадъ. На дорогѣ получалъ письмо летучее отъ графа Паскевича, которымъ онъ меня увѣдомляетъ, что намѣренъ сдѣлать движеніе подъ Ахалкалаки. На самой крутизнѣ Безобдала, гроза сильнѣйшая прoderжала меня всю ночь; мы промокли до костей. Въ Гумрахъ я нашелъ, что ужь сообщеніе съ главнымъ отрядомъ прервано. Графъ оставилъ Карскій Пашалыкъ, и въ тылу у него образовались толпы турецкихъ партизановъ; въ самый день моего прихода была жаркая стычка у Басова Черноморскаго Полка, въ горяхъ за Арпачаемъ. Подъ Гумрами я наткнулся на отрядецъ изъ двухъ ротъ

юзовскаго, двухъ 7-го Карабинернаго и 100 человекъ выздоровѣвшихъ; все это назначено на усиленіе главнаго корпуса, но не знало куда идти; я ихъ тотчасъ взялъ всѣхъ подъ команду, четыре проводниковъ изъ татаръ, самъ съ ними и съ казаками впереди, и вотъ ужъ второй день веду ихъ подъ Ахалкалаки; всякую минуту ожидаемъ нападенія. Коли въ цѣлости доведу, дай Богъ. Мальцовъ въ восхищеніи: юображаетъ себѣ, что онъ воюеть. — Въ Гумрахъ же нагналъ меня вѣсть отъ князя Чевчевадзева, отца, изъ Эривани: онъ благословляетъ меня и Ницу, и радуется нашей любви».

Вскорѣ Грибоѣдовъ занемогъ жестокою лихорадкою. Къ 22-му августа отправился, женился, въ сентябрѣ отправился въ Тегеранъ — а въ январѣ, черезъ пять мѣсяцовъ, его ужъ не стало!

Вотъ и всѣ коротенькія извѣстія, которыя мы имѣемъ объ этомъ замѣчательномъ человекѣ! Гдѣ его переписка съ друзьями, гдѣ его бумаги? Еще много здравствуетъ людей, бывшихъ коротко-знакомыми съ Грибоѣдовымъ: не-уже-ли они ничего не хотятъ сказать и будутъ еще молчать? Мы просимъ всѣхъ, кто дорожитъ памятью Грибоѣдова, и владѣеть какими-нибудь матеріалами для его біографіи и литературной дѣятельности, присылать ихъ въ редакцію «Отеч. Записокъ», которая съ удовольствіемъ напечатаетъ все, что можетъ послужить къ славіи этого замѣчательнаго человека.

Изъ четырехъ, вновь-вышедшихъ изданій «Горь отъ Ума», при одномъ только перепечатаны «Воспоминанія о Грибоѣдовѣ» г. Булгарина. Въ нихъ ничего новаго, противъ прежняго, не сказано. При другомъ изданіи тѣ же «Воспоминанія» перепечатаны вкратцѣ, и отъ этого не имѣютъ никакой занимательности. Два же остальные изданія безъ всякихъ предисловіи. Разсматривая каждое изъ нихъ, чувствуешь, что издателя только торопили, какъ бы поскорѣй отпечатать «Горь отъ Ума», въ какомъ бы то видѣ ни было. Первое, сѣренское и самое невзрачное изданіе, неизвѣстно чье, объявило цѣну за «Горь отъ Ума» — 1 р. 50 к.; посѣдшвшія за ними изданія сбавляли цѣну, пока, наконецъ, г. Смирдинъ за свое не понизилъ цѣны до 30 к. сер. При немъ нѣтъ ни предисловія, ни біографіи.

Не такихъ изданій ожидали мы!

Если мы успѣли обратить вниманіе читателя на причины, которыя содѣйствовали быстрому развитію таланта Грибоѣдова между 1817 — 1823 годами, и которыя потомъ, по выходѣ «Горь отъ Ума» повлекли за собою другую дѣятельность Грибоѣдова — значитъ, мы достигли цѣли нашей статьи. Если мы чего-нибудь не доказали — не наша вина. До-сихъ-поръ появленіе «Горь отъ Ума» въ литературной дѣятельности Грибоѣдова стояло какимъ-то особнякомъ, которому не было причинъ въ предъидущемъ и объясненія въ послѣдующемъ. Критики, приступавшіе къ тому же вопросу, обыкновенно утѣшались тѣмъ, что и въ другихъ литературахъ были писатели, которые во всю свою

жизнь производили одно замѣчательное твореніе и потому умоляли навсегда, проживя достаточное число лѣтъ. Таковъ, говорили они, Бомарше во французской литературѣ. Намъ казалось предположеніе это всегда несправедливымъ, и мы всегда были увѣрены, что еслибъ Грибоѣдовъ прожилъ столько, сколько имѣютъ счастье жить многіе другіе писатели, литература наша приобрѣла бы въ немъ одного изъ плодовитѣйшихъ писателей. Все ручается за это: и его безпрестанное умственное развитіе, и его страсть къ литературѣ, которая никогда не угасала. Намъ кажется какъ-будто помятымъ и переходъ его отъ прежней водевильной французской школы къ серьезной комедіи, подъ вліяніемъ изученныхъ имъ въ это время Шекспира, Байрона, Гёте и Шиллера.

IV.

НОВЫЯ КНИГИ.

Игорь, князь Сѣверскій. Поэма. Переводъ Николая Гербеля. Санктпетербургъ. 1854. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. 148 стр.

Читатель, вѣроятно, догадывается, что подь этимъ заглавіемъ вышелъ въ свѣтъ новый переводъ «Слова о полку Игоревѣ» г. Гербеля. Почему авторъ далъ своему переводу такое названіе, почему «Слово о полку Игоревѣ» онъ назвалъ поэмою—разрѣшенія этихъ вопросовъ мы напрасно искали и въ предисловіи и въ пригъчаніяхъ. Это не поэма, а слово, τὸ ἔπος, то-есть эпосъ о походѣ игоревомъ.

При всемъ уваженіи къ памяти и заслугамъ многихъ изъ изслѣдователей отечественной науки, принимавшихъ участіе въ рѣшеніи вопросовъ о «Словѣ», мы не можемъ не сознаться, что, до послѣдняго времени, всѣ они не обладали двумя самыми важными орудіями защиты или опроверженія: русскою филологіею и русскою археологіею, потому-что этихъ наукъ тогда еще не было; а всякій согласится, что безъ филологіи и археологіи въ дѣлѣ филологіи и археологіи нельзя сдѣлать ни шагу. И чѣмъ ученѣе и, слѣдовательно, смирнѣе были изслѣдователи, тѣмъ нерѣшительнѣе выражали они свои мнѣнія, не объясненіями содѣйствовали пониманію памятника въ то время, какъ другіе въ quasi-ученомъ увлеченіи уходили съ «Словомъ» за тридевять земель, въ Польшу, или «между Чахи и Ляхи», какъ выражаются архангелогородцы. Если читателю угодно повѣрить сказанное нами, пусть возьметъ онъ терпѣніе и прочтетъ 46 — 71 стр. 1-го тома «Сказаній Русскаго Народа» г. Сахарова, изданныхъ въ 1841 году, и «Взглядъ на Исторію Литературы Слова о Полку Игоревомъ», служащій предисловіемъ къ изданію «Слова» въ третьемъ томѣ «Русскихъ Достопамятностей» 1844.

Новое изданіе «Слова» г. Д. Дубенскаго въ третьемъ томѣ «Русскихъ Достопамятностей», гдѣ «Слово» объяснено по древнимъ писъ-
Т. ХСІІІ. — Отд. ІV.

меннымъ памятникамъ, тоже немного подвинуло дѣло впередъ. Это изданіе служить лучшимъ доказательствомъ, что и самая добросовѣстная отчетливость и самое усиленное трудолюбіе немного привнесутъ нгузъ пользы, если путеводная звѣзда современнаго пониманія вопроса не дастъ этой добросовѣстности и трудолюбію надлежащаго направленія. Какъ-то странно въ сочиненіи, изданномъ въ 1844 году, читать, что авторъ грамматику Добровскаго считаетъ за какой-то непреложный кодексъ славянской грамматики, а языкъ «Слова о полку» — за языкъ церковно-славянскій. Тѣмъ не менѣе это изданіе имѣло ту относительную пользу, что дало всѣмъ и каждому возможность заниматься «Словомъ», а въ 1843 году изданіе Ипатьевской, или, какъ ее извѣщаютъ еще, Волынской Лѣтописи развязало руки изслѣдователямъ и поставило ихъ на историческую и филологическую почву. Надлежало трудиться, и только за этимъ стало дѣло. Сколько напрасныхъ толкованій и даже бесполезныхъ изысканій было бы избѣгнуто, еслибъ съ самаго начала изслѣдователи взялись за дѣло съ надлежащаго конца, такъ, какъ взяли за него теперь! Труды, въ родѣ словаря Ипатьевской Лѣтописи г. Чернышевскаго, только для тѣхъ могутъ казаться неважными, кто не понимаетъ сущности жизни науки: эти аналитическіе атомару — самая лучшая и здоровая пища для науки; только этимъ путемъ филологія и исторія поднимаются на степень наукъ точныхъ. Отъ систематическаго наученія языка русскаго стараго и народнаго должны мы ждать просвѣтленія темныхъ мѣстъ въ нашихъ памятникахъ, а не отъ болѣе или менѣе остроумныхъ сближеній «старыхъ словесъ». Если читатель de facto пожелааетъ убѣдиться въ томъ, до какой степени новыя факты оживляютъ науку, даже и въ томъ случаѣ, когда бы эти факты не были изслѣдованы вполнѣ, пусть онъ сравнитъ прежнія сочиненія «Словъ о полку Игоревѣ» съ десятою лекціею г. Шавырера (въ его «Исторіи Русской Словесности»), который успѣлъ воспользоваться данными, заключавшимися въ изданной тогда Ипатьевской Лѣтописи.

Итакъ, будемъ пока ждать объясненія темныхъ мѣстъ и непонятныхъ словъ нашего памятника. Пусть древніе памятники или языкъ народный объяснятъ намъ, что такое *харалузь*, что такое *воззми стрыкумъ*, что это за *смага въ пламяхъ розъ*, что значить *къ розѣ мось* или *зоботы паишуть* и т. п.: тогда, если угодно, мы будемъ опредѣлять и значеніе «Слова» въ исторіи нашей литературы, какъ производскій «обнаруживающаго переходъ отъ *воззми вымысла* (?), которой представителемъ является Бояль (?), къ *воззми дѣйствительной жизни*, которую изображаетъ самъ творецъ «Слова», переходъ отъ *ядьсли къ новьсти*, говоря его же выраженіемъ» (г. Шавырера, Ист. Р. Слв. Выпускъ II, стр. 295), или какъ «произведенія поэтическаго, занимающаго въ порядкѣ развитія новзіи эпической но ея видамъ мѣсто на переходѣ отъ эпоса героическаго къ эпосу позднѣйшей гражданственности, къ роману», что почти одво и то же (г. Тулова «Руководство къ

«изящно род. вид. и формъ поэзіи», стр. 216; повторено у г. Гербеля юво-въ-слово, стр. 27). А до-тѣхъ-поръ, пока все это совершится, вы будете спрашивать: можно ли переводить то, чего мы не понимаемъ? — «Можно», чуть не въ двадцать голосовъ восклицаютъ на этихъ четырехъ языкахъ переводчики «Слова».

Этого мало; есть еще и другая причина, болѣе-существенная, на основаніи которой переводъ «Слова о полку Игоревѣ», мы считаемъ возможнымъ. Нельзя отвергать, что это «Слово» есть сборникъ пическихъ выраженій, нашего языка, «старыхъ словесъ», которыми сочинитель слова пользовался для изображенія «былинъ сего времени», точно такъ же, какъ пользовались имъ составители народныхъ пѣсень до позднѣйшаго времени, съ тою только разницею, что сочинитель «Слова» употреблялъ ихъ болѣе сознательно, нежели составители пѣсень.

Всюду, гдѣ изображается природа и человѣкъ съ его обычною дѣятельностью, является готовый образъ народного эпоса. Образъ этотъ создала живучая народная фантазія, или, какъ народъ олицетворилъ ее — ювѣтъ Боянъ, «Боянъ вѣщій», который, «еще кому хотяше пѣсень творити, то рѣстекашется мыслію по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, низлѣгитъ орломъ подъ облакъ». Фантазія народная создала, а память народная бережетъ этотъ образъ въ своемъ хранилищѣ цѣлымъ и неизмѣннымъ, и возсоздаетъ его каждый разъ, когда приходится выразить ту или другую сторону природы и жизни. Такъ хранитъ народъ свои пословицы; такими выраженіями сдѣлались въ нашемъ современномъ языкѣ фразы изъ лучшихъ повтовокъ нашихъ Крылова, Пушкина, Грибоѣдова и Гоголя, такъ-что иногда затрудняешься сказать, писатель ли заимствовалъ известное выраженіе изъ языка общественаго, или языкъ общественаго воспользовался выраженіемъ писателя — такъ гармонируетъ между собою сознаніе писателя и общества. Этою общностью эпического языка и возрѣнія, а не заимствованіемъ изъ «Слова о полку Игоревѣ» надобно объяснять и известную приписку харатейнаго Апостола XIV вѣка: «при сихъ князехъ сѣяшется и ростише усобицами, гнише жизнь наша, въ князѣхъ которы и вѣщи скоротинася чловѣкомъ», соответствующую слѣдующему мѣсту «Слова»: «Тогда при Олгѣ Гериславлѣчи сѣяшется и расташеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣщи чловѣкомъ скратинашь». Варианты произошли отъ затемненія въ сознаніи писца XIV вѣка образа Дажь-бога, еще живаго въ сознаніи сочинителя XII столѣтія. Таково же отношеніе «Слова» къ «Сказанію» о донской битвѣ: одинаковость предметовъ естественно вызвала одни и тѣ же, или сходные образы, а нашимъ изслѣдователямъ эти образы показались за сколокъ съ «Слова о полку Игоревѣ» (Снегиревъ, Дубенскій); притомъ же сочинитель «Сказанія» жилъ позже и былъ ученикъ составителя «Слова»: оттого у него часто сглаживается простота и прелесть эпического языка. Вслѣдствіе одина-

новости предмета изображенія есть поразительное сходство въ выраженіяхъ въ «Словѣ о знаменіяхъ» Серациона, писателя XIII вѣка, представлявшаго нашествіе татаръ, и исковскаго лѣтописца, описавшаго наденіе Попова при Василии III Иоанновичѣ. Здѣсь ужь никакъ нельзя допустить заимствованія, потому-что и Серационъ и исковской лѣтописецъ писали, очевидно, подъ напѣиємъ современныхъ событій и увлекались ими.

Утвердивъ такимъ образомъ положеніе, что «Слово о полку Игоревѣ» есть сборникъ «старыхъ словесъ» или эпическихъ выраженій народа, также, какъ извѣстное «Слово о Даниилѣ Заточникѣ» есть сборникъ «мирьскихъ притчъ» или пословицъ, есть выраженіе «разумъ ума нашего», спрашиваемъ: можно ли переводить эпическія народныя произведенія? Если подъ переводомъ разумѣть не туманный очеркъ, а полное возсозданіе картинъ народнаго эпоса, то на этотъ вопросъ можно отвѣчать только отрицательно. Народный языкъ есть выраженіе своеобразнаго воззрѣнія народа на предметъ, и, вслѣдствіе этого, народный языкомъ преимущественно отличается одинъ народъ отъ другаго..

Объяснимся нагляднѣе. Представимъ два круга: поверхность каждаго изъ нихъ будетъ выражать всю массу понятій того или другаго народа. Нанесемъ одинъ кругъ на другой такъ, что оба круга будутъ имѣть одну общую часть и, кромѣ-того, каждый свой сегментъ; чѣмъ больше эта общая часть, тѣмъ больше сходства въ понятіяхъ двухъ народовъ; чѣмъ больше сегменты, тѣмъ своеобразнѣе народъ. Сочиненія, относящіяся къ кругу понятій общихъ народамъ, удобно передаются съ одного языка на другой: извѣстіе объ открытій въ наукѣ, газетную статью о политикѣ легко перевести съ одного языка на другой; перевести романъ или драму изъ общественной жизни одного народа на языкъ другаго—ужь труднѣе, потому-что жизнь общественная одного народа отличается отъ другаго; а перевести народную вѣсьню, или другое народное произведеніе, въ которомъ выражается индивидуальность народа—рѣшительно невозможно. Можетъ-статься, нѣсколько народныхъ выраженій одного языка и будутъ вполне соответствовать выраженіямъ другаго; но такихъ выраженій найдется въ пѣснѣ два-три, а откуда взять остальные? Надоно или перестать переводить, или выдумывать слова въ родѣ: «лѣпоудрмй», «мышно-пеножный», «среброблещущій», «празднородный», «песобразный», «волоокій», и т. п. «Кто хочетъ читать и вполне понимать Гомера, долженъ читать его погречески»—вотъ истина, которую одинаково можно пригнать ко всякому произведенію поэзіи народной, стало-быть, и къ нашему «Слову о полку Игоревѣ».

Еще яснѣе становится невозможность перевода «Слова», если дѣло идетъ о переводѣ его на новый русскій языкъ. Переводить съ старика русскаго на новый русскій можно—да и то трудно, и безалаеко—какія-нибудь лѣтописныя сказанія, договоры, но не народную эпиче-

ую нѣсь. Хотя съ XII-го столѣтія прошло слишкомъ шестьсотъ лѣтъ, но большая часть эпическихъ красотъ «Слова» совершенно такъ понимается, или, лучше сказать, чувствуется нами на языкѣ подлинника; а тѣ, къ которымъ мы утратили сочувствіе, красоты иноязыскія, высятся, и притомъ только для нашего пониманія, а не для чувствія, не въ художественномъ переводѣ, а въ учетомъ филологическомъ изслѣдованіи; въ переводѣ же онѣ останутся непонятными.

Что же, однакожъ, заставило двадцать переводчиковъ трудиться надъ розагическими и стихотворными переводами «Слова о Полку Игоревѣ»? Все зависитъ отъ точки зрѣнія, съ которой смотришь на предметъ. Первые издатели и переводчики смотрѣли на «Слово», какъ на нечто «оссіановское», придавая этому выраженію свой особенный смыслъ, а не какъ на прекрасный памятникъ родной старины и роднаго слова, и въ переводѣ старались передать это «оссіановское». Примѣромъ ихъ увлеклись и другіе переводчики. Замѣчательно, что число переводовъ обратно пропорціально времени прошедшему отъ открытія памятника: въ первыя двадцать—пять лѣтъ сдѣлано было девять переводовъ на русскій (пять въ стихахъ, четыре въ прозѣ), и четыре перевода на языки иностранныя, между—тѣмъ, какъ въ послѣднія двадцать—восемь лѣтъ появилось семь переводовъ, включая сюда и переводъ г. Гербеля; замѣчательно потому, что необходимость переводить «Слово» являлась все менѣе и менѣе ошутительною и современною, какъ и слѣдовало ожидать.

Такимъ—образомъ въ то время, когда мы ждемъ объясненій «Слова» филологическихъ, ученыхъ, является переводъ г. Гербеля — трудъ, какъ называетъ его самъ г. Гербель, «чисто—литературный» (стр. 27). Что хотѣлъ авторъ выразить этимъ словомъ — мы не знаемъ, но надѣемся, что подъ этимъ онъ не разумѣетъ чего—то противоположнаго труду ученому; можетъ—быть, онъ хотѣлъ, чтобъ ученая критика не была слишкомъ—взыскательна къ фразамъ въ родѣ слѣдующей: «Этотъ *самобытный* (?) и единственный, дошедшій до насъ, *письменный* памятникъ, свидѣтельствующій о *существованіи* и *развитіи* (?) древнерусской эпической поэзіи (какъ—будто безъ «Слова о Полку Игоревѣ» мы и не подозрѣвали существованія эпической народной поэзіи; да ея существованіе доказывается а priori), отличается тою *смѣлостію очерковъ* и *яркостію красокъ*, которыя съ перваго взгляда обличаютъ (въ комъ?) необыкновеннаго художника» (стр. 7). Эта блестящая фраза помѣщена въ самомъ началѣ «Предисловія» къ литературному труду г. Гербеля.

Въ этомъ «Предисловіи» переводчикъ приводитъ сначала отрывки изъ прозаическихъ и стихотворныхъ переводовъ «Слова», именно первыя строки его до словъ: «низкимъ орломъ подъ облакы». Увлеченный, вѣроятно, примѣромъ г. Сахарова, который дѣлаетъ тоже въ своемъ предисловіи къ изданію «Слова», г. Гербель приводитъ пере-

воду одного из темных, а отчасти и самых презанческих есть «Слова». Описание затмения солнца или битвы, или столь-любимый плач Ярославны, дали бы нам лучшее понятие об относительном искусстве переводчиков. Опивив затмие по достоинству опыты сплотивных переводов, г. Гербель говорит, что «ни один из них не может выполнить своего назначения — познакомить читателя с подлинником, одно из главнейших достоинств которого именно заключается в этой сжатости мыслей (развѣ : выражений?), характеризующей «Слова» (стр. 24). Если бы г. Гербелю известна была сущность и свойства эпического народного языка, то, вероятно, онъ не привнесъ бы «Слову» *сжатости мыслей*, какъ черты, характеризующей только «Слова»; эта *сжатость мыслей* значитъ неудобопереводимость эпического языка какого угодно народа. Если бы это было такъ, не было бы и перевода г. Гербеля. Но, успокоившись на вышеизложенномъ мнѣніи г. Тулова, котораго «смысла предположенія основаны на доказательствахъ, можетъ-быть, не совсемъ ясныхъ, но такъ и менѣе справедливыхъ», г. Гербель рѣшился перевести *значительную поэму* стихами (стр. 29).

«Знаю всю недостаточность моего слабого труда (пишетъ г. Гербель, вышшеннаго желаніемъ подѣлиться тѣми приятными впечатлѣніями, которыя пробудило во мнѣ изученіе памятника, ярко блистающаго неподдѣльными красками поэзіи, но утѣшаю себя мыслию, что старался, по-крайней-мѣрѣ, незначительность таланта вознаградить добросовѣстнымъ изученіемъ и, если не художественно, то *возможно-вѣрною передачкою* неподражаемыхъ красотъ, которыми такъ богато «Слова»; причежь старался по возможности сохранить тонъ и складъ рѣчи подлинника, составляющіе всю особенность этого древняго произведенія нашей письменности. Что жъ касается до подлинника «Слова», то, слѣдуя совѣту г. Востокова и принявъ за основаніе мнѣніе г. Максимовича, я разбилъ его на стихи, подобные стариннымъ Малороссійскимъ, а *для удобства* (?) напечаталъ славянскими (кирилловскими) буквами, *по пушкинскому списку* (развѣ : по изданію графа Мусина-Пушкина?)»

Изданіе подлинника, помѣщенное en regard съ *возможно-вѣрными* переводами, безукоризненно-хорошо. Все «Слова» раздѣлено на двѣнадцать пѣсенъ; каждая пѣснь снабжена особеннымъ заглавіемъ и эпитафиемъ, и переведена особеннымъ разиѣромъ, «чтобъ удобнѣе *поддѣлаться* подъ тонъ сладко-звучающей рѣчи Слова» (стр. 30).

Если бы мы стали разсматривать переводъ г. Гербеля не какъ *возможно-вѣрную передачку* подлинника, но какъ *поддѣлку* подъ тонъ его сладко-звучающей рѣчи, какъ варіанціи на известный прекрасный мотивъ, то не нашли бы достаточно словъ, чтобъ хвалить и эти звучные стихи и эти разнообразныя разиѣры, которые мы находимъ въ «Словѣ» г. Гербеля. Читатели, надѣемся, согласятся съ нами, если прочтуть, наприѣръ, начало плача Ярославны (Пѣснь X) :

Звучный голось раздаётся
 Ярославны молодой ;
 Стономъ горьницы несется
 Онъ предъ утренней зарей :
 « Я быстройъ лѣсной голубки
 По Дунаю полечу,
 И рукавъ бобровой шубки
 Я въ Каялѣ обмочу ;
 Отъищу его (?) и стану
 Обмывать своей рукой
 Окровавленную рану
 На груди его больной. »
 Такъ въ Путивлѣ, изнывая,
 На стѣнѣ городской,
 Ярослава молодая
 Горько плачетъ предъ зарей :
 « Вѣтеръ, вѣтеръ перелетный !
 Что ты воешь и свистишь ?
 Что ты въ небѣ, беззаботный,
 Тучи черныя клубишь ?
 Для чего ты окрыляешь
 Вражьи стрѣлы ? для чего
 Цѣлой тучей насылаешь
 Ихъ на друга моего ?
 Развѣ тѣсно на просторѣ
 Шумно мчатся въ облакахъ ?
 Иль рѣзвиться въ синемъ морѣ,
 Въ пышно-вздутыхъ парусахъ ?
 Для чего жъ однимъ размахомъ
 Радость лучшую мою
 Ты развѣялъ легкимъ прахомъ
 По степному ковылю ? »

Или самый конецъ « Слова » :

Слава нашимъ князьямъ
 И ихъ храбрымъ войскамъ,
 Воевавшимъ отважно донинѣ
 За всѣхъ насъ христіанъ,
 Противъ злыхъ басурманъ !
 Слава храбрымъ князьямъ и дружинѣ !

Но пусть же читатели повѣрятъ намъ, что это *не возможно-вѣр-
 ная* передача подлинника, а *поддѣлка*; а если не хотятъ повѣрить,
 то мы, избѣгая повторенія, приведемъ имъ нѣсколько строчекъ срав-
 нительно съ подлинникомъ изъ пѣсни пятой: « Пораженіе ». Мы отиѣ-
 тимъ курсивомъ въ подлинникѣ, что не выражено въ переводѣ, а въ
 переводѣ все, что есть лишняго противъ подлинника :

*Съ заранія до вечера,
Съ вечера до сѣтя*

*Деять стрѣлы каленыя
Гримлютъ сабли о шелома
Трещать коня харалужныя*

*Въ полѣ незнаемѣ
Среди земли Половецкымъ*

Чръна земля подѣ копыты

*Костыи была поспяна,
А кровью поляна :*

*Тую взыдоша
Ко Русской земли.*

*Отъ дешицы золотой
До глубокой млы ночной,
И отъ этой млы ночной
До дешицы золотой
Стрѣлы тучами летять
И о бляхи мидныхъ латъ
Сабли острыя греять,*

*Средь невѣдомыхъ полей
Кровожадныхъ дикарей.*

*Степь мстоптана, мзрыта
Сталю конскаго копыта, —
И кругомъ была она
Нашей кровью полѣта,
А костыи удобрена :
И надъ Русскою землею
Тотъ поспѣвъ взомель бѣдою.*

Неотмѣченного курсивомъ осталось очень — немного. Прибавить, что «костыи удобрена» совершенно-произвольно поставлено вмѣсто «костыи поспяна», и чрезъ это разрушена цѣлость поэтического образа. Туча не столько значить бѣды, сколько слѣдствіе бѣды — ячаль, тоска.

Размѣры, выбранныя г. Гербедемъ для выраженія различныхъ стѣнковъ рѣчи подлинника, большею-частью удачны, въ-особенности тамъ, гдѣ напоминаютъ размѣръ нашихъ народныхъ пѣсень. Этотъ размѣръ самый естественный для перевода «Слова». Мнѣніе это раздѣляли многіе изъ прежнихъ переводчиковъ «Слова»: Свряковъ, Дештскій, Грамматинъ и г. Мей. Самымъ неудачнымъ намъ показался выборъ гекзаметра для перевода третьей пѣсни: «Побѣда».

Братцы! какія же раны опасны ему, когда онъ
Все позабылъ — и почетъ, и веселую жизнь, и Черниговъ
Городъ, и отчий престолъ золотой, и обычай славныхъ
Предковъ, и ласки привѣтливой Глѣбовны, милой супруги.

Ничто такъ не противно духу русскаго народнаго стиха, какъ надобныя отдѣленія подлежащаго отъ сказуемаго, опредѣлительнаго слова отъ опредѣляемаго.

Кромѣ краткихъ изъяснительныхъ историческихъ примѣчаній въ концѣ каждой пѣсни, въ концѣ книги помѣщено нѣсколько болѣе-обширныхъ примѣчаній, объясняющихъ причины, почему авторъ переводилъ то или другое мѣсто подлинника такъ или иначе. Примѣчанія эти большею-частью замѣтованы изъ прежнихъ изслѣдованій. Назначая свою книгу для чтенія публики, г. Гербель поступилъ бы очень-неудачно, еслибъ познакомилъ читателей поподробнѣе съ самыми происшествиями,

которое описывается въ «Словѣ»; пригвчанія же его не вносятъ ничего новаго въ науку. Остановимся на одномъ изъ нихъ. Слова подлинника: «растекашется мыслию по древу» г. Гербель переводить:

... Носился мыслью птицей
Онъ по дебрямъ и лѣсамъ.

Покойный Полевой, а вслѣдъ за нимъ и незабвенный Пушкинъ думали, что слово *мысль* здѣсь описка, что, по аналогіи съ сѣрымъ волкомъ и сизымъ орломъ, тутъ долженъ быть какой-нибудь звѣрокъ — *мышь*, напримѣръ. Мы случайно узнали, что дѣйствительно есть такой звѣрокъ, который именно бѣгаетъ по деревьямъ — не мышь, а *мысь*. Въ Псковской Губерніи, Опочецкомъ Уѣздѣ, *мысью* называютъ *бѣлку*, или *векшу*. Народъ, создавшій выраженіе *растекашется мыслию по древу*, сравненіемъ воображенія съ бѣгомъ бѣлки хотѣлъ выразить его быстроту и игривость, такъ-какъ сравненіемъ съ орломъ и волкомъ — возвышенность поэтического паренія и обширность той области, откуда поэзія беретъ элементы для созданій. Кстати замѣтимъ, что обыкновенное чтеніе другаго, сходнаго съ этимъ мѣста «Слова»: «О Бояне, соловію стараго времени! а бы ты сіа плѣкы ущекоталь, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы» кажется намъ невѣрнымъ. Г. Дубенскій переводить это мѣсто такъ: «Боянъ, соловей стараго времени! Если бы ты ущекоталь полки эти, *раскаты-валясь соловьемъ* по мысленному древу, летая умомъ подъ облаками».

По нашему народному воззрѣнію соловей не скачетъ, а

Хорошо въ саду соловей поеть,
Онъ поеть, поеть пригвваючи.

Или:

Ты не мой, соловей,
Ты не мой, молодой,
При долинѣ.

Или:

Подлѣ рѣчки стоялъ часть ракивовъ кустъ,
За кустомъ лежалъ сиротинушка;
На кустикъ соловейка пѣсни пѣлъ,
А сиротинушка высвистываль.
Соловушка головушку поглаживасть.

Или:

Во саду ли было подъ яблонью,
Во зеленомъ, подъ кудрявою,
Соловей выщекочеть (вариантъ *щекоталь*),
Молодой выщекочеть (вариантъ *щекоталь*).

Сравните: *щекотъ славій*; соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ въ «Словѣ о полку». Вездѣ соловей поеть, услаждаетъ пѣніемъ, щекочеть.

А скачетъ кто? Скачетъ гусьдочекъ на сльничку; скачетъ милая сѣренькій; скачетъ воръ-воробей; скачетъ и векна — мось. Или странно представить соловья скачущимъ (или раскатывающимся), какъ переводить г. Дубенскій. Вслѣдствіе этого, приведенное мѣсто, кажется, лучше читать такъ: О Бояне, соловью стараго времени! А бы ты въ пляхы *ущекоталь скача, славию*, (звательный падежъ, а не дательный, какъ думаетъ г. Дубенскій, и не творительный, еслибъ вередить *соловьему*), *по-мыслему* (нарѣчіе, какъ: по-гусиному, по-линому, по-бѣличью) *древу* (очевиденъ пропускъ предлога *по*), *мнѣ умомъ* подь облакы. То-есть: какъ бы ты, соловей-Боянь, *ущекоталь* эти полкы, скача, какъ бѣлка, по деревьямъ! и т. д.

Еслибъ мы не боялись укора въ филологической натяжкѣ, то возмани бы себѣ присокупить здѣсь соображеніе, ничуть не произвольнѣе любой изъ тысячи догадокъ филологовъ, возобновлявшихъ текстъ древнихъ классиковъ. Въ нашемъ языкѣ есть много именъ прилагательныхъ, кончащихся на *мый*, произведенныхъ отъ именъ животныхъ. Вотъ ихъ списокъ: *воробинный, голубинный, гусиный, журавлиный, зѣриный, змѣиный, кабаргинный* (кабарга, *moschus moschiferus*), *куриный, лебединый, лосиный, лошадиный, львиный, муравьиный, мышиный, орлиный, ослиный, перепелиный, пчелиный, соболиный, свиный, соколиный, утиный, шмелиный, ястребиный* (Павск. Филолог. Наблюд. Разсужд. 2 Отд. 2, стр. 70 и 71). Отъ слова *мысь* прилагательное будетъ *мысиный*, такъ-что, вмѣсто *по мыслему*, легко прочесть *по мысиному*. По *мыслему* могъ написать и писецъ «Слова», могли написать и первые издатели. То и другое, конечно, авторитетъ. Но неужели мы не поверили бы въ нашей начальной лѣтописи, еслибъ она дошла до насъ даже и въ одномъ спискѣ, такой ошибки: вмѣсто: *въ семь лѣтъ*, то-есть въ этомъ году, написано *въ 7 мысь*? Или неужели изслѣдователь долженъ вѣрить издателю памятникъ, если онъ, вмѣсто простаго: *а и жина убившаго*, печатаетъ *а иже на убившаго* (такого изслѣдователя мы обвинили бы въ легковѣрїи...)? Или неужели непростительную ошибку сдѣлаетъ тотъ, кто слова: *взимая изло на лѣпокъ*: прочтетъ *взимая изъ лона лѣпокъ*? Или... но мы привели бы нѣсколько подобныхъ примѣровъ, еслибъ нужно было доказывать кому-нибудь ту истину, что основательныя наведенія необходимы для критики текста памятниковъ, и что, безъ этой филологической критики, историки-филологи могутъ впадать въ страшныя и странныя ошибки.

Но, обратимся къ разбираемой книгѣ. Изданіе, начиная съ извѣстнаго переплета съ золотою заглавною виньеткою, до ирмѣта кирилловскаго русскаго, до прекрасной бумаги — такое, какого никогда не было «Слово о полку Игоревѣ». Оно можетъ занять видное мѣсто между книжками на столѣикѣ моднаго салона. Дай Богъ успѣха!

Мы чуть-было не позабыли сказать, что изданіе г. Гербема урешено четырьмя картинками, изображающими различныя сцены изъ «Сло-

1) — Боянь, играющій на гусяхъ; князь Игорь передъ дружиною, кается, во время солнечнаго затмѣнія; сцена изъ битвы и разговоръ горя съ Донцомъ. О степени художественнаго достоинства этихъ картинокъ предоставляемъ судить тѣмъ, у кого будетъ въ рукахъ это великолепное изданіе.

Труды Коммисіи, Высочайше учрежденной при университетѣ Св. Владимира для описанія губерній Кіевского Учебнаго Округа. Томъ II. Кіевъ. 1853. Въ 4-ю д. л. III, 64, 37, 100, VII, 14, 15, 91, XIII и 14, всего 438 строк., съ таблицами.

Планъ «Трудовъ», предначертанный для Коммисіи, учрежденной при Императорскомъ Университетѣ Св. Владимира, очень обширенъ: по Высочайше дарованному уставу, цѣль ея — изслѣдованіе губерній Кіевского Учебнаго Округа (Подольской, Волинской, Кіевской, Черниговской и Полтавской) въ естественномъ, сельско-хозяйственномъ, промышленномъ и статистическомъ отношеніяхъ. Въ-теченіе двухъ съ половиною лѣтъ своего существованія (говоритъ отчетъ о дѣятельности Коммисіи по 1 мая 1853 года, составленный ученымъ секретаремъ ея, Н. Бунге) Коммисія, кромѣ ужъ изданныхъ двухъ томовъ, приготовила къ изданію третій томъ своихъ «Трудовъ», котораго надобно ожидать въ скоромъ времени, и огромное количество матеріаловъ для послѣдующихъ. Принимая въ соображеніе денежные средства, которыми располагаетъ Коммисія, нельзя не сказать, что такая дѣятельность чрезвычайно замѣлательна.

Второй томъ «Трудовъ», о которомъ теперь должны мы говорить, заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: «Отчетъ объ учрежденіи и дѣйствіяхъ Коммисіи по 1 мая 1853 года» г. Бунге; «Обозрѣніе семействъ, входящихъ въ составъ флоры губерній Кіевского Учебнаго Округа» г. Траутфеттера; «Птицы голенастыя и водяныя» г. Кесслера (въ 1-мъ томѣ «Трудовъ» были ужъ описаны г. Кесслеромъ млекопитающія и птицы воробьиныя, хищныя и куриныя), «Животныя земноводныя», его же; «О дѣлности семействъ въ Малороссіи», г. Тарновскаго; «О дикорастущихъ врачевныхъ растеніяхъ Полтавской Губерніи» г. Августиновича; «Описаніе древнихъ русскихъ монетъ, изъ числа найденныхъ близъ Нѣжина въ 1852 году» г. Волошинскаго.

О дѣлности семействъ въ Малороссіи — прекрасная, дѣльная статья. Совершенно-справедливо находя, что чрезвычайная наклонность къ раздробленію хозяйствъ — отличительная черта сельскаго семейнаго быта малороссійскихъ поселянъ въ сравненіи съ великорусскими, имѣеть невыгодныя послѣдствія на развитіе благосостоянія первыхъ г. Тарновскій говоритъ:

«Великороссіяне живутъ большими семействами; у нихъ цѣлый родъ, состоящій изъ десяти, изъ двѣнадцати душъ, имѣеть общую собственность, общее хозяйство, и состоитъ подъ управленіемъ одного хозяина, обыкно-

венно старшего въ родѣ, который распоряджеть всѣми дѣлами и которому всѣ повинуются, какъ дѣти отцу. Въ Малороссіи, напротивъ, и только двоюродные, дальніе родственники не сохраняютъ между собою хозяйственнаго единства, но даже женатый сынъ обыкновенно отдѣляется отъ отца, строитъ избу и заводитъ особое хозяйство. Дѣятели брата почти никогда не уживаются вмѣстѣ. Даже тагъ, гдѣ бѣдность препятствуетъ раздѣлу, нѣтъ единства въ собственности и трудѣ. Такая дѣлимость семействъ чрезвычайно вредитъ благосостоянію Малороссіянъ. Устройство отдѣльнаго хозяйства всегда дорого стоитъ: надобно выстроить отдѣльную хату и произвести хозяйственныя постройки, огородить усадьбу, завести земледѣльческія орудія и домашнюю утварь. Постройка нѣсколькихъ жилищъ и нѣсколькихъ дворовъ обходится дороже, чѣмъ постройка одного дома в одного двора для одного большаго семейства. Топлива идетъ гораздо болѣе на множество вещей. Тратить болѣе труда на приготовленіе пищи, потому—что почти каждой женщинѣ приходится варить и печь. Въ пищу и другихъ потребностяхъ не дѣлается того сбереженія, которое всегда бываетъ при большомъ числѣ соединенныхъ потребностей... Скотъ безпрестанно раздѣляется между наследниками, отъ того большая часть хозяевъ не имѣетъ собственнаго рабочаго скота, а нанимаетъ чужой для обработки полей своихъ... Малороссіянѣ въ раздробъ, за все гораздо дороже платять... Какъ необходимое слѣдствіе дѣлимости, въ Малороссіи мы находимъ множество семействъ, въ которыхъ по смерти отца не остается ни одного взрослога мужчины.»

Въ пригѣръ всего этого г. Тарновскій представляетъ подробныя таблицы распредѣленія взрослыхъ людей по семействамъ и состоянію имущественнаго въ селѣ Потокѣ (Кіевской Губерніи Каневскаго Уѣзда), принадлежащемъ г. Тарновскому и отличающемся, сравнительно съ другими селами, бѣльшимъ благосостояніемъ. 4,269 душъ мужскаго пола, состоящихъ въ селѣ Потокѣ, раздѣлены на 540 семействъ, или отдѣльныхъ хозяйствъ; изъ нихъ 8 не имѣютъ ни одного взрослога человѣка и 29 не имѣютъ взрослыхъ мужчинъ; въ 153 семействахъ число малолѣтнихъ и стариковъ болѣе, нежели число взрослыхъ обоего пола. Понятно, что при такомъ распредѣленіи людей по семействамъ, положеніе многихъ семействъ рѣшительно—безпомощно, а въ чрезвычайнотяжеломъ положеніи находится около половины семействъ. И дѣйствительно, въ селѣ Потокѣ на 4,269 душъ мужскаго пола и на 540 хозяйствъ приходится только 431 вола — единственнаго скота, употребляемаго для полевыхъ работъ. Число семействъ, владѣющихъ волами, всего только 98, то—есть менѣе одной пятой части всего числа семействъ. Остальные должны маммать у нихъ воловъ на обработку полей, по цѣнѣ огромной при дешаваніи хлѣба въ Малороссіи и незначительности денежнаго дохода съ десятины: по два рубля серебра за десятину.

Но, показывая слѣдствія раздробленія семействъ въ Малороссіи, г. Тарновскій не входитъ въ разсмотрѣніе причинъ этого явленія. Можетъ

ить и то, что изложеніе ихъ нелегко представить. Но во всякомъ лучшѣ было бы неосновательно предполагать въ малороссахъ нелюбовь къ общему хозяйству, къ нераздѣльности работы. Ужь статья г. Таровскаго представляетъ множество фактовъ, доказывающихъ противное. Вотъ одинъ изъ нихъ. Въ малороссійскій плугъ впрягается три или четыре пары воловъ; но у бѣльшей части семействъ, владѣющихъ волами, всего только по одной парѣ ихъ. И вотъ два, три, четыре тания семейства спрагаютъ своихъ воловъ вмѣстѣ и пахутъ свои земли поочередно. Ужь одинъ этотъ обычай показываетъ, какимъ-образомъ было бы можно предотвратить вредныя слѣдствія дѣлимости, и какъ велика возможность благоураунымъ устройствомъ товарищественныхъ отношеній соединить отдѣльныя семейства въ одно хозяйственное цѣлое. Еще рѣзче проявляется наклонность малороссовъ къ хозяйственному товариществу въ чумачествѣ.

Любопытна статья: *Описаніе древнихъ русскихъ монетъ, изъ числа найденныхъ близъ Нѣжина, въ май 1852 года*, Я. Волошинскаго, хранителя милиціи-кабинета при Университетѣ Св. Владиміра, гдѣ хранятся эти монеты. При вспашкѣ поля близъ Нѣжина, весной 1852 года, вырыто въ глиняномъ горшкѣ около 200 серебряныхъ монетъ, съ славянскими надписями, содержащими въ себѣ имена нѣкоторыхъ изъ первыхъ князей кievскихъ (Владиміръ, Георгій, Ярославъ, Святополкъ). Около 70 изъ нихъ поступило въ Нумизматическій Кабинетъ Кіевскаго Университета. Г. Волошинскій на 5 таблицахъ представляетъ хорошо сдѣланные снимки 31 экземпляра монетъ различнаго штемпеля, и присоединяетъ къ этому ихъ описаніе съ критическими замѣчаніями и, какъ предисловіе, разсужденіе о томъ, чеканилась ли въ Руси монета до татарскаго періода.

Не сомнѣваясь въ подлинности описываемыхъ экземпляровъ, г. Волошинскій раздѣляетъ ихъ на пять классовъ, которые относитъ къ пяти великимъ князьямъ: Владиміру-Великому, Ярославу Владиміровичу, Святополку Изяславичу, Владиміру Мономаху и Георгію, по всей вѣроятности, Долгорукому. Наибольшая часть этихъ экземпляровъ еще не была извѣстна, и потому ихъ обнаруженіе — несомнѣнная заслуга русской нумизматики. Не беремса рѣшать вопроса: справедливо ли г. Волошинскій монеты, признававшіяся прежде монетами Владиміра-Великаго, считаетъ монетами Владиміра Мономаха (снимки ихъ у него помѣщены подъ №№ 4 — 10), а монетами Владиміра-Великаго признаетъ неизвѣстныя прежде монеты, помѣщенные у него подъ №№ 1 — 3. Мнѣніе свое основываетъ онъ на томъ предположеніи, что Владиміръ-Великій долженъ былъ имѣть греческихъ монетчиковъ, а его преемники — русскихъ, мѣсто-искусныхъ, и что, поэтому, монеты № 1 — 3, которыхъ рисунокъ лучше, должны принадлежать греческимъ монетчикамъ Владиміра-Великаго.

Но нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. Волошинскаго, что монеты

нѣжинской находки и другіе, подобныя имъ экземпляры, найденныя близъ Кіева, дѣйствительно принадлежать русскимъ, а не южнославянскимъ (сербскимъ и болгарскимъ) князьямъ. Доказательства его кажутся ми неопровержимыми. Онъ говоритъ: 1) экземпляры нѣжинской находки рѣшительно—отличны отъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ монетъ южнославянскихъ; 2) онѣ и подобныя имъ экземпляры, приписываемые г. Шауэромъ Владиміру и Ярославу, найдены (а такихъ находокъ было вольно-много) въ Кіевѣ, или близъ Кіева; нѣтъ ни одного случая, чтобъ онѣ были найдены не только гдѣ-нибудь за предѣлами Россіи, но даже вдали отъ Кіева.

Но этимъ еще не рѣшается вопросъ о значеніи этихъ такъ-называемыхъ монетъ. Доселѣ было господствующимъ мнѣніе, что толщя звонкой монеты, въ нынѣшнемъ значеніи слова, древняя Русь не знала очень-долго, до XIII или, можетъ-быть, до XIV вѣка; баронъ Шюаръ выражаетъ это мнѣніе такъ: «Чеканилась ли въ Россіи монета «до Татаръ? я этого не думаю... Всѣ эти такъ называемыя монеты «такое очевидное подражаніе греческимъ, что нельзя предполагать ихъ «сдѣланными въ Руси» (1).

«Русскія буквы на нихъ вообще сдѣланы дурно, а на нѣкоторыхъ «онѣ вырѣзаны людьми, незнавшими ихъ смысла, и потому исказившими ихъ» (2).

«Искаженіе произошло отъ неудачнаго копирования. Потому, кажется мнѣ, что эти монеты были дѣланы Греками и только для того, чтобъ «служить подарками въ торжественныхъ случаяхъ, какъ то было въ «обычаѣ до самаго Петра Великаго; мы видѣли, что царь Иванъ Васильевичъ посылалъ португальскіе золотые и дубаты воеводамъ своей «побѣдоносной арміи. Оларій увѣряетъ, что въ старину золотыя мо-

(1) Г. Волошинскій признаетъ ихъ также чистыми сколками съ византийскихъ; были ли всѣ онѣ заказаны въ Греціи и вывезены въ Русь, или нѣкоторыя изъ послѣдующихъ были по образцу прежнихъ сдѣланы въ Кіевѣ—все равно: сущность мысли остается та же: онѣ византийскаго, а не русскаго происхожденія, и были слѣдствіемъ прихотливаго заказа, а не обыденной потребности.

(2) Экземпляры нѣжинской находки представляютъ еще больше притворъ грубѣйшихъ ошибокъ; напримѣръ, № 1: *Владиміръ на столѣ а се епо*, вмѣсто *его сребро*; № 10 — 17 представляютъ явныя искаженія имени Ярославова: *мрасрл*, *мрафл*, и т. д. Невозможно предполагать, чтобъ русскій монетчикъ, умѣющій различать буквы, могъ дѣлать подобныя ошибки, и потому предположеніе г. Волошинскаго о томъ, что монеты Ярослава, Владиміра Мономаха (?) и проч. были сдѣланы русскими мастерами, довольно-неправдоподобно: русскіе могли чеканить дурно; но едва-ли въ Кіевѣ могли быть сдѣланы такія грубыя ошибки въ буквахъ надписей.

ты только это одно употребленіе и ижели». (Aregu sur les monnaies des 1,105—106).

Итакъ баронъ Шодуаръ не отвергаетъ, что были чеканены перекли византійскихъ монетъ съ именами русскихъ князей, по ихъ заду; но онъ сомнѣвается, чтобъ эти монеты были чеканены въ Руси, думаетъ, что онѣ ижели значеніе медалей, а не значеніе ходячей монеты. Единственнымъ серебрянымъ ижели до татаръ были, ижели бѣльшей части нашихъ историковъ, гривны, куски серебра, все непохожее на монету въ нашемъ смыслѣ слова. И дѣйствительно, нашихъ летописей и другихъ памятникахъ до татаръ ничего не упоминается о звонкой ходячей монетѣ, въ чемъ признается и г. Вошинскій, а говорится только о гривнахъ и кожаныхъ знакахъ цѣны. Ижели, что въ Ипатьевской Летописи, въ описаніи 1115 да, подъ сребрениками, которые бросали народу при перенесеніи мощей Бориса и Глѣба, разумѣется серебряная русская монета, достаточно опровергнуто г. Егуновымъ (въ статьѣ «Взглядъ на торговлю древнѣйшей Руси»): это были гривны, или чужеземная деньги, цѣнившіяся какъ металлъ, а не какъ монета. Выраженіе изъ поканія Симона къ Поликарпу, приводимое г. Волошинскимъ: «аще бы тысяща сребра истратити»—одно изъ множества выраженій, заимствованныхъ изъ книгъ, переведенныхъ съ греческаго. Напротивъ того, выраженія летописей, когда онѣ говорятъ о сокровищахъ и т. п., рѣшительно заставляютъ думать, что монета не играла въ Руси никакой роли; слово, соответствующее нашимъ «сокровищница, казна», есть скотьница, а что—такое находилось въ скотьницѣ, узнаемъ изъ летописи: «Повелѣ (Владимиръ—Великій) всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжъ и взимати всяку потребу, питие и яденье, и отъ скотьницы кунами» (Несторъ, 54 стр.; Шодуаръ., 1, 45).

Вотъ другое мѣсто, показывающее, что еще въ концѣ XIII вѣка чеканились только гривны, а не настоящая монета: князь Володимиръ Васильковичъ, чувствуя себя близкимъ къ смерти, начинаетъ раздавать все свое ижели убогимъ: «Золото и серебро и каменіе дорогое... иже быше по отци своемъ стяжалъ, все розда; и блюда великаа сребренаа и кубки золотые и серебряные самъ предъ своимъ очима поби и поля въ гривны, и розсла милостыню по всей земли» (Ипат. Лѣт. подъ 1288 г., стр. 219): если бы тогда было обыкновеніе чеканить монету, нѣтъ сомнѣнія, что онъ, для раздачи милостыни, начеканилъ бы монеты мѣнѣе—крупной, которою можно было бы одѣлать гораздо—большее число убогихъ, нежели гривнами.

Намъ кажется, что ижелинская находка, несмотря на всю свою важность для русской нумизматики, не можетъ измѣнить обыкновеннаго ижелинія о томъ, что звонкой ходячей монеты въ Руси не было до XIII или XIV вѣка, и что такъ—называемыя монеты нашихъ древнихъ князей до татаръ—не собственно монеты, а медали.

Указатель церковныхъ чтеній, изъ св. книгъ Нового и Вѣтаго Завета, на евъ дѣи недѣли и числа мѣсяцевъ каждаго мѣсяца по какому было года, издаваемый законоучителемъ Императорскаго Сиротскаго Института С.-Петербургскаго Воспит. Дома, священникомъ, магистромъ Василіемъ Гречулевичемъ. Спб. Въ тип. Э. Веймара. 1853. Въ 8-ю д. л. 80 стр.

Полезное руководство для читателей священнаго писанія, избившихъ въ чтеніи его порядокъ, установленный церковью.

Исторія военнаго искусства. Военная исторія среднихъ вѣковъ. М. Богдановича. Санктпетербургъ. 1853. Въ 8 д. л. 132 страницы.

По самому объему сочиненія г. Богдановича уже можно судить, что оно не должно имѣть притязаній на полноту изложенія. И дѣйствительно. «Исторія военнаго искусства» — краткій, общій очеркъ, довольно популярно-написанный, по-крайней-мѣрѣ вполне понятный для людей, не получившихъ военнаго образованія; образованные военные, за исключеніемъ, едва-ли найдутъ что-нибудь для себя новое въ этой книгѣ. Потому полагаемъ, что цѣль ея — удобопонятное изложеніе общаго главнѣйшихъ фактовъ науки для людей, незнакомыхъ съ нею.

Г. Богдановичъ говоритъ преимущественно о составѣ воиска и способахъ построенія его въ боевой порядокъ въ различные періоды военнаго дѣла среднихъ вѣковъ (отъ паденія Западной Римской Имперіи до Густава-Адольфа, или Тридцатилѣтней Войны); часто рассказываетъ объ и о замѣчательныхъ сраженіяхъ. Стратегія почти не входитъ въ планъ этой книжки, и потому намъ кажется, что въ заглавіи онъ дѣлаетъ лишнюю прибавку, называя свое изданіе «Исторія военнаго искусства и замѣчательнѣйшихъ походовъ»: о походахъ говоритъ онъ очень мало и почти всегда оставляя въ сторонѣ стратегическія соображенія.

Авторъ говоритъ, что «сочиненія, служившія для него источниками» были сочиненія Вегеція, Каузнера, Брандта, Макиавелли, Лессю и нѣсколько другихъ.

Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ. Исследование А. Гильбердинга. Москва. 1853. Въ 8-ю д. л. III, 126 и IV стр.

Когда явилось глубоко-ученое твореніе равно великаго ослыга и историка славянскаго, Шафарика, «Славянскія Древности», съ восторгомъ были встрѣчены славянскими учеными его основныя выводы, и предъ основательностью которыхъ должны были замолкнуть возгласы отсталыхъ западныхъ ученыхъ, что «славяне азіатцы, а не европейцы». Одно изъ главнѣйшихъ положеній Шафарика, доказанное сравненіемъ славянскаго языка съ родственными, было: славяно и по языку, и по всѣмъ другимъ стихіямъ народности, чистые европейцы; родство слав-

искаго языка съ латинскимъ, греческимъ, особенно съ нѣмецкимъ, мадо-тѣомъ, нежели родство его съ азіатскими языками индо-европейскаго семейства. Славянскіе ученые гордились этимъ выводомъ, по-чтѣ что онъ былъ доказанъ съ рѣдкою ученостію; они радовались ему, а въ тѣ времена (уже ли минувшія?) думали, что тѣснѣйшее родство образованнѣйшими народами земли почетно, отродно для славянъ, чно такъ же, какъ, напримѣръ, и для нѣмцевъ почетно тѣснѣйшее родство съ римлянами. Выводъ Шафарика былъ тогда желанный выводъ; желанный выводъ не былъ диктованъ Шафарику предубѣжденіемъ — нтъ; высказывая его въ такой формѣ, признавая ближайшимъ родство славянъ именно съ нѣмцами, Шафарикъ побѣждалъ свое чешское чувство антипатію къ нѣмцамъ, которые всѣми силами старались — и на оловину успѣли — истребить чешскую народность. Вся книга Шафарика пронитаана этою антипатіею; но умѣлъ онъ побѣждать ее тамъ, гдѣ того требовала истина. Честь и слава такимъ ученымъ!

Но книга Шафарика вышла еще въ 1837 году. Времена переходныя. Теперь являются изъ среды самихъ славянъ люди, съ торжествомъ утверждающіе, что европейцами можно назвать персіанъ, курдовъ, если хотите, зендовъ, но не славянъ; что славяне — истые азіатцы. Не будемъ спрашивать, зачѣмъ ихъ неосмотрительное усердіе хотеть отнять у насъ имя европейцевъ? Но попросимъ у нихъ доказательства на ихъ положенія, противорѣчащія всему, чтѣ доселѣ считалось въ наукѣ истинно.

Доказательства потрудился собрать г. Гильфердингъ въ разсматриваемой нами книжкѣ; и мы должны посмотреть, основательны ли они. Правда, мы уже имѣли случай разсматривать нѣкоторыя изъ нихъ по случаю выхода въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ его изслѣдованія «О родствѣ славянскаго языка съ санскритскимъ»; но теперь онъ гораздо-полнѣе и рѣзче высказываетъ свои мнѣнія и приводитъ доказательства, если не новыя, то въ новой, болѣе-строгой формѣ; и мы не можемъ оставить безъ вниманія его новое изслѣдованіе, потому-чтѣ, располагая значительнымъ запасомъ филологическихъ свѣдѣній, онъ могъ придать своимъ мнѣніямъ прекрасную ученую обстановку, которая можетъ легко обольстить людей, незнакомыхъ спеціально съ выводами великихъ современныхъ филологовъ о степеняхъ родства между индо-европейскими языками и можетъ ввести въ заблужденіе тѣмъ легче, что, съ скромностію говоря о степени самостоятельности своихъ выводовъ, г. Гильфердингъ прибавляетъ: «Это разсужденіе, я надѣюсь, представитъ, конечно не глубокое и полное, но, по-крайней-мѣрѣ общее очертаніе науки о языкахъ нашего индо-европейскаго племени, и, можетъ-быть, послужитъ къ тому, чтобъ ознакомить съ нею людей, благосклонныхъ къ филологіи, но неимѣющихъ ми времени, ни терпѣнія прочитатъ ученые и полновѣсныя книги по этой части». Изъ этихъ словъ читателю, незнакомому спеціально съ положеніемъ нашей науки, несомнѣнно

выведутъ заключение, что книжка г. Гильфердинга не болѣе, какъ простая компиляція, въ которой нѣтъ ничего, кромѣ вещей общезвѣстныхъ и общепринятыхъ въ науки. На самомъ же дѣлѣ, въ его изслѣдованіи такъ много оригинальности, что, мы опасаясь, мало оставила простора простой, неоригинальной справедливости мнѣній. Рассмотрѣвъ же высказываемыя г. Гильфердингомъ мнѣнія, не осмѣливаясь и не считая нужнымъ высказывать въ разборѣ свои никакимъ притязаніемъ на оригинальность мнѣній, и ограничиваясь легкой ролью сличенія изъясненій и доказательствъ г. Гильфердинга съ общезвѣстными въ науки фактами, чтобъ видѣть, потому ли приходится онъ къ выводамъ, противорѣчающимъ всему общепринятому, что глубже своихъ противниковъ изслѣдываетъ факты, или только потому, что не хочетъ знать о фактахъ, разрушающихъ его мнѣнія, «игнорируетъ» факты. Вотъ его основныя положенія :

Родство славянскаго съ санскритскимъ гораздо-тѣснѣе, нежели съ греческимъ, латинскимъ, нѣмецкимъ ; съ другой стороны, не только новоперсидскій, но и зендскій гораздо-далѣе уклонились отъ санскритскаго, нежели славянскій. Поэтому славянскій языкъ, обыкновенно причисляемый къ европейской (западной) вѣтви индо-европейскихъ языковъ, надобно причислить къ азиатской (восточной), къ которой, кромѣ его, принадлежитъ только санскритскій, потому-что персидскій языкъ, вопреки общепринятому мнѣнію, принадлежитъ къ западной, а не къ восточной вѣтви. Это заключеніе основывается на томъ, что звуки всѣхъ индо-европейскихъ языковъ, кромѣ славянскаго, далеко уклонились отъ санскритскихъ звуковъ, а звуки славянскаго остались въ необыкновенной близости, можно сказать, тожествѣ съ санскритскими.

Такимъ-образомъ г. Гильфердингъ основываетъ свои заключенія въ рассмотрѣніи одной только стороны языка — звуковъ его, не обращая вниманія на другія, не менѣе-важныя : этимологию и корни. Уже по этой односторонности основанія выводы его очень-подозрительны. Правда, было время, когда предметы классифицировались не по соображенію всѣхъ ихъ существенныхъ признаковъ, а по одному признаку. Такъ иллеконитицихъ встарину дѣлили на классы по зубамъ, или по образу жили. растенія — по числу тычинокъ и пестиковъ, народы — на племена по лцевому углу, или по цвѣту волосъ и кожи. Но такой методъ признанъ давно-недостаточнымъ, неосновательнымъ. Чибъ дать общезвѣстный мѣръ его невѣрности, попробуемъ раздѣлить европейскіе народы на-европейскаго племени (бѣлой расы) и цвѣту волосъ. Мы получаемъ. 1) семейство черноволосое : испанцы, итальянцы, южные французы, греки, малоруссы ; 2) семейство русое : нѣмцы, северные французы, поляки, великоруссы ; 3) семейство рыжее : англичане. Чтѣ и уродливыя группы ! Малоруссы родня не великоруссамъ, а испанцамъ. нѣмцы не родня англичанамъ, а родня половинѣ французовъ и великоруссамъ ; французы между собою не родня, а одни принадлежать къ

итальянцамъ, грекамъ или малоруссамъ, другіе къ нѣмцамъ или великоруссамъ! Подобную путаницу придумать можно только во снѣ... И всегда мы прійдемъ къ такимъ уродливымъ группамъ, если будемъ распределять по одному признаку. Известно, что, распределяя животныхъ на классы по важнѣйшему, существеннѣйшему признаку—способу движенія и образу жизни, причисляли кита (и, еслибъ захотѣли, могли бы причислить выдру, бобра, гуся и утку) къ рыбамъ, а летучихъ мышей—къ птицамъ, куда можно было бы также причислить и бѣлокъ и летающихъ рыбъ и позовину настькомыхъ. Потому-то подобный способъ классификаціи давно ужъ признанъ годнымъ только для забавы, и сочтено необходимымъ, при распределеніи предметовъ на классы, принимать въ соображеніе всѣ ихъ важнѣйшіе признаки, всѣ ихъ существенныя стороны. Такимъ-образомъ и при классификаціи языковъ признано необходимою принимать въ соображеніе всѣ существенныя стороны языка, то-есть 1) фонетику, 2) этимологию и 3) корни. Еслибъ г. Гильфердингъ поступилъ сообразно требованіямъ науки, конечно, онъ пришелъ бы совершенно не къ той классификаціи, какую видимъ у него теперь, и, во всей вѣроятности, не опровергалъ бы, а признавалъ бы выводы великихъ подвижниковъ на поприщѣ безпристрастнаго языкоученія. По крайней-мѣрѣ склоненія, чтобъ не ходить далѣе, убѣдили бы его, что славянскій языкъ далеко не такъ близокъ къ санскритскому, какъ онъ думаетъ теперь.

Но даже и при односторонней недостаточности своего основанія классификаціи, едва-ли бы г. Гильфердингъ получалъ возможность образовывать свои странныя сочетанія, по которымъ славянскій ближе къ санскритскому, нежели зендскій (между-тѣмъ, какъ зендскій почти не отдѣльный языкъ, а только нарѣчіе санскритскаго, къ которому у него отношеніе такое же, какъ, напримѣръ, у польскаго къ русскому), если бы захотѣлъ безпристрастнѣе взглянуть на приводимыя имъ доказательства необыкновенной, по его мнѣнію, близости славянскаго къ санскритскому и рѣшительнаго различія этой пары отъ остальныхъ родныхъ. Такъ-какъ мы говоримъ только о своемъ, то-есть о славянахъ в славянскомъ языкѣ, то считаемъ излишнимъ входить въ разсмотрѣніе мнѣній г. Гильфердинга о литовскомъ языкѣ, во-первыхъ, потому, что почти все, что мы скажемъ о доказательствахъ принадлежности славянскаго къ восточной, по мнѣнію г. Гильфердинга, а не западной, какъ всѣ думаютъ, вѣтви, относится и къ литовскому (доказательства один и тѣ же у г. Гильфердинга, и опроверженія на нихъ одни и тѣ же); во-вторыхъ, еслибъ литовскій языкъ, дѣйствительно необыкновенно-близкій къ славянскому, и былъ очень-близкая родня санскритскому, изъ этого еще ничего почти не слѣдовало бы относительно славянскаго: Иванъ можетъ быть очень-похожъ на Петра, Петръ можетъ быть роднымъ братомъ Сидору, а Сидоръ все-таки можетъ быть вовсе непохожъ на Ивана, на котораго походитъ его братъ. Малорусское нарѣчіе

необыкновенно-близко къ польскому языку, великорусское нарѣчіе неразрывно связано съ малорусскимъ, а все-таки великорусскій языкъ очень-далекъ отъ польскаго, гораздо-дальше, нежели отъ сербскаго, съ которымъ у малорусскаго, такъ же, какъ у великорусскаго, нѣтъ никакой непосредственной связи. Такъ и литовскій можетъ быть роднымъ братомъ славянскому и быть чрезвычайно-близокъ къ санскритскому, а все-таки славянскій останется къ греческому, съ которымъ нѣтъ ни у него, ни у литовскаго непосредственной связи, гораздо-ближе, нежели къ санскритскому. Испанія граничитъ съ Франціею, а Франція съ Англіею; но изъ этого не слѣдуетъ же, чтобъ Англія была къ Испаніи ближе, нежели Италія. Итакъ посмотримъ на доказательства необыкновенной будто-бы близости славянскаго языка къ санскритскому, не мѣшая въ дѣло литовскаго.

Славянскій языкъ (говорить г. Гильфердингъ) не отличается отъ санскритскаго никакими органическими измѣненіями звуковъ при переходѣ ихъ изъ санскритскаго въ славянскій, а все другіе индо-европейскіе языки отличаются. Органическими измѣненіями звуковъ называетъ онъ правильный, постоянный переходъ однихъ звуковъ одного языка въ другіе звуки на другомъ языкѣ. Такъ, наиримѣръ, русское *и* правильно въ сербскомъ замѣняется *и*, а *лѣ* замѣняется *о*: *мы*, *вы*, *и*-сербски будетъ *ми*, *ви*; *далѣ*, *звалѣ*—*дао*, *звао*; *былъ* *био*, и т. д. Это органическія измѣненія; но *черный* по сербски *църни*, между-тѣмъ, какъ *чело* — *чело*, *человѣкъ* — *човек* и т. д. замѣненіе русскаго *ч* сербскимъ *ц* случайное, неорганическое. Но если бы органическихъ измѣненій при переводѣ словъ изъ санскритскаго въ славянскій не было, какъ утверждаетъ г. Гильфердингъ, это свидѣтельствовало бы о необыкновенной перепутанности, искаженіи славянскихъ звуковъ, достигшей до-того, что ихъ нельзя и сравнивать съ санскритскими, а во все не объ особенной близости. Такъ, сравнивая нѣмецкій съ англійскимъ, иногда трудно подвести подъ правила переходы звуковъ: *binden*—*bend*, а *sitzen*—*sit*; въ одномъ словѣ нѣмецкое *i* уцѣлѣло, въ другомъ перешло въ *e*; это оттого, что англійскій языкъ довольно-ломаный; а если бы, сравнивая его съ нѣмецкимъ, вовсе нельзя было найти въ немъ органическихъ переходовъ, это значило бы, что онъ уже совершенно изломанъ. Итакъ намъ кажется, что если бы фактъ, приводимый г. Гельфердингомъ, былъ справедливъ, онъ доказывалъ бы не близость къ санскритскому, а изломанность славянскаго языка, потому-что, нѣтъ сомнѣнія, санскритскіе звуки измѣняются въ славянскомъ, хотя г. Гельфердингъ и готовъ утверждать противное: вѣдь не посанскритски же наконецъ мы говоримъ? Различествующихъ звуковъ гораздо-болѣе въ славянскомъ и санскритскомъ, нежели тожественныхъ; и если нѣтъ правильныхъ измѣненій, тѣмъ хуже для доказывающей близость, потому-что тѣмъ болѣе неправильныхъ. Но, по-счастью, ни славянъ-филологовъ, славянскій языкъ вовсе не ломаный, и органиче-

не переходы санскритскихъ звуковъ отыскать въ немъ очень-легко, же въ большемъ числѣ, нежели, напримѣръ, въ латинскомъ или греческомъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, говоря объ органическихъ измѣненіяхъ въ латинскомъ языкѣ, г. Гильфердингъ указываетъ только два: 1) латинское *g* въ-точности соответствуетъ подобному санскритскому звуку — все же сколько-нибудь соответствуетъ; а у насъ нѣтъ рѣшительно ничего ему соответствующаго, и онъ переходитъ въ *b*: *frater* се-таки ближе къ *bhātr*, нежели братъ; 2) въ латинскомъ уничтожаются придыхательные звуки — и у насъ тоже: гдѣ у насъ *ph*, *th*? цѣлыо одно *ch* (*x*), какъ въ латинскомъ одно *g*, которое, что бѣ ни тверждалъ г. Гильфердингъ о различіи его отъ греческаго *ph*, все-таки придыхательный звукъ. Было бы излишне продолжать разсматривать такимъ же образомъ органическія измѣненія, находимыя г. Гильфердингомъ въ греческомъ; но равносильныя имъ также нашлись бы въ славянскомъ. (Въ греческомъ, напримѣръ, ставится придыханіе надъ начальнымъ *y*: это кажется г. Гильфердингу очень-важнымъ; а у насъ копируются *esl* гласныя чистыя въ среднѣ словъ, и почти всѣ въ началѣ — этого онъ не хочетъ замѣчать). Найдутся и другія постоянныя измѣненія санскритскихъ звуковъ славянскими: неужели же, въ-самомъ-дѣлѣ, звуки *z*, *zh*, *x*, *sh*, *ch* существуютъ въ санскритскомъ въ томъ же видѣ и на тѣхъ же мѣстахъ, въ тѣхъ же корняхъ, какъ въ славянскомъ? или они являются въ славянскомъ неправильно? Такъ готовъ сказать г. Гильфердингъ. Но дѣло объясняется иначе: въ славянскомъ языкѣ переходовъ санскритскихъ согласныхъ звуковъ больше, нежели въ латинскомъ, или греческомъ, не менѣе, нежели въ нѣмецкомъ; и чтобы подвести ихъ подъ общія правила, надобно явиться славянскому Гриму, чего нельзя сдѣлать, доказывая, что измѣненій нѣтъ, или что они «исорганическія», т. е. неправильныя. Но вотъ есть и другія объясненныя, подведенныя подъ правила измѣненія звуковъ: первобытное краткое *y* переходить въ славянскомъ въ *o*, краткое *i* — въ *ь*; неужели и это неорганическіе переходы? Но г. Гильфердингъ говоритъ, что этихъ переходовъ очень-мало безъ буквы *p*, о которой рѣчь впереди, и что не стоитъ обращать вниманія на такую мелочь: всѣмъ филологамъ, кромя его, кажется, что *o* и *ь* не при *p* являются чрезвычайно-часто и составляютъ одну изъ отличительныхъ чертъ славянскаго языка. Просмотрѣвъ какой-нибудь церковно-славянскій словарь, всякій убѣдится въ этомъ. Можно было еще отыскать органическія измѣненія звуковъ въ славянскомъ языкѣ, но довольно и этого, уже давно готоваго въ десятиахъ книгъ списка, чтобы убѣдиться въ истинѣ; развѣ въ одномъ нѣмецкомъ языкѣ первобытные (и то едва-ли) звуки такъ сильно измѣнились, какъ въ славянскомъ. Не-уже-ли мы будемъ отвергать всѣ акты, или доказывать, что это не правильныя, а случайныя измѣненія?

Но, говоритъ г. Гильфердингъ, мало того, что первобытные звуки

уцѣляли только въ санскритскомъ и славянскомъ (прекрасно уцѣлы въ славянскомъ, у котораго азбука такая, какой нѣтъ нигдѣ); славянский и санскритскій связаны общими звуковыми законами, которыми нѣтъ въ другихъ языкахъ. Справедливость этого мы уже разсмотрѣли въ разборѣ его перваго изслѣдованія («Отеч. Записки» 1853, № 6) и потому повторимъ кратко, что въ этихъ мнимыхъ «общихъ звуковыхъ законахъ» нѣтъ никакого соответствія; г. Гильфердингъ замѣчаетъ только вѣншее сходство, какое всегда можно найти между всѣмъ на свѣтѣ, и не хочетъ замѣчать существеннаго различія. Если ему угодно видѣть примѣръ, до чего можно дойти (если захочешь), основываясь на случайномъ сходствѣ «звуковыхъ законовъ», мы готовы привести также пять или шесть «звуковыхъ законовъ», общихъ татарскому, китайскому, новозеландскому, или, какому-угодно другому, съ одной стороны и, напримѣръ, нѣмецкому, или, если угодно, славянскому, съ другой. Беремъ, напримѣръ, татарскій и англійскій; общіе звуковые законы: 1) вліяніе одной гласной на другую въ другомъ слогѣ (umlaut); 2) развитіе придыханія w; 3) неопредѣленный, колеблющійся выговоръ гласныхъ. 4, 5... но вы видите, что такимъ образомъ можно найти не пять или шесть, а пятьсотъ, если угодно, точекъ схода. Беремъ русскій и татарскій; общіе звуковые законы: 1) различіе мягкихъ и твердыхъ согласныхъ; 2) звукъ ы; 3) звукъ ч; 4) любовь къ бѣглымъ гласнымъ и т. д., и т. д. Все это дѣтскія игрушки, надъ придумываніемъ которыхъ ненадобно долго и ломать головы. А еслибъ захотѣть, то можно бы очень-учено (только въ противность правиламъ науки) толковать о ближайшемъ сродствѣ славянскаго съ татарскимъ, или англійскаго съ татарскимъ, или итальянскаго съ тунгузскимъ. Такія попытки только компрометируютъ науку въ глазахъ неспеціалистовъ, которые, не будучи въ-состояніи замѣтить, соблюдены ли ученымъ требованія науки, замѣчаютъ только, что выводы, представляемые ученымъ, противорѣчатъ и географіи, и исторіи, и физиологіи. Нѣтъ, пусть г. Гильфердингъ разсматриваетъ происхожденіе и смыслъ того, что представляется ему сходнымъ по наружности — и онъ увидитъ, что нѣтъ существенной связи, а есть существенное различіе между этими сходнымъ. И пусть онъ сравнитъ языки со всѣхъ сторонъ, а не по одной фонетикѣ — и тогда его выводы будутъ прочтѣе.

Но, сравнивая, напримѣръ, корни, пусть онъ осмотрительнѣе отыскиваетъ истинные корни словъ, а не причисляетъ къ корню первое попавшееся подъ перо звуки; пусть онъ обращаетъ вниманіе на происхожденіе словъ: иначе онъ будетъ видѣть санскритскаго варда въ татарскомъ кавардакъ (корень кав, ближайшій корень кавар), санскр. कृ вѣ татарскомъ калдугъ (корень кал), корень калд—въ калдыхань, гдѣ *д* вставное, а *а* выгов. вмѣсто *о*, и настоящій корень кол(мытъ, кол-ебать), неимѣющій ничего общаго съ санскр. कृद् или कृत्, корень кам—въ словѣ камкать, очевидно, происходящемъ отъ ком-каты и т. д.

одобное сравненіе было позволительно пятьдесят лѣтъ назадъ, а не теперь.

Но напрасно потеряны для науки будутъ всѣ труды ученаго, если онъ будетъ свои симпатіи и антипатіи ставить выше безпристрастной стины, не туда будетъ идти, куда ведутъ факты, а обхода требованія строгой науки, немногіе поддающіеся всякому истолкованію по своей еопредѣленности факты, тащить туда, куда ему хочется прійти. Фаназія и пристрастіе неумѣстны въ наукѣ.

Разказы Прѣзжаго. П. Небольсина. *Санктпетербургъ.* 1854. Въ 8-ю д. л. 348 стр.

Эти интересные «Разказы» печатались, въ теченіе прошедшаго года, въ отдѣлѣ «Сибѣи» нашего журнала; теперь, отпечатанные отдѣльною книгою, они составили большой томъ. Не придерживаясь правила хвалить сами себя, «Отечественныя Записки» не считаютъ умѣстнымъ распространяться въ похвалахъ «Разказамъ Прѣзжаго»; да это было бы и совершенно-излишне: богатство интересныхъ, большею-частью совершенно-новыхъ свѣдѣній, и легкость, занимательность формы, которыми отличаются «Разказы Прѣзжаго», ужь оценены по достоинству всѣми читателями. Поэтому, вмѣсто всякой другой рекомендаціи книги г. Небольсина, мы считаемъ достаточнымъ только напомнить читателямъ ея планъ и содержаніе.

По порученію Географическаго Общества и при пособіи нашего известнаго поощрителя всѣхъ ученыхъ предпріятій, могущихъ объяснить торговля сношенія Россіи съ Среднею Азіею, г. Голубкова, г. Небольсина въ 1850 и 1851 годахъ совершилъ путешествіе по юговосточнымъ предѣламъ Россіи, главнымъ образомъ «съ цѣлю собранія свѣдѣній о вѣтшей нашей торговлѣ» съ Коканомъ, Хивою, Бухарою и Персіею. Свѣдѣнія же долженъ былъ онъ собирать на самыхъ мѣстахъ, на самыхъ путяхъ нашей азіатской торговли. И вотъ изъ Петербурга поѣхалъ онъ черезъ Москву, Владимиръ, Нижній Новгородъ, Арзамасъ, Ардатовъ, Промзвнн-городище, Симбирскъ, Самару, Бузулукъ и такимъ-образомъ достигъ «Области Земли Оренбургскаго Казачьяго Войска», объѣхалъ ее, былъ, между прочимъ, въ Оренбургъ и Илецкой Защитѣ; въ Оренбургъ засталъ онъ хивинскихъ «посланцевъ», которые просили позволенія взглянуть на Башкирію — г. Небольсина отправился съ ними и такимъ-образомъ въ одно время успѣлъ сдѣлать два дѣла: поѣздить по Башкиріи и лично узнать, что за люди хивинцы, поразспросить у нихъ, какъ они живутъ, что у нихъ и какъ дѣлается, поразспросить ихъ обо всемъ, что только сами они знаютъ. Разставшись съ хивинцами, которые немилосердно таскали у него сахаръ (хоть и говорили, что съ сахаромъ пить чай не годится), отправился онъ далѣе «колесить» по Башкиріи, потомъ переѣхалъ въ Киргизскую Степь и также «исколесилъ» ее, и также близко успѣлъ

познакомиться съ киргизами, какъ съ башкирцами. Пребываніе въ Киргизской Степи оканчивается рядъ изданныхъ имъ «Разказовъ»; в скоро общаетъ онъ разказать намъ и о дальнѣйшихъ своихъ странствованіяхъ: «о переѣздѣ изъ Троицка въ Оренбургъ, о поѣздѣ въ «Уралу, о пребываніи въ Астрахани и о плаваніи оттуда по Волгѣ «вплоть до Нижняго Новгорода, въ которомъ обзорніе знаменитой «марки завершить цѣль его агляднаго знакомства съ нѣкоторыми областями Россіи». Разказы объ этихъ странствованіяхъ читатели также въ скоромъ времени увидятъ на страницахъ нашего журнала.

Пока ѣдетъ г. Небольсинъ по русскимъ губерніямъ, главное вниманіе его обращается на ихъ промышленную дѣятельность; онъ разузнаетъ, чѣмъ еще, кромѣ хлѣбопашества, занимается народъ, разказываетъ, какіе гдѣ фабрики и заводы, какое вліяніе они имѣютъ на промыслы окружнаго населенія, на его благосостояніе и образъ жизни. Несмотря на то, что эта половина «Разказовъ» относится къ странамъ, уже довольно-подробно описаннымъ, онъ успѣваетъ и здѣсь сообщить очень много новаго, потому-что, запасшись свѣдѣніями изъ книгъ, онъ не ограничивается ими, смотритъ на этотъ запасъ только какъ на основный капиталъ, который долженъ быть ловко пускаемъ въ обращеніе черезъ бесѣды съ мѣстными знатоками своего дѣла и своего околотка. И дѣйствительно, изъ этихъ бесѣдъ его капиталъ возвращается, разросшись вдесятеро, вдесятеро, обогатившись такими подробностями и образами, которыхъ не вычитаешь изъ книгъ. «На ловца и звѣрь бѣжитъ» — и г. Небольсину вездѣ удается сводить знакомство съ людьми, живущими край, какъ свои пять пальцевъ. Иные изъ нихъ, можетъ-быть, и неподатливы на слова; но въ томъ-то и достоинство опытнаго путешественника, чтобъ расшевелить лѣниваго разказчика, выведать всѣ подноготную даже изъ такого «кремня», который не любитъ и дѣлиться словомъ ни съ кѣмъ подѣлиться. Г. Небольсинъ мастеръ на это. За-то и успѣваетъ онъ въ недѣлю, въ двѣ недѣли разузнать столько, сколько иной путешественникъ, годъ проживши, не узнаетъ.

Дорожныя приключенія, встрѣчи, разговоры (веденные почти всегда очень-живо и натурально), придаютъ фактическимъ свѣдѣніямъ беллетристическую форму. Много содѣйствуетъ занимательности разказовъ и то, что авторъ, обращая главное вниманіе на промышленную дѣятельность, не забываетъ выкатать и въ самый бытъ простонародья. Онъ видитъ не одни промыслы, не одни чугунные заводы и деревянную посуду — онъ видитъ и рисуетъ вамъ самого промышленяющаго мужичка, поднимающаго дрова на этотъ заводъ и дѣлающаго эту посуду; а съ фабрикантомъ онъ ѣдетъ въ своемъ дормезѣ, съ мѣщанами и мелкими торговцами пьетъ чай за однимъ столомъ въ гостинницѣ. Согласитесь, что было бы странно, еслибъ его живые разказы не читались очень-легко. Но, можетъ-быть, у васъ есть знакомые, которые читаютъ только «повѣсти и романы», для которыхъ книга не книга, если въ ней нѣтъ

асавиць и любви? Чтѣ же! и для нѣтъ книга г. Небольсина имѣть яво быть книгою: красавиць (только не въ бальномъ платьѣ, а въ расчѣпахъ) въ ней довольно; есть даже начало романа съ Матрѣшей... рада, Валерій Ивановичъ поитѣмалъ продолженію романа, безжалостно искини Улисса отъ преминеской Калипсо; но мы подозрѣваемъ, что Валерій Ивановичъ не успѣлъ поитѣмать новому роману (гдѣ, мы не знаемъ, потому-что не хотимъ выдавать чужихъ секретовъ) съ «домашнею» урядницею Катериною Андреевною, которая кокетничала и обезничала съ проѣзжимъ господиномъ изъ Питера, и просила его поитѣмать отъѣздомъ. Но проѣзжій — жестокий, какъ всѣ проѣзжіе — тѣмчалъ ей только: «пора, пора, Катерина Андреевна» и поитѣмался шведъ, наблюдать и передавать намъ результаты своихъ наблюдений.

Не всегда, однако, его встрѣчи были такъ пріятны. Изъ Москвы, напримеръ, довелось ему ѣхать съ Сидоромъ Кузьмичомъ, спутникомъ несличномъ-граціознымъ, и, что хуже всего, заказывавшимъ обѣды на его счетъ. Проѣзжій рассказываетъ намъ всегда чистую правду, безъ всякихъ прикрасъ; потому мы вѣримъ ему на-слово; но должны сказать, что ему на этотъ разъ очень-измѣнило его обыкновенное счастье — встрѣчаться съ истинно-типическими лицами. Вообще говоря, купцы и другіе люди торговаго класса — самые милые спутники: они всегда чрезвычайно-предупредительны и обязательны во всемъ, что не касается прямо ихъ торговыхъ спекуляцій, а въ дорогѣ лучшей товарищей и желать невозможно: самый расчетливый торговецъ не жалѣетъ ни денегъ, ни своихъ дорожныхъ запасовъ: рему, балыковъ и т. д., для угощенія спутника; съ фабрикантомъ ѣхать, можетъ-быть, и будетъ накладно для кармана, если заплатите благодарить его такимъ же угощеніемъ, каковымъ радушно, безъ всякихъ претензій, подчуетъ онъ васъ; но пожаловаться на скардность купца, или фабриканта, въ дорогѣ нельзя. Да они, впрочемъ, вовсе не затѣмъ и угощаютъ васъ, чтобы вы послѣ также угостили ихъ, а просто потому, что ужъ такое правило у нихъ принято въ дорогѣ. Намъ лѣтѣболъ русскій человекъ и въ дорогѣ любить лѣтѣболъ-солнечать, какъ дома. Нѣтъ, Сидоръ Кузьмичъ — исключеніе; мы не хотимъ и считать его русскимъ торговымъ человекомъ.

Но всѣ эти встрѣчи, дорожные разговоры и дорожные приключенія только легкая, бѣлѣтристическая оболочка, которою одѣто серьезное содержаніе книги. Оно-то и составляетъ ея главное достоинство. Читая «Рассказы», вы видите, чѣмъ и какъ въ губерніяхъ, расположенныхъ по пути отъ Петербурга до Сибири, живутъ наши поселенцы и горожане, узнаете, какіе гдѣ фабрики и заводы, какъ ведутся на нихъ дѣла, откуда получаютъ сырые матеріалы, куда сбываются издѣлія; можете знакомитесь съ настоящимъ положеніемъ пароходства по Волгѣ, читаете любопытный старинный документъ о воеводѣ Пушки и Ошкѣ-Большой-Кромѣ, который тамъ ловко провелъ Пушки, и котораго самого еще ловчѣ поддѣлъ Митѣка Хлопушка — читаете и подписываетесь

надъ простотою людскою, особенно надъ простотою тѣхъ, которымъ думаютъ, будто бы ихъ ужь и провести нельзя; потому собираютъ, выторгуютъ и везутся на провинцискій армякъ; узнаёте, какъ проманивать около мужичковъ мартышки, прасолы и тому подобный вредъ. И наконецъ знакомитесь лично съ интересными (по-крайней-мѣрѣ!) (и обычаяхъ) башкирцами, хивинцами и киргизами. Намъ кажется, что съ перевѣдомъ къ ивородцамъ, г. Небольсинъ начинаетъ рассказывать еще лучше, нежели прежде, и что, въ бальетристическомъ отношеніи, вторая половина его книги еще занимательнѣе первой. Вѣрно, и-крайней-мѣрѣ то, что Башкирія и киргизскія степи, такъ мало извѣстны, описаны имъ чрезвычайно-живо и со множествомъ любознательнѣйшихъ подробностей о жизни ихъ обитателей.

Нельзя же пожелать, чтобы г. Небольсинъ продолжалъ такъ и легко и вмѣстѣ серьёзно рассказывать намъ о своемъ дальнѣйшемъ путешествіи. Онъ, впрочемъ, ужь обѣщавъ это: «такой же системы и-мѣрень я держаться (говоритъ онъ), когда доведется мнѣ говорить о моемъ возвратномъ пути». Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ, читавшіе его «Русскіе сказы», будутъ съ нетерпѣніемъ ждать ихъ продолженія, которое начало ужь мстужило на-дняхъ въ редакцію «Отечеств. Записокъ».

Комедіи Мирзы Фет-Али-Ахундова. Тифлисъ. 1853. В 8-мъ д., л. 220 стр.

Комедіи миразы Ахундова замѣчательны вовсе не въ художественномъ отношеніи; любители споровъ о заглавіяхъ могутъ даже сказать, что эти «Комедіи» вовсе не комедіи, а просто — забавные анекдоты изъ быта закавказскихъ мусульманъ, рассказанные въ диалогической формѣ. Даже языкъ ихъ недовольно-развязенъ и отзывается слитнѣйшимъ переложеніемъ съ татарскаго: видно, что авторъ еще и не могъ отстать отъ роднаго устройства фразъ и говорить по-русски или иностранецъ. Но всѣ эти недостатки, по нашему мнѣнію, дѣло второстепенное въ комедіяхъ миразы Ахундова и совершенно перекрываются ихъ достоинствами: самобытною, безыскусственною и истинною дѣйствительности въ изображеніи быта, изъ котораго взято ихъ содержаніе. Притавивъ еще, что мираза Ахундовъ очень-удачно воспользовался собою владѣть въ натянутый фарсъ, или въ карикатуру (смысленная комедія, комизмъ которой отчасти основанъ на фарсѣ «Мавръ вобладкатель разбойника», напечатана въ томъ видѣ, какъ материалъ для сцены однимъ изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ литераторовъ, и потому не можемъ приписывать г. Ахундову ея недостатковъ); прибавивъ еще, что произведенія миразы Ахундова — нормальныи опытъ въ своемъ родѣ, первое описаніе повседневнаго быта закавказскихъ татаръ, и въ духѣ Марлинскаго, которымъ прониклись всѣ наши соотечественники, брались за подобная описанія — и вы согласитесь, что нѣтъ нужды

обращать ваше вниманіе на азіатское происхождение и воспитаніе прима Ахундова дѣлаго, чтобъ вы нашли его комедіи дѣйствительно-интересными литературными явленіемъ и пожелали ближе ознакомиться съ ними.

Всѣхъ комедій пять. Расскажемъ содержаніе пятой, лучшей по нашему мнѣнію. Она называется «Приключеніе Скрыти».

Молодой татаринъ, Гейдар-Бекъ, удалая голова, горюетъ о томъ, какія нынѣ плохія времена. «То ли дѣло прежде! Прежде, денегъ можно, бывало, достать въ-волю: то караванъ какой-нибудь разграбимъ, то найдешь случай поживиться на-счетъ персіанъ. Тогда можно было жить на свѣтѣ. А теперь что? Каравановъ грабить и не думай: сейчасъ поймають и накажутъ; и въ Персію не велеть ѣздить на грабежъ. Откуда теперь добудешь денегъ? Вотъ уже и нынѣ говорили участковый засѣдатель: «Смотри, Гейдар-Бекъ, ты, кажется, понадеваешься; отстань; плохо будетъ, если замѣчу». Какъ же отстать? Чѣмъ же жить? Засѣдатель говоритъ: «пашни землю, займись торговлею!» — «Да я развѣ армянинъ? Мой отецъ этого не дѣлалъ, и я, его сынъ, не буду дѣлать. Вотъ теперь на меня и косятся за это. Боже мой, до чего дошло! Украсть быковъ для нихъ кажется важнымъ преступленіемъ! Плохія времена; не откуда взять денегъ!» А деньги очень-нужны Гейдар-Беку. Вотъ ужъ два года, какъ онъ нашелъ себѣ невѣсту, и до-сихъ-поръ не можетъ жениться, потому-что у него нѣтъ денегъ на свадебные расходы. Гейдар-Бекъ дѣлаго, чтобъ избавиться этого препятствія, рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ обыкновенному у азіатцевъ средству — увести невѣсту. Нынѣшнюю ночь она выйдетъ на условленное мѣсто, чтобъ ѣхать съ нимъ. Но изворотливый товарищъ Гейдар-Бека, узнавъ его горе, предлагаетъ ему средство нажить въ двѣ недѣли 400 рублей; для этого надобно только съѣздить въ Персію за контрабандными англійскими товарами: они дадутъ рубль на рубль барыня. Имѣть такого смѣлаго смутинна, какъ Гейдар-Бекъ — находка для трусливаго его пріятеля; потому онъ употребляетъ всевозможное краснорѣчіе прельстить его выгодами предпріятія. Гейдар-Бекъ соглашается; но гдѣ же взять денегъ на покупку товаровъ въ Персію? И объ этомъ ужъ позаботился товарищъ: денегъ дастъ имъ Гаджи-Кара, зажиточный купецъ, котораго они уговорить хотятъ вѣсть съ ними. Гейдар-Беку стоить немновѣрныя усилія уговорить свою невѣсту, пламенную, энергическую татарку, отказаться отъ плана ѣхать. «Мы условились ѣхать, такъ и убѣдимъ», говоритъ она, плачетъ, сердится и заноситъ ногу въ стремя, не слушая резоновъ жениха; наконецъ она соглашается подождать двѣ недѣли — и на слѣдующее утро Гейдар-Бекъ, съ товарищемъ, отправляются увещивать Гаджи-Кару. Передъ ихъ приходомъ, Гаджи-Кара, сидя одинъ въ своей лавкѣ, горюетъ о томъ, что его торговля идетъ плохо, потому-что у него нѣтъ французскихъ товаровъ, которые одни только и

продается хорошо. Но как-то скоро входят авантюристы, которых он принимает за покупателей, физиономія его измѣняется, и он говорит: «вчера у меня не оставалось въ лавкѣ ни куска матеріи; но, что вы видите, привезено шитья, и завтра опять ужъ ничего не останется: хорошо для васъ, что вы зашли шитья». Авантюристы объясняютъ ему свои планы и уговариваютъ его участвовать въ предпріятіи. Он сильно труситъ сначала; но, нацѣливая на себя всякаго оружія, беретъ самъ себѣ внушающій страхъ, и уверяется, что самые отчаянные хабреры между таможенными, недугавшись одного его вида, обратятъ въ бѣгство.

Всѣ трое отправляются въ Персію. На возвратномъ пути интересуютъ ихъ десять человекъ армянь, проникшихъ, что будутъ контрабандисты, и желающіе получить награду за поимку ихъ. Поим контрабандистовъ еще нѣтъ, армяне храбрятся и ободряютъ другъ друга, называя сами себя героями. Но вотъ показываются контрабандисты, и армяне начинаютъ трусить; однако еще имѣютъ силу духа воспріять прищугнуть враговъ и грозно спрашиваютъ: «куда и зачѣмъ идете и кто вы такіе?» Слутники Гейдар-Бека поражены ужасомъ. Но Гейдар-Бекъ кричитъ на армянь, показываетъ имъ ружье — и армяне начинаютъ извиняться, объясняютъ, что они хотѣли пошутить. Гейдар-Бекъ велитъ имъ убраться поскорѣе прочь, пока дѣлы. «Разухаете, видите прочь!» отвѣчаютъ армяне: «не-уже-ли мы ставемъ съмыслимся съ такими свирѣпыми человекомъ, какъ ты? Мы думали, что мы контрабандисты, а вы настоящіе разбойники; до васъ намъ и дѣла нѣтъ, мы обзаваны ловить только контрабандистовъ; мы не хотимъ марать свои руки въ кровь». И всѣ десятеро бѣгутъ съ одного. Тогда и Гаджи-Кара начинаетъ геройствовать и кричать на бѣгущихъ. Гейдар-Бекъ спохватывая крикаетъ домой, выручаетъ деньги за товары и женитъ на своей невестѣ. Но Гаджи-Кара, видя, что победы надъ врагами достаются такъ легко, и утвердившись въ собственномъ геройствѣ, свисываетъ за контрабандою. На дорогѣ встрѣчаются ему два армянскіе плужика; Гаджи-Кара воображаетъ, что это опять враги, и называетъ ихъ ими; напрасно несчастные уверяютъ его, что съ ними нѣтъ и оружія: Гаджи-Кара не слушаетъ, не слышитъ ничего и неотступно требуетъ, чтобы они положили оружіе. Плохо принялось бы несчастнымъ бѣднякамъ, еслибы на страшный шумъ, поднятый хабреромъ, не подѣхали казаки и не связали его. Всѣ плутни раскрываются и допросы, и Гаджи-Кара долженъ заплатить законный штрафъ. Трусливость и хвастовство хабрерствомъ — отличительныя свойства иррабацкихъ татаръ, очень-удачно обрисовываются въ этой исторіи; но, кромѣ того, замѣнить она и со многими другими чертами характера быта ихъ, съ ихъ свадебными дѣлами, съ обычаями ихъ кутюль. Лица Гейдар-Бека, его невесты и Гаджи-Кары очерчены характерно. Большая часть сценъ ведены очень-натурально.

Подобныя же образомъ въ другихъ комедіяхъ очерчивается легкоіе, плутовство и т. д., закавказскихъ татаръ.

Нельзя не принять «Комедій» Мирзы Фет-Али-Ахундова съ полагать одобреніемъ и не видѣть въ авторѣ дарованія, интереснаго по ей самобытности.

Паденіе Турціи. Спб. Въ тип. Королева и комп. 1856. 16-ю д. л. 14 стр.

Прототипъ этой кстаги—изданной брошюрки напечатанъ въ 1828 году, Москвѣ, подъ слѣдующимъ длиннымъ заглавіемъ: «Предреченіе о паденіи Турецкой Имперіи, возвышенное султану Амурату арабскимъ звѣздословомъ *Муста Эддыномъ*, съ присовокупленіемъ къ сему необычнаго предсказанія сто-шестилѣтняго швейцарскаго старца *Марыма Задека* о взятіи Константинополя, столицы Турецкой Имперіи, и о пророчествѣ, найденномъ на гробѣ *Константина Великаго* на греческомъ языкѣ, съ предложеніемъ оная на российский и съ прибавленіемъ предреченія о томъ же предметѣ славнаго *Якова Слони*». Вся разница между двумя этими брошюрами состоитъ въ томъ, что новая короче старой, не заключаетъ въ себѣ «предреченія славнаго Якова Слони» и не украшена, какъ первая, фантастическимъ портретомъ арабскаго звѣздослова, одною рукою опирающагося на глобусъ, а другою указывающаго на знаки зодіака. Какъ та, такъ и другая брошюрка — книжная спекуляція.

О числѣ. Мысль Порфирія Гоствило—Карниловича (с приложением). Кіевъ. Въ Университетской типографіи. 1852 — 1853. Въ 12-ю д. л. 199 стр. Второе заглавіе: *Желаніе*. Съ двумя энграмами.

Два заглавія, два энграфа, исключеніе вѣ въ окончаніяхъ словъ достаточно ужь обнаруживаютъ, что эта книжка не наша земная, пошлая арифметика, но сочиненіе философское, проникающее въ глубь натуры чисель. Оно начинается великолѣпною похвалою числямъ. Мы съ восторгомъ прочли эту похвалу и спѣшимъ раздѣлить свое наслажденіе съ читателями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ближе познакомить ихъ съ правописаніемъ и съ возвышеннымъ, увлекательнымъ слономъ автора.

«Въ познаніяхъ человѣческихъ однѣ только числа имѣютъ законъ совершенный, неподверженный никакому измѣненію, независимый отъ прихотей умствователей. Онъ (? конечно, числа) законъ всѣмъ законамъ. «Познанія наши тѣмъ ближе къ совершенству, чѣмъ сходимѣе съ закономъ чиселъ. Посредствомъ чиселъ мы постигаемъ точность количества, вѣса, мѣры, пространства, времени и прочаго (чего же?). Числамъ обязаны: возвышенная Астрономія своими открытіями, — утонченная Механика своими изобрѣтеніями, — Мореплаваніе, Торговля, Земледѣліе, Военное искусство своими усовершенствованіями, — Политика, Философія, Мета-

«Физика, Богословіе (?) своими вѣрными заключеніями, — и вообще изъ науки и искусства своими усиліями».

Послѣ «Введенія», г. Гостышко-Карниловичъ предлагаетъ остроумнѣйшую догадку о формѣ арабскихъ знаковъ чисель или о цифрахъ. Онъ говоритъ, что каждая цифра первоначально состояла изъ столько-то черточекъ или «волосокъ»; сколько изображенное ею число содержитъ «единицъ». Къ этой догадкѣ авторъ прибавляетъ замѣчаніе: «Тамъ же первоначальнымъ изображеніемъ числа, не думалъ ли изобрѣтатель показать, что всѣ числа изъ Единицы, во всѣхъ числахъ Единица и всѣ числа «въ Единицѣ»».

Вотъ основаніе философіи числа, которое авторъ развиваетъ въ своей глубокомысленной книжкѣ, начиная со счета до *двуухъ*, до *простаго*, до *десяти* и до *сорока*. Говоря о чудныхъ свойствахъ нуля (0), онъ погружается въ глубину, недостижимую для простаго смертнаго: «Сущность (0), всѣмощность (0), вѣчность (0), безпредѣльность (0), безначальность (0), безконечность (0), безчисль (0), сами по себѣ «безъ Единицы — ничто. Единица извлекаетъ изъ вѣчности (0) время, изъ безпредѣльности (0) пространство, изъ безначальности (0) начало и конецъ, — изъ безчисла (0) числа». Чтобы показать, какимъ образомъ дѣйствуетъ единица, авторъ предлагаетъ слѣдующую схему «Единиичнаго изхожденія или выхожденія единицы»:

«Единица..... 1
 1
 1
 1

до безконечности».

Увѣряемъ читателей, что мы совсѣмъ не шутимъ, и чтобы изложить мысли автора, выписываемъ изъ его книжки съ совершенною точностью; даже сожалѣемъ, что не можемъ выписать многихъ самыхъ любопытныхъ мѣстъ, какъ, напримѣръ, теорію размноженія русскихъ гривенъ. Для нашей типографіи очень-затруднительно напечатать слѣдующее размноженіе, которая походитъ на банку, употребляемую для игольчатыхъ часовъ: она начинается рядомъ, состоящимъ изъ десяти 1. Исходить до ряда съ одной 1, потомъ продолжаютъ ряды изъ двухъ 1, изъ трехъ 1, до десяти; ряды напечатаны поперегъ страницы, и переѣзжаются продольною надписью: «одна гривна». На правой сторонѣ рядовъ напечатаны объясненія: «десять гривенъ = одинъ рубль, девять «гривенъ, двѣ части цѣлаго = два цытака, три части цѣлаго, четыре «части цѣлаго = 4 познытака; каждая часть по грошу съ деньгомъ» и проч.; съ лѣвой же стороны рядовъ изображены двѣ лѣстницы, поставленныя подъ угломъ, и начиная съ верха, на ступеняхъ стоятъ цифры 1, 2, ... 10 > 1 и 1 > 01, гдѣ знакъ > показываетъ, что 10 и 01 суть то же, что единица. Мы долго вглядывались въ этотъ иероглифъ и наконецъ догадались, что когда досчитаемъ отъ гривенъ до

или тогда опять начинаемъ считатьъ одинъ, два и проч. рубля, и также досчитавъ отъ копейки до гривны, продолжаемъ говорить : одна, и проч. гривны. Вотъ какъ единица изъ вѣчности извѣдываетъ вечна, изъ безпредѣльности — простраства, и проч.

Эту мудрость повторяетъ авторъ на каждой страницѣ своей книжки, различными вариантами; такъ развертываемъ книжку на-угадъ и попадаемъ на 31 страницу, гдѣ напечатано :

Источникъ изчисленк (1)   Основаніе изчисленк.

1 ...	Единица один	1	Единица.
1 1	..... два	10	двоица.
1 1 1	..... три	10	троица.
1 1 1 1	..... четыре	10	четверица.
и проч.	и проч.	и проч.	и проч.

Разсматривая арифметическія дѣйствія, авторъ и въ нихъ видитъ то-то таинственное; такъ онъ чрезвычайно удивляется, что отъ дѣленія единицы на единицу выходитъ въ частномъ единица. Онъ пишетъ: В единичномъ дѣленіи изчисленія нѣтъ числа, ни количества, которыми-бы дѣлили Единицу, или на которыя бы она могла дѣлиться. Единица дѣлится, или какъ бы дѣлится на Единицу = на себя. При дѣленіи на себя Единица всей своей полнотой, не дѣлимого переходитъ въ частное, которое и дѣлимому и дѣлителю равно, то-есть : она и дѣлимое и дѣлитель и частное : три вида дѣленія равны между собою и все вмѣстѣ вывѣляютъ одну единицу, не имѣя частей и долей. Единица не обращается в дробь. Единица, могущая обратиться в дробь, «не есть единица».

Вотъ образчикъ пустословія, происходящаго оттого, что авторъ видитъ тамъ тайну, гдѣ ея нѣтъ, и гдѣ все логически основывается на опредѣленіяхъ!

Въ концѣ книжки начинается истинная мудрость пифагорейская. Историки древней философіи найдутъ здѣсь много любопытнаго, потому что г. Гостыло-Карниловичъ поможетъ имъ понять ученіе Пифагора о седмиричной гармоніи, и потому мы считаемъ обязанностию познакомить ихъ короче съ его сочиненіемъ. Это знаменитое и таинственное ученіе вообщено авторомъ въ отдѣльной статьѣ : «Приложеніе к мысли о числѣ».

«§ 1. В пѣніи или играніи семь звуковъ; но они разчитываются не «сѣдмидею», а октавою, то-есть : осмидею = осмидею изчисленіемъ (2). При настроеніи инструмента, первая нота, или первый

(1) Авторъ, выбросивъ з, выбрасываетъ і передъ ѱ.

(2) Здѣсь авторъ разумѣетъ, что если будемъ считать до восьми, то надобно будетъ употреблять семь знаменательныхъ знаковъ и одинъ знаменательный для указанія мѣстъ цифръ : такой знакъ въ нашей десятичной нумераціи есть нуль, въ которомъ авторъ видитъ Все.

«звук есть один (1), который производит, или по которому идет еще шесть звуков, например: первое до, потом ре, ми, фа, сол, ля, си. Здесь семь тонов, следовательно седмица тонов. Но и для настрояния всех струн инструмента, а также для введенія въѣба и согласнаго настроенія въ цѣлом хорѣ, требуется нѣсколько тонов седмицы и высших и низших; то называется и там и здѣсь седьмым, согласнымъ первому звукъ. Тогда этотъ отысканный, или введенный звукъ = другое до становится единицею, или ограничивающею цѣлою (10) семи звуковъ и началъ столько же будущихъ». Попробуемъ когда примемъ седмиричную нумерацію, тогда, насчитать семь, мы будемъ говорить: семь и одинъ, семь и два... семь и семь или седьмичны и т. д. Мы не понимаемъ аналогіи между семью тонами и произвольною седмиричною нумераціею, которую, по неудобности, и употреблялъ и самъ Пифагоръ, какъ доказываетъ то его глупое ушшоеніе. Впрочемъ, это еще сносно; это можетъ еще много исправиться; но вотъ съ учениемъ § 2 едва-ли кто согласится.

«§ 2. Различныя дѣйствія природы подходят подъ различныя именованія (то-есть подъ различныя нумераціи); а потому нельзя имъ требовать изчисленія, какъ орудіе, какъ чертогъ къ изслѣдованію имени природы, къ точному, или по-крайней-мѣрѣ къ правильному познанію чего-либо, или къ заключенію о чемъ-нибудь.

«Ежели законъ природы, или ея дѣйствіе въ чемъ-нибудь падаетъ къ какому-либо изчисленію, напримеръ: къ осьмичному; то и въ другихъ ея подобныхъ дѣйствіяхъ законъ долженъ быть такой же или подобный. И ежели наукѣ встрѣтилась бы надобность о томъ узнать; то къ соображенію, слѣдуетъ употребить изчисленіе известнаго уже закона, или дѣйствія природы.»

Какой легкой способъ объяснять явленія природы! Стоитъ только придумывать для нихъ соответствующія нумераціи! Вотъ и братцы

«Замѣчательно: въ природѣ волненія, или потрясенія, имѣютъ семь степеней, весьма явственныхъ, напримеръ: свѣтъ, звукъ. Для чувствованія ихъ намъ даны орудія, — глаза и ухо, — и что бы имѣть ощущеніе свѣта, или звука, необходимо потрясеніе нервъ, въ первомъ случаѣ, — глаза, а въ другомъ, — уха. При этомъ рождается вопросъ: нервы глаза и уха сколько могутъ имѣть степеней потрясенія и не составятъ ли ихъ семь?»

«Для глаза, — цветы.

«1) Яркій, 2) Свѣтлый, 3) Слабый, 4) Блѣдный, 5) Сѣрый, 6) Гуманный, 7) Темный.

«Для уха, — звуки.

«1) Громъ, 2) Крикъ, 3) Свистъ, 4) Шумъ, 5) Пѣніе, 6) Говоръ, 7) Шопотъ.

«Эта первая попытка (совершенно удачная!) ведетъ къ дальнѣйшей»

изысканіи : нельзя ли также разпредѣлить на степени обоняніе, вкус и осязаніе.

«Для обонянія, — запах.

«1) Свѣжій, 2) Гнилый, 3) Пряный, 4) Смолистый, 5) Масляный, 6) Дымный, 7) Спиртный.

«Для вкуса.

«1) Ёдкій, 2) Горькій, 3) Кислый, 4) Сладкій, 5) Соленый, 6) Жирный, 7) Прѣсный.

«Для осязанія.

«Гладко, шероховато, кругло, остро, упруго, твердо, мягко, сухо, мокро, горячо, холодно, тепло, тяжело, легко.»

Вотъ ужъ для осязанія надобно придумать нумерацію не седмиричную; но авторъ сталкиваетъ камень преткновенія рѣшительно. Онъ говоритъ :

«Не два ли рода чувств осязанія у нас, или нельзя ли их (?) раздѣлить на два? По размышленіи оказывается, что есть два чувства осязанія, одно как бы наружное, а другое внутреннее. К наружному можно отнести то, что чувствуем и без посредства и чрез посредство, например : когда в перщ(?)аткѣ и когда без перщатки ; а ко внутреннему, что мы можем чувствовать без посредства. Наружное можно назвать осязаніем, а внутреннее, — чувствованіемъ.»

Изъ этой теоріи авторъ заключаетъ, что мы имѣемъ семь чувствъ : «1) зрѣніе, 2) слух, 3) обоняніе, 4) вкус, 5) осязаніе, 6) чувствованіе, 7) ощущеніе. И каждое из этих чувств не имѣет ли семь качествъ : и эти качества не заключают ли в себѣ еще степеней?»

Мы думаемъ, что такая мудрость не требуетъ опроверженій; замѣтимъ только, что она приводитъ къ слѣдующему заключенію (стр. 176) : «Свѣта мы не видим, но чувствуем его потрясеніе, = сіяніе.»

Выишемъ еще одно мѣсто изъ этой глубокой, пинагорейской мудрости, которая всѣ явленія природы смилется объяснить сегомъ :

«Во всяком изчисленіи числаца (10) не-иное — что есть как сѣмя «в растѣ(?)ніи... Подобнымъ образом и зародышъ животнаго, находясь во «чревѣ матери своей, пребываетъ только в возможности будущаго отдѣльнаго существа = будущаго новаго міра. Он, пока в чревѣ, ничего не «имѣетъ отдѣльнаго от матери : кровь матери = его кровь, нервы матери = его нервы ; глаза, ухо, пища, сон, каждое чувствованіе, каждое ощущеніе матери = имѣетъ и его ; или : его кровь = в крови матери, его нервы = в нервах матери, его чувства и ощущенія = «в чувствѣ и ощущеніи матери, и прочее, словомъ : он и мать = «одно цѣлое... Беременная женщина, в мигъ ударившая себя рукой «по щекѣ, часто рождаетъ и ребенка с пятном на его щекѣ. Одной ко- «тенной кошкѣ нечаянно переломили хвост, который зажил, сросшимся «крючкомъ вверх : у трехъ котенятъ (?) этой поноши (?) оказались хвосты «стиги загнутыми, подобными же крючками вверх.»

Эту выписку мы не побоялись сделать въ настоящее время, потому что авторъ оканчиваетъ свой рассказъ объясненіемъ чуднаго явленія котятъ съ крючковатыми хвостами : «Изъ этого должно заключить, что по сочувствію, или единочувствію эти хвостыни сложились : то мгновеніе, когда былъ сломан хвостъ матери, и въ послѣдствіи, по тому жъ единочувствію, каждый изъ нихъ подобнымъ образомъ сросся».

Остается объяснить, что значить второе заглавіе книжки : «Желаніе». Это «Желаніе» заключающее книжку, имѣетъ еще заглавіе : «Человѣкъ», послѣ котораго слѣдуютъ вопросы съ отвѣтами :

«Чего жаждеш, душа моя,
«Чего алчеш, несытая ?

«На челѣ моемъ спокойствіе, очи блестятъ веселіемъ ; свѣтъ утренній
«зари на ланитахъ моихъ : уста = радость ; языкъ = неизтощимаа божь-
«да. (Здоров).

«Чего жаждеш, душа моя,
«Чего алчеш, несытая ?

«Одесную меня подруга съ чадами возлюбленными. Обширными водами
«необозримые лѣса доставляютъ мнѣ пищу ; ручьи и рѣчки несутъ мнѣ
«воды ; ребра горъ источаютъ вкусныя вина ⁽¹⁾ ; изъ нѣдръ земли извост-
«ся мнѣ драгоценныя камни, — изъ глубокихъ (?) = горки (авторъ посыл-
«стился написать : горы) золота и серебра ; бездны морскія посылаютъ
«мнѣ въ день блестящія перлы и огнистыя (ухъ!) кораллы. (Доволен).»

Чего же болѣе ? и огнистыя кораллы и подруга съ чадами — все
есть...

Мы, кажется, достаточно познакомили читателей съ оригинальнымъ произведеніемъ г. Гоствило-Корниловича : теперь пусть они купятъ эту книжку и сами прочтутъ ее. Мы два читали ее и сказали сами-себѣ, подобно Шекспиру : «чего не приходитъ на мысль въ то время, когда умъ заходитъ за разумъ !»

Къ книжкѣ приложена таблица подъ названіемъ : «Ускорь, или образецъ сотеннаго умноженія, въ которой находятся произведенія до десяти тысячъ (10000)». Къ этой таблицѣ присоединенъ рисунокъ линіи, состоящей изъ линейки, по которой движется платка, подобно нониусу въ барометрахъ, и объяснено употребленіе этого нониуса. Ускорь есть не иное что, какъ таблица умноженія, составленная по образцу пизагоровой : въ ней можно найти произведенія всѣхъ чиселъ, выражаемыхъ двумя цифрами. Кажется, перемножить такіа числа можно скорѣе, нежели найти ихъ произведеніе въ «Ускорѣ». Впрочемъ, волю-волю — воля.

(1) Не понимаемъ, какъ ребра горъ источаютъ вина. Но это поэзія!

Вѣра, Надежда и Любовь, малолетняя съ бредомъ и размышленіемъ, съ присовокупленіемъ духовныхъ стихотвореній. А. А. М. М. Дѣль части. Изданіе второе, дополненное. Спб. Въ книж. Веймара, Вилсбергера и Краля. 1854. Въ 12-ю д. л. Въ к. I—XXIV и 429, во ч. II—302, 146 и XIV стр.

Книга эта составлена, по словамъ издателя (священника В. Гречулинскаго) «для сообщенія въ краткихъ чертахъ ученія вѣры и дѣятельности христіанской, также отношеній вѣрующаго къ Православной Церкви и обязанностей каждаго въ-частности христіанина, по его состоянію, «душевному и общественному, для приспособленія къ чтенію церковныхъ «молитвослововъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ для поддержанія семейственнаго благочестія и споспѣшествованія домашнему воспитанію дѣтей въ страхъ «Божіе.» Какъ самыя бреды и размышленія, такъ и духовныя стихотворенія, удовлетворяя этой цѣли, могутъ служить полезнымъ чтеніемъ, особенно во время наступившаго великаго поста.

Изданіе очень-красиво и даже роскошно.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Стихотворенія гг. Фета и Некрасова («Современникъ» №№ 1 и 2). **Биографія** П. А. Федотова, написанная г. Толбинымъ. **Басни Федотова** («Пантеонъ» № 1). **Два Притоля, повесть**, г. Тургенева («Современникъ» № 1). **Крестьянина, романъ** г. Поткина («Московскія Вѣдомостя» №№ 6, 7, 8, 9 и 10).

Одинъ философъ, говорить, знаменитый, но больше страничкой своими парадоксами, утверждалъ, будто тотъ, кто хочетъ вполне оцѣнить жизнь, а. е. сладкія мечты, долженъ прежде выстрадать эти наслажденія, замѣсть сначала физически замочить и начать медленно выздоравливать. Можетъ-быть, слова эти были только аллегоріей въ устахъ знаменитаго мыслителя, но мы принимаемъ ихъ буквально. Въ это время медленнаго выздоровленія, когда докторъ позволяетъ вамъ съѣсть тарелку супа и правильно цѣлится, въ вану голову вывѣшаются самыя необятныя философскія идеи и самыя прачудныя мечты фантазіи. Желудокъ легокъ, чтобъ не сказать тощъ, физическія силы поднимаются и шепчутъ вамъ, мысль свободна, какъ вѣтеръ пустыни (слова того же философа), времени много, слѣдовательно есть время и покусаться и передумать все на досугъ. Въ вечерній часъ, когда сумерки,

проникнуть сверху въ углы вашей комнаты, мало-по-малу начинают стирать пятны съ мебели и столовъ, и картины вашей комнаты дѣлаются похожими на призракъ, съ любопытствомъ выглядывающіе изъ-за стѣны, вы начинаете фантазировать, начинаете понимать вещи самыя неудобнопонимаемыя и художественныя, и если въ это время дать вамъ въ руки книгу... вы, конечно, ничего не увидите... Нѣтъ, если вы въ эту минуту вспомните какіе-нибудь стихи наизусть, то они покажутся вамъ вдвое, втрое, вчетверо восхитительнѣе тѣхъ же самыхъ стиховъ, читанныхъ вами въ совершенно-здоровомъ состояніи, послѣ обильнаго обѣда: тогда вы чувствовали только легкую дрожь, но все-непоэтическую; тогда вы не понимали и не могли понимать ни философіи, ни поэзіи.

Но скушайте полтарелки супа и крылышко пыленка и вы будете стоять ужъ въ предверіи храма науки и поэзіи, или, лучше, вы сами будете ужъ предисловіемъ къ самому занимательному курсу поэтическихъ и философскихъ мечтаній. Вотъ вы лежите на диванѣ, оборнувшись головою къ стѣнѣ. Вечерній сумракъ тихо, медленно и заботливо, какъ добрая няня, въ былое время, окутываетъ васъ прозрачнымъ, дымчатымъ одеяломъ. Вы плаваете, какъ въ туманѣ, въ вечернемъ мракѣ; глаза ваши закрываются медленно, и вы не можете ужъ видѣть спинки дивана, на который смотрите попеременно. Вы ничего не видите, не видите даже мрака, потому-что глаза ваши смежаетъ легкая усталость, легкая дремота, полумракъ и глѣнь. Но еслибъ кто-нибудь посмотрѣлъ на васъ въ эту минуту, онъ увидѣлъ бы, какъ улыбка веселая и счастливая играетъ на вашемъ лицѣ. Улыбка сдвигается легкимъ движеніемъ губъ, какъ-будто вы что-то говорите, и вскорѣ затѣмъ вы снова улыбаетесь. Въ это время, не подозревая всей важности той фантастической работы, которая кинется въ вашей головѣ, вы мыслите и фантазируете за цѣлую недѣлю, за цѣлый мѣсяцъ, когда вы были здоровы и ни о чемъ не думали, ни о чемъ не фантазировали. Вы рѣшаете задачи труднѣйшія, строите планы великолѣпнѣйшіе, видите картины очаровательнѣйшія, видите тѣхъ женщинъ, которымъ вамъ нравятся, видите пейзажи, гдѣ бы хотѣли провести всю жизнь... А между-тѣмъ вы смотрите только на пуговницу дивана и улыбаетесь, можетъ-быть, очень-странно для того, кто взялъ бы на себя трудъ извѣстнаго и посмотрѣть на васъ со стороны...

Въ это время, признаюсь, люблю я читать стихи г. Фета. Есть въ нихъ какая-то сладость, задумчивость и прелесть картинъ, которыя пріятно вспоминать. Въ это время умъ большею-частью нерабочимъ фантазією и дѣлается ея покорнымъ слугою; вся притязательность его требованій, въ другую пору можетъ-быть и справедливая, дѣлается какъ-то особенно-несносною въ это время. Стихи г. Фета такъ вамъ нѣжно и заботливо убаюкиваютъ, какъ-будто вы маленькое дитя, съ которымъ не должно рассуждать, но которому необходимы сказки съ

О волшебных чертогах и волшебных красавицах. Каждый стих г-на Пета напоминает вам приятное прошлое, къ которому бы вы такъ хотѣли возвратиться. Вы читаете :

Клубятся тучи, мѣня въ блескъ аломъ,
Хотятъ въ росѣ повѣжиться поля,
Въ послѣдній разъ за третьимъ переваломъ
Преналъ ящикъ, звона и не пыля...

Полудрежающая фантазія рисуетъ вамъ гораздо-больше, нежели два послѣдніе стиха. Вы, помните, ѣхали... еще такъ торопились—и куда? Куда бы вы ни ѣхали, только этотъ стихъ про ящика напомнилъ вамъ почему-то другіе стихи :

Снова птицы летятъ издалека
Къ берегамъ, расторгающимъ ледъ,
Солнце теплое ходить высоко
И душистаго ландыша ждѣть.
Снова въ сердцѣ ничѣмъ не умѣришь
До ланитъ восходящую кровь,
И душою охотю такъ вѣришь,
Что, какъ мѣръ, безконечна любовь.

И вы съ особеннымъ удовольствіемъ вѣрите въ справедливость этихъ стиховъ и даже начинаете воображать безконечный мѣръ. Но какъ-то странно, весь вашъ мѣръ на этотъ разъ вмѣстился въ одной деревнѣ, гдѣ провели вы лѣто и даже осень. Помните, когда сосѣди ваши говорили объ умолотѣ, вы, осенью, особенно любили гулять въ вашемъ старомъ паркѣ... И вы читаете :

Бесѣдка старая надъ пропастью видна.
Вхожу. Два льва безъ лапъ на лѣстницѣ встрѣчаютъ.
Полузатертыя чужія имена,
Сплетааясь межъ собой, въ глазахъ моихъ мелькаютъ.
Гляжу. У ногъ моихъ отвѣсною стѣной
Мнѣ сосенъ кажутся недвижныя вершины,
И горная тропа, размытая водой,
Вѣясъ, какъ желтый змѣй, бѣжитъ на дно долины.
И солнце вырвалось изъ тучи и лучи,
Блеснувъ, какъ молнія, въ долину долетѣли...

Вы долго любуетесь этимъ старымъ паркомъ, но разыгравшееся воображеніе уноситъ васъ дальше, въ лѣсъ, и, покойно лежа на диванѣ, вы припоминаете одну изъ лучшихъ вашихъ прогулокъ по этому лѣсу :

Куда ни обращаю взоръ,
Кругомъ снѣжетъ мрачный боръ
И день права свои утратилъ;
Въ глухой дали стучитъ топоръ...
И нуть заглохъ и одичалъ,

Позеленѣлый вѣсть уналъ
И легъ, окосясь, во рву размытомъ,
И конь давно не выступалъ
По немъ подкованнымъ копытомъ...

Увѣряемъ васъ, ничего не можетъ быть пріятнѣе, когда, въ часъ сумерекъ, ваша память приводитъ вамъ отрывки изъ разныхъ стихотвореній г. Фета, хотя-бы то было безъ всякой последовательности. Пусть въ вашей головѣ перемѣшаются *Пчелы, Лѣсъ, Паркъ, Веселіа Чужества, Стенъ*, вы отъ этого ничего не потеряете; стихи также пріятно недѣйствуютъ на васъ, будто-бы вы помнили каждое стихотвореніе сначала до конца. Стихи г. Фета такъ пріятны и мелодичны, что самый процессъ повторенія ихъ доставляетъ ужъ удовольствіе. Вы забываете о мысли, которую поэтъ хотѣлъ выразить въ своемъ стихотвореніи, не торопитесь припоминать нѣсколько забытыхъ вами стиховъ и довольны тѣмъ, съ которыми не можетъ разстаться ваша память. Г-нъ Фетъ чувствуетъ поэзію...

Но если, подѣ-часъ, вамъ станетъ тяжело и вашей больной мысли какъ-то приторны сдѣлаются все сладости; когда вы, окинувъ взглядомъ свое прошлое, найдете въ немъ больше утратъ, нежели радостей, больше страданій, чѣмъ угѣшеній, тогда прочтите стихотвореніе г. Некрасова *Муза* («Современникъ» № 1). Одинъ биографъ нашего покойнаго художника г. Федотова, вспоминая тяжелую жизнь этого труженика, какъ-бы эпитафіемъ изъ ней выбралъ «Музу» г. Некрасова; и въ этомъ отношеніи биографъ былъ правъ. Кто знаетъ съ какими трудами, съ какою бѣдностью долженъ былъ бороться г. Федотовъ для того, чтобъ выработать свой талантъ, тотъ пойметъ и стихотвореніе г. Некрасова. Всякій изъ нашихъ поэтовъ описывалъ свою музу, и каждый понималъ ее по-своему. Муза г-на Некрасова, кажется намъ, серьезнѣе и угрюмѣе ихъ всѣхъ. Вотъ отрывокъ изъ нея :

Нѣтъ! Музы, ласково поющей и прекрасной,
Не помню надъ собой я пѣсни сладкогласной.
Въ небесной красотѣ, неслышимо, какъ духъ,
Слетая съ высоты, младенческій мой слухъ,
Она гармоніи волшебной не учила,
Въ пленкахъ у меня свирѣли не забыла,
Среди забавъ моихъ и отроческихъ думъ
Мечтой вѣсною не волновала умъ,
И не явилась вдругъ восторженному взору
Подругой любящей, въ блаженную ту пору,
Когда томительно волнуютъ нашу кровь
Нераздѣлимая и Муза и Любовь.

Но рано надо мной отяготѣли узы
Другой — неласковой и нелюбимой музы...
Той музы плачущей, скорбящей и болѣющей;

Всючасно жаждущей, униженно просящей,
 Которой золото — единственный кумирь...
 Въ усладу новаго пришельца въ Божій міръ,
 Въ убогой хижинѣ, предъ дымною лучиной,
 Согбенная трудомъ, убитая кручиной,
 Она пѣвала мнѣ, и полонъ былъ тоской
 И вѣчной жалобой навѣвъ ея простой...
 Все слышалось въ немъ въ смѣшеніи безумномъ :
 Разсчеты мелочной и вѣчной суеты
 И юношескихъ глѣбъ прекрасныя мечты,
 Погибшая любовь, подавленные слезы...

Мы припоминаемъ простоту и безъискусственность формы прежде
 впечатанннхъ стихотвореній г-на Некрасова, и муза его напоминаетъ
 амъ отчасти музу Баратынскаго, который говорилъ :

Не ослѣпленъ я музою моею.
 Красавицей ея не назовуть
 И юноши, узрѣвъ ея, за нею
 Влюбленною толпой не побѣгутъ.
 Приравнивать къ исканнмъ уборомъ,
 Игрою глазъ, блестящимъ разговоромъ,
 Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ.
 Но пораженъ бываетъ мелькомъ свѣтъ
 Ея лица не общимъ выраженьемъ,
 Ея рѣчей сиюминутной простотой;
 И онъ, скорѣй чѣмъ вдивимъ осуждаемъ,
 Ее почтитъ небрежной похвалой.

Но жизнь, которая слышится подъ стихами г. Некрасова, часто
 напоминаетъ намъ мотивы пѣсней Кольцова.

Кто потрудится припомнить стихотворенія г. Некрасова : «Вду ли
 ночью по улицѣ тѣмной» и «Тройку», тотъ согласится, можетъ-быть,
 съ нашимъ мнѣніемъ. Стихотворенія эти поясняютъ смыслъ «Му-
 зы» и сильно затрогиваютъ наше чувство, потому-что прямо попа-
 даютъ въ большую сторону сердца. Въ стихахъ г. Некрасова нѣтъ
 той мягкой и часто неопредѣленной грусти, которую находимъ у г.
 Огарева; стихъ его часто жестокъ своею опредѣленностью, но за-то
 и характеръ поэзии дѣлается яснѣе. Въ стихахъ его нѣтъ шумихи словъ;
 вы видите ясно, что хотѣлъ онъ сказать, и всегда похвалите за мысль
 и чувство, лежащія въ основѣ стихотворенія. Чаше г. Некрасову из-
 мѣняетъ форма, и это замѣтно въ тѣхъ стихотвореніяхъ, гдѣ элегиче-
 скій тонъ сохраняетъ колоритъ грусти элегій Пушкина. И «Муза» и
 «Тройка» — тоже элегія; но мы не о нихъ говоримъ; мы разумѣемъ
 здѣсь элегія въ родѣ напечатанной въ 1 № «Современника»: «Такъ
 это шутка? Милая моя!» Хотите вы опредѣлить значеніе чьей-
 нибудь поэзии, возьмите и перечитайте элегія этого поэта. Эле-
 гія — то-же, что камертонъ въ музыкѣ. Перечитайте элегія Пуш-

кина и Лермонтова, и вы скорѣй всего поймете разницу между этими поэтами. Въ элегіи звучатъ всѣ тѣ нѣжныя струны, которыми одаренъ поэтъ и которыми онъ развилъ образованіемъ. Изъ элегіи вы узнаете, чему сочувствуетъ поэтъ, какъ онъ образованъ и есть ли что-нибудь родственное между нимъ и публикою известной эпохи. Талантъ поэта не такъ скоро вы узнаете изъ элегіи: поэтъ можетъ быть съ огромнымъ талантомъ, однакожь элегіи его вы не станете читать. Точно также, элегическій поэтъ, любимый вами, можетъ быть не же посредственности въ какой-нибудь поэмѣ и преимущественно драмѣ, гдѣ талантъ и фантазія такъ неодолимо властвуютъ надъ чувствами. Какъ образованность, современность, такъ, съ другой стороны, необразованность и неопредѣленность мысли и желаній поэта узнаются лишь изъ элегическаго тона его произведеній.

Кто захотѣлъ бы опредѣлять значеніе стихотвореній г-на Некрасова, тотъ можетъ довольствоваться тремя, выше нами упомянутыми: «Музою», «Тройкой» и стихотвореніемъ начинающимся такъ: «Буду ли ночью по улицѣ тѣмной». Въ нихъ заключено всё, чѣмъ силенъ талантъ г. Некрасова. По внѣшней отдѣлкѣ стихи г. Некрасова ни въ содержанія; онъ большею-частью простъ, не имѣетъ никакого особеннаго блеска, но есть стихи и такіе, которые трудно читаются. Напримеръ въ «Музѣ»:

Той музы плачущей, скорбящей и болящей,
Всечасно жаждущей, униженно просищей...

Мы говорили, что одинъ біографъ нашего покойнаго художника и отчасти поэта, г. Федотова, приводитъ «Музу» г. Некрасова... по поводу, по поводу—не знаемъ какъ выразиться. Есть въ нашей литературѣ статьи—теперь онѣ попадаются рѣже—въ которыхъ, подъ покровомъ благодарности, видимъ какое-то неуваженіе къ памяти умершаго; статьи, которыя производятъ странное впечатлѣніе, рождаютъ тягостное чувство, наперекоръ желанію автора задобрить читателя. Къ такимъ статьямъ, по нашему мнѣнію, принадлежитъ «Павель Андреевичъ Федотовъ» статья г. Толбина, помѣщенная въ 4-мъ номерѣ «Пантеона» на нынѣшній годъ. Всѣмъ извѣстно то живое участіе, которое русская публика принимала въ талантѣ Федотова, при его жизни, и какъ эта публика была огорчена, услышавъ прискорбную для нея вѣсть о смерти любимаго художника. Вскорѣ послѣ смерти Федотова явилась прекрасная и съ чувствомъ написанная статья г. Дружинина, въ которой трудная жизнь нашего покойнаго художника была описана съ любовью, человѣкомъ, знавшимъ Федотова лично и принимавшимъ въ немъ живѣйшее участіе. Это была единственная статья, въ которой довольно-подробно и послѣдовательно разсказана жизнь Федотова. Прошелъ ровно годъ послѣ статьи г. Дружинина (она напечатана въ февралѣ 1853 г.) и въ январской книжкѣ «Пантеона», вышедшей въ началѣ февраля 1854 г.,

власъ другая статья — г. Толбина. Мы хотѣли читать ее, и на той же страницѣ остановлены были какни-то небрежностями, уязвившими въ глаза. Уже въ первой строкѣ нашли мы странную ошибку или опечатку: — тамъ сказано, что Ѳедотовъ умеръ въ ноябрѣ 1853 года... Въ оглавленіи книжки сказано, что статья принадлежитъ Толбину, а на первой страницѣ въ выноскѣ прочли мы слѣдующее: «*При составленіи этой статьи редакторъ (? слѣдовательно статья принадлежитъ редакціи?) долженъ благодарить (а по составленіи не долженъ?) г. академика, скульптора Бѣляева, художника Бернардекаго, художника Агина, Л. М. Жемчужникова, доставившаго некоторыя стихотворенія П. А. Ѳедотова и въ особенности П. И. Песлера, одного изъ самыхъ искреннихъ друзей покойнаго, доставившаго (?) много матеріаловъ*» (для чего? какихъ?)

На третьей страницѣ этой біографіи нашли мы «Музу» г. Некрасова, перепечатанную почти всю... но такъ искусно, что авторъ «Музы» не смѣлъ уномянуть ни разу. Сказано только, что «невидимая муза, присутствовавшая при рожденіи Ѳедотова, не была кажется, къ нему благосклонна, какъ та которую воспѣвали въ пьсахъ (?) своихъ другіе поэты и нашъ художникъ, замѣчательный не въ этомъ одномъ отношеніи (?), но какъ поэтъ, какъ музыкантъ и прекрасный пѣвецъ, смѣлъ почти полное право сказать :»

«Нѣтъ! Музы ласково-поющей и прекрасной...» (*Перепечатана Муза.*)

Выходитъ по смыслу, что «Музу» написалъ покойный Ѳедотовъ, а г. Толбинъ приводитъ ее, какъ и многія другія стихотворенія Ѳедотова, до сихъ-поръ напечатанныя? Можно ли такъ поступать, когда эта «Муза» напечатана въ январскомъ же номерѣ «Современника»? Представимъ себѣ, что кто-нибудь благополучно прожилъ 1854-й годъ и въ 1855-мъ рѣшился заглянуть въ журналы. Что долженъ онъ получить, найдя одну и ту же пьесу, напечатанную въ двухъ журналахъ, одновременно, въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ, въ одномъ журналѣ съ подписью, а въ другомъ, безъ подписи имени? Вѣдь не всякій будетъ помнить, что январская книжка «Пантеона» 1854 года вышла въ февралѣ.

Потомъ начинается выписка изъ статьи г. Дружинина. На страницѣ 2-й, источникъ выписки показанъ; на страницѣ 4-й коротко замѣчено слѣдующее :

«Павелъ Андреевичъ былъ единственною опорой своей недостаточной семьи. Вотъ что говоритъ онъ самъ (?) о своемъ дѣтствѣ и личности своего старика отца: «Отецъ мой былъ вонномъ екатерининскихъ временъ...» и далѣе, стр. 4 и 5.

Кто захочетъ сравнить это мѣсто съ статью г. Дружинина, тотъ увидитъ, что на стр. 57-й и 58-й тамъ сказано :

«Отец мой—разказывалъ отъ (Федотовъ)—былъ во время смирненскихъ времени»... слово въ слово то же что у г. Толбина.

Слѣдовательно для г. Толбина это разказалъ не самъ Федотовъ, а г. Дружининъ... И съ этой же страницы начинается рядъ выносокъ, или, лучше сказать, перепечатка уже напечатаннаго въ 1853 году. Указывать здѣсь на всѣ эти заимствованія будетъ утомительно: скажемъ, что даже выноска, въ такомъ родѣ, какъ, напримѣръ, слѣдующая: «штука вотъ какого рода — поговорка, которую Федотовъ любилъ употреблять» — и эта, по истинѣ г. Толбина важная выноска, перепечатана изъ статьи г. Дружинина. Вся разница двухъ статей состоитъ въ томъ, что г. Дружининъ кончаетъ свою статью такимъ образомъ:

«Ноября 18 дня, во второмъ часу утра, погребальная процессія двинулась, по дорогѣ къ Петербургу, съ тѣломъ Павла Андреевича...»

А г. Толбинъ этими же словами начинаетъ свою статью, добавивъ и здѣсь указанную уже нами ошибку:

«18 ноября 1853 года, около часу пополудни, отъ больницы Вѣтъ Скорбящихъ, тянулась къ Петербургу, по Петергофской дорогѣ, скромная погребальная процессія...»

Мы объ этой статьѣ не сказали бы ни слова, если бы не читали въ ней чего-то невыгоднаго для памяти покойнаго нашего художника. Неужели біографія Федотова не стоила хоть сколько-нибудь болѣе-любопытнаго труда? Больше года проходитъ со смерти художника; мы предлагаемъ статью подъ громкимъ названіемъ — и мы въ ней не находимъ даже тѣхъ извѣстій, которыя были намъ уже сообщены, годъ тому назадъ. Между-тѣмъ на первой страницѣ уже редакція благодаритъ художниковъ и скульпторовъ за то, что они сообщили ей «много матеріаловъ». Эта статья идетъ въ рядъ съ другою, подобною же статьєю г. Бранта о «Исторіи русской журналистики», и мы, при нынѣшнемъ состояніи нашей литературы, считаемъ долгомъ указывать на такіе анхронизмы. Кто ничего новаго не можетъ сказать о жизни художника, или писателя, тотъ пусть лучше промолчитъ. Но кто рѣшается печатать статью, въ которой ничего новаго не говорится, тотъ предполагаетъ, что публикѣ нашей рѣшительно ничего неизвѣстно, и для нея будетъ все новостью, что имъ напечатано. Въ прежнее время, когда не было журнальныхъ обзорній, за подобными небрежностями слѣдить было трудно; но теперь это возможно и, прибавимъ, необходимо.

Сколько мы недовольны біографіей Федотова, перепечатанною г. Толбинымъ изъ статьи г. Дружинина, столько же благодарны редакціи «Пантеона», за то, что она познакомила публику съ литературными произведеніями нашего художника, напечатавъ въ первый разъ его стихотворенія. Эти стихи не имѣютъ большого поэтическаго достоинства, но

и для насъ тѣмъ, что показывать въ Федотовѣ человека мысля-
. Федотовъ и въ стихахъ старался быть такимъ же наблюдателемъ
въ общества, какимъ онъ былъ, когда рисовалъ свои картины. Но
у него уже никакъ не можетъ соперничать съ кистью : стихъ не-
менно—ниже ея. О стихахъ Федотова можно сказать, что въ нихъ
ничего глупаго; юморъ автора смѣло подмѣчалъ все, что броса-
ему въ глаза; но стихъ, въ который облечена эта наблюдатель-
ь, не былъ въ силахъ выразить всю теплоту его сердца, всю мѣт-
ь его умнаго взгляда. Писалъ Федотовъ басни, въ подражаніе Кры-
, писалъ стихами и объясненіе нѣкоторыхъ своихъ картинъ. Такъ,
ришѣръ, стихи, въ которыхъ рассказанъ сюжетъ его картины «Сва-
ство», были извѣстны публикѣ до появленія своего въ печати. Въ-
тно, многіе слышали, какъ ихъ читалъ покойный Федотовъ—а чи-
ь онъ ихъ, нужно замѣтить, превосходно. Въ «Пантеонѣ» напеча-
ы только отрывки изъ этого стихотворенія, безспорно, лучшаго; но
ывки эти не могутъ дать понятія о цѣломъ и преимущественно о
ь эффектѣ, который производили они, когда ихъ читалъ самъ Федо-
ь. Не знаемъ, который разъ читалъ онъ ихъ въ обществѣ, когда
сами ихъ слышали; только самъ онъ, читая ихъ, хохоталъ добро-
шійшимъ образомъ, какъ—будто слышалъ въ первый разъ это сти-
твореніе: до такой степени стихи эти, должно—быть, прямо вылились
ь души его, и многія мѣста до-того были полны неподдѣльнаго ко-
азма.

Полнѣ приведенъ въ «Пантеонѣ» другой рассказъ о *Сватовствѣ* жъ,
ь которомъ Федотовъ подражалъ манерѣ ювелирныхъ райковъ и ихъ
ротажному напѣву. Вотъ отрывки :

Честные господа,
Пожалуйте сюда!
Милости просимъ,
Денегъ не спросимъ,
Даромъ смотри,
Только хорошенько очи протри.
Начинается,
Починается,

О томъ, какъ люди на свѣтѣ живутъ,
Какъ ныне на чужой счетъ жуютъ!
Сами работать дѣнятся,
Такъ на богатыхъ женятся...

Вотъ извольте посмотреть :

Вотъ самъ хозяинъ лавочкикъ—купецъ,
Денегъ полонъ ларецъ.
Есть что пить, есть что ѣсть,

Ужъ чего-жъ—бы еще! Да взманцла вишь честь :
Не хоту—шоль зятей съ бородами!
Какъ услуженный зять,

Ужъ не то будетъ знать.
 Матъ на крайности дай хоть выбора...
 Безъ того никому не отдашь свою дочь!
 А женихъ тутъ какъ тутъ, и но чину, токъ въ токъ...

И вотъ извольте посмотреть :
 Какъ въ парадѣ цѣлый дождь,
 Все съ иголочки въ вѣкъ;
 Только хозяйка куща
 Не нашла знать во головкѣ чѣща :
 По старинному, въ сизомъ платочкѣ,
 Остальной же парадъ,
 У французенки взять
 Лишь вѣсчоръ, для нея и для дочки!
 Дочка въ жизнь въ первый разъ —
 Какъ барышня у насъ,
 И простуды не боясь,
 Плечи выставила на показъ.

И вотъ извольте посмотреть :
 Какъ хозяйинъ лавочникъ—купецъ,
 Невѣстину отецъ,
 Не сладить съ шортукомъ —
 Какъ онъ бѣется, пыхтитъ,
 Застегнуться сбѣннить :
 На распашку принять не учтиво!

А вотъ извольте посмотреть :
 Какъ и наша невѣста
 Не найдетъ, сдуру, мѣста.
 — «Мужчина чужой!
 Ой, стыдъ-то какой!
 Никогда я съ ними еще не бывала;
 Коль и придуть, бывало,
 Мать тотчасъ на ушко :
 «Тебѣ, дѣвушкѣ, здѣсь не пристало.»
 Въкъ въ свѣтличкѣ своей я высокой
 Прожила, проспала одинокой;
 Кружева лишь плела къ полотенцамъ.
 Гость заводить, чай, рѣчь :
 Ай, ай, ай срамъ какой!
 А, тутъ нечѣмъ скрыть плечь :
 Шарфъ сквозистый такой!
 Все насквозь, на виду —
 Нѣтъ, въ свѣтлицу уйду!..

Упомянутая о баснях Ѳедотова, напечатанныхъ въ «Пантеонѣ», не сказали, что всѣ онѣ умны и мѣткі, хотя и навсегда стихъ удаченъ. Однакожь одна изъ басенъ — *Усердная Хавроуля*, стоитъ басни Кры-

ва : «Свинья подъ дубомъ», съ тою разницею, что «Свинья» Кры-
ва, наѣвшись желудей, подрыла корни дуба, не понимая, что эти же-
ди производятъ дубъ; «Хавронья» же Федотова ободрала колючки
розъ съ величайшимъ усердіемъ, не подозревая, что розы не могутъ,
— несчастію, расти безъ колючекъ, и потому, по глупости, сгубила все,
ò было прекраснаго въ саду.. Но эта басня такъ хороша, что мы
дѣемся доставить истинное удовольствіе читателямъ, приведя ее вполнѣ:

Не далѣе, какъ въ нынѣшнемъ году,
Въ одномъ саду,
Любимая изъ барыниныхъ дочекъ,
Лѣтъ четырехъ, сама цвѣточекъ,
Хотѣла розанчикъ сорвать,
Да, позабывши про колючки,
Съ разбѣга, хватъ —
И ободрала ручки!

Ай, ай!

Швырнувши прочь цвѣтокъ,
Бѣдняжка зарыдала.
На звонкій голосокъ
Мамаша прибѣжала.

Увидѣвши въ крови любимое дитя,
Перепугалась не шутя;
Сейчасъ ребенка подхватила,
Лечить въ хоромы потащила...
Ребенокъ на рукахъ у матери реветъ,
Колючки острыя клянетъ,

За нимъ и мать вопиетъ, колючки проклиная:
«Вотъ я ихъ!» говорить, ребенка утѣшая: —
«Колючки гадкія; вишь, смѣли обижать
Малюточку мою! Сейчасъ ихъ всѣ содрать.»
Конечно, все лишь это были прибаутки

Для шутки,

Отъ истинной любви къ малюткѣ.

Хавронья-жъ, горничной, случись вблизи стоять —
Привыкнуши въкъ свой все буквально понимать,

Хавронья, и на этотъ разъ,
Все поняла за истинный приказъ;

Хоть очевидно —
Для сада будетъ преобидно,
Хоть говорится иногда:

Спрось не бѣда,
Не ослушанье —

(Вѣдь ухо можетъ измѣнить).

Сомнительное приказанье

Не грѣхъ, подчасъ, переспросить;
Иль, въ знакъ сомнѣнія, хотя за ухомъ почесешь:
За что жъ, молъ, иль себя, иль господъ оцѣнишь?

Лишь стена была чуть-чуть съ утесна:
 Но бабы какъ-то слабы въ немъ!
 Хавронья жъ, добрая, была за-то такая,
 Что общице цѣлый свѣтъ —
 Подобной нѣтъ!

А потому, припоминая,
 Что этотъ плачь и вой
 Въ дому отъ иглъ, ужъ не впервой,
 Ей было по душѣ скорѣй бѣду исправить,
 Чтобъ и впередъ дитя отъ бѣды избавить
 И дому барскому усердье показать.
 (Хорошія дѣла откладывать ненадо:
 А можетъ, будетъ и награда!)
 Давай сейчасъ въ саду колючки оскребать!
 Обчистивъ розы, отправилась въ шиповникъ,
 Потомъ въ крыжовникъ,
 Въ малину сочную — вездѣ колючки есть!
 На все колючее изволила настѣсть.
 Съ колючками кой-гдѣ и кожу всю содрала
 И неколючее вокругъ все перемяла:
 Черезъ недѣлю все повяло!
 Колотся нечѣмъ!.. Бабѣ честь!
 Зато, понюхать или поѣсть,
 Въ саду бывало прежде густо,
 А нынче — пусто.

(«Пантеонъ», стр. 38, 39 и 40.)

Еслибъ редакція «Пантеона» напечатала одну только эту басню Федотова, мы ужъ были бы ей благодарны — такъ хороша эта басня! Подъ нею не отказался бы подписать свое имя и Крыловъ и, вѣроятно, поставилъ бы ее на ряду съ удачнѣйшими своими произведеніями. Къ сожалѣнію, не можешь сказать того же о другихъ басняхъ Федотова. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи и не должно быть строгихъ: стихи писалъ Федотовъ въ часы отдыха отъ занятій живописью; самъ ихъ называлъ бездѣлками и даже, по поводу ихъ, написалъ слѣдующее посланіе: *Къ моему извѣщенію*.

Кто бъ ни былъ, добрый мой читатель,
 Родной вы мой, или пріятель,
 Теперь хочу я васъ проинтъ
 Къ моимъ стихамъ нестрогимъ быть:
 Я не отъявленный писатель,
 Хоть я давно ношусь съ перомъ,
 Да то — перо, что носить въ шкатулѣ,
 А что писатель держать въ лапѣ,
 Я съ тѣмъ, ей Богу, незнаю,
 И не думалъ въ сочиненія,
 А ужъ особенно въ печать...

Можно ли быть строгимъ къ стихотворнымъ произведеніямъ этого агороднѣйшаго, добрейшаго и откровеннѣйшаго художника и человека? наша рука не поднимется написать хоть одно, самое ничтожное замѣчаніе на его стихи.

Повѣсть г. Тургенева *Два пріятеля* искренно обрадовала насъ. Что бы написала г. Тургеневъ—очеркъ ли изъ крестьянскаго быта, повѣсть ли, которой дѣйствуетъ средній нашъ классъ, мы всегда читаемъ каждое произведеніе этого автора съ особеннымъ удовольствіемъ. Мы, особенно говоримъ, подкуплены талантомъ г. Тургенева, и сознаемся, что этотъ подкупъ возможно—благородный въ литературѣ. Ни литературныя партіи, ни журнальные расчеты не руководятъ насъ въ этихъ хвалахъ. Поэтому, выйдя изъ-подъ пера г. Тургенева произведеніе болѣе значное, мы будемъ отъ него въ восторгѣ; явись другое — мѣтве—удачное, мы съ трудомъ рѣшимся на тѣ замѣчанія, которыя замѣтили бы су сдѣлать. Въ нашей литературѣ много примѣровъ писателей, которые возбуждали особенное участіе ко всему написанному ими, и писатели эти, далеко не первостепенные, возбуждаютъ въ насъ любовь даже тогда, когда они перестаютъ дѣйствовать. Почему вамъ трудно было бы сказать, что—нибудь двусмысленное, напримѣръ, о талантѣ Вевитинова, и почему онъ, написавши такъ мало, до-сихъ—поръ съ кобылю упоминается всѣми читавшими его когда—нибудь, и болѣею—астью нашихъ умныхъ критиковъ? Симпатія не зависитъ отъ всѣхъ тѣхъ причинъ и условій, которыя дѣлаютъ писателя великимъ художникомъ: часто произведенія, неважныя по замыслу, оттого только пережили другія—блестящія, но холодныя, что возбуждали симпатію. Даже у каждаго изъ замѣчательныхъ нашихъ поэтовъ есть такіа произведенія: мы и теперь читаемъ и любимъ ихъ, вспоминая тѣ чувства, которыя они пробуждали въ насъ нѣкогда. Первые поэмы Пушкина, первые баллады Жуковского, «Бѣдная Лиза» Карамзина, далеко—нелучшіа произведенія этихъ писателей, а между-тѣмъ они навсегда останутся въ исторіи нашей литературы, потому-что этии—то, въ художественномъ отношеніи слабыми произведеніями, указываются тѣ незамѣтныя черты въ исторіи нашей литературы, которыми мы очень дорожимъ. Эти произведенія какъ—будто уносятъ съ собою тайну своей прошедшей прелести; но взгляните пристальнѣе въ нихъ и вы найдете разгадку. Они отвѣчаютъ на чувства и мысли современниковъ: они возбуждали симпатію, были задушевнымъ словомъ образованнаго общества.

Писатель можетъ возбуждать симпатію тогда только, когда самъ проникнуть чувствами и образомъ мыслей своего времени. Поэтому опредѣлить сущность того, что возбуждаетъ симпатію, гораздо—труднѣе, нежели опредѣлнять степень таланта писателя — вторую сторону каждаго литературнаго произведенія. Искусно—выработанный и метко—схватченный языкъ; ясность образовъ, въ которые каждаый писатель закладываетъ свое произведеніе; интересъ явленія, или дѣйствія — сод-

часть же дѣлается видными, даже при первом знакомствѣ съ книжкою-нибудь произведеніемъ. Но выборъ сюжета, умѣнье сказать о каждомъ выведенномъ лицѣ то, чего оно стоитъ; знаніе, на какомъ предметѣ остановить вниманіе читателя и обойти предметы, ни для кого неинтересныя; добрыя словеса умѣть привѣтствовать лицу, достойное иному-либо сочувствія; умѣть горячо принимать къ сердцу все, заслужившее участія; ненавидѣть всё ложное и поддѣльное; смотрѣть на предметы такъ, какъ на нихъ долженъ смотрѣть человѣкъ образованный. Да какъ перечислить все то, что составляетъ писателя образованнаго? А между-тѣмъ отсутствіе всего этого можетъ быть обнаружено, напримеръ, къ новости, двумя-тремя фразами, неудачно-сказанными; какимъ-нибудь лицомъ, третьестепеннымъ, выведеннымъ въ романѣ, и безвинно-уколотымъ; какимъ-нибудь неуѣтнымъ наэосомъ; какою-нибудь острою надъ тѣмъ, что большинство людей, истинно-образованныхъ, привыкло уважать... Самыя важныя растенія свертываются и закрываютъ свои листья отъ неосторожнаго прикосновенія. Къ этимъ растеніямъ принадлежатъ и симпатія читателей. Выучить писателя сочинять симпатично такъ же невозможно, какъ и дать ему творческую фантазію. Чѣмъ слѣдуетъ была Карамзинъ въ своихъ «Письмахъ Русскаго Путешественника»? — симпатіей. Какой избитый предметъ, кажется: описать путешествія! Сколько у насъ описаній путешествій, болѣе-подробныхъ, болѣе разнообразныхъ, а между-тѣмъ одно описаніе путешествія Карамзина итеть въ нашей литературѣ историческое значеніе. И долго, можетъ-быть, будетъ оно единственнымъ. Перечитывая теперь «Письма Русскаго Путешественника», мы получили къ нимъ еще большее уваженіе, нежели въ то время, когда учили ихъ наизусть, изъ любви къ увлекательному слогу Карамзина. Слова, которыя Баратынскій сказалъ о Гёте, во многомъ мнѣнію, больше относятся къ писателямъ симпатическимъ, напримеръ, къ Шиллеру у нѣпцевъ, у насъ — къ Карамзину, нежели къ Гёте:

. . . Ничто не оставлено имъ
 Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
 На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
 Что проситъ у сердца отвѣта,
 Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
 Въ одномъ безпредѣльномъ нашель ей предѣлъ...

Вотъ эту-то симпатію мы встрѣчаемъ у нашихъ писателей рѣдко, и намъ кажется, что они нарочно держатся извѣстной системы, или школы *художественности*... Художественность! чего-чего не оправдывали ею! Какой-нибудь авторъ выберетъ сюжетомъ своей драмы лицо, ни для кого неинтересныя и заставитъ ихъ чувствовать, можетъ-быть и эффектно, да холодно; ему въ оправданіе сейчасъ говоритъ система: «Никто не имѣетъ права стѣснять фантазію художника, и лица, выне-

енные т-мъ N: N:, художественно очеркнуты и чувства их тонко рисованы». Пишетъ кто-нибудь стихи, въ которыхъ воспеваютъ звучными строчками избытокъ мощности — ему говорятъ: «Стихъ вашъ художественъ, а образъ такой-то — пластиченъ». Напишетъ кто-нибудь романъ или повѣсть, въ которой никакъ нельзя понять развязки, потому-что она собственно и нѣтъ (за отсутствіемъ мысли въ произведеніи), ему говорятъ: «вы прекрасно поступили: характеры вашей повѣсти стались выдержанными!» На все есть утѣшеніе. Для всѣхъ этихъ систематиковъ вѣчное приближеніе Гёте, который собиралъ и сортировалъ камешки и травы, когда Наполеонъ завоевывалъ Германію. Гёте казался, что кто-нибудь, можетъ-быть, не пойметъ его, и потому завѣщавалъ послѣ себя вѣную теорію художественности. Но Гёте былъ художникъ и *гениальный мыслитель*... а это-то, кажется, и забываютъ гвисторы. У насъ подражатели и переводчики Гёте — все писатели художественные, но; къ-сожалѣнію, ни о комъ изъ нихъ публика не хочетъ вспомнить. А пусть бы переводили эти самые поэты-художники Байрона или Шиллера, поэтовъ нехудожественныхъ по сравненію съ Гёте, но у которыхъ мысль и чувство стоятъ на первомъ планѣ — и переводчики были бы замѣтны. Художественность — послѣдняя ступень искусства, верхъ его совершенства, но только тогда, когда она служитъ послѣднимъ великолѣпнымъ покровомъ глубокихъ мыслей и чувствъ. Иначе она дѣлается вышиваньемъ узоровъ по канвѣ и, къ-сожалѣнію, должны сказать, остается такою красивою вышивкою у многихъ нашихъ талантливыхъ поэтовъ; остается она такою же вышивкою по канвѣ всѣхъ писателей и писательницъ поговорокъ, пословицъ и тому подобныхъ художественныхъ бездѣлокъ, въ которыхъ обыкновенно мужъ съ женой мирятся, послѣ самой-непродолжительной ссоры, передъ баломъ.

Но оставимъ «эллипсису» противъ неумѣстной художественности и писателей только художественныхъ; возвратимся къ тому, съ чего начали, то-есть къ писателямъ другаго разбора, писателямъ, симпатизирующимъ проявленію мысли и чувства...

Мы сказали, что любимъ произведенія г. Тургенева потому, что видимъ въ нихъ писателя мыслящаго, образованнаго и, сверхъ всего этого — даровитаго: Еще намъ приятно видѣть, что самъ г. Тургеневъ, въ-отношеніи къ собственному своему таланту, строже большей-части критиковъ его произведеній. Это доказываетъ, что онъ постоянно и съ любовью занимается своимъ дѣломъ. Повѣсть «Два Пріятели», которая, можетъ-быть, не бросается въ глаза яркостью красокъ, какъ нѣкоторые рассказы изъ «Записокъ Охотника», показываетъ, однакожъ, что авторъ старается выйдти изъ своей прежней манеры создавать типы. Мы съ удовольствіемъ указываемъ на этотъ шагъ впередъ. Критики, болѣею-частью, безусловно были въ восторгѣ отъ «Записокъ Охотника»; или если указывали на нѣкоторые ихъ недостатки, то, по-крайней-мѣрѣ, не на тѣ, которые видѣлъ

самъ авторъ. Лица, выведенныя въ «Запискахъ Охотника», часто бросались въ глаза яркостью своихъ характеровъ; часто, слово ихъ, видъ которю трудно было разсмотрѣть, сколько въ этихъ характерахъ что—русскаго и сколько приданнаго имъ идею и фантазію автора. Въ каждомъ рассказѣ мыслящій человекъ былъ на первомъ планѣ, и въ всѣхъ этихъ очеркахъ авторъ не говорилъ ни одной мысли отъ себя собственно; но за-то тѣмъ усерднѣе говорили за автора выведенныя имъ лица. Г. Тургеневъ понималъ очень-хорошо эту сторону своихъ произведеній, и въ повѣсти «Два Пріятеля», старался избѣжать ея. Точно также передъ тѣмъ, когда г. Тургеневъ испытывалъ себя въ драмѣ и написалъ нѣсколько комедій: онъ слышалъ отъ своихъ критиковъ больше похвалъ, сравнительно, нежели порицаній. И однакожь, онъ скоро понялъ, что драма выходитъ у него слаба, по рѣшительному отсутствію дѣйствія, и остановился самъ. Кто припомнитъ повѣсти, которыя писалъ г. Тургеневъ передъ драмами, повѣсти, всегда имѣвшія большой успѣхъ въ публикѣ, тотъ еще больше согласится съ нами, что въ нихъ г. Тургеневъ никогда не останавливался на однажды принятой манерѣ, на однажды-принятомъ взглядѣ. Однимъ словомъ: г. Тургеневъ постоянно идетъ впередъ, и это намъ тѣмъ пріятнѣе казется, что многіе изъ нашихъ лучшихъ писателей, послѣ перваго удачнаго опыта, начинаютъ дарить насъ произведеніями слабыми, небрежными, въ которыхъ видно равнодушіе къ собственному таланту.

Въ повѣсти «Два Пріятеля», есть два лица, которыя, при прежней манерѣ г. Тургенева, вышли бы—мы за это ручаемся—эффектнѣе, болше бы бросались въ глаза: Вязовникъ и Барсуковъ. Вязовникъ принадлежитъ къ числу тѣхъ лицъ, тѣхъ характеровъ, которые у нашихъ писателей возбуждали охоту изобразить ихъ; на Вязовника можно смотрѣть съ ходулей и сдѣлать его, если не орломъ, то орленкомъ; можно смотрѣть и проще, естественнѣе, какъ на него посмотрѣлъ г. Тургеневъ. На Вязовника можно смотрѣть и какъ на фразѣра, и какъ на натуру «непризнанную», слегка-разочарованную; можно же просто смотрѣть, какъ на добраго малаго, благороднаго и образованнаго человека, которому скучно отъ страннаго деревенскаго сосѣдства, и который ищетъ единственное средство избавиться отъ этого сосѣдства — бѣжать. Другихъ средствъ въ его натурѣ нѣтъ. По нашему мнѣнію, такъ и смотрѣлъ на это лицо г. Тургеневъ, хотя, года три тому назадъ, мы увѣрены, это лицо вышло бы изъ-подъ пера его нѣсколько-напоминающимъ одну повѣсть, помещенную кажется въ сборникѣ «Комета»: *Идеальность*. Но въ томъ, что нынче г. Тургеневъ именно такъ смотритъ, или старается усвоить себѣ этотъ взглядъ, на разные русскіе характеры, мы и видимъ, со стороны автора, шагъ впередъ.

Барсуковъ былъ лицо, также крайне-соблазнительное для писателя, любящаго щедро надѣлать идеями выводимыя имъ лица. Г. Тургеневъ

съ этия лица съвладѣть прекрасно. Придайте еще нѣсколько личности Барсукову — и онъ выйдетъ бы лицомъ не русскимъ, хотя болѣе-эффективнымъ и поразительнымъ. Но доброта Барсукова, его исходимость, его радушіе, при всей его угловатости, говорятъ, что это русскій благородный человекъ; только вслѣдствіе степняческихъ обстоятельствъ онъ убѣждалъ самъ въ себя, если можно такъ вы-
йтись.

Вотъ, что мы замѣтили въ новой повѣсти г. Тургенева. Этотъ новый взглядъ автора на изображеніе характеровъ, нисколько не касаясь ни будущихъ повѣстей г. Тургенева, поведеть, однакожь, за собою и съ новыхъ лицъ. Какія это будутъ лица—на это въ-состояніи отвѣтъ только фантазія художника; но намъ кажется, что лица эти не будутъ такъ ярко бросаться въ глаза, какъ вообще рисуются лица одномерно-очеркнутыя. Автору — можемъ сказать одно — будетъ пред-
олять много труда сдѣлать эти лица и типическими и многосторонними. При разработкѣ характеровъ многостороннихъ, авторъ постоянно ходитъ передъ ужасными Сциллою и Харибдою: безцвѣтностью лицъ, с одной стороны, и лагерротнически-вѣрнымъ списываніемъ лицъ, съ другой. Ни тѣ, ни другія лица обыкновенно не производятъ ни малѣйшаго эффекта; они могутъ быть и совершенно-вѣрны, но ни для кого не занимательны. Кто избѣжитъ этой опасности, тотъ, безъ-сомнѣнія, будетъ большимъ художникомъ; поэтому съ удовольствіемъ ожидаемъ лучшихъ произведеній г. Тургенева, надѣясь на талантъ автора.

Но совсѣмъ не то видимъ у г. Потѣхина, который такъ пріятно рекомендовалъ себя русской публикѣ своимъ рассказомъ: «Тить Софья». Въ новомъ его романѣ *Крестьянка* («Москвитининъ» №№ 9, 20, 21 и 22), мысль стоитъ на первомъ планѣ, мысль теплая, мысль человека образованнаго, но ужъ нисколько не пригодная для омава. Вы знаете романъ г-на Потѣхина съ первыхъ страницъ, о-есть съ того времени, какъ Аннушка, изъ бѣдной, оборванной дѣвочки, дѣлается благовоспитанною барышнею, влюбленною въ молодого сосѣда. Вы видите двѣ дороги: или Аннушка отдастся на волю слѣпной судьбы и любви своей къ Дмитрію Петровичу — и будетъ несчастлива до послѣдняго дня своей жизни; или уидеть въ домъ родительскій, въ ту свѣтелку, въ которой она провела нѣсколько плачевныхъ дней—и будетъ также несчастлива, потому-что она ужъ не крестьянка. Выхода нѣтъ. Читатель съ первыхъ же страницъ готовится принять горестное участіе въ этой дѣвочкѣ, и исполнѣ ей сочувствуетъ, зная напередъ развязку. Что жъ дѣлаетъ г. Потѣхинъ? Онъ заставляетъ читателя, какъ на канатѣ, балансировать, соблюдая равновѣсіе между гнѣвомъ и другимъ путемъ читателя, который боится упасть въ ту или другую сторону, потому-что куда онъ ни упади, вездѣ разобьется. И въ этомъ-то балансированіи проходитъ весь романъ. То Аннушка понима-

отъ коварный планъ Дмитрія Петровича—и читатель утѣрен и не, сложонъ; то Аннушка начинаетъ вѣрять обольстительнымъ словамъ лодяго челоѵка — и читатель тревожится. Съ другой стороны, читатель въ безпокойствѣ оттого, какъ уживется Аннушка въ своей вѣдѣ, онъ знаетъ, что ей не мѣсто такъ, и спрашивается: что же она будетъ дѣлать? Всѣ эти опасенія съ самаго начала приходятъ въ голову читателя, и онъ, испуганный безвыходностью положенія Аннушки, ждетъ, какое рѣшеніе сдѣлаетъ авторъ; но во всеиъ романѣ повторяются одни только опасенія по нѣскольку разъ — и читатель, наконецъ, начинаетъ скучать и досадовать на автора, за что онъ осудилъ плѣшку на постоянную пытку. Слѣдовательно, въ романѣ г. Поткина нѣтъ никакого дѣйствія, и въ этомъ—то отношеніи мы сказали, что блгородная мысль автора совершенно-неспособна развиться на двѣ большія части. Мысль требовала только очерка скатаго, но сильнаго; тогда она подѣйствовала бы сильнѣе. Дѣйствующія лица повтарить постоянно одно и то же: Дмитрій Петровичъ постоянно объясняется въ любви и назначаетъ свиданія Аннушкѣ; Аннушка говоритъ одно и то же Дмитрію Петровичу: что она его любитъ, пожалуй, придетъ и къ свиданію; но бѣжать съ нимъ не намѣрена; Кнабе постоянно—блгородитъ и мечтателенъ; Аксиныя постоянно завидуетъ успѣху Аннушки, и ш этого употребляетъ одни и тѣ же ресурсы—сплетни; родитель Аннушки постоянно ее не понимаетъ, но иногда вдругъ просіаетъ какинъ-то образованнымъ великодушіемъ; Зосима — понимаетъ Аннушку, и отъ лучше другихъ лицъ. Но самое лучшее лицо—Дмитрій Петровичъ, лицо новое въ нашей литературѣ, до котораго еще никто не касался. Такъ—какъ этому лицу суждено играть въ романѣ, подобно другимъ лицамъ, участь рецитатора своей собственной роли; то напередъ знаемъ, что онъ будетъ дѣлать, по ходу романа—простою онъ перестаетъ насъ занимать; но когда авторъ еще знакомитъ читателя съ нимъ изначалъ, когда онъ рисуетъ его самъ и не заставляетъ дѣйствовать, ему не выходитъ изъ ряду, и мы считаемъ долгомъ познакомиться съ нимъ читателей. Этотъ Дмитрій Петровичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ практическихъ молодыхъ людей, которые на свѣтѣ Божій родятся уже практическими, для которыхъ нашъ XIX вѣкъ есть то же, что вода для рыбы — стихія, въ которой ихъ, крови такъ привольно. Они отъ нашего вѣка заимствовали одно дурное и въ ученіи видѣли средство творить вздоръ *практически*... Они поняли *пользу* по-своему. Это не тѣ прежніе добрые малые, которыхъ старинная мечтательная книга дѣлала идеальными. Но пусть самъ г. Поткинъ разскажетъ намъ про Дмитрія Петровича:

«Дмитрій Петровичъ Губовъ былъ вотъ какой челоѵкъ. Онъ воспитывался въ Петербургскомъ Университетѣ, по камеральному факультету, и кончилъ курсъ съ свѣдѣніями разнообразными, но весьма неполными, между тѣмъ какъ самъ онъ вноднѣ былъ убѣжденъ въ огромности своего

ний. Само собою разумеется, по окончании курса, онъ тотчасъ же по-
нимъ на службу; но служба не удовлетворила его; особенно въ той
периодъ, которую онъ долженъ былъ занять.

Онъ занимался въ Университетѣ съ усердіемъ и даже съ любовью;
и притомъ занималъ себя къ поприщу блестящему, но вотъ проходитъ годъ,
идетъ другой, а онъ только еще помощникъ столоначальника. Чтѣ
? кажется бы и достаточно, но не такъ думалъ Дмитрій Петровичъ:
ты настольный, писать исходящія и даже доклады — нѣтъ, не для та-
къ дѣятельности приготавливалъ я себя, не такое узкое поприще нѣтъ
жн! говорилъ онъ. Я человекъ практическій, не мечтатель, но думаю,
о мнѣ можно дать вдругъ какое-нибудь важное назначеніе; но чего же
ждать мнѣ по службѣ? Я не извѣстенъ, связей не имѣю, притомъ же
люблю заниматься, когда захочется, когда того требуетъ душа, а въ
службѣ нужна аккуратность, усидчивость, терпѣніе. Но между тѣмъ я,
что бы то ни стало, долженъ составить себѣ карьеру; какъ прак-
тическій человекъ, я не могу же сидѣть сложа руки и ждать, чтобы самъ
рѣ увидѣлъ мои достоинства и подыалъ меня, вынесъ на своихъ рукахъ
озолотить. Нѣтъ, я долженъ трудиться, дѣйствовать. Гдѣ же моя сфера,
тъ поприще для приложенія моихъ знаний, моей энергии? Конечно, я не
какой человекъ, чтобы мечтать о славѣ, о почестяхъ, — я думаю болѣе
существенномъ, — вотъ къ чему стремится всякій совершенно образо-
ванный человекъ, и не безъ смысла стремится онъ къ этому: онъ рабо-
аетъ, трудится для достиженія своей цѣли, а въ трудѣ-то этомъ и таится
его слава, онъ-то и есть то орудіе, посредствомъ котораго зиждется, въ
настоящее время, все великое. Вдохновеніе — удѣлъ гения, а простой,
здравый трудъ — обязанность каждаго образованнаго человека. И пусть
преслѣдуетъ онъ свои личные интересы, пусть руководитъ имъ его лич-
ный эгоизмъ: трудясь для себя онъ приноситъ пользу цѣлому обществу.
Но къ чему же приложить мнѣ свой трудъ, свои силы, свои знания?
Чего лучше? У меня есть небольшое имѣніе; я поѣду въ него, изучу
плодородность, почву, климатъ; зная сельское хозяйство и технологию, я могу
извлечь много пользы изъ своего имѣнія. Силы нашей земли велики, ну-
женъ только разумный трудъ, чтобы дать имъ благотворное направленіе:
наша земля всё равно, что земля дикой Америки: одинъ участокъ ея въ
состояніи озолотить человека; а я имѣю слишкомъ 200 душъ, теперь
получаю съ нихъ около 2000 серебромъ, а при моихъ усиліяхъ легко
могу получать втрое больше. — вотъ моя карьера! Лѣтъ буду жить въ
деревнѣ, на зиму пріѣзжать въ Петербургъ. Сказано — дѣлано. Дмитрій
Петровичъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ свою Горлянуху...

Изъ всего этого видно, что онъ былъ современный, что называется,
практическій человекъ.

Можно подумать, что самъ Адамъ Смита говоритъ устами нашего
молодаго человека, Дмитрія Петровича. Но замѣчаете ли вы, что онъ
такой же «разбѣръ», какъ прежніе идеалисты? что онъ только выучилъ
фразы изъ новыхъ книгъ и остановился на поверхности? Все, что онъ
будетъ говорить практически, также непримѣяемо къ дѣлу, какъ у
каждаго человека, начитавшагося балладъ Байрона, или диллій Геснера.

Онъ ничего не сдѣлалъ въ деревнѣ и все хозяйство осталось широконему. Практичность его простирается до-того, что онъ самъ о себѣ разсуждаетъ какъ о несмыслѣ еще молодой человѣкъ; но эта мысль, однакожъ, нисколько не заставляеть его сдѣлаться опытнымъ. Ему деревня надобна скорѣе, нежели другимъ мечтателямъ, потому-что тѣ любовались хоть луной, а онъ любовался — навозомъ.

«Пріѣхавши въ свое имѣніе, онъ на другой же день позвалъ старосту, собралъ всѣхъ своихъ крестьянъ и прочиталъ имъ рѣчь :

«— Вотъ я пріѣхалъ къ вамъ (говорилъ онъ) чтобы самому заниматься хозяйствомъ, но не бойтесь, я не помѣшаю вамъ дѣлать своего дѣла, не буду тотчасъ же вводить разныя новости; я сначала присмотрюсь ко всему, познакомлюсь съ вами, а вы со мной. Я не теоретикъ, а практикъ: я ничего не буду дѣлать не обдумавши, не сообразившись съ своими средствами, не посоветовавшись съ вами. Я умнѣе, образованнѣе васъ, но не знаю мелочей вашего дѣла такъ, какъ вы, и потому имъ многому еще можно поучиться у васъ, и я прошу васъ приходить ко мнѣ смѣло, высказывать всѣ ваши замѣчанія; если я сдѣлаю какое распоряженіе, несообразное вашему образу мыслей — говорите мнѣ прямо: скажете дѣло — я послушаю, вздоръ — растолкую вамъ. Я пріѣхалъ не для того, чтобы обогатиться на васъ счетъ, но для того, чтобы улучшить наше хозяйство, чтобы трудиться общими силами: у васъ практика, у меня знанія, слѣдовательно, мы можемъ много сдѣлать. Знайте и помните, что я люблю васъ и желаю вамъ добра столько же, сколько себѣ. Слышали вы, что я сказалъ?

— Слышали, батюшка, отвѣчали мужики.

— Поняли меня?

— Поняли, родной.

— Тобой я былъ доволенъ до сихъ поръ, продолжалъ Дмитрій Петровичъ, обращаясь къ старостѣ: конечно, ты мало доставлялъ дохода съ имѣнія, которое можетъ давать гораздо больше, но ты не виноватъ, потому что тебѣ не съ кѣмъ было посоветоваться, некому было указать тебѣ: теперь пойдетъ иначе; только ты ни въ чемъ не распоряжайся самъ, безъ моего вѣдома и согласія.»

Таковъ-то Дмитрій Петровичъ. Когда два мужика выступили изъ толпы, на вопросъ его: «не хочетъ ли съ нимъ кто посоветоваться», и попросили купить имъ лошадь и корову — Дмитрій Петровичъ далъ имъ хорошіе совѣты, какъ важно скотоводство въ хозяйствѣ — и отказалъ въ просьбѣ.

«Мужики разошлись, а Дмитрій Петровичъ съ самодовольствіемъ думалъ про себя: о, вѣдь, я не дамъ въ просакъ, я не такой, какъ иные молодые хозяева: пришелъ къ нему мужикъ, да расплакался, ужъ онъ ему и повѣрилъ. Нѣтъ, я сначала познакомлюсь съ каждымъ мужикомъ, войду въ бытъ каждого, узнаю его характеръ, его положеніе, и тогда, если нужно, буду помогать, а до тѣхъ поръ, нѣтъ, голубчики, какъ разъ проведете»... (№ 19, стр. 132, 133, 136.)

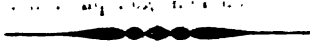
Очень, очень—практическій человекъ Дмитрій Петровичъ, и за этою нельзя не поблагодарить г. Потѣхина.

Управляющій—нѣмецъ, Кнабе, несмотря на свою идеальную принадлежность къ картофелю, лучше, однакожь, и практичнѣе управлялъ имѣньемъ нежели Дмитрій Петровичъ, котораго обрѣзалъ староста Яковъ первыхъ же порахъ. Лишь зашло дѣло объ улучшеніяхъ, о водяномъ заводѣ, о водяной мельницѣ, о систематической порубкѣ лѣса... Дмитрій Петровичъ не зналъ, чтó говорить на возраженія старосты.

Нѣмецъ Кнабе, напоминая намъ двухъ идеальныхъ нѣмцевъ въ другіхъ повѣсти, напечатанной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» №№ 6, 7, 9 и 10). Повѣсть называется *Благодарность*.

Одинъ нѣмецъ, Федоръ Федоровичъ Ангстъ, добродушнѣйшій старикъ, вѣкъ свой учившій юношество нѣмецкой грамматикѣ, на старости шился жениться на молоденькой дочери чиновника Васильева, Дашѣ. Добродушный Ангстъ и не подумалъ бы измѣнить грамматикѣ въ исключительную пользу женскаго пола, еслибъ отецъ Дашеньки не врагилъ старика. Отецъ Даши умеръ, поручивъ невѣсту старикъ-жену, у котораго она поселилась также покойно, какъ жила у отца. Но не мѣшало Ангсту продолжать преподаваніе нѣмецкой грамматикѣ въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ онъ и прежде объяснялъ многочисленнымъ праздамъ нѣмецкаго языка, и еще многочисленнѣйшія изъ нихъ исключенія. Когда старикъ Ангстъ находился на верху блаженства, горе явилось въ лицѣ другаго, добродушнаго и идеальнаго нѣмца, только молодаго. Тотъ былъ свѣжъ и боекъ въ преподаваніи нѣмецкаго языка, почему отнялъ всѣ уроки у старика Ангста; былъ свѣжъ, молодъ и мечтателенъ, почему легко успѣлъ влюбить въ себя и невѣсту добродушнаго старика: такъ—что не прошло и года, какъ молодой Лиліенфельдъ (новый учитель нѣмецкаго языка) изгналъ стараго Ангста изъ сердца Дашеньки. Но какъ быть? Дашенька, обязанная благодарностью, не можетъ оставить Ангста; Лиліенфельдъ чувствуетъ угрызения совѣсти, что онъ и безъ того довелъ старика чуть не до сумасшествія... Какъ же идти дальше? На помощь подоспѣлъ одинъ молодой человекъ, сынъ богатаго помѣщика. Этотъ молодой человекъ былъ въ той порѣ юности, когда молодая кровь волнуется до шума въ ухахъ, до стука въ вискахъ. Ему самому понравилась Дашенька; и когда Лиліенфельдъ открылся въ своей безнадежной страсти Полю, тотъ былъ въ восторгѣ, что предстовать романтическое приключеніе. Полю мгновенно сообразилъ все дѣло и рѣшился его устроить такъ, чтобъ всѣмъ было хорошо. Похитить Дашеньку, перевести ее въ домъ отца, выдать ее замужъ за Лиліенфельда — и зажить всѣмъ счастливо. Не дивныя ли это стратегическіе планы? Лиліенфельдъ все исполнилъ, потому—что Полю досталъ большія деньги на приведеніе своихъ плановъ въ исполненіе. Даша краснѣла отъ удовольствія, видя такую энергію въ Полю.

Попытка за все одинъ несчастный Августъ; на сберегъ его сиротина и добрый, но совершенно-безхарактерный Цвѣтковъ — очень хорошее лицо въ повѣсти, хотя и вводное. Вотъ и весь рассказъ. Онъ не многосложенъ, но прекрасно веденъ. Авторъ повѣсти не выставилъ своего имени — и очень жаль: читателю пріятно было бы знать, кому принадлежитъ это милое произведеніе.

НОВЫЯ КНИГИ.

Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа. Составлены съ разрѣшенія начальства Виленскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ. Вильно. Въ тип. Осипа Завадскаго. 1854 г. Въ 4-ю д. л.

«Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа» составляютъ вторую часть «Памятной Книжки Виленской Губерніи на 1854-й годъ», о которой мы говорили въ № 1 нашего журнала въ нынѣшнемъ году. Изданіе это посвящено изученію литовскихъ древностей, въ недавнее время обратившихъ на себя особенное вниманіе ученыхъ. Мало еще собрано преданій и памятниковъ устной словесности, хранящихся въ литовскомъ племени; еще менѣе сдѣлано для объясненія ужъ собранныхъ и записанныхъ матеріаловъ. Между-тѣмъ важность и польза собранія и обработки этнографическихъ свѣдѣній о литовскомъ племени велики, особенно для нашей исторіи, потому-что ни одна народность не близка такъ къ славянамъ, какъ народность литовская. Между литвинами досихъ-поръ памятны многія любопытныя преданія старины, которые давно утрачены, позабыты другими европейскими народностями и потому получаютъ право на особенное вниманіе. Эти свидѣтельства о стародавней доисторической жизни должны пояснить многое, что еще остается темнымъ, отрывочнымъ и неразгаданнымъ въ сказаніяхъ старины славянской и германской. Родственная близость вѣрованій, обрядовъ и повѣстическихъ произведеній литовскаго племени съ вѣрованіями, обрядами и повѣстическими произведеніями славянъ и норманновъ, указана въ разныхъ мѣстахъ разсматриваемой нами книги; но близость эта еще полнѣе, еще нагляднѣе раскрывается при сличеніи записанныхъ въ ней свѣдѣній съ этнографическими матеріалами, собранными между славянами и германцами.

Въ книгѣ, изданной Виленскимъ Статистическимъ Комитетомъ, напечатаны четыре статьи. Изъ нихъ двѣ: *Литовскія древности* и *Великій князь Витовтъ* принадлежать г. Киркору. Первая статья о «Литовскихъ древностяхъ» представляетъ нѣсколько краткихъ очерковъ, составленныхъ для поясненія приложенной къ книгѣ вѣнцетки, на которой находимъ изображенія различныхъ памятниковъ литовской старины, добытыхъ изъ нѣдръ земли, или доселѣ уцѣлѣвшихъ на ея

поверхности, именно: изображенія Перкуна, Каваса (бога войны), илотовъ, сѣкирь, топоровъ, ожерелья, шейнаго убора, ратнаго одѣяна, развалины замковъ и т. под. Къ-сожалѣнію, всѣ эти любопытные остатки старины изображены въ миниатюрѣ, что мѣшаетъ отчетливому и ясному ихъ представленію; самое описаніе г. Киркора слишкомъ-кратко, а предпосланное въ началѣ статьи указаніе на характеръ литовской мнѣологіи лишено всякаго ученаго значенія. Другая статья г. Киркора содержитъ въ себѣ исторію великаго князя Витовта. Авторъ разсматриваетъ дѣятельность этого князя, какъ *завоевателя, правителя и политика*, а въ-заключеніе рѣшаетъ вопросъ: до чего дѣвелъ Витовтъ свою страну и достигъ ли онъ предполагаемыхъ цѣлей? Статья эта составлена добросовѣстно, хотя и не чужда до нѣкоторой степени авторскаго увлеченія избранною историческою личностью. Нельзя не пожалѣть, что оба разсужденія г. Киркора написаны слогомъ, въ которомъ слишкомъ замѣтенъ мѣстный, провинціальный оттѣнокъ, напримѣръ: на стр. 22 языческая Литва «ослужила цѣлю для немалой жадности крестоносцевъ, итѣвшихъ предлога къ кровавымъ свѣтъ *направленіямъ*»; стр. 24: «Ягайло величался Великимъ Княземъ и имѣлъ удѣлъ *большій отъ удѣловъ* ляди и братьевъ»; стр. 28: «Вражда возрасла и *заклилась въ ненависть*»; стр. 29: «вожаръ и ерети пламени жестокая *рѣзь* (рѣзня?) произвели ужасныя опустошенія». Неприятно также встрѣчать подобныя риторическія возгласы: «Услужливый Каранитъ предлагаетъ *взятъ* свою лядю. Всмотритесь въ *эти блестящіе черные глаза, черные волосы, оливковой цвѣтъ лица, правильныя красивыя черты и всю фззіюномію, дышащую югомъ, смѣлымъ кипиткомъ полуднаго дома...* Дети юга, онъ любитъ *ляднь*» и т. д... (стр. 49).

Третья статья, подъ заглавіемъ: *Великая Княгиня Барбара*, переведена съ польскаго. Авторъ ея, Лудовикъ Кондратовичъ, по отзыву, приведенному въ примѣчаніяхъ къ переводу, «пользуется громкою извѣстностію въ польской литературѣ, какъ поэтъ, подъ псевдонимомъ *Владислава Сырокомли*, а подъ собственнымъ именемъ «интересалъ славу глубокаго и точнаго изслѣдователя древностей». Великая княгиня Барбара, урожденная княжна Радзивиллъ, была супругою Сигизмунда-Августа и извѣстна своими несчастіями. Исторія ея любви и смерти не менѣе трогательна, какъ и сказанія о судьбѣ преславленныхъ коронованныхъ страдальцъ: Анны Боленъ, Іоанны Грей и Маріи Стюартъ (стр. 53). Статья г. Кондратовича читается съ интересомъ.

Но наиболее-замѣчательная и любопытная статья, напечатанная въ «Чертахъ изъ исторіи и жизни литовскаго народа», принадлежитъ г. Купольнику. Она содержитъ въ себѣ: *Преданія Литовцевъ, обычаи, поговоры, предрасудки, пляски, обряды* (при рожденіи, крестиваніи, свадьбахъ и похоронахъ), *пѣсни и пословицы Литовцевъ*. Слѣд, не-

жду прочитъ, были и этнографическіе матеріалы, собранныя Нарбутомъ и Крашевскимъ: все это составляетъ довольно-обильный запасъ свѣдѣній о литовской мифологіи. Не знаемъ только, для чего г. Кукольникъ, рассказывая литовскія преданія, дѣлитъ ихъ на *предисторическія, историческія и мифологическія*? Преданія мифологическія литовцевъ принадлежатъ ихъ доисторической жизни, следовательно, по справедливости могли быть помѣщены въ первомъ отдѣлѣ. Что же касается до преданій, приводимыхъ авторомъ подъ именемъ историческихъ, то на разныхъ страницахъ своего труда онъ самъ даетъ имъ названія сказки и вымысла (стр. 84—85). Еще болѣе странно дѣленіе пословицъ, допускаемое г. Кукольниковъ, на *общія, утилительныя и пословицы иного рода*. Какая польза отъ подобнаго подраздѣленія? Всѣхъ пословицъ въ разбираемой нами статьѣ напечатано 346, а ирѣсень—56; въ числѣ ихъ нѣкоторыя весьма-важны по своему мифологическому содержанию, напримѣръ, пословицы: «Айтварось сыллетъ ему богатство», или «Айтварось убираетъ ему волосы»; «зачки зашинуу свѣчу и соберутся зѣби»; «божін сада еще не выпасены»; «ошу и дочь солнца не угодитъ» и другія. Въ ирѣсяхъ являютя дѣйствующими лицами солнце, ирѣсякъ, солнцаны дочери, Церкутъ, бросажій молнію, и другіе старинные боги. Но, къ большому сожалѣнію, и ирѣси, и пословицы сообщены въ переводѣ безъ приложенія литовскаго текста; сверхъ-того, можно сомнѣваться въ самой вѣрности перевода, въ которомъ иногда попадаются неясныя выраженія. Сомнѣніе это еще болѣе подкрѣпляется тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ не чуждъ странностей въ изложеніи, какія замѣчены нами въ языкѣ двухъ первыхъ статей книги. Приведемъ примѣры. На стр. 71: «три ужа заѣхали на дворъ въ корытѣ отъ тѣста... дайте ему зубъ». Святы еѣли и уѣхали отъ зубю»; стр. 94: «втымають въ щели стѣнъ посвященные вѣтъя, или приѣлнливають сложенные крестообразно стѣзки, а иногда варятъ ситко отъ молока... въ день св. Агаѣи посвящается въ костелахъ хлѣбъ»; стр. 97: «когда сорока *взмывается*, сидя на заборѣ... воробья превращаютъ въ *лышимъ*» и проч.

Оставляя въ сторонѣ эти недостатки, обратимся къ собраннмымъ въ статьѣ г. Кукольника любопытнымъ свѣдѣніямъ о литовской мифологіи. До-сихъ-поръ еще мало старинныхъ литовскихъ преданій, ирѣсень, пословицъ и другихъ словесныхъ памятниковъ перешло изъ устъ народа въ ученые сборники (1). Потому матеріалы, сообщаемые г. Кукольник-

(1) Укажемъ на статьи о литовскомъ язычествѣ, явнившіяся въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ: а) «Литовскія и Жмудскія преданія» (Иллюстрац. 1848 г., №№ 26—27); б) «Свѣдѣнія о древнихъ Литовцахъ», стат. г. Боричевскаго (Ж. М. Н. Провѣ. 1844 г., апрѣль); в) «Нѣкоторыя подробности литовской мифологіи» (Москвитин., 1846 г., №№ 11 и 12); д) замѣчаніе г. Микуцкаго по поводу литовскаго словаря (въ Академіи.

комъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія, хоть нѣкоторые свѣтлыя, природныя имъ, были извѣстны уже прежде, а въ этой статьѣ хотимъ съ тѣмъ, чтобъ представить возможно-полную картину литовскихъ вѣрованій.

Литовское племя, подобно славянамъ, обоготворяло природу. Небо, солнце, мѣсяцъ, звѣзды, молнія и всѣ атмосферныя явленія и стѣи были предметомъ ихъ поклоненія; фантазія народная создала для нихъ живые поэтическіе образы и поставила ихъ въ близкія взаимныя отношенія: такой полноты и опредѣлительности не встрѣчаемъ въ преданіяхъ славянскаго племени. По древнѣйшему представленію, все небо, со всими его явленіями и свѣтлыми, олицетворялось въ образѣ единаго божества Каралуни. «Каралуни—богиня свѣта, была представляема прекрасною дѣвою, голову которой украшало солнце. Она носила плащъ, усыпанный звѣздами и застегнутый на плечѣ мѣсяцемъ. Ея улыбка—утренняя заря. Когда дождь идетъ при свѣтѣ солнца, тогда (по обыкновенію простолюдиновъ) Каралуни плачетъ» (стр. 88). Но, при дальнѣйшемъ развитіи языческихъ вѣрованій, небесныя явленія и свѣтлыя распались на отдѣльные образы. Солнце представлялось богиней. Она ѣздитъ надъ землею въ колесницѣ, запряженной тремя конями: серебрянымъ, золотымъ и алмазнымъ. О подобномъ путешествіи солнца на трехъ чудесныхъ коняхъ говорятъ и русскія преданія. Дворецъ солнца полагали на Востокѣ, въ странѣ, куда души добродѣтельныхъ возвращаются по смерти, чтобъ наслаждаться тамъ вѣчнымъ блаженствомъ: это была гладкая, скалистая и высокая гора, на которую должны были возвратиться усоншіе. Подъ метафорическимъ названіемъ горы разулъскіе небесный сводъ ⁽²⁾. Двѣ звѣзды: Аушринице и Вакаринице (дѣница и вечерница) раскладывали солнцу огонь, подавали этой богинѣ воду для купанья и стлали ей постель. Такъ говорятъ объ этомъ народномъ вѣваніи:

Милое солнышко, божеская дочка!
Гдѣ ты такъ долго бывало?
Гдѣ такъ долго замѣшалося?
Куда отъ насъ удалилось?
— За морями, за горами
Я стерегло дѣтей—спрогъ,
Грѣло бѣдныхъ пастушковъ.
Милое солнышко, божеская дочка!
Кто тебѣ утромъ

«Извѣстіяхъ по Отдѣленію Русск. Языка и Словесн.», и е) «Литовскія мифологія», стат. г. Глѣбовича (въ Отеч. Записк. 1824 г., ч. 9, № 3—4) — извлеченіе изъ Стрѣйковскаго.

(2) См. статью А. Н. Аванасьева о соотношен. языка съ народными вѣвръями (въ Академич. «Извѣст. по Отдѣлен. Русск. Языка и Словесн.» за 1853 годъ).

Раскладаетъ огонь? Кто тебѣ покрываетъ
Твое ложе вечеромъ?

— Денница и вечерница;
Денница раскладываетъ огонь,
Вечерница стелетъ ложе.

Я имѣю много дѣтей
И большія богатства (стр. 127 — 128).

Солнце почиталось супругою мѣсяца; когда невѣрный мѣсяцъ сталъ
однажды ухаживать за румяной денницею, жена его (другіе приписы-
ваютъ это Перкуну) выхватила мечъ и разсѣкла лицо мѣсяца пополамъ:

Мѣсяцъ женился на солнцѣ,
То была первая весна.
Солнце встало очень рано,
Мѣсяцъ, устыдась, сокрылся,
Мѣсяцъ блуждалъ одинъ
Влюбясь въ денницу.

И разсердился Перкунъ —

И разсѣкъ его мечомъ:

«Зачѣмъ ты оставилъ солнце?

«Зачѣмъ влюбился въ денницу?

«Зачѣмъ таскаешься одинъ по ночамъ?»

(См. пѣсни подъ №№ 28 и 33.)

Перкунъ литовскій — то же, что нашъ Перунъ, богъ молніи и грома.
Ему посвященъ былъ дубъ, который потому пользовался особеннымъ
уваженіемъ. По мѣтнію литовцевъ, сѣмена хлѣба были сосланы на зем-
лю богами въ шелухѣ жолудей. Всякій предметъ, въ который ударилъ
громъ, они почитали священнымъ, а человекъ, убитый громомъ, при-
знавался блаженнымъ. Молнія — *стрѣла божія*, преслѣдующая
злыхъ духовъ; то же повѣрье существуетъ и у славянъ и у нѣмцевъ.
Если молнія разобьетъ дерево такъ, что оно засохнетъ, это значитъ,
что подъ его шлемъ пригвожденъ молніей злой духъ; но если разбитое
молніею дерево не засохнетъ, то злой духъ, значитъ, ускользнулъ отъ
божьей стрѣлы.

Отъ божественной четы солнца и мѣсяца родились звѣзды. Вѣроят-
но, о нихъ упоминаютъ литовскія пѣсни, говоря о *солнцесыихъ доче-
ряхъ и божіихъ сымахъ*:

Куда дѣвались божіи кони?

Божіи сыны на нихъ поѣхали.

Куда поѣхали божіи сыны?

Искать дочерей солнца.

Солнце само сказало:

«Дѣти мои милыя!

Приданое ихъ скудное.» (См. №№ 11, 29 и 48.)

Выше было замѣчено о чудесныхъ коняхъ, на которыхъ солнце об-
ѣзжаетъ небесный сводъ; эти «божіи кони» паслись въ небесныхъ са-

дахъ, на что намекаетъ старинная поговорка: «Божія сяды не мисены». Идея пастырства была соединяема съ солнцемъ у литовцевъ точно такъ же, какъ и у другихъ индоевропейскихъ народовъ. Приведемъ кстати слѣдующую любопытную пѣсню о Гониглисѣ (это не придается солнцу, какъ видно изъ словъ пѣсни):

Гониглисъ божокъ!
 Паси мою корову,
 Паси моего бычка,
 Не пускай волка—вора!
 Пасу, пасу мои овечки,
 Тебя, волкъ, не боюсь;
Богъ съ солнечными кудрями
 Вѣрно тебя не допуститъ.
Ладо, ладо — солнце,
 Бей его деревянною ложкою по головѣ (стр. 180) (!).

Звѣзды, по литовскому преданію связываются съ предвѣщеніемъ души человѣческой; впрочемъ, преданіе это въ равной степени приналежитъ и всемъ другимъ индоевропейскимъ народностямъ. Призывъ за душою небесное происхожденіе, представляя ее искрою того небеснаго свѣта, какой блестятъ въ солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ, литовцы утверждали, что съ рожденіемъ младенца появляется на небѣ новая звѣзда. Царки вѣдала эту звѣзду, прикрѣпляя къ ней концы жизненной или новорожденнаго. Когда человѣкъ умираетъ, звѣзда его спадаетъ съ неба. Царки вѣдала нитку жизни человѣка, ткала изъ нея петель тмъ и дѣлала рубашку; при этой работѣ одна Царка старалась шутить, рѣчь тѣмъ — и тогда носила человѣка несчастія и болѣзни; другая, шпротитъ, старалась ей противоѣствовать; и если работа для счастлива, то жизнь человѣка была исполнена счастіемъ, радостей и здоровья. По смерти человека долженъ былъ носить приготовленную ему Царками рубашку; такимъ—образомъ онъ постоянно нѣтъ передъ собою все исторію своей прошлой земной жизни и воспоминанія о ея радостяхъ и горѣ. Кромѣ Парокъ, распорядившихся участіемъ человека, литовцы вѣрили въ судьбу еще въ образѣ *Прамжу* (*Прамжмаса* — предопредѣленіе божества); это — вѣдочайшій изъ боговъ. Раздраженный на землю, онъ съчетъ ее такъ сильно, что земля дрожитъ подъ его ударами. Такъ объясняютъ литовцы землетрясеніе, придавая земному шару чувство жизни. Всемирный потоцъ литовское преданіе приписываетъ тому же мощному богу. Однажды Прамжу, смотря изъ окна своего дворца на землю, увидѣлъ на ней общій развратъ и разгнѣвался: люди забыли о первоначальной простотѣ, любви и согласіи; войны, грабежи и ссоры терзали людской родъ. Прамжу выслалъ двуть *ослики-*

(!) См. статья о мифическихъ животныхъ въ «Отечест. Записк.» 1852 года, № 1.

ося : *Ванду и Вейля (воду и ветер)*, которые устремились на землю и потрясли ее, отчего погибли все живое на ней.

Предания о великанах общи всем индоевропейским народам. Эти гигантские образы, которые не раз исследователями были приписаны безосознательному и грубому произволу народной фантазии, никакъ не будутъ казаться намъ странными, если припомнимъ, что, по первоначальному своему значенію они олицетворяли собой страшныя, непреодолимыя силы физической природы. Такъ, по литовскому преданію, сейчасъ приведенному, великанами были вода и ветер, опустошавшіе землю. Подобное же значеніе другихъ гигантскихъ образовъ можно видѣть изъ самаго свѣтлѣе передаваемыхъ имъ сверхъестественныхъ силъ. У литовцевъ есть такой рассказъ объ исполинахъ Витолѣ и Алцисѣ :

« Витоль былъ богатырь и вмѣстѣ волшебникъ. Онъ зналъ прошедшее, настоящее и будущее... *разговаривалъ съ мѣсяцемъ*, зналъ имена многихъ звѣздъ, вѣлѣлъ колю, называемаго *іоджю* — черный, на которомъ *персонажи октры*. Голова этого коня служила ему иногда убѣжищемъ; однимъ ухомъ онъ входилъ въ нее, а другимъ выдедалъ (то же дѣлать богатыри русскихъ сказокъ съ своими козлами). На пиршествахъ у каюго-то царя, конь его ошарася съ немецке-прекрасной царской кабылой; но бѣга, опасаясь, чтобы порода такихъ лошадей не размножилась, подрылъ ихъ двумя горами.

« Алцисъ, исполнѣ огромный роста и сверхъестественной силы... разрушалъ одинъ цѣлые города, вырывать съ корнями старыя и высокія деревья, бросалъ огромные камни, раздробляя ими корабли и уничтожая толпы войскъ. И тотъ и другой исполины сражались съ драконами (огненными змѣями — мнѣшескій образъ молніи) и побѣждали ихъ» (стр. 76 — 77).

Въ Могилевской Губерніи о богатыряхъ-великанахъ рассказываютъ, что они головами достаютъ до облаковъ, руками могутъ взять за веревочку любую гору и, какъ щепку, перебросить ее на другое мѣсто; они могутъ идти наравнѣ съ *полетами ветра*. Здѣсь сохранилось преданіе о двухъ дѣткахъ изъ породы великановъ: одинъ изъ нихъ дунулъ и разметалъ на воздуху всѣ крестьянскія хаты; другой цѣпнулъ — и образовалось бездонное озеро. Когда, во время сильной *бури*, вихрь вырываетъ столѣтніе дубы и вокругъ блистаетъ яркая и частая молнія, явленіе это крестьяне называютъ *игрою богатырей* (1). Въ эпическихъ сказаніяхъ скандинавовъ, грековъ, финновъ и другихъ народовъ ведическія сохраняютъ одинъ и тотъ же сверхъестественный характеръ: они воюютъ съ разными богами и щедро надѣлены чародѣйною силою. Вно-

(1) Могилевск. Губ. Вѣдом. 1851 г., № 18. См. также «Отеч. Зап.» 1840 г., № 2, Слѣдъ, стр. 47, *Walachische Märcchen von Schott*, 1846 годъ, стр. 283, *Deutsche Sagen*, стр. 24 — 25.

сдѣлать, съ утратою живаго внѣшческаго пониманія, великими пошл на степень *зрѣловъ, богатѣйшей*, но и тогда сохранили нѣчто чуждѣнческаго значенія своего. Простолудинъ сталъ вѣрить, что дѣйствительно было время, когда жили на землѣ исполины, обладавшіе страшными силами и размѣрами. «Теперь, говорятъ поселяне, земли ужь не то, что было прежде! Теперь и дерево не такъ растетъ, а каша и вовсе лишена жизни, а прежде и рожь росла такою же вѣтвистою, какъ лоза. Въ старые годы люди были больно-велики, настоящій лѣтъ, и сильны—то ужь сильны, и такіа тягости подымали, что ужасъ вообразить сказать объ этомъ. А потомъ годъ отъ году все людѣ становили менѣе и силѣнкой слабѣе, а доживемъ до того, что все людѣ сдѣлаются крохотными (малютками), и будутъ семеро одну соломенку вынимать» (записано въ Тамбовск. Губерн.).

Радугу литовцы называютъ поясомъ богини Лаумы. Увидя радугу, простолудины говорятъ, что Лаума прельщается на небесахъ богамъ. Однажды, сидя на своемъ алмазномъ креслѣ, она посмотрѣла съ небеса на землю и увидѣла красиваго юношу, плѣнилась имъ, слышала смѣхъ полей и сошла къ небу. Въ гдѣствіе этого свиданія богиня родила сына; нѣсколько мѣсяцевъ она скрывала его, наконецъ богъ Океанарисъ открылъ убѣжище дитяти, схватилъ его за ноги и забросилъ въ самую отдаленную высоту неба, помѣстивъ его въ созвѣздіи *Sictinas*.

Кромѣ указанныхъ нами повѣрій, въ статьѣ г. Кукольника собрано много другихъ интересныхъ данныхъ; таковы, напримѣръ, преданія о превращеніяхъ, представленія о загробной жизни, погребальные обряды и многія примѣты. Въ этихъ свѣдѣніяхъ нельзя не замѣтить много чрезвычайно-близкаго съ преданіями нѣмецкими и славянскими, и потому стараніе Виленскаго Статистическаго Комитета объ изданіи ихъ заслуживаетъ полной благодарности.

Обозрѣніе Османской Имперіи, Молдавіи, Валахіи и Сербіи. В. Серчевскаго. *Санктпетербургъ. 1854.* Въ *мѣсяц. Штаба Отд. Корп. Внутр. Стражи. Въ 8-ю д. л. 222 стр.*

Изъ предисловія видно, что авторъ имѣлъ въ виду восполнить недостатокъ объяснительнаго текста при новонаданныхъ картахъ Азіатской и Европейской Турціи и ознакомить читателя съ *настоящимъ бытомъ обширной Имперіи Мусульманъ, и съ законами, нравами и обычаями Востока.* Цѣль добрая, особенно въ нынѣшнее время, когда Турція сдѣлалась театромъ, на которомъ сосредоточиваются главнѣйшія явленія политическихъ событій, когда каждый образованный человекъ, слѣдя за ходомъ дѣлъ въ Турціи, безпрестанно встрѣчаетъ надобность въ свѣдѣніяхъ о внутреннемъ и внѣшнемъ бытѣ этой страны, необходимыхъ для яснаго и правильнаго обсужденія того, что совершается передъ его глазами. Но сумѣлъ ли авторъ «Обозрѣнія Османской Имперіи» удовлетворительно сообразить съ такою цѣлью и выборомъ фактовъ,

клеваннымъ имъ въ одну книжку, и способъ изложенія имъ? — вопросъ, на который можно отвѣтить только отрицательно. Книга его почти ничего не прибавляетъ къ важнымъ свѣдѣнїямъ, почерпнутымъ вами изъ учебниковъ географическихъ и другихъ пособій, находящихся у всякаго подъ руками, а способъ изложенія, принятый авторомъ, не только не завлекающъ, но способенъ утомить и отъохотить отъ чтенія самаго любознательнаго и неутомимаго читателя географическихъ и статистическихъ сочиненій.

Если судить о книгѣ г. Серчевскаго по приложенному къ ней оглавленію, то отъ нея можно ожидать многого. Читателю обѣщается довольно-полное «Обозрѣніе Оттоманской Имперіи»: тутъ есть и исторія Оттомановъ, и общій географическій обзоръ владѣній Оттоманской Имперіи, съ этнографіей и топографіей, частныя описанія Европейской Турціи, Анатолиі и Египта, образъ правленія Оттоманской Имперіи, государственныя чиновники свѣтскіе и духовныя, законы, праздники, почты, библиотеки, литература, журналы, типографіи, финансы, дворъ султана, *дипломатическій отдѣлъ*, промышленность, средства къ перевозкѣ, войско, флотъ и наконецъ обзоръ княжествъ Молдавіи, Валахіи и Сербіи; но все это изложено такъ, что, по прочтеніи книги, всякій читатель, у котораго стало терпѣніе добраться до конца ея, получитъ самое неопредѣленное понятіе о бѣльшей части означенныхъ въ оглавленіи предметовъ, а объ иныхъ если и узнаетъ что-нибудь, то навѣрно тотчасъ же забудетъ узнанное, по невозможности сохранить въ памяти свѣдѣнія, непроникнутыя никакою общою идеею.

Исторія турецкаго племени начинается съ Огуз-Хана, *основателя турецкаго могущества и образованія*. Желательно было бы узнать, какаго рода образованіе могло существовать между турками во времена Огуз-Хана, котораго турецкія лѣтописи представляютъ современникомъ Авраама? Турки и въ настоящее-то время не могутъ похвастаться образованнымъ народомъ: что же такое были они въ тѣ времена, когда вели скитальческую жизнь въ степяхъ Средней Азіи? Повѣствованіе о судьбѣ оттоманскаго племени останавливается на завоеваніи Османомъ герода Прузы, то-есть на томъ самомъ времени, когда Оттоманы, вступивъ въ борьбу съ Европою, дѣлаются народомъ важнымъ для исторіи и интереснымъ для потомства.. Затѣмъ г. Серчевскій прямо приступаетъ къ общему обозрѣнію странъ, составляющихъ Оттоманскую Имперію, занимая главную часть его изъ сочиненія Убичини «Lettres sur la Turquie». Обозрѣніе это очень-кратко; подробности отнесены къ слѣдующимъ затѣмъ частнымъ описаніямъ Европейской Турціи, Анатолиі (Малой Азіи) и Египта.

Эти частныя описанія Европейской Турціи, Анатолиі и Египта, вѣроятно, составлены авторомъ для упомянутой имъ въ предисловіи дѣли: присоединить къ нововзданнымъ картамъ объяснительный текстъ. Но есть ли какая-нибудь польза отъ этого объяснительнаго текста? По-

лежние страны и городов, которые могут служить театром историческия события, каждый читатель гораздо-лучше знает и усвоит себя посредством нагляднаго атласа съ географическими картами, чѣмъ чрезъ утомительное чтение сухаго перечня горъ, рѣкъ, горъ и проч. Фактовъ же, которые доставляли бы возможность составить себѣ объ этихъ странахъ понятіе болѣе полное и обстоятельное, чѣмъ то, которое получается черезъ простой взглядъ на карту, читатель вовсе не найдетъ въ описаніяхъ г. Серчевскаго; онъ не найдетъ въ ней даже достаточныхъ данныхъ для составленія какой-нибудь идеи о средствахъ описываемыхъ странъ, о значительности или незначительности ихъ въ политическомъ и стратегическомъ отношеніи, хотя въ описаніяхъ и приложены свѣдѣнія о ихъ климатѣ, почвѣ, сѣхъ перечнѣ естественныхъ произведеній и численіи жнотнаго произрастанія. Вообще этимъ описаніемъ приданъ такой видъ, къ какому обыкновенно являлись старинныя учебники, составившіяся съ такою цѣлью, чтобъ ученики затверживали ихъ наизусть и служилие basis къ обогащенію памяти, чѣмъ къ обогащенію ума полезными свѣдѣніи. Такимъ образомъ изложеніа должныъ похваляться сухъ и утомительнъ читателю, который требуетъ, разумеется, чтобъ предлагаемое ему сочиненіе было и поучительно и занимательно?

Если и предположить, что есть такіе читатели, которые не гнушаются скука и которые, не будучи останавливаемы сухостью изложенія, мужественно прочтываютъ самыя утомительныя сочиненія и того только, чтобъ чему-нибудь научиться, то и для подобныхъ читателей частныя описанія Румелии, Анатолии и Египта не будутъ ницѣмъ находкомъ по недостатку новыихъ свѣдѣній; они не найдутъ тамъ ничего такого, чего бы нельзя было найти въ хорошихъ географіяхъ. Вотъ нѣкоторыя прибавки, не весьма-важнательныя и мало возмущающія сваніа достоинствомъ общей сухости изложенія. Дана самый Константинополь, на описаніе котораго посвящено 13 страницъ, описатьъ вовсе не занимательно, и физиологія, приданная ему авторомъ, вовсе не соответствуетъ смыслу прекраснаго аннуса, заннствезанннхъ изъ сочиненія А. Н. Муравьева.

Обозрѣніе правительственныхъ и судебныхъ учреждений Оттоманскіа Имперіи, просвѣщенія, библиотекъ, финансовъ, торговли и военныхъ силъ, составлено авторомъ почти исключительно по известному сочиненію Убичини «Lettres sur la Turquie»; по-крайней-мѣрѣ мы не вспомнили ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго факта, котораго нельзя было бы найти въ сочиненіи Убичини. Можетъ-быть, авторъ заимствовалъ кое-что и непосредственно изъ знаменитаго сочиненія «Tableau de l'Empire Ottoman, par d'Osson», которымъ пользовался и Убичини; но какъ узнать это? Заимствованія изъ подобныхъ источниковъ не могутъ указать никакого сочиненія о Востоку. Достоинство книги Оссона вѣрни придало, да и Убичини, несмотря на нѣкоторое предрасп

о всему оттоманскому, доставлять очень много полезных сведений о современной Турции. Главное дело въ томъ, чтобы заимствованія изъ книгъ бы то ни было источниками были дѣлаемы съ разборчивостью, тобъ выбраны были преимущественно факты нужные и занимательные, и все выбранное изложено связно и округлено искусною логическою обдѣлкою. Такого труда сочинитель «Обозрѣнія Оттоманской Имперіи» не давалъ себя. Факты выбраны нѣтъ неудачно, и пропущено много такихъ свѣдѣній, которыми могли бы бросить яркій свѣтъ на описываемые нѣтъ предметы; вниманіе его преимущественно, кажется, устремлено было на сухіе списки и безжизненные перечни, которые такъ легко оставлять изъ готоваго иностраннаго матеріала; все, что внесено въ сочиненіе, сбито въ кучу; факты слѣдуютъ одинъ за другимъ потому только, что автору вздумалось поставить ихъ другъ подлѣ друга; никакая идея не проникаетъ и не группируетъ ихъ.

О статьѣ «Турецкій военный флотъ» авторъ дѣлаетъ въ выноскѣ предупрежденіе, что она извлечена изъ записокъ элигель-адъютанта капитана 2-го ранга Арназа; но сходство этой статьи съ свѣдѣніями, сообщаемыми Убичини, доходящее въ нѣкихъ мѣстахъ до того, что статья кажется просто переводомъ, заставляетъ думать, что г. Сергеевскій заимствовалъ большую часть фактовъ о флотѣ изъ книги Убичини «Lettres sur la Turquie». Описаніе княжествъ Молдавіи, Валахія и Сербіи, подобно упомянутымъ выше частнымъ описаніямъ Румелии, Анатоліи и Египта, такъ же сухо и незанимательно, какъ географическій учебникъ. Еще можно похвалить на автора за то, что книжки своей не отдалъ онъ на предварительный просмотръ какому-нибудь знающему ориенталисту: тотъ поисправилъ бы ему собственные имена и разныя турецкія термины, съ которыми онъ обходится очень-небрежно, переименовавъ ихъ на свой ладъ. Нагіе названо у него *Нагиче* (стр. 14) — Ковун-паша — *Конуна-пашегъ* (стр. 44), Медзилли — *Медлицы*, Мустешаръ — *Мустешаръ* (стр. 110), Сунна — *Зунна* (стр. 139), Ширазскій табакъ — *Хиразскій табакъ* (166), Шевваль — *Коваль* (168) и проч. Садр-аземъ, то-есть верховный предсѣдатель, переведено, у него *носилцій бремя*, а одно слово *Нагр-эль-кебиръ* перевѣдено въ два названія *Назаръ-эль* и *Кебиръ*.

Слогъ, которымъ написано «Обозрѣніе Оттоманской Имперіи», соответствуетъ общему сходству книги со старинными географическими учебниками, то-есть онъ такъ же шероховатъ и нескладенъ, какъ и языкъ, употреблявшійся въ сочиненіяхъ этого рода. Въ нѣкихъ мѣстахъ нескладность доходитъ до неясности, затемняющей смыслъ, и до неправильности, несприятно поражающей читателя. Пренебрегая слогомъ, авторъ не обратилъ также должнаго вниманія на аккуратность и безосмысленность набора: опечатки пестрятъ страницы его сочиненія и наводятъ досаду на читателя, которому и безъ того скучно становится отъ чтенія безинтересной неумисленно-составленной книги, привлекающей только по

заглавію. Вообще, книга г. Серчевскаго — не болѣе, какъ книжныя спекуляціи, вѣроятно очень-выгодная для издателя въ настоящее время; но не думайте почерпнуть изъ нея полныя и вѣрныя свѣдѣнія о Турціи: ихъ тамъ нѣтъ, хотя заглавіе и предисловіе обѣщаютъ ихъ. Лучшимъ до-сихъ-поръ обзорѣемъ Турціи на русскомъ языкѣ считается нынѣ статья С. И. Ч—ва, печатаемая въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» подъ названіемъ: *Очерки Современной Турціи*. Не знаемъ, издастъ ли ихъ авторъ отдѣльно, но думаемъ, что, собранныя въ одну книгу, онѣ восполнили бы недостатокъ у насъ описанія Оттоманской Имперіи, которой вы несколько не увидите изъ «Обозрѣнія», издавнаго г. Серчевскимъ.

Матеріалы къ исторіи Инженернаго Искусства въ Россіи, состав. Ал. Савельевымъ. Санктпетербургъ. Въ мил. Департ. Военныхъ Поселеній. 1853. Въ 8-ю д. л. 201 стр. Съ чертежами.

Суда по заглавію книги, мы ожидали встрѣтить въ ней только перечень указаній на историческія сочиненія, лѣтописи и монографіи, въ которыхъ упоминается о *размыслахъ, городахъ, засылчмлахъ стражахъ* и тому подобномъ, то-есть книгу, во всякомъ случаѣ поучу, но полезную какъ календарь, какъ каталогъ... Каково же было удивленіе наше, когда, открывъ первую страницу, мы, не останавливаясь, прочли все, нашли *матеріалы* далеко не сырыми матеріалами, напротивъ, обработанными въ систематическое цѣлое, изложенными ясно, вѣрно и увлекательно!

Кромѣ введенія, въ которомъ г. Ал. Савельевъ, знакомитъ читателя съ цѣлью своихъ изысканій, «Матеріалы къ исторіи Инженернаго Искусства въ Россіи» состоятъ изъ трехъ главъ. Въ первой авторъ говоритъ о памятникахъ военныхъ сооружений, начиная рассказъ свой отъ доисторическихъ временъ и проводя его чрезъ различные періоды усовершенствованій до XVII столѣтія включительно. Во второй главѣ разобраны осадныя и оборонительныя дѣйствія русскихъ войскъ съ 914 года, когда великій князь Игорь стоялъ подъ Пересѣчыннмъ впродолженіе трехъ лѣтъ. Осада Казани (1552), Смоленска (1632) и Риги (1655), оборона Пскова (1581) противъ Баторія, Троицко-Сергіевой Лавры (1608) и Смоленска (1609) описаны подробно и съ большимъ интересомъ.

Въ третьей главѣ говорится о военныхъ строителяхъ: *городничихъ, мѣстничихъ* и проч. Вотъ какъ рассуждаетъ самъ авторъ:

«Обязанность первыхъ» (городничихъ) «соотвѣтствовала значенію вышнихъ инженеровъ и состояла въ строеніи городскихъ стѣнъ. Каждый городничій получалъ установленную плату за работу, провіантъ и оружіе. Такъ за начало работы, городничій бралъ *куму*, при совершеніи *дѣла мотаму*; за всякую ведѣлю семь хлѣбовъ, семь убороковъ ипена, семь

конь овса на четыре лошади и десять луконов солодува все время боты; а деньгами на мясо, рыбу и вологу, или питье, ежедневно.»

Недурно было жить гг. городникам!

Книга оканчивается примѣчаниями, указаниями на источники и извѣщеніемъ чертежей, къ ней приложенныхъ. Эти десять чертежей, въ одномъ смыслѣ слова, прекрасныхъ, подробныхъ и отчетливыхъ, stanno трудъ г. Ал. Савельева въ число очень-полезныхъ сочиненій о отрасли инженернаго искусства. Въ этихъ чертежахъ вы увидите планы древняго Чернигова, Половецкой Вежи, Старой Ладогы, Пскова, Нижняго Новгорода, Пронска, Порхова, Владиміра-на-Клязьмѣ, московскаго Кремля, Соловецкаго Монастыря, Казани, Смоленска, Троицко-Сергіевой Лавры, Новгорода съ фасадами башенъ и проч.

Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до военнаго искусства въ Россіи по 1725 годъ, составилъ Л. Г. Измайловскаго Полка поручикъ Обручевъ. Санкт-петербургъ. 1853.

«Военная литература наша, достигнувъ въ настоящее время значительной степени развитія (говоритъ авторъ), невольно заставляетъ интересоваться временемъ начального своего образованія и постепеннымъ ходомъ своихъ успѣховъ.»

Вотъ исходный пунктъ, съ котораго г. Обручевъ начинаетъ перечень памятниковъ, могущій служить значительнымъ облегченіемъ для составителя русской военной библиографіи. Замѣтно, что авторъ съ любовью занимается военными науками; онъ собралъ въ сочиненіи своемъ заглавія всѣхъ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, знакомитъ съ ними читателя, выписывая содержаніе и даже нѣсколько строкъ текста, и мы убѣждены, что многіе читатели будутъ ему благодарны за трудъ, требовавшій большаго терпѣнія.

Сравнительные обзоры иностранныхъ морскихъ законодательствъ. Французское морское законодательство, составилъ В. Мельницкій. С. Петербургъ. 1853. Въ 8-ю д. л. 116 стр.

Г. Мельницкій не предпослалъ своему труду предисловія, которое объясняло бы планъ его изданія: онъ, вѣроятно, считалъ заглавіе своей брошюры достаточнымъ объясненіемъ; потому мы можемъ только предполагать, что книжка, теперь имъ изданная, представляетъ начало цѣлаго ряда подобныхъ книжекъ о морскихъ законодательствахъ различныхъ европейскихъ и, можетъ-быть, американскихъ державъ. Если это предположеніе не ошибочно, то мы должны быть благодарны г. Мельницкому за его прекрасное предпріятіе; но съ тѣмъ вмѣстѣ не можемъ уклониться отъ обязанности высказать автору нѣсколько замѣчаній (если угодно, онъ можетъ назвать ихъ и просто «желаніями»), которыя высказываемъ потому, что,

въ случаѣ продолженія его изданія, они могутъ быть ему не безразличны; иначе мы промолчали бы. Къ-чему, въ самомъ дѣлѣ, было бы говорить: «прекрасно было бы», еслибъ, кромѣ того, о чемъ мы говоримъ въ своей книгѣ, мы нашли въ ней еще вотъ что и вотъ что?» къ-чему было бы говорить все это, если книга уже закончена и планъ ея не можетъ быть неправиленъ? Тогда мы должны были бы сказать только, что планъ, который начертилъ себѣ г. Мельницкій, выволомъ не удовлетворительно.

Но намъ хотѣлось бы, чтобъ онъ пополнилъ и оживилъ планъ своихъ послѣдующихъ «Обзоровъ», и онъ, вѣроятно, еще можетъ это сдѣлать.

Его «Обзоръ французскаго морскаго законодательства» имѣетъ видъ простаго извлеченія изъ дѣйствующаго нынѣ морскаго французскаго устава, съ прибавленіемъ извлеченій изъ доклада, при которомъ былъ онъ представленъ морскимъ министромъ Лудовику-Наполеону. Эти извлеченія, содержащія въ себѣ большую часть историческія подробности о прежнихъ морскихъ законахъ, имѣютъ сухой оффиціальныи тонъ; почти также сухи и немногія выписки изъ нѣкоторыхъ сочиненій о французскихъ морскихъ законахъ. Намъ казалось бы, что не должно этимъ ограничиваться: книга, издаваемая для русскихъ, не должна имѣть характера простаго краткаго учебнаго руководства для воспитанниковъ какой-нибудь французской морской школы, и русскіе читатели въ-правѣ ожидать не просто оффиціальнаго извлеченія, а критическаго изложенія французскихъ законовъ. Г. Мельницкій, конечно, не нуждается въ указаніяхъ на источники, изъ которыхъ могли бы быть заимствованы матеріалы для критической оцѣнки французскихъ морскихъ законовъ; нѣтъ отдѣльныхъ сочиненій и статей объ этомъ въ различныхъ гетис, множество матеріаловъ для критики представляютъ пренія о прескитъ морскихъ законовъ въ прежнихъ законодательныхъ французскихъ палатахъ и статьи по поводу этихъ преній въ газетахъ.

Не можемъ не сказать, что мы желали бы найти въ самой книгѣ полное соотвѣтствіе съ ея заглавіемъ: «Сравнительные обзоры». Нѣсколько словъ объ англійскомъ Адмиралтействѣ сравнительно съ французскимъ Адмиралтейскимъ Совѣтомъ и объ англійской «насилованной вербовкѣ» не даютъ еще намъ возможности сказать, чтобъ г. Мельницкій показалъ намъ относительныя достоинства и недостатки французскаго морскаго законодательства, сравнительно съ другими западно-европейскими.

Наконецъ, мы желали бы найти въ книгѣ г. Мельницкаго болѣе статистическихъ свѣдѣній и другихъ живыхъ подробностей, потому-что, если намъ интересно знать «морскіе законы» Франціи, то еще интереснѣе было бы знать не только отвлеченныя предписанія, но и дѣствительное устройство и положеніе морской части во Франціи.

Священная История Нового Завета, А. Рудикова. С. Мезурбургъ, 1854. Въ 8-ю д. л., 183 стр.

Книга г. Рудикова написана хорошимъ языкомъ. Еще больше достоинства придаетъ ей то, что въ изложеніи авторъ старается какъ можно ниже держаться словъ самаго Евангелія, не увлекаясь желаніемъ переразрывать; оттого книга его, по достоинству, очень-близка къ «Чтеніямъ изъ Евангелій», отличааясь однако отъ этого учебника тѣмъ, что въ отрывкамъ изъ евангельскихъ сказаній въ ней прибавлены отрывки, необходимые для соблюденія связи между сказаніями и, гдѣ надобно, краткія объясненія еврейскихъ учреждений и обычаевъ, о которыхъ говорится въ евангельскихъ сказаніяхъ.

О Государственномъ межеваніи въ Россіи. Полный сборъ узаконеній, правилъ и всѣхъ прочихъ свѣдѣній. Москва. въ тип. В. Готье. 1854. Въ 8-ю д. 365 стр.

Авторъ книги, г. Н. Ермаковъ, пользуясь трудами и результатами почти-двадцатилѣтней своей опытности и дѣятельности по межеванію въ вѣдѣніяхъ исполнителя, наблюдателя и наконецъ преподавателя (межевыхъ основъ, въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ), приступилъ къ составленію руководства, которое бы, съ систематическимъ обзоромъ межевыхъ законовъ соединило въ себѣ практическія указанія и приемы. Оно подраздѣляется на четыре части, въ составъ которыхъ входятъ слѣдующія свѣдѣнія: 1) Общія, пріуготовительныя, элементарныя понятія о государственномъ межеваніи и краткая его исторія; 2) современное состояніе государственнаго межеванія въ Россіи, составъ Межеваго Управленія и кругъ его дѣйствій; 3) кругъ дѣйствій землемера и лицъ, участвующихъ въ произведеніи межеванія на мѣстахъ; 4) межевое судопроизводство.

Чтобы сдѣлать болѣе-доступнымъ постепенное пріобрѣтеніе руководства для лицъ, имѣющихъ въ немъ надобность, г. Ермаковъ раздѣляетъ изданіе его на выпуски, на основаніи степени потребности заключающагося въ немъ свѣдѣній.

Изданный теперь первый выпускъ состоитъ: а) изъ полнаго систематически-расположеннаго указателя всѣхъ источниковъ, изъ которыхъ извѣщены свѣдѣнія, входящія въ составъ полнаго руководства; б) изъ третьей части руководства (кругъ дѣйствій землемера, и пр.), съ приложеніемъ къ ней приѣздовъ, образцовъ и чертежей, въ которыхъ объясняются всѣ практическія дѣйствія землемера, съ указаніемъ техническихъ терминовъ; в) изъ отдѣльнаго сборника цитатъ къ указателю и къ третьей части руководства.

Во второмъ выпускѣ предполагается помѣщеніе краткой геодезіи, вполне приспособленной къ собственно-межевому дѣлу и уже изданной, по особымъ обстоятельствамъ, отдѣльно, подъ заглавіемъ «Правила Землемерія».

Въ третьемъ выпускѣ — первая и вторая части руководства.

Въ четвертомъ — четвертая часть руководства.

Изъ этого видно, что планъ для руководства вѣсть обширный. Зѣщность содержанія и основательность изложенія ручается опытомъ автора, которому желаемъ успѣха. Мы увѣрены, что книга его принесетъ несомнѣнную пользу.

Признательность Псковскихъ Гражданъ. Историческія оцѣны 1812 года. Н. Лебедева. С. Петербургъ. 1854. Въ 8-мъ д. л. 34 стр.

Существенное содержаніе этой брошюрки составляютъ два перекатанные изъ «Исторіи княжества псковскаго» документа: 1) адресъ, въ которомъ псковскіе жители благодарятъ графа Витгенштейна за спасеніе Пскова отъ французовъ, и 2) отвѣтъ на это графа Витгенштейна. Рамкою, въ которой помѣщены эти документа, служатъ короткія сцены между псковскими гражданами и между графомъ Витгенштейномъ и депутаціею, отправленною къ нему для поднесенія адреса.

Упражненія при обученіи русскому чтенію, составленныя А. Кремлевымъ. Санктпетербургъ. Въ 4-ю д. л. 54 стр.

Объ азбукахъ обыкновенно говорить съ пренебреженіемъ, потому-что очень-часто люди, крошающіе азбуки, печатаютъ ихъ (не говорятъ: составляютъ — слово это неумѣстно), не принимая на себя ни малѣйшаго труда подумать о томъ, какъ бы сноснымъ методомъ помочь ребенку удержать въ памяти начертанія буквъ и облегчить трудъ учителя. Книжка, нами разсматриваемая, довольно-выгодно отличается въ этомъ отношеніи отъ большей-части азбукъ. вмѣсто обыкновеннаго способа представлять ребенку за одинъ разъ всю азбуку сплошна (притомъ память ребенка изнемогаетъ подъ бременемъ нѣсколькихъ десятковъ значковъ) и заставлять его заучивать ихъ мудреныя названія «буки», «вѣди» и т. д., или «бе», «ве», «ге» и т. д., г. Кремлевъ, слѣдуя методу, принятому въ народныхъ училищахъ, сначала представляетъ ребенку ознакомиться съ начертаніями гласныхъ звуковъ, которые удобно выговариваются безъ сочетанія съ другими звуками, и которыхъ выговоръ и значеніе поэтому наиболѣе понятны, потомъ знакомитъ ребенка съ начертаніемъ буквъ Б, Р, Н, и предлагаетъ слова, составленныя изъ этихъ согласныхъ въ сочетаніи съ гласными: баба, борова, нора, нинѣ и т. д.. Ребенокъ, какъ видите, при этой методѣ гораздо-менѣе будетъ сбиваться въ начертаніяхъ и гораздо-легче пойметъ значеніе буквъ, нежели при обыкновенной устарѣлой методѣ сначала заучивать всю азбуку, потомъ учиться разбирать лишешные смыслъ слоговъ: ба, бе, би, бо, бу и т. д. Послѣ этого г. Кремлевъ постепенно знакомитъ подобнымъ же образомъ съ другими согласными,

представляя ихъ по двѣ и по три, не болѣе, за одинъ разъ, чтобъ не запутать учащагося; наконецъ представляетъ Ъ, потомъ Ь, наглядно объясняя различіе между Ъ и Ь поставленіемъ подъ-рядъ такихъ словъ, какъ *быль* и *быль*, *пыль* и *пыль*, *жалъ* и *жалъ* и т. д. Видя въ г. Кремлевѣ человѣка, заботящагося о достоинствѣ своего труда, о томъ, чтобъ дѣйствительно учить дѣтей читать по легкому и скорому способу, мы предложимъ ему нѣсколько замѣчаній, воспользовавшись которыми, въ слѣдующемъ изданіи своей книжки, онъ, можетъ-быть, упроститъ еще болѣе обученіе русской грамотѣ, и которыя не будутъ бесполезны и для другихъ издателей азбукъ, если только они захотятъ, по примѣру г. Кремлева, издавать азбуки въ такомъ видѣ, чтобъ онѣ дѣйствительно облегчали трудъ ученія.

Прежде всего мы должны сказать, что, по нашему мнѣнію, бесполезно задерживать учащагося такъ-называемыми «складами», представляющими никакого смысла и рѣшительно незнакомыми ребенку, который поэтому съ трудомъ и различаетъ ихъ другъ отъ друга: г-нъ Кремлевъ хорошо сдѣлаетъ, если совершенно-выброситъ склады. Познакомивъ дѣтя съ пятью или четырьмя гласными, съ двумя или тремя изъ употребительнѣйшихъ согласныхъ, надобно прямо заставлять его разбирать слова, изъ нихъ составленныя. Въ какомъ порядкѣ знакомить ребенка съ буквами? Прежде всего съ гласными: А, Е, И, О, У: онѣ чаще другихъ попадаются, и потому необходимы для знакомства съ другими; кромѣ того, всѣ онѣ (кромѣ Е) имѣютъ ту выгоду, что каждая изъ нихъ въ отдѣльности составляетъ ужь слово. Другія гласныя (Я, Ю, Ы, Э, І) не столь необходимы, потому-что не такъ часто входятъ въ составъ словъ; поэтому знакомство съ ними должно быть оставлено до того времени, когда ребенокъ ужь познакомится съ употребительнѣйши согласными, то-есть въ русскомъ языкѣ, съ Б, В, Д, Л, М, Н, П, Р, С, Т. Въ какомъ порядкѣ представлять ребенку эти согласныя? Въ какомъ угодно, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ представлять ему за одинъ разъ начертанія, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга, напримѣръ 1) б, л, п; 2) в, р, с; 3) д, н, т; представивъ учащемуся вмѣстѣ, напримѣръ Н и П, мы безъ нужды обременимъ его вниманіе различіемъ фигуръ, разница между которыми не бросается въ глаза сама. Послѣ этого познакомимъ его съ Ъ, Ь, Й; потомъ съ Г, З, К, и наконецъ съ остальными гласными и согласными. Слова надобно подбирать сначала дѣлящіяся на слоги изъ одной согласной съ гласной (ба-ба; ра-на; ру-ка и т. д.) только такія, которыя выговариваются совершенно такъ, какъ пишутся: заставлять ребенка съ самаго начала разбирать слова подобныя слѣдующимъ: она, борода, которыя знаетъ онъ по слуху въ формѣ: ана, барада и т. д., значитъ затруднять его и перепутывать еще неукрѣпившіяся его понятія о значеніи каждого начертанія.

Въ третьемъ выпускѣ — первая и вторая части руководства.

Въ четвертомъ — четвертая часть руководства.

Изъ этого видно, что планъ для руководства взятъ обширный. Задѣльность содержания и основательность изложенія ручается опытомъ автора, которому желаемъ успѣха. Мы увѣрены, что книга его принесетъ несомнѣнную пользу.

Признательность Псковскихъ Гражданъ. Историческая сцена 1812 года. Н. Лебедева. С. Петербургъ. 1854. В 8-м д. л. 34 стр.

Существенное содержаніе этой брошюрки составляютъ два перекладываемые изъ «Исторіи княжества псковскаго» документа: 1) адресъ, въ которомъ псковскіе жители благодарятъ графа Витгенштейна за спасеніе Пскова отъ французовъ, и 2) отвѣтъ на это графа Витгенштейна. Рамкою, въ которой помѣщены эти документа, служатъ короткія сцены между псковскими гражданами и между графомъ Витгенштейномъ и депутаціею, отправленною къ нему для поднесенія адреса.

Упражненія при обученіи русскому чтенію, составленныя А. Кремлевымъ. Санктпетербургъ. Въ 4-ю д. л. 54 стр.

Объ азбукахъ обыкновенно говорятъ съ пренебреженіемъ, потому-то очень-часто люди, крошащіе азбуки, печатаютъ ихъ (не говоря: составляютъ — слово это неумѣстно), не принимая на себя ни малѣйшаго труда подумать о томъ, какъ бы сноснымъ методомъ помочь ребенку удерживать въ памяти начертанія буквъ и облегчить трудъ учителя. Книжка, нами разсматриваемая, довольно-выгодно отличается въ этомъ отношеніи отъ большей-части азбукъ. Вмѣсто обыкновеннаго способа представлять ребенку за одинъ разъ всю азбуку сплошн (причемъ память ребенка изнемогаетъ подъ бременемъ нѣсколькихъ десятковъ значковъ) и заставлятъ его заучивать ихъ мудренныя названія «буки», «вѣди» и т. д., или «бе», «ве», «ге» и т. д., г. Кремль, съдѣлавъ методу, принятому въ народныхъ училищахъ, сначала предоставляетъ ребенку ознакомиться съ начертаніями гласныхъ звуковъ, которые удобно выговариваются безъ сочетанія съ другими звуками, и которыхъ выговоръ и значеніе поэтому наиболѣе понятны, потомъ знакомитъ ребенка съ начертаніемъ буквъ Б, Р, Н, и предлагаетъ слова, составленныя изъ этихъ согласныхъ въ сочетаніи съ гласными: баба, борова, вора, ныль и т. д. Ребенокъ, какъ видите, при этой методѣ гораздо-менѣе будетъ сбиваться въ начертаніяхъ и гораздо-легче пойметъ значеніе буквъ, нежели при обыкновенной устарѣлой методѣ сначала заучивать всю азбуку, потомъ учиться разбирать лишешные смыслъ слоги: ба, бе, би, бо, бу и т. д. Послѣ этого г. Кремль постепенно знакомитъ подобнымъ же образомъ съ другими согласными,

представляя ихъ по двѣ и по три, не болѣе, за одинъ разъ, чтобъ не запутать учащагося; наконецъ представляетъ Ъ, потомъ Ь, наглядно объясняя различіе между Ъ и Ь поставленіемъ подъ-рядъ такихъ словъ, какъ *быль* и *быль*, *пыль* и *пыль*, *жалъ* и *жалъ* и т. д. Влady въ

Кремлевѣ человека, заботящагося о достоинствѣ своего труда, о томъ, чтобъ дѣйствительно учить дѣтей читать по легкому и скорому способу, мы предложимъ ему нѣсколько замѣчаній, воспользовавшись которыми, въ слѣдующемъ изданіи своей книжки, онъ, можетъ-быть, упроститъ еще болѣе обученіе русской грамотѣ, и которыя не будутъ бесполезны и для другихъ издателей азбукъ, если только они захотятъ, по примѣру Кремлева, издавать азбуки въ такомъ видѣ, чтобъ онѣ дѣйствительно облегчали трудъ ученя.

Прежде всего мы должны сказать, что, по нашему мнѣнію, бесполезно задерживать учащагося такъ-называемыми «складами», представляющими никакого смысла и рѣшительно незнакомыми ребенку, который поэтому съ трудомъ и различаетъ ихъ другъ отъ друга: г-нъ Кремлевъ хорошо сдѣлаетъ, если совершенно-выброситъ склады. Познакомивъ дитя съ пятью или четырьмя гласными, съ двумя или тремя изъ употребительнѣйшихъ согласныхъ, надобно прямо заставлять его разбирать слова, изъ нихъ составленныя. Въ какомъ порядкѣ знакомить ребенка съ буквами? Прежде всего съ гласными: А, Е, И, О, У: онѣ чаще другихъ попадаются, и потому необходимы для знакомства съ другими; кромѣ того, всѣ онѣ (кромѣ Е) имѣютъ ту выгоду, что каждая изъ нихъ въ отдѣльности составляетъ ужь слово. Другія гласныя (Я, Ю, Ы, Э, І) не столь необходимы, потому-что не такъ часто входятъ въ составъ словъ; поэтому знакомство съ ними должно быть оставлено до того времени, когда ребенокъ ужь познакомится съ употребительнѣйшии согласными, то-есть въ русскои языкѣ, съ Б, В, Д, Л, М, Н, П, Р, С, Т. Въ какомъ порядкѣ представлять ребенку эти согласныя? Въ какомъ угодно, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ представлять ему за одинъ разъ начертанія, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга, напримѣръ 1) б, л, п; 2) в, р, с; 3) д, н, т: представивъ учащемуся вмѣстѣ, напримѣръ Н и П, мы безъ нужды обременимъ его вниманіе различіемъ фигуръ, разница между которыми не бросается въ глаза сама. Послѣ этого познакомимъ его съ Ъ, Ь, Й; потомъ съ Г, З, К, и наконецъ съ остальными гласными и согласными. Слова надобно подбирать сначала дѣлящіеся на слоги изъ одной согласной съ гласной (ба-ба; ра-на; ру-ка и т. д.) только такія, которыя выговариваются совершенно такъ, какъ пишутся: заставлять ребенка съ самаго начала разбирать слова подобныя слѣдующимъ: она, борода, которыя знаетъ онъ по слуху въ формѣ: ана, барада и т. д., значить затруднять его и перепутывать еще неукрѣпившіеся его понятія о значеніи каждого начертанія.

Нравственное чтение для дѣтей отъ 6 до 9 лѣтъ, составленное кандидаткою Императорскаго Санктпетербурскаго Воспитательнаго Дома, К. О. А. Санктпетербургъ. 1854. Въ 12-ю д. л. 168 стр.

Книжка эта составлена изъ ряда коротенькихъ «чтеній», заглавія которыхъ расположены по порядку буквъ азбуки, такъ—что первое чтеніе — «Анюта», второе — «Борншка», третье — «Веселье и трудъ» и т. д. Съ какою цѣлью составительница приняла этотъ порядокъ, объясняетъ она сама въ концѣ, въ «разговорѣ маменьки съ Вѣрочкой по прочтеніи всей книжки» :

«Мать. — Скажи мнѣ, все ли ты помнишь, что прочтала ?

Вѣрочка. — Все помню, маменька.

Мать. — Какъ же ты можешь помнить такъ много ?

Вѣрочка. — Все это расположено въ порядкѣ по азбукѣ ; а такъ какъ я помню порядокъ буквъ въ азбукѣ, то могу припомнить всѣ чтенія.

Мать. — Старайся такъ же поступать со всякой прочитанной книжкой. Не во всякой книгѣ уроки расположены въ такомъ порядкѣ: но во всякой книгѣ есть какой нибудь порядокъ. Ищи его сама ; старайся найти связь между прочтаннымъ, чтобы оно оставалось у тебя въ памяти.»

Послѣ каждаго чтенія предлагаются вопросы о содержаніи прочтанныяго. Изданіе очень-изящно и очень-пригодно для дѣтей отъ 6 до 9 лѣтъ, которымъ оно и назначено.

Vascel couronné par Corneille dans le sanctuaire du génie Opusculé dédié à l'illustre tragédienne. Par un habitant de Moscou Москва. Въ тип. В. Гомье. 1854. Въ 12-ю д. л. 12 стр.

Авторъ посвятивъ свою брошюрку московской публикѣ, которая такъ хорошо приняла и одобрила знаменитую артистку. Взявъ на себя обязанность изъявить общее удивленіе и признательность къ трагическому таланту, доставившему Москвѣ такое полное эстетическое наслажденіе, онъ прибѣгаетъ къ помощи фантазіи. Во снѣ являя ему гений вкуса и превель его въ святилище гения. Здѣсь присутствовали великіе люди всѣхъ временъ и народовъ ; здѣсь было собрано все, что искусство и прелеза произвели наиболее-изящнаго и величественнаго. Демосеень разоблачалъ предъ афинянами замыслы Филиппа ; Цидеронъ поражалъ Катилину громовымъ «Quousque»; Боссуэть произносилъ потрясающія слова : «Madame se meurt... Madame est morte»; тѣвецъ Ахилла отрывалъ дорогу поэтамъ ; чело Данта озарялось пламеннымъ ореоломъ ; Корнель говорилъ языкомъ героевъ ; мѣтѣ-возвышенный, но болѣе-нѣжный Расинъ изображалъ всѣ страсти человѣческаго сердца... Наконецъ гений вкуса, сквозь толпу поэтовъ, ораторовъ, философовъ, историковъ и артистовъ, приближался къ мѣсту, назначенному для великихъ сценическихъ талан-

товъ. Посреди двухъ рядовъ ихъ возвышались два трона ослѣпительнаго блеска : на одномъ находился Тальма, игравшій Цинну передъ Александромъ и Наполеономъ; на другомъ — его знаменитая соперница, Гюэолия XIX-го вѣка, олицетворившая сценическій гений. Подвигнутый удивленіемъ къ ея искусству, великій Корнель вышелъ изъ толпы и вручилъ ей золотой скипетръ, на которомъ были начертаны слѣдующія слова :

La France la vit naître et Lutèce ferma
Dans ce talent divin l'émule de Talma.

Когда утихъ восторгъ, произведенный этими стихами, поэтъ обратился къ трагической артисткѣ съ похвалами :

O toi, Rachel, splendeur de la scène française!
Tu m'as fait tressaillir d'une vive allégresse.
En t'écoutant parler je me sentais plus grand.
Jamais on n'égala ton sublime talent,
Et l'on ne verra plus un pareil phénomène
Dans les âges futurs paraître sur la scène.

При этихъ словахъ авторъ проснулся.

Мы вполне разделяемъ удивленіе его къ великой артисткѣ; но намъ не нравятся форма похвалы. Къ-чему этотъ сонъ? Зачѣмъ пособія фантазіи, если есть возможность прямо, явно выразить силу таланта и впечатлѣнія, имъ произведеннаго? Пусть пользуются этимъ средствомъ искатели «новыхъ словъ». Можетъ-быть, оно тамъ такъ и нужно: они постоянно могутъ быть въ бреду....

Лучшіе московскіе блины, или практическія наставленія, какъ печь блины и оладьи, состоящія изъ 24 правилъ. Москва. Въ тип. Александра Семена. 1854. Въ 18-ю д. л. 31 стр.

Не красна изба углами, красна пирогами. Такъ и здѣсь : не красна книжка грамматикой, а красна мудрыми совѣтами, какъ приготовить блины и оладьи. Пусть грамотѣи замѣчаютъ, что, по конструкціи словъ, у автора блины и оладьи состоятъ изъ двадцати-четырехъ правилъ — намъ до этого нѣтъ дѣла: намъ нужна правильная конструкція блиновъ, надлежащее устройство оладьевъ. Блины гречневые на пшеничной опарѣ, блины сдобные, блины молочные, творожные, красные, морковные, свекельные, картофельные, рисовые, яблочные, изъ сладкихъ кореньевъ и проч. и проч. Мы не считали еще оладьевъ: оладьи кислыя, оладьи тонкія, оладьи миндальныя, оладьи изъ блиновъ (но не блины изъ оладьевъ), англійскія, французскія, берлинскія, такія и такія — прелесть! Вотъ въ чемъ сущность дѣла; а грамматика — это сухоядѣе, пища людей безвкусныхъ, которымъ строгаише надобно было бы запретить карнавальныя удовольствія.

Историческіе Труды А. Томилина. Санктпетербургъ. 1854.
 Въ 8-ю д. л. 170 стр.

На этихъ 170 страницахъ разгонистой печати помѣщено г. Томилинымъ болѣе двухъ десятковъ крохотныхъ статеечекъ. Разнообразіе содержанія ихъ удивительное. Удивительно и то, что главнымъ предметомъ своихъ «Историческихъ Трудовъ» г. Томилинь избралъ «Домъ Яковлева», лежащій, по объясненію автора, «на рубежѣ Мытлаго Двора, на которомъ построень былъ въ прошедшемъ столѣтїи». Къ жалу этому относится около полудюжины статеекъ. Г. Томилинь сообщаетъ, что домъ «сохранился до нашихъ дней въ прежнемъ наружномъ видѣ», «по-крайней-мѣрѣ въ этомъ видѣ найденъ былъ онъ нами (говоритъ г. Томилинь въ примѣчанїи) при осмотрѣ его въ 1840 году». — «Останки украшеній свидѣтельствуютъ о славѣ и богатствѣ этого досто-памятнаго палаццо». Намъ кажется, что важнѣйшій изъ «историческихъ трудовъ» г. Томилина состоялъ именно въ томъ, что онъ осмотрѣлъ этотъ «палаццо». Правда, еще важнѣе былъ бы трудъ обзорный Сѣнной Площади; но авторъ, очевидно, еще не совершалъ его, потому-что иначе не написалъ бы, что и донынѣ сѣно первенствующій товаръ на Сѣнной Площади, потому-что всякому петербургскому жителю извѣстно, что возы съ сѣномъ становятся вдоль по набережной Екатерининскаго Канала у Банковского Моста, а вовсе не на Сѣнной Площади. Жаль, что не написалъ онъ статьи о Караванной Улицѣ — вѣроятно узнали бы мы изъ этой статьи, что чрезъ Караванную Улицу лежитъ главный путь каравановъ, идущихъ изъ Калмы на Нижегородскую Ярмарку. Г. Томилинь излагаетъ также въ своихъ «Историческихъ Трудахъ» исторію Палестины, Воронежа, Москвы, Шлиссельбурга, Новгорода, Ганзы, Державина и т. п. Непостижимо, какъ рѣшился онъ подѣлиться съ ученымъ міромъ своими «Историческими Трудями», и еще непостижимѣе, какъ онъ рѣшился дать своей книжечкѣ такое пышное заглавіе?..

Маркидантка. Драма. Сочин. Н. Кукольника. Санктпетербургъ. Въ тип. Фишона. 1854. Въ 12-ю д. л. 133 стр.

Приводимъ, по поводу «Маркидантки», извѣстіе, напечатанное въ «Библіотекѣ для Чтенія»:

«Кукольникъ давно хочетъ создать *русскій народный театр* — и онъ совершенно правъ: такой театръ намъ непремѣнно нуженъ — не потому, что театръ вездѣ старается быть болѣе или менѣе народнымъ, но потому-что, во-первыхъ, народность богаче оригинальностью, живописью, занимательнѣе на сценѣ, и во-вторыхъ, что театръ въ большой и богатой столицѣ нуженъ для низшихъ классовъ, чѣмъ для прочихъ, которые за деньги могутъ купить себѣ на каждомъ шагѣ условныя наслажденія. *Н. 1-ые восторги и готовый умъ по своему вкусу*» (Февр. Апт. Лѣт. стр. 22).

Если таково настроеніе г. Кукольника, то мы ничего, кромѣ благодарности, не можемъ ему сказать. И нужно прибавить, что онъ владѣеть для того многими средствами. Языкъ его удовлетворитъ массу. Къ той же цѣли г. Кукольникъ видимо приоровляетъ свои разговоры и самое дѣйствіе. Наша исторія, лѣтописи нашего отечества богаты содержаніемъ для народныхъ представлений; большинство публики невыскажательно; любовь ко всему народному велика, и поэтому остается только писать, выбирать сюжетъ за сюжетомъ — и польза будетъ принесена, особенно при сценической обстановкѣ и игрѣ многихъ нашихъ прекрасныхъ актеровъ.

Сочиненія Петра Каратыгина. Санктпетербургъ. Въ тип. Королева и Комп. 1854. Въ 8-ю д. л. 93 стр.

Дядюшка на трехъ ногахъ, или хотьли солгать, а сказали правду. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе П. Каратыгина. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Отд. Корп. Внутр. Стражи. 1854. Въ 8-ю д. л. 44 стр.

Въ книжечкѣ, вышедшей подъ названіемъ «Сочиненія», нѣтъ водевилей, или оригинальныхъ комедій г. Каратыгина: всѣ они были прежде напечатаны, потому-что г. Каратыгинъ не хранитъ подъ замкомъ своего уместившаго сокровища. Въ сочиненіяхъ же помѣщены двѣ басни, одинъ рассказъ, нѣсколько афоризмовъ, нѣсколько анекдотовъ и одна комедія. Жаль только, что на ряду съ этими, напечатаны два стихотворенія, которыя ни по чувствамъ, ни по мысли, ни по предметамъ не гармонируютъ съ остальными произведеніями г. Каратыгина и недосыгаемо выше ихъ.

Басни и водевили, афоризмы и комедіи, анекдоты и рассказы, кажется, принадлежать къ разнымъ родамъ искусства; это такъ-сказать разные инструменты одного оркестра литературы: г. Каратыгинъ играетъ на всѣхъ инструментахъ, и, казалось бы, талантъ его разнообразенъ; подивитесь же: онъ на всѣхъ этихъ инструментахъ играетъ совершенно-одинаково, совершенно-однообразно! Вотъ это истинное искусство, истинная специальность. Прочтите, наприкладъ, басню «Споръ»:

— «Нѣтъ, *Голова*, стой! не поднимай свой носъ!

Кричать обиженные *Руки*.

Все, все у насъ *въ рукахъ*!.. Руками все берется;

И что такое человекъ,

Когда *отъ рукъ* онъ *отобьется*?..

— А мы-то что жъ? сказали *Ноги*;

Вы насъ не ставите ни въ грошъ,

А вѣдь безъ насъ *далеко не уйдешь*!..

Не будь-ко насъ, такъ вы увидѣли бы сами.
 Что въ свѣтъ все пошло-бы *сверхъ ногами...*»

Такъ пишутся басни. А вотъ образчикъ повѣсти, или разсказа (*Дилегри*).

Мѣсто дѣйствія — Выборгская Сторона :

«Это уединенное мѣсто переменяло свою физиономію развѣ только въ случаю печальной процессіи : тутъ покойникъ оживлялъ всю улицу... Но извините, читатель, я имъ къ селу, имъ къ городу, забрався на улицу... Аркадій Степановичъ сѣлъ къ письменному столу и началъ чинить перо, а Глафира Семеновна чинила что-то изъ домашней руды и взяла мотокъ нитокъ...»

— Занимайся своимъ дѣломъ, сказала Глафира Семеновна...

— Ничего, маменька, дѣло не къ сѣбѣху... Я вотъ, помогаю тебѣ *мотать*, а ты такъ *напротивъ* (она говорила, что билеты въ америкъ *дороги*).

— *Мотать!* было бы изъ чего *мотать*...

— Да и вещи-то какія знатныя : одна карета на *лежащихъ рессорахъ*.

— Полно, пожалуйста, я ужъ слышала эти *турусы на колесахъ*...

— Въ это время у Аркадія Степановича, отъ избытка чувствъ руки *опустились и спутанныя* нитки слѣзли на полъ. Въ другое время за такое *улученіе* ему бы досталось на порядкахъ... Но Глафира Семеновна, молча, привела въ порядокъ эту *путаницу*...»

Перейдемъ къ афоризмамъ. Вѣдь это ужъ почти *философія*, или по-крайней-мѣрѣ нѣчто въ этомъ родѣ... Сентенціи, разсужденія, мысли, мнѣнія...

«Нѣкто, укорялъ пьяницу, что онъ много пьетъ. Эхъ, мой другъ, отвѣчалъ тотъ : по неволѣ много пьешь, какъ *солано* жить на свѣтѣ.»

«Одинъ *хвостунъ*, ходя въ гостиной по коврамъ, сказалъ : «какъ я люблю ходить *по коври* (пока вру)».

«Вѣрю, вѣрю, замѣтилъ ему кто то : а какъ захочешь сказать *правду*, такъ тутъ и *сидишь*.»

Глубокія зареченія ! Впрочемъ, имъ навѣрно суждено перейти въ будущіе водовилы г. Каратыгина.

Временникъ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей російскихъ. Книга восемнадцатая.

Содержаніе восемнадцатой книги «Временника» составляютъ слѣдующія статьи : 1) Древніе русскіе законы о сохраненіи народнаго богатства, соч. В. Лешкова; 2) Литовскій статутъ 1529 года, сообщ. А. Семеновымъ; 3) Книга сеунчей 162 и 163 годовъ, сообщ. И. Былевскимъ; 4) Обводная правая грамота на земли Пыскорскаго Монастыря; 5) Дерная или одерноватая грамота на уступку участка земли Никифорова Кулаковымъ въ Двинскомъ Уѣздѣ; 6) Отступная грамота, данная Никитой Качковымъ Федору Текунину на землю въ Двинскомъ Уѣздѣ;

7) Купчая на землю въ Двинскомъ Уѣздѣ съ отводною продавно; 8) Разъѣжная грамота на землю у рѣки Клязьмы; 9) Отводная грамота на спорныя земли въ Гороховскомъ Уѣздѣ.

Давно ужъ мы не встрѣчали въ первомъ отдѣлѣ «Временника», — въ отдѣлѣ Исслѣдованій, такой занимательной статьи, какъ статья г. Лешкова: «Древніе русскіе законы о сохраненіи народнаго богатства». Авторъ, въ своемъ историческомъ очеркѣ, занимается преимущественно изложеніемъ мѣръ противодѣйствія одной физической природѣ. «Начиная съ пожаровъ (говоритъ авторъ) и скажемъ напередъ нѣсколько словъ *объ ихъ явленіи* въ древности и среднихъ вѣкахъ, для лучшаго суда о томъ, что найдемъ въ Россіи...» — «Что до Россіи (продолжаетъ авторъ), мы вправѣ ожидать отъ ея исторіи многихъ указаній и опытовъ по части нашего вопроса, потому—что жизнь Руси такъ богата событіями изъ борьбы народа со внѣшнею природою. Много было писано про эту борьбу русскаго человѣка, про его смѣлыя плаванія по морямъ Бѣлому, Каспійскому и Сѣверному, про его отважныя встрѣчи съ дикими звѣрами въ лѣсахъ сѣверовостока Европы и въ Сибири. Но всѣ эти описанія ниже дѣйствительности, которая заставила нѣкоторыхъ выразить мнѣніе, что на долю русскаго народа выпала борьба со внѣшнею природою, какъ другимъ народамъ Европы предтояла борьба съ разными поселеніями въ Европѣ и Америкѣ, въ Азіи и Африкѣ. Чего не стоило нашимъ предкамъ двинуться, по Нестору, съ Дуная на сѣверъ, прѣбраться до береговъ Ильмена и укрѣпиться на Волховѣ? Какихъ усилій не потребовали отъ нихъ походы съ Волхова по Днѣпру до Смоленска, Кіева и Константинополя? Какихъ препятствій не встрѣчала Русь наша, при ея расширеніи на сѣверовостокѣ до Урала и Югры, а за Ураломъ чрезъ всѣ огромныя рѣки Сибири до Камчатки и Америки? Мало ли трудовъ, усилій и настойчивости нужно было нашимъ предкамъ для занятія и заселенія востока и запада, сѣвера и юга Россіи, покрытой первоначально неизвѣданными лѣсами, съ цѣлыми стадами дикихъ звѣрей и недоступными болотами и озерами, среди которыхъ долго спустя все еще заблуждалась цѣлая рать? И съ какими средствами успѣвали наши предки открыть, приобрѣсти и заселить эти безграничныя, страшныя пустыни? Если въ царствованіи Петра-Великаго населеніе Россіи не превышало 10,000,000 муж. пола, что было это населеніе въ XII, XI и X вѣкахъ, когда на немъ лежали самыя трудныя задачи перваго поселенія? Но эта горсть людей не избѣгла общей судьбы человѣческихъ обществъ; она не исключительно боролась со внѣшнею природою, и почти востоянно вмѣстѣ съ борьбою противъ оманческихъ силъ веда войны съ туземцами и соседями. Отнять и занять огромныя пространства Руси, вытѣснить туземцевъ и заселить ихъ земли собою, отстоять свою самостоятельность и упрочить свое человѣческое существованіе—эти двойныя задачи вмѣстѣ, въ одно время не легко рѣшаются безъ особаго Божія промысла. И проиняну-

тые ли убѣжденіемъ, что Господь строитъ ихъ спасеніе, или занятые болѣе дѣломъ, чѣмъ мыслию и разсказомъ о дѣлѣ, предки наши или оставили извѣстій о своихъ подвигахъ. Такъ и въ нашемъ вопросѣ, слѣдя за извѣстіями о той дѣятельности русскаго народа, которая была направлена на сохраненіе приобрѣтеній, сдѣланныхъ нашими предками въ разные вѣка ихъ существованія, у вѣчно-скупои и вѣчно угрожающей природы, мы долго не встрѣчаемъ нужныхъ подробностей. Выречемъ, въ этомъ мѣстѣ, молчаніе лѣтописей нѣтъ другое основаніе, условленное самимъ свойствомъ имущества и богатства Руси, въ ея древнѣйшія времена. И мы съ вопроса объ этомъ свойствѣ должны начать свое изслѣдованіе».

Ничего не можемъ сказать противъ этой картины вообще, хотя не можемъ согласиться съ нѣкоторыми подробностями, какъ, напримѣръ, насчетъ вытѣсенія туземцевъ, ничѣмъ недоказываемой; не знаемъ также, почему, напримѣръ, малорусскую природу надобно называть вѣчно-скупою и вѣчно-угрожающей? Съ другой стороны, конечно, читатель въ-правѣ поспѣловать на автора, зачѣмъ онъ, представивъ такую занимательную картину, раздраживъ любопытство, сказавъ рѣшительно, что мы въ-правѣ ожидать многихъ указаній и опытовъ по части важнаго вопроса о сохраненіи народнаго богатства, что все описаніе ниже дѣйствительности, вдругъ говоритъ, что извѣстій мало, что нужныхъ подробностей не встрѣчаемъ! Авторъ объясняетъ это отсутствіе нужныхъ подробностей свойствомъ имущества и богатства Руси въ ея древнѣйшія времена: онъ убѣждается до очевидности, что «сумма народнаго богатства въ древнѣйшей Руси состояла преимущественно изъ движимаго, и если не говорить о земельной собственности, какъ предметъ, невходящемъ въ наше теперешнее разсмотрѣніе, то скоро, воскъ, медь, вино, хлѣбъ, золото, серебро и т. п. составляли исключительный предметъ владѣнія и богатства древнихъ нашихъ предковъ». Но еслибъ земельная собственность входила въ теперешнее разсмотрѣніе автора, еслибъ онъ сталъ говорить о ней, то выводъ, что сумма народнаго богатства въ древнѣйшей Руси состояла преимущественно изъ движимаго, остался ли бы во всей силѣ? Вотъ что любопытно было бы знать читателямъ! «И дѣйствительно (продолжаетъ авторъ), въ самой Русской Правдѣ, за исключеніемъ названій: городъ, мость, дворъ, гумно, клѣтъ, хлѣвъ, село, нѣтъ распоряженій объ имуществѣ недвижимомъ». Но мы спросимъ: тѣ случаи, относительно которыхъ Русская Правда говоритъ о движимомъ, могутъ ли прилагаться къ недвижимому? Если мы читаемъ въ Русской Правдѣ: «Аже украдутъ овицу или козу», то имѣемъ ли право въ слѣдующей статьѣ ожидать: «Аже украдетъ дворъ или клѣтъ?» Далѣе авторъ говоритъ: «И долго послѣ видимъ мы господство, въ русскомъ общественномъ быту, имущества движимаго, чѣмъ объясняется съ одной стороны, характеръ древняго русскаго сбора податей не съ земли или производства, а съ движенія и

«**Р**ехода имущество въ дорогамъ, мостамъ, торгамъ, въ формѣ мыта, въ-
аго, помѣрнаго, и т. д.» Но мы спросимъ автора: какъ объяснить дань,
которой говорится на первыхъ страницахъ лѣтописи: «но бѣжакъ съ
ыма?» Изъ его словъ какъ-будто бы выходитъ, что въ древней Руси,
ромѣ торговыхъ, не было никакихъ другихъ податей! «Сначала (про-
оджаетъ авторъ) не можетъ быть и названій для амбаровъ, лавокъ,
араевъ и заводовъ, потому-что нѣтъ еще и промысловъ, условлива-
щихъ эти роды собственности. И богатство является преимущественно
въ формѣ скота, мѣховъ и товаровъ». Но если есть товары, то какъ
же нѣтъ лавокъ и амбаровъ? Гдѣ же складывались греческіе товары и
соль, привозимые въ Кіевъ, а этими товарами Кіевъ производилъ об-
ширную торговлю въ періодѣ «Русской Правды?» — «Послѣ этого по-
нятію (заключаетъ авторъ), почему наши лѣтописи почти до XII вѣка
молчатъ о пожарахъ. Движимое имущество не могло подать къ тому
повода. Извѣстія о пожарахъ могли начаться только съ развитіемъ
строительства древней Руси». Кромѣ показанной спорности основанія,
на это можно еще сказать, что въ Новгородской Лѣтописи дѣйствитель-
но извѣстіе о пожарахъ начинаютъ плодиться чаще съ XII вѣка; но
много ли мы имѣемъ извѣстій о кіевскихъ пожарахъ въ XI и XII вѣ-
кахъ, чтобъ можно было здѣсь сравнивать! Съ другой стороны, рѣшит-
ся ли авторъ сказать, что Кіевъ въ XI и XII вѣкахъ былъ хуже вы-
строенъ, имѣлъ меньше церквей, чѣмъ Новгородъ въ XII или XIII
вѣкѣ?

Вторая половина статьи г. Лешкова, содержащая въ себѣ простыя
извѣстія о ядрахъ противъ пожаровъ и наводненій, почти не представляетъ
предметовъ для возраженій.

О пользѣ изданія такихъ памятниковъ, какъ Литовскій Статутъ,
или Книга Сеунчей, неужно много распространяться.

**Искатели золота и охотники въ луговыхъ степяхъ. Путе-
выя воспоминанія выходца изъ Калифорніи. А. Дюма. Въ трехъ
частяхъ. Москва. Въ типографіи Н. Эрнста. 1853. Въ 18-ю д.
л. въ 1-й части — 125, во 2-ой — 121, въ 3-й — 128 стр.**

**Калифорнія. Годъ на берегахъ Св. Іоакима и Сакраменто.
Алек. Дюма. Переводъ Леонида Лаврентьева. Москва. Въ типо-
графіи М. Смирновой. 1854. Въ 16-ю д. л. 281 стр.**

Вдругъ два перевода одного и того же сочиненія Дюма, и сочиненія,
замѣтите, весьма посредственнаго! Сердитый критикъ, безъ-сомнѣнія, во-
оружится противъ такой бесполезной, по его мнѣнію, плодовитости; а мы,
напротивъ, думаемъ, что она вовсе нелишняя. Эти два перевода — по-
чти два разныя сочиненія. Въместо-того, чтобъ объяснять другъ друга,
они противорѣчатъ одинъ другому. Подобныя явленія — рѣдкость во вся-
кой литературѣ, и мы въ восторгѣ отъ рѣдкаго явленія. Здѣсь есть

своего рода оригинальность, достойная наблюдений. Безъижный переводчикъ начинаетъ свой переводъ такимъ образомъ: «Мой любезный Денойе»; г. Лаврентьевъ переводитъ: «Mon cher Деснуаеръ». Выходятъ два совершенно-разныя лица: Денойе только съ головы походитъ на Деснуаера; все остальное различно. Г. Лаврентьевъ переводитъ не только слово въ слово, но даже буква въ букву; онъ напоминаетъ того гасконца, который, увидѣвъ на эоидѣ «Oedipe», былъ угрѣненъ, что даютъ Овидиа, или тѣхъ воспитанниковъ бурсы, которые читали французскую грамоту латинскимъ выговоромъ, отчего *comptent vous portez-vous* обращалось въ *комментъ-воусъ-портенцъ-воусъ...* Кромѣ различія въ именахъ, есть различіе и въ качествахъ: Деснуаеръ «моншеръ», а Денойе — просто мой любезный, что не одно и то же. Наконецъ «моншеръ» пишетъ изъ Монтморанси, а «любезный» изъ Монморанси. Рѣшительно, въ нихъ нѣтъ ничего сходнаго: они — незнакомцы.

«Вотъ почему такъ много обмановъ между отправляющимися въ Санъ-Франциско, и такое уныніе между возвращающимися оттуда»... Такъ переводитъ скромный переводчикъ, назвавшій Денойе «моимъ любезнымъ».

Г. Лаврентьевъ, оскорбившій Деснуаера именемъ «моншера», передаетъ то же мѣсто совершенно иначе:

«Вотъ почему столько обмана между тѣми, которые живутъ въ Санъ-Франциско, и столько отчаянія у тѣхъ, которые туда прибываютъ».

Отчаянная противоположность! тамъ отправляются, здѣсь живутъ; тамъ возвращающіе, здѣсь прибывающіе; тамъ «такое уныніе», здѣсь «столько отчаянія»; тамъ непонятно, что возвращаютъ посетители Санъ-Франциско, здѣсь непонятно, почему отчаяваются пребывающіе въ Санъ-Франциско....

Подобныя переводы обогащаютъ нашу литературу. Въмѣсто одного сочиненія мы будемъ имѣть два, три, четыре... смотря по числу переводчиковъ, и эти переводчики будутъ имѣть право называться сочинителями переведенныхъ ими книгъ.

Дѣтская любовь. *Разказы и сказки для дѣтей, отъ 10 до 12 лѣтъ. Съ 4 картинками. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. Въ типографіи Волкова и Кош. 1854. Въ 18-ю д. л., 71 стр.*

Подарокъ горнаго духа. *Сказка для дѣтей отъ 10 до 12 лѣтъ. Съ 4 картинками. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. Въ типографіи Волкова и Кош. 1854. Въ 18-ю д. л. 72 стр.*

Объ сказки — волшебныя. Въ одной Фея покровительствуетъ Идѣ, которой все удавалось, и волшебное веретено плело для нея золотыя нити; въ другой горный духъ оказываетъ особенное расположеніе къ Джокъ, счастливому, довольному своею судьбою и таинственною помощью. Не знаемъ, какая можетъ выйдти для дѣтей польза отъ болѣзненнаго брѣда нѣмецкой, отуманенной пивомъ фантазій. Человѣку во всѣхъ его воз-

какъ нужна здоровая пища, а не пирожки, приготовленные на дуръ или опиумѣ. Надежда на Бога и бодрость духа — вотъ гдѣ искать ощи и покровительства. Мы понимаемъ плодъ фантазій, какъ творецъ поэта, служащее предметомъ эстетическаго наслажденія; но ставить истинитическіе вымыслы средствомъ нравственнаго образованія, тогда посредствомъ нихъ мораль, обращать ихъ въ назидательное чтеніе — этого мы не понимаемъ. По нашему мнѣнію, такіе вымыслы валяютъ голову дѣтей вздоромъ, раздражаютъ напрасно ихъ воображеніе, поселяютъ въ душѣ ихъ пустые страхи и пустыя надежды, загавляютъ ихъ, и въ слѣдующіе возрасты, иекаютъ помощи въ томъ, что не ѣтъ на свѣтѣ, сонъ принимать за дѣйствительность, а дѣйствительность за сонъ. «Что пѣна въ винѣ, то сны въ головѣ», и весьма ерѣдко фантазеръ не знаетъ вкуса въ винѣ, хотя съ удовольствіемъ готовъ хлебать пѣну. . .

Собраніе русскихъ пѣсенъ. О. М. Исаева. *Изданіе 8-е безъ перемѣны.* Москва. Въ типографіи Александра Семана. 1854. Въ 32-ю д. л. 241 стр.

Г. Исаевъ, вѣроятно, въ надеждѣ на частыя изданія своего сборника, назвалъ своимъ все то, что находится въ сборникѣ. «Русскія пѣсни Исаева!» Но развѣ онъ ихъ сочинитель? или по-крайней-мѣрѣ пѣвецъ? Любопытно было бы послушать....

Сорокъ два обѣда, или поваренная книжка, доступная людямъ всякаго состоянія и составленная изъ опытовъ. П-ею М-ъ. *Изданіе второе.* Москва. Въ типографіи М. Смирновой. 1854. Въ 16-ю д. л. 107 стр.

И это изданіе безъ перемѣнъ, какъ и сборникъ г. Исаева. Здѣсь, какъ и въ предъидущемъ изданіи, «кушанья составлены изъ опытовъ». Не-прикосновенно осталась и слѣдующая неудобоваримая фраза: «изъ тридцати-двухъ скоромныхъ и десяти постныхъ обѣдовъ, состоящихъ каждыи изъ четырехъ блюдъ. Попрежнему авторъ желаетъ читателямъ добраго аппетита, нужнаго для сваренія жесткихъ фразъ; попрежнему эпиграфъ изъ Монтаня: «Не смотри что ты ѣшь; смотри на то, съ кѣмъ ты ѣшь» и пр. .

Битва русскихъ съ черкесами, или пастухъ черной долины. Историческій романъ въ двухъ частяхъ. Соч. Н. Николаевича. *Изданіе второе.* Москва. Въ типографіи М. Смирновой. 1854. Въ 18-ю д. л. Въ 1-ой части — 94, во 2-й — 82 стр.

Г. Николаевичъ выбралъ для своего романа событіе 1791 года, когда слава русскаго оружія уже гремѣла у Понта Эвксинскаго и знамена великой императрицы развѣвались на развалинахъ державы крымскаго хана и грозили Имперіи Оттомановъ. Анапа — ключъ къ торговлѣ съ

своего рода оригинальность, достойная наблюдений. Безымянный переводчик начинается свой перевод такимъ образомъ: «Мой любезный Деное»; г. Лаврентьевъ переводитъ: «Mon cher Деснуаеръ». Выходятъ два совершенно-равныя лица: Деное только съ головы походить на Деснуаера; все остальное различно. Г. Лаврентьевъ переводитъ не только слово въ слово, но даже буква въ букву; онъ напоминаетъ того гасконца, который, увидѣвъ на афишѣ «Oedipe», былъ увѣренъ, что дають Оэдица, или тѣхъ воспитанниковъ бурсы, которые читали французскую грамоту латинскимъ выговоромъ, отчего comment vous parlez vous обращалось въ comment-voeux-портеть-воуэ... Кроме различій въ именахъ, есть различіе и въ качествахъ: Деснуаеръ «моншеръ», а Деное — просто мой любезный, что не одно и то же. Наконецъ «моншеръ» пишетъ изъ Монтморанси, а «любезный» изъ Монморанси. Ръшительно, въ нихъ нѣтъ ничего сходнаго: они — незнакомцы.

«Вотъ почему такъ много обмановъ между отправляющимися въ Санъ-Франциско, и такое уныніе между возвращающимися оттуда»... Такъ переводитъ скромный переводчикъ, назвавшій Деное «моимъ любезнымъ».

Г. Лаврентьевъ, оскорбившій Деснуаера именемъ «моншера», передаетъ то же мѣсто совершенно иначе:

«Вотъ почему столько обмана между тѣми, которые живутъ въ Санъ-Франциско, и столько отчаянія у тѣхъ, которые туда прибываютъ».

Отчаянная противоположность! тамъ отправляются, здѣсь живутъ; тамъ возвращающіе, здѣсь прибывающіе; тамъ «такое уныніе», здѣсь «столько отчаянія»; тамъ непонятно, что возвращаютъ посетители Санъ-Франциско, здѣсь непонятно, почему отчаяваются пребывающіе въ Санъ-Франциско....

Подобные переводы обогащаютъ нашу литературу. Вмѣсто одного сочиненія мы будемъ имѣть два, три, четыре... смотря по числу переводчиковъ, и эти переводчики будутъ имѣть право называться сочинителями переведенныхъ ими книгъ.

Дѣтская любовь. *Разказы и сказки для дѣтей, отъ 10 до 12 лѣтъ. Съ 4 картинками. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва Въ типографіи Волкова и Кош. 1854. Въ 18-ю д. л., 71 стр*

Подарокъ горнаго духа. *Сказка для дѣтей отъ 10 до 12 лѣтъ. Съ 4 картинками. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. Въ типографіи Волкова и Кош. 1854. Въ 18-ю д. л. 72 стр.*

Обѣ сказки — волшебныя. Въ одной Фея покровительствуетъ Пѣтѣ, которой все удавалось, и волшебное веретено плело для нея золотыя нити; въ другой горный духъ оказываетъ особенное расположеніе къ Джону, счастливому, довольному своею судьбою и таинственную помощь. Не знаемъ, какая можетъ выйдти для дѣтей польза отъ болѣзненнаго брѣда нѣмецкой, отумащенной пивомъ фантэзій. Человѣку во всѣхъ его воз-

гахъ нужна здоровая пища, а не пирожки, приготовленные на дурѣ или опиумѣ. Надежда на Бога и бодрость духа — вотъ гдѣ искать помощи и покровительства. Мы понимаемъ плодъ фантазій, какъ творчество поэта, служащее предметомъ эстетическаго наслажденія; но ставить фантастическіе вымыслы средствомъ нравственнаго образованія, тогда посредствомъ нихъ мораль, обращать ихъ въ назидательное чтеніе — этого мы не понимаемъ. По нашему мнѣнію, такіе вымыслы вращаютъ голову дѣтей вздоромъ, раздражаютъ напрасно ихъ воображеніе, поселяютъ въ душѣ ихъ пустые страхи и пустыя надежды, заставляютъ ихъ, и въ слѣдующіе возрасты, искать помощи въ томъ, чего нѣтъ на свѣтѣ, сонъ принимать за дѣйствительность, а дѣйствительность за сонъ. «Что пѣна въ винѣ, то сны въ головѣ», и весьма ерѣдко фантазеръ не знаетъ вкуса въ винѣ, хотя съ удовольствіемъ отовъ хлебать пѣну. . .

Собраніе русскихъ пѣсень. О. М. Исаева. *Изданіе 8-е безъ перемены.* Москва. Въ типографіи Александра Семена. 1854. Въ 32-ю д. л. 241 стр.

Г. Исаевъ, вѣроятно, въ надеждѣ на частыя изданія своего сборника, назвалъ своимъ все то, что находится въ сборникѣ. «Русскія пѣсни Исаева!» Но развѣ онъ ихъ сочинитель? или по-крайней-мѣрѣ пѣвецъ? Любопытно было бы послушать....

Сорокъ два обѣда, или поваренная книжка, доступная людямъ всякаго состоянія и составленная изъ опытовъ. П-ею М-ѣ. *Изданіе второе.* Москва. Въ типографіи М. Смирновой. 1854. Въ 16-ю д. л. 107 стр.

И это изданіе безъ перемены, какъ и сборникъ г. Исаева. Здѣсь, какъ и въ предыдущемъ изданіи, «кушанья составлены изъ опытовъ». Неприкосновенною осталась и слѣдующая неудобоваримая фраза: «изъ тридцати-двухъ скоромныхъ и десяти постныхъ обѣдовъ, состоящихъ каждыи изъ четырехъ блюдъ. Попржнему авторъ желаетъ читателямъ добраго аппетита, нужнаго для сваренія жесткихъ фразъ; попрежнему эпиграфъ изъ Монтаня: «Не смотри что ты ѣшь; смотри на то, съ кѣмъ ты ѣшь» и пр. .

Битва русскихъ съ черкесами, или пастухъ черной долины. Историческій романъ въ двухъ частяхъ. Соч. И. Николаевича. *Изданіе второе.* Москва. Въ типографіи М. Смирновой. 1854. Въ 18-ю д. л. Въ 1-ой части — 94, во 2-й — 82 стр.

Г. Николаевичъ выбралъ для своего романа событіе 1791 года, когда слава русскаго оружія уже гремѣла у Понта Эвксинскаго и знамена великой императрицы развѣвались на развалинахъ державы крымскаго хана и грозилъ Имперіи Оттомановъ. Анапа — ключъ къ торговлѣ съ

восточными берегами Чернаго Моря, находилась еще во власти турковъ. «Я уничтожу гитзде разбойниковъ; передъ мною падеть горделивая Анаша», изрекла Великая Екатерина, и приказала перейти Кубань. Вотъ эпоха разсказа, принятая г. Николаевичемъ, который, въ своему таланту, занимаетъ одинъ изъ пунктовъ того ряда писателей, на двухъ концахъ котораго, какъ альфа и омега, стоятъ гг. Златовъ и Марлинскій.

Древность Москвы, или указатель источниковъ, ея топографіи и исторіи. Изданіе второе. Соч. П. Хавскаго. Москва. Въ университетской типографіи. 1854. Въ 12-ю д. л. XXIII. 528 стр.

Второе изданіе этой книги, какъ значится на заглавномъ листѣ, составлено «къ предпаоминанію, въ будущемъ 1855 году января 12-го дня юбилея Императорскаго Московскаго Университета, изъ прежде-напечатанной книги, подъ заглавіемъ: Семисотлѣтіе Москвы, допущено и по возможности исправлено новыми указаніями источниковъ исторіи, съ прибавленіемъ въ прежнемъ планѣ окрестностей Москвы».

Цѣль книги и новаго изданія плана Москвы съ ея окрестностями— «указать источники о древности престольнаго города, безъ чего нельзя составить его исторіи». Въ семи главахъ авторъ представляетъ состояніе московской топографіи въ разныя эпохи: глава первая— Москва до 1740 года; глава вторая— древнія московскія села и слободы; третья— Москва послѣ моровой язвы, бывшей въ 1771 году; четвертая— дѣленіе церквей на сороки, пятая— Москва въ 1796 году; шестая— описаніе Москвы въ 1824 году; седьмая— описаніе Москвы съ 1740 года. Въ заключеніе приложенъ азбучный указатель ссылками на §§ книги и на планъ 1843 года.

Считаемъ излишнимъ упоминать о пользѣ книги для желающихъ знать топографію Москвы: эта польза сама-по-себѣ очевидна.

Записки объ уженъѣ рыбы. С. Аксакова. Изданіе второе, значительно дополненное. Москва. Въ типографіи Л. Степановой. 1854. Въ 8-ю д. л. 274 стр.

Первое изданіе этой книги вышло въ 1847 году. «Съ-тѣмъ-вѣрѣ (говоритъ авторъ), въ теченіе шести лѣтъ постоянно продолжая удить, съ меньшимъ увлеченіемъ и болѣешиимъ вниманіемъ, я имѣлъ возможность сдѣлать много новыхъ наблюденій и сказать пространнѣе и полнѣе о томъ, о чемъ сказано было слишкомъ коротко, въ чемъ справедливо обвиняли меня нѣкоторые охотники: вотъ причина появленія книги вторымъ изданіемъ».

Достоинство двухъ сочиненій г. Аксакова: «Записки ружейнаго охотника» и «Записки объ уженъѣ», уже отдѣльно надлежащимъ образомъ

лубашкой и журналами. Оба они вышли вторымъ изданіемъ, оба получили единогласныя похвалы критики, которая, кромѣ знанія дѣла, то видитъ въ нихъ и любовь къ дѣлу, и горячее сочувствіе къ краскамъ природы, сочувствіе, возбужденное не чтеніемъ описаній въ супоренномъ кабинетѣ, а непосредственнымъ знакомствомъ съ природою отечественнаго края. Прочтите съ 9 по 12 стр. вступленія, чтобы цѣль объ искренности и свѣжести этого чувства.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Братъ и Сестра, драма въ 4 дѣйств. г. Потѣхина. — **Муму**, рассказъ г. Тургенева. — **По поводу романовъ и рассказовъ изъ простонароднаго быта**, крит. ст. г. А-ва. — **Стихи: Искусство и Правда** г. А. Григорьева. — **Критика «Библиотеки для Чтенія»**: Санскритизмъ г. Сенковского. — **Статья** г. Черепанова: **Ловля зѣрей въ Сибири и статья** г. Агсакова: **Охота съ ястребомъ за перепелами**, — **О лекціяхъ Тэккерера** — **Инструкція о управленіи дому и деревнѣ**, Волинскаго. — **Статья** г. Лешкова **О народномъ продовольствіи въ Древней Россіи**. — **Саллустій, римскій историкъ**. — **Переводъ Макбета** г. Лихонинымъ.

Въ послѣднее время въ русской литературѣ и критикѣ многія произведенія затрогивали щекотливый литературный вопросъ о томъ, до какой степени можетъ быть допущено идеальное направленіе въ нашихъ повѣстяхъ, романахъ и драмахъ. Къ рѣшенію этого вопроса усердѣе стремятся сами писатели, нежели критики. Во многихъ рецензіяхъ замѣтно желаніе обходить этотъ вопросъ, но большая часть новыхъ произведеній нашихъ даровитыхъ писателей вновь наводятъ критику на тотъ же самый пунктъ. Большаго единодушія въ рѣшеніи этого вопроса мы не замѣчали между критиками, хотя точно также не находили и уважительныхъ причинъ почему бы общими силами не рѣшить его. Кто обращалъ вниманіе на разборы лучшихъ явленій русской литературы послѣдняго времени, тотъ согласится, что мы правы, произнося эти слова. Многія лица, характеры въ литературныхъ произведеніяхъ, осуждаются или хвалятся безъ достаточныхъ причинъ, по-крайней-мѣрѣ причины эти не приводятся. Такъ, напримѣръ, большая-часть лицъ, выведенныхъ.

г-вомъ Островскимъ въ первой комедіи «Свои люди — сочтемся», получила почти единодушное одобреніе; но при появленіи третьей комедіи того же автора — «Не въ свои сани не садись» началось ужъ и разногласіе. Одни говорили, что Бородинъ и Русаковъ не могутъ выдержать ни малѣйшаго сравненія ни съ Подхолозиннымъ, ни съ Большовымъ; другіе, напротивъ, говорили, что г. Островскій, рисуя Подхолозина и Большова, былъ вѣрнѣе старинной манерѣ писать подобныхъ лицъ, но, создавъ Бородина и Русакова, открылъ новое поприще, усвоилъ себѣ новый взглядъ на предметъ, и оттого лица эти выше лицъ первой комедіи. Два противоположныя мнѣнія, не ведя за собою никакихъ новыхъ убѣжденій, въ слѣдующихъ статьяхъ критиковъ остались двумя мнѣніями, изъ которыхъ каждое владычествуетъ въ своемъ кружкѣ, въ своемъ приходѣ. Выиграла ли отъ этого что-нибудь критика? Нисколько. Она въ этомъ случаѣ близко коснулась того вопроса объ отношеніи идеальнаго къ дѣйствительному, вопроса, о которомъ мы сказали выше, и отступила передъ нимъ, какъ-будто говоря, что рѣшеніе его ей не по силамъ въ настоящее время. Г. Григоровичъ написалъ романъ «Рыбакъ», въ которомъ старый рыбакъ Глѣбъ Савиновъ, бездомный Акишъ и дѣдушка Кондратій поставлены были ополшною стѣной противъ осланихъ другихъ лицъ: сыновей Глѣба и фабричныхъ села Комарова. По выходѣ романа, началось толки о Глѣбѣ Савиновѣ, о дѣдушкѣ Кондратіи — толки такіе разпорѣчивые, какъ и въ первомъ случаѣ, при отзывкахъ о комедіяхъ г-на Островскаго. Замѣчательно въ этомъ случаѣ было только, что тѣ же критики, которые находили Русакова лицомъ нисколько неидеальнымъ, нашли идеализмъ въ Глѣбѣ Савиновѣ и дѣдушкѣ Кондратіи. Но это было лишь недоразумѣніе. Дѣло осталось все-таки въ прежнемъ положеніи, хотя критика и продолжала судить и ридить всрѣхъ и вкось. Мы бы еще могли здѣсь перечислить много другихъ литературныхъ явленій, въ-отношеніи къ которымъ критика нашихъ журналовъ и газетъ раздѣлялась такъ рѣзко, ослабѣ передъ нами не было, въ настоящемъ случаѣ, еще одного произведенія, но отношенію къ которому явилось прежнее разногласіе. Мы говоримъ о новой комедіи г Островскаго: *Блдность не пороки*. Въ Москвѣ ужъ написаны стихи въ честь этой комедіи, стихи, въ которыхъ Расинъ и Корнель объявлены писателями не «нашего прихода», а г. Островскій, единственнымъ нашимъ комикомъ новѣйшаго времени. Въ Петербургѣ комедія эта повидному совсѣмъ не будетъ пользоваться тѣмъ успѣхомъ, который она приобрѣла въ Москвѣ. И въ этомъ случаѣ вѣроятно противники останутся въ полномъ убѣжденіи, что каждый изъ нихъ сказалъ совершенную истину, при своей оцѣнкѣ этой комедіи — и на этомъ остановятся.

Но вотъ въ «Москвитиннѣ» (№№ 3 и 4) напечатана новая драма г. Потѣхина *Братъ и Сестра*, достойная вниманія по отношенію къ тому же вопросу, который такъ уклончиво оббгааетъ наша критика. Ми

важаетъ эту драму за ея прекрасную, широкую, достойную человека бразованную мысль, хотя не находимъ въ ней ни одного лица, которое жможно было бы назвать вполне-выдержаннымъ. Да и говоримъ мы о настоящемъ случаѣ о драмѣ «Братъ и Сестра» потому только, что находимъ въ ней новое идеальное лицо — Радугина. Въ бракѣ Радугина съ Анною Ивановною видна та идеальная мысль, которую не можемъ похвалить съ отвлеченной точки зрѣнія. Но критики, строго придерживающіеся дѣйствительности, при этомъ случаѣ непременно зададутъ подобный прежнимъ вопросъ: возможенъ ли этотъ бракъ? не есть ли онъ призракъ? не есть ли онъ одна идея г. Потѣхина, безъ всякаго приложенія въ тому уѣздному городку, гдѣ дѣйствіе происходитъ? Задавъ этотъ вопросъ, критика вновь спотыкнется на томъ же отношеніи идеальнаго къ дѣйствительному, который и прежде она не умѣла разрешить. Нѣчто подобное Радугину (только безъ всякаго сравненія по отдѣлкѣ) мы видѣли, читая предпоследнее произведеніе г. Тургенева, «Два Пріятели», въ лицѣ Вязовинна. Подобныя лица являются часто въ нашей литературѣ; только карьеру свою они совершаютъ различнымъ образомъ, подъ влияніемъ того образа мыслей, какой преобладаетъ у писателя. У г. Тургенева Вязовиннъ бѣжалъ отъ скучнаго соседства своей деревеньки; у г. Потѣхина это лицо дѣлается драматическимъ, подъ влияніемъ образа мыслей г. Потѣхина. У г. Тургенева лицо это было, намъ кажется, вѣрнѣе по отношенію къ дѣйствительности; у г-на Потѣхина оно сохранило, или, лучше сказать, поддержало свой идеальный характеръ посредствомъ брака на Аннѣ Ивановнѣ. Прибавьте, что у г. Потѣхина Радугинъ поставленъ въ такое щекотливое положеніе, въ которомъ никогда не находился Вязовиннъ. Слѣдовательно, идеальность Радугина возвысилась черезъ это обстоятельство еще больше.

Съ другой стороны Радугинъ советъ не то, что Бороздинъ, или Любимъ Горцовъ — идеалы г-на Островскаго. Радугинъ образованный, вполне просвѣщенный и благородный человекъ; это нашъ современникъ. Но бракъ съ Анною Ивановною, вѣроятно, для всѣхъ покажется чѣмъ-то идеальнымъ, можетъ-быть, даже несбыточнымъ. Въ этомъ случаѣ, какъ уже сказали, мы приходимъ опять къ тому же вопросу: на сколько же мы можемъ допускать идеальнаго въ нашихъ произведеніяхъ? неужели все прекрасное, свѣтлое, мы должны изгонять? Нѣтъ; въ драмѣ г. Потѣхина мы представляемъ бракъ Радугина съ Анною Ивановною какъ совершенную возможность, потому-что въ немъ есть всѣ условія разумности: въ немъ мы видимъ выходъ изъ той апатіи, въ которую уже началъ погружаться Радугинъ, живя то въ уѣздномъ городкѣ, то въ деревнѣ, но и здѣсь и тамъ, предаваясь полнѣйшей бездѣятельности и непростительной лѣни. Бракъ этотъ, можетъ-быть, единственное и лучшее проявленіе всего прекраснаго, что можетъ быть въ душѣ такихъ людей, какъ Радугинъ.

Нѣтъ ничего легче, въ наше время, какъ осужденіе подобныхъ иде-

альныхъ движеній въ характерѣ лицъ, выводимыхъ нашими писателями. «Этого не можетъ быть», «это не соответствуетъ дѣйствительности» — вотъ тѣ ужасныя слова, которыя заставляютъ литераторовъ итти такъ осторожно обходиться со всѣмъ, что въ литературномъ произведеніи можетъ назваться драматическою дѣятельностью. Но для теоріи литературы, мы полагаемъ, этихъ словъ мало. Теорія литературы никогда не довольствовалась однимъ художественнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности. Безъ идеаловъ, безъ идеальнаго представленія не можетъ жить литература, какъ человекъ не можетъ существовать въ этомъ мірѣ безъ какихъ-нибудь убѣжденій, безъ понятій, до которыхъ онъ дошелъ или опытомъ или ученіемъ. Кто составилъ ту статистику которая скажетъ намъ, что вотъ это лицо вѣрно дѣйствительности, а это не вѣрно? гдѣ тѣ средніе выводы, изъ разнородныхъ характеровъ, лицъ и идей, которые мы можемъ допускать, какъ нѣчто нѣкое право жить, и отвергать всѣ крайности? Всѣ наши сужденія о томъ, что вѣрно дѣйствительности и что не вѣрно, основываются на художественности, тактѣ критиковъ, на ихъ литературномъ чувствѣ, вкусѣ, выработавшемся отъ долговременнаго знакомства съ хорошими произведеніями. Поэтому, такой вкусъ и тактъ есть дѣло условное для каждаго критика. Отсюда происходитъ то ужасное разнообразіе въ мнѣніяхъ критиковъ о томъ, что вѣрно дѣйствительности и что невѣрно.

Но мысль, идея подвергаются ли обсужденію того же такта, неуловимаго и капризнаго? Не-уже-ли въ оцѣнкѣ мысли мы будемъ прибѣгать къ сужденіямъ прихотливаго вкуса? Намъ кажется только мысль въ состояніи оцѣнить мысль, только образованный умъ можетъ быть судьей въ этомъ дѣлѣ. Если мысль заключаетъ въ себѣ то, что называется истиннымъ, ей необходимо отдавать справедливость, если-бы даже произведеніе было слабо въ отношеніи къ исполненію. Такъ необходимо поступать, чтобы дать жизнь всему идеальному въ литературѣ и не сбросить ея до мелкой и ничтожной наблюдательности надъ явленіями, ничтожными въ жизни общественной. Поэтому мы находимъ, что мысль, положенная въ основаніе драмы г. Потѣхина, прекрасна, хоть ее и зовутъ идеальной....

Идеальный! у насъ это слово получило совершенно-превратный смыслъ въ послѣднее время. Сказать о чемъ-нибудь «идеальный» значитъ то же, что сказать *несбыточный*. Въ этомъ виновато направленіе литературы, дагерротипически-вѣрное мелкимъ случаямъ жизни, безъ всякой мысли. Поэзія, или лучше сказать, стихи низвели понятіе объ идеальномъ еще ниже. Когда критика говоритъ о какомъ-нибудь поэтѣ «онъ воспѣваетъ идеалы», значитъ этотъ стихотворецъ поетъ... съвѣстно повторять избитыя фразы... поетъ про «луну», «дѣву неземную».... или про что-нибудь въ этомъ родѣ. Виновата ли идеальность, что мы потеряли высокій смыслъ ея? А между-тѣмъ, отъ потери истиннаго смысла этой важнѣйшей стороны литературныхъ произведе-

ий — положительной — от привычки рутинно произносить слова «действительность», «объективность» и тому подобныя, мы ставим себя въ странное положеніе, когда встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ амѣчательными литературными произведеніями. Первое, что мы отскакиваемъ: какъ-нибудь заподозрить писателя въ идеальности. А ужъ заподозривъ, по нашему, мнѣнію, въ этомъ главномъ недостаткѣ, мы безъ глядки преслѣдуемъ его по истоптанному поприщу идеальности... какъ-что бѣдный авторъ часто не знаетъ, за что сыплются на него какія напасти. Все это, говоримъ мы, происходитъ отъ того мелкаго понятія объ идеальномъ, которое усвоили себѣ лучшіе наши писатели, а за ними и критики; напримѣръ: г. Гончаровъ написалъ цѣлый прекрасный романъ на основаніи этого узкаго понятія, и преслѣдовалъ его въ двухъ частяхъ! Изгнаніе всего идеальнаго способствовало къ появленію произведеній, лишенныхъ всякой внутренней мысли, содержанія. Положительную идею литературнаго произведенія необходимо выразить въ какомъ-нибудь характерѣ или лицѣ... Но оттого лицо выйдетъ идеальнымъ, и потому, говорятъ, лучше обойдитесь безъ всякой мысли и довольствоваться рядомъ картинъ, вѣрно-списанныхъ съ общества или природы.

Въ то время, когда романисты, повѣствователи, драматурги и критики ходятъ около этого щекотливаго вопроса — отношенія идеальнаго къ действительному въ нашей литературѣ; въ то время, когда одни критики совершенно не допускаютъ идеальнаго, а другіе допускаютъ его; въ то время, когда одни писатели, на придуманную прежде задачу, на понравившуюся имъ тѣму сочиняютъ романы, повѣсти и драмы, въ которыхъ иногда мысль отстаетъ отъ драмы, какъ приклеенная сверху накладка; когда другіе писатели, инстинктивно боясь идеальнаго, какъ чего-то ложнаго, бросили въ сторону всякую заботу о мысли и идеѣ; въ это время, говоримъ мы, внимательный читатель можетъ замѣтить нѣкоторый просвѣтъ во тьмѣ этого запутаннаго вопроса. Помогаютъ этому нѣсколько произведеній, болѣе удачно соединившихъ два противоположныя направленія: «Лѣтній» г. Писемскаго, нѣкоторые рассказы г. Тургенева, нѣкоторыя лица комедій г. Островскаго «Не въ свои сани не садись», нѣкоторые характеры въ произведеніяхъ г. Григоровича. Въ этихъ произведеніяхъ авторы употребляютъ большія усилія совладѣть съ труднымъ вопросомъ, о которомъ мы говорили. Чѣмъ обширнѣ идея какаго-нибудь произведенія, тѣмъ труднѣ дѣлается вопросъ; чѣмъ менѣе обширна идея, тѣмъ автору легче удержать въ равновѣсіи двѣ половины произведенія: мысль и художественную обработку. Г. Потѣкинъ въ своей драмѣ «Братъ и Сестра» совершенно пальъ подъ тяжестью ноши, которую принялъ на свои плечи. Идея драмы осталась у него широко-придуманною рамою, а лица вышли неудачными. Особенно Зосима и Радугинъ: они, кажется, говорятъ по книгѣ — такъ хорошо говорятъ они. Анна Ивановна вышла ни хуже, ни лучше того, чѣмъ

была и въ романѣ «Крестьянка». Нужно замѣтить, что цѣль этотъ романъ былъ написанъ, какъ подготовленіе къ драмѣ «Братъ и Сестра». И въ немъ, какъ мы ужъ имѣли случай говорить, мысль совершенно покоряла собственно литературную, художественную часть; въ «Титъ Софоновъ» мысль чувствовалась меньше, но все-таки почти на каждомъ шагу. Вообще мы должны сказать, что г. Потѣхинъ постоянно придумываетъ умное содержаніе для своихъ произведеній, но постоянно имъ можетъ справиться съ задуманною мыслью. Весь недостатокъ его трехъ произведеній: повѣсти, романа и драмы, состоитъ въ томъ, что они напоминаютъ диссертации, написанныя на прекрасныя тѣмы. Поэтому нашъ совѣтъ г. Потѣхину: какъ можно больше обратить вниманіе на художественную сторону своихъ произведеній, если онъ хочетъ остаться въ небольшомъ числѣ нашихъ лучшихъ писателей. Вся оцѣнка литературнаго произведенія г. Потѣхина должна состоять собственно въ оцѣнкѣ мысли. А всѣ мысли его намъ очень нравятся, какъ уже мы нѣсколько разъ повторяли — и повторяли именно съ цѣлью. У насъ при оцѣнкѣ произведеній мало обращаютъ вниманія на эту сторону и слѣдовательно иногда не отдають достойной справедливости таланту, который всегда получаетъ выгодное освѣщеніе отъ хорошо-задуманной мысли. Иначе когда-нибудь критика впадетъ въ такое безразличіе въ своихъ отзывкахъ, что, наконецъ, сама не будетъ понимать, какія пружины двигаютъ его. Погрязнувъ въ подробностяхъ, она будетъ явнымъ литературнымъ баластомъ и выраженіемъ личнаго ощущенія.

Ветарину говаривали, что томительныя сомнѣнія писателя, преданнаго искусству, похожи на сомнѣнія влюбленнаго, когда онъ въ первый разъ рѣшается писать къ предмету своей страсти: то ему кажется, что онъ написалъ слишкомъ-много, то пропустилъ именно ту мысль, которая могла бы покорить ему предметъ его пламенныхъ желаній. Но такъ думали ветарину, когда писатели любили тщательно обрабатывать свои произведенія; наши молодые писатели любятъ наскоро работать. Г. Потѣхину, который такъ небрежно бросаетъ свои произведенія, мы укажемъ на маленькій рассказъ г. Тургенева *Муму* («Совр. № 3») какъ на образецъ прекрасной отдѣлки задуманной мысли. Сюжетъ рассказа, повидимому очень незначителенъ, но отчего жъ онъ производитъ такое сильное, потрясающее впечатлѣніе? Вотъ доказательство того, какъ важна обработка задуманной мысли. Никогда Зосима не заставитъ полюбить себя столько, сколько глухой дворникъ, любившій, казалось, одну свою собачонку «Муму». А между-тѣмъ, чего-чего не говоритъ Зосима: и о своей любви къ сестрѣ, и о чувствѣ долга, и о чувствѣ справедливости! Вдова, у которой живетъ Анна Павловна, обращается съ гувернанткой такъ, какъ никогда барыня не обращалась съ Герасимомъ; а между-тѣмъ Софья Павловна не возбудитъ въ насъ къ себѣ тѣхъ чувствъ, которыя порождаетъ барыня Герасима. Вотъ въ этомъ-то умѣнїи писать и состоитъ искусство и сила писателя. По ма-

творству, съ которыми написанъ рассказъ «Муму», мы можемъ, сравнить его съ «Лыбимъ» г. Писемскаго; по впечатлѣнію же, произведенному имъ, онъ равняется только съ нѣкоторыми изъ лучшихъ «Рассказовъ Охотника».

Главное дѣйствующее лицо въ рассказѣ «Муму», читатели узнаютъ изъ слѣдующаго небольшого отрывка, который мы позволимъ себѣ привести здѣсь. Въ немъ стоитъ полюбоваться умънемъ г. Тургенева описывать лица коротко и рельефно.

« . . . . Дворникъ Герасимъ, мужчина двѣнадцати вершковъ роста, сложенный богатыремъ и глухо-нѣмой отъ рождения. Барыня взяла его изъ деревни, гдѣ онъ жилъ одинъ, въ небольшой избушкѣ, отдѣльно отъ братьевъ и считался едва-ли не самымъ исправнымъ тягловымъ мужикомъ. Одаренный необычайной силой, онъ работалъ за четверыхъ—дѣло спорилось въ его рукахъ, и весело было смотреть на него, когда онъ либо пахалъ и, налегая огромными ладонями на соху, казался, одинъ, безъ помощи лошаденки, взрѣзывавъ упругую грудь земли; либо о Петровъ-день такъ сокрушительно дѣйствовалъ косой, что хоть бы молодой березовый лѣсокъ смахивать съ корневой долой; либо проворно и безостановочно молотить трехаршиннымъ нѣпломъ, и, какъ рычагъ, опускался и подпирался продолговатыя и твердыя мышцы его плечей. Постоянное безмолвіе придавало торжественную важность его неустойчивой работѣ: Славный онъ былъ мужикъ, и не будь его несчастье, всякая дѣвка охотно пошла бы за него замужъ. . . . Но вотъ Герасима привезли въ Москву, купили ему сапоги, сшили кафтанъ на лѣто, на зиму тулугу, дали ему въ руки метлу и лопату, и опредѣлили его дворникомъ.

Крѣпко не полюбилось ему сначала его новое житье: съ дѣтства привыкъ онъ къ полевымъ работамъ, къ деревенскому быту. Отчужденный несчастьемъ своимъ отъ общества людей, онъ выросъ кѣмой и могучій, какъ дерево растетъ на плодородной землѣ. . . . Переселенный въ городъ, онъ не понималъ, что съ нимъ такое дѣется, — скучалъ и недоумѣвалъ, какъ недоумѣваетъ молодой здоровый быкъ, котораго только-что взяли съ нивы, гдѣ сочная трава росла ему по брюхо, — взяли, поставили на вагонъ желѣзной дороги — и вотъ, обдавая его тучице тѣло то дымомъ съ искрами, то волнистымъ паромъ, мчатъ его теперь, мчатъ со стучкомъ и визгомъ, а куда мчатъ — Богъ вѣсть! Занятія Герасима по новой его должности казались ему шуткой послѣ тяжкихъ крестьянскихъ работъ: въ полчаса все у него было готово, и онъ опять то останавливался посреди двора и глядѣлъ, разинувъ ротъ, на всѣхъ проходящихъ, какъ бы желая отъ нихъ добиться разрѣшенія загадочнаго своего положенія, то вдругъ уходилъ куда-нибудь въ уголокъ и, далеко швырнувъ метлу и лопату, бросался на землю лицомъ и цѣлые часы лежалъ на груди неподвижно, какъ пойманный звѣрь. Но ко всему привыкаетъ человекъ, и Герасимъ привыкъ наконецъ къ городскому житью. Дѣла у него было немного; вся обязанность его состояла въ томъ, чтобы дворъ содержать въ чистотѣ, два раза въ день привезти бочку съ водой, натаскать и наколоть дровъ для кухни и дома, да чужихъ не пускать и по ночамъ караулить. И, надо сказать, усердно исполнялъ онъ свою обязанность:

на дворѣ у него никогда ни шенокъ не валялось, ни сору; застрѣлъ ли въ грязную пору гдѣ-нибудь съ бочкой отдавняя подѣ его начальство разбитая кляча-водовозка, онъ только двинетъ плечомъ — и не толка телѣгу, самое лошади спихнетъ съ мѣста; дрова ли примется онъ колотъ тоноръ такъ и звенить у него какъ стекло, и летять во всѣ стороны осколки и полѣвья; а что насчетъ чужихъ, такъ послѣ того, какъ онъ однажды ночью, поймавъ двухъ воровъ, стукнулъ ихъ другъ объ друга, лбами, да такъ стукнулъ, что хотъ въ полицію ихъ потомъ не веди, всѣ въ околоткѣ очень стали уважать его; даже днемъ проходившіе, все уже не мошенники, а просто незнакомые люди, при видѣ грознаго деревника, отмахивались и кричали на него, какъ-будто онъ могъ слышать ихъ крики. Со всей остальной челядью Герасимъ находился въ отношеніяхъ не то, чтобы пріятельскихъ — они его побаивались — а короткихъ, онъ считалъ ихъ за своихъ. Они съ нимъ объяснялись знаками, и онъ ихъ понималъ, въ точности исполнялъ всѣ приказанія, но права свои тоже зналъ, и уже никто не смѣлъ садиться на его мѣсто въ застолыгѣ. Вообще Герасимъ былъ нрава серьезнаго и строгаго, любилъ во всемъ порядокъ; даже вѣтухи при немъ не смѣли драться, — а то бѣда! увидитъ, тотчасъ схватитъ за ноги, повертитъ разъ десять въ воздухѣ колесою и броситъ врозь. На дворѣ у барыни водились тоже гуся; но гусь, извѣстно, птица важная и рассудительная; Герасимъ чувствовалъ къ нимъ уваженіе, ходилъ за ними и кормилъ ихъ; онъ самъ смахивалъ на степеннаго гусака. Ему отвели подѣ кухней каморку; онъ устроилъ ее самъ, по своему вкусу, соорудилъ въ ней кровать изъ дубовыхъ досокъ на четырехъ чурбакахъ, — истинно богатырскую кровать; сто пудовъ можно было положить на нее — не погнулась бы; подѣ кроватью находилась дюжій сундукъ: въ уголку стоялъ столикъ такого же крѣпкаго свойства, и возлѣ столика — стулъ на трехъ ножкахъ, да такой прочный и приземистый, что самъ Герасимъ бывало подниметъ его, уронитъ и ухмыльнется; каморка запералась на замокъ, напоминавшій своимъ видомъ калачъ, только черный, ключъ отъ этого замка Герасимъ всегда носилъ съ собой на пояскѣ. Онъ не любилъ, чтобы къ нему ходили.»

Башмачникъ Капитонъ такъ объясняетъ дворецкому нравъ глухаго дворника (дворнику нравилась прачка, которую хотѣли выдать за Капитона).

«— Да помилуйте, Гаврило Андреечъ! (дворецкій) вѣдь онъ лени убьетъ, ей Богу, убьетъ, какъ муху какую-нибудь прихлопнетъ; вѣдь у него рука, вѣдь вы извольте посмотрѣть, что у него за рука, вѣдь у него просто Минина и Пожарскаго рука. Вѣдь онъ, глухой, бьетъ и не слышитъ какъ бьетъ! Словно во снѣ кулачищами махаешь, и увягъ его вѣтъ никакой возможности: почему? потому, вы сами знаете, Гаврило Андреечъ онъ глухъ и, въ добаву, глупъ какъ пятка. Вѣдь это какой-то зѣбрь-идолъ, Гаврило Андреечъ... хуже идола... осина какая-то...»

Статья г А-ва *По поводу романовъ и разсказовъ изъ простонароднаго быта* («Соврем.» №№ 2 и 3) приводитъ насъ опять къ тому вопросу нашей литературы, о которомъ мы только-что говорили.

среди разных замѣтокъ о частностяхъ, г. Аненковъ дошелъ все-ки до того вопроса, который неизбежно представлялся и другимъ критикамъ. Онъ говоритъ :

« Ближайшее знакомство съ дѣломъ и развитіе творческихъ силъ вытѣняютъ мало—по—малу идиллію, замѣщая ея безплодную фантазію, летающую въ пространствѣ безъ возможности спуститься внизъ и остановиться на чемъ либо, той *поэтической идеализаціей*, которая не выдумываетъ *предметовъ*, а только обнаруживаетъ ихъ настоящей смыслъ, ихъ настоящее значеніе. Идеализація, *правильно понятая* и художественно выволакиваемая, овладеваетъ такимъ образомъ съ реализмомъ, потому—что тайный смыслъ, крытое значеніе вещей и составляютъ сущность ихъ; но она не имѣетъ ничего общаго съ псевдореализмомъ, который занимается одной вышней стороною предметовъ и мнуетъ все, что только не попадетъ прямо глазу».

Это совершенно справедливо; но вы говорите объ одной идеализаціи *предметовъ*, какъ вы выражаетесь. А развѣ не можетъ быть нѣкоторой идеализаціи въ самомъ построеніи драмы, повѣсти, романа? развѣ расположеніе частей, ихъ сцѣпленіе, завязка, развязка не готовятъ читателя къ такой мысли, которую вы должны будете назвать идеальной, хотя всѣ лица, дѣйствовавшія въ драмѣ, въ повѣсти, и вѣрны сами себѣ, художественны въ томъ отношеніи, какъ вы ихъ понимаете. Возьмемъ примѣръ изъ другой области: развѣ въ комедіяхъ г-на Островскаго (мы беремъ на этотъ разъ, комедію «Не въ свои сани не садись») большая часть лицъ не прекрасно обрисованы? и однакожъ г. Островскаго упрекаютъ въ томъ, что называется идеализаціей. Очевидно, что въ этомъ случаѣ все идеальное зависитъ не отъ лицъ, а отъ тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ авторъ поставилъ эти лица, въ результатъ ихъ борьбы, въ смыслъ ихъ дѣйствія. Перенесемъ въ тотъ бытъ, о которомъ вы говорите въ вашей статьѣ, и также для примѣра возьмемъ драму г. Потѣхина. Предположимъ, что лица, выведенныя авторомъ, обнаруживаютъ «тотъ смыслъ, то значеніе, которое въ нихъ выражается», какъ вы говорите (чего нѣтъ). Развѣ ужъ въ ходѣ драмы и ея результатѣ, бракъ Радугина съ Анною Ивановною, нѣтъ идеализаціи? Но въ этомъ—то и состоитъ нашъ вопросъ: до какой степени это идеальное направленіе въ самомъ построеніи пьесъ должно быть допускаемо? Неужели мы должны обходиться безъ него? Не будетъ ли это значить то же, что упреки писателямъ за мысль, за то, что въ нихъ произведеніи есть идея? И насколько можетъ идея дать «альшивое освѣщеніе» лицамъ?

Вы допускаете ту поэтическую идеализацію, которая не выдумываетъ предметовъ, а только *обнаруживаетъ ихъ настоящей смыслъ, ихъ настоящее значеніе*. Но, какъ трудно это сдѣлать, доказываютъ ваши же слова, что изучить бытъ народа до такой степени въ настоящее время невозможно. Такого изученія нѣтъ; а тогда какими же образомъ

мы будем требовать от писателей невозможного и на какомъ основаніи?

«Несмотря на силу средствъ, на богатую долю таланта и наблюденья, даже на обиліе мыслей, писатель не въ состояніи показать все необходимыя нравственныя стороны предмета, какъ обличался и какъ хвалился. (Не о каждомъ ли бытъ мы можемъ это сказать?) Прежде всего нѣбываетъ этому небольшое знаніе его, а потому противорѣчаща подробностей, которыми такъ обилѣетъ всякій характеръ изъ простаго быта. (По нашему мнѣнію, то же самое мы замѣчаемъ и въ высшемъ и въ низшемъ быту.) Превращеніе ихъ въ художественномъ образѣ, разумѣется, возможно, но представляетъ значительныя трудности, даже по обилію неразработанныхъ матеріаловъ. «Поэтическое прозрѣніе» тутъ ничего не можетъ сдѣлать, потому-что оно должно имѣть какую-нибудь ужь добытую частную кость, чтобъ построить весь остовъ невѣдомаго организма. Безъ этой существенной частицы и «поэтическое прозрѣніе» будетъ точно такая же литературная игра, какъ идиллія или другія уловки литературнаго ремесла.»

Справедливо; но намъ кажется, что критика, при такомъ положеніи и взглядѣ будетъ еще въ худшемъ положеніи, нежели писатели. Бытъ, положимъ, мало извѣстенъ; характеры, взятые изъ него, противорѣчивы. Писателю съ талантомъ поневолѣ остается «поэтическое прозрѣніе» какъ вы называете ту способность, которая творитъ... Что же остается критику? Чѣмъ онъ будетъ руководствоваться въ своихъ сужденіяхъ? Знаніемъ быта? но этого знанія нѣтъ. Критикъ безпрестанно при такомъ положеніи будетъ задавать себѣ вопросъ: возможно ли такое лицо, возможенъ ли такой характеръ? и не найдетъ никакого отвѣта, кромѣ *своего личнаго убѣжденія*. Однакожь мы не видимъ никогда и нигдѣ такой ожесточенной и суровой критики, какъ та, которая задумаетъ увѣрять, что она понимаетъ отношеніе художественнаго лица къ обществу, къ живымъ лицамъ. Она ко всему невремѣнно придерется и во всемъ найдетъ недостатки. Ее никогда не останавливаютъ ни умная мысль автора, ни его доброе намѣреніе. Напримѣръ: съ этой же точки мы можемъ, разбирая двѣ страницы, приведенныя изъ разсказа г. Тургенева, поднять шумъ изъ-за того, зачѣмъ онъ дворника Герасима заставить быть пугаломъ даже для постороннихъ людей?

«Даже днемъ проходившіе, вовсе ужь не мошенники, а просто безнужные люди, при видѣ грознаго дворника, отмахивались и кричали на него, какъ-будто онъ могъ слышать ихъ крики!»

Мы сейчасъ же можемъ объявить эту черту лишнею и неестественною, и начать изъ-за этого длинное разсужденіе, въ которомъ, можетъ-быть, даже выскажемъ нѣкоторое остроуміе. Краснорѣчивый разговоръ башмачника Капитона, можемъ также занедозрять въ натуральности, а погубель собаки «Муму» объявить трагическимъ эффектомъ. Но что изъ всего этого выйдетъ? Выйдетъ разсужденіе, въ родѣ философскаго

сертациі одного московскаго критика объ историческомъ значеніи: *качка Подколесина*. Мы несколько не ослабимъ этимъ прекраснаго произведенія г. Тургенева, а слова наши докажутъ только одно, что русская критика сама себя стѣснила тѣмъ, что она называетъ дѣйствительностью, и не можетъ уже позволить авторской фантазіи сдѣлать ни одного свободнаго шага. На чемъ же все это основано? на полудизаніи быта, на хвастливомъ изученіи дѣйствительности, какъ—будто предельтъ оэтическихъ созданій доказывается статистическими выводами!

Продолжаемъ дальнюю замѣтку г. А—ва :

« При такомъ состояніи дѣла, писателю остается выборъ изъ противорѣчащихъ подробностей, очертка ихъ и ужъ потомъ созданіе характера на основаніи кристалловъ, очутившихся въ ретортѣ послѣ этого процесса. Мы ужъ видали, что на подобную работу употребляются всѣ творческія силы писателей, и что она производится иногда съ искусствомъ, заслуживающимъ вниманіе и полную признательность нашу. Къ несчастію, ни одна черта въ родномъ обликѣ, знакомомъ по инстинкту и наглядкѣ каждому, не можетъ быть выпущена и не можетъ пропасть. Если она отстранена по какой—либо причинѣ, то тотчасъ же воскресаетъ у котораго нибудь читателей его, но ужъ въ видѣ возраженія, сомнѣнія, противорѣчія. Какъ ни мала, какъ ни ничтожна пренебреженная или опущенная черта, но въ рукахъ читателя она ужъ составляетъ орудіе весьма разрушительнаго свойства. Ею онъ подкапываетъ основаніе разсказа, отнимаетъ съ него краски, разлагаетъ его въ частяхъ и въ цѣломъ. Ни однимъ еще разсказъ, сколько намъ извѣстно, не сосредоточилъ на себѣ единообразнаго убѣжденія въ непогрѣзительности всѣхъ своихъ данныхъ и всѣхъ своихъ выводовъ, а напротивъ, каждый изъ нихъ порождалъ и порождаетъ столкновенія личныхъ и совершенно противоположныхъ мнѣній, взаимно исключавшихъ себя. Ясно, что какъ авторъ, такъ и чтенцы его имѣютъ различныя понятія о предметѣ, еще не сведенныя опытомъ, наукой, трудомъ, въ одно общее и полное представленіе его. *Есть ли возможность, при такомъ положеніи дѣла, окончательнаго и полнаго проявленія его въ искусство?*

Есть ли возможность — спросимъ отъ себя — при такомъ положеніи дѣла, окончательной, полной и строгой оцѣнки разнородныхъ характеровъ? Есть ли возможность критикѣ, прибавимъ, выйдти изъ хаоса толковъ о томъ, или другомъ характерѣ? Очевидно, что пока критика будетъ опираться на понятія о предметѣ, несведенныя опытомъ, наукой и трудомъ, она будетъ также недостаточна и противорѣчива, какъ взгляды писателей: а если критика будетъ дожидаться окончательныхъ выводовъ, то, можетъ—быть, ея никогда не будетъ. Пока критика будетъ дожидаться выводовъ изъ настоящаго быта, быть этотъ очень—естественно уйдетъ дальше, какъ всё живущее, а не мертвое, и тогда выводы критики останутся вновь неуприложимыми. Жизнь будетъ всегда впереди этихъ опытовъ и выводовъ изъ нихъ.

Вотъ такимъ образомъ, мы, критики, находимся опять въ весьма—

странномъ положеніи. Мы должны судить литературныя произведенія, и не знаемъ на какомъ основаніи судить. Сказанное г. А. о простонародномъ бытѣ, мы полагаемъ въ равной мѣрѣ относиться и ко какому другому быту. Какъ же мы будемъ давать отчетъ себѣ и другимъ въ той «идеализаціи, правильно понятой и художественно вы-полненной, которая не выдумываетъ предметовъ, а только обнаруживаетъ ихъ настоящій смыслъ, настоящее значеніе»?

Читатель повиняется теперь то затруднительное положеніе критики, на которое старались мы указать, и котораго она сама, по-больша-части, не хочетъ сознать. Она сѣло и рѣзко, изъ-за какой-нибудь сморщенной черты, готова осудить умнаго разказчика, благомыслиаго писателя, нисколько не обращая вниманія на мысль произведенія и не задавая даже себѣ вопроса: не лучше ли иногда допустить нѣкую идеализацію мысли даже преувеличенную, нежели ограничить все достоинство произведенія въ скопированіи предмета? Критика никогда не задаетъ себѣ серьезно вопроса: сама-то она откуда взяла свой прочный фундаментъ, и не настолько ли онъ ложенъ и непроченъ, что заставляетъ невольно шататься самого критика? Не должны ли она быть крайне-нисходительною къ произведеніямъ, въ которыхъ найдеть умную мысль, доброе намѣреніе? Не будетъ ли доказывать эта уступка—она собственнаго ума? Понятіе о такъ-называемомъ реализмѣ, о соответствіи идеи и формы, о томъ, что идея писателя должна жить художественно въ лицахъ и ихъ дѣйствіи, перенесено въ эстетику изъ философіи, и какъ абстрактъ, грозный и неприступный, принять всѣми критиками. Но разсмотрите ближе этотъ абстрактъ и вы найдете въ немъ много безпощаднаго, неестественнаго. Сколько мыслей, сколько чувствъ приносится ему въ жертву; сколько писателей терпятъ отъ критики за то, что они умны и голова ихъ хорошо работаетъ... но не по правиламъ художественной эстетики... Зачѣмъ же критики наши, которые такъ разнорѣчивы въ своихъ приговорахъ, не подумаютъ спросить одинъ у другаго о причинахъ этого разнорѣчія? Или они боятся открыть свою слабую сторону? Зачѣмъ же они такъ грозно-художественны тогда?

Но перейдемъ отъ серьезнаго къ забавному. Въ 3-мъ или 4-мъ № «Москвитянина» (не знаемъ какъ сказать, потому-что третій номеръ есть въ то же время и четвертый, въ обиду арифметикѣ) напечатана элегія—сатира—ода *Искусство и Правда*. Это стихотвореніе трикратно многозначительно. Оно — элегія, по поводу утраты для сцены актера Мочалова, восторганнаго московскую публику въ трагедіяхъ Шекспира; оно — сатира на игру Рашель и на Корнеля и Расина, и ода въ честь Любима Торцова.—Кто такой Любимъ Торцовъ? спросите вы. Современникъ Шекспира, соперникъ Корнеля, или какой-нибудь неизвѣстный первоклассный драматургъ? Нѣтъ, Любимъ Торцовъ есть одно изъ лицъ новой комедіи г. Островскаго: «Бѣдность — не порокъ». Стихотворе-

е это принадлежит г. А. Григорьеву, одному изъ сотрудниковъ «Москвитянина» и, не смотря на стихотворный размахъ, имѣетъ преимущественно критическій характеръ. Въ немъ преслѣдуются поклонники Рашеля, Корнеля и Расина:

Театра зала вновь полна,
 Партеръ и ложи блещутъ свѣтомъ,
 И рѣчь французская слышна
 Привыкшихъ шаркать по паркетамъ.
 Французскій и произносить
 Тутъ есть охотниковъ не мало:
 (Кому же обезьяной быть,
 Ума и сметки не ставало?)
 Но не одни *боктомы* тутъ:
 Видна мужей ученыхъ *стая* (!);
 Похвальной ревностью пылая,
 Они безмездно взяли трудъ,
 По всѣмъ эстетикамъ нѣмецкимъ
 Втолковывать героямъ свѣтскимъ,
 Что есть трагизмъ и то и сѣ,
 Корнель и *эдакое все...*

Но бросимъ шутки тонъ... Печально, несмѣшно —
 Что слишкомъ мало въ насъ достоинства, сознанья,
 Что на эффекты насъ поддѣть не мудрено,
 Что въ насъ не вывелся бичеванный давно,

Духъ рабскаго, слѣпаго подражанья!

Пускай она талантъ, пусть геній — дай Богъ ей!

Да намъ *не ко двору* пришло ея искусство...

Въ насъ слишкомъ дѣвственно, свѣжо и просто чувство,

Чтобы выкидывать *колына почудный...*

Евольно скажешь: «печально, не смѣшно», когда вспомнишь, что Григорьевъ — одинъ изъ критиковъ «Москвитянина». Мы не встрѣимъ еще ни одного человѣка, который бы въ состоянн былъ прочесть элегію безъ смѣха, и слѣдовательно о ней говорить нечего. Но какъ Григорьевъ не подумаетъ о томъ, что если и Корнель и Рашель *не ко двору намъ*, то, конечно, и Шекспиръ также не ко двору. Вы даете другое значеніе словамъ «не ко двору»? Вы возстааете въ нѣмецкихъ эстетикъ, а не они ли васъ заставляютъ въ одно же время восторгаться Гёте и Альфредомъ Мюссе, восторгаться нечно, какъ-будто Альфредъ Мюссе, Гёте, Шекспиръ, Любимъ овъ и «Три Письма», напечатанныя въ прошломъ году въ «Библиодля Чтенія», одно и то же? Для насъ интересно было бы знать: смѣхъ должно основываться такое критическое сужденіе? Печально для насъ тѣмъ, что, заславивая какое-нибудь произведеніе, вы дѣлаете смѣшнымъ въ глазахъ читателя то, что читатель долженъ былъ бы

уважать. Что будет теперь съ Любимомъ Торцовымъ, котораго одного вы пустили къ вамъ *ко двору*, въ сопровожденіи г. Садовскаго?

Любимъ Торцовъ душѣ такъ прямо кажется путь!

Мы не понимаемъ, какъ «Москвитянинъ» даетъ мѣсто на своихъ страницахъ такимъ стихамъ, которые ничего, кромѣ вреда, не могутъ принести таланту г. Островскаго, искренно-уважаемому публикою. О, критика!

Мы ничего не говорили до-сихъ-поръ о «Библиотекѣ для Чтенія» за первые три мѣсяца; но въ этомъ не мы виноваты. Въ нихъ идетъ одинъ и тотъ же романъ г. Кукольника: *Тонни*, или *Ревель при Петрѣ Великомъ*; но какъ романъ этотъ до-сихъ-поръ не конченъ, то мы умалчиваемъ о немъ. Затѣмъ перепечатавъ въ отдѣлѣ Словесности *Рассказъ Ресми-Эфендія о семилѣтней войнѣ Турціи съ Россіей*, г. Сенковскаго; но какъ это перепечатка стараго и напечатаннаго притомъ въ «Библиотекѣ же для Чтенія», то мы также не находимъ нужнымъ говорить о немъ. Затѣмъ помѣщено (*первая статья*) *Путешествіе сибирскаго казака въ Китай*. Отдѣлъ же Наукъ и Художествъ состоитъ изъ утомительной статьи г. Боде: *Письма о Персіи* (№ 1) и переводныхъ статей Марье, подъ названіемъ: *Изъ Пармжа въ Черногорье* (статья первая и вторая), грозящей таяться годъ или два, изъ такой же переводной статьи: *Томсонъ и Араго*, наполненной общезвѣстными фактами и преувеличенными похвалами высочайшему труду Томсона и *Восточнанинъ о ловлѣ зѣбрѣй въ Сибири*, г. Черепанова.

О послѣдней скажемъ нѣсколько словъ. Статья занимательна и любопытна. Охота на зѣбрю, и еще болѣе, охота на медвѣдя! чье любопытство не разыграется при этихъ словахъ! Статья расположила насъ еще болѣе въ пользу автора слѣдующими словами предисловія. Г. Черепановъ говоритъ, что въ послѣднее время встрѣчается въ журналахъ много рассказовъ охотниковъ, особенно американскихъ; но ему кажется, что они часто жертвуютъ истинною — эффектною, а потому онъ рѣшился приводить только тѣ случаи, которые или дѣйствительно съ нимъ были, или слышаны имъ нѣсколько разъ отъ вѣрныхъ людей. Это насъ очень обрадовало, и мы прочли статью съ удовольствіемъ, хотя полагаемъ, что многое слышалъ авторъ не отъ вѣрныхъ людей. Насъ непріятно поразила встрѣча съ анекдотомъ, извѣстнымъ во всей Россіи, о медвѣдѣ, который на тройкѣ, съ столбомъ въ лапахъ (или съ чѣмъ-то въ этомъ родѣ) въѣхалъ въ деревню; встрѣча съ анекдотомъ о медвѣдѣ, занозившемъ лапу, напомнила намъ другой подобный же анекдотъ о *львѣ*, который просилъ вытащить занозу. Показались намъ странныя нѣкоторые догадки о томъ, что «никому не извѣстно ничего о смерти зѣбрѣй», потому—что мертвыхъ зѣбрѣй никогда никто не находилъ; а страницы двѣ далѣе, въ томъ же рассказѣ, говорится о медвѣдахъ, найденныхъ мертвыми...

е это мы говорим не въ укоръ г. Черепанову, потому-что статья о интересна, и многіе, вѣроятно, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ продолженія; но пусть авторъ остерегается тѣхъ преувеличенныхъ разсказовъ, за которые онъ не любитъ американскихъ охотниковъ. Край, описываемый Черепановымъ, такъ интересенъ; нравы звѣролововъ такъ любопытны; сами звѣри такъ занимательны, что статья г. Черепанова непременно будетъ прочитана всѣми съ удовольствіемъ. Пусть только онъ обратитъ вниманіе на мѣстность, на край, на нравы звѣролововъ и звѣрей, и пусть поучится разсказывать... хоть, напримѣръ, у г. Аксакова, котораго классическое сочиненіе «Записки ружейнаго Охотника» должно быть настольною книгою всякаго охотника-литератора. Чтò за мастерство описаній, чтò за любовь къ описываемому, и какое знаніе жизни птицъ! Г. Аксаковъ обезсмертилъ ихъ своими разсказами, и очевидно, ни одна западная литература не похвалится чѣмъ-либо подобнымъ «Запискамъ Ружейнаго Охотника». Пусть же г. Черепановъ поучится искусству и вмѣстѣ простотѣ разсказа у г. Аксакова, а мы пока скажемъ ему на одну страничку изъ напечатаннаго въ 1—2-мъ №№ «Москвитяина» разсказа: *Охота съ ястребомъ за перепелами*. Разсказъ этотъ принадлежитъ также г. Аксакову. Не такъ интересенъ онъ, какъ прежніе, потому-что теперь охота съ ястребомъ мало кого интересуетъ. Но обратите вниманіе на любовь, съ которою г. Аксаковъ говоритъ о воспитаніи и характерѣ ястребовъ, ихъ понятливости и отличительныхъ свойствахъ. Каждая строка доказываетъ, что г. Аксаковъ знаетъ свое дѣло и не прибавляетъ ни одного слова больше того, чтò знаетъ. Но съ тѣмъ видѣтъ г. Аксаковъ желаетъ такъ разсказывать, чтобъ даже не охотникъ почувствовалъ предѣсть его разсказа. Вотъ, для образца, простая картинка того, чтò дѣлается съ мелкими птицами, когда онѣ почуютъ прилѣтъ ястреба. — Мы были бы въ восторгѣ, если бы и въ повѣсти встрѣтили подобную страницу:

«Я уже сказалъ, что ястреба гусятники большая рѣдкость, такъ что немногимъ охотникамъ удавалось видѣть ихъ на волѣ; утятники попадаютъ чаще, а перепелятниковъ деревенскіе жители видятъ по... вѣсколькы разъ въ день, или по-крайней-мѣрѣ замѣчаютъ эффектъ, производимый появленіемъ или присутствіемъ ястреба перепелятника, котораго часто глазами и не увидишь. Эффектъ состоитъ въ томъ, что вся дворовая, или около дворовъ живущая птица закричитъ всполошнымъ крикомъ и бросится или прятаться, или преслѣдовать воздушнаго тирана: куры поднимутъ кудахтанья, цыплята съ жалобнымъ пискомъ побѣгутъ скрыться подъ распущенныя крылья матерей-наседокъ, воробьи зачирикаютъ особеннымъ образомъ, и какъ безумные понрачутся куда ни попало, — и я часто видѣлъ, какъ дерево, задрожавъ и зашумѣвъ листьями, будто отъ внезапнаго крупнаго дождя, мгновенно прятало въ свои вѣтви цѣлую стаю воробьевъ; съ тревожнымъ, пронзительнымъ крикомъ, а не щебетаньемъ, начнутъ черкать ласточки по соколиному, налетая на какое нибудь одно мѣсто; защечочутъ сороки, закаркаютъ вороны и потянутся въ ту же

сторону, — однимъ словомъ : поднимется общая тревога; и это навѣрное значитъ, что пробѣжалъ ястребъ и спрятался куда-нибудь подъ пологомъ, въ овинѣ, или сѣлъ въ чащу зеленыхъ вѣтвей ближайшаго дерева. Иногда такъ и не увидишь ястреба. Онъ переждетъ тревогу, весьма ему невыгодную, потому что она предупреждаетъ о немъ тѣхъ птицъ, которымъ могли бы сдѣлаться его добычей; да вѣроятно надоедаетъ и пугаетъ его весь этотъ пискъ, крикъ, шумъ и преслѣдованье, — переждетъ и улетитъ! Но я всегда любилъ такіа явленія общей суматохи, всегда стерегъ вылетъ ястреба изъ его убѣжища, и часто выдалъ, какъ онъ, то быстро махая крыльями, то тихо плывя, промелькнетъ и скроется въ кустахъ уремы или въ ближайшемъ лѣсу.»

Что можетъ-быть живописнѣе этого описанія! А глухие тетерева, утки, дупеля, вальдшнепы, гершинеи и имъ подобные, и не подозреваютъ, что судьба надѣлила ихъ такимъ историкомъ, какъ г. Аксаковъ; не подозреваютъ, что въ описаніяхъ г. Аксакова они лучше, красивѣе и вкуснѣе, нежели на-самомъ-дѣлѣ. Какой-нибудь дремлющій ястребъ, способный напугать однихъ воробьевъ, доставляетъ намъ столько удовольствій, и все-таки потому, что его описываетъ г. Аксаковъ. Что жъ еслибъ г. Черепановъ обратилъ вниманіе на важность поэтическаго разсказа, на умѣнье передавать явленія природы, когда онъ будетъ повѣствовать о кабанахъ, волкахъ, оленяхъ и другихъ крупныхъ животныхъ! Г. Аксаковъ художникъ и охотникъ вмѣстѣ; вотъ отчего такъ хороши его разсказы.

Въ критикѣ «Библиотеки для Чтенія» г. Сенковскій (№№ 2 и 3) трактуетъ въ двухъ статьяхъ о санскритскомъ языкѣ. Въ нихъ осмѣиваетъ онъ «неосновательность» нынѣшней филологіи (нападая на нее иногда справедливо, а большею-частью несправедливо) и построиваетъ свою особенную систему филологіи и древнѣйшей исторіи. Чтобы дать понятіе объ истинахъ, представляемыхъ г. Сенковскимъ въ замѣту неосновательныхъ мнѣній, господствующихъ (по мнѣнію только г. Сенковского, а не на самомъ дѣлѣ) между нынѣшними учеными «скажемъ только, что, по его изслѣдованіямъ, оказывается, будто бы Илиада не поэтическій разсказъ объ осадѣ города Трои, а мивологическая поэма о борьбѣ самороднаго (?) «человѣка» (Алилеса) съ «душою міра» (?), «эпиромъ» (Агамемнономъ). Выводы эти основаны на произвольномъ истолкованіи собственныхъ именъ и еще болѣе произвольномъ сблизеніи словъ и фактовъ, неимѣющихъ между собою ничего общаго. Достоверность ихъ совершенно равняется достоверности объясненія «старосвѣтскихъ помѣщиковъ», на которое навело насъ чтеніе статей г. Сенковского: «Аванасій» погречески значитъ «безсмертный», «Пульхерія» — полатинѣ значитъ «красавица»; изъ этого слѣдуетъ, что Гоголь въ «Старосвѣтскихъ Помѣщикахъ» разсказываетъ вовсе не житье-бытье добрыхъ старичковъ Аванасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, а мнѣ о неразрывномъ союзѣ красоты и безсмертія. «Троя» по истолкова-

ию г. Сенковского, значить «тройка» прибавимъ, что, по всей вѣроятности, стояла она на рѣкѣ Эриданѣ, то-есть Рудванѣ, потому-что очевидно, гдѣ есть «тройка»; тамъ долженъ быть и экипажъ. Есть у насъ еще идея, чрезвычайно-блестящая и вѣрная: фраза, «Парижъ стоитъ на Сенѣ» ложно понимается нынѣшними непролицательными учеными; «Парижъ» просто значить «барышъ» «Сена» очевидно значить «сѣно»; поэтому «Парижъ стоитъ на Сенѣ» вовсе не географическій фактъ, а изреченіе житейской мудрости, значащее: «барышъ, стоитъ на сѣнѣ» попросту сказать: «торговля сѣномъ выгодна, доставляетъ барышъ». Кто читалъ статьи г. Сенковского, тотъ согласится, что наши мнѣнія далеко не такъ смѣлы, какъ его. Но предметъ такъ завлекателенъ, что мы позволяемъ себѣ привести очень-остроумную насмѣшку одного французскаго писателя прошедшаго вѣка надъ подобными изслѣдованіями современныхъ ему ученыхъ. «Вотъ какимъ образомъ доказывается (говорить онъ), что китайцы произошли отъ египтянъ: одинъ древній писатель говоритъ, что египтянинъ Сезострисъ доходилъ до Ганга; а если онъ ходилъ на Гангъ, то могъ идти туда черезъ Китай, хоть «это совершенно не по дорогѣ; итакъ онъ ходилъ въ Китай; итакъ Китай-тогда не былъ еще населенъ; итакъ ясно, что населилъ его Сезострисъ». Египтяне на своихъ праздникахъ зажигали свѣчи; у китайцевъ есть фонари; итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что китайцы колонія египтянъ. Кромѣ-того: у египтянъ есть большая рѣка; и у китайцевъ тоже. Наконецъ очевидно, что первые цари китайскіе носили имена древнихъ царей египетскихъ; потому-что въ имени династіи Ю можно найти черты, которыя, если написать ихъ другимъ манеромъ, образуютъ слово Менесъ. Итакъ неоспоримо, что китайскій богдыханъ Ю получилъ свое имя отъ египетскаго царя Менеса; а богдыханъ Ки очевидно царь Атосъ черезъ измѣненіе *k* въ *a*, а *и* въ *Toosъ*». Это кажется написаннымъ рѣшительно о статьяхъ г. Сенковского. Какъ легко придумываются блестящія несообразности, какъ легко подкрѣпляются онѣ произвольнымъ толкованіемъ фактовъ и собственныхъ именъ, извѣстно каждому; и прискорбно видѣть, когда люди, съ запасомъ свѣдѣній и дарованій тратятъ время на ихъ изобрѣтеніе и доказываніе. Г. Сенковский хочетъ, кажется, идти въ-уровень съ вѣкомъ, но идетъ какимъ-то страннымъ, санскритскимъ путемъ. Его не интересуетъ то, что дѣлается теперь въ ученomъ мѣрѣ, ему даже кажется новымъ, что дѣлалось за тысячу лѣтъ; онъ всегда выбираетъ эпохи до-историческія. Немного-странно рядомъ съ такими критиками видѣть рецензію на сочиненія г. Писемскаго, написанную видимо челоѣкомъ, вникающимъ въ ходъ нынѣшней нашей русской литературы и сочувствующимъ ей. Но такіа статьи рѣдки въ «Библиотекѣ».

О прекрасныхъ стихотвореніяхъ г. Тютчева («Современникъ») мы не говоримъ теперь, потому-что намѣрены посвятить имъ отдѣльную статью; окончания же «Опыта Біографіи Николая Васильевича Гоголя»

ждемъ съ нетерпѣніемъ, потому—что статьи эти открываютъ намъ много новаго и любопытнаго. Хотя въ «Биографіи» преимущественно говорится о жизни Гоголя, но статьи эти, намъ кажется, особенно—важны тѣмъ, что бросаютъ много новаго свѣта на самыя сочиненія Гоголя.

Три статьи инокороднаго подписчика о *Лекціяхъ Тэккерера* крайне интересны. Мы даже жалѣемъ, что лекціи эти сокращены, а не переведены вполнѣ. Мастерство Тэккерера представлять критическіе разборы въ живыхъ образахъ, такихъ же осязательныхъ, какъ и лица его романовъ, дѣйствительно заслуживаетъ вниманія. Тэккереръ не забываетъ о томъ кропотливомъ и безконечномъ перечисленіи статей и книгъ писателя, которое господствуетъ между многими историческими критиками; онъ схватываетъ живое лицо писателя, его главныя мнѣнія, его характеръ, его общественное поведеніе. Поэтому, хотя иногда онъ говоритъ о писателѣ немного, но скажетъ больше, нежели иной въ целомъ десяткѣ статей. Онъ схватываетъ жизнь, главныя черты и характеръ писателя, и въ характерѣ его произведеній.

Въ «Москвитянѣ», въ числѣ историческихъ матеріаловъ, напечатана *Инструкція о управленіи дому и деревень*, составленная Волынскимъ, кабинет—министромъ императрицы Анны Іоанновны. Въ инструкціи этой есть интересные пункты, не по отношенію къ одному сельскому хозяйству. Напримѣръ, кто прочелъ VI-й пунктъ этой инструкціи, тотъ невольно задастъ себѣ вопросъ: не-уже-ли такъ мало было безопасности въ то время въ деревняхъ, что Волынскій приказалъ каждому десяткаго вооружать пищадью, а каждого мужика отъ 15-ти лѣтнихъ до самыхъ престарѣлыхъ, копьемъ? Чѣмъ значить пунктъ IV, которымъ запрещено крестьянамъ безъ дозволенія десятскихъ отлучаться изъ деревни? Пунктъ II-й касается прямо религіознаго образованія крестьянъ, и по времени, въ которое онъ написанъ, дѣлаетъ величайшую честь Волынскому, какъ человѣку истинно—просвѣщенному. Но неменѣе «Инструкціи» интересенъ постскриптумъ г. Погодина, гдѣ онъ объясняетъ, какъ ему удалось открыть имя автора этой инструкціи. Постскриптумъ излагаетъ въ лицахъ и съ разными дополненіями, исключительно принадлежащими г. Погодину. Въ немъ онъ многократно похвалилъ гг. Бѣляева (1), Купріянова (2) и Иванова (3), ввелъ въ число дѣйствующихъ лицъ г. Потѣхина и завершилъ все слѣдующими словами:

«Итакъ вотъ онъ, вотъ сочинитель Инструкціи, Артемій Ивановичъ Волынскій; одинъ изъ сотрудниковъ императора Петра Великаго, кабы

(1) «Исслѣдователя, знакомаго коротко съ архивами».

(2) «Благонадѣжнаго труженика для русской исторіи».

(3) «Дѣятельнаго начальника сенатскихъ архивовъ» — какъ хотѣтъ разнообразить г. Погодинъ похвалы своимъ сотрудникамъ!

еть—министръ императрицы Анны Ивановны, погибшій вследствие проше-
овъ Бирона.

«Волынскаго, какъ Посошкова, можно считать представителемъ петров-
каго времени, безъ иностраннаго вліянія, но все таки изъ новой
тмосферы, а (?) Татищевъ, Василій Никитичъ, познакомился кромѣ того,
съ иностраннымъ образованіемъ, но не подчинился ему вполне, какъ
о случалось и случается съ разными посредственностями. Я имѣю те-
перь съ *рукавъ* важное его сочиненіе, доселѣ неизвѣстное, полученное
иною отъ одного просвѣщеннаго любителя русской старины. Въ этомъ
очиненіи видѣнъ весь его образъ мыслей, но я не знаю, буду ли я
огда—нибудя имѣть возможность его издать.»

Вотъ мы очень просили бы г. Погодина познакомить насъ съ этимъ
новь—открытымъ трудомъ Татищева, потому—что напередъ увѣрены въ
высокой важности того сочиненія, «въ которомъ видѣнъ весь образъ
мыслей Татищева». Это будетъ истинный подарокъ для русской лите-
ратуры.

Въ 5 номерѣ «Москвитянина» помѣщена очень—дѣльная статья г.
Лешкова «О народномъ продовольствіи въ древней Россіи». Г.
Лешковъ точнѣе обозначилъ бы содержаніе своего труда, если бъ на-
звалъ его: «Цѣны на хлѣбъ въ Россіи до XVII вѣка въ голодные и
урожайные годы, и причины, производившія голодъ»: Обо всемъ осталь-
номъ (мѣрахъ противъ голода, законахъ относительно торговли хлѣбомъ
и т. д.) у него говорится не такъ обстоятельно, какъ о предметахъ,
нами обозначенныхъ въ этомъ заглавіи. Почти единственнымъ пособіемъ
для приблизительнаго опредѣленія обыкновенныхъ цѣнъ на хлѣбъ въ
древней Руси служатъ показанія лѣтописей о томъ, до какихъ цѣнъ
возвышался хлѣбъ во время голода и большой дороговизны. Потому—то
г. Лешковъ и обращаетъ болѣе вниманія на эти указанія. Въ лѣтопи-
сяхъ есть нѣсколько указаній и необыкновенно—низкихъ цѣнъ на хлѣбъ
въ очень—урожайные годы; они даютъ еще болѣе возможности опредѣ-
лять, посредствомъ сличенія ихъ съ высокими цѣнами, обыкновенныя
цѣны. Но и тѣ и другія указанія встрѣчаются почти исключительно
только въ новгородскихъ лѣтописяхъ. Потому г. Лешковъ и занимается
преимущественно цѣнами на хлѣбъ въ Новгородѣ. Слѣдуя методъ исто-
рическихъ разысканій г. Погодина, онъ прежде всего выписываетъ въ
сокращенія, а гдѣ нужно, и вполне, мѣста изъ лѣтописей; потомъ
сличаетъ ихъ, составляетъ таблицы и уже послѣ всего этого пред-
ставляетъ свои заключенія, избѣгая такимъ образомъ, по возможности,
смѣшенія фактовъ съ выводами и предлагая читателю полную возмож-
ность легко провѣрять основательность своихъ заключеній. Вотъ глав-
нѣйшія изъ выводовъ: до начала XV вѣка (до введенія рублевой или
денежной монетной системы вмѣсто древней гривенной) сильно «доро-
жаетъ» въ Новгородѣ хлѣбъ тогда, когда цѣна ржи доходитъ до 3 (въ
1228 году) и особенно до 4 гривенъ кунъ за *кадь* (=4 четвертяи

нынешнимъ); полагая $7\frac{1}{2}$ гривенъ кунъ = 1 гривнѣ серебра, изъ которой былъ полфунта, а цѣнность (по вѣсу металла) почти 10 р. с. нынѣшнихъ, мы получимъ въ этихъ случаяхъ цѣну кади (приблизительно) 4 р. сер. и 5 р. 33 коп., а цѣну четверти 1 р. и 1 р. 33 к. Но должно помнить, что цѣнность серебра была въ то время несравненно-выше, нежели теперь; по мнѣнію г. Лешкова, фунтъ серебра тогда имѣлъ цѣнность, какую имѣютъ нынѣ 10 фунтовъ; потому кадибно тогдашнія цѣны возвышать въ десять разъ при сравненіи съ нынѣшними; и цѣнность четверти ржи въ дорогое время доходила во время въ Новгородѣ до 10 р. и 13 р. 30 к. на наши деньги. Недорогими цѣнами въ Новгородѣ до XV вѣка надобно предполагать 1 гривну или $1\frac{1}{2}$ гривны за кади, около 3 или 4 р. сер. за четверть на наши деньги. Во время страшныхъ голодовъ цѣны доходили до 8 гривенъ и кади, или до 25 руб. сер. (по переложенію г. Лешкова) за четверть по нынѣшней цѣнѣ денегъ. Намъ кажется, что изслѣдованіе о цѣнахъ до XV вѣка, у г. Лешкова прочтѣе изслѣдованій о цѣнахъ XV и XVI вѣковъ, когда начали считать вмѣсто гривенъ и кадей «деньгами» и «зобницами»; потому и ограничимъ этимъ первымъ періодомъ нашъ обзоръ его статьи. Отношеніе тогдашней цѣнности серебра къ нынѣшней (въ 10 разъ выше нынѣшней) принято г. Лешковымъ, какъ онъ самъ говоритъ, наугадъ, потому что оно еще неопредѣлено точно, по скудости данныхъ. Не ставимъ въ упрекъ г. Лешкову того, что, для точнѣйшаго опредѣленія этого пункта, не вошелъ онъ въ подробнѣйшее разсмотрѣніе всѣхъ извѣстій о цѣнахъ различныхъ предметовъ въ древней Руси — по обширности своей это изслѣдованіе должно быть предметомъ особенной статьи, хотя безъ него всѣ переводы тогдашнихъ цѣнъ на нынѣшнія будутъ шатки. Но мы должны сказать, что цифра 10, принятая г. Лешковымъ, слишкомъ-велика; это мы выводимъ изъ обозначенія цѣнъ скота въ Русской Правдѣ:

кобыла 3 гривны = 4 р. $\times$ 10 = 40 р. сер.
 годовалой жеребенокъ 6 ногать = 40 к. $\times$ 10 = 4 р. с.
 коза 6 ногать = 40 к. $\times$ 10 = 4 р. сер.
 овца 6 ногать = 40 к. $\times$ 10 = 4 р. сер.
 свинья = полугривна = 65 к. $\times$ 10 = 6 р. 50 к.

Ясно, что, помножая на 10, мы получаемъ слишкомъ-высокія цѣны, какъ и г. Лешковъ получаетъ такимъ же образомъ слишкомъ-высокую цѣну хлѣба въ Новгородѣ въ обыкновенные годы (3 р. сер. за четверть); намъ кажется гораздо правдоподобнѣе полагать, что цѣнность серебра въ древней Руси была не въ 10, а развѣ въ 5 или 6, много въ 7 разъ выше нынѣшней; принимая цифру 6, мы получимъ:

Четверть ржи 1 р. 80 к.; кобыла 24 р. сер. (все еще слишкомъ-высокія цѣны); годовалый жеребенокъ 2 р. 40 к., коза или овца 2 р. 40 к.; свинья 3 р. 90 к. сер.

Мы даже готовы были бы множить только на 4, и тогда мы получили бы:

Четверть ржи 1 р. 20 к., кобыла 16 р., жеребенокъ, овца или за 1 р. 60 к., свинья 2 р. 60 к. — цѣны, гораздо-вѣроятнѣйшія.

Мы нисколько не споримъ за вѣрность своего счета: для вѣрности го надобно изслѣдовать предметъ гораздо глубже; мы только хотимъ казать, что г. Лешковъ полагаетъ слишкомъ-высокія цѣны на хлѣбъ, принимая цифру 10 за отношеніе цѣнности серебра въ XII—XV вѣкахъ къ нынѣшней; мы только хотимъ показать необходимость точнѣйшаго изслѣдованія цѣнности серебра въ древней Руси.

Матеріалы для своей статьи собралъ г. Лешковъ по указаніямъ въ *Исторіи* Карамзина, и нѣтъ сомнѣнія, что его статья имѣла бы еще ольшее достоинство, еслибъ онъ воспользовался новѣйшими трудами; но, повторяемъ, и въ настоящемъ видѣ она стоила ему многихъ трудовъ, представляетъ много прекрасныхъ соображеній и еще больше полуобразованныхъ матеріаловъ для будущаго изслѣдователя.

Въ 1 — 4 нумерахъ «Москвитянина» должно замѣтить (къ-сожалѣнію, съ весьма-невыгодной стороны) двѣ статьи г. К. «*Саллюстій, римскій историкъ*» — или, собственно говоря, только первую статью, потому-что внимательное чтеніе первой отняло у насъ рѣшимость читать вторую. Неизвѣстный авторъ, очень-смѣло защищающій свои мнѣнія, очевидно не усвоилъ себѣ способности понимать Римъ и римлянъ саллюстievскаго времени, и представляетъ себѣ римскіе нравы и понятія послѣднихъ временъ республики похожими на наши нынѣшніе; г. К. представляетъ себѣ, что Саллюстій, очевидно несовершенно-потерявшій уваженіе къ добродѣтели, не могъ дѣлать вещей, на которыя нынѣ рѣшится только погибшій нравственно человекъ; потому онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобъ выставить его даже вѣрнымъ женѣ мужемъ (!!!); не говоримъ уже о томъ, что дружба съ Клодіемъ кажется г. К. преступленіемъ, отъ котораго также необходимо очистить Саллюстія (Лукуллѣ, который гораздо больше Саллюстія уважалъ свое достоинство, угодничалъ людямъ, гораздо-презрѣннѣйшимъ, нежели Клодій). Все это было бы еще извинительно, оставаясь совершенно-невѣрнымъ, еслибъ г. К. не позволялъ себѣ выходокъ противу всѣхъ ученыхъ, имѣвшихъ несчастье понимать римскую жизнь и римскую исторію вѣрнѣе, нежели онъ ихъ самъ понимаетъ. Если бы мы рѣшились подражать г. К. въ рѣзкости отзывовъ, то должны были бы сказать, что его статьи оказываютъ плохую услугу журналу, въ которомъ напечатаны...

О статьяхъ г. Терещенко *Хошоутскій улусъ* (Москвит. № 4 и 2) и «Астрахань» (№ 3 и 4) мы не будемъ ничего говорить. Для насъ удивительно только, какимъ образомъ г. Терещенко умѣетъ вездѣ выставить знаніе приличій. Мы думаемъ, что «Москвитянинъ» долженъ

былъ бы печатать его статьи не въ отдѣлѣ «Внутреннихъ вѣстий», а въ отдѣлѣ «Модь».

Затѣмъ о другихъ статьяхъ «Москвитинина»: о стихотвореніи князя Вяземскаго *Масляница*, мы говорить не станемъ, потому, что оно еще въ прошедшемъ году было напечатано въ «Отечественныхъ Запискахъ», а о переводѣ *Макбета*, г. Лихонинымъ потому, что переводъ этотъ, хотя и дѣйствительно одинъ изъ вѣрнѣйшихъ, стоявшихъ, конечно, много труда переводчику, рѣшительно лишенъ поэзіи.

V.

АЛХИМІЯ ВЪ ХІХ СТОЛѢТІИ.

временные искатели философскаго камня. — Записка португальскаго алхимика. — Три свойства философскаго камня. — Всемирная панацея и *spiritus mundi*. — Четыре элемента и четыре основныя тѣла органической химіи. — Иестдесять простыхъ тѣлъ. — Сѣра и ртуть древнихъ алхимиковъ. — Изомерія влѣ. — Миѣліе Дюма объ изомеріи металловъ. — Химическіе эквиваленты. — Ферментация органическихъ тѣлъ и металловъ. — Основаніе теоріи превращенія сталловъ. — Понятія алхимиковъ въ среднихъ вѣкахъ. — Вліяніе планетъ на сталлы. — Услуги алхимиковъ. — Необъяснимыя свойства нѣкоторыхъ тѣлъ и явленій. — Опроверженіе теоріи алхимиковъ.

Древнія вѣрованія въ философскій камень и въ превращенія металловъ вовсе не исчезли еще, несмотря на успѣхи нынѣшней химіи. Вопреки убѣжденіямъ и противорѣчающимъ фактамъ современной науки, вопреки печальнымъ и многочисленнымъ разочарованіямъ въ теченіе десяти вѣковъ, алхимики существуютъ и теперь. Въ нѣсколькихъ уголкахъ Европы все еще отыскиваютъ философскій камень, а нынѣшніе адепты доказываютъ свое ученіе основными правилами новѣйшей химіи. Въ мечтательной Германіи болѣе всего сохранились эти упрямые искатели золота.

Въ 1790 году основано было въ Вестфалии обширное общество алхимиковъ, существовавшее до 1819 подъ названіемъ: *Герметическаго общества*. Въ 1837 году одинъ тюрингенскій алхимикъ представилъ веймарскому промышленному обществу тинктуру для превращенія металловъ. Въ то же время во французскихъ газетахъ возвѣщено было о публичномъ чтеніи курса *герметической философіи* однимъ профессоромъ въ Мюнхенѣ; наконецъ, даже теперь есть въ Ганноверѣ и въ Баваріи множество ученыхъ, которые общими силами добиваются отысканія философскаго камня.

Во многихъ городахъ Италіи и почти во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ Франціи, тоже есть алхимики. По временамъ являются въ библиографіи книги о мнимыхъ тайнахъ этой науки, писанныя всегдашнимъ темнымъ языкомъ со всѣми символами средневѣковыхъ традицій. Разумѣется, ихъ никто не читаетъ, кромѣ немногихъ ослѣпленныхъ, которые вѣрятъ еще этой наукѣ.

Въ Парижѣ, гдѣ сосредоточиваются всѣ шарлатанства, былъ недавно открытый полемическій споръ объ алхіміи. Одинъ ум-

ный и ученый человекъ, узнавъ о существованіи нѣкоторыхъ алхимиковъ, хотѣлъ изъ любопытства, съ ними сблизиться и поспросить что они придумали новаго для достиженія своей цѣли. Ему указан на одно изъ главныхъ adeptовъ, познакомили съ нимъ и тот со всевозможнымъ простодушіемъ признался, что они все еще продолжаютъ изысканія среднихъ вѣковъ. Нѣсколько вечеровъ посетилъ ученый на предварительный разговоръ съ алхимикомъ: и чтобъ вывѣдать всѣ ихъ тайны, соглашался даже во многомъ; но вскорѣ увидѣлъ, что всѣ хитрости его напрасны. Adeptъ нисколько не скрывалъ своихъ секретовъ, и зная, что имѣеть дѣло съ ученымъ, котораго ему очень бы хотѣлось убѣдить, самъ вызвался прислать ему *записку* съ изложеніемъ всей теоріи новѣйшей алхиміи.

Вотъ содержаніе этой записки:

«Повѣрьте, что мнѣ пріятно развить предъ вами всѣ доказательства, на которыхъ основаны увѣренія алхимиковъ, и убѣдить васъ что наше ученье не только не уничтожено новѣйшими открытіями наукъ, но еще болѣе подтверждено ими. Я хочу убѣдить васъ, что алхимія не мечта разстроеннаго воображенія, но что основана на непоколебимыхъ. Повѣрьте, близокъ день, когда осуществяемо нѣмнѣе надеждъ откроеть величайшія тайны природы.

Вы знаете, что цѣль древнихъ adeptовъ была — отысканіе *философскаго камня*. Древніе искатели придавали этому камню три свойства:

Въ первой своей степени онъ превращалъ простые металлы въ благородные: свинецъ въ серебро, ртуть въ золото, и вообще служилъ къ превращенію всѣхъ химическихъ веществъ.

Во второй степени усовершенствованія философскій камень долженъ былъ вылечивать всѣ болѣзни и продолжать жизнь за предѣлы обыкновеннаго періода. Въ этомъ видѣ — онъ назывался *осемірадною панацеею*.

Въ высшей степени онъ назывался *spiritus mundi* (духъ міра) и долженъ былъ служить къ сообщенію людей съ дѣухами, другими планетами и мірами.

Мы, нынѣшніе алхимики, отвергаемъ двѣ послѣднія степени, но сохраняемъ непремѣнное существованіе первой, то-есть превращеніи металловъ. Если вы захотите упрекать древнихъ алхимиковъ за мечту ихъ о высшихъ степеняхъ философскаго камня, вы будете неправы. Вспомните только философію XIII вѣка. Аристотель, Платонъ и Плигаргоръ преобладали въ наукахъ. Физическія явленія объяснялись таинственными цифрами. Весь міръ былъ населенъ метафизическими существами, имѣвшими невидимую связь съ человекомъ — мудрецы ли, что и алхимики требовали отъ философскаго камня сверхъестественныхъ свойствъ? Въ наше время, конечно, никто не подумаетъ о *осемірадной панацее*, а еще менѣе о *духѣ міра*.

Теперь всѣ изысканія наши ограничиваются отысканіемъ элемента, имѣющаго свойства превращать всѣ химическія вещества, называемыя металлы. Были adeptы въ-древности, обладавшіе этою тайною, но она исчезла, потому-что зависть и невѣжество гнали обладателей ее-

га: Мы теперь опять отскакиваемъ этого агента—и вопресъ очень остръ. Кто знаетъ открытія новѣйшей алхимїи, тотъ пойметъ наши азатаства возможности превращенїа металловъ.

Подумали ль вы объ одной несобразности въ нашихъ ученыхъ вѣрїяхъ? Они признають, что только *четыре* простые вещества: кислородъ, водородъ, углеродъ и азотъ входятъ въ составъ всѣхъ органическихъ тѣлъ; но говорятъ, что для состава минеральныхъ комбинацій нужно болѣе шестидесяти элементовъ. Такимъ-образомъ четыре простые тѣла достаточны, чтобъ произвести окружающую насъ атмосферу, воду, покрывающую три четверти земнаго шара—и, что движется на поверхности земли; а чтобъ образовать твердую кору планеты, нужно шестьдесятъ тѣлъ. Возможно ли это? Предположимъ, что эти же четыре начала, достаточныя для органическаго тѣла, могутъ образовать и минеральныя комбинаціи, и что изъ нихъ составлены всѣ тѣла нашей планетной системы: не тѣ ли же это четыре элемента древнихъ алхимиковъ, только подъ другими названїями?

До сихъ поръ думали, что, для опредѣленїа тѣла и для отдѣленїа его отъ другихъ, достаточно указать на составъ его и свойство. Полагали, что два вещества одинаковаго химическаго состава тождественны. Но древніе алхимики всегда оспаривали это предположенїе. Съ IV вѣка утверждали они, что произведенїа природы могутъ представлять величайшую разницу во внѣшнихъ своихъ качествахъ, хотя составъ ихъ одинаковъ. Они полагали, что всѣ металлы одинаковы по своему первоначальному происхожденїю, что всѣ они составлены изъ двухъ близкихъ элементовъ: сѣры и ртути, и что вся разница ихъ качествъ—въ различїи пропорціи ртути и сѣры; напримѣръ, золото, по ихъ вѣрїю, состоитъ изъ большаго количества самой чистой ртути и небольшого количества сѣры; олово—изъ большаго количества сѣры и небольшимъ количествомъ нечистой ртути.

Впрочемъ, эта сѣра и ртуть алхимиковъ означали не то, что нынѣ известно подъ этимъ названїемъ; ихъ *меркурїей* представлялъ неразлагаемый элементъ металловъ, причину ихъ блеска, ковкости, металличности. Сѣра (*sulphur*) означала стареемый элементъ, разлагаемый въ сложный. Эта теорїя показывала, что многія вещества, соединяясь между собою, могутъ различаться по внѣшнему виду и совокупности реакцій.

Успѣхи новѣйшей химїи блистательнымъ образомъ подтвердили мнѣніе алхимиковъ. Химическое разложенїе доказало, что минеральныя и органическія вещества могутъ представлять совершенное сходство въ своемъ составѣ, хотя внѣшнія ихъ свойства различны. Такъ, напримѣръ, гремучая кислота, входящая въ составъ гремучихъ составовъ, содержитъ въ себѣ совершенно-одинаковую пропорцію углерода и азота, какъ въ синеродной кислотѣ, и элементы эти содержатся въ нихъ въ одинаковомъ видѣ плотности. Но гремучїе составы, при малѣйшемъ возвышенїи температуры, съ силою разрываются, а синеродные противятся краснокалильному жару. Урей, входящїй въ составъ многихъ жидкостей животной экономїи, представляетъ такой же

химическій составъ, какъ и синеродистый аммоніакъ, по своимъ обонхъ веществъ совершенно-различны. Водородно-синеродистая кислота — сильный ядъ и ничѣмъ не различается отъ аммоніакаго форміата, самой невинной соли. Въ химіи множество подобны примѣровъ, и это новое свойство матеріи названо *изомеріею*.

Но эта изомерія сложныхъ тѣлъ касается ли до простыхъ? Вещества, называемыя элементарными, напримѣръ, металлы, представляютъ ли они случаи изомеріи? Этотъ вопросъ, поидиному столь простой, ведетъ насъ къ важнымъ результатамъ. Если отвѣтъ будетъ утвердительный, то всѣ теоретическія затруденія къ превращенію металловъ исчезаютъ. Если доказано будетъ, что металлы тоже изомерны; что подъ видомъ самыхъ различныхъ вѣществъ они скрываютъ въ себѣ тождественные элементы, то учение алхіи будетъ оправдано, и превращеніе частицъ, измѣняющихъ самы металлы, не будетъ ужъ удивительно. Слѣдственно, этотъ вопросъ надобно рассмотреть внимательно.

Чтобъ утвердить изомерію двухъ составныхъ веществъ, разлагаютъ ихъ химически и узнаютъ тождество составныхъ ихъ частей. Въ металлахъ не имѣемъ мы этого средства, потому—что они считаются простыми тѣлами, то-есть они не подвергаются нашему анализу. Остается другое средство. Можно сравнить общія свойства изомерическихкихъ тѣлъ съ свойствами металловъ, и поискать, нѣтъ ли въ металлахъ тѣхъ же характеристическихъ качествъ, какія свойственны изомерическимъ тѣламъ. Это сравненіе было сдѣлано известнымъ химикомъ Дюма, и вотъ результаты его:

«Замѣчено, что во всѣхъ изомерическихкихъ веществахъ есть одинаковые эквиваленты, или хотя кратныя. Это качество принадлежитъ многимъ металламъ. Золото и осмія представляютъ почти тождественный эквивалентъ. Въ платинѣ и ирридіумѣ совершенно-одинаковій, а Берцеліусъ нашелъ (прибавляетъ Дюма), что въсыма количества этихъ двухъ металловъ совершенно тѣ же во всѣхъ составныхъ веществахъ, взятыхъ въ одинаковомъ вѣсѣ. Эквивалентъ кобальта самъ разнится отъ никкеля, а потому эквивалентъ олова чрезвычайно-ближе подходитъ къ цѣлому эквиваленту двухъ предыдущихъ металловъ. Цинкъ, итрій и теллурій представляютъ въ тѣхъ же отношеніяхъ столь слабую разницу, что почти можно приписать ее ошибку въ опытѣ. Дюма, еще недавно-читавшій объ этомъ предметѣ диссертацию въ *Британскомъ Обществѣ*, доказалъ, что когда три простые тѣла связаны между собою большими сходствами въ количествахъ, какъ, напримѣръ, хлоръ, бромъ и іодъ, барій, стронцій и кальцій, то химическій эквивалентъ средняго тѣла всегда изображается среднимъ ариѳметическимъ числомъ между эквивалентами двухъ остальныхъ.

Эти замѣчательныя сближенія произвели въ Англій большое впечатлѣніе на умы ученыхъ. Дѣйствительно, они достаточно доказываютъ изомерію простыхъ тѣлъ. Они убѣждаютъ, что металлы, при всѣхъ несходствѣ наружныхъ своихъ свойствъ, происходятъ отъ одной той же матеріи, различнымъ образомъ расположенной, или *сложит-*

ма. Но если металлы изомерны, то первымъ послѣдствїемъ будетъ то, что ихъ можно превращать изъ одного въ другой, то-есть осуществить мысль превращенїя металловъ.

Разсужденїе объ эквивалентахъ приводитъ къ другому слѣдствїю, въ пользу превращенїя металловъ. Англїйскїй химикъ Прюггъ первый указалъ, что химическіе эквиваленты почти всѣхъ простыхъ тѣлъ представляютъ кратныхъ множителей, по вѣсу котораго-либо эквивалента. Если взять единицею эквивалентъ водорода, какъ слабѣйшїй изъ всѣхъ, то оказывается, что эквиваленты всѣхъ простыхъ тѣлъ содержатъ въ себѣ кратное число эквивалентовъ водорода. Такимъ-образомъ единица химическаго эквивалента водорода будетъ въ углеродѣ обозначаться цифрою 6, азотъ 14, кислородъ 16, цинкъ 32 и т. д. Но если массы тѣловъ, входящихъ въ составъ химическихъ комбинацій, представляютъ между собою такія простыя соотношенїя; если эквивалентъ водорода въ точности въ шесть разъ тяжелѣе водорода, азотъ въ четырнадцать разъ и т. д., то не служитъ ли это доказательствомъ, что всѣ тѣла въ природѣ составлены изъ одного начала и что одна матерїя, различнымъ образомъ сплоченная, производитъ всѣ сложныя тѣла, которыя мы знаемъ? Если принять это заключенїе, то оно, очевидно, оправдываетъ изомерию металловъ и даетъ превращенїю металловъ теоретическое основанїе.

Слѣдовательно, превращенїе металловъ не имѣетъ въ себѣ ничего несообразнаго съ фактами и теорїями современной науки. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнїю средствъ для исполненїя этой операци. Тутъ всего болѣе возстаютъ на насъ наши противники; но для убѣжденїя ихъ стѣитъ только исправить невѣрныя свѣдѣнїя о свойствахъ и химической роли философскаго камня.

Люди, незнающїе нашей науки, предполагаютъ, что мы приписываемъ этому драгоценному агенту какую-то таинственную силу, несообразную съ обыкновенными явленїями природы. Это совершенно несправедливо. Философскїй камень не имѣетъ никакого сверхъестественнаго свойства, и дѣйствїе его основано на всегдашнихъ законахъ химїи. Прошу васъ обратить вниманїе на явленїя, извѣстныя подъ названїемъ *ферментаци* (броженїя).

Ферментация составляетъ химическїй процессъ, совершающїйся въ органическихъ произведенїяхъ посредствомъ неизвѣстнаго вещества, названнаго *ферментом* (закваскою). Эти ферментации, столь-хорошо нынѣ извѣстныя по главнымъ явленїямъ, позволяютъ безъ труда понимать возможность превращенїя металловъ.

Дѣйствительно, измѣненїя, совершающїяся въ органической матерїи подъ названїемъ *фермента*, представляютъ вѣрное изображенїе измѣненїй, могущихъ произойти въ металахъ, если они прїйдутъ въ соприкосновенїе съ философскимъ камнемъ. Философскїй камень составляетъ *ферментъ* металловъ. Превращенїе металловъ составляетъ ферментацию, перенесенную изъ области органическихъ тѣлъ въ минеральное царство и приспособленную къ дѣйствїямъ, свойственнымъ этой матерїи. Въ металахъ, растопленныхъ и доведенныхъ до краснакальевнаго жара, можетъ произойти такое превращенїе составныхъ

частицъ, какой подвергаются органическія произведенія во время броженія. Какъ сахаръ отъ фермента превращается въ молочную кислоту, не измѣняясь въ составѣ атомовъ, какъ онъ же превращается въ алкоголь, въ угольную кислоту, сохраняя прежній свой составъ, такъ и металлы, будучи всѣ однообразны по своей природѣ, могутъ превращаться изъ одного въ другой, подъ вліяніемъ specialнаго своего фермента — философскаго камня. Если вы сообразите общія явленія ферментации съ фактомъ превращенія металловъ, то удивитесь сходству этихъ процессовъ.

Конечно, трудно объяснить себѣ химическое дѣйствіе, происходящее въ металахъ подъ вліяніемъ философскаго камня; но теоретическое объясненіе обыкновенной ферментации не столько же затруднительно теперь для химиковъ? Оно не покоряется никакой теории, потому что въ обыкновенныхъ реакціяхъ одно тѣло соединяется съ другимъ, одинъ элементъ замѣняетъ другой, вслѣдствіе взаимнаго притягательныхъ силъ; но законы сродства не объясняютъ факта. Самый ферментъ не принимаетъ участія въ производимыхъ имъ химическихъ измѣненіяхъ. Ни въ законахъ сродства, ни въ силѣ актричества, свѣта или теплоты нельзя найти вѣрнаго объясненія этого дѣйствія.

Удивляются, что алхимики приписываютъ философскому камню свойство дѣйствовать на металлы чрезвычайно-малыми количествами, такъ что одинъ гранъ этого камня можетъ превратить въ золото восемь унцій ртути; но въ ферментации является та же особенность. Ферментъ дѣйствуетъ на органическія матеріи въ чрезвычайно-малыхъ количествахъ. Напримѣръ, диастазъ превращаетъ въ сахаръ двѣ тысячи частей крахмала противъ собственнаго своего вѣса. И когда собственными глазами видишь, какое малое количество фермента нужно для произведенія измѣненій въ огромной массѣ органической матеріи, то нельзя удивляться изреченію Раймонда Люлли: *Non tingerem si mercurius esset.*

Слѣдовательно, нѣтъ ничего ни таинственнаго, ни сверхъестественнаго въ химической роли философскаго камня, и превращенія, которыя онъ можетъ производить, легко объясняются сравненіемъ съ фактами того же рода, видимыми нами ежедневно.

Итакъ, извѣстныя химическія истины удовлетворительно подтверждаютъ ученіе алхимиковъ. И слѣдственно, Геберъ, Авиценна, Разсъ, Арнольдъ-Вильневскій, Сен-Тома, Раймондъ Люлли, Альбертъ-Великій, Василій Валентинъ, Парацельсъ, Фан-Гельмонтъ, Глауберъ, Кунш и большая часть философствъ средних вѣковъ были неослабленныя мечтатели; они не составляли обманчиваго союза, чтобъ ввести въ заблужденіе современниковъ и потомковъ; всѣ они стремились къ истинѣ, которой основаніе было для нихъ ясно, неоспоримо, какъ самая простая истина въ глазахъ XIX вѣка; а если были уклоненія, если нѣкто вдавался въ мистицизмъ, то это принадлежало современной эпохѣ.

Напримѣръ, алхимики вѣрили въ сверхъестественное вліяніе свѣта во всѣхъ физическихъ явленіяхъ. По ихъ мнѣнію, планеты имѣли

ь съ металлами. Внѣшніе предметы имѣли таинственныя отношенія нашими внутренними органами, невидимые духи управляли физическими законами. Но какой философъ думалъ иначе въ средніе вѣка? ремень Аристотеля, медицина, естественная исторія, физика, окружили себя таинственностью, скрываясь отъ профановъ. Въ XV вѣкѣ, ики точно такимъ же образомъ объясняли всѣ дѣйствія медикаго. Видя, что золото очищается свинцомъ; они почитали свинцъ способнымъ къ очищенію всѣхъ нечистотъ человеческого тѣла. серебро почиталось специфическимъ средствомъ противъ болѣзней га, потому что серебро было посвящено лунѣ, а луна имѣла вліяна мозгъ. Едва въ началѣ XVII вѣка сама физика освободилась отъ этихъ предрассудковъ. Боэргавъ рассуждалъ еще въ это время современными физиками о томъ: «одарены ли душою изображенія, отражаемая въ выпуклыхъ зеркалахъ?» Какъ же было алхиміи ститься отъ подобныхъ мечтаній?

Главнымъ основаніемъ теоріи алхимиковъ былъ предполагаемый законъ, что минералы, хранящіеся въ землѣ, рождаются и развиваются, какъ органическія существа. «Всѣ натуралисты среднихъ вѣковъ увѣрены были, что ископаемыя вещества вырастаютъ». «Солнцъ зараждаетъ минералы въ нѣдрахъ земнаго шара» было аксіомою лософскихъ школъ. Вслѣдствіе этого закона, алхимики, почитая золото совершеннѣйшимъ металломъ, увѣрены были, что природа стремится болѣе всего къ зарожденію любимаго своего дѣтисца. Когда обстоятельства не благопріятствуютъ къ образованію этого металла, то рождаются низшаго разряда вещества. Но философы призывали, что можно подстеречь тайный процессъ природы, открыть таинственный зародышъ металловъ, и что можно, посредствомъ теплоты съ пособіемъ нѣкоторыхъ веществъ, произвестъ въ минуту то, что природа дѣлаетъ въ теченіе долгаго времени и при содѣйствіи подзмнаго огня.

Все это, конечно, были заблужденія; но, осуждая ихъ, не надо обвинять современниковъ въ томъ, что они покорялись духу своего времени. Не надобно забывать, что всѣ эти люди оказали также и пользу. Труды ихъ были первымъ основаніемъ нынѣшняго состоянія науки. Ихъ многочисленныя изысканія, неутомимое трудолюбіе, распространеніе ими всякаго новаго открытія — все было поводомъ къ тальнѣйшимъ успѣхамъ.

Вовсе не старался оправдывать всѣхъ мыслей древнихъ алхимиковъ, надобно, однакожь, отдать справедливость вѣрности ихъ ученой методѣ. Чего не успѣвалъ сдѣлать въ теченіе жизни одинъ алхимикъ, то передавалъ адепту для продолженія опытовъ въ слѣдующемъ поколѣннн. Одинъ алхимикъ показывалъ Каде-Гарсикуру въ своей лабораторіи маленькій, легкій и скважистый камень съ отливомъ золотаго цвѣта. Онъ добылъ это любопытное вещество, собирая въ продолженіе многихъ лѣтъ радужноцвѣтную пленочку, остающуюся отъ дождевыхъ капель при внезапномъ ихъ испареніи. Чтѣ это было за вещество? Адептъ увѣрялъ, что это начало образованія золота. Можно сомнѣваться въ этомъ, но и опредѣлить вещества невозможно.

Философія XIX вѣка осуждаетъ мистическое направленіе древнихъ алхимиковъ, но они этимъ средствомъ отвѣчали по-крайней-мѣрѣ на всѣ вопросы, на которые не могли дать удовлетворительнаго эмпирическаго объясненія. Мы же теперь не имѣемъ и этого средства, или не знаемъ чего-нибудь. Напримѣръ, известно въ физикѣ, что сила магнита значительно увеличивается, если постепенно прибавлять къ нему вѣсъ желѣза. Это увеличеніе простирается, однакожъ, только до известной степени, перейдя за которую, вся масса отрывается и падаетъ. Физики говорятъ, что магнитъ обнаруживаетъ тогда странную *слабость*. Онъ ужъ не можетъ тогда поднять прежнихъ тяжести, которыя были для него легки. Чтобъ возвратитъ ему прежнюю силу, надобно опять начать съ самой малой пропорціи и ежедневно прибавлять желѣза понемногу. Какъ объяснить это ослабленіе? Это почти упадокъ физической силы.

Подвергните окисляющійся металлъ, напримѣръ, жѣзь, дѣйствию воды и воздуха, въ самомъ чистомъ ихъ составѣ — металлъ не будетъ окисляться; но прибавьте малѣйшую часть кислоты въ воду, или угольной кислоты въ воздухъ — и окисленіе быстро окажется. Въ химіи называютъ эти явленія *дѣйствиємъ средства по предрасположенію*. Объясняютъ это, говоря, что «кислота вызываетъ окисленіе металла, потому-что тутъ есть средство къ образующейся окиси». Это почти метафизическое объясненіе.

Однажды представили Сократу сочиненіе Гераклита, писанное очевидно, но глубококомысленно. Сократъ внимательно прочелъ его и сказалъ: «въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я понимаю сочиненіе, оно превосходно. Вѣроятно, оно таково же и въ тѣхъ, которыя для меня темны. Чтобъ судить, слѣдственно, о немъ, надобно быть умнѣе и ученѣе меня». Хорошо, еслибъ всѣ подражали Сократу и были такъ же откровенны и осторожны въ сужденіи о томъ, чего не понимаютъ.»

Внимательно прочтя всю эту диссертацію, ученый физикъ, конечно, не соглашался съ умствованіями алхимика, отвѣчалъ слѣдующее:

«Съ величайшимъ удовольствіемъ прочелъ я ваши сужденія о философскомъ камнѣ, и вовсе не намѣренъ вступать съ вами въ диспутъ, тѣмъ-болѣе, что мы можемъ только *оспоривать* обоюдныя мнѣнія, а не *доказывать* ихъ научнымъ образомъ. Если въ иныхъ случаяхъ нельзя отвергать самыхъ смѣлыхъ гипотезъ, но не должно слишкомъ и вдаваться въ гипотезы. Только для очистки совѣсти считаю я нужнымъ сдѣлать вамъ нѣсколько замѣчаній.

«Вы упрекаете новѣйшихъ химиковъ за мнѣніе ихъ, что всѣ органическія тѣла составлены изъ четырехъ простыхъ тѣлъ, тогда-какъ для минеральныхъ комбинацій требуется до шестидесяти. Но это все не противорѣчіе. Рассмотрите эти шестьдесятъ простыхъ тѣлъ и

увидите, что они очень-мало участвуютъ въ составѣ земнаго шара явленійхъ, происходящихъ на немъ. Число общихъ, основныхъ элементовъ очень-ограниченно. Къ элементамъ органическаго міра прибавьте : хлоръ, сѣру, фосфоръ, кремнеземъ, глиноземъ, кальцій кельзо—и вы будете имѣть полный списокъ минеральныхъ реакцій. Большое же число элементовъ органическаго міра не должно удивлять. Изъ нихъ три газообразные, и потому равновѣсіе ихъ комбинацій можно легко уничтожить, производя превращенія. Минеральная же комбинація сильнѣе противится внѣшнимъ вліяніямъ. Ихъ химическая прочность значительнѣе и, слѣдственно, для состава ихъ жно болѣе элементовъ. Но, впрочемъ, эта разница не такъ велика ничего не доказываетъ.

«Вы сблизаете философскій камень съ химическимъ явленіемъ ферментации, представляя эту ферментацию сходною съ теоріею превращенія металловъ: этимъ вы, конечно, отнимаете у философскаго камня то его древнюю таинственность — но и только; притомъ же мысль эта не нова : она принадлежитъ Гортуланусу. Чтобъ доказать, что гентъ превращеній участвуетъ сколько-нибудь въ качествахъ *фермента*; чтобъ допустить, что въ расплавленныхъ до краснакалильнаго жара металахъ можетъ совершиться измѣненіе атомовъ, похожее на роженіе, надобно начать съ того, чтобъ утвердить тождество въ оставѣ металловъ; но алхимическая теорія и изомерія металловъ еще не доказаны.

«Аргументы ваши о превращеніи металловъ не основаны ни на какомъ фактѣ. Но пусть даже предположеніе ваше возможно, пусть замѣчанія Дюма о эквивалентахъ простыхъ тѣлъ одного рода имѣютъ связь съ страннымъ отношеніемъ, найденнымъ Проутомъ, между эквивалентомъ водорода и эквивалентами другихъ простыхъ тѣлъ; пусть все это имѣетъ основаніе въ предполагаемой вами изомеріи металловъ, главный вопросъ все-еще не рѣшенъ въ вашу пользу. Все это привело бы насъ только къ слѣдующему заключенію :

«Въ нынѣшнемъ положеніи нашихъ познаній нельзя рѣшительнымъ образомъ доказать, что превращеніе металловъ невозможно, и по нѣкоторымъ явленіямъ нельзя совершенно опровергать мнѣнія алхимиковъ.

«Вотъ единственно-благосклонное заключеніе для васъ. Но если говорятъ, что такой-то фактъ не невозможенъ, то это еще не значитъ, чтобъ онъ дѣйствительно существовалъ. Мы не можемъ доказать, что свинецъ никогда не превратится въ золото, но это не значитъ, чтобъ превращеніе свинца въ золото было ужъ фактомъ. Это, кажется, послѣднее рѣшеніе вашего вопроса.»

(*Revue de Paris.*)

О НОВЫХЪ ПЕРЕВОДАХЪ

СЪ РУССКАГО ЯЗЫКА НА НѢМЕЦКІЙ.

(Письмо къ редактору «Отечественныхъ Записокъ».)

Въ журналѣ вашемъ всегда удѣлялось мѣсто извѣстіямъ о трудахъ, которые имѣютъ цѣлью знакомить иностранцевъ съ русскою литературой. Это позволяетъ мнѣ думать, что вы не откажете мнѣ въ удовольствіи сообщить кое-что читателямъ «Отечественныхъ Записокъ», о новомъ дѣятелѣ по этой части. Я говорю о г. Видертѣ (August von Viedert), молодомъ литераторѣ, который въ послѣднее время напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ нѣсколько переводовъ съ русскаго и нѣсколько статей о нашихъ писателяхъ.

Г. Видертъ готовится теперь къ изданію свой переводъ лучшихъ пьесъ Кольцова. По отрывкамъ изъ этого труда, напечатаннымъ въ нѣмецкихъ журналахъ, видно, что переводчикъ и глубоко сочувствуетъ нашему поэту, и серьезно изучилъ его произведенія. Вещего говорить о трудностяхъ, которыя представляетъ вообще стихотворный переводъ, тѣмъ болѣе переводъ такого своеобразнаго поэта, какъ Кольцовъ. Тутъ недостаточно передать только главную мысль пьесы, какъ недостаточно и одного буквального перевода: въ первомъ случаѣ неизбежно утратится тотъ колоритъ, который составляетъ исключительную принадлежность подлинника, его оригинальность; въ послѣднемъ многое если будетъ не дико, то непонятно на чужомъ языкѣ. Избѣжать этихъ крайностей могъ только человекъ съ замѣчательнымъ поэтическимъ талантомъ и притомъ близко-знакомый съ русской народностью. Такой именно человекъ г. Видертъ: родившійся и воспитанный въ Россіи, онъ понимаетъ Кольцова какъ русскій: владея въ то же время языкомъ, какъ нѣмецъ, онъ умѣетъ находить въ этомъ богатомъ языкѣ вѣрное и полное выраженіе для каждой мысли, для каждаго почти оборота рѣчи переводимаго имъ поэта.

Первое стихотвореніе Кольцова въ переводѣ г. Видерта было напечатано, въ началѣ прошлаго года, въ лейпцигской, издаваемой А. Димманомъ «Модной Газетѣ» (Moden-Zeitung). Это пѣсня, начинающаяся стихомъ: «Ахъ, зачѣмъ меня...» Вскорѣ потомъ въ «Германскомъ Музеумѣ» (Deutsches Museum), выходящемъ тоже въ Лейпцигѣ, подъ редакціею Роберта Пруца, появился переводъ семи стихотвореній Кольцова, а именно: «Что ты спишь, мужичокъ?», *Блѣство, Изма-на суженой*, *Деревенская бѣда*, «Перстенечекъ золотой», «Что онъ ходитъ за мной» и *Хуторокъ* ⁽¹⁾. Находясь въ настоящее время въ

(1) Въ примѣчаніи къ этимъ пѣснямъ въ «Германскомъ Музеумѣ» сказано, что стихотворенія Кольцова изданы *въ четырехъ томахъ*. Эта ошибка сдѣлана Пруцомъ, при сокращеніи доставленнаго г. Видертомъ извѣстія о жизни Кольцова.

Петербургѣ, г. Видертъ перепечаталъ эти стихотворенія (за исключеніемъ «Вѣгства» и «Хуторка») съ нѣкоторыми измѣненіями и поправками въ адѣшнихъ нѣмецкихъ академическихъ вѣдомостяхъ (St. Petersburger Zeitung); кромѣ того, въ этой же газетѣ помѣстили онъ и новые переводы слѣдующихъ пѣсь: «Ты не пой, соловей», *Лѣсъ*, «Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись», *Не шуми ты, розьъ*, *Раздумье селанина*, «Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ», «Много есть у меня», *Пора любви* и *Пѣсь пазаря*.

Такимъ—образомъ намъ извѣстны *семьнацать* стихотвореній Кольцова (и стихотвореній лучшихъ) въ переводѣ г. Видерта. По нимъ ясно можно видѣть, каковы будутъ переводы остальныхъ.

Вмѣсто всякихъ разсужденій, привожу переводъ пѣсни «Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ»:

«Winde weh'n im Felde,
Die das Gras aufschrecken
Und mir Weg und Stege
Ganz mit Staub bedecken.

Komm hervor, du Wolke,
Mit Gewitterschauer;
Hüll' das helle Taglicht
Ein in Nacht und Trauer!

Doch der flotte Bursche
Wird wie'n Vogel pfeifen,
Ohne Pfad', ohn' Taglicht
Wird er weiter streifen.

Was macht er aus Wolken
Sich und Weg und Stegen,
Wenn die blauen Augen
Sich an's Herz ihm legen!

Was macht sich der Bursche
Aus dem Loos viel Schmerzen,
Wenn die junge Maid ihn
Liebt von ganzem Herzen.»

Пѣсня эта, по моему мнѣнію, переведена безукоризненно-хорошо; каждое слово подлинника передано выраженіемъ равносильнымъ. Достаточно сравнить куплеты:

«Молодецъ удалый
Соловьемъ засвищетъ —
Безъ пути, безъ свѣта
Свою долю сыщеть.

Что ему дорога,
Тучи громовыя,
Какъ прійдутъ по сердцу
Очи голубыя!»

Даже такіе отгѣнки, какъ, напримѣръ, въ стихахъ: «*Nun imd' d'rouge*», переводчикъ сохраняетъ (*Und mir Weg und Stege*).

Признаюсь, до появленія переводовъ г. Видерта, мы крайне сомнѣвались въ возможности передать на иностранномъ языкѣ пьесы Кольцова такъ, чтобъ онѣ сохранили въ переводѣ то значеніе, которое имѣютъ для насъ.

Переводъ гоголева *Ревизора*, недавно-конченный г. Видертомъ, представлялъ едва-ли еще не болѣе трудностей, чѣмъ переводъ пьесы Кольцова, и, надо отдать справедливость переводчику: онъ выигралъ съ честью изъ борьбы съ этими трудностями. Напечатана только первая сцена перваго дѣйствія (въ лейпцигской газетѣ «*Abend-Zeitung*» прошлаго года, подъ заглавіемъ: *Aus dem «Revisor» von Gogol*); но мнѣ случилось слышать чтеніе г. Видертомъ и остальныхъ дѣйствій. То же, что сказано о переводѣ кольцовскихъ пьесъ, можно повторить и о переводѣ «*Ревизора*»: полное пониманіе подлинника и вѣрность воспроизведенія его дѣлаютъ трудъ г. Видерта замѣчательнымъ явленіемъ въ области переводной литературы. Какъ мастерски сохраненъ въ переводѣ исполненный комизма и оригинальности языкъ Гоголя, можно понять изъ слѣдующаго отрывка изъ окончанія первой сцены перваго акта):

«*STADTPRAEFECT. . . . Aber Sie, Luka Lukitsch, als Inspector der Lehranstalten, müssen besonders dafür Sorge tragen, was die Lehrer betrifft. Ich geb' es zu, es sind gelehrte Leute und haben ihre Erziehung in verschiedenen «Collegien» genossen, aber sie haben ganz sonderbare Manieren an sich, die freilich von dem Lehrstand nicht zu trennen sind. Da ist einer, zum Beispiel, der da, mit dem dicken Gesicht... ich komme nicht auf seinen Namen... dieser kann nicht umhin, jedes Mal, wenn er auf's Catheder steigt, ein Fratzensgesicht zu schneiden, so ungefähr (er schneidet ein Gesicht) und dann fängt er an unter seiner Binde seinen Bart drauf los zu plätten. Versteht sich, wenn er dem Schüler eine solche Fratze macht, so hat das noch nichts auf sich; vielleicht gehört sich das da so, darüber kann ich nicht urtheilen, aber sagen Sie, ich bitte selbst, wenn er dies nun in Gegenwart eines Gastes macht — das kann sehr schlimme Folgen haben. Der Herr Revisor oder sonst Jemand kann es auf sich beziehen. Der Teufel weiss, was daraus entstehen kann.*»

ЛУКА ЛУКИТСЧ. *Ich bitte Sie, was soll ich mit ihm anfangen? Ich hab's ihm nun einige Mal gesagt. Neulich noch, als der Adelsmarschall mal auf einen Augenblick in die Classe kam, schnitt er eine solche Fratze, wie ich sie noch nie gesehen habe. Er machte sie aus gutem Herzen, aber ich bekam den Verweis...»*

Большая часть произведеній Гоголя уже переведена на нѣмцкій языкъ; но «*Ревизоръ*», существующій въ плохой французской переводкѣ⁽²⁾, еще неизвѣстенъ въ Германіи. Гоголя переводили: Генрихъ

⁽²⁾ «*Ревизора*» перевелъ на французскій языкъ Меримé. См. стр. 127—261 въ его *Deux Heritages suivies de l'Inspecteur général et des Débuts d'un aventurier* (Дмитрія Самозванца), Paris 1853, въ 12-ю д. л. Пер-

Оде, съ французскаго перевода Вьярдо⁽³⁾, Липпертъ⁽⁴⁾, Августъ Леальдъ⁽⁵⁾, Лёбенштейнъ, переводъ котораго «Мертвыхъ Душъ»⁽⁶⁾ е имѣлъ успѣха, потому—что переводчикъ ограничился одною буквальною передачею подлинника, не соображаясь съ требованіемъ нѣмецкаго языка. Между всѣми этими переводчиками г. Видертъ, по воему знавію Россіи и русскаго языка, также, какъ и по таланту, долженъ занять первое мѣсто.

Вѣднѣе я сказалъ, что г. Видертъ напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ нѣскольکو статей о русскіихъ писателяхъ. Изъ нихъ, вѣроятно, извѣстна нѣкоторымъ изъ читателей «Отечественныхъ Записокъ» біографія и оцѣнка Гоголя, напечатанная вскорѣ послѣ смерти автора «Ревизора» въ лейпцигской «Иллюстраціи» (Illustrirte Zeitung), съ очень-

воды повѣстей Гоголя, изданные Вьярдо, напечатаны недавно въ коллекціи «Библиотеки желѣзныхъ Дорогъ» (Bibliothèque des chemins de fer), именно: 1) *Novvelles choisies de Nicolas Gogol*. Tr. du russe par *Louis Viardot*. Paris, 1853. Въ 12-ю д. л. VI и 162 стр. Здѣсь помѣщены повѣсти: *Les mémoires d'un fou* (Записки сумасшедшаго), *Un ménage d'autrefois* (Старосвѣтскіе помѣщики) и *Le Roi des gnomes* (Вѣн). 2) *Tarass Bulba* de *N. Gogol*. Tr. de *Louis Viardot*. Paris 1853. Въ 12-ю д. л. IV и 285 стр. Въ этой же коллекціи напечатанъ переводъ «Капитанской Дочки» Пущкина.

На польскомъ языкѣ мнѣ извѣстны слѣдующіе переводы Гоголя: 1) *Pamiętnik waryata*, przel. z rossyjskiego *Marcin Szymanowski*. Warszawa 1843. Въ 16-ю д. л. 72 стр. 2) *Płaszcz*, tłum. z rossyjskiego. Wilno 1844. Въ 8-ю д. л. 69 стр. 3) *Rewizor*, czyli: *Podróż bez pieniędzy*. Komedia w 5 a. Z rossyjskiego tłum. przez *J. Chelmitkowskiego*. Wilno 1846. Въ 12-ю д. л. 192 стр.

⁽³⁾ *Russische Novellen*. Nach *L. Viardot*, übertr. von *Heinrich Bode*. 2 Theile. Leipzig 1846. Въ 8-ю д. л. Въ I части — *Taras Bulba*; во II — *Der König der Erdgeister* (Вѣн), *Das Tagebuch eines Narren*, *Ein Bild der guten alten Zeit* (Старосвѣтскіе помѣщики) и *Die Kalesche*. — «Тарасъ Бульба» былъ также переведенъ въ пражскомъ журналѣ *Ost und West* (1840); но я не видалъ этого перевода.

⁽⁴⁾ *Aus Leben und Dichten*. Leipzig 1851. Въ 8-ю д. л. 356 стр. Здѣсь помѣщены: 1) *Die schreckliche Rache*, 2) *Der Mantel* и 3) *Kleinrussische Landsleute* (Старосвѣтскіе Помѣщики). Кроме—того, мы находимъ тутъ переводъ повѣсти графа Соллогуба, «Большой Свѣтъ» (*Vornehme Welt*).

⁽⁵⁾ *Russische Geschichten*. Herausg. von *Aug. Lewald*. 2 Bde. Hannover 1846. Въ 12-ю д. л. (Повѣсти Гоголя, Кукольникъ, кн. Шаховскаго; но какія именно — не знаю, потому—что книга не была у меня въ рукахъ.)

⁽⁶⁾ *Die todtten Seelen*. Ein satyrisch-komisches Zeitgemälde von *Nikolai Gogol*. Aus dem russ. übersetzt, mit Anmerkungen versehen und bevorwortet von *Philipp Löbenstein*. Leipzig 1846. Въ 12-ю д. л. 2, VII и 268 стр. — Подъ предисловіемъ нима переводчика и: «Leipzig, im Juni 1844».

похожимъ его портретомъ. Статья эта, заключающая, кромѣ обстоятельныхъ свѣдѣній о жизни Гоголя, очень-вѣрное сужденіе о его нравственныхъ, написана г. Видертомъ. Она вошла въ сокращеніи въ послѣднее изданіе Брокгаузова «Энциклопедическаго Словаря» (*Conversations Lexicon*), въ которомъ помѣщено и еще нѣсколько статей г. Видерта, относящихся къ русской литературѣ. Взять на себя обязанность исправить прежнія статьи «Словаря», касающіяся Россіи, и пополнить его статьями новыми, г. Видертъ предпринялъ благое дѣло: въ новомъ изданіи Брокгаузовой «энциклопедіи» мы, конечно, не будемъ уже встрѣчать тѣхъ грубыхъ ошибокъ, которыми обыкновенно искажаются въ иностранныхъ словаряхъ свѣдѣнія о русской литературѣ.

Послѣ отрывка изъ мастерскаго перевода «Ревизора» каждому будетъ понятно, съ какимъ искусствомъ г. Видертъ переводитъ рассказы г. Тургенева, писателя далеко не столь труднаго для передачи на чужой языкъ, хотя и очень-оригинальнаго. Въ лейпцигской газетѣ «*Novellen Zeitung*» 1852 года (№ 49) напечатанъ *Peter Petrowitsch Karatajew*, въ этомъ же журналѣ прошлаго года (№№ 14 и 18, появились, подъ общимъ заглавіемъ «Русскія картины» (*Bilder aus Russland*) два разсказа г. Тургенева; *Der Tod* и *Jermolai und die Müllerin* (?); въ «Немецкомъ Домашнемъ чтеніи» (*Deutsche Familien Blätter*) находимъ мы переводъ Лебдяки подъ заглавіемъ *Der Pferdemarkt zu Lebedian*, и наконецъ въ адвѣсной «*St. Petersburger Zeitung*» переводъ *Тамъ-ны и ея племянника*.

Упомяну въ заключеніе о четырехъ переведенныхъ г. Видертомъ пьесахъ Лермонтова: 1) *Утѣсь*, 2) *Молитва* («Въ минуту жизни трудную»), 3) «Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю» (*Novellen-Zeitung*, 1852. № 48) и 4) Пѣсня изъ *Тамани*: «Какъ по вольной волюшкѣ» (*St. Petersburger Zeitung*). Изъ нихъ превосходно передаѣтъ «Утѣсь».

DER FELS.

Goldne Wolke brachte zu die Nacht
 An des Riesenfelsens breiter Brust,
 Hat sich in der Frühe aufgemacht,
 Spielend in dem Himmelblau mit Lust.
 Und es bleibet dem Verlass'nen nur
 In der Runzel eine feuchte Spur.
 Einsam steht er da: verfiel in tiefes Sinnen —
 In der Wüste leise seine Thränen rinnen.

Остальныя уступаютъ переводамъ г. Боденштедта⁽⁸⁾.

(7) Этотъ разсказъ былъ уже Т. Громаномъ переведенъ въ «*St. Petersburger Zeitung*» 1852 года (потомъ перепечатанъ въ *Volletarische Blätter aus Russland*, Мейера); но переводъ этотъ не можетъ идти въ сравненіе съ переводомъ г. Видерта.

(8) О переводахъ Боденштедта было уже подробно говорено въ «Отечественныхъ Запискахъ». Вотъ, кстати, исчисленіе извѣстныхъ мѣтъ пере-

Фарнгагенъ фонъ-Энзе, въ своей статейкѣ *Neueste Russische Litteratur* (1841), представивъ очеркъ русской литературной дѣятельности послѣдняго времени, говоритъ въ заключеніи: «Предостерегаемъ земляковъ нашихъ отъ поспѣшнаго и легкаго суда надъ этими извѣстіями и сужденіями, если они захотятъ повѣрить ихъ по переводамъ русскихъ сочиненій. Въ искусствѣ переводить совершенно нами много высокаго: ни одна нація не усвоила себѣ въ такой мѣрѣ, какъ мы, греческихъ поэтовъ; то же слѣдуетъ сказать и о ди-

одовъ и передѣлокъ изъ сочиненій Лермонтова на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

«Герой нашего времени» переведенъ на французскій три раза: г. Стольпиннымъ 1843 (*Un héros du siècle ou les Russes dans le Caucase*), Меузономъ Ледюкомъ (*Une saison de bain au Caucase. Extrait de Lermontoff par Léouzon Leduc. Paris, 1845. Въ 8-ю д. л.*), и Шопеномъ Бѣла — Максимъ Максимичъ — Таманъ — la Princesse Mary — le Fataliste) въ *Choix de nouvelles russes de Lermontoff, Pouschckine, von Wiesen etc. Trad. du russe par M. J. N. Chopin. Paris 1853. Въ 12-ю д. л.*

На нѣмецкомъ языкѣ: 1) *Der Novize* (Мцыри). Aus dem Russ. übers. von Roman Frhrn. von Budberg-Benninghausen. Berlin 1842. Въ 8-ю д. л. 2) *Koslow, Puschkin, Lermontoff*. Eine Sammlung aus ihren Gedichten. Aus dem Russ. übersetzt von Fr. Bodenstedt. Leipzig 1845. Въ 8-ю д. л. Отсюда Боденштедтъ взялъ всѣ пьесы Лермонтова для своего послѣдняго изданія сочиненій этого поэта. 3) *Petschorin oder: ein Duell im Kaukasus*. Aus den hinterlassenen Papieren eines russischen Offiziers, herausgegeben von Lermontoff. Frankfurt am M. 1845. Въ 8-ю д. л. 4) *Bela*. Aus den Papieren eines russischen Offiziers über den Kaukasus. Переводъ Фарнгагена фонъ-Энзе (въ ч. VI его *Denkwürdigkeiten und Vermischte Schriften*. 2te Aufl. Leipzig 1843). Тутъ же находятся переводы повѣсти Мельгунова: *Зимній Вечеръ* и *Сильфиды*, кн. Одоевскаго. Вотъ что писалъ Фарнгагенъ въ 1841 г. о Лермонтовѣ: «Между новыми явленіями русской поэзии самымъ блистательнымъ и самымъ полнымъ надеждъ слѣдуетъ назвать Лермонтова, молодого поэта съ высокимъ призваніемъ. Какъ въ прозѣ — напоминаемъ повѣсть *Белу* — такъ и въ стихахъ у него есть несравненные произведенія. Собраніе его стихотвореній вышло небольшою книгой въ прошломъ (1840) году, и на каждой страницѣ ея Лермонтовъ является истиннымъ поэтомъ. Сочувствуя родимѣ и древности, онъ тѣмъ неменѣе нечуждъ высокаго общаго образованія нашего времени, и въ стихотвореніяхъ его находимъ мы силу прежнихъ временъ вмѣстѣ съ современною тожностью и художественностью. Между немногими переводными пьесами (изъ Байрона, Гёте и Зейдлица) на насъ произвели особеннѣ-приятное впечатлѣніе восемь коротенькихъ строкъ, «которые передана пѣсня Гёте: «Ueber allen Gipfeln ist Ruh'» («Горыныя вершины»); въ нихъ проявилась вся очаровательность русскаго языка, столь же мягкаго, какъ и могучаго. На Лермонтова справедливо обращены полные ожиданія взоры.» (*Denkw. und Verm. Schriften. V. 747.*)

«тературахъ Италіи, Испаніи и Англіи; менѣе удачно знакомство и-
ше съ писателями римскими, французскими . съ русскими, каковы
«знакомитса всего труднѣе. Для знакомства этого, языку нашему
«нужно сдѣлать новыя усилія ; онъ очень-хорошо объимаетъ смыслъ,
«но съ трудомъ передаетъ своеобразный складъ русскаго выраженія,
«а для передачи поэтическихъ произведеній выраженіе — главное».

Теперь германская литература можетъ указать на двухъ дѣлателей,
которые въ полной мѣрѣ выполняютъ эти требованія г. Фарнгагса:
это — Фридрихъ Боденштедтъ и Августъ Видертъ.

И. НИЖАЙЛОВЪ.

ЭСХИЛЪ

И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАГЕДІЯ ВЪ ГРЕЦІИ.

(Статья Луи Бино.)

Литературное значеніе пьесъ Эсхила. — *Прометей*. — Ложное истолкованіе этой трагедіи. — Фелькеръ и нѣмецкіе критики. — Историческій мифъ Прометей. — Вторженіе египтянъ въ Грецію. — Мифъ ниневы Іо. — *Освобожденный Прометей*. — Юнійцы и ихъ древнія божества. — Трилогія. — *Прометей*. — *Даканды*. — *Семь вождей передъ Фивами*. — *Орестъ*. — *Эвмениды*. — *Аяксы*. — *Хоръ Эвменидъ*. — *Судъ жрецовъ и Ареопага*. — *Персы*. — *Ликурги*. — *Психостазія*.

Тщательное изученіе древности составляетъ отличительную черту нашего времени. Это изученіе собираетъ въ одно цѣлое исторію первобытныхъ племенъ, какъ антикваріи составляетъ надпись изъ разбитыхъ кусковъ древняго зданія. Поэзія, какъ вѣрное зеркало своего вѣка, выражаетъ не своевольные порывы прихотливаго воображенія, а національность, нравы и образованность народа въ данную эпоху его исторіи.

Какъ нельзя узнать всѣхъ качествъ человѣка, не изучивъ всей его жизни съ первой мысли его дѣтства, такъ нельзя оцѣнить и народъ не изслѣдовавъ всей его исторіи, начиная съ ея источника. Въ эти источники и надобно углубиться, чтобъ избѣжать оптическаго обмана послѣдующихъ вѣковъ. Надобно познакомиться съ преданіями первобытныхъ временъ и по возможности сблизиться съ точкою исхода этихъ преданій.

Чтобъ проникнуть вполнѣ въ духъ и нравы Греціи, надобно послѣ Гомера изучить Эсхила, хотя въ немъ нѣтъ простоты и глубокой поэзіи пѣвца Илиады. Эсхилъ болѣе принадлежитъ къ средней эпохѣ греческой исторіи ; но онъ, также, какъ Гомеръ, слѣдуетъ той же главной идеѣ, только съ болѣею увѣренностью и строгостью. Языкъ его представляетъ сжатая мысли ; это тѣ же идеи Гомера съ новыми символическими словами, ярко-выраженными. Скульптура, живопись, музыка, движеніе, рельефность, ритмъ, самыя религіозныя танцы его

мъ удивительно изображаютъ духъ и жизнь его твореній. Въ со-
зѣ и ходѣ своей драмы онъ простъ до крайности и наполняетъ
иногда всю длинными, темными, монотонными лирическими жало-
и. Но слушатель невольно тронутъ его гениемъ, потому—что подъ
кимъ словомъ, подъ обветшалостію мифа, подъ неяснымъ очер-
къ изображенія всегда скрывается порывъ негодованія, молитва, или
трагедіе. Въ сценахъ, гдѣ дѣйствуютъ однѣ человѣческія страсти,
матическій интересъ развивается быстро и смѣло; отъ этого эффек-
не разнообразны; нѣтъ послѣдовательности въ развитіи чувствъ,
у Софокла, и однакожъ, энергія, быстрота, рельефность харак-
ювъ ставятъ нѣкоторыя сцены трагедій Эсхила выше всего, что
писано въ этомъ родѣ. Но когда, оставя темную сторону человѣ-
ства, Эсхилъ говоритъ о мифологическихъ, сверхъестественныхъ су-
ствахъ, онъ поражаетъ зрителей какимъ-то таинственнымъ ужасомъ.
смотря на огромное разстояніе, отдѣляющее насъ отъ его *Эме-
дъ*, *Кассандры* и *Прометей*, мы ощущаемъ вліяніе тогдашнихъ
ей и повѣрій. Этотъ сверхъестественный мракъ, покрывающій дре-
хъ боговъ Греціи, наполняетъ всѣ драмы Эсхила, представляя дер-
сть человѣчества, осмѣливающагося бороться съ судьбою. Чтобъ
ражать подобныя мысли, надобно было жить въ такомъ вѣкѣ и об-
ествѣ, которые олицетворяли элементы этой борьбы.

Изучая Эсхила, надобно всегда начинать съ Прометей. Если эта
агедія не первая изъ его произведеній по хронологическому поряд-
у, то, по своей странной формѣ, она ближе къ первоначальнымъ пред-
авленіямъ историко-религіозной драмы древней Греціи; она первая
ь хронологическомъ порядкѣ народныхъ преданій, которыхъ эпоху
отѣлъ развитъ Эсхилъ. Къ—сожалѣнію, ни одна пьеса не была такъ
рно понята, какъ эта. Сперва самая возвышенность сюжета каза-
сь незаслуживающею вниманія критиковъ. Когда же, потомъ, она воз-
удила всеобщее удивленіе, то ее перетолковали самымъ превратнымъ
бразомъ.

Французскіе критики въ XVIII—мъ вѣкѣ, занимаясь только правилами
лассицизма и правдоподобіемъ происшествій въ—отношеніи къ исто-
ии человѣчества, не хотѣли даже признать *Прометей* трагедіею и
идѣли въ ней только чудовищное произведеніе, написанное высокимъ
логомъ. Эти символическія лица, этотъ полубогъ, пораженный гро-
момъ и прикованный къ скалѣ, океанъ съ дочерями, являющіеся въ
блакахъ, чтобъ упрекать его и утѣшать; нимфа Ю, превращенная
съ тѣлицу, преслѣдуемая тѣнью Аргуса и проходящая мимо Проме-
ей только длятого, чтобъ выслушать предсказаніе своей будущей
части— все это, конечно, могло казаться страннымъ Вольтеру и Ла-
арпу, мало знакомымъ съ мифологическими вымыслами Греціи.

Нѣмецкіе критики составили *свою* теорію; они предположили, что
всѣ мифологіи нарочно изобрѣтены, чтобъ поразить отвлеченныя идеи,
и потому искали въ *Прометей*, какъ и во всѣхъ древнихъ вѣровані-
ихъ, однѣхъ философскихъ аллегорій. Фелькеръ, котораго ученныя из-
мѣдованія трилогій Эсхила во многихъ пунктахъ объяснили духъ пер-
значальной драмы, почитаетъ Прометей изображеніемъ науки, или

человѣческаго ума, который, воссредствомъ огня, плавленнаго металла, создалъ искусства и который, борясь безпрестанно съ природою, участвуетъ въ борьбѣ стихій, покуда дойдетъ до-того, что уснѣетъ установить равновѣсіе и гармонию около себя.

Другіе критики почитаютъ Прометея аллегоріею послѣдовательности мнѳолотн въ исторіи Греціи и выраженіемъ переворота, прѣшедшаго въ данную эпоху. Приписывать эту мысль Эсхилу, значитъ ошибаться. Прометей Эсхила вовсе не думаетъ о неспровержимнхъ древнихъ преданіяхъ. Стоитъ только тщательно анализировать пьесу, чтобы найти въ ней истинную мысль автора. Какъ гениальный человѣкъ, создавшій новый родъ поэзіи, Эсхиль произвелъ родъ нравственнаго переворота. Его въ свое время обвиняли въ томъ, что онъ открылъ народу религіозныя таинства мистерій. У него всегда была одна главная мысль, одушевлявшая его сочиненія. Она видна повсюду; это всгдашняя принадлежность великихъ умовъ, оставляющихъ слѣды своихъ мыслей. Это условіе ихъ силы и вліянія. Слѣдственно, если подобная идея открывается въ развитіи его поэмъ; если она составляетъ главное ихъ основаніе; если она соответствуетъ духу, потребностямъ и событіямъ своего времени, то по неволѣ надобно будетъ признать ее истиннымъ выраженіемъ современной Эсхилу эпохи и подчинить этой основной мысли всѣ прочія произвольныя истолкованія.

Вопервыхъ, что за лицо Прометей, по словамъ Эсхила и преданій? Сынъ Япета, отецъ Деккаліона, то-есть родоначальникъ всего племени эллиновъ. Онъ явно служитъ изображеніемъ не идеи, а цѣлаго племени; онъ представитель его. Онъ называетъ себя полубогомъ, вѣроятно, потому, что принадлежалъ къ сословию крѣповъ. Само имя его подтверждаетъ эту догадку (Прометей значитъ *предсказывающій*). И въ знаменитомъ монологѣ его, гдѣ онъ рассказываетъ объ услугахъ, оказанныхъ имъ народу и просвѣщенію, нельзя не видѣть дѣйствій жреца, потому-что въ тѣ эпохи исторіи смлгченіе дѣлнхъ нравовъ и образованіе народа принадлежало кастѣ жрецовъ. «Отъ сколькихъ бѣдствій (говоритъ Прометей) спасъ я эллиновъ!» Онъ не обвиняетъ ихъ въ неблагодарности; онъ только рассказываетъ, какъ любить ихъ, потому-что до него народъ ничего не видѣлъ, не слышалъ, не понималъ; онъ не умѣлъ ни строить домовъ, ни обрабатывать дерево; онъ обиталъ, подобно муравьямъ, въ нѣдрахъ подъ землею. Онъ не понималъ возвращенія времени годъ и трудился безотчетно, покуда узналъ значеніе солнечнаго года восредствомъ теченія небесныхъ тѣлъ. Прометей научилъ народъ числамъ, образцовому произведенію ума человѣческаго, научилъ составленію буквъ, открылъ источникъ наукъ и всѣхъ изобрѣтеній. Прометей научилъ народъ благотѣльнымъ лечебнымъ средствамъ, предсказаніямъ, прижѣтамъ, познанію воли боговъ при жертвоприношеніяхъ; научилъ полезнымъ качествамъ металловъ, скрывающихся въ землѣ: мѣди, желѣза, серебра, золота. Однимъ словомъ: всѣ искусства преподаны Прометеемъ. Нельзя, кажется, истребить заслугъ крѣповъ, можетъ-быть, пришлѣдникъ изъ Финикія, потому-что они принесли съ собою письмо и просвѣщеніе къ этимъ

вымъ пеллагамъ, или *ионійцамъ*, которые на древнихъ памятникахъ Египта изображены одѣтыми въ звѣринныя шубы и татуированными, и которые названы *юнами* на этихъ памятникахъ.

Теперь посмотримъ на лицо Зевса въ Эсхилѣ. Первые подвиги этого юга не что иное, какъ повтореніе происшествій, случившихся съ рисомъ, нѣсколько измѣненныхъ мѣстными требованіями при перенесеніи ихъ на почву Греціи. Преслѣдуемый Тифономъ, какъ Озирисъ, доиди, освобожденный богиней Реей и Гермесомъ, какъ египетскій богъ дою и Горусомъ, изъ острова Крита, въ которомъ египетскія предавленны въ Миносъ, или Менесъ, Зевсъ напалъ на Пелопонесъ стороны Лерны (другое мѣсто, полное воспоминаній о Египтѣ), во времена Павзанія, восемнадцать вѣковъ спустя, празднуемыи и столь страшныи таинства, что писатель этого не смѣлъ даже сказывать ихъ. По предсказанію Прометея, Іо должна соединиться нимъ въ Египтѣ и основать на нильской дельтѣ особую колонію, орака вѣкогда съ Данаемъ возвратится снова въ прежнее отечество.

Свидѣтельно, свидѣтельство Эсхила чрезвычайно-ясно; онъ не подкрепляетъ мнѣнія новѣйшихъ индологовъ, которые всю греческую цивилизацію производятъ съ береговъ Инда и Ганга. Мысль поэта, витающа въ Прометей, состоитъ въ сопротивленіи ионійцевъ, или пелопонесцевъ, противъ египетскаго вторженія. За это Прометей прикованъ къ скалѣ, то-есть прогнанъ съ своимъ племенемъ къ сѣверу, откуда онъ, предводимое сыномъ Прометея, Девкалиономъ, вновь появится въ названіемъ эллиновъ, дорійцевъ и ахейцевъ для обратнаго завоеванія своей родины.

Это анти-египетское значеніе драмы Прометей обнаруживается во всѣхъ подробностяхъ ея, равно какъ и въ прочихъ шеесахъ Эсхила. Легенда Прометея дошла до насъ въ двухъ видахъ, проистекшихъ отъ двухъ разныхъ направленій греческой цивилизаціи. У Эсхила легенда эта національная, героическая, ободряющая пелопонесцевъ; у Гезиода она египетская, оскорбительная для туземцевъ. Титаны унижены, Прометей вынанъ брабью; хитрости его осмѣяны, какъ у Аристофана, который высмѣиваетъ его, идущаго съ какимъ-то замысломъ противу Зевса подъ интикомъ, чтобъ богъ не увидѣлъ его.

Для насъ странно кажется идея вывести на сцену Намѣу Іо, предназначенную въ телицу; но она необходима: это будущность Прометея. Отъ Іо долженъ родиться Геркулесъ. Іо представительница племени Ялета и ионійцевъ. Она носитъ одно имя съ Іовомъ, эпонимическимъ героемъ этого племени. Самъ Эсхилъ говорить, что по имени я назовется Ионійскій Заливъ, и когда Іо является къ Прометею, онъ рассказываетъ ей всѣ испытанія, какія претерпѣлъ ионійцы прежде, ежели возвратятся въ свое отечество. Сперва критики думали, что иона не является на сцену въ видѣ телицы. Почему же, если современники видѣли въ ней символъ земли, на которой они обитали? Ипритомъ же греки вездѣ употребляли символическія фигуры въ живописи и скульптурѣ—почему же не допустить ихъ на театры, гдѣ Эсхилъ выставляетъ же своихъ Эменидъ со змѣями, а Аристофанъ

заставляет разговаривать птицъ, шмелей и лягушекъ? Какъ бы и ни было, фактъ неоспоримъ. Ио на сценѣ ошланиваетъ потопити красоту и говоритъ о рогахъ на ея лбу. Далѣе сказано, что она ищетъ съ горести; Аргусъ послѣдовалъ за нею по слѣдамъ, оставленнымъ ею на песокъ, и ее укусила глѣзень.

Самая странность этого символизма не допускаетъ мысли дѣйствительнаго существа, а заставляетъ предполагать *собранный*. Потому-то и не удивительно, что Ио такъ долго путешествуетъ чрезъ все полуостровъ Греціи, идетъ кругомъ чрезъ Сицию, переправляется чрезъ Борисфенъ, слѣдуетъ чрезъ всю Верхнюю Малую Азію, Сирию, Аравию, чтобъ достигнуть береговъ Нила. Это просто переселеніе цѣлаго племени, принимающаго участіе во вторженіи вострѣ въ Египетъ, подобно тому, какъ въ позднѣйшія времена толпы народовъ отъ Каспійскаго Моря и изъ Скандинавіи являлись для разрушенія Римской Имперіи. Нѣсколько-длинныя географическія подробности, рассказываемыя о путешествіи Нимфы Ио (которыя критики старались оправдать тѣмъ, что зрители любили тогда описаніе путешествій) не имѣютъ нужды въ оправданіяхъ: это были популярныя воспоминанія. Всѣ знали о мнимыхъ, или дѣйствительныхъ вѣркахъ путниковъ ея съ амазонками, «оркидами, армаспами.

Наконецъ, экспедиція остановилась въ нильской дельтѣ, гдѣ должна была основать *большую колонію*. Тутъ, прикосновениемъ волшебственной руки, Зевсъ возвратитъ Нимфѣ Ио ея прежній вѣкъ и красоту; тутъ она произведетъ на свѣтъ *черную Эфабу*, то-есть отъ соединенія этихъ переселенцевъ съ туземцами произойдетъ Амазонъ, который дѣйствительно хотѣлъ примирить въ Египтѣ племена побѣдителей съ побѣжденными, потому-что только одно это и имѣло таю въ числѣ фараоновъ на позднѣйшихъ памятникахъ.

Однакожь, при пятомъ поколѣніи племя эллиновъ, прибывшее въ Грецію, снова возвратилось туда.

Всю эту длинную исторію рассказываетъ Прометей, предвидя свое будущее.

Далѣе являются Океаниды и склоняютъ Прометей смириться; но тотъ непреклоненъ и Зевсъ посылаетъ Гермеса, египетскаго *Тота*. Между ними происходитъ прекраснѣйшая сцена трагедіи. Наконецъ, Гермесъ объявляетъ Прометей неизлечимымъ безумцемъ и приказываетъ океанидамъ удалиться, чтобъ грома Зевса не испугали ихъ, но тѣ хотятъ раздѣлить участь несчастнаго. Вдругъ земля потрясается, водяные столбы поднимаютъ облака пыли, вѣтры ревутъ, молніи низвергаются на виновнаго—и полубогъ падаетъ въ бездну, призывая мать свою.

Дальнѣйшая участь Прометей составила сюжетъ другой пьесы *Освобожденный Прометей*; она не дошла до насъ. Гезіодъ говоритъ, что если Прометей былъ освобожденъ, то единственно по волѣ Зевса. По аеинскому же преданію, Декаліонъ превратилъ на берегахъ Цефизы камни въ людей и размножилъ родъ Прометей. Юнійми заселили Аттику; тамъ Прометей разсѣкъ Зевсу голову, изъ которой вышла Минерва. Эта новал басня доказываетъ, что изъ союза Проме-

и Зевса востыли Аены. Вообще, Прометей, Вулканъ и Минер-
ставляютъ мѣстныя божества Аены. Для этихъ трехъ божествъ
исъ празднества. Люди, съ зажженными факелами пускались бѣ-
отъ алтаря Прометея, и у кого погасалъ факелъ, тотъ считалъ-
бжденнымъ. Такимъ образомъ огонь, похищенный Прометеемъ,
гася греками наслѣдствомъ, вѣреннымъ имъ для распростране-
го и передачи. Прибавимъ, что факелъ Прометея возжигался на
уъ Любви.

кой же теперь смыслъ придать Прометею Эсхила? Борьба іоній-
противъ египетскихъ переселенцевъ и чужеземнаго богослуже-
вотъ настоящее значеніе этой трагедіи. Происходя, какъ и Пин-
отъ аристократической фамилии, Эсхилъ почитался всегда вѣр-
авторитетомъ по части древнихъ преданій.

ь перваго взгляда главное отличіе Эсхила отъ преемниковъ его
онтъ въ томъ, что у тѣхъ искусство возвышается съ измѣне-
преданій. Они ужъ оставляютъ правило трилогіи. Впрочемъ,
Эсхила идеи драматическія изобильны, положенія вполнѣ раз-
ы, характеры и слогъ разнообразны. Онъ прекрасно выражаетъ
ѣжность и печаль, силу и ужасъ. Кажется, еслибъ эпоха его тре-
ала, онъ писалъ бы съ такою же плодovitостью и въ такихъ же
рокихъ размѣрахъ, какъ и Софоклъ; но въ его время требовали
ь него прежде всего великихъ національныхъ воспоминаній. Чтобы
зять весь глубокой геній Эсхила, надобно вспомнить, что драма-
ргія и поэзія были у него всегда на второмъ планѣ. Во всѣхъ его
идесяти—пяти трагедіяхъ на первомъ планѣ всегда находится исто-
ческое единство; вездѣ одинаковое основаніе и заключеніе. Это цѣ-
ій рядъ хронологическихъ драмъ, какъ у Шекспира.

Возьмемъ, во первыхъ, слѣдуя хронологическому порядку, *Проси-
льницъ*. Это одна пьеса, оставшаяся отъ египетской трилогіи,
лорическое продолженіе Прометея. Потомство Іо—эта большая ко-
нильской дельты, возвращается на родину, которой блистатель-
до будущность предсказалъ Прометей. Историческое основаніе
рамы вѣрно: оно относится къ восемнадцатой и девятнадцатой ди-
астіи фараоновъ. Частное, постепенное изгнаніе и отдѣльное возвра-
ченіе племенъ, вторгнушихся въ Египетъ; сильная реакція Рамзеса
ротивъ чужеземцевъ, въ числѣ которыхъ іонійцы обозначены даже
а памятникахъ; рассказы Манеона о сопротивленіи и бѣгствѣ да-
авей—все придаетъ этому эпизоду историческую достовѣрность.

Первая пьеса этой трилогіи называлась *Египтяне*. Въ ней изобра-
кались угнетенія, претерпѣваемые Данаемъ и племенемъ его въ Егип-
тѣ. Онъ спасается оттуда бѣгствомъ съ своими пятидесятью дочеръ-
ми, на которыхъ пятьдесятъ сыновей египетскаго фараона хотѣли
насилъно жениться.

Въ началѣ второй пьесы трилогіи: *Просительницъ*, эти пятьдесятъ
данаидъ вышли на берегъ Арголиды. Онѣ обращаются къ Зевсу съ
мольбою о покровительствѣ.

Аргосскій царь Пелазгъ, узнавъ о прибытіи неизвѣстнаго племени,
приходитъ къ Данаю, который и рассказываетъ ему всю исторію Іо

и обидеть их предков. Народ Аргоса единогласно принимает на свою защиту это родственное племя. Является и египетский герма. Онъ, какъ Гермесъ въ Прометей, начинаетъ рѣчь угрозами; и слъ отвѣчаютъ насмѣшками, называютъ египтянъ большими ледяными и пыльными.

«— Вы насильно не отнимете у насъ Данаидъ, говоритъ герма Аргоса. — Это рѣшеніе пробито гвоздемъ насквозь, и его не видѣнуть; это не написано, по-вашему, на таблицахъ, не скрыто въ крѣпкахъ папруса, но произнесено волею независимой нации. И такъ удались съ глазъ моихъ, да поскорѣе».

«— Такъ знайте же, отвѣчаетъ египтянинъ: — что вы избраете новую войну. Побѣда и могущество будутъ на нашей сторонѣ».

«— Ну, такъ вы найдете (отвѣчаетъ царь) въ здѣшнихъ жителяхъ людей, которые не пьютъ ячменнаго вина».

Пелазгъ тотчасъ же отправляетъ Данаидъ въ укрѣпленный городъ окруженный стѣнами и башнями. Такимъ-образомъ племя ю освобождено и вступаетъ опять въ семейство пелазговъ.

Третья пьеса, *Данаиды*, оканчиваетъ эту *трилогию*. Вся она имѣетъ одинаковую роль съ Прометеемъ.

Послѣ египетской трилогии посмотримъ на египетскую — вопреки другому, но цѣль та же. Эдипъ, коринтскій выходецъ (Коринтъ тогда эолийское племя) убилъ Сфинкса. Этотъ Сфинксъ служитъ изображеніемъ чужеземной еократіи, губившей всѣхъ, кто не зналъ ея языка, или не посвященъ былъ въ ея таинства. Эдипъ воцарился, но жрецы финикійскаго происхожденія вооружаютъ противъ него оркловъ; онъ покидаетъ Фивы; одинъ изъ сыновей его воцарился, возвелъ новый партію жрецовъ. Другой сынъ составилъ союзъ Арголды, Эолии Эолии и Аркадіи противъ возставшихъ Фивъ. Слѣдовательно, какъ и въ предыдущихъ пьесахъ, обѣ партіи рѣзко очерчены. Въ этой трагедіи Эсхила царствуетъ величайшая простота. Она болѣе представляетъ эпические портреты семи вождей, стоящихъ каждый у одной изъ семи воротъ осажденнаго города и семи египетскихъ предводителей противопоставленныхъ имъ. Это великоблѣнное описаніе довольно вѣстно; но никогда еще не замѣчали особеннаго, общаго колорита лежащаго на всѣхъ пьесахъ Эсхила. Всѣ нападающіе Греки изображены противниками Зевса, какъ Прометей, и явно-принадлежащими къ партіи Тифона; враги же ихъ мирные люди, финикійцы древнѣе фамиліи Кады. Между эллинами одинъ только жрецъ Амвранъ; а онъ приведенъ насильно, старается о неуспѣхѣ предпріятія и воо самыми стѣнами города упрекаетъ предводителей въ неправосудіе, илучалъ въ отвѣтъ одинъ оскорбленіе. У Претидскихъ Воротъ Тидей вопіетъ, потрасаетъ колокольчиками своего щита и осмываетъ краснубранью, обвиняя его въ малодушіи. У Электрическихъ Воротъ Кавей обнаруживаетъ еще болѣе дерзости. Третій предводитель эллиновъ вызываетъ на брань Марса за то, что тотъ мѣшаетъ ему идти въ приступъ. На щитѣ четвертаго изображенъ Тифонъ, древній врагъ Зевса. Пятый, аркадіецъ, говоритъ, что копье его сильнѣе вою

ища и что онъ опустошитъ городъ; на щитѣ его изображенъ инксъ, терзающій Фивянина.

Послѣ этого *Семь вождей предъ Фивами* изображаютъ не случайную картину обихъ партій, но борьбу двухъ враждебныхъ племенъ. Бокомысленность событій, изложенныхъ въ трагедіяхъ Эсхила не жагаетъ насъ, потому—что мы не знаемъ ихъ вполне. Мы бы иначе ихъ смотрѣли, еслибъ всѣ трилогіи дошли до насъ; у Эсхила трилогія дополнялась *Эпиграми*. Эти эпигоны были потомками *ми вождей*, осаждавшихъ Фивы, и окончательно разрушили власть иккійцевъ и жрецовъ. Это событіе случилось десять лѣтъ спустя. Ахиллонъ воспользовался побѣдою, потому—что еивскій оракулъ *Ман-* (гаданіе) былъ по смерти Тирезіаса перенесенъ въ Дельфы, а Фивы явили новый порядокъ вещей вмѣстѣ съ Аоннами.

Такимъ—образомъ видѣли мы въ Прометѣ въ одно время національную и религиозную войну. Теперь увидимъ въ *Орестѣ*, или триггн Ореста, которая въ полномъ своемъ составѣ дошла до насъ, о право судить преступленія отъ жрецовъ передано Ареопагу. Это—дѣльная эпоха въ мнѣологической исторіи. Эсхилъ изобразилъ ее такою же силою, какъ и войну Титановъ. Сюжетъ этотъ тѣмъ затруднителенъ, но тѣмъ болѣе заслуживаетъ серьезнаго изученія, потому—что трагедія *Эвмениды*, столь странная и наполненная пельными картинками, составляла бы ничтожную фантазмагорію, оказываясь самымъ забавнымъ судилищемъ, еслибъ не имѣла историческаго значенія.

Допустивъ введеніе въ Грецію египетской бюократіи, довольно—мощественной, чтобъ прочнымъ образомъ утвердить свои страшныя аинства, надобно необходимо предполагать, что судилища жрецовъ были столь же грозны и таинственны. Извѣстно, что египетская судебная власть судила не одни поступки, но и нравы. Даже фараоны судились послѣ смерти, и этотъ судъ производилъ, разумѣется, сильное впечатлѣніе на воображеніе, тѣмъ болѣе, что приговоры религиозныхъ судовъ произносились послѣ смерти. Тотъ, кого жрецы осуждали на землѣ, былъ осуждаемъ и въ *Алгемтѣ* (въ преисподней); тамъ этотъ же судъ произносился сорока—двумя присяжными передъ *Озирисомъ*. Пороки и добродѣтели были взвѣшиваемы на вѣсахъ, и Греки называли это дѣйствіе *психостасією* (взвѣшиваніемъ душъ).

Въ Греціи *Эвмениды* изображались въ видѣ трехъ, иногда двухъ, иногда же четырехъ существъ, часто подъ однимъ тѣломъ съ нѣсколькими головами, или съ одною головою и шестью руками, однимъ словомъ: они обозначались неопредѣленнымъ образомъ. Эсхилъ назначилъ ихъ *пльмьдесятъ*, и это точное число судей въ *Алгемтѣ*, считая сорокъ—два судьи, двухъ богинь, которыя приводятъ души умершихъ, Горуса и Анубиса, которымъ поручены вѣсы, Тота, записывающаго рѣшенія, Омса, или Цербера, котораго лай означаетъ повидимому обвинителя, Озириса, утверждающаго приговоръ окончательно и наконецъ Кинокефала, исполняющаго приговоръ. Кроме—того, что *Эвме-*

ниды, которыхъ имена едва смѣли произносить въ Греци, были изображаемы у египтянъ не съ такою ужасною наружностью, которую имъ придали потомъ Греки, самыя статуи ихъ, по словамъ Плиния, не имѣли ничего страшнаго. Эсхилъ первый придумалъ для нихъ в сценѣ ужасныя маски и волосы изъ змѣй (такъ напугавшихъ зрителей въ первое представленіе пьесы). Для чего онъ это сдѣлалъ? Чтобы напомнить формы адскихъ божествъ, у которыхъ на человѣчествѣ были головы крокодиловъ, шакаловъ, собакъ, змѣй, гиеновѣдъ, коршуновъ. Эти формы, лишенная своего іероглифическаго значенія, остались у Грековъ только въ видѣ адскаго безобразія.

Монументы и медали подтверждаютъ это. На виньеткахъ вооруженнаго ритуала мумій, Озирисъ держитъ въ рукахъ плетъ и особаго рода крючокъ; передъ нимъ шкура пантеры, тирсъ, цвѣтокъ лотуса, собака Омсъ и ключъ. Всѣ эти атрибуты изображаются у Эвменидъ греческихъ и этрусскихъ; они представлены увѣнчанными лотусомъ съ лающими собаками, и сосудомъ, похожимъ на митру Озириса. Они одѣты въ кожи пантеръ, вооружены плетями, крюками, или съ ключомъ въ рукѣ. Обряды служенія Эвменидъ совершенно напоминаютъ судилище въ Аменти со всеми его ужасами. Имъ привосятъ жертвы по ночамъ, иногда въ подземельяхъ. Жрецы одѣвались въ печальныя одежды. Пѣніе ихъ заключалось въ жалобныхъ звукахъ, похожихъ на стоны обвиненныхъ. Всѣ зрители должны были скрывать глубочайшее молчаніе.

Сильнѣйшимъ доказательствомъ, какую важную роль играли эти мстительныя божества, служить адскій гимнъ, который Эсхилъ заставляетъ ихъ пѣть надъ несчастнымъ Орестомъ. Этотъ гимнъ печальными звуками, мрачнымъ припѣвомъ, напоминаетъ вѣдьмъ Макбета. Въ немъ вся юриспруденція Эвменидъ.

«Ты не отвѣчаешь (говорятъ они Оресту)? Ты не хочешь говорить съ нами, тогда—какъ ты нашъ, вскормленъ и весь намъ принадлежишь? Хорошо же! Ты будешь нашею живою пищею. Послушай только нашъ гимнъ, который свяжетъ тебя навѣкъ. Соберитесь же составимъ наши пляски, если ужъ мы открыто должны пѣть адскій нашъ гимнъ, если должны объявить въ чемъ состоитъ наша обязанность и наша власть надъ судьбою смертныхъ и какъ мы любимъ оказывать правосудіе.

«Кто простираетъ къ намъ чистыя руки, того гнѣвъ нашъ не преслѣдуетъ, и онъ безвредно проходитъ жизненное поприще; но если такой преступникъ, какъ этотъ человѣкъ, скрываетъ окровавленныя руки, мы являемся, какъ свидѣтели погибшихъ и безжалостно мстимъ за кровь. О мать! родившая насъ для возмездія, о ночь! наша родительница, услышь нашъ голосъ: Аполлонъ наноситъ намъ безчестіе: онъ похищаетъ отъ насъ эту добычу, эту жертву, преданную намъ за умерщвленіе матери. Но надъ нимъ возгласимъ мы свой гимнъ. Наступленіе, безумство, смерть! Гимнъ Фурій, поражающій устъ заставъ умолкнуть лиру, иссуши людей.

«Неумолимый рокъ соткалъ для насъ нить, которою мы связаны. Мы должны сопутствовать безумцамъ, совершившимъ убійство, до той смерти ихъ, и за гробомъ они еще не освобождены.

«Съ самаго нашего рожденія это былъ ужъ долгъ нашъ, но наши ки не прикасаются къ безсмертнымъ. Бѣлые покровы не даны намъ удѣлъ и наслѣдство. Наша обязанность — мечь. Какъ-скоро изничтожимъ мечомъ другъ, или родственникъ, тогда, устремись на виновнаго, какъ бы онъ ни былъ храбръ, погашаемъ мы мощь его въ его же крови.

«Мы дѣйствуемъ быстро, чтобъ никто не предупредилъ насъ въ омы трудъ, чтобъ избавить боговъ отъ повѣрки нашихъ рѣшеній. всь съ презрѣниемъ отвергъ сонмъ нашъ грозный и кровавый. Для го-то мы и нападаемъ на виновныхъ, тяготѣя всею силою нашей жести надъ бѣгущими, утомленными отъ долговременнаго преслѣванія. Тяжкое мщеніе, невыносимое для смертныхъ!

«Виновные исчезаютъ въ могилѣ и жалко скрываются подъ нашею зрною одеждою, когда мы появляемся и начинаемъ пляску грозными огами. Онъ падаетъ, и самъ того не знаетъ, до-того онъ движется езумнымъ въ своемъ паденіи. Казнь, тяготящая надъ человѣкомъ, гущаетъ мракъ вокругъ него и распространяетъ въ чертогахъ его устой туманъ, посреди котораго слышенъ стѣнящій его голосъ.

«Это такъ утверждено и никогда не измѣнится. Мы судьи, вѣчно-дѣятельные и самовластные; мы не забываемъ злыхъ; мы никогда не острадаемъ; мы вѣрны своему званію, неприносящему ни почестей, ни жертвоприношеній, удаленному отъ жилища боговъ при безконечномъ свѣтѣ, въ странахъ, гдѣ нѣтъ путей и куда не проникаютъ ни кивые, ни мертвые.

«Кто же изъ мертвыхъ не ощутитъ страха и уваженія въ присутствіи правосуднаго и совершеннаго узаконенія, ввѣреннаго намъ? Мы сохранили свое древнее достоинство. Пренебреженіе не можетъ коснуться насъ, хотя наше жилище и находится подъ землею, а печальное наше солнце свѣтитъ во мракъ».

Истинный сюжетъ пьесы Эсхила, состоитъ въ уничтоженіи судилища *Аменидъ*, или *Эменидъ*, существовавшаго въ видѣ настоящаго суда. Власть Эменидъ сохранилась съ-тѣхъ-поръ только въ храмахъ, какъ нравственная сила надъ совѣстью; но вѣншній судъ перешелъ къ Ареопагу.

Установленіе Ареопага (холмъ Ареса или копыя) восходитъ къ глубокой древности, и воспоминаніе о немъ соединяется въ этихъ баснословныхъ временахъ всегда съ идеею оградъ, посвященныхъ для судилищъ у воинственныхъ народовъ. Это то же, что Малльбергъ галловъ и франковъ, гдѣ судьи засѣдали съ копьемъ въ рукѣ.

Во времена Кекропса, Аресъ оправданъ былъ въ этомъ судилищѣ за убійство чужеземца, а Кефалъ, изъ эолийскаго племени, обвиненъ за умерщвленіе дочери аонскаго царя, Орестъ Эсхила приводится въ это судилище самимъ Аполлономъ.

Орестъ, преслѣдуемый Эменидами, ищетъ убѣжища въ Дельфѣ въ храмѣ туземнаго бога Аполлона. Писня, обратившаяся съ колѣбами сперва къ первобытнымъ божествамъ Греціи, а потомъ къ соединившимся съ ними чужеземнымъ богамъ, вдругъ идетъ вокругъ алтаря и Ореста ужасныя лица существъ, отъ которыхъ онъ спасается бѣгствомъ. Является самъ Аполлонъ и призываетъ Ореста стать посреди «этихъ ненавистныхъ старухъ, отвергаемыхъ богами людьми и животными и обитающихъ въ преисподней». Онъ посылаетъ въ Аѳины къ Минервѣ требовать другихъ судей. Эмениды, возбуждаемые тѣнью Клитемнестры, требующей мщенія, встаютъ съ шумомъ, и видя, что жертва ихъ можетъ избѣжать отъ руки, обвиняютъ *новыхъ боговъ*, уничтожающихъ древнихъ Дочерей Рода. Аполлонъ изгоняетъ ихъ изъ храма. Онъ преслѣдуетъ Ореста въ Аѳинѣ и находитъ его у подножія истукана Минервы. Является и она сама, олицетворяя прииреніе Зевса съ Прометеемъ и изображая соединеніе войны съ науками, греческаго геройства съ египетскою мудростью. Ей поручено прекратить послѣдній споръ: очевидно, что дѣло Ореста служитъ только поводомъ къ этому примиренію. Начинается судъ; но Минерва не довѣряетъ собственному своему рѣшенію и объявляетъ, что впредь всѣ уголовныя дѣла будутъ судимы Ареепагомъ, которому она и даетъ правило для будущаго руководства. Эмениды негодуютъ; они все повторяютъ, что ихъ лишаютъ древнихъ правъ. Минерва съ терпѣніемъ выслушиваетъ ихъ, и частью просьбами, частью угрозами успокоиваетъ ихъ, обѣщая соорудить имъ въ Аѳинахъ храмы, установить обряды и жертвоприношенія. Эмениды соглашаются и наконецъ благословляютъ Аѳины. Съ публичною процесіею ведутъ ихъ въ ограду, изъ которой онъ уже не выйдетъ.

Историческое единство въ драмахъ Эсхила очевидно. Въ трагедіи *Персы* тоже видна борьба національности. Еслибъ разсмотрѣть и прочія, недошедшія до насъ пьесы, то по однимъ отрывкамъ ихъ и преданіямъ можно судить, что и онѣ основаны на той же идѣ; заиримѣрь, въ трилогіяхъ о введеніи почитанія Діонисія—Вакха въ Фригію и Витію, вездѣ виденъ національный элементъ, борющійся противъ чужеземнаго божества, но принимающій наконецъ его въ число своихъ боговъ. Въ-особенности въ *Ликуриѣ* по нѣкоторымъ отрывкамъ видна та же идея, какъ и въ Прометѣѣ.

Сюжеты, заимствованные изъ троянской войны, происходятъ очевидно изъ того же источника. Въ *Психостасіи* Эсхиль, какъ видно, хотѣлъ болѣе всего возстать на древній Египетъ. У него взвѣшиваютъ на вѣсахъ судьбы души Ахилла и Мемнона. Напрасно послѣдній явится своею образованностью, своимъ происхожденіемъ «съ береговъ семнустнаго Нила, котораго священныя волны оплодотворяютъ питательныя колосья Цереры»: онъ оказывается слишкомъ-легокъ на вѣсахъ. Ахиллъ и Греція одерживаютъ верхъ. Эсхиль въро этия взвѣшиваніемъ двухъ героев хотѣлъ показать весь обихъ жизни въ пользу новѣйшей, смѣлѣйшей и дѣятельнѣйшей.

куда же, однако, происходитъ это странное единство мыслей, въ ршенно-различныхъ пьесахъ? Отчего всѣ трагедіи Эсхила кажутся по одной формѣ, имѣютъ одинъ общій результатъ, хотя вычайно-разнообразны по именамъ, характерамъ и эпохамъ? Служитъ ли это, или система? По-счастью, причина проста и ясна. Мѣстѣ, послужившее Эсхилу къ созданию греческой трагедіи, одно и то же, хотя и обнимаетъ нѣсколько вѣковъ. Событіе это — составленіе греческой націи. Оно произошло въ промежутокъ времени между вторженіемъ пастырей въ Египетъ и войною троянскою. Оуки замѣчаетъ, что до послѣдней войны Греки ничего не предпринимали общими силами и даже не имѣли общаго имени. Это были лишь племена одного семейства, но разныхъ діалектовъ; это были сборища воиновъ для нападенія, для грабежа; это были переселенія съ сѣвера, исчезающія на югѣ, или останавливающіяся въ горахъ. Мѣстами возвышались на полуостровѣ города съ храмами и жрецами. Будучи основаны имоземцами, египтянами, или азіатцами, города эти приобретали земли, принадлежавшія туземцамъ. Наконецъ города эти сдѣлались государствами и распространяли власть свою надъ окрестными племенами; отъ этого происходили частыя несогласія между греческими городами, гдѣ владычествовали жрецы, и селами, гдѣ владычествовали предводители туземныхъ племенъ.

Города вообще защищаемы были богами, то-есть оракулами, исполкователями примѣтъ. Главы племенъ то покорялись всеобщему увѣрью, то возставали противъ жрецовъ и боговъ ихъ; въ послѣднемъ случаѣ, вспоминали свои древнія божества и старались, посредствомъ ихъ, изгнать новыхъ боговъ. Но какъ города были независимы другъ отъ друга и никакая власть не соединила религій между собою, то эти несогласія и возобновлялись безпрестанно. У каждаго города были свои случайности и преданія. Отъ этого-то и произошли тѣ трагическія событія, которыхъ воспоминаніе сохранилось до историческихъ временъ, и которыя всѣ основаны на одной господствующей мысли. Въ этомъ хаосѣ происшествій, поэзія составляла исторію каждаго города и племени; она являлась въ видѣ патріотическаго гимна, въ-особенности же была отголоскомъ примирительныхъ совѣтовъ. Потому-то она и сдѣлалась выраженіемъ народной жизни этого историческаго періода. Драма еще болѣе должна была покориться этому правилу. Эсхилъ выразилъ эту мысль во всѣхъ своихъ произведенияхъ.

Revue des Deux Mondes.

ВИКТОРЪ КУЗЕНЬ

И ЕГО ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

(Статья Густава Планша.)

Дѣтство и молодость Кузена. — Его ученые и литературныя занятія. — Преподаваніе философіи. — Нормальная Школа. — Изданіе «Мыслей Паскаля». — Жакелина Паскаль. — Біографія герцогини де-Лонгвилль. — Салонъ г-ни Рамбулье. — Ларошеуко. — Ювисты и уранисты. — Кланъ въ послѣдніе годы его жизни. — «Объ Истинномъ, Прекрасномъ и Добромъ». — Эстетическія изслѣдованія Кузена. — Прекрасное и пріятное. — Удивленіе и жеваніе. — Что такое эстетическій вкусъ? — Порядокъ и движеніе. — Три рода красоты. — Идеализмъ и подражаніе дѣйствительности. — Значеніе и границы искусствъ. — Поэзія. — Исторія искусствъ во Франціи въ XVII вѣкѣ. — Мифы Кузена объ Аполлонѣ Бельведерскомъ и Венерѣ Капитольской. — Остатки и барельефы Пареннона.

Кузень родился въ Парижѣ, 28 ноября 1792 года, въ семействѣ ремесленниковъ; онъ получилъ первоначальное образованіе въ дѣрской школѣ ихъ квартала. Мать его, набожная женщина, не переставала поддерживать и развивать въ сердцѣ сына религіозное направленіе. Первые блистательные успѣхи ребенка въ ученіи заставили родителей рѣшиться на тягостныя жертвы, чтобъ только доставить ему хорошее воспитаніе. По выходѣ изъ школы, мальчикъ былъ отданъ къ аббату Ле-Клерку, который преподавалъ первые элементы латинскаго языка. Этотъ аббатъ занималъ учениковъ своихъ переводами съ латинскаго на французскій языкъ и считалъ бесполезнымъ заставлять ихъ переводить съ французскаго на латинскій. Поэтому, когда Викторъ Кузень былъ отданъ въ училище Карла-Великаго, чтобъ выдержать полный курсъ учебныхъ предметовъ и выбрать себѣ потомъ какое-нибудь званіе, его поставили самымъ послѣднимъ въ классѣ, потому-что аббатъ Ле-Клеркъ не зналъ и не преподавалъ ничего кромѣ переводовъ. Удивленный этимъ и сожалѣя о потерянномъ времени, Викторъ Кузень тотчасъ же принялся учиться еще ревностнѣе. Съ этого времени онъ сдѣлалъ для своихъ учителей предметомъ замѣтнаго предпочтенія. Геру, которому мы обязаны блестящимъ и вѣрнымъ переводомъ отрывковъ, выбранныхъ изъ Плинія-старшаго, отличилъ молодаго ученика отъ его товарищей и взялъ его подъ свое покровительство.

Въ 1810 году, Викторъ Кузень получилъ на общемъ конкурсѣ парижскихъ училищъ премію за отличное сочиненіе на латинскомъ языкѣ и премію за французское сочиненіе. Въ латинскихъ стихахъ онъ не имѣлъ даже послѣдней преміи, хотя сочиненіе его было очень замѣчательно.

Императорское Правленіе Училищъ открыло тогда Нормальную Школу. Получивъ премію, Викторъ Кузень былъ признанъ первымъ ученикомъ и поступилъ въ эту школу. Управление его было поручено

У преподаваніе французской литературы Вильмену. Викторъ Кузень оказалъ болѣе всего склонность къ философическимъ предметамъ.

Въ слѣдующемъ году, Ройе-Колларъ былъ призванъ въ Сорбонну преподаванія исторіи философіи; ученики Нормальной Школы были слушать этотъ курсъ. Съ этой минуты назначеніе Виктора Кузена было опредѣлено. Онъ рѣшился посвятить себя преподаванію философіи; но его покровитель, Геру, рѣшилъ иначе и назначилъ его репетиторомъ древней литературы, то-есть помощникомъ Рюмена. Ройе-Колларъ, уже впоследствии передалъ ему свою кафедру Сорбоннѣ.

Въ это время не было никакихъ особенныхъ приключеній въ жизни Кузена. Съ 1815 до 1820 года онъ читалъ лекціи передъ аудиторіей постоянной. Раздѣляя время свое между уединенными занятіями и общими лекціями, онъ ничего болѣе не желалъ. Выслушиваемый вниманіемъ, онъ не мечталъ о предметахъ выше своихъ университетскихъ занятій, употреблялъ свободныя минуты на переводъ атона, собиралъ сочиненія Декарта, издалъ ненапечатанные мемуары Прокля; онъ утѣшался тѣмъ, что прилежно трудился.

Кузень, почитаемый во Франціи и въ Европѣ однимъ изъ знаменитѣйшихъ и извѣстѣйшихъ историковъ философіи, началъ съ литературы. Онъ обязанъ ей самой блестящей стороною своего таланта, бкостью языка, даромъ передавать мысль свою въ изящной и вѣрной формѣ. Умъ, изощренный литературными упражненіями, находилъ языкъ средство развитія мысли.

Еще до вступленія въ Нормальную Школу, молодой профессоръ трѣпалъ на пути своемъ сильное искушеніе. Фрошо, префектъ школы, предложилъ ему, отъ имени министра внутреннихъ дѣлъ, мѣсто адидора въ Совѣтъ, съ шестью тысячами франковъ жалованья. Предложеніе было лестное. Убѣжденный въ своемъ призваніи двумя годами лекцій въ Нормальной Школѣ, Кузень безъ сожалѣнія отказался отъ настоящаго благосостоянія, предпочитая карьеру скромную и мѣше доходную, лишь бы онъ только могъ осуществить самое дорогое изъ своихъ желаній: сдѣлаться профессоромъ философіи. Въ дѣтствѣ своемъ, въ училищѣ Карла-Великаго, онъ мечталъ о военной службѣ. Катери его стоило большаго труда отвлечь его отъ этихъ воинственныхъ мыслей, которые занимали тогда всѣхъ молодыхъ людей. Эта первая наклонность дѣтства оставила въ немъ замѣтную страсть къ военнымъ разсказамъ.

Въ 1840 году онъ занялся изученіемъ французскихъ писателей XVII-го вѣка, и въ слогѣ его есть отпечатокъ пристрастія къ этой эпохѣ. Слогъ его съ этого времени (1840 года) сдѣлался обработаннѣе, яснѣе, чище и изящнѣе.

Предоставляемъ другимъ трудъ оцѣнить философическія произведенія Кузена; мы будемъ говорить только о его литературныхъ трудахъ.

Сочиненіе Кузена «Паскаль», написано въ философскомъ родѣ, хотя авторъ помѣстилъ его между своими литературными произведеніями.

Рапортъ, представленный имъ Французской Академіи о необходимости сдѣлать новое изданіе *Мыслей Паскаля*, вначалѣ «филологическое», мало-по-малу перемѣняетъ характеръ. Кузенъ открылъ въ двухъ изданіяхъ *Мыслей Паскаля*, служившихъ образцомъ всѣмъ послѣдующимъ изданіямъ, неправильности разнаго рода. Надо было ищѣть много терпѣнія, чтобы отыскать эти неправильности. Рукопись Паскаля, исполнена сокращеніями, которыя очень-трудно разобрать. Надписи *principes*, напечатанное въ 1670 году пор-рольскими друзьями автора, заключаетъ въ себѣ пропуски, искаженія смысла, вставленія чуждыхъ параграфовъ.

Мысли Паскаля, несмотря на многія ложныя стороны въ философскомъ отношеніи, все-таки занимаютъ важное мѣсто въ исторіи французскаго языка. По сжатости и красотѣ слога Паскаль стойтъ не ниже Боссуэта; разсматриваемый съ чисто-литературной точки, это переклассный писатель, хотя онъ не разъ заслуживалъ упреки за шаткость сужденій. Слава Паскаля, какъ писателя, упрочена; но противъ славы его, какъ мыслителя, можно сказать многое, при внимательномъ чтеніи собственноручнаго манускрипта «Мыслей». Кузенъ разобралъ этотъ вопросъ съ рѣдкимъ искусствомъ; онъ сравнилъ «Мысли» съ «Провинціальными Письмами» и нашелъ, что онѣ противорѣчатъ оди другимъ во многихъ мѣстахъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ Паскалѣ два разныя челоѣка: вторая половина его жизни не согласуется съ первой. Можно было это подозрѣвать до открытій Кузена; но теперь нельзя болѣе сомнѣваться въ этомъ.

Новое изданіе Паскаля — огромная заслуга для литературы. Изобиліе доказательствъ и основательность содержанія не оставляютъ ничего болѣе желать.

Мы не можемъ раздѣлить мнѣнія Кузена о литературномъ значеніи сестры Паскаля, Жакелины. Конечно, въ ея замѣткахъ, изданныхъ Кузеномъ, есть нѣсколько замѣчательныхъ мѣстъ; однакожь преувеличенныя похвалы ея биографа ничѣмъ не оправдываются. Стихи, не-привизированные или сочиненные на досугъ Жакелиной, не стоили чести быть перепечатанными; лучше было бы, еслибъ ихъ забыли между современными собраніями стиховъ. Письма ея къ брату заслуживаютъ вниманіе, потому-что ясно изображаютъ намъ состояніе этой больной души: и надо сознаться, что душа Жакелины извощена не менѣе души Блеза. Жакелина въ убѣжденіи, которое избрала, повидимому не нашла мпра, на который надѣялась. Ни одного слѣда сожалѣнія, но также и ни одного признака радости. Во всемъ, отпечатокъ покорности и строгости, но ни малѣйшаго слѣда благодарности.

Не говоримъ ничего о слогѣ ея писемъ: языкъ Жакелины не заслуживаетъ названія слога; это собраніе многословныхъ, тяжелыхъ періодовъ. Кузенъ справедливо замѣчаетъ, что Жакелина не знаетъ первоначальныхъ правилъ языка. Къ-несчастью, слогъ этотъ не безъ претензій. Не только Жакелина рѣшительно не знаетъ искусства писать, но въ ея сочиненіяхъ нѣтъ простоты, и это даетъ поводъ читателю не быть снисходительнымъ. Пишетъ да, ова къ брату, или

сестрѣ, она любитъ сама своими письмами. Можно ли не быть рогицею тамъ, гдѣ встрѣчаешь незнаніе безъ простодушія?

Кузенъ все-таки хорошо сдѣлалъ, рассказавъ вкратцѣ главныя чер-
тѣ Жакелины, потому-что сестра имѣла большое вліяніе на
ата. Другая сестра Паскаля, Жильберта, жившая въ свѣтѣ и сдѣ-
шшая г-жею Перье, не заслуживаетъ вниманія въ литератур-
нѣ отношеніи. Я понимаю хорошо, что Кузенъ, изслѣдовавъ труды
искалъ, искалъ въ жизни Жакелины дополненія и объясненія этихъ
удовъ. Пристрастившись къ своей героинѣ, онъ не разъ востор-
лся, встрѣчая мысли, къ которымъ читатель остается совершенно-
внодушенъ. Мы годъ за годомъ можемъ прослѣдить умственное
нравственное развитіе молодой дѣвушки, со времени ея посѣщенія
юра Анны Австрійской до той минуты, когда, получивъ непобѣдимое
вращеніе къ свѣтской жизни, она умоляетъ отца отдать ее въ мо-
настырь. Экспромты, сочиненные ею въ кабинетѣ королевы, не дѣ-
аютъ большой чести поэтическому таланту автора.

Кузенъ потомъ описалъ жизнь г-жи де-Лонгвиль съ особеннымъ
пристрастіемъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, трогательна судьба этой женщины,
злосчающей любовью и окончившей свое поприще поканіемъ
двадцати-пяти-лѣтнимъ. Есть чѣмъ возбудить симпатію человѣка,
способнаго понять слабости сердца. Дѣвица Бурбонъ была дочь
принцессы Конде, той самой, которая, еще дѣвичествомъ Монморанси,
возбудила въ сердцѣ Генриха IV сильную страсть. Воспитанная
въ строгихъ правилахъ, дѣвица Бурбонъ рано сдружилась тѣс-
ною дружбою съ нѣсколькими дѣвичествомъ знаменитыхъ фамилій,
жившими въ монастырѣ Кармелитокъ, въ улицѣ Сен-Жакъ. Тамъ скры-
вались одиѣ съ молодыхъ лѣтъ, другія, испытывавъ ужъ бурю свѣтской
жизни. Она находила въ этой дружбѣ столько прелести, что, несо-
мнѣнно на богатство и знатность своей фамиліи, мечтала о монастыр-
ской жизни, какъ о высшемъ счастьи. Многочисленные и неоспоримыя
доказательства подтверждаютъ, что въ самомъ блескѣ своей
молодости, она не разъ отказывалась явиться въ свѣтъ, рѣшась кон-
чить жизнь свою въ монастырѣ Кармелитокъ; но прежде, чѣмъ до-
стигла глубокаго и дѣйствительнаго спокойствія, на которое надѣялась,
она должна была многое испытать. Принцесса Конде, обходительная
и любезная, когда ей задумается, но чаще гордая и надменная, не-
преклонная въ своихъ рѣшеніяхъ, не согласилась дать позволенія
дочери удалиться отъ свѣта. Дѣвица Бурбонъ должна была наконецъ
уступить желаніямъ своего семейства, волѣ своей матери, и пред-
ставлена была ко двору. Ея появленіе было блистательно: ея пре-
красныя бѣлокурыя волосы, бѣлыя плечи, гибкій и роскошный станъ,
походка граціозна и вмѣстѣ съ тѣмъ непринужденная, большіе го-
лубые глаза, ротъ, улыбающійся и также выражающій гордость,
воодушевлялъ ей съ перваго дня всѣ сердца. Удивленіе и комплименты
окружали ее со всѣхъ сторонъ. Съ перваго дня она сдѣлалась цари-
цей всѣхъ праздниковъ. Замѣчательные люди того времени собира-
лись у г-жи Рамбузье, салонъ который считался образцомъ пре-
враснаго обращенія и остроумнаго, изысканнаго разговора. Въкли-

вость дѣлалась тамъ иногда приторностью; основательными и даже благородныя чувства уступали мѣсто выходкамъ изъисланныхъ.

Корнелю аплодировали менѣе, чѣмъ Вуатюру; но вообще, во общество было очень-мное, кругъ людей, хорошо-воспитаннымъ, неговорящихъ ничего лишняго, привыкшихъ падать всякое самолюбіе, льстить всѣмъ слабостямъ, пріобрѣтать благосклонность всѣхъ лицъ, говорящихъ съ ними, не разбирая ни званія, ни качества. Дѣвица Бурбонъ произвела сильное впечатлѣніе въ салонѣ г-жи Рибульѣ и вскорѣ сдѣлалась предметомъ литературныхъ разсужденій. Получить ея одобрение, значило получить патентъ на гениальность: заслуживающіе ея пренебреженіе, ставились въ число людей посредственныхъ. Умъ ея, развитіе котораго осталось несовершеннымъ, но тонкій и проникающій, хотя безпечный, безъ усилія находилъ гениальныя и колкія возраженія. Въ ироніи ея не было ничего оскорбительнаго.

Достигнувъ двадцати-трехъ лѣтъ, она была отдана матерью замужъ, за герцога Лонгвиля, человѣка сорока-семи лѣтъ, вдовца, нѣшаго семнадцати-лѣтнюю дочь. Дѣвицу Бурбонъ не спрашивали о согласіи; ея холодность къ мужу превратилась вскорѣ въ отвращеніе, когда она замѣтила его дружбу съ герцогиней Монбазонъ. Принцъ Марсильякъ, сдѣлавшійся впоследствии герцогомъ Ларошфуко, былъ въ то время однимъ изъ блистательнѣйшихъ придворныхъ вельможъ. Г-жа де-Лонгвиль его замѣтила; ослѣпленная великодушными побужденіями, которыя онъ постоянно выказывалъ, изгадывая глубокаго эгоизма, скрытаго подъ громкими фразами, она, нисколько не увлекаясь горячностью чувства, рѣшилась безгранично раздѣлять его судьбу. Многие историки увѣряли, что герцогъ Ларошфуко присоединился къ Фрондѣ единственно для того, чтобъ поправиться г-жѣ де-Лонгвиль. Кузенъ доказалъ многочисленными свѣдѣтельствами, что она никогда его не увлекла, что для него она, напротивъ, готова была жертвовать и состояніемъ и жизнью. Чтобъ обезпечить успѣхъ интригъ, затѣянныхъ герцогомъ Ларошфуко, г-жа Лонгвиль заложила свои брильянты и сама поступила заложницею къ парижскимъ гражданамъ, соединившимся въ Городовую Ратушѣ. Во всѣхъ дѣйствіяхъ ея было видно полное безкорыстіе. Обвиненія и клеветы, взведенныя на ея счетъ герцогомъ Ларошфуко послѣ ихъ размовки, служатъ лучшимъ доказательствомъ этому. Онъ не былъ преданъ, но умѣлъ воспользоваться преданностью г-жи де-Лонгвиль. Герцогъ Ларошфуко, сочиняя свои *правила* (*Maximes*), то-есть полное ученіе эгоизма, очевидно, обрисовывалъ людей, похожихъ на него, принимая за образецъ свое собственное сердце.

Кузенъ, по понятному и извинительному увлеченію, забываетъ на время свою героиню и переходитъ къ ея брату, герцогу Энгельскому, сдѣлавшемуся впоследствии великимъ Конде. Восхищаяся мужествомъ, рѣшимостью и воинскимъ дарованіемъ этого молодаго и блистательнаго полководца, онъ съ удовольствіемъ описываетъ битву при Рокруа. Конечно, это не относится прямо къ дѣлу, но извиняется увлеченіемъ автора; что же касается до сравненія, которое

этѣ Кузенъ между герцогомъ Энгьенскимъ и генераломъ Ботте, то его можно бы исключить: оно ничего не прибавляетъ анимателности разсказа и скорѣе охлаждаетъ его, нежели живитъ.

Графъ г-жи де-Лонгвиль описываетъ очень-мило, но, можетъ-быть, съ излишнею снисходительностью, поэтическое состязаніе между Бенсерадомъ и Вуатюромъ въ знаменитомъ литературномъ спорѣ о превосходствѣ двухъ сонетовъ. Г-жа Монзаконъ принимала сторону Бенсерада, г-жа де-Лонгвиль — Вуатюра. Дворъ былъ раздѣленъ на партіи: ювистовъ и уранистовъ: распря памятная, достойная Мольера! Тогдашніе писатели смотрѣли на нее серьезно, и Кузенъ судитъ о ней, можетъ-быть, съ точки зрѣнія не нашего вѣка.

Въ этихъ сонетахъ Бенсерадъ въ слогѣ, исполненномъ претензіею на естественность, очень-прозаическомъ, объявляетъ, что онъ частіе Юва; Вуатюръ, обращаясь къ Ураніи (подъ этимъ именемъ онъ воспѣвалъ г-жу де-Лонгвиль), жалуется на свои муки съ горечью, которую тогда принимали за самую возвышенную; и говоря о жестокости несравненной красоты, которую онъ отчаялся смягчить, оканчиваетъ, объявляя, что онъ дорожитъ ею печалью, какъ безцѣннымъ сокровищемъ. Еслибъ намъ пришлось выбирать между ювистами и уранистами, мы были бы въ большомъ затрудненіи. Если сонетъ Бенсерада вехорошъ, то и сонетъ Вуатюра очень-плохъ. Кузенъ, какъ нѣсколько-пристрастный графъ, принимаетъ сторону уранистовъ, то-есть сторону г-жи де-Лонгвиль. Онъ даже находитъ въ сонетѣ Вуатюра какую-то чувствительность. Герцогиня Монзаконъ была побѣждена; уранисты, подъ заступою г-жи де-Лонгвиль, провозглашены людьми со вкусомъ. Въ ихъ поэтическихъ спорахъ есть сторона ребяческая; однако же, нельзя обвинять Кузена за подробный разсказъ о нихъ; это любопытная черта нравовъ той эпохи.

Биографія Канта, въ послѣдніе годы его жизни, написана Кузеномъ съ сильнымъ увлеченіемъ. Онъ беретъ руководителями двухъ искреннихъ друзей кѣнигсбергскаго философа и разсказываетъ намъ его домашнюю жизнь до малѣйшихъ подробностей. Часовая стрѣлка, утвержденная на алмазѣ, идетъ не съ такою точностью, какъ жизнь Канта. Онъ углублялся во все, отъ наукъ математическихъ до медицинскихъ, остановился окончательно на философіи, какъ на наукѣ наукъ. Открытія его въ астрономіи извѣстны; онъ вспоминалъ о нихъ иногда, но безъ гордости, потому-что имѣлъ въ виду одну только цѣль — дать благоустройство самой наукѣ мысли. Для каждой минуты его была было особое назначеніе: часы были у него сочтены, продолжительность обѣда опредѣлена неизмѣннымъ образомъ. Ни одного часа не оставлялъ онъ на непредвидѣнное. Эта неизмѣнная правильность въ распредѣленіи времени могла бы показаться ребячествомъ, еслибъ цѣлю шло объ умѣ обыкновенномъ. Онъ назначилъ впередъ что долженъ былъ дѣлать, не на одинъ день, но на всѣ дни, которые ему было опредѣлено прожить.

Странно, этотъ человекъ, который могъ свободно и основательно

разсуждать съ астрономами, съ естествоиспытателями, «идеалист», чувствовалъ необходимость видѣть каждый день ту же самую колокольню, башню, то же самое дерево. Онъ нуждался, для производительности своихъ трудовъ, въ одномъ и томъ же зрѣннѣ. Онъ былъ выше толпы глупою и разнообразнѣ своихъ мыслей, но сличивался съ нею самою примечекъ. Какъ носеланингъ, который каждый день садится передъ своимъ домикомъ и грѣется на солнцѣ, Кантъ круглый годъ поддерживалъ въ своемъ кабинетѣ одинаковую температуру; чтобъ держать свой умъ въ одинаковомъ напряженнѣ, онъ уничтожилъ различіе времени года. Примѣняя къ самому себѣ свои медицинскія познанія, онъ старательно назначалъ для себя продолжительность движенія и продолжительность покоя. Когда наступалъ часъ его прогулки, онъ выходилъ изъ дома, не заботясь ясно ли небо, или покрыто облаками; ни громъ, ни проливной дождь не удерживалъ его, онъ зналъ, что члены его нуждались въ движеніи и отправлялся гулять. Окончивъ прогулку, онъ возвращался домой думать о завтрашнемъ трудѣ, потому—что въ жизни видѣлъ только одну обязанность. Пища была у него подчинена такой же правильности, какъ сонъ и прогулка. Онъ рѣдко ѣдалъ одинъ, но приглашенія дѣлалъ съ большимъ выборомъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ за столомъ его были только люди, способные и понять и занять его. Привыкнувъ углубляться въ отвлеченные предметы, независяще отъ времени и пространства, онъ одинакъ съ юношескою жадностью вслушивался въ рассказы о событіяхъ современныхъ; и хотя обыкновенно жилъ въ мирѣ чистыхъ идей, однако съ особенною проницательностью предвидѣлъ и предсказывалъ ближайшія событія такъ же искусно, такъ же опредѣлительно, какъ человекъ, совершенно чуждый философскимъ умозрѣніямъ и живущій только въ мирѣ вещей. Какъ бы ни судили о философскихъ сочиненіяхъ Канта, нельзя безъ удивленія читать исторію его послѣднихъ лѣтъ жизни; вспомянувъ, что эти послѣдніе годы были подобны всей его жизни, удивленіе еще болѣе увеличивается. Онъ имѣлъ одну только страсть—науку, одно только желаніе—ученіе; дни его протекли въ глубокой тишинѣ. Темнота задачи составляла его единственное горе, отвлеченность разрѣшенія—его единственную радость. Жилъ ли онъ? философы скажутъ: да; мы не рѣшимся утверждать это, потому—что хотя умъ занимаетъ огромное мѣсто въ жизни человека, однакожь не составляетъ всей жизни. Понимать, знать и предвидѣть, конечно большая заслуга; но любить, надѣяться, жалѣть, страдать—нѣчто въ нашей жизни болѣе важную. Кантъ никогда не зналъ этой второй половины жизни, потому—то его книги, изумительныя по своей системѣ, кажутся неодоушевленными. Онъ понималъ и мыслить, онъ не чувствовалъ, не страдалъ, и всякая мысль въ устахъ его являлась въ какомъ—то ледяномъ видѣ.

Кузенъ, собирая извѣстія, переданныя намъ нѣмецкими биографами Канта, старательно избѣгалъ всякаго философскаго спора. Не распространяясь въ утомительныхъ подробностяхъ, какъ сдѣлала это Босвелъ въ жизнеописаніи Самуэля Джонсона, онъ однакожь мыслель стремство представить намъ вѣрную и полную картину жизни Канта. Онъ

на одинъ день не остановилъ принятыхъ на себя занятій. Такие случаи встрѣчаются нечасто; въ исторіи только Ньютона можно сравнить съ Кантомъ: Ньютонъ открылъ систему міра, постоянно объёмъ думая; Кантъ слѣдовалъ той же методъ; ни одной минуты во всей своей жизни онъ не употребилъ на удовольствія. Онъ посвятилъ все изученію законовъ мысли, и вся его жизнь была отдана исполненію этой обязанности. Столько лѣтъ, столько размышлений посвященныхъ изученію мысли придаютъ Канту особенную физиономію. Повѣчеству онъ принадлежитъ только умомъ, а не сердцемъ. Последнее сочиненіе, изданное Кузеномъ, *Объ Истинномъ, Прекрасномъ и Добромъ* (Du Vrai, du Beau, du Bien), содержитъ въ себѣ собраніе лекцій, читанныхъ въ Сорбоннѣ въ 1818 году, но исправленныхъ и дополненныхъ, и нѣсколько-новыхъ главъ, объ искусствѣ во Франціи въ XVII вѣкѣ. Мы не будемъ разбирать всѣ уроки, собраніе въ этомъ томѣ. Первая и последняя часть этой книги, *Истинное и Доброе* — чистая философія, и мы не будемъ говорить объ этомъ. Намъ разобрать этотъ вопросъ, надобно изложить рѣшеніе его, представленное всеми философскими школами.

Первая часть сочиненія, гдѣ говорится объ *Истинномъ*, содержитъ въ себѣ основныя условія всѣхъ знаній. Авторъ быстро составляетъ возрѣвіе главныхъ мнѣній, о происхожденіи и постепенности нашихъ знаній. Отъ платонизма и перипатетической философіи онъ переходитъ къ шотландской школѣ. Авторъ оцѣниваетъ въ нѣсколькихъ словахъ систему Локка и Канта. Въ своихъ замѣчаніяхъ онъ отчасти говоритъ правду, отчасти заблуждается. Изъ пяти уроковъ, посвященныхъ Кузеномъ изученію *Прекраснаго*, только первый принадлежитъ философіи. Вотъ въ какомъ порядкѣ изложилъ авторъ эстетическую часть своей книги: «О прекрасномъ, заключающемся въ умѣ чело-вѣка, о прекрасномъ въ предметахъ, объ искусствѣ вообще, о разныхъ родахъ искусства и наконецъ о французскомъ искусствѣ въ XVII-мъ столѣтіи». Въ первомъ урокѣ Кузенъ опредѣляетъ въ одно и то же время понятіе о Прекрасномъ въ его собственномъ значеніи, не касаясь его составныхъ частей и средствъ, служащихъ къ дальнѣйшему его развитію. Въ самомъ началѣ онъ доказываетъ, что понятіе о Прекрасномъ ни въ какомъ случаѣ не должно быть свѣшиваемо съ понятіемъ о Приятномъ. Основываясь то на логикѣ, то на исторіи, онъ безъ труда убѣждаетъ читателя. Въ-самомъ-дѣлѣ, то что намъ нравится въ неодушевленной природѣ, или между одушевленными созданіями не всегда возбуждаетъ въ насъ чувство удивленія. Между-тѣмъ только одно истинно-прекрасное выражается чувствомъ удивленія; приятное же пробуждаетъ въ насъ гораздо-менѣе возвышенное чувство—это желаніе.

Кузенъ совершенно-справедливо замѣчаетъ, что философія XVIII вѣка пренебрегала эстетикою. Это не была съ ея стороны невольная забывчивость, или разсѣянность, но формальное признаніе въ безсиліи. Какимъ бы образомъ могли Локкъ и Кондильякъ опредѣлить изученіе Прекраснаго? Одно нравственное основаніе способно предпринять и изслѣдовать съ успѣхомъ изученіе прекраснаго, потому—что одно оно ясно

отличаетъ смущенное чувство отъ волнений душевныхъ. Самое сильное пылкое желаніе, при видѣ пріятнаго предмета, который намъ восхищаетъ и привлекаетъ, не имѣетъ никакого отношенія съ чувствомъ прекраснаго. Правда, иногда одинъ и тотъ же предметъ можетъ поочередно возбудить желаніе и удивленіе, но отъ этого все-таки нельзя считать удивленіе съ желаніемъ. Какъ только нами овладѣваетъ удивленіе и господствуетъ надъ нами, въ душѣ нашей нѣтъ уже мѣста другому чувству. Какъ только пробуждается желаніе, роль души дѣлается второстепенною и чувства опять одерживаютъ верхъ. Однѣмъ словомъ: между этими двумя чувствами, удивленіемъ и желаніемъ, можетъ-быть отношеніе послѣдовательности, но никакъ не одновременности. Отъ того-то и не нужно удивляться, что Платонъ посвятилъ такъ много краснорѣчивыхъ страницъ анализу Прекраснаго въ природѣ и въ искусствѣ.

Три способности необходимы для полнаго понятія о Прекрасномъ: умъ, чувство, воображеніе. Умъ, ограниченный самъ-собою, умъ безъ помощи чувства и воображенія, понимаетъ часть Прекраснаго, но не во всемъ его объемѣ. Онъ понимаетъ и утверждаетъ порядокъ и гармонію; но порядокъ и гармонія не составляютъ еще всѣхъ элементовъ Прекраснаго. То, что мы говоримъ объ умѣ, можно сказать съ одинаковою справедливою о чувствѣ и воображеніи. Сильная чувствительность, пылкое воображеніе, открываютъ намъ нѣкоторыя стороны Прекраснаго; но, лишенная помощи разсудка, она не понимаетъ порядка и гармоніи, тѣсно-связывающихъ всѣ составныя элементы Прекраснаго. Это еще не все: три необходимыхъ способности для понятія Прекраснаго взаимно опредѣляютъ одна другую. Чувствительность смягчаетъ суровость разсудка, возбуждаетъ пылкость воображенія; разсудокъ и воображеніе дѣйствуютъ, въ свою очередь, на чувствительность. Всѣ эти подробности, чисто-психологически представлены Кузеномъ съ совершенно-удовлетворительною ясностью.

Одновременное соединеніе и дѣйствіе разсудка, чувства, воображенія, составляетъ то, что называется вкусомъ. Вкусъ, бывшій причиною столькихъ напрасныхъ споровъ, потому-что его изучали по составнымъ его элементамъ, а не въ цѣломъ, заслуживаетъ полное довѣріе, потому-что сужденія, высказываемыя имъ, не зависятъ отъ одного чувства, какъ чувство удовольствія, которое провозводитъ насъ предметъ только пріятный, но и отъ идеи неограниченнаго прекраснаго, постигнутой разсудкомъ, отъ болѣе или менѣе несовершеннаго сходства видимыхъ предметовъ съ этою мыслью. Итакъ, предметъ, который намъ нравится, можетъ нравиться другимъ; каждый изъ насъ, при видѣ этого предмета, можетъ выразить удовольствіе или неудовольствіе, которое онъ ощущаетъ; несмотря на противоположность впечатлѣній, они всѣ одинаково-справедливы, потому-что зависятъ исключительно отъ чувства, а чувства измѣняются отъ возраста и климата, отъ здоровья или болѣзни. Совершенно-противное скажемъ, однако, о тѣхъ сужденіяхъ, которыя мы заключаемъ посредствомъ вкуса, потому-что мы цѣнимъ красоту относительно,

сть красоту предметовъ, по сравненію съ типомъ неограничен-
красоты.

къ—какъ не существуетъ вкуса безъ соединенія и одновремен-
дѣйствія ума, чувствительности и воображенія, то, для того, чтобы
и согласиться съ приговоромъ, сдѣланнымъ ими, надо самому
дать, по—крайней—мѣрѣ въ нѣкоторой степени, если не въ совершен-
ствѣ, тремя способностями, изъ которыхъ состоитъ вкусъ. Чело-
вѣкъ, одаренный умомъ неразвитымъ, тупою чувствительностью, сла-
бою воображеніемъ, неспособенъ вполне понимать красоту. Поэтому
можно удивляться, что приговоръ самаго чистаго вкуса встрѣчаетъ
иногда упорное сопротивленіе въ такомъ умѣ. Хвалите такому чело-
вѣку красоту греческой статуи, напримѣръ, Венеры Милосской, онъ
не можетъ не раздѣлять вашего удивленія, потому—что не спосо-
бенъ понять прелести гармоніи линий. Изящность и гибкость тѣла
и удивительной статуи произвели бы на него только мимолетное
чатлѣніе; не удивляйтесь послѣ этого, что онъ слушаетъ васъ съ
модушимъ и недовѣрчивостью. Самая истинная мысль, самое спра-
дливое сужденіе, чтобы быть понятыми, должны найти въ умѣ
чужды одинаковыя способности, если не равныя съ тѣми, которыя имѣ-
ются природою. И потому чувство прекраснаго, общее и самостоя-
тельное между людьми извѣстнаго образованія, приготовленными къ
этому чувству ихъ природными способностями, или тонкимъ умствен-
нымъ воспитаніемъ, почти совсѣмъ—незнакомо людямъ низшаго раз-
ряда. Это нисколько не должно удивлять насъ.

Кузнецъ ищетъ во всѣхъ предметахъ, подчиненныхъ влиянію на-
шихъ чувствъ, въ чемъ состоитъ прекрасное тѣхъ произведе-
ній, которыя возбуждаютъ наше удивленіе. Онъ доказываетъ, что
и полезное, ни пріятное, не могутъ сравниться съ прекраснымъ.
Равнивая всѣ предметы, способные произвести на насъ это впе-
чатлѣніе, непоходящее на волненіе чувствъ, мы видимъ, что эти
предметы заключаютъ два общіе характера: единство и разнообра-
зие, или, если хотите, порядокъ и движеніе. Отъ цвѣтка, покрытаго
росой, до столѣтнаго дуба, подъ тѣнью котораго можетъ укрыться
цѣлое стадо, отъ молодой дѣвушки съ томнымъ взоромъ, съ улы-
бающимися устами, до воина, съ сверкающимъ взглядомъ, выражаю-
щимъ страсть къ опасностямъ—все, что возбуждаетъ наше удивле-
ніе, заключаетъ въ себѣ соединеніе порядка и движенія, единства въ
разнообразіи. Отнимите единство, удивленіе исчезаетъ и замѣняется
изумленіемъ; вмѣсто истинно—прекраснаго предмета, передъ нами
предметъ, похожій на тѣ, которые составлены капризомъ фантазіи.
Отнимите разнообразіе, удивленіе точно такъ же скоро уничтожается;
жизнь исчезла. Единство безъ разнообразія превращается въ чистую
симметрію и никогда не произведетъ въ насъ сильнаго волненія.

Но если одна красота внѣшняго міра овладѣваетъ нашими чувствами,
все—таки не одна она возбуждаетъ въ насъ чувство удивленія. Рядъ
мыслей, связанныхъ могучимъ разсудкомъ, выраженныхъ языкомъ,
который украшается воображеніемъ, вѣрно не менѣе прекрасенъ, не-
жели поле, золотистые колосья котораго дрожатъ подъ дыханіемъ свѣ-

жаго втораго. Живое описаніе человѣческихъ страстей такъ же трагательно, какъ и самыя великія зрѣлища природы. Гомеръ и Ньютономъ знакомятъ насъ въ ихъ безсмертныхъ произведеніяхъ съ другимъ разрядомъ красоты, такой же дѣйствительной, такой же несомнѣваемой, какъ красота видимыхъ предметовъ. Какъ назвать этотъ разрядъ красоты? Эта красота моральная. Тутъ опять обнаруживается присутствіе двухъ характеровъ, обнаружившихся въ физической красотѣ: соединеніе порядка и движенія.

Возьмите систему міра, изъясненную англійскимъ геометромъ, или гнѣвъ Ахиллеса, воспѣтый греческимъ поэтомъ: въ одномъ вы найдете единство правилъ и разнообразіе результатовъ, протяженіе, поясняющее движеніе небесныхъ свѣтилъ; въ другомъ—единство дѣйствія и разнообразіе эпизодовъ. Итакъ, моральная красота подчинена тѣмъ же законамъ, какъ и физическая. Порядокъ и движеніе, которому мы удивляемся въ едва-распустившемся цвѣткѣ, находимъ мы и въ Ипадѣ.

Нѣтъ ли разряда красоты, выше красоты моральной, столько же, какъ красота моральная выше физической? Какой-нибудь отважный поступокъ, геройское самопожертвованіе, не возбуждаютъ ли въ насъ удивленія болѣе-живаго, нежели дивныя творенія ума? Леонидъ при Фермопилахъ, Сократъ, выпивающій цикуту, развѣ трогаютъ насъ не такъ глубоко, какъ *Эдипъ* или *Гамлетъ*? Кто можетъ сказать это? Однако Леонидъ, жертвуя собой для отечества, а Сократъ, разставаясь съ жизнью за правду, представляютъ намъ героизмъ характера. Изъ этого слѣдуетъ, что этотъ разрядъ красоты не имѣетъ ничего общаго съ предъидущимъ разрядомъ—это красота духовная. Какъ красота физическая, такъ моральная и духовная—выраженіе одной и той же мысли. Признать существованіе только одной изъ нихъ, значитъ лишь имѣть неполное понятіе о красотѣ. Не постигнуть, чѣмъ вторая выше первой, а третья выше второй, значитъ, признаться просто, что не понимаешь превосходства мысли надъ внѣшней формой, превосходства воли надъ мыслью.

Человѣкъ не можетъ быть доволенъ понятіемъ о Прекрасномъ, если онъ одаренъ пылкимъ воображеніемъ; онъ чувствуетъ необходимость воспроизвести, выразить его; онъ оставляетъ область психологическую, чтобъ войти въ область Искусства; но при какихъ условіяхъ можетъ онъ покуситься на воспроизведеніе Прекраснаго? Тутъ представляется намъ вопросъ, часто предлагаемый, но еще худо-понятый не только народами, но и отдѣльными лицами, которыя хотѣтъ посвятить себя практикѣ Искусства.

Воспроизведеніе Прекраснаго можетъ ли и должно ли быть буквальнымъ подражаніемъ дѣйствительности? Стоитъ только хорошо и ясно взвѣсить всѣ термины такимъ образомъ предложеннаго вопроса, чтобъ найти ему самое точное разрѣшеніе. Если искусство не можетъ достигнуть буквальнаго подражанія, совершеннаго сходства съ дѣйствительностью, то оно видимо должно имѣть другую обязанность. Возьмемъ въ примѣръ розу, или газель: человѣкъ, сколько бы ни трудился, не скопируетъ ихъ вѣрно; какъ бы ни искусно была сдѣлана копія, въ ней всегда будетъ недоставать стороны, которою одаренъ

Природа — это жизнь. Итакъ, кромѣ подражанія, мы должны отъ-
дать цѣль искусства. Если не даю человеку копировать действитель-
ность и придавать ей признакъ жизни, ему по-крайней-мѣрѣ по-
лезно схватить и развить мысль, выраженную действительностью и
дать эту мысль ощутительнѣе, перенося ее въ царство искусства —
то и есть обязанность гения. Со времянь Гомера до Шекспира,
Фидія, до Микель-Анджело, отъ Рафаэля до Рубенса — всѣ великіе
искусствы такъ понимали свое назначеніе. Они разсматривали прои-
сѣльнымъ взглядомъ то, что хотѣли воспроизвести, но никогда не
обовали копировать буквально. Отличительная принадлежность гения,
есть ли творчество, и не есть ли гений — необходимое условіе
каждаго произведенія искусства; способенъ пережить нѣсколько поко-
лѣній и ничего не утратить изъ своей славы? Примѣните эту теорію
исторіи живописи или ваанія и вы увидите, какъ она будетъ
дтверждаться каждымъ произведеніемъ, въ какомъ бы то ни было
кѣ. Гдѣ найти въ действительности лица такіа чистыя, такіа пре-
красныя, выраженіе, до такой степени неземное, какъ въ головкахъ
жіотто и монаха Фра-Анджелико да Фиезоле? Они развили до
исшей степени благочестивое чувство, выраженное лицами, которыхъ
дали моделью. Отчаяваясь, и совершенно-справедливо, бороться съ
природой, они отказались копировать и стали истолковывать.

Къ этому же заключенію приведутъ насъ всѣ творенія гения че-
ловѣческаго. Самыя прекрасныя, самыя великія, самыя могуществен-
ныя произведенія не что иное, какъ истолкованіе действительности.
Если природа одна владѣетъ тайною жизни, то гений, въ свою оче-
редь, обладаетъ тайною истолкованія. Философія можетъ объяснить,
въ чемъ состоитъ роль гения въ области искусства, но она не
знаетъ и не можетъ растолковать, какъ действуетъ гений. Поэти-
ческое преобразование действительности подчинено тайнымъ законамъ,
которыхъ никогда не открывали вдохновенные артисты и объ откры-
тіи которыхъ они, быть-можетъ, никогда и не думали.

Лѣтъ тридцать уже спорятъ во Франціи о мѣстной и исторической
истинѣ; поэты, выдававшіе себя и выдающіе до-сихъ-поръ за уче-
никовъ Шекспира и Шиллера, искали въ мѣстной исторической по-
тинѣ главной цѣли драматической поэзіи. На сценѣ являлись очень-
искусныя копии дворцовъ и соборовъ, воинскихъ дослѣжковъ и дѣль-
чугъ. Поэты, думавшіе оживить французскую сцену и одаренные
блестательными качествами, искусныя въ расположеніи происшествій,
опытные въ управленіи языкомъ, забыли только одно: похитить у
Шекспира и Шиллера тайну ихъ гевія.

Возмите *Ромео* или *Короля Лира*, *Дон-Карлоса* или *Валлен-
 штейна*, изучите во всѣхъ отношеніяхъ эти могучія и вдохновенныя
произведенія: вы никогда не найдете въ нихъ настоящей действи-
тельности, но действительность измѣненную, идеальную, преувели-
ченную, украшенную воображеніемъ. Философія существуетъ сама-
собою; нужно, чтобъ и искусство имѣло жизнь независимую и зави-
сѣло бы отъ одного чувства — чувства красоты.

Кузнецъ справедливо замѣчаетъ, что живописецъ вообще выразитель-

нѣе ваянн; все-таки немужно придавать этому замѣчанію исключительнаго значенія, потому-что, въ такомъ случаѣ, многочисленныя примѣры опровергли бы его справедливость. *Лаокооны*, найденныя въ термахъ Тита, и находящійся теперь въ Ватиканѣ, *Семейство Илбем* — неоспоримо доказываютъ, что ваянн не осуждено къ вырванію одной неподвижной красоты.

Греки, которые во всѣхъ искусствахъ, и даже въ самой возн. могутъ совершенно-справедливо считаться нашими лучшими учителями, опредѣляли архитектуру соединеніемъ Полезнаго съ Прекраснымъ; они даже нашли, для выраженія этой мысли, особенное слово, которое не можетъ быть выражено на нашемъ языкѣ. Вся исторія архитектуры оправдываетъ мысль грековъ. Всѣ памятники, дѣйствительно-важныя по своей формѣ, сами объясняютъ ихъ назначеніе. Кузенъ не сомнѣвается въ этомъ, но онъ полагаетъ, что чувство Полезнаго въ архитектурѣ вредитъ развитію красоты. Это заблужденіе.

Кузенъ справедливо замѣчаетъ, что музыка, по послѣдовательности впечатлѣній, которыя она можетъ произвести, и по неопредѣленному характеру чувствъ, которыя она возбуждаетъ, дѣйствуетъ на чувства сильнѣе живописи, ваянн и архитектуры.

Облеченное въ эту форму, его мнѣніе совершенно-справедливо; однакожъ, оно дѣлается спорнымъ, какъ только его хотятъ подчинить дальнѣйшему развитію. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ приписываетъ языкъ выраженіе только двухъ чувствъ: грусти и радости. Однако истѣ, которые знаютъ исторію музыки отъ Палестрины до Бетховена, переходя отъ Себастьяна Баха къ Моцарту, Россини и Мейербергу, знаютъ хорошо, что музыка, далеко не ограничиваясь выраженіемъ грусти и радости, передаетъ очень-хорошо и вѣрно гнѣвъ, ревность и другія чувства. Чувство геройскаго величія нечуждо музыкѣ. Бетховенъ вполне это доказалъ; довольно его *Героической Симфоніи* чтобъ подтвердить это. Надо ли говорить о Моцартѣ? Такое лицо какъ Церлина, можетъ свидѣтельствовать о томъ, что музыка способна изображать кокетство. Надо ли говорить о Доницетти? Его Адина въ *Любовномъ Непиткѣ*, новое доказательство многосторонности языка. Амина въ *Соннамбулѣ* Беллини, подтверждаетъ это мнѣніе. Остается болѣе-тонкій вопросъ, который Кузенъ рѣшаетъ однимъ словомъ: онъ говоритъ, что музыка не можетъ и не должна выражать слишкомъ-опредѣленные чувства — это правда; но вспомните Глюка и Гретри, двухъ артистовъ, безъ-сомнѣнія, не одинокое достоинство, но занимающихъ неоспоримое мѣсто въ исторіи музыки. Они, не доводя музыку до роли музыкальной декламации, пробовали, и часто съ успѣхомъ, придавать музыкѣ опредѣленное выраженіе.

Альцеста и *Ричардъ-Львиное Сердце* доказали самымъ недвѣрчивымъ людямъ, что Глюкъ и Гретри не ошиблись въ своемъ мнѣніи.

Кузенъ, пробую установить іерархію между различными формами воображенія, отдаетъ преимущество поэзіи: нельзя не согласиться съ этимъ. Дѣйствительно, поэзія можетъ представить форму и линіи предметовъ также, какъ архитектура, представить краски какъ живопись.

ли не глазами, то по крайней-мѣрѣ мысли, и произвести на сердце слѣдательныя дѣйствія какъ музыка. Однако, различныя формы словесческаго воображенія, то-есть искусства, не должны никогда побивать одно у другаго мѣсто. Вся исторія старается доказать важность этого совѣта. Пусть попробуетъ живопись войти въ состязаніе ваяніемъ: она создастъ картины Давида; пусть попробуетъ ваяніе состязаться съ живописью: оно создастъ статуи Бернини; пусть музыка попробуетъ состязаться съ поэзіей: она представитъ своимъ ушателямъ загадки безъ рѣшенія, въ родѣ симфоній Берліоза. Одна поэзія можетъ выразить всѣ чувства, начиная съ тѣхъ, которыя присылаются живописи и ваянію, до тѣхъ, которыя выражаетъ музыка, мимъ могущественнымъ образомъ. Неоспоримо, что Фидій, Рафаэль, Данте, то-есть трое высшихъ образцовъ формы, краски и звука: превосходятъ ни Гомера, ни Софокла, ни Шекспира. Итакъ Кузень совершенно-справедливо называетъ поэзію высшимъ искусствомъ.

Глава, посвященная Кузеномъ исторіи искусствъ во Франціи въ XVII вѣкѣ лучше всего объясняетъ и доказываетъ правила, изложенныя въ въ предыдущихъ главахъ. Его идеи кажутся очень-справедливыми, хотя онъ не принялъ никакой послѣдательной методы къ отысканью эстетическихъ правилъ.

Пока Кузень остается въ предѣлахъ литературы, онъ правъ во всѣхъ пунктахъ; онъ превосходно оцениваетъ Корнеля, Расина, Мольера, Вольтера, Фенелона, Боссюэта. Говоря объ артистахъ, онъ превосходно характеризуетъ гений Пуссена и Лесюэра, но онъ измѣняетъ своимъ правиламъ, коснувшись Миньярда и Филиппа де-Шампань. Миньярда есмь я на похвалы, которыми наградила его Мольеръ въ одномъ изъ своихъ слабыхъ произведеній: «*La Gloire de Val-de-Grâce*» не выше него; что жъ касается до Филиппа де-Шампань, несмотря на свое искусство, это артистъ обыкновенный въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова. Перейдемъ къ ваянію. Кузень признаетъ и рекомендуетъ талантъ Пьерра Пюже: это справедливо; но къ-чему онъ ставитъ на одну степень съ Пьерромъ Пюже Жака Серранна и Жирардона?

Мы также не можемъ смотрѣть на Ленотра и Миньярда, какъ на великихъ архитекторовъ. Два «дигеля, пристроенные Ленотромъ къ польерійскому дворцу, показываютъ вполне бѣдность его воображенія. Что жъ касается до версальскаго дворца, которымъ хотѣли прославить имя Миньярда, зданіе это очень-посредственное. Жаль также, что Кузень ничего не сказалъ о музыкѣ въ XVII вѣкѣ.

Кузень, говоря объ Прекрасномъ, идеальномъ, всю важность котораго онъ понимаетъ, отдаетъ замѣтное предпочтеніе, и нѣсколько разъ, Аполлону Бельведерскому и Капитолійской Венерѣ. Но мы должны замѣтить, что не только эти два произведенія, впрочемъ, достойныя похвалы, не могутъ считаться первоклассными, но еще на каждомъ изъ нихъ отпечатлѣвается различный характеръ. *Аполлонъ Бельведерскій*, находящійся теперь въ Ватиканскомъ Музеумѣ, снимокъ, высѣченный изъ мрамора со статуи, отлитой изъ бронзы: тонкость плаща подтверждаетъ это мнѣніе. Но оставивъ вопросъ объ оригиналѣ или подражаніи, можетъ ли Аполлонъ Бельведерскій срав-

ниться съ фигурами Пареенона? Страницы, писанныя Винкельманомъ и достойныя скорѣе риторы, нежели настоящаго критика—художника не могутъ доказать превосходства прославляемыхъ имъ произведеній. Сравненный съ *Илиссомъ*, *Тезеємъ*, *Церерой*, *Прозеркиной* и *Варками*, Аполлонъ Бельведерскій очевидно только второстепенное произведение, повтореніе популярнаго изображенія въ Греціи, исполненаго въ Римѣ искуснымъ художникомъ. Предпочтеніе, оказываемое Кузеномъ Аполлону Бельведерскому, насъ тѣмъ болѣе удивляетъ, что въ 1815 году, еще до лекцій Кузена объ эстетикѣ, англійскій Парламентъ приобрѣлъ отъ лорда Эльджина за тридцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ барельефы и остатки Пареенона, теперь находящіяся въ Британскомъ Музеумѣ; а черезъ десять лѣтъ, въ 1825 году, то-есть двадцать-восемь лѣтъ послѣ возобновленія тѣхъ же лекцій, герцогъ Ривьеръ, французскій посланникъ въ Константинополь, прислалъ во Францію Венеру Милосскую, которая, разумѣется, ниже Цереры и Парокъ, но гораздо-выше Аполлона Бельведерскаго. Трудно понять, какимъ-образомъ Кузень, выбирая между парееновскими статуями и Венерою Милосскою, остановился на Аполлонѣ Бельведерскомъ. Что касается до Венеры Капитолійской, мы также не можемъ принять ее за типъ идеальной красоты. Отзывъ о ней Кузена можно примѣнить развѣ только къ Венерѣ Медичейской, находящейся во Флоренціи—статуѣ второстепенной, которой вся правая рука, прославляемая риторамы, желавшими прослыть за серьезныхъ критиковъ, возстановлена художникомъ нашего времени. Венера Капитолійская не только не согласуется съ эстетическими началами, изложенными Кузеномъ, но явно имъ противорѣчитъ. Едва-ли это произведение греческое. Во всякомъ случаѣ, греческое или римское, оно не относится къ лучшей эпохѣ искусства и не можетъ представить типа геніальной красоты.

Книга Кузена объ *Истинномъ*, *Прекрасномъ* и *Добромъ* составляетъ одно изъ лучшихъ руководствъ для изученія, какъ въ молодости, такъ и въ зрѣломъ возрастѣ.

(*Revue des Deux Mondes.*)

Römische Geschichte von Dr. A. Schwegler (Римская История, соч. Шwegлера). Тюбингенъ, 1853. Книга первая.

Die älteste Bevölkerung Italiens. Eine geschichtliche Untersuchung v. Gerlach (О древнѣйшемъ народонаселеніи Италіи. Историческое изслѣдованіе Герлаха). Базель. 1853.

Статья первая.

Римская исторія давно кончена, но для римской исторіографіи далеко еще не видится конца впереди. Подумаешь, она еще только началась и не успѣла установить ни одного твердаго положенія. Все еще такъ зыбко въ ней; рѣдкое положеніе не оказывается спорнымъ; едва только опредѣлился одинъ взглядъ, какъ онъ тотчасъ возбуждаетъ противъ себя множество противорѣчій. Воззрѣнія, одно другому противоположныя, оспариваютъ другъ у друга римскую исторію. Самые первыя начала ея повидимому нисколько неопредѣлены и не установлены: новые историки Рима весьма-неторопливо подвигаются впередъ, именно потому, что очень-долго задерживаются на нихъ. Можно сказать, что до-сихъ-поръ еще около этого пункта сосредоточены главныя силы историческаго скептицизма и его противниковъ. Даже знаменитое вибуровское рѣшеніе вопроса, сдѣлавшее эпоху въ новой исторіографіи, повидимому, не подвинуло дѣла впередъ. Лишь немногіе изъ послѣдователей великаго историка хотятъ держаться его буквально; другіе же явно отступаютъ отъ любимыхъ положеній своего учителя; наконецъ неутомимые противники его воззрѣнія на римскую исторію тѣмъ сильнѣе и незастѣнчивѣе возвышаютъ свой голосъ, чѣмъ больше удаляются отъ него по времени. Приходить на мысль, что нападеніе становится тѣмъ смѣлѣе, чѣмъ больше ослабѣваетъ сила отраженія. Не прошло еще и полной четверти вѣка

со времени смерти историка, какъ ужь многія его сооруженія встроены въ самое основаніе. Итакъ, зданіе, которое само построено было на развалинахъ другаго, оказалось еще менѣе его прочно. Итакъ мысль, неутомимо-работавшая въ-продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій надъ одною задачею, была лишена производительной силы и способна развѣ только на разрушеніе?

Надобно, впрочемъ, имѣть довольно-превратное понятіе о духѣ науки, чтобъ принять измѣнчивость обращающихся въ ней предположеній за ея собственную несостоятельность. Падаютъ, одно за другимъ, различныя частныя воззрѣнія, но остается всегда неизгнаннымъ основа первоначальныхъ историческихъ данныхъ, къ которой, волею или неволею, приходится возвращаться вновь послѣ каждаго кризиса отдѣльныхъ мнѣній. Ея не уничтожить никакой скептицизмъ, не подорветъ никакая критика: она остается навсегда, хотя бы и непризнанная частью изслѣдователей, и работа надъ нею не прекратится до-тѣхъ-поръ, пока то или другое личное воззрѣніе, послѣ многихъ колебаній, не придетъ въ совершенный уровень съ этимъ первоначальнымъ матеріаломъ. Наука неравнозначительна понятію полной побѣды: борьба съ даннымъ матеріаломъ, усиліе одолѣть его мыслью—необходимое условіе ея существованія и главный признакъ ея жизненности. Не то возвышаетъ цѣну личнаго воззрѣнія, что оно не встрѣчаетъ себѣ много возраженій, но сила движенія, возбужденнаго имъ въ наукѣ, и плодотворность идеи, положенной ему въ основаніе. Частности могутъ казаться ошибочны, какъ плодъ слишкомъ-всплывшаго вывода; многія отдѣльныя положенія могутъ быть и вовсе устранены дальнѣйшею критикою, какъ слѣдствія неумѣреннаго увлеченія одною любимною мыслью: при всемъ томъ, если основное воззрѣніе, выдержавъ множество болѣе или менѣе сильныхъ нападеній, еще продолжаетъ дѣйствовать въ наукѣ, и даже, переходя изъ однихъ рукъ въ другія, не перестаетъ оказывать ощутительное вліяніе на ея дальнѣйшее развитіе, мы не можемъ сомнѣваться въ его плодотворности. Колебанія въ ту и другую сторону неизбежны; несмотря на то, въ которыхъ воззрѣнія до такой степени укоренились въ соответствующей имъ области знанія, что ихъ почти можно поравнять, по силѣ и твердости, съ первоначальнымъ матеріаломъ. Ихъ также нельзя ни уничтожить, ни обойти совершенно; къ нимъ также надобно возвращаться всякій разъ, какъ только дѣло коснется обсужденныхъ, или хотя только поднятыхъ ими вопросовъ. Шампольонъ не единственный примѣръ въ своемъ родѣ. Нибуровское воззрѣніе на первоначальную римскую исторію не менѣе тѣсно срослось съ нею. Всякую книгу, вновь-выходящую по римской исторіи, мы немремѣнно встрѣчаемъ вопросомъ: какъ относится она къ Нибуру и его критикѣ? Имѣть еще книги, которая, принадлежа сюда, не спѣшила бы дать и себя отвѣтъ на этотъ вопросъ въ положительномъ, или отрицательномъ смыслѣ. Путешественники, видѣвшіе развалины Вавилона, говорятъ, что на каждомъ кирпичѣ сохранились слѣды письменъ, можетъ-быть, означающихъ чье-нибудь имя; мы можемъ сказать, что въ

одолжающемуся на нашихъ глазахъ построеніи древней исторіи Рима, ждѣй камень кладется вновь — съ именемъ Нибура.

Въ послѣднее время самая замѣчательная попытка обновить прежнее воззрѣніе на римскую исторію, возвратитъ нашу мысль къ прежнимъ ея основаніямъ, принадлежить, безъ сомнѣнія, гг. Герлаху и Бахофену. Опираясь на вѣрованія самихъ римлянъ, на ихъ религіозныя понятія, они взяли на себя трудъ вновь утвердить на нихъ поряженное знаніе начальной римской исторіи въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно существовало до новѣйшей исторической критики. Имѣсть съ тѣмъ они обѣщали показать смыслъ многихъ явленій древней римской жизни съ новой точки зрѣнія. По ихъ мнѣнію, вѣра римскаго народа въ своихъ боговъ не только составляетъ важный моментъ въ его исторической жизни, но и даетъ всей его исторіи совершенно-особенный колоритъ. Не признать этого значенія въ римскомъ преданіи, тѣмъ болѣе, почерпать изъ него основанія для критики историческихъ извѣстій, значить, по убѣжденію тѣхъ же историковъ, не понимать историческихъ требованій ⁽¹⁾. Не иначе, какъ чрезъ римское знаніе и римскія понятія можемъ мы прійти къ настоящему пониманію самыхъ дѣлъ римскихъ, и нигдѣ это правило не прилагается съ такою силою, какъ въ начальной исторіи Рима. Не трудно видѣть, что нападеніе угрожало нибуровскому воззрѣнію не только въ частностяхъ, но въ цѣломъ его составѣ; что оно направлено противъ основаній его идеи. Успѣхъ нападенія, повидимому, обезпечивался не тѣмъ только счастливымъ обстоятельствомъ, что въ одномъ предпріятіи соединились два отдѣльные лица, которыя умѣли совершенно уравнисить свои понятія какъ о цѣломъ ходѣ римской исторіи, такъ и о разныхъ частяхъ ея: на сторонѣ гг. Герлаха и Бахофена, сверхъ-того, остается неоспоримое знаніе дѣла, приготовленное столько же добросовѣстнымъ изученіемъ источниковъ, сколько и ближайшимъ знакомствомъ съ самою мѣстностью. Никто потомъ не будетъ отвергать замѣчательнаго таланта въ изображеніи страны и ея состоянія въ различныя эпохи исторіи, отчего самое историческое изложеніе необыкновенно какъ много выигрываетъ въ живости и воодушевленіи. Кому бы ни принадлежало описаніе римской кампаніи въ «Исторіи Римлянъ», тому или другому ея автору, оно, по всей справедливости, можетъ быть названо образцовымъ въ своемъ родѣ. Еще предпріятіе далеко отъ того, чтобъ прійти къ своему концу; но вышедшія доселѣ двѣ книги ужъ обняли въ себѣ все время, предшествовавшее основанію Рима, и весь періодъ римскихъ царей; начало, высказанное авторами въ предисловіи, нашло себѣ обширное приложение и метода ихъ достаточно опредѣлилась. Надобно признаться, что авторы остались вѣрны во всемъ своему основному воззрѣнію. Повидимому и цѣль ихъ совершенно достигнута: древняя римская исторія дѣйствительно возстановлена въ сочиненіи Герлаха и Бахо-

(1) См. Geschichte der Römer, von Gerlach und Bachofen, Vorwort.

ена согласно съ вѣрованіями самихъ римлянъ. Мы можемъ сказать даже болѣе: преслѣдуя съ необыкновеннымъ постоянствомъ однажды-принятое направленіе, успѣли открыть какъ въ исторіи народа, такъ и въ самомъ его правѣ, гораздо-болше послѣдовательности извѣстныхъ мыслей, нежели сколько знали о томъ, или вѣрили сами римскіе историки, представители римской науки вообще. Мало того, что достовѣрность Ромула и ближайшихъ его преемниковъ, какъ историческихъ лицъ, по рѣшительному отзыву авторовъ новой «Исторіи Римлянъ», не подлежитъ болше никакому сомнѣнію; самая теорія ихъ власти, разъясненная тѣми же писателями, ничѣмъ почти не отличается отъ современныхъ намъ понятій о томъ же предметѣ. Исторія болѣе чѣмъ двухъ тысячилѣтій не прибавила ни одной новой черты къ прежнимъ понятіямъ. Современникамъ Ромула не доставало только образованія и привычки излагать свои мысли на бумагѣ, чтобъ совершенно уравниваться съ нами во взглядѣ на нѣкоторыя важнѣйшія основанія общественной быта. Они думали почти одинаково съ нами, и лишь недостатокъ развитія помѣшалъ имъ высказаться съ полною опредѣленностью; а можетъ-быть, и потеря многихъ памятниковъ виною тому, что до насъ не дошло полного выраженія ихъ юридическихъ понятій. Но гг. Герлахъ и Бахофенъ взяли на себя трудъ по немногимъ остаткамъ возстановить настоящей смыслъ древняго римскаго воззрѣнія на право и открыли въ немъ связь идей, которой до сего времени никто и не подозрѣвалъ внѣ христіанскихъ временъ (1).

Нѣтъ спора, что, слѣдуя за такими вожатыми, мы далеко ушли впередъ: но точно ли мы обогнали Нибура, оставили его далеко позади себя? Самая эта крайность новаго воззрѣнія, которое, даже уйдя въ римскую старину, не можетъ ни на минуту разстаться съ нѣкоторыми любимыми идеями нашей современности и такъ легко усваиваетъ ихъ самымъ отдаленнымъ эпохамъ исторіи, не убиваетъ ли вѣру въ его научное достоинство и не возвращаетъ ли нашу мысль съ болшею довѣренностью къ Нибуру и его основному взгляду на римскую древность? Чѣмъ болше противники его вносятъ преувеличеній, тѣмъ болше оправдывается его критика. Чѣмъ усильнѣе стараются, въ противорѣчіе ему, возвысить цѣну римскихъ историческихъ преданій, тѣмъ ниже падаютъ они во мнѣніи читателя, тѣмъ живѣе чувствуется недостатокъ критики фактовъ. Оттого только, что намъ передадутъ давно-извѣстныя сказанія о подвигахъ Энея въ Ладціумъ съ видомъ болшой увѣренности въ ихъ истинѣ, мы не сдѣлаемся довѣрчивѣе. Подновленное вѣрованіе Римлянъ въ историческое существованіе героевъ ихъ древности, не есть еще достаточное основаніе для нашихъ убѣжденій, точно также, какъ толкованіе древнихъ юридическихъ понятій въ новомъ смыслѣ не можетъ еще слу-

(1) Ссылаемся на все второе отдѣленіе 1-го тома «Исторіи Римлянъ» и въ-особенности на послѣднюю главу въ немъ.

ить доказательствомъ, чтобъ сами Римляне понимали ихъ одинаково нами. Впрочемъ, мы не пишемъ критики на Герлаха и Бахофена, предоставляя знатокамъ дѣла провѣрить всѣ основанія ихъ воззрѣнй, новыя—открытыя ими въ римскихъ источникахъ: мы предпочитаемъ съ своей стороны познакомить русскихъ читателей съ новою книгою римской исторіи Швеглера, которая, по нашему мнѣнью, служить лучшимъ отвѣтомъ на новый опытъ попятнаго движенія въ историческомъ изслѣдованіи, представленный вышедшими до-сихъ—поръ часами «Исторіи Римлянъ». Не то, чтобъ книга Швеглера написана была прямо въ отвѣтъ на сочиненіе гг. Герлаха и Бахофена: она давно готовилась, независимо отъ него, самостоятельными изслѣдованіями автора о важнѣйшихъ вопросахъ древней римской исторіи, которые долгое время производимы были имъ въ ученомъ кабинетѣ и потомъ повѣрены на мѣстѣ самыхъ событій; но появленіе ея послѣ «Исторіи Римлянъ» пришлось, какъ—нельзя—болѣе, ко времени, чтобъ дать намъ въ руки осязательное доказательство того, что касательно вопроса о началахъ римской исторіи, несмотря на нѣкоторыя частныя уклоненія, наука тѣмъ не менѣе продолжаетъ идти вѣрнымъ путемъ къ своей цѣли.

Эпиграфъ, очень—удачно взятый изъ римской же литературы и подписанный однимъ изъ самыхъ—авторитетныхъ именъ въ ней, весьма—вѣрно выражаетъ главное направленіе автора и общій характеръ его изслѣдованій. Держаться наиболѣе—вѣроятнаго и не выходить изъ предѣловъ достовѣрнаго, съ твердою готовностью защищать свои выводы, впрочемъ, безъ слѣпаго предубѣжденія къ противорѣчащимъ мнѣннмъ — таковъ лозунгъ, который авторъ ставитъ тотчасъ послѣ заглавія своего сочиненія (1). Отсюда ужъ частью можно видѣть отношенія новой «Римской Исторіи» къ Нибуровскому воззрѣнью. Швеглеръ не принадлежитъ къ числу тѣхъ слѣпыхъ поклонниковъ великаго историка, которые готовы съ отчаяннымъ усиліемъ мысли отстаивать каждое его предположеніе, потому только, что оно носитъ на себѣ его имя, отъ него ведетъ начало; но онъ знаетъ настоящую цѣнну заслугъ Нибура наукѣ и умѣетъ при всякомъ случаѣ воздать ему должное. Мы приведемъ его собственныя слова, лучше всего показывающія его отношенія къ основателю новаго воззрѣнія на римскую исторію. «Можно сказать со всею справедливостью, что изъ всѣхъ изслѣдователей, трудившихся надъ обработкою древней римской исторіи, Нибуръ былъ первый, который бросилъ вѣрный взглядъ на ея развитіе и представилъ въ настоящемъ свѣтѣ происхожденіе, связь и отношеніе между собою древнихъ римскихъ учреждений, крайней—мѣрѣ въ главныхъ ихъ основаніяхъ. Авторъ признается, что, сначала несогласный съ Нибуромъ во многихъ отдѣльныхъ пунктахъ,

(1) Cic. Tusc., II, 2, 5: Nos, qui sequimur probabilia, nec ultra id, quod veri simile occurrerit, progredi possumus, et refellere sine pertinacia, et refelli sine craenadia parati sumus.

онъ тѣмъ болѣе приближался къ нему, чѣмъ далѣе простирался самъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, и наконецъ пришелъ къ тому убѣжденію, что, какъ ни много еще остается повѣрить и дополнить пресмилннмъ Нибура, впрочемъ, въ главныхъ историческихъ вопросахъ онъ всецѣ почти угадалъ истину. Его положенія часто потому только кажутся произвольными, что онъ наведенъ былъ на нихъ своими вѣрными историческимъ тактомъ, прежде-чѣмъ могутъ дать имъ наукообразное основаніе, и по-необходимости должны были довольствоваться такими доказательствами, которыя не выдерживаютъ строгой и безпристрастной критики. Въ этомъ состоитъ слабая сторона Нибура. Касательно римскаго государственнаго права, большая часть главныхъ положеній остаются тѣ же и въ наше время; но разница состоитъ въ томъ, что мы можемъ указать для нихъ болѣе-твердыя основанія и защищать ихъ съ болѣею увѣренностью» (1). Эта правильная оцѣнка заслугъ Нибура и его значенія въ современной историографіи тѣмъ важнѣе для насъ, что она не есть плодъ личнаго увлеченія автора одною любимою идеею, но логическій результатъ постоянныхъ его наблюденій и собственныхъ занятій римскою исторіею.

Начинать римскую исторію прямо съ основанія Рима было бы въ наше время большимъ анахронизмомъ. Новая историческая критика, въ-продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ неутомимо работавшая надъ вопросомъ о происхожденіи римскаго народа и первыхъ условій его политическаго существованія, накопила такъ много разнороднаго матеріала, что современнымъ историкамъ приходится о немъ еще переговорить напередъ про и contra, прежде чѣмъ начать самую исторію. Никто, поэтому, не поставитъ въ упрекъ Шweglerу, что онъ открываетъ свои изслѣдованія подробнымъ обзоромъ источниковъ римской исторіи. Въ этомъ случаѣ онъ остается совершенно вѣренъ какъ нибуровской методѣ, такъ и современному состоянию вопроса. Не принявъ напередъ нѣкоторыхъ рѣшеній относительно его, нельзя разсуждать о достовѣрности или недостовѣрности тѣхъ событій, о которыхъ разсказываютъ римскія историческія преданія. Гг. Герлахъ и Бахофенъ почти вовсе обошли этотъ вопросъ, поставивъ на его мѣстѣ обстоятельное описаніе самой мѣстности, на которой происходили главные событія древней римской исторіи. Описаніе удаюсь имъ какъ-нельзя-болше; но мы не думаемъ, чтобы они были въ правѣ спрятаться за нимъ и такимъ-образомъ избѣжать необходимости одѣлать правильную оцѣнку источниковъ и ихъ употребленія позднѣйшими историками. Шweglerъ, конечно, не могъ сообщить очень-много новаго по этому предмету, потому-что вопросъ взвѣшенъ ужъ давно; но онъ по-крайней-мѣрѣ собралъ всѣ извѣстные результаты и не оставилъ читателей въ сомнѣніи о своемъ собственномъ образѣ мыслей. Дѣло въ томъ, что мы имѣемъ начальную римскую исторію изъ вторыхъ и даже изъ третьихъ рукъ. Собственно такъ-называемые ис-

(1) См. Röm. Geschichte von Schwegler, p. 147.

ники ея не дошли до насъ : они погибли частью отъ времени, частью въ ужасныхъ катастрофахъ, не одинъ разъ истреблявшихъ государственные архивы древняго Рима; до насъ достигли чрезъ цѣлый рядъ вѣковъ лишь скудные *извѣстiя о нихъ*, и, можетъ—быть, нѣсколько отдѣльныхъ мѣстъ въ сочиненiяхъ позднѣйшихъ писателей, рочемъ, довольно—сомнительнаго свойства. Такъ Геллій, ссылаясь иногда на лѣтописи, извѣстныя подъ именемъ «*Annales romani*», очевидно бралъ свои показанiя не прямо изъ нихъ самихъ, изъ сочиненiй нѣкоторыхъ пользовавшихся ими анналистовъ. Есть также нѣкоторые довольно—ясные *слѣды* частныхъ хроникъ, замѣченные еще Нибуромъ: почти не остается сомнѣнiя, что анналисты имѣли къ у себя подъ руками, но нѣтъ никакого положительнаго доказательства, чтобъ позднѣйшiе римскiе историки, изъ которыхъ мы заимствуемъ большую часть нашихъ свѣдѣнiй о древнемъ Римѣ, могли пользоваться ими непосредственно. Монументальная исторiя первыхъ четырехъ вѣковъ римской эры могла еще оказать нѣкоторое пособiе римскихъ писателямъ: такъ во время Полибiя и Дюнисию существовали еще надписи на памятникахъ и нѣсколько подлинныхъ договорныхъ грамматъ, которыя они могли видѣть своими собственными глазами. Но и эти немногiе остатки въ наше время не существуютъ болѣе, и ссылки на нихъ римскихъ археологовъ имѣютъ для насъ лишь то значенiе, что мы не можемъ безусловно отвергать ихъ показанiй, зная, что римская древность не вовсе лишена была документальной основы. Притомъ, надобно замѣтить, что извѣстiя, которыхъ источникомъ служили договорныя грамматы, часто находятся въ яркомъ противорѣчiи съ тѣмъ, что дошло до насъ путемъ обыкновеннаго историческаго преданiя. Швиглеръ положительно утверждаетъ это о древнихъ договорахъ Рима съ Габiями, съ кареагенянами и съ Латинцами (р. 20). Свидѣтельство же памятниковъ искусства, уцѣлѣвшихъ отъ древняго периода до первыхъ вѣковъ христіанства, слишкомъ неточно и неопредѣленно, чтобъ могло замѣнить недостатковъ другихъ, болѣе—положительныхъ извѣстiй о нѣкоторыхъ древнихъ статуяхъ. Римляне сами расходились между собою во мнѣнiяхъ, не зная заподлинно кого онѣ должны были изображать. Плиній, конечно, думалъ, что капитолийскiя статуи римскихъ царей современны имъ самимъ; но онъ вѣрилъ даже существованiю статуи изъ времени Эвандра!

За подробностями касательно того же предмета отсылаемъ читателей къ самой книгѣ Швиглера, гдѣ они найдутъ полный сводъ всего, что относится къ критической оцѣнкѣ источниковъ начальной римской исторiи. Довольно сказать, что общiй выводъ автора, твердо—основанный на многихъ частныхъ изслѣдованiяхъ, нисколько не благоприятствуетъ мнѣнiю тѣхъ, которые готовы принять на—слово всѣ римскiя преданiя потому только, что они были укоренены въ вѣрованiяхъ самихъ римлянъ. Не можетъ быть никакого сравненiя между разумными требованiями современной исторической критики и тѣми слабыми ея зачатками, которыми въ свое время довольствовалась римская исторiографiя: ушили же мы на столько впередъ отъ римлянъ, чтобъ лучше

ихъ понимать требованія науки, хотя бы дѣло касалось ихъ собственной исторіи; однако сами римскіе повѣствователи не такъ же буквально вѣрили всѣму, что только находило мѣсто въ ихъ изложеніи, и нерѣдко предоставляли на выборъ самого читателя такъ или иначе понимать разсказанные ими опыты. Изложивъ исторію царей, первыхъ консуловъ, дедемвировъ, нашествія галловъ и другія событія первыхъ трехъ съ половиною столѣтій Рима, Ливій признается потому въ самомъ вступленіи въ шестую книгу своего повѣствованія, что все это «дѣла темныя» (*res vetustate ni pia obscuras*), какъ потому, что они слишкомъ отдалены по времени, такъ и потому, что письменныя свидѣтельства — эта единственная твердая опора исторической памяти — были въ то время слишкомъ скудны и рѣдки, да и тѣ большею-частью погибли невозвратно въ большомъ римскомъ пожарѣ. Если къ этому прибавить, что письменна, какъ это видно изъ новыхъ изслѣдованій, вошли въ употребленіе въ Римѣ лишь со времени Тарквиніевъ, то выраженное Ливіемъ мнѣніе о недостаточности древнихъ литературныхъ памятниковъ найдетъ себѣ полное оправданіе. Гг. Герлахъ и Бахофенъ могли, по своему желанію, оставить этотъ вопросъ въ сторонѣ, почти совершенно обойти его, но тѣмъ они нисколько не устранили прямо вытекающихъ изъ него слѣдствій. Какъ ни краснорѣчиво говорила за себя природа страны, она одна, безъ помощи историческихъ свидѣтельствъ, не въ-состояніи будетъ опредѣлять намъ ни одного событія изъ жизни народа. Швиглеръ, по нашему мнѣнію, былъ совершенно-правъ, когда, по примѣру многихъ своихъ предшественниковъ, началъ прямо съ вопроса объ источникахъ, поставивъ его точкою отправленія для своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Отрицательный результатъ, къ которому онъ пришелъ въ своемъ рѣшеніи, ведетъ не къ тому, чтобъ отвергнуть древній періодъ римской исторіи, какъ исторія, какъ неимѣющей достаточно-крѣпкихъ научныхъ основаній, но чтобъ пользоваться извѣстіями о немъ съ большею осмотрительностью, подвергая ихъ оцѣнкѣ строгой критики. Не этими ли же требованіями руководился Нибуръ, когда разбиралъ по частямъ старое знаніе, которое до него принималось за римскую исторію въ древнемъ періодѣ. Швиглеръ очевидно находится на той же самой и едва-ли не единственно-вѣрной дорогѣ: но въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, онъ не идетъ слѣпо за своимъ опытнымъ вожакомъ. Если ему хорошо видны главныя достоинства критики Нибура, то также замѣтны и его ошибки. Поэтому неудивительно, что извѣстное нибуровское предположеніе о существованіи въ Римѣ народного эпоса который, по мысли историка, долженъ былъ служить однимъ изъ главныхъ источниковъ, откуда позднѣйшіе римскіе писатели почерпали свои извѣстія о событіяхъ стараго времени, встрѣчаетъ себѣ въ нашемъ авторѣ весьма-рѣшительнаго противника. Не онъ первый отвергаетъ это смѣлое предположеніе: противорѣчія ему, болѣе или менѣе-основательныя, слышались еще и прежде, какъ при жизни Нибура, такъ и по смерти его. Мысль, впервые имъ высказанная со всею опредѣленностью, такъ рѣзко отдѣлялась отъ всего, что извѣстно было о природѣ римскаго образованія и его характерѣ, что не могла

отчасть же не броситься въ глаза своею особенностью. Первые наденія, конечно, были недовольно-метки, потому-что выходили больше зъ непосредственнаго чувства, которое инстинктивно не допускало предположенія, нежели изъ отчетливаго пониманія дѣла; но чѣмъ притальнѣе всматривались въ характеръ римскихъ историческихъ оцаній, и чѣмъ внимательнѣе были къ самой природѣ римскаго народа, тѣмъ очевиднѣе становилась неосновательность гипотезы, подсказанной, можетъ-быть, автору нѣсколько-нетерпѣливымъ желаніемъ поскорѣе заполнить ту пустоту, которая оставалась послѣ критической расчистки древнихъ основаній для римской древности. Швеглеръ въ своей книгѣ наноситъ предположенію Нибура новый и, кажется, послѣдній ударъ. Послѣ его доводовъ и соображеній, трудно будетъ взять на себя защиту мысли, которая во всѣхъ почти отношеніяхъ оказывается несостоятельною.

Намъ показались особенно-заслуживающими вниманія тѣ соображенія Швеглера, которыя основаны, такъ-сказать, на внутренней недовѣренности факта, утверждаемаго нибуровской гипотезой. Можетъ-быть, они покажутся слишкомъ-строги, но едва-ли найдутъ ихъ недовольно-основательными. Мы приведемъ нѣкоторыя сюда относящіяся мѣста книги. «Вообще нѣтъ основанія думать, чтобъ въ Римѣ когда-нибудь процвѣталъ національный эпосъ. Римлянамъ не доставало тѣхъ необходимыхъ элементовъ и условій, которые сдѣлали возможнымъ это вліаніе въ Греціи. Удаленные отъ морскаго берега, незнакомые съ опасностями морскихъ путешествій и потому чуждые духу приключеній, они ограничивали свои занятія земледѣіемъ и скотоводствомъ и защитою своихъ полей отъ постороннихъ нападений. Живя такимъ-образомъ въ постоянной враждѣ съ сосѣдственными племенами, у себя дома — вполне преданные своимъ суевѣрнымъ понятіямъ и обычаямъ, которые связывали каждое ихъ движеніе, воспитываясь въ строгомъ однообразіи отеческихъ нравовъ и постоянно обращаясь въ заповѣдномъ кругу своего крѣпко-организованнаго общества, безъ врожденнаго глубокаго чувства поэзіи, они скорѣе отличались своимъ практическимъ духомъ, трезвостью своей фантазіи и рѣшительною склонностью къ рефлексіи; соединенные первоначально не единствомъ происхожденія, крови, но лишь однимъ юридическимъ союзомъ, они, еще прежде чѣмъ стать народомъ, составили ужъ изъ себя городъ, или гражданское общество, существующее на юридическихъ основаніяхъ, и потому съ самаго начала преимущественно направленное къ развитію юридическаго быта. И отъ этихъ-то римлянъ хотимъ мы такого же обилія поэтическихъ сказаній, какое находимъ у народовъ, отъ природы одаренныхъ творческою фантазіей, рано-сроднившихся съ моремъ и смѣло переносившихся по волнамъ его въ отдаленныя страны! Какъ не создали римляне своей богатой мифологіи, которая бы могла поравняться съ греческою, такъ напрасно стали бы мы искать у нихъ и народной эпической поэзіи. Ужъ одно то обстоятельство, что Римъ не произвелъ ни одного замѣчательнаго творческаго таланта; что значительнѣйшіе поэты въ латинской лите-

ратурѣ не были природные римляне, и всѣ вышли изъ рядовъ предебывшихъ римскихъ союзниковъ, достаточно показываетъ, какъ мало имѣлъ этотъ народъ призванія къ поэзій». — «Но всего рѣшительнѣе говорить противъ Нибуrowsкой гипотезы самый характеръ и содержаніе традиціонной исторіи древняго Рима: такъ мало она подходитъ на произведеніе народной поэзій, такъ чужда всего, что напоминаетъ бы въ ней первоначальную форму народныхъ историческихъ пѣсенъ. Составъ ея скорѣе показываетъ, что она есть плодъ режиссѣи и обдуманности. Если угодно, она тоже поэзія, а не настоящее историческое преданіе; но эта поэзія держится своими корнями въ землѣ, не сходитъ съ исторической почвы, постоянно цѣпляется за факты, имена, обычаи, учрежденія, суевѣрія и другіе остатки прошеднаго и даже, можно сказать, частью выросла изъ этихъ элементовъ; однимъ словомъ, если взять главную основу ея содержания, то она состоитъ изъ этиологическихъ мифовъ, а всѣ прочія ея части сложились на основаніи старыхъ юридическихъ преданій. Эти преданія о началахъ римскаго государства и права и есть, относительно говоря, самое достовѣрное въ дошедшей до насъ исторіи древняго Рима, крѣпкое ядро ея; но по самой натурѣ своей они всего менѣе и могли быть предметомъ народной поэзій» (1).

Понятіе объ этиологическомъ мифѣ, которому прійдется такое обширное значеніе въ древней римской исторіи, можетъ показаться недовольно-яснымъ. Нѣсколько ниже, впрочемъ, Шweglerъ цолнѣе высказываетъ свою мысль о немъ, и мы еще разъ воспользуемся его собственными словами, чтобъ передать въ нихъ читателю самое воззрѣніе автора на характеръ историческихъ преданій, которыя принадлежать римской древности. «Большая часть этихъ преданій есть не что иное, какъ — да позволено будетъ мнѣ употребить это выраженіе — этиологическіе мифы, то-есть они рассказываютъ цѣлыя событія, или отдѣльные случаи, нарочно придуманные, чтобъ генетически объяснить нѣчто данное, фактически существующее, будетъ ли то какой обычай, суевѣрный обрядъ, учрежденіе, или только названіе какой мѣстности, урочища, памятника, и т. п. Этиологическій мифъ имѣлъ свои существенныя отличія. Онъ несомнѣнно принадлежитъ къ области мифа, потому-что на мѣсто дѣйствительнаго событія ставитъ вымыселъ, который и составляетъ содержаніе рассказа, но въ то же время онъ отличается отъ мифа въ собственномъ смыслѣ, потому-что, не имѣя въ своей основѣ никакого идеальнаго представленія, беретъ свое начало отъ эмпирически даннаго, которое такимъ образомъ служитъ мотивомъ и вмѣстѣ главною тѣмою для мифическаго рассказа, поставляющаго свою цѣлью объяснить его происхожденіе. Это самыя ранніе и болѣею-частью еще дѣтскіе опыты исторической гипотезы. Первоначальная римская исторія особенно богата мифическими рассказами этого рода: примѣромъ могутъ служить: исторія Эвандра,

(1) См. Schwegler, Röm. Geschichte, p. 58—62.

одвижи Геркулеса въ Римѣ, рассказъ о Потипціяхъ и Пинаріяхъ, свинья въ 30 поросенками, похищеніе Сабинянокъ, басня о Тарпейѣ, основаніе рама Юпитера Статора и т. п. «Римскіе вопросы» Плутарха составляютъ богатое и вмѣстѣ поучительное собраніе подобныхъ этіологическихкихъ мѣзовъ»⁽¹⁾.

Какого бы, впрочемъ, происхожденія ни были древнія римскія саги, онѣ достигли до насъ далеко не въ первоначальномъ своемъ видѣ. Мы имѣемъ ихъ изъ вторыхъ и изъ третьихъ рукъ; мы приняли ихъ нѣсколько разъ переработанными въ самой римской историографіи. По крайней нуждѣ мы могли бы поставить на мѣсто первоначальныхъ источниковъ, за неимѣніемъ ихъ, тѣхъ римскихъ писателей, которые дошли до насъ. Но всѣ они принадлежатъ ужъ позднѣйшему періоду римской исторіи: прежде чѣмъ начали излагать ее въ болѣе или менѣе-художественной формѣ, она долгое время была обрабатываема старыми римскими *анналистами*. Къ-сожалѣнію, римскіе анналисты почти такъ же невозвратно погибли для насъ, какъ и ихъ первоначальные источники. Мы знаемъ ихъ имена, весьма-немногія обстоятельства ихъ жизни, время, въ которое они жили и писали свои сочиненія; располагаемъ также небольшимъ числомъ отрывковъ изъ ихъ давно-утраченныхъ произведеній и, сверхъ-того, довольно-многочисленными ссылками на нихъ позднѣйшихъ писателей, откуда дѣлаемъ прямое заключеніе, что собственно такъ-называемые римскіе *историкки* многое должны были заимствовать отъ своихъ предшественниковъ; но мы не имѣемъ болѣе возможности сличить ихъ между-собою, повѣрить однихъ другими, и въ болѣе-части случаевъ принуждены ограничиваться лишь позднѣйшими показаніями историкковъ. При такомъ состояніи извѣстій о древней римской исторіи, какъ не хотѣтъ отдать должную справедливость тѣмъ, которые, вовсе не будучи скептиками, однако, по долгу добросовѣстныхъ историкковъ, весьма-недовѣрчиво смотрятъ на римскія преданія и принимаютъ ихъ не иначе, какъ пробѣривъ во всѣхъ частяхъ строгимъ критическимъ анализомъ!

Но вопросъ объ анналистахъ, впервые занимавшихся обработкою древней римской исторіи, имѣетъ еще другую интересную сторону. Впервыхъ, они никакъ не восходятъ ранѣе VI вѣка отъ основанія города. По всѣмъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, Римъ въ-продолженіе первыхъ вѣковъ своего существованія не имѣлъ своей исторіи и никакого связнаго разсказа ея событій, хотя бы даже въ формѣ простой лѣтописи. По весьма-опредѣленному выраженію Ливія, Фабій Пикторъ былъ древнѣйшій римскій лѣтописатель, а онъ жилъ въ первой половинѣ VI столѣтія и писалъ, какъ можно полагать съ вѣроятностью, ужъ околѣ исхода второй пунической войны. Цинцій Аліментъ, котораго Ливій также приводитъ въ своей исторіи, и котораго Нибуръ особенно-высоко ставилъ между римскими анналистами, былъ лишь

(1) Idem, p. 69.

современникъ Фабія Пиктора. Ацилій и Постумій Альбинъ, слѣдовавшіе за первыми, отдѣлены отъ нихъ по-крайней-мѣрѣ на цѣлое вѣкостолѣтіе. Всѣ они однако потеряны для насъ; но черезъ цѣлый рядъ вѣковъ до насъ дошли нѣкоторые отрывочныя извѣстія, касающія ихъ жизни и самыхъ произведеній. Изъ сравненія ихъ между собою выходитъ одно обстоятельство, которое, по нашему мнѣнію, должно вѣснть очень-тяжело на вѣсахъ критики, когда дѣло идетъ о такомъ вопросѣ, какъ римскія историческія преданія и вѣроятная степень ихъ достовѣрности. Это обстоятельство, бросающееся въ глаза своею особенностью, есть самая форма изложенія, общая всѣмъ первымъ анналистамъ. Какими глазами смотрѣли бы мы на нашу отечественную исторію, еслибъ первые наши историки писали на чужомъ языкѣ? А первые римскіе анналисты всѣ писали — погречески! О Ф. Пикторѣ и Ц. Алимпіѣ положительно говорятъ это Діонисій; объ Ацилій и П. Альбинѣ утверждаетъ то же самое Цицеронъ и другіе знатоки древней римской литературы. Итакъ, пока не явился Порцій Като, римлянинъ не иначе могъ удовлетворить своей исторической любознательности, какъ выучившись понимать погречески. Отъ большинства, разумѣется, нельзя было требовать, чтобъ оно поравнялось въ знаніи чужаго языка съ людьми образованными: поэтому оно могло читать свою отечественную исторію развѣ только въ *переводѣ*, и мы дѣйствительно знаемъ, что впоследствии сдѣланы были латинскіе переводы съ греческихъ подлинниковъ Ф. Пиктора и другихъ римскихъ анналистовъ для большаго распространенія ихъ въ публикѣ ⁽¹⁾. Чтобъ стать вполне народною, римская исторія такимъ-образомъ должна была напередъ пройти черезъ формы греческаго языка. Правда, что сами писавшіе погречески авторы были римляне; но самое ихъ знаніе греческаго языка и умѣнье владѣть имъ необходимо предполагать и тѣсное знакомство съ греческою литературою, а въ такомъ случаѣ трудно себя представить, чтобъ она съ своими выработанными понятіями не отразилась въ той или другой степени и на самомъ ихъ возрѣніи. Въ каждомъ языкѣ есть свои цвѣта, которые необходимо общаются и самымъ предметамъ, видимымъ или понимаемымъ чрезъ его посредство. Въ греческой литературѣ, какъ самой образованной и наиболѣе-развитой для своего времени, было этого особеннаго колорита болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь. Само собою разумѣется, что едва зарождавшаяся римская литература нисколько не могла состязаться съ ней въ этомъ отношеніи и должна была принимать на себя отраженіе ея понятій. Нельзя было заимствовать отъ грековъ врожденнаго имъ творчества, потому-что творчество нераздѣльно соединено съ самою организациею человѣка, или даже цѣлаго народа; но, съ другой стороны, нельзя было и при самой доброй волѣ уклониться отъ подражанія различнымъ приемамъ, которые были еще вовсе неизвѣстны у римлянъ и вполне выработаны у грековъ. Знакомство съ

(1) Ссылки на относящіяся сюда мѣста въ новой исторической литературѣ см. у Швейгера, р. 76 и 16.

реческими мнѣями, безъ-сомнѣннѣ, не сдѣлало римской мнѣологической фантазіи плодотворнѣе; съ другой стороны, знаніе исторической реціи не вытѣснило свойственныхъ римлянину и глубоко-впечатлѣннѣхъ въ его памяти представленнѣхъ о его собственной исторіи. Какъ дннмъ римскимъ писателямъ, лишь начинавшимъ трудное историческое искусство у себя дома, было обойтнѣ безъ того, чтобъ не пользоваться хоть нѣкоторыми пріемами отъ грековъ, которые давно жь были опытны въ этомъ дѣлѣ? Какъ было имъ, смотрѣвшимъ на свою исторію сквозь греческіе очки, не усвоить себѣ, между-прочнмъ, и этого столько обыкновеннаго у грековъ пріема — выводить изъ названія вещи не только понятіе о ней, но и самую исторію ея происхожденія?.. Тамъ, гдѣ греку служило его живое воображеніе, римлянину помогало его патріотическое чувство и тѣ примѣры изъ чужой литературы, которые онъ имѣлъ у себя передъ глазами.

Была, впрочемъ, въ то же время и другая, болѣе-національная форма для изложенія событій римской исторіи: поэты Невій и Энвій, жившіе въ томъ же вѣкѣ и писавшіе, можетъ-быть, даже ранѣе первыхъ анналистовъ, излагали ея содержаніе въ латинскихъ стихахъ... Такъ первый изъ нихъ написалъ свой эпосъ, котораго предметомъ была первая пуническая война; такъ написалъ второй свои поэтическія «Лѣтописи» (Annales), которыя обняли въ себѣ всю прежнюю исторію Рима. Граждане римскіе могли, пожалуй, и не читать переведеннѣхъ съ греческаго исторій, когда имѣли свои поэтическія хроники; но въ такомъ случаѣ они ужь имѣли дѣло столько же съ исторіею, сколько съ поэзіею. Отъ поэтическаго произведенія нельзя требовать точности и достовѣрности исторической: въ томъ и состоитъ особенность поэтической формы, что она даже при историческомъ содержаннѣ допускаетъ участіе фантазіи, вымысла. Невій и Энвій не были бы поэты, еслибъ хотѣли держаться въ строгнѣхъ предѣлахъ исторической истины: этого не требовала отъ нихъ современная критика, по той причинѣ, что она еще не существовала, и самая природа ихъ талантовъ по всей вѣроятности склоняла ихъ къ другой цѣли. До насъ, конечно, дошло слишкомъ-мало отъ обонхъ поэтовъ, чтобъ мы могли составить себѣ вполнѣ-ясное и отчетливое понятіе какъ о нихъ самнхъ, такъ и о ихъ произведеннѣхъ; однако, не всѣ же наши вопросы о ихъ жизни и дѣятельности остаются совершенно-безотвѣтными. Мы, напримѣръ, желали бы знать мѣсто происхожденія, родину того и другаго поэта, чтобъ сообразить, въ какой мѣрѣ они могли быть удалены отъ всего греческаго и чужды греческимъ представленнѣмъ и пріемамъ въ искусствѣ? Отвѣтъ есть: онъ говоритъ намъ, что одинъ изъ нихъ родился въ Кампаннн, а другой въ Калабріи, то-есть, въ тѣхъ провинціяхъ Италіи, гдѣ ужь процвѣтали греческія колонн и куда давно проникла греческая образованность. Мы хотѣли бы знать дагѣе, какнхъ пунктовъ древней римской исторіи особенно удачно коснулось поэтическое воображеніе Невія и Энвія, такъ, чтобъ съ ихъ легкой руки нѣкоторыя историческія представленія вошли въ общій оборотъ между римлянами? Есть отвѣтъ и на это, хоть и несовсѣмъ-прямой: о Не-

ни мы знаем положительное, изъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ (фрагментовъ), что онъ говорилъ о пожарѣ Трои, о бѣгствѣ Анхиза и Эвеса, о заключеніяхъ послѣдняго, о пребываніи его у Дидоны и о послѣдующемъ затѣмъ морскомъ плаваніи; а ученый комментаторъ Варгиліа притомъ сообщаетъ отъ себя извѣстіе, что авторъ Энеиды заимствовалъ отъ Невія планъ первыхъ пѣсней своей поэмы. Конечно, эти факты достаточно говорятъ сами за себя. Объ Энніи извѣстно съ неменьшею достовѣрностью, что онъ началъ свои лѣтописи съ прибытія троянъ въ Италію, продолжалъ исторію римскихъ царей, рассказалъ, между прочимъ, въ греческомъ вкусѣ апопееву Ромула и т. д.; а что Энніи долго оставался однимъ изъ любимыхъ римскихъ писателей, свидѣтельствуютъ многочисленныя ссылки на него коадвѣйшихъ авторовъ (1). Могло бы казаться, что Энніи нравились римлянамъ какъ чисто-національный писатель, на котораго по-крайней-мѣрѣ чужая образованность не имѣла никакого вліянія; но прозваніи «полугрекъ» и даже «грекъ» (Semigraecus, Graecus), придаваемыя ему позднѣйшими писателями, доказываютъ скорѣе противное. Сколько же поэтическихъ представленій, образовъ, цѣлыхъ картинъ, могло быть пущено въ оборотъ наравнѣ съ историческими изображеніями и слиться въ одно съ ними въ памяти и воображеніи римлянъ, вѣрнее чѣмъ явилась первая мысль о потребности отдѣлить историческое отъ поэтическаго! Стоитъ только разъ смѣшать исторію съ поэзіей, распознать же потомъ это смѣшеніе достанется развѣ очень и очень поздней критикѣ, да и то не для всякаго съ пользою. Римская историографія отъ первыхъ своихъ началъ до настоящаго своего времени есть осязательное тому доказательство.

Въ какой степени Катонъ и его послѣдователи въ-состояніи были поправить ошибку своихъ предшественниковъ, или, лучше сказать, напутить направление, принятое римскою историографіею съ самаго начала — сказать трудно, по недостатку данныхъ, которыя бы давали возможность отчетливо опредѣлить мѣсто его въ римской литературѣ. Самого Катона едва-ли можно упрекнуть въ грекоманіи: лишь въ старости выучился онъ погречески, сохранивъ, впрочемъ, до конца жизни свое упорное предубѣжденіе противъ всего неримскаго, чужеземнаго. Сочиненіе его о «Началахъ» (de Originibus), имѣвшее въ виду преимущественно археологическія цѣли, повидимому должно было отличаться болѣе-строгимъ, отчасти даже научнымъ характеромъ изслѣдованія. Но сомнительно, чтобъ ученость Катона могла доставить его сочиненію тѣ же выгоды, которыми уже пользовались облеченныя въ поэтическую форму хроники его предшественниковъ. Притомъ извѣстно съ достовѣрностью, что разборчивость его не простиралась до того, чтобъ, говоря о началѣ древнихъ городовъ, онъ считалъ за нужное исключать греческія саги о ихъ происхожденіи. Утверждалъ, на-

(1) См. Schwegler, p. 84—87; ср. также Röm. Geschichte nach Niebuhr's Vorträge, I B., 4 und 5 Vorlesungen.

римскій, что Фалиска основана выходцами изъ Аргоа, или что Туръ ведетъ свое происхожденіе отъ одного изъ спутниковъ Эвандра, оздѣйшіе писатели ссылались на свидѣтельство Катона. Объ анналистахъ, занимавшихся римскими древностями послѣ него, мы знаемъ еще менѣе положительнаго. Можетъ-быть, сужденіе Нибура о Кальпуріи Пизонѣ, котораго онъ упрекаетъ во многихъ произвольныхъ поправкахъ и измѣненіяхъ, слишкомъ-строга и не оправдывается достаточно фактами; но что Валерій Антій (V. Antias), анналистъ времени Суллы, позволялъ себѣ непростительныя преувеличенія и искаженія въ исторіи — въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться, если взять всѣ мѣста Ливія, гдѣ онъ прямо обвиняетъ его въ «неумѣренной лжи», также въ «безумномъ преувеличеніи данныхъ чиселъ», или насмѣшливо ссылается на него, прибавляя: «если вѣрить такому-то» (1). На всѣ эти важныя недоумѣнія касательно достоверности тѣхъ пособій, которыя позднѣйшіе римскіе историки могли имѣть у себя подъ руками, гг. Герлахъ и Бахофенъ до-сихъ-поръ еще не дали удовлетворительнаго отвѣта и остаются въ долгу у публики.

А между-тѣмъ ни имъ, ни другимъ современнымъ изслѣдователямъ нельзя болѣе уклониться отъ рѣшенія подобныхъ вопросовъ, потому-что римскіе писатели, въ произведеніяхъ которыхъ исторія римской древности дошла до насъ, нашли ужъ болѣею-частью готовый матеріалъ, такъ-что имъ досталась лишь послѣдняя его обработка. Нѣтъ нужды говорить, что труды ихъ, замѣняющіе для насъ источники первой и второй руки, также требуютъ предварительной оцѣнки, чтобъ читатель могъ судить о степени критическаго такта писателей и зналъ заранее, какъ много вѣса и значенія можно придать ихъ личнымъ воззрѣніямъ на исторію. Въ свое время Нибуръ сдѣлалъ довольно-полную оцѣнку римскихъ историковъ, руководствуясь, какъ и во всемъ, своимъ собственнымъ изученіемъ и убѣжденіемъ; но наука не остановилась на его личныхъ наблюденіяхъ и, простирая изученіе далѣе, успѣла подмѣтить нѣкоторыя новыя черты въ римской историографіи, которыя еще недовольно-ясны были для самого основателя новой исторической критики. Любопытно, поэтому, выслушать мнѣніе Шwegлера о тѣхъ историкахъ римской древности, которые остаются для насъ главными авторитетами: служа отголоскомъ цѣлой отрасли критической литературы, оно въ то же время утверждаетъ на собственныхъ изслѣдованіяхъ автора. Мы избираемъ для этой цѣли самыя значительныя имена: Цицерона, Ливія и Діонисія. Первый изъ нихъ никогда не былъ историкомъ въ собственномъ смыслѣ слова; но, во-первыхъ, самъ онъ имѣлъ очень-высокое понятіе о своихъ историческихъ знаніяхъ, такъ-что могъ не краснѣя выслушивать тѣхъ, которые отъ имени отечества обращались къ нему съ просьбою написать римскую исторію; во-вторыхъ, этого же мнѣнія были и многіе дру-

(1) См. Röm. Geschichte nach Niebuhr's Vorträgen, ibid; ср. также Schwegler, p. 89.

гіе образованные его соотечественники; наконецъ, ссылки и упоминанія на римскую древность во множествѣ разсыяны въ оставшихся его сочиненіяхъ. Не называя Цицерона прямо историкомъ, нельзя по-крайней-мѣрѣ не дать ему мѣста между римскими археологами. Несмотря на то, Швеглеръ, согласно съ Нибуромъ, не видитъ достаточно основаній раздѣлять мнѣніе тѣхъ современниковъ великаго римскаго оратора, которые думали, что и отечество и наука много потеряютъ, если онъ не напишетъ римской исторіи. «Еслибъ Цицеронъ (говоритъ онъ), исполняя желанія своихъ друзей, дѣйствительно взялся за это дѣло, онъ предпринялъ бы нѣчто такое, къ чему не имѣлъ никакого призванія: мы можемъ это сказать, сохраняя все наше уваженіе къ его талантамъ, какъ оратора и мыслителя. Ужь самый складъ его ума и направленія не тѣ, какихъ мы требуемъ отъ историка, а избранное имъ поприще развело его еще болѣе съ исторією. Онъ слѣшкомъ вошелъ въ роль оратора и замѣшался въ игру политическнхъ партій своего времени, чтобъ сохранить необходимое для историка спокойствіе. Впрочемъ, едва-ли онъ имѣлъ и достаточный запасъ средствъ для того, чтобъ взяться за историческій трудъ. Это довольно-ясно можно видѣть изъ его книги «О государствѣ» (*De Republica*), которое имѣетъ свои неоспоримыя достоинства, но только не въ смыслѣ историческаго сочиненія. Изъ него оказывается несомнѣннымъ, что авторъ не могъ похвалиться особеннымъ знаніемъ римской исторіи, по-крайней-мѣрѣ въ то время, какъ занялъ быль этимъ трудомъ, и что онъ приступилъ къ нему съ довольно-ограниченнымъ запасомъ свѣдѣній. При чтеніи второй книги этого сочиненія чувствуется особенно, что авторъ неполнѣ владѣлъ своимъ историческимъ матеріаломъ. Древнія римскія учрежденія и подробности ихъ историческаго развитія очевидно были недовольно-извѣстны сочинителю; и если эта часть сочиненія имѣетъ цѣну въ глазахъ историка, то потому только, что находящіяся въ ней извѣстія почерпнуты изъ Полибія, писателя, заслуживающаго полное довѣріе».

До насъ дошелъ, впрочемъ, самый цвѣтъ римской историографіи, сколько она касалась древняго періода, въ оставшихся сочиненіяхъ Ливія и Діонисія. Извѣстно, что изъ нихъ почерпается самый-обильный матеріалъ для древней исторіи Рима. Швеглеръ отдаетъ должную справедливость достоинствамъ того и другаго историка. Будучи современниками, они, впрочемъ, шли каждый своею особенною дорогой. По своему живому пониманію исторіи, Ливій всегда остается однимъ изъ первыхъ повѣствователей древности. Въ мастерствѣ разсказа, въ оживленности колорита могутъ поспорить съ нимъ немногіе. Онъ не пропуститъ ни одного драматическаго положенія и всегда изобразитъ его съ любовью, нерѣдко даже съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Не всегда отчетливъ его рисунокъ, за-то въ колоритѣ много жизни и движенія. Ливію доступно чувство индивидуальнаго; въ повѣствованіи его безпрестанно встрѣчаешь живыя лица, характеры. У Ливія есть также довольно поэтическаго чувства, чтобъ передать древнее преданіе, или мѣстную сагу, въ подлинномъ видѣ.

езъ искаженій и произвольныхъ толкованій. Наконецъ, прекрасный азсказъ римскаго историка всегда будетъ симпатиченъ намъ по незамѣнному сочувствію его всему человѣческому: великая слава и оковое паденіе равно находятъ себѣ отголосокъ въ его сердцѣ, по тоянно-внимательномъ къ явленіямъ нравственной природы чело-вѣка. По тѣмъ и ограничиваются его достоинства. Несомнѣнный историческій талантъ Ливія не есть еще ручательство въ томъ, что мы имѣемъ въ немъ самаго надежнаго руководителя для знакомства съ римскою древностью. Внимательное изученіе его исторіи показываетъ, что ему самому не доставало для того довольно-твердаго фонда. Ливія всего менѣе можно причислить къ тѣмъ писателямъ, которые обрабатываютъ свой предметъ критически. Въ изложеніи его постоянно чувствуемъ недостатокъ твердаго, основнаго взгляда и критическаго изученія источниковъ. О древнихъ государственныхъ учрежденіяхъ онъ говоритъ большею-частью случайно, поверхностно, не составивши напередъ никакого яснаго представленія о ихъ постепенномъ ходѣ и развитіи. Многіе вопросы, касающіеся ихъ происхожденія и особенно-занимающіе современныхъ намъ изслѣдователей, вовсе и не представлялись его уму; потому онъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ объ учрежденіи трехъ древнихъ трибъ (*Rampes, Tities et Zuceres*), этихъ основанійхъ всего первоначальнаго римскаго устройства, и явно смѣшиваетъ ихъ съ тремя центуріями всадниковъ. Отъ того же нѣтъ у него и яснаго понятія о раздѣленіи на трибы, которое вновь произведено было Сервіемъ Тулліемъ; онъ знаетъ только о четырехъ городскихъ трибахъ и ничего не говоритъ о сельскихъ. Онъ даже не взялъ на себя труда задуматься въ главный, поворотный пунктъ древней римской исторіи — въ борьбу влечеетъ съ патриціями, и потому такое важное явленіе, какъ римскія комиціи, собирающіяся по трибамъ, остаются у него вовсе-незамѣченными. Изъ этого же источника произошли и нѣкоторые другіе, болѣе-яркіе промахи историка, показывающіе, что, по недостатку опредѣленныхъ понятій, онъ часто смѣшивалъ между собою вещи разнородныя, обманываясь сходствомъ ихъ имени. Не полагая никакого различія между патриціанскими родами и ихъ представителями, онъ легко смѣшиваетъ новое учрежденіе Тарквинія, «*patres minoium gentium*», съ увеличеніемъ числа сенаторовъ, которое было дѣломъ того же царя. Поэтому терминологія его обыкновенно страдает неточностями. Еще поразительнѣе небрежность историка въ выборѣ тѣхъ источниковъ, которые должны были послужить главнымъ основаніемъ его разсказа. Настоящіе памятники римской древности, несомнѣнно-существовавшіе въ его время, были оставлены имъ вовсе безъ вниманія: по-крайней-мѣрѣ онъ нигдѣ не упоминаетъ о памятникахъ, которые Діонисій видѣлъ своими глазами. Ливій, очевидно, воспользовался для своего повѣствованія лишь историческими трудами своихъ предшественниковъ, то-есть самъ бралъ изъ вторыхъ рукъ; но и тутъ выборъ его былъ не всегда самый счастливый. Такъ для первыхъ двухъ книгъ, которыя заключаютъ въ себѣ всю исторію царей и первыхъ временъ республики, главными руководителями его были

известные анналисты Фабий Пикторъ и Кальпурій Пизонъ, а драгоценныя указанія, которыя содержатъ въ себѣ Полибий, остались ему неизвѣстны; въ третьей онъ не разъ ссылается на Валерія Антиста, хотя и не даетъ никакой вѣры его показаніямъ; въ четвертой упоминаетъ о Лициніи Мацерѣ и Эліи Туберонѣ, о которыхъ до насъ дошли лишь весьма-недостаточныя извѣстія. Но даже и къ своимъ источникамъ Ливій былъ недовольно-внимателенъ, или пользовался ими безъ строгой повѣрки однихъ другими. Иначе, нельзя объяснить себѣ тѣхъ противорѣчій, въ которыхъ онъ время-отъ-времени заблуждается самъ съ собою. Онъ иногда забываетъ то, о чемъ самъ упоминаетъ нѣсколько-выше. Такимъ-образомъ одно мѣсто приписываетъ основаніе храма Юпитера Капитольскаго Тарквинію Приску, а другое Тарквинію-младшему. Показавъ, что римскій Сенатъ сначала состоялъ изъ ста членовъ и потомъ былъ увеличенъ прибавленіемъ еще такого же числа, историкъ послѣ того вдругъ начинаетъ называть его трехсотеннымъ. Нередко приходится ему извѣщать читателя, что перемиріе нарушено, янчею не сказать напередъ о его заключеніи; сплоскъ и радомъ говорится у него о возвращеніи городовъ, которые неизвѣстно когда были отняты, или вдругъ иной городъ становится римскимъ, о которомъ только-что передъ тѣмъ упомянуто было какъ о неприимлемомъ. Хронологическія несообразности проходятъ у Ливія совершенно-беззамѣчанными. Тарквиній-младшій два раза названъ у него юношею (въ римскомъ смыслѣ juvenis) при смерти Тарквинія Приска и 40 лѣтъ спустя; Туллія черезъ 44 года послѣ замужества играетъ роль, которая возможна развѣ только въ порѣ молодости, или ранняго развитія женскихъ сил. Легко, конечно, извинить всѣ эти недостатки и промахи, потому-что, какъ справедливо замѣчаетъ нашъ авторъ, Ливій вовсе не имѣлъ въ виду строгихъ научныхъ требованій, а хотѣлъ только написать книгу для всеобщаго чтенія, которая бы обнимала въ себѣ всю римскую исторію и живо напоминала римлянину всѣ отечественныя образы, достойныя подражанія; но тѣмъ не менѣе справедливо, что, при всеобщемъ уваженіи къ таланту Ливія, какъ историческаго писателя, пользоваться его извѣстіями можно не иначе, какъ повѣряя ихъ критикой. Иная критика должна скрыть и самые его промахи, потому-что они были незамѣчаны самими римлянами и имѣютъ за себя ихъ довѣріе?..

Новѣйшіе изслѣдователи были совершенно-правы, когда, неудовлетворенные Ливіемъ, подняли изъ забвѣнныя современнаго ему археолога и обратились къ нему съ своими неразрѣшенными вопросами о римской древности. Во многихъ отношеніяхъ Дюнисій дѣйствительно заслуживаетъ предпочтеніе передъ Ливіемъ: у него есть то, о чемъ современный ему историкъ думалъ всего менѣе; у него есть изслѣдованіе, то-есть усиленное желаніе, при помощи извѣстныхъ средствъ, найти настоящій смыслъ явленія и по-возможности объяснить его происхожденіе. Его нелегко упрекнуть въ неточности, или поймать въ какомъ-нибудь промахѣ, противорѣчій съ самимъ-собою: каждое слово его обдуманно, противорѣчій другихъ имъ вѣрно замѣчено и

оставлены на видъ. У Дюнисиа есть свой опредѣленный взглядъ на предметъ: онъ не иначе хочетъ понимать и объяснять историческія явленія, какъ въ связъ ихъ между собою. Онъ напередъ приготовился къ своему труду обширнымъ его изученіемъ. Нѣкоторыя историческія мѣстности были имъ самимъ осмотрѣны; многіе памятники древности были знакомы ему изъ личныхъ наблюдений; но главная его заслуга состоитъ въ тщательномъ изученіи предшествующихъ историческихъ трудовъ и ихъ добросовѣстномъ употребленіи. Не имѣя возможности пользоваться источниками первой руки, онъ съ рѣдкимъ трудолюбіемъ собралъ всѣ извѣстія, какія только могъ найти у своихъ предшественниковъ, римскихъ анналистовъ. Можетъ-быть, онъ не всегда руководствовался довольно-строгимъ выборомъ, за-то не сдѣлалъ никакихъ пропусковъ, за-то каждый фактъ, каждый терминъ нашелъ у него свое опредѣленіе. Полнота и добросовѣстность изслѣдованія — это его неотъемлемыя достоинства. Но слѣдуетъ ли отсюда, что Дюнисию надобно вѣрить на-слово? что показанія и выводы археолога стоять выше всѣхъ сомнѣній? Подобное заключеніе было бы слишкомъ-поспѣшно. Отдавая всю справедливость достоинствамъ Дюнисиа, критика не можетъ скрыть и слабыхъ сторонъ его изслѣдованія. Обыкновенный аргументъ, на который опираются новые защитники достовѣрности древней римской исторіи, въ приложеніи къ нему не имѣетъ почти никакой силы. Приводя мнѣнія и выводы археолога-изслѣдователя, нельзя смѣшивать ихъ съ вѣрованіями самихъ римлянъ. Дюнисию былъ родомъ грекъ и писалъ погречески. Правда, что онъ долго жилъ между римлянами, болѣе 20 лѣтъ употребилъ на то, чтобъ изучить латинскій языкъ и основательно узнать римскую историческую литературу. Такимъ-образомъ онъ приготовилъ себѣ богатый матеріалъ знаній; но его собственная природа оттого не измѣнилась, складъ его ума оставался греческій, и самое воззрѣніе на предметъ условливалось общимъ характеромъ греческаго образованія. Задача Дюнисиа была безукоризненна даже съ римской точки зрѣнія: имѣя въ виду греческую образованную публику, онъ хотѣлъ сообщить ей болѣе-вѣрныя понятія о древней римской исторіи и разсѣять тѣ ложныя мнѣнія, которыя распространены были о ней прежде невѣжествомъ или недоброжелательствомъ къ Римлянамъ. Спросите, однако, какой его главный доводъ противъ ложнаго мнѣнія о варварскомъ происхожденіи Римлянъ? Тотъ, что Римляне такіе же Геллены, какъ и сами Греки (1). Вотъ куда наконецъ привело римскую исторію воздѣлываніе ея въ греческомъ духѣ и частью греческими руками. Случай истинно-поучительный для всей исторіографіи вообще. Къ чему постепенно, хотя и безсознательно, склонили римскую древность первые римскіе анналисты и поэты-историки, то нашло себѣ въ Дюнисию прямое и околѣтельное выраженіе. Почти въ то же время, какъ Римъ покорялъ оружіемъ греческія земли и бралъ греческіе

(1) Слова Дюнисиа во Введеніи: (τους οικιστάς τήν Ἰσθμῶν) Ἕλληνας ἄντας ἐπέδειξεν ὑποχρῆμαι. См. Schwegler, p. 98.

города, греческій духъ, посѣлившись въ римской исторіи, возмалъ самую ея основанія. Смотри на все съ точки зрѣнія гелленскаго образованія, изслѣдователи подѣ-конецъ готовы были увѣрять римлянъ, что ихъ цивилизація чисто-гелленскаго происхожденія. По этой основной идеѣ можно судить и о самыхъ подробностяхъ діонисіева воззрѣнія на римскую древность. Еще Нибуръ замѣтилъ, къ какимъ превратнымъ заключеніямъ должно было повести изслѣдователя отождествленіе понятій *πληθος* и *δημος* съ *populus* и *plebs*. Между-тѣмъ это смѣшеніе было почти неизбежно при извѣстномъ направленіи. Старааясь объяснить другимъ явленія древней римской исторіи, археологъ самъ понималъ ихъ не иначе, какъ съ греческой точки зрѣнія. Присоедините сюда прагматизирующій духъ историка, который хочетъ разрѣшить всѣ противорѣчія и генетически связать между собою всѣ событія. Съ одной стороны это стремленіе можетъ служить доказательствомъ тѣхъ успѣховъ, которые дѣлала римская историографія въ рукахъ греческихъ писателей: прагматизмъ, какъ бы ни уважалъ его въ наше время, безспорно, предполагаетъ высшее развитіе сознанія и начинается только тамъ, гдѣ оно ужъ не удовлетворяется болѣе простымъ повѣствованіемъ. Въ римскую же историческую литературу прагматизмъ былъ прямо перенесенъ изъ греческой. Съ другой стороны, впрочемъ, не надобно забывать, что прагматическое изложенеіе скорѣе, чѣмъ простое повѣствованіе, можетъ повести къ распространенію и утвержденію ложнаго взгляда на исторію. Здѣсь все зависитъ отъ основной идеи, которая служить исторіку точкою отправленія: если она неправильна, или невѣрна, выводы тоже будутъ необходимо грѣшить противъ исторической истины. Привыкъ однажды, что римляне были гелленскаго происхожденія, какъ уповать противъ искушенія и въ самой исторіи отыскать параллель между римскими учрежденіями, или въ этомъ смыслѣ толковать первыя систематическія ошибки этого рода, происходящія не отъ незнанія фактовъ, а отъ ложнаго воззрѣнія на нихъ, нерѣдко нарушаютъ изслѣдованіе Діонисія и бросаютъ ложный свѣтъ на внутреннее рамаііе древней римской исторіи. Впрочемъ, и самый историческій фактъ, по-крайней-мѣрѣ та форма его, въ которой онъ доходитъ къ позднѣйшимъ поколѣніямъ, также немало терпитъ отъ изслѣдователя-прагматика. Ливій передаетъ древнюю сагу въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ находитъ ее въ своихъ источникахъ; Діонисій ужъ не довольствуется миѣическою формою: находитъ противорѣчія и неровности въ преданіи, онъ передѣлываетъ его по-своему. Внутреннія несообразности сглажены и преданіе получило болѣе-естественный видъ; но кто поручится, что, вмѣстѣ съ миѣическою оболочкою, оно не утратило и своего античнаго характера? что наивное древнее сказаніе не замѣнилось лишь новою сказкою, которая потому только нравится намъ, что болѣе приспособлена къ нашему вкусу? Самая добросовѣстность Діонисія, по мнѣнію Швеглера, не послужила ему въ пользу: односторонній прагматизмъ сбиль его съ толку и былъ главною причиною того, что «вся древняя римская исторія представлена имъ въ ложномъ свѣтѣ».

Соображая такимъ образомъ весь ходъ римской исторіографіи, отъ зрѣлыхъ началъ ея до цвѣтущей эпохи, и отдавая себѣ отчетъ въ изумомъ замѣчательномъ ея явленіи, приходишь все къ тому же неизбежному выводу, что развитіе историческаго искусства въ Римѣ болѣею частью происходило подъ чужимъ вліяніемъ, и что настоящіе источники древней римской исторіи останутся для насъ, по всей брѣютности, извсегда-недоступными. Итакъ, не права ли тысячу разъ критика, черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти Нибура провозглашающая то же самое мнѣніе о достовѣрности древней римской исторіи?..

Вопросъ о древнѣйшемъ народонаселеніи Италіи, къ которому нашъ авторъ переходитъ отъ древней и новой римской исторіографіи, представляетъ еще болѣе трудностей. Несмотря на множество изслѣдованій, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, онъ по сіе время не приведенъ еще въ совершенную ясность. Какъ и въ другихъ вопросахъ, касающихся древней римской исторіи, здѣсь также первое мѣсто между изслѣдователями принадлежитъ Нибуру: онъ не только вновь возбудилъ вопросъ, но и прослѣдилъ его въ самыхъ подробностяхъ и, на основаніи своихъ соображеній, сдѣлалъ опытъ его рѣшенія. На этой зыбкой почвѣ, впрочемъ, трудно было съ одного раза возвести прочное зданіе. Ипотеза Нибура не могла удовлетворить всѣмъ требованіямъ; за-то открылось широкое поприще догадкамъ всякаго рода. Новая попытка слѣдовали одна за другою; каждый вновь-приходящій изслѣдователь приносилъ свой взглядъ на предметъ и строилъ свою теорію. Поочереды, то одна, то другая группа древнихъ жителей Италіи выдвигалась впередъ, смотря по тому, на которой изъ нихъ болѣе сосредоточивалось вниманіе изслѣдователя. Сначала это были пеласги, за ними послѣдовали этруски, потомъ очередь дошла до абригеновъ, и т. д. Можно сказать, что эта безпрестанная передвижка древнихъ италійскихъ народовъ, какъ-бы чередующихся въ преобладаніи, продолжается въ теоріи до сего времени. Мы покажемъ послѣ, чего долгое время не доставало изслѣдованію для твердости выводовъ касательно этого вопроса; но напередъ считаемъ за нужное привести, хотя въ главныхъ чертахъ, опытъ его рѣшенія, сдѣланный гг. Герлахомъ и Бахофеномъ въ сочиненіи ихъ о римской исторіи. Читатель, мы надѣемся, лучше въ-состояніи будетъ оцѣнить заслугу Швейгера, когда увидитъ, въ какомъ состояніи оставленъ былъ вопросъ его ближайшими предшественниками.

Герлахъ идетъ необыкновенно-быстро въ своемъ рѣшеніи⁽¹⁾. Въ себѣ въ руководители Дионисія, онъ не останавливается ни на какихъ сомнѣніяхъ и приступаетъ прямо къ дѣлу, то-есть къ обоимъ народнымъ движеніямъ, происходившимъ въ Италию въ незапамятныя древности. Сущность дѣла, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, что три древніе народа, сикулы, пелазги и аборигены, поочередно сдѣлаются одинъ другимъ, передавая изъ рукъ въ руки власть надъ Италией, или, по-крайней-мѣрѣ, свое преобладаніе въ ней, до-тѣхъ-поръ, пока, наконецъ, изъ остатковъ ихъ образуется новый сильный народъ, который оставилъ Альбу и Римъ своими памятниками въ исторіи. Борьба открывалась между сикулами, занимающими область Тибра, и аборигенами, которые выходять изъ Аппениновъ, чтобъ постепенно распространиться въ открытыя мѣстахъ. Сикулы храбро отряжаютъ нападеніе противниковъ; но на помощь къ аборигенамъ приходятъ пелазги изъ Греціи, предпринявшіе это переселеніе по совѣту дельскаго оракула, и рѣшаютъ борьбу въ пользу своихъ союзниковъ. На всемъ пространствѣ отъ рѣки Арно до Компанской Равнины, Сикулы принуждены уступить свои города побѣдителямъ и, не находя себѣ никакого безопаснаго убѣжища въ Италиі, удаляются въ Сицилію. Тогда аборигены занимаютъ всѣ земли побѣжденныхъ, отъ Тибра до Лириса, между-тѣмъ, какъ пелазги помѣщаются дагдѣ на сѣверѣ. Однимъ словомъ, вся Средняя Италія становится общою собственностью пелазговъ-аборигеновъ. Но могущество ихъ также было непрочно. Изъ двухъ соединенныхъ народовъ пелазги первыя испытали на себѣ превратность судьбы: ихъ скоро постигли засухи, неурожай, болѣзни. Цѣлые роды погибли, другіе, бѣжа отъ смерти, оставляли свои земли и скитались по окрестнымъ странамъ и морямъ. Къ довершенію бѣдствія, тирренцы, утвердившись въ Тоскані, заняли тѣснить пелазговъ съ сѣвера. Борьба была слишкомъ-неравною: завоевателямъ не стоило большаго труда завладѣть большою частью пелазгическихъ городовъ. Отъ цѣлаго народа спаслись лишь тѣ, которые искали себѣ убѣжища и защиты у своихъ союзниковъ и соседей. Впослѣдствіи они слились въ одно — на сѣверѣ съ аборигенами и умбрами, на югѣ съ осками и аврупами. Но тирренское завоеваніе не ограничилось лишь первыми своими пріобрѣтеніями. Распространяясь отсюда дагдѣ, по направленію къ югу, оно скоро захватило самый Лаціумъ и потомъ раздвинулось до предѣловъ Кампаніи. Аборигены, въ свою очередь, должны были низойти на стѣнѣ побѣжденныхъ народовъ; но тирренцы, или этруски, уже не въ состояніи были стереть ихъ національности: чрезъ нѣсколько времени она возродилась вновь, хотя подъ другимъ именемъ, и вступила въ борьбу съ своими притѣснителями. Но здѣсь уже начало другой исторіи.

(1) См. Geschichte der Römer, I, 1. p. 112 etc. (Die ältesten Völkerbewegungen). Есть причины думать, что чисто-историческая часть сочиненія принадлежитъ перу Герлаха; поэтому мы только его будемъ называть здѣсь по имени.

ской эпохи, въ которой первую роль занимають латинцы, а вслѣдъ за ними — римляне.

Такъ, конечно, легко развязать самыя запутанные узлы въ исторіи, если однажды допустить, что всякое извѣстіе, дошедши до насъ въ историческомъ преданіи, по тому самому истинно, то—естъ выше всякаго сомнѣнія, и неизменно слѣдуетъ показаніямъ того или другаго писателя, не задавая себѣ вопроса о степени его достовѣрности. Въ комъ случаетъ действительно не остается больше мѣста сомнѣванію, и все изслѣдованіе значительно выигрываетъ въ краткости даже, если угодно, въ простотѣ и ясности. Держась этого убѣжденія, мы напередѣе остаемся на той же дорогѣ, которую шли римскіе изслѣдователи, и, во всей вѣроятности, прийдемъ къ тѣмъ же результатамъ. Тѣ обработывали римскую исторію одними прямыми вліяніемъ греческихъ представителей; мы будемъ поддерживать то же самое дѣло уже подъ вліяніемъ добрыхъ или худшихъ выводовъ. Неудивительно, что такимъ образомъ и тогда въ римской исторіи и еще не достигнувъ основанія Рима, мы другъ отъ друга очутились почти—что среди греческаго міра! Само—собой разумѣется, что между подобнымъ изслѣдованіемъ и древними его образцами Нибуру и новой исторической критикѣ вовсе нѣтъ мѣста: имъ здѣсь лишніе и попали въ этотъ промежутокъ лишь случайно; а въ древняго преданія съ новымъ греческимъ изслѣдованіемъ отъ того не потеряла нисколько. На одномъ близкомъ прикѣрѣ мы можемъ показать это еще осязательнѣе. Къ—чему клонится все малозначеніе Герлаха касательно древнихъ народныхъ движеній въ Италіи? Какой новый лучъ свѣта бросаетъ онъ въ это хаотическое смѣшеніе? Въ свое время Нибуръ, принужденный прекладывать себѣ новую дорожку, началъ на ипотеазу о пеласгахъ и успѣлъ открыть нѣкъ вольно многимъ народнымъ именами древней Италіи. Аборигены, сикулы, тиррены, эолтры были для него тѣ же пеласги⁽¹⁾. Герлаха помыслимому не имѣетъ никакой симпатіи къ ипотеазамъ Нибура. Онъ слѣдственно расходится съ нимъ въ общемъ направленіи, чтобы различить съ нимъ хоть одно предположеніе. Поэтому онъ готовъ спорить выродить сикуловъ отъ отдаленнаго Сѣвера, мимоходомъ даже сдѣлать намекъ на сродство ихъ съ германцами, чѣмъ согласиться на ихъ пеласгическое происхожденіе. Тирреновъ онъ также не хочетъ смѣшивать съ пеласгами и не сомнѣвается въ томъ, что они были выходцы изъ Лидіи. При—всемъ—томъ взглядъ его на древнее народонаселеніе Италіи въ—сущности мало различается отъ нибуровскаго. Пеласговъ Герлаха знаетъ подъ ихъ настоящимъ названіемъ и ихъ же потомъ узнаетъ подъ именемъ абorigеновъ; для него несомненно, что большая часть городовъ Средней Италіи пеласгическаго происхожденія; сверхъ—того, онъ находитъ пеласгическій элементъ на сѣверѣ и на югъ отсюда, хотя въ смѣшеніи съ другимъ народонаселеніемъ. Пеласги, по его же словамъ, гибнутъ отъ голода и жолы

(1) См. Niebuhr, Röm. Geschichte, T. I.

мечомъ тирреновъ-этрусковъ, и между-тѣмъ носить въ себѣ столько жизненной силы, что возрождаются снова и, хотя подъ другимъ знаменемъ, одолеваятъ своихъ побѣдителей. Однимъ словомъ, пеласгическій элементъ, повидному болѣе-сжатый въ вазаріи Герлаха, чѣмъ въ нибуrowsкой гипотезѣ, тѣмъ не менѣе разсыпъ еда не по всей Итали и остается вездѣ на первомъ планѣ и во всей силѣ; когда все рушится вокругъ, когда, кажется, уничтожились и его собственные слѣды, онъ опять всплываетъ на поверхность въ новой метафорѣ и открываетъ новую блестящую эпоху въ исторіи страны. Чтобы лучше сказать мысль автора, приведемъ его собственные слова, которыми онъ заключаетъ свое обозрѣніе древнихъ народныхъ движеній въ Итали.

«Пеласгическій народный элементъ, побѣжденный и преобразованный въ Элладѣ, продолжалъ свое существованіе въ Итали, и здѣсь-то, видѣваясь подъ вліяніемъ другихъ, частью чуждыхъ, частью родственныхъ ему элементовъ, создалъ ту здоровую и исполненную жизненныхъ силъ національность, которая составляетъ гордость древней Итали. (1).

Вотъ ужъ мы пришли къ тому, что пеласгическому, то-есть пугреческому элементу дано широкое мѣсто въ первоначальной римской исторіи. Онъ положенъ въ самое ея основаніе. Но авторъ еще шире и вразумительнѣе раскрываетъ свою мысль въ особомъ изслѣванні, изданномъ уже послѣ появленія въ свѣтъ «Исторіи Римлянъ» и имѣющимъ свою специальную цѣлью разъяснить еще болѣе вопросъ «О древнѣйшемъ народонаселеніи Итали». Читая это изслѣваніе, изложенное въ самой общедоступной формѣ, еще болѣе убѣдаешься въ томъ, что съ извѣстной точки зрѣнія пеласги нужны въ древнемъ періодѣ римской исторіи, какъ необходимы посредники между греческимъ и римскимъ образованіемъ. Потому связь пеласгическаго элемента, находимаго въ Итали, съ самою Греціею, съ Элладою, проводится здѣсь еще тѣснѣе, еще нагляднѣе и возводится съ нѣкоторою кажущеюся очевидностію ко временамъ гораздо-болѣе отдаленнымъ: греческія мифическія преданія сохранили въ себѣ самые древніе отголоски этой связи. Дѣйствіе греческаго мифа то-и-дѣло переносится въ сосѣдственную Гесперию, то-есть въ Италию. Уже низверженный Кроносъ ищетъ себѣ убѣжища въ Лациумѣ. Тамъ живетъ чудовище Полидемъ, тамъ царствуетъ бурный Эолъ; туда бѣжитъ несчастный Аристей, покидая свое отечество, Беотию. Въ тѣхъ же странахъ и Фазтонъ поплатился за свою излишнюю отвагу, и видя погибель себѣ въ волнахъ Эридана. Бѣгущая отъ отцовскаго гнѣва Данаа пристаетъ къ берегамъ Итали и находитъ въ ней безопасный пріютъ себѣ. Къ каждой почти мѣстности въ Итали привязано какое-нибудь мифическое сказаніе, состоящее въ тѣсной связи съ греческими поэтическими преданіями. Ариція знала о себѣ, что Орестъ, возвращаясь изъ Тавриды, занесъ въ ея стѣны изображеніе таврійской богини; но другому преданію, Фалеріи были основаны братомъ ея,

(1) См. Geschichte der Römer, I, 1, p. 156.

уже принужденнымъ удалиться изъ своей родины за свое участие смерти Агамемнона. Память Дюмеда, основавшаго новый Аргось Апулии, была чтима и гораздо-выше на сѣверѣ, даже до Анконы, Ионны и Атрии. Одна сага ему же приписывала происхождение Лануума. Пелиды, построившіе Метапонтъ на югѣ Италіи, считались уже основателями Пизы на сѣверѣ. Куда ни обернись, сага указываетъ на Грецію, какъ на общую родину основателей италійскихъ городовъ; вездѣ Гесперія является обыкновеннымъ убѣжищемъ выходцевъ съ востока, гонимыхъ рокомъ, или постигнутыхъ несчастіями. Атѣмъ звторъ проводить передъ глазами читателей цѣлыя народныя массы, которыя тянутся одна за другою, составляя почти непрерывный лѣтъ и постепенно наполняя Италію греческими переселенцами. Самые ранніе пришельцы аборигены: они выходятъ изъ Ахаіи еще за нѣсколько поколѣній до троянской войны. Спустя еще нѣсколько поколѣній, открывается второе переселеніе въ Италію, и авторъ ужъ не бинуясь называетъ его «гелленскимъ»⁽¹⁾. Это были собственно такъ-называемые Пеласги, выходцы изъ Фессалии, тѣ самые, которые помогли, въ союзѣ съ аборигенами, оттѣснили сикуловъ въ южную Италію. Ихъ постигла впоследствии, какъ извѣстно, страшная катастрофа; но греческій слой народонаселенія Италіи не рѣдѣлъ, не уменьшался, безпрестанно подновляясь приливомъ новыхъ *гелленскихъ* переселеній. Греческіе историки знаютъ ихъ во множествѣ. Спустя лишь двадцать лѣтъ послѣ несчастія, постигшаго пеласговъ въ Италіи, приходятъ колонисты изъ Аркадіи и поселяются на Палатинскомъ Холмѣ. Около того же времени спутники Геркулеса занимаютъ Сатурновъ Холмъ съ выходцами изъ Элиды. Потомъ ахеи пристаютъ къ Остіи, наконецъ трояне выходятъ на берегъ Лаціума.

Въ своемъ изслѣдованіи авторъ, впрочемъ, гораздо-болѣе оттѣняетъ туземное италійское народонаселеніе отъ прошлаго, чѣмъ въ самой «Исторіи Римлянъ». Онъ видитъ его преимущественно въ племени умбровъ и потомъ въ аврункахъ, иначе называемыхъ авзонами. Ихъ также нельзя устранить отъ участія въ образованіи римской народности: они тоже внесли нѣкоторыя основныя черты въ ея фязіономію. Но самая видная историческая роль принадлежитъ не имъ: пока они укываются въ своихъ горахъ, пеласги продолжаютъ дѣйствовать на исторической сценѣ. Другіе пришельцы негреческаго происхожденія, какъ съ отдаленнаго Востока, такъ и съ Сѣвера, тоже въ извѣстной степени находятся подъ вліяніемъ пеласгическаго, иначе гелленскаго народнаго элемента. Не прежде, какъ *слышась съ однимъ народомъ съ пеласгами*, колонія лидійскихъ тирреновъ вполне прививается къ италійской почвѣ и даже образуетъ новую фазу въ развитіи «гелленско-римскаго» племени⁽²⁾. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, тиррены ни-

(1) Ein anderer Strom *hellenischer* Bevölkerung... См. Die älteste Bevölkerung Italiens, p. 16.

(2) Ibid, p. 27. Eine Colonie, vielleicht von Tyrus ausgegangen, nach einem langen Aufenthalt in Tyrtha in Lidien — hat die Schrift und die Kunst

сколько не изменяютъ сущности дѣла : они тоже целасты, лишь атской, а не европейской отрасли этого племени. Авторъ такъ убежденъ въ истинѣ своего предположенія, что на этотъ разъ отступитъ даже отъ главнаго своего авторитета, Діонисія, который, какъ известно, считалъ этрусковъ автохтонами, то-есть, коренными жителями на полуостровѣ. Между-тѣмъ, на сѣверѣ Италии является новое слабое племя — разены (Rasena), тѣснимое лигурами и другими народами кельто-иберійскаго происхожденія; оно подвигается все дальше впередъ по направленію къ юго-западу и производитъ весьма ощутительное давленіе на тирренновъ и пеласговъ, которые принуждены уступить ему часть занимаемыхъ ими земель. Герлахъ не сомнѣвается какъ въ сѣверномъ происхожденіи разеновъ (слѣдовательно рѣшительно отличаетъ ихъ отъ пеласговъ), такъ и въ томъ, что они внесли много новыхъ особенностей во внутреннее развитіе древняго италійскаго народонаселенія. «Это сильное племя (говоритъ онъ), которое главное занятіе состояло въ земледѣліи и скотоводствѣ, утвердилось въ самомъ сердцѣ страны, положило новую основу для дальнѣйшаго развитія.» Но тѣмъ не менѣе, по его же словамъ, «благороднѣйшія» зачатки гражданственности, кроткіе нравы и первыя свѣдѣнія искусства были принесены въ Италию изъ Эллады, вышедшими съ Востока и Юга пеласгами, которые основали города и положили начало государственному устройству (1). Если врожденная храбрость разеновъ одержала верхъ въ борьбѣ съ тирренами и пеласгами, то дѣло только, чтобъ потомъ и покориться ихъ же культурѣ и принять нѣкое образованіе. Такииъ-образомъ всякая новая фаза въ развитіи древняго италійскаго народонаселенія опять возвращаетъ насъ къ пеласгическому народному элементу. Несмотря на свое матеріальное богатство, онъ самый живущій въ Итали; онъ свою образовательную работу перерабатываетъ каждый новый народный слой и кладетъ свою печать на него. Роль, которую занимаютъ сами римляне въ послѣдующей римской исторіи, почти въ той же силѣ принадлежатъ пеласгамъ въ начальномъ ея періодѣ. Только-что римляне покоряютъ себѣ Италию столько же превосходствомъ своей гражданственности, сколько оружіемъ, а пеласги по преимуществу дѣйствуютъ на нее своею материальною культурою.

Итакъ, герлаховское рѣшеніе вопроса еще больше поднимаетъ значеніе пеласгическаго элемента между древними народами Италии, положительно признавая его за самое постоянное и самое благороднѣе цивилизующее начало изъ всѣхъ, дѣйствовавшихъ въ одно время съ нимъ на той же самой почвѣ. Можно сказать, что этимъ воздвигнуто оно возведено въ науку на степенъ полнаго преобладанія надъ прочими. И нельзя ошибиться насчетъ настоящаго смысла, который и

des Orients nach dem fernen Westen hingebacht und mit den Pelasgern zu einem Volke verschmolzen, eine neue Phase der Entwicklung des hel lenisch-römischen Stammes hervorgebracht.

(1) Ibid, p. 33. — Ibid, p. 41.

было соединять здѣсь съ значеніемъ словъ «пеласги» и «пеласгиче-
скій»: это первые посредники между гелленскимъ образованіемъ,
а — сами геллены. Мнѣніе Діонисія, высказанное имъ въ началѣ
о сочиненія, что римляне — тѣ же геллены, долгое время должно
было казаться совершеннымъ парадоксомъ; но чѣмъ глубже идетъ
слѣдованіе, тѣмъ больше оправдывается мысль его, тѣмъ шире раз-
ширяется горизонтъ ея. Прежде чѣмъ римляне стали римлянами, они
были ужь гелленами. Итакъ, извѣстное направленіе, принятое съ са-
маго начала римскою историографіею, принесло въ наше время своей
зрѣлой плодъ. Постепенно вводя греческія представленія въ
римскую исторію, римскіе историки и наслѣдователи добились лишь
того, что утвердили греческій способъ возвращенія на нѣкоторыя ея ча-
сти и отдѣльные пункты, и потомъ остановились на темномъ подо-
рваніи о возможности совершенной гелленизации римлянъ. Мы же,
наслѣдуя отъ нихъ эту мысль, развили ее до самыхъ крайнихъ
предѣловъ, и вмѣсто того, чтобъ понять и опредѣлить силу грече-
скаго вліянія на римское возвращеніе, въ-особенности на ходъ и раз-
витіе римской историографіи, создали цѣлый греческій періодъ въ са-
мой римской исторіи. Съ давной точки зрѣнія они больше разрабо-
тывали методу, а мы — самое содержаніе. Полагая гелленизмъ, хотя
подъ чужимъ именемъ, въ самое основаніе римской исторіи, мы, но-
вые наслѣдователи, такимъ образомъ заранѣе устраняемъ всѣ воз-
можныя возраженія противъ отдѣльныхъ преданій въ греческомъ вку-
сѣ. До-сихъ-поръ, казалось, что главнымъ проводникомъ греческаго
вліянія на Римъ была литература, откуда она мало-по-малу сообщалась
и самой жизни; теперь, на-оборотъ, приходится думать, что
литературная восприимчивость римлянъ была лишь слѣдствіемъ безъ-
кровнаго родства ихъ съ греками; что оно съ самаго начала
существовало въ ихъ исторіи, а потомъ ужь отозвалось въ литера-
турѣ. Отнимите на-минуту этотъ многозначительный пеласгическій
элементъ — и опять все перевернется вверхъ дномъ.

Несмотря на такую опасность, Шлеглеръ, однако, позволяетъ себѣ
думать, что пеласгическій элементъ въ римской исторіи остается еще
вопросомъ далеко-нерѣшеннымъ въ наукѣ. Легко, конечно, собрать
во множествѣ слѣды имени пеласговъ, потому-что они разсыяны не
только по всей почти поверхности Италіи, но и по всему пространству
древней Греціи; наконецъ, отъ встрѣчи съ ними не уйдешь и въ Ма-
лой Азіи. Но какъ схватить, какъ сдержать мысль этотъ вездѣ-
встрѣчающійся и вездѣ одинаково-неуловимый элементъ, когда онъ
не поддается никакому анализу? Какъ соединить въ одно понятіе это
множество, которое не знало другой жизни, кромѣ разрозненной, раз-
бросанной, и котораго единство держалось только однимъ общимъ
именемъ? Скажемъ ли мы, что пеласги были обширное племя, кото-
рое, по самой многочисленности своей, не могло уміщаться въ од-
ной странѣ и потому такъ разбросалось; или это былъ нѣкогда силь-
ный народъ, котораго единство было расторгнуто домашними несча-
стіями, жестокими ударами судьбы, обрешей его на скитальчество?
Но, въ первомъ случаѣ, отчего же объ этомъ обширномъ и такъ

далеко распространенномъ племени знали только греки и тѣ, которые отъ нихъ заимствовали этнографическія и историческія свѣданія отчего имя пеласговъ не проникло далѣе греческаго и греко-римскаго міра? Для силы втораго предположенія нужно было бы извѣреть отыскать хоть одинъ моментъ въ исторической жизни пеласговъ, когда они въ-самомъ-дѣлѣ представляли собою крѣпкое народное единство; къ-сожалѣнію, за изслѣдователями пеласгической древности до-сихъ-поръ остается эта важная недомка. И что такое потомъ эта слѣпая сила судьбы, будто-бы безусловно-преслѣдующей одинъ народъ и настигающей его даже за предѣлами родины? Приходить пеласги въ Италію, утверждаютъ въ ней, берутъ рѣшительный перевѣсъ надъ туземцами, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начинаютъ изгибать, какъ одинокая былинка въ песчаной степи. Нельзя сомнѣваться, что временные неурожаи и болѣзни постигали и другихъ жителей древней Италіи: отчего же съ ними не послѣдовало такой роковой катастрофы? Не есть ли это слѣпая судьба, безъ жалости преслѣдующая пеласговъ и на новой почвѣ, выраженіе той же неопредѣленности, неясности понятія, которая не раздѣлена была съ мыслью о пеласгахъ еще въ Греціи? Если, наконецъ, пеласги не подходятъ прямо ни подъ одно изъ этихъ двухъ понятій — племя, или народъ, то что же они такое? Здѣсь, очевидно, было бы неумѣстно отвѣчать, что пеласги — то же, что гелены. Такой отвѣтъ былъ бы равносильнъ другому: пеласги — это римляне!

«Дошедшія до насъ преданія (говоритъ нашъ авторъ) объ этомъ непостоянномъ, скитальческомъ, всюду отвергнутомъ и нигдѣ неуклаивающемъ племени, которое, какъ истинное «Вездѣ и Нигдѣ», поднимается почти на всѣхъ пунктахъ, чтобы, подобно цыганамъ, испортъ потомъ опять исчезнуть безъ слѣда, заключаютъ въ себѣ такъ много страннаго, что нельзя не усомниться въ ихъ исторической вѣрности. Всего же поразительнѣе своею загадочностью извѣстное преданіе, принятое Діонисіемъ объ этомъ внезапномъ, ничѣмъ несприготовленномъ уничтоженіи пеласговъ на итальянской почвѣ, гдѣ они исчезаютъ какъ тѣни. Только-что успѣли они возвыситься на степень сильнаго народа, какъ вдругъ союзъ, соединившій ихъ, распался, и они опять разсѣялись во всѣ стороны. Какъ ни неожиданно подобная развязка долгихъ странствованій пеласговъ по сушѣ и морямъ, впрочемъ, другую едва-ли и можно было придумать для нихъ: потому-что иначе пришлось бы допустить, что пеласги остались въ Италіи, а это очевидно было невозможно» (1).

Дѣлая это замѣчаніе, Шweglerъ собственно имѣлъ въ виду Нибура и его извѣстную гипотезу; но его выводы о пеласгахъ въ той же самой силѣ могутъ быть приложены и къ воззрѣнію Герлаха, который такъ высоко поднимаетъ значеніе пеласгическаго элемента въ начальной римской исторіи. Шweglerу не менѣе хорошо извѣстны основанія, на которыхъ построены обѣ гипотезы; онъ также проходитъ одно за дру-

(1) Schwegler, p. 165.

имъ всё извѣстія, касающіяся пребыванія пеласговъ въ Италиі. Его обстоятельный обзоръ преданій, основанный на показаніяхъ древнихъ писателей, тоже приводитъ къ тому мнѣнію, что пеласги нѣкогда жили о всей Италиі; что имя извѣстно было всему полуострову. Судя по этимъ показаніямъ, отъ пеласговъ производили свой родъ не только жители Лаціума, но и многіе другіе народы древняго періода. Пеласговъ прямо называютъ родоначальниками герниковъ; отъ пеласга производятъ певцетіевъ; сюда же должны принадлежать и этотры (древніе жители Бруттіума и Луканіи), потому-что они производятся отъ этотра, который приходится внукомъ Пеласгу. Пеласги нѣкогда занимали Пиценумъ; они же владѣли значительною частью Кампаніи; нѣкоторые кампанскіе города ими были построены. Начало римскихъ сатурналий прямо возводимо было ко времени поселенія пеласговъ на Сатурновомъ Холмѣ. Истинное Вездѣ и Нигдѣ, пеласги въ-самомъ-дѣдѣ, какъ-будто выростая изъ земли, появляются всюду, гдѣ бы мы ни пожелали имѣть ихъ передъ собою. Но въ вопросахъ, касающихся древняго періода римской исторіи, не довольно собрать всё извѣстія: надобно еще по-возможности опредѣлить тотъ источникъ, изъ котораго они почерпнуты. Мы нерѣдко приписываемъ римлянамъ то, что они сами повторили лишь съ чужихъ словъ. Римскіе писатели до такой степени освоились съ чужими представленіями о своей исторіи, что рѣдко брали на себя трудъ отличать ихъ отъ своихъ національныхъ. Поэтому запросъ объ источникѣ собранныхъ извѣстій долженъ предшествовать всёму возможному выводамъ. Рѣшеніе его въ каждомъ частномъ случаѣ (если только оно удобоисполнимо для насъ) значитъ гораздо-болѣе, чѣмъ кажущееся согласіе всёхъ извѣстій между собою. Швейглеръ беретъ именно съ этой стороны вопросъ о пеласгахъ въ Италиі и вовсе не находитъ его неразрѣшимымъ. Собственное внимательное изученіе предмета привело его къ весьма-важнымъ результатамъ и любопытнымъ соображеніямъ. Первое важное наблюденіе состоитъ въ томъ, что извѣстія о переселеніяхъ пеласговъ въ Италиі большею-частью тѣсно соединены съ греческими преданіями о походахъ и странствованіяхъ пеласговъ вообще. Отсюда ясно по-крайней-мѣрѣ то, что римскія извѣстія въ этомъ случаѣ опираются на чужую основу. Да и не могли римскіе писатели говорить о пеласгахъ иначе, какъ на вѣру другимъ. Греки, заводя рѣчь объ этомъ странствующемъ племени, имѣли хоть нѣкоторую опору въ своей дѣйствительности: они могли ссылаться на тѣ немногіе остатки его, которые еще находились въ Греціи, и удерживали свое имя, когда Геродотъ писалъ свою исторію. Италиискіе пеласги, напротивъ того, не могли привести въ свою пользу никакого живаго свидѣтельства: они тогда только попали въ римскую историческую литературу, когда ужъ всё вымерло въ Италиі. О нихъ нельзя было иначе говорить, какъ развѣ по памяти нѣкоторыхъ мѣстныхъ сказаній, или просто на вѣру другимъ. Намъ не извѣстна ни одна эпоха изъ исторіи древней Италиі, когда бы писатель говорилъ о живущихъ въ ней пеласгахъ, какъ о своихъ современникахъ. Между другими народными именами это имя упоминалось какъ давно-погасшее. И не могло оно рано проникнуть въ Италию,

потому-что мы нигде не находимъ для него особой итальянской формы оно обыкновенно встрѣчается въ той самой формѣ, въ какой было заимствовано изъ чужаго языка (1). Если же имя народа было известное, то какъ не предположить, что сказанія о дѣлахъ его еще негдѣ могли похвалиться туземнымъ происхожденіемъ? Шлеглеръ не только высказываетъ это предположеніе, но и твердо стоитъ на мысли болѣе-опредѣленной относительно итальянскихъ пеласговъ, то-есть, что они не прежде стали известны въ Италіи, какъ со времени завоеванія римскими антикваріевъ съ греческими логографами. Наконецъ — чтобъ ужъ привести окончательный его выводъ — онъ нисколько не сомнѣвается въ томъ, что Геллаиикъ и Ферекидъ служили главнымъ источникомъ всѣхъ преданій о пребываніи пеласговъ въ Италіи. Не удивительно, что многіе найдутъ этотъ выводъ слишкомъ-слишкомъ, но, не опровергнувъ оснований автора, едва-ли можно будетъ предпринять гипотезы о разселеніи пеласговъ и о судьбахъ ихъ въ Аппенинскомъ Полуостровѣ.

Полнѣе, что Шлеглеру не было пужды останавливаться на каждомъ отдѣльномъ преданіи и подвергать его особому анализу, когда несостоятельность всей гипотезы объ итальянскихъ пеласгахъ показана въ самомъ источникѣ всѣхъ извѣстій о нихъ. Нельзя однако, не пожалѣть, что, имѣя въ виду преимущественно Пибура, онъ не обратилъ вниманія на одно обстоятельство, на которое опираются въ своихъ выводахъ воздвигшіе защитники пеластического элемента въ древней римской исторіи. Оно взято изъ монументальной исторіи страны и потому имѣетъ несомнительную важность. Самый фактъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; и еслибъ объясненіе, которое ему дѣлаютъ, оказалось такъ справедливо, то существованіе пеласговъ въ Италіи, какъ осѣданнаго и сильнаго народа, было бы доказано, помимо всѣхъ сомнительныхъ преданій, самымъ неопровержимымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что Италія до-сихъ-поръ сохранила во многихъ мѣстахъ остатки построекъ, которыя несомнѣнно принадлежатъ древнѣйшему, то-есть, до-римскому періоду ея исторіи. Новыя археологическія изслѣдованія открыли ихъ во множествѣ, особенно въ Средней Италіи, и болѣею-частью по берегамъ рѣкъ. Въ одной долинѣ Сальто насчитываютъ до 19 пунктовъ, гдѣ можно еще видѣть остатки древнихъ городовъ. Неподалеку отсюда въ соседственной долинѣ Велино (Velinus) также лежатъ замѣчательныя развалины, признаваемые некоторыми за остатки городовъ «Листа» и «Палациумъ». Далѣе къ югу, въ долинѣ Лириса, стоятъ еще стѣны Атины, Лоры, Ариминіума; кроме-того, подобныя остатки попадаются еще и на равнинахъ. Все они одного стиля и принадлежатъ, безъ-сомнѣнія, одной исторической эпохѣ. Чье же было это искусство? Кто построилъ эти крѣпкія стѣны, пержившія, хотя въ развалинахъ, память самихъ городовъ, отъ кото-

(1) Примеры двухъ формъ въ другихъ народныхъ именахъ: *Siceloi* — Siculi; *Oskoi* — Osci; *Samnitai* — Samnites; *Volsci* — Volsci; *Aurunci* — Aurunci, etc.

ыхъ онѣ имѣли свои названія? Строители не оставили своихъ именъ а стѣнахъ; но, судя по характеру постройки, то-есть по самому способу кладки камней и ихъ обдѣлыванія, нѣкоторые археологи пришли къ тому заключенію, что эти стѣны одного устройства съ остатками извѣстныхъ пеласгическихъ сооружений въ древней Греціи и, слѣдственно, должны относиться къ одной эпохѣ съ ними и принадлежать тому же самому племени. Кромѣ общаго сходства, замѣчаемаго въ стилѣ тѣхъ и другихъ построекъ, указываютъ еще поразительные примѣры сходства въ самыхъ подробностяхъ, прямо наводящія на ту мысль, что тутъ имѣло мѣсто умышленное подражаніе. Такъ, по словамъ Джела, остатки Листы и Палаціума представляютъ удивительное сходство во всѣхъ частяхъ съ остатками стѣнъ аркадской Лиссуры; и что еще замѣчательнѣе, извѣстныя Арнійскія Ворота въ Италиі, по свидѣтельству того же опытнаго археолога, есть вѣрное повтореніе еще болѣе знаменитыхъ Микенскихъ Воротъ въ Греціи (1). Указанія и наведенія этого рода, утверждающіяся на непреложномъ свидѣтельствѣ памятниковъ, имѣютъ, по нашему мнѣнію, гораздо-болѣе вѣса, чѣмъ всѣ преданія о пеласгахъ, взятая вмѣстѣ. Монументальное свидѣтельство есть, безусловно, самое незабываемое. Конечно, въ данномъ случаѣ ему недостаетъ полной выразительности, чтобъ голосъ его можно было принять за рѣшительный. Мы говоримъ о пеласгическихъ постройкахъ въ той и другой странѣ, но нигдѣ не читаемъ имени пеласговъ. Нѣтъ ни одной надписи, которая называла бы ихъ прямо по имени. Родъ древнихъ построекъ, которыя мы условились называть пеласгическими, именно отличается отсутствіемъ надписей. Далѣе можно замѣтить, что выраженіе «пеласгическій» хорошо и понятно въ извѣстномъ смыслѣ, то-есть какъ принятый техническій терминъ для означенія извѣстной степени строительнаго искусства, но ничего еще не опредѣляетъ относительно самой народности. Называя тѣ же постройки (или, еще болѣе-грубую степень того же искусства) «циклопическими», не хотятъ же непременно предполагать существованіе народа, который назывался бы циклопами, и т. д. Вообще, многое можно было бы замѣтить противъ тѣхъ, которые съ торжествующимъ видомъ указываютъ на «пеласгическія» постройки въ Италиі, какъ на несомнѣнное доказательство существованія народа пеласговъ; при болѣе-точномъ изслѣдованіи предмета, можетъ-быть, оказалось бы въ результатѣ и то, что дѣло пеласговъ ровно ничего не выигрываетъ отъ новаго способа защиты. Но, пока противная сторона не представила своихъ опроверженій, пока она еще не успѣла формально раздѣлаться съ фактомъ, который, повидимому, всего громче говоритъ противъ нея, до-тѣхъ-поръ нельзя считать вопросъ совершенно-законченнымъ, и рѣшеніе все еще должно оставаться подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

Не надобно, впрочемъ, думать, чтобъ Швеглеръ, опровергая существованіе пеласговъ, какъ особой народности въ Италиі, ограничился

(1) См. объ этомъ Gerlach und Bachofen, I. 1, p. 142 — 143.

одними отрицательными доводами. По нашему личному убеждению, главная заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ первый воспользовался, при рѣшеніи этого вопроса, доказательствомъ самаго положительнаго свойства, крѣпко-основаннымъ на предшествующихъ «этнологическихъ изслѣдованіяхъ, которыя всѣ почти принадлежатъ познѣйшему времени и которыхъ важнѣйшіе результаты лишь теперь начинаютъ понемногу проникать въ массу образованной публики. Знаменитый авторъ «Римской Исторіи», навѣрное, избѣжалъ бы многихъ ошибокъ въ своихъ этнографическихъ понятіяхъ, еслибъ трудный путь его былъ освѣщенъ хотя одною долею подобныхъ изслѣдованій. Лишь случая ихъ выводы и прилагая ихъ къ исторіи, какъ это дѣлаетъ Швеглеръ, можно привести въ нѣкоторую ясность нѣкоторые отрывочныя свѣдѣнія о первобытныхъ жителяхъ Италіи. Но какъ это предметъ довольно-сложный, то мы возвратимся къ нему въ следующей статьѣ.

И. КУДРЯВЦЕВЪ.

VI.

ОБОЗРѢНІЕ

ОВРЕМЕННОГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ЯНВАРЬ 1854 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

— На основаніи разсмотрѣнныхъ въ Комитетѣ гг. Министровъ и Высочайше утвержденныхъ правилъ повелѣно: управленіе корабельными лѣсами съ 1 января 1854 года присоединить, въ видѣ опыта, къ Министерству Государственныхъ Имуществъ на срокъ, потребный для исполненія двухъ лѣсныхъ годовыхъ нарядовъ, то-есть по 1 января 1857 года, и засимъ окончательныя соображенія о передачѣ корабельныхъ лѣсовъ предоставить Министру Государственныхъ Имуществъ внести въ Комитетъ гг. Министровъ къ 1-му января 1857 года. Въ-теченіе сего времени предоставить Министру Государственныхъ Имуществъ принимать, въ установленномъ порядкѣ, всѣ мѣры, какія онъ признаетъ необходимыми и полезными для лучшаго управленія корабельными лѣсами. Въмѣстѣ съ корабельными лѣсами присоединить къ Министерству Государственныхъ Имуществъ Департаментъ Корабельныхъ Лѣсовъ въ настоящемъ полномъ его составѣ, со всѣми принадлежащими къ нему суммами, казенными зданіями и съ подчиненными ему: а) Коммиссіями для выдѣла корабельныхъ роцъ, б) Правленіями Округовъ, в) чинами, мастеровыми и лашманами.

— Высочайше повелѣно: 1) Сверхъ Институтовъ: Патріотическаго Тамбовскаго и Полтавскаго, равно Елисаветинскихъ Училищъ, въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Симбирскѣ, которые состояли въ вѣдомствѣ Главнаго Совѣта Женскихъ Учебныхъ Заведеній, подчинить сему же Совѣту: а) Школы бѣдныхъ дѣвицъ при Демидовскомъ Домѣ Трудящихся, въ С.-Петербургѣ, б) Евангелическое Александринское Заведеніе для бѣдныхъ дѣвицъ женскаго пола, въ С.-Петербургѣ, в) Сиротскій Домъ для воспитанія бѣдныхъ женскаго пола въ Кронштадтѣ, г) Домъ Трудолюбія въ Рязани, е) Училище Трудолюбія въ Пензѣ и ф) Сиро-

питательный Домъ Медвѣдниковой въ Иркутскѣ. 2) Патриотическая школа въ С.-Петербургѣ, подвѣдомственный Совѣту Женскаго Патриотическаго Общества, школы для бѣдныхъ дѣвицъ въ Москвѣ, подвѣдомственные тамошнему Совѣту Благотворительнаго Общества 1837 года и Дѣтскіе Приюты для воспитанниковъ обоюго пола, какъ въ столицахъ, такъ и въ губерніяхъ, подвѣдомственные Комитету Главнаго Попечительства о Приютахъ, оставить на прежнемъ основаніи, съ тѣмъ, чтобъ всеподданнѣйшіе доклады по дѣламъ всѣхъ сихъ заведеній подносились на Высочайшее благоусмотрѣніе чрезъ IV Отдѣленіе Собственной Его И. В. Канцеляріи, и 3) на это жь Отдѣленіе возложить завѣдыванье остальными заведениями, кои—суть: Десятиклассный Домъ Призрѣнія Трудящихся въ С.-Петербургѣ, Дѣтская Больница въ С.-Петербургѣ, Глазная Лечебница въ С.-Петербургѣ, Глазная и Ушная Лечебница Доктора Шрауха въ С.-Петербургѣ, Попечительство о бѣдныхъ въ Москвѣ, Женское Общество Христіанскаго Милосердія въ Сибирскѣ, Попечительство о бѣдныхъ въ Пензѣ, Домъ Призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ въ Тулѣ, Вдовій Домъ въ Бѣлевѣ, Воспитательное Заведеніе для бѣдныхъ и нравственно-испорченныхъ дѣтей въ Нарвѣ, равно Банки: Александринскій въ Тулѣ, и частный при Сиротинномъ Заведеніи Медвѣдниковой въ Иркутскѣ и Россійское Общество Любителей Садоводства. Вместе съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть: находившуюся въ управленіи покойнаго Статсъ-Секретаря Лонгинова, Канцелярію Государыни Императрицы, по управленію учебными и благотворительными заведениями, состоящими подъ Высочайшимъ Ея Величества покровительствомъ, упразднить, присоединить къ составу IV Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СЕСТАВЪ И ПРАВЪ ИХЪ).

— Высочайше повелѣно: чиновникамъ наружной полиціи въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, вмѣсто треугольныхъ шляпъ, носить пѣхотныя каски съ желтымъ приборомъ и мѣстнымъ уѣзднымъ гербомъ.

— Для надзора за полицейскою частью въ С.-Петербургѣ, Высочайше повелѣно: 1) Для сего надзора издать новый штатъ. 2) Исчисленную по штату сумму *пятнадцать тысячъ девяти-шестьдесятъ рублей* въ годъ отпускать изъ городскихъ доходовъ. 3) Штатъ этотъ ввести въ дѣйствіе съ 1854-го года. 4) Столовые и квартирныя деньги товарищу с.-петербургскаго губернскаго прокурора назначать тѣмъ же порядкомъ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это установлено для губернскихъ прокуроровъ, то—есть не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія Министерства Юстиціи. 5) Жалованья по новому штату отпускать только на то число чиновниковъ, какое налицо состоитъ будетъ, а остатки отъ невыдачи полнаго содержанія, или отъ незаимченія всѣхъ должностей зачитать въ послѣдующіе отпуска. 6) Полицейскимъ стражкамъ вѣнчать въ обязанность участвовать каждый разъ съ следственныхъ и исполнительныхъ дѣлъ приставами и

заведеній актовъ о заключеніи подъ стражу обвиняемыхъ и освобожденій ихъ отъ нея. Акты эти, въ отращеніе накопленія арестовъ и напраснаго оставленія ихъ подъ стражею, составлять не ве, какъ на другой день по представленіи обвиняемаго, или по получіи такого свиданія, вслѣдствіе котораго содержащійся подлежитъ освобожденію и въ тотъ же день, по подписаніи оныхъ, препровождать Управу Благочинія, которая, разсмотрѣвъ ихъ немедленно съ топлицемъ с.-петербургскаго губернскаго прокурора, и утвердивъ отиънивъ значущія въ нихъ распоряженія, возвращаетъ ихъ приобщенія къ дѣламъ. 7) Учрежденную для надзора по производству дѣлъ во временныхъ столахъ Департаментовъ Управы Благочинія особую канцелярію товарища с.-петербургскаго губернскаго прокурора упразднить.

III. Законы о службѣ гражданской.

По закону, молодые дворяне, не получившіе образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и всѣ лица, пользующіяся по учебнымъ аттестатамъ правами на классныя чины, отъ 14-го до 10-го класса включительно, должны, прежде опредѣленія ихъ на службу въ департаменты и канцеляріи министерствъ и отдѣльныхъ управленій въ столицахъ, прослужить по крайней мѣрѣ три года въ губернскихъ притветственныхъ мѣстахъ и равныхъ имъ въ столицахъ учрежденіяхъ, достойныхъ изъ нихъ Высочайше разрѣшено представлять, по вышѣ двухъ лѣтъ, къ награжденію чинами, за отличіе. На основаніи Высочайше утвержденного 28-го января 1852 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта, и по особому Высочайшему разрѣшенію, всеподданнѣйшія ходатайства начальниковъ губерній о награжденіи молодыхъ людей чинами за отличіе, въ означенный двухгодичный срокъ, поступаютъ въ Инспекторскій Департаментъ Гражданскаго Вѣдомства разъ въ годъ, одновременно съ общими, въ опредѣленные для каждой губерніи сроки, представленіями о производствѣ въ чины за бывшійшую выслугу лѣтъ, и по разсмотрѣніи ныхъ въ этомъ департаментѣ ходатайствъ о томъ некоторыхъ начальниковъ губерній, казалось, что одни изъ представляемыхъ лицъ прерываютъ часто рѣшительную обязательную ихъ службу въ губернскихъ мѣстахъ выходя въ отставку въ первый годъ по вступленіи на службу, или же въ послѣдніи этого срока, а другіе дозволяютъ себѣ частыя, въ теченіе этого времени, переходы изъ одного мѣста, или вѣдомства, въ другое. Государь Императоръ изволятъ находить, что при такихъ колебаніяхъ цѣль приспособить, согласно Высочайшей Его Величества воли, молодыхъ людей предварительнымъ знаніемъ губернскаго дѣлопроизводства не достигается, или достиженіе ей отдалится, и что упадетъ и предполагаемое отличіе, возможное только тогда, когда молодой человекъ въ продолженіе постояннаго въ одномъ мѣстѣ служенія и безъ отлучекъ оправдаетъ на опытѣ свои способности и усердіе. Поэтому Е. И. В. Высочайше повелѣть изволятъ, чтобы по Инспекторскому Департаменту отиодъ не было допускаемо производства въ чины за отличіе: молодыхъ, молодыхъ людей, выходящихъ въ те-

чение двухъ лѣтъ въ отставку и пользовавшихся неоднократно, или продолжительными отпусками, и въ которыхъ, невыслужившихъ въ одномъ мѣстѣ, или вѣдомствѣ, полныхъ двухъ лѣтъ. Равнообразно Его Величеству угодно, чтобъ подобныя же представленія и тѣхъ главныхъ начальствъ, которыя ходатайствуютъ о награжденіи молодыхъ людей, служащихъ въ подвѣдомственныхъ имъ губернскихъ мѣстахъ и равныхъ имъ учрежденіяхъ въ столицахъ, восходили впередъ на Высочайшее усмотрѣніе чрезъ посредство Инспекторскаго Департамента Гражданскаго Вѣдомства, для сосредоточенія въ немъ всего вообще дѣлопроизводства о молодыхъ людяхъ, такъ-какъ Департаментъ имѣетъ у себя всѣ нужныя для повѣрки службы ихъ свѣдѣнія.

IV. Законы относительно казеннаго управленія.

— Вслѣдствіе представленія Министра Финансовъ о мѣрахъ къ обезпеченію казны въ случаѣ растраты суммъ уѣздными казначейми, въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ, Высочайше постановлено : въ случаѣ открытія въ которомъ-либо казначействѣ недостатка въ суммахъ, или казенномъ имуществѣ, дѣлается распоряженіе не только о наложеніи повсемѣстнаго запрещенія на всѣхъ лицъ, обязанныхъ ежемѣсячнымъ свидѣтельствомъ казначейства, но и о вычетѣ у нихъ изъ жалованья третьей части, коль скоро обнаружено будетъ надлежащимъ порядкомъ нарушеніе этими лицами установленныхъ на означенный предметъ правилъ ; вычитаемыя у нихъ изъ жалованья деньги отсылаются, впередъ до рѣшенія дѣла, въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія ; самыя же дѣла по растратамъ разсматриваются и рѣшаются безъ очереди.

— Относительно найма въ работы на частныя золотыя промыслы крестьянъ изъ великороссійскихъ губерній, а равно для предупрежденія между ними бродяжничества, Высочайше повелѣно; *По Западной и Восточной Сибири* : 1) При выпускѣ изъ великороссійскихъ губерній крестьянъ, или мѣщанъ, для работъ на золотыхъ приискахъ, мѣстныя ихъ начальства отмѣчаютъ на паспортахъ о времени отбытія каждого уволеннаго. Если изъ одного селенія, волости, или города, отпускаются нѣсколько человекъ, то вмѣняется имъ въ обязанность отправляться на мѣста работъ артелями съ самаго мѣста ихъ жительства, поставивъ надъ собою въ каждой артели одного старосту для охраненія порядка. Старостѣ этому означенная артель вручаетъ свои паспорта и виды съ круговою порукою въ неотлучкѣ отъ артели и должномъ ему повиновеніи. 2) Всѣ крестьяне и мѣщане великороссійскихъ губерній, слѣдующіе въ Сибирь для работъ на золотыхъ и другихъ тамъ промыслахъ, обязаны предъявлять свои паспорта въ городской полиціи одного изъ трехъ городовъ : Тюмени, или Кургана, или Ялуторовска. Полиціи эти должны означать на предъявленныхъ имъ паспортахъ годъ, мѣсяцъ и число явки оныхъ, и затѣмъ тотчасъ возвращать ихъ предъявителямъ, не задерживая ихъ. 3) По явкѣ людей этихъ на промыслы, они подчиняются правиламъ, установленнымъ въ 2394 — 2406-й статьяхъ Устава Горнаго по продолженію XV. 4) Горные исправники, предъ наступленіемъ выхода рабочихъ съ

мысловъ, отбирають отъ крестьянъ великороссійскихъ губерній азанія, кто изъ нихъ, и гдѣ именно, то—есть въ какомъ городѣ, какой волости и какого округа проживать будетъ до новаго найма промысла. 5) На основаніи этихъ показаній, горные исправники сдаютъ о всѣхъ таковыхъ крестьянахъ именные списки, съ означеніемъ въ нихъ: званія крестьянъ, именъ, отчества и приимтъ, и списки эти отсылають, по принадлежности, въ тѣ полиціи, въ домствѣ которыхъ будутъ проживать крестьяне. 6) Градскія и земліи полиціи, получивъ эти списки, дѣлають по нимъ первую повѣрку позже 1-го октября, повторяя ее ежемѣсячно, до выхода крестьянъ овь для работъ на промысла. 7) Еслибъ при этой повѣркѣ, кто-либо изъ крестьянъ не оказалось, то мѣстная полиція къ разысканію пропавшаго дѣлаетъ нужныя распоряженія. 8) Отлучка изъ мѣста, избраннаго для временнаго жительства, дозволяется крестьянамъ не наче, какъ съ разрѣшенія въ округѣ участковаго засѣдателя; въ ородѣ же полиціймейстера, или городничаго. 9) За всякую самовольную отлучку крестьянина изъ мѣста, избраннаго имъ для временнаго жительства, онъ подвергается взысканію, какъ за самовольную отлучку безъ паспорта, на основаніи общихъ узаконеній. *По Киргизской Стенѣ.* 1) Всѣ рабочіе, какъ великороссійскихъ, такъ и сибирскихъ губерній, слѣдуя на приски въ Киргизской Стенѣ, предъявляютъ свои паспорта въ Прилинейныя Таможни, для записки въ книгу и надлежащей на нихъ отмѣтки. 2) Если паспортъ не явленъ въ Таможнѣ, то управляющій промысломъ, по удостовѣреніи въ томъ, препровождаетъ представителя означеннаго паспорта въ Окружный Приказъ, или къ дистанчному засѣдателю, если таковой находится поблизости; Приказъ же, или засѣдатель, допрашиваетъ рабочаго, по какимъ причинамъ онъ не предъявилъ паспорта въ Таможнѣ; и если окажется, что это было сдѣлано безъ умысла, по незнанію, то внушаетъ тому рабочему о непремѣнномъ исполненіи предписаннаго, подъ опасеніемъ за противное отвѣтственности по 299-й статьѣ Уложенія о Наказаніяхъ. Сверхъ того, и золотопромышленники, или ихъ прикапчики, обязаны внушать рабочимъ, при заключеніи съ ними условій въ мѣстахъ жительства, о непремѣнномъ исполненіи означеннаго правила. 3) Таможенное въ Сибири начальство строго наблюдаетъ, дабы не было тайнаго перехода рабочихъ какъ въ Киргизскую Степь на приски, такъ равно и обратно, если въ последнемъ случаѣ не будетъ выдано отъ самихъ золотопромышленниковъ, или управляющихъ присками, особыхъ удостовѣреній въ томъ, что рабочими условия выполнены окончательно. 4) О самовольной отлучкѣ или побѣгѣ каждаго изъ работниковъ, завѣдывающій прискомъ доноситъ немедленно Приказу, который принимаетъ мѣры къ поимкѣ отлучившагося, извѣщая о томъ, для наблюденія, и таможенное вѣдомство.

V. Законы о состояніяхъ.

— Въ дополненіе существующихъ узаконеній, которыми всѣмъ уволеннымъ изъ крѣпостнаго состоянія и возведеннымъ впослѣдствіи въ достоинство потомственнаго дворянства, а равно и потомкамъ ихъ,

до третьяго поколения, запрещается приобретать тѣ населенныя мѣ-
ста, въ которыхъ они сами, или отцы ихъ, или дѣды по отцамъ были
записаны въ ревизіяхъ, постановлено. 1) Что это запрещеніе рас-
пространяется и на приобретение крѣпостныхъ людей безъ зем-
ли, когда эти люди приписаны, или были приписаны къ тѣмъ населеннымъ
мѣстамъ; 2) Что дворянныя обоего пола, состоящія въ бракѣ съ
лицами, вышедшими изъ крѣпостнаго состоянія, запрещается, при
жизни ихъ супруговъ, приобретать, чрезъ куплю, дареніе или иныя
способы—либо, кромя наследства, способомъ, тѣ населенныя мѣста,
въ которыхъ ихъ супруги, или отцы этихъ послѣднихъ, или дѣды по
отцамъ, были приписаны по ревизіямъ, а равножъ и крѣпостныхъ
людей безъ земли, когда эти люди приписаны, или были приписаны
къ тѣмъ мѣстамъ; и что имъ воспрещается также и владѣніе или
пользованіе по просроченнымъ закладнымъ; 3) Что лица, которымъ запре-
щается приобретать означенныя здѣсь мѣста, не могутъ брать оныя
и въ аренду, или во временное, съ правами вѣчнойности, владѣніе;
4) Что вышедшіе изъ крѣпостнаго состоянія лица не должны быть до-
пускаемы къ опекуному управленію такими мѣстами, въ которыхъ
они сами, или отцы ихъ, или дѣды по отцамъ, были записаны по ре-
визіямъ, равно какъ и къ такому же управленію записанныя лица
безъ земли; 5) Что упомянутыя лица не могутъ получать омыс-
ленныхъ въ предшедшемъ пунктѣ мѣстныхъ и крѣпостныхъ людей въ свое
указанное послѣ смерти супруговъ часть, которая въ такомъ случаѣ
поступаетъ къ другимъ наследникамъ по закону, съ удовольствіемъ
за оную со стороны этихъ послѣднихъ, по оцѣнкѣ, поставленной
въ ст. 225-й Зак. о Состояніи. (Св. Зак. т. IX); 6) Что за всѣмъ и-
рушеніемъ постановленныхъ въ пунктахъ 2-мъ, 3-мъ и 5-мъ правилъ,
вышесказанные подвергаются взысканіямъ, опредѣленнымъ въ ст. 1873-й
Уложенія о Наказаніяхъ, въ томъ числѣ и тѣ, которые отдадутъ имъ
свое кому-либо въ аренду, или иное временное съ правами вѣ-
чнойности владѣніе, взыскивается сумма, предназначенная къ платѣ
владѣльцу мѣста за все время, на которое было совершено условіе,
и обращается въ мѣстный Приказъ Общественнаго Присудья; и
7) Что крѣпостные люди безъ земли, приобретенные, въ прѣдѣлахъ
постановленными правилами; отдѣльно отъ мѣстныхъ; обращаются въ
казенное ведомство; безъ всякаго за нихъ вознагражденія.

— Въ замѣнѣ приложенія къ ст. 968 Зак. о Сост. Св. Зак. т. IX
Высочайше утверждены правила о наймѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ
земляхъ и другія черныя работы.

VI. ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКІЕ.

— Въ дополненіе существующихъ узаконеній о сохраненіи распис-
скахъ и актахъ по отдамъ и принятію движимаго имущества на сохра-
неніе, постановлены слѣдующія правила: 1) Всѣ выданныя до обзоро-
дованія Положенія 1846 года сохранныя расписки и акты о покладяхъ
должны быть, для дѣйствительности оныхъ, замѣнены новыми распис-
ками; составленными по предписаннымъ въ 12-й статьѣ того Положе-
нія правиламъ; для каковой замѣны назначается срокъ трехлѣтній; по

издании оного, расписки, выданныя на основаніи прежнихъ правилъ, съ соблюденіи требуемыхъ тѣмъ Положеніемъ, формъ и условий, будутъ уже признаваемы действительными. 2) Если кто-либо изъ принадлежавшихъ имущество на сохраненіе, будетъ уклоняться отъ выдачи оныхъ сохранныхъ расписокъ вмѣсто прежнихъ, то имѣющіе таковыя расписки прежняго времени могутъ предъявить оныя въ Урядномъ уѣздѣ, или Магистратѣ, по принадлежности, для утвержденія ихъ действительности. 3) Въ тѣхъ случаяхъ, когда составленные по прежнимъ правиламъ сохранныя расписки не могли, до истеченія вышеопредѣленнаго срока, быть замѣнены новыми, по какимъ-либо обстоятельствамъ, независѣвшимъ отъ воли отдавашаго свое имущество и принявшаго оное на сохраненіе, показанія о семъ, по точномъ въ истинѣ оныхъ удостовѣреніи, должны быть принимаемы въ надлежащее уваженіе, и тѣ расписки признаются имѣющими полную силу и дѣйствіе. 4) Въ какъ вошедшія въ Положеніе 17-го іюня 1846 года, такъ и состоящія по сему предмету правила не могутъ быть принимаемы къ означеннымъ въ ст. 13-й сего Положенія случаямъ, въ которыхъ и по новымъ и по прежнимъ узаконеніямъ (ст. 1809 Св. Зак. Гражд.) для действительности договора о поклажѣ не требуется вовсе письменныхъ актовъ. 5) Если, при производствѣ дѣла о какой-либо сохранный распискѣ, выданной безъ соблюденія установленныхъ Положеніемъ 1846 года формъ и условий, обнаружится и будетъ достоверно доказано, что эта расписка выдана послѣ уже обнародованія новыхъ правилъ, наданныхъ, предшествовавшимъ сему изданію числомъ, то виновные въ томъ подвергнутся ответственности, какъ за подлогъ.

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ, постановлено, что сила ст. 1339-й п. 3-го Свода Зак. Гражд. (т. X) и ст. 144-й Прил. къ ст. 3812 того же свода по Продолж. XIV, о приемѣ въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ частныхъ каменныхъ зданій, крытыхъ желѣзомъ, или черепицею, и объ оцѣнкѣ оныхъ, распространяется на такія же зданія, крытыя цинкомъ.

VII. Законы государственнаго благоустройства.

— По всеподданнѣйшему докладу общаго соображенія министровъ и главоуправляющихъ отдельными частями въ имперіи, которыхъ признается полезнымъ распространить на всѣ вообще казенныя учебныя заведенія военнаго и другихъ вѣдомствъ право получать проценты по билетамъ Сохранной Казны чрезъ три мѣсяца отъ взноса ими капиталовъ, а также ходатайства въ некоторыхъ лицъ, о распространеніи обязательства этого на Приказы Общественнаго Призрѣнія и на всѣ вообще государственныя кредитныя установленія, гдѣ хранятся будутъ ихъ деньги, послѣдовало Высочайшее соизволеніе, съ тѣмъ, чтобъ Приказы Общественнаго Призрѣнія изъяты были отъ платежа процентовъ чрезъ каждые три мѣсяца по взносу капиталовъ.

— Въ отмѣну и дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено: «При протестѣ векселей, которые явлены по написаніи и съ которыхъ взыскано уже $\frac{1}{4}$ процента, взымать въ доходъ города только по $\frac{1}{4}\%$ съ рубля.»

— Вслѣдствіе представленія министра внутреннихъ дѣлъ о размѣщеніи городскихъ пристаней въ С. Петербургѣ, Высочайше повелѣно:

- 1) Предположеніе о перемѣщеніи пристаней для причала барокъ съ сѣвомъ и углемъ отъ Таврическаго Дворца и Воспитательнаго Мѣщства Благородныхъ Дѣвицъ на лѣвый берегъ Малой Невы, за Гуконъ Мостъ, утвердить и привести въ исполненіе.
- 2) Независимо отъ сего, предоставить министру внутреннихъ дѣлъ сдѣлать зависящее по сношеніи съ здѣшнимъ военнымъ генерал-губернаторомъ, распоряженіе къ устройству еще одной угольной и сѣнной пристани на правомъ берегу Большой Невы, выше Троицкаго Моста, если къ тому, по ближайшемъ соображеніи, представится возможность.
- 3) На будущее время переводъ городскихъ пристаней въ здѣшней столицѣ съ одного мѣста на другое, если того потребуютъ мѣстные удобства, на выгоды торговли, дозволить разрѣшать министру внутреннихъ дѣлъ по соглашеніи съ главноуправляющимъ Путиами Сообщенія и Публичными Зданіями и санктпетербургскимъ военнымъ генерал-губернаторомъ.

— Высочайше повелѣно: расходы на погребеніе бѣдныхъ людей, прибывающихъ въ города и умирающихъ тамъ скоропостижно, за включеніемъ означенныхъ въ 1 и 2 примѣч. по 1 продолж. къ 538 ст. Уст. Врач. производить изъ текущихъ доходовъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, на томъ же основаніи и въ томъ же размѣрѣ, какъ на погребеніе умирающихъ въ больницахъ Приказовъ.

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Устава о Ссылныхъ (Св. Зак. т. XIV), постановлено: каторжные, присужденные къ каторжнымъ наказаніямъ, за перемѣну между собою именъ, остаются въ работахъ, сверхъ опредѣленныхъ по приговорамъ сроковъ, еще на три года каждый; и тотъ ихъ нѣтъ, который былъ присужденъ къ спѣчайшему наказанію, наказывается, сверхъ того 50 ударами розогъ, а каторжные, присужденные къ одинаковымъ наказаніямъ, за подобныя перемѣны между собою именъ, остаются въ работахъ, сверхъ опредѣленныхъ по приговорамъ сроковъ, еще на два года.

VIII. Законы уголовные.

— Въ дополненіе къ Высочайшее утвержденному 8 декабря 1853 года мнѣнію Государственнаго Совѣта о порядкѣ объявленія подсудимымъ приговоровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ мѣстопробываніе, или жительство, находится далѣе 100 верстъ отъ судебной инстанціи, Высочайшее повелѣно постановить, что «въ Закавказскомъ Краѣ, приговорами, которыми не присуждается наказаній, изложенныхъ въ означенномъ выше мнѣніи Государственнаго Совѣта, объявляются подсудимымъ, если они не пребываютъ въ уѣздахъ, гдѣ существуютъ судебныя мѣста, въ уѣздномъ управленіи, по мѣсту ихъ жительства приговоры же, которыми подсудимые оправдываются, могутъ быть объявляемы чрезъ ближайшее земское начальство.

ОБОЗРѢНІЕ

ОВРЕМЕННОГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ФЕВРАЛЬ 1854 ГОДА.

І. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— По всеподданнѣйшему докладу г. оберъ-прокурора Св. Синода Высочайше повелѣно: учредить въ Хозяйственномъ Управленіи при Св. Синодѣ должность начальника Художественной Экспедиціи, съ отношеніемъ этой должности по расписаніямъ должностей къ VII классу, мундировъ къ VII и пенсій къ VI разрядамъ, и съ назначеніемъ по оной жалованья 514 р., 60 к. сер., и столовыхъ 214 р. 43., а всего семьсотъ—двадцать—девять руб. три копейки серебромъ, на счетъ духовно-учебныхъ капиталовъ.

— При постепенномъ распространеніи дѣйствій Министерства Государственныхъ Имуществъ, Государю Императору благоугодно было, въ 18 день января 1843 года, Высочайше повелѣть поручить Лѣсный Департаментъ въ особое наблюденіе товарища министра, съ тѣмъ, чтобъ онъ, по разрѣшенію и направленію министра, производилъ отъ себя всю переписку, кромѣ представлений и сношеній съ главными управленіями. Нынѣ, съ присоединеніемъ Департамента Корабельныхъ Лѣсовъ къ Министерству Государственныхъ Имуществъ, въ видѣ опыта на срокъ, потребный для исполненія двухъ мѣстныхъ годовыхъ нарядовъ, то-есть по 1 января 1857 года, представилась еще большая надобность въ сосредоточеніи Лѣснаго Управленія и вообще въ ближайшемъ за нимъ надзорѣ. Посему, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада г. министра, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на порученіе товарищу министра завѣдыванія не только Лѣснымъ Департаментомъ, но и Корабельныхъ Лѣсовъ, по приѣзѣ этого послѣдняго въ вѣдѣніе Министерства, съ тѣмъ, чтобъ онъ, по разрѣшенію и направленію министра, и примѣняясь къ положеніямъ 7 ноября 1848 и 4 января 1851 годовъ о товарищѣ военнаго министра, по обоимъ тѣмъ Департаментамъ исполнялъ слѣдующія обязанности: 1) Доноситъ Правительствующему Сенату рапортами по дѣламъ, по которымъ требуется объясненіе или заключеніе,

кромѣ представленій съ объясненіемъ Высочайшихъ повелѣній: 2) Производилъ отъ себя сношенія съ министрами, главноуправляющими, главноначальствующими и равными имъ лицами, а также съ генерал-губернаторами, начальниками губерній и директорами помилуемыхъ Департаментовъ: а) по Высочайшимъ повелѣніямъ, излагаемымъ министромъ государственныхъ имуществъ резолюціями на всеподданнѣйшихъ его докладахъ и другихъ бумагахъ; б) по дѣламъ текущимъ и вновь возникающимъ по означеннымъ департаментамъ. *Примѣчаніе.* Представленія въ Государственный Совѣтъ, въ Комитетъ Министровъ и другіе высшіе Комитеты, а также сношенія съ Его Императорскимъ Высочествомъ Управляющимъ Морскимъ Министерствомъ, съ главнокомандующими и намѣстниками, гдѣ это по ходу дѣлъ востребуется, принадлежатъ къ перепискѣ министра; 3) наблюдалъ бы за дѣйствіями Департаментовъ Лѣснаго и Корабельныхъ Лѣсовъ, въ особенности въ отношеніи заготовленій всякаго рода, состоянія денежныхъ и вещныхъ капиталовъ и отчетности въ оныхъ; 4) докладывалъ бы министру вновь возникающія по вышеозначеннымъ департаментамъ важнѣйшія дѣла и въ особенныхъ случаяхъ по производящимся уже дѣламъ, и разрѣшенія министра передавалъ директорамъ департаментовъ словесно, или резолюціями на подлинныхъ бумагахъ, разрѣшая самъ всѣ прочіе обстоятельства по симъ дѣламъ, а равно и по всѣмъ текущимъ; и 5) имѣлъ бы право опредѣлять, увольнять въ отставку и отставку всѣхъ гражданскихъ чиновъ по упомянутымъ департаментамъ и ихъ вѣдомствамъ, кои опредѣлялись и увольнялись въ министерствѣ, до седьмого класса включительно; о всѣхъ чинахъ на высшія должности, а равно объ опредѣленіи на службу и увольненіи въ отставку и отпуски офицеровъ лѣсной части, о коихъ эти предметы входятъ въ Высочайшіе приказы, представлялъ бы предварительно на усмотрѣніе министра.

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Высочайше повелѣно: впредь до изданія новыхъ штатовъ для Сибири, дозволить генерал-губернатору Восточной Сибири, сверхъ состоящихъ при главномъ тамъ управленіи штатныхъ чиновниковъ особыхъ порученій, опредѣлить еще трехъ чиновниковъ особыхъ порученій сверхъ штата, безъ жалованья, но съ предоставленіемъ имъ всѣхъ правъ и преимуществъ, нынѣ штатнымъ чиновникамъ присвоенныхъ.

— Высочайше утвержденъ проектъ дополнительнаго штата Саратовской Конторы иностранныхъ поселенцевъ; исчисленные по селу штату расходу 1560 р. 88 к. повелѣно обратить на тотъ же самый источникъ, изъ коего производится содержаніе Саратовской Конторы иностранныхъ поселенцевъ, именно: на 18 копеечный сборъ съ вѣдомственныхъ ей колонистовъ.

— Во вниманіи къ успѣшному съ 1845 года застроенію Слободы Вознесенской и другихъ смежныхъ съ нею слободъ и для предоставленія имъ, въ видахъ развитія въ нихъ промышленности, новыхъ къ

ому способовъ, Высочайше повелѣно: 1) изъ Слободъ Вознесенской (Дмитровской, Ильинской, Троицкой, Березниковъ и пустоши Ковриной, Шуйскаго Уѣзда, Владимірской Губерніи, со всѣми принадлежностями къ тѣмъ слободамъ землями, образовать посадь, подъ названіемъ Вознесенскаго, и предоставить губернскому начальству наблюсти за приобретеніемъ посадскими обывателями земли, нужной для выгона, на основаніи данной ими подписки; 2) купцамъ и мѣщанамъ, проживающимъ въ селѣ Ивановѣ, дозволить, по открытіи Вознесенскаго Посада, перечислиться въ оный, согласно ихъ желанію; 3) судебныя дѣла купцовъ и мѣщанъ, жительствующихъ въ семь посадѣ и селѣ Ивановѣ, вѣдать попрежнему въ Шуйскомъ Городовомъ Магистратѣ; въ отвращеніе же неудобствъ по командированію, для бытности при мѣстныхъ слѣдствіяхъ ратмановъ, дозволить обществу посада выбирать двухъ депутатовъ изъ купцовъ и мѣщанъ, имѣющихъ пребываніе какъ въ этомъ посадѣ, такъ и въ селѣ Ивановѣ, не исключая и иногородныхъ, но съ ограниченіемъ, установленнымъ въ ст. 319 п. 4 и 5 Уст. Служ. Выб. (Св. Зак. Т. III) и съ предоставленіемъ утвержденія депутатовъ губернскому начальству; 4) для завѣдыванія дѣлами хозяйственными, общественными и сиротскими, учредить въ Вознесенскомъ Посадѣ думу изъ посадскаго головы, двухъ гласныхъ (одного изъ купцовъ и одного изъ мѣщанъ) и секретаря, съ причисленіемъ головы—по должности къ IX классу, а по шитью на мундирѣ къ VIII разряду; гласныхъ по должности къ XIV классу, по пенсіи къ IX, а по шитью на мундирѣ къ X разрядамъ. *Примѣчаніе 1.* Содержаніе секретарю Думы назначается изъ посадскихъ доходовъ, соотвѣтственно трудамъ его, по ближайшему усмотрѣнію губернскаго начальства; но ни въ какомъ случаѣ не свыше 200 руб. сер. въ годъ. *Примѣчаніе 2.* Сумму на содержаніе секретаря, равно потребную на наемъ писцевъ и вообще на канцелярскія надобности сей Думы, дозволяется оной вносить въ годовыя росписи доходовъ и расходовъ, сообразно съ дѣйствительною въ томъ надобностью и средствами посада, съ тѣмъ, притомъ, чтобы, по утвержденіи росписи установленнымъ порядкомъ, Дума руководствовалась оною во всей точности; 5) полицейское управленіе Вознесенскимъ Посадомъ оставить, на основаніи ст. 3942 Об. Губ. Учр. (Св. Зак., Т. 41) въ вѣдомствѣ Земскаго Суда; а къ завѣдывающему нынѣ означенными слободами приставу 2 стана Шуйскаго Уѣзда опредѣлить помощника, на правахъ пристава, съ обязанностию находиться постоянно въ посадь и заниматься производствомъ слѣдствій и разборомъ жалобъ между жителями онаго. Помощнику сему назначить изъ доходовъ посада жалованья 150 р. и на канцелярскіе расходы 50 р. сер., причисливъ его наравнѣ съ подобными чиновниками въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Волынской, по должности къ XII классу, по пенсіи къ IX разряду, и право на мундиръ военнаго покроя, установленный для кварталныхъ надзирателей въ уѣздныхъ городахъ. Полицейскихъ же служителей опредѣлять по найму, соображаясь съ посадскими доходами; и нужную на то сумму, равно какъ на жалованье и канцелярскія потребности помощника становаго пристава, вно-

силь по вышеизложенному правилу; въ годовыя росписи доходовъ и расходовъ посада; 6) для облегченія жителей посада въ совершени между ними актовъ и сдѣлокъ, предоставить имъ избирать, на общемъ основаніи, частнаго маклера; 7) по взиманію доходовъ и производствъ расходовъ посада, руководствоваться существующими на сей предметъ общими узаконеніями, съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе первыхъ 6 лѣтъ, согласно изъявленному мѣстнымъ купечествомъ желанію, было взимаемо съ объявляемыхъ капиталовъ $\frac{1}{2}\%$; по истеченіи же сего срока $\frac{1}{4}\%$; 8) губернскому начальству поручить распорядиться составленіемъ для Вознесенскаго Посада плана, который и представить, въ установленномъ порядкѣ, на утвержденіе; 9) Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставить, по согласію съ министрами Финансовъ и Юстиціи, относительно учрежденія въ означенномъ посадѣ Торговаго Словеснаго Суда, войти въ свое время съ особымъ представленіемъ.

— Высочайше повелѣно: 1) заштатный городъ Кай, съ существующими въ ономъ Ратушею, Сиротскимъ и Словеснымъ Судами, упразднить; 2) жителей онаго, въ числѣ 323 душъ, согласно ихъ желанію, перечислить въ государственные крестьяне, съ предоставленіемъ имъ въ пользованіе всей выгонной городской земли, сложивъ притомъ всю числящуюся на нихъ по мѣщанскому званію податную сумму. Шести домохозяевамъ, въ числѣ 15 душъ, изъявившимъ желаніе перечислиться въ другіе города въ мѣщанство, дозволить переселиться изъ города Кая, въ теченіе трехъ лѣтъ, по упраздненіи сего города, съ тѣмъ, чтобъ до перечисленія они состояли по податямъ и повинностямъ въ заведеніи Слободской Городской Думы, а со времени перечисленія сихъ мѣщанъ въ другіе города дарована имъ была 3-лѣтняя льгота въ платежѣ податей, и наконецъ 12 душамъ казенныхъ мѣщанъ, проживающихъ въ другихъ городахъ по паспортамъ, предоставить перейти въ государственные крестьяне, или перечислиться въ мѣщане другихъ городовъ, согласно вышеизложенному; до исполненія же сего, по упраздненіи города Кая, оставить ихъ въ заведеніи Слободской Городской Думы, и 3) почтовый трактъ, существующій нынѣ между Слободскимъ и Каемъ, закрыть.

III. Законы относительно казеннаго управленія.

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Устава Таможеннаго (Сл. Зак. Т. VI), постановлено, что, при пропускѣ изъ-за границы, дозволенной къ привозу въ Россію монеты российской и иностранной, какъ въ посылкахъ, такъ и письмахъ, пересылаемыхъ по почтѣ, таможенныя мѣста, по примѣненію къ статьямъ 634 и 635 сего устава, записываютъ всѣ сіи посылки и письма въ таможенные книги, не требуя съ получателей никакихъ за сіе гербовыхъ пошлинъ.

— Высочайше повелѣно: 1) упразднивъ, состоящую въ г. Омскѣ Таможню, учредить тамъ таможенную заставу, съ предоставленіемъ оной, въ отношеніи очистки товаровъ пошлиною, тѣхъ правъ, которыя опредѣлены для таможенъ Сибирскаго Округа; 2) Таможню

ставу въ крѣпости Св. Николая (Тобольской Губерніи), равно и таженный постъ въ Усть-Бухтарминской Станицѣ (Томской Губерніи) упразднить, и 3) всѣ мѣста Сибирскаго Таможеннаго Округа, предать на основаніи новаго штата.

IV. ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКІЕ.

— Въ дополненіе подлежащихъ статей приложеннаго къ ст. 3812 ак. Гражд. (Св. Зак. Т. X по Продол. XIV) положенія объ описи, цѣнкѣ и публичной продажѣ имущества, постановлено: 1) мѣста, въ коихъ продаются недвижимыя имѣнія, обязаны, независимо отъ писей, кои представляютъ торгующимъ тогда только, когда они изъявятъ на это желаніе, непременно помѣщать въ самыхъ торговыхъ листахъ свѣдѣнія о количествѣ числящихся на имѣніи казенныхъ недоимокъ и условіе о томъ, что недоимки сіи должны быть уплачены покупщикомъ сверхъ цѣны, которая состоитъ на торгахъ; 2) къ числу таковыхъ недоимокъ, платежъ коихъ съ покупкою имѣнія переходитъ на обязанность покупателя, относятся лишь недоимки тѣхъ казенныхъ податей и разнаго рода сборовъ земскихъ и городскихъ повинностей (ссудъ по случаю неурожая, пожаровъ и т. п.), коими обязаны крестьяне продаваемаго имѣнія, земля или хозяйственныя заведенія, на ней находящіяся, и въ томъ только случаѣ, если недоимки значатся въ описи; или накопились послѣ описи по день продажи; недоимки же и взысканія, числящіяся лично на владѣльцѣ продающагося имѣнія, переводу на покупателя не подлежатъ, и 3) па семь же основаніи, если продаваемое недвижимое имѣніе есть просроченный, данный частному лицу залогъ, и на всѣхъ торгахъ не дано за него исполнѣ даже той суммы, которая взыскивается по закладной, то, при отдачѣ сего имѣнія, на основаніи законовъ, залогодержателю въ собственность, сей послѣдній подвергается взысканію только недоимокъ податныхъ и земскихъ, городскихъ или вообще повинностей, лежащихъ на имѣніи: всѣ же взысканія, лично на залогодателя числящіяся, на пріобрѣтателя имѣнія его не переходятъ.

— Указомъ Правительствующему Сенату, 12 іюля 1850 г. даннымъ, опредѣлены правила для полюбовнаго размежеванія дачъ общаго и чрезнадоснаго владѣнія и порядокъ поступленія въ Уздныя Суды для судебного межеваго разбирательства тѣхъ дѣлъ, по коимъ не будетъ достигнуто полюбовныхъ соглашеній. Въмѣстѣ съ тѣмъ объявлено, что, для производства судебныхъ мѣстъ при такомъ разбирательствѣ и производствѣ самаго размежеванія въ натурѣ, имѣють быть изданы особыя правила. Нынѣ правила эти удостоены Высочайшаго утвержденія.

— Въ видахъ предупрежденія вредныхъ послѣдствій отъ аренднаго управленія помѣщичьими въ западныхъ бѣлорусскихъ губерніяхъ имѣніями и для охраненія взаимныхъ выгодъ и крестьянъ и помѣщиковъ, Высочайше повелѣно: 1) воспретить на будущее время отдачу въ арендное содержаніе населенныхъ такими крестьянами имѣній; но арендные контракты, до настоящаго времени установленнымъ поряд-

комъ заключенные, оставить въ своей силѣ до истечения сроковъ, постановленныхъ въ тѣхъ контрактахъ; а какъ срокъ нѣкоторыхъ изъ нихъ можетъ кончиться вскорѣ по изданіи сего постановленія, то, для доставленія тѣмъ помѣщикамъ, кои ихъ имѣнія находятся нынѣ въ арендѣ, возможности приготовиться къ новому порядку управленія своими имѣніями, дозволить имъ заключать новые съ прежними или другими арендаторами контракты, съ тѣмъ лишь, чтобы во всякомъ случаѣ срокъ аренднаго по нимъ контрактамъ содержанія назначался не далѣе, какъ до 18 января 1857 г., и 2) постановленное въ предшедшемъ пунктѣ запрещеніе не распространять на отдачу въ аренду, отдѣльно отъ упомянутыхъ имѣній, разныхъ хозяйственныхъ заведеній и оброчныхъ статей, какъ-то: фабрикъ, заводовъ, земельныхъ участковъ, рыбныхъ ловель, мельницъ и т. п. Такія заведенія и оброчныя статьи, безъ присоединенія къ онымъ крестьянъ, могутъ быть отдаваемы въ аренду на прежнемъ основаніи безпрепятственно.

— Относительно порядка объявленія рѣшеній Сената угрожающаго западныхъ губерній, отыскивающимъ дворянское достоинство, въ имѣненіе подлежащихъ статей Св. Зак., Высочайше повелѣно: 1) рѣшеніе Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената, о неувѣдворительности представленныхъ лицами западныхъ губерній доказательствахъ на дворянство, объявлять тѣмъ изъ сихъ лицъ, кои мѣсто жительства Дворянскимъ Депутатскимъ Собраніямъ извѣстно, чрезъ мѣстную полицію съ подписками; когда же жителство сихъ лицъ неизвѣстно, или въ указанномъ въ Депутатскихъ Собраніяхъ мѣстѣ ихъ не окажется, то объ упомянутыхъ рѣшеніяхъ публиковать, установленнымъ порядкомъ, въ Санктпетербургскихъ и Московскихъ Сенатскихъ и мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, и затѣмъ трехлѣтній на представленіе дополнительныхъ документовъ, срокъ считать со дня послѣдней публикаціи (ст. 2513 Зак. Гражд.); 2) слѣдующія на сіе припечатаніе деньги 3 рубля, взыскивать при первоначальномъ представленіи въ Дворянское Депутатское Собраніе прошеній о дворянствѣ, а по дѣламъ, находящимся уже въ производствѣ, при представленіи самими просителями или требованіи Депутатскими Собраніями дополнительныхъ документовъ и доказательствъ; наблюденіе за симъ оставляется на отвѣтственности присутствующихъ и секретаря тѣхъ собраній; 3) если окажется нужнымъ припечатать объявленіе по такому дѣлу, которое находится нынѣ въ производствѣ, но по коему, со времени изданія настоящихъ правилъ, никакихъ дополненій ни просителями не представлено, ни Депутатскими Собраніями не было требовано, и потому денегъ на припечатаніе не внесено, то такія объявленія посылать для припечатанія безъ денегъ, съ объясненіемъ причинъ недоставленія оныхъ; при представленіи же просителями, вслѣдствіе рѣшенія Департамента Герольдіи, дополнительныхъ документовъ, взыскивать съ нихъ, вмѣстѣ съ указанными въ предшедшемъ пунктѣ деньгами, и тѣ, кои слѣдуютъ за объявленіе, напечатанное въ долгъ, доставляя сіи послѣднія немедленно въ сенатское казначейство, съ увѣдомленіемъ за какое именно объявленіе оныя слѣдуютъ и когда и за какимъ номеромъ оно было напечатано, и

в) деньги, внесенныя на припечатаніе въ вѣдомостяхъ, но оставшія неупотребленными, возвращаются просителямъ по принадлежности.

— Высочайше утвержденъ Уставъ Компаніи Русской Лѣсной торговли. Компанія имѣть цѣлью: а) доставлять по мѣрѣ возможности и по умѣреннѣйшимъ цѣнамъ въ разныя мѣста Имперіи, особенно въ столицы и большіе города, строевой, подѣлочный и дровяной лѣсъ, а также лѣсныя издѣлія; б) тѣмъ самымъ облегчить производителямъ выгодный сбытъ всякаго рода лѣсныхъ матеріаловъ и издѣлій, рабочему же классу занятіе и заработки отъ развитія лѣсной промышленности, и в) вообще содѣйствовать распространенію правильнаго лѣснаго хозяйства и лѣсопромышленности въ отечествѣ, не препятствуя никому производить оную, на общемъ основаніи.

— Въ слѣдствіе просьбы директоровъ Высочайше утвержденного 16 іюня 1852 г. Общества Сирены для подъема изъ воды судовъ и другихъ потонувшихъ предметовъ, и по представленію г. министра финансовъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе: вмѣсто постановленнаго въ примѣчаніи 2, къ § 4 Высочайше утвержденного 16 іюня 1852 г. Устава Общества Сирены, 6-тилѣтнаго срока, для убѣжденія правительства въ пользѣ предпріятія, на которое выдана была либавскому гражданину Ленцу привилегія, назначить трехъ съ половиною годичный срокъ, со дня утвержденія означеннаго устава, то-есть по 16 декабря 1855 г., съ тѣмъ, чтобы Общество о дѣйствіяхъ своихъ представило къ тому времени въ Министерство Финансовъ надлежащія отъ мѣстныхъ начальствъ удостовѣренія; въ случаѣ же неисполненія сего, привилегію уничтожить.

V. Законы государственнаго благоустройства.

— Въ поясненіе подлежащихъ статей Св. Зак. постановлено, что назначенный въ Высочайше утвержденномъ 7 апрѣля 1820 г. мѣншіи Государственнаго Совѣта сборъ по 57 р. 14¹/₄ к. сер. взыскивается съ каждаго неторгующаго иностранца, имѣющаго въ городѣ недвижимую собственность, независимо отъ того, состоитъ ли такая собственность въ единственномъ его, или же въ общемъ съ другими лицами владѣніи.

— Высочайше повелѣно, въ дополненіе подлежащихъ статей Св. Зак.: раздѣлъ имѣній, заложенныхъ въ Приказахъ Общественнаго Призрѣнія, допускается безпрепятственно; но, въ случаѣ неисправности одного изъ участвовавшихъ въ раздѣлѣ лицъ и невыручки продажею доставшейся ему части всего лежащаго на ней долга Приказу, подвергаются предъ нимъ отвѣтственности и остальные части того раздѣленнаго имѣнія.

— По всеподданнѣйшему докладу г. статсъ-секретаремъ княземъ Голицынымъ представленія Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, послѣдовало Высочайшее соизволеніе: учрежденія вѣдомства сего Общества оставить при существующемъ порядкѣ отчетности въ денежныхъ суммахъ, установленномъ статьями 1796 и 1797 Учр. и Уст. о Общ. Приз. Св. Зак. Т. XIII (изд. 1842 г.),

съ изытіемъ таковой отчетности отъ ревизіи Государственнаго Контроля.

— Въслѣдствіе ходатайства Архангельскаго Военнаго Губернатора объ облегченіи государственными крестьянамъ Мезенскаго, Кемскаго и Кольскаго уѣздовъ, занимающимся преимущественно промыслами, средствъ къ отлучкамъ, Высочайше повелѣно: 1) государственнымъ крестьянамъ Мезенскаго, Кемскаго и Кельскаго уѣздовъ дозволить отлучаться на промыслы въ предѣлахъ своего уѣзда, безъ письменныхъ видовъ; 2) въ случаѣ отлучки на промыслы за предѣлы уѣзда, означенные крестьяне обязаны, установленнымъ порядкомъ, брать письменные виды, которые, однакожъ, прижѣняясь къ 113 ст. XIV Т. Уст. о паспорт., выдавать имъ на простой бумагѣ; 3) крестьяне, занимающіеся извозомъ, и потому имѣющіе, по своему занятію, время и возможность получать увольнительные виды, обязаны брать билеты, которые также выдавать имъ на простой бумагѣ; исполненіе сего обязательно и для отправляющихся, для рыболовства на курманскій берегъ, такъ—какъ они должны, по прибытіи въ Архангельскъ, представить сіи виды въ Таможню; 4) крестьянамъ, состоящимъ на рекрутской очереди, дозволяется отлучка не иначе, какъ по увольнительному билету на простой бумагѣ, съ соблюденіемъ притомъ условій, постановленныхъ на сей предметъ въ 1 примѣч. къ 74 § дѣствующаго для государственныхъ крестьянъ положенія о жеребьевомъ порядкѣ отправленія рекрутской повинности въ участкахъ крестьянъ вѣдомства Государственныхъ Имуществъ.

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Св. Зак. (Т. XIV Уст. о пасп. и бѣг.) постановлено, что установленная въ ст. 576 Т. XIV Уст. о паспор. и бѣг. выдача наградныхъ денегъ за поимку бѣлыхъ, распространяется и на нижнихъ служителей градскихъ полицій всѣхъ губерній, съ тѣмъ, чтобы сіи деньги, согласно означенной статьѣ, были обращаемы насчетъ казны только въ случаѣ неоплатѣ пристанодержателей.

VII.

НОВОСТИ

ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ, НАУКЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ (1).

литература въ Германіи: стихотворенія Бауерфельда; романъ Луизы Мюлькхъ; сборникъ народныхъ пѣсенъ; повѣсти Дрекслеръ Манфельда; Альфредъ Исверъ; «Шесть лѣтъ въ Суринатѣ»; «Исслѣдованія собственныхъ именъ» проч. — Литература въ Англіи и Сѣверной Америкѣ: «Разказы о южной аницѣ»; стихотворенія Попе; біографія д'Иараелл; сатира Тэкереса; Норвегія ея ледники; Библія на ста-пятидесяти языкахъ. — Литература во Франціи: эгличане у себя дома; Алжирія и ея нравы; Маргаритки; Бельгія; второй мѣ зависокъ доктора Верона; новая риторика; два романа французскаго и реймарскаго писателя, написанные на одну тему; историческіе и литературные разговоры; переводъ «Джеви Эйръ»; одиннадцатый томъ: «Авторитурны Франціи»; Японія. — Еще одна англійская книга. — Лонискій Акрополь. — Литература въ Италиі. — Туринскіе журналы и газеты. — Китайскій журналъ. — Театръ въ Парижѣ: *Ромуль*, новая комедія Александра Дюма; рессанъ на Французскомъ Театрѣ; *Луиза Нантейль*, драма Леона Гозлана; пертъ Сенвилл; *Электрическій телеграфъ*; *Венеціанскій купецъ*; *На морѣ и в суши*; опера въ Парижѣ: Альбони и Крувелли; Фреңцоллини и Маріо. — овыи теоры въ Италиі. — Опера принца Густава шведскаго и герцога саксон-кобург-готскаго. — Концерты и музыкальные вечера. — Симфонія Сенюна. — Водевильные куплеты и пѣсни. — Статистика парижскихъ театровъ въ прошломъ году. — Театръ въ Германіи: новыя драмы и комедіи; опера Флотъва. — Анекдотъ о Рашели. — Театръ въ Лондонѣ. — Англійскій тарихъ за 353 годъ. — Выставки въ Бакер-стритъ и Синт-шлѣдъ. — Фабрика золотыхъ прючекъ въ Спрингелѣдъ. — Новый пароходъ въ Сѣверной Америкѣ. — Магетизеры. — Смотрители лондонскаго монумента. — Механическія и физиологическія причины движенія столовъ по исслѣдованіямъ Бабіне. — Чтѣ дѣается въ Парижѣ. — Балы и костюмы. — Биржа. — Некрологъ. — Обработка велки. — Новый способъ мочки льна и пеньки. — Машины и изобрѣтенія. — Юлѣзы овощей. — Статистика холодныхъ зимъ во Франціи. — Измѣненія въ оставѣ парижской обсерваторіи. — Фотографія. — Гидролокомотивъ. — Блещящая глина. — Греческіе памятники въ Каноссѣ. — Египетскій саркофагъ въ Вискогъ Музеумъ. — Синики съ масляныхъ картинъ. — Перламутровая бунага. — Краски въ Помпѣ. — Торговля гуано. — Статистика уменьшенныхъ. —

(1) Составлено по журналамъ: *Revue des Deux Mondes*, *Revue de Paris*, *Revue Britannique*, *Revue Contemporaine*, *Edinburgh Review*, *Bibliothèque de Genève*, *Illustration*, *Illustrated London News*, *Illustrirte Zeitung*, *Magazin für die Litteratur des Auslandes*, *Das Ausland*, *Erheiterungen*, *Athenaeum*, *Novellen-Zeitung*, *Institut*, *Indépendance Belge*, *Journal des Débats*.

Стерилизація животныхъ. — Средство отъ укушенія ядовитыхъ змій. — Вѣдѣнь Атлантическаго Океана. — Магниты изъ чугуна. — Машина для домашняго хозяйства. — Электрическій телеграфъ вокругъ свѣта. — Рѣшъ Геклиса о движеніи наукъ въ прошломъ году. — Исслѣдованія физическаго состава солнца. — Фотографическія карты луны. — Распредѣленіе звѣздъ по ихъ величинѣ. — Успѣхи наукъ въ Греціи. — Электрическіе опыты Палласа. — Волшебныя зеркала. — Усовершенствованіе въ устройствѣ маяковъ. — Особность притрапаній. — Ученая умла. — Золото и мѣдь въ Америкѣ. — Какъ избирала Парижская Академія президента Араго. — Биографія Араго.

Начнемъ бѣсѣду съ читателями новостями германской литературы и сообщимъ извѣстія о замѣчательныхъ изданіяхъ, появившихся въ послѣднее время.

Извѣстный австрійскій драматическій писатель Бауернфельдъ собралъ свои лирическія сочиненія и издалъ ихъ въ Лейпцигѣ. Это не высокіе гимны, а простая, тихая поэзія, съ проблесками живыхъ чувствъ. У Бауернфельда нѣтъ сильныхъ взрывовъ страстей восторженнаго поэта; чувства его не глубоки; лиризмъ не силенъ и не вышпенъ. У него мало элегическихъ выходовъ, какія мы часто встрѣчаемъ у австрійскихъ поэтовъ, и больше всего коротенькія эпиграммы. Въ лиризмѣ нѣтъ у него заранѣе предположенной пѣли, и онъ воспріимаетъ первые поразившіе его предметы, событія, очерки — и поэзія его дѣлается полезнымъ и пріятнымъ дневникомъ, описывающимъ всѣ замѣчательные случаи жизни. Она составляетъ истинный отпечатокъ современности. Бауернфельдъ — вѣнскій Анакреонъ, у котораго много тонкости, аттической соли и чувственности. Эпиграммы его написаны на отдѣльные случаи и обстоятельства. Сатирическое направленіе видно у него даже и въ большихъ стихотвореніяхъ. Вообще, собраніе его стихотвореній не что иное, какъ дневникъ поэта. Когда всѣ вокругъ него мечтаютъ, онъ часто сохраняетъ весьма-прозрачную сторону воззрѣнія на предметы; когда жь другіе занимаютъ землю, онъ поднимается за облака.

— Писательница Л. Мюльбахъ напечатала новый романъ: *Welt und Bühne (Свѣтъ и Сцена)*. Она описываетъ одно женское существо, которое съ чувствительнымъ сердцемъ обратилось къ дикимъ звѣрямъ. Для послѣднихъ она, конечно, очень-привлекательна. Если повѣрять, что у иныхъ людей есть на губѣ кусочекъ мышиной кожи, и къ тѣмъ людямъ мыши сами бѣгутъ въ руки. Такое же сочувствіе оказываютъ и героинѣ романа дикіе звѣри. Она дѣлается въ одною звѣриницъ укротительницею звѣрей, входитъ къ льву въ клетку; публичка удивляется и хлопочетъ, героиня же холодно принимаетъ терпѣство, видя, что только одни звѣри ее любятъ. Артуръ, котораго она любила, сидитъ въ ложѣ и любитъся звѣрами; между-тѣмъ хозяйникъ артиста въ отчаяніи. Марія (героиня) похитила у него любовь звѣрей; онъ хочетъ погубить ее, раздражаетъ тигра и ранитъ до крови Марію; но тигръ растерзавъ вмѣсто нея хозяина. Публика думаетъ, что все это принадлежитъ къ спектаклю и хлопочетъ въ восторгѣ. Дѣлается пожаръ и все разбѣгается. Какой-то молодой артистъ спасаетъ Марію; онъ тоже непризнанный свѣтомъ талантъ, и оба они рѣшаются умереть; но и тутъ одинъ актёръ спасаетъ Марію. За эти

гнѣзится спонтанная жизнь ея, откуда она встрѣтится и соединится съ первымъ предметомъ своей страсти. Г-жа Миольбадь не обрѣживаетъ ни искусства, ни точности въ своемъ романѣ. Она абстрагируетъ эффекты за эффектами, изъ которыхъ многіе навсегда зацѣпи.

— Deutscher Liederhorst. — Подъ этимъ названіемъ явилось въ Берлинѣ собраніе древнихъ и новѣйшихъ нѣмецкихъ народныхъ пѣсень въ 3-хъ томахъ, составленное Лудвигомъ Эрке; оно издается нѣрезонами. До-сихъ-поръ вышли пѣсни швейцарскія, зальцбургскія и съ береговъ Рейна. Въ концѣ перваго тома приложены этнографическія, историческія и литературныя указанія о происхожденіи каждой пѣсни. Двадцать-пять лѣтъ употребилъ Эрке на составленіе этой книги, пользуясь всѣми ненапечатанными матеріалами. Слово *народная пѣсня* принята имъ въ строгомъ смыслѣ. Сочиненія новѣйшихъ времечъ съ эпохи Симона Даха и Клаудіуса, издаетъ онъ въ особомъ, дополнительномъ томѣ. При всякой пѣснѣ приложена и мелодія ея. Текстъ писанъ на томъ нарѣчьи, на какомъ сочинена пѣсня.

— Geschichten aus und nach dem Leben (*Исторія изъ жизни и послѣ жизни*). — Четыре повѣсти Дрехслер-Манфреда вышли въ Штутгардѣ подъ этимъ названіемъ. Авторъ извѣстенъ своими лирическими произведеніями. Въ первый разъ выступаетъ онъ, какъ нувеллистъ; но, къ-сожалѣнію, онъ слабѣе въ этомъ родѣ. Повѣсть *Наслѣдство* не что иное, какъ анекдотъ. *Нора Лисци* — незначущій рассказъ, слабое подражаніе французской болтовнѣ, безъ остроумія французскихъ писателей. *Die kleine Königin* — лучшая повѣсть. Это біографія вдовы одного губернатора французскихъ Антильскихъ Острововъ, которая владычествуетъ на островѣ и по смерти мужа. Она служитъ яблокомъ раздора для всѣхъ мужчинъ. Одному изъ нихъ удается увезти ее во Францію; но дорогою, на кораблѣ, она умираетъ и погребена въ волнахъ. Подобный рассказъ есть у французской писательницы г-жи Рейбо, подъ названіемъ: «Марія д'Энзюмбюкъ». Дѣйствіе повѣсти *Простужокъ* происходитъ въ Вѣнѣ, но явно взято изъ парижской жизни. Одна молодая вдова, рѣшающаяся на вторичный бракъ, сознается своему жениху въ проступкѣ, совершенномъ до перваго брака. Гнѣванный женихъ требуетъ имени несчастнаго, бѣжитъ къ нему, но застаетъ больнымъ въ постели и не можетъ отомстить; оказывается, что вдова пошутила. Она хотѣла только испытать, ревнивъ ли ея женихъ. Во всей повѣсти мало жара и чувства.

— Die Geheimnisse des Tages (*Современныя тайны*). — Подъ этимъ названіемъ вышла еще книга въ Лейпцигѣ о вертальныхъ столахъ. Такъ и хочется перефразировать извѣстный французскій стихъ:

qui nous délivrera... de ces tables tournantes?

— Am Stein. Skizzenbuch vom Traunsee (*У скалъ, соч. Альфреда Менелера*). — Это рассказъ о какой-то удивительной, великолѣпной альпійской долинѣ, окруженной неприступными горами и заключающей въ себѣ колонию самыхъ образованныхъ, умныхъ и счастливыхъ

людей. Можно поздравить автора съ этимъ новымъ географическимъ и фантастическимъ открытiемъ.

— *Malerische Feierstunden. Illustrierte Volks- und Familien-Bibliothek zur Verbreitung der nützlichen Kenntnisse.* Изданiе Отта Шпатца. Первый томъ: *Das Buch der Erfindungen* (со 125 рисунками).

Издатель говоритъ, что быстрое развитiе открытiй во всѣхъ отрасляхъ наукъ и искусствъ дѣлаетъ невозможнымъ, чтобъ сдѣланы эти приобрѣтались во время воспитанiя дѣтей. Для этого всякому нужна дополнительная ручная учебная книга, въ которой бы описывались всѣ новѣйшiя открытiя. Въ первой книгѣ этого изданiя помѣщены всѣ изобрѣтенiя и усовершенствованiя по части типографскаго искусства, составленiя громовыхъ отводовъ, магнитизма и электричества, телеграфiи, воздушныхъ шаровъ, микроскопа, телескопа, дигеротипа, паровыхъ машинъ, желѣзныхъ дорогъ и бумажно-хлопчатыхъ тканей. Всѣ эти предметы изложены научнымъ образомъ, но ясно и популярно. Ко всякому предмету есть рисунки; однимъ словомъ: это приятная и полезная книга для всякаго возраста и сословiя. Второй томъ: *О ремеслахъ*, вскорѣ появится.

— «Холодный Дожь» Диккенса переведенъ ужъ на нѣмецкiй языкъ и вышелъ въ нѣсколькихъ изданiяхъ.

— *Friedrich von Tschudi's Thierleben der Alpenwelt.* — Прекрасно-составленное сочиненiе, изящно-изданное въ Лейпцигѣ. Описанiе природы въ Альпахъ самое увлекательное и вѣрное.

Sechs Jahre in Surinam, oder: Bilder aus dem militärischen Leben (Шесть лѣтъ въ Суринамѣ) соч. Капитана. Это очень любопытное описанiе Суринама, заключающееся на 282 страницѣхъ, но содержащее въ себѣ все, что есть замѣчательнаго. Авторъ не плодитъ въ описанiяхъ; онъ пишетъ болѣе очерки, но вѣрные и точные. Вотъ образчикъ его описанiй:

«Въ лимонной рошѣ нашли мы множество гнѣздъ на бананахъ. Эти гнѣзда въ три фута длиною и похожи на ишчки. Банановая птица, или кассивусъ, вовсе недика: она любитъ общество человѣка. Это истинная обезьяна между птицами, она подражаетъ не только пѣнiю всѣхъ другихъ птицъ, но и движенiямъ четвероногихъ. Кассивусы живутъ большими обществами; они выютъ себѣ гнѣзда близъ гнѣздъ жителей, съ которыми они очень-дружны.

«Настало дождливое время. Мы цѣлый день сидѣли на бревнахъ, выбрасываемыхъ моремъ на берегъ, а ввечеру разводили изъ нихъ себѣ костры, садясь какъ можно ближе къ огню, чтобъ не быть излѣденными мустиками. Но едва начинали мы засыпать, какъ тотчасъ же просыпались отъ укушенiя этихъ насѣкомыхъ. Нѣкоторые изъ насъ закапывались въ песокъ, чтобъ избѣжать преслѣдованiя отвратительныхъ жустиновъ.

«Въ хорошую погоду гонялись мы по берегу за морскими черепаками. На яную становились мы по три человѣка, а она все-таки продолжала идти. При этихъ прогулкахъ нельзя было отдохнуть ни на

ить, потому-что мустники тотчасъ же нападали на насъ. Одно спавшее было въ водѣ: погружаться въ нее всѣмъ тѣломъ. Особый родъ гѣшня болѣе всего мучилъ насъ».

— Die Personennamen, ins besondere die Familiennamen und ihre Entstehungsarten, auch unter Berücksichtigung der Ortsnamen. Eine sprachliche Untersuchung von A. F. Pott. *Имена лицъ и особенно прозванія фамильныя и ихъ происхождение, особенно въ отношеніи къ именамъ мѣстъ*). Думаютъ часто, что собственные имена не имѣютъ никакого смысла. Это ошибочно. Каждое слово при составленіи своемъ имѣетъ значеніе; но, переходя въ дѣя и страны, измѣняется, какъ все на свѣтѣ, и теряетъ первоначальный смыслъ. Для науки же, не должно быть ничто потеряно, и этимологія обязана отыскивать все, чего мы теперь не понимаемъ. Стало-быть, каждое имя, каждое названіе имѣютъ значеніе. Ученая Германія уже издала словарь происхожденія греческихъ именъ и теперь вышло новое сочиненіе Фридриха Потта о всѣхъ именахъ вообще. Жаль, что авторъ ограничился только именами лицъ и не занялся географическими названіями, которыя часто не вѣрны своему первоначальному происхожденію, потому-что измѣнились съ теченіемъ времени. Будемъ надѣяться, что скоро явится географическій словарь съ точными этимологическими объясненіями всѣхъ именъ: сколько тогда откроется любопытнаго для этнографіи, филологіи и исторіи! До-сихъ-поръ географы, не понимая значенія словъ, дѣлаютъ безпрестанные плеоназмы. Мы говоримъ *Азовское Море*, не думая, что это значитъ: море-море, гора *Аджибель* тоже означаетъ гора-гора, проливъ *Зундъ* проливъ-проливъ, и проч.

Для языковъ, которые составились, не занимая ничего у другихъ, не можетъ быть *собственныхъ словъ* безъ значенія. Они существуютъ только у заимствователей.

Одинаковое значеніе именъ на разныхъ языкахъ тоже очень-любопытно. *Соломонъ*, напримѣръ, синонимъ *Фридриха* и *Иринея*; *Давидъ* имѣетъ тотъ же смыслъ что *Эразмъ*, а *Гибертъ* (Виллибертъ) синонимъ *Перикла*.

Всѣ собственные имена и фамильныя названія вначалѣ были прилагательными, означающими особенность, или качество челоука. *Клавдій* значитъ хромой, *Варъ* — косолапый, *Понса* — широкая нога, *Назо* — большой носъ и проч. По-французски многія имена тоже чисто-прилагательныя, какъ-то: *Роза*, *Бланка*, *Клара*. Фамильныя имена тоже имѣютъ значенія: *Лебрёнъ*, *Лебланъ*, *Ленуаръ*, *Лебоссю*, *Леге*, *Руссо*, *Руже*.

Большая часть именъ взяты изъ иностранныхъ языковъ: съ греческаго, германскихъ діалектовъ и потому повидимому не имѣютъ никакого смысла, но этимологія каждому отыскиваетъ значеніе. Такъ *Аморъ* значитъ богатый чистотою, *Теодорикъ* — знаменитый, *Розсеръ* — красное копы; *Бернардъ* — силенъ какъ медвѣдь, *Ришаръ* — богатый, *Меросей* — прославленный, *Адемаръ* — храбрый, и проч.

Множество фамилий произошло отъ названія ремеслъ и занятій, какъ-то: Фурнье (булочникъ), Фоше (косарь), Кювье (работникъ часовъ), Флешье (дѣлающій стрѣлы), Берже, Кордые, Потье, и проч.

Большое число именъ животныхъ перешло тоже къ людямъ, которыхъ называютъ Лелю, Вольфъ (волкъ), Лельевръ, Газе (змея), Леонъ (левъ), Корнель (аэропа). У египтянъ имена животныхъ были въ большомъ употребленіи и люди назывались Му (левъ), Гторъ (лшадь), Тмени (ласточка).

Есть, наконецъ, имена, занятые у растений, у мѣстъ, у матеріальныхъ предметовъ, какъ-то: Дюмонъ, Диоваль, Девиль, Лалаандъ, Дюшенъ, Дюфренъ.

Буенарони — фамилія Микель-Анджело, значитъ хорошій точильщикъ (*Вуон арроті — arrotare* — точить ножи).

Кромѣ небольшихъ ошибокъ, простительныхъ въ такомъ обширномъ и хлопотливомъ сочиненіи, трудъ Потта — полезная и добросовѣстная книга, которую съ удовольствіемъ можно перечитывать несколько разъ.

— Посмотримъ теперь на новости литературы въ Англии и Сѣверной Америкѣ. *Tales of the Southern Border*. (Рассказы о южной границѣ) Веббера. Писатель этотъ чувствуетъ непреодолимо меченъ не къ поэзии, не къ какому-нибудь искусству, а къ путешествіямъ и приключеніямъ. Онъ никакъ не можетъ противиться этой страсти и воображаетъ самъ, что у него въ востакъ летится ртуть, неспособная ему долго оставаться на мѣстѣ и влекущая его туда именно, гдѣ опасности. Вотъ почему Вебберъ провѣлъ всю жизнь въ проществіяхъ. Чтò онъ видѣлъ, слышалъ и испыталъ, того не случится, не жетъ—быть, никому испытать; и когда обстоятельства принудили его наконецъ отказаться отъ странствованій, онъ находитъ удовольствіе только въ томъ, что вспоминаетъ свои прежнія приключенія и записываетъ ихъ, какъ они приходятъ ему на память. Жизнь въ южныхъ штатахъ Америки представлена тутъ во всей дикости и вѣрности. Разумѣется, что въ рассказахъ этихъ нѣтъ ни плана, ни послѣдовательности, хотя Вебберъ и говоритъ, что привелъ въ *порядокъ* *свои матеріалы*. Но, не смотря на это, эскизы путешественника любопытны и поразительны, какъ—будто видишь себя въ пустынномъ *ранчо*, или посреди величественныхъ лѣсовъ, населенныхъ аичаами или команчами.

Границы Техаса и Мексики — вотъ театръ, гдѣ происходятъ небольшія драмы, рассказанныя Вебберомъ. Но авторъ совсѣмъ не романтикъ, и всѣ происшествія, приводимыя имъ вовсе не вымышлены. Онъ приводитъ читателя къ народамъ, неизмѣющимъ никакого понятія о европейскіихъ обычаяхъ, для которыхъ жошь и караванъ — законъ, а хищничество и грубость — главныя черты нравовъ. Очень—любопытно, хотя и *несовсѣмъ*—безопасно изучать эти дикіе народы. Впрочемъ, не одна дикіе занимаютъ Веббера: онъ посвящаетъ нѣсколько главъ американцамъ, которые ведаѣ стараются ввести свой порядокъ, завладѣть всѣми лучшими мѣстами и приготовить Мексику для присоединенія къ штатамъ, точно также, какъ приготовили Техасъ.

Исторія Жакъ дльикомонше, который одинъ истребляетъ шайку разбойниковъ, кажется невероятною, но она историческая. Этотъ бдѣль охотникъ какъ-то попался къ разбойникамъ, и они набили его кнутомъ. Жакъ повелся имъ мстить, и только-что одинъ изъ нихъ отдѣлился отъ шайки, Жакъ слѣдилъ за нимъ, цѣлялся въ правый глазъ и убилъ на-поваль. Всѣ разбойники поодиночкѣ умерли отъ пули въ *бѣлый глазъ*. Рассказы о *Красной голови*, *дочери пустыни*, *сезеремиса въ степи*, не только занимательны, но и объясняютъ многія дѣянія Соединенныхъ Штатовъ, которые невидимо наблюдаютъ и управляютъ происшествіями въ свою пользу. Агенты сѣвероамериканцевъ продирали Америку точно такъ же, какъ завладѣли Техасомъ прежде его присоединенія. Не эти ли агенты пробовали завладѣть Кубою?

Вебберъ объявляетъ, что будетъ еще продолженіе его рассказовъ южныхъ трагичекъ. Подобныя сочиненія всегда доставляютъ много пользы и удовольствія.

— *Pope's Poetical Works with notes and memoir (Поэтическія произведенія Попе съ замѣчаніями)*. Любопытно знать мнѣніе этого Попе о поэзіи. Вотъ что онъ говоритъ въ одномъ дружескомъ письмѣ, гдѣ обыкновенно писатели являются въ истинномъ видѣ, не стараясь играть принятою ими на себя ролью:

«Я нисколько не утруждаю свой умъ, когда пишу статьи, и это для меня такая же забава, какъ поэзія. Я забавляюсь поэзіей точно такъ же, какъ мулы забавляются бубенчиками, привѣшенными къ ихъ шеѣ. Она съобщила не увлекаетъ меня, но только доставляетъ развлеченіе на пути. Замѣчаютъ, однакожь, что звонъ бубенчиковъ иногда надоедаетъ муламъ и они съ нетерпѣніемъ мотають головою.

«Я никогда не пробовалъ писать пасторальной драмы, потому-что знаю вкусъ нашего вѣка и увѣренъ, что ему не понравится этотъ родъ поэзіи. Теперь требуютъ вездѣ остроумія. Остроумные критики, однако, исключили остроты изъ простаго и высокаго разговора, изъ пасторальной и эпической поэзіи. Въ-самомъ-дѣлѣ, преувеличенность и натянутость только портятъ хорошія произведенія, и простота, заключая въ себя природное величіе, будетъ всегда выше риторическихкихъ украшеній. Я говорю вамъ это для того, что если мнѣ и вздумается написать пасторальную драму, то я не буду искать похвалъ послѣдователей Гварини и Банорелли, и помѣщу въ моемъ сочиненіи одни простыя и наивныя мысли, какъ у Тасса, и что этому же поэту буду подражать и въ выборѣ сюжета.»

Не странно ли, въ-самомъ-дѣлѣ, что англійскій поэтъ почитаетъ поэзію грезушками, а Тасса—наивнымъ. Это ясно доказываетъ, что Попе, владѣя искусно фразами, составлялъ только гладкіе, звучные стихи, правившіеся современникамъ. Потомки же требуютъ не одной версификаціи въ поэзіи и не восхищаются *Дутиной*, *Виндзорскими Лесомъ* или *Полхемптонскимъ Логовомъ*, чувствуя, что авторъ ихъ не былъ настоящимъ поэтомъ, то-есть въ душѣ его не заключался внутренний міръ, состоящій изъ трехъ словъ: небо, земля, человекъ. Симметрическая, искусственная натура Попе никакъ не могла сродниться съ поэзіею. Онъ не понималъ красоту природы и, гуляя по стрижкамъ

нымъ аллеямъ Виндзора, между искусственными каскадами и статуями, стоящими въ зеленыхъ нишахъ, принимался мечтать, но воображеніе его никогда не улетало за предѣлы положительнаго міра. Онъ гдѣ-нибудь никогда не открывалъ Паскаля и Малербранша и потому не зналъ, что значитъ метафизическое воображеніе; онъ не читалъ со вниманіемъ Данта, Шекспира и Мильтона, у которыхъ могъ бы научиться чувствовать и понимать красоты природы: тогда онъ не старался бы прискивать остроумныхъ стиховъ, но писалъ бы по вдохновенію, давая волю мыслямъ. Но Попе не поэтъ. Онъ умный человѣкъ, извѣдвшій удовольствіе писать то въ прозѣ, то стихами на некоторыхъ предметахъ, и надобно признаться, что онъ исполнялъ свое дѣло отчетливо и съ искусствомъ. Но такъ—какъ умъ цѣнится тоже высоко, то читатели предпочитаютъ корреспонденцію Попе его стихамъ, потому—что въ ней онъ не стѣсняется ни формою, ни прачичами и смело обнаруживаетъ свои мнѣнія. Въ письмахъ англійскаго поэта есть превосходныя мысли, выражены остроумно. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ:

«Кто объявить себя почитателемъ музъ—этихъ новѣсть-бесприданницъ, тотъ ужъ не можетъ надѣяться на богатую женитбу.

«Первыя мысли всегда самыя лучшія, точно также, какъ первый сокъ винограда самый вкусный.

«Гораздо—труднѣе выразить мысль, которая была бы всѣмъ принята, чѣмъ сочинить новую.

«Говорятъ, что человѣку скучно, когда онъ одинъ; это неправда. Всегда пріятно быть съ умнымъ, любезнымъ и любимымъ человекомъ; и такъ—какъ всякій любить себя больше всего и почитать себя умнѣе и любезнѣе всѣхъ на свѣтѣ, то долженъ предпочесть свое собственное общество всякому другому.»

Подобныхъ мыслей множество въ корреспонденціи Попе. Странно, что прозаическіе люди, подобныя Буало и Попе, берутся писать стихи, тогда—какъ Бернардень де-Сен-Пьеръ и Шатобрианъ писали прозою.

— *The Right honourable B. D'Israeli. A Literary Biography.* Это любопытная книга, изображающая всю спекулятивную систему Англии. Жизнь д'Израэли представляетъ цѣлый романъ, и изложена ея самое откровенное.

Въ биографіи д'Израэли много говорятъ о литературной его славі, сознаваясь, однакожъ, что онъ, иногда, присвоивалъ себѣ чужое. Дѣйствительно, рѣчь его надъ веллингтоновымъ громомъ была цѣлкомъ выписана изъ Тьера. Въ одной изъ своихъ книгъ онъ однажды взялъ пять страницъ слово—въ—слово у Маколея.

— *Newcomes (сатирическая картина, соч. Тэксора).* Это весьма остроумная сатира на англійскіе нравы.

— *The land we Live in (Страна, въ которой мы живемъ).* Тоже сатирическая брошюра на нравы Англии. Въ ней описана жизнь одного богача, которому ввѣрено попеченіе двухъ богоугодныхъ заведеній и который обсчитываетъ ихъ ежегодно на девяносто тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

— *Norway and its glaciers, visited in 1851 (Норвегія и ея лѣдники, осмотрѣнные въ 1851 году)*—прекрасно-иллюстрированное дѣланіе, принадлежащее скорѣ наукѣ, геологии и географіи. Это планъ топографіи горъ Норвегіи со множествомъ результатовъ и видовъ ея орографіи.

— Но вотъ самая колоссальная новость въ искусствѣ книгопечатанія, принадлежащая Америкѣ. Въ послѣднемъ своемъ засѣданіи *Библейское Общество* объявило, что оно перевело и издало свѣц. писаніе *въ ста-пятидесяти разныхъ языкахъ!* Въ послѣднее время общество роздало сорокъ милліоновъ Библій.

— Переходя къ произведеніямъ современной французской литературы, назовемъ замѣчательнѣйшія книги, вышедшія въ прошломъ мѣсяцѣ :

— *Les Anglais chez eux (Англичане у себя дома)*. Соч. Франца Вея.

Французы въ своихъ книгахъ всегда смѣются надъ англичанами, о Вей просто рассказываетъ, что видѣлъ. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ описываетъ Темау : « Это цѣлый лѣсъ мачтъ, это непостижимое видѣніе народовъ со всѣхъ концовъ свѣта. Одного не достаешь здѣсь: жизни, шума. Все это, кажется, пантомимнымъ спектаклемъ. Ни на одномъ лицѣ нѣтъ улыбки; никто не говоритъ; нѣтъ крика, нѣтъ звука. Ремесленникъ и рабочій никогда не поютъ. Прохожіе смотрятъ на все и ни слова не скажутъ. Изрѣдка развѣ слышны возгласы цѣтей, и тѣ повторяютъ только корабельныя командныя слова, выученныя ими у матросовъ». Вей хорошо изучилъ характеръ англичанъ. Художества никогда не процвѣтали въ Англии и англичане не заботятся о нихъ. Они иногда стараются имъ покровительствовать, но рѣдко понимаютъ ихъ.

— *Algérie, Scènes et moeurs arabes (Алжирія, сцены и нравы Арабовъ)* соч. Ришара. — Авторъ этой любопытной книги, вмѣсто описаній и сужденій, вывелъ арабовъ лично на сцену въ разныхъ случаяхъ ихъ быта. Это вѣрнѣйшій способъ узнать нравы и обычаи жителей; онъ болѣе всего вывелъ сцены, происходившія въ конторѣ управленія, куда арабы обыкновенно являются жаловаться другъ на друга. Вотъ одна изъ такихъ сценъ. Арабъ пришелъ жаловаться на дервиша и начинаетъ описывать всю свою жизнь.

Начальникъ конторы (*прерываетъ его*). — Хорошо! это все лишнее; говори скорѣ въ чемъ дѣло.

Жалующійся. — А вотъ, Сиди, слушай. Послѣ обычныхъ пріветствій, дервишъ сказалъ мнѣ : « Эль-гаджи-Гелиль! готовятся важныя событія ». — « Что такое? » спросилъ я. — « Въ эту ночь видѣлъ я во снѣ пророка. Онъ мнѣ объявилъ, что скорѣ явится между нами Муле-Саа. Время, назначенное Сиди Лехгамемъ, настало. Иди, сказалъ онъ мнѣ, по всей землѣ и возвѣсти правовѣрнымъ, чтобъ каждый готовился встрѣтить его съ оружіемъ въ рукахъ. И ты, Эль-гаджи-Гелиль, радуйся : твои добродѣтели пріятны пророку и онъ тебѣ первому велѣлъ возвѣстить объ этомъ; я, признаюсь, испугался. — « Какъ! не-уже-ли наступили времена битвъ? » — « Да, отвѣ-

чалъ онъ, Сиди Лехгалъ благословилъ ужъ насъ». — «Но, что изъ произойдетъ съ франками?» — «Они всѣ превращены будутъ въ прахъ, и этияъ прахомъ выбымятъ мы наши мечети». — «Аллахъ! вскричалъ я и еще болѣе испугался, а дервишъ прибавилъ: «пророкъ сказалъ мнѣ, что бѣлый конь пробѣжитъ по равнинѣ, что овца съестъ яйцо, бѣлый пѣтухъ семь разъ прокричитъ; Крадиджа будетъ ѣздить на желтомъ мулѣ о трехъ головахъ. Дѣти наши вырастутъ въ семнадцать локтей». Я еще болѣе испугался.

Начальникъ конторы. — Продолжай, глупецъ!

Жалующійся. — Я сказалъ дервишу «вижу, что Аллахъ говоритъ твоими устами». — Онъ отвѣчалъ мнѣ: «ты чистъ сердцемъ; и чтобъ наградить тебя, я хочу тебѣ показать самого Муле-Саа, потому-что пророкъ далъ мнѣ на это власть». — «Аллахъ! Аллахъ!» прошепталъ я со страха, а онъ продолжалъ: «сложи здѣсь на тропинкѣ свой бурнусъ и все, что на тебѣ есть, оставь только *бланикъ*, которыми вѣрно подпоишься, и взойди на этотъ холмъ (верблюжій горбъ): тамъ ты, обратись къ востоку, семь разъ облобызай землю и семь разъ произнеси первый стихъ Корана; но при этомъ не забудь напередъ положить въ ротъ четыре камешка». — Я вполне повѣрилъ дервишу и исполнилъ его приказаніе, хотя чрезвычайно трусилъ при этомъ. Я раздѣлся, сложилъ всю одежду и деньги (четыре реала) и взошелъ на верблюжій горбъ; вложилъ въ ротъ четыре камешка, одинокъ словомъ: выполнилъ все сказанное. Продавъ нѣсколько времени и не видя Муле-Саа, я очнулся. О Аллахъ, что я увидѣлъ! Мой дервишъ со всѣхъ ногъ бѣжалъ съ мной платьемъ и деньгами. Тутъ только я понялъ, что онъ меня надулъ; я побѣжалъ къ тебѣ жаловаться. Неизли поймать пошеника?

Авторъ книги не говоритъ, чѣмъ окончилась эта исторія, подобныя которой много въ его сочиненіи.

— *Les Marguerites, poésies par m-me Marie Saffray (Маргаритки)*. Нѣсколько одъ, нѣсколько небольшихъ элегій собраны сочинительницею подъ этимъ весеннимъ названіемъ, и между ними есть нѣсколько страницъ, доказывающихъ счастливое вдохновеніе. Однакожъ всѣ превосходныя качества г-жи Сафре не искупаютъ бѣдности содержанія и недостатка гармоніи въ стихахъ, необходимой особенно въ лирическихъ произведеніяхъ. Нѣкоторыя стихотворенія также должно было бы исключить изъ *Маргаритокъ*, потому-что они не назначались для напечатанія и попали въ эту книгу, вѣроятно, только для увеличенія числа листовъ.

— *Belgique (Бельгія)*, соч. Феликса Морнана. Сочиненія, подобныя *Бельгіи* и вообще всѣ *путеводители* по разнымъ странамъ принадлежатъ по праву *Библиотекѣ Жельзизныхъ Дорогъ*. Эти путеводители могутъ приносить пользу, или удовольствіе читателямъ. Матеріальную выгоду приносятъ они тогда, когда назначаютъ неопытному путешественнику всѣ этапы его воляжа, все, что онъ долженъ видѣть, гдѣ можетъ остановиться, сколько вездѣ долженъ платить. Если же «путеводитель» написанъ легко и занимательно, то служитъ пріятнымъ развлеченіемъ для путешественника, знакомаго его съ новымъ

июю, съ правами жителей, даже съ языкомъ, или во-крайней-мѣрѣ съ необходимыми фразами, безъ которыхъ нельзя обойтись: о-сихъ-поръ въ библиотекѣ желѣзныхъ дорогъ собраны всѣ сочиненія этого рода *Guides-itinéraires, guides-cicerone, guides-interprètes, guides-indicateurs* и всѣ они чрезвычайно облегчаютъ путешественниковъ и дѣлаютъ ненужными услуги лонлакеевъ, переводчиковъ, проводниковъ и другихъ лицъ только портящихъ всякое впечатлѣние, лишщихъ изъ терѣвня и ничему ненаучающихъ. Феликсъ Морьянъ, известный и остроумный писатель, взялся познакомить читателя съ Бельгiею, которую онъ знаетъ очень-хорошо; и хотя трудъ въ требовалъ большаго терѣвня, а главное — точности, авторъ написалъ его отчетливо и, сверхъ-того, написалъ книгу живымъ, блестящимъ слогаомъ. Въ его путеводителѣ нѣтъ сухихъ стереотипныхъ фразъ, повторяемыхъ, какъ попугаами, всѣми лонлакеями. Морьянъ все тотъ же увлекательный фельетонистъ, когда говоритъ даже нахъ въ гостинницахъ, о произведенiяхъ каждой деревни и о ихъ прозаическихъ предметахъ. Вообще, книга о Бельгiи любознательна и полезна, и описанiя достопримѣчательностей превосходны. Онъ вводитъ читателя во всѣ церкви, музеи; рассказываетъ всѣ галереи, сокровища галереи Брюгге, Антверпена, образцоваго произвѣдiя Геммлинга, Мѣтзиса, Рубенса, Ванъ-Дика, величественный соборъ съ восьмидесятью капеллами изъ бѣлаго и чернаго мрамора, наполненными чудными картинами и удивительными скульптурными работами; антверпенскiй соборъ Божiей Матери съ смѣшаннымъ, съ вершины котораго видна вся Фландри и часть нидерландовъ, въ которомъ находится знаменитая картина Рубенса «спасенiе креста», и недалеко отъ собора, домъ гениальнаго живописца, брата его въ церкви Св. Ламова; готическую ратушу Брюсселя, парки, сады, всѣ рѣдкости искусства и манювнъ Ватерлоо, которое одно названiе наводитъ на столько мыслей.

Книга Морьяна такъ жива и занимательна, что знакомить съ Бельгiею даже больше, чѣмъ путешествiе по этой странѣ. Для желающихъ туда она необходима; только если ее читать съ обыкновенной дороги, то путешественникъ не увидитъ ни мѣстности, ни людей, по которымъ проишалъ — такъ все займетъ остроумный и талантливый писатель. Бельгiя будетъ одною изъ замѣчательныхъ книгъ и безъ того ужъ богатой Библиотекѣ Желѣзныхъ Дорогъ, издавша въсьма-полезнаго и все болѣе распространяющагося. *Les mémoires d'un bourgeois de Paris.* (Вспоминанiя парижанина). Вышелъ второй томъ «Вспоминанiя» Верона, не произвѣдiе ужъ такого шума, какъ первый, хотя въ немъ столько интереснаго болѣе, любопытныхъ статей. Въ первомъ томѣ мы видѣли парижанина, молодаго, беззаботнаго, который смѣло шагъ впередъ, давая и замѣчая все, встрѣчавшееся ему на его поприщѣ. Во второмъ частіи онъ ужъ не такъ веселъ, потому-что много перенесъ невзгодъ, и не такъ доверчивъ, а начинаетъ ужъ вооружаться прозорливостью и завыстниками. Онъ даже бонитъ совершеннаго сепаратиста, самодовольнаго властителя, и говоритъ, что если чело-

вѣтъ совершенно доволенъ, то долженъ самъ избрѣсти себѣ какую-нибудь непріятность, въ родѣ потери перстня, чтобъ не вооружить противъ себя судьбу. Эта философія напоминаетъ знаменитое правило Панглосса.

О дѣлахъ того времени докторъ Веронъ разсуждаетъ немножко-осторожнѣе, потому-что приближается къ современнымъ событіямъ и людямъ. Событія эти всѣмъ извѣстны и, разумѣется, нельзя ничего новаго сказать о Лудовикѣ XVIII, министрахъ его, Шатобриэнѣ, герцогѣ беррійскомъ, графѣ д'Артуа и проч.; но авторъ *Записки* имѣетъ свой собственный оригинальный взглядъ, который понравится многимъ. Потому онъ изображаетъ портреты и карьеру Тьера. Докторъ Веронъ не скрываетъ, что онъ не любитъ Тьера—это понятно: но осмѣять его насмѣшками за страсть къ верховой ѣздѣ, за скромное происхожденіе — это не доказываетъ справедливости.

Другая знаменитость того времени, Арманъ Каррель, занимаетъ тоже большое мѣсто въ воспоминаніяхъ доктора. Когда Веронъ былъ директоромъ оперы, а Арманъ Каррель издателемъ газеты *National*, между ними была тѣсная дружба, хотя мнѣнія ихъ и характеры были совершенно-различны.

Вообще «Записки» Верона, несмотря на многія невѣрности и странности, неровный стиль и иногда непріятное впечатлѣніе, найдутъ много читателей, но гораздо-болѣе строгихъ, чѣмъ благопріятныхъ критикъ.

— De la Rhetorique ou de la composition oratoire et litteraire. (*О риторикѣ и правилахъ сочиненій ораторскихъ и литературныхъ*). Баронъ ужъ тридцать лѣтъ преподаетъ реторику, стало-быть, онъ успѣлъ приобрести опытность и необходимыя свѣдѣнія для литературнаго труда, изданнаго имъ нынѣ. Академія назначила ему награду и приняла его книгу въ число классическихъ сочиненій, для преподаванія реторики во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Первое изданіе ея разошлось въ самое короткое время и теперь она выходитъ уже вторымъ.

Есть превосходная *Исторія Французской Литературы* до XVI вѣка того же автора, и надобно замѣтить, что сочиненіе это имѣетъ неразрывную связь съ *Риторикой*: одно представляетъ литературные факты, другое теорію литературы. Реторика считалась до-сихъ-поръ самою-скучною, сухою наукою неадаптовъ, которую рѣшительно трудно понять; но Баронъ и еще прежде его, Жернозе умѣли сдѣлать ее занимательною и доступною для всѣхъ. Не надобно думать, что книга Барона назначена для однихъ учениковъ: несмотря на ея устарѣлое названіе, свѣтскіе люди прочтутъ ее еще съ большимъ удовольствіемъ, найдя въ ней много любопытнаго. Разумѣется, что въ ней нѣтъ ничего новаго, но въ томъ-то и состоитъ талантъ писателя, чтобъ представить новымъ и привлекательнымъ то, что всѣмъ должно быть извѣстно. Замѣчательна тоже метода и планъ сочиненія, которые авторъ развиваетъ въ предисловіи. Онъ не отвергаетъ древнихъ правилъ реторики, подтверждаетъ прежнія раздѣ-

родовъ преснорѣчія и слога, но извлекаетъ изъ нихъ только то, действительно полезно. Я разнообразія, Баронъ приводитъ примѣры то изъ современныхъ ителей, то изъ древнихъ, дѣлаетъ между ними сравненія, находитъ сходство въ мысляхъ, въ изложеніи: это чрезвычайно оживляетъ у, потому—что подробности и мелочи составляютъ всю нашу жизнь. Очень—пріятно встрѣтить между именами Демосоена и Квинтина, Корнелия и Расина, Шатобриана, Вальтеръ Скотта, Виктора Гюго, Бальзака, Ричардсона, Дюма, Казимира Делавинья, Мериме и др. вообще, всѣ двадцать—шесть главъ книги Барона читаются съ удовольствіемъ, хотя и есть въ нихъ нѣкоторыя мелкія подробности, съ которыми нельзя согласиться; но это дѣло собственнаго убѣжденія, о которомъ мы и спорить. Даже жаль, что нѣтъ двадцать—седьмой главы, въ заключенія, и которая была бы совсѣмъ—величшная, потому—что живеніе кажется неоконченнымъ. Это, можетъ—быть, потому, послѣ *Реторики* Баронъ намѣренъ еще издать нѣсколько книгъ изъ *критикъ*, *истории литературы*. Съ нетерпѣніемъ ждемъ и послѣдующихъ трудовъ и заранее предсказываемъ имъ такой успѣхъ, какой заслужила и *Реторика*, замѣчательная во всѣхъ реніяхъ.

Le Mémorial de Famille, Сувестра. — Путешествіе странствующаго ремесленника, соч. Иереміи Готгельфа. По какому—то случаю, оба эти романа французскаго и швейцарскаго писателя, написанные на разныхъ языкахъ, но вышедшіе почти въ время, имѣютъ почти одинаковое содержаніе и совершенно—одну и цѣль: какъ должно понимать и переносить всеневную жизнь людей. Авторъ *Семейнаго Мемориала* беретъ молодыхъ супруговъ, при самомъ вступленіи ихъ въ ховяство, и развиваетъ шагъ за шагомъ ихъ долгое существованіе, то счастливое, то тягостное. приводитъ всѣ подробности, всѣ мелочи супружеской жизни, вѣчного состоянія: все это Сувестръ описываетъ опытнымъ, и умнымъ перомъ и ясно показываетъ, что одна непоколебимая любовь можетъ противиться всѣмъ превратностямъ судьбы. Онъ не гонитъ къ эффектамъ, чтобъ сдѣлать книгу свою занимательнѣе, живѣе, старается заключить воображеніе въ тѣсномъ матеріальномъ кругу. Надобно совѣтовать прочесть эту дѣльную книгу писателямъ. Воображеніе ихъ тотчасъ же охладится и они поймутъ что въ жизни, и особенно въ семейной, больше прозы, чѣмъ поэзіи.

Однако и въ этой действительности много удовольствій и наипервей для того, кто понимаетъ обязанности семьянина и у кого лагородная, нравственная цѣль. Правда, что романъ французскаго писателя неоконченъ и останавливается на той эпохѣ, когда у супруговъ дѣти ужъ выросли и, въ свою очередь, начинаютъ жить; обыкновенной жизни случается то же самое. Жизнь — это безконечная череда, кончающійся для однихъ въ то время, какъ начинающійся для другихъ.

Книжка Иереміи Готгельфа сатира смѣшана съ поэзією и пресловутые портреты сдѣланы трогательными сценами. Швейцарскій

романисту изображаетъ здѣсь нравы швейцарцевъ точно такъ же, какъ въ своемъ превосходномъ романѣ *Ули*, служившемъ въ *Фурль*. Рене-ленникъ Яковъ оставляетъ свое селеніе, набирается прогрессивныхъ идей и берется быть преобразователемъ общества. Въ Цюрихѣ онъ попадаетъ къ известному оратору, съ которымъ не можетъ долго уживаться. Въ Женевѣ онъ скитается въ толпѣ негодяевъ и спасается отъ неминуемой погибели, бѣжитъ изъ города. Большой и полумертвый отъ голода, онъ прокликаетъ свои безумныя мечты и, отчаяваясь въ будущности, готовится умереть. Но жители бѣдной хижины нашли несчастнаго и, взявъ его къ себѣ, начали лечить его и ухаживать за нимъ, какъ за роднымъ. Съ этой минуты, вмѣстѣ съ англичаниномъ тѣмъ, начинается и излеченіе его души. Въ немъ пробуждаются добрыя чувства, и вечерній звонъ колокола, слышимый въ молчаніи, напоминаетъ ему дѣтство, родной домъ, семейство. Възгъ его единственное желаніе: увидѣть опять мѣсто своего рожденія и умереть въ своемъ семействѣ. После многихъ приключеній и разныхъ нещастій, онъ, наконецъ, можетъ спокойно вздохнуть и сказать: я у себя, у моихъ свой домъ, своя семья!

Стало-быть, общія дѣла двухъ этихъ романовъ состоятъ въ томъ, чтобъ показать, что семейная жизнь должна предпочтаться безумнымъ обольщеніямъ, ведущимъ къ безнравственности и беспорядкамъ всякаго рода.

— *Sauvages historiques et littéraires* (*Историческіе и литературные разговоры*). Это описаніе путешествія Эмиля Сувестра по главнымъ городамъ Французской Швейцаріи въ 1853 году. Это не сухое учное сочиненіе, какъ можно подумать по заглавію, но занимательныя рассказы о главныхъ древнихъ писателяхъ и литературныхъ памятникахъ среднихъ вѣковъ. Изъ этихъ рассказовъ можно составить цѣлый курсъ, который легко познанималъ бы слушатели съ самыми любимыми литературными вопросами. Сувестръ умѣетъ разнообразить и одушевлять самые серьезныя предметы. Онъ является то историкомъ, то моралистомъ, то критикомъ, во всегда остается пріятнымъ рассказчикомъ, неотдаляющимся отъ простоты.

— *Jane Eyre*, известный романъ Корреръ-Беля, переведенный на французскій языкъ (*Джессики Эйръ*). Романъ этотъ имѣетъ въ Англии огромный успѣхъ и талантъ Корреръ-Беля пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Для перевода этихъ трогательныхъ и нѣжныхъ страницъ необходимо было веро женское и г-жа Лебазель Сувестръ счастливо исполнила эту трудную работу. Ея переводъ сохранилъ всѣ достоинства оригинала, и всѣ оттѣнки рассказа отчетливо переданы на французскомъ языкѣ. Словомъ: переводчица заслужила полную благодарность читающей публики, которая съ удовольствіемъ прочтеть одинъ изъ лучшихъ английскихъ романовъ.

— *La France littéraire, tome XI.* (*Литературная Франція*). Въ этомъ томѣ Кераръ представляетъ въ краткой таблицѣ въ писку изъ своего же сочиненія, подъ названіемъ *Открытыя литературныя облака*; потому здѣсь же помѣщены многочисленныя библиографическія матеріалы, которые онъ хотѣлъ оставить для по-

аго изданія, Подобныя сочиненія теперь чрезвычайно-редки, потому-что промышленное направленіе овладѣло литературою въ позднѣе время и сдѣлало труднѣе обладаніе трудолюбиваго автора. Онъ открылъ всѣ псевдонимы, всѣ обманы, мошенничества, воровства въ литературѣ и на это надобно было употребить много ума и проницательности. Кераръ болѣе другихъ способенъ былъ исполнить это предпріятіе, потому-что онъ въ высшей степени обладаетъ необходимыми къ тому качествами; и когда изданіе его кончится, оно удегъ считаться необходимымъ для основательнаго изученія исторіи французской литературы.

— Le Japon (*Японія*). Авторъ этой книги, Фресине, имѣлъ одну лѣтъ : расказавъ исторію Японіи, нравы, учрежденія ея со времени путешествія Марко Поло до экспедиціи американцевъ. Фресине голландецъ. Онъ посвятилъ всю свою жизнь на изученіе восточныхъ странъ. Къ специальнымъ познаніямъ своимъ онъ присоединилъ многочисленныя документы, собранныя путешественниками и negociантами Голландіи и Японіи. Стало-быть, въ его книгѣ находятса всѣ свѣдѣнія, которыя мы можемъ имѣть о прошедшемъ и настоящемъ положеніи этой таинственной имперіи. Голландія первая приподняла вопросъ завѣсомъ; какой-то будетъ результатъ американской экспедиціи? Войдутъ ли наконецъ западные народы въ Японію, какъ вошли въ Китай? Если же европейская торговля надѣется современемъ завладѣть этою богатою страной, то не мѣшаетъ прежде изучить нравы и исторію японцевъ, которые очень-вѣрно изображены въ книгѣ Фресине.

— Упомянемъ еще объ одной любопытной англійской книгѣ, вышедшей въ самое послѣднее время. There and Back again in search of beauty (*Путешествіе для отысканія красоты и образцовъ изобразительнаго искусства*). Подъ этимъ оригинальнымъ и совершенно-англійскимъ названіемъ мышло новое сочиненіе Джемса Аугустуса Сент-Джона.

Этотъ джентльменъ не хотѣлъ писать теории, или эстетики, въ родѣ Фихте, Канта и Гегеля, но набросалъ только *фантазію* о красотѣ. Книга эта совершенно въ юморическомъ родѣ, написана живо, занимательно, что дѣлаетъ честь талантливому туристу, непохожему въ этомъ отношеніи на своихъ соотечественниковъ.

Онъ приводитъ нѣсколько происшествій, то грустныхъ, то веселыхъ, и поневогѣ заставляетъ читателя раздѣлять всѣ его чувства, которыя анализируетъ съ необыкновенною наивностью. Онъ безъ церемоній знакомитъ читателя съ женою своею, мистриссъ Сент-Джонъ, съ своими дѣтьми (а у него ихъ очень-много), потомъ начинаетъ входить въ малѣйшія подробности своей жизни, привычекъ, и пускается въ поиски за красотой. Невозможно анализировать путешествія англичанина, а Сент-Джонъ не любитъ прямыхъ дорогъ и поминутно сворачиваетъ въ сторону, чтобъ искать красоту. Въ Миланѣ онъ встрѣчается съ красавицею-блондинкой и вступаетъ съ нею въ разговоръ :

— Вы англичанка?

— Совсѣмъ-нѣтъ. Отчего вы это думаете?

— Оттого, что вы необыкновенно-хороши.

— Развѣ въ одной Англіи бываютъ хорошенькія женщины?

— Хорошенькія женщины бываютъ вездѣ; но блондинокъ, подобныхъ вамъ, производитъ одна Англія.

— Я вамъ уже сказала, что я не англичанка.

— Такъ вы итальянка?

— Нѣтъ.

— Француженка?

— Нѣтъ.

— Швейцарка?

— Нѣтъ.

— Позвольте же наконецъ узнать, какая счастливая страна для васъ жизнь.

— Австрія.

— Возможно ли!

Надобно сказать, что разговоръ этотъ происходилъ на улицѣ, гдѣ Сент-Джонъ встрѣтилъ блондурую красавицу. Подобныхъ приключеній много въ книгѣ и они напоминаютъ Стерна, но Стернъ добродушнаго. Разсужденіе его о глазахъ тоже очень замѣчательно, и чтобъ остаться вполне-оригинальнымъ, англійскій туристъ отдаетъ преимущество сѣрымъ глазамъ и увѣряетъ, что мужчины и женщины съ сѣрыми глазами имѣютъ особенную способность привлекать любовь. Твердый характеръ, самовластіе, жестокость, принадлежатъ тоже сѣрымъ глазамъ, которые иногда бываютъ пламенны, какъ черныя, и нѣжны, какъ голубыя.

Такимъ-образомъ Сент-Джонъ бѣгаетъ по всему свѣту за красотой и, возвратясь въ отечество, находитъ ее у себя дома. Это—его супруга, министрисъ Сент-Джонъ, и восемь человѣкъ дѣтей! Что можетъ быть на свѣтѣ прекраснѣе семейства! «воскликаетъ авторъ», и въ этомъ случаѣ мы совершенно съ нимъ согласны. Лучше быть нѣжнымъ отцомъ и мужемъ, чѣмъ скитающимся туристомъ.

— *Agorole d'Athènes (Афинскій Акрополь)*, соч. Бѣле (Beulet). Давно уже сообщили объ открытіяхъ Бѣле въ Афинскомъ Акрополѣ. Этотъ пансіонеръ французской школы успѣлъ, послѣ многихъ трудовъ, отгнать и открыть стѣны, башни, ворота и лѣстницу древней афинской цитадели. Оставалось только описать эти развалины; и хотя для этого новаго труда требовалось много дѣятельности, розысковъ, изученій, Бѣле взялся за него и исполнилъ добросовѣстно. Многие писатели пробовали нѣсколько разъ описывать Акрополь и другіе монументы, но у нихъ недоставало археологическихъ свѣдѣній, а главное терпѣнія изучать памятники на мѣстѣ и соображать свои наблюденія съ показаніемъ древнихъ писателей.

Бѣле приводитъ всю исторію афинской цитадели, которая вначалѣ заключала въ себѣ весь городъ, потомъ описываетъ топографію и монументы города. Въ первомъ томѣ представлены Пропилеи, Партеонъ, Пинакотека, храмы Побѣды, Діаны, Минервы.

Сочиненіе Бѣле болѣе описательное и объяснительное, чѣмъ историческое. Разсказъ занимаетъ у него мало мѣста, несмотря на это, книга его вовсе-нескучна и монотонна; притомъ же многочи-

енные рисунки помогают ясности текста и заставляют хоть изъебольшинства прочитать описание. Кроме того, авторъ приводит мнѣе другихъ писателей и путешественниковъ по Греціи и, соглашаясь съ некоторыми, оснориваетъ другіе умно и осторожно, представляя евозможныя доказательства. Напримѣръ: полковникъ Ликъ (Leake) Бюрючъ увѣряютъ, что Пропилеи — крѣпость. Бѣле отвергаетъ о точно также, какъ мнѣніе другихъ писателей, утверждающихъ, го Пропилеи — храмъ, и доказываетъ, что ни архитектура ихъ, ни характеръ, ни стратегическое положеніе, ни исторія, словомъ: ничто есогласно съ этими двумя мнѣніями. Пропилеи были просто декоационнымъ монументомъ, построеннымъ фантастическимъ архитекромъ, слѣдовавшимъ только внушенію своего вдохновенія.

Периклъ и другіе правители Аѳинъ строили великолѣпныя зданія всѣмъ не для того, чтобы они были необходимы, а чтобы привлечьь себя народъ, обогащая его работою, и льстить гордости Аѳинянъ, блая городъ ихъ великолѣпнѣйшимъ и красивѣйшимъ во всемъ мірѣ. Правда, что современники Перикла порицали его разорительную грасть къ постройкамъ, истощавшую народную казну; но не лучше и было употреблять мильоны на сооруженіе памятниковъ, удивляюихъ потомство, чѣмъ бросать ихъ на экспедиціи противъ другихъ ливскихъ владѣній. Когда Лудовикъ XIV тратилъ всѣ доходы на крашеніе Версаля, окружающіе его тоже были неочень-довольны, но отомки благодарны за то, что онъ оставилъ Франціи образцовое произведеніе искусства, подобное Акрополю Греціи.

— Ужъ двадцать-пять лѣтъ, какъ съ пользою и честью издается въ Туринѣ: *Repertorio d'Agricoltura di scienze economiche ed industriali* профессоромъ Рокко Рагадзини. Въ послѣдневышедшей книгѣ одержится статья: о перуанскомъ гуано, о физиологій растений, о размноженіи деревьевъ посредствомъ отсадковъ, о посѣвѣ травъ, о юлѣзни винограда и тутовыхъ деревьевъ и проч. Въ числѣ хорошихъ курналовъ въ Сардиніи почитается: *Educator Israelito*, издаваемый профессорами Леви и Понтремоли. Въ послѣдней книгѣ содержится обзоръ отношеній, бывшихъ въ-древности между еврейскимъ и греескимъ міромъ. Известная писательница для юношества Катарина Франческа Ферручи издала въ Туринѣ весьма-хорошую книгу: *Degli studi delle Donne* о женскомъ воспитаніи. Писательница эта содержитъ во Флоренціи учебное заведеніе, пользующееся извѣстностью. Дочь ея съ успѣхомъ занимается нѣмецкою литературою.

Лучшій литературный журналъ въ Туринѣ: *Il cimento, Rivista di scienze, Lettere ed Arti*. Это еще одна ученая попытка, но которая ужъ держится два года.

Въ Туринѣ издается также *Revista contemporanea*, учено-беллетристическій журналъ, въ которомъ печатаются замѣчательныя повѣсти и хорошія біографіи.

Кромѣ *Учено-Медицинской Газеты*, издаваемой Тромпео, есть еще полезный журналъ: *Giornale veterinario*, издаваемый профессорами Лоссона и Волладо.

Профессоръ Баруэни издалъ одно изъ ежегодныхъ своихъ путеше-
т. XIII. — Отд. VII.

ствій. На этотъ разъ, онъ ограничился окрестностями Турина. *Fezziate nei contorni di Torino* можно назвать сантиментальнымъ путешествіемъ: оно умно, разнообразно и увлекательно.

Однимъ изъ важнѣйшихъ сочиненій на итальянскомъ языкѣ, въ послѣднее время можетъ почитаться трудъ графа Сальмура: *Dell'ordinamento del Credito Fondinario negli stati Sardi*. Ученый писатель, глубоко изучивъ свой предметъ, раздѣляетъ кредитъ на *реальный* и *земледѣльческій*. Первый требуетъ только вѣрнаго ручательства и хорошей, быстрой исполнительн. системы; для втораго нужно содѣйствіе правительства. Авторъ собралъ и представилъ всѣ свѣдѣнія о подобн. учрежденияхъ въ чужихъ краяхъ.

О ремесленномъ кредитѣ вышла отдѣльная книга въ Туринѣ: *Centro critico di un sistema di riforma, del sistema ipotecario francese*, соч. профессора Шиашиа.

— Наконецъ, вотъ извѣстіе объ одномъ китайскомъ журналѣ. Въ Гонг-Конгѣ издается съ недавняго времени ежемѣсячный журналъ на китайскомъ языкѣ; подъ названіемъ: *Gia-or-kuan-чунъ* (жемчужное ожерелье о дальнихъ и близкихъ странахъ). Его издають ученики умершаго синолога Моррисона, управляющіе теперь бывшимъ его учебнымъ заведеніемъ. Въ числѣ ихъ есть англичане, американцы и китайцы. Цѣль журнала состоитъ въ распространеніи въ Китаѣ христіанства, европейскихъ наукъ и искусствъ. Въ послѣдней книгѣ есть описаніе паровыхъ машинъ, путешествіе изъ Англии въ Остивдію, географическій очеркъ земнаго шара и очеркъ вліянія и влеченій христіанства на всей землѣ...

— Обратимся теперь къ театрамъ главныхъ заграничныхъ городовъ. О дѣятельности парижскихъ театровъ въ прошломъ мѣсяцѣ мы получили письмо отъ нашего корреспондента въ этомъ городѣ и дополнимъ его только нѣкоторыми послѣдне-полученными извѣстіями.

Въ 1853 году не играли во Франціи ни одной трагедіи, то-есть ни одной новой трагедіи. Не-уже-ли Мельпомена рѣшительно распростилась со сценою? Очень-вѣроятно, потому-что трагическія инеи украшаютъ комедіи и водевилы. Французскій театръ играетъ *Ромула*, комедію Александра Дюма, и приготовляетъ водевилъ въ пяти дѣйствіяхъ подъ названіемъ *Смердисъ IV*.

Дюма что-то замолкъ со всѣми *молодостью* королей французскихъ; даже *молодость* Лозена ему не удалась, потому-что ужъ принята пьеса другаго автора подъ тѣмъ же названіемъ, и всѣ его успѣлія окончились тѣмъ же, чѣмъ роды горы. Въмѣсто пятиактныхъ комедій въ стихахъ, онъ представилъ одинъ актъ въ прозѣ, да и то въ-сотрудничествѣ съ другимъ авторомъ, пожелавшимъ с.рыть свое имя.

Эта небольшая пьеса имѣла однако значительный успѣхъ и вѣроятно долго останется на сценѣ. Въ ней нѣтъ ничего историческаго и относящагося къ основанію Рима и извѣстному вскормленнику волчицы. *Ромулъ* Дюма только служитъ предлогомъ къ маленькой семейной драмѣ, обдѣланной превосходно. Дѣйствіе происходитъ въ Германіи, гдѣ живутъ два друга, два извѣстные ученые, Вольфъ и

елестусъ. Семейная жизнь ихъ оживляется присутствіемъ мечтательной молодой дѣвушки, которая тайно любитъ Вольфа, но не смѣетъ жазать ему этого, потому—что онъ поминутно говоритъ о своей невинности къ женщинамъ.

Вольфъ и Целестусъ, поужинавъ однажды, погасили свѣчи и начали зсуждать о разныхъ отвлеченныхъ предметахъ, какъ вдругъ какой-незнакомецъ тихонько ставитъ на столъ корзинку и уходитъ... ей лежитъ хорошенькій ребенокъ! Целестусъ за минуту передъ нимъ говорилъ, что онъ терпѣть не можетъ дѣтей; но такъ—какъ въ суровъ только на словахъ, то беретъ ребенка къ себѣ и Вольфъ этъ ему имя знаменитаго сироты—*Ромула*. Въ это время бургомистръ бенгаузень отыскиваетъ молодаго человѣка *Конрада*, сдѣлавшаго како-то шалость. Вообразивъ, что бѣглець скрывается у двухъ друзей, бургомистръ приходитъ обтыскивать ихъ домъ. Увидя ребенка, тотчасъ же дѣлаетъ предположеніе и готовъ разгласить повсюду, Ромулъ сынъ Марты и Вольфа. Разумѣется, это клевета; но рекація молодой дѣвушки потеряна, и Вольфъ, видя ея отчаяніе и вѣтно, ненавидя женщинъ только на словахъ, предлагаетъ заглядить бражаемое преступленіе и жениться на Мартѣ. Мечтательница не етъ этой жертвы, думая, что Вольфъ ее презираетъ, и говоритъ, выйдетъ замужъ только за того, кто ее *полюбитъ*. Ученый, въ аяніи, беретъ своего *Лейбница*, шляпу, палку и собирается навсегда разстаться съ своимъ другомъ, который все еще не можетъ по-бъ, кого любятъ Марта и чей это ребенокъ; вдругъ изъ книги бѣа сыплется цѣлый дождь розовыхъ листковъ. «Такъ это вы поли розы съ моего окошка? спрашиваетъ съ удивленіемъ молодая лшка, и бѣдный ученый не можетъ ужъ болѣе скрываться и, въ номъ смущеніи, объясняется ей въ любви. Марта, въ восторгѣ, етъ ему свою руку, а тотъ, бросая книги, обтыщаетъ жить не одной науки, а для жены и бѣднаго Ромула, котораго усынов-тъ. Но Ромулъ находитъ настоящихъ родителей. Конрадъ, поинный бургомистромъ, признается, что тайно женатъ на его дочер-и Ромулъ его сынъ. Бѣдный Бабенгаузень поневолѣ прощаетъ тупниковъ и признаетъ Ромула своимъ внукомъ.

Тригга ведена хорошо, занимательна и, исключая нѣкоторыхъ не-бѣмъ—приличныхъ выраженій, особенно для чопорной сцены Фран-кой Комедіи, пьеса написана умно и разыграна съ необыкновен-ь искусствомъ. Ренъе былъ такъ хорошъ въ роли Вольфа, что

Александръ Дюма объявилъ, что успѣхъ пьесы принадлежитъ му, а артисту, придавшему столько вѣрности, наивности и гер-зма главному дѣйствующему лицу. Это одно изъ лучшихъ со-й Ренъе. Монрозъ прекрасно сыгралъ роль Целестуса, а г-жа ръ передала мечтательную Марту такъ мило и увлекательно, что алѣ напшло много Вольфовъ.

ли кому любопытно знать, какъ написана эта пьеса, мы ска-тъ, что однажды Александръ Дюма опоздалъ на желѣзную дорогу инужденъ былъ ждаты новаго поѣзда въ бѣдной провинціальной нницѣ. Чтô было дѣлать знаменитому писателю, а главное, какъ

убить время? Онъ принялся писать и написалъ Комедію Рампа. Правда, что онъ не трудился надъ присканіемъ сюжета и что прежде его два молодые писателя, Октавъ Фалье и Поль Бюкажъ, нашли этотъ же сюжетъ въ романѣ Лаонтена и собирались сдѣлать чувствительную драму. Но Александръ Дюмаъ нашель, что въ идеѣ этой больше комическаго, чѣмъ грустнаго, и обдѣлалъ ее по-своему, какъ обдѣлалъ недавно цѣлый нѣмецкій романъ того же автора въ своемъ послѣднемъ романѣ: *Le pasteur d'Aschberg*. Подобныя продѣлки происходятъ ужъ не въ первый разъ. Одинъ изъ самыхъ веселыхъ водевилей Скриба *la Chanoinesse* вырощенъ изъ указанной пятиактной мелодрамы, принесенной однимъ изъ сотрудниковъ знаменитаго водевилиста. Когда пьесу эту играли, надобно себѣ образовать, какъ былъ удивленъ авторъ мелодрамы!

Что касается до *Ромула*, желаемъ, чтобъ Дюмаъ чаще озадаивалъ на желѣзныхъ дорогахъ и, въ ожиданіи побѣдъ, писалъ подобныя пьесы, хотя и на чужіе сюжеты.

Другая новость на Французскомъ Театрѣ — дебютъ Брессана. Со времени отставки Флѣри, Фирмена и Менжо, Французская Комедія все еще ждала артиста на это амшюа и Брессанъ одинъ можетъ почестся достойнымъ занять это мѣсто. Таланту его было тѣсно на небольшой сценѣ *Гимназіи*, гдѣ онъ принужденъ былъ иногда играть пошлыя роли, неотвѣчающія его способностямъ. Его благородныя манеры, вѣжливость, умѣнье говорить съ женщинами ясно назначали ему мѣсто въ комедіяхъ Мольера и наконецъ онъ явился въ этой золотой рамкѣ, въ роли Клитандра въ *Ученыхъ Женщинахъ*. Онъ чрезвычайно понравился какъ наружностью, такъ и талантомъ, и юта съ непривычки, читалъ стихи немного на распѣвъ, но это несколько не помѣшало его успѣху. Театръ *Гимназіи* ничего не потерялъ, лишась Брессана, потому-что на роли первыхъ любовниковъ и сильныхъ характеровъ есть у него два превосходные артиста: Лаонтенъ и Дюпюи. На помощь имъ явился еще Бертонъ, чтобъ усилить эту и безъ того превосходную труппу. Французская же сцена много выиграетъ съ такимъ первокласснымъ артистомъ. Тутъ Брессанъ можетъ еще лѣтъ двадцать играть роли любовниковъ и никто не замѣтитъ, что онъ ужъ не молодъ, тогда-какъ на маленькой сценѣ требуютъ болѣе иллюзіи. Фирменъ на шестьдесятъ-пятиомъ году обольщалъ еще *Маркизу де-Клеромъ* и *Сильвію*, и всѣ находили это очень-вѣроятнымъ. Г-жа Марсъ, оставивъ сцену, заставила играть всѣхъ Клеантовъ и Дорантовъ, которые чистосердечно были влюблены въ великую артистку и не замѣчали ея лѣтъ: стало-быть, успѣлъ Брессана въ классическомъ репертуарѣ несомнѣненъ. Онъ игралъ еще въ водевилѣ Скриба *Моя Звѣзда*, но для подобныхъ ролей не стоитъ переходить на сцену Французскаго Театра. Ихъ много вездѣ.

Наконецъ, на театрѣ Водевилья явилась давно-ожидаемая *Луиза де-Нантвиль*, надѣлавшая много шума ссоркою авторъ пьесы, Леопа Голана, съ г-жею Дошъ, подъ предлогомъ насморка, или другой болѣзни, откладывавшей представленія этой пьесы до-того, что авторъ ее хотѣлъ принудить актрису посредствомъ полиціи: или играть *Луизу*

de-Nantail, или не выходить изъ дома. Разумѣется, это несовсѣмъ-въявлено со стороны Гозлана; но кто знаетъ всѣ хлопоты, мученія и ожиданія втора передъ представленіемъ его пьесы, тотъ извинитъ поступокъ строумнаго писателя. Новая пьеса его оригинальна и имѣла большой спѣхъ. Луиза де-Нантѣйль благородная, гордая дѣвушка, потеряла все свое состояніе; лордъ Соммервиль, влюбленный въ нее, предлагаетъ ей свое богатство и дружбу, и она, помня, что мать ея принимала лагодьянія богатаго англичанина, продолжаетъ жить на его счетъ, не забывая, что отъ этого пострадаетъ ея репутація. Несмотря на то, что весь Парижъ считаетъ Луизу погибшею интриганткой, она кѣйвица и горда до-того, что лордъ не смѣетъ открыться ей въ любви и сама она не можетъ дать себѣ отчета: любить ли его.

Вдругъ старый герцогъ Соммервиль призываетъ сына и требуетъ, чтобъ онъ женился на своей кузинѣ. Напрасно молодой человекъ умоляетъ отца и противится его волѣ: старикъ непреклоненъ и говоритъ одно: «Мы многомъ обязаны семейству твоей невѣсты и можемъ отплатить ему только твоимъ бракомъ. Если ты не женишься, то сегодня же я застрѣлюсь».

На это нечего возражать, и Генрихъ Соммервиль исполняетъ приказаніе герцога. Старикъ узналъ, что сынъ его любитъ Луизу де-Нантѣйль и, тронутый благородными чувствами и красотою дѣвушки, назначаетъ ей большое приданое и приказываетъ Генриху найти ей мужа. У того есть одинъ пріятель, свѣтскій искатель приключеній, повѣса, который такъ нуждается въ деньгахъ, что готовъ на все, чтобъ только достать ихъ. Этотъ Ломбарди подѣ вътреннюю наружностью скрываетъ нѣкоторыя благородныя качества и давно ужъ любить Луизу, не смѣя ей открыться; когда же Генрихъ предлагаетъ ему жениться на ней, онъ соглашается съ радостью, оставляя всѣхъ въ заблужденіи насчетъ своей привязанности и позволяя думать, что онъ продалъ свое имя за дорогую цѣну. Луиза, не зная всѣхъ этихъ распорженій, съ охотою принимаетъ предложеніе Ломбарди и удивляется, что онъ послѣ свадьбы уѣзжаетъ въ Италію, оставивъ ее одну. Когда же она узнаетъ о бракѣ Генриха, то послѣдняя привязанность ея къ этому благодѣтелю исчезаетъ и она съ нетерпѣніемъ ждетъ извѣстій о мужѣ. Онъ самъ является къ ней и готовъ открыть ей свою любовь, но Генрихъ Соммервиль требуетъ, чтобъ онъ удался, какъ обѣщалъ это сначала. Луиза понимаетъ, что она была причиною низкой спекуляціи, но Ломбарди отказывается отъ богатства, дерется съ Генрихомъ, раскаляется чистосердечно въ своемъ поведеніи и спасаетъ жену отъ гибели. Луиза, тронутая благородствомъ мужа, возвращаетъ лорду Соммервиллю его лагодьянія и уѣзжаетъ съ Ломбарди въ Италію.

Характеры этой драмы несовсѣмъ выдержаны и не могутъ возбудить большаго интереса. Соммервиль изъ благороднаго покровителя дѣлается обыкновеннымъ Ловеласомъ; Луиза нерѣшительна ни въ ненависти, ни въ любви. Но хотя оставъ пьесы несовсѣмъ-новъ, за-то разговоръ такъ обдѣланъ, фразы такъ блестящи, что ослѣпляютъ «файерверкомъ остроумія, и зритель невольно увле-

кается, не заботясь даже о ходѣ пьесы. Г-жа Донгъ, несмотря на давнюю болѣзнь, или капризы, превосходно передала всѣ отъѣмы трудной роли Луизы де-Наптѣль. Феликсъ съ обыкновеннымъ талантомъ сыгралъ Сомервилля, а Фештеръ былъ настоящій повѣса, беззаботный, веселый, изъ числа тѣхъ повѣсъ, которыхъ никто не хвалитъ, но которымъ вездѣ рады, потому-что они оживляютъ общество. Сыгранная превосходными артистами «Луиза де-Наптѣль» имѣла огромный успѣхъ; но сомнѣваемся, чтобъ съ другою труппою она могла долго удержаться на сценѣ.

Палероальскій Театръ лишился превосходнаго комика *Сенвила*. Сколько смѣха, сколько непритворнаго удовольствія возбуждало его присутствіе на этой сценѣ, а теперь, точно также, смѣются глядя на другихъ. Однако Сенвила еще долго будутъ вспоминать и роли его останутся незанятыми, потому-что всѣ дебютанты побоятся оваго сравненія съ покойникомъ.

Электрическій Телеграфъ Сиродена и Делакура, трехактный фарсъ, заставляющій смѣяться до слезъ. Канетъ и Бигорню, это—Орестъ и Пиладъ, Касторъ и Поллуксъ, дружба которыхъ продолжается ужъ двадцать лѣтъ. У Канета есть племянникъ, глухой и некрасивый Ульрикъ, а у Бигорню хорошенькая и умная племянница Клара. Друзья хотятъ соединить молодыхъ людей, и Канетъ обѣщаетъ уступить племяннику мѣсто свое начальника Электрическаго Телеграфа въ Джонъ; но Клара несогласна на это, потому-что любитъ молодого человека по имени Тиволи, съ которымъ встрѣчается въ ботаническомъ саду. Разумѣется, Клара не смѣетъ этого сказать дядѣ, но, пользуясь ссорою Ореста и Пилада, даетъ знать Тиволи, чтобъ тотъ пришелъ просить ея руки. Но Бигорню ужъ скучаетъ, что поссорился съ стариннымъ другомъ и, выпроводивъ несовсѣмъ-учтиво докучливаго жениха, бѣжитъ въ контору Электрическаго Телеграфа, чтобъ, посредствомъ его, помириться съ другомъ, уѣхавшимъ въ столицу Бургундіи.

Тутъ начинаются уморительныя сцены. На Телеграфѣ служитъ Тиволи. Чобъ отмстить за отказъ Бигорню, онъ, вмѣсто извиненій, передаетъ Канету брань — и друзья дѣлаются непримиримыми врагами. Тутъ же узнаютъ, что Тиволи сынъ Канета, потерянный имъ гдѣ-то. Друзья мирятся; Тиволи женится на Кларѣ; Ульрикъ остается неженатымъ дуракомъ. Публика довольна пьесою, а авторы—публикою. Чего же больше для фарса?

Пьеса была хорошо разыграна. Люте чрезвычайно забавенъ въ роли Тиволи, Амонъ—уморительный Канетъ, а роль Бигорню игралъ старый знакомецъ петербургской публики—Просперъ Готи. Его играли довольно-благосклонно и вообще для комическихъ ролей и шаржей онъ будетъ совсѣмъ-нелишнимъ.

Театръ Амбигю каждый вечеръ привлекаетъ публику ужасною драмою Люте: *Венеціанскій купецъ*. Название это напоминаетъ твореніе Шекспира, и новая драма основана тоже на извѣстномъ условіи—получить за долгъ фунтъ тѣла врага.

Шейлокъ, богатый купецъ, живетъ счастливо и собираетъ сокро-

ща для своего сына, которого любить страстно. Но, въ отсутствіе
 ), ребенка крадетъ корсаръ Аригеймъ и бѣдный отецъ клянется
 тить за это его единовѣрцамъ. Прошло двадцать лѣтъ послѣ этого
 оисшествия; Шейлокъ, не имѣя никакого извѣстія о сынѣ, думаетъ,
) его убили, и еще болѣе ненавидитъ всѣхъ людей. Онъ уве-
 ннваетъ богатство, чтобъ держать въ своей зависимости всѣхъ
 чительныхъ людей въ Венеціи, которые живутъ выше своего со-
 янія и разоряются. Самъ дожъ Венеціи занимаетъ у жида огром-
 о сумму, и тотъ беретъ въ закладъ нѣсколько драгоценностей и
 ьлянтное ожерелье Джиневры, дочери дожа. Молодой Андроникъ,
 бленный въ Джиневру, видитъ ея слезы при разставаньи съ оже-
 ьемъ, принадлежащимъ ея матери, и бѣжитъ къ Шейлоку, чтобъ вы-
 нить драгоценное украшеніе. Жидъ давно ужъ ненавидитъ этого мо-
 аго человѣка, который часто мѣшалъ его мщенію и выкупалъ товари-
 ѣ своихъ, попавшихъ въ тюрьму по милости Шейлока. Онъ знаетъ
 обовъ Андроника къ дочери дожа и требуетъ за ожерелье огромную
 му. Андроникъ не можетъ заплатить ея, но онъ ждетъ чрезъ нѣ-
 ько дней возвращенія духъ кораблей и обѣщаетъ ростовщику все,
 онъ хочетъ, только отдалъ бы ожерелье. Шейлокъ отдаетъ его, съ
 ь условіемъ, что если въ назначенный день сумма не будетъ за-
 чена, то онъ будетъ имѣть право вырѣзать кусокъ мяса на груди
 роника. Молодой человѣкъ соглашается и бѣжитъ просить руки
 невры. Но вдругъ онъ узнаетъ, что корабли его погибли и онъ
 можетъ заплатить долга. Напрасно другъ его, Гонорій, уговари-
 ь не признавать страшнаго условія и бѣжать: Андроникъ идетъ
 Шейлоку и говорить, что онъ въ его власти, потому—что совер-
 нно разорился. Ростовщикъ только и ждалъ этой минуты, чтобъ
 адиться мщеніемъ. Онъ бросается съ кинжаломъ на Андроника
 товъ его поразить, но Гонорій, прибѣжавшій по слѣдамъ друга,
 нтъ: «Шейлокъ, ты убиваешь своего сына!»
 корсаръ Аригеймъ объясняетъ эту тайну и миритъ стараго Шей-
 съ человѣчествомъ.

рама эта хорошо составлена, полна движенія, интереса и дѣ-
 ь честь таланту Дюге. Обставлена она была какъ—нельзя—лучше.
 ьи артистически представилъ Шейлока. Другіе актёры тоже спо-
 твовали общему успѣху.

и этомъ же театрѣ имѣлъ небольшой успѣхъ водевилъ Леона Бо-
На морь и на сушь. Неизвѣстно, почему онъ такъ названъ.
 ятно потому, что дѣвица Елена любитъ моряковъ, а ее выдаютъ
 жъ за человѣка, который любитъ землю. Вотъ почему она, не
 нувъ даже на своего мужа, Гектора де—Ланже, уважаетъ тотчасъ
 в свадьбы, одна, въ бретанское свое помѣстье на берегу моря и
 олжаетъ вздыхать о морякахъ.

оскучавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ глуши, она встрѣчается съ мо-
 ить морякомъ, который, не узнавъ даже ея имени, объясняется ей
 юбви и проситъ ея руки. Елена начинаетъ находить обожденіе
 ковъ довольно—страннымъ; она не знаетъ, чтѣ отвѣчать на тре-
 нія молодаго человѣка, бонся признаться, что она замужемъ,

зость и не знает своего гума, и наконец, до-того увлекается страстью моряка, что соглашается принадлежать ему. Открывается, что роль моряка сыгралъ самъ Гекторъ де-Ланже. Елена очою—двояка, что познакоилась съ своимъ мужемъ и разлюблила море. Пьеса очою-недурно написана и разыграна двумя хорошенькими актрисами. Жанна Анансъ была самымъ очаровательнымъ морякомъ, а Марія Ре—интересная мечтательница.

Глушій фарсъ *Смущающіе души* не стоитъ того, чтобъ его разыгрывать. Эти пьесы пишутся на неделю, не больше, и потомъ забываются, какъ—будто ихъ никогда и не было. Жаль только артистовъ, которые напрасно учатъ роли.

Музыка продолженіе цѣлаго мѣсяца неутомкала, и если двѣстлѣтныя еще недовольны, значить они требуютъ невозможнаго. Итальянская опера работаетъ неутомимо, чтобъ только поддержать успѣхъ этого театра, и превосходная труппа, собранная въ нынѣшнемъ году заслуживаетъ вниманія меломановъ. Представленіе Севильскаго Цирюльника было настоящимъ музыкальнымъ праздникомъ, и Альбони была превосходною Розиною. Простота ея пѣнія, легкость, чистота и свѣжесть голоса увлекли всѣхъ слушателей, и послѣ тирольской пѣсни, во второмъ дѣйствіи ей принимались аплодировать три раза. Кромѣ Малибранъ, въ которой было больше драматизма, ни одна изъ знаменитыхъ пѣвицъ, не можетъ сравниться съ Альбони обширностью голоса и искусствомъ. Самые трудные пассажи, переходы отъ высокихъ къ низкимъ нотамъ, дѣлаетъ она такъ легко и спокойно, какъ—будто это не стоитъ ей никакого усилія. Природа была къ ней такъ щедра, что одарила ее двумя голосами, сопрано и контральтомъ, и она щедро разсыпаетъ богатства своей вокализаци, не сберегая своихъ силъ и средствъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые артисты. Въ прошломъ году Парижъ слышалъ превосходную Розину—г-жу Лагранжъ, которая голосомъ исполняла то, что возможно только для инструмента; но эта пѣвица только удмалла, тогда—какъ простое пѣніе Альбони *перочаетъ*, а это составляетъ главное назначеніе музыки.

На всѣхъ нельзя угодить, и многіе недовольны тѣмъ, что Альбони очень—часто употребляетъ контральтовые ноты въ партіяхъ, написанныхъ для сопрано. Они требуютъ, чтобъ Розина и Фидесъ были нѣжными женщинами, а не страстнымъ Арзасомъ или Орсино. О вкусахъ нельзя спорить; но мнѣ кажется, что бархатныя контральтовые ноты Альбони не могутъ быть нигдѣ неумѣстны и производить всегда пріятное впечатлѣніе. Впрочемъ, Альбони рѣшительно дѣлается любимицею публики, которая послѣ каждой новой роли все болѣе цѣнитъ ея увлекательный талантъ.

Марію, несмотря на свое недавнее горе, участвовалъ въ представлении, чтобъ не принести убытка директору Рагани. Онъ просилъ отпуска на мѣсяць, чтобъ оцѣлѣвать свою малютку, но обязанности артиста не всегда согласуются съ чувствами отца. Роль Альмакиви исполнилъ онъ въ совершенствѣ. Россія считается лучшимъ Бартоломъ послѣ Лаблаша; только парижская публика недовольна тѣмъ, что онъ вставляетъ арию, которой нѣтъ въ партитурѣ и которая даже ни-

не Россини. Не мѣшало бы имѣть побольше уваженія къ такимъ шведскія, какъ и *Verdi* и не передѣлывать ихъ не-своему. Игаро—Тамбурины, всѣ говорятъ одно: *чмо ома оченъ-горошо ма*. Не будемъ имъ противорѣчать, только замѣтимъ, что Рупоступилъ очень-благоразумно оставя сцену, неистощивъ всѣхъ тѣхъ и не компрометируя своей славы...

свидѣтельству Скудо, Итальянскій Театръ сдѣлалъ большое приращеніе въ молодомъ баритонѣ *Грациани*, голосъ котораго, переходя нѣсколько въ теноръ, согрѣтъ, сверхъ-того, глубокимъ чувствомъ. Теперь Грациани еще немного-робокъ на сценѣ.

Тотъ же замѣчательный музыкальный критикъ упрекаетъ дирижера итальянскаго оркестра Бенедетти въ томъ, что онъ всегда ускользаетъ темпъ, дирижируя съ особеннымъ азартомъ и размахиваньемъ. Это замѣчаніе можно отнести и къ другому дирижеру, Федериччи. Скудо же очень-справедливо замѣчаетъ, что въ нѣмецкѣхъ не поютъ, а только аккомпанируютъ симфоніи, во французскѣхъ не поютъ, а декламируютъ лирическія трагедіи, или аккомпанируютъ музыкою водевилнымъ куплетамъ, какъ въ комической оперѣ; только въ одной итальянской оперѣ.

Одинъ изъ лучшихъ фелетонистовъ Теофиль Готье, говоря о пѣніи и объ итальянской музыкѣ вообще, дѣлаетъ слѣдующее остроумное сравненіе между Россини и Беллини.

«И въ музыкальномъ искусствѣ Россини почитается солнцемъ, Беллини можно назвать мѣсяцомъ. Одинъ имѣетъ золотой цвѣтъ, другой серебряный; но оба они плаваютъ въ лазурномъ небѣ. Ночь и такъ же ясна и безоблачна, какъ день Россини. Это голубая Цицилія, прозрачная и теплая, когда море блещетъ фосфорическимъ свѣтомъ и отражаетъ въ себѣ блѣдную луну.»

Опера Беллини была играна итальянскою группою тоже съ большимъ успѣхомъ, и г-жа Фреццоллини, несмотря на свои недостатки, исполнила роль Амины превосходно. Ея серебряный голосъ превосходная метода всегда производятъ пріятное дѣйствіе на публику, которая очень-благосклонно принимаетъ прекрасную артистку. *Ританатъ* были немного-холодны къ Фреццоллини, но это по той причине, что вообще обстановка всей оперы была неудачна, и кромѣ Артура, всѣ остальные артисты были больше, чѣмъ вторые. Притомъ же, парижане помнятъ еще чудный составъ и исполненіе этой оперы первоклассными артистами. Это неизбежное не никакъ не могло быть въ пользу теперешнихъ артистовъ, хотя на задуманный голосъ Марію и симпатическія ноты Фреццоллини.

Притомъ же, Джулія Гризи, сидѣвшая въ одномъ изъ бенуазе болѣе напоминала другую, незабвенную Эльвиру, которая могла всю залу страдать и плакать вмѣстѣ съ нею...

—какъ Россини имѣетъ больше успѣха въ Парижѣ, можетъ-быть потому, что воспоминанія объ артистахъ, пѣвшихъ его оперы, величаны, или по свойству самой музыки, то возобновили даймо *Итальянку въ Алоскаръ*. Эта опера совершенно упала, но теперь въ первый разъ въ Парижѣ; но теперь она даже оченъ

поправилась, может-быть, потому, что въ ней играли Альбони, Ресси, Гардоини, Гамбарди и Фортини. Одной ужъ Альбони достаточно было для успѣха; но прочіе артисты употребили тоже все стараніе, чтобъ поддержать одно изъ первыхъ и слабѣйшихъ произведеній великаго маэстро.

Но самая важная музыкальная новость послѣдней недѣли — дебютъ г-жи Крувелли на сценѣ Большой Оперы. Дебютъ пѣвицы, получающей сто тысячъ франковъ за восемь мѣсяцевъ, долженъ обратить на себя всеобщее вниманіе. Публика уже знакома съ ней и излудировала ей въ *Норма* и *Семирамидѣ* на итальянской сценѣ. Теперь же она явилась въ роли Валентины, и надобно признаться, что заслужила вполне успѣхъ. Со времени Фальконъ, не было подобной Валентины, и г-жа Крувелли превосходно поняла и исполнила всѣ отгѣнки этой трудной роли. Очень-много драматизма, чувства увѣщенія высказала она и въ четвертомъ актѣ: восторгъ зрителей дошелъ почти до изступленія. Цѣлая оранжерея цвѣтовъ посыпалась къ ногамъ прекрасной артистки, такъ-что на другое утро трудно было достать въ цвѣточныхъ магазинахъ нѣсколько букетовъ.

Четыре года тому назадъ, Женни Линдъ шла въ Лондонъ во всемія блескъ своей славы; въ то же время въ *Аттиль* Верди явилась на сцену молодая дѣвушка, робкая и скромная, но съ чуднымъ голосомъ. Знатки старались ободрить молодую пѣвицу, видя ея необыкновенныя способности, но дирекція Театра Королевы съ намѣреніемъ не давала хода скромной дѣвушкѣ, чтобъ она не затмила звѣзды Шведскаго Соловья, и бѣдная Крувелли принуждена была ѣхать въ Италию, гдѣ дебютировала на генуэзскомъ театрѣ Тридцать разъ сряду шла она тамъ роль *Луизы Мюллеръ* и имѣла такой успѣхъ, что не могла уже сомнѣваться въ своей артистической будущности. Оставалось только приобрѣсти извѣстность, и она отправилась въ Парижъ, гдѣ поступила на итальянскую сцену. Можно сказать, что она одна поддержала оперу въ самый трудный годъ ея существованія, и чудная *Норма*, съ страстной игрой артистки, долго не забудется публикою. Въ нынѣшнемъ году она перешла въ Большую Оперу и получаетъ огромное содержаніе.

Любопытно только узнать, зачѣмъ г-жа Крувелль итальянизировала свое имя? Развѣ талантъ не принадлежитъ всѣмъ націямъ? Развѣ Женни Линдъ отказалась отъ своего отечества — Норвегіи?

Прибавимъ къ этому, что не всѣ музыкальные критики одинаково отзываются о пѣвицѣ. Скудо, напримѣръ, говоритъ, что въ ней больше капризовъ, чѣмъ дарованія. Вообще *Гугеноты* шли превосходно и гг. Гемаръ (Рауль), Обенъ (Марсель), Маріе (Неверъ) и Мерли (Сен-Бри) исполнили свои роли превосходно; даже пажъ Урбанъ заслужилъ громкія рукоплесканія, а г-жа Нау съ обыкновеннымъ талантомъ спѣла роль Маргариты. Эта превосходная артистка пропала съ публикою, потому-что ѣдетъ въ Америку — свое отечество.

Кромѣ дебюта Крувелли, былъ еще другой праздникъ, на сценѣ оперы, для любителей искусства хореографическаго. Фанни Черито яв-

Опять въ балетѣ *Орфа* и была встрѣчена громкими аплодис-
тами.

Жалуемся, что съ нѣкотораго времени не является замѣчатель-
ныхъ мужскихъ голосовъ на сценѣ, тогда-какъ женскихъ всегда до-
ро на всѣ ампуа. Въ Италіи однакожь кричать о новомъ не-
сравненномъ талантѣ, надѣлавшемъ много шума.

То молодой мальчикъ, занимавшійся добываніемъ песку изъ Ар-
Работая, онъ всегда громко распѣвалъ пѣсни, и чудныя ноты раз-
лились по берегу, какъ перлы. Одинъ импрессаріо подслушалъ *fan-
о* и завладѣлъ имъ на четыре года, разумѣется, вслѣдствіе кон-
ста. Недавно онъ дебютировалъ во Флоренціи въ *Аттиль Вер-*
и привелъ всѣхъ въ восторгъ. Неизвѣстно куда теперъ повезетъ
да импрессаріо, купившій талантъ артиста на нѣсколько лѣтъ.

торгаши изъ прибыли тратятъ силы пѣвца, не дадутъ раз-
свѣдѣн о его голосу, не позволяютъ изучить искусство и хлопочутъ
око объ одномъ, чтобъ выручить какъ можно больше денегъ, не
отяся о потерянной будущности молодаго артиста. Можетъ-быть
гогь прославленный пѣвецъ скоро будетъ сожалѣть о своей весе-
работѣ на берегу Арно.

Изученіе музыки начинаетъ проникать въ высшіе слои общества.
давно вышелъ въ свѣтъ удивительный романсъ, изъ оперы, сочи-
ной *Принцесса Густавовъ Шведскимъ*. Говорятъ, что вся опера
гоящее образцовое произведеніе. Безжалостная смерть не сжали-
въ ни надъ молодостью, ни надъ талантомъ принца и похитила его
ждевременно. Остался послѣ него одинъ памятникъ, который бу-
тъ говорить о немъ: это прекрасная опера и чудный романсъ, пе-
еденный уже на французскій языкъ и изданный Гейгелемъ.

Герцогъ Эрнестъ саксен-кобург-готскій явился тоже какъ замѣча-
ельный композиторъ. 18-го января давали въ Франкфуртѣ оперу его
иненія, подъ названіемъ *Тони*. Герцогъ нассаускій, курфюрстъ гес-
скій и весь дипломатическій корпусъ присутствовали на первомъ
едставленіи, и успѣхъ этой оперы былъ огромный. Ее ставятъ на
сцену въ Берлинѣ, Мюнхенѣ и Вѣнѣ.

Начавъ говорить о Германіи, упомянемъ объ успѣхахъ Луи Лаком-
въ этой музыкальной странѣ. Онъ давалъ два концерта въ Дрез-
днѣ и одинъ въ Лейпцигѣ, и вездѣ великій талантъ его заслужилъ
оумное одобреніе публики.

Музыкальные вечера и концерты умножаются съ каждымъ днемъ.
—го февраля былъ на сценѣ Итальянскаго Театра благотворительный
цертъ въ пользу бѣдныхъ. Никогда еще, кажется, не пѣли такъ
ото и не танцовали подъ предлогомъ помощи несчастнымъ. Правда,
о и число бѣдныхъ никогда не было такъ велико, какъ въ нынѣш-
іи несчастный годъ... Пусть же слушаютъ пѣніе и полькируютъ съ
іятною мыслью, что каватина доставитъ бѣдняку теплую одежду, а
льсь — обѣдъ голодному семейству.

Утренніе концерты консерваторіи продолжаютъ съ возрастающимъ
пѣхомъ, доказывающимъ распространеніе музыкальныхъ познаній.
ль образцовыя произведенія великихъ композиторовъ исполняются

артистически. Новые таланты являются во всѣхъ родахъ, благодаръ усердію профессоровъ и старанію учениковъ.

Нельзя не упомянуть также о концертахъ, составленныхъ гг. *Шильаромъ, Масомъ, Мореномъ и Сабатье*. Они исполняютъ еднъ квартеты Бетховена.

Давно ли называли великаго композитора безумнымъ, потому-что не понимали послѣднихъ его произведеній? Теперь, когда опытные музыканты разобрали этотъ хаосъ и открыли новый міръ гармоніи, всѣ кричатъ о гениальности Бетховена. Рано или поздно, прекрасное сочиненіе найдетъ достойныхъ цѣнителей; но не мѣняло бы оудъ справедливость и талантливымъ исполнителямъ, которые преодолѣли много трудностей, испытали много неудачъ, прежде чѣмъ дошли до того, что поняли и разобрали мысль автора.

Общество Святой Цециліи усердно исполняетъ свое назначеніе: въ немъ совершенствуются молодые таланты, которые современно пріобрѣтутъ громкое имя въ исторіи искусства.

Въ послѣднемъ концертѣ этого общества случился небольшой инцидентъ, напоминающій первоначальные опыты великихъ композиторовъ. Одинъ изъ самыхъ молодыхъ членовъ написалъ симфонію и думалъ, что ее стоить сыграть въ публикѣ, но не смѣлъ представить ея своимъ начальникамъ, боясь, что они не обратятъ на него никакого вниманія. Это могло случиться очень-легко, потому-что автору симфоніи только восемнадцать лѣтъ. Какъ предполагать, что онъ могъ написать что-нибудь дѣльное?

Молодой человекъ посоветовался съ своимъ лучшимъ другомъ (въ эти лѣта бываютъ еще преданные друзья) и послалъ симфонію безъ подписи въ страшный архивъ. Судьи рассмотрѣли произведеніе и нашли въ немъ столько достоинствъ, что громко объявили: «это должно быть неизданное сочиненіе какого-нибудь германскаго композитора, вѣроятно, Мендельсона!»

Между-тѣмъ партіи списаны, разучены и тайна молодого человека никому еще неизвѣстна, кромѣ его молчаливаго друга. Наконецъ, насталъ страшный день испытанія: симфонія назначена для публичнаго концерта. Можно себя вообразить волненіе молодого музыканта... Интродукція сыграна при глубочайшемъ молчаніи публики, слушавшей съ любопытствомъ и удивленіемъ незнакомое произведеніе. Но вдругъ нѣкоторые мастерскіе пассажи неволью вызываютъ аплодисменты, потомъ новыя красоты возбуждаютъ восторгъ и публика громкогласно требуетъ повторенія симфоніи. Послѣ этого, разумеется, начали вызывать автора; но когда объявили, что авторъ неизвѣстенъ, всѣ почти убѣдились, что это одинъ изъ прежнихъ композиторовъ. Въ это время другъ молодого музыканта не могъ удержаться и бросился въ объятія Камилла Сен-Саэнъ. «Вотъ авторъ симфоніи!» закричали присутствующіе, окружая молодого Камилла, и всѣ начали поздравлять его. Можетъ-быть, нѣкоторые немного расказались, что слушали съ такимъ восторгомъ произведеніе новичка, но дѣлать ужъ было нечего, и нельзя было воротить однажды-выраженнаго имени.

Камилль Сен-Саэнъ занимаетъ мѣсто органиста въ Сен-Мерри.

ъ написалъ также превосходную мелодію на одну идиллію г-жи Зудеръ и, вѣроятно, она явится во многихъ концертахъ.

Нельзя умолчать и о романахъ, играющихъ важную роль на всѣхъ вечерахъ и наполняющихъ антракты между танцами. Особенно пѣсни *вассёра* сдѣлались необходимыми принадлежностями всѣхъ концертовъ, и безъ нихъ вечеръ кажется скучнымъ и неоживленнымъ. За имѣніемъ Левассёра довольствуются Мееромъ, Констаномъ и даже Элемъ Малезё, которые тоже искусно умѣютъ проговорить куплетъ или пѣсенку. Между двумя серьёзными пьесами, веселый романсъ производитъ большой эффектъ. Онъ возбуждаетъ веселость и побуждаетъ тѣхъ, которые начинали дремать.

Даже на сценѣ входитъ въ моду обыкновеніе пѣть пѣсни и баллады въ антрактахъ. Недавно на Люксембургскомъ Театрѣ *Клеманъ* пѣлъ комическіе куплеты послѣ хорошенькой оперетки, игранный въ первый разъ. Этотъ небольшой актъ, подъ названіемъ *Несъста Пажса*, написанъ превосходно и былъ бы замѣченъ на большой лирической сценѣ. Авторъ оперетки неизвѣстенъ и никто не могъ назвать его, несмотря на громкія требованія публики. Полагаютъ, что *Несъсту Пажса* написала извѣстная писательница г-жа *Евгенія Нибойе* и назначала ее для большого театра; но тамъ она не могла выхлопотать, чтобъ просмотрѣли ея произведеніе, и потому отдала ее на сцену Бобино.

Клеманъ пѣлъ куплеты уморительно и на другой сценѣ имѣлъ бы огромную извѣстность и большое жалованье; но здѣсь кто его видитъ? кто оцѣнитъ? Да и жалованье онъ получаетъ такое, что только не умираетъ съ голоду. Извольте послѣ этого пѣть комическія пѣсни! Если есть артисты—милліонеры, какъ Рашель, то есть и бѣдняки, какъ Клеманъ, которые, несмотря на огромный талантъ, не имѣютъ случая выйдти изъ толпы...

— Въ прошломъ мѣсяцѣ мы сообщили о числѣ пьесъ, игранныхъ въ 1853-мъ году на парижскихъ театрахъ. Представляемъ теперь болѣе-подробныя свѣдѣнія о дѣятельности этихъ театровъ.

— Парижскіе театры, балы и концерты собрали въ прошломъ году двумя милліонами болѣе противъ 1852 года. Число драматическихъ произведеній также возрасло. Дано было на всѣхъ парижскихъ театрахъ 257 новыхъ пьесъ, а именно: 6 оперъ, 8 пьесъ на *Theatre Français*, 8 комическихъ оперъ, 6 пьесъ на Одеонѣ, 1 итальянская опера, на Лирическомъ Театрѣ 6, на театрѣ Водевила 27 пьесъ, въ *Variétés* 27, въ Палеройялѣ 27, въ Гимнази 11, на Театрѣ Сен-мартенскихъ Воротъ 7, въ Водевилѣ 15, въ *Ambigu comique* 10, *Follies dramatiques* 20, въ Циркѣ 5, въ *Délassement comiques* 26, въ театрѣ Бомарше 23, въ Люксембургскомъ 18, въ Шуазельскомъ 5.

— Вотъ еще новость, также относящаяся къ театрамъ:

Г-жа Бирхъ Пейеръ подала жалобу на Александра Дюма за то, что онъ въ пьесѣ своей *Молодость Лудовика XV* взялъ сюжетъ изъ ея пьесы *Der Ring*.

— На нѣмецкихъ театрахъ въ прошломъ мѣсяцѣ было мало новостей. Комедія Рейслера «Валленштейнъ», о которой такъ много кри-

чали, упала на берлинскомъ театрѣ. Опера Дориа въ Веймарѣ «И-белунги» имѣла успѣхъ. Въ Мюнхенѣ давали «Эдипа въ Колоннѣ». Софокла, разумеется, съ огромнымъ успѣхомъ. На вѣнскомъ театрѣ (Burgtheater) давали Магеллану, драму Гебеля, также весьма-популярную.

Недавно были даны двѣ новыя оперы: Флотова *Rübezahl* въ Берлинѣ и Бенедикта: *Der alte vom Berge* въ Мюнхенѣ, и обѣ имѣли значительный успѣхъ, Дѣйствіе оперы *Rübezahl* происходитъ въ Силезію во время Войны въ Исполнскихъ Горахъ (*Riesengebirge*). Въ особенности замѣчательны въ партитурѣ двѣ арии: для сопрано и баритона. Весьма-удаченъ одинъ хоръ, въ похвалу Фридриха-Великаго. Содержаніе либретто слѣдующее. Силезскій дворянинъ Ульрихъ Оттенштейнъ смертельно ранилъ прусскаго офицера Ахаца и скрылся отъ преслѣдованія законовъ. Родственникъ Ульриха камергеръ Оттенштейнъ хочетъ себя присвоить имѣніе его и хлопочетъ, какъ о призваніи взять его подъ стражу, такъ и о присужденіи ему плушества виновнаго, какъ ближайшему родственнику. А чтобы еще вѣрнѣе упрочить свое пріобрѣтеніе, предлагаетъ онъ сестрѣ Ульриха, Вероникѣ, свою руку. Та отказывается: она любитъ того самаго офицера, котораго ранилъ Ульрихъ; притомъ же она знаетъ, что братъ ея скрывается недалеко, и вмѣстѣ съ хозяйкою одного сельскаго трактира, Розою, придумываетъ хитрость, чтобы уничтожить ками камергера. Эта хитрость основана на тогдашнемъ народномъ поверіи о появляніяхъ *духа горъ* (*Rübezahl*). Камергеръ Оттенштейнъ трусоватъ и боится этого духа. Ему вдали указываютъ на горѣхъ Ульриха, и онъ воображаетъ, что это *горный духъ*. Между-тѣмъ раненый офицеръ Ахацъ выздоровѣлъ, и въ ту минуту, какъ камергеръ объявляетъ, что имѣніе присуждено ему, является и Ульрихъ и Ахацъ. Вероника выходитъ за послѣдняго и все кончается благополучно.

7-го января дана была въ первый разъ въ Лейпцигѣ новая опера Вагнера *Lohengrin* съ великолѣпными декораціями и роскошною постановкою. Она имѣла блистательный успѣхъ. Послѣ перваго и третьяго актовъ вызваны были: композиторъ, всѣ актёры и директоръ театра.

— Когда у фельетонистовъ истощаются матеріалы истинныхъ вѣстей, то они прибѣгаютъ къ *вымышленнымъ*, и даже чаще къ послѣднимъ. Вотъ одинъ изъ послѣднихъ разсказовъ, явившійся во многихъ газетахъ о пребываніи Рашели въ Петербургѣ. Знаменитая артистка вышла однажды изъ своихъ саней и пошла гулять по Невскому Проспекту. День былъ очень-холодный, но, закутавшись въ теплую шубу, артистка пренебрегала морозомъ. Вдругъ одиень господинъ, шедшій ей на встрѣчу; внимательно сталъ смотрѣть ей въ лицо. Рашель хотѣла ужъ было разсердиться, но этотъ мужчина схватилъ ее за руку, остановилъ, нагнулся и, взявъ горсть снѣгу, быстро началъ тереть ей носъ. Рашель громко закричала, прося о помощи. Тотчасъ же составился около нихъ кружокъ любопытныхъ, но никто не думалъ останавливать господина, а всѣ одобрили его; даже одинъ подаль ему еще горсть снѣгу.

Минуты двѣ продолжалась операція, и господинъ этотъ, окончивъ, раскланяся и ушелъ, сказавъ:

— «Извините меня. Я видѣлъ, что у васъ носъ ужь побѣлѣлъ; когда было разсуждать. Я спѣшилъ спасти васъ».

Всѣ подтвердили потомъ Рашели, что въ Петербургѣ обыкновенно въ встрѣчающіеся смотрять на лица и носы другихъ, говоря имъ часть же, если эти части тѣла начинаютъ бѣлѣть. При этомъ необходимо всегда взять горсть снѣгу и тереть ознобленное мѣсто.

Каковъ разсказъ? Жаль, что не новъ. Мы его ужь читали въ пяти разныхъ путешествіяхъ и случался онъ съ разными лицами. И то правда? Гдѣ же взять новаго?

— Лондонскіе театры объявили, что они приготовили къ карнавалу множество новыхъ пьесъ, и что всѣ знаменитые и любимые артисты примутъ въ нихъ участіе. Но по-большой-части на сценѣ явились глениады и фарсы, нестоющіе никакого вниманія. Только на Гей-маркетскомъ Театрѣ давали три замѣчательные акта Стирлинга—Конъ годъ названіемъ: *Надежда семейства*. Авторъ приводитъ зрителя къ контору прокурора (attorney's office), гдѣ происходятъ сцены, достойныя картинъ Варрена, Диккенса и Тэккерея. Дѣло въ томъ, что одинъ молодой человекъ отыскиваетъ своего отца какъ отецъ въ романѣ Мариетта, въ то время, какъ, съ своей стороны отецъ отыскиваетъ сына. Но каково же удивленіе отца, когда онъ, вмѣсто одного сына, находитъ двухъ! Авторъ неочень падитъ англійскихъ прокуроровъ, представленныхъ не съ выгодной стороны. Впрочемъ, они играютъ роли жертвъ почти во всѣхъ пьесахъ, потому-что всегда отличаются хитростью и познаніемъ людскихъ слабостей.

— Эдвинъ Бедель издалъ таможенный тарифъ Англій за 1853 годъ. Важнѣе всего въ этой книгѣ — параллель ввоза и вывоза между Англією и Францією.

Въ 1850 году привезено изъ Франціи въ Англію товаровъ на сумму 376,623,355 фр. въ 1852 году на 405,884,169 фр. Стало-быть, разниа въ 29,260,814 фр.

Изъ Англій же во Францію привезено въ 1851 году на 102,307,721 фр., а въ 1852 году на 133,310,114 фр., стало-быть, разниа въ 31,310,117 фр.

Вотъ нѣкоторыя подробности этого тарифа.

Въ 1851 году привезено въ Англію шелковыхъ матерій на 123,407,478 фр., а въ 1852 году на 153,096,053 фр. Увеличеніе цѣны на 30,688,575 франковъ.

Съ другой же стороны привозъ хлѣба значительно уменьшился. Въ 1851 году его было привезено на 32,021,214 фр. а въ послѣдній годъ только на 19,197,208 фр. стало-быть, 12,824,006 фр. меньше.

Водки и ликеры составляли въ 1851 году сумму въ 17,576,114 фр. а въ 1852 году 21,890,768 фр. прибавилось 4,324,654 фр.

Въ 1851 году привезли въ Англію 37,818 головъ скота, въ 1852 году 40,329.

Плоды, миндаль, орѣхи составили въ 1851 году сумму въ 2,444,432 фр. а въ 1852 году она возвысилась до 2,990,423 фр.

Вообще въ этой статистической таблицѣ поразжаетъ то, что Франція вътрое больше привозитъ товаровъ въ Англію, чѣмъ Англія въ Францію. Въ 1852 году Франція везла въ Англію на 405,884,169 фр. а Англія только на 133,310,114 фр. Разница въ пользу Франціи 272,574,055 фр.

Факты эти доказываютъ очень-ясно, что коммерческій и промышленный союзъ между двумя націями приноситъ гораздо-болѣе пользу Франціи, чѣмъ Англіи.

Удивительно, что Джонъ Буль, занимающійся съ такимъ успѣхомъ скотоводствомъ, вывозитъ еще съ твердой земли сорокъ тысячъ головъ скота. Разумѣется, что Англія, въ свою очередь, вывозитъ некоторое количество этого скота, соленого или копченнаго, притомъ же, иностранннй скотъ производятъ на англійскихъ рынкахъ совместнство, хотя выставки въ Бакер-Стритъ и Смит-фильдъ отдали преимущество англійскимъ скотоводамъ. Между выставленными быками есть много подходящихъ къ тому, которому въ нынѣшнемъ году отдана почести какъ Апису. Вотъ вѣрнѣйшее описаніе этого быка, принадлежавшаго въ Лондонъ сэромъ Вернсемъ, баронетомъ Клайдон-Гоуа.

Вышина....	18	пальмъ.
Ширина....	6 футовъ	отъ хребта до плечъ.
"	11	футовъ отъ зада до морды.
"	5	футовъ отъ крестца до бедръ.
Толщина...	2 фута 2 дюйма	отъ одного бедра до другого.
Объемъ....	9 футовъ 2 дюйма	окружности ниже плечъ.
Вѣсъ.....	4,200 фунтовъ,	или 1,930 килограммовъ.

И этому чудовищному быку было только пять лѣтъ и восемь мѣсяцевъ; поэтому на рынкѣ нашли, что онъ ужъ не молодецъ. Впрочемъ, теперь всѣ козлева стада стараются откармливать подобно скоту точно такъ же, какъ старый. Мясо первыхъ гораздо-нѣжнѣе и въ экономическомъ отношеніи ихъ выгоднѣе содержать.

Птичьи рынки въ Лондонѣ не отстаютъ отъ четвероногихъ, и другіе города Англіи стараются тоже отличиться въ откармливаніи домашнихъ птицъ. Бирмингамская выставка побѣдила даже лондонскую въ нынѣшнемъ году. Она представила 2,275 головъ куръ и пѣтушковъ и говорятъ, что нѣкоторые изъ нихъ были проданы за баснословныя цѣны. За пару куръ было заплачено 120 фун. стер. (3,000 фр.) Американскія дикія индѣйки были приучены къ домашней жизни и тоже откармливаются съ большимъ успѣхомъ. Одна изъ нихъ вѣсила двадцать фунтовъ.

Лондонскій Бакер-Стритскій Базаръ выставилъ образчики превосходныхъ куръ испанскихъ, гамбургскихъ, кохинхинскихъ, и особенно доркинзскихъ, которыя почитаются самыми-лучшими, особенно если они бѣлаго цвѣта.

— Въ красивомъ городкѣ Спринг-фильдъ, въ Коннектикутѣ, останавливаетъ вниманіе путешественника большой трехэтажный домъ

о вида, на фасаде которого написано крупными буквами:
избегать не спускаться.

Это объявление сделано только для избежания толпы зевак, в ряды цѣлый день шатаются, гдѣ бы то ни было, и мѣшать имъ, и въ мануфактурѣ золотыхъ цѣпочекъ Ромриля и Сомвей тамъ всегда любозытный путешественника и артиста, и съ вѣстиемъ показывали ему все заведение.

Нажды (говоритъ одинъ американскій журналистъ) я съ приѣздомъ постучался въ дверь съ грозною надписью и, войдя въ контору, подавъ мою карточку встрѣтившему меня джентльмену. Къ счастью это былъ самъ Сомвей, вызвавшійся быть нашимъ проводникомъ.

Отъ него мы узнали, съ удивленіемъ, что въ этомъ огромномъ заведеніи дѣлаются только однѣ золотыя цѣпочки. Фабрикація требуетъ много искусства, ученыхъ познаній и такихъ сложныхъ цѣпочекъ, какихъ и не подозреваютъ люди, носящіе эти цѣпочки.

Фабрику Ромриля и Сомвей употребляютъ монетное золото Соединенныхъ Штатовъ. Въ послѣднее время берутъ тоже калифорнское золото, только въ маломъ количествѣ. Золото это рѣжутъ сначала на нѣкие куски и переносятъ въ подземный этажъ, гдѣ его плавятъ. Двигатель на фабрику — вода. Опытные инженеры говорятъ, колесо, двигающее воду на этой фабрику, одно изъ лучшихъ въ нектитутѣ, имѣющемъ право хвастать своими машинами. Оно есть 36 футовъ въ диаметръ и сделано известнымъ строителемъ инъ — Фискомъ.

Когда золото расплавлено, его выливаютъ слитками въ желѣзные формы и потомъ дѣлаютъ изъ него проволоку. Это производится посредствомъ аппарата въ родѣ прядильнаго станка, состоящаго изъ стальныхъ трубокъ; одна изъ нихъ имѣетъ отверстія разныхъ диаметровъ. Прежде введенія этого новаго способа обработки, слитки золота сплюсцивались и выходили изъ машины тонкими золотыми нитями; но теперешнее средство гораздо—удобнѣе.

Чтобы совершенно сравнять золотую проволоку, проводятъ ее черезъ французскую волочилю, называемую такъ потому, что она изобрѣтена во Франціи, и что никто и нигдѣ не могъ сдѣлать подобной, такъ—какъ изобрѣтатель ея умеръ, не открывъ своего секрета. Знаютъ, что эти волочилюны сдѣланы изъ тонкой стали, мѣди и цинка, но не знаютъ въ какомъ количествѣ сдѣлано это смѣшеніе и какимъ образомъ. Она стоитъ теперь 70 долларовъ и бережется какъ рѣдкость. Если металлическая нить и послѣ этой операціи сохранила нѣкоторую неровность, то ее проводятъ черезъ алмазную волочилю. Она вся состоитъ изъ драгоценныхъ камней и доставляетъ совершенно—ровную проволоку.

Послѣ этого надобно изъ нитей сдѣлать кольца для цѣпи. Для этого наматываютъ проволоку на «пробойникъ» и подставляютъ его подъ рѣзецъ. Пробойникъ состоитъ изъ стальной наложки овальной, круглой, или угловатой, смотря по тому, какого вида и размѣра нужны кольца. Рѣзецъ разрѣзываетъ проволоку совершенно—ровными кольцами и такъ скоро, что не успѣешь оглянуться, какъ ужъ готовы

двѣсти колець. Прежде изобрѣтенія этого рѣзка употребляли шпату для раздѣленія проволоки, на что надобно было очень-много времени и труда.

Потомъ кольца составляютъ вмѣстѣ и дѣлають изъ нихъ гнѣ. Мы пошли въ верхній этажъ, чтобъ видѣть эту работу. Въ большой и хорошо-освѣщенной комнатѣ — потому-что освѣщеніе здѣсь необходимо — стоялъ посрединѣ большой столъ. Вокругъ него сидѣли дѣлать молодыхъ дѣвушекъ, которыя тонкіе пальчики способны къ этой работѣ. Передъ каждой стоялъ ящикъ, коробка съ молотомъ, все нужное для паянья, газовый рожокъ. Каждое звено берутъ пинчиками, вкладываютъ его въ другое и припаявають разрывавшееся место. Скорость этой операціи удивительна. Работницы дѣлають въ день отъ трехъ до пяти футовъ самой-тонкой цѣпочки, содержащей триста-пятьдесятъ-восемь колечекъ въ футѣ. Длина звена зависитъ не столько отъ сложности образца, сколько отъ искусства и опытности работницы. Для паянья употребляютъ золото низшаго сорта, чтобъ оно скорѣе расплавлялось.

Послѣ этого цѣпочка имѣетъ настоящую форму, но она имѣетъ видъ темной мѣди. Надобно еще ее вывернуть, выгнуть, сгладить, выкрасить, полировать или вычернить. Вывариваютъ золото в то время первоначальныхъ работъ, чтобъ оно несмѣшанномъ отворать.

Вытягиваніе цѣпочки дѣлается дѣлаго, чтобъ увѣряться въ ея прочности и придать ей болѣе-плоскую форму. Проводить ее всегда также чрезъ волочишко, чтобъ сгладить и выгнуть болѣе.

Потомъ настаетъ самая-занимательная операція, а именно прощипываніе золота. Шекспиръ смѣялся надъ тѣми, которые хотѣли сдѣлать жемчужно и золотымъ золото. О жемчужнѣ мы умолчимъ; но можемъ доказать, что Сомвей умѣетъ золотымъ золото и что онъ этимъ придастъ болѣе блеска и красоты драгоцѣнному металлу. Изъ большаго числа людей, знающихъ, что золото красится, почти всѣ думаютъ, что вещи, выкрашенныя такимъ образомъ, теряютъ свою цѣну, или сдѣлаемы изъ дурнаго сорта металла. «Цвѣтъ золота и безъ того прекрасенъ и чистъ (говорятъ они), такъ для чего же его выкрашивать?» Впрочемъ, для того, что вкусы у всѣхъ разные. Одни любятъ, чтобъ золото было ярко-оранжеваго цвѣта, другому нравится палеый оттѣнокъ, третьему кажется чистымъ только то золото, которое красновато.

Вовторыхъ, мы сказали ужъ, что сплавляютъ звенья цѣпи низшимъ качествомъ золота, которое блѣднѣе всей цѣпи, кажущейся отъ этого пестрою. Кроме того, иногда рисунокъ цѣпочки такъ сложенъ, что нѣтъ никакой возможности полировать ее внутри, гдѣ она соотается черна, какъ мѣдь. Стало-быть, необходимо выкрасить золото внутри, чтобъ сравнять его съ наружною оболочкою цѣпочки. Вотъ какъ это дѣлается на фабрикѣ Сомвей :

Красильное вещество составляется изъ селитры, простой соли и хлористо-водородной кислоты. Изъ этого смѣшенія происходитъ жемчужная краска; но если прибавить красцовъ, то она получится въ другомъ видѣ. Эти три вещества, въ известномъ количествѣ, кладутся

ль и ставится на огонь. Эти тигели дѣлаютъ изъ свинца, а азвоятъ еловыми дровами, потому-что они горятъ розвѣе и
 Когда оныѣ доходятъ до наивѣснаго градуса температуры, опускаютъ золотую вещь. Эта операция требуетъ большаго внимания, потому-что если золото останется въ тиглѣ минутою, чѣмъ нужно, то пропадаетъ совершенно. Сомвей всегда самъ одитъ эту послѣднюю операцию; и хотя всѣ его работники, какъ должно это дѣлать, но онъ не рѣшается поручить ни боясь какой-нибудь неосторожности, или неловкости. Цѣпочки, изъ тигля, вымываютъ въ чистой водѣ. Красноватый отгѣли желтыя тѣни, заходятъ отъ большаго или меньшаго количества, въ которыхъ красятъ золото.

Такъ производится процессъ этого крашенія. Составъ, опитый нами, разлагаетъ металлъ, дѣйствуетъ на чистое золото, ищетъ съ кислотою хлмическое сродство и составляетъ на поверхности предмета оболочку, или инкрустацию, въ родѣ крѣпчайшей эмалярыиче самого золота. Стало-быть, вотъ еще двѣ причины въ зу крашенія золота. Вещь дѣлается прочнѣе и не чернѣетъ; акт-какъ смѣсь эта разлагаетъ металлъ, то всѣз золота убався во время операции и фабрикантъ терлетъ много. Въ короткое ия потеря, однакожь, такъ незначительна, что не стоитъ упомина о ней.

Когда цѣпочка получила надлежащій цвѣтъ, ее полируютъ или воронятъ, послѣ чего она совершенно-готова. Вороненье предпочтнѣе, потому-что придаетъ больше блеска отгѣлкѣ; но не всякій сунокъ цѣпочки можетъ выдержать эту операцию. Вороненье состоитъ въ томъ, что поверхность цѣпочки приложить къ колесу, сдѣнному изъ свинца, сурьмы, мѣди и цинка и натертаго наждакомъ агатовымъ камнемъ. Если же цѣпочка не можетъ быть вороненою, ее просто полируютъ щеткой и землей.

Теперь остается только прибавить къ цѣпочкѣ крючокъ, застѣжку—она совершенно-готова.

Всѣ эти предметы дѣлаютъ изъ золота, превращеннаго въ тонкія полонм. Изъ нихъ вырѣзываются эти предметы посредствомъ машины, похожей на монетный чеканъ и которая, падая съ вышины двѣнадцати футовъ на кусокъ золота, отчеканиваетъ на немъ рельефное изображение, вдѣланное въ машину. Машина приводится въ движение посредствомъ блока.

Мы съ любопытствомъ осмотрѣли всѣ части заведения и слѣдили за изготовленіемъ цѣпочки. Послѣ этого Сомвей привелъ насъ въ свою контору, или магазинъ. Тамъ онъ открылъ огромный сундукъ и бросилъ передъ нами на столъ нѣсколько горстей разныхъ цѣпочекъ всѣхъ формъ и размѣровъ. Тутъ были дамскія цѣпочки, легкія и тонкія, какъ кружево, и массивныя, тяжелыя цѣпи, которыя въ большой модѣ въ Калифорніи.

У меня давно вертѣлся на языкѣ вопросъ, и я, на прощаньи, спросилъ Сомвей: не-ужели онъ въ-самомъ-дѣлѣ безвозвратно терлетъ

золото, которое разлагает кислота въ тиглѣ кремниа, и которое въ нѣсколько лѣтъ можетъ набраться много.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — здѣсь не пропадетъ даромъ ни одна унция золота. Мы сохраняемъ весь соръ, выметенный изъ рабочихъ комнатъ и когда тигли наши послужатъ нѣсколько времени, мы отправляемъ все это внизъ, въ плавильную, и плавильщикъ привезетъ намъ золото и серебро, полученное изъ сора и ненужныхъ тиглей.

На фабрикѣ работаютъ до сорока человекъ, болышею-частью американцевъ.

Мы поблагодарили Сомвея за его ласковый приемъ, несмотря на надѣясь, что *послѣдствіемъ не отускаемъ*, и пожелаали ему всевозможнаго успѣха въ продажѣ цѣпочекъ.

— Американцы любятъ во всемъ широкіе размѣры и строятъ новыя пароходы въ 4,000 тоннъ, 325 футовъ длины, 53 фута ширины, 39 футовъ глубины, на который употреблено будетъ 1,500,000 фунтовъ словаго лѣса, 2,056 тоннъ желѣза, 56 тоннъ мѣди. Парусъ будетъ имѣть 120 квадратныхъ футовъ; онъ сдѣланъ изъ 16,000 ардовъ полотна и проч.

— Въ Европѣ занимаются еще движеніемъ столовъ частнымъ образомъ и не дѣлаютъ изъ этого постоянного занятія; въ Америкѣ же есть художники, сдѣлавшіе изъ магнитическихъ фокусовъ ремесло: они не только объявляютъ о себѣ въ газетахъ, но даже выставляютъ явѣски надъ своими квартирами. Вотъ одна изъ нихъ, выписанная изъ американскаго журнала:

Джонъ К. Сеймуръ,
докторъ-магнетизёръ,
и супруга его мистрисъ Сеймуръ, ясновидящая
и медиумъ,

принимаютъ каждый день и даютъ совѣты
о дѣлахъ, болѣзняхъ и отсутствующихъ лицахъ.

Эти господа, говорятъ, собираютъ много денегъ. Есть, впрочемъ, должности, еще выгоднѣе и спокойнѣе этихъ. Такъ лондонскіе явдѣрмены не получаютъ жалованья, но имѣютъ много доходовъ. Особенно одинъ изъ нихъ, носящій званіе хранителя монумента (такъ называется колонна, воздвигнутая въ память лондонскаго пожара), пользуется огромными выгодами. Этому хранителю представляютъ два человека, изъ которыхъ одинъ открываетъ посѣтителамъ дверь въ музее монумента, а другой стоитъ на верху монумента и не позволяетъ желающимъ бросаться внизъ, что было одно время въ большой модѣ. Чтобъ осмотрѣть монументъ, платятъ шесть пенсовъ. Въ 1851 году, во время всемірной выставки смотритель получилъ чистаго дохода 4,337 фунт. стерл., то-есть больше 30,000 фр. Любопытство было бы узнать, сколько въ Парижѣ получаетъ дохода смотритель Вандомской Колонны?

— Такъ-какъ мы заговорили о движущихся столахъ, то приведемъ извлеченіе изъ любопытной статьи о нихъ извѣстнаго ученаго Бабине, рассматривающаго причины этого движенія въ механическихъ и физиологическихъ отношеніяхъ. Вотъ что онъ говоритъ:

наше время занимает всѣхъ слѣдующій фактъ: нѣсколько человекъ окружаютъ столъ, или другой подвижной предметъ. Они кладутъ на него руки, соединяя съ руками сосѣда оконечности пальцевъ. Черезъ нѣсколько времени, иногда черезъ часъ и больше, повинуясь незамѣтнымъ движеніямъ рукъ, начинаетъ вертѣться или нагибо. Это движеніе бываетъ иногда чрезвычайно-сильно грудно оставаться. Если столъ ужъ приведенъ былъ недавно женіе, то можно не держать на немъ рукъ, часто доста-одного человека, чтобъ продолжать операцію; стало-быть, при-ие рукъ производить круженіе стола и сильныя покачиванья его роны на сторону. И все это происходитъ безъ желанія самихъ елей, но все-таки вслѣдствіе незамѣтныхъ движеній, называе-невольными, въ которыхъ мы сами не можемъ дать себѣ от-

времени древнихъ магиковъ, колдуновъ въ среднихъ вѣкахъ, логовъ, конвульсионеровъ Сен-Медара, излеченій Месмера, жи-го магнетизма и до вертящихся столовъ, всѣ эти эпидеміи, гвующія на легкомысленныхъ людей, часто съ помощію плу-ва и невѣжества, имѣютъ между собою одно сходство: всѣ глупы и смѣшны. Не привода мнѣнія умныхъ мыслителей, доволь-спомнить, какъ каждый вѣкъ смѣялся надъ предрассудками сво-предшественника. Цицеронъ не могъ понять, какъ два аурусни-могли безъ смѣха смотрѣть другъ на друга, а мы не понимаемъ, ь римскій народъ слушалъ обманщиковъ и не гналъ ихъ изъ Рима. ливе бросали въ воду священныхъ куръ, говоря, что если онѣ азываются отъ ѣды, то вѣрно хотятъ пить; но они лучше бы бро-и туда тѣхъ, которые вѣрили въ предсказанія и предостереженія хъ животныхъ.

Посмотримъ теперь, какъ наука организма, *физиологія*, и наука дви-ніи — *механика*, объясняютъ движенія и скачки тяжелой массы подъ ьцами, производящихъ опыты и бывающихъ *невольною* причиною ьхъ этихъ движеній. Въ этомъ-то и заключается все непонятное... сличіи подобныхъ фактовъ могутъ быть приведены въ доказательство ихъ невольныхъ движеній.

Всѣ согласны, что тѣло находится въ такой тѣсной связи съ ду-ою, что невозможно даже подумать о какомъ-нибудь мысленномъ иженіи безъ того, чтобъ тѣло невольно не отвѣчало на него. Одинъ глійскій лордъ увѣрялъ, что лошадь его такъ хорошо дрессирована, то ему достаточно подумать, въ какую сторону онъ хочетъ повер-уть ее—и лошадь тотчасъ же исполняла его желаніе. Онъ говоритъ акже, что и всадникъ, желающій дать какое-нибудь направленіе ло-пади, незамѣтно дѣлаетъ движеніе, соответствующее своей мысли, и ютъ почему лошадь исполняетъ то, чего хочетъ всадникъ.

Тотъ же результатъ производятъ и руки, положенныя на столъ. Послѣ ожиданія, болѣе или менѣе долгаго, въ рукахъ происходитъ нервическое дрожаніе и весъ, составляющіе цѣпь, невольно нажимаютъ столъ, чего ужъ достаточно, чтобъ привести его въ движеніе. Со-единеніе низищевъ способствуетъ тоже передачѣ незамѣтнаго нер-

вическаго вліянія, которое производитъ сходство въ дѣйствіи. Силамъ всѣ руки дѣйствовали отдѣльно и потому мѣшали движению. Всѣ знаютъ, что пѣсни съ извѣстнымъ каденсомъ, которыя поютъ матросы и работники, помогаютъ имъ въ одно время соединить всѣ силы для поднятія какой-нибудь тяжести. Стало-быть, музыкальный ритмъ имѣетъ большое вліяніе на общее дѣйствіе, и были столы, сопротивлявшіеся сжиманію множества рукъ, но приходившіе въ движеніе при первыхъ звукахъ «ортепелью».

Итакъ, соединенныя усилія доводятъ до-того, что столъ начинаетъ кружиться; во въ-состояніи ли движеніе, почти-незамѣтное и безознательное, привести въ движеніе иногда тяжелую массу и заставить ее вертѣться съ чрезвычайною скоростью? На это отвѣтить намъ физиология.

Всѣ мускульныя движенія производятся въ тѣлѣ рычагами третьяго разряда, въ которыхъ точка опоры близка къ точкѣ, гдѣ начинается дѣйствовать сила. Эта сила придаетъ большую скорость движущимся частямъ на маломъ разстояніи, на которомъ дѣйствуетъ эта движущаяся сила. Чтобы убѣдиться въ этомъ, протянемъ руку и будемъ ее потомъ сгибать. Кости ручной кисти имѣютъ точку опоры въ локтѣ. Оба сильные мускула руки съ обѣихъ сторонъ локтя стягиваются и привлекаютъ кисти проходящую у самаго локтя, то-есть подлѣ точки опоры. Отъ этого малѣйшее движеніе кисти заставляетъ дѣлать оконечность руки сильныя и быстрыя движенія. Но надобно замѣтить, что сильнѣйшее и быстрѣйшее движеніе происходитъ при самомъ началѣ его. Если принять во вниманіе первый толчокъ дрожанія первыхъ органовъ, то быстрота, которую можно приписать этимъ первымъ органическимъ движеніямъ, очень-велика, чувствуешь или не чувствуешь ее тотъ, кто производитъ.

Тысячи примѣровъ могутъ объяснить эти данныя механизма органовъ. Воверныхъ, искусство фокусниковъ состоитъ въ томъ, чтобы обмануть глазъ зрителя столь быстрыми движеніями, что ихъ нельзя замѣтить. Всѣ эти движенія совершаются на самомъ маломъ разстояніи. Стаканчики, въ которыхъ происходитъ превращеніе, почти прикасаются между собою и медленное движеніе одной руки скрываетъ быстрый обманъ другой.

Въ «ехтовальномъ искусствѣ всѣ знаютъ, что короткія движенія бываютъ самыя опасныя, что «ехтующій» прикрываетъ себя тѣмъ, что дѣлаетъ рукою, въ которой держитъ оружіе, только самыя малыя движенія. Сила и слабость оружія зависитъ не только отъ разстоянія острей шпата отъ эфеса, но надобно смотрѣть, совершимо ли оружіе уже часть своего движенія, или только начинаетъ его. При началѣ движенія, дѣйствіе гораздо-сильнѣе.

Кто хочетъ бѣжать очень-окоро, тотъ долженъ дѣлать весьма-малые шаги. Но если шагъ вмѣсто 66—80 сантиметровъ будетъ только въ тридцать, какимъ образомъ быстрота будетъ значительна? Непремѣнно будетъ, потому-что, вмѣсто одного широкаго шага, сдѣлано будетъ четыре или пять, которые гораздо-менѣе утомляютъ бѣгущаго. Если и въ быстротѣ маху шаговъ приосодинитъ сильную

гость тѣла, придающую нижнимъ членамъ болѣе силы, то быстроты будутъ самая выгодная, хотя и несовершенная. Знаменитая англійская лошадь Эклипсъ, неизмѣнная до-сихъ жѣ равной въ быстротѣ бѣга, пробѣгая въ минуту англійскую галопировала безъ красоты, опустивъ голову между передними, чрезвычайно наклонивъ все тѣло и неширокими, но до-того длинными скачками, что дѣлала въ часъ сто километровъ: это по-а быстроты урагана.

медицинскихъ причинъ замѣтила много подобныхъ фактовъ. кой, одержимый нервическимъ дрожаніемъ, ломалъ себѣ руку о тѣ, если рука касалась дерева при началѣ припадка. Одна по-а женщина въ подобномъ случаѣ разорвала себѣ кожу на тѣлѣ; , которые подвержены зубной боли, иногда до-того сжимаютъ , что ломаютъ все тѣмъ же незамѣтнымъ, почти-невольнымъ снѣмъ, но самымъ сильнымъ. Я самъ видѣлъ солдата, умираю-а отъ тетаноса, который незамѣтно дотронулся ногою до доски и въ послѣдній трепетъ агоніи былъ такъ силенъ, что доска за-цала.

исключно лѣтъ тому назадъ, въ Парижѣ обратила на себя внима-молодая дѣвушка изъ рабочаго класса. Мускулы ея имѣли странноество. Эта низенькая, сутуловатая дѣвушка садилась на стулѣ и по-а, поднимаясь съ него медленно, отбрасывала его назадъ не до-аиваясь до него ни однимъ членомъ и только однимъ движеньемъскуловъ, прикасавшихся къ стулу, когда она сидѣла. Впрочемъ, ать же фокусъ органической механики дѣлали нѣкоторые молодыеенки; и хотя онъ выходилъ не такъ блистательно, но все-таки до-аывалъ, что это возможно почти для всѣхъ, кто захочетъ тѣмъ за-агаться. Чтобъ понять подобную игру мускуловъ, стоить только сжатьако кому-нибудь руку выше кисти, и попросить эту особу, чтобъа на исключно разъ сжимала и разжимала кулакъ: вы тотчасъ же по-аувствуете подъ вашею рукою, что мускулы надуваются и, приходя въа вышнее, почти отталкиваютъ вашу руку.

Когда хищная птица паритъ надъ однимъ мѣстомъ, высматривая се-а добычу, всѣ вообще думаютъ, что она держится на одной точкѣа высоты, не дѣлая никакого движенія. Мнѣніе это ошибочно и невоз-аможно; оно противорѣчитъ всѣмъ правиламъ механики. Я наблюдалъа полетъ птицъ съ вершинъ Пиреней и Центральныхъ Горъ Франціиа и убѣдился, что, паря, подвижному безъ движенія, онѣ опускаютсяа очень-замѣтно, хотя и не скоро. Если птица съ распущенными крыль-аами и безъ движенія не падаетъ, это потому только, что перья еяа имѣютъ способность поддерживать ее нѣсколько времени на воздухѣ,а но она въ это время все-таки опускается. Разумѣется, что это по-авиженіе птицъ замѣтно только наблюдателю, находящемуся на рав-аной съ ней высотѣ; но для смотрящихъ снизу на небесномъ фонѣа птицы въ-самомъ-дѣлѣ кажутся неподвижными. Мы замѣтили также,а что птицы во-временамъ дѣлаютъ небольшое движеніе крыльями, ско-арые чуть-замѣтное дрожаніе, и это-то нервическое движеніе доста-аточно длятого, чтобъ не только долѣе держаться на воздухѣ, но

чтобъ подняться еще выше. Эти верама движенія можно назвать *раждающими*. Въ организаціи животныхъ всѣ раждающіяся чутки чрезвычайно-сильны и скоры.

Вотъ еще примѣръ въ подтвержденіе этой истины. Когда кто-нибудь *подымаетъ* руку на другаго и хочетъ ударить, те движенія ея руки такъ быстро, что онъ собственно не подымаетъ ее, а просто *бросаетъ*, и оттого ударъ бываетъ очень-силенъ; тогда-какъ ударъ протянутой руки не имѣетъ почти никакой силы, какъ это, вѣроятно всѣ замѣтили. То же самое можно сказать и о походкѣ. Кто идетъ скоро, тотъ не подымаетъ ногу для того, чтобъ ступить, а бросаетъ ее впередъ, и отъ этого въ аллеяхъ садовъ и на песчаныхъ дорожкахъ, послѣ дождя, мелкіе камешки, прилиная къ подошвѣ, съ шумомъ летятъ впередъ во время скорой ходьбы.

Итакъ механика и физиологія доказываютъ, что раждающіяся движенія почти-незамѣтны, но чрезвычайно-сильны. Когда же нѣсколько лицъ нажимаютъ руками столъ, и когда невольныя дрожанія мускуловъ произведутъ согласное движеніе, отъ этого произойдетъ огромная сила, особенно если мускульное дрожаніе рукъ усилится нервическою раздражительностью, которая во сто разъ увеличиваетъ силу. Изъ этого видно, что воображеніе играетъ почти главную роль въ этихъ фокусахъ. Соединеніе мнзинцевъ помогаетъ тоже *металлической симпатіи*, то-есть согласному дѣйствию всѣхъ дѣйствующихъ лицъ.

Удивлялись, что столъ, приведенный въ движеніе нѣсколькими лицами и вертящійся съ большою скоростью, ломался и падалъ безъ шума, когда его хотѣли вдругъ остановить. Это очень-понятно и прослѣдить отъ соединенной и согласной силы нѣсколькихъ лицъ. То же самое происходитъ, когда столъ нагнется въ одну сторону и его хотятъ опустить силою въ другую. Физическое объясненіе этого явленія очень-просто.

Надобно, конечно, почитать сказками всѣ движенія столовъ, когда человѣческая рука къ нимъ не прикасается. Это просто невозможно. И вотъ неоспоримое доказательство этой истины. Подъ пальцы положили на столъ тонкія пластинки слюды, и такъ-какъ руки не имѣли сообщенія съ деревомъ стола, то и нельзя было передать ему никакого движенія. Опытъ этотъ дѣлали во Франціи у графа д'Урвизъ, и въ Англій, у знаменитаго физика Фареде. Столъ оставался неподвиженъ, потому-что пальцы скользили по поверхности его и не могли его увлечь. Въ защиту столовъ говорили, что движеніе не происходитъ оттого, что слюда не пропускаетъ электрическаго тока; но эту же слюду прильпили слегка къ кончикамъ стола и онъ началъ вертѣться, несмотря на то, что слюда и тутъ должна была мѣшать электричеству и магнитической симпатіи.

Необходимо еще испытать: въ какой степени нужно нажимать руки, чтобъ произвести движеніе, и достаточно ли одной волнъ внутренней или произнесенной громко, чтобъ опытъ удался? Можетъ ли также легкое направленіе, данное однимъ лицомъ, перемѣнить общее дѣйствию и заставить столъ остановиться и повернуть въ другую сторону?

Благоразумные люди удивляются не тому, что иды руки производят движение столовъ, но тому, что бывают случаи, когда столы таются неподвижны, несмотря на всѣ старанія. Дѣло не въ томъ; объ узнать почему производится это движение, но какими образомъ механическое движение передается неорганическимъ тѣламъ? Это объясняется нашею теоріею о первыхъ движенияхъ и чрезвычайнаго ихъ мюю при началѣ дѣйствія.

Стало-быть, механическіе и физиологическіе феномены движущихся головъ не могутъ производиться силою одной воли. Неясно только, какъ въ XIX вѣкѣ, когда физическія истины извѣстны не только въ школахъ, но и въ народѣ, есть столько серьёзныхъ умовъ, присмывающихъ какимъ-то фантастическимъ силамъ движение столовъ.

Споръ о столахъ перешелъ въ литературу и сотни брошюръ толкуютъ объ этомъ и поддерживаются извѣстными и учеными именами. Лучшая противниковъ столоверченія, становится собою, что вѣрять въ подобныя глупости; приверженцы же приводятъ одинъ неоспоримый аргументъ и повторяютъ вмѣстѣ съ Галилеемъ: *e rit si moove a se—таки движется*). Нельзя допустить только одного, чтобъ всѣ, приводящіе столы въ движение, были обманщики или фокусники. А что они ослѣплены, въ этомъ нѣтъ сомнѣній...

— Чтoby расширить обращеніе золота, французское правительство начало выпускать золотыя пяти-франковыя монеты. Онѣ легки и удобны; тогда-какъ серебряныя нельзя было много положить въ карманъ; или кошель, потому-что онѣ велики и тяжелы.

— Въ Парижѣ будетъ, какъ въ Лондонѣ, ночная стража. Въ провинціяхъ Франціи давно ужъ существуетъ это полезное учрежденіе, и въ нѣкоторыхъ городахъ стражи выкрикиваютъ часы, какъ въ Германіи. Неизвѣстно только, будутъ ли воры осторожнѣе.

Метельщики города тоже будутъ имѣть правильную администрацію, вслѣдствіе которой должны исчезнуть безпорядочные толпы мужчинъ и женщинъ, бродящихъ по улицамъ въ отвратительныхъ лохмотьяхъ и невносящихъ никакой пользы чистотѣ города. Теперь они раздѣлены будутъ на четыре легіона, изъ которыхъ въ каждомъ будутъ по три группы въ каждомъ четыре отдѣленія, въ отдѣленіи — четыре партіи. Партія будетъ состоять, изъ восьми или десяти человекъ мужчинъ и женщинъ: стало-быть, будетъ 72 отдѣленія, или 288 партій. Всего 2,500 человекъ.

Въ каждомъ отдѣленіи будетъ особенный начальникъ съ знаменъ на плечѣ. Костюмы всѣхъ метельщиковъ будутъ одинакіе и чистые; орудія ихъ — метлы и лопатки, будутъ опрятны и должны содержаться въ чистотѣ.

Отъ полезныхъ постановленій перейдемъ къ забавамъ.

Прошелъ безумный карнавалъ съ пестрыми костюмами, увлекательными танцами. Итальянцы подарили Франціи этотъ обычай и прислали своихъ пуччинелей, арлекиновъ, коломбинъ. Этого было мало и Парижъ прибавилъ къ нимъ дебардеровъ, Тити, Пьеро,azole галоны и нѣсколько другихъ танцевъ.

Въ Парижѣ хороши дѣтскіе балы и еще костюмированныя. Каждый

нашею съ гордостью вѣдетъ своего крошечнаго мушкетера, ан маркису, и наслаждается неподдѣльною радостью маклотомъ. Случается, что слеза пробѣжитъ по розовой щечкѣ, когда печально обнесутъ явного-никуда гостя конфектами, или сладкими пироженками; но въ такомъ случаѣ тотчасъ утихаютъ всорету, или арескина — и радость сама заблеститъ на ихъ личикахъ. Веселитесь, дѣти, покуда познаете одну только радость!..

Изъ Флоренціи пишутъ, что 13 января г. Доминговъ встрѣчалъ русскій годъ такимъ великолѣпнымъ баломъ, который назвали чудеса «Тысячи в Одной Ночи». Все высшее общество Флоренціи и иностранцы собрались въ обширныхъ залахъ, навалешенныхъ цѣнами; освѣщеніе было великолѣпное, убранство самое роскошное и всю ночь танцовали подъ звуки очаровательнаго оркестра.

Въ Парижѣ городскій балъ былъ тоже одинъ изъ блистательнѣйшихъ, для избѣжанія тѣсноты, должны были очистить канцеляріи и лекторы. Неприятно только, что обычай прѣзжать поздно на балъ дѣлалъ ужь до-того, что некоторые эксцентрическіе гости прѣзжали тогда, когда люстры гаснутъ. Причиною этого совсѣмъ не жадна и не жадна отличался отъ другихъ, а сложность дамскаго туалета, который требуетъ чрезвычайно-много времени. Пользуясь тѣмъ, что вечера не танцуютъ, а шаршируютъ, дамы накутываютъ на себя такое множество цвѣтовъ, лентъ, брѣльянтовъ, что новозелѣткіе кажутся неразвѣзанными и чопорными. Немуद्रено, что молодые люди бѣгутъ съ этихъ баловъ въ безцарственное *Прадо*, *Валентинно* и другія подобныя мѣста.

Въ извѣстномъ году шлефомъ еще болѣе связали женскія движения. Невѣдите показывать свою живость и ловкость съ десятью нагнанными матеріями, опутывающей ноги. Мужскіе костюмы тоже новозелѣткіе-удобны, но это потому, что къ нимъ еще не привыкли. Были еще не такіе моды, но я тѣ выходили пресвословными.

Въ Парижѣ занимаются всѣми возможными ремеслами, говорятъ на всѣхъ языкахъ. Это — хрѣтъ науку и убѣждаетъ моншенность. Всѣмъ великолѣпныхъ отелей видны жалкія хижины; бѣдность неминуемо встрѣчается съ богатствомъ, слезы — съ радостью; всадѣ контрасты...

«Модально (инигошь нашъ корреспондентъ) я изъ любопытства зашелъ на биржу. Все было тамъ еще тихо и только въ коридорахъ сговаривались группы и сговаривались, какъ дѣйствовать при началѣ биты. По данному знаку, биржевые агенты вступили на арену; началось сраженіе капиталовъ. Можно было подумать, что тутъ цѣлый дождь снаснавданныхъ, которые говорятъ всѣмъ всѣмъ, не слушая никого. Всѣ кричали, размахивая руками, бѣгали изъ угла въ уголъ; сотни рукъ поднимались вдругъ вверхъ, сотни бумагъ летѣли разорванными и тотчасъ же являлись сотни другихъ. Это уставаливаться и оспоривали курсы. Въ то время, какъ сужденія рѣшались въ срединѣ биржи, въ окружающихъ группахъ сиюземин то прояснялись, то змурались.

Одни обогащались, другіе разорялись; никто не можетъ угадать пониженія и повышенія курса и всѣ играютъ на авось.

Въ этомъ снмалосномъ хрѣтѣ есть богатые спекуляторы и бѣды:

срискты. Первые играют на то, что выиграть, вторые — на то, чего никъ нѣтъ. У однихъ есть мажорны, у другихъ пустой коллелекъ, и тѣ и другіе наживаются и разоряются, то—естъ разоряются только тѣ, у которыхъ есть свои капиталы, а мелкіе азеристы разоряютъ остальныхъ, дѣйствующихъ имъ свое состояніе. Въ минуту кризиса всѣ эти бездешевные прожектеры исчезаютъ такъ скоро, какъ—будто проливаются подъ паркетъ, и простодушные доверители капиталовъ бязаны платить, сами не зная за что. Они, разумеется, даютъ торгественное обещаніе, что никогда не будутъ играть на биржѣ; но гонятъ только имъ встрѣтиться съ однимъ изъ известныхъ агентовъ — они готовы отдать ему все, что имѣютъ. Биржа — та же азартная гра. Кто игралъ, тотъ будетъ опять играть.

Я стоялъ въ верхней галереѣ и наблюдалъ за любопытнымъ спектаклемъ, какъ вдругъ подошелъ ко мнѣ старичокъ съ вольтеровской улыбкой и сказалъ:

— Вы тоже играете?

— Нѣтъ; я наблюдаю.

— Въ такомъ случаѣ смотрите внимательно: сейчасъ произойдетъ большое вліяніе.

— Въ чемъ дѣло?

— Я сейчасъ слышалъ, что распустятъ слухъ, который будетъ имѣть вліяніе на курсъ.

— И слуху повѣрять?

— Тѣ, которые хотятъ поднять курсъ, введутъ всѣхъ въ заблужденіе и достигнутъ свой цѣли. Я ужъ тридцать лѣтъ слышу за биржевыми дѣлами и вижу все однѣ и тѣ же страсти. Иногда результаты бываютъ совершенно—противные ожиданіямъ. Вы знаете такъ же хорошо, какъ я, что кредитъ основывается на доверенности, доверенность — на общественномъ спокойствіи; но такъ—какъ намъ угрожаютъ несчастіи, то каждый старается спасти свои капиталы отъ финансоваго кризиса. Финансовый кризисъ влечетъ за собою коммерческій... это лопнула, отбравшаяся отъ вершинъ горы и уничтожающая все, что встречаетъ на своемъ пути.

Въ это время внизу поднялся такой страшный шумъ, что слышалъ слова моего сосѣда, и я поскорѣе вышелъ. Многие последовали моему примѣру, вѣроятно, тоже боясь оглохнуть. При выходѣ изъ этого храма финансовъ, я встрѣтилъ человѣка: на лицѣ его было написано отчаяніе... онъ разорился совершенно! На другой день я узналъ, что несчастный умеръ — печальный конецъ тѣхъ, кто хочетъ обогатиться не трудомъ, а игрою.

Въ Сев-Демиской Улицѣ, гдѣ находится нѣсколько магазиновъ лентъ, 74 прикащика отпущены съ 1-го февраля. Другой магазинъ модъ, изъ тридцати прикащиковъ оставилъ только пятнадцать и, вообще, всѣ торговые дома стараются уменьшить свои расходы. Больше всего пострадали содержатели отелей, каретники, отпускающіе экипажи и лошадей и вообще всѣ фабрикаціи вещей роскоши. Даже дамы должны будутъ отказаться отъ дорогихъ нарядовъ. Недавно слышалъ я, что цина мелодая, блонурал герцогиня завезла себѣ придворное

клатье съ шпелюдиъ, которое стоило ей изобрѣсти для мысли системы *франковъ*. Оно вышито жемчугомъ и бриллынтами; шпелюди въ восемьсотъ франковъ ужь очень-обыкновенны. Но много ли въ Парижѣ такихъ богачей, которые поддерживаютъ роскошь?

Балы и концерты не прерываются. Придворные, министерскіе балы великолѣпны. Последний всегда старается затмить предшествующій. Вездѣ покуда танцуютъ, веселятся...

А между-тѣмъ смерть тоже не останавливается. Три человека, заслужившіе всеобщую извѣстность, умерли почти въ одно время: Арманъ Бертенъ, Бланки и Гудшо. Первый впродолженіе тридцати лѣтъ управлялъ журналомъ преній; второй основалъ Коммерческую Школу; третій извѣстенъ путешествіемъ вокругъ свѣта, открывшимъ ему двери института. Отъ этихъ трехъ людей, осталось одно только воспоминаніе...

— Человѣческій умъ направленъ въ настоящее время къ прилическимъ изобрѣтеніямъ. Машины умножаются во всѣхъ отрасляхъ промышленности, и человѣку остается только приводить ихъ въ движеніе. Мы ужь говорили объ опытахъ дѣланія вина изъ свеклы; опыты эти удалсь до такой степени, что успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Сто-пятьдесятъ сахарныхъ заводчиковъ подали просьбы, чтобъ имъ позволили, вмѣсто сахара, дѣлать вино изъ свеклы. Вино это почти возможно отличить отъ винограднаго и оно, сверхъ-того, очень-важно для здоровья.

Ненадобно однако думать, что фабрикація сахара отъ этого пострадаетъ. Нѣкто баденскій житель, Шуденбахъ, изобрѣлъ очень-простую машину для экстракта сахарнаго вещества изъ свеклы. Теперешнія машины стѣютъ 20,000 франковъ; но машина Шуденбаха обходится только въ 6,000 франковъ и будетъ давать двадцатью процентами больше прежняго. Ее можно употреблять не только для свеклы, но точно такъ же и для сахарнаго тростника, обработка котораго будетъ гораздо-дешевле и скорѣе.

— Открытъ еще новый способъ обработки пеньки и льна. Во Франціи считаютъ больше ста-восьмидесяти льняныхъ фабрикъ: стало-быть, можно обратить вниманіе на этотъ чрезвычайно-легкій способъ. Чтобъ сдѣлать пеньку, или ленъ тонкими какъ шовель, надобно просто промывать его, какъ моютъ бѣлье въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Франціи. Сначала положить въ котелъ, или въ чанъ, немного соломки, потомъ кладутъ бѣлье, завернувъ въ него пеньку и ленъ, и сверху опять вкладываютъ бѣлье и покрываютъ его слоемъ золы. Потомъ наливаютъ все это водой, смѣшанной съ золой и известкой и повторяютъ это обливанье разъ шесть въ день, послѣ чего пеньку вымоласкиваютъ и высушиваютъ. Изъ этой пеньки ткуть самый тонкій и мягкій холстъ. Ленъ, приготовленный такимъ образомъ, чрезвычайно-шелковистъ.

Если тонкая обдѣланная пенька идетъ на бѣлье, то простая приноситъ чуть-ли не больше пользы. Что бы мы дѣлали безъ веревокъ? На морѣ онѣ еще нужнѣе, чѣмъ на землѣ, и безъ веревокъ плохо бы пришлось кораблю. Г. Дельвинъ назначаетъ еще новую роль веревокъ въ своемъ новомъ изобрѣтеніи, названномъ *porte-amars*. Часто въ

бли погибають почти въ виду гавани и не могутъ сообщиться съ регомъ. Дельвинъ придумалъ для этого машину, изъ которой вытаетъ длинная веревка, оканчивающаяся деревяннымъ цилиндромъ, острымъ концомъ, длиною въ пятьдесятъ сантиметровъ. Эта веревка можетъ достать на расстоянии отъ трехъ до четырехсотъ метровъ и развивается изъ цилиндра на воздухѣ, тогда—какъ оконечность ея прикрѣплена къ другому резервному цилиндру. Корабль, близкій къ гибели, можетъ быть еще спасенъ, если во-время бросить *projectile* на берегъ. Изобрѣтатель совѣтуетъ запастись этимъ изобрѣтеніемъ; но признаемся, мы худо понимаемъ пользу его.

— Одинъ каретный мастеръ въ Лионѣ изобрѣлъ новую систему экипажей, по которой одна лошадь можетъ везти полтора раза больше тяжести, чѣмъ теперь; кроме-того, экипажъ этотъ не можетъ никогда опрокинуться и лошадь тоже никакъ не упадетъ. Форма этого экипажа довольно-странная, потому-что переднія колеса будутъ (оходить лошади до боковъ и вся задняя часть ея будетъ закрыта экипажемъ; одна голова и шея будутъ видны. Въ этомъ положеніи лошадь находится въ близкомъ сообщеніи съ задними колесами, въ которыхъ сосредоточена вся тяжесть экипажа. Впрягается лошадь такъ, что если она и споткнется, то ей не позволитъ упасть внутреннее устройство кареты. Равновѣсіе такъ рассчитано, что нѣтъ никакой возможности опрокинуться ни въ какую сторону.

Этотъ способъ позволяеть, вмѣсто трехъ лошадей, запрягать двѣ, потому-что каждая можетъ по этой системѣ везти одну съ половиною доли тяжести. Но еслибъ этотъ способъ спасалъ только бѣдныхъ лошадей отъ паденія — и этого было бы ужь довольно. Сколько несчастныхъ животныхъ умираютъ подъ тяжестью, несоразмѣрною съ ихъ силою, тогда-какъ, благодаря новому изобрѣтенію, онѣ избавятся отъ вѣрной смерти, а хозяева ихъ — отъ убытка.

Одинъ землевладелецъ, Шексъ де-Морисъ, выстроилъ для крестьянъ несгораемый домъ. Распространеніе подобныхъ строеній въ селеніяхъ было бы истиннымъ благодѣяніемъ, потому-что тамъ пожары случаются очень-часто. Домъ де-Мориса построенъ изъ четырехугольныхъ плиточекъ двадцати-пяти сантиметровъ длины и восьми сантиметровъ толщины. Плиточки эти сдѣланы изъ желѣзныхъ опилокъ, смѣшанныхъ съ глиною. Домъ имѣетъ шесть метровъ длины и четыре ширины, высота его три метра двадцать-пять сантиметровъ и въ немъ одна комната. Крытъ онъ легкой и крѣпкой черепицей.

Въ этой комнатѣ поставлены перегородки для удобнѣйшаго расположенія. Окно, каминъ — все желѣзное; большая часть мебели, кровать, стулья, столы тоже желѣзные: стало-быть, пожаръ невозможенъ въ подобномъ домѣ, и въ отдаленныхъ селеніяхъ это было бы истиннымъ спасеніемъ, потому-что тамъ часто нѣтъ средствъ потушить пожаръ и неоткуда ожидать помощи.

— Осматривая великолѣпные памятники и монументы Парижа—путешественникъ иногда съ удивленіемъ видитъ, что въ самыхъ лучшихъ кварталахъ есть непроходимые грязные переулки, никогда не освѣщаемые солнцемъ и воздухъ которыхъ заразителенъ. Можно вообра-

зять, какіе несчастные живутъ въ этихъ трущобахъ и какіи боленіи зараждаются тутъ. Надобно признаться, что наши градды мало заботились о гигиенѣ и строили дома чуть-ли не одинъ на одномъ, и рассчитывая, что жителямъ этихъ голубятенъ нечѣмъ будетъ дышать. Квартиры, считавшіяся лучшими въ прошедшемъ вѣкѣ, теперь совершенно заброшены, потому-что улицы неправильны и останавливаютъ движение воздуха. Въ послѣднее время уничтожили много подобныхъ закоулковъ, но все-таки ихъ оставалось довольно. Теперь же принято просить рѣшительно истребить всѣ эти *лдошмымые* гробы. Улицы *Дюбургъ*, старая *Коломбе* и *Св. Маргариты* избавятся отъ переулковъ. Откроется новое сообщеніе на этой сторонѣ Сены и именована Ренвокою Улицею. Церкви *Св. Венуа* и *Сен-Жана Латранскаго* будутъ сломаны. Отъ рынка будутъ проведены три большія улицы и *Флаша* предложитъ проектъ окружить весь рынокъ желѣзною дорогою, для скорости передачи припасовъ. Надѣются, что проектъ этотъ будетъ принятъ.

Болезнь картофеля довела до нищеты многихъ работниковъ во Франціи и въ Англіи. О болѣзни этого интереснаго и питательнаго предмета написаны были цѣлыя томы и изобрѣтены тысячи способовъ для его спасенія; немногіе однакожь удались. Вотъ еще одинъ способъ противъ болѣзни картофеля, открытый земледѣльцемъ *Мирекуромъ*. Замѣтивъ, что картофельный листъ мѣнялъ цвѣтъ и начиналъ вянуть послѣ сильной росы, онъ покрывалъ корни новою землею и они разрастались выше. Въ началѣ августа, когда бывають вредныя росы, на картофелѣ всегда является вещество въ родѣ гноя, которое составляетъ болѣзнь его. Но *Мирекуръ*, предохраняя корни картофеля, спасъ его отъ вреднаго вліянія росы; картофель его избавился отъ заразы и сборъ былъ превосходный. Средство это просто и можетъ быть испытано. На Сѣверѣ оно ненужно, потому-что тамъ морозъ очищаетъ землю, извлекая изъ нея вредные соки и уничтожая насѣкомыхъ. И во Франціи въ нынѣшній годъ жаловались на суровую зиму, но она принесла много пользы: виноградныя лозы, уже три года страдавшія и неприносившія плодовъ, теперь принали здоровый цвѣтъ и общають на будущій годъ обильный сборъ. А все благодаря морозу, который выжалъ изъ земли соки, вредные для растений. Коммиссія, назначенная для отысканія причинъ болѣзни винограда и шелковыхъ червей, согласна съ этимъ и замѣтила, что мѣста, открытыя сѣверному вѣтру и находящіяся близъ большихъ рѣкъ, нисколько не пострадали отъ болѣзни, потому-что воздухъ тамъ осушается и теплота не остается въ землѣ.

— Въ одной угольной коди нашли цѣлый слой желтаго антаръ. Были куски весомъ въ два и три фунта. Эта находка удивила всѣхъ, потому-что встрѣтилась въ первый разъ; за-то антаръ сдѣлался дороже.

— Одинъ богатый промышленникъ построилъ въ своихъ мастерскихъ корабль изъ дьнга и уверяетъ, что онъ очень-удобенъ для плаванія. Это неистиво; но если этотъ дьнгъ покрытъ полудою и прот

ранить его отъ ржавины способомъ Рапателя, то корабль будетъ не легче и прочіе.

— Въ Пассае открывается большая выставка откормленныхъ домашнихъ животныхъ. 25,000 франковъ назначены для награды лучшимъ отоводамъ. Эти выставки приносили ужь большую пользу и улучшили многи породы домашнихъ животныхъ; особенно быки и бараны послѣднее время улучшились.

— Зима протекла въ Парижѣ недолго. Вѣтеръ сломалъ и разогналъ ледъ на Сенѣ; метельщики убрали снѣгъ съ улицъ; Парижъ гтаялъ. Такіе ли морозы видѣлъ Парижъ въ прежніе годы! Вотъ гадистика суровыхъ зимъ въ столицѣ Франціи.

Въ 358 году императоръ Юліанъ проважъ нѣсколько зимнихъ мѣяцевъ въ Мотени и говоритъ, что въ это время морозы были такъ сильны, что Сена покрылась толстымъ льдомъ и мосты одѣвались неужными. Этотъ гошитель христіанъ такъ боялся холода, что пошнпутью топилъ свои комнаты, и однажды чуть не задохся отъ угара.

Въ 822 году обоны перѣзжали по льду по Сенѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Въ 1408 году рѣзали ножомъ замершее вино для солдатъ.

Въ 1605 былъ 21° холода.

Въ 1676 и 1677 Сена замерала на тридцать—пять дней.

Начиная съ XVIII вѣка и до нашего времени холодъ часто бывалъ между 10° и 23° ниже нуля.

Самая суровая зима для парижанъ была въ 1795 году, когда термометръ опускался до 23°. Обоны ходили по Сенѣ цѣлыми двѣ недѣли и подымались на берегъ противъ Ботаническаго Сада, гдѣ теперь Аустерлицій Мостъ. Вино и другіе напитки рубили топорами.

Съ 358 до 1709 считаютъ 30 суровыхъ зимъ, а съ 1709 до 1840 года — 26.

Въ 1848 году начались тоже сильныя морозы, но они только испугали и опять скрылись.

Изобрѣтеніе термометровъ относится къ 1700 году, стало-быть, только съ-этихъ-норъ мы можемъ измѣрять температуру; о прежнихъ же годахъ судимъ по оравненію. Ученые замѣтили небольшія перемены въ температурѣ, но все-таки шаръ земной остался съ прежними полосами холода и тепла. Нельзя, однако, не замѣтить, что съ нѣкотораго времени температура Европы испортилась, слѣдствіемъ чего были болѣзми людей и растений. Это можно приписать увеличенію народонаселенія. Можемъ ли воздухъ остаться чистымъ и здоровымъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ число жителей удвоилось? Въ одномъ Парижѣ народонаселеніе прибавлялось постепенно слѣдующимъ образомъ:

Въ XIII вѣкѣ было въ немъ жителей	120,000
» XV	150,000
» XVI	200,000
При Людовикѣ XIV	492,600
Въ 1719 году.....	509,630
» 1784.....	660,000
» 1809.....	774,328

Въ 1841.....	912,033
» 1846.....	1,053,000
Въ 1700 году общее народонаселеніе Франціи простиралось до.....	19,669,000
Въ 1832 году дошло оно до.....	32,560,940
» 1846.....	35,400,486
» 1851.....	35,783,059

Въ этомъ же году въ Парижѣ считалось 1,053,265 жителей.

Стало-быть, невозможно, чтобъ это приращеніе народонаселенія не имѣло температуры. Къ этому надобно еще прибавить различные перевороты въ продолженіе полувѣка. Движеніе водъ, возвышеніе горъ, лѣса, вѣтры — все это имѣетъ дѣйствіе на влажность, сухость, холодъ и тепло. Дѣйствіе вѣтровъ очищаетъ, или портитъ атмосферу, смотря по тому, съ какой стороны они дуютъ. Неправильное движеніе ихъ собираетъ въ большихъ центрахъ народонаселенія густыя бѣловатые пары. Вотъ почему Парижъ почти всегда окруженъ туманомъ, мѣшающимъ астрономическимъ наблюденіямъ на обсерваторіи. Маршалъ Вальенъ доказалъ недавно, что необходимо для успѣховъ астрономіи помѣстить ученыхъ въ *настоящей обсерваторіи*, а не въ великолѣпномъ отелѣ, гдѣ они ничего не наблюдаютъ.

Новый директоръ парижской обсерваторіи Леверрье, ужь зная свое мѣсто и усердно принялся за дѣло. Будемъ надѣяться, что онъ придастъ новое стоемленіе этой интересной наукѣ.

Парижская Обсерваторія существуетъ 150 лѣтъ и во все это время не сдѣлала никакихъ замѣчательныхъ наблюденій по причинамъ, приведеннымъ нами. 28-го ноября прошедшаго года назначена была коммиссія для разсмотрѣнія астрономическихъ трудовъ, и имѣла что въ продолженіе полувѣка наука эта была въ большомъ пренебреженіи. Теперь же обсерваторія получила новое направленіе. Названіе астронома не будетъ простымъ титуломъ, потому-что астрономы обязаны будутъ сами заниматься этою наукою и передавать свои познанія ученикамъ. Во Франціи всего одна парижская обсерваторія да и та приноситъ мало пользы. До 1793 года было въ провинціяхъ нѣсколько обсерваторій (знаменитый *Фложеркъ* устроилъ свою въ Вилль), но революція уничтожила ихъ. Теперь обсерваторія будетъ снабжена необходимыми астрономическими инструментами и назначено будетъ неопредѣленное число учениковъ для слушанія курсовъ.

Отдѣленіе Долгогъ, учрежденное въ 1795 году, тоже подвергнется улучшеніямъ. Девять членовъ будутъ составлять отдѣленіе теоретической астрономіи. Два члена назначены будутъ изъ Академіи Наукъ, три астронома, два члена военныхъ, одинъ морякъ и одинъ географъ, кромѣ-того, еще будутъ семь членовъ-помощниковъ. Въ этомъ отдѣленіи членами: Лапласъ, Лагранжъ, де-Лаландъ, Кассини и Делапбръ. и хотя оно считается только прибавленіемъ къ обсерваторіи, но работы его важны, потому-что оно занимается практической астрономіей, состояніемъ атмосферы и разныхъ явленій и изданіемъ календаря, тогда-какъ обсерваторія наблюдаетъ только движеніе небесныхъ тѣлъ, дѣлаетъ новыя открытія и находится подъ вѣдомствомъ дирек-

ора, наблюдающаго за учениками и отдающаго о нихъ отчетъ министру.

Замѣтили, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ всѣ важныя астрономическія открытія сдѣланы не Франціею. Только одинъ Леверрье открылъ новую планету.

Говоря объ астрономіи, нельзя умолчать о лунѣ — этомъ симпатическомъ свѣтилѣ, которое увлекается землею. Каждый день дѣлаютъ на ней новыя открытія посредствомъ телескопа и скоро, съ усовершенствованіемъ астрономическихъ инструментовъ, мы будемъ знать луну чуть-ли не лучше земли. Теперь чрезвычайно-ясно видны цѣпи горъ и отличаютъ даже отдѣльныя горы, возвышающіяся посреди долинъ, какъ кегли. Горы, названныя астрономами *Апенниннами*, имѣютъ 18,000 футовъ высоты; другая цѣпь доходитъ до 25,000 футовъ.

Новая система освѣщенія газомъ, добываемымъ изъ воды, приводится въ исполненіе. Аппаратъ изобрѣтенія Шепарта извлекаетъ этотъ газъ и доставляетъ дешевое и прекрасное освѣщеніе.

Сколько успѣховъ сдѣлала наука съ-тѣхъ-поръ, какъ Вольтъ въ 1800 году открылъ дѣйствіе электрическаго тока! Но и прежде него, знаменитый физикъ Лесаажъ занимался приложеніемъ электричества къ телеграфамъ, и въ 1775 году устроилъ въ Женевѣ небольшой телеграфъ, сообщавшійся желѣзными проволоками и показывавшій 24 буквы. Теперь электричество признано лучшимъ проводникомъ и приводитъ въ движеніе телеграфы, часы, машины... Свѣтъ сдѣлался въ рукахъ Дагерра и Ньепса живописцемъ, вода превращается въ свѣтъ, прійдя черезъ аппаратъ Шепарта и Гали-Казата.

Это изобрѣтеніе тоже занимало многихъ ученыхъ и, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, Лавуазье въ своемъ *химическомъ трактатѣ*, говоря о разложеніи тѣлъ, замѣчалъ, что вода содержитъ въ себѣ частички газа, способныя возгораться и служить для освѣщенія.

Но ученый этотъ не продолжалъ своихъ работъ; послѣ него Вильсонъ, Шоссено, Матье, Тайлоръ и другіе занимались этимъ же предметомъ, и наконецъ Гали-Казатъ и Шепартъ привели въ дѣйствіе эту мысль, пользуясь разысканіями прежнихъ ученыхъ, но изобрѣтя собственную свою систему, которая совершеннѣе и удобнѣе прочихъ. Особенно электро-магнитическій аппаратъ Шепарта имѣетъ большое преимущество передъ всѣми другими.

Въ то время, какъ ученые употребляютъ электричество для добыванія свѣта изъ воды, врачебная наука пользуется имъ тоже для облегченія нѣкоторыхъ болѣзней, и электричество вылечиваетъ иногда тѣхъ, отъ которыхъ отказались доктора. Но человѣческому уму все еще мало этихъ открытій. Шмитъ, изъ Бекфорда (въ Англіи), нашелъ новое примѣненіе открытія Дагерра: онъ дѣлаетъ узоры на матеріяхъ, посредствомъ *фотограммъ*. Покрывал матерію химическимъ составомъ, онъ сушитъ ее въ темнотѣ и послѣ этого она способна принимать и удерживать на себѣ всѣ узоры, какъ дагеротипная доска. Послѣ этой операціи, матерію еще разъ погружаютъ въ другой составъ и изображенія остаются отпечатанными навсегда. Такимъ-образомъ печатають не одни узоры, то-есть очерки и разводы, но и

различныя цвѣта. *Первоначальныя радужныя цвѣта* всего лучше пристають къ матеріямъ.

И вся эта операція печатанія куска матеріи продолжается не болѣе двадцати минутъ.

— *Гидро-локомотивъ* Планверта скоро явится на Сѣнь. Эта машина будетъ приходить въ движеніе посредствомъ сжатого воздуха, и такъ-какъ она не можетъ запастись большимъ количествомъ воздуха, то будетъ нагружаться имъ въ особенно-учрежденных резервуарахъ. Отъ Парижа до Гавра локомотивъ будетъ семь разъ останавливаться, чтобъ запастись воздухомъ. Эта машина будетъ обходиться очень-дешево, а идти очень-скоро, потому-что она очень-легка. Въ ней одно неудобство: она не можетъ ходить по морю и прыскаться въ дальнія путешествія, покуда изобрѣтатель не найдетъ средство устроить въ ней самой резервуаръ воздуха.

Въ послѣднемъ засѣданіи Академіи объявили о новомъ открытіи *Сен-Клер-Девилля*, который превращаетъ въ блестящій металлъ простую глину, и этотъ металлъ расплавляется въ средней температурѣ, и легокъ, какъ стекло.

Это открытіе можетъ произвести большой переворотъ въ промышленности, особенно по дешевизнѣ матеріала, котораго вездѣ огромное количество.

— Расскажемъ теперь о новыхъ открытіяхъ и наблюденіяхъ въ области искусствъ и наукъ, и прежде всего объ открытіи греческихъ памятниковъ въ Каноссѣ.

Въ 1853 году открыто много любопытныхъ памятниковъ древности. Въ то время, какъ въ Кумахъ производили ежедневно богатія археологическія открытія, Бонуччи обратилъ вниманіе на некрополь, въ Каноссѣ (древнемъ Канузіймѣ), воздвигнутый въ лучшія времена греческаго искусства и содержащій въ себѣ множество сокровищъ для антикварія. Первые изслѣдованія Бонуччи были произведены въ 1847 году, но тогдашнія политическія обстоятельства препятствовали ему представить свои донесенія. Только въ прошедшемъ ноябрѣ получилъ онъ вновь приказаніе продолжать начатыя работы.

Канузіймъ находился на высшей степени извѣстности за 400 лѣтъ до Р. Х., а именно: когда греческое искусство было въ своемъ апогее. Здѣсь-то найденъ въ послѣднее время огромный надгробный памятникъ. Въ него входятъ преддверіемъ, изъ котораго вели двѣри въ девять покоевъ, назначенныхъ для погребенія членовъ царственнаго семейства. Все зданіе построено чрезвычайно-прочно. Стѣны обдѣланы черными, красными и желтыми фресками. Во всѣхъ комнатахъ найдены урны, стеклянные сосуды, рѣзныя фигуры слоновой кости, вазы, цвѣты изъ обожженной глины (*terra cotta*). Въ одной комнатѣ открыта настоящая могила. Къ-сожалѣнію, видны слѣды, что въ это зданіе проникли римляне, посредствомъ подземныхъ ходовъ, и многое похитили; осталась даже надпись одной почительницы *Medella. Dom. F. Sita. An. D. III. Kal... C. Pisone. M. Acilio... Cwo*. Наружная часть этого памятника еще не открыта.

Внутренность могильной комнаты изображена въ рисункахъ, пред-

стѣнъ г. Бонуччи. Посреди лежало тѣло дѣвушки на катафалкѣ, въ видѣ кровати; надъ тѣломъ висѣла нѣкогда лампа, упавшая и найденная внизу; тѣло лежало на подушкѣ, но все ужъ истлѣло и одни остатки золотыхъ украшеній доказывали великолѣпные убранства. Стѣны этой комнаты покрыты живописью на черныхъ, красныхъ и желтыхъ доскахъ, между которыми стоятъ іоническія колонны. Задняя стѣна покрыта цвѣтами на желтомъ фонѣ; на полу найдено много тонкихъ золотыхъ нитей, доказывающихъ, что одежда погребеннаго тѣла была изъ золотой ткани. Въ среднѣй комнаты находится лектистернійумъ, украшенный рѣзбою на слоновой кости. По угламъ кровати стояли *часы* (*hogaie*) съ прекрасною рѣзбою на слоновой кости. Направо большая урна съ живописью. У ногъ кровати находятся два замѣчательные предмета изъ обожженной глины—это крылатыя головы. Бонуччи думаетъ, что это изображеніе родственниковъ умершей. Въ другихъ отдѣленіяхъ этой могилы есть подобныя же головы, изъ-за которыхъ возвышаются цвѣты, фигуры и другія головы, какъ-бы образуя фамилныя группы. Надъ, въ глубинѣ, стоятъ два генія; значеніе ихъ неизвѣстно. Впереди рогъ изобилія, въ видѣ вазы съ цвѣтами, а подлѣ него сосуды для питья, изящныхъ формъ; подлѣ, бронзовый столикъ съ стекляннымъ блюдомъ (стекло почиталось въ древности драгоценнымъ матеріаломъ); это мозаическая работа изъ стекла и золота. Здѣсь, вѣроятно, стояли и другіе сосуды, но они сброшены на полъ и, разбитые, лежатъ вмѣстѣ съ цвѣтами изъ разрисованной глины.

Многіе изъ этихъ предметовъ помѣщены въ Неаполитанскій Королевскій Музей, другіе куплены частными лицами, но ещѣ больше расхищено. Это важнѣйшій надгробный памятникъ въ греческомъ родѣ; а какъ Бонуччи намѣренъ продолжать свои изысканія, то вѣроятно найдутся и другія рѣдкости въ этомъ родѣ.

— Съ 1822 года существуетъ въ Вѣнѣ собраніе египетскихъ древностей при кабинетѣ монетъ и антиковъ. Большая часть изъ нихъ пріобрѣтена докторомъ Бурхардтомъ, жившимъ долгое время въ Константинополѣ и ѣздившимъ по Египту. Въ 1849 году австрійскій генеральный консулъ Лауринъ открылъ у Саккары въ полутора миль отъ Каира, въ мемфисскомъ некрополѣ, великолѣпный саркофагъ, съ двумя другими малыми гробницами. Теперь онъ привезенъ въ Вѣну и мы опишемъ его, какъ предметъ, чрезвычайно-замѣчательный въ археологическомъ отношеніи.

Саркофагъ состоитъ изъ двухъ кусковъ: изъ самаго гроба и крышки. Гробъ сдѣланъ изъ мелкозернистаго гранита, который, отшлифованный, представляетъ блестящую, черную поверхность. Крышка изъ гранита съ пятнами. Она вѣситъ 95 центнеровъ, а гробъ—165.

Крышка длиною въ 9 футовъ и 4½ ширины. На верхней половинѣ изображено существо съ человѣческою головою и съ туловищемъ копчика; надъ головою большой шаръ; въ когтяхъ кольцо и оружіе Себа (египетскаго Сатурна); голова художнически отдѣлана. Изображеніе означаетъ: голова — силу духа, крылья — быстроту, кольцо — вѣчность, оружіе — современность.

Вдоль крыши начертано двадцать строкъ іероглифовъ; только надъ головою и по бокамъ писмена эти сдѣланы поперекъ крыши.

На другой сторонѣ крыши полурельефоно сдѣлано изображеніе богини неба, поднимающей обѣими руками шаръ. Оно окружено звѣздами, кинкофалами и птицами съ человѣческими головами.

На краяхъ крыши высѣчена рельефоно змѣя Уреусъ, которая являющимися кольцами поддерживаетъ небесный сводъ.

У подножія крыши вырѣзаны двѣ рельефныя фигуры. Верхняя представляетъ *девятъ* лучей солнца, которому поклоняются двѣ другія фигуры: Востокъ и Западъ. Вторая изображаетъ правосудіе, надъ которымъ возвышается богъ луны, окруженный птичьими и человѣческими головами; семь человѣческихъ фигуръ поклоняются ему.

На двѣ самаго саркофага видны еще остатки кипарисоваго гроба, въ которомъ заключена была мумія и который соединенъ былъ съ каменнымъ, посредствомъ асфальта. На полукруглой внутренней сторонѣ гроба, на головѣ муміи, сидитъ Нефтисъ, простирая крыло надъ головою умершаго, какъ-бы для защиты его. У Нефтисы на головѣ столбъ; около него четырнадцать рядовъ іероглифовъ; въ верхней строчкѣ два раза написанъ знакъ *псхемъ*.

На правой сторонѣ внутри гроба изображена богиня Селькъ (богиня могущества и жизни, съ скорпиономъ на головѣ). Далѣе слѣдуютъ четыре сосуда, въ которыхъ сохраняли внутренности умершаго. На сосудахъ изображены головы боговъ преисподней, аменти: шакала, обезьяны и человѣка. Надъ каждою изъ этихъ фигуръ змѣя Уреусъ. Наконецъ, изображена богиня Нейтъ съ самопрялкою. Обѣ богини распростертыми крыльями берутъ подъ защиту сосуды.

Послѣ Нейты слѣдуетъ шакалъ, съ шлетью надъ нимъ, и наконецъ стоящая змѣя Уреусъ съ распростертыми крыльями.

Лѣвая сторона заключаетъ въ себѣ: сперва змѣю Уреусъ, потомъ шакала, глазь Озириса, опять изображеніе Нефтисы, далѣе опять четыре сосуда съ подземными богами; наконецъ, фигуру Изиды съ трономъ на головѣ. Въ ногахъ муміи изображенъ столбъ между двумя люстральными сосудами и *ильскіе* ключи.

Покуда не придумано будетъ другое, вѣрнѣйшее названіе послѣдняго изъ этихъ изображеній, называемыхъ *ильскими* ключами, надобно оставить это наименованіе и почитать этотъ знакъ за квадратный корень изъ 16-ти, потому-что когда Нилъ достигалъ до высоты 16-ти градусовъ, весь Египетъ радовался предстоящему плодородію.

Египтяне въ-особенности уважали число *четыре*. По ихъ мнѣнію, изъ вѣчнаго источника природы происходили четыре первобытныя матеріи: *Нейтъ*, *Себо*, *Киефъ* и *Паситъ* (вещество, время, духъ и пространство); слѣдовательно, такъ часто повторяющіися на памятникахъ знаки можно принять за символъ *четырехъ* первобытныхъ матерій и за знаки Нила.

Египтяне вѣрили, что души ихъ не прежде оставляютъ тѣло во смерти, какъ послѣ погребенія и подъ защитою геніевъ. Это вѣрованіе представлено на внѣшней сторонѣ гроба. Тамъ, надъ мужіею, блеститъ

зада; у ногъ ея двѣ змѣи Уреусъ. Направо и налѣво фигуры, лику воды жизни. Отдыка фигуръ художнически-хороша.

На правой длинной сторонѣ четыре муміи; надъ ними четыре птицы съ человѣческими головами и три молящіяся фигуры.

На лѣвой, длинной сторонѣ сперва двѣ молящіяся фигуры, потомъ браженіе *Пазитъ*. Далѣе пять фигуръ держатъ канатъ. Изъ этихъ урь, на четырехъ весьма-странный головной нарядъ; далѣе двѣ уры на колѣняхъ и одна радующаяся фигура.

У подножія изображенъ жукъ, около котораго обвилась змѣя, въ жюлько колецъ. Подъ жукомъ стоятъ на колѣняхъ двѣ женщины; ѣе фигура — правосудіе съ головою тельца. Еще далѣе, семь мужъ фигуръ. Жукъ сдѣланъ изъ прекраснаго оникса.

Весь верхній край гроба наполненъ сорока-четырьмя изображениями сала, сидящаго между двумя лотусами. Нижняя часть изображаетъ иринтъ, по которому путешествуетъ душа умершаго.

— Сдѣлано важное открытіе въ живописи, а именно: найдено средо *масляную* картину *тотчасъ же* и вѣрно сняты на другое поно въ нѣсколькихъ экземплярахъ; оттискъ дѣлается такъ хорошо, только самый опытный глазъ можетъ различить оригиналъ отъ ии. Рисунокъ, колоритъ, эффектъ—все удивительно-вѣрно. Можно угъ дѣлать три копии, такъ-что въ два дня вся луврская галерея геть быть скопирована. Правда, что колоритъ копии нѣсколькднѣе, но не менѣе того картина выходитъ превосходна. Говорятъ, это изобрѣтеніе составляетъ плодъ восемнадцатилѣтнихъ трудовъ ого ученаго.

— Извѣстный бумажный фабрикантъ де-Ларю, въ Лондонѣ, продаетъ ерь превосходную бумагу, названную имъ *перламутровою*. Она ажаетъ всѣ радужные цвѣта. Ее употребляютъ на конверты, на гочки, коробочки, переплеты и пр.; хотятъ даже дѣлать изъ нея и. Изъ нея же выдѣлываютъ прелестныя искусственныя крылья очекъ и пр.

ѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ нѣмецъ, Отто Рейншгъ, изобрѣлъ усство наведенія перламутроваго глянца и назвалъ свое открытіе *идохроматографіа*. Образчики его искусства были на лондонской прввой выставкѣ. Способъ его состоялъ въ покрытіи поверхности бум легкимъ слоемъ эфирнаго масла съ алкоголемъ. Извѣстенъ ли былъ оубъ Рейнша лондонскому фабриканту, но первый составляетъ ваніе втораго. Де-Ларю примѣнилъ къ дѣлу прежде всѣхъ извннй законъ тонкихъ прозрачныхъ тѣлъ: не только пропускать ть, но и отражать его. Ньютонъ первый сдѣлалъ это открытіе, изведя радужные круги двумя увеличительными стеклами, одно в другимъ лежащими, объяснивъ это тогдашнею волнообразною овою теоріею.

е-Ларю производитъ свою перламутровую бумагу слѣдующимъ зомъ. Разливъ на поверхность воды тонкій слой спиртоваго лака, атываетъ онъ бумажкой этотъ слой и переноситъ его на приголемую бумагу. Когда эфиръ и алкоголь испарятся, то остается бумагъ перламутровый глянецъ.

— Въ Помпей нашли большіе куски древнихъ превосходныхъ красокъ, посредствомъ которыхъ тогдашніе художники рисовали свои картины съ неизмѣняющимся никогда колоритомъ, приводящимъ теперь въ удивленіе археологовъ и живописцевъ.

— Торговый Домъ Джиббсъ и сыновья въ Лондонѣ заключилъ съ перуанскимъ правительствомъ контрактъ, которымъ приобрѣлъ монополию торговли гуано. Это препятствуетъ теперь пониженію цѣны которое бы произошло при свободной конкуренціи. Депутаты английскихъ агрономовъ являлись къ министру съ просьбою противъ этой монополіи. При этомъ случаѣ открылись слѣдующія свѣдѣнія.

Перуанское правительство получаетъ, по контракту, за каждый центнеръ гуано пошлины 1, 3 доллара; расходы нагрузки составляютъ съ центнера 0, 35 доллара; фрахтъ въ Англію съ центнера 1, 8 доллара; разные расходы до 0, 15 долларовъ. Такимъ-образомъ центнеръ гуано обходится до 3 долларовъ; но, какъ за эту же цѣну продаетъ и Джиббсъ и Комп. гуано въ Англію, то онъ долженъ имѣть какой-нибудь еще неизвѣстный барышъ. Обманывая таможенно только на 0, 06 съ центнера, этотъ домъ получить въ годъ болѣе мильіона долларовъ барыша. Перуанское же правительство получаетъ въ годъ этой пошлины до пяти мильіоновъ долларовъ. Депутация не имѣла успѣха. Министръ объявилъ, что онъ долженъ уважать заключенное условіе. Сперва надежды агрономовъ основывались—было на томъ, что два Лобоскіе Острова, гдѣ этого гуано огромное количество, будутъ влѣты въ владѣніе Англіи; но Перу объявило ихъ своею собственностью. Теперь Королевское Агрономическое Общество обнаруживаетъ прежію въ 1, 000 фунт. стер. тому, кто откроетъ искусственную кампозіцію, равносильную гуано и цѣною не свыше двухъ долларовъ.

— По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, въ Австріи сорокъ публичныхъ заведеній для лишенныхъ ума съ 6, 254 больными, изъ которыхъ расходуется въ годъ 530, 446 гульденовъ (по 84 гульд. на человѣка). Эти сорокъ заведеній учреждены для двѣнадцати областей съ 22, 000, 000 жителей. Въ прочихъ восьми областяхъ съ 14, 000, 000 душъ нѣтъ подобныхъ публичныхъ заведеній. Такимъ-образомъ во всей Австріи приходится по одному заведенію на 5, 929 жителей. Въ Пруссіи пропорція эта 1 : 5350, въ Баваріи 1 : 6, 019. Вообще считаются изъ 1, 000 жителей одного сумасшедшаго. Поэтому исчисленію, въ Австріи изъ ста больныхъ пользуются только семнадцать человѣкъ.

— Во Франціи производимы были опыты употребленія эѳира для операций надъ животными. Булей дѣлалъ недавно надъ одною лошадыю операцію грыжи, приводя ее сперва въ безчувственность посредствомъ вдыханія эѳира. Успѣхъ былъ самый-удовлетворительный. Въ одной звѣринцѣ дѣлали также одному тигру операцію надъ кохлями, вросшими въ мясо. Эѳиръ произвелъ тоже желаемое дѣйствіе безчувственности и операція сдѣлана удачно.

— Сѣмена растенія *Simaba Cedron*, привезенныя г. Скейромъ изъ Новой Гренады и съ пользою употребляемыя тамошними жителями противъ укушенія ядовитыхъ змѣй, испытаны были въ Зоологическомъ

у въ Лондонѣ и оказались вполнѣ-удовлетворительными. Заставили мучую змѣю и другихъ ядовитыхъ змѣй укусить нѣсколькихъ животныхъ и, въ видѣ противоядія, дали имъ этихъ сѣменъ. Всѣ укушенные выздоровѣли. Послѣ укушения, нѣсколько сѣменъ, смоченныхъ ою, кладутъ на рану; другое же небольшое количество принимается внутрь съ водою. Другихъ предосторожностей никакихъ не знаю. Это важное открытіе необходимо было бы изслѣдовать врачамъ. — Нѣкто Босгардтъ объявляетъ, что Атлантическій Океанъ претпѣлъ въ послѣднее время какой-нибудь болѣзненный переворотъ, ому-что въ Мексиканскомъ Заливѣ оказывается безчисленное множество мертвыхъ рыбъ. Причина этого явленія еще не изслѣдована; опасаются, не имѣетъ ли оно связи съ чрезвычайною смертностью переселенцевъ, отправляющихся изъ Ливерпуля въ Ньюйоркъ. — Профессоръ Флоримонъ, въ Лёвенѣ, изготовляетъ теперь множество чугунныхъ магнитовъ. Уже года три тому назадъ, извѣстно о, что искусственно-закаленный чугунъ принимаетъ сильную степень магнитной полярности. Теперь Флоримонъ дѣлаетъ изъ чугуна стро-магнитныя машины. Онѣ дешевы, потому-что чугунъ легко лить въ форму подковы и шлифовать. Послѣдняя его машина, о надати полосахъ, обнаруживаетъ удивительную силу.

— Прачешная и кухня мало еще пользуются новѣйшими открытии науки; но изобрѣтатели начинаютъ дѣйствовать и на этомъ ридѣ. Вотъ, напримѣръ, недавно-придуманная прачешная машина. Въ длинной ваннѣ, имѣющей 14 дюймовъ вышины, устроены отню деревянный цилиндръ, навѣшенный на шнуръ и прижимаемый кою. Ванну наполняютъ мыльною водою и кладутъ въ нее бѣлье. Скоро какаяд-нибудь вещь изъ этого бѣлья вложится между цилиндромъ и доскою, а цилиндръ приведется въ движеніе, то бѣлье выдѣлается и выжимается отлично, такъ-что, выполоскавъ его, можно часть же сушить.

— Одинъ гамбургскій житель представилъ проектъ проведенія стрическаго телеграфа вокругъ всего земнаго шара; но для соединенія Европы съ Америкою предлагаетъ онъ другую линію, нежели прежнихъ проектахъ. Промежуточныя станціи необходимы для графа, въ случаѣ поврежденій, а между Галифаксомъ и Ирландіею ое узкое мѣсто составляетъ 400 географическихъ миль (2800 стъ). Какъ вытаскивать канатъ для починки, если вдругъ что-уд испортится? Онъ предлагаетъ вести линію черезъ Исландію и нландію, начиная съ мыса Чидлея въ Лабрадорѣ, при входѣ въ соновъ Заливъ подъ 60° сѣв. шир. Оттуда подводный телеграфъ деть до Гренландіи на 100 географическихъ миль (700 верстъ) доернака. Еслибъ и это разстояніе было найдено слишкомъ-огромъ, то можно подняться вверхъ до полярнаго круга къ Девисову ливу. Тутъ на баффиновомъ берегу есть мысъ Даерсъ, въ 40 миль отъ Гренландіи (280 верстъ). Изъ Гренландіи, отъ Мыса Тихоге до Исландіи разстояніе равно 75 милямъ (525 верстъ). Впроеь, разстояніе между Гренландіею и Исландіею можетъ быть еще рашено, если изъ Кроксфюрда провести канатъ къ Исланд-

скому Сѣверному Мысу: это уменьшить линію на 40 миль. Изъ Беерн-юрда телеграфъ вновь идетъ подъ моремъ на 55 миль (338 верстъ) и выходитъ на Ферроерскихъ островахъ; здѣсь, пройдя всѣ острова, погрузится канатъ снова въ море до Шотландскихъ Острововъ ровно на 32 мили; отсюда до мыса Врато на берегу Шотландіи, всего 9 миль.

Не помѣшаютъ ли льды полярные? Не лишится ли телеграфъ своего дѣйствія отъ близости магнитнаго полюса? Эти вопросы могутъ быть рѣшены только, когда приведется въ исполненіе мысль исполнскаго предпріятія, если только исполненіе его возможно.

— Сообщимъ теперь послѣднія новости по отдѣлу математическихъ наукъ, физики, астрономіи и метеорологіи.

— Во второй книгѣ «Отеч. Зап.» (февраль) нынѣшняго года, измѣщено обзорѣніе трудовъ русскихъ ученыхъ, въ теченіе прошедшаго 1853 года; какъ дополненіе къ этому обзорѣнію, предлагаемъ нашимъ читателямъ выписки изъ рѣчи Гопкинса, президента англійскаго Общества Соревнователей Наукъ, собиравшагося въ 1853 г. въ Гуллѣ (Hull). Эта рѣчь занимаетъ по пятнадцати большихъ столбцовъ въ «Athenaeum» и въ «Literary Gazette» и сообщаетъ свѣдѣнія о движеніи наукъ отъ сентября 1852 по ноябрь 1853 г. Несмотря на то, въ ней замѣтны многіе пропуски, которые, по возможности, постараемся дополнить.

«Отъ 23 іюня 1852 г. до 6 мая 1853 г. открыто девять планетъ, изъ которыхъ четыре—Хейндомъ. Можно надѣяться, что будутъ открыты еще многія, принадлежащія къ той же группѣ, обращающейся между Марсомъ и Юпитеромъ».

Предсказаніе оправдалось открытіемъ новой двадцать-седьмой планеты, также Хейндомъ. Но счетъ Гопкинса не вѣренъ: вотъ полный списокъ планетъ, открытыхъ между мартомъ 1852 г. и ноябремъ 1853 г., по новому стилю.

Психея,	17 марта	1852 г.,	въ Неаполѣ,	Гаспарисомъ,
Фетида,	17 апрѣля	— »	»	Билкъ, Лутеромъ,
Мельпомена,	24 іюня	— »	»	» Лондонѣ, Хейндомъ,
Фортуна,	22 августа	— »	»	тамъ же и тѣмъ же,
Массалія,	19 сентября	— »	»	» Неаполѣ, Гаспарисомъ,
Лютеція,	15 ноября	— »	»	» Парижѣ, Гольдсмитомъ,
Каліюпа,	16 —	— »	»	» Лондонѣ, Хейндомъ,
Талія,	15 декабря	— »	»	тамъ же и тѣмъ же,
Фемида,	5 апрѣля,	— »	»	» Неаполѣ, Гаспарисомъ,
Фокея,	6 апрѣля,	— »	»	» Марселѣ, Шакорнакомъ,
Прозерпина,	5 мая	— »	»	» Билкъ, Лутеромъ,
Эвтерпа,	8 ноября	— »	»	» Лондонѣ, Хейндомъ.

«Время отъ времени замѣчаютъ новыя кометы и, безъ сомнѣнія, многія изъ нихъ ускользаютъ отъ наблюдателей. Изученіе движенія кометъ весьма-важно для астрономіи, и слѣдовало бы заниматься имъ съ большимъ усердіемъ. Женевскій астрономъ Плантамуръ, на основаніи наблюденій 1845 и 1846 г., вычислилъ элементы движенія *двухъ частей* кометы Бѣлы. Въ 1852 г. эти части были въ

первый раз усмотрѣны патеромъ Сеччи, и новыя наблюденія показали, что вычисления Платамура неточны: разстоянія между частями этой кометы значительно увеличились и, кажется, онѣ уже не оказываютъ взаимнаго дѣйствія, и зависимость между ними совершенно прекратилась. Профессоръ Губбартъ, въ Вашингтонѣ, занимается разборомъ всѣхъ старыхъ и новыхъ наблюденій надъ кометою Бѣлы, и надѣется опредѣлить ея путь съ возможною строгостью».

Комета Бѣлы дѣйствительно представляетъ необыкновенное явленіе; предполагаемое ея раздѣленіе на двѣ части, произошло въ 1846 г. сопровождалось чрезвычайными измѣненіями въ видимомъ очертаніи и свѣтъ головъ обѣихъ частей. Такія перемѣны повторялись и въ 852 г., хотя разстояніе между ними значительно увеличилось. По этимъ причинамъ, знаменитые астрономы Пулковской Обсерваторіи, отецъ и сынъ Струве, не сомнѣваются въ раздѣленіи кометы, и Императорская Санктпетербургская Академія Наукъ предложила премию въ 300 голландск. червонцевъ, задачу, которая должна рѣшить столь важный и трудный вопросъ. Срокомъ рѣшенія назначено 1-го августа 1857 г. Впрочемъ, нѣкоторые астрономы сомнѣваются въ раздѣленіи кометы и думаютъ почти согласно съ мнѣніемъ Гопкинса. Можетъ-быть Губбартъ обратитъ вниманіе на программу Санктпетербургской Академіи и направитъ свои изслѣдованія для рѣшенія вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ.

«Новыя наблюденія, посредствомъ гигантскаго телескопа лорда Росса, болѣе и болѣе подтверждаютъ, что звѣзды, составляющія такъ называемыя туманныя пятна, располагаются въ видѣ спиралей. Въ залѣ нашего Общества находятся прекрасныя карты этихъ пятенъ, составленныя по единовременнымъ наблюденіямъ въ упомянутый телескопъ и въ другой, несравненно-мѣньшихъ размѣровъ (только три фута въ отверстіи): различіе въ изображеніяхъ заслуживаетъ вниманіе астрономовъ; въ малый телескопъ совсѣмъ невидно спиральнаго образованія».

«Для южнаго полушарія земли предполагается устроить телескопъ, въ четыре фута въ отверстіи, для наблюденій южныхъ туманныхъ пятенъ. Этотъ телескопъ будетъ сдѣланъ въ Дублинѣ, художникомъ Гроблемъ (Gruble), подъ надзоромъ Я. Росса, и астрономовъ Робинсона и Ласселя. Для начала работы ожидаютъ рѣшенія Нижней Палаты, относительно назначенія необходимыхъ для нея издержекъ; канцлеръ Гладстонъ не сомнѣвается въ согласіи палаты».

«Адамсъ открылъ и исправилъ ошибку Буркадта въ вычисленіи параллакса луны; онъ также опредѣлилъ вѣковое измѣненіе въ среднемъ движеніи луны съ болѣею точностью, нежели Лапласъ».

Неудивительно: эти числа зависятъ отъ количества наблюденій; чрезъ нѣсколько лѣтъ и новыя числа Адамса перемѣнятся, потому-что самое названіе «вѣковое измѣненіе» показываетъ, что точное его опредѣленіе наблюденіями требуетъ продолжительнаго времени.

«Только въ прошломъ (1853) году, въ Америкѣ вѣданъ въ первый

«разъ «Морской Календарь» на 1855 г. Надъ нимъ трудился Дани-и Поёрсъ.

«Разсмотрѣніе магнитныхъ наблюденій въ Торонто привело Сабино къ заключенію, что магнитная стрѣлка склоненія испытываетъ періодическія измѣненія, въ точности соответствующія луннымъ сдвѣгамъ. Подобныя измѣненія, открытыя въ прошедшемъ году, дѣлаютъ, что на магнитныя явленія дѣйствуетъ также солнце».

Это краткое извѣстіе о вычисленіяхъ Сабино весьма-недостаточно; надобно бы объяснить, въ чемъ состоятъ измѣненія магнитнаго склоненія, производимыя луною и солнцемъ, и чѣмъ они отличаются одно отъ другого. Иначе, можно подумать, что Сабино не сдѣлалъ никакого открытія, потому-что часовыя перемены въ направленіяхъ магнитной стрѣлки давно извѣстны и никто въ нихъ не сомнѣвается.

«Теорія превращенія теплорода въ силу механическую, и обратно, превращеніе силы механической въ теплородъ, сдѣлала значительныя успѣхи. Нынѣ доказано, что теплота, употребленная для произведенія механическаго дѣйствія, и механическая сила, употребленная для произведенія теплоты, могутъ быть измѣряемы одна другою, могутъ считаться тождественными. По остроумнымъ опытамъ Жюля (Joule), градусъ Фаренгейтова термометра соответствуетъ 772 футовъ — футовъ, то-есть теплота, потребная для возвышенія температуры на одинъ градусъ Фар. термометра, равняется механической силѣ, которая можетъ поднять 772 фунта на высоту въ одинъ футъ».

Горькинъ, кажется, не знаетъ, что академикъ Купферъ съ успѣхомъ занимается тѣмъ же предметомъ; его изслѣдованія были изданы въ прошедшемъ году въ «Бюлетенѣ» Санктпетербургской Академіи Наукъ.

«Ранкейнъ (Rankine) составилъ остроумную записку о молекулярной теоріи теплоты; но о ней нельзя еще ничего сказать положительнаго: надобно ее повѣрить многими молекулярными явленіями, иными тѣсную связь съ дѣйствіями теплоты. Профессоръ Томсонъ также изложилъ ясную и краткую теорію тепла, основываясь на опытахъ Жюля. Теорія Томсона не походитъ на предположенія Ранкейна. Томсонъ опирается на опыты, и своимъ изложеніемъ доказываетъ начала, давно ужъ доказанныя племянникомъ извѣстнаго Карно».

«Вельшъ, поднимаясь на аэростатъ, нашелъ, что температура атмосферы уменьшается на градусъ Фаренгейтова термометра, чрезъ каждые 290 или 300 футовъ высоты».

Подробности этихъ опытовъ извѣстны уже читателямъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

«Нетрудно понять, что огромный тропическій потокъ теплой воды, достигнувъ холодныхъ странъ, долженъ переменять ихъ температуру; но только послѣ изданія картъ изотермическихъ линій Дове, получили точное понятіе о величинѣ его дѣйствія, особенно на островахъ Великобританіи, недалеко отстоящіе отъ Гольм-Стрима, который хотя и носитъ различныя имена, однако, вѣроятно, производитъ всю Атлантику по сѣверо-западному направленію до остро-

ъ Западной Индіи и Мексиканскаго Залива. Загибаясь около Америки, онъ возвращается къ нашимъ берегамъ по направленію сѣверо-восточному, приближается къ Исландіи и терется въ Сѣвергь Морь. Эта—то огромная масса теплой воды, стремясь къ южнымъ морямъ нашихъ широтъ, умѣряетъ наши климаты. Карты не доказываютъ эту истину со всею очевидностію, и даже позволяютъ опредѣлять возвышеніе температуры. Еслибъ, отъ какой-нибудь перемены на поверхности земли, Гольф-Стримъ прошелъ бы въ Тихій Океанъ чрезъ Панамскій Перешеекъ, если бы онъ алъ течъ при подошвѣ Скалистыхъ Горъ Сѣверной Америки и онъ прямо впадалъ въ Сѣверное Море, то горы Великобританіи, покрытыя нынѣ разнообразною и роскошною растительностію, превратились бы въ постоянные ледники, или одѣлись вѣчными снѣгами. Температура сѣверной части Англій среда сильной и смягчается Гольф-Стримомъ до-того, что въ январѣ изотермическія линіи вдоль всего западнаго берега идутъ отъ сѣвера къ югу, а не по нормальному направленію, отъ востока къ западу: оброругъ и всѣ приморскіе города упомянутого берега среди суровой зимы пользуются столь же умѣренною температурою, какъ южное Кентъ.

Геологія раздѣляется на двѣ совершенно-различныя части: на югію физическую и палеонтологическую. Изъ нихъ первая опять раздѣляется на два большія отдѣленія, изъ которыхъ въ одномъ имаются химическимъ составомъ почвъ, или динамическими превращеніями. Хотя это отдѣленіе наполнено важными вопросами, но образование угля, металлическихъ жилъ, отвердѣніе и кристаллизация горно-каменныхъ породъ, ихъ слоистое сложеніе и пр., объяснены еще удовлетворительно. Въ динамической геологіи имѣть только одинъ законъ: при поднятіи горъ, всѣ линіи передеженій, всѣ направленія горныхъ хребтовъ, принадлежащія одной и той же геологической эпохѣ, остались параллельными. Эли-де-Бомъ, прилагая этотъ законъ къ линіямъ, начертываемымъ на земной сферидѣ, придаетъ ему слишкомъ-обширное значеніе. Онъ имѣетъ, что всѣ линіи передеженій, и всѣ происшедшіе оттого хребты, гдѣ бы они ни находились на земной поверхности, да могутъ быть сгруппированы въ параллельныя системы, и въ каждой изъ нихъ всѣ возвышенія произведены одновременно и одинымъ великимъ потрясеніемъ земной коры. По его мнѣнію, каждая система имѣетъ свое особенное направленіе, впрочемъ, состоящее въ связи съ направленіями другихъ системъ; такъ-что всѣ эти направленія расположены симметрично, подобно правильному образованию галловъ. Излагая свою систему, Эли-де-Бомъ обнаружилъ великія дарованія и глубокую ученость; но, кажется, вышелъ изъ области благоговящаго и законнаго употребленія метода, извѣстнаго подъ именемъ *наведенія*.

Во всѣ времена физическая геологія любила заниматься внутреннимъ состояніемъ нашей планеты, источникомъ высокихъ температуръ, существующихъ на большихъ глубинахъ. Извѣстно, что въ

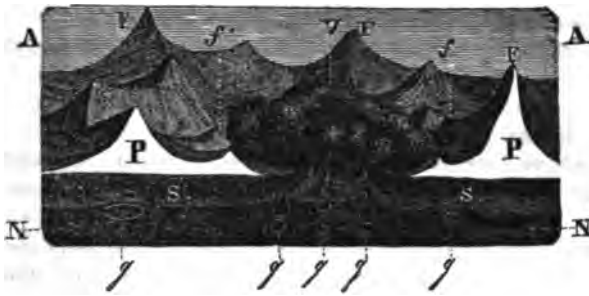
«каждомъ мѣстѣ земли, напримѣръ, въ Англии, на глубинѣ 25 футовъ, существуетъ постоянная температура, независящая отъ времени года; ниже этого слоя, температура увеличивается однимъ градусомъ Фаренгейтова термометра чрезъ каждые 60 или 70 футовъ. Предполагивъ, что это приращеніе температуры не прекращается до глубины 50 миль (английскихъ), дождемъ до такого жара, который больше температуры плавленія желѣза. Поэтому геологи заключаютъ, что земля — жидкая масса, заключенная въ твердый слой, толщиною въ 40 или 50 миль. Какимъ образомъ можетъ, что такое огромное количество расплавленного вещества, содержащагося въ хрупкой скорлупѣ, остается совершенно безъ дѣйствія? Съ перваго раза нельзя не усомниться въ возможности столь удивительнаго явленія; но надобно замѣтить, что въ приближенномъ вычисленіи толстоты земной коры не принято во вниманіе огромное давленіе, которому масса земли подвержена на большихъ глубинахъ; а между-тѣмъ, мы знаемъ, что температура плавленія бываетъ тѣмъ выше, чѣмъ болѣе давленіе; слѣдственно, сильно-сжатая масса земли можетъ сдѣлаться жидкою на глубинахъ, гораздо-большихъ тѣхъ, которыя получаются отъ закона возвышенія внутренней теплоты. Съ другой стороны, при вычисленіи этого закона предполагаютъ, что слои земли, ближайшіе къ ея поверхности, пропускаютъ теплоту такъ же свободно, какъ и слои, лежащіе на большихъ глубинахъ; но если способность земныхъ слоевъ проводить теплоту увеличивается съ ихъ глубиною, то температура должна увеличиваться тѣмъ медленнѣе, чѣмъ ближе спускается къ землѣ, и вотому температуру плавленія надобно искать гораздо-ниже, и твердую кору земли считать толще той, какую допускаютъ геологи.

«Чтобъ опредѣлить дѣйствіе давленія на температуру плавленія, (Гонкинсъ), Фербенъ и Жюль приступили къ опытамъ, и дослѣдствіемъ произвели ихъ только надъ небольшимъ числомъ легкоплавкихъ веществъ. Но нашъ снарядъ позволяетъ дѣлать опыты при весьма-большомъ жарѣ, почему мы надѣемся, что достигнемъ надежныхъ результатовъ и съ трудноплавкими веществами. Притомъ и упомянутые опыты доказываютъ ужь, что, съ увеличеніемъ давленія, пропорціонально возвышается температура плавленія. Такъ температура плавленія бѣлаго воска, отъ давленія 13,000 футовъ на квадратный дюймъ, или почти отъ давленія 2000 атмосферъ, возвышается на 30° термометра, или на 16° термометра стоградуснаго, то-есть возвышается почти впятеро противъ той температуры, при которой воскъ плавится при обыкновенномъ давленіи атмосферы. Сверхъ-того, мы не могли еще опредѣлить, въ какой степени увеличивается теплопроводимость вещества, уплотняемаго давленіемъ; но мы уверены, что скоро откроемъ отношеніе этой способности къ расширенію частицъ вещества, претерпѣвающаго перемѣны въ своей плотности, тлгучести и кристаллизаци».

Изъ этихъ выписокъ, содержащихъ сущность рѣчи Гонкинса, видно, что онъ, какъ специалистъ-геологъ, не могъ составить полнаго обзорнаго трудовъ европейскихъ астрономовъ и физиковъ. Эти труды

ь разнообразны и богаты результатами, что многие изъ нихъ про-
ны въ извѣстїяхъ, постоянно-помѣщаемыхъ въ «Отечественныхъ
скахъ» прошедшаго года. Постараемся дополнить ихъ мало-по-
и по степени ихъ занимательности для нашихъ читателей.

Астрономъ Сеччи, о которомъ упоминаетъ Гопкинсъ, много зани-
и «физическимъ составомъ солнца, и читателямъ «Отечественныхъ
нокъ» извѣстно уже его открытїе о неравномѣрности тепла, исте-
даго изъ разныхъ точекъ солнечной поверхности. Въ то же вре-
сновывався на своихъ наблюденїяхъ надъ пятнами этой поверх-
и, онъ предложилъ гипотезу о внутреннемъ состоянїи солнца.
ьберто Гови, изучивъ ее, составилъ для нея прилагаемый здѣсь
нокъ, на которомъ

— темное солнечное ядро въ расплавленномъ состоянїи; изъ
отдѣляются раскаленные пары въ видѣ пузырей ggg; одни изъ
едва приподнимаютъ кору ядра SS, другїе же проламываютъ ее
вышаютъ подобно огненному фонтану gV, соединяющемуся съ фо-
рой, или свѣтящейся оболочкой солнца PP, которая, приходя въ
ее движенїе, поднимается большими волнами F, F, F; вершины
волнъ образуютъ наиболѣе-свѣтящїяся мѣста солнечнаго круга,
назвемыя *свѣточами*. Раскаленные пары, стекающїе съ высоты

— свѣтлыя струи, наблюдаемая въ полутѣняхъ пятенъ. Вол-
меньшей величины, происходящїе отъ столкновенїа большихъ,
водятъ свѣтлыя точки, которыми бывають окружены центры пя-

Эти центры — части солнечнаго ядра, открываемыя разор-
й фотосферой. По вѣроятному ученїю Араго, фотосфера покрыта
особенной атмосферой AA, которая весьма-много участвуетъ въ
явленїяхъ наружнаго вида солнечной поверхности. Въ центрахъ пя-
Сеччи видѣтъ весьма-черныя точки V, которыя онъ принимаетъ
ожежутки въ раскаленныхъ парахъ. Этихъ точекъ не видать ни
ильсонъ, ни В. Гершель, потому-что, для ихъ усмотрѣнїа, на-
читель долженъ накладывать на трубу диафрагму, уменьшающую
трубы, до полумиллиметра, удалять всякій постороннїй свѣтъ,
тывая свою голову черной тѣтой и употреблять увеличенїе по-
ей-мѣръ до трехъ-сотъ разъ.

Американецъ Випплъ составилъ многїе фотографическїе рисунки
Издатель американскаго журнала «Scientific American» увѣряетъ,

что имъ должно удивляться какъ произведеніемъ искусства и какъ вѣрнымъ изображеніемъ земнаго спутника. Они представляютъ луну новорожденную, въ первой четверти и полную. Разсматривая къ и увеличительное стекло, увѣряемся въ бывшемъ существованіи свидѣтельствовавшихъ вулкановъ: поверхность луны, или ея покла, исчерчена глубокими разсѣлинами и покрыта кратерами; на краяхъ разстланы видны нучи огаринъ, или шлаковъ, которые извергались въ видѣ дыма.

— Оксфордскій профессоръ астрономіи Джонсонъ съ большимъ успѣхомъ пользуется превосходнымъ гелиометромъ, подареннымъ оксфордской обсерваторіи исполнителями завѣщанія Ределла. Джонсонъ, употребляя этотъ снарядъ для точнаго распредѣленія звѣздъ по ихъ величинамъ, достигъ слѣдующихъ заключеній:

Звѣзда, едва-видимая, при слабомъ освѣщеніи, въ трубу съ предметнымъ стекломъ въ 4 англ. дюйма и съ фокуснымъ расстоянiемъ въ 10 футовъ, принадлежитъ къ *десятой* величинѣ.

За ней слѣдуютъ звѣзды *девятой* величины, болѣе-удобныя для наблюдений.

Звѣзды *восьмой* величины позволяютъ уже освѣщать трубу утѣреннымъ свѣтомъ.

Звѣзды *седьмой* величины можно видѣть при полномъ освѣщеніи трубы; но, для удобства наблюдений, надобно еще нѣсколько уменьшить его.

Звѣзды *шестой* величины выносятъ уже полное освѣщеніе.

Звѣзды слѣдующихъ величинъ представляются съ лучеобразнымъ вѣнцомъ, который расширяется постепенно до звѣздъ первой величины.

Съ увеличеніемъ діаметра предметнаго стекла трубы, увеличивается ея сила; такъ-что съ предметнымъ стекломъ въ 4 дюйма можно видѣть звѣзды 11-й величины, а въ 15 дюймовъ — 14-й величины.

Сравнивая свѣтъ звѣздъ различныхъ величинъ, Джонсонъ нашелъ, что онъ уменьшается въ пропорціи 1 къ 0,424, то-есть, чтобъ имѣть понятіе о силѣ свѣта звѣзды второй величины, надобно силу свѣта звѣзды первой величины принять за *единицу* и помножить ее на 0,424, и т. д. Но другіе астрономы нашли другія отношенія: Гершель — 0,407, Струве (отецъ) — 0,383, Струве (сынъ) — 0,406, Аргеландеръ — 0,431, и проч. Изъ этого видно, что гелиометръ и простая зрительная труба могутъ приводить только къ приблизительнымъ результатамъ, которыхъ точность зависитъ отъ многихъ причинъ, и особенно отъ силы зрѣнія наблюдателей. Чтобъ исключить всѣ эти причины, Араго предложилъ истинный фотометрическій способъ, основанный на строгихъ вычисленіяхъ, прилагаемыхъ къ поляризаціи свѣта. При жизни своей, Араго не объявлялъ своего открытія: теперь съ нетерпѣніемъ ожидаемъ полнаго изданія его сочиненій, въ которыхъ, безъ-сомнѣнія, найдемъ подробности и этого открытія, разрѣшающаго сомнѣнія астрономовъ.

— Пріятно слѣдить за успѣхами наукъ въ странѣ, обновленной и освобожденной отъ тяжкаго варварства, именно въ Греціи. Такъ, въ ея столицѣ, Афинахъ, устроена астрономическая обсерваторія, управляемая Бурисомъ, профессоромъ Аѣинскаго Университета. Средства

ше часы, но трудолюбивый Бурисъ пользуется ими съ похваль-
но усердіемъ и не безъ успѣха. Обсерваторія построена на «Хол-
Имъ» въ 720 метрахъ къ сѣверо-западу отъ Паренена; она
въ полуденный кругъ, сдѣланный въ Вѣнскомъ Политехническомъ
итуть и ахроматическую трубу Плёсселя; посредствомъ микро-
метра, на кругѣ можно отсчитывать до трехъ секундъ, и потому по-
грѣшковъ даютъ до полсекунды. Снарядъ этотъ установленъ прочно и ча-
сто сохраняетъ свою неподвижность; при немъ находятся двое
иныхъ часовъ: одни Берту, съ рѣшетчатымъ маятниковъ, а дру-
іе маятниковъ ртутнымъ. Съ сожалѣніемъ надобно упомянуть,
прекрасный хронометръ Кессельса былъ украденъ въ 1848 году;
похитили его, вломавъ дверь обсерваторіи (*). На каждой обсер-
ваторіи наблюдения начинаются опредѣленіемъ ея географической ши-
роты и долготы. По многочисленнымъ наблюдениямъ Буриса, афинская
обсерваторія подлѣ широты $37^{\circ} 58' 20''$ и въ долготѣ отъ Парижа $1^{\circ} 4'$.
Кромѣ того, Бурисъ успѣлъ осмотрѣть всю часть южнаго
неба, видимую въ Греціи и содержащуюся между 15° и 52° юж-
но-полюсннхъ—вотъ первая услуга астрономамъ, наблюдающимъ на
всей Европы. При этомъ осмотрѣ опредѣлены положенія 3000 звѣздъ,
оторыхъ многія двойныя, и между ними находятъ звѣзды *фун-
тальныя*: Сириусъ, Прокіонъ, Антаресь, Фомальготъ, Жю-
и Феникса. Бурисъ подтвердилъ измѣненія въ собственномъ дви-
женіи Сириуса, найденное Бесселемъ. Опредѣливъ географическое по-
ложеніе обсерваторіи, Бурисъ соединилъ ее тригонометрически со
многими мѣстами въ Афинахъ и въ окрестностяхъ этого города. Онъ
успѣлъ случаетъ наблюдать и планеты, старыя и новыя: Марса,
на и Ирену. Наконецъ въ его журналахъ записываются и ме-
теорическія явленія. Слѣдуетъ изъ нихъ выписки, характеризую-
тими Аѳины.

Въ продолженіе семнадцати лѣтъ термометръ спускался до точки
замерзанія не болѣе двѣнадцати разъ, и то на нѣсколько часовъ; на
вѣтѣ, окружающихъ Аѳины съ востока и сѣвера, падаетъ снѣгъ
одинъ разъ въ годъ, но при нхъ подошвѣ чрезвычайно-рѣдко; этотъ снѣгъ,
холодный и мокрый, исчезаетъ при самомъ паденіи; ледъ никогда не
появляется. Зимой и весной идутъ дожди, сопровождаемые громомъ
и молніею; лѣтній жаръ бываетъ невыносимъ днемъ и ночью. Сред-
няя температура лѣта простирается до 22° по Реомюру и возвы-
шается до 30° въ тѣни; средняя же температура года $=14^{\circ}$; тер-
мометръ съ чернымъ шарикомъ на солнцѣ показываетъ 45° . Такой
жаръ уменьшается только предъ восхожденіемъ солнца. Въ каникулы
иногда тонкія облака рѣдко появляются на небѣ; въ это время
сѣверный вѣтръ, текущій съ раскаленныхъ горныхъ вер-
шинъ Албавіи. Каникулы продолжаются почти сорокъ дней: тогда
иногда томится въ совершенномъ изнеможеніи, молчать птицы и

Иногда въ однихъ Афинахъ занимаютъ такія промыслы; извѣстно,
что оберегаетъ свою обсерваторію въ Лондонѣ толстыми балами и
бульдоговъ.

«лягушки, исчезают даже безвзвойныя насекомыя; слышна только одна стрекоза. Впрочемъ, эту жаръ томить только Аэны; къ намъ другія мѣста древней Эллады очарователенъ.

«Въ 1849 г., въ концѣ октября были продолжительныя дожди; Гиметъ одѣлся облачнымъ покровомъ; несмотря на то, до 3 декабря температура оставалась весьма-приятною; въ этотъ день перепадалъ снѣгъ при -10° Р.; января 19, въ десять часовъ вечера, термометръ показывалъ еще -11° , но 21 числа въ 7 ч. вечера онъ опустился до нуля; начался снѣгъ, котораго аэныя двоякъ не видали, и продолжался два дня съ половиною, до утра 24 числа «холодъ постоянно увеличивался и дошелъ до $-7\frac{3}{4}$. Это явление удивило жителей города; улицы опустѣли; кровли дожовъ и Акрополисъ покрылись толстымъ слоемъ снѣга; на самыхъ улицахъ толщина его простиралась до $2\frac{1}{2}$ футовъ, а въ сосѣдствѣ обсерватори, на Пниксѣ и Ареопагѣ — до 5 футовъ. Когда снѣгъ прекратился, въ городѣ явились изъ него статуи, искусно-обдѣланныя, и между ними отличался колоссальный бюстъ одного изъ паликарровъ, отличившихся въ войну за независимость. Одинъ изъ нихъ сколотилъ наскоро сани, и катался на нихъ по аэническимъ улицамъ съ бубенчиками, въ-сопровожденіи собакъ и мальчишекъ. Замѣчательно, что такой холодъ не повредилъ ни апельсинамъ, ни виноградъ; но другія растенія и деревья много потерпѣли: стеклянный дождевъръ, стоявшій на террасѣ обсерватори, былъ разорванъ замерзшею водою.»

Но довольно объ астрономіи, обратимся къ физикѣ.

— Въ «Отечественныхъ Запискахъ» прошедшаго года было вѣстано извѣстіе о любопытныхъ опытахъ болонскаго профессора, док Паладжи, надъ явленіями электричества, обнаруживающагося при сближеніи и удаленіи ненаэлектризованныхъ тѣлъ. Докторъ Паладжи и Вольпичели полагали, что они открыли новый источникъ этой силы; но Сеччи доказываетъ, что упомянутыя явленія — слѣдствія электричества атмосфернаго, давно уже наблюдаемыя Волластономъ, Никольсономъ, Пельтье и Пальмьери, такъ-что въ нихъ нѣтъ ничего новаго, кромѣ объясненія; но этого объясненія нельзя вывести изъ опытовъ Паладжи, которые и сами по-себѣ-сомнительны, потому-что при нихъ трудно избѣжать тренія и хотя почти непримѣтнаго удара, однако способнаго возбуждать слабое электричество. Сеччи думаетъ, что такіе опыты должно производить въ пустотѣ, безъ тренія и соприкосновенія между тѣлами. Впрочемъ, въ наблюденіяхъ Паладжи заключается особенный родъ явленій — возбужденіе электричества движеніями изолированнаго человѣка; но они не служатъ къ подтвержденію его теоріи. Всякаго изолированнаго человѣка должно считать электрическою машиною: испаренія и дыханіе уподобляютъ его снаряду Армстронга; треніе платья, взаимное треніе частей человѣческаго тѣла, химическіе процессы внутри его — внутреннюю теплоту, взаимную лучеобрезныиъ теплоту, и пр. должно считать также причинами непрерывныхъ электрическихъ явленій. Къ этимъ причинамъ надобно еще прибавить общее правило: *напряженіе электричества*

миллетъ съ переменною въ величинахъ поверхностей тѣлъ. Всемъ вѣстно, что свѣтая и наэлектризованная цѣпь обнаруживаетъ меньшую силу электричества, когда ее развиваютъ и растягиваютъ. Такъ же человекъ, стоящій на изолирующей скамейкѣ, измѣняется его ерховость, доступная для воздуха, когда онъ поднимается или опуститъ руки, наклоняется или стоитъ прямо, раздвигаетъ или сжимаетъ ноги. Вотъ новый примѣръ, доказывающій, какъ должно быть вѣромымъ въ объясненіяхъ повидимому новыхъ явленій. Всегда прежде увѣриться, не подходятъ ли они къ явленіямъ, уже истиннымъ и объясненнымъ. Это замѣчаніе подтвердимъ остроумнымъ объясненіемъ Араго такъ-называемыхъ волшебныхъ китайскихъ алъ.

Млѣбныя зеркала выливаются изъ металла; на задней, неполированной ихъ сторонѣ вырѣзываются рельефно буквы, цвѣты, животныя, вѣща, и проч.; смотря прямо на полированную сторону, не видно ничего изображеннаго на сторонѣ неполированной; но когда помѣстимъ зеркало противъ солнца и пріймемъ отраженное его изображение на стѣну, тогда на ней ясно увидимъ и цвѣты, и буквы, и чудъ. За это странное свойство волшебныхъ зеркалъ, китайцы заютъ ихъ такимъ именемъ, въ которомъ означается ихъ мнѣніе о свойствѣ пропускать солнечный свѣтъ. Очевидно, что мнѣніе китайцевъ — нелѣпость; однакожь, какъ объяснить явленіе, выходящее, что предметы, невидимые прямо, становятся видными черезъ отраженіе? Въ 1847 г., Станиславъ Жюльенъ перевелъ ющій отрывокъ изъ китайскаго писателя XI вѣка: «Явленіе въ волшебныхъ зеркалахъ зависитъ отъ различія между *грубой* и *тонкой* мѣдью. Если на задней сторонѣ зеркала, отлитаго въ форму, есть выпуклый драконъ, то на передней его сторонѣ вырѣзана такой же драконъ, но ужъ углубленный (барельефно); по глубокая вырѣзка втораго дракона заливаются *грубой* мѣдью, а остальное покрывается мѣдью *тонкой*, или чистѣйшей; наконецъ, поверхность выравниваютъ, полируютъ и наводятъ на нее тонкій олова. Такое зеркало даетъ изображеніе солнца съ темными и яркими мѣстами, изъ которыхъ первыя происходятъ отъ *грубой* мѣды, вторыя же — отъ *тонкой*. У-тэю-гингъ (Ou-tseu-hing) увѣрило, что онъ разбивалъ волшебное зеркало въ куски и увѣрился въ истинномъ составѣ его». Можетъ-быть, китайцы дѣйствительно соотъ эти зеркала по описанному способу; но объясненіе само дѣйствія совершенно-нелѣпно. Въ 1847 г. Араго предложилъ хитрое объясненіе. Когда на передней поверхности вырѣзано углубленное изображеніе дракона, соответствующаго выпуклому у задней поверхности, тогда въ этихъ мѣстахъ металлъ не можетъ принимать одинаковой полировки; мѣста выпуклыя, какъ болѣе-выступающія полировкѣ, не дѣлаются совершенно-плоскими, сохраняютъ свою выпуклость; мѣста же вогнутыя остаются также кривыми, и только среднія мѣста полируются плоско. Послѣ снятано, что зеркало, состоящее изъ поверхностей выпуклыхъ, ихъ и плоскихъ, отражая свѣтъ, производитъ изображеніе съ

пятнами свѣтлыми—отъ лучей, правильно-отражающихся отъ плоскостей, и съ пятнами темными—отъ лучей, неправильно-отражающихся, или разсѣаемыхъ въ неровностиахъ вогнутыми и выпуклыми; но если экранъ, на который падаетъ изображение солнца, встанемъ такъ, что онъ будетъ соответствовать фокусу вогнутыхъ поверхностей, то темныя пятна сдѣлаются свѣтлыя всего изображенія; тогда—то и явится драконъ. Это остроумное объясненіе, основанное на первыхъ законахъ оптики, надобно было подтвердить опытомъ; но Араго предложилъ свое объясненіе Академіи Наукъ словесно, и оно не вышло изъ ея стѣнъ. Однако извѣстный оптикъ Дарбуръ, совѣтъ не зная объясненія Араго, вздумалъ подражать китайцамъ, и въ прошедшемъ году велъ обыкновенную дагерротипную пластинку, идѣющую съ накладнымъ серебромъ, и на задней ея сторонѣ выгравировалъ сферообразную луну барельефо, переднюю же сторону выполировалъ. Разсматривая ее прямо, онъ не могъ видѣть ни малѣйшихъ признаковъ задняго изображенія луны; но, принявъ на пластинку солнечный свѣтъ, отразившійся на краѣхъ, тотчасъ увидѣлъ гравированное изображеніе, которое становилось то темнѣе, то свѣтлѣе, смотря по разстоянію пластинки отъ экрана. Такимъ образомъ китайская тайна открыта и практически и теоретически.

— Французъ отгадалъ загадку китайскую, американецъ же усовершенствовалъ изобрѣтеніе французское. Въ статьѣ «объ ученыхъ трудахъ Араго» было упомянуто о его участіи въ наилучшемъ устройствѣ малыхъ огней; Френель изобрѣлъ стекла съ уступами (*à échelons*), Араго—лампу съ концентрическими свѣтлыми. Стекла съ уступами составлялись изъ отливаемыхъ и обтачиваемыхъ колецъ; высшая цѣна не допускала ихъ до общаго употребленія, они дѣлались только для малковъ. Въ прошедшемъ году, американецъ Джонъ Гилландъ открылъ средство выдвигать ихъ вдругъ изъ одного куска стекла, совершенно-готовыми. Эта удача принесетъ пользу и наукѣ и искусствамъ; но не такъ ужъ важна, какъ думаютъ американцы, которыхъ ученые журналы съ восторгомъ причисляютъ ее къ важнѣйшимъ изобрѣтеніямъ нашего вѣка.

— Случай, о которомъ мы теперь расскажемъ, замѣчательнъ въ физиологическомъ отношеніи и можетъ служить предостереженіемъ для многихъ шеголанъ. Употребляемое ими притиранье составляется изъ кислороднаго свинца и везети; оно для ослабленія притирается къ тѣлу очень-легко и прочно; поэтому его считаютъ однимъ изъ лучшихъ косметическихъ средствъ. Но, по увѣренію доктора Фиеве (*Fievé*), оно произвело ужъ много несчастій. Свинецъ, всасываемый кожей, разрушаетъ человеческое тѣло сильнѣе многихъ металлическихъ ядовъ. В..., актриса «Французскаго Театра», много лѣтъ употребляла это притиранье въ неизвѣрномъ количествѣ. Тѣло ея кожи на лицѣ начала извѣняться и все ея тѣло потеряло чувствительность; пищевареніе сдѣлалось затруднительнымъ; превращеніе питательныхъ соковъ въ тѣло прекратилось; явилась лихорадочная припадки, сопровождаемые нервнымъ разстройствомъ. Докторъ Фиеве, послѣ долгой верификаціи, увѣряетъ, что В... страдаетъ отъ

авы свиномъ. Немедленно онъ прибѣгнулъ къ сильнымъ лекар-
ствамъ, и, желая вмѣстѣ съ тѣмъ восстановить цвѣтъ кожи, онъ при-
малъ для лица нарывную мазь (gubéfaction), втираемую баржею.
Вдѣствие реакціи свинца и сѣры, входившей въ составъ мази, вся
лицевая кожа почернѣла; актриса превратилась въ чистую арабку. Большая
кожа мѣсяцевъ оставалась въ такомъ ужасномъ положеніи; док-
торъ съ большимъ трудомъ возвратилъ ей прежній цвѣтъ и совер-
шенно восстановилъ ея здоровье.

Весьма-часто жалуются на журналы за ихъ уткм; но слѣ-
дующая превосходитъ всякое вѣроятіе. Почти во всѣхъ журна-
лахъ было помѣщено подробное и блестящее описаніе заведенія для
выращиванія рыбъ во французскихъ рѣкахъ. Это описаніе взято изъ
«*Revue gendral*» Парижской Академіи Наукъ, которой г. Костъ до-
несъ о необыкновенныхъ успѣхахъ этого заведенія, устроеннаго
Гюннингена двумя инженерами. Донесеніе было ученое и ови-
дентное, слѣдственно неподлежащее сомнѣнію. Но вотъ что напи-
сано въ ученомъ журналѣ «*Cosmos*» (2-ой годъ, 1-я тетрадь, стр. 3),
аемою извѣстнымъ математикомъ, аббатомъ Моанью. «Въ про-
шломъ маѣ, одинъ изъ друзей аббата, человекъ умный и, по ха-
рактеру своему, заслуживающій довѣрія, посѣтилъ свое владѣніе, на-
ходящееся недалеко отъ Гюннингена, подлѣ самого прославленнаго
заведенія для размноженія рыбъ. Онъ почелъ обязанностью и удо-
вольствиемъ осмотрѣть это заведеніе, гдѣ наука помогала природѣ.
Но оказалось миеомъ, созданнымъ въ воображеніи г. Коста.
Въ аббата ничего не нашель, ничего не видалъ, кромѣ бѣднаго
двора съ хижинкой сторожа; не было въ немъ ни кучъ оплодотво-
рившей икры, ни шестисотъ-тысячъ молодыхъ рыбокъ; словомъ,
заведеніе — совершенный нуль; плоское и низменное при-
брежье, назначенное для предполагаемаго заведенія, заливається без-
зачемъ водою; пространство между каналомъ и Рейномъ весьма
превращается въ болото, въ которомъ молодыя рыбки не мо-
гутъ расти, ни жить. Но утѣшимся (прибавляетъ аббатъ Мо-
ань): если одинъ неблагоуразумный самохвалъ обманулъ почтенное
общество ученыхъ, то другой человекъ, г. Милье, скромный, дѣятель-
ный и приступающій къ исполненію намѣренія по обдуманному пла-
ну, въ действительности завелъ превосходный питомникъ для рыбъ, близъ
на. Это ужъ не миеомъ, но заведеніе, отъ котораго Франція долж-
на ожидать вѣрныхъ и самыхъ полезныхъ плодовъ».

Гладиаторія прославилась своимъ золотомъ, которое, какъ гла-
воуказаніемъ извѣстія, начинаетъ уменьшаться. Можетъ-быть, ско-
ро придетъ и безумная страсть къ этому соблазнительному металлу;
— быть, туземцы и пришельцы опять обратятся къ прочнымъ и
вѣчнымъ богатствамъ этой страны — къ земледѣлію и къ дру-
гимъ естественнымъ произведеніямъ, между которыми нынѣ осо-
бенно замѣчатъ заслужили мускатные орѣхи, растущіе во всей Ка-
мбоджѣ безъ всякой обработки. Они продолговаты, съ заостренны-
ми концами и гораздо-ароматнѣе и пріятнѣе для вкуса орѣховъ, до-
стоинство обращающихся въ торговлѣ подъ названіемъ мускатныхъ.

— Профессоръ Шепаръ, возвратясь изъ своего путешествія въ американскимъ округамъ Мекленбургу, Союзу (Union), Кабарруту и Ровану (Rowan), объявляетъ, что въ этихъ провинціяхъ, особенно въ металлоносной почвѣ, называемой Годд-Гилль, открыты богатые мѣдные рудники. Мѣдная руда, что весьма-рѣдко, находится юти при поверхности земли. Тамъ также случайно нашли два дорогіе алмаза. Это извѣстіе сообщено тѣмъ самымъ профессоромъ Шепаромъ, который нашелъ средство извлекать изъ воды водородный газъ посредствомъ электро-магнетизма. Прошедшаго 12 ноября при его опытахъ присутствовали императоръ и императрица французскіе со свитой, государственный министръ и лордъ Коулей. Вода, подверженная дѣйствию снаряда и химическому процессу, составляющему тайну изобрѣтателя, чрезъ нѣсколько минутъ начала превращаться въ газъ, горѣвшій блестящимъ пламенемъ.

— Теперь расскажем, какъ выбрала Парижская Академія Наукъ преемника покойному Араго въ должность своего непремѣннаго секретаря по Математическому Отдѣленію. Сперва была наряжена комисиіа изъ старшихъ академикомъ, для выбора и представленія общему собранію кандидатовъ. По старымъ правиламъ и по обычаю, непремѣнный секретарь Академіи долженъ быть ея душою, органомъ ея мыслей и дѣйствій, средоточіемъ мнѣній и намѣреній всѣхъ ея членовъ. Онъ обязанъ быть частью своего жалованья употребить на вечера для своихъ товарищей, гдѣ, въ дружескихъ бесѣдахъ, разсуждали о ходѣ наукъ и дѣлали предположенія о будущихъ ихъ успѣхахъ для пользы общей и для славы Академіи. Отъ непремѣннаго секретаря, кромѣ обширной учености, требуются даръ слова и искусство писать, потому-что онъ долженъ составлять біографіи или похвальныя рѣчи умершимъ академикамъ и годичные отчеты о дѣйствіяхъ Академіи, представляемые главѣ государства и издаваемые для общаго свѣдѣнія. Эти обязанности не могли исполнять ученые специалисты, по разнообразію сочиненій, поступавшихъ въ Академію какъ отъ ея действительныхъ членовъ, такъ и отъ постороннихъ ученыхъ на разныхъ языкахъ и о разныхъ предметахъ наукъ, отвлеченныхъ и техническихъ. Когда двери Академіи отворились для всей публики и началось изданіе еженедѣльныхъ отчетовъ о ея занятіяхъ, тогда годичные отчеты прекратились. При выборѣ членовъ комисиіа для назначенія кандидатовъ въ должность непремѣннаго секретаря, почетные и заслуженные академики, Тенаръ, Шеврѣль и Поансо, предложили собранію о пользѣ годичныхъ отчетовъ. Собраніе одобрило предложеніе и поручило своей комисиіи обратить вниманіе на это обстоятельство, при своихъ разсужденіяхъ о достоинствѣ кандидатовъ. Комисиіа не могла скоро исполнить возложеннаго на нея порученія. Въ ожиданіи ея рѣшенія, принимающіе участіе въ дѣлахъ Академіи, угадывали на кого упадетъ выборъ. Называли Пулье, Ламе, Сенармона, Шарля Дюпена и почти единогласно Ренью, ученаго химика и физика хорошо знающаго математику и языки англійскій, нѣмецкій и итальянскій. Но Ренью, желая сохранить мѣсто директора севрской мануфактуры, отказался отъ кандидатства. Тогда взоры всѣхъ обратились на Пулье,

печатающаго изящнымъ и ученымъ преподаваніемъ физики, и на не, извѣстнаго глубокою ученостью, даромъ слова и скромностью его характера, а также свѣдѣніями въ иностранныхъ языкахъ. Наполею коммиссія представила избранныхъ ею кандидатовъ: барона Дюпена, Ламе и Пулье, принадлежащихъ Отдѣленію Математическому. Въ общемъ собраніи Академіи, Кошю предложилъ соединить къ нимъ Эли-де-Бомона, одного изъ членовъ Отдѣленія къ Естественныхъ. Предложеніе было принято, и такимъ-образомъ списокъ кандидатовъ взошли имена двухъ сенаторовъ, Ш. Дюпена и Эли-де-Бомона. Въ день общаго избранія желали быть въ засѣданіи академики, даже больные, между которыми товарищи съ удовольствіемъ увидѣли ботаника Годишо, изнуреннаго продолжительной болезнью, которая, къ общему сожалѣнію, скоро прекратила его жизнь. Къ членовъ на-лицо оказалось 52, и потому абсолютное большинство состояло изъ 27 голосовъ. При баллотировкѣ, Эли-де-Бомонъ получилъ 19 голосовъ, Дюпень — 16, Пулье — 1, Ламе — 8, Сенармонъ — сверхъ-того, одинъ билетъ былъ бѣлый. Итакъ требуемое большинство не состоялось. Приступили къ второй баллотировкѣ, и Эли-де-Бомонъ получилъ 29 голосовъ, Дюпень—17, Пулье—5, Ламе—1 и Сенармонъ—1. Эли-де-Бомонъ избранъ; но окончательное его утвержденіе зависитъ отъ воли императора и отъ избранія ему преемника въ званіи гвительнаго академика по Отдѣленію Естественныхъ Наукъ. Эли-омонъ родился 15 сентября 1798 года, слѣдственно, теперь ему десять-пять лѣтъ. Онъ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ ученыхъ и прославился своею теоріею поднятія горъ, которую такъ ясно изложилъ Араго еще въ 1830 году, и которую авторъ выкажетъ, изъ предѣловъ вѣроятности, какъ замѣчено въ началѣ этой статьи. Математическія его свѣдѣнія, необходимыя для секретно Математическому Отдѣленію, ученымъ неизвѣстны. Этотъ существенный недостатокъ сопровождается недостаткомъ дѣйствительнаго таланта: Эли-де-Бомонъ имѣетъ весьма-слабый голосъ: ему трудно предлагать дѣла собранію посреди шумныхъ разговоровъ учениковъ и членами Академіи. По этимъ причинамъ много жалуютъ, что выборъ не упалъ на одного изъ прочихъ кандидатовъ, принадлежащихъ къ Математическому Отдѣленію, которое дѣйствительно не единодушно, и потому не могло удержать большинства горькимъ-нибудь изъ своихъ товарищей. Здѣсь единодушіе было одиомо, потому-что въ Математическомъ Отдѣленіи считается 26, Естественномъ 37 членовъ.

Въ Парижѣ вышли двѣ краткія біографіи Араго, написанныя Дорни и Дорни; обѣ онѣ еще несовѣтъ-удовлетворительны, по-что многіе труды этого незабвеннаго ученаго оставались неизвѣстными для самихъ его друзей; однако изъ нихъ можно извлечь много дополненія къ статьѣ: «Франсуа Араго» помѣщенной въ нумерѣ «Отечест. Записокъ» на 1853 годъ. «Всѣмъ извѣстно» (пишетъ Дорни), что Араго умѣлъ занять мѣсто между первыми современными учеными; извѣстно, что онъ обладалъ необыкновенною способностью дѣлать для всѣхъ доступными самыя трудныя

«вопросы науки. Но, можетъ-быть, не всѣ знаютъ, что онъ оказалъ великія услуги промышленности, способствуя ея развитію, покровительствуя и ободряя начинающихъ, и защищая права и выгоды изобрѣтателей. Много бы изобрѣтений осталось въ совершенной невѣстности, если бы изобрѣтатели не находили въ Араго покровителя, защитника, ходатая и вѣрнаго цѣнителя. Когда понадобились суды для плаванія въ отдаленныхъ моряхъ, тогда почти всѣ единогласно совѣтовали приобрести ихъ у англичанъ; одинъ Араго, желая усилить и распространить работы въ механическихъ заведеніяхъ французскихъ, воспротивился общему мнѣнію и преодолѣлъ его своимъ убѣдительнымъ и непобѣдимымъ словомъ. Это была величайшая услуга для Франціи, потому-что въ то время начинали устроиваться и расширяться фабрики и мастерскія, сдѣлавшіяся нынѣ предметомъ зависти самихъ англичанъ».

Барраля рассказываетъ слѣдующій анекдотъ изъ юности Араго, родившагося въ Эстанжелѣ, близъ Перпиньяна. Въ его провинцію прѣхалъ горный инженеръ и поразилъ мальчика своимъ блестящимъ костюмомъ. «Что надобно сдѣлать, чтобъ приобрести право носить такой мундиръ, какъ свидѣтельство знаній?» спросилъ Араго инженера. «Вступить въ Политехническую Школу.» — «А какъ въ нее вступаютъ?» — «Надобно выдержать экзамень.» — «Въ какомъ извѣстномъ должно держать экзамень?» — «Въ Монпельѣ, и притомъ послѣ предѣльныхъ занятій математикою.» — «Хорошо; я выучусь математикѣ и непременно поступлю въ Политехническую Школу.» Въ 1804 году Араго вступилъ въ школу, а въ 1806 сдѣлался секретаремъ «Коммиссіи Долготы».

Выпишемъ еще изъ Барраля извѣстіе о семействѣ Араго. Изъ его братьевъ, Жанъ и Жозефъ съ честью служили въ мексиканскомъ войскѣ; Викторъ былъ тамъ же командиромъ артиллеріи и считался лучшимъ офицеромъ; слѣпой Жакъ и Этьенъ сдѣлались извѣстными въ литературѣ. Гробъ покойнаго своего брата сопровождали только Жанъ и Викторъ. Жанъ умеръ въ 1836 г., Жозефъ и теперь въ Мехикѣ. Этьенъ въ изгнаніи. Старшая ихъ сестра давно умерла, а меньшая была утѣшительницей и попечительницей своего брата Франсуа въ тяжкой его болѣзни. Она замужемъ за астрономомъ Матье; дочь ея также за академикомъ Ложье. Наконецъ, изъ двухъ сыновей великаго ученаго, одинъ Эмманюэль отличается своимъ краснорѣчіемъ въ званіи адвоката, а другой, Альфредъ, извѣстенъ какъ отличный писецъ.

Къ этимъ любопытнымъ извѣстіямъ прибавимъ, что въ Пулковской Обсерватори находится портретъ Араго, писанный его сыномъ Альфредомъ; онъ совсѣмъ не походитъ на литографированные портреты покойнаго, находящіеся у торговцовъ картинами.

При похоронахъ Араго присутствовалъ и Гумбольдтъ, произнесшій нѣсколько словъ надъ его гробомъ. «Этотъ единственный человекъ одаренъ былъ гениемъ и способностью излагать великія открытія въ такомъ видѣ, что они казались давнишней принадлежностью нашего ума. Я горжусь тѣмъ, что сорокъ лѣтъ принадлежалъ ему, какъ вѣрны

преданный другъ. Я горжусь тѣмъ, что мое имя будутъ упоминать съ его именемъ. Всѣ мои сочиненія наполнены глубочайшей признательностью за его совѣты и дружескія пособія въ ученыхъ работахъ».

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Начнемъ наши замѣтки съ театра.

Дѣйствіе происходитъ въ наше время. Въ Парижѣ живетъ молодой еловѣкъ, по имени Жоржъ. Онъ хорошъ собою, богатъ, образованъ; у него чудесный отель, превосходный поварь, отличные экипажи и, какъ у всякаго обладающаго этими предметами, многочисленныя друзья. Молодой человѣкъ совершенно-счастливъ и счастье его покажется вамъ еще большимъ, если мы скажемъ, что прекрасная Лаура Мерсье, дочь негоціанта, отвѣчаетъ нѣжной склонности Жоржа и даже въ скоромъ времени сдѣлается его супругою. Но посреди такого счастья, посреди ласкъ и предложенія различныхъ услугъ со стороны друзей, посреди сладкихъ, отрадныхъ надеждъ счастливой любви, надъ головою Жоржа собираются мрачныя, громовыя тучи. Отецъ его умираетъ и вмѣстѣ съ наслѣдствомъ оставляетъ сыну огромныя долги — слѣдствіе какого-то неудавшагося предпріятія. Молодому Жоржу остается выбрать одно изъ двухъ: или отказаться отъ отцовскаго наслѣдства, удержавъ за собою значительное нѣжное покойной матери, или принять наслѣдство, заплативъ всѣ, соединенно съ нимъ, долги и вмѣстѣ съ тѣмъ потерять все свое состояніе. Передъ закономъ Жоржъ будетъ правъ, отказавшись отъ наслѣдства и предоставивъ кредиторамъ волю судьбы; но онъ не хочетъ быть неправъ передъ своею совѣстью; не хочетъ, чтобы кто-нибудь страдалъ отъ довѣрія къ его отцу. Предпочитая честь деньгамъ, снѣтъ платить своимъ имуществомъ всѣ долги покойнаго и остается бѣднякомъ, надеясь только на свои собственныя молодыя силы. Кредиторы, не ожидавшіе получить своихъ долговъ, поражены великодушнымъ поступкомъ молодаго человѣка. Каждый изъ нихъ предлагаетъ ему услуги и говорить о своей признательности... Жоржъ доволенъ, счастливъ; онъ не вѣритъ словамъ нотариуса, который такъ опредѣляетъ признательность:

. . . . . la reconnaissance
Trop froide en vieillissant, est chaude à sa naissance.

Жоржъ думаетъ, что всѣ эти люди, изъ благодарности, пойдутъ за него въ огонь и въ воду, и что честный, благородный поступокъ будетъ всегда оцененъ по достоинству. Но такъ ли это бываетъ на самомъ дѣлѣ? такъ ли это было и съ нимъ? Мерсье, отецъ Лауры, такъ постоянно восхвалявшій благородство, узнавъ о благородномъ

поступкѣ Жоржа, поступкѣ, который, однако, лишилъ его состоянiя, отказывается выдать за него свою дочь. Старику шестьдесятъ лѣтъ; онъ много жилъ, много испыталъ, и выведя изъ жизни извѣстныя правила, считаетъ своимъ долгомъ твердо имъ слѣдовать.

«C'est rabaisser l'hymen au niveau d'un plaisir,
Que d'en faire le but d'un amoureux désir;
Ce saint engagement sur le devoir repose;
L'intérêt des enfants est la première chose,
Et leur donner le jour, sans assurer leur sort:
Est un acte égoïste et que je blâme fort.»

говорить Марсье, и кто станетъ обвинять его за такое мнѣнiе? Жоржъ надѣется найти поддержку себѣ въ Лаурѣ, но Лаура дѣвушка съ характеромъ слабымъ, пассивнымъ — у ней недостаетъ силъ противиться обстоятельствамъ. Доводы сестры ея, молодой, женой Люсьи, которая лучше хочетъ быть вѣчно дѣвучкою, чѣмъ выходить изъ за того, кого избрало ея сердце, остаются напрасными: Лаура безвольно приносить себя въ жертву волѣ своего отца. Будемъ ли обвинять дѣвучку за эту жертву? Она, по словамъ ея, слѣдовала только примѣру женоха своего, въ свою очередь тоже пожертвовавшая многимъ своимъ своей обязанности. Итакъ, отказавшись отъ богатства, Жоржъ долженъ отказаться и отъ любви, а вскорѣ затѣмъ и отъ самой дружбы. Други, которые такъ часто у него обѣдали, которые такъ много ему льстили, теперь одни тономъ покровительства обѣщаютъ ему позаботиться о мѣстѣ, другіе просто не хотятъ даже узнать его. Бѣдный, нуждающійся въ самомъ необходимомъ, Жоржъ, для поправленiя своихъ дѣлъ, рѣшается обратиться къ признательности тѣхъ, которые благородному поступку его обязаны своимъ состоянiемъ. Но признательность оказывается тоже несостоятельною, и удовлетворенные нѣкогда имъ кредиторы не хотятъ повѣрить ему теперь двадцати пяти тысячъ франковъ, необходимыхъ для приобрѣтенiя въ бывшихъ владѣнiяхъ отца бумажной фабрики.

Потерявъ все, Жоржъ раскаивается въ великодушномъ порывѣ. Посреди тяжелыхъ испытанiй бѣдности, о которыхъ когда-то онъ едва имѣлъ понятiе, онъ; такъ сильно-стоявшій за любовь, говорившій когда-то :

«Je voudrais n'habiter qu'une chambre au cinquième
Seul et pauvre, mais libre, et maître de moi-même...

рѣшается жениться на старой дѣвѣ, которая принесетъ ему значительное приданое. Эта женщина, также кредиторша его отца, тронута до глубины души великодушнымъ поступкомъ Жоржа. Съ восторгомъ готовая отдать ему свою руку, она не требуетъ за то отъ него какихъ-нибудь нѣжныхъ привязанностей и хочетъ быть для него доброю матерью. Но Жоржъ и не зная этихъ благородныхъ чувствъ старой дѣвочки, зная только, что у ней есть деньги, послѣ небольшихъ колебанiй, готовъ женитьбою поправить свои дѣла. Въ это время на помощь къ нему, на выручку его слабѣющему благород-

ту являются два человека. Одинъ изъ нихъ, Родольфъ, небогатый, знатный другъ его, оригиналъ, который говорить всегда истину; э стѣсняетъ себя пустыми церемоніями, но который не оставляетъ Горжа ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни; другой — Люсиль, вѣтра Лауры. На балу у нотариуса, куда приглашенъ и всѣми забытый Жоржъ, онъ встрѣчаетъ своихъ прежнихъ друзей и вреторъ отца и сестеръ Мерсье (изъ которыхъ Лаура уже заужемъ за какимъ-то Ришаромъ). Его узкій, истертый фракъ, бѣдность всего его наряда бросается въ глаза всѣмъ и каждому: одни изъ гостей лавируютъ въ сторону отъ стараго пріятеля, другіе граничиваются только нѣсколькими съ нимъ словами, третьи и т. д.; ю молодецкая энтузіастка Люсиль не забыла о благородномъ погупѣ молодого человека, и слѣдуя совѣту Родольфа, не задумавшись, сама заводитъ съ нимъ разговоръ, говорить ему любезности и даже ангажируетъ его на кадрили. Этотъ простой поступокъ, въ которомъ нѣтъ ни капли чванства, а есть много теплоты и искренности, придаетъ новую силу его ослабѣвающему сердцу и проуждаетъ его засыпавшія благородныя чувства. Онъ хочетъ беречь и хранить ихъ какъ святыню, и чтобъ имѣть способы къ существованію, рѣшается работать, трудиться и даже взяться за неприятное для него занятіе — уроки рисованія, о которыхъ еще недавно отзывался онъ съ такимъ презрѣніемъ. Но это оказывается ненужнымъ. Добрый нотариусъ (который, какъ видно, очень-много помогалъ автору въ веденіи интриги комедіи), достаетъ сумму, нужную для покупки фабрики — и Жоржъ дѣлается фабрикантомъ. Воодушевленный любовью, онъ превосходно ведетъ свои дѣла и скоро приобретаетъ совершенное-обезпеченное состояніе. Въ такомъ положеніи онъ вѣсть изъ другомъ своимъ Родольфомъ и нотариусомъ является къ старику Мерсье, почти совершенно-разоренному своимъ зятемъ, мужемъ Лауры, и проситъ руки его второй дочери. Отецъ согласенъ; но Люсиль, искренно любящая Жоржа, минуту колеблется въ отвѣтъ, опасаясь, что прежняя любовь несомнѣно прошла еще въ сердцѣ сестры ея. Лаура уничтожаетъ ея опасенія и Люсиль дѣлается невѣстою Жоржа. Тѣмъ и оканчивается комедія г. Понсара *l'Hommeur et l'Argent*.

Авторъ хотѣлъ доказать очевидную истину, что честность выше богатства, но, вложивъ въ основаніе комедіи мысль прекрасную, высоко-нравственную, онъ не провелъ ея до конца пьесы и нравственное торжество замѣнилъ грудями быстро-нажитаго золота... Несмотря, однакожъ, на этотъ важный недостатокъ, комедія г. Понсара; безспорно, можетъ считаться лучшею пьесою прошлаго сезона. Въ основаніи ея лежитъ мысль; она написана превосходными, звучными и до-того иногда рельефными, если такъ можно сказать, стихами, что они безъ воли слушателя остаются въ памяти и, наконецъ, въ ней есть нѣсколько вѣрно и бойко-очерченныхъ личностей. Если Жоржъ и кажется лицомъ немножко-блѣднымъ, если Родольфъ — этотъ добрый, благородный другъ, походитъ иногда на резонера, за-то какъ хорошъ этотъ практической старику Мерсье, живая, рѣшительная Лю-

силь, и слабая, страдательная Лаура! Многие называют личность Лауры несколько-безымянной, но язык кажется, что в этой безымянности и заключается ее особый, совершенно-выдержанный актерский характер. Посреди немногих девушек, одаренных волею счастливою, умом равнительным, какое множество танкет, которые сами, по собственной воле, отказываются от этих способностей и отдаются с пошлостью, без борьбы и ропота, воле судеб и течению обстоятельств, а Лаура — именно такая девушка. Второстепенные лица комедии очеркнуты также чрезвычайно-быстро. Эта старая дѣва, отказывающаяся от надежды быть любимой, но желающая сама еще любить кого-нибудь, этот старый кредитор, вечно-жалующийся на постепенный упадок нравственности, и даже этот капиталист, который так основательно, практически советует Жоржу поправить дѣла свои женитбюго на старой дѣвѣ — всѣ эти лица типическія.

Пьеса г. Понсара болѣе нравится въ чтеніи, нежели на сценѣ. Причины тому заключаются въ недостаткѣ въ ней драматическаго движенія, театральнаго эффекта и, наконецъ, послѣдовательности въ самомъ ея ходѣ, отчего всѣ дѣйствія, за исключеніемъ втораго, тѣсно-связаннаго съ третьимъ, представляются эпизодами, раздѣленными значительнымъ временемъ.

Пьеса эта дана была въ бенефисъ г-жи Вольнисъ, вмѣстѣ съ коротенькою комедіей *Un ménage à trois*, представляющей исторію матери и дочери, влюбленныхъ въ одного и того же молодого человѣка, и забавнымъ фарсомъ: *Mélez vous de vos affaires*. Въ комедіи превосходно играетъ г-жа Вольнисъ роль матери; въ водевилѣ умурительнъ г. Леженъ.

Кромѣ этихъ пьесъ на французской сценѣ, въ бенефисъ г-жи Плесси, дана была sentimentalная драма *Les Orphelins de Valmy*, заимствованная изъ пресловутаго quasi-народнаго повѣствованія г. Ламартина.

Главною новостью русскаго театра въ прошломъ мѣсяцѣ была, безъ сомнѣнія *Маркизаника*, драматическое произведеніе г. Куклачина, заимствованное изъ времени Петра-Великаго. Изъ «Библиографической Хроники» нашего журнала вы узнаете, читатель, содержаніе и литературныя достоинства и недостатки этой пьесы. Что же касается до сценическаго исполненія «Маркизаники», то г-жа Чугау съ большимъ чувствомъ играла роль Татьяны. Г. Самойловъ былъ превосходенъ въ роли Ицегова, г. Максимовъ 1-й оченъ-хорошъ Юрловымъ. Но главную роль въ пьесѣ играло имя автора, недавно поставившаго на сцену «Морской Праздникъ въ Севастополѣ». Вотъ единственная причина, почему пьеса, данная въ теченіе трехъ недѣль болѣе десяти разъ, постоянно собирала въ театрѣ значительную публику. На самомъ же дѣлѣ, несмотря на участіе всѣхъ лучшихъ артистовъ, несмотря на нѣсколько дѣйствительно-хорошихъ мѣстъ драмы, между которыми особенно нравится то, когда, при звукѣ пѣсни «Возлѣ рѣчки, возлѣ моста», русскій отрядъ освобождаетъ изъ плѣна своихъ земляковъ — пьеса кажется нѣсколько-длинноватою.

Всѣ другія новости Александривскаго Театра ограничиваются бенефисами г. Мартынова и г-жи Самойловой. Мы помнимъ, что въ бенефисъ перваго на русскомъ театрѣ знаменитая французская артистка

Рашель читала сцену изъ «Маріи Стюартъ»; а что дѣлали русскіе артисты въ этотъ вечеръ — рѣшительно не помнимъ, хотя, по справкѣ, помню, и оказывается, что тогда даны были два водевиля: *На своей караван ртѣ не разлей и Похвали одоюма*, соротились троемъ.

Бенефисъ г-жи Самойловой былъ составленъ изъ слѣдующихъ пьесъ: *Ододы Ширванскаго Полка въ турецкую кампанію*, драматическое представленіе; *Станціонный Смотритель*, драма, и *Антрепренеръ Беристъ*, шутка-водевиль.

Современныя событія, отличающіяся, какъ и всѣ военныя событія въ нашей отечественной исторіи, геройскими подвигами какъ отдельныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ массъ, могли бы дать канву и для болѣе-теплаго и болѣе-живаго драматическаго произведенія, нежели то, заглавіе котораго мы выписали выше... Вторая картина, въ которой военной отрядъ идетъ на приступъ, составляетъ лучшее мѣсто въ этой пьесѣ.

«Станціонный Смотритель», драма передѣланная изъ повѣсти А. С. Пушкина, могла бы дать намъ случай распространиться на-счетъ рудности, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, и невозможности передѣлки рамъ изъ повѣстей и разсказовъ; но, не пускаясь въ эти подробности, скажемъ коротко, что такія передѣлки и невозможны и, пожалуй, нетрудны, если передѣльватель только обладаетъ талантомъ. Прочувствовать избранное произведеніе, съ помощью природнаго таланта, пересоздать его въ новую, живую форму, сохранивъ все, что было въ немъ лучшаго — вотъ какого рода передѣлка можетъ нравиться и имѣть успѣхъ. Но простая, по извѣстной мѣркѣ, перекройка повѣстей въ драматическія произведенія съ добавленіемъ ихъ, гдѣ нужно, какимъ-нибудь старымъ хламомъ изъ давно-попылятыхъ мелюдрамъ — это просто трудъ, трудъ жалкій и неблагоприятный. Незавѣстный авторъ драмы «Станціонный Смотритель», составивъ перыма два дѣйствія ея во рисунку, набросанному въ повѣсти Пушкина, третье почти вполнѣ предоставилъ во владѣніе своей собственной фантазіи, или, лучше, своему воспоминанію различнаго видѣннаго имъ пьесы.

Кто не помнитъ исторіи хорошенькой Дуни, дочери станціоннаго смотрителя, которую увезъ какой-то проѣзжій гусарь? Кто не помнитъ, какъ потомъ отецъ побрелъ искать ее въ Петербургъ, какъ нашелъ ее въ богатой квартирѣ, въ богатомъ нарядѣ, и какъ былъ прогнанъ оттуда настоящимъ владѣтелемъ этой квартиры; наконецъ, у кого не осталось въ памяти послѣднее время жизни убитаго горюш и потомъ свиннагося съ круга старика, и разсказъ деревенскаго мальчика о томъ, какъ, спустя нѣсколько времени послѣ смерти Самсона (или станціоннаго смотрителя) на могилу бѣднаго старика прѣзжала богатая барыня и дѣвчана и пошла на надгробномъ ходѣ

ми? Эту прелестную новость мы читали по крайней мере выходя из театра, а она и теперь сидит в нашей памяти. Из восхищения Дуни неизвестный автор драмы сделал первый акт, из восторга она с отцомъ въ Петербургъ — второй; что жъ касается до третьего, то адсье изъ Дуни, такъ просто-очерченной въ повѣсти, является какаа-то мелодраматическая героиня. Покинуть своего похитителя, Дуни снова является на станціонный дворъ. Она застаётъ отца больного, умирающаго. Онъ безъ памяти; онъ бредитъ о прошломъ, о своей дочери, но не узнаетъ ея самой. Дуни рыдаетъ и плачется, отказывается отъ супружества съ любимымъ ею когда-то человекомъ, который теперь, чрезъ пріятеля, предлагаетъ ей свою руку, и хочетъ идти въ монастырь для искупленія своего проступка. Она считаетъ себя даже счастливою, когда отецъ, умирая, но не узнавая стоящей передъ нимъ дочери, благословляетъ ее какъ-бы заочно.

Собственно драма въ этой пьесѣ заключается только во второмъ актѣ — въ сценѣ свиданія отца и дочери. Первый актъ съ эпизодами, обставляющими главную интригу пьесы, похожъ на водевилъ: послѣдній — чистѣйшая мелодрама съ бредомъ, воплями, слезами. Этотъ актъ, изобрѣтенный передъывателемъ, оставляетъ какое-то тяжелое впечатлѣніе въ зрителѣ, тяжелое тѣмъ болѣе, что участь бѣдной Дуниши въ драмѣ остается для него какъ-то неопредѣленною. Независимо отъ всего этого, нельзя не замѣтить: зачѣмъ старый Самсонъ говоритъ на сценѣ такимъ книжнымъ языкомъ? зачѣмъ Дуниша, съ которою дѣлается обморокъ при одномъ видѣ отца, которая вскрѣсно любитъ своего похитителя, введена составителемъ драмы такъ скоро въ разрядъ женщинъ, любящихъ только хорошіе экипажи, бедуарныя ложи и массивныя букеты камелій? Ничего подобнаго нѣтъ у Пушкина. Г. Самойловъ былъ хорошъ въ роли станціоннаго зрителя, особенно въ сценѣ упрековъ, дѣлаемыхъ имъ дочери; г-жа Самойлова выказала много чувства въ послѣднемъ дѣйствіи пьесы, но не мѣшало бы ей исправить ошибку составителя драмы, придавъ личности Дуниши немножко-поболѣе женственности во второмъ актѣ.

Третья пьеса бенефиса «Антрепренёръ Актриса» — не болѣе какъ второй экземпляръ «Folies dramatiques», о которыхъ мы говорили въ прошломъ мѣсяцѣ. Въ «Антрепренёрѣ» осмѣиваются классическія представленія труппы г-жи Рашель. Въ какомъ-то провинціальномъ городкѣ, антрепренёръ театра, для поддержанія своего дохода, ангажируетъ актрису, обязующуюся играть à la Rachele. Называется представленіе «Федры». Новая актриса, конечно, исполняетъ главную роль, самъ антрепренёръ — Исполнителя, а прочія роли раздаются разнымъ членамъ восточной труппы. Представленіе начинается. Федра читаетъ первую сцену съ Эвонной, а затѣмъ является Исполнитель. Но едва онъ начинаетъ свою тираду, какъ вдругъ останавливается, замѣтивъ въ одной ложѣ семерыхъ зрителей. Въ анналахъ своихъ, антрепренёръ, слѣдуя примѣру «директора отпусковъ г-жи Рашель», ограничилъ число лицъ въ ложѣ только шестью. Исполнитель не хочетъ продолжать своей сцены, пока седьмой не уйдетъ изъ ложи и, въ гнѣвѣ

неуваженіе къ искусству, требующему присутствія въ ложѣ не мене шестерыхъ, онъ велитъ опустить завѣсъ. Этимъ оканчивается все представленіе, которое, хотя и смѣшно, но ужь черезчуръ плоско.

Мартыновъ былъ очень-забавенъ антрепренёромъ, еще забавнѣе политикомъ, считающимъ число персонъ въ ложахъ. Г-жа Самоилова точно пародировала г-жу Рашель, хотя голосъ ея слишкомъ-слабъ для совершеннаго подражанія декламации знаменитой артистки.

Кромѣ того, въ послѣдніе дни масляницы на русской сценѣ появилось *Вѣсть о побѣдахъ и гость съ Кавказа* — драматическое представленіе въ двухъ дѣйствіяхъ съ куплетами. Относясь къ современнымъ намъ подвигамъ русскихъ войскъ на турецкой границѣ, эта историческая пьеса, которую собственно можно назвать интермедией, понравилась публикѣ и въ первое представленіе авторъ ея былъ названъ.

Наконецъ, для довершенія театральныхъ удовольствій, Петербургъ наслаждался въ прошломъ мѣсяцѣ новымъ балетомъ, *Фаустъ*. Постановка новаго балета, особенно такая роскошная, какъ у насъ, стоитъ дорого, а потому балеты новые появляются нечасто. Содержаніе балета взято г-номъ Перро изъ знаменитаго произведенія Гёте. Твореніе славнаго нѣмецкаго писателя передѣлано на хореографическіе нравы; звучные, прекрасные стихи замѣнены различными пируэттами и антрактами, ученый, Фаустъ, со втораго дѣйствія начинаетъ танцовать точно такъ же, какъ какой-нибудь Альманзоръ, Зингоро и т. п. Сначала кажется какъ-то страннымъ видѣть серьезнаго Фауста, размакивающего ногами, или ходящаго на кончикахъ пальцевъ; но скоро привыкаешь къ этому новому его положенію и находишь даже наслажденіе въ созерцаніи тѣхъ различныхъ событій, которыя случаются съ танцующимъ ученымъ. Въ первой сценѣ балета мы застаемъ Фауста въ его кабинетѣ. Онъ сознаетъ все ничтожество своихъ глубокихъ познаній; онъ ищетъ чѣмъ бы занять свой умъ и въ этомъ состояніи вызываетъ духовъ. Является Мефистофель. Мефистофель предлагаетъ ему всѣ земныя блага, требуя, въ вознагражденіе за это, чтобъ Фаустъ далъ обязательство принадлежать ему послѣ своей смерти. Видя колебаніе ученаго, злой духъ, чтобъ доказать ему свое могущество, наводитъ на Фауста сонъ и представляетъ ему чудныя и очаровательныя картины. Фаустъ видитъ небольшую комнату и въ ней прекрасную Маргариту, плетущую вѣнокъ. Красота дѣвушки поражаетъ ученаго; но комнатка исчезаетъ и замѣняется кладбищемъ, гдѣ, въ числѣ привидѣній, выходящихъ изъ гробницъ, онъ видитъ снова образъ обожанной Маргариты. Фаустъ преслѣдуетъ видѣніе; онъ, кажется, ужь готовъ схватить его, какъ мрачное кладбище превращается въ великолѣпный волшебный замокъ, а таинственные призраки—въ прекрасныя воздушныя существа, порхающія вокругъ него. Въ числѣ этихъ существъ онъ узнаетъ опять дорогую для него дѣвушку; а выпивъ таинственный напитокъ изъ поднесеннаго ею кубка, превращается изъ старика въ молодого, прекраснаго юношу. Тогда ученый не сомнѣвается въ могуществѣ Мефистофеля и, принуждаемый Маргаритою, подписываетъ страшный договоръ...

Первое желаніе Фауста, которое обязанъ исполнить его новый слуга, заключается въ обладаніи Маргаритою. Мефистофель обманомъ и начинаеть дѣйствовать въ пользу своего господина. Онъ употребляетъ все средства для прельщенія молодой дѣвушки. Эта сцена для богатый рагуль таланту г. Перро. Являются молодыя, прекрасныя женщины, въ аллегорическихъ костюмахъ разныхъ пороковъ и стараются поочередно увлечь къ паденію прекрасную Маргариту. Она глтва уже отдаться искушенію, какъ судьба спасаетъ ее отъ этого и соблазнительныя видѣнія исчезаютъ вмѣстѣ съ Мефистофелемъ. Злой дутъ однако не отказывается отъ своихъ плановъ и устраиваетъ для этого роскошный праздникъ въ волшебномъ замкѣ Фауста. Вмѣстѣ съ прочими гостями, съ своими подругами является сюда и Маргарита; но судьба заботится о дѣвушкѣ и предупреждаетъ снова ея падене. Между-тѣмъ Фаустъ не отступаетъ съ своими требованіями отъ Мефистофеля и тотъ вводитъ его въ домикъ матери Маргариты. Фаустъ проситъ дѣвушку назначить ему свиданіе въ саду, отдавалъ ей напитокъ, которымъ она на это время должна усыпить мать. Маргарита сначала колеблется, а потомъ соглашается на это; но снотворный напитокъ, полученный Фаустомъ отъ Мефистофеля, былъ не что иное, какъ ядъ, и мать Маргариты, выпивъ смѣшанную съ нимъ воду, умираетъ. Маргарита, находясь въ это время въ какомъ-то таинственномъ усыпленіи, выбѣгаетъ въ садъ, гдѣ ожидаетъ ее Фаустъ, и говоритъ ему о своей любви; но ревнивый женихъ дѣвушки подслушиваетъ эти слова, проклиная невѣсту и вызываетъ на дуэль ея соблазнителя. Маргарита сходитъ съ ума, и за смерть матери ее заключаютъ въ тюрьму. Въ послѣдней картинѣ третьяго и послѣдняго акта представляются вершины Гарца, на которыхъ, при таинственномъ блескѣ блуждающихъ огней, носятся по воздуху, толпятся и свуютъ по землѣ различныя фантастическія существа: колдуны, колдуньи, злые духи и проч. Вдругъ въ средѣ ихъ появляется Мефистофель, держа на рукахъ спящаго Фауста. Мефистофель хочетъ заставить забыть своего господина о потерѣ Маргариты и приказываетъ одной изъ волшебницъ принять образъ этой дѣвушки. Приказаніе его исполнено и Фаустъ ужъ готовъ увлечься общео вакханаліею, какъ въ глубинѣ сцены онъ видитъ приготовленіа къ казни Маргариты. Палачъ заноситъ сѣкюру надъ головою осужденной, но... вакханалія, на минуту остановившаяся, начинается снова и видѣніе исчезаетъ. Тогда Фаустъ, увѣренный въ погибели Маргариты, бросается на своего искусителя, но тотъ показываетъ ему подписанный имъ договоръ. Чувствуя свое безсиліе, несчастный съ раскаяніемъ обращается къ небесамъ: его мольба услышана и блуждающій огонь, коснувшись страшной бумаги, превращаетъ ее въ ипелель. Въ отчаяніи, Мефистофель призываетъ къ себѣ на помощь все духи ада и вступаетъ съ Фаустомъ въ смертельную борьбу... Но въ это время мрачная картина вакханаліи измѣняется въ картину свѣтлую, дышащую тишиною, спокойствіемъ, на воздухѣ, поддерживаемая гениями, подается Маргарита, которая манитъ къ себѣ несомого къ ней гениями Фауста.

Превосходная роскошная постановка вполне соответствует содержанию этого фантастического балета. Новые декорации, которых в этой пьесе тринадцать — превосходны. Кладбище, превращающееся в роскошный замок, богатая зала с бесконечною перспективою Роллера; горы, ад и в-особенности апопеезъ — г. Вагнера; они все похвалять. Быстрое превращение кладбища в роскошный замок третьей картиной первого дѣйствія, рѣшительно представляет мѣсто волшебнымъ. Что касается до самого балета и его исполненія, то хотя глубокой сюжетъ содѣлания Гёте и несовершенъ—удобно вѣдался въ тѣсныя рамки хореографическаго произведенія, но все-таки этотъ балетъ можетъ почитаться однимъ изъ лучшихъ послѣднѣго времени. Огромный талантъ г. Перро, какъ балетмейстера, выказался здѣсь вполне, и въ составленной имъ хореографической партіи есть много не только прекрасныхъ, но даже поэтическихъ сценъ: вѣ говоря ужъ о танцахъ, какъ, напримеръ, *pas de fascination*, кетелли *Meinsteodell* хочетъ заколдовать Маргариту и ея подругъ; *dance* в *saragatère d'ensemble* на балу у Фауста, исполняемомъ восемнадцатью парами танцовщицъ, изъ которыхъ одиѣ въ мужскомъ, другія въ женскомъ костюмѣ; *pas d'action*, въ которомъ такъ хороши г-жа Яелла, Прихунова, Амосова 2-я и Суровицкая; не говоря многихъ другихъ танцѣвъ — сколько позави въ придуманной сценѣ г. Перро сценѣ, гдѣ семь обольстительницъ, олицетворяющихъ разные пороки, стараются привлечь къ себѣ бѣдную Маргариту! Главную роль въ пьесѣ — роль Маргариты, г-жа Яелла исполнила съ большимъ одушевленіемъ и показала много мимическаго таланта, особенно въ сценѣ сумасшествія и встрѣчи въ тюрьмѣ съ Фаустомъ. Наши танцовщицы и кор-де-балетъ съ обычнымъ искусствомъ исполняли свои партіи. Кромѣ постоянныхъ солистичекъ вублики, каковы г-жа Прихунова, Амосова, Сниткова и проч., не мало аплодисментовъ досталось на долю молодой танцовщицы (еще воспитанницы Театральнаго Училища) г-жѣ Суровицкой. Хотя въ танцахъ этой артистки и нѣтъ еще совершенной законности, но тѣмъ не менѣе она была очень-хороша въ роли сюжетной и бойкой Марты.

Переходимъ къ другимъ новостямъ прошлаго мѣсяца.

Когда въ Парижѣ открыли, нѣсколько лѣтъ назадъ, большой зимній садъ, то во французскихъ газетахъ мы встрѣчали о немъ самые разнообразные толки. Одни говорили, что это восьмое чудо свѣта; что для Парижа настало вѣчное лѣто и проч.; другіе, напротивъ, называли садъ этотъ просто большимъ сараемъ, въ которомъ, вмѣсто воздуха, атмосфера бани, вмѣсто деревьевъ — какіе-то прутья, вмѣсто луковъ — клочки дерна, годныя для сѣдальца какого-нибудь чижика, и т. п. Не бывшіе въ Парижѣ и до-сихъ-поръ не могутъ составить себѣ яснаго понятія о его зимнемъ садѣ, точно такъ же, какъ жители другихъ городовъ, составляютъ очень-нейтральныя понятія о зимнемъ садѣ Петербурга въ гостинницѣ *Hôtel des Princes*, читая расточасныя ему димамбамъ некоторыхъ «эльетонистовъ». *C'est un jardin dit vert (d'hiver)* сказать одинъ острякъ про нашъ зимній садъ, и сказать отчасти

справедливо. Представьте себѣ большую, высокую залу съ стеклянною крышею. По одну ея сторону находится нѣсколько отдѣльных каминовъ, по другую — маленькіе столы и садовыя скамейки. Стѣны залы выкрашены зеленою краскою, убраны зеркалами и ползучими растеніями; полъ усыпанъ пескомъ, а посреди залы большой чанъ, въ нѣмъ пруда, посреди котораго бьетъ фонтанъ и въ которомъ плаваютъ живая рыба. Двѣ кадки съ какими-то остриженными деревьями, четыре пальмы (сдѣланныя изъ кокоса), двѣ вазы съ фрунтами (сдѣланными изъ кокоса) и нѣсколько полуувядшихъ луковичныхъ цвѣтовъ — вотъ все, чѣмъ Флора и Полюна, истинная или плодѣльная, одѣли храмъ свой, востроенный во дворѣ одного изъ домовъ Большой Морской. Если фельетонисты, воспѣвшіе эту новость, докажутъ, что салъ можетъ быть прекраснымъ, хотя бы въ немъ не было ни цвѣтовъ, ни деревьевъ, то я сознаю себя побѣжденнымъ; а до-сихъ-поръ все-таки остаюсь при убѣжденіи, что это не болѣе, какъ зеленая зала à la jardin d'hiver, зала, похожая на садъ столько же, какъ кула съ двигающимися стеклянными глазами похожа на живаго человѣка. Кто любитъ обѣдать, или завтракать въ просторной, свѣтлой залѣ, напоми-няющей тѣмъ или другимъ лѣто, тотъ да отправляется въ Hôtel des Princes; но кто хочетъ зимой, посреди зимы и снѣга, насладиться самыми дарами лѣта, посидѣть подъ сѣнью зеленыхъ пальмъ, подышать ароматическимъ запахомъ цвѣтущихъ сиреней и камелій, тотъ нусть отправляется въ оранжерею графа Нессельброде, Гарфунгела, или другія, между которыми, въ-особенности хороши недавно-устроенныя на дачѣ князя Громова. Тамъ цвѣты чудные и роскошныя, и часто цѣлыя компаніи отправляются туда даятого, чтобъ сдѣлать завасы букетовъ для вечернихъ баловъ. Любители удовольствій ищутъ ихъ всюду, даже въ приготовленіяхъ къ удовольствіямъ.

Нѣсколько троекъ мчатся за цвѣтами. Пошвыни быстро несутся во дачнымъ окрестностямъ; снѣжная пыль осыпаетъ сѣдиковъ; разрушительныя морозомъ личинки дамъ сіяютъ улыбкою; говоръ и смѣхъ не перестаютъ ни на минуту, какъ вездѣ, гдѣ есть молодежь и хорошенькія женщины. Тройки заворачиваютъ и останавливаются у дверей зимнихъ садовъ. Послѣ маленькихъ диспутовъ (вѣдь цвѣты и цвѣтницы имѣютъ свой символизмъ), букеты составлены, но этимъ не оканчивается еще цвѣточная экспедиція... Отъ оранжерей такъ близко горы и, подкрѣпивъ свои силы завтракомъ въ какой-нибудь крошечной комнаткѣ дачнаго садовника, общество, изъ міра сиреней, камелій, померанцевъ и наливъ, переносится въ области льдовъ, снѣговъ и вѣчно-зеленящихся ёлокъ. Быть въ оранжеряхъ и не быть на горахъ — это невозможно! Кто изъ кавалеровъ откажется отъ удовольствія нестись съ высокой, гладкой, какъ зеркало, горы; нестись, нѣтъ позади себя стоящую на колѣняхъ дорожную сосѣдку, ручки которой, волей или неволей, должны упираться крѣпко, о его плечи? Дамы никогда не отказываются отъ удовольствій: свидѣтельства тому (думаю я) можно бы даже отыскать въ исторіи — и горныя удовольствія продолжались бы безъ конца, еслибъ не нужно было побѣречь личей отъ вѣтра для бала, во имя котораго совершена вся эта

искурен. И вотъ, сдѣлавъ на обратномъ пути небольшой кругъ, тобъ проѣхать по островамъ, цвѣточная экспедиція возвращается въ городъ, чтобы отдохнуть и приготовиться къ вечеру.

Балъ!.. Но кто-то замѣтилъ очень-остроумно, что описаннй баловъ ~~вызываетъ болѣе, нежели самыхъ баловъ~~, и потому я-пропускаю еще новое описание. Не буду воспѣвать свѣженькихъ личекъ, алебастреныхъ плечъ, душистыхъ локоновъ, воздушныхъ нарядовъ, и проч. и проч., а посмотрю на этотъ родъ наслажденй со стороны тѣхъ удовольствй, которыя онъ доставляетъ своимъ посѣтителамъ. На балахъ, говорятъ всѣ, очень-прятно. Дѣвицы и дамы, молодые, а иногда только и quasi-молодые люди много мечтають о балахъ, какъ будущемъ; много думаютъ о нихъ, какъ о прошедшемъ... Но что же именно особенно-прятнаго на этихъ балахъ? Въ чемъ заключается главное ихъ удовольствйе? Въ самыхъ танцахъ. Въ танцахъ, то-есть въ выдѣлываннн различныхъ па, глассадахъ, поворотахъ, кругахъ, однимъ словомъ: въ самыхъ разнообразныхъ способахъ уставаня? Извините, но находить въ этомъ удовольствйе — странно. У дикихъ танцы служатъ выраженйемъ радости, восторговъ, почему они тамъ и не подчиняются опредѣленнымъ формамъ; но у насъ, едва-ли они служатъ тѣмъ же. По-крайней-мѣрѣ нѣкоторыя танцоры у насъ вальсируютъ и маршируютъ съ такими серьезными лицами, какъ-будто они заимались извлеченйемъ корней изъ самыхъ огромныхъ величйиъ.

— Да, собственно въ танцахъ никто и не находить удовольствйя, скажутъ, можетъ-быть, защитники баловъ: на нихъ смотрять только, какъ на способъ сближеня, на средство прятно: проводить время съ дамою. Противъ этого сказать рѣшительно нечего. Но интересно послушать, что жъ говорятъ во время танцевъ. Пропуская разговоры влюбленныхъ, смыслъ которыхъ понятенъ только имъ самимъ, какъ сказалъ одинъ греческй философъ (то-есть, *эпъротно* сказалъ, потому-что такъ много умныхъ вещей сказано греческими философами), послушаемъ, что говорятъ танцующе невлюбленные. Танцующе, какъ извѣстно, говорятъ на языкахъ: французскомъ, русскомъ, русско-французскомъ, французско-русскомъ, а чаще всего на французскомъ, передѣланномъ на русскйе нравы. Буду переводить со всѣхъ этихъ нечисторусскихъ языковъ.

Въ другихъ танцахъ почти не говорятъ, но вотъ о чемъ идетъ рѣчь между первою и второю фигурами въ кадрилѣ.

КАВАЛЕРЪ. — Вы любите танцы?

ДАМА. — Да...

КАВАЛЕРЪ. — И много танцуете?

ДАМА. — Довольно... особенно нынѣшнюю зиму... Но больше танцевъ я люблю музыку.

КАВАЛЕРЪ. — Значить, вы большая музыкантша?

ДАМА. — О, нѣтъ!.. я такъ...

Между второю и третьею:

КАВАЛЕРЪ. — А въ оперѣ вы часто бываете?

ДАМА. — Мы абонированы по средамъ.

Т. ХСШ. — Отд. VII.

КАВАЛЕРЪ. — Наша опера такъ хороша... она одна изъ лучшихъ въ Европѣ.

ДАМА. — Да... жаль только, что нѣтъ Гризи...

Между третьей и четвертой:

КАВАЛЕРЪ. — Вы говорите, Гризи, но вѣдь она больше актриса, чѣмъ пѣвица.

ДАМА. — За-то какая актриса!

КАВАЛЕРЪ. — Но какой удивительно-выработанный голосъ у г-на де-ла-Гранжъ... Она вамъ нравится?

ДАМА. — Очень...

КАВАЛЕРЪ. — Вы кого предпочитаете изъ теноровъ?

ДАМА. — Мнѣ нравится Камцолари.

КАВАЛЕРЪ. — Да у него чрезвычайно-симпатичный голосъ... а многимъ нравится болѣе Тамберликъ... Но я такъ заговорился, а вамъ начинать...

Между четвертой и пятой:

КАВАЛЕРЪ. — Какъ вамъ нравится Рашель? вы ее, конечно, знаете?

ДАМА. — Да, нѣсколько разъ... безъ ума отъ нея...

КАВАЛЕРЪ. — Гениальная артистка... она, такъ сказать, воскресила Расина и Корнеля...

Между пятой и шестой:

ДАМА. — Въ какой пьесѣ Рашель вамъ больше нравится?

КАВАЛЕРЪ. — Въ «Федръ...»

ДАМА. — А я предпочитаю ее въ «Гораци».

КАВАЛЕРЪ. — Да, она хороша и въ «Гораци»; но въ «Федръ...» впрочемъ, о вкусахъ спорить нельзя...

Последняя фигура кончается, кавалеръ кланяется и провожаетъ де-жу до ея мѣста. Онъ очень-доволенъ своею любезностью и вполне увѣренъ, что въ танцахъ былъ до-нельзя занимателенъ.

Но вотъ другая пара:

КАВАЛЕРЪ. — Какая большая зала, а между-тѣмъ, какъ душно!

ДАМА. — Очень-много танцующихъ...

КАВАЛЕРЪ. — Теперь, впрочемъ, вездѣ публики много, въ театрахъ особенно... вотъ, напримѣръ, хоть на представленіяхъ Рашель... Вы часто бывали у Рашели?... (Отъ Рашели, переходятъ къ оперѣ, отъ оперы къ танцамъ и т. д. и т. д.)

Еще пара. Это ужъ болѣе-знакомая:

ДАМА. — Часто вы бываете у Скловскихъ?

КАВАЛЕРЪ. — Рѣдко...

ДАМА. — А у Сидловыхъ?

КАВАЛЕРЪ. — Въ цѣлую зиму былъ одинъ разъ.

ДАМА. — Что такъ?

КАВАЛЕРЪ. — Признаюсь, танцы мнѣ неинтересны. Я старъ для нихъ и для чего танцовать собственно...

ДАМА (*удивляется*). — Всѣ молодые люди говорятъ почему то же мое. Странно! но гдѣ же вы бываете?

КАВАЛЕРЪ. — Почти нигдѣ... у Шановыхъ иногда.

ДАМА. — Я понимаю, вы интересуетесь m-lle Julie.

КАВАЛЕРЪ. — Нисколько.

ДАМА. — Полноте, полноте скриваться, интересуетесь? и т. д.

Одинъ мой добрый знакомый давно ужъ собирается составить книгу бѣщихъ мѣстъ для предостереженія отъ нихъ, какъ отъ мелей и подводныхъ камней, плавающихъ въ морѣ житейскомъ. Эта книга была бы до-нельзя полезна потому, что общія мѣста встрѣчаются а каждомъ шагу, начиная отъ баловъ, продолжая прогулками и поздками, фельетонами и оканчивая концертами, въ которыхъ какая-нибудь застольная арія изъ «Дукреци Борджии», или романсъ изъ Дон-Паскуале» — составляютъ рѣшительно тоже общія мѣста.

Если дамы остаются довольны тѣми общими мѣстами разговоровъ, оторые на балахъ передъ ними расточаются кавалерами, то надобно завидовать ихъ снисходительности. Но вѣрите, онѣ ею недовольны, вѣрите потому, что часто слышатся жалобы на эти общія мѣста, а одна молоденькая дѣвица, слышала я, для смѣха, записывала въ тетрадь съ балные разговоры съ своими кавалерами, и оказалось — ради истины я поднимаю руку на своихъ собратовъ — что большая часть ихъ говорила совершенно одно и то же. Я, конечно, не смѣю ничего сказать въ этомъ отношеніи противъ дамъ; но замѣчу, что всякій разговоръ похожъ на такую вещь, которую нужно нести съ двухъ сторонъ, и потому обвинять въ общихъ мѣстахъ разговоровъ только кавалеровъ, едва-ли справедливо. Но если разговоры въ танцахъ, составляющіе, по мнѣнію большинства, главное удовольствіе баловъ, оказываются такими скучными, то можно думать, что на балахъ нѣтъ никакихъ удовольствій. Сказать это, значитъ сказать явную нелѣпость: балы даются непрерывно, балы посѣщаются болѣе или менѣе всѣми, а следовательно — въ нихъ есть что-то привлекающее, что именно? возможность ли потщеславиться, пощеголять, кольнуть намъ близкихъ, или что другое — это пусть разрѣшаютъ житейскіе философы, а мнѣ нужно вести мою рѣчь впередъ и впередъ.

Говоря объ удовольствіяхъ Петербурга въ прошломъ мѣсяцѣ, не можемъ не упомянуть о двухъ изъ нихъ, устроенныхъ Обществомъ Посѣщенія Бѣдныхъ — благотворительномъ балѣ въ Благородномъ Танцевальномъ Собраніи, и ярмаркѣ въ домѣ княгини Юсуповой. Балъ этотъ, чрезвычайно-оживленный безпроигрышною лотереєю, привлечъ значительную публику. Посѣтители его не могли жаловаться, что возвратились домой съ пустыми руками, потому-что у каждаго къ концу вечера въ рукахъ былъ бюстъ Рафели, лампочка для сигаръ, портфель, хлыстикъ, хорошенькая гравюра, пресс-папье, или что-нибудь подобное. Многие выигрывали вещи гораздо-болѣе-цѣнные, нежели входный билетъ, другіе — вещи, если менѣе-цѣнные, то не менѣе-цѣныя, потому-что выборъ предметовъ былъ сдѣланъ съ большимъ вкусомъ.

Бѣгъ этотъ былъ данъ 9-го, а 12, 13, 14, 15 и 16 апреля въ залъ книгини Юсуповой происходила благотворительная ярмарка, съ аукциономъ и также безпроигрышною лотереєю. Домъ книгини Юсуповой считается однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ петербургскихъ архитектурическихкихъ домовъ и внутренняя отдѣлка соотвѣтствуетъ величю его наружности. Поднявшись по широкой лѣстницѣ въ верхній этажъ, каждый посѣтитель вѣрно, хоть на минуту, останавливался, услышавъ ропотъ фонтана. Этотъ фонтанъ бьетъ въ небольшомъ зимнемъ саду, выходящемъ окнами на площадку лѣстницы. Миновавъ комнату, въ которой раздавались билеты на лотерею и производился аукционъ, публика входила въ обширную танцевальную залу, превращенную въ ярмарку и выставку вещей безпроигрышною лотерей. Зала роскошно освѣщена; съ хоръ несутся звуки бальной музыки. По одну сторону залы помѣщались, разставленные съ большимъ вкусомъ, вещи лотерей, съ другой стороны маленькія лавочки, шалашики и палатки, въ которыхъ дамы высшаго общества продавали въ пользу бѣдныхъ цвѣты, игрушки и тому подобныя бездѣлки. Серебряныя вещи лотерей, разставленные въ одномъ изъ углубленій, между колоннами, и освѣщенные множествомъ огней, производили на ярмаркѣ эффектъ удивительный... Посѣтителей на ярмаркѣ было много.

Публика любитъ зрѣлища—это уже не разъ приходилось мнѣ повторять, описывая петербургскія удовольствія. Зрѣніе каждого человека обременено занятіями болѣе, нежели прочія его чувства; и гдѣ только есть возможность что-нибудь посмотреть, ужъ непременно собирается толпа, изъ которой немедленно образуется или публика, или народъ. Такъ густыя толпы зрителей собираются въ нынѣшнюю зиму, какъ и прежде, на бѣгъ, устроенный на Невѣ. Эта разноцвѣтная масса шубъ, пальто, армяковъ, сибирокъ, салоновъ и проч. и проч. смотритъ внимательно на арену, не спуская съ нея глазъ. Одни съ восторгомъ слѣдятъ за каждымъ шагомъ рысака, подчмокиваютъ, подсвистываютъ, подщелкиваютъ языкомъ и дѣлаютъ одобрительныя или неодобрительныя замѣчанія насчетъ бѣгуновъ; другіе спорятъ, держатъ пари и связывающихся лошадей; иные не принимаютъ во всѣхъ этихъ конныхъ интересахъ никакого участія, не имѣютъ понятія, что такое «поддужныя», «сбон», «за флагомъ» и тому подобныя термины, а толкуютъ и смотрятъ до конца, потому-что они любятъ смотреть на что бы то ни было.

Бѣгъ кончился и начинается процесія получившихъ призы. Въ бѣговыя саночки садится отличившійся ѣздокъ, возлѣ него не садятъ, но стоитъ обыкновенно мальчикъ съ поднятымъ надъ головою серебрянымъ блюдомъ, кубкомъ, или другимъ какимъ-нибудь призомъ. Однѣ санки за другими выѣзжаютъ на набережную и отправляются по Невскому восвояси. Часть публики, бывшей на бѣгу, перебирается тоже на набережную, смотрѣтъ на рысаконъ, богатая шубы жехонъ, невѣсты и молодыхъ супруговъ; другіе же слѣдуютъ за процесією, къ которой на каждомъ шагу присоединяются новые зрители, какъ пѣшіе, такъ и конные.

Едва-ли, впрочемъ, когда-нибудь страсть посмотрѣть, позѣвать прольется въ такой степени, какъ на масляницѣ. Театры два раза въ онъ наполняются многочисленною публикою. По Адмиралтейской Площади съ утра тянутся длинныя вереницы экипажей; пассажиры ихъ пристально смотрятъ другъ на друга; длинные ряды зрителей между экипажами пристально смотрятъ на пассажировъ. Наконецъ, между расатами горъ и балаганами движется сплошная масса народа. Вся эта масса собралась сюда безъ всякой опредѣленной цѣли; всѣ и каждый изъ нея пришли просто пофланировать. Да, всѣ эти полушубки, нагольные тулупы, кацавейки, шугаи и т. п.—это фланеры и фланерки, если только фланеры бываютъ и въ женскомъ родѣ. Положивъ въ карманъ своей сибирин свертокъ съ орѣхами, заложивъ одну руку за пазуху, переваливаясь съ боку на бокъ, фланеръ совершаетъ такимъ образомъ свою прогулку. Выйдетъ на балконъ балагана какой-нибудь паяцъ, фланеръ остановится, посмотритъ на паяца, а если можетъ, такъ и поговоритъ съ нимъ. Выѣдутъ комедіанты на лошадяхъ туда же, онъ посмотритъ и на комедіантовъ и на лошадей, и если они ему понравятся, то коротко и ясно скажетъ о томъ вслухъ свое мнѣніе. Уйдутъ паяцы и комедіанты съ балкона и фланеръ отправится далѣе. Онъ взглянетъ, какъ съ горъ катаются, и если соблазнится, то прокатится и самъ. Все его интересуеетъ, все занимаетъ; на деревянныхъ лошадяхъ мальчишки катаются—онъ постоитъ и около деревянныхъ лошадокъ; поскользнется и упадетъ какъ-нибудь баба—«не кланяйся, матушка!» скажетъ онъ мимоходомъ и бабѣ; попадется вдругъ ему на встрѣчу другой мужичокъ, какъ-будто знакомый—зачѣмъ пропускать хорошую компанію? — онъ и его не пропуститъ даромъ. «Эй ты!» скажетъ онъ. — «Что-те?» спроситъ другой. — «А что, ты мнѣ словно знакомъ?» — «Ништо, знать гдѣ видалъ.» — «Федьку фалетора знаешь?» — «Не знаю.» — «Ну, такъ это не ты!» и фланеръ идетъ далѣе. Больше другихъ масляничныхъ удовольствій нравятся ему старики, съ большими сѣдыми бородами, которые снуютъ около каруселей. Между ними есть даже у него любимцы, въ остроуміи которыхъ онъ успѣлъ удостовѣриться. Передъ старикомъ фланеръ стоитъ долго, долго, до-того, что снѣгъ растаетъ подъ его ногами и онъ незамѣтно опустится въ ямку. Но время скоро идетъ для него, тѣмъ болѣе, что рука его, которая не за пазухой, безпрестанно опускается въ карманъ и зубы не перестаютъ щелкать кедровые орѣхи. А такъ-какъ всѣ подобные фланеры похожи другъ на друга, то и понятно отчего дорога, по которой прогуливаются эти люди, представляется до-нельзя бугристою и сплошь покрытою орѣховою скорлупою. Пощелкивая орѣхи, фланеръ внимательно слушаетъ старика, ухмыляется, дѣлаетъ ему замѣчанія, хохочетъ и часто, въ припадкѣ удовольствія, скажетъ: «Экое старое чучело!» и броситъ въ него скорлупой... И долго, долго фланериуетъ онъ около балагановъ, часто съ самаго утра до самыхъ сумерекъ.

Фланеры бываютъ двухъ поколѣній, но всѣ они похожи одинъ на другаго. Разница между ними въ томъ, что фланеры высшаго возраста пьютъ сбитень и просто прогуливаются, по-большой-части въ оди-

ночку или съ хозяйками; «лаверы-мальчишки» ѣдят мороженое и, ходя толпами, употребляютъ большую часть времени своей прогулки на убѣжденіе кассировъ маленькихъ балагановъ принять ихъ всѣхъ и одного взрослога человека. (Это единственный случай, кажется, когда маленькіе люди не хотятъ казаться большими).

Хотя «лаверы» перваго рода не имѣютъ такого сильнаго стремленія къ балаганнымъ представленіямъ, какъ «лаверы-мальчишки», но и они иногда увлекаются этими наслажденіями, въ-особенности, если къ тому представится удобный, а главное, даровой случай.

— Софронычъ, въ балаганъ хочешь въ ээтотъ зайдти? спрашиваетъ осеннее-пальто, коротенькую шубу.

— Въ балаганъ?

— Да... вотъ въ ээтотъ: тутъ наши ребята играють... дерюль пустять.

— Не ужъ-то?..

— Да... Хочешь такъ и въ тотъ, большой сведу... Знаешь, у кули моего, башмачника, мастерица живетъ?

— Ну.

— Такъ она тамъ «налету».

— Полно?... нѣшто отъ мѣста отошла?

— Нѣтъ, живетъ... только на масляницу пошла въ балаганъ играть.

— Отпустили?..

— Да какъ не отпустить, руки-то у ней золотыя, весь годъ, тесть, лучше всѣхъ мастерицъ работаетъ; ну, а какъ масляница, ахъ святая пришла, такъ и не можетъ: такъ и подмываетъ, такъ и подмываетъ ее въ балаганы идти приставлять...

— Ну и пойдетъ?

— И пойдетъ. Ишь ты, на веревкахъ летаетъ! Я ужъ ее выдаю три дѣйствія въ ээтомъ балаганѣ просидѣть. Хочешь, сведу?

— Сведи, братъ, сведи... На-тко тебѣ: Дунашка на-лету! Дунашка-то въ актеры записалась! бормочетъ снотовая шуба и вѣсть съ осеннимъ пальто отправляется въ балаганъ.

Изъ приведеннаго разговора можно видѣть, какимъ образомъ составляетъ бѣольшая часть трушъ, играющихъ въ балаганахъ. За исключеніемъ первыхъ сюжетовъ, всѣ прочіе не болѣе, какъ вольные любители искусства, за извѣстную плату летающіе на облакахъ, ложающіеся, кривляющіеся и получающіе пинки, въ чемъ состоитъ главный комизмъ балаганныхъ представленій. Въ прошлую масляницу на площади было устроено четырнадцать балагановъ, которые принадлежали старымъ знакомымъ Петербурга: Вейнерту, Шпозю, Легату, Рапо, Заму и другимъ. Войны и сраженія составляли отличительную черту почти всѣхъ дававшихся здѣсь представленій, а у Легата была устроена даже движущаяся картина снопскаго сраженія. Представленіе Легата раздѣлялось на двѣ части: въ одной изображались цыгане, занимавшіеся вмѣстѣ съ арлекинами, Колумбиною и Пьерро различными атлетическими играми; въ другой представлялся какой-то малороссійскій

хуторъ. Казаки и казачки танцевали національный танецъ, послѣ котораго прощались, и мужскимъ куда-то отиравались (вѣроятно, на сраженіе). Затѣмъ открывался зрителю видъ моря; на немъ появлялись корабли; начиналась стрельба; летѣли римскія свѣчи, зажигался Бенгальскій огонь — это и была картина морскаго сраженія. Картина была лучшею частью всего спектакля и постоянно возбуждала восторгъ зрителей. Что же касается до пантомимы, то такую плохую пантомиму случится видѣть нечасто. Балаганъ Легата и въ нынѣшнемъ году считался лучшимъ, какъ и прежде: можете представить себѣ, каковы же были прочіе! Но погода на маслянице стояла прекрасная, народа у горъ было множество и балаганные антрепренёры, вѣроятно, не жалуются на недостатокъ посѣтителей.

Масляница для Петербурга, какъ и всегда, прошла живо и весело. Обѣды, завтраки, блины, гулянья, пикники, спектакли быстро слѣдовали одни за другими, и любители наслажденій едва успѣвали переминыть перчатки, какъ театральная зала превращалась въ маскарадную и имъ, изъ зрителей, приходилось быть дѣйствующими лицами на той же сценѣ, гдѣ подвизались де-ла-Гранжъ, Лаблашъ и другія знаменитости. Превращеніе театральной залы въ маскарадную совершается необыкновенно-быстро. Въ одиннадцатомъ часу кончается спектакль, а въ одиннадцать бельэтажъ лѣстницами соединенъ съ заломъ; кресла исчезли изъ партера; надъ театральнымъ поломъ посланъ другой, въ-уровень со сценой, и цѣлая сотня раннихъ посѣтителей (обоихъ половъ, сказалъ бы острякъ), при громѣ музыки, при роскошномъ освѣщеніи, открываетъ маскарадное веселье.

Это превращеніе, какъ и самый маскарадъ, описаны въ ненапечатанной нигдѣ поэмѣ одного неизвѣстнаго поэта. Чтобъ познакомить васъ съ новымъ талантомъ и отъ прочихъ удовольствій перейти къ маскарадной исторіи, которую я обѣщался рассказать еще въ прошедшемъ мѣсяцѣ, предлагаю на судъ вамъ это описаніе:

Назначенъ былъ на той недѣлѣ
 Въ Большомъ Театрѣ маскарадъ.
 Въ тотъ вечеръ итальянцы пѣли
 И дилетантовъ грозный рядъ
 Изъ ложъ и кресель звонко хлопалъ,
 Шипѣлъ, кричалъ и въ землю тошалъ.
 Но вотъ послышался звонокъ:
 Упала занавѣсь. — Смычокъ
 Последнюю окончилъ ноту.
 Залъ опустѣлъ. Изъ всѣхъ щелей
 Тогда сбѣжалась тѣна людей
 И принялася за работу.
 Какъ-будто муравейный рой,
 Когда, раздавленный ногой,
 Поправить онъ жмѣнице хочетъ.
 Тамъ все толшится и сгѣвшитъ:

Вверху, внизу, вездѣ клочечтъ
 И приняло всё новый видъ!
 Бьеть полночь. Въ храмѣ Мельпомены
 Отъ потолка до полу стѣны
 Огнями блещутъ. Межъ свѣчей
 Межкаютъ маски...
 Не знаю я, за что гоненье
 Терпѣть театру суждено
 И отдають всё предпочтенье
 Дворянской залѣ? Тутъ одно
 Пустое, кажется, пристрастье:
 Все та же публика; несчастье
 Иного гонить здѣсь и тамъ;
 Удача также пополамъ. —
 За то въ театрѣ есть возможность
 Болтать, забившись въ уголокъ:
 И лабиринты корридоровъ,
 И длинный строй пустынныхъ ложъ,
 Гдѣ столько искрометныхъ взоровъ
 Искусная встрѣчала ложъ!
 О прелесть зимнихъ впечатлѣній!
 Осьминедѣльныхъ увлеченій!
 Не разъ плѣнялся я тобой
 Въ той верхней ложѣ боковой,
 Гдѣ расточались такъ лукаво
 И лести и клятвы и любовь,
 Гдѣ за наборъ удачныхъ словъ,
 Не разъ я добивался права —
 (Всѣхъ маскарadowъ торжество)
 Безъ маски видѣть божество.

Однако надобно же когда-нибудь разсказать обѣщанную историю,
 которая началась въ Павловскѣ и кончилась (если хотите) въ Петер-
 бургѣ, въ залѣ Дворянскаго Собранія 27 прошлаго декабря. Начну
 ab ovo...

Одинъ молодой человекъ, лѣтъ 24-хъ, брюнетъ, съ глубокими чер-
 ными глазами и вообще наружности очень-интересной, прошлое лѣто
 имѣлъ надобность, по дѣламъ, довольно-часто, въ извѣстные дни, бы-
 вать въ Павловскѣ... Окончивъ занятія, онъ, въ-ожиданіи отхода ма-
 шины, почти постоянно гулялъ по парку, выбирая для прогулки са-
 мыя пустынные, самыя отдаленныя мѣста. Одно мѣсто особенно при-
 влекало его вниманіе, и онъ навѣщалъ его каждый разъ, когда только
 бывалъ въ Павловскѣ... Такъ прошелъ июль. Однажды, въ началѣ
 августа, онъ, по обыкновенію, пришелъ на свое любимое мѣсто, по-
 любовался окружающимъ пейзажемъ и хотѣлъ ужъ закурить папироску,
 какъ вдругъ остановился. Бросивъ случайно взглядъ на дорожку, онъ
 прочелъ начерченныя на пескѣ слова:

— «Je vous aime...»

«Новый оригинальный способ объяснения!» подумал молодой человек и въ головѣ его составилъ маленькій романъ, героемъ котораго былъ красивый кавалеристъ, а героиня—блѣдная брюнетка, въ лохматой шляпкѣ (странно, что молодые люди такъ любятъ блѣднѣть брюнетокъ и соломеннымъ шляпки!) и небрежно накинутаго талье. Выкуривъ папирску, онъ продолжалъ путь...

На слѣдующій разъ, бывши въ Павловскѣ, онъ проходилъ по той же аллеѣ и нашелъ ту же фразу, но слово *vous* было подчеркнуто...

«Что, если это слово относится ко мнѣ?» подумалъ молодой человекъ... «Въ-самомъ-дѣлѣ, по этой дорожкѣ почти никто не ходитъ... очень можетъ-быть, что любить меня...»

Согласясь на это предположеніе, онъ кончикомъ трости затушить написанное на дорожкѣ и начертилъ:

«Je vous aime aussi, si vous êtes jolie.»

Черезъ два дня онъ снова былъ въ Павловскѣ и нашелъ отвѣтъ на той вопросъ.

«C'est selon» было написано на дорожкѣ.

Послѣ этого не было никакого сомнѣнія, что герой романа любви, грасти и проч., и проч., былъ не кто иной, какъ онъ, молодой человекъ пріятной наружности...

«Je ne suis pas difficile; où puis-je en donner une preuve?» написалъ онъ, и, имѣя тайную мысль подсмотрѣть, кто придетъ прочесть эти слова, сталъ ходить по сосѣдней дорожкѣ. Не прежде, нежели исполнились его ожиданія, пробило два часа и онъ долженъ былъ гнѣшиться на станицю, чтобъ не опоздать.

На слѣдующій разъ, окончивъ свои занятія ранѣе обыкновеннаго, онъ пошелъ къ извѣстному мѣсту, надѣясь увидѣть свою корреспондентку. Дѣйствительно, она была тамъ; облокотась одною рукою на маленькую, стоящую возлѣ нея дѣвочку, въ другой она держала зонтикъ и чертила что-то на дорожкѣ. Молодой человекъ былъ отъ нея въ двадцати шагахъ, видѣлъ ея клетчатый бурнусъ, ея простенькую шляпку, но лица ея не видалъ. Вѣроятно, заслышавъ его шаги, незнакомка встала, причемъ обнаружила свой прекрасный ростъ, и, зявъ за руку дѣвочку, быстро пошла въ противоположную сторону... Преслѣдовать было неловко. Молодой человекъ, дойдя до скамейки прочелъ:

«Au ter bal-masq...» последнее слово было не дописано...

«Ждать цѣлую осень!» почти вскрикнулъ полувлюбленный юноша и трость его быстро забѣгала по дорожкѣ, и онъ написалъ дѣды три строчки, прося ускорить время свиданія. Но эта просьба осталась безъ отвѣта.

Молодой человекъ пытался снова возобновить переписку, но напрасно: незнакомка канула какъ въ воду...

Наступила осень; начались балы, спектакли и воспоминанія о любовныхъ объясненіяхъ въ Павловскѣ мало-по-малу стали блѣднѣть въ

памяти молодого человека; но съ объявленіемъ о пересѣлкѣ испредъ они ожили снова, и еще не было двѣнадцати часовъ, когда она влюбленный явился въ Дворянское Собраніе. Десять разъ обошелъ онъ залы и гостиныя, побывалъ на хорахъ, но ни одна женщина не сказала съ нимъ ни слова. Ужь тамъ—и—сякъ на окнахъ и диванахъ появлялись уединенныя пары; на хорахъ раздавались отгуканья испанскаго; толстыя маски, въ незастегнутыхъ перчаткахъ, тонко стали намекать своимъ кавалерамъ на ужинъ, а герой нашъ все идетъ одинъ. Онъ начиналъ ужъ терять терпѣніе, начиналъ думать, что его мистифируютъ; ужъ собирался отправиться домой, какъ

— Tu m'aimes, si je suis jolie... узнаешь? признаешь звонкій женскій голосъ и стройное домино подало ему руку.

— Я тебя люблю, потому—что ты прекрасна.

— Всѣ маски называются прекрасными, смѣясь замѣтила должно.

Они пошли...

— Прежде всего скажи, что подумалъ ты обо мнѣ, когда, въ Павловскѣ, прочелъ мое признаніе? спросила маска.

— Откровенно?

— Да.

— Я подумалъ, что ты немножко экзальтированная, стара душка...

Маска разсмѣялась.

— Я откровененъ такъ оттого, что не боюсь оскорбить тебя: ты милода и прекрасна...

— Какъ знать! Впрочемъ, все-равно : ты ничѣмъ право думать обо мнѣ все, что тебѣ угодно. Мои поступки были бы дѣйствительно очень—странны, еслибъ... еслибъ я не знала тебя давно...

— Давно?

— Да... когда ты былъ еще очень-молодъ.

— Но кто жь ты?

— Угадай... или, впрочемъ, лучше и не угадывай, потому—этакъ тебѣ не удастся... Ты и не думалъ, что тобою заняты, о тебѣ мыслятъ и мечтаютъ бывшая институтка...

— Ты подруга моей кузины... ты Софи Валицкая.

— Не угадалъ!.. не забудь : въ Софи Валицкую ты былъ немножко влюбленъ, а на меня не обращалъ никакого вниманія.

— О, какъ я былъ виноватъ! за это—то ты вѣрно и мстишь мнѣ сказавъ о себѣ въ Павловскѣ и позволивъ видѣть себя въ Петербургѣ чуть ли не черезъ полгода.

— Это не месть, а осторожность, серьезно сказала маска : — замужемъ...

— Замужемъ? повторилъ юноша.

— Да! многое съ—тѣхъ—поръ переѣнилось, когда мы были съ тобой шестью годами моложе... Я вышла замужъ и мы отъѣхали съ мужемъ въ одну дальнюю губернію... и странно! тамъ—

ясно откровенно — посреди семейной жизни, домашнихъ хлопотъ, первыхъ мечты, первая любовь оставались всегда въ моемъ сердцѣ...

Молодой человѣкъ пожалъ маленькую руку маски.

— Я знаю, ты большой повѣса... тебѣ смѣшна покажется любовь ея взаимности...

Маска говорила это своимъ обыкновеннымъ голосомъ и въ слухъ ея слышно было много искренняго, теплаго чувства...

— Сядемъ, сказалъ кавалеръ, заинтересованный такимъ признаньемъ : — эта толкотня мѣшаетъ мнѣ тебя слушать.

Они сѣли; но молодой человѣкъ не покидалъ руки своей дамы.

— Такъ прошло шесть лѣтъ! продолжала она : — прошлую весну мы пріѣхали въ Петербургъ, на лѣто, и поселились въ Павловскѣ... Тамъ однажды, гуляя съ моей дочерью, я встрѣтила тебя... и ты е можешь представить моей радости.

— Еслибъ я зналъ объ этомъ счастьи!.. сказалъ молодой человѣкъ, относя къ устамъ своимъ маленькую ручку.

— Мнѣ хотѣлось сказать тебѣ хоть одно слово, но какъ? и вотъ зашѣтила пустую аллею, по которой ты гулялъ постоянно... я... ю остальное, впрочемъ, ты ужъ самъ знаешь...

— Но кто жь ты?.. кто жь ты? спрашивалъ молодой человѣкъ.

— Кто я?.. тихо повторила она, быстро высвободивъ свои руки изъ рукъ кавалера. Между-тѣмъ, какъ блѣдность замѣтно распространялась на видимой части ея лица, въ это время мимо проходилъ высокій господинъ, лѣтъ пятидесяти. — Это мой мужъ, тихо проговорила маска, когда господинъ былъ отъ нихъ довольно-далеко. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Онъ ищетъ меня : я уговорила его пріѣхать сюда ддя того, чтобъ исполнить мое обѣщаніе, чтобъ увидѣть тебя въ послѣдній разъ...

— Какъ въ послѣдній разъ? вскрикнулъ въ-отчаяніи молодой человѣкъ.

— Да, послѣдній : чрезъ нѣсколько дней мы навсегда уѣзжаемъ изъ Петербурга.

— Итакъ, я ждалъ цѣлые полгода ддя того, чтобъ проститься съ тобой...

— Еслибъ было иначе, у меня не достало бы силъ говорить съ вами откровенно. Не сердитесь, если я отняла полчаса вашей маскарадной жизни... Быть-можетъ, васъ ожидали другія.

— Никто, никто... я такъ былъ счастливъ эти полчаса!

— Значитъ, мы расстаемся друзьями. Прощайте, сказала маска и, сорвавъ перчатку, подала молодому человѣку маленькую ручку.

Онъ послѣдовалъ ея примѣру... Ихъ руки крѣпко пожали одна другую...

— Но я надѣюсь, ты исполнишь свое обѣщаніе и я увижу тебя.

— Да... хорошо... говорила отрывисто маска, оглядываясь во всѣ стороны.

Они стояли въ углу залы... и кавалеръ совершенно загоразивал собою даму...

— Я исполню свое обѣщаніе, но напрасно... ты меня не узнаешь! сказала домино, быстро приподнявъ маску.

Молодой человѣкъ молчалъ отъ изумленія. Передъ нимъ стояла молодая, прекрасная женщина. Лицо ея было чрезвычайно-выразительно, а голубые съ поволокою глаза, при черныхъ волосахъ, придавали ея наружности какую-то необыкновенную привлекательность.

— Вѣрочка Вишневецкая! вдругъ вскричалъ кавалеръ, узнавъ въ своей дамѣ когда-то знакомую ему дѣвушку, и въ то время довольно-хорошенькую... «Вѣрочка! Вѣра... Вѣра...» повторялъ онъ, припоминая ея отчество, котораго онъ, впрочемъ, никогда не зналъ.

— Вѣрочка! Вѣрочка! улыбалась повторяло въ свою очередь домино: — такъ лучше, по старой памяти, которой я отъ васъ, впрочемъ, не ожидала... Но пора, сказала оно, опуская маску: — прощайте!..

— Какъ, уѣзжаете?..

— Да... все, что я хотѣла сказать, я сказала...

— Но еще хоть нѣсколько минутъ, хоть одну минуточку... умолялъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, пора... пора, моя дочь такъ дурно спитъ всегда безъ меня, сказала маска, ударяя на словѣ «дочь». — Прощайте!.. прибавила она, быстро отошла и замѣшалась въ толпѣ. Ея давно ужъ не было видно, а кавалеръ ея не покидалъ своего мѣста. Ему было жаль своей маски, которой онъ, быть-можетъ, никогда болѣе не увидитъ. Но скоро печальное выраженіе лица его разяснилось и улыбка показалась на устахъ. Мысль, что онъ былъ любимъ, безъ его вѣдома даже, любимъ такою хорошенькою женщиною, уничтожила грусть о скорой разлукѣ съ нею... Да и какую грусть не уничтожить самолюбіе!

М О Д Ы.

а) Мужскія.

Самое новое есть самое старое и самое старое — самое новое. Ни слова, применимы ко многому в жизни, как—нельзя—лучше суть къ модамъ вообще, и къ мужскимъ въ—особенности.

Еслибъ прослѣдить за постепенными переходами мужскихъ нарядовъ отъ простыхъ костюмовъ древней Греціи и Рима до современнаго намъ фрака, то, по всей вѣроятности, открылось бы, что моды о—большей—части, какъ средневѣковые пилигримы, сдѣлавъ два шага впередъ, дѣлаютъ шагъ назадъ. То, что было модно лѣтъ пятьдесятъ назадъ, входитъ снова во всеобщее употребленіе, и узенькіе панталоны, блестящія пуговицы, длинныя бекеши и многое другое, чѣмъ цеголаемъ теперь мы, было въ модѣ у нашихъ прадѣдовъ, отцовъ и дѣдовъ.

Одинъ извѣстный акробатъ жаловался на ограниченность круга своего искусства, въ которомъ какъ ни хитри, какъ ни выдумывай, въ какія ни становись позиціи, все—таки придется стоять ни на чемъ другомъ, какъ на рукахъ, на ногахъ, или на головѣ. Не то же ли почти должны сказать изобрѣтатели моды, особенно при томъ однообразіи цвѣтовъ, которое теперь соблюдается въ мужскихъ нарядахъ? Какъ ни вертись, какъ ни изобрѣтай, а все—таки придется одѣть руки, ноги и туловище въ одинъ и тотъ же черный цвѣтъ. Остается въ этомъ крайнемъ случаѣ одно : варьировать всѣ эти разнообразныя чехлы, прикрывающіе человѣка, дѣлать ихъ короче или длиннѣе, уже или шире. Время, когда платья должны суживаться, когда расширяться, когда пуговицы на спинкахъ фраковъ и сюртуковъ должны повышаться или понижаться — все это опредѣлить невозможно даже посредствомъ астрологіи. Это все тайны портныхъ и законодателей моды, изъ которыхъ по—большей—части, впрочемъ, первые бываютъ и послѣдними. Какой—нибудь парижскій или лондонскій портной дѣлаетъ *soup de ciseaux* въ пользу широкихъ рукавовъ—и весь образованный міръ начинаетъ ходить, какъ сказалъ кто—то, спуская рукава. Мы, напримеръ, живемъ въ эпоху широкихъ рукавовъ, такихъ широкихъ, что о нихъ рассказываютъ даже очень—странныя исторіи. Рассказываютъ, напримеръ, что одинъ господинъ, одѣвающийся по модѣ, былъ гдѣ—то въ гостяхъ. Желая сдѣлать любезность хозяйкѣ, гость взялъ на руки маленькаго ея сына, приподнял ребенка вверхъ и сталъ качать, какъ вдругъ руки его ослабли, малютка выскользнулъ изъ рукъ и исчезъ.

Всѣ присутствующіе взглянули на полъ—на полу мальчика не было, и руки любезнаго господина — мальчика не было и въ рукахъ. Можно вообразить отчаяніе матери, слезы отца! Къ—счастью, и то и другое было непродолжительно: неизвестно, откуда—то раздавшійся плачь ребенка возвѣстилъ о его существованіи. Стали прислушиваться, искали по голосу пропавшаго—оказалось, что малютка выпалъ изъ рукъ любезнаго гостя, черезъ широкій рукавъ проскользнувъ въ карманъ его сюртука. Общій восторгъ привѣтствовалъ любимца всей семьи при вылазкѣ его изъ кармана моднаго гостя... Нѣкоторые лица, говорить, сомнѣваются въ истинѣ этого происшествія.

Какъ бы то ни было, а рукава въ настоящее время носятъ такіе широкіе, что, увидѣвъ современные намъ наряды въ какомъ—нибудь древлехранилицѣ, наши потомки навѣрное позавидуютъ колоссальности рукъ ихъ предковъ; но въ то время, какъ мода предоставляетъ такую ширину рукавамъ, нижняя часть мужскаго наряда дѣлается совершенно узкою... Почему это такъ? Не подражаніе ли это древнимъ, ноги которыхъ выказывались въ своей природной красотѣ? — все это вопросы...

Отъ этого философско-историческаго, надѣюсь, взгляда на мужскіе наряды, мы переходимъ къ свѣдѣніямъ положительнымъ.

То, что французы называютъ собственно платьемъ (*habit*), то-есть фраки, дѣлаются исключительно-чернаго цвѣта, съ тальею нѣсколько-повыше прежняго, съ рукавами широкими попрежнему. Нѣкоторые любители новостей, слѣдуя парижской модѣ, начинаютъ носить у фраковъ шелковые воротники и отвороты; но это нововведеніе какъ-всегда лучше подтверждаетъ истину, что не все то хорошо, что ново. Пиджаконсы съ маленькими штрипками, узки попрежнему. Жилеты для баловъ дѣлаются черные казимировые съ бѣлыми поджилетничками. Пуговицы на жилетахъ составляютъ теперь предметъ щегольства мужскаго наряда. Онѣ бываютъ разныхъ формъ и видовъ: плоскія, выпуклыя, въ видѣ головокъ различныхъ животныхъ (на визитныхъ жилетахъ), золотыя, бирюзовыя, гранатовыя и даже гранатовыя съ бриллиантами посрединѣ. Сюртуки по-большой-части двубортные. Галстуки для баловъ — бѣлые батистовые съ натуральнымъ бантомъ; черные галстуки дѣлаются узенькіе, въ видѣ ленты, большею-частью атласные.

Бѣлые — эта важнѣйшая часть мужскаго туалета — въ послѣднее время испытало значительное преобразование въ своемъ покроѣ. На рубашкахъ, вмѣсто продольныхъ складокъ, дѣлаются поперечныя или косыя; но эта мода не получила еще полного права гражданства.

Обращаясь снова къ верхнимъ нарядамъ, мы бы должны были что-нибудь сказать о весеннихъ пальто, такъ-какъ весна ужъ на дворѣ. Но ни фасоны этихъ пальто, ни весеннія матеріи для другихъ мужскихъ нарядовъ еще не получены изъ-за границы. Можно предсказать только одну новизну въ будущихъ нарядахъ, именно: значительное употребленіе пледъ (*plaid*). Въ Парижѣ, по-крайней-мѣрѣ, пледы теперь въ большемъ ходу. Это—большіе шерстяные платки, которыми обитатели материка только съ недавняго времени стали прикрывать

и шлочи, существуютъ уже нѣсколько столѣтій. Начало свое они утъ изъ Шотландіи, гдѣ въ прежнія времена каждый классъ носилъ для наряднаго цвѣта. Не правда ли, послѣ этого, что самое новое— юе старое, и наоборотъ?..

в) Дамскія.

Много разнообразныхъ нарядовъ мы видѣли въ продолженіе этого мѣсяца; особенно разнообразны и красивы были шляпы. Шляпы для рѣдкихъ визитовъ и для утреннихъ спектаклей большею-частью были изъ атласа съ блондами и изъ крепа. Для катанья въ саняхъ необходима шляпа теплая, и потому такіа шляпы дѣлаются изъ неразрѣзаннаго бархата, пополамъ съ атласомъ, или изъ атласа съ плюшемъ. Атласъ шляпъ все такъ же малъ, какъ и былъ; но мы лучше опишемъ нѣсколько фасоновъ.

Вотъ, напримеръ, красная голубая шляпа, съ бѣлой блондовой розеткой вокругъ полей. На тулью положена голубая атласная лента въ видѣ фанционъ, обшитая бѣлой блондой; съ боковъ тульи по небольшому пучку бѣлыхъ перьевъ, низко приколотыхъ. Къ концу полей пришиты блонды, шириною въ ладонь, и спущены внизъ. Подъ полями бѣлыя блонды въ видѣ чепчика, голубые цвѣты и маленькія бѣлыя перышки.

Другая шляпа изъ розоваго неразрѣзаннаго бархата съ черной кружевной прошивкой вокругъ полей, на которую положены въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга перехваты изъ розовыхъ лентъ, обшитыхъ узенькой черной блондой. Тулья очень наклонена назадъ и съ каждой стороны ея по пучку розановъ, перемѣшанныхъ съ черными бархатными лентами. Вокругъ полей большое руло, сплетенное изъ розовыхъ и черныхъ бархатныхъ лентъ; подъ полями рюшь изъ бѣлыхъ блондъ, въ которомъ мелькаютъ розаны и банты изъ черныхъ бархатныхъ лентъ съ небольшими концами. Вообще уборка шляпъ нынче чрезвычайно-сложная. Простенькихъ шляпъ безъ всякой уборки нынче не существуетъ; все, что можно сдѣлать для простой шляпы — это положить въ нѣсколько рядовъ бізъ изъ плюша и съ боковъ банты изъ лентъ; но подъ полями уборка все-таки должна быть очень-пышная. Цвѣта для шляпъ выбираются различныя, даже пунцовый; но бѣлый болѣе всѣхъ въ употребленіи.

Мы уже говорили въ прошедшемъ мѣсяцѣ, что платья съ закрытымъ лифомъ дѣлаются не иначе, какъ съ басками. Рукава прямые на обшивкѣ и съ двумя большими воланами. Плюшъ — лучшее украшеніе всѣхъ утреннихъ платьевъ; воротнички продолжаютъ носить все еще очень-большіе. Для открытыхъ лифовъ манишка и рукава, если они толстые, непременно должны быть убраны бантами изъ лентъ.

Платья изъ клѣтчатои матеріи большею-частью дѣлаются съ воланами, которые, смотря по цвѣту платья, обшиваются ленточками или бархатными, или плюшевыми, или атласными. На платьяхъ изъ толстой

матеріи лучшее украшеніе (если это для утра)—шляпш и агривать, а для вечера — кружева.

О бальныхъ платьяхъ говорить нечего, потому—что балы прекратились; ихъ замѣнять теперь концерты, на которыхъ обыкновенно бѣвають костюмы очень-нарядные, но все же не бальные; впрочемъ мы подождемъ: можетъ-быть, нынче будутъ являться въ концерты въ бальныхъ платьяхъ. Ужъ назначенъ концертъ Рубинштейна въ залѣ Лихтеншталя. Кстати о г. *Лихтеншталя*, известномъ «орфейномъ» фабрикантѣ, котораго «лигеля» расходятся по всей Россіи. При этой книжкѣ «Отечеств. Записокъ» размѣщается объявленіе о «лигеляхъ» его. Совѣтуемъ взглянуть на это объявленіе и на изложенныя въ немъ условія. Съ такими условіями, какія выставлены въ объявленіи, кажется, можно безопасно рассчитывать на прочность «лигеля». Вотъ, наприимѣръ, одно изъ нихъ: «Въ случаѣ если «лигель» вычитается въ дурномъ видѣ, то покорнѣйше просить гг. покупателей доставить извѣщеніе по адресу, съ надлежащимъ засвидѣтельствомъ мѣстнаго начальства, объ испорченномъ состояніи инструмента, послѣ чего, доставится немедленно новый безплатно».

Нѣсколько дней для концертовъ разобрано также въ залѣ Дворнаго Собранія. Мы постараемся замѣтить все, что будетъ новаго въ нарядахъ, и что замѣтимъ, въ будущемъ мѣсяцѣ расскажемъ нашимъ читательницамъ.

НОВОСТИ

ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ, НАУКЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ (1).

Начнемъ нашъ отчетъ о новостяхъ прошлаго мѣсяца обзоромъ замѣчательныхъ произведеній, появившихся въ Англии и Сѣверной Америкѣ.

— Вышелъ въ свѣтъ первый томъ *собранія сочиненій Генриха Одсворта Лонгфеллоу*. Писатель этотъ можетъ похвалиться лучшимъ представителемъ сѣверо-американской поэзіи. Правда, что характеръ его произведеній не имѣетъ особеннаго національнаго оттѣнка и Лонгфеллоу точно также можно причислить къ лондонскимъ поэтамъ, какъ и бостонскимъ или ньюйоркскимъ; но это отсутствіе оригинальности принадлежитъ вообще всѣмъ соотечественникамъ Лонгфеллоу. Вашингтонъ Ирвингъ поддѣлывался къ манерѣмъ Аддисона. Куперъ выбралъ ода, обезсмертившій Вальтера Скотта; Броккенъ-Броунъ шелъ по лѣдамъ Годвина, а Лонгфеллоу на каждомъ шагу напоминаетъ, что нѣтъ послѣдователь Альфреда Теннисона и Роберта Броунинга. Онъ ищетъ слогомъ Томаса Кемпбля, занимаетъ формы у Кольриджа и Юрдсворта, и стихи его смѣло можно приписать Барри Корнуалу. Отсутствіе самостоятельности понятно въ писателяхъ Новаго Свѣта. Европейцы восхищаются Америкою, какъ молодою страной съ безконечными пустынями, съ блистательною будущностью. Американцевъ же болѣе всего занимаетъ старая Европа, съ ея историческими воспоминаніями и утонченною образованностью. Вотъ отчего американскіе авторы, желая нравиться своимъ соотечественникамъ, рассказываютъ имъ о берегахъ Рейна, о готическихъ замкахъ, о Вольтерѣ и XVIII вѣкѣ, тогда-какъ Франція и Германія съ жадностью читаютъ преданія краснокожихъ, описанія дикихъ пустынь, и проч.

Лонгфеллоу считается одною изъ литературныхъ знаменитостей своей страны, и сочиненія его издаются уже шестымъ изданіемъ, несмотря на то, что въ нихъ больше половины переводовъ съ нѣмец-

---

(1) Составлено по журналамъ : *Revue des Deux Mondes*, *Revue de Paris*, *Revue Britannique*, *Revue Contemporaine*, *Edinburgh Review*, *Bibliothèque de Genève*, *Illustration*, *Illustrated London News*, *Illustrierte Zeitung*, *Magazin für die Litteratur des Auslandes*, *Das Ausland*, *Erheiterungen*, *Athenaeum*, *Novellen-Zeitung*, *Institut*, *Indépendance Belge*, *Journal des Débats*.

каго, испанскаго и даже французскаго простонароднаго нарѣчя, въ которомъ пишетъ провансальскій поэтъ Жасменъ. Когда американскій поэтъ не переводитъ, онъ подражаетъ европейскимъ писателямъ: онъ любитъ, какъ Гёте, мечтать о прошедшемъ; настоящее не занимаетъ его и онъ не почитаетъ его достойнымъ изученія. Это пристрастіе къ древности замѣтно не только въ его стихахъ, но даже въ извѣстномъ его романѣ *Гиперионъ*. Это совершенно-германское произведеніе, въ которомъ помѣщены путевыя впечатлѣнія, въ родѣ *Рейна* Виктора Гюго и метафизическія разсужденія, напоминающія туристовъ-романтиковъ: Тика, Жан-Поля и графиню Иду Ганъ-Ганъ. Нѣкоторыя легенды кажутся списанными у братьевъ Гримъ и они сами подписались бы подъ разсказомъ *Андерпаттскій Крестъ*—такъ оно похоже на ихъ собственные произведенія.

Въ его Золотой Легендѣ (*Golden Legend*) собраны католическія легенды въ родѣ сочиненій Пьера Гренгуара. Здѣсь духъ разговариваетъ съ колоколами Страсбурга, которые говорятъ полатини, тогда-какъ онъ отвѣчаетъ поанглійски. Вотъ что говорятъ эти ученые колокола:

Excito lentos
Dissipo ventos
Paco cruentos,
или:

Fuhera plango
Fulgura frango,
Sabbata pango,

Есть много любопытныхъ сторонъ въ этой поэзіи. Авторъ обѣщаетъ въ скоромъ времени еще томъ своихъ сочиненій. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что американская публика приметъ ихъ съ восторгомъ.

— *Kschittçavançavalltcharitam, a chronicle of the family of Raja Krichnachandra of Navadvipa, Bengal. Edited and translated by W. Pertsch.* (Разсказы о потомкахъ принца Кшипитисавансавалтчаритамъ, или хроника семейства раджи Кришначандры, изъ Навадвипы, издана въ Бенгалѣ и переведена Нертшемъ). Подъ этимъ неудобнымъ для выговора названіемъ вышла маленькая книжка, скучная и сухая, неимѣющая важности въ историческомъ отношеніи и содержащая грубыя ошибки и анахронизмы; но въ ней есть любопытныя анекдоты о маленькихъ неизвѣстныхъ принцахъ, разсказы о сношеніяхъ мусульманъ съ раджами, интересныя сцены нравовъ, знакомія съ жизнью индусовъ больше, чѣмъ огромныя поэмы.

Въ этой хроникѣ (*чаритамъ*) разсказываютъ, какъ пришелъ въ Бенгалію сынъ Кшитиса короля Кавіакубджи, по имени Бгатаварайана, и купивъ у другаго раджи нѣсколько селеній, сдѣлалъ ихъ правителемъ (въ 1077 году нашей эры), а впоследствии передалъ ихъ своимъ потомкамъ, которые владѣли ими до 1728 года, когда вступилъ на престолъ Кришначандра, названный покровителемъ литературы. Въ это время произошло покореніе страны мусульманами и бѣдные раджи Навадвипы жили въ безпрестанной ссорѣ или въ вой-

гъ съ султаномъ Дели, которому принуждены были посылать богатые дары, чтобъ избавится отъ притѣсненій. Впрочемъ, это было обще-принятымъ обыкновениемъ во всѣхъ мусульманскихъ владѣнiяхъ. Раджи и брамины, недоступные для своихъ соотечественниковъ, ужижались передъ своими побѣдителями, боясь ихъ гнѣва.

Авторъ этого санскритскаго сочиненiя неизвѣстенъ, но, вѣроятно, что онъ жилъ и писалъ около 1780 года, потому-что называетъ англичанъ такъ же, какъ ихъ называютъ китайцы: *южскими варварами* (дакшинатiа млетшагъ), тогда-какъ монгольскихъ султановъ Дели и ихъ подданныхъ величаютъ *донавана*, то-есть западными народами. Изданiе это очень-любопытно для ученыхъ, изучающихъ Индiю, притомъ же оно написано прозою и на санскритскомъ языкѣ, что тоже большая рѣдкость. Издатель и переводчикъ этой книги, Пертшъ, самъ отмѣчаетъ нѣсколько грубыхъ ошибокъ въ текстѣ, доказывающихъ неблiстательныя познанiя автора, и объясняетъ безконечно-длинные слова, поминутно-встрѣчающiяся въ этомъ языкѣ, образчикъ которыхъ представляеть самое заглавiе книги. Переводъ Пертша сдѣланъ отчетливо на англiйскомъ языкѣ, хотя онъ самъ германецъ и житель Берлина. Хорошо зналъ европейскiе языки, ученый переводчикъ предпочелъ англiйскiй языкъ, потому-что англiйскимъ читателямъ знакомство съ этою книгою полезнѣе, чѣмъ германскимъ.

— Въ Лондонѣ вышло очень-любопытное изданiе; подъ названiемъ *Тѣни и лучи изъ жизни артиста*, соч. Джемса Смита. Авторъ собралъ множество библиографическихъ анекдотовъ, какъ докторъ Веронъ въ своихъ запискахъ, и представилъ ихъ на судъ публики. Вотъ содержанiе книги Смита: глава I. Прiзванiе артиста и литератора». Какой красильщикъ и писака не воображаютъ себя гениальными людьми? — Глава 2. — О непостоянствѣ и негерцѣливости живописцевъ. Сколько картинъ они начинаютъ съ восторгомъ и не оканчиваютъ! Глава 3-я. Объ уваженiи къ самому себѣ. Всѣ умѣютъ любить, удивляться, но кто истинно уважаетъ самого себя? Глава 4-я. О зависти артистовъ. — Извѣстно, что Гирлаццiо вмѣсто того, чтобъ гордиться такимъ ученикомъ, какъ Микель-Анжело, завидовалъ ему. Зависть истребила тоже чудный картонъ великаго живописца: сраженiе у Пизы. Глава 5. Великодушная оцѣнка артистовъ артистами. Это самое любопытное мѣсто въ книгѣ. Потомъ слѣдуютъ главы: О некровителяхъ искусствъ и артистовъ, о дружбѣ живописцевъ съ литераторами, о восторженности живописцевъ, о романической жизни артистовъ, о женитьбѣ артистовъ и наконецъ о ихъ смерти. Анекдоты оживляютъ это сочиненiе; въ нихъ много комическаго, но много и трагическаго. Разумѣется, что большая часть эпизодовъ ужъ извѣстны публикѣ, но они рассказаны очень-увлекательно. Заключительная глава объ *артистѣ женатомъ*. Смитъ предполагаетъ, что артистъ долженъ остаться холостымъ и подтверждаетъ это мнѣнiе самыми печальными примѣрами семейныхъ мученiй Альберта Дюрера, Андреа Венучи, Гондекотера, Бергема и др., но, какъ настоящiй англичанинъ, увѣряетъ, что для артиста единственный шансъ къ счастливому супружеству — женитьба на англичанкѣ. Изъ анекдотовъ

приведемъ одинъ, о Наполеонѣ (не настоящемъ, конечно). Когда французы овладѣли Миланомъ, то превосходное собраніе эскизовъ Леонарда да-Винчи, *Codice atlantico*, было представлено завоевателю. Наполеонъ взялъ это *in folio* и *Virgilia* съ собственноручными комментаріями Петрарки, не позволяя никому дотрогиваться до этихъ драгоценностей, и вскричалъ съ восторгомъ: *questi son miei!* Въ это же время англійскій пейзажистъ Вильсонъ, находившійся въ Генуѣ, былъ сдѣланъ членомъ Лигурійской Академіи и картины его находились въ этой галереѣ. Наполеонъ остановился прямо передъ пейзажемъ Вильсона. «Это произведеніе англійчанина, проговорилъ съ промѣною одинъ изъ академиковъ. Наполеонъ посмотрѣлъ на него строго и сказалъ: «У таланта нѣтъ отечества». — Не лучше ли, было однакожь, если бы онъ сказалъ: «Талантъ вездѣ находитъ себѣ отечество?»

— Эльвсъ (Elwes) издалъ великоблѣнную книгу подъ названіемъ: *Кругосвѣтное путешествіе описанца*. Рисунки и описанія превосходны; авторъ переноситъ читателя въ Бразилію, на острова Тихого Океана, въ землю Вандименову, въ Китай и пр. Особенно замѣчательны Китай въ литературномъ и живописномъ отношеніи.

— Другое *Путешествіе Валласа на Рѣку Амазонскую и Рио-Негро* тоже очень-любопытно. Авторъ превосходно описываетъ тропическія лѣса, колоссальныя растенія и жителей этихъ лѣсовъ, людей, звѣрей и птицъ. Замѣчательно, что Валласъ напрасно искалъ на Амазонской Рѣкѣ— не женскаго войска, котораго, конечно, не можетъ быть— но какихъ-нибудь доказательствъ, что тутъ были когда-нибудь амазонки: онъ не нашелъ никакихъ слѣдовъ. Туземное племя *уоуеес* отличается тѣмъ, что мужчины въ немъ кокетничаютъ, какъ женщины, и проводятъ время, занимаясь своимъ туалетомъ и навѣшивая на себя разные наряды, тогда-какъ женщины носятъ только браслеты на рукахъ и ногахъ. Такъ-какъ *уоуеес*, несмотря на свое кокетство храбры, то Валласъ и предполагаетъ, что ихъ-то и называли амазонками. Впрочемъ, ученые доказываютъ, что и греческихъ амазонокъ не было и что Пентизелея никогда не существовала.

— *The Experience of Life (Опытность описанца)*, соч. Сеуелли. Книга эта, изданная на той сторонѣ Атлантическаго Океана, представляетъ психологическія этюды, которые въ большой модѣ въ англійской литературѣ и въ американской. Авторъ уже приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность своими *путешествіями*, *Исторією Греціи* и романами *Гертруда* и *Ами Герберъ*.

Онъ говоритъ что «*Experience of Life*» не романъ въ полномъ значеніи этого слова, потому-что романъ представляетъ только одинъ эпизодъ изъ жизни и сосредоточиваетъ интересъ на одномъ предметѣ. Сеуелли же взялся изобразить полную и настоящую жизнь человѣка. Авторъ огорчается, что тысячи людей рождаются, страдаютъ и умираютъ, и никто не обращаетъ на нихъ вниманія, никто не получаетъ отъ нихъ опытности. На это можно отвѣтить почтенному писателю, что нѣтъ никакой возможности описывать жизнь всѣхъ людей безъ исключенія, и что весь человѣческій родъ не можетъ заниматься тѣмъ, чтобъ печатать свои произведенія. Кому же тогда придется чи-

ать ихъ? Притомъ, много ли существованій, въ такой степени почительныхъ и занимательныхъ, какъ полагаетъ авторъ. Сеуелль не охочъ на своихъ *практическихъ* соотечественниковъ, и хочетъ наоднить литературу биографіями и мемуарами, чтобъ изъ нихъ приобрести *опытность въ жизни*.

Романъ его обнимаетъ періодъ въ шестьдесятъ лѣтъ, то-есть, дѣлую жизнь человека. Очень-вѣроятно, что авторъ представилъ самого себя героемъ, начиная съ той минуты, когда онъ сталъ понимать, и до поздней старости. Кажется, онъ сожалеетъ только объ одномъ: что не можетъ описать свою собственную смерть и церемонію похоронъ. Впрочемъ, онъ по духовной можетъ заставить своего наследника *окончить* его биографію. Этотъ длинный анализъ мѣщанской жизни мѣстами утомителенъ; онъ напоминаетъ немного фламандскія картины; только яркости колорита не можетъ быть въ американской домашней жизни. Несмотря однако на растянутость этой скучной исторіи, есть въ ней много характеровъ, очерченныхъ вѣрно, и трогательныхъ сценъ, доказывающихъ въ авторѣ высокую душу. Последнія страницы особенно привлекательны и носятъ отпечатокъ патриархальной простоты. Герой чувствуетъ приближеніе смерти и, послѣ испытаній и несчастій жизни, удаляется въ мирное жилище, окруженное зеленью и цвѣтами, гдѣ надѣется прожить остатокъ дней своихъ...

— Twice-tolde tales. The Skarlet Letter (*Дважды разсказанныя сказки*) Натаниеля Гауторна. Въ предисловіи къ своему сочиненію авторъ говоритъ, что если бы позволено было самимъ писателямъ составлять критики на свои книги, то собственное мнѣніе ихъ было бы гораздо любопытнѣе самого сочиненія. Шарль Нодде не только имѣлъ, но даже исполнилъ эту мысль, и самъ критиковалъ очень-вѣрно свою *Исторію Короля Богемскаго и семи его замковъ*. Натаниель Гауторнъ говоритъ слѣдующее о своемъ собраніи повѣстей:

«Онѣ блѣдны какъ цвѣты, выросшіе на мѣстѣ, неосвѣщаемомъ солнцемъ. Привычка къ задумчивости придаетъ холодность чувству и описанію. вмѣсто страсти, вы встрѣчаете разсужденія, вмѣсто картины настоящей жизни—вымыселъ, даже неприкрытый вѣроятностью. Безсиліе это, или осторожность, только эффекты автора неудачны. Самый веселый человекъ не улыбнется его комизму; самая чувствительная женщина не заплачетъ въ патетическихъ сценахъ. Книгу эту надобно читать въ полусвѣтѣ, какъ она написана.»

Несмотря на эту скромную оцѣнку, повѣсти американскаго писателя очень-занимательны, и успѣхъ ихъ доказывается тѣмъ, что онѣ переведены уже на французскій языкъ и чрезвычайно нравятся въ Парижѣ. Слогъ Гауторна очень-оригиналенъ; у него большая склонность къ аллегоріямъ и символамъ. Вообще направленіе его таинственное, и заглавія его сказокъ пугаютъ, но имъ не надобно вѣрять, потому-что, вмѣсто страшныхъ происшествій и ужасовъ, бывшихъ въ модѣ въ недавнее время, вы найдете простой разсказъ, который займетъ васъ до-того, что вы съ удовольствіемъ прочтете всѣ три тома. Искусство автора состоитъ въ томъ, что онъ умѣетъ распределить

интересъ съ возрастающею осяюю и сверхъестественный элементъ, вводимый имъ, еще болѣе возбуждаетъ любопытство. Характеры чрезвычайно-новы, и хотя отъ волшебныхъ сказокъ нельзя требовать, чтобы онѣ были вѣрны, но Гаутория умѣетъ сдѣлать ихъ вѣроятными и доступными всѣдневной жизни. Нечего и говорить, что каждая повесть заключаетъ въ себѣ нравственную мысль. Стало-быть, цѣль автора еще похвальнѣе. Онъ не только хочетъ доставить развлеченіе, но и поучать своихъ читателей, представляя имъ нравоученія и правила не въ сухой формѣ, а въ видѣ увлекательныхъ разсказовъ.

— *A Naturalist's Rambles on the Devonshire Coast* (*Странствованія натуралиста по берегамъ Девоншира*) соч. Госса. Госсъ извѣстный натуралистъ, который любитъ природу не для науки, а для самой природы и умѣетъ сдѣлать занимательными ученые описанія, обыкновенно пугающія всѣхъ, не посвященныхъ въ таинства науки. Это превосходное сочиненіе о Ямайкѣ извѣстно всѣмъ, и теперешнее путешествіе по Девонширу доказываетъ, что авторъ не нуждается въ тропическомъ солнцѣ и южныхъ ландшафтахъ, чтобы возбудить вниманіе читателя. Госсъ, какъ страстный натуралистъ, описываетъ свой восторгъ при видѣ чудесъ природы и не устааетъ разсказывать подробности своихъ странствованій. Къ этой превосходной книгѣ приложены двадцать-восемь рисунковъ прекрасно-исполненныхъ и чрезвычайно-точныхъ, что еще больше поддержитъ успѣхъ сочиненія Госса.

— *Louise Elton, or Things seen and heard* (*Луиза Эльтонъ, или видѣнные и слышанные случаи*) соч. мистрисъ Геридонъ. Искоторые писатели, собираясь писать романъ, прежде всего отыскиваютъ занимательный сюжетъ, который заключалъ бы въ себѣ новыя положенія, оригинальные характеры и какое-нибудь новое стеченіе обстоятельствъ. Но Мери Геридонъ нисколько не задумывалась надъ сюжетомъ, потому что онъ у ней отличается самою безыскусственною простотою. Молодая американка, занимавшая должность гувернантки, вноситъ гостепримства въ одно изъ загородныхъ домовъ, и хозяйка его поручаетъ ей воспитаніе двухъ дѣтей отъ первой жены, чтобы избавить ихъ отъ угнетеній мачихи. Наша героиня ѣдетъ съ двумя воспитанницами къ ихъ дядѣ, гдѣ въ нее влюбляется одинъ докторъ, который любитъ ее потому, что ее зовутъ Луизою, а это имя напоминаетъ ему первую любовь; гувернантка выходитъ за него замужъ. Вотъ и все.

Къ этому главному сюжету романа примѣшано еще множество второстепенныхъ эпизодовъ, мало однакожъ оживляющихъ романъ; притомъ же въ нихъ всѣ молодыя дѣвушки умираютъ отъ чахотки, что придаетъ госпитальный отблескъ всему сочиненію.

Что касается до характеровъ, авторъ тоже не постарался изобразить ихъ вооригинальнѣе: всѣ они вялы, грустны, мертвы. Одна героиня представляетъ рѣдкій типъ гувернантки. Она въ полномъ смыслѣ педантка, смѣлая, рѣшительная, *настоящій солдатъ*, какъ ее называетъ братъ. Она поминутно разсказываетъ біографію, самымъ высочайшимъ риторическимъ слогомъ, хвастаетъ своими познаніями, сво-

равнодушіемъ къ мужчинамъ, гладнокровоно пускаетъ кровь по-
виннымъ ножикомъ одному старику, съ которымъ сдѣлала апо-
ксимическій ударъ, тогда—какъ всѣ присутствующіе растерялись, сло-
вить : это настоящій герой.

Слогъ романа мѣстами до-того напыщенъ, что кажется читаешь тот-
дѣ ученика, который собирается получить первую награду за рето-
рику. И странно, что не одна ученая героиня говоритъ цѣлостно и
всегда логично, но всѣ дѣйствующія лица стараются перецеголить
друг друга изысканностью и пустословіемъ. Вѣрно, окружающіе и
цѣлство Мери Геридонъ не умѣютъ иначе говорить. Мы не ошиб-
ивъ поставили имя писательницы вмѣсто Луизы Эльтонъ, потому—что
романъ этотъ просто биографія самой писательницы и приключенія ея
жизни, въ чемъ она почти сознается въ концѣ сочиненія.

Какъ и во всѣхъ американскихъ произведеніяхъ, авторъ помѣстилъ
въ «Луизѣ Эльтонъ», много разсужденій о Сѣвероамериканскихъ
Штатахъ, о неграхъ, о торговлѣ и даже о Европѣ, о которой ученая
писательница, кажется, имѣетъ самыя ограниченныя свѣдѣнія.

Итакъ въ новомъ американскомъ романѣ нѣтъ сюжета, нѣтъ ха-
рактеровъ, мало оригинальныхъ мыслей, и слогъ его такъ тяжелъ,
что невозможно дочитать книгу до конца, не отдыхая нѣсколько разъ;
а между—тѣмъ романъ все—таки составляетъ замѣчательное явленіе въ
сѣверо—американской литературѣ. Американская литература хочетъ
стать наравнѣ съ европейской, и многіе писатели молодой націи успи-
ли уже доказать свой талантъ, поэтому—то они должны подчиниться кри-
тикѣ и выслушивать иногда горькія истины. *Луиза Эльтонъ* найдетъ
много читателей въ Америкѣ, но не въ Европѣ. Вообще женщины въ
Америкѣ чувствуютъ большое призваніе къ литературнымъ занятіямъ
и спѣшатъ написать что—нибудь, чтобъ только видѣть имя свое на-
печатаннымъ и имѣть право на званіе автора.

— *The Search for Franklin (Поиски Франклина)*. Г. Петер-
манъ, въ новомъ своемъ сочиненіи, основываясь на строго—указанъ
фактахъ, изслѣдованіяхъ и донесеніяхъ мореплавателей по арктиче-
скимъ морямъ, сдѣлалъ слѣдующій выводъ :

«Извѣстно, что къ сѣверу отъ береговъ Сибири существуетъ всег-
да открытое *Полярное Море*; неподвержено также сомнѣнію, что и
на американскомъ берегу, къ сѣверу отъ острововъ Парри, есть большіе
пространства никогда незамерзающаго моря. Вѣроятно, оба эти
моря составляютъ одинъ большой и для судоходства открытый океанъ.

Главные ворота въ этотъ *Арктическій Бассейнъ* открываются чрезъ
Веллингтоновъ и Беринговъ Пролівы, но въ нихъ всегда такъ много
льду, что и новѣйшія открытія не представляютъ значительныхъ на-
деждъ къ будущему мореплаванію, по этому неизвѣданному океану.

Другіе два входа въ Арктическій Бассейнъ находятся между Грен-
ландією и Шницбергеномъ и между Шницбергеномъ и Новою Землею.
Первый изъ нихъ тоже представляетъ много затрудненій, такъ—что,
для ближайшаго изслѣдованія остается послѣдній. Петерманъ саставилъ
это заключеніе, разумѣется, не бывъ въ этихъ странахъ; но
факты науки доступны не однимъ очевидцамъ. Гумбольдтъ, Лавррра

и др. много открыли одвою теорією, впоследствии подтвердившеюся на практикѣ.

Такимъ-образомъ Петерманъ доказываетъ, что легчайшій путь въ Арктическое Море находится между Шпицбергеномъ и Новою Землею, и что, следовательно, Франклина надобно отыскивать по этой дорогѣ. Доказательства его слѣдующія :

Баренцъ, первый проникшій въ эти страны въ 1594 году, нашелъ огромныя массы льда между островами Шпицбергеномъ и Новою Землею, образовавшагося изъ многочисленныхъ льдинъ, гонимыхъ ежегоднымъ теченіемъ отъ береговъ Сибири въ Атлантическій Океанъ; между обоими этими островами ледъ встрѣчаетъ Голь-стримъ, непускающій его дальше къ югу, тогда-какъ американскій берегъ цѣлый годъ заваленъ льдомъ. Этотъ ледъ продолжаетъ идти между Гренландією и Шпицбергеномъ и достигаетъ передъ Исландією и южною оконечностью Гренландіи береговъ Нью-Фаундленда до 40° сѣв. широты. Между Новою Землею и Шпицбергеномъ Голь-стримъ задерживаетъ этотъ ледъ, никогда не достигающій до Нордкапа, тогда-какъ у американскаго берега онъ за 2,000 американскихъ миль идетъ дальше къ югу.

Есть, конечно, лдяныя преграды для кораблей, желающихъ проникнуть между этими двумя островами къ сѣверу, но онѣ не такъ велики, какъ на берегу Америки. Китоловныя и гренландскія суда подтверждаютъ, что дорога къ сѣверу никогда не представляетъ сплошнаго льда, а, напротивъ, зимою—совершенно открытыя пространства, называемыя русскими мореходцами *полюмьями* (Polinya). Основываясь на этомъ, Петерманъ утверждаетъ, что въ продолженіе зимнихъ арктическихъ мѣсяцевъ (отъ сентября до марта) можно безпрепятственно пройти между Шпицбергеномъ и Новою Землею въ Арктическій Бассейнъ. Зимою всѣ огромныя сибирскія рѣки замерзаютъ и не останавливаютъ Голь-стрима, направляющагося въ Полярное Море, но лѣтомъ это теченіе идетъ къ югу.

Петерманъ приводитъ множество подробностей изъ описанія сѣверной экспедиціи русскаго адмирала Врангеля въ 1820 — 1824 годахъ, переведеннаго на нѣмецкій языкъ Энгельгардтомъ въ 1839 году, а на англійскій — лейтенантомъ Сабиномъ въ 1840 году. Врангель тоже убѣжденъ въ существованіи этого открытаго пути и незамерзающаго Полярнаго Моря.

Изотермическія линіи также подтверждаютъ эту гипотезу. Петерманъ доказалъ, что эти линіи содержатъ Голь-стримъ при температурѣ 40 — 50° выше другихъ мѣстъ, подъ тою же широтою.

Извѣстный норвежскій естествоиспытатель Кейльгау тоже говоритъ, что онъ въ 1824 году, зимою на Медвѣжьихъ Островахъ (Берніискихъ), находящихся съ островомъ Мельвилемъ на одной высотѣ, переносилъ самую умеренную стужу, такъ-что въ день Рождества шелъ дождь.

Сильнѣйшій авторитетъ представляетъ Вильгельмъ Баренцъ, который собственными глазами видѣлъ открытое море къ сѣверу отъ Новой Земли, и зимою. Онъ именно говоритъ, что чѣмъ далѣе они шли

къ сѣверу, тѣмъ теплѣе становилось; онъ былъ увѣренъ, что между Шпицбергенемъ и Новою Землею можно пройти въ открытое Арктическое Море безъ всякаго препятствія.

Остается теперь только кому-нибудь проникнуть въ это море.

— On the Decline of Life in Health and Disease, being an attempt to investigate the causes of Longevity *Соч. Ван-Овена* (van Oven). (*Объ упадкѣ жизненныхъ силъ въ здоровьѣ и болѣзни — опытъ изслѣдованія причинъ продолжительности жизни*). Какъ ни нищутъ современники разныхъ наслажденій въ жизни, но еще болѣе всякій хлопочетъ о томъ, чтобъ продлить свою жизнь на самый, по возможности, должайшій срокъ. Хотя мы во всемъ стараемся сократить время, но почитаемъ себя счастливыми, если достигаемъ глубокой старости. *Макробиотика*, или наука о продолженіи жизни, заботится только, чтобъ довести ее до самаго поздняго срока, смотря по тѣлосложенію и роду жизни каждаго.

Въ означенной англійской книгѣ изложена эта наука. Въ ней много общихъ мѣстъ о причинахъ преждевременной смерти и нѣсколько любопытныхъ замѣчаній, напримѣръ: приложенъ списокъ 6,200 человекъ, прожившихъ до ста лѣтъ и болѣе. Изъ нихъ 1,518 умерли, имѣя отъ 100 до 110 лѣтъ, 331 человекъ — отъ 110 до 120, 99 человекъ — отъ 120 до 130, 37 человекъ — отъ 130 до 140 и 11 — отъ сорока до *ста-пятидесяти*. Изъ остальныхъ 17 человекъ, пятнадцать прожили свыше 150, а двое — *двѣсти* лѣтъ. Въ Россіи 2,179 человекъ достигли, по этому списку, свыше ста лѣтъ, а въ Швеціи 750. Наконецъ есть таблица о 708 лицахъ, которыя въ теченіе пяти лѣтъ въ Англии и Валлисѣ изъ 18,897,187 душъ народонаселенія и при 1,237,896 смертныхъ случаяхъ, прожили свыше ста лѣтъ.

Хотя о нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ нѣтъ достовѣрныхъ документовъ, но о болѣеи части собраны свѣдѣнія касательно образа ихъ жизни, семействъ, званія и бывшихъ съ ними болѣзней. Изъ этихъ краткихъ биографій объясняются условія долговѣчности и извлекаются нѣкоторыя общія правила для этого.

Вопервыхъ, надобно прежде всего сказать, что нѣтъ въ свѣтѣ науки для *продолженія* жизни. Искусство состоитъ только въ томъ, чтобъ устранять по-возможности всѣ случаи, которые бы могли сократить средній жизненный срокъ. Всякія излишества, конечно, сокращаютъ жизнь; правильный же и порядочный образъ жизни подкрѣпляетъ здоровье. Впрочемъ, слишкомъ, строгая діета вредитъ здоровью. Подражаніе извѣстному Корнаро многими бы стоило жизни, а онъ прожилъ до 104 лѣтъ. Извѣстно, что онъ до сорока лѣтъ велъ самую буйную и неумѣренную жизнь, но вдругъ одумался, раскаялся и рѣшился переимѣнить родъ жизни, тѣмъ болѣе, что ему объявили неминуемую смерть, если онъ еще мѣсяца два проживетъ попрежнему. Онъ обратился къ самой строгой діетѣ, съѣдалъ въ день только три четверти фунта хлѣба — прожилъ еще 64 года и былъ на 83-мъ году такъ же свѣжъ и здоровъ, какъ въ молодости. Этотъ примѣръ можно назвать исключеніемъ, и онъ скорѣе доказываетъ, что,

для перенесенія подобныхъ передоковъ, нужно имѣть особое тѣлосложение, которое составляетъ одно изъ главныхъ условий долголѣтности.

Для подтвержденія этого правила Овенъ приводитъ слѣдующіе изъводы.

Первое. Всѣ люди, достигающіе весьма-глубокой старости, были очень-рѣдко больны. По списку, приложенному при этой книгѣ, видно, что 61 человекъ, изъ жившихъ болѣе ста лѣтъ, никогда не были больны. Ницѣ умерли скоропостижно; другіе слегли въ постель за день, за два до смерти. Слѣдовательно безболѣзненное состояніе, или, что одно и то же, твердая комплекція служить лучшимъ основаніемъ долголѣтности.

Второе. Часто видимъ мы, что семидесятилѣтніе старики совсѣмъ теряютъ память, зрѣніе, умственные способности, тогда-какъ доживающіе до ста лѣтъ и болѣе, до конца сохраняютъ свѣтлость ума и употребленіе всѣхъ чувствъ. Въ списокѣ книги *сто-лѣтъ* примѣровъ лицъ, которыя за сто лѣтъ пользовались всѣми умственными способностями, чувствами зрѣнія, вкуса и осязанія. Тутъ видно, что съ физическими условіями долголѣтности соединено было сохраненіе и другихъ нѣжныхъ и тонкихъ мозговыхъ органовъ, не всегда-необходимыхъ для продолжительности жизни.

Третье. Нерѣдко лица, достигающія до глубокой старости, палзуются особою тѣлесною, мускульною силою. Въ списокѣ-книгѣ 63 примѣра этому, подтвержденные достовѣрными документами; между-прочимъ: одинъ столѣтній человекъ прошелъ въ два дня пѣшкомъ *шестьдесятъ* англійскихъ миль (90 верстъ). Женщина, умершая ста-десяти лѣтъ, прошла на 99-мъ году отъ Рональда-Кирка (въ Йоркшейрѣ) до Лондона *девяносто-девяти* англійскихъ миль (435 верстъ) въ пять дней и три часа, неся съ собою боченочекъ водки и узелъ съ съѣстными припасами. Солдатъ, умершій ста-четырехъ лѣтъ, будучи на 73 году, таскалъ еще на себѣ бочки съ пивомъ.

Четвертое. — Было множество примѣровъ долголѣтности людей, жившихъ при такихъ условіяхъ, которыя обыкновенно вредятъ здоровью и сокращаютъ жизнь; напримѣръ: одинъ старикъ жилъ много-стынцѣю и обиталъ пятьдесятъ лѣтъ въ сыромъ подвалѣ; другой семьдесятъ лѣтъ провелъ въ невольничествѣ у полудикихъ народовъ и дожилъ до 129 лѣтъ. Родъ жизни многихъ столѣтнихъ стариковъ былъ тоже часто очень-вредный; одинъ постоянно напивался два раза въ недѣлю до безчувственности; другой до восьмидесяти лѣтъ ходилъ пѣшкомъ на охоту, а потомъ еще двадцать лѣтъ носилъ его на носилкахъ, и при этомъ онъ сильно пилъ. Только на 116 году пересталъ онъ пить, и прожилъ еще десять лѣтъ.

Пятое. Наконецъ оказываются примѣры долголѣтности очень-часто въ одномъ семействѣ, доказывая какъ-бы наследственный способности, или особенное устройство тѣлосложенія.

Касательно рѣшенія вопроса: брачная или холостая жизнь болѣе способствуютъ къ продолженію жизни—Овенъ приложилъ тоже особые списки. Изъ нихъ оказывается больше примѣровъ долголѣтности между женатыми и замужними; напримѣръ: одна дама въ Англии прожи-

идея равъ была замужемъ и пережила всѣхъ своихъ мужей; но то есть и другой, непостижимый примѣръ: въ эверерической церковной книгѣ (Соммерсетшейръ) дьячка Джени Брейттенъ умерла 20 декабря 1888 г.) на *деузоотомъ* году.

— Изъ всѣхъ итальянскихъ диалектовъ всѣхъ менѣе извѣстенъ сардинскій. При незначительности книжной торговли въ Итали, произвешенія, печатаемыя на островѣ Сардиніи, даже неизвѣстны въ прочихъ областяхъ Итали, и однакожь тамъ есть нѣсколько трудолюбивыхъ даровитыхъ людей. Напримѣръ: каноникъ Спано, принятый въ члены Римскаго Археологическаго Института. Последнее предпринятое имъ изданіе *Словаря сардинскаго языка*—*Vocabolario Italiano-Sardo*, съياتهъно подвигается впередъ, и первыя буквы уже окончены. Языкъ сардинскій составляетъ отрасль одного изъ римскихъ диалектовъ, извѣстныхъ, подъ названіемъ *Lingua gulfica*, и всѣ филологи теперь чрезвычайно довольны работою Спано.

Тотъ же писатель издалъ въ Каліари *Сардинскія пословицы*—*Proverbi sardi svoltati in lingua Italiano*. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, дающія понятія о духѣ сардинскаго народа:

«Отецъ можетъ управлять сотнею дѣтей, но сотни дѣтей не могутъ управлять и однимъ отцомъ».

«Прежде, чѣмъ лечитъ другихъ, вылечи самъ себя».

«Цѣлый возъ словъ не уплачиваетъ ни одного паоло долга».

— *Storia del popolo Tedesco, per Eduardo Duller dallo origino, sino al 1846. Volgato in Italiano dal Giuseppe Sandrini. Turino (Исторія германскаго народа, соч. Эдуарда Дуллера, отъ начала до 1846 года, переведенная на итальянскій, Джузеппо Сандрино. Туринъ)*. Несмотря на національную вражду итальянцевъ противу вѣмцевъ, нѣкто Сандрини вздумалъ познакомить своихъ соотечественниковъ съ *Исторіею Германіи*, сочиненною Дуллеромъ, потому что германскій авторъ очень-безпристрастно говоритъ въ ней объ итальянцахъ, не скрывая ихъ недостатковъ, но и не отвергая похвальныхъ качествъ. Переводъ очень-хорошъ и книга вообще весьма-любопытна.

— Вышла также слѣдующая замѣчательная книга на латинскомъ языкѣ: *Ephemerides Isaaci Casauboni, cum praefatione et notis, Edente, I. Ruyell. (Эфемериды Исаака Казобона, съ предисловіемъ и примѣчаніями)*. Последній біографъ Казобона, Низаръ не зналъ этого изданія, хотя самъ увѣрялъ, что знаменитый ученый основанъ на латинскомъ языкѣ журналъ, отрывки котораго помѣщены въ его сочиненіяхъ. Рукопись этого журнала нашлась въ бібліотекѣ Кентерберійскаго Собора, гдѣ Исаакъ Казобонъ и сынъ его Мерикъ были пребендаріями. Въ 1793 году находка эта была внесена въ каталогъ, и Джонъ Руссель, каноникъ кентерберійскій, издалъ этотъ любопытный журналъ. Изданіе его интересно какъ для Франціи, такъ и для Англии, потому что знаменитый ученый провелъ начало жизни въ первой странѣ, а на старости отправился въ Великобританію, гдѣ и умеръ. Журналъ этотъ началъ онъ вести на тридцать-восьмомъ году, когда принятъ былъ профессоромъ въ Монпелье и пересталъ писать

за двѣ недѣли до смерти, которая случилась въ июль 1614 года. Впрочемъ, въ «Эфемеридахъ», нѣтъ ничего особенно-важнаго. Каждый мѣся авторъ, ложась спать, записывалъ всѣ происшествія и впечатлѣнія того дня. Но такъ—какъ въ мирной жизни ученаго не могло быть эффектныхъ нечаянностей, то онъ и рассказываетъ въ своемъ журналѣ, что онъ читалъ и писалъ. Кромѣ—того, онъ говоритъ о своихъ семейныхъ дѣлахъ, о новыхъ знакомствахъ, о разговорахъ съ учеными, и даже приводитъ свои доходы и расходы. Текстъ журнала часто переищанъ съ греческими цитатами; но подъ этою педантскою формою и странностями ученаго скрывается самый нѣжный отецъ семейства, примѣрный мужъ и семьянинъ. О публичныхъ дѣлахъ онъ упоминаетъ только, когда они касаются лично до него.

— Въ Германіи явились слѣдующія замѣчательныя сочиненія:

Reise nach Brasilien durch die Provinzen von Rio de Janeiro und Minas Geraes (*Путешествіе въ Бразилію чрезъ провинціи Рио-Жанейро и Минасъ Герасъ*), Германа Баумейстера, профессора зоологіи въ Галлѣ. Книга эта назначена для натуралистовъ, потому—что въ ней находится самыя любопытныя подробности о произведеніяхъ природы, о породахъ животныхъ и о жителяхъ, особенно въ двухъ провинціяхъ Рио-Жанейро и Минасъ Герасъ, гдѣ авторъ оставался очень—долго. Вотъ любопытное описаніе потомковъ первобытныхъ обитателей этихъ странъ, называемыхъ *Короадосами* и *Пурисами*.

«Короадосы, какъ всѣ индійцы Южной Бразиліи, низкаго роста, широкоплечи, съ маленькими руками и ногами. Они краснокожи съ длинными черными волосами и черными глазами. Португалцы называли ихъ короадосами потому, что дикій этотъ народъ имѣлъ обыкновение брить маковку головы. Другая порода туземцевъ, пурисы, отличаются огромнымъ носомъ, тонкими губами и чрезвычайно—сутловатостью. Эти бразильскіе дикари одѣваются поевропейски, то есть мужчины носятъ шляпы и женщины чепчики. Пурисы ходятъ на охоту съ ружьями, а ужъ не съ стрѣлами, но живутъ въ деревянныхъ шалашахъ, покрытыхъ соломой. Я прожилъ три дня между ними, и когда принимался рисовать, всѣ окружали меня съ любопытствомъ и одни негры нарушали всеобщее молчаніе своимъ смѣхомъ и болтовней. Короадосы и пурисы, какъ вообще всѣ индійцы, думаютъ только о настоящемъ, нисколько не заботясь о будущемъ. Ихъ не занимаютъ праздники и народныя увеселенія; и когда весь народъ бѣжалъ на площади, чтобъ видѣть процессію, или фейерверки, индійцы не трогались съ мѣста и преспокойно оставались въ кабакахъ, которые предпочитаютъ всему на свѣтѣ. Пылство—страсть всѣхъ индійцевъ безъ различія пола и лѣтъ, и старики всего больше предаются этому пороку. Замѣчательно, что негры, видя животную жизнь краснокожихъ, презираютъ ихъ столько же, сколько бѣлые черныхъ; но презрѣніе точно также, какъ и состраданіе, нисколько не трогаетъ эту апатическую породу, живущую только для себя и для настоящей минуты, и ни о чемъ не заботящуюся. Даже языкъ ихъ такъ страненъ, что имѣетъ особенныя формы глас-

оловь для мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Вотъ до какого униженія опшли древніе обладатели Америки.

Въ книгѣ Баумейстера много любопытныхъ извѣстій, которыя зайгутъ не однихъ ученыхъ.

— Германскій живописецъ Пехтъ издалъ свои путевые очерки подъ названіемъ: *Südf Früchte* (*южные плоды*). Въ нихъ весьма-любопытенъ рассказъ его о Помпѣѣ.

«Наконецъ видѣлъ я Помпею (говоритъ онъ). Если великолѣпіе нынѣшнихъ зданій восхищаетъ художника, то онъ вдвое долженъ быть доволенъ, углубясь въ минувшіе вѣка и осматривая городъ, открытый изъ—подъ грудъ лавы и пепла. Теперь эти груды образуютъ валы, по которымъ путешественникъ спускается въ подземныя улицы, довольно—узкія, но правильныя.

Если въ Римѣ все напоминаетъ о прошедшемъ величіи всемірнаго обладанія, то въ Помпѣѣ тотчасъ же путешественникъ видитъ себя въ провинціальномъ городкѣ, который не имѣетъ никакого значенія, но гдѣ хорошо и удобно жили. Сюда, вѣроятно, ѣздили для отдохновенія и удовольствій. Только въ этомъ отношеніи Помпея любопытна; но въ сравненіи съ прочими римскими развалинами, она ничтожна.

Всѣ городскіе дома принадлежали, какъ кажется, зажиточнымъ людямъ, жившимъ только для своего удовольствія. Это было собраніе виллъ, около которыхъ построили себѣ домики мясники, лавочники, и число этихъ промышленныхъ домовъ довольно—незначительно. Устройство ихъ совершенно—одинаковое, кромѣ техническихъ предметовъ для разныхъ ремеслъ. Впрочемъ, комнатъ много. Всѣ дома съ двумя дворами. Комнаты расположены окнами на эти дворы.

Древніе не хотѣли, чтобъ посторонніе видѣли ихъ хозяйство; въ особенности женщины на заднемъ дворѣ были совершенно отдѣлены.

Впрочемъ, судя по гинекеямъ ихъ, женщины Помпеи жили великолѣпно и роскошно. Убранство комнатъ изящно; притомъ же, строгость римскихъ нравовъ давно ужъ исчезла въ ту эпоху.

Театры и форумы древнихъ вездѣ чрезвычайно—обширны, даже въ незначущихъ городахъ, и вездѣ отдѣланы великолѣпно. Можно себѣ вообразить, какъ древній гѣнивецъ въ Помпѣѣ выходилъ на форумъ и, прислонясь къ колоннѣ, важно драпировался въ тогу, точно такъ же, какъ и нынѣшніе итальянцы на своихъ площадяхъ. И предки видимо также любили хвастать, какъ потомки. Такъ, напримѣръ, вездѣ большими буквами объявлялось, что такой—то строитъ новое зданіе, или чинитъ старое, а гдѣ можно, помпеецъ ставилъ свои статуи и бюсты, какъ нынѣшніе многіе на свой счетъ литографируютъ свои портреты.

Образованность римлянъ въ искусствахъ была чрезвычайно—обширна и даже изумительна. Всякая вещь имѣетъ свою пластическую форму: вѣсы мясника, лавочника, мелкаго торговца, гребень, зеркало женщины — все изящно отдѣлано.

Все стараемое въ Помпѣѣ конечно обуглилось, такъ—что всѣ верхніе этажи и крыши не существуютъ.

Очень—жаль, что всѣ мѣбели, картины и прочіе предметы домаш-

ней жизни увезены въ Неаполь. Теперь въ Помпей можно восхищаться только примизною улицъ и устройствомъ комнатъ.

Здѣсь есть нѣсколько прекрасныхъ храмовъ, напримеръ, храмъ Изиды, гдѣ еще виднѣн потаенный ходъ, по которому жрецы входили въ статую и говорили за оракула. Я былъ бы дурнымъ историкомъ, еслибъ забылъ рассказать о трактирахъ. У входа въ городъ, по такъ называемой Гробовой Улицѣ, ведущей къ Везувію, былъ обширный трактиръ съ огромными аркадами, занимающими всю улицу. За городомъ устроена также арена. Величина ея конечно разочтена не по числу однихъ жителей Помпей, но и для окрестныхъ жителей. Она хорошо сохранилась.

Вообще я долженъ былъ сознаться, что впечатлѣніе Помпей осталось во мнѣ довольно-неблагопріятное. Въ Неаполѣ, въ музеѣ *Vorbonico* весьма-пріятно смотрѣть на вещи, собранныя въ Помпей; но здѣсь, подъ землею, въ ужасный жаръ, неосвѣжаемый ни магіинскимъ вѣтеркомъ, вовсе не занимательно долго разсматривать горшки, кухонную посуду и погреба. Я, воротясь въ Неаполь, охотъ пошелъ разсматривать музеи, и вообразилъ себѣ все это соединенное вмѣстѣ при свѣтѣ солнца Италіи и при многочисленномъ, дѣятельномъ народонаселеніи.

— *Stimmen vom Jordan und Euphrat. Von Doctor M. Sachs. Berlin.* (Голосъ съ Иордана и Евфрата. Соч. докт. Сакса). Эта книга раздѣляется на три отдѣла: 1) на преданія и рассказы о домашней жизни евреевъ съ древнѣйшихъ временъ до гоненія во времена Адриана; 2) на параболы и гимны, составляющіе достояніе народной поэзіи, и 3) мысли и изреченія, въ которыхъ сохранена древняя еврейская философія.

— Г. Максъ Вальдау, два года ужъ ничего неписавшій, издалъ три тома передѣланныхъ имъ прежнихъ своихъ повѣстей, подъ названіемъ *Кордула*, и два тома новыхъ: *Поэтическіе рассказы* изъ венеціанской исторіи. Теперь онъ занимается обработкою *Ада Данте*, которая будетъ не переводомъ, но скорѣе передѣлкою, съ сохраненіемъ духа великаго поэта.

— *Der Teufel im Wade*, романъ Шиндлера. Дѣйствіе происходитъ въ Гамбургѣ, гдѣ превосходно изображена жизнь на тамошнихъ водахъ; лучше всего выставлена страсть къ игрѣ, занимающая пріѣзжихъ и влекущая ихъ въ бездну золь и болѣзней. Известно, что Шиндлеръ всегда преувеличиваетъ свои описанія. На этотъ разъ онъ остался въ благоразумной срединѣ.

— Книгопродавецъ Германъ Коницъ обнаружилъ отъ имени не-извѣстныхъ *Друзей Музыки* воззваніе къ писателямъ, предлагаая имъ премію въ 200 талеровъ за лучшее оперное либретто. Оно должно быть лирико-романтическое, безъ прозы и длительно такъ, чтобъ заняло весь вечеръ. Судьями назначены Гуцковъ въ Дрезденѣ и Францъ Листъ въ Веймарѣ. Цѣна невелика, а все въ Германіи много найдется охотниковъ.

— *Beiträge zur Italienischen Geschichte, von Franz Reuter* (Дополненіе къ итальянской исторіи). Это — собраніе разныхъ

статей, то историческаго содержанія, относящихся къ исторіи Италіи, то описаніе нравовъ разныхъ эпохъ; въ-особенности же біографіи литераторовъ и художниковъ съ XIII вѣка до нынѣшнихъ временъ. Въ книгѣ этой всего *четыренадцать* отдѣловъ, изъ которыхъ замѣчательны: «Объ итальянскихъ дипломатахъ съ XIII-го вѣка по XVI-й»; «Галлей и Ринъ»; «Аньоло-Фиренцуола» и «Герцогиня Паллане». Во второмъ томѣ замѣчательнъ отдѣлъ: «О расхищеніи французами флорентинскихъ сокровищъ».

— Берлинскій книгопродавецъ Нессельманъ началъ недавно издавать: *Жизель и произведенія живописцевъ всѣхъ вѣковъ и народовъ*. Это — біографіи всѣхъ художниковъ древнихъ и новыхъ временъ. Книга составлена не для однихъ техниковъ, но и для всѣхъ образованныхъ читателей.

— König Monmouth, драма Эмиля Памеске. Это произведеніе принадлежитъ къ замѣчательнымъ явленіямъ литературы. Это не спекуляція на аплодисменты толпы. Многія мѣста драмы привлекутъ и вниманіе знатоковъ. Конечно, выборъ героя (Монмоута) несовсѣмъ удаченъ. Характеръ его слишкомъ-мягкій, неопредѣленный, не можетъ привлечь вниманія, человѣкъ, которому возлюбленная его говорить, что онъ *ребенокъ* — не годится для драматическаго героя.

— Лудвигъ Штейбъ издалъ нѣсколько новыхъ повѣстей. Замѣчательнѣйшая изъ нихъ: *Die Trompete*, сельскій рассказъ, и *Staatsdiener—Aspirant*. Последнюю можно только упрекнуть въ длиннотѣ. *Erinnerungen aus dem Esthland*, напротивъ того, слишкомъ-коротко. *Drei Woche am Bodensee* ничто иное, какъ газетныя статьи, которыхъ не слѣдовало отдѣльно печатать.

— Julian, vom Freikerrn v. Eichendorf. Исторія Римскаго императора Юліана-Отступника, написанная въ формѣ романа.

— Набана, стихотворенія Адольфа Бетхера: Тамъ, гдѣ онъ описываетъ природу, поэтъ вездѣ прелестенъ; онъ, кажется, знаетъ это и ужъ слишкомъ-часто превращается изъ поэта въ живописца.

— На шведскомъ языкѣ вышло слѣдующее замѣчательное сочиненіе: Mathias Alexander Castren, *tecknad op Carl Gustav Berg. (Матіасъ Александръ Кастренъ, описанный Карломъ Густавомъ Боргъ)*. Между филологами, изслѣдовавшими сѣверные языки, Кастренъ занимаетъ первое мѣсто по своимъ безчисленнымъ лингвистическимъ работамъ, внушеннымъ любовью къ наукѣ. Онъ изучилъ финскій языкъ во всѣхъ видахъ, во всѣхъ діалектахъ, нашелъ его исторію и привязанъ къ своему національному языку съ гордостью ученаго. Поэтому-то и труды его имѣютъ особенный характеръ твердости и даже героизма; разысканія діалектовъ требовали утомительныхъ путешествій. Кастренъ переносилъ холодъ Сибири и Лапландіи, жилъ въ шалахахъ Самоѣдовъ, терпѣлъ разныя лишения, пренебрегалъ здоровьемъ и даже жизнью. Боргъ, другъ и товарищъ знаменитаго филолога, въ Академіи Гельсингфорской составилъ записки о трудахъ Кастрена.

Ученый этотъ родился въ 1813 году въ Тервола, гдѣ отецъ его былъ пасторомъ. Первые годы жизни провелъ онъ въ родительскомъ

домѣ и учился вмѣстѣ съ братьями. Спокойная и счастливая жизнь Кастрена продолжалась недолго: отецъ его умеръ, когда мальчику было одиннадцать лѣтъ; мать осталась въ бѣдности съ восьмью дѣтми. Вдова не могла продолжать воспитанія сыновей, но добрые родственники помѣстили Кастрена въ Улеборгскую Школу, гдѣ онъ сдѣлалъ быстрые успѣхи. Получивъ лестные аттестаты, онъ вступилъ шестнадцать лѣтъ въ университетъ и, чтобъ не прибѣгать къ помощи родныхъ, началъ давать уроки. Посреди всѣхъ занятій онъ находилъ время, ночью, учиться греческому языку — такъ сильна была его страсть къ наукамъ. Ненадобно думать, что онъ избѣгалъ удовольствій, свойственныхъ его лѣтамъ; онъ любилъ всѣ размечени: прогулки, охоту, движенія, которыя укрѣпляли его и приготавливали къ долгимъ путешествіямъ. Въ то же время онъ приучалъ себя къ самой скромной и умеренной пищѣ, какъ-бы предвидя, что во время странствованія ему часто придется поститься, или самому приготавливать свой скромный обѣдъ. Слушая университетскій курсъ, онъ изучилъ германскую литературу и философію, и съ увлеченіемъ читалъ Гёте, Шиллера, Гегеля.

Въ 1836 году онъ блистательно выдержалъ экзамень и самъ открылъ курсъ восточныхъ языковъ. Скоро, однако, онъ отказался отъ этого занятія, чтобъ заняться исключительно изученіемъ національнаго языка. Въ это время изданіе *Калевалы* произвело большое влияние на соотечественниковъ Кастрена и заставило ихъ заняться своимъ языкомъ и литературою. Молодой ученый одинъ изъ первыхъ произвелъ это движеніе, написавъ *Нѣсколько словъ о Калевалѣ*. Въ это время попались ему филологическіе труды Раска и онъ еще болѣе пристрастился къ прекрасному языку *Суомии*. Къ-несчастью, онъ не могъ совершенно предаться любимому занятію, потому-что ему надобно было работать для пропитанія, и сколько разъ, несмотря на всѣ его старанія и труды, онъ доходилъ до крайности и бѣдность останавливала его работы. Однако дѣятельность ученаго не останавливалась. Въ 1836 году онъ началъ издавать *Morgenblad*, гдѣ помѣстилъ двѣ превосходныя статьи: *О Колдовствѣ Финновъ* и *о Волшебныхъ лекарствахъ въ Финляндіи*.

Одинъ изъ его товарищей, докторъ Кристіернъ, предложилъ Кастрену проѣхать по Финской Лапландіи. Разумѣется, онъ согласился съ радостью и, несмотря на быстроту этого путешествія, успѣлъ сдѣлать нѣсколько полезныхъ замѣчаній и рѣшился твердо посвятить себя изученію финскаго языка, какъ-скоро существованіе его будетъ обезпечено. Долго еще надобно было ему ждать, прежде-чѣмъ желаніе это могло исполниться.

Наконецъ въ университетѣ открылась ваканція на выгодное и спокойное мѣсто, и Кастрень могъ надѣяться, что получитъ его, какъ самый-достоинный кандидатъ. Но онъ не успѣлъ, или не умѣлъ хлопотать, и мѣсто было отдано другому. Эта неудача оскорбила ученаго, и такъ-какъ средства его истощались, онъ началъ искать мѣста помощника директора въ какой-нибудь школѣ, отложивъ на время свои планы. Въ это время Петербургская Академія Наукъ приготов-

яла экспедицію на сѣверъ Сибири и хотѣла пригласить въ нее Финляндца, который бы основательно зналъ финскій языкъ и литературу. Кастрень воспользовался этимъ случаемъ и предложилъ принять участие въ экспедиціи; но, къ-несчастью, она по какимъ-то обстоятельствамъ была отложена на неопредѣленное время. Новая эта неудача могла привести въ отчаяніе всякаго другаго, но Кастрень терпѣливо переносилъ всѣ несчастія и наконецъ судьба сжалилась надъ нимъ. Литературное Финское Общество поручило ему объѣхать восточную часть Финляндіи и Русскую Карелию, для отысканія мифологическихъ началъ Калевалы, магическихъ рунъ, легендъ, преданій и лирической поэзіи.

Возвратясь, въ 1839 году, онъ издалъ диссертацию подъ названіемъ: *Specimen de affinitate declinationum in lingua fennica, esthonica et lapponica*. На слѣдующій годъ онъ получилъ мѣсто въ университетѣ, и Литературное Общество выдало ему награду въ 500 рублей ассигнаціями, за превосходный переводъ Калевалы.

Окончивъ эту работу, онъ отправился съ Лёнротомъ въ Финскую, а потомъ въ Шведскую и Русскую Лапландіи. На дорогѣ онъ получилъ извѣстіе, что экспедиція въ Сибирь назначена и онъ принять, какъ лингвистъ и этнографъ. Кастрень наконецъ былъ у цѣли своихъ желаній. Во время приготовленій къ экспедиціи онъ жилъ въ Архангельскѣ и учился языку самоѣдовъ. Это было нелегко. Ученый, желая основательно изучить этотъ народъ, переселился на нѣсколько времени въ деревню Самоѣдовъ, переносилъ лишенія, холодъ, болѣзни, но твердо шелъ по назначенному пути, не боясь препятствій. Въ Сибири онъ тоже съ такимъ рвеніемъ исполнялъ предписанія Академіи, что здоровье его не на шутку разстроилось и онъ остановился въ Березовѣ лечиться. Тамъ одинъ опытный докторъ посоветовалъ ему недолго оставаться въ этомъ климатѣ и отложить на время ученія занятія, если онъ хочетъ поправиться. Кастрень повеловѣ послушался и вернулся въ Гельсингфорсъ, въ 1844 году.

Въ отечествѣ ожидала его радостная вѣсть. Академія Наукъ назначила ему вторую демидовскую премію и еще тысячу рублей на изданіе *зырянской грамматики*. Въ Гельсингфорсѣ онъ пересталъ исполнять совѣты докторовъ и продолжалъ работать дѣятельно. Въ томъ же году, послѣ экзамена, онъ сдѣланъ докторомъ; но всѣхъ познаній было еще мало ему, и онъ, встрѣтя между солдатами гарнизона черемиса, никакъ не могъ удержаться, чтобы не выучиться у него черемисскому языку. Онъ составилъ тоже черемисскую грамматику, которую Гельсингфорскій Университетъ издалъ на свой счетъ.

Чувствуя, наконецъ, что здоровье его поправилось, ученый рѣшился опять отправиться въ Сибирь. Петербургская Академія назначила ему 1000 руб. сер. жалованья; Финскій Университетъ тоже наградилъ его и онъ отправился съ г. Бергстади черезъ Петербургъ и Рязань въ Тобольскую Губернію. Тутъ онъ продолжалъ лингвистическія и этнографическія работы, потомъ перенесъ свои наблюденія въ Томскую Губернію, въ Енисейскую и вездѣ жилъ въ жалкихъ лачужкахъ, переносилъ голодъ и холодъ. Много твердости и любви къ наукамъ на-

добно имѣть, чтобъ подвергать жизнь свою опасности, не звать покой, удобствъ, и все это для того, чтобъ увеличить свои, и то обширныя, познанія.

Кастренъ два раза былъ въ Китаѣ, потомъ долженъ былъ остановиться въ Омскѣ, потому—что здоровье его опять разстроилось и принудило отдохнуть отъ утомительнаго пути. У него открылась простудная лихорадка съ сильными припадками, которые чуть не довели его до смерти, но, къ счастью, онъ поправился немного и вернулся въ свою родную Финляндію.

Имя его уже сдѣлалось извѣстно въ ученомъ мірѣ, работы его уважались, и Петербургская Академія назначила его своимъ членомъ, предоставивъ ему на волю жить въ Петербургѣ, или въ Финляндіи. Кастренъ, остался въ своемъ отечествѣ и началъ приводить въ порядокъ документы, собранные имъ во время путешествій. Черезъ годъ открылся курсъ народной финской литературы и университетъ назначилъ Кастрена профессоромъ, какъ самаго достойнаго изъ национальных ученыхъ. Эта радость имѣла печальное дѣйствіе на академика. Здоровье его, разстроенное далекими путешествіями и утомительными трудами, дѣлалось слабѣе и, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего назначенія, онъ умеръ, оплаканный всѣми, какъ ученый и какъ рѣдкій человекъ.

Кастренъ зналъ до сорока языковъ и нарѣчій и оставилъ безчисленные отчеты о своихъ изслѣдованіяхъ. Онъ составилъ три грамматики, написалъ нѣсколько академическихъ статей, филологическихъ диссертаций и любопытныхъ замѣчаній, помѣщенныхъ въ журналы *Суоми* и въ петербургской академической газетѣ. Онъ приготовлялъ лекціи исторіи и этнографіи алтайскихъ народовъ, написалъ финскую мѣлологію, отчетъ о всѣхъ своихъ путешествіяхъ. Словомъ: продолженіе четырнадцати лѣтъ онъ трудился неутомимо, чтобъ вывести изъ неизвѣстности родной свой языкъ и создать въ немъ литературу. Смерть не позволила ему кончить всего, что онъ предполагалъ сдѣлать, но все—таки онъ сдѣлалъ довольно для того, чтобъ имя его стояло въ первомъ ряду современныхъ филологовъ.

— Скажемъ теперь нѣсколько словъ о возрожденіи цивилизаціи и литературы въ современной Греціи, бросивъ взглядъ на состояніе Греціи, предшествовавшее нынѣшнему времени.

Напрасно приписываютъ возрожденіе искусствъ на Западѣ исключительно грекамъ, которые удалились туда послѣ взятія Константинополя. Конечно, они много способствовали этому движенію, но начало его было произведено еще прежде другими эмигрантами. Ненадобно тоже полагать, что Ласкарисъ и Вессарионъ принадлежали къ послѣднему поколѣнію ученыхъ въ Греціи. Страна эта никогда не бѣднѣла до—того, чтобъ въ ней истопились умные люди; и хотя простой народъ страдалъ отъ угнетеній въ жалкомъ невѣжествѣ, все—таки нрѣдка являлись люди съ необыкновенными способностями, удивлявшіе современниковъ. Конечно, безъ вліянія религіи исчезла бы и національность грековъ и языкъ ихъ; власть духовенства положила непреодолимую преграду между побѣдителями и побѣжденными. Эта привязанность

къ Церкви существовала и тогда, когда французы, слѣдующіе римскому исповѣданію, овладѣли Византією. Во все продолженіе католическаго владычества греки никакъ не могли сблизиться съ побѣдителями, хотя и христіанами.

Итакъ національность сохранилась только въ языкѣ и религіи грековъ. Разумѣется, языкъ эллиновъ претерпѣлъ много измѣненій и испортился, передаваемый униженными страдальцами, но все-таки онъ не исчезъ совершенно. Итальянскій языкъ ужъ не латинскій, тогда какъ современный греческій все-таки остался греческимъ. Виргилій ужъ не національный поэтъ Италіи, а Гомеръ все еще поэтъ эллиновъ. Церковь охраняла эту драгоценную національность; она употребляла всю власть, чтобъ помѣшать своимъ дѣтямъ сблизиться съ притѣснителями, и вотъ почему всѣ греки безконечно преданы своей религіи. Духовенство Греціи постоянно старалось о сохраненіи и распространеніи правилъ религіи, и власть его была надъ всѣми греками. Изъ этого числа надобно только исключить островъ Кандію и Іонійскіе Острова.

Въ XVII вѣкѣ являются первые проблески умственной жизни грековъ. Греки начинаютъ занимать важныя мѣста и, разумѣется, покровительствуютъ своей религіи. Потомъ начинаютъ создаваться школы и распространяться образованность. Имена Панойотакіи и Маврокордато стоятъ въ первомъ ряду просвѣтителей угнетенной націи. Потомъ правителями Молдавіи и Валахіи назначены были тоже греки, которые старались объ образованіи этихъ странъ, а главное, ввели греческій языкъ и сдѣлали его офиціальнымъ. Наконецъ, патриархи константинопольскіе способствовали всѣми силами о улучшеніи положенія своихъ бѣдныхъ соотечественниковъ и вокругъ нихъ собиравлось избранное образованное общество. Когда Венеція клонилась къ упадку, греки занялись торговлею и навигацією. Они наживали богатства, учреждали школы, основывали типографіи и начали заниматься изученіемъ древности, понемногу сблизаясь съ Западомъ. Вотъ каково было положеніе Греціи, когда, въ 1716 году, родился въ Корфѣ Евгеній Булгари.

Онъ началъ учиться въ школахъ Арты и Янины въ Эпирѣ и, по окончаніи курса, поступилъ въ духовное званіе.

Потомъ, послѣ путешествія въ Италію, онъ управлялъ школами въ Янинѣ, Розанѣ и Македоніи, и наконецъ сдѣланъ директоромъ только-что основанной школы на горѣ Аеонѣ. Онъ принялъ совершенно-новый планъ для обученія, началъ изучать древности, византійскую школу, давалъ просторъ всѣмъ способностямъ и не забывалъ ни одной науки. Онъ одаренъ былъ обширнымъ умомъ и приобрѣлъ энциклопедическія познанія. Много стоило ему трудовъ побѣдить древнюю систему, которой до него придерживались всѣ преподаватели, кромѣ древности, не хотѣвшіе ничего знать. Булгари имѣлъ одну цѣль: ввести образованность между греками, и употребилъ всѣ свои рѣдкія способности для достиженія ея. Онъ соединялъ въ себѣ качества, достаточныя для прославленія нѣсколькихъ людей и былъ въ одно время дѣятельный святитель, краснорѣчивый проповѣдникъ,

талантливый писатель, теологъ, математикъ, словомъ : не было ни одной отрасли науки, которую бы онъ не изучилъ основательно. Удивительно ли, что онъ открылъ новую эру въ литературѣ Греціи? Бугари постепенно знакомилъ свое отечество съ новыми открытіями, изобрѣтеніями, но не забывалъ своихъ религіозныхъ обязанностей, за что высшее доховенство отличало его и наконецъ перевело въ Константинополь съ титуломъ референдарія. Несмотря на всѣ заслуги, замѣчательный этотъ человекъ принужденъ былъ отказаться отъ преподаванія. Зависть и интриги заставили его бросить начатые труды и удалиться въ Лейпцигъ. Такъ-какъ въ это время началась война между Россією и Турцією, то Бугари окончательно поселился въ Лейпцигъ и издалъ тамъ большую часть своихъ сочиненій. Императрица Екатерина призвала его въ Россію и назначила его въ Херсонъ, но ученый недолго занималъ это мѣсто и, возвратясь въ Петербургъ, умеръ въ 1806 году посреди своихъ ученыхъ и литературныхъ занятій. Большая часть его сочиненій написана на древнемъ греческомъ языкѣ, на современномъ тоже много образцовыхъ произведеній. Бугари приготовилъ путь для Коран, который окончилъ планы своего предшественника, относительно обученія юношества.

Съ этого времени умственное движеніе быстро подвигается впередъ. Учебныя заведенія умножаются и дѣлаются извѣстны своими трудами. Являются люди, имена которыхъ будутъ вѣчно жить въ памяти эллиновъ : Теотокисъ изъ Корфу, знаменитый проповѣдникъ и физикъ, Ламбросъ Фоміадесъ, Констандасъ, Вардалахосъ, Кумасъ, Комитасъ и другіе были распространителями просвѣщенія и не успѣли оставить послѣ себя ни одного сочиненія — такъ они были заняты своими обязанностями. Школы и учителя напоминали древнія времена.

Въ 1813 году основалось въ Афинахъ общество *филомузовъ*, имѣвшее цѣлью распространеніе образованности и сохраненіе древнихъ памятниковъ отъ варварства турковъ. Значительные люди, ученые, правители добивались чести быть принятыми въ это общество. Въ то же время начали выходить въ Вѣнѣ два періодическія изданія : «Телеграфъ Эллиновъ» и «Ученый Меркурій» (*logius hermes*), сообщавшіе грекамъ обо всѣхъ успѣхахъ въ наукахъ и искусствахъ.

Въ 1821 году началось возстаніе. Всѣ друзья грековъ думали, что народъ этотъ не былъ еще довольно приготовленъ къ борьбѣ и долженъ былъ подождать. Всѣ школы закрылись, но, по-счастью, одинъ изъ приверженцевъ Греціи основалъ университетъ въ Корфу и, притомъ, молодые греки не переставали, во все продолженіе войны за независимость, посѣщать университеты Франціи, Германіи, Англіи, Италіи.

Каподистрія при самомъ прибытіи въ Грецію, обратилъ вниманіе на народное воспитаніе, и правительство короля Оттона, занялось тоже этимъ предметомъ, хотя нелегко было привести все въ порядокъ послѣ такой разрушительной войны. Вся Греція была грудой развалинъ. Деревни, города исчезли, поля были необработаны. Масса народа оставалась въ томъ же невѣжествѣ, но природный умъ за-

мѣнялъ познанія; почти всѣ женщины не умѣли ни читать, ни писать; въ албанскихъ селеніяхъ не говорили погречески, и греки, поселившіеся въ азіатскихъ провинціяхъ, не только позабыли національный языкъ, но даже не знали, что соотечественники ихъ приобрѣли независимость.

И что жъ? Прошло едва-ли двадцать-пять лѣтъ, и въ Греціи открылись 485 школъ для 47,000 учениковъ. 750 профессоровъ преподаютъ всѣ науки; книгопечатаніе способствуетъ распространенію познаній; издаются 28 журналовъ. Въ Аѳинскомъ Университетѣ образуются преподаватели, доктора, духовенство; все новое поколѣніе безъ различія класса, состоянія, пола умѣетъ читать и писать. Наконецъ, современный греческій языкъ вытѣснилъ всѣ другіе діалекты. Каждый годъ молодые профессора отправляются изъ Аѳинъ въ Турцію и Азію и открываютъ вездѣ школы, передавая познанія, а главное, напоминая всѣмъ о національности и приготавливая къ окончательному освобожденію христіанъ отъ власти турковъ. Эти миссіонеры цивилизаци и эллинизма ввели опять въ употребленіе греческій языкъ въ провинціяхъ Малой Азіи.

Греція обязана также много Филекпайдетическому Обществу, которое образуетъ молодыхъ дѣвушекъ, даетъ имъ дипломы и помѣщаетъ въ лучшія семейства. Заведеніе это находится подъ покровительствомъ королевы и пользуется заслуженною репутаціею. Сюда присылаютъ дѣтей изъ дальнихъ городовъ и окончившія курсъ дѣвицы приносятъ образованность въ дальнія провинціи.

Развитіе новаго поколѣнія продолжается съ большою дѣятельностью; познанія его увеличиваются вмѣстѣ съ опытностью.

Географическое положеніе Греціи также не мало способствуетъ умственнымъ успѣхамъ. Жаль только, что до-сихъ-поръ не основали еще греческаго театра. Не-уже-ли въ этомъ народѣ не нашлись бы актѣры? У нихъ ужъ есть Іоаннъ Цамбели, подражатель Альфѣри, Риозъ Нерулосъ, Аристіасъ, хорошій трагическій писатель, Пикколосъ, переводчикъ Павла и Виргиніи, Булгари и другіе. Но драматическое искусство не можетъ подвигаться впередъ, когда нѣтъ народной сцены. Будъ въ Аѳинахъ національный театръ—и литература и языкъ, сдѣлали бы новые успѣхи. Одно изъ важнѣйшихъ препятствій къ основанію греческаго театра — невозможность найти актрисъ. Теперь не то время, когда Корнелій Непотъ говоритъ, что въ Спармѣ каждая женщина охотно выходитъ на сцену.

Вышніе классы народа быстро идутъ къ усовершенствованію. Въ литературѣ есть превосходные писатели; только великихъ поэтовъ нѣтъ у современныхъ эллиновъ. Кристопулосъ, счастливый подражатель Анакреона, извѣстенъ во Франціи по переводамъ. Гимнъ Саломоса тоже переведенъ и содержитъ въ себѣ много превосходныхъ мыслей. Между молодыми поэтами назовемъ Танталидеса, который подаетъ большія надежды, но который, къ-несчастью, ослѣпъ; Попъ, Изидоръ Скилицисъ, Мавройанисъ изъ Кефалоніи, Парменидъ, Карацупасъ, Гіанопулосъ сдѣлались извѣстны многими твореніями.

Въ этихъ народныхъ стихотвореніяхъ Греціи сохранился поэти-

чекій духъ ея, освобожденный отъ вліянія древности. Греческія вѣдѣнія достойны изученія: онѣ оригинальны, навны, живописны, сѣлы. Гёте перевелъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Жаль, что филологія приходитъ въ упадокъ и послѣ Коран и Дукъ осталось мало извѣстныхъ эллинистовъ.

Греческой литературѣ, какъ и всякой начинающей свое поприще, конечно, необходимо одобреніе и похвалы; но отсутствіе всякой критики тоже можетъ повредить ей и произвести безчисленное множество слабыхъ писателей. Упрекаютъ аѳинскую литературу въ томъ, что она подражаетъ французской. Было время, когда весь міръ подражалъ Греціи и находился подъ ея вліяніемъ. Впрочемъ, этотъ упрекъ можно было сдѣлать всѣмъ народамъ. Всѣ подражаютъ другъ другу, и Франція, подражавшая въ началѣ своего литературнаго поприща древней Греціи, подражала потомъ Италіи, Испаніи и иногда заимствовала даже у Германіи и Англіи.

О изящныхъ искусствахъ не упоминаемъ. Отечество Фидіа, Праксителя, Апеллеса не произвело еще достойныхъ художниковъ; но будемъ надѣяться, что и искусства въ свою очередь возродятся въ этомъ народѣ, живо-понимающемъ все прекрасное.

— Перейдемъ къ французской литературѣ. Вотъ замѣчательныя сочиненія послѣдняго времени.

— Constantinople (*Константинополь*) соч. Теофила Готье. Книга эта съ названіемъ, имѣющимъ современный интересъ и подписанная однимъ изъ блистательныхъ именъ французской литературы, должна имѣть огромный успѣхъ. И надобно признаться, что успѣхъ этотъ будетъ самый заслуженный, потому-что писатель не пожалѣлъ ни таланта, ни остроумія, чтобъ сдѣлать очеркъ свой достойнымъ общаго вниманія. Кому не любопытно видѣть живую панораму страны, къ которой обращены теперь всѣ взоры? Можно сказать, что авторъ не потерялъ своего времени, предпринявъ путешествіе въ Босфоръ. И онъ былъ еще такъ счастливъ, что попалъ въ самое веселое время, когда рамазанъ окончился и мусульмане, послѣ строгаго поста, праздновали по-своему наступленіе весны. Теофилъ Готье видѣлъ пляшущихъ и ревушихъ дервишей, базары, мечети, кладбища, пожары — словомъ всѣ достопримѣчательности Константинополя, и все это въ лучшее время года, и подъ теплымъ южнымъ небомъ. Искусство автора въ изображеніи чудныхъ картинъ уже извѣстно, и его путешествія въ *Италію* и *Испанію* доказали гениальность его кисти. *Константинополь* нисколько не уступаетъ первымъ картинамъ Теофила Готье, а слогъ въ немъ оригинальнѣе и живописнѣе. Правда, что это не всѣмъ нравится. Но о вкусахъ нельзя спорить. Упрекаютъ также автора, что онъ, не находя французскій языкъ достаточнымъ для выраженія своихъ мыслей, выдумываетъ новыя слова, не заботясь, поймутъ ли его читатели. Все это справедливо; но слова, изобрѣтенныя Готье, всегда ясно и поразительно изображаютъ то, для чего у французовъ еще нѣтъ названія, и хотя они кажутся странными, но все-таки понятны, а главное, коротки и не требуютъ длинныхъ объясненій. Притомъ же эта оригинальность придаетъ больше блеска и жи-

юписи слогу, какъ яркй колоритъ придаетъ больше прелести картинѣ.

— *Supplément à l'anthologie grecque, contenant des épigrammes et autres poésies légères inédites, précédé d'observations sur l'antologie et suivi de remarques sur divers poètes grecs* (Дополненіе къ греческой антологіи, содержащее въ себѣ эпиграммы и другія легкія, неизданныя стихотворенія, съ замѣчаніями на антологию и произведенія разныхъ греческихъ поэтовъ). Подъ этимъ названіемъ Пикколось издалъ любопытный сборникъ. Замѣчанія его объ антологіи были уже изданы частью въ *Обзоръ Филологіи*, древнія эпиграммы напечатаны были въ первый разъ Крамеромъ, въ его сочиненіи подъ названіемъ: *Anecdota graeca*, но Пикколось выбралъ изъ нихъ въ новомъ сборникѣ только лучшія. Онъ воспользовался также недавнимъ изданіемъ Матранга въ Римѣ и выбралъ оттуда эротическую оду Константина Сицилійскаго и нѣсколько эпиграммъ, которыя принужденъ былъ исправлять по подлиннику, потому—что переводы Крамера и Матранга не всегда вѣрны.

Неизданныя стихотворенія взяты изъ рукописей лорентинской бібліотеки; и хотя самъ Пикколось сознается, что нѣкоторыя изъ книгъ были уже напечатаны, но знаменитый эллинистъ ясно доказалъ, что всѣ прежніе переводы неточны. Любопытнѣе всего въ этомъ изданіи письма, ненапечатанныя еще нигдѣ, Коран, Вильоазона и Шардона де-ла-Рошета объ антологіи. Одни эти письма могутъ составить успѣхъ всякой книги, но кромѣ нихъ есть въ сборникѣ Пикколоса много любопытныхъ предметовъ, какъ-то двѣ басни Бабріуса, рассужденіе о буколическихъ поэтахъ, замѣчанія объ Эсхилѣ и Софоклѣ, стихи Мэнандра, Архилоха и много другихъ драгоценныхъ остатковъ древности собранныхъ трудолюбивымъ авторомъ въ одно прекрасное цѣлое. Послѣ этого изданія Пикколоса, прежняя *Греческая антологія*, служащая для изученія, дѣлается уже неполною и требуетъ много прибавокъ.

— *Notes sur les fouilles exécutées par M. Mariette auteur du grand sphinx de Giseh* (Записки о работахъ, произведенныхъ г. Мариетомъ вокругъ большаго джизегскаго сфинкса). Мысль о разрытіи земли вокругъ колоссальнаго сфинкса, была внушена недавнимъ изданіемъ Бирша. Этотъ ученый нашелъ въ бумагахъ Кавилья планъ, доказывающій, что антикварій этотъ тоже занимался работами вокругъ сфинкса джизегскаго и что онъ открылъ нѣсколько комнатъ, насыщенныхъ теперь пескомъ и имѣющихъ сообщеніе съ стѣною, которая окружала древній памятникъ. Такъ—какъ справедливость изысканій Кавильи была доказана, то герцогъ де-Люинъ, извѣстный своею страстью къ археологіи, предложилъ Мариеттѣ оставить наврема начатыя работы въ Серапеумѣ и заняться сфинксомъ.

Трудолюбивый антикварій тотчасъ же отправился къ назначенному мѣсту, гдѣ надѣялся принести пользу наукѣ, и началъ свои изслѣдованія. Такъ—какъ время не позволяло ему заняться подробнымъ описаніемъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ открытій, то онъ набросалъ только свои замѣчанія; но и ихъ достаточно, чтобъ имѣть полное понятіе о

сфинксъ и храмъ, который, какъ кажется, вмѣщаетъ въ себя этотъ огромный монументъ.

Комнаты, означенныя археологомъ Кавилля, извѣстны путешественникамъ Вилькинсону и Лепсіусу и совсѣмъ не погребены подъ горами песку, потому—что любопытные ночуютъ въ нихъ, когда приходятъ осматривать пирамиды. Теперь въ нихъ нѣтъ никакихъ надписей, хотя и остались слѣды іероглифовъ. Все, что можно было отъ нихъ отломать, увезено англичанами, и вѣроятно находится въ Британскомъ Музеумѣ.

Такъ—какъ комнаты на сѣверо—западъ отъ сфинкса не представляли ничего любопытнаго, Мариеттъ занялся самымъ сфинксомъ и рѣшился очистить его подножіе, давнопокрытое цѣлыми горами песку и самъ монументъ по шею покрытъ обломками. Много трудовъ и времени надобно было употребить на разрытіе сфинкса. Наконецъ открылась стѣна, окружавшая сначала весь памятникъ, потомъ слѣды строеній, а наконецъ и самый сфинксъ. Мариеттъ началъ работы съ сѣверной его стороны, полагая, что если памятникъ этотъ служилъ мѣстомъ погребенія, то выходъ долженъ быть съ той же стороны, какъ и въ пирамидахъ. Въ—продолженіе двадцати дней и ночей разрывали землю съ одной стороны и наконецъ открыли плиту, на которой лежало египетское чудовище.

Подъ сфинксомъ этимъ нѣтъ пьедестала, хотя всѣ остальные подобныя памятники лежатъ на стилобатахъ, и Мариеттъ объясняетъ это тѣмъ, что сфинксъ высѣченъ былъ изъ природной скалы, а не составлялъ искусственное произведение, и что рѣзецъ дотрогивался только до головы чудовища, которая отдѣлана превосходно. Есть много другихъ памятниковъ, приписываемыхъ искусству, тогда—какъ они произведение природы; пирамида Илагума можетъ служить доказательствомъ этому. Притомъ же греческія надписи подтверждаютъ это мнѣніе. Одна изъ нихъ говоритъ, что боги дали пирамидамъ сосѣдей; въ другой сказано: *Тѣло твое изсѣчено богами*. Не можетъ быть также, чтобъ вѣтры навесли такое огромное количество отвердѣвшаго песку, но вѣроятно, что монументъ былъ съ намѣреніемъ зарытъ людьми.

Сфинксу поклонялись египтяне, какъ олицетворенію солнца, представленнаго въ видѣ лежачаго льва съ человѣческою головою. Сохранившіеся рисунки изображаютъ поклоненіе этому богу египетскаго пантеона.

Вся длина сфинкса отъ оконечности лапъ до начала хвоста 173 фута 6 дюймовъ, и Мариеттъ увѣряетъ, что на всемъ этомъ пространствѣ съ сѣверной стороны монумента нѣтъ ни одного входа въ подземныя комнаты. Единственная дверь, ведущая туда, находится возлѣ стѣны на южной сторонѣ, и такъ—какъ она покрыта цѣлыми горами песку, то надобно было много времени и трудовъ, чтобъ расчистить этотъ входъ. Первая галерея имѣетъ 18 футовъ вышины и 7 футовъ ширины; направо идетъ другая галерея, немного—меньше, и оканчивается комнатою; налѣво большая галерея все болѣе углубляется въ землю и неизвѣстно гдѣ оканчивается.

Удивительна постройка и выборъ матеріаловъ въ этихъ подземельныхъ храмахъ. Вся большая дверь сдѣлана изъ цѣльнаго розоваго гранита, стѣны галерей тоже гранитныя, а полъ изъ восточнаго алебастра. Въ маленькой комнатѣ полъ и потолокъ гранитные, а стѣны алебастровыя. Простота стила изумительна и блескъ алебастровыхъ стѣнъ при свѣчахъ производитъ поразительный эффектъ. Къ-несчастью, нигдѣ нѣтъ надписей, которыя могли бы доказать рѣшительно, кто основатель этихъ циклопическихкихъ строеній. Барельефовъ тоже нѣтъ ни на сфинксахъ, ни на стѣнахъ; только на нѣкоторыхъ столбахъ, открытыхъ близъ монумента, вырѣзаны нѣкоторые религиозные обряды, въ которыхъ египетскіе фараоны поклоняются олицетворенію солнца и приносятъ ему жертвы. На одномъ изъ нихъ изображенъ Тутмесь IV, стоящій передъ сфинксомъ; но украшения и принадлежности бога относятся къ архитектурному стилю первыхъ династій. Стало-быть, Тутмесь исправилъ или передѣлалъ этотъ храмъ, но не былъ его основателемъ. Можно еще теперь прочитаты надпись, заключающую въ себѣ слова сфинкса къ Тутмесу IV: *Ты мой сынъ и я говорю съ тобою какъ отецъ, я смотрю на тебя, я солнце, животворное светило Ра, Тутм... я дамъ тебѣ власть... я хочу, чтобъ ты носилъ на тронѣ Сева бѣлую и красную корону и чтобъ міръ принадлежалъ тебѣ въ длину и ширину...* Къ-несчастью, конецъ надписи истребленъ, а можетъ-быть, по ней узнали бы наконецъ, кто строитель сфинкса. Полагаютъ, что это фараонъ *Шафра* (Шезренъ), которому приписываютъ и основаніе второй пирамиды.

Мариеттъ оказалъ большія услуги археологій открытіями своими въ подземельяхъ Серапеума, и работы его вокругъ джизетскаго сфинкса еще важнѣе, потому-что открыли новое любопытное зданіе, которое поведетъ къ замѣчательнымъ ученымъ изслѣдованіямъ.

— *Histoire de la reunion à la France des provinces de Bresse, Bugey et Gec, sous Charles Emmanuel I.* (*Исторія присоединенія къ Франціи провинцій Бресской, Бюгейской и Гекской при Карлѣ Эммануилѣ I-мъ*). До XVI вѣка государственная и военная граница Франціи простиралась только до лѣваго берега Саоны. Рѣка принадлежала Франціи точно также, какъ единственный мостъ, называемый Макоискимъ и находящійся между Шаломомъ и Лионе. Генрихъ IV завоевалъ у Савойи земли, находящіяся между Роною и Саоною, которыя составляютъ теперь Энскій Департаментъ. Этотъ эпизодъ изъ французской исторіи разсказанъ г Бо (Ваух) очень-занимательно по документамъ, до-сихъ-поръ еще неизвѣстнымъ.

Эммануилъ Филибертъ, видя разореніе своихъ провинцій французами и неимѣя возможности имъ противиться, перешелъ за Альпы и перенесъ столицу изъ Шамбери въ Туринъ. Вся Савойя покрылась крѣпостями, набрала армию въ 22,000 человекъ и учредила оружейныя и литейныя заводы. Для 1,200,000 подданныхъ этого было очень-много. Страна эта пришла въ цвѣтущее положеніе. Учреждены были плантаціи для шелковыхъ червей, основаны фабрики шерстяныхъ и шелковыхъ матерій; дано сильное движеніе морской торговлѣ. Старанія правителя залечили всѣ раны войны и сдѣлали сильное военное

государство изъ слабой страны съ невыгодныхъ географическихъ положеніемъ.

Сынъ его, Карлъ Эммануилъ, не послѣдовалъ мудрой политикѣ отца. Онъ вздумалъ покорить Женеву, Маркизатъ Салюссій; но такъ какъ Франція покровительствовала первому городу, то онъ сдѣлался союзникомъ Испаніи, получилъ тамъ шпагу Франциска I, потерянную при Павіи, и женился на инфантѣ безъ приданого.

Въ 1536 году, послѣ Кальвина, Женева освободилась отъ владычества Савойи и не сдавалась ни на какія предложенія Филиберта Эммануила. Сынъ его прибѣгнулъ къ оружію. Но мудро было покорить этотъ народъ. Женевцы рѣшились умереть до послѣдняго, только не сдаться врагу.

Тогда Карлъ Эммануилъ обратился къ салюсскому маркизату и просилъ помощи у Гизовъ. Послѣ многихъ трудовъ и подкуповъ отъ овладѣлъ имъ и возгордился этимъ до-того, что, послѣ смерти Генриха II, объявилъ свои права на французскій престолъ, потому-что но матери приходился внукомъ Франциска I. Онъ представлялъ тогда важность своего союза съ Испанією и ненависть къ еретикамъ и особенно къ Генриху наварскому. Послѣ онъ требовалъ если не французскаго престола, то провинцій Лионѣ, Дофиннѣ и Прованса. Онъ даже двинулся въ эту послѣднюю провинцію, гдѣ ему сдѣлали великолѣпный пріемъ, но въ то же время Ледигеръ съ французскими войсками вошелъ въ Савойю, снялъ осаду съ Женевы и разбилъ при Понт-Шара войско Карла Эммануила.

Генрихъ IV между-тѣмъ принялъ католицизмъ и вся Франція перешла на его сторону; одинъ герцогъ савойскій не хотѣлъ признать его, надеясь на родство съ Испанією; но когда французскія войска завладѣли Брессомъ и разбили испанцевъ, Филиппъ II поспѣшилъ заключить миръ съ Генрихомъ IV, отказавшись помогать своему зятю. Наконецъ всѣ крѣпости и города сдались или предались французамъ, и у герцога савойскаго осталась одна крѣпость Бургъ; тогда онъ согласился на миръ и былъ очень-радъ, что ему оставили маркизатъ салюссій, отнявъ всѣ земли между Ронаю и Саоною.

Г. Бо описываетъ бѣдность и несчастіе провинцій, гдѣ происходила война. Голодъ и болѣзни изнуряли жителей, селенія и города стали въ развалинахъ.

Этотъ добросовѣстный трудъ займетъ почетное мѣсто въ библиотекѣ. Напрасно только Бо пишетъ въ видѣ хроники, а не исторія, и дѣлаетъ сравненія съ современными событіями. Не мѣшало бы также автору прибавить географическую карту того времени, потому-что читатель, не зная границъ Франціи той эпохи, не пойметъ, какія земли принадлежали ей и какія герцогу савойскому.

— *Recherches sur l'origine du blason et en particulier sur la fleur de lis. (Разысканіе о происхожденіи гербовъ, и особенно о гербѣ лилія)*. По мнѣнію г. де-Бомона, гербы имѣли начало на Востокѣ. О лиліяхъ же де-Бомонъ говоритъ, что на египетскихъ памятникахъ поминутно встрѣчается изображеніе этого цвѣтка. У арабовъ, персовъ, ассиріянъ, вавилонянъ, на древнемъ Востокѣ точно такъ

же, какъ на современномъ, лилія была символомъ Юга, то-есть теплоты и плодородія, и рыцари первыхъ крестовыхъ походовъ переняли это украшение и передали французскимъ королямъ. Авторъ восточной геральдики знаетъ очень-хорошо, что доводовъ его нельзя опровергать, точно также, какъ не противорѣчили писателямъ, увѣрившимъ, что лилія во французскомъ гербѣ означала *короны, звезды, пчелы, колья* и пр. Всѣ предположенія вѣроятны, когда нѣтъ никакихъ доказательствъ. Разумѣется, вѣроятнѣе всего, что короли французскіе приняли гербомъ лилію въ евангелическомъ ея значеніи.

Трудно согласиться съ авторомъ, что даже турниры были изобрѣтены на Востокѣ, тогда-какъ готы давали военные игры и Лудвигъ германскій, при свиданіи съ Карломъ-Лысымъ, давалъ праздникъ, на которомъ дворяне изъ свиты обоихъ принцевъ представляли битву, чтобъ показать свое искусство въ ратномъ дѣлѣ. Рыцарское монашество тоже произошло не на Востокѣ, на что есть ясныя доказательства. Несмотря однако на промахи, книга де-Бомона очень-любопытна, но главное ея достоинство составляютъ превосходные рисунки, знакомящіе читателя съ искусствомъ орнаментаціи въ Европѣ и Азіи.

— *Récits de l'histoire de France. Première période: la Gaule indépendante et la Gaule romaine. (Разказы о французской исторіи соч. Куржона. Первый періодъ: Галлія Независимая и Галлія Римская).* Изученіе національной исторіи вошло теперь въ курсъ всякаго воспитанія, и потому историческія книги необходимыѣ чѣмъ всякія другія. Къ-несчастью, первыя времена Галліи совсѣмъ не такъ занимательны, какъ происхожденіе Греціи и Рима. Тамъ въ самомъ началѣ встрѣчаются герои и великіе подвиги. Въ древней же Галліи спаслись отъ забвенія только два имени: Бреннъ и Верцингеториксъ. Войны Греціи и Рима нашли писателей, обезсмертившихъ подвиги героевъ, тогда-какъ борьба Галліи съ побѣдителями разсказана неприятелемъ, который могъ съ намѣреніемъ скрыть подвиги враговъ. Позже варвары не нашли въ Галліи большого сопротивленія и завоеванія эти разсказаны духовными писателями, преданными франкамъ. Исторія новыхъ побѣдителей представляетъ цѣлый рядъ преступленій и безпорядковъ, на которыхъ грустно остановиться. Вотъ отчего мало желающихъ изучать первоначальную исторію Франціи и отчего мало описаній этихъ эпохъ. Огюстенъ Тьері въ своихъ разсказахъ о меровингскихъ временахъ остался лучшимъ историкомъ. Г-жа Тастю написала тоже хорошій, хотя и краткій курсъ исторіи; но оба эти писателя начали съ эпохи вступленія франковъ въ Галлію, а не съ исторіи галловъ. Куржонъ взялся, въ видѣ разсказовъ, представить первоначальную исторію независимой Галліи, чтобъ сдѣлать ее понятнѣе и доступнѣе для читателей. Авторъ предупреждаетъ, что онъ пишетъ не исторію, а только этюды историческихъ событій, которые связываетъ между собою. Несмотря на эту скромность, исторія его все-таки самая лучшая книга для ознакомленія съ древнею Галліею. Метода и слогъ Куржона превосходны, познанія обширны и онъ умѣлъ придать столько величія и твердости геройской защитѣ Верцингеторикса, что невольно трогаетъ читателя,

Какъ занимательны усилія Викторин, самопожертвованіе Эпоинни, отчаяніе багодовъ, страданіе первыхъ гальскихъ мучениковъ—христанъ!

Трудъ Куржона полезенъ и приноситъ честь университету, въ которомъ этотъ писатель одинъ изъ почетныхъ членовъ.

— *Pensées détachées, recueillies par la Marquise Christine Coraie San Marzano.* (Отдѣльныя мысли, собранныя маркизою Христиною Корайль-сан-Марсано). Авторъ этой книги богатая, свѣтская дама, у которой собирается лучшее туринское общество. Она съ особенною любовью занимается литературою и завела собственную свою типографію, въ которой печатаетъ свои сочиненія. Новая книга ея наполнена афоризмами, которые блестятъ умомъ и глубокомысліемъ.

— *Grains de mil. Poésies et pensées par Henri Frederic Amiel.* (Семена Проса, стихи и мысли Генриха Фредерика Амьеля). Писатель этотъ занимаетъ мѣсто профессора въ Женевской Академіи и можетъ назваться настоящимъ артистомъ и мыслителемъ. Какъ поэтъ, онъ не принадлежитъ ни къ какой школѣ мыслителей и системъ. Амьель не боится даже нововведеній въ поэзіи; и хотя не всё они счастливы и удачны, но доказываютъ оригинальность, что очень рѣдко въ наше время. Стихъ поэта тоже иногда натануть и не всегда гладокъ, но эти достоинства достигаются практикой и, вѣроятно, при второмъ томѣ, изданномъ Амьелемъ, стихи будутъ легки и гладки. Вообще оригинальность поэта напоминаетъ смѣлый стихъ Теодора Готье, только Амьель занимается не столько отдыкою фразъ, сколько музыкальностью ритма. Вотъ одно изъ гармоническихъ стихотвореній, подъ названіемъ : *Съверная весна.*

Linotte
Qui frigotte,
Dis, que veux-tu de moi?
Ta note
Qui tremblote
Me met tout en émoi.

La grue
En l'étendue
A glissé, trait d'argent;
Dans l'anse
Se balance
Le cygne négligent.

La follette
Alouette,
Gai chantré des beaux jours,
Dans l'azur libre
Vibre
Appelant les amours.

Мысли Амьеля тоже заслуживаютъ особеннаго вниманія. По всему видно, что онъ въ единеніи анализировалъ собственные свои впечатленія. Но онъ и въ психологіи остается поэтомъ и разсуждаетъ бо-

ше сердцемъ чѣмъ головою. Небольшія стихотворенія его, какъ-то: *Ночь на берегу*, *Если ты меня любишь*, *Книга на трехъ языкахъ* и пр., превосходны, и стихъ такъ простъ, что кажется самымъ обыкновеннымъ языкомъ.

Стихи занимаютъ только половину книги Амьеля, другая половина наполнена мыслями, правилами, изречениями и пр. Это отдѣленіе такъ же замѣчательно, какъ и первое, и поэтъ является глубокимъ мыслителемъ. Вотъ нѣкоторые изъ его афоризмовъ :

«Счастье должно быть всегда обоюдное, потому-что оно происходитъ отъ взаимности».

«Можно пренебрегать только тѣмъ, что имѣешь».

«Въ книгахъ я не нахожу почти ничего новаго, но доволенъ встрѣти и старое хорошее».

«Поверхностные люди всегда счастливы: пробка не тонетъ».

«Въ литературѣ подражаніе значить отреченіе отъ самого себя. Подражатель только напоминаетъ кого-нибудь, заставляетъ вспомнить о чужомъ имени, оставляя свое въ неизвѣстности. Грамматика сказала бы, что подражатель *мыстомиме*, а не *имя*».

«Самый лучший и благоразумный вопросъ, который вы можете сдѣлать незнакомцу, желающему съ вами сблизиться — слѣдующій: чѣмъ вы восхищаетесь?»

«Наживаютъ очень-мало друзей, несмотря на труды и старанія, тогда какъ враги являются сами собою и безъ всякаго усилія».

«Сонъ памяти еще не смерть: — забытыя науки припоминаются иногда вовсе неожиданно».

«Отвергать свое страданіе, значить дѣлать его тяжелѣе; сопротивляться во время мученій, значить усиливать ихъ».

«Подруга дѣтства! Какое свѣжее и поэтическое чувство остается отъ этой первой дружбы, нѣжной, робкой, идиллической! Сколько радостей въ воспоминаніяхъ, сколько восторга при пожатіи руки и поцалу въ щеку! Ничто не можетъ сравниться съ прелестью и чистотою этого рождающагося чувства... Это нераспустившаяся роза, обшпающая цѣлый міръ любви».

Невозможно выписать всѣхъ замѣчательныхъ мыслей Амьеля, потому-что пришлось бы привести почти всю книгу. Намъ радуетъ то, что эти «*Съмена проса*» изданы въ видѣ опыта и что авторъ обѣщаетъ въ скоромъ времени напечатать серьезный трудъ. Отъ его таланта и познаній можно ожидать многого.

— *Contes et voyages par Edmond Texier. (Сказки и путешествія Эдмонда Тексье)*. Подъ этимъ названіемъ издалъ Тексье три повѣсти совершенно въ различныхъ родахъ. Первая называется «*Золотое руно*» и занимаетъ три четверти книги. Остальныя двѣ, разумеется очень-коротенькія, называются : *Дьявица д'Ольме* и *Чортъ въ Парижѣ*.

Въ первой повѣсти два парижанина пускаются отыскивать золотое руно и съ ними случается безчисленное множество приключеній то трагическихъ, то смѣшныхъ, то трогательныхъ. Эта Одиссея заключаетъ въ себѣ любопытныя описанія мѣстъ и рудниковъ въ Камфорнѣ,

поражительныя картины нравовъ и уморительныя сцены, которыя кажутся даже невѣроятными. Но замѣчательнѣе всего этого самъ герой разсказа съ характеристическимъ названіемъ *Fils-ten-Noeud*: это состоящій парижскій зѣвака, выросшій на улицѣ.

Этого героя Тексье взялъ прямо съ асфальта бульваровъ и отправилъ въ Америку. Но такъ-какъ нигдѣ не видало, чтобъ герой путешествовалъ одинъ, и какъ у Ореста былъ Пиладъ, у Телемаха Менторъ, у Дон-Кихота Санчо Панса, то авторъ далъ и своему парижанину путеводителя, работника Давида. Этотъ Давидъ внушаетъ сильную страсть богатой и прекрасной американкѣ. Впрочемъ, кромя этого, есть много другихъ невѣроятныхъ происшествій въ Одиссеѣ двухъ парижанъ, но вся сказка, хотя и немного длинна, читается съ удовольствіемъ, какъ вообще всѣ произведенія этого писателя.

Другой разсказъ его, *Дѣвица д'Ольне*, не-совсѣмъ-удаченъ, потому-что Тексье вздумалъ написать сантиментальную исторію, тогда-какъ это совсѣмъ не его родъ. Притомъ же и сюжетъ такъ избитъ, что пора бы придумать что-нибудь поновѣе, а то вѣчныя чувствительныя дѣвицы и робкіе обожатели, бѣгающіе другъ отъ друга и соединяющіеся на послѣдней страницѣ, давно уже надоели читателямъ.

За-то послѣдняя и самая маленькая повѣсть, *le Diable à Paris*, до-того жива, мила, оригинальна, что заставляетъ забыть длинноту первой и скуку второй. Сюжетъ тоже неочень-новъ, но разсказъ до-того увлекателенъ, что съ нетерпѣніемъ читаешь его до конца и, дойдя до послѣдней страницы, досадуешь на Золотое Руно и особенно на Дѣвицу д'Ольне, которыя заняли почти всю книгу и оставили такъ мало мѣста самой интересной повѣсти. Бѣдный миллионеръ влюбляется по уши въ хорошенькую кокетку, одно изъ самыхъ опасныхъ олицетвореній врага человечества, и та безжалостно обираетъ его, разоряетъ, мучить... Но это очень-обыкновенно, скажете вы, и случается поминутно вездѣ и не въ одномъ Парижѣ. Правда, но необыкновенно-хорошъ разсказъ и талантъ, съ какими Тексье описываетъ вседневныя интриги, простые характеры, частые случаи.

— *Les ducs de Champagne, mémoire pour servir d'introduction à l'histoire de la Champagne par Etienne Gallois. La Champagne et les derniers Carlovingiens.* (Герцоги Шампанни; записки, служащія введениемъ къ исторіи Шампанни, соч. Этьенна: Шампанни и послѣдніе Карловинны, того же автора). Оба эти изданія знакомятъ съ исторіею Шампанни во время династій Меровинговъ и Карловинговъ. Всѣмъ извѣстно, какъ трудно въ отдаленныхъ эпохахъ собирать свѣдѣнія и разбирать рукописи древнихъ провинцій. Притомъ же хартии и хроникки довольно-малочисленны, да и не всегда полны и вѣрны; поэтому историку предстоитъ много трудовъ и терпѣнія, чтобъ изъ всѣхъ отрывковъ составить одно цѣлое. Всего затруднительнѣе въ этой работѣ имена и числа, которыя часто непонятны и совершенно противорѣчатъ другимъ историческимъ документамъ.

Этьеннъ Галлуа составилъ исторію одной изъ важнѣйшихъ провинцій Франціи со всевозможною тщательностью и добросовѣстностью.

Онъ воспользовался всѣми сочиненіями, написанными объ этой странѣ и въ-особенности драгоценными хрониками Рихтера, стало-быть, исторія *Шампаніи* и *Герцога шампанійскіе* могутъ похвастаться полезнымъ и рѣдкимъ изданіемъ, любопытнымъ не только для жителей этой провинціи, но и для всей Франціи. Жаль только, что въ рассказахъ о борьбѣ послѣднихъ карловинговъ съ графами парижскими и герцогами Вермандуа и о вѣшателствѣ архіепископовъ рейнскихъ, мало живописи и увлекательности. Исторія ничего не теряетъ, если она написана не сухимъ и холоднымъ слогомъ. Немного жизни — и исторія Этьенна читалась бы съ большимъ удовольствіемъ.

Ramayana, poème sanscrit de Valmiki mis en français par Hippolyte Fauche. (*Рамайана, санскритская поэма Вальмики, переведенная на французскій языкъ Ипполитомъ Фошемъ*). Европейскіе ученые давно ужъ стараются познакомить читателей съ прекрасною индійскою эпопеею, прославляющею подвиги Рамы. Рамайана будетъ скоро такъ же извѣстна, какъ поэмы Гомера и Виргилія.

Въ 1806 году вышло первое издание текста санскритской поэмы съ переводомъ на англійскій языкъ, начатымъ въ Индіи, но, къ-сожалѣнію, до-сихъ-поръ не оконченнымъ.

Второе издание, съ латинскимъ переводомъ, предпринято было Шлегелемъ и первые томы вышли въ Боннѣ въ 1829 году; но издание такъ же прекратилось, какъ и первое.

Горрезіо, печатающій итальянскій переводъ, кажется счастливецъ своихъ предшественниковъ, потому-что издаетъ послѣдній ливрезонъ Рамайаны.

Два французскіе переводчика тоже занялись переводомъ индійской эпопеи. Одинъ изъ нихъ, Паризо, не могъ сладить съ трудностями санскритскаго языка и переводъ его наполненъ неологизмами. Фошъ принялся тоже за эту трудную и продолжительную работу и переводъ его имѣетъ то достоинство, что онъ довольно-вѣренъ. Это конечно, главное въ такой поэмѣ, какъ Рамайана. Авторъ, однакожъ, недовольно-ясенъ, неосновательно изучилъ индійскую литературу и подчиняетъ ее современнымъ правиламъ, тогда-какъ ему самому надобно совершенно вдатся въ древность и забыть французскую версификацію. Вотъ образчикъ санскритской поэмы сочиненія Фоша, доказывающій талантъ писателя, но вовсе непередающій индійской поэмы.

Sous l'éternel Vichnou, le serpent Vasougui
 Couche comme un sofa son grand dos alongui,
 Et sa croupe, tordant ses livides spirales,
 Roule en hideux coussins ses piles vertébrales :
 Trône écailleux, vivant, rembourré de poison ;
 Son estrade est l'effroi, son dais la pâmoison ;
 Et de l'hydre aux cous noirs les cinq têtes mouvantes
 Font sur le Pénétrant (Vichnou) un nimbe d'épouvantes.

Мы бы посоветовали автору неочень запутывать свои фразы, потому-что ясность и простота составляютъ главное достоинство всѣхъ

древнихъ поэмъ. Несмотря на эти недостатки, Фюшъ оказалъ все-таки услугу литературѣ и наукѣ своимъ полезнымъ трудомъ.

— *Aventures du temps passé par Paul de Molènes* (Прокшествія прошедшаго времени). Когда писатель начинаетъ дѣлаться извѣстнымъ, то собираетъ первоначальныя свои сочиненія, разсыпанныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и представляетъ ихъ на судъ публики де-Моленъ, репутація котораго возрастаетъ все болѣе и болѣе, особенно въ высшемъ обществѣ, недавно издалъ томъ подъ названіемъ *Caractères et recits du temps*, и теперь даритъ своимъ почитателямъ новое собраніе прекрасныхъ разсказовъ, которые они ужъ можетъ-быть читали, но перечитаютъ съ новымъ удовольствіемъ.

Моленъ не похожъ на писателей, которые, переѣбнивъ заглавіе своей книги, выдаютъ ее за новую. Онъ самъ въ предисловіи предупреждаетъ, что повѣсти его были ужъ напечатаны. Это прежніе алмазы, только въ новой отдѣлкѣ.

Сколько чувства, таланта, проиніи, воображенія соединено въ этихъ немногихъ страницахъ, и какое тягостное и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятное впечатлѣніе производятъ онѣ! *La viègre des dernières amours* небольшая повѣсть, въ которой любовь грустна, какъ послѣдній вздохъ умирающаго. Это печальная жалоба молодого сердца, раздающаяся въ темнотѣ ночи.

Le Roi Arthur — чудная волшебная сказка, напоминающая Го-мана. Повелитель рыцарей круглаго стола возвращается къ жизни каждыя сто лѣтъ, на нѣкоторое время, подъ видомъ графа Рошефе, и ищетъ возможность опять явиться на землѣ и возстановитъ рыцарство только на такомъ условіи, если его полюбитъ женщина и повѣритъ, что онъ точно король Артуръ. Прошло много столѣтій и король заслуживалъ любовь молодыхъ дѣвушекъ и прекрасныхъ женщинъ; но въ рѣшительную минуту, когда онъ говорилъ своей возлюбленной дрожащимъ голосомъ: «я король Артуръ: будь моею», она со смѣхомъ, или съ ужасомъ, отскакивала отъ него и говорила: «Вы сумасшедшій графъ де-Рошефе. И бѣдный Артуръ опять умираетъ на сто лѣтъ, страдаетъ оттого, что не можетъ установить въ мірѣ своего рыцарства. Потому онъ опять является, чтобъ послѣ удивительныхъ подвиговъ понравиться женщинѣ и услышать отъ нея тѣ же слова: «Вы сошли съ ума, графъ, можно ли увѣрять, что вы король Артуръ.»

Trèfleur, тоже фантастическій разсказъ въ германскомъ духѣ.

Теперь де-Моленъ не пишетъ ужъ болѣе фантастическихъ разсказовъ, но беретъ драмы изъ дѣйствительности. Въ новомъ мірѣ его нѣтъ волшебства, но все-таки много проиніи. Если у него дѣйствуютъ не привидѣнія прежнихъ временъ, то марбонетки, о которыхъ говорилъ Вертеръ.

— *Ballades et légendes par T. Siméon Pécontal* (*Баллады и легенды*). Пеконталь дебютировалъ на поэтическомъ поприщѣ поэмою подъ названіемъ *Вольбергъ*. Герой его — сынъ Байрона, большой мечтатель, напоминающій Чайльдъ-Гарольда и Жюсселена. Впрочемъ, въ то время (въ 1838 году) поэты воспѣвали горы, кладбище и терзались душевными страданіями. Посреди этихъ мрачныхъ картинъ

являлся призракъ женщины, умиравшей отъ восторженной любви. Вотъ вѣчный сюжетъ поэтовъ того времени и Пеконталь не смѣлъ отстунить отъ него, хотя и одаренъ оригинальнымъ, самобытнымъ талантомъ. Теперь въ своихъ *балладахъ* и *легендахъ* онъ не подчиняется никакому влиянію. Стихъ его прекрасенъ, мысли оригинальныя; о сюжетахъ говорить нечего, потому-что баллады и легенды всегда занимательнѣе длинныхъ поэмъ. Слогъ поэта не всегда нѣженъ, но увлекаетъ своею твердостью и силою. Какъ хороша его *ожота короля Артура*, гдѣ вѣчные фантастическіе рыцари скачутъ за недослагаемыми оленями по горамъ и лѣсамъ.

En son chemin, alors, malheur à qui s'attarde,
S'il n'a son saint patron pour guide, il se hasarde...
Il peut perdre son corps et son âme en ce lieu.
Aussi, quand vient l'hiver, chacun fuit la montagne;
Le pauvre seul avec ses fils et sa compagne
Y reste à la garde de Dieu!

Вся эта поэма превосходна и уноситъ съ собою читателя въ міръ фантази на волшебномъ конѣ вслѣдъ за королемъ Артуромъ. Но если Пеконталь вздумаетъ употребить нѣжность въ своихъ стихахъ, то исполнить это не хуже элегическаго поэта. Вотъ обольщенія *Драка*, который хочетъ похитить ребенка, и зоветъ его съ собою, описывая красоты своихъ владѣній:

Ce sont les fleurs les plus étranges,
Et des fruits d'un gout sans pareil;
Des orangers tout plein d'oranges,
Dans des champs tout plains de soleil.

Ce sont des rois, ce sont des reines,
Assis au milieu de leur cour;
Ce sont des villes si sereines,
Que dans la nuit il y fait jour.

On voit tout ce qui peut surprendre:
Des hommes de toutes couleurs;
Des oiseaux qui se laissent prendre
Avec la main, comme des fleurs.

Однѣ только серьезный упрекъ можно сдѣлать Пеконталю: онъ слишкомъ развиваетъ свой сюжетъ. Краткость необходима для баллады, и знаменитый Уландъ поражалъ читателя въ нѣсколькихъ строкахъ. Правда, стихи Пеконтала такъ хороши, что жаль убавить даже одну строчку изъ его прекрасныхъ легендъ. *Le chevalier au barizel*, *le Moine Gontran* — драгоценныя перлы; но все-таки чувствуешь, что ихъ слишкомъ-много наизано на ожерелье.

— *Lettres Portugaises*. Одинъ изъ французскихъ книгопродавцевъ издаетъ рядъ любопытныхъ книгъ, подъ названіемъ *Иностранной Библиотеки*. Это изданіе чрезвычайно-дешевое, удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ библиофиловъ и познакомитъ француз-

скую публику съ многими иностранными произведениями. *Португальскія письма* принадлежать къ этой коллекціи. Письма эти уже давно пользуются известностью. Ихъ писала молодая португалька, влюбленная страстно въ шеваля де-Шамильи, который впоследствии сдѣлался маршаломъ Франціи, но который, во время пребыванія своего въ Португаліи съ маршаломъ Шовбергомъ, былъ простымъ кавалерійскимъ капитаномъ. Де-Шамильи познакомился съ этою новою Элоизою, безпрестанно-писавшею ему письма, но впоследствии, когда страсть эта остыла, вѣтреный шеваля вздумалъ издать эту вѣжную корреспонденцію, чрезвычайно-льстившую его самолюбию. Малоизвестный литераторъ Сюбиньи взялся перевести португальскій текстъ; и хотя исполнилъ эту работу несовсѣмъ-вѣрно, но всѣтаки письма имѣли большой успѣхъ. Нѣкоторые сомнѣвались въ долготности ихъ, но доказательства были на-лицо и притомъ же, читая эти вѣжныя, страстные строки, можно вполне убѣдиться, что ихъ писала несчастная женщина, полюбившая недостойнаго повѣсу. Притомъ же, ничтожность Сюбиньи въ литературѣ такъ известна, что нѣтъ никакой возможности приписать ему сочиненіе этихъ живыхъ, пламенныхъ жалобъ вѣдной португальки. Послѣ того *португальскія письма* издавались еще нѣсколько разъ, только въ самомъ искаженномъ видѣ, и какой-то остроумный писатель придумалъ даже отвѣты на эти письма и напечаталъ ихъ вмѣстѣ. Другіе спекуляторы увеличили число писемъ и составили свой собственный сюжетъ; но твердый издатель ихъ, Жанне, нашелъ первое оригинальное изданіе и по немъ составилъ вѣрный и полный переводъ этихъ занимательныхъ писемъ. Португальскій дипломатъ Суза просмотрѣлъ это изданіе и былъ имъ совершенно-доволенъ. Онъ даже доставилъ свидѣнія о происхожденіи и о библиографической исторіи этихъ знаменитыхъ писемъ.

Прибавимъ еще, что *избранная бібліотека* издала *стихи Грессе*, остроумную *поэму Кольне*: *Искусство обѣдать въ юстлѣ*, и готовить еще цѣлую коллекцію известнѣйшихъ произведеній по двадцати сантимовъ за ливрезонъ. Что можетъ быть дешевле!

— *Promenades dans Rome par Veyle (Прогулки по Риму)*. Вотъ еще новое изданіе одного изъ сочиненій Бейля. *Прогулки по Риму* могутъ похвастаться лучшимъ путеводителемъ въ вѣчномъ городѣ. Авторъ изучилъ Римъ, какъ нельзя лучше. Кто не видалъ и не увидитъ этого города, тотъ по книгѣ Бейля можетъ изучить его во всѣхъ подробностяхъ. Тутъ найдетъ онъ самыя вѣрныя описанія всѣхъ зданій, памятниковъ, развалинъ, всѣхъ рѣдкости искусства, словомъ: *прогулки по Риму* — зеркало, въ которомъ отразился весь городъ.

— *Etudes historiques, études littéraires; moyen age, XIV et XV siècles par Henri Prat (Историческіе этюды и литературные, средніе вѣка, XIV и XV вѣкъ)*. Прать, авторъ превосходнаго сочиненія *О воспитаніи женщинъ*, доказалъ, что женщины и мужчины должны получать образованіе, сообразное съ ихъ положеніемъ въ свѣтѣ, и теперь открылъ историческіе и литературные курсы, исключительно для женщинъ. Въ этюдахъ его заключается весь этотъ любопытный курсъ. Надобно много осторожности, такта и умѣнья,

чтобъ занять и замечъ прекрасный полъ серьёзною наукою. Прать искусно исполнилъ свое намѣреніе. Покуда еще историческіе этюды доходятъ до конца XV вѣка, и авторъ, ясно оказывая предпочтеніе среднимъ вѣкамъ, приводитъ любопытныя легенды, занимательныя рассказы о нравахъ, поступкахъ, религіозной твердости рыцарей.

— Въ Парижѣ на дняхъ явился въ свѣтъ новый журналъ подъ названіемъ *Le Moustiquaire*, назначенный быть пародіею *Мушкетера* Александра Дюма. Неизвѣстный авторъ этого *Охранителя отъ москитовъ* (*Moustiquaire*) скрывается подъ псевдонимомъ *Дюмануара* и комп. и надѣется занять публику, рассказывая ей анекдоты о странностяхъ и безчисленныхъ происшествіяхъ, случающихся съ великимъ романистомъ.

Вотъ одинъ любопытный случай: извѣстно, что цѣлую зиму Александръ Дюма писалъ *Молодости Лудовиковъ и Лозеновъ* для Французской комедіи, и вмѣсто обѣщанныхъ пятиактныхъ комедій въ стихахъ едва успѣлъ поставить на сцену маленькую пьесу, и то въ сотрудничествѣ съ другимъ писателемъ, скрывшимъ свое имя. До представленія, Дюма расхваливалъ своего *Ромула* и говорилъ, что пьеса очень-веселая. Она, какъ извѣстно, имѣла большой успѣхъ и всѣ зрители нашли ее занимательною, трогательною, оригинальною.

— Съ чего же Дюма взялъ, что пьеса его *веселая*? спросилъ одинъ изъ зрителей, выходя изъ театра. — Онъ на прошлой недѣлѣ каждый день твердилъ въ своемъ журналѣ, что ничего не можетъ быть веселѣе *Ромула*.

— Это, можетъ быть, оттого, отвѣчалъ одинъ острякъ:—что на прошлой недѣлѣ самъ Дюма не читалъ еще своей пьесы: стало-быть, онъ могъ и ошибиться.

Вообще въ послѣдней пьесѣ есть сцены до-того наивныя и увлекательныя, что ихъ никакъ нельзя приписать таланту Дюма; однако, несмотря на это, онъ приписываетъ успѣхъ одному себѣ и, по окончаніи «*Ромула*», былъ въ такомъ восторгѣ, что, выбѣжавъ въ фойе, обнялъ перваго попавшагося зрителя, называя его *своимъ другомъ*, и двухъ старухъ, отирывавшихъ ложи. На другой день, разумеется, «*Мушкетеръ*» объявилъ всему свѣту о новомъ триумфѣ Дюма.

Странно только, что до-сихъ-поръ никто не обращалъ вниманія на промахи и ошибки Артаньяна, и еслибъ не *Мушкетеръ*, то всѣ бы они прошли незамѣтно — такъ привыкли вѣрить на слово родителю Атоса, Портоса и комп.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ своего журнала Дюма представилъ слѣдующее мнѣніе: «Въ консерваторіи нѣтъ никакой возможности образоваться хорошему артисту. Изъ лавочника, изъ національнаго гвардейца я берусь сдѣлать великаго актѣра, но никогда ничего не сдѣлаю изъ ученика консерваторіи. Тамъ портятъ вкусъ, уничтожаютъ способности, даютъ ложное направленіе, тогда-какъ безъ всякаго ученія и приготовленія поставьте ребенка на сцену — и талантъ его разовьется свободно. Такъ образовались всѣ наши современные великіе артисты».

Г. д'Артаньянъ говорить это такъ серьезно, что, пожалуй, можно

повѣрить ему и вмѣсто консерваторіи учредить опять національную гвардію, какъ разсадникъ драматическихъ талантовъ. Бѣдная консерваторія! Надобно замѣтить, что Дюма имѣеть ужасное презрѣніе къ національной гвардіи и считаетъ ее гораздо-ниже чело-вѣчества, чѣмъ-то въ родѣ устрицы, или моллюска: стало-быть, ученики консерваторіи еще степенью ниже въ созданіи, и Дюма не можетъ сдѣлать изъ нихъ даже артистовъ цирка, занимающіи роль ногъ въ кожѣ слона. Для чего же послѣ этого содержать безполезное заведеніе и мучить понапрасну молодыхъ людей, изъ которыхъ нельзя сдѣлать даже національнаго гвардейца? Но посмотримъ реестръ консерваторіи съ 1786 года и увидимъ, много ли артистовъ доставляла она театру съ эпохи основанія.

Прежде всего поразитъ васъ имя *Тальмы!* Не-уже-ли г. д'Артаньянъ предполагаетъ, что и у этого артиста былъ талантъ устрицы?

Но это можетъ-быть исключеніе, скажете вы. Одинъ алмазъ можетъ случайно впасть въ груду песку. Посмотримъ дальше. *Мужчины:* Тальма, Ларошель, Картизи, Сэнсонъ, Прово, Манжо, Ляже, Бовале, Гююанъ, Бокажъ, Вольнисъ, Локруа, Фредерикъ Леметръ...

Не-уже-ли и Леметръ причисленъ мушкетеромъ къ моллюскамъ?—*Женщины:* Ланжъ, Роза-Дюпюи, Броккаръ, Плесси, Меланъ, Бронганъ, Дененъ, Моро-Чинти, Аланъ-Дорваль, Огюстия Бротанъ, Аланъ-Депрео, Гююанъ, Рашель...

Да помилуйте, тутъ всѣ современными знаменитости: стало-быть, г. д'Артаньянъ просто дурачить публику? Правда, есть тоже известные артисты, которые образовались не въ консерваторіи. Г-жа *Марсъ* приготовлена къ сценѣ отцомъ своимъ Монвалемъ; Ренъе, Коарозъ, Жеаруа тоже поступили на сцену прямо, но все же ихъ очень мало, чтобъ составить общее правило.

Правда, что изъ консерваторіи часто выходятъ посредственные артисты; но и изъ другихъ заведеній: изъ Школы Правовѣдѣнія, изъ Политехнической, Медицинской Школы не всякій годъ выходитъ гени, и люди, подобные Беррье, Араго, Дюпюитрону, такъ же рѣдки, какъ великіе артисты. Самъ мушкетеръ воспитывался въ школѣ, но не всѣ его товарищи вышли д'Артаньянами и способны написать по сту томовъ въ годъ: стало-быть, не мѣшаетъ Дюма быть осторожнѣе въ своихъ мнѣніяхъ, особенно теперь, когда *Мушкетеръ* наблюдаетъ строго надъ *Мушкетеромъ*. Можетъ-быть, глѣвъ д'Артаньяна на консерваторію происходитъ оттого, что когда Дюма взялся (за что ужъ онъ не брался!) образовать особенныхъ артистовъ для своихъ пьесъ, то публика приняла холодно и Монтекрисстовъ и маркизовъ де-Мезонъ-Ружъ и опикала таланты, созданные великимъ драматургомъ-романтистомъ. Съ-тѣхъ-поръ Дюма ставитъ консерваторію нѣтъ національной гвардіи.

— Посмотримъ теперь, что дѣлается въ главныхъ городахъ Европы.

Вѣсти изъ Лондона самыя печальныя. И то жизнь въ этомъ городѣ считается дороже, чѣмъ въ прочихъ городахъ Европы; но теперь она еще вздорожала, потому-что цѣны на всѣ предметы поднялись чрезвычайно. Напримѣръ, въ прошедшемъ году въ это время

тогда угольевъ стоила 18 шиллинговъ, а теперь за нее платятъ 52. Въ этой же пропорціи поднимаются цѣны и на жизненные припасы; къ этому прибавьте еще въ промышленныхъ городахъ Англии тоды работниковъ безъ дѣла. Бѣднякамъ надобно тоже какъ-нибудь жить, надобно согрѣться въ туманные дни и холодныя ночи.

Лондонское общество занимается теперь сыномъ императора Гаити, прибывшимъ въ Лондонъ оканчивать свое образование. Онъ сохраняетъ строгое инкогнито подъ именемъ *Дальсала*, но ему мудрено скрыть свою национальность. Черный цвѣтъ кожи и курчавые волосы прища обращаютъ на него всеобщее вниманіе. Онъ изучаетъ нравы бѣлыхъ, большею-частью въ театрахъ, гдѣ, какъ нарочно, даютъ все волшебныя пьесы, для удовольствія чернаго принца. Пантомимы все еще собираютъ многочисленную публику, хотя на всѣхъ театрахъ играютъ одно и то же. Вездѣ одинъ и тотъ же герой *Арлекинъ*, который своею палочкою дѣлаетъ чудеса, но все волшебство и великолѣпныя декорации не выкупаютъ пустоты и пошлости сюжета. На Дрюриенскомъ Театрѣ играютъ: *Арлекинъ-волчокъ* и *Кукольный міръ*; въ Гей-Маркетѣ: *Арлекинъ и три медальи*, или *серебряный волосокъ волшебницы*; въ Театрѣ Принцессы: *Арлекинъ и медьникъ*, или *король Саламандръ* и *Озеро Лазурное*; въ Садлерсъ-Веллѣ: *Арлекинъ мальчикъ съ пальчикъ*; въ Страндѣ: *Арлекинъ и человекъ-щелкунъ* и пр. Жаль только, что по праздникамъ, когда всѣ учебныя заведенія распущены, театры наполнены дѣтьми, и эти нелѣпыя пьесы портятъ вкусъ и воображеніе учениковъ. Многие возстанутъ противъ этого злоупотребленія арлекинады и особенно Чарльзъ Диккенсъ настаиваетъ въ своемъ журналѣ, чтобъ дѣтямъ не показывали подобныхъ пошлостей.

Знаменитый разказчикъ этотъ былъ недавно въ Италіи, но силою современнаго волшебства, или желѣзныхъ дорогъ, онъ черезъ нѣсколько дней былъ ужъ въ Булони, потомъ остановился въ Лондонѣ, чтобъ только поѣсть пуддинга, и отправился въ Манчестеръ, гдѣ публично читалъ свои *Рождественскія сказки*, собралъ 300 фун. стер. и назначилъ сумму эту въ пользу школы.

Мода на публичныя чтенія не только не прекратилась въ Англии, но еще получила новую силу. Читаютъ вездѣ и обо всемъ; публика собирается въ Лондонъ, или Манчестеръ, въ объявленный часъ и слушаетъ со вниманіемъ *чтеніе* о наукахъ или искусствахъ, исторію или сказки, и потомъ особенный поѣздъ желѣзной дороги отвозитъ слушателей домой. Въ Единбургскомъ Атенеумѣ собралась цѣлая плеяда *критиковъ*. Роскинъ, извѣстный своими сочиненіями о картинахъ Тюрнера и венеціанскихъ памятникахъ, читалъ *объ архитектурѣ и живописи*; Шериъ Гордонъ—*о жизни Нибура*; послѣ нихъ Гогъ Миллеръ читалъ *о геологій*, Баллантинъ—*о шотландскихъ балладахъ*, Гринъ—*о землѣ*, профессоръ Кинкель—*о германской литературѣ*, Кинглей—*о школахъ Александрии*, профессоръ Гонтъ—*о фотографіи*, докторъ Макъ-Иворъ—*о физиономіи человека*. Англичане самый странный народъ на земномъ шарѣ. Они не понимаютъ удовольствій другихъ націй и требуютъ, чтобъ, въ свободное отъ занятій время, ихъ развлекали чѣмъ-нибудь оригинальнымъ, хотя это оригинальное бываетъ

часто очень-сучно. Самая снотворная рѣчь не заставляет англичанъ звать, и вѣроятно, въ головѣ британцевъ устроены особенный акустическій свирѣдь, превращающій въ мелодію самые неприятныя, монотонныя, хриплые голоса. Вообще у нихъ—страсть *слушать* кого бы то ни было, и стоить какому-нибудь *сектатору* стать на углу улицы и сдѣлать нѣсколько телеграфическихъ знаковъ руками, означающихъ, что онъ хочетъ говорить рѣчь—тотчасъ же вокругъ него соберется многочисленная толпа, и даже уличные мальчишки слушаютъ оратора, разинувъ рты. Кажется, что даже и собаки слушаютъ, потому-что забываютъ въ это время лаять. Ораторъ кончаетъ свою рѣчь посреди всеобщаго вниманія и важно отправляется въ другой кварталъ, чтобъ прочитать о томъ же самомъ, только другой публикѣ.

Другая особенность характера британцевъ состоитъ въ пристрастіи къ *оригинальнымъ* обѣдамъ. Всѣ думаютъ, что англичане любятъ поѣсть сытно и смѣются надъ воздушными кушаньями своихъ сосѣдей; но кажется, и они начинаютъ быть разборчивыми и предпочитаютъ эксцентрическіе обѣды. Недавно въ «Times» было слѣдующее объявленіе: *«Извѣщаютъ гастрономовъ, что получены самыя славныя лягушки изъ Шампаніи, превосходнаго вкуса и качества!»*

Стало-быть, Франція доставляетъ своему обжорливому сосѣду не только лица, куръ, утокъ, голубей и другіе припасы, но еще будетъ угощать лакомку лягушками. Что-то скажутъ на это бин-стексы? Скоро въ лондонскихъ тавернахъ будутъ подавать супъ изъ лягушекъ вмѣсто черепашняго, фрикассе изъ лягушекъ вмѣсто плумпудинга. Еще одинъ шагъ къ французской кухнѣ—и южные департаменты Франціи будутъ высылать въ Лондонъ мѣшки улитокъ для соусовъ.

Процессъ между Лумлеемъ, директоромъ Театра Ея Величества и г. Джей (Jue), директоромъ Ковенгарденскаго Театра еще не окончился, и кажется, будетъ очень-продолжителенъ. Судъ рѣшилъ, что Джей долженъ уплатить Лумлею за убытокъ, нанесенной г-жею Вагнеръ, отказавшейся пѣть на Театрѣ Королевы. Единственное недоразумѣніе состоитъ въ суммѣ, которую надобно назначить. Юганна Вагнеръ отказалась явиться въ англійскій судъ и Авраамъ Гайвардъ получилъ приказаніе отправиться въ Берлинъ и сдѣлать артистскі допросъ.

Гайвардъ, въ-сопровожденіи адвокатовъ обѣихъ партій, писцовъ и свидѣтелей, явился на квартиру Юганны Вагнеръ съ прусскимъ судьей Дитрихомъ; но черезъ пять минутъ прусскій представитель законовъ поссорился съ англичанами, которые хотѣли производить дѣло по своимъ законамъ. Одни приводили правила Блакстона, другой ничего не хотѣлъ слышать, кромѣ Гроція и Пу-ендора. Не было никакой возможности понять другъ друга, и г-жа Вагнеръ старалась еще болѣе запутать судей. Наконецъ англичане вернулись въ Лондонъ ни съ чѣмъ и объявили, что въ Берлинѣ нѣтъ правосудія.

Коммиссія эта хранитъ у себя 1,000 фун. стер. (25,000 фр.) принадлежащихъ г. Джей и узнала только лѣта г-жи Вагнеръ и мѣсто ея жительства. Пѣвица двадцать-семь лѣтъ; она живетъ въ Берлинѣ въ улицѣ Доротен № 18.

Въ последнее время въ газетахъ много говорятъ о пистолетахъ — *револьверахъ* (Revolver); но многіе не вѣрятъ, чтобъ можно было изобрѣсть послѣ карабиновъ Минье и ружей съ иголками, что—нибудь болѣе—современное.

Французскій капитанъ Минье изобрѣлъ пулю, которая, благодаря своей формѣ, долетаетъ гораздо—дальше чѣмъ обыкновенная сферическая пуля. Пуля Минье цилиндрико—коническая свинцовая и кладется въ дуло острымъ концомъ. Венсенскіе стрѣлки и пѣшіе егеря французской арміи стрѣляютъ пулями Минье изъ карабиновъ Дельвина, и попадаютъ въ цѣль на 1,000 метрахъ разстоянія. Самъ капитанъ Минье беретса попасть въ цѣль три раза изъ пяти на 1,420 метрахъ.

Прусское *Zündnadelgewehr* (ружье съ иголкой) прокалываетъ патронъ и воспламеняетъ зарядъ. Пули для этихъ ружей тоже коническія съ одной стороны и цилиндрическія съ другой.

Что жъ такое *револьверы*? Это превосходное изобрѣтеніе полковника Сольта можетъ быть ружьемъ и пистолетомъ; главное его достоинство состоитъ въ томъ, что нѣсколько выстрѣловъ слѣдуютъ одинъ за другимъ съ необычайною быстротою. Дѣйствіе это происходитъ посредствомъ кругообращенія, устроеннаго въ ружьѣ, или пистолетѣ. Разумѣется, это не новость, и давно есть пистолеты, стрѣляющіе два, четыре и шесть разъ, заряженные только одинъ разъ; но въ этихъ пистолетахъ сколько выстрѣловъ столько и дулъ для пуль, тогда—какъ у револьвера одно дуло, а онъ стрѣляетъ шесть разъ сряду. Въ подвижномъ цилиндрѣ сдѣлано шесть маленькихъ отдѣленій съ пулею въ каждой, и кругообращеніе цилиндра приводитъ постепенно каждую пулю противъ дула.

Изобрѣтатель револьвера—американецъ, и придумалъ это оружіе для защиты пограничныхъ селеній отъ индійцевъ. Сенатъ Сѣвероамериканскихъ Штатовъ составилъ военную комиссію для осмотра Кольтова пистолета и принялъ его въ армію. Тогда полковникъ Кольтъ превратился въ фабриканта и устроилъ въ Патерстонѣ огромную фабрику револьверовъ, на которой дѣлаютъ въ день триста пистолетовъ. Разумѣется, что всѣ работы дѣлаются машинами и люди только наблюдаютъ за ними. На лондонскую выставку Кольтъ привезъ нѣсколько револьверовъ и, получивъ одобреніе всѣхъ знатоковъ, устроилъ теперь въ Лондонѣ близъ Воксальнаго Моста большую фабрику оружія по своей системѣ, которая затмила всѣ англійскіе оружейные заводы. На заводѣ сто—пятьдесятъ машинъ, приводимыхъ въ движеніе паромъ. Самые сильные револьверы попадаютъ на огромномъ разстояніи—тысячи—двухсотъ метровъ.

— Вотъ важное извѣстіе для любителей цвѣтовъ. Одинъ садовникъ изъ Пасса, въ окрестностяхъ Парижа, дошелъ до того, что выростилъ *голубую камелию*. Цвѣтокъ чрезвычайно—красивъ, чистаго голубаго цвѣта и названъ *Евгеніей*. Давно уже найдено средство производить голубыя розы и голубыя тюльпаны; но голубыя розы цвѣтутъ обыкновенно на слѣдующій годъ бѣлыми, а изъ луковницъ голубыхъ тюльпановъ выходятъ желтые цвѣты. Авторъ же *Евгенія* ручается,

что она останется голубою, во время всего существования куста землей.

— Карнавалъ пронелъ въ Парижъ шумно и весело, и шпеге почти не замѣтили его. Балы были во всѣхъ улицахъ, почти во всѣхъ домахъ, не говоря уже о публичныхъ маскарадахъ, гдѣ толпа была такъ велика, что маскавъ не было никакой возможности интриговать. Говорятъ, что въ одинъ день (mardi-gras) было въ Парижѣ 986 баловъ. Сколько денегъ истрачено въ это время! Теперь начались безконечные концерты съ знаменитостями во всѣхъ родахъ. Говорятъ даже, что Женни Линдъ явится въ Парижъ; другіе утверждаютъ, что она хочетъ выйти на сцену въ оперѣ, которую пишетъ для нея мужъ ея, г. Гольдсмитъ; но все это одни слухи и, вѣроятно все, никто въ нынѣшнемъ году не услышитъ голоса Шведскаго Соловья, кроетъ ея маленькаго сына. Въ ожиданіи ея, г-жа Ниссенъ-Саломонъ участвуетъ во многихъ концертахъ и, за неимѣніемъ лучшихъ пѣвицъ, вращается публикѣ, съ удовольствіемъ слушающей ея отчетливую методу и пріятный голосъ. Но что въ большой модѣ въ Парижѣ и предпочитается баламъ, маскарадамъ, концертамъ и даже спектаклямъ, это — обѣды! *Шее* угощаетъ не только весь Парижъ, но и всю Францію, потому-что на эти лукулловскіе пиры, напоминающие эпоху Директоріи, приглашаются изъ Орлеана, Ліона, Руана и другихъ городовъ гости, которыхъ желѣзныя дороги доставляютъ прямо къ обѣду и послѣ увозятъ домой съ полнымъ желудкомъ и тяжелой головою. Всѣ провинціи каждый день присылаютъ въ Парижъ цѣлые обозы самыхъ рѣдкихъ, самыхъ свѣжихъ (и дорогихъ) припасовъ и ненасытный Гаргантюа проглатываетъ все и просыпается на другое утро опять голоднымъ.

Переделки и перестройки идутъ въ Парижѣ своимъ чередомъ и, въ ожиданіи новыхъ зданій, нѣкоторыя части города представляютъ цѣлыя груды развалинъ, въ которыхъ нельзя найти прежнихъ улицъ. Рассказываютъ, что одно семейство, жившее въ Шоссе д'Антенъ и уважавшее на мѣсяцъ въ провинцію, вернулось недавно въ Парижъ и никакъ не могло найти ни улицы, ни дома въ которомъ жило, потому-что улица уничтожена, а домъ сломанъ.

Другой житель Парижа, извѣстный писатель, нажилъ себѣ долги на трудами двѣсти-тысячъ франковъ; желая отдохнуть и насладиться жизнью, купилъ себѣ домъ близъ Лувра и, увѣренный, что жильцы всегда наполнятъ его, началъ жить настоящимъ домовладѣльцемъ. Черезъ три мѣсяца, когда новый хозяинъ собралъ въ первый разъ деньги съ жильцовъ, городское начальство дало ему знать, что домъ этотъ надобно сломать для расширенія Риволийской Улицы. Впрочемъ, писателю выдали его двѣсти-тысячъ франковъ, и онъ посѣпалъ купить другой домъ за эту же цѣну, въ улицѣ Сент-Оноре. Не успѣвъ онъ поселиться въ немъ, какъ утвердили планъ Центральнаго Рынка и домъ его сломали, чтобъ очистить площадь. Нашъ хозяинъ не отчаявался и, получивъ деньги, сторговалъ третій домъ въ предмѣстьѣ Сент-Дени; но тотъ отняли у него для продолженія Страсбургскаго Бульвара. Наконецъ упрямый хозяинъ, удалился на высоты горы Св. Женевьевы и

думалъ, что никому не можетъ понадобится это мѣсто. Но онъ опять ошибся: новая Улица Школъ, задумана вдругъ повернуть въ другую сторону, захватила домъ писателя и онъ въ четвертый разъ остался посреди развалинъ и съ двумя-стами тысячъ франковъ въ карманѣ.

Тогда онъ уже отказался жить въ Парижѣ, и боясь, что скоро весь Парижъ разрушится, ухажъ въ Версаль и купилъ тамъ большой домъ, изъ котораго обещалъ не выходить до смерти—такъ ему надоѣмъ переѣзды.

Въ Парижѣ говорятъ о просятъ для постройки новой залы для оперы. Скоро ли онъ осуществится—неизвѣстно. Новая Академія Музыки займетъ огромное пространство на Капуцинскомъ Бульварѣ и зала будетъ имѣть способность каучука, то-есть она будетъ расширяться въ торжественныхъ случаяхъ, и принимать обыкновенные размеры для простыхъ представлений. Тайна эта не открыта архитекторомъ, но газеты увѣряютъ, что залѣ будетъ великолѣпное, окруженное балконами сообщающимися съ ложами. Въ галереяхъ будутъ устроены магазины. Театръ этотъ будетъ стоить двѣнадцать милліоновъ франковъ, и неизвѣстно еще, возьмется ли правительство построить все на свой счетъ, или отдастъ компаніи акціонеровъ.

— На парижскихъ театрахъ мало замѣчательныхъ новостей, поэтому-что всеобщее вниманіе обращено на новую оперу Мейербера. *Золото*, кажется, въ большой модѣ. На сценѣ Французской Комедіи Брессанъ дебютировалъ въ маленькой пьесѣ Скриба, подъ названіемъ *Моя Золота*; Лирическая Опера поставила балетъ *Золото*, гдѣ сказочному принцу надоѣли женщины, и онъ хочетъ жениться на звѣздѣ. Разумѣется, что звѣзда падаетъ на землю (это было вѣрно въ августѣ мѣсяцѣ) и начинаетъ танцовать передъ удивленнымъ принцемъ, который тоже показываетъ воздушной гостьѣ свой талантъ въ танцахъ и они кружатся, летаютъ до-того, что принцъ устаетъ и возвращается къ своимъ тремъ-стамъ женамъ, а *золото* улетаетъ на небо. Тутъ есть еще маленький бѣсомонъ Фосфорьяль, который хочетъ погубить принца и утащить звѣзду въ едъ, неизвѣстно для чего. Балетъ очень понравился публикѣ, небалованной уже всевозможными сюжетами. Клеранъ, извѣстный драматическій исполнитель, составилъ программу балета *Золото* для дебютовъ двухъ превосходныхъ артистовъ, имена которыхъ, благодаря журналамъ, будутъ скоро извѣстны всей Европѣ. Шавиш, молодой человекъ ловкій, красивый, съ выразительной миимкой, благородными жестами. Онъ превосходно юбилгралъ и протанцевалъ Фосфорьяля и имѣлъ огромный успѣхъ, какого еще не было со времени дебюта Сен-Леона. Вообще онъ, какъ ученикъ этого замѣчательнаго артиста, чрезвычайно напоминаетъ рѣдкаго танцора, который *играетъ* не хуже драматическихъ актеровъ и танцуетъ такъ непринужденно, грациозно, что на него съ равной астрѣ можно смотрѣть, какъ на хоронцевскихъ танцовщицъ.

Г-жа Люсиаль Лемонье, другая дебютантка, настоящая блистательная блонкурадъ звѣзда, которую странно даже назвать, изъ опасенія, что она восполнуетъ своей славою и улетитъ въ Парижъ въ Лондонъ, или Петербургъ. Главныя достоинства въ новой звѣз-

дѣ — молодость и красота. Г-жа Лемонье лишена страшной худобы, отличающей большую часть балетныхъ танцовщицъ, по которымъ можно учиться остеологін, но она и не толста какъ некоторые свершныя пѣвицы. Она легка, свободна и граціозна, какъ ребенокъ. Публика приняла ее какъ будущую свою любимицу, и она протанцовала некоторыя изъ съ аккомпаниментомъ однихъ аплодисментовъ.

Дирекція Французской-Комедіи очень довольна приобрѣтеніемъ Бросана и готовится возобновить для него нѣсколько комедій Скриба и Мольера. О трагедіи ничего не слыхать, только изрѣдка журналы выкупаютъ надали Рашель, что явится дебютантка, которая затмѣитъ ее славу. Утверждаютъ, что скоро явится на сцену, подъ именемъ *Изabelle*, жена одного адвоката и займетъ роли Рашели. Это молодая женщина, въ полномъ смыслѣ красавица, что уже много значитъ для успѣха; она прекрасно воспитана, что тоже нелишнее, и у ней страсть къ театру, что необходимо для артистки. Остается одинъ вопросъ: есть ли у ней талантъ? Журналы отвѣчаютъ утвердительно, но это, можетъ-быть, потому, чтобъ заставить Рашель поскорѣе прѣхать въ Парижъ.

Между-тѣмъ дирекція Французскаго-Театра поставила на сцену небольшую пьесу г-жи Жирарденъ подъ названіемъ: *La joie fait peur*, имѣвшую огромный успѣхъ. Странно, что тутъ почти нѣтъ пьесы, нѣтъ дѣйствія, интриги, эффектовъ; зритель съ первой сцены знаетъ въ чемъ дѣло, а все-таки вся публика была въ сильномъ волненіи, въ тревожномъ ожиданіи — всѣ плакали... Чему же приписать такой успѣхъ? Таланту писательницы и прекрасной игрѣ артистовъ. Эту пьесу могла написать только женщина, потому-что никогда бы мужчине не пришла въ голову основать пьесу на одномъ чувствѣ страха отъ сильной радости. Мать, сестра и невѣста оплакиваютъ Адриена, о смерти котораго пришло извѣстіе. Въ первой сценѣ всѣ въ глубокомъ траурѣ, какъ на похоронахъ, всѣ плачутъ и сморкаются, а особенно г-жа Дезобье, приходящая въ совершенное отчаяніе отъ смерти сына. Артемиза не рыдала такъ о королѣ Мавзоѣ, и Камилла не терзалась о своемъ любезномъ Куріацинъ какъ г-жа Алмазъ плачетъ объ Адриенѣ. Одинъ только старый слуга Ноэль не вѣритъ, чтобъ молодой его баринъ смѣлъ умереть, и одинъ старается быть веселымъ посреди всеобщаго горя. Вдругъ покойникъ является въ совершенномъ здоровьи и встрѣчается съ старымъ Ноэлемъ. Минута эта превосходна и Ренье велъ сцену такъ удивительно, что половину успѣха пьесы можно приписать ему. Радость поражаетъ старика, потому-что хоть онъ и говоритъ, что не вѣритъ смерти Адриена, но все-таки не смѣлъ надѣяться на его возвращеніе. Надобно видѣть его нѣмой восторгъ, его дѣтскія ласки молодому человѣку, котораго онъ являлъ ребенкомъ, и потомъ его страхъ, вынесетъ ли сестра, и особенно мать, эту неожиданную радость. Въ невѣстѣ онъ увѣренъ, потому-что радость не убьетъ ее; она начала уже слушать любезности Октава, предлагавшаго ей занять мѣсто покойника. Прежде всего Ноэль беретъ приготовить сестру къ свиданію съ братомъ, но беретъ за это такъ неловко, что молодая дѣвушка пугается, чуть не

падаетъ въ обморокъ и, обвиняя брата, все еще не вѣрить, что онъ живъ. Теперь остается самое трудное—внушить матери надежду безъ сильныхъ потрясеній, которыя могутъ ее убить, и постепенно навести ее на мысль, что сынъ ея живъ. Старого Ноэля удаляютъ, чтобъ онъ не испортилъ всѣхъ предосторожностей, и Бланка начинаетъ внушать матери надежду, намекая издалека на возможность невѣрнаго извѣстiя, на случай, что иногда люди почитались долго умершими и потомъ являлись и присутствiе ихъ поражало близкихъ. Сцена эта ведена тоже съ большимъ искусствомъ; и когда Адриенъ бросается къ матери, она уже приготовлена и можетъ только плакать отъ радости. Занавѣсъ опускается надъ семейной картиной, полной счастья; одинъ только Октавъ неочень-доволенъ, что мертвецъ вернулся съ того свѣта и помышлялъ ему утѣшать хорошенькую Матильду.

Мы уже сказали, что пьеса разыграна была съ рѣдкимъ совершенствомъ. Одинъ Ренье имѣетъ даръ заставлять публику плакать или смѣяться, когда ему вздумается, и роль Ноэля останется одною изъ лучшихъ въ его репертуарѣ. Г-жа Алланъ — мать (потому-что она рѣшительно переходитъ на роли матерей: что — прибавимъ мы отъ себя — давно было пора сдѣлать ей) была очень-трогательна и плакала натурально. Роли молодыхъ дѣвушекъ играли хорошенькiя молодые актрисы; словомъ: все способствовало къ самому замѣчательному успѣху пьесы, въ которой однакожъ все-таки нѣтъ пьесы. Въ чтенiи она ничего не произведетъ, но на сценѣ продержится очень-долго, потому-что всѣ захотятъ видѣть нѣсколько разъ неподражаемаго Ренье.

Театръ Гимназиі поставилъ тоже небольшую пьеску *La Partie de riquet*, успѣхъ которой зависѣлъ отъ одного исполненiя. Разорившiйся дворянинъ и богатый мѣщанинъ чрезвычайно-дружны между собою и устраиваютъ бракъ между своими дѣтьми, какъ вдругъ, въ день подписанiя контракта, старые друзья ссорятся между собою за никетомъ, и гордый дворянинъ собираетъ свое бѣдное имуществво (потому-что живетъ у мѣщанина), беретъ сына, говоря, что никогда не позволитъ ему унижить свой родъ женитьбой на мѣщаникѣ и хочетъ уйти. Но эта сцена сильно подѣйствовала на бѣднаго шевалье и онъ отъ волненiя лишается чувствъ. Другъ его въ это время успѣлъ раскаться въ своей запальчивости; дочь его, Роза, успѣшила вынуть изъ чемодана вещи обиженнаго, и когда онъ приходитъ въ чувство, то передъ нимъ ставятъ столъ и другъ его, Мерсье, предлагаетъ сыграть партiю въ пикетъ, какъ-будто между ними не было никакой ссоры. Шевалье думаетъ, что онъ видѣлъ ссору во снѣ и подписываетъ контрактъ, забывъ, что онъ запретилъ сыну думать о Розѣ. Лесюеръ очень-хорошъ въ роли шевалье и очень-вѣрно изображаетъ типъ стараго дворянина.

Театръ Разнообразiя, видя, какъ нравятся маленькiя пьесы, тоже поставилъ небольшой водевилъ, имѣвшiй большой успѣхъ. Иначе не могло и быть, потому-что въ немъ играли два знаменитые комика: Арналь и Ньюа. Сюжетъ чрезвычайно запутанъ, но забавенъ до чрезвычайности. Старый вдовецъ Баликорнъ собирается жениться на моло-

дой пьесъ, Бобинетъ, но обзоры его продолжаются такъ долго, что Бобинета успиваетъ полюбить молодого сосѣда, который поминутно забываетъ въ ея комнату. Вдругъ является дядь Инди богачъ Цингляръ, другъ Баликорна, и начинаетъ отъискивать предметъ своей прежней страсти по всему Парижу. Сначала онъ думаетъ, что Бобинета его дочь, потому-что она похожа на ту, которую онъ отъискиваетъ, потомъ Баликорнъ узнаетъ, что онъ отецъ Бобинеты, а Цингляръ отецъ ея сосѣда, словомъ: чепуха страшная, но дѣло кончается свадьбой молодыхъ людей, а старики вспоминаютъ прошедшее. Вотъ и все содержание водевиля *Erreurs de bel age*. Два превосходные коммеса могутъ поддержать и не такую нѣсчу.

Другой водевилъ: *Quatorze de dames* тоже очень-недурень и виситъ отъ одной роли. Старый холостякъ Доженъ влюбленъ вдругъ въ четырехъ женщинъ и не знаетъ, которой изъ нихъ предложить свою руку. Онъ называетъ ихъ по мастямъ: червонною, бубною, трефовою и ликовою дамами и вынимаетъ наудачу одну карту, рѣшившись на ней жениться. Выходитъ трефовая дама; холостякъ обманывается съ нею и предлагаетъ свою руку; но червонная очень-недовольна этимъ распоряженіемъ, потому-что сама сбиралась выйти за богатаго старика и начинаетъ подшучивать надъ избранникомъ. Знавъ ея вѣтронный характеръ, она передѣвается три раза въ мужское платье и обольщаетъ блѣдную трефовую даму своими обѣщаніями и описаніями страстной любви. Старика, разумеется, подслушиваетъ ятотъ разговоръ и предлагаетъ свое сердце червонной дамѣ. Г-жа Скриванекъ была очаровательна въ трехъ мужскихъ костюмахъ.

Объ остальныхъ пьесахъ не стоить и говорить. Вотъ печальное извѣстіе объ одной бывшей артисткѣ Театра Разнообразія, знакомой Петербургу и имѣвшей у насъ успѣхъ. Эстеръ Бонгаръ ужъ несколько лѣтъ оставила сцену, и всѣ думали, что она вышла выгодно замужъ и живетъ богато и весело, но вдругъ узнали, что она умерла насильственною смертию, и гдѣ же? въ Шарантонъ! Несчастная сошла съ ума и утопилась въ ваннѣ.

Итальянская Опера поетъ *Соннамбулу*, Большая Опера ставитъ *Восталку* съ Крувалла и Роже и готовится къ «Моисею». Говорятъ даже, что Россини придетъ къ возобновленію своей оперы, но этому немногіе вѣрятъ. Комическая опера живетъ громаднымъ успѣхомъ новой оперы Мейербера, передѣланной изъ его же *Силезскаго лезерла*.

Замѣчательно, что почти всѣ парижскіе театры судятся. Артисты жалуются на директоровъ за несправедливую раздачу ролей; директора обвиняютъ артистовъ въ капризахъ; авторы судятся съ директорами за то, что тѣ не ставятъ ихъ пьесъ; артисты спорятся между собою за роли; словомъ: всѣ театры имѣютъ представителей въ судѣ. Чтожь? во Франціи и это тоже родъ зрѣлищъ!

Наконецъ-то комедія Александра Дюма *Молодость Лудовика XIV* была играна, только не въ Парижѣ, а въ Брюсселѣ. Рассказывая о скорости, съ которою написана эта пьеса въ журналахъ, всѣ твердили, что комедія эта въ стихахъ. Совсѣмъ дѣтъ, она написана прозою, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что дирекція Французскаго Театра

хотѣла ее принять. Она предпочитаетъ большія комедіи въ стихъ. Дюма отдалъ ее на бруссельскій театръ, гдѣ собрана превосходная труппа, и остался чрезвычайно доволенъ исполненіемъ пьесы, публика была довольна авторомъ. Вотъ сюжетъ этой комедіи, налавшей много шума :

Пьеса основана на любви молодаго Лудовика XIV къ Маріи Манчини, третьей племянницѣ кардинала Мазарини. Король жертвуетъ своею любовью политикѣ и совѣтамъ министра и прощается съ Маею навсегда, поручивъ кардиналу хлопотать о пиренейскомъ мирѣ окончить его бракомъ съ инфантою Маріею Терезою.

Главными двигателями въ интригѣ два важныя лица и два второстепенныя, которыя, разумѣется, дѣйствуютъ больше первыхъ. Первые—король и кардиналъ, вторыя—Мольеръ и дочь садовника Венсенкаго Замка, Жоржетта, прозванная *любимыиной*, потому—что у нея страсть подслушивать и подсматривать; она прачется подъ столъ, а которымъ разсуждаетъ совѣтъ, чтобъ узавъ политическія дѣла. Мольеръ является къ королю просить о привилегіи театра и Лудовикъ XIV, поговоривъ съ нимъ о новіи и комедіи, приглашаетъ писателя завтракать съ собою и назначаетъ своимъ камердинеромъ. Молодой король любитъ Марію Манчини и хочетъ возвести ее на тронъ, несмотря на всѣ представленія министровъ и политику, но всезнающая Жоржетта беретъ вымечить Лудовика и доказываетъ ему, что дѣвица Манчини была очень расположена къ графу де-Лиль. После этого король общается кардиналу жениться на инфантѣ, даетъ Мольеру привилегію и требуетъ, чтобъ онъ принялъ въ свою труппу Жоржетту, которая оказала рѣдкія способности въ сценическомъ искусствѣ. Лучшая роль въ комедіи—Жоржетта, прекрасный избалованный ребенокъ, котораго всѣ любятъ, балуютъ, котораго король слушается, потому—что выросъ вмѣстѣ съ нею и привыкъ ей угождать. Самая же неблагодарная роль—роль Маріи Манчини, и Дюма не позаботился придать ей какой—нибудь характеръ: любовь къ королю или тщеславіе. Онъ хотѣлъ слить въ одно эти два чувства и сдѣлалъ непонятное, жалкое существо, которое не возбуждаетъ никакого интереса. Даже въ сценѣ прощанія, когда она говоритъ королю историческія слова: «Вы плачете, вы король, а я все—таки уважаю», она не могла ничего сдѣлать и не знала плакать ли ей, или оставаться холодною. Прочіе артисты поддержали пьесу, успѣхъ которой былъ очень замѣчательнъ.

Неизвѣстно, что прожвела бы эта пьеса въ Парижѣ. Разумѣется, въ первый разъ публика напоинила бы залу; но невѣроятно, чтобъ комедіи выдержала много представлений. Сюжетъ ужъ избитъ романами того же Дюма, дѣйствіе безъ всякой надобности растянато на пять актовъ, интрига неинтересна и множество лицъ толпятся на сценѣ, ничего не дѣлая. Словомъ: Александру Дюма вѣдуналось представить на сценѣ *увеселительную политику*, и съ его воображеніемъ, блестящимъ слогаиъ и знаніемъ сцены онъ добился до—того, что составилъ занимательную пьесу, которая приводитъ въ восторгъ бруссель-

скую пубliku. Парижская же предпочитает *Молодость Юдифи XIV* — дѣтство *Ромула*.

— На берлинскомъ театрѣ дана была новая драма *Суссани и Демисъ* и имѣла огромный успѣхъ. Декорации и костюмы роскошны и изящны.

— На томъ же театрѣ данъ былъ трехактный балетъ *Аладинъ, или волшебная лампа*, соч. Гаге, музыка Гериха. Постановка его стоила 10,000 талеровъ. Сюжетъ взятъ изъ известной драмы Эшшлегера. Дѣйствіе начинается въ бѣдной рыбацкѣй хижинѣ, гдѣ мать Аладина, Темира, и дочь ея ждутъ Аладина съ рыбной ловли. Онъ является наконецъ съ своими товарищами и съ однимъ иностранцемъ, котораго онъ вытащилъ изъ воды и который выдаетъ себя за его дядю. Въ самомъ же дѣлѣ, онъ чародѣй Тиморханъ, желающій погубить Аладина. Для достиженія своей цѣли, остается онъ ночевать въ хижинѣ и погружаетъ Аладина въ глубокой сонъ, въ которомъ приказываетъ ему султанскую дочь Бедруль-будуръ. Аладинъ восхищается къ ней любовью и, проснувшись, клянется исполнить все, чего потребуетъ чародѣй, если онъ его соединитъ съ прелестною дѣвою, видяною имъ во снѣ. Чародѣй обѣщаетъ исполнить его желаніе и уводитъ съ собою Аладина въ подземелье, гдѣ хранится волшебная лампа, которую молодой рыбакъ долженъ для него украсть, чтобъ сдѣлать его могущественнѣйшимъ изъ волшебниковъ. Аладинъ сворачиваетъ камень въ подземелье и спускается туда.

Черезъ нѣсколько минутъ возвращается онъ оттуда съ драгоценнымъ талисманомъ. Чародѣй требуетъ, чтобъ Аладинъ отдалъ ему лампу, но тотъ говоритъ, что отдастъ ее, когда она выйдутъ изъ подземелья. Чародѣй сердится и заваливаетъ камень, оставивъ Аладина въ пещерѣ. Тотъ, въ отчаяніи, готовъ ужъ бросить лампу, какъ вдругъ является передъ нимъ гевій Исменоръ, вызванный печальнымъ треніемъ лампы и объясняетъ всѣ чудеса ея. Обрадованный Аладинъ тотчасъ же испытываетъ свой талисманъ, пожелавъ видѣть великолѣпный дворецъ и огромныя сокровища, чтобъ свататься за султанскую дочь.

Второе дѣйствіе происходитъ во дворцѣ султана, получившаго свѣдѣніе, что Тиморханъ, которому онъ отказалъ въ рукѣ своей дочери, идетъ на него войною. Вскорѣ является Исменоръ съ большою свитою и проситъ для Аладина тоже руки султанской дочери. Султанъ соглашается съ тѣмъ условіемъ, чтобъ Аладинъ защитилъ его область отъ Тиморхана. Въ слѣдующей сценѣ является и самъ Аладинъ съ блистательнѣйшею свитою и драгоценными подарками. Султанъ представляетъ его дочери, и та объявляетъ, что онъ ей нравится. Начинаются танцы.

Приходъ нѣсколькихъ офицеровъ прерываетъ празднество. Они доносятъ султану, что Тиморханъ ужъ вторгся въ области его. Всѣ пугаются; одинъ Аладинъ увѣренъ въ побѣдѣ и успокоиваетъ свое невѣсту.

Когда всѣ уходятъ, изъ земли выходитъ духъ зла съ Тиморханомъ и совѣтуются, какъ бы погубить Аладина. Духъ передаетъ ему под-

дальнюю лампу, совершенно-похожую на Аладивову, и совѣтуетъ искусно подмѣнить ее. Тиморханъ превращается въ султанскаго невольника, и въ слѣдующей сценѣ, когда Аладинъ выходитъ ужъ вооруженный, чтобъ идти на бой, Тиморханъ присоединяется къ свѣгъ его. Приходить невѣста и довершаетъ вооружение жениха, который въ эту минуту кладетъ подлѣ себя на одно мгновение лампу: этою минутою пользуется Тиморханъ и подмѣниваетъ ее. Послѣ этого Аладинъ идетъ на бой.

Тутъ чародѣй съываетъ своихъ воиновъ, вооруженныхъ пламенными мечами, и повелѣваетъ имъ истребить Аладина и похитить невѣсту его. Прилетаетъ испанская птица «рокъ» и увоситъ съ собою принцессу во дворецъ Тиморхана.

Третій актъ въ замкѣ чародѣя. Принцесса лежитъ въ обморокѣ, а надъ нею стоить похититель ея. Когда она приходитъ въ чувство, онъ удаляется, а та, видя себя одну въ незнакомомъ мѣстѣ, проливаетъ слезы. Къ утѣшенію ея являются толпы невольницъ и танцуютъ. Вдругъ, позади дивана ея является Исменоръ и успокоиваетъ ее. Онъ ей совѣтуетъ притвориться и показать, что она чувствуетъ любовь къ Тиморхану, говоря, что эта хитрость спасетъ ее. Та обѣщаетъ исполнить его совѣтъ. Когда Тиморханъ явится съ трофеями побѣды надъ Аладиномъ, принцесса радостно встрѣчаетъ побѣдителя. Тиморханъ, въ восторгѣ, проситъ руки ея; та соглашается; онъ ведетъ ее на тронъ.

При переиѣнѣ декораціи, Исменоръ приводитъ Аладина и прячетъ его въ комнату Тиморхана, научая, какъ похитить свою лампу обратно; является чародѣй, ставя лампу на столъ. Приводятъ принцессу. Онъ хочетъ ей принести подарокъ и удаляется на-минуту. Аладинъ хочетъ схватить лампу въ это мгновение, но изъ нея вылетаетъ огонь и Аладинъ отступаетъ, скрываясь опять. Возвращается Тиморханъ и удивляется, что невѣста опустила свое покрывало. Онъ проситъ поднять его, но та говоритъ, что свѣтъ лампы для нея тягостенъ и она подниметъ вуаль не прежде, какъ свѣтъ этотъ погаснетъ. Тиморханъ задуваетъ лампу и идетъ къ невѣстѣ. Вдругъ Аладинъ схватываетъ талисманъ и, по знаку его, декораціи переиѣняются и представляетъ храмъ огня, окруженный золотыми садами. Это послѣдняя картина. Отецъ принцессы, мать и сестра Аладина обнимаютъ спасающую чету. Совершается празднество брака и Исменоръ улетаетъ со всею свитою геніевъ, благословляя новобрачныхъ.

— Газеты сообщали о смерти знаменитаго Рубини, скончавшагося на шестдесятъ-первомъ году. Искусство гѣнія потеряло въ немъ послѣдняго великаго представителя.

— Въ *Athenaeum* напечатанъ некрологъ извѣстнаго англійскаго живописца Джона Мартинна, умершаго 17-го февраля 1854 г., отъ удара. Онъ родился 19-го іюля 1789 года въ Комберландѣ, отъ блѣдныхъ родителей и съ малолѣтства обнаруживалъ страсть къ искусству. Учителемъ его былъ итальянецъ Бонифачіо Муцчио, но Мартиннъ вскорѣ пошелъ собственною дорогою, которой остался вѣренъ до конца своей жизни. Знаменитѣйшія его картины: *Пиръ Балтазара*,

Разрушеніе Геркуланума, Помпеи, Гибель Ницшею. Эти проклятія возбудили въ Англии такой восторгъ, что Больверъ сжело воставилъ Мартина наравнѣ съ Рафаэлемъ и Микель-Анджело. Безпрестрастные судьи критикуютъ ошибки его въ рисунокѣ и слишкомъ-рѣзкій колоритъ; но должно сознаться, что онъ, по блзстательнымъ идеямъ, принадлежитъ къ замѣчательнымъ художникамъ своего времени. Впрочемъ, кажется, гений его погасъ преждевременно: въ послѣднихъ его произведеніяхъ видны всѣ прежнія ошибки, но не встречаются ужъ прежнія качества, прославившія его въ періодъ съ 1821 по 1828 годъ.

— Визъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ современныхъ учителей пѣнія, пишетъ въ *Fliegende Blätter für Musik*, что искусство пѣнія упало нынѣ по двумъ причинамъ: «вопервыхъ (говоритъ онъ), наши оркестры въ большихъ городахъ слишкомъ усилены и музыканты слишкомъ-громко аккомпанируютъ пѣнію, особенно женскому въ среднихъ регистрѣ и *piano*. У нашихъ духовыхъ инструментовъ нѣтъ ужъ нынче *piano*. Они такъ же громко аккомпанируютъ пѣнію, какъ играютъ въ аттрактахъ, а мѣдные инструменты гремятъ, какъ въ дѣнь битвы. Какъ не сожалѣть объ этомъ смѣшеніи симфоническаго стиля съ опернымъ! Куда дѣвались уши нашихъ музыкантовъ? Они хотятъ только слышать сами себя, а не пѣніе.

Вторыхъ, строй нашихъ оркестровъ слишкомъ-высокъ. Съ послѣднихъ лѣтъ прошлаго столѣтія, то-есть въ-теченіе пятидесяти лѣтъ, онъ возвысился на цѣлой тонъ. Намъ нестерпимо надобно или опять спуститься къ прежнему тону (при которомъ благозвучно осталась парижская итальянская опера), или транспонировать тономъ ниже всѣ оперы. Высокіе тоны до крайнихъ предѣловъ голоса не вредятъ умной пѣвицѣ, а особливо въ операхъ оптимныхъ композиторовъ, каковы Моцартъ, Россини, Беллини; но высокія партіи вообще истощаютъ голосъ, особливо, если новички-композиторы дѣлаютъ для сопрано пассажъ изъ два раза перечеркнутыхъ нотъ, забывъ, что пѣвицѣ должно переводить духъ. Сперва эти усилія заставляютъ пѣвицъ терять верхнія ноты, а потомъ и тонкое ощущение средняго регистра; но многіе капельмейстеры не понимаютъ этого, или не заботятся объ этомъ, разрушая какъ голоса, такъ и самое искусство пѣнія.

— Праздные люди вычислили въ Парижѣ, что пѣвица Крувелли, получающая жалованья 100,000 франковъ за 10 мѣсяцевъ, получаетъ за каждую ноту, которую поетъ, по честира франка.

Обратимся теперь къ новостямъ искусства и науки.

— Въ агсбургской газетѣ и въ лондонскомъ журналѣ *Аthenaeum*, сообщены извѣстія о двухъ филологическихъ конференціяхъ, бывшихъ подъ председательствомъ Бунзена, для утверженія *Всеобщей Азбуки*. На этихъ конференціяхъ присутствовалъ Максъ Мюллеръ, издавшій Ригъ-Веды, Перцъ, предсѣдатель Берлинской Академіи, и многіе лондонскіе ученые: сэръ Джонъ Гершель, профессоръ Оуэвъ и другіе.

Речь, произнесенная Бунзеномъ при открытіи засѣданія, объясняетъ практическую сторону предпріятія, обваруживая, что многочисленное

христианское миссионерство, распространенное по всей землѣ, требуетъ установленія всеобщей азбуки для всѣхъ полудикихъ народовъ. Теперь каждое общество миссионеровъ составляетъ для перевода священнаго писанія на эти языки свои особенныя азбуки, между которыми, конечно, въ разныхъ странахъ существуютъ большія разности. Къ этому надобно присовокупить, что англійская орфографія составляетъ разительное противорѣчье между буквами и выговоромъ, такъ—что нѣмцы и французы никогда не въ—состояніи будутъ употреблять изобрѣтенныхъ англичанами азбукъ, основанныхъ на англійскомъ произношеніи. Беннъ сказалъ, что, проживая нѣсколько лѣтъ въ Африкѣ, онъ дѣлалъ удачныя опыты введенія *филологической* азбуки между туземцами, говорившими на юрубскомъ нарѣчій.

Подъ словомъ *philosophical Alphabet* англійское Филологическое Общество разумѣетъ азбуку, въ которой каждая буква имѣетъ свой опредѣленный, постоянный звукъ, а не измѣняется, какъ въ англійской азбукѣ. Основую этой новой всеобщей азбуки должна служить латинская, и Мюллеръ ужь представилъ свою фонетико—физиологическую азбуку на всеобщее разсмотрѣніе. Другую, такую же составилъ профессоръ Лепсіусъ.

Бунзенъ предложилъ конференціи слѣдующіе вопросы:

- 1) Посредствомъ нынѣшнихъ физиологическихъ свѣдѣній можемъ ли мы ясно опредѣлить звукъ каждаго языка и выразить его надлежащею буквою?
- 2) Если можемъ, то годится ли эта система для всѣхъ народовъ и языковъ?
- 3) Можно ли довести эту систему до принятія ея во всеобщее употребленіе?

Вся трудность состоитъ въ устраненіи этихъ трехъ неудобствъ. Нужно составить азбуку, которою бы могли пользоваться всѣ полудикия племена, обращаемаыя въ христіанство, и которая служила бы основаніемъ будущей ихъ литературы и образованности. Въ одной Остиндіи сто—пятьдесятъ милліоновъ жителей должны воспользоваться ею.

Мысль эта чрезвычайно—важна и полезна, но и весьма—затруднительна для исполненія. Система выраженія буквою каждаго звука весьма—трудна. Даже въ тѣхъ языкахъ, которыхъ литературу мы знаемъ, какъ, напримѣръ, въ санскритскомъ и греческомъ, не можемъ мы опредѣлительно сказать, какъ древніе произносили тотъ, или другой знакъ.

Въ слѣдующемъ затѣмъ номерѣ *Athenaeum* напечатанъ былъ протестъ противу этого засѣданія. Въ немъ отвергають возможность составленія англичанами подобной азбуки, и мысль насильно навязать ее Африкѣ, Азіи и Китаю. Самая мысль прекрасна; но англичане не могутъ привести ее въ исполненіе, потому—что нѣтъ на свѣтѣ языка, въ которомъ бы буквы рѣзче противорѣчили произношенію. Питтинъ и Эклисъ уже предлагали измѣнить самую англійскую азбуку, чтобъ сблизить ее съ выговоромъ словъ. Слѣдовательно надобно исправить свою собственную азбуку прежде, нежели думать о всемірной.

— Одинъ англійскій путешественникъ рассказываетъ о книжной торговлѣ въ Мадридѣ слѣдующее:

Книжной торговли не существуетъ въ Испаніи, даже въ самой столицѣ. Если какому-нибудь путешественнику вздумается поискать здѣсь книгу, онъ не найдетъ ничего. Есть въ городѣ нѣсколько книжныхъ лавокъ—но что это за лавки! Въ нихъ не только никогда нѣтъ каталога, но въ самой лавкѣ никогда не найдете вы хозяина. Книжная торговля здѣсь второстепенное, случайное занятіе, и хозяинъ всегда оставляетъ въ лавкѣ посторонняго человѣка, или мальчишка, болѣе ли надвора, нежели для продажи, очень-хорошо зная, что въ цѣлую неделю едва-ли заглянетъ къ нему одинъ покупатель.

Войдите въ лавку—и за прилавкомъ дремлющій прикащикъ събѣшитъ объявить вамъ о хозяинѣ: *ha ido alla calle* (онъ вышелъ на улицу). Спросите о какой-нибудь книгѣ, прикащикъ лѣниво оглянется, сомнительно покачаетъ головою и скажетъ: *«creo que no»* (думаю, что нѣтъ!), и вы удалитесь съ полною увѣренностью, что онъ не хотѣлъ только поискать.

Такъ поступаютъ въ *лавкахъ* книжныхъ лавкахъ. Но есть и *мелочныя*. Первое качество хозяина состоитъ въ томъ, что онъ понятія не имѣетъ ни о своемъ товарѣ, ни о цѣнности книгъ. Онъ ему достался съ аукциона, за долгъ, или въ наслѣдство. Если случится, что ему станутъ давать за книгу сумму значительнѣе, нежели онъ ожидалъ (онъ самъ никогда не назначаетъ цѣны, а предоставляетъ покупщику), то онъ ни за какія деньги не отдастъ ее, надѣясь получить больше современемъ, хотя бы книга и сгнила у него въ лавкѣ. Онъ всегда предполагаетъ, что кто идетъ покупать какую-нибудь книгу, тому она значить очень-нужна, и слѣдственно, тотъ ее обязанъ купить за какую-бы то ни было цѣну. Лучше всего прийти и безъ вниманія пересматривать книги, назначая имъ незначущія цѣны: тогда вы скорѣе купите. Но посмотрите *два раза* на одну книгу—и уже хозяинъ догадывается, что это дорогой товаръ.

Здѣсь книжныя лавки подъ открытымъ небомъ, иногда на дворѣ, и книги уставлены у забора; иногда же просто въ переулкѣ вдоль стѣнки; только въ немногихъ лавкахъ книги лежатъ въ комнатѣ. Зимой прикащикъ, или хозяинъ, сидитъ полузамерзшій надъ своимъ *braseo* (жаровня съ угольями), и вы, войдя въ лавку, не спрашивайте его лучше ни о чемъ, сами ступайте осматривать полки и ищите. Если не найдете, то уйдите сказавъ: *«оставайтесь съ Богомъ!»*, а онъ отвѣтитъ *«идите съ Богомъ!»* Зачѣмъ вы приходили—ему и дѣла нѣтъ.

— Французская Академія Надписей послала въ таврскія горы одного изъ своихъ членовъ, Ланглау, сдѣлать тамъ археологическія разысканія о крѣпости *Подандуль*, названной крестоносцами *Боттифрономъ*, п о *Монсукремъ*.

Ланглау отправился въ Киликію, и чтобъ исполнить порученіе Академіи какъ-можно-точнѣе, пригласилъ съ собою молодаго ученаго, Цейрона, извѣстнаго своими этимологическими трудами. Они выѣхали

изъ Тарса къ сѣверу, гдѣ должны находиться развалины Мопсукрена, Киликійскія Ворота и крѣпость Ботентронъ.

На дорогѣ къ *Кулек-Бодязъ* (Киликійскія Ворота) нашли они каравансерай Мезарликъ-олу-ханъ, построенный изъ развалинъ Мопсукрена, находящийся вблизи, на покатости большой горы, и выходящихъ на дорогу Кулекъ.

На мѣстѣ Мопсукрена нѣтъ никакихъ остатковъ древнихъ памятниковъ; это доказываетъ, что мѣсто это не имѣло большой важности и сдѣлалось случайно извѣстно только смертью Констанція II, шедшаго противъ Юліана-Отступника. Оно даже совсѣмъ неудобно для города, и очень-вѣроятно, что Мопсукрень было такое жъ незначительное селеніе, какъ Мезарликъ-олу-ханъ, населенный бѣдными дровосѣками.

Въ развалинахъ замѣтны только слѣды небольшой византійской церкви и остатки стѣны, ведущей на другую сторону дороги. Вся земля покрыта камнями и кирпичами, но нѣтъ ни надписей, ни медалей, сохранившихъ какое-нибудь воспоминаніе объ этомъ городѣ. Въ окрестностяхъ нѣтъ никакихъ селеній и даже другихъ развалинъ, и Мезарликъ-олу-ханъ служитъ отдохновеніемъ для путешественниковъ, идущихъ изъ Тарса и Адана къ Киликійскимъ Воротамъ, ведущимъ въ Каппадокію.

Надобно хорошо знать Востокъ, чтобъ имѣть понятіе о гостепріимныхъ каравансераяхъ, открытыхъ для всѣхъ путешественниковъ. Многіе думаютъ, что они похожи на бѣдныя гостиницы Швейцаріи и Италіи: они ошибаются, потому-что каравансерай не можетъ сравниться даже съ жалкими трактирами Альпъ и Аппениновъ. Это большая комната, грязная до невѣроятности и въ которой нѣтъ другой мебели, кромѣ старыхъ цыновокъ, на чемъ путешественникъ поневолѣ отдыхаетъ. Мѣшки съ рисомъ, мукою и ячменемъ составляютъ всѣ припасы. Вечеромъ зажигаютъ, для освѣщенія зады кусокъ смоленого дерева и посрединѣ разводятъ огонь, вокругъ котораго грѣются бѣдные путешественники, задыхаясь отъ дыма. Спать въ этой комнатѣ нѣтъ никакой возможности, выйти изъ нея ночью тоже нельзя, потому-что ее охраняютъ собаки, которыя могутъ разорвать васъ; стало-быть, надобно поневолѣ ждать дня, чтобъ продолжать путь, и всю ночь курить или разговаривать съ товарищемъ, если онъ у васъ есть. Многіе радуются, видя гостепріимный входъ каравансерая, но, выходя изъ него, рады еще больше.

Ученые путешественники прошли ущелье, называемое Киликійскими Воротами, черезъ которыя проходили Семирамида, Киръ, Александръ, Танкредъ и другіе побѣдители. Этотъ единственный проходъ очень узокъ, такъ-что четыре лошади не могутъ идти въ рядъ. Два острые утеса такой вышины, что невозможно видѣть ихъ вершинъ, идутъ, какъ стѣны, съ двухъ сторонъ тѣсины, орошаемой ручьемъ, втекающимъ въ Сарусъ (Сегумъ Чай). Д'Анвилъ предполагалъ, что рѣка Сарусъ прорвала горы и образовала эти Киликійскія Ворота, но мнѣніе это нельзя подтвердить, потому-что Сарусъ протекаетъ на востокъ далеко за Воротами.

На утесахъ, по сторонамъ ущелья есть двѣ надписи, почти-стертыя

временемъ. На одной можно разобрать имя Адриана, который, вероятно, исправлялъ эту дорогу; на лѣвомъ утѣсѣ возвышался византійскій замокъ, охранявшій проходъ. Ксенофонтъ сдѣлалъ превосходное описаніе этого мѣста и укрѣпленій, и теперь сохранившихся точно въ такомъ же видѣ. Альбертъ—Ахенскій, описывалъ походъ Таввреда черезъ Тавръ, упоминаетъ тоже объ этой долине.

Въ двухъ километрахъ отъ долины стоятъ укрѣпленные замки, построенные Ибрагимомъ—пашею, во время занятія Египта французами. Они назначены для защиты дороги въ Константинополь изъ Коинъ и Цезарей. Съ этого мѣста горы расходятся въ разныя стороны и образуютъ огромную равнину, названную Альбертомъ—Ахенскимъ Бутренскою Долиною. Здѣсь путешественники начали отыскивать развалины Ботентрона, но всѣ поиски ихъ были напрасны. Они встрѣтили красивую загородную виллу, построенную амфитеатромъ на скатѣ горы; дальше, влѣво отъ дороги, увидѣли большое возвышеніе, съ вершины котораго разстилался густой дымъ и сѣрный запахъ.

Такъ—какъ ни одинъ путешественникъ не упоминаетъ о вулканѣ въ этой странѣ, то Ланглюа чрезвычайно удивился этой находкѣ. Въ четырехъ часахъ отъ вулкана находится теплый сѣрный источникъ, о которомъ говоритъ г. Чихачевъ въ своемъ *Путешествіи по Малой Азии*. На картѣ Киперта онъ означенъ словами *Aquae calidae*. Дальше къ сѣверу они остановились въ таможенѣ, гдѣ тоже отдыхали многие путешественники, и потомъ отправились къ границамъ пашалыковъ Адана и Цезарей. Въ окрестностяхъ Ак—Купри (бѣлый мостъ) должны находиться развалины замка Ботентрона, и Ланглюа справился у начальника таможни, въ какой сторонѣ находятся остатки этого древняго памятника. Ему указали высокую гору на юго-востоки и сказали, что на вершинѣ ея есть старая крѣпость, называемая *Аннаша—Калесси*. Дорога къ этой горѣ чрезвычайно—тяжелая и гористая, такъ—что путешественники нѣсколько разъ должны были сходить съ лошадей, которыя не могли подниматься на вершины. Наконецъ показалась крѣпость на высотѣ, на утѣсѣ, нагнувшемся надъ пропастью. На этомъ утѣсѣ были изсѣчены знаки, которые издали можно было принять за надпись, но вблизи оказывалось, что это множество небольшихъ крестовъ, вырѣзанныхъ съ помощью кинжаловъ крестonosцами, на память ихъ пребыванія въ этомъ мѣстѣ.

Крѣпость построена изъ огромныхъ кусковъ чернаго мрамора и теперь такъ заброшена, что скоро совсѣмъ развалится. Внутренность вся покрыта обломками. Стиль постройки напоминаетъ византійскій; бастионы защищены были высокими башнями. Двѣ двери вели въ крѣпость.

Напрасно ученые искали надписей или какихъ—нибудь слѣдовъ, которые могли бы навести на имя основателя, и эпоху, когда построено это великолѣпное зданіе; но кромѣ скорпионовъ, колеоптеровъ и другихъ насѣкомыхъ, не нашли ничего въ этихъ развалинахъ.

Положеніе этой крѣпости, кресты, изсѣченные рыцарями, и византійскій стиль строенія ясно доказываютъ, что *Аннаша—Калесси* турокъ и Ботентронъ крестonosцевъ одно и то же, тѣмъ больше, что

въ окрестностяхъ нѣтъ нигдѣ замѣчательныхъ развалинъ, а историки крестовыхъ походовъ ясно означаютъ ея мѣсто. Притомъ же, ближайшее мѣстечко называется теперь *Бозакти* и имѣетъ дальнее сходство съ *Подандусомъ*, *Бутетрономъ*, *Бутренте*.

Послѣ этого путешественники осмотрѣли *Большой Мостъ*, построенный одною аркою на рѣкѣ Сарусѣ, и потомъ вернулись обратно въ Гарсъ, черезъ Кулекъ, по римской дорогѣ, ведущей въ Каппадокию. На этой дорогѣ находятся триумфальные ворота, построенныя, говорятъ, Костантиномъ, шедшимъ въ новую свою столицу — Иерусалимъ. Арка эта хорошо сохранилась; но такъ-какъ на ней нѣтъ никакой надписи, то нельзя и утверждать, что основателемъ ея былъ первый христіанскій императоръ. Возлѣ нея находится селеніе Бей-рамлу, у самой подошвы Тавра. Вотъ всѣ свѣдѣнія, собранныя учеными въ Киликии во время ихъ экспедиціи.

— Адмиралъ баронъ Руссень, сенаторъ, членъ Академіи Наукъ Коммисіи Долготъ, умеръ 21-го февраля послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни. Онъ родился въ 1781, вступилъ въ службу въ 1793 и пожалованъ адмираломъ 30-го октября 1840 года. Его хоронили въ одинъ день съ писателемъ Ламене, много заблуждавшимся въ течение своей жизни, хотя и обладавшимъ замѣчательнымъ дарованіемъ.

— Въ средствахъ сообщенія можетъ произойти большая перемѣна по случаю новаго изобрѣтенія одного инженера Мондо де-ла-Горса. Примѣненіе этого открытія къ дѣлу произведетъ большой переворотъ, если только оно удобноисполнимо, за что мы, конечно, не ручаемся. Дѣло въ томъ, чтобъ уничтожить рельсы, локомотивы, тендеры, насыпи, жосты и изъ всѣхъ принадлежностей путешествія по желѣзнымъ дорогамъ оставить только вагоны, и то придавъ имъ другую форму и вѣсъ. Въмѣсто того, чтобъ катиться по землѣ, экипажи будутъ двигаться по воздуху, нависанные на желѣзный канатъ, по которому скатятся отъ одного мѣста до другаго на крѣпкомъ блокѣ. Канатъ этотъ будетъ имѣть частыя поддержки.

Натянуть онъ будетъ не горизонтально, а въ началѣ отъѣзда будетъ приподнятъ и понизится къ другой станціи, то-есть будетъ покатымъ какъ ледяныя горы. На станціи новый двигатель приподниметъ весь поѣздъ и онъ вновь покатится до другой станціи и такъ далѣе.

Самое большое затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобъ благополучно миновать поддержки каната, не столкнуть ихъ или не зацѣпить вагонами, что произвело бы несчастіе не въ такомъ родѣ какъ нынѣшнія, но все-таки неочень-пріятное. Для избѣжанія этого, Мондо де-ла-Горса выдумалъ особенныя поддержки, за безопасность которыхъ ручается. Онѣ будутъ поставлены не вертикально, но въ сторонѣ отъ каната, и представятъ видъ наугольника, отъ котораго пойдетъ небольшая вертикальная поддержка, на которой будетъ лежать канатъ. Блокъ пройдетъ мимо поддержки, не дотрогиваясь до нея и не боясь никакого столкновенія. Вагоны будутъ прикрѣплены не къ двумъ оконечностямъ оси блока, а только къ одной, и будутъ сдерживаться крючками.

Вотъ вся новая система. Она очень—оригинальна и надобно было много трудовъ, чтобъ достигнуть до такого, повидимому, простаго способа. Изобрѣтатель не требуетъ, чтобъ систему его тотчасъ приняли, но проситъ сдѣлать опыты и испытать возможна ли она и, главное, безопасна ли? Маленькая поддержка, идущая отъ наугольника, должна быть очень—тонка, стало—быть, и непрочна: какъ же она сдержитъ тяжесть вагоновъ, наполненныхъ путешественниками, или товарами. Прикрѣпленіе только къ одной оконечности оси блока также не можетъ быть очень—безопасно. Можетъ ли наугольная поддержка сдержатъ канатъ, который придетъ въ сильное дрожаніе при приближеніи поѣзда? Всѣ эти вопросы разъяснятся при опытахъ.

Мысль перевозить людей и товары по воздуху на натянутомъ канатѣ совсѣмъ—нова: ею занимались ужъ многие ученые. Жюбаръ изъ Брюсселя, извѣстный экономистъ, предлагалъ ужъ подобный способъ перемѣщенія. Одинъ механикъ изъ Брюсселя, Тубудикъ, сдѣлалъ маленькую модель; французъ Фовель—Гуго привелъ въ исполненіе эту мысль въ небольшихъ размѣрахъ. Но всѣхъ ихъ останавливало одно препятствіе — подпора каната и столкновение его съ вагонами. Но если идея системы ненова, то примѣненіе ея принадлежитъ все—таки инженеру Мондо де—ла—Горсу, придумавшему новый способъ подпоръ и сдѣлавшему въ своемъ паркѣ, въ Оксерѣ, на нѣсколькихъ стадъ метрахъ подобную дорогу, которая удалась во всѣхъ отношеніяхъ. Стало—быть, стоить только сдѣлать опытъ въ большихъ размѣрахъ — это будетъ и любопытно и совсѣмъ—недорого.

Но въ то время, какъ ученые трудились и разгискивали, бѣдный механикъ Баланъ давно ужъ изобрѣлъ подобную же воздушную дорогу и предлагалъ ее многимъ министрамъ, представляя модели в ручасъ за безопасность подпоръ. Въ то же время онъ придумалъ двѣ машины, каждую о двухъ канатахъ, изъ которыхъ одна поднимаетъ тяжести и строительные матеріалы, на какую угодно высоту, въ самое короткое время, а другая переноситъ песокъ, землю, камни съ одного мѣста на другое съ значительною экономіею времени и трудовъ.

Ожидая исполненія своихъ надеждъ, бѣдный механикъ представилъ куда свою подъемную машину, имѣющую огромную силу, но въ то же время чрезвычайно—простую. Послѣ первыхъ опытовъ зрители не были даже нисколько удивлены и воображали, что такая простая машина должна быть изобрѣтена ужъ нѣсколько столѣтій тому назадъ, а между—тѣмъ изобрѣтеніе это стоило десятилѣтнихъ трудовъ Балану и недавно еще вошло въ употребленіе. О простыхъ вещахъ думаютъ всего позже и изобрѣтаютъ ихъ послѣ сложныхъ.

Другая машина Баланна состоитъ изъ двухъ канатовъ желѣзной проволоки, длина которыхъ ограничивается протяженіемъ мѣста, на которое должно перенести матеріалы. Эти два каната натянуты горизонтально въ небольшомъ разстояніи одинъ отъ другаго и оконечности ихъ прикрѣплены съ одной стороны къ столбамъ, а съ другой къ подъемной машинѣ, приводящей ихъ въ движеніе. Съ одной стороны наполняютъ вагонъ землею и пескомъ, канатъ понижается и по немъ скатывается вагонъ до того мѣста, гдѣ нужно свалить матеріалы

Для этого устроено на дни отаерстіе, чрезъ которое вымывается все, чѣмъ наполненъ вагонъ, и потомъ, при поднятіи каната, онъ возвращается на свое мѣсто, тогда—какъ въ это время приготовляютъ ужъ другой вагонъ и пуцень по другому канату. Можно употреблять и одинъ канатъ, если мѣсто, не позволяетъ поставить два, или если неудобно перевозить небольшое количество матеріаловъ, но съ двумя канатами выигрывается больше времени.

Эта система представляетъ много выгодъ, не требуетъ большаго числа работниковъ и будетъ очень—полезна для большихъ работъ въ угольныхъ копяхъ, рудахъ и пр.

— Мореплаваніе подчинило пространство человѣку, измѣнило жизнь людей и, несмотря на свое могущество, имѣетъ до—сихъ—поръ сильныхъ враговъ. Бури рвутъ паруса, ломаютъ мачты, мели останавливаютъ ходъ судовъ, подводные камни измѣнически терзаютъ корпусъ корабля и волны, заливая его, топятъ окончательно, погребая въ своихъ пропастяхъ пушки и машины, товары и людей. Но всѣ эти несчастія случайныя; кромѣ—того, у судовъ есть другой невидимый врагъ непрерывно—работающій, чтобъ разрушить и погубить это чудное произведение ума человѣческаго — черви, поселяющіеся въ подводной части корабля и точащіе его во всѣхъ направленіяхъ до—того, что все дерево сдѣлается какъ рѣшето и не можетъ долго оставаться на водѣ. Въ каждомъ климатѣ есть особенная порода червей съ своимъ названіемъ, но всѣ они занимаются однимъ—точать и портить дерево. Въ это время раковины разныхъ сортовъ, морскія растенія обильно покрываютъ подводную часть корабля, гниютъ на немъ и передаютъ гнилость дереву, дѣлая въ то же время судно тяжелѣе и останавливая ходъ его.

Если корабль обшить мѣдью, то растенія и раковины не пристають къ нему, но металлъ ржавѣетъ, портится, и притомъ же эта обшивка чрезвычайно—дорога. Пробовали обшивать корабли цинкомъ и желѣзомъ, но и эти матеріалы ржавѣютъ и не спасаютъ отъ растеній, тины и насѣкомыхъ.

Давно ужъ хлопочутъ, чтобъ найти средства предупредить эти неудобства, и придумали много составовъ, чтобъ предохранить подводную часть кораблей. Ученые Дери и Ветерстенъ нашли химическое средство, спасающее корабль отъ червей и раковинъ, но оно такъ дорого, что доступно немногимъ.

Теперь, послѣ многихъ опытовъ, братья Пуадено, изъ Байонны, изобрѣли вещество недорогое и въ полномъ смыслѣ спасительное для кораблей. Оно не только не допускаетъ червей селиться въ деревѣ и точить его, но не позволяетъ раковинамъ, травамъ и тинѣ приставать къ нему и, что всего важнѣе, предохраняетъ металлическую обшивку отъ ржавчины. Благодаря этому веществу, можно обшивать корабли цинкомъ, который гораздо—дешевле мѣди и желѣза и не боится непрочности судовъ.

Изобрѣтеніе Пуадено было испытано въ гаваняхъ Байонны, Бордо и Тулона, и назначенная для этого коммиссія объявила, что вещество

это можетъ почестся истиннымъ благодѣніемъ для навигаціи, жети и составляетъ еще покуда секретъ изобрѣтателей.

— Наука каждый день все болѣе распространяетъ свои владѣнія и спѣшитъ сообщить публикѣ о своихъ новыхъ открытіяхъ. Недавно на лекціяхъ Беккерела дѣлали разные электрическіе опыты; изъ нихъ одинъ можетъ быть удобно примѣненъ къ торговлѣ, для открытія нѣкоторыхъ обмановъ. Извѣстно, что ко многимъ принасамъ приписываютъ постороннія вещества, чтобъ увеличить ихъ вѣсъ, и что, по наружному виду, этого подлога никакъ нельзя узнать. Особенно оливковое масло, составляющее одну изъ главныхъ отраслей торговли Южной Франціи очень-часто мѣшается съ маковымъ, которое гораздо ниже качествомъ и цѣною.

Пробовали много средствъ, чтобъ отличить чистое оливковое масло отъ смѣшаннаго, но всѣ они очень-сложны и не могутъ быть употреблены въ торговлѣ. Теперь же электричествомъ можно доказать не только чистоту масла, но и сколько въ немъ примѣси. Опыты доказали, что электрическій токъ проходитъ черезъ бочку чистаго оливковаго масла въ *сорокъ—пять* минутъ, а черезъ маковое масло въ *два* минуты, стало-быть, ничего нѣтъ легче узнать качество масла и количество примѣси.

— Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Нумизматическаго Общества, въ Лондонѣ, читали объ открытіи Файргольтомъ, въ Граествѣ Кентскомъ, большаго количества древнихъ кельтійскихъ монетъ. Эти медали вылиты, а не отчеканены, и металлъ состоитъ изъ смѣси, въ которой больше всего олова. Съ одной стороны изображена очень-неискусно голова, съ другой лошадь, самая уродливая. Находку эту сдѣлали на островѣ Танетѣ, между Карлингтономъ и Бирчингтономъ. Вѣроятно, эти монеты сдѣланы первоначальными жителями Кента.

— Молодой ученый докторъ Брюгшъ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ открытій въ землѣ фараоновъ и прислалъ отчетъ о своихъ работахъ, заслуживающихъ всеобщаго вниманія. Вотъ извлеченіе изъ этого отчета:

«Въ Луксорѣ (говоритъ докторъ Брюгшъ) я познакомился съ Монье, парижскимъ фотографомъ, который ужъ нѣсколько лѣтъ путешествуетъ по Востоку и собралъ превосходную коллекцію снимковъ, драгоценныхъ для науки и искусства. Такъ-какъ Абасъ-Паша поручилъ этому артисту составить альбомъ изъ лучшихъ видовъ и развалинъ Египта, то Монье началъ очищать памятники отъ горъ, песку и обломковъ, чтобъ фотографіи его были красивѣе, и воспользовался этимъ случаемъ для археологическихъ наблюденій. Работы начались въ храмѣ Аменофиса, на колоннахъ котораго построенъ нынче домъ французскаго консула. Отрыли капитальныя колонны и нашли, что онѣ покрыты мѣдными листами, наколоченными плотно по всѣмъ формамъ камня и потомъ выкрашенными. Осмотрѣли нѣсколько колоннъ и вездѣ нашли мѣдь на обломкахъ, или на капителяхъ и увѣрились, что египтяне нѣмѣли обыкновеніе покрывать металломъ каменные монументы, что до-сихъ-поръ было еще не извѣстно; кромѣ-того, открыли, что вольтъ храма былъ вымощенъ плитами разной формы и величины. Египтяне

любилъ во всемъ симетрію и, вѣроятно, сверху этихъ плитъ былъ другой деревянный полъ, что доказывается огромнымъ количествомъ найденныхъ досокъ, къ-несчастью, почти совершенно стгнившихъ.»

« Въ храмѣ Тутмеса III, принадлежащемъ къ большому храму Амона въ Карнакѣ, нѣтъ никакихъ надписей и изображеній, но нашли вѣскольکو деревянныхъ столовъ, позолоченныхъ снаружи, неизвѣстно для чего употреблявшихся. Подъ южной колоннадой храма луксорскаго Аменофиса нашли много любопытныхъ византійскихъ фресковъ и вообще много сходства между египетскими монументами и зданіями въ Средней Азии. Вѣроятноже даже, что въ древности азіатскіе народы принесли образованность на берега Нила, а не египтяне распространили вездѣ свое искусство. Однако египтяне, завявъ у Азии формы построекъ и украшеній, все-таки придали имъ свой собственный характеръ.»

Не беремса оспаривать послѣдняго мнѣнія молодого ученаго, потому-что о немъ и то много было споровъ, до-сихъ-поръ еще нерѣшенныхъ, но предположеніе его, что всѣ каменные памятники Египта были покрыты мѣдью, или бронзой, совершенно ошибочно, потому-что никакъ нельзя подумать, чтобъ гранитныя громады можно было облить металломъ. Колонны, найденныя Брюгшемъ, составляютъ исключеніе; притомъ же и до него дѣлали много разысканій, а не замѣчали остатковъ мѣди на всѣхъ памятникахъ. Правда, на луксорскомъ обелискѣ, находящемся теперь въ Парижѣ на Площади Согласія, есть на верхушкѣ слѣды бронзы, но ученые уже доказали, что на первоначальномъ египетскомъ памятникѣ стояла еще маленькая бронзовая пирамидка, а совсѣмъ не весь онъ былъ въ мѣдной оболочкѣ. На одномъ изъ упавшихъ обелисковъ Гелиополиса была тоже бронзовая пирамидка вѣсомъ въ 200 центнеровъ и цѣною въ 10,000 диваріевъ, какъ говоритъ арабскій писатель Эль-Макризи. Золоченый же столъ изъ дерева тоже не очень-важная находка, потому-что въ храмѣ всѣ внутреннія украшенія должны быть великолѣпны, и стоить только прочесть описаніе храма Соломона, чтобъ не удивляться древней роскоши. Подождемъ дальнѣйшихъ разысканій молодого доктора и будемъ надѣяться, что онъ сдѣлаетъ важныя и полезныя открытія.

— Въ началѣ нынѣшняго года инженеръ Арибо проводилъ небольшую дорогу близъ Дьеппа отъ селеній Плесси и Гамеле, и работники, разрывая землю у подножія одного холма, нашли до тридцати скелетовъ, лежащихъ въ могилахъ на глубинѣ одного метра. Тотчасъ же дали о томъ знать въ Дьеппъ и могилы эти были осмотрѣны и изучены.

Замѣчательно, что всѣ скелеты лежали головами къ сѣверу, а ногами къ югу. Въ ногахъ каждаго стояла глиняная ваза черная, или сѣрая. Нѣкоторые изъ нихъ напоминали вазы среднихъ вѣковъ, но большая часть грубы, необдѣланы и совершенно отдаляются отъ римскихъ формъ; вѣроятно, могилы эти карловинскія, а не меровингскія. На двухъ скелетахъ нашли пряжку и желѣзный ножъ, два другіе еще замѣчательнѣе.

На одномъ изъ нихъ, мужскомъ, былъ ножъ и большой мѣчь 45-ти

центиметровъ длины и 4-ть ширины. На оконечностяхъ этого нечъ были съ двухъ сторонъ впадины, вѣроятно, для сохраненія въ нихъ ид.

Другой скелетъ, женскій, былъ украшенъ двумя широкими пряжками, покрытыми серебряными украшениями, слѣды которыхъ еще замѣтны. Къ нимъ придѣлана небольшая цѣпочка изъ мѣди и желѣза; по сторонамъ черепа лежали красивыя бронзовыя серьги; подъ нижней челюстью ожерелье изъ пятидесяти-четыреехъ стеклянныхъ бусъ, зеленыхъ и желтыхъ : на головѣ были тоже три стеклянныя бусы и одна янтарная.

Эти могилы принадлежать скорѣе временамъ Карла-Великаго чѣмъ Кловиса, не только по формѣ и обдѣлкѣ вазъ, но и потому, что объ этомъ мѣстѣ есть вѣрныя историческія свѣдѣнія. Кладбище это принадлежало баронству до-Жарденъ, основанному Карломъ-Великимъ, какъ видно изъ дьепскихъ хроникъ, которыя утверждаютъ, что этотъ императоръ былъ тоже первымъ основателемъ Дьепша. Бароны до-Жарденъ защищали эту страну отъ нападеній непріятельскихъ, но когда норманны овладѣли баронствомъ и разрушили его, не воцарила кладбища, то фекампскіе монахи купили эту землю и владѣли ею до самой революціи.

— Въ Парижѣ дѣлали опытъ разведенія гималайской сосны. Дерево это растетъ на вершинахъ Гималайскихъ Горъ, подвергается всѣмъ переѣнамъ температуры и въ самой бѣдной землѣ развивается и достигаетъ огромной величины. Эти *деодары* превосходны для построекъ, для мебели, и туземцы употребляютъ это дерево для мостовъ, домовъ и храмовъ, потому-что оно чрезвычайно-прочно и въ немъ не могутъ завестись ни черви, ни наѣдокы. Всего же полезнѣе деодары для постройки кораблей, и увѣряютъ, что корабль изъ этого дерева можетъ держаться двадцать и тридцать лѣтъ. Въ 1819 году пробовали въ Англии разсадить эту породу деревьевъ, и послѣ многихъ неудачъ деодары наконецъ принялись на почвѣ Британіи и достигли вышины 25-ти футовъ. Однако въ этомъ драгоценномъ строительномъ матеріалѣ есть большой недостатокъ — чрезвычайная воспламеняемость, по причинѣ сухости и плотности дерева.

— Вотъ число книгъ, находящихся въ бібліотекахъ шести прусскихъ университетовъ : Въ бреславльской бібліотекѣ, основанной въ 1811 году, считается 300,000 томовъ; въ бонской, основанной въ 1818 году — 120,000; въ гальской, основанной въ 1696 году — 100,000 книгъ; въ кѣнигсбергской, основанной въ 1544 г., тоже 100,000; въ грейсвальдской, существующей съ 1604 года — 60,000 томовъ, въ берлинской, основанной въ 1830 году — 40,000 книгъ.

— Любители искусства будутъ очень-довольны слѣдующимъ извѣстіемъ : два рода мрамора, красный и зеленый, существовавшіе въ древности и которыхъ нигдѣ не могли найти въ настоящее время, открыты вновь нѣмецкимъ скульпторомъ Зигелемъ, живущимъ въ Аѣникахъ. Онъ нашелъ руду краснаго мрамора въ южной части Тайгетскихъ Горъ, а зеленаго — на сѣверной сторонѣ острова Тиноса.

— Въ провинціи Намюръ, въ Годинской Общинѣ, открыто большое количество человѣческихъ костей въ расщелинѣ скалы, находящейся

изъ горы Шово. Въ маленькомъ гротѣ, образуемомъ скважиною скалы, нашли не только множество человѣческихъ костей, но также кости разныхъ животныхъ, какъ-то : оленей, ланей, зайцевъ, птицъ проч. Всѣ кости чрезвычайно-хрупки и большая часть изъ нихъ переломаны; однако на нихъ нѣтъ никакого признака, чтобъ они долго оставались въ водѣ. Подъ этими костями нашли слой чистаго алактита, а подъ нимъ опять груды костей, только ужъ разложившихся на переломанныхъ на мелкіе куски. По нижнему слою нельзя было никакъ разобрать, къ какой породѣ принадлежать эти кости; верхній, прикрытый блестящею известью и глиной, сохранился такъ хорошо, что легко можно отличить, къ какой породѣ принадлежатъ кости. По всѣмъ примѣтамъ онѣ относятся къ самой-отдаленной древности. Шпрингъ изучалъ и осматривалъ весь гротъ и представилъ академіи отчетъ объ этомъ необыкновенномъ открытіи. Онъ гласилъ, что всѣ длинныя кости были разломаны, нижнихъ челюлей найдено гораздо-больше, чѣмъ верхнихъ, много дѣтскихъ и старыхъ костей, и рѣзительно ни одной кости, принадлежащей ребенку и даже пожилому человѣку. По черепахъ видно, что порода обычныхъ людей низкаго роста съ чертами негровъ, или индійцевъ, не существуетъ въ Европѣ и никогда не существовала въ историческія времена. Обломки каменныхъ топоровъ, найденныхъ въ томъ же гротѣ, тоже свидѣтельствуютъ о давности исчезнуваемаго народа, хотя не могутъ достоверно обозначить эпоху.

Историческій и этнографическій характеръ этихъ костей не позволяетъ предполагать, что онѣ принадлежатъ кимврамъ или кельтамъ; и такъ-какъ подобныя же открытія сдѣланы докторомъ Шмерромъ и Марсель де-Серромъ, то можно предполагать, что это ископаемыя кости, то-есть допотопныя. Во время Кювье всеобщее вниманіе было обращено на ископаемаго чловека, отрытаго учеными въ Парижѣ занимался этимъ любопытнымъ предметомъ точно такъ, какъ прежде этого занимались тайнами месмеризма и въ настоящее время вертящимися столами. Но вскорѣ открылось, что когдѣ-то существовалъ допотопнаго чловека, найденный Шейцеромъ, была саламандра, ископаемая фигура всадника, отрытая въ лѣсу Фонтенбло, просто зана изъ камня.

Шпрингъ приводитъ самыя-неоспоримыя доказательства, что люди, обитавшіе въ гротѣ Шово, не допотопныя, но что они жили на мѣстѣ прежде кельтовъ, хотя настоящая эпоха ихъ существованія неизвѣстна.

Историческія и антикваріи Европы раздѣляютъ на три эпохи остатки чловека въ міра, открываемые въ настоящее время : это *вѣкъ камня, бронзы и вѣкъ желѣза*.

Первый вѣкъ относится къ первобытнымъ жителямъ земли, бронза — къ кельтамъ, желѣзный — къ тевтонамъ и римлянамъ.

Въ первомъ вѣкѣ употребляли оружіе изъ камня и костей, потому-что металл не могъ быть тогда извѣстенъ, и всѣ инструменты — топоры, пилы, наконечники стрѣлъ, дѣлались изъ одного камня. Люди этой эпохи жи-

ли въ пещерахъ, покрывались звѣринными кожами, охотились въ лесахъ и были лакомы до человѣческаго мяса.

По всѣмъ примѣтамъ люди Шово принадлежатъ къ каменному вѣку и были вытѣснены кельтами. Но какъ объяснить эту груду человѣческихъ костей, смѣшанныхъ съ животными? Отчего изъ нихъ нельзя составить ни одного цѣльнаго скелета, а главное, отчего всѣ длинныя кости, въ которыхъ есть мозгъ, переломаны, тогда—какъ пустыя цѣлы? На это Шпрингъ отвѣчаетъ, что въ гротѣ Шово складывались остатки послѣ канибальскихъ пировъ.

Это очень-вѣроятно, потому—что, до введенія христіанства, многія породы въ нынѣшней Ирландіи, Бельгіи и Галліи были людоеды и отличались звѣрскими обычаями, что доказываютъ Страбонъ, Діодоръ и св. Іеронимъ. Нѣкоторыя древнѣйшія племена имѣли большое сходство съ нынѣшними дикими племенами въ Америкѣ, и всѣ путешественники были свидѣтелями, что племена эти считаютъ лучшимъ лакомствомъ мозгъ изъ костей. Вотъ почему начальникамъ всегда подають самыя большія кости, и тѣ, разбивая ихъ, съ жадностью лакомятся мозгомъ. Вѣроятно, и людоеды поступали точно также; вотъ почему всѣ мозговые кости въ гротѣ Шово переломаны. Отсутствие костей стариковъ тоже очень—понятно. Мнѣніе это подтверждается еще тѣмъ, что между костями животныхъ нѣтъ ни роговъ оленя, ни роговъ быка, нѣтъ даже ни одного черепа этихъ животныхъ, тогда—какъ остальной скелетъ можно составить. Это значитъ, что древнія племена употребляли рога животныхъ на выдѣлываніе оружія, стрѣлъ и ножей, а черепа ихъ носили на головѣ вмѣсто шляпъ, точно также, какъ шкура этихъ животныхъ составляла единственную ихъ одежду. Остатки же угольевъ, пепла и дерева, смѣшанные съ костями, не требуютъ объясненія: очень—ясно, что предшественники кельтовъ, хотя и канибалы, но любили кушать мясо своихъ жертвъ жареное, а не сырое. У всякаго свой вкусъ.

Извѣстно, что въ Англіи, Ирландіи и въ Пиренеяхъ тоже находили подобныя склады костей, но только въ Скандинавіи занимались серьезно этими открытіями и старались объяснить ихъ происхождение. Не худо бы ученымъ старательнѣе, заняться этими любопытными остатками первобытнаго міра, которые могутъ привести къ важнымъ открытіямъ и, можетъ—быть, впоследствии объяснить темныя мѣста въ исторіи первоначальныхъ народовъ, населившихъ Европу.

Шпрингъ посвятилъ на свои изслѣдованія нѣсколько лѣтъ, потому—что не хотѣлъ представить Академіи одни предположенія безъ доводовъ, и заслужилъ полную благодарность своихъ ученыхъ собратій.

— Нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, англійскіе журналы съ большимъ шумомъ объявляли о прибытіи въ Лондонъ двухъ дѣтей ацтековъ, о которыхъ рассказывали тысячи невѣроятностей. Говорили, что это образчики человѣческой породы, неизвѣстной еще путешественникамъ и обитающей въ Мехикѣ; что они живутъ въ большомъ городѣ, народонаселеніе котораго представляетъ тотъ же феноменальный характеръ, какимъ одарены привезенныя дѣти и проч. и проч. Въ Европѣ такъ мало занимаютъ древнею исторіею Америки, что готовы вѣ-

рять самой пошлой баснѣ. Однако, можно было бы припомнить, что одно имя ацтековъ такъ же извѣстно, какъ Персовъ или Абиссинцевъ для тѣхъ, которые читали исторію Фернанда Кортеса. Всѣ путешественники видѣли въ Мехикѣ индійцевъ, происшедшихъ отъ первоначальнаго народонаселенія, найденнаго поибѣдителемъ, и эта порода людей совсѣмъ непохожа на карликовъ. Но кому какое дѣло до всего этого? Можно придумать комедію еще нелѣпѣе ацтековъ и объявить о ней въ журналахъ, и всегда найдутся люди, которые съ довѣрчивостью повѣрятъ сказкѣ.

Даже въ Академіи Наукъ читали описаніе чудесныхъ карликовъ! Какъ же послѣ этого не вѣрять публикѣ?

Вотъ, однако, чтó по этому случаю пишетъ одинъ ученый археологъ, давно-изучавшій Америку:

«Въ Times и другихъ англійскихъ газетахъ объявляютъ, что какіе-то спекуляторы показываютъ публикѣ двухъ дѣтей, называя ихъ *ацтеками-лиллипутами*, и выдумывая цѣлую исторію о ихъ происхожденіи, жизни, породѣ...

«Я давно живу въ Америкѣ и хорошо изучилъ географію этой страны. Вотъ почему я смѣю утверждать, что во всей Мехикѣ нѣтъ города Иксимаиа, что башни и золоченые минареты его просто — сказка изъ Тысячи Одной Ночи, и что лиллипутской породы ацтековъ не существуетъ во всей Америкѣ.

«Стало-быть, дѣти, выставленные на-показъ въ Европѣ, ни ацтеки, ни жители Иксимаиа, ни обыкновенные образчики цѣлой породы, составляющей особую страну. Вотъ ихъ настоящая исторія:

«Въ Департаментѣ Сан-Мигуэля, въ селеніи Ла-Пуэрта, живетъ мулатка, мать двухъ дѣтей, показываемыхъ въ Европѣ. Эти дѣти, въ-самомъ-дѣлѣ, родились *уродами*, точно также, какъ и третій ея ребенокъ, изъ котораго тоже можно сдѣлать ацтека-лиллипута. Бѣдная мать не знала, чтó ей дѣлать съ своими феноменами; одинъ житель Никарагуа, по имени донъ Раймондъ Сельва, купилъ этихъ рѣдкихъ дѣтей за нѣсколько унцій золота и отправился съ ними въ Соединенные Штаты, доставъ тоже волка, бѣлаго оленя и нѣсколько обезьянъ. Все это происходило открыто, въ чемъ могутъ поручиться всѣ жители селенія. Въ Сан-Хуанѣ весь звѣринецъ перешелъ къ американцу, который и повезъ его въ Европу, мороча любопытныхъ небывалыми *ацтеками*».

Статья эта напечатана въ официальной газетѣ подъ заглавіемъ: *Какъ надуваютъ публику!* и подписана всѣми редакторами. Вотъ урокъ довѣрчивости европейцевъ.

— Въ Алжирскій Музей прислана широкая плита, на которой находится ливійская надпись. Этотъ любопытный памятникъ найденъ въ пятидесяти сантиметрахъ глубины въ долинѣ между Уадъ-эль-Джема и Иссерамъ, недалеко отъ слиянія этихъ двухъ рѣкъ. Подъ плитою найдены гвозди изъ мѣди и проволоки. Музей имѣетъ еще одну подобную надпись, которая можетъ служить ученымъ для изученія этого потеряннаго языка.

— Тюкеръ, мосберійскій ректоръ, объявилъ Археологическому Об-

шеству въ Лондонѣ, что онъ открылъ мозаиковую мостовую въ Олстѣ, въ мѣстѣ, называемомъ Чорч-Фильдъ, гдѣ находятся развалины стараго аббатства. Эти развалины римской постройки. Въ нихъ найдены урны, кости, множество пятиугольныхъ кирпичей—это единственные слѣды римскаго владычества надъ этою старою.

— Невиль, президентъ общества, читалъ тоже отчетъ о недвижимъхъ открытіяхъ въ Кембриджъ-шейрѣ стараго саксонскаго кладбища. Тамъ найдено много оружія, огромныя шпаги, копья, кожи, также нѣкоторые предметы римскаго искусства и до двадцати монетъ съ изображеніемъ Веспасіана. Очень можетъ быть, что предполагаемое кладбище служило мѣстомъ сраженія между Эдмундомъ Кот-де Феръ и Гарди-Канутомъ; но этого нельзя доказать.

— Исторія изобрѣтеній почти никогда не можетъ назначить точнаго числа, когда родилась мысль и когда потомъ осуществилась. Иногда эта мысль цѣлыми годами и даже поколѣніями обдумывается, потомъ бросается и забывается, чтобъ черезъ столѣтіе явиться въ новомъ блескѣ и увлечь за собою человечество. Часто также бѣдный изобрѣтатель умираетъ, не найдя средствъ осуществить ее, а другой счастливецъ воспользуется его трудами и выдаетъ себя за изобрѣтателя. Бываетъ также, что новая мысль одушевить многихъ въ одно и то же время—и всѣ приписываютъ себѣ изобрѣтеніе.

Недавно журналы объявили о *новомъ изобрѣтеніи* удивительной машины, называемой *клавиграфъ*, тогда-какъ машина эта открыта уже десять лѣтъ назадъ. Такъ-какъ дѣло идетъ о книгопечатаніи, то мы постараемся описать эту машину.

Клавиграфъ изобрѣтенъ въ Англіи механикомъ Юнгомъ, усовершенствованъ во Франціи Делькамбромъ и былъ на выставкѣ въ 1844 году, между другими произведеніями промышленности. Делькамбръ устроилъ даже мастерскую, гдѣ двѣ молодыя дѣвушки работали посредствомъ этой машины.

Клавиграфъ служитъ дѣятого, что на языкѣ типографіи называется наборомъ: посредствомъ его буквы составляютъ слова, строки, изъ строкъ образуется *форма*, которая и верстается тутъ же. Машина эта имѣетъ нѣкоторое сходство съ фортепьяно. Длина ея одинъ метръ, ширина восемьдесятъ сантиметровъ. Шесть рядовъ клавишей расположены такъ, чтобъ одинъ рядъ не закрывалъ другаго и не стѣснялъ движеній наборщика. На каждомъ клавишѣ, въ формѣ параллелограмма, находится буква, знакъ, или цифра римская, или арабская. Клавиши имѣютъ сообщеніе съ желѣзными прутиками, поставленными вертикально и надъ которыми находятся резервуары, наполненные буквами, или знаками, какіе напечатаны на клавишѣ.

Наборщикъ сидитъ покойно передъ машиной, *оригиналъ* лежитъ на особенномъ пошпирѣ, воалѣ него. Онъ нажимаетъ пальцемъ клавишъ съ тою буквою, какая ему нужна, и изъ резервуара выпадаетъ металлическая буква и всегда той стороною, которая съ намѣреніемъ сдѣлана тяжелой, чтобъ не трудиться переворачивать ее.

Вмѣстѣ съ руками, играющими на клавишахъ, и ноги наборщика должны работать. Онъ нажимаетъ родъ педали, двигающей колеса,

которые приводят въ движеніе два небольшіе молотка. Они выравниваютъ буквы при паденіи и проводятъ ихъ на верстаки, откуда уже онѣ выравниваются на *формъ*.

Теперь уже необходимо содѣйствіе двухъ работниковъ, чтобъ составлять строки посредствомъ маленькаго механизма. Когда *форма* наволнена, то приступаютъ къ печатанію и все слѣдуетъ какъ въ обыкновенныхъ типографіяхъ.

Делькамбръ изобрѣлъ еще другую машину, которая, послѣ печатанія корректуръ, клала назадъ въ резервуары всѣ буквы; но она оказалась такъ сложна и неловка, что ее не приняли въ типографіяхъ.

Клавиграфъ представляетъ много преимуществъ: работа идетъ скорѣе и легче, и ею могутъ заниматься женщины, что доставить имъ новое занятіе и средство къ жизни.

Уже съ 1839 года Дидо нанималъ только женщинъ на своей типографіи, а со времени открытія Юнга, усовершенствованнаго Делькамбромъ, занятія женщинъ увеличатся, потому-что онѣ на клавишахъ работаютъ гораздо-ловче, чѣмъ наборщики.

Разумѣется, что *новое изобрѣтеніе* той же машины, объявленной въ журналахъ—только усовершенствованіе машины Делькамбра. Не можетъ быть, чтобъ въ десять лѣтъ изобрѣтатели не придумали чего-нибудь новаго.

Пьеръ Леру, соединяетъ съ талантомъ писателя типографическое искусство и изобрѣлъ когда-то тоже *наборную машину*, имѣющую большое преимущество передъ изобрѣтеніемъ Юнга и Делькамбра. Леру хотѣлъ устроить ее такъ, чтобъ поэтъ, журналистъ, историкъ, печатали свои произведенія прямо, не трудясь писать ихъ. Неизвѣстно, удалось ли окончить ему это изобрѣтеніе.

— Вотъ еще новое слово во французскомъ языкѣ, означающее новое ремесло, приносящее если не пользу, то большое удовольствіе многимъ желудкамъ. Шампильонистъ—это огородникъ, воздѣлывающій одинъ шампильоны; а какъ опыты доказали, что драгоцѣнное это растеніе плодится лучше вдали отъ свѣта дневнаго, то и устроили для нихъ подземныя жилища, гдѣ они растутъ и размножаются на свободѣ и въ темнотѣ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, Шамбри первый вздумалъ воздѣлывать шампильоны и устроилъ въ улицѣ Ласанте, въ обширныхъ катакомбахъ, первое заведеніе для произведенія лакомства, уважаемаго всѣми гастрономами. Примѣру этому послѣдовали многіе, и теперь заброшенные каменоломни въ окрестностяхъ Парижа занимаютъ распространеніемъ этой промышленности точно также, какъ рошефортскіе гроты нанимаются для дѣланія сыра.

Въ 1845 году, представленъ былъ Земледѣльческому Обществу отчетъ о важности новаго продукта. На рынкахъ столицы продавали до трехъ милліоновъ корзиночекъ шампильоновъ, выросшихъ на грядкахъ. Иногда цѣна на нихъ чрезвычайно понижается; но вообще можно назначить за корзиночку двадцать сантимовъ: значитъ, за три милліона корзинокъ выручается шестьсотъ тысячъ франковъ. Въ нынѣшнемъ году Земледѣльческое Общество наввачило Ноальюму, изъ Иври, серебряную медаль за усиліи въ воздѣлываніи шампильоновъ и слово шампильо-

нисть было принято въ официальномъ языкѣ. Теперь продается больше *еже* *шесть миллионъ* корзинокъ грибовъ въ годъ, цѣною *на миллионъ* *шестьсотъ тысячъ* франковъ.

Искусство воздѣлывать грибы было извѣстно древнимъ, и они употребляли на это нѣсколько средствъ. Менандръ говорить, что стоить покрыть навозомъ пень фигового дерева и поливать его чаще, или поливать пень тополя теплой водой, смѣшанной съ виномъ—и черезъ четыре дня выростутъ грибы пріятнаго вкуса; третье средство состоитъ въ томъ, чтобъ сжечь нѣсколько растений и поливать ихъ простою водою. Диоскоридъ говорить, что можно круглый годъ имѣть грибы, стоить только на уваженную землю посыпать коры отъ тополя.

Парижане воздѣлываютъ и смотритель рынковъ позволяетъ продавать только одинъ родъ грибовъ: *agaricus campestris*. Вотъ, что говорить одинъ шампиньонистъ о своемъ способѣ воздѣлыванія грибовъ: «Я нечаянно сдѣлалъ важное открытіе. Въ ноябрѣ я сложилъ въ погребъ немного хорошаго навоза, который остался тамъ до весны и, разумеется, побѣлѣлъ отъ гнилости. Его смѣшали съ новымъ навозомъ и покрыли сверху черноземомъ—и чтожь? послѣ этого, ирждженіе почти четырехъ мѣсяцевъ не успѣвали снимать грибы съ этой насыпи.

Стало-быть, всякій, у кого есть погребъ несовсѣмъ-темный и душной, можетъ сдѣлать въ немъ гряды изъ навоза лошадиного, или другаго; только навозъ животнаго, питающагося свѣжей травой не годится для грибовъ. Надобно поливать гряды нечасто и стараться, чтобъ температура ихъ была одинаковая. Грибы вырастаютъ сами; но если искрошить мелко нѣсколько свѣжихъ грибовъ и смѣшать ихъ съ водою, которою поливаютъ гряды, результатъ будетъ еще успѣшнѣе. Нѣкоторыя гряды истощаются и перестаютъ производить грибы: тогда навозъ этотъ можно продать немного—ниже той цѣны, за которую онъ купленъ, потому-что на него всегда найдутся вокушники. Одинъ извѣстный шампиньонистъ, въ Парижѣ, говорить, что и этого не надобно дѣлать, а только стоить полить истощающуюся гряду растворомъ сѣрнистаго аммоніака и она будетъ производить попрежнему. Неизвѣстно, приняли ли это средство прочіе шампиньонисты.

Извѣстный гастрономъ Карселе посвятилъ цѣлую статью въ журналѣ этимъ *землянымъ полякамъ*, или *землянымъ тубкамъ*, какъ онъ называетъ грибы.

Многіе находятъ, что лѣсные грибы вкуснѣе, чѣмъ грядные; но это похоже на мнѣніе охотниковъ, увѣряющихъ, что дичь, убитая ими, лучше всякаго другаго мяса. Докторъ Жозефъ Рокъ написалъ превосходную книгу о грибахъ, подъ названіемъ: «*Histoire des champignons comestibles et véneux*» (Исторія грибовъ питательныхъ и ядовитыхъ). Этотъ ученый ботаникъ и докторъ изучилъ основательно всѣ породы грибовъ. Къ сочиненію его приложенъ атласъ съ изображеніемъ разныхъ видовъ и формъ грибовъ, и рисунки чрезвычайно-вѣрны.

— Начиная обзоръ новостей по части наукъ въ послѣдніе мѣся-

цы, съ дополненія пропущенныхъ нами замѣчательныхъ явленій, считаемъ необходимымъ войти въ нѣкоторыя подробности о преобразованіяхъ въ Парижской Обсерваторіи и въ Коммиссіи Долготъ (Bureau des longitudes), потому—что и обсерваторія и коммиссія имѣютъ важное значеніе въ исторіи астрономіи.

Министръ народнаго просвѣщенія, для изслѣдованія состоянія обсерваторіи и коммиссіи, составилъ комитетъ изъ маршала Вальяна, вольнаго члена Академіи Наукъ, адмирала Бодена, изъ академикомъ Бю, Дюма, Леверрье и Бине, и чиновника министерства Шарля Фортюля. Въ этомъ комитетѣ Вальянъ былъ предсѣдателемъ, а Фортюль—секретаремъ. Согласно съ донесеніемъ комитета, министръ народнаго просвѣщенія исходатайствовалъ слѣдующій императорскій декретъ.

I. Коммиссія Долготъ составляется: 1) изъ *девяти* дѣйствительныхъ (titulaires) членомъ, между которыми *два* академика, *три* астронома, *два* изъ Морскаго Министерства, *одинъ* изъ Военнаго и *одинъ* географъ; 2) изъ *четырехъ* адъюнктовъ, изъ которыхъ *одинъ* академикъ, *два* астронома и *одинъ* морякъ, и 3) изъ *трехъ* художниковъ.

II. Дѣйствительные члены и адъюнкты назначаются императоромъ, согласно съ декретомъ отъ 9 марта (26 февр.) 1852 г. Артисты опредѣляются министромъ народнаго просвѣщенія по списку, составляемому коммиссіею, и по его усмотрѣнію, независимо отъ этого списка.

III. Президентъ, вице—президентъ и секретарь коммиссіи ежегодно назначаются императоромъ. Секретарь можетъ быть избираемъ изъ адъюнктовъ. Онъ же отправляетъ должность казначея, и объ обязанности безъ особеннаго вознагражденія.

IV. Коммиссія Долготъ собирается одинъ разъ въ недѣлю. Адъюнкты имѣютъ совѣщательные голоса во всѣхъ дѣлахъ коммиссіи; художники же даютъ свои мнѣнія, по требованію коммиссіи.

V. Дѣйствительный членъ получаетъ жалованья *яльмъ тысячъ*, адъюнктъ — *три тысячъ*, художникъ — *дѣль тысячъ* франковъ.

VI. Коммиссія Долготъ составляетъ и издаетъ «*Connaissance des temps*» (астрономическій календарь), для употребленія астрономовъ и мореходцевъ. Этотъ календарь выходитъ по—крайней—мѣрѣ за три года впередъ. Коммиссія Долготъ составляетъ и издаетъ календарь (annuaire) для общаго употребленія.

VII. Коммиссія Долготъ должна слѣдить за успѣхами астрономіи и заботится объ усовершенствованіи какъ теоретической, такъ и практической ея частей. Предметы ея занятій: 1) улучшенія въ устройствѣ снарядовъ и въ способахъ наблюденій на сушѣ и на морѣ; 2) изданіе инструкцій для изученія астрономіи физической, приливовъ и отливовъ моря и земнаго магнетизма; 3) составленіе особенныхъ экспедицій для распространенія познаній о фигурѣ земнаго шара и физическихъ на немъ явленій; 4) усовершенствованіе теорій небесной механики и ихъ приложений; улучшеніе таблицъ солнца, луны и планетъ, и 5) изданіе всѣхъ наблюденій, до—сихъ—поръ неизданныхъ и хранящихся въ обсерваторіи и въ ея библиотекѣ.

VIII. По требованію правительства, Коммиссія Долготъ даетъ свое

мѣніе: 1) о вопросахъ, относящихся къ распоряженіямъ по обсерваторіямъ, уже существующимъ и впредь заводимымъ, и 2) объ ученыхъ морскихъ экспедиціяхъ.

IX. Парижская Обсерваторія состоитъ: 1) изъ директора, 2) изъ четырехъ астрономовъ и 3) изъ неопредѣленнаго числа адъюнктовъ, элевовъ и калькуляторовъ, смотря по надобности.

X. Директоръ живетъ въ обсерваторіи. Онъ распоряжается наблюденіями, приведеніемъ ихъ въ порядокъ, ихъ изданіемъ и вообще всѣми учеными трудами членовъ обсерваторіи. Онъ приготовляетъ и представляетъ на утвержденіе министра проектъ наблюденій и проектъ занятій элевовъ. Онъ составляетъ правила для занятій астрономовъ, адъюнктовъ и элевовъ, и приводитъ ихъ въ исполненіе по одобреніи министра. Въ его распоряженіи находятся все матеріальныя средства обсерваторіи: снаряды, архивъ, зданіе и принадлежщая къ нему земля. Онъ представляетъ министру о починахъ въ квартирахъ лицъ, служащихъ въ обсерваторіи, гдѣ могутъ жить только одни ея члены.

XI. Директоръ обсерваторіи каждый годъ издаетъ наблюденія предыдущаго года, вмѣстѣ съ ихъ сравненіемъ съ теоріею. Въ концѣ каждаго года, директоръ подаетъ министру отчетъ о трудахъ на обсерваторіи, съ обозначеніемъ ея улучшеній.

XII. По-крайней-мѣрѣ, черезъ каждые два года, министръ составляетъ комиссію для обозрѣнія состоянія и надобностей Обсерваторіи. Членами комиссіи должны быть два члена Совѣта Адмиралтейства, одинъ академикъ, два члена Комиссіи Долготъ, общій инспекторъ высшаго преподаванія и директоръ обсерваторіи.

XIII. Директоръ и астрономы Обсерваторіи назначаются императоромъ, по представленію министра народнаго просвѣщенія.

XIV. Обязанности астрономовъ: 1) систематическія и необыкновенныя наблюденія; 2) ихъ вычисленія, и 3) смотрѣніе за ихъ изданіемъ. Труды ихъ распределяются директоромъ.

XV. Элевы принимаются въ обсерваторію по конкурсу. Этотъ конкурсъ объявляется за годъ впередъ; на немъ присутствуютъ члены, по назначенію министра и подъ предсѣдательствомъ директора обсерваторіи.

XVI. По окончаніи испытанія, члены конкурса составляютъ списокъ удостоенныхъ кандидатовъ, по порядку ихъ достоинствъ: директоръ представляетъ его на утвержденіе министра.

XVII. Не менѣе, какъ черезъ годъ, по представленію директора, элевы посылаются временно на большія европейскія обсерваторіи.

XVIII. Не менѣе, какъ черезъ четыре года, элевы, по представленію директора, производятся министромъ въ адъюнкты.

XIX. Астрономы получаютъ жалованья 5,000, 4,500, 4,000 и 3,500 франковъ. Директоръ представляетъ министру о переходѣ астрономовъ съ нисшаго на вышше оклады. Жалованье адъюнктовъ перемѣняется отъ двухъ до трехъ тысячъ франковъ. Элевы могутъ получать жалованья отъ 1,500 до 2,000 фр.

XX. Калькуляторы избираются директоромъ; онъ платитъ имъ изъ назначенныхъ для того суммъ.

XXI. По представлению директора, министръ одному изъ астрономовъ поручаетъ должность назначая.

XXII. Одни только члены Коммиссии Долготъ и обсерваторіи нмѣютъ входъ въ ея библіотеку и пользуются ея книгами и рукописями. Правила для порядка въ библіотекъ составляются по общему согласію директора обсерваторіи съ президентомъ Коммиссии Долготъ.

XXIII. Въ должность библіотекаря назначается или адъюнктъ Коммиссии Долготъ, или адъюнктъ обсерваторіи, или даже одинъ изъ ея элевовъ. Онъ утверждается министромъ съ жалованьемъ по 600 фр.

XXIV. Всѣ прежнія распоряженія, противныя изложеннымъ правиламъ, уничтожаются.

XXV. Дѣйствительные члены и адъюнкты, составлявшіе Коммиссію Долготъ до изданія настоящаго декрета, удерживаютъ свои мѣста, званія и получаемое ими жалованье.

Итакъ, согласно съ послѣдней статьею декрета, Коммиссія Долготъ состоитъ: 1) изъ геометровъ Поансо и Ливуля; 2) изъ астрономовъ Біо, Матъё и Ларжето; 3) изъ членовъ Морскаго Департамента, адмирала Руссена и вице-адмирала Бодена; 4) изъ члена Военнаго Департамента, маршала Вальяна; 5) изъ географа Ботанъ-Бопре; 6) изъ художника Бреге; 7) изъ четырехъ адъюнктовъ: Леверрье, Ложье, Мовэ, Досси, и 8) изъ художниковъ Леребура и Брюниера. Президентомъ на 1854 г. утвержденъ Поансо, вице-президентомъ — адмиралъ Боденъ и секретаремъ — Досси.

Директоромъ обсерваторіи утвержденъ Леверрье, астрономами Фэ и Ивонъ Вилларсо, адъюнктами Бабине, Гужонъ и Шакорнакъ, элевами Бютильонъ, Ребуль и Ліз. Теперь обращены на Леверрье глаза всѣхъ астрономовъ: безъ-сомнѣнія, всѣ желаютъ, чтобъ знаменитый геометръ явился и достойнымъ астрономомъ. И вотъ обновленная обсерваторія *дебютируетъ* открытіемъ новой маленькой планеты въ ночь съ 3 на 4 марта (нов. стиль). Это открытіе сдѣлано Шанорнакомъ, которымъ была найдена Фокея 6 апрѣля 1853 г. Но жаль, что мѣтѣйшая планета не останется за французскимъ астрономомъ. Мартъ (Marth) въ Лондонѣ, усмотрѣлъ ее прежде сутками и назвалъ *Амфитридею*. Того же 4-го марта, Лутерь, въ Вилкѣ, открылъ еще планету, которая ожидаетъ имени. Итакъ нынѣ между Марсомъ и Юпитеромъ уже 29 планетъ. Будетъ ли конецъ этимъ открытіямъ?

Послѣ такихъ важныхъ астрономическихъ новостей, можемъ упомянуть еще о двухъ слѣдующихъ:

Нѣкто г. Магистръ (Mahistre) представилъ въ Парижскую Академію Наукъ разсужденіе о вычисленіи солнечныхъ и лунныхъ затмѣній. Академія нарядила для его разсмотрѣнія Коши, Кинне(?) и Леверрье. Судя по формуламъ, сокращенно-напечатанныхъ въ «Comptes rendus» можно надѣяться, что способъ Магистра будетъ весьма-полезенъ, потому-что онъ не требуетъ ни *постепенныхъ приближеній*, ни обременительнаго вычисленія координатъ солнца и луны. Впро-

чемъ, надобно подождать мнѣнія комиссіи и полнаго изданія разсужденія, чтобъ сдѣлать рѣшительный приговоръ о его достоинствѣ.

Леверрье сообщилъ той же Академіи, наблюденія надъ полнымъ солнечнымъ затмѣніемъ (28) 16 іюля 1851 г., производимыя извѣстнымъ ученымъ путешественникомъ по Абиссиніи, Абаданъ, въ Фредериксвергъ (Frederiksvaern), въ Норвегіи. Вотъ что считаемъ любопытнымъ въ этихъ наблюденіяхъ:

Свѣтъ вѣнца сильно поляризованъ. Послѣ начала затмѣнія, около солнца былъ видѣнъ цвѣтной кругъ (halo), красный внутри и фиолетовый снаружи; онъ не уничтожился до самаго полнаго помраченія.

Вѣнецъ образовался тотчасъ по совершенномъ закрытіи солнца луною, и гдѣ скрылась послѣдняя блестящая точка солнечной поверхности, тамъ, около края луны, явилась розовая кайма, неправильная, извилистая, но ясная, занимавшая около 36° этого края и постепенно уменьшавшаяся въ ширинѣ къ своимъ концамъ.

На другомъ концѣ солнечнаго диаметра, было видно другое красное возвышеніе. Абаданъ видѣлъ и еще два такія же возвышенія, но мѣста ихъ онъ не означаетъ съ точностью.

Другіе четыре наблюдателя также видѣли около солнечнаго края красныя точки по окончаніи затмѣнія, и одинъ изъ нихъ, неимѣвшій никакого понятія объ этомъ явленіи, замѣтилъ его даже простыми глазами. Вѣнецъ образовался тотчасъ по наступленіи темноты, и также исчезъ по открытіи солнца; общій цвѣтъ его былъ желтоватый, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видѣлись оттѣнки голубые, красные и желтые. По измѣреніямъ лейтенанта Гагудупа, его ширина содержала 6' 30". Къ зениту онъ суживался и состоялъ изъ лучей перепутанныхъ, что видѣлъ и Араго въ затмѣніи 1842 г. Косцы утѣрали, что, въ продолженіе затмѣнія, трава сдѣлалась влажной отъ упавшей росы.

Облака, покрывавшія небо, окрашивались цвѣтами желтымъ и голубымъ. Звѣзды не были видимы; крупную печать можно было читать безъ труда. Норвежскій морской офицеръ Ринсъ (Riis), наблюдавшій въ трубу Рошона, не видалъ въ вѣнцѣ лучей, сходящихся въ центрѣ солнца, или луны, то—есть вѣнецъ казался ему сплошнымъ; но около чернаго круга луны онъ видѣлъ желтое кольцо, которое потомъ окружилось кольцомъ темносѣрымъ. Ринсъ думаетъ, что свѣтъ красныхъ возвышенностей былъ поляризованъ (это наблюденіе подтверждаетъ предположеніе Араго о происхожденіи этихъ красныхъ возвышенностей). На лунѣ онъ ясно замѣтилъ *пелельный* свѣтъ, отражаемый землею.

— Надѣмся, что читатели обратятъ вниманіе на слѣдующія объясненія основаній фотографіи и составленія стереоскопическихъ изображеній, которыя заимствуемъ изъ недавноизданной брошюры французскаго фотографа Жюля Дюбоска, подъ заглавіемъ: «Практическія правила фотографіи на металлическихъ пластинкахъ, на бумагѣ, на личномъ бѣлкѣ и на коллодонѣ».

Фотографія. Весьма—часто разсказываютъ исторію о пѣвцѣ, который своимъ звучнымъ голосомъ разбивалъ стекла въ окнахъ. Это явле-

не мы почитаемъ несомнѣннымъ, потому—что звукъ распространяется по воздуху волнообразно, и такія воздушныя волны, приведя въ сотрясеніе хрупкое стекло, могутъ разрушить слабую и напряженную связь между его частями. Если движеніе воздуха, если его звучныя волны дѣйствуютъ на видимыя и осязаемыя частицы тѣлъ, то почему же не допустить, что *сотрясенія зѳира*, возбуждающія въ нашихъ глазахъ то ощущеніе, которое называемъ *свѣтомъ*, могутъ дѣйствовать на *атомы тѣлъ*, то—есть на ихъ частицы невидимыя и неосязаемыя? Повторенные удары, или впечатлѣнія свѣта могутъ и раздѣлять и сближать эти атомы, смотря по различнымъ обстоятельствамъ ихъ дѣйствія. Раздѣленіе и сближеніе атомовъ химики называютъ *разложимемъ тѣлъ и образованіемъ новыхъ составовъ*. Примѣры такихъ разложеній и составленій безпрестанно передъ нашими глазами. Многіе изъ химическихъ составовъ, относительно свѣтоносныхъ сотрясеній, такъ же хрупки, какъ стекло, относительно звучныхъ волнъ человеческого голоса. Эти составы, подверженные дѣйствию свѣта, разрушаются, элементы ихъ раздѣляются и весьма—часто образуютъ новые составы. На этомъ—то нарушеніи равновѣсія между атомами основываются всѣ до—сихъ—поръ изобрѣтенныя фотографическіе способы. Мы не хотимъ здѣсь предлагать полного разсужденія о фотографической химіи, а еще менѣе подробно изслѣдованія о различныхъ реактивахъ: то и другое считаемъ бесполезнымъ, и даже невозможнымъ, потому—что до—сихъ—поръ никто еще не занимался фотографіею, какъ наукою, какъ особенною частью химіи. Мы хотимъ только однимъ примѣромъ объяснить упомянутыя дѣйствія свѣта, и тѣмъ хотя немного остановить распространеніе самыхъ нелѣпыхъ теорій, которымъ вѣрятъ люди, незнакомые съ науками.

Возьмемъ сухое хлористое серебро и положимъ его на тѣло, которое не производить на него никакого дѣйствія, на примѣръ, на стекло: что произойдетъ, когда химическій составъ выставимъ на солнечныя лучи? Хлористое серебро разлагается на два простыя вещества: на хлоръ и серебро. При обыкновенной температурѣ и при обыкновенномъ давленіи воздуха, хлоръ бываетъ въ состояннн газообразномъ и въ свободномъ воздухѣ не можетъ оставаться неподвижнымъ; онъ раздѣляется, улетаетъ и въ короткое время совсѣмъ исчезаетъ, когда не встрѣтитъ тѣла, съ которымъ способенъ соединиться. Въ этомъ последнемъ случаѣ онъ дѣйствительно соединяется съ тѣломъ, теряетъ свое газообразное состояніе, какъ—бы твердѣетъ и пріобрѣтаетъ новыя свойства. Серебро извѣстно всѣмъ, и потому только напомнимъ, что оно весьма—мало окисляется и считается веществомъ простымъ, какъ и хлоръ, потому—что оба они до—сихъ—поръ неразложены. Когда хлоръ встрѣчается съ серебромъ при обыкновенной температурѣ и въ темнотѣ, тогда они соединяются и образуютъ бѣлое тѣло, которое, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, можетъ превращаться въ кристаллы, а будучи расплавлено, представляется въ видѣ желтоватаго и упругаго стекла, называемаго древними алхимиками *роговою луною* (*lune cornee*). Но этотъ составъ изъ серебра и хлора—тѣло измѣчивое: достаточно одного дневнаго

свѣта для нарушенія равновѣсія его частицъ : колебательное движеніе свѣта разрушаетъ ихъ связь : хлоръ отдѣляется отъ металла, переходитъ въ газообразное состояніе и улетаетъ; серебро же остается въ видѣ чрезвычайно-тонкаго порошка съ фиолето-сѣрыатымъ цвѣтомъ, совершенно-непохожимъ на бѣлый цвѣтъ серебра, образовавшагося въ плотную массу. Итакъ, если хлористое серебро, лежащее на стеклѣ, долго продержимъ подъ лучами свѣта, то оно будетъ болѣе и болѣе лишаться хлора, и на его мѣстѣ будетъ болѣе и болѣе накопляться черно-фиолетоваго порошка. Но часть хлористаго серебра покройте кружевомъ, древеснымъ листомъ, и пр.: тогда свѣтъ не будетъ дѣйствовать на эту часть : все около нея почернѣетъ, она же останется бѣлой и представитъ изображеніе кружева или листа.

По снятіи кружева, или листа, бѣлыя ихъ изображенія начнутъ также чернѣть и совсѣмъ уничтожаться, если не поспѣшите подвергнуть ихъ дѣйствию жидкости, напримѣръ, аммоніака, которая могла бы разлагать хлористое серебро, не разлагая чистаго серебра, или отъ чернаго порошка, содержащаго еще нѣкоторую часть хлора (*so-called chloride*). Послѣ такой промывки аммоніакомъ, вы будете имѣть бѣлое изображеніе кружева, или листа, на черномъ фонѣ, или изображеніе прозрачное на прозрачномъ фонѣ, когда хлористое серебро было положено на стекло. Ни изображенія, ни фонъ уже чернѣть не будутъ, потому-что часть хлористаго серебра, чувствительная для свѣта, извлекается аммоніакомъ. Вотъ вамъ и фотографическое изображеніе, во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненное; теперь надобно только предостеречь его отъ тренія.

Вотъ главныя явленія при всѣхъ фотографическихъ операціяхъ, принимающихъ различныя названія, смотря по веществамъ, чувствительнымъ для свѣта, по тѣламъ, на которыя накладываютъ ихъ, и по реактивамъ, укрѣпляющимъ изображенія.

Стереоскопъ. Въ настоящее время воспользовались фотографіею для составленія несходныхъ изображеній одного и того же предмета, которыя, будучи вставлены въ снарядъ, называемый *стереоскопомъ*, соединяются въ нашихъ глазахъ въ одно *рельефное* изображеніе того же предмета. Витстонъ, изобрѣтатель этого снаряда, и Брюстеръ, сдѣлавшій его ручнымъ и чрезъ то введеншій въ общее употребленіе (впрочемъ, для одной забавы), составляя его, имѣли въ виду подражаніе натурѣ, которая, надѣливъ насъ двумя глазами, удаленными другъ отъ друга на 70 миллиметровъ, дала намъ возможность видѣть рельефно одинъ и тотъ же предметъ съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія. Правда, двойственность изображеній возбуждаетъ одно ощущеніе, но идея *рельефа* есть необходимое слѣдствіе несовпаденія всѣхъ точекъ двухъ изображеній. На этомъ основаніи, Витстонъ и Брюстеръ рисовали два изображенія предмета такъ, какъ видитъ его каждый глазъ отдѣльно, при неподвижности головы и съ направленіемъ взора на одну и ту же точку этого предмета; потомъ оба изображенія ставили предъ двумя зеркалами, или предъ двумя астронамическими призмами, или предъ двумя полувывушками стеклами такъ, чтобъ они

косвенно преиспрождали каждое изображение въ тотъ глазъ, которымъ снято изображеніе, и тогда возбуждалось полное ощущение *рельефности*. Пока посредствомъ стереоскопа смотрѣли на тѣла, имѣвшія геометрическія формы, до-тѣхъ-поръ изображенія ихъ составлялись легко по правиламъ начертательной геометрии, принимая въ расчетъ мѣста ихъ послѣ отраженія отъ зеркалъ, или преломленія въ призмахъ и полувыпуклыхъ стеклахъ; но какъ-скоро задумали сдѣлать то же съ тѣлами, имѣющими сложныя формы, каковы цвѣты, животныя, люди, пейзажи, статуи, и пр., то ужъ самый искусный и терпѣливый рисовальщикъ не могъ удовлетворить требованіямъ стереоскопа. Тогда руку рисовальщика надобно было замѣнить другимъ, точнѣйшимъ орудіемъ: тутъ-то явилась на помощь фотография и снабдила насъ изображениями, недоступными для человѣческаго искусства.

Для полученія хорошаго стереоскопическаго изображенія, посредствомъ фотографіи, надобно принимать въ расчетъ множество обстоятельствъ, которыми сперва пренебрегали всѣ фотографы. Отъ этихъ обстоятельствъ измѣняются направленія снарядовъ. Надобно обращать вниманіе: 1) на величину предмета и его изображенія; 2) на разстояніе предмета отъ камераобскуры; 3) на разстояніе его изображенія отъ глаза въ стереоскопѣ; 4) на увеличеніе предмета оптическимъ снарядомъ стереоскопа; 5) на *глубину* предмета, и особенно, когда хотимъ представить виды съ значительными глубинами, каковы: улицы, сады, и пр. Здѣсь нельзя объяснить подробно вліяніе всѣхъ этихъ обстоятельствъ на составленіе фотографическихъ изображеній для стереоскопа; скажемъ только, что, для достиженія предположенной цѣли, надобно употребить или одну камераобскуру, приводимую въ различныя положенія, или двѣ съ возможно-одинаковыми стеклами, поставляемыми въ тѣхъ положеніяхъ, въ которыя должно приводить одну камераобскуру въ разные времена. Въ томъ и другомъ случаѣ, однѣ и тѣ же точки предмета надобно принимать на одну среднюю линію меподированнаго стекла.

Когда предметы не очень-глубоки, тогда, при всякихъ ихъ разстояніяхъ, двѣ камераобскуры ставятся по направленіямъ, составляющимъ между собою уголъ въ 15° . Тотъ же уголъ должны составлять и два направленія одной камераобскуры. Напримѣръ, если жедемъ снять портретъ съ человѣка, находящагося въ трехъ метрахъ отъ камераобскуры, то надобно, чтобъ взаимное разстояніе стеколъ двухъ камераобскуръ равнялось 79 сантиметрамъ. Если же человѣкъ находится въ шести метрахъ отъ камераобскуръ, то разстояніе между ихъ стеклами должно удвоиться; для 12 метровъ—утроится, и т. д.

Когда предметы глубоки, какъ, напримѣръ, пейзажи и вообще виды панорамные, тогда уголъ между направленіями двухъ камераобскуръ долженъ быть уже не 15° , но одинъ или два градуса: безъ этой предосторожности всѣ предметы, находящіеся далѣе или ближе точекъ, на которыя направлены камераобскуры, въ стереоскопѣ будутъ казаться двойными.

По этимъ общимъ правиламъ не трудно уставлять снаряды въ

различныхъ случаевъ, помни, что ихъ направленіа не должны составлять угла, превышающаго 15° , и никогда меньшаго одной минутѣ: иначе всѣ изображенія будутъ раздвоиться и рельефность уничтожится.

Остается еще замѣтить, что изображенія для стереоскопа зеркальнаго или отражательнаго, должны составляться въ обращенномъ положеніи, то-есть правую сторону предмета надобно изображать на лѣвой сторонѣ.

Не трудно понять, что фотографическія изображенія для стереоскоповъ требуютъ большаго навыка, и вотъ почему цѣны этихъ изображеній до-сихъ-поръ не уменьшаются, хотя стереоскопы не имеютъ, какъ пріятная игрушка.

— Начавъ говорить о фотографіи и стереоскопическихъ изображеніяхъ, не можемъ пропустить слѣдующаго любопытнаго письма, англійскаго фотографа Клоде къ французскому оптику Леребуру.

«Смерть похитила Араго! Это большая потеря для Франціи и для всего свѣта; ее вполнѣ чувствуютъ и оплакиваютъ всѣ ученые и простые любители наукъ.

«Я не знаю ни одного французскаго фотографа, который бы снималъ портреты съ Араго. Если я ошибаюсь, и еслибъ вы знали такого челоуѣка, то вы давно бы извѣстили о томъ посредствомъ фотографическихъ журналовъ.

«Вы, можетъ-быть, забыли, что въ 1848 г. Араго согласился по-сѣтить меня и васъ, для снятія съ него портрета, и что, при совершенствѣ способовъ того времени, всѣ мои портреты были весьма-дурны; но какъ они походили на оригиналъ, то я тщательво сберегъ ихъ. Узнавъ о смерти вашего астронома, я началъ рыться въ моихъ старыхъ и дурныхъ портретахъ, и между ними нашелъ четыре изображенія Араго. При разсматриваніи ихъ, мнѣ пришло на мысль, нѣтъ ли между ними такихъ двухъ, которые были бы сняты при положеніяхъ камераобскуръ, употребляемыхъ нынѣ для составленія изображеній стереоскопическихъ. Я началъ щуриться, носить глаза, перекладывать портреты въ различныя положенія, и наконецъ нашелъ изъ нихъ два, которые совершенно удовлетворяли условіямъ стереоскопа. Послѣ этого я вспомнилъ, что, для надежнѣйшаго успѣха въ нашемъ желаніи имѣть портретъ Араго, мы употребили двѣ камераобскуры въ одно время и сняли вдругъ два портрета, въ двухъ разныхъ положеніяхъ, въ которыхъ нетерпѣливый астрономъ не присидѣлъ бы ни одной минуты.

«Не имѣю надобности говорить вамъ о моей радости, когда мой опытъ показалъ, что я цѣлыя десять лѣтъ владѣлъ двумя стереоскопическими портретами *крестнаго отца* фотографа, котораго имя неразрывно соединено съ именами гениальныхъ людей, участвовавшихъ въ чудесномъ открытіи, потому-что Араго былъ самымъ усерднымъ, восторженнымъ ихъ покровителемъ. Онъ одобрялъ ихъ, и своимъ одобреніемъ поддерживалъ ихъ усердіе къ этому дѣлу и къ соревнованію. Малѣйшій успѣхъ, всякое новое полезное или остроумное открытіе, обращало на себя его вниманіе. Отъ него, и тамъ

«ко отъ него одного ваша Академія Наукъ узнавала объ усовершенствованіяхъ въ фотографіи; его одушевленный голосъ давалъ цѣну сообщаемымъ имъ извѣстіямъ. Какъ я гордился, когда вы увѣдомили меня, что онъ доволенъ моими записками о фотографіи, и что онъ въ слѣдующій понедѣльникъ сообщитъ ихъ Академіи! Это возбудило во мнѣ довѣренность къ самому себѣ и поощрило къ новымъ трудамъ.

«Открывъ неожиданно стереоскопическіе портреты Араго, лучшую изъ нихъ пару я поспѣшилъ отослать въ «Illustrated London news» съ тѣмъ, чтобъ этотъ журналъ немедленно издалъ сходное изображеніе ученаго астронома, потому что всякой художникъ откроетъ въ рельефѣ отличительныя черты его фізіономіи.

«Съ тѣмъ же курьеромъ посылаю къ вамъ корректурный листокъ журнала; вы увидите, что издатели не потеряли времени: номеръ выйдетъ въ свѣтъ въ первую субботу по смерти Араго, и первый уведомитъ Англію о великой потерѣ для наукъ.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ подивитесь тому, что уже прошло десять лѣтъ, какъ я владѣю портретами Араго, сдѣланными тѣмъ же самымъ способомъ, который нынѣ употребляется для снятія стереоскопическихъ изображеній, то—есть посредствомъ камераобскуръ въ положеніяхъ, необходимыхъ для стереоскопическихъ изображеній.

«Еслибъ въ 1843 г. я случайно попробовалъ искосить глаза, то я тогда бы открылъ примѣненіе дагерротипіи къ стереоскопу, и чудесное изобрѣтеніе съ того же времени вошло бы въ употребленіе между фотографами, и мы восхищались бы тѣмъ, что портретъ великаго ученаго нашего времени былъ причиною прекраснѣйшаго примѣненія наукъ; но я походилъ на дикаря, который топчетъ ногами золото, не зная его цѣны».

— Ученые журналы по временамъ открываютъ сокровища, которыя оставались неизвѣстными при жизни Араго, и которыя, безъ сомнѣнія, откроются всѣ вполнѣ по изданіи его сочиненій. Но мы не хотимъ томить любознательныхъ читателей долгимъ ожиданіемъ и спѣшимъ сообщить имъ его удивительные опыты надъ прохожденіемъ свѣта чрезъ сухой и влажный воздухъ.

Два бѣлые луча, истекшіе изъ общаго источника, прошедшіе чрезъ среду однородную почти равныя пространства, по взаимномъ пересѣченіи подъ малыми углами, образуютъ систему полосъ темныхъ и блестящихъ, совершенно—видимыхъ. Центральная полоса бываетъ раздѣчена мѣтѣ всѣхъ прочихъ; она или совсѣмъ бѣлая, или совсѣмъ черная, или бѣлая между двумя черными, или черная между двумя бѣлыми, и нетрудно узнать ее по этимъ признакамъ. На ея мѣстѣ пресѣкшіеся лучи прошли совершенно равныя пространства. Около нея все одинаково: и форма и цвѣтъ и сила свѣта. Араго открылъ, что мѣсто такихъ полосъ не зависитъ отъ путей, пройденныхъ лучами: ставя предъ однимъ изъ нихъ стекла, постепенно уменьшающіяся въ своей толстотѣ, увидимъ, что полосы приближаются къ стеклу. Этотъ опытъ, повторенный много разъ со всякими средами твердыми, жидкими и газообразными, приводитъ къ закону;

который переищественно посылъ связываетъ съ преломляющею силою и съ голстотою прозрачнаго тѣла, чрезъ которое пропускается одинъ изъ лучей. Какъ-скоро Араго открылъ такимъ-образомъ новое средство извѣрять преломляющую силу прозрачныхъ тѣлъ, то немедленно началъ думать объ опредѣленіи этой силы во влажномъ воздухѣ — задача, чрезвычайно-любопытная, потому-что она входитъ въ вычисленіе астрономическаго преломленія свѣта, и которую разсматривали сперва Лавлазъ, допускаяшій вообще, что жидкости и происходящее изъ нихъ пары имѣютъ одинаковыя преломляющія силы, и потомъ Био, на основаніи опытовъ, казавшихся въ то время точными. Когда Араго сдѣлалъ описанное открытіе, тогда еще жилъ Френель, который присоединился къ Араго для произведенія предположенныхъ имъ опытовъ. Вотъ въ чемъ состояли они: двѣ мѣдныя тонкія трубки, длиною около метра, были припаяны одна къ другой, какъ стволъ дульнозаряднаго ружья; каждый ихъ конецъ закрывался совершенно-одинаковыми стеклянными пластинками, имѣвшими параллельныя стороны; посредствомъ крановъ впускались въ трубки вещества, которые ждали подвергнуть опыташъ. Когда въ трубкахъ заключался воздухъ одной плотности, одной температуры и одной степени влажности, тогда лучъ свѣта, пройдя чрезъ правую трубку и пересѣкшись съ лучомъ лѣвой, образовалъ цвѣтныя полосы на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ являлись онѣ чрезъ прохожденіе лучей въ свободномъ воздухѣ. Но когда черная трубка наполнялась воздухомъ сухимъ, а вторая — влажнымъ, тогда ужъ полосы не занимали прежняго мѣста: онѣ перемежались на полторы полосы въ сторону сухаго воздуха. Такое перемеженіе посылъ неоспоримо доказало, что сухой воздухъ преломляетъ свѣтъ болѣе, нежели влажный; оставалось опредѣлить разность преломляющихъ силъ. Изъ вышеупомянутаго закона, имѣя величины перемеженія посылъ при ослабленіи давленія воздуха въ трубкахъ съ воздухомъ сухимъ и влажнымъ, нетрудно вывести заключеніе о величинѣ этой разности; но при описанномъ опытѣ влажность могла осаждаться на внутреннія стороны стеколъ и потому могла измѣнять явленіе. По этой причинѣ Френель усомнился произвесте строгое вычисленіе. Впослѣдствіи Араго устранилъ такое затрудненіе. Онъ повторилъ свой опытъ съ прежними стеклами; но вмѣсто трубокъ длиною въ одинъ метръ употребилъ трубки длиною только въ сантиметръ, и чрезъ то почти уничтожилъ вліяніе разности преломляющихъ силъ воздуха; осталось только дѣйствіе тонкаго слоя влаги, осаждающейся на внутреннія поверхности стеколъ. Опытъ показывалъ, что это дѣйствіе почти непримѣтно; слѣдственно перемеженіе посылъ въ трубкахъ въ одинъ метръ длиною происходило единственно отъ разности преломляющихъ силъ сухаго и влажнаго воздуха.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ Араго приимаетъ свои опыты къ рѣшенію различныхъ вопросовъ.

Вообразимъ одну трубку опредѣленной длины, совершенно-безвоздушную и закрытую герметически съ обоихъ концовъ стеклянными пластинками; возьмемъ третью такую же пластинку, которая, будучи

установка против луча, выведенного из трубки, перемещалась бы такъ, что полосы, образуемыя отъ суперпозиціи лучей, прошедшихъ чрезъ пустоту и чрезъ воздухъ, проходили какъ-бы отъ лучей, прошедшихъ чрезъ среду однородную. Тогда переищенье нелюбопытность будетъ зависетьъ только отъ переищенья преломляющей силы наружнаго воздуха, и онѣ будутъ двигаться въ сторону пустой трубки, когда эта сила уменьшается, и обратно, когда она увеличивается. Такой снарядъ можетъ быть употребленъ въ обсерваторіяхъ, вмѣсто барометра и термометра, для опредѣленія преломляющей силы атмосферы на высотѣ предметнаго стекла зрительной трубы. Тогда прекратятся нескончаемые споры объ употребленіи внѣшняго, или внутренняго термометра для поправки астрономическаго преломленія.

Преломленіе свѣта въ воздухѣ зависитъ отъ его давленія и температуры: при постоянномъ давленіи и при переищѣи температуры на одинъ градусъ стоградуснаго термометра, въ трубкѣ, въ одиннадцатъ дециметровъ длиною, полосы должны переищиваться болѣе, нежели на двѣ полосы, и такое переищивеніе можно измѣрять съ точностью на $\frac{1}{10}$ долю полосы; слѣдственно посредствомъ упомянутаго снаряда, сравнимаго съ барометромъ, можно опредѣлять температуру воздуха почти до двадцатой доли градуса.

Чувствительность снаряда способна увеличиваться неопредѣленно съ длиною пустой трубки; но не въ томъ состоитъ его преимущество. На термометрѣ дѣйствуетъ лучеобразное тепло неба, лучеобразное тепло почвы и всѣхъ окружающихъ его предметовъ, такъ-что мы никогда не знаемъ настоящей температуры воздуха, а снарядъ Араго не зависитъ отъ вліянія этихъ причинъ, и потому показываетъ вѣрную температуру.

Въ путешествіяхъ пустая трубка можетъ служить вмѣсто барометра. Если ея длина равняется одному метру, то измѣненіе давленія воздуха опредѣляетъ она отъ одного до двухъ десятыхъ долей миллиметра.

Посредствомъ описаннаго способа опредѣлять преломленіе свѣта, можно знать состояніе атмосферы на всѣхъ разстояніяхъ отъ нагрѣтыхъ и ненагрѣтыхъ тѣлъ; можно слѣдить за любопытными опытами Фарада надъ атмосферами, ограничиваемыми ртутью, то-есть можно знать уменьшенія ихъ плотности съ увеличеніемъ разстояній отъ этой жидкости; даже можно надѣяться, что достаточно-длинныя трубки покажутъ дѣйствіе накучихъ тѣлъ. Наконецъ быстрота наблюдений, требующихъ одного мгновенія, подаетъ надежду сдѣлать чувствительными для глаза свойства звучащихъ волнъ, когда пустая трубка будетъ уставлена надлежащимъ образомъ относительно центра сильныхъ колебаній.

Опыты, произведенные надъ жидкостями, показали, что, посредствомъ наблюдений надъ цвѣтными полосами, можно опредѣлять переищенья преломляющей силы воды, соответствующія переищиванію ея температуры на одну сороковую долю градуса стоградуснаго термометра. Не видимъ ли здѣсь новаго и чрезвычайно-точного способа

изучать законы распространения тепла, не нарушая однородности галь, вставленнымъ въ ихъ массу шарика термометра ?

Послѣ всего предложеннаго, читатели согласятся, что опыты Араго мы справедливо назвали *удивительными*. Теперь съ нетерпѣннѣмъ ожидаемъ полнаго описанія и рисунка его снаряда, устроеннаго известнымъ художникомъ Солелемъ, и который Бабинне представилъ Парижской Академіи Наукъ. Къ этому описанію будутъ прибавлены результаты нѣкоторыхъ опытовъ, сдѣланныхъ еще, подѣ надзоромъ Араго, его сотрудникомъ Ложье, Солелемъ и Дюбоскомъ надъ преломляющей силою тумана сравнительно съ преломляющею силою чистаго воздуха. Такіе результаты весьма-важны для точной теории круговъ около солнца и луны, для теории ложныхъ солнцевъ и лунъ, и другихъ явленій въ атмосферѣ.

— Вы вѣрно слышали о «королевскомъ Паноптиконѣ Наукъ» въ Лондонѣ, основанномъ Кларкомъ; онъ недавно описанъ Гови въ «Illustration». Представляемъ здѣсь его описаніе. Если вы найдете его меншого напыщеннымъ, то не мы въ томъ виноваты: мы перевели его буквально.

Въ Лейчестеръ—скверѣ возвышается прекрасное зданіе мавританской архитектуры, украшенное куполами, минаретами, арабесками и странно-раскрашенное различными цвѣтами; внутри его находятся амфиатры, магазины, мастерскія, лавки съ духовною и матеріальною пищею; тутъ и теоретическая наука и ея приложенія къ промышленности.

Войдите въ эту дверь, о которой говорятъ, что она привезена изъ Гренады, или изъ Кордовы, и посмотрите, съ какимъ строгимъ величьемъ склоняется надъ вами обширная ротонда, шириной болѣе нежели въ 30 метровъ, и которой куполь достигаетъ высоты, достаточной для распространенія спокойнаго свѣта по галереямъ, окружающимъ пространную центральную площадь. Въ шестидесяти лавкахъ мавританскаго стиля, превосходящихъ своимъ богатствомъ и изяществомъ лавки Стамбула и Каира, посетитель найдетъ образцовыя мастерскія, принадлежащія ко всѣмъ родамъ промышленности. Это — улы, въ которыхъ цивилизованныя пчелы вырабатываютъ и медъ и воскъ. Подлѣ васъ стоитъ *печатникъ*, устремившій глаза на листы бѣлой бумаги, принесенной къ нему бумажнымъ фабрикантомъ, котораго неутомимыя машинны раздѣляютъ волокны индійской хлопчатой бумаги, льна и пеньки, алая и банановаго дерева для составленія тѣста легкаго и тягучаго, гибкаго и упругаго, какъ человѣческая мысль, которая будетъ изображена на немъ и сохранится для потомства. Далѣе вы видите *шляпника*, дѣлающаго пробковые цилиндры, которые потомъ покроются шелковой тканью, открывающей входъ въ богатые свѣтскіе салоны. Тамъ мастерская, въ которой отливаются въ различныхъ формы та протеобразная смола, которая называется *гутта-перчей*, и которая въ нѣсколько лѣтъ принесла болѣе пользы, нежели въ два столѣтія обыкновенная резина. Вдыхайте съ наслажденіемъ пріятнѣйшіе запахи, исходящіе изъ лабораторій, превращающей въ порошокъ косатикъ (*iris*) и амбру, мускусъ и сандаловое дерево, и въ которой бензойнъ и стиракса смѣшиваются со смолами Толу и

Перу, съ алоемъ и миртомъ, для благовонныхъ курильницъ. Здѣсь дистиллируются розовое и померанцовое масла, ваниль и тминъ. Тамъ воздухъ наполненъ запахомъ фіалокъ и резеды. Далѣе вы увидите *цветочницу*, приготовляющую зимой великолѣпныя украшенія: весны. Вотъ *оптикъ, часошникъ, граверъ, живописецъ на фарфоръ, токарь, оружейникъ, отливатель алебаstra, гальванопластикъ, золотильщикъ*, словомъ: въ Паноптиконѣ все дѣлается, все обширно и съ необыкновеннымъ блескомъ, и все описанное составляетъ малую часть многочисленныхъ работъ, свидѣтельствующихъ о чудесахъ промышленности. Подъ сводомъ великолѣпнаго зданія шумитъ *паровая машина*—душа и жизнь тысячи механическихъ орудій, вышедшихъ изъ мастерскихъ Англій и Франціи. Вотъ машины Витворта (Whitworth) манчестерскаго, которыхъ два образца находятся во Французской Консерваторіи; вотъ ткацкіе станки Жакара и Бонелли сдѣлавшаго неожиданное примѣненіе электрическаго тока; вотъ снарядъ индукто-магнитный, обѣщающій даровое освѣщеніе; вотъ здѣсь всѣ пособія, придуманныя человекомъ и повинующіяся его волѣ: всѣ собрались подъ гостепріимную кровлю Паноптикона.

Теперь достанетъ ли словъ для описанія той части зданія, въ которой собраны сокровища наукъ? Вотъ *химическая лабораторія*, обширнѣйшая и богатѣйшая стокгольмской и гессенской; она открыта для всѣхъ; въ ней всякій можетъ работать за ничтожную плату; вотъ собраніе *физическихъ снарядовъ*, передъ которымъ блѣднѣютъ кабинеты Политехнической Школы, Французской Коллегіи и Сорбонны, нѣкогда слышіе образцовыми въ своемъ родѣ. Сюда Россъ, Кларке, Плессель, Бруннеръ, Фроманъ, Морлой, Делёзъ, Шевалье, Дюбоскъ, Обергаузеръ, Кате, принесли блестящіе плоды своего гения и благороднаго соревнованія. Посмотрите на эту электрическую машину, которой стеклянный кругъ имѣетъ болѣе трехъ метровъ въ діаметръ, и которая съ шумомъ извергаетъ потоки огня. Подлѣ нея *столбъ*, обвивающій свою силу около огромной массы чугуна, и сообщаящій ему силу поднимать и удерживать тридцать тысячъ килограммовъ. Видите ли тамъ, въ углу, обширную цистерну, цѣлennemую прозрачною и спокойною водою? Въ ней 8 метровъ высоты и 3 метра въ діаметръ. Водолазный колоколь, подводные снаряды Сен-Симона Сикара, подъемные шары Джанетти; всѣ гидравлическія машины могутъ показывать свои дѣйствія въ этой цистернѣ.

Но пока мы удивляемся этимъ чудесамъ, ночь распространяется надъ храмомъ наукъ и промышленности, и темнота готова скрыть отъ нашихъ глазъ все окружающее. Но вотъ двѣ струи кислорода и водорога устремляются на известковый цилиндръ; электрическая искра зажигаетъ ихъ, известъ раскаляется и превращается въ искусственное солнце; машины, работники, ихъ произведенія — все исчезаетъ; неизмѣримое полотно представляется глазамъ зрителей, и на немъ слыдуютъ, одинъ за другимъ, виды отдаленныхъ странъ: это сонъ, мечтаніе, пріятно—успокоивающее человѣческой трудъ, который вы созерцали въ продолженіе многихъ часовъ.

Свѣтъ темнѣетъ, мечтаніе исчезаетъ и присутствующіе входятъ

двухъ боковыми дверями въ амфитеатры, гдѣ голоса ученыхъ объясняютъ имъ чудеса природы и изобрѣтенія человѣческаго ума. Бѣда двухъ тысячъ человѣкъ могутъ помѣститься въ этихъ амфитеатрахъ, гдѣ посетители слышатъ все, что науки собрали отъ Фалеса до нашего времени; все вамъ разскажутъ, все представятъ вашему взору и уму, ясно и опредѣленно....

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Наконецъ кончились всѣ эти балы, маскарады, всѣ эти шумныя, разнообразныя зимнія удовольствія, и въ Петербургѣ настала тишина... «Остановись, повѣствователь о петербургской жизни», скажетъ, можетъ-быть, мой добрый читатель, «еще едва прошель только мѣсяць съ-тѣхъ-поръ, какъ ты воспѣвалъ всѣ эти разнообразныя наслажденія *столичной жизни*, еще не запачкались уголки тѣхъ печатныхъ листовъ, на которыхъ ты прославлялъ балы, спектакли и маскарады, и вотъ ты уже отзываешься о нихъ какъ о чемъ-то скучномъ, о чемъ-то надоевшемъ, и хочешь прославлять тишину, спокойствіе» и т. д. и т. д. — Что дѣлать! отвѣчу я на это моему доброму читателю. Фельетонистъ описываетъ жизнь не свою, а общественную съ господствующими въ ней мыслями и чувствами, и пусть скажетъ откровенно самъ читатель, развѣ онъ, какъ и всѣ другіе, постоянно въ своихъ наслажденіяхъ? развѣ онъ не измѣняется одному изъ нихъ для другаго?

Въ-самомъ-дѣлѣ, когда прошли эти дни шума, тревогъ, музыки и танцевъ, когда кончилось это бойкое время базара житейской суеты, развѣ нѣтъ какого-то особаго удовольствія въ тишинѣ кабинета, въ мягкихъ креслахъ посидѣть глазъ-на-глазъ съ дорогимъ сердцу человѣкомъ, будто старый школьный пріятель, или молодой подруга жизни? Развѣ нѣтъ удовольствія поговорить съ нимъ о томъ, о семъ, съ сердцемъ на-распашку; вспомнить прошлое, которое, по словамъ поэта, кажется всегда такъ милымъ, или поговорить о будущемъ, въ которомъ, какъ говоритъ тотъ же поэтъ, обитаетъ всегда столько счастья? Развѣ нѣтъ наслажденія болтать безъ умолка, безъ всякой мысли о вчерашнемъ балѣ, спектаклѣ? и проч. и проч. Наконецъ, развѣ трудно позабыть душную атмосферу балныхъ и театральныхъ залъ для этого свѣжаго, ароматнаго воздуха, которымъ знаменуется борьба весны съ зимою, для этихъ свѣтлыхъ, чудныхъ дней, которыхъ такъ много было въ началѣ прошлаго мѣсяца? Подъ ногами хрустятъ оледенѣлый снѣгъ, а въ легкомъ вѣтеркѣ слышится что-то весеннее; передъ глазами лежитъ бѣлая снѣжная поляна Невы, а солнце смотритъ тепло и привѣтливо, угрожая загаромъ бѣленькимъ ли-

чикамъ. Только путникъ, испытавшій бурныя плаванія, умѣетъ цѣнить всѣ прелести твердой земли; только шумно-проведеній зимній сезонъ знаетъ всю цѣну этихъ мирныхъ удовольствій, и всѣ балы, театры, маскарады забываетъ безъ труда, гуляя въ одинъ изъ весенне-летнихъ розовыхъ дней хоть по Дворцовой Набережной, гдѣ всегда такъ много публики. Но это забвеніе прошлаго для настоящаго, забвеніе быстрое, безъ труда и усилій, покажется и простымъ и естественнымъ, если припомнить, сколько людей, пользующихся всеми этими разнообразными удовольствіями, не находятъ въ нихъ никакихъ удовольствій. Когда вокругъ насъ шумитъ и плещетъ потокъ различныхъ наслажденій, когда всюду и вездѣ восхваляютъ, прославляютъ оперу, балетъ или классическія трагедіи; когда каждый день намъ приноситъ груды афишъ и объявленій, предлагающихъ какія-нибудь пріятныя новости; когда фельетонисты, наперерывъ другъ передъ другомъ, приходятъ въ восторгъ отъ «Горация», маскарадныхъ ночей, «Зоры», блестящихъ баловъ и проч.: голова начинаетъ кружиться у человѣка, скущающаго и смотрящаго все это; онъ падаетъ въ бездну удовольствій, уносится ея стремительнымъ потокомъ. Въ то время, какъ одни неволью увлекаются этою пучиной, другіе отдаются ей добровольно, чтобъ не отстать отъ большинства, не отстать отъ моды, или по какому-нибудь инымъ побужденіямъ. Вотъ главнѣйшія категоріи, на которыя можетъ быть раздѣлена большая часть наслаждающейся публики: публика слушающая, смотрящая, или дѣйствующая; но наслаждаются ли всѣ эти люди наслажденіемъ истиннымъ? приносятъ ли имъ дѣйствительное удовольствіе эти увеселенія, которыми они предаются волей или неволей? Стоитъ припомнить все насъ окружающее и окружающее, чтобъ получить отвѣтъ на этотъ простой вопросъ. Пропуская наблюденія на балахъ, гдѣ наблюденія не представляютъ полнаго удобства, посмотримъ на посѣтителей театровъ, концертовъ и другихъ подобныхъ увеселеній.

Случалось ли вамъ когда-нибудь, читатель, утомясь нескончаемыми фюритурами, или безконечными монологами, отводить взоръ отъ эстрады или сцены, и переносить его на публику? Случалось ли вамъ подсматривать тѣ впечатлѣнія, какія производятъ на зрителей и зрительницъ эти фюритуры и тирады, эти музыкальныя и декламаторныя выраженія любви и ненависти, грусти и блаженства? Если нѣтъ, то вы много потеряли (хотя ничто не мѣшаетъ вамъ вознаградить эту потерю), потому что зрѣлище залы очень-часто гораздо-интереснѣе зрѣлища самой сцены.... Вотъ молодежькая головка блондинки, на устахъ которой дрожитъ такая чудная, такая свѣтлая улыбка, при каждой фразѣ, при каждой хитрости бойкой, влюбленной Розины; вотъ неподвижно-устраемленный на сцену биполь, владылецъ котораго внимательно слѣдитъ за каждымъ жестомъ величественной дочери Горация; вотъ старичокъ, склонившій голову и жадно прислушивающійся къ давно-знакомымъ ему звукамъ гайденовой оратори; еще три, четыре, много—десять внимательныхъ слушателей, усердныхъ зрителей, видимо находящихъ истинное удовольствіе въ музыкѣ или драмѣ; а остальные?... При этомъ вопросѣ, въ головѣ моей начинается мѣль-

какъ множество различныхъ образовъ молодыхъ и старыхъ, мужскихъ и женскихъ, которые врѣзались въ памяти моей при наблюденіи надъ театральными посѣтителями. Какъ забыть мнѣ эту почтенную даму, которая въ оперѣ иначе не сидѣла, какъ поворотивъ голову въ три четверти, чтобъ скрыть недостатокъ профиля и излишнюю полноту лица? какъ забыть другую такъ величественно-скучавшую и съ неподражаемою граціею зѣвавшую за своимъ биноклемъ во время трогательныхъ арій Лучини, и какъ забыть моихъ добрыхъ сосѣдей, тщательно-одѣтыхъ и причесанныхъ молодыхъ людей, которые дѣла-Гранжъ, Лаблашъ, Ронкони и другіе безжалостно мѣшали говорить о Дюссо, шампанскомъ, рысакахъ, розовыхъ и голубыхъ дамахъ съ камеліями, тоже постоянно-слушавшихъ, или, вѣрнѣе, смотрѣвшихъ оперу? Какъ забыть того старичка, которому произведеніи Мейербергера и Россини казались сладкими колыбельными пѣснями, а его кресла-колыбелью, и тѣхъ не-стариковъ и не-юношей, которые, просидѣвъ какъ-нибудь первые акты оперы, въ началѣ послѣдняго вдругъ быстро вскакивали и бѣжали изъ театральной залы, буда дремавшего дирижера? и наконецъ множество другихъ лицъ, въ очкахъ и безъ очковъ, съ львиными гривами и лишенными волосъ, лицъ, который пользовались всѣми этими дивными, чудными, восхитительными (какъ говорили они) удовольствіями съ такимъ видомъ, какъ-будто они дѣлали это по тяжелой обязанности, по горькой необходимости? Но изъ всѣхъ этихъ лицъ, ярче другихъ рисуется передо мною круглое, румяное лицо, одного полного господина съ коротко-остриженными волосами, котораго я постоянно видѣлъ на классическихъ представленіяхъ Рахели. Онъ являлся на нихъ къ самому началу и оставался до самаго конца; бакенбарды его постоянно были гладко причесаны, воротнички рубашки туго накрахмалены, перчатки неизмѣнно-свѣжи. Онъ внимательно смотрѣлъ на сцену, а я часто внимательно смотрѣлъ на него, и—странно! мнѣ казалось, что, по выраженію лица, я узнаю его мысли и чувства; мнѣ казалось, что я вижу весь процессъ мозговой дѣятельности этого господина. Я видѣлъ какъ онъ скучалъ и скучалъ невыносимо, какъ его умъ, вмѣстѣ съ глазами, бѣгалъ отъ одного классическаго героя къ другому, отыскивая въ нихъ что-нибудь хорошее....

Но что же, въ-самомъ-дѣлѣ, думалъ этотъ господинъ: что во всемъ этомъ особенно-хорошаго?.... а между-тѣмъ въ театрѣ сидитъ избранная публика и повидимому восхищается, потому-что неистово аплодируетъ. Да, неизмѣнно должно же быть во всемъ этомъ что-нибудь необыкновенное, иначе, для чего же бы платить такіе огромныя деньги за мѣста? Разсудивъ такъ, круглолицый господинъ начиналъ смотрѣть еще внимательнѣе на сцену, еще усерднѣе искать видимыя другимъ и невидимыя ему достоинства классическаго спектакля и вдругъ, услышавъ, какъ монологъ, начатый громовымъ голосомъ, неожиданно, безъ всякихъ повидимому причинъ, переходитъ въ едва-слышныи шопотъ; онъ, какъ Архимедъ, и воскликнулъ, кажется, въ душѣ своей: «нашелъ!» и поднявъ руки вверхъ, заливался аплодисментами. Круглолицый господинъ совершенно утѣ-

ренъ, что въ этихъ непонятныхъ переходахъ и должно заключаться что-то особенное, и ему не приходитъ въ голову, что одинъ изъ сосѣдей его называетъ эти измѣненія голоса не болѣе, какъ декламационною хитростью. Разъ попавъ въ тактъ съ большинствомъ публики, полный господинъ билъ въ ладоши при всякомъ удобномъ случаѣ. Но это разсѣваніе видимо немного содѣйствовало къ разалеченію полнаго господина и лицо его постоянно имѣло выраженіе безъисходной грусти. Эта жертва общаго стремленія, моды и проч. и проч. возбуждала во мнѣ глубокое сожалѣніе. Еслибъ существовали индугенци, разрѣшающія отъ послѣдованія модѣ и тому подобному, я бы на собственный счетъ приобрѣлъ ихъ въ возможномъ для меня количествѣ и подарилъ бы ихъ полному господину. Еслибъ голосъ мой имѣлъ хоть какое-нибудь значеніе, я бы привсталъ съ своего мѣста (признаюсь, сдѣлать это мнѣ хотѣлось не разъ) и сказалъ бы этому господину и еще многимъ другимъ представителямъ и представительницамъ прекраснаго и непрекраснаго пола: «Милостивые государи и милостивыя государыни! сказалъ бы я: сдѣлайте одолженіе не мучьте, не тираньте себя! Именемъ музъ, Аполлона и всѣхъ прочихъ боговъ Олимпа, умоляю васъ объ этомъ. Жизнь наша полна столько различныхъ неприяностей, избѣжать которыхъ мы не въ силахъ, чѣмъ право стравно и смѣшно, самыя удовольствія, выборъ которыхъ зависитъ отъ нашей воли, обращать тоже въ орудія скуки. Нѣтъ, милостивыя государи и милостивыя государыни, если вы не находите удовольствія въ этихъ пѣсняхъ Артура и Лучи, если васъ не поражаютъ и не приносятъ вамъ художественнаго наслажденія Камилла и Герміона; если, послѣ многихъ опытовъ надъ вашимъ вкусомъ, все это не представляетъ вамъ ничего болѣе, кромѣ скуки, то не смотрите на это, а предайтесь лучше вашимъ любимымъ занятіямъ, вашему любимому провозженію времени. Но къ-чему, впрочемъ, всѣ подобныя обращенія? Каждый знаетъ хорошо самъ всѣ эти истины (потому-что истина есть въ душѣ у каждаго), но не у многихъ есть сила послушаться голоса сердца и разсудка, устоять противъ общаго направленія и вкуса и сказать прямо и чистосердечно себѣ и другимъ: это мнѣ не нравится и противъ воли я не стану имъ восхищаться. Не у многихъ есть столько самостоятельности, чтобъ высказывать откровенно свои мысли и убѣжденія, и большинство скучаетъ посреди веселья. Но за-то, когда такое веселье кончится, когда общественныя удовольствія вдругъ остановятся, понятно съ какимъ удовольствіемъ выйдутъ на зеленый берегъ шумнаго потока всѣ увлеченныя его теченіемъ; понятно, какъ свободно вздохнуть они, имѣя возможность безъ упрековъ совѣсти (свѣтской совѣсти, конечно,) предаться тихому теченію обыкновенной жизни, своимъ любимымъ занятіямъ, своимъ любимымъ наслажденіямъ. Впрочемъ, на долго ли это? Пройдетъ время общей тишины, снова вспыхнутъ на-минуту зимнія удовольствія, потомъ наступитъ лѣтній сезонъ съ дачною жизнью, церемонными прогулками, утомительными parties de plaisir, и снова начнется старая исторія. Люди—эгоисты, говорятъ обыкновенно; но какая это иногда, право, напраслива. Все для другихъ, ничего для себя — вотъ де-

визъ, который такъ идетъ къ большинству кружащихся въ вихри свѣтской жизни. Свѣтъ — театръ, и всѣ люди — актеры: это истинная старая какъ миръ, но тѣмъ не менѣе истинная вѣрная. Чу! надо жено раздаются звуки фортепьяно... аккорды слѣдуютъ за аккордами... за ними ригурнель, вогъ... слышится вѣню... а узнаю женскій голосъ... Глухо, сквозь потолокъ доходявъ до меня то длинные переливы, то дрожавшія трели и подъ звуки ихъ я начинаю фантазировать на мою тѣму. Боже мой! какъ много занимаютъ у насъ музыкой! Сколько у насъ любителей и любительницъ, вѣнцовъ и музыкантовъ! Въ каждой семьѣ есть фортепьяно, и вѣтъ дома, въ которомъ бы не раздавались звуки то поэтической мазурки Шопена, или польки неизвѣстнаго автора, то итальянскихъ арій съ ихъ стереотипными «финалами», русскихъ пѣсень съ ихъ красивыми дѣвками, или такъ-называемыхъ романсовъ, въ которыхъ «любовь» и «любить» склоняются и сгибаются во всѣхъ возможныхъ падежахъ и временахъ. Но для всѣхъ ли этихъ неутомимыхъ музыкальныхъ дѣтелей музыка остается не болѣе какъ музыкою? всѣмъ ли она приноситъ наслаждение и отраду? — въ этомъ еще можно очень сомнѣваться. Заниматься музыкой теперь принято, и образованіе дѣвочки не можетъ обойтись безъ того, чтобъ она не училась пѣть, или играть. Слѣдуя этому правилу, папеньки и мамочки берутъ музыкальныхъ учителей и учительницъ и затѣмъ начинаются музыкальными занятія дѣтей. Но эта вѣчная заблужка, эти складки или гаммы, эти такъ-называемыя упражненія, лишенные вѣнцовой красоты и мотива — все это чѣмъ учитель, или учительница практикуютъ своихъ питомцевъ и питомицъ — все это какъ-то грустно звучитъ въ ушахъ почтенныхъ родителей. И вотъ, въ одно прекрасное утро, когда вѣнцовъ, въ отчаяніи отъ недостатка способностей своего учителя или ученицы, мамочка съ самою милою, съ самою притивною улыбкою намекаетъ почтенному монтору, что одни упражненія могутъ чрезвычайно утонить дѣтя. Она говоритъ, что было бы хорошо разнообразить нѣсколько его занятія, причѣмъ въ примѣръ приводитъ какую-нибудь госпожу N, которой маленькая дочь, начавъ учиться очень-недавно, въ неслыханны своей мамачи преисполненіи сыграла вальсъ. При этомъ мамочка вздыхаетъ, говоритъ о той отрадѣ, которую доставляютъ успѣхи дѣтей ихъ родителямъ, и выражаетъ надежду, что ея Сонечка, или Надинька, не отстанетъ отъ своихъ маленькихъ подружекъ. Бѣдный вѣнцовъ, который въ своемъ «стерландѣ», подъ руководствомъ много-нибудь арванста три года, можетъ-быть, часовъ по шести въ день игралъ только одни гаммы, гаммы и гаммы, водки-неводки, послѣ пятнадцати, двадцати уроковъ, данныхъ Сонечкѣ или Надинькѣ, долженъ перейти къ какому-нибудь ненавистному для него полькамъ, вальсамъ или чему-нибудь подобному. Сначала онъ (предполагая въ учителя еще новичка) хочетъ дѣлать время уроковъ между гаммами и вальсомъ, но гувернантка, присутствующая при занятіяхъ, намекаетъ ему (по приказанію мамочки, конечно), что черезъ двѣ, три недѣли, будетъ день рожденія главы семейства и потому было бы какъ-нибудь болѣе кстати поздравить папашу маленькаго музыкальнаго пьеской. Гаммы оставлены, вальсъ рѣзучень. Въ торжественный день,

въ присутствіи родныхъ и знакомыхъ, маленькая, разряженная, завитая Любочка, или Соничка, садится на высокоподнятый табуретъ за фортепьяно и изъ-подъ крошечныхъ ея пальчиковъ, прихрамывая, подскакивая, выбѣгаетъ, стоившій ей столькихъ трудовъ и хлопотъ, вальсикъ. Каждая неровность, фальшивая нота, подергиваютъ физиономію музыкальнаго вѣнца, какъ ниточка подергиваетъ фигуру бумажнаго пласуна извѣстнаго устройства; но свѣтлыя улыбки восторга и удовольствія сияютъ на лицахъ папеньки, маменьки, дяденьки, тетеньки, бабушекъ, дѣдушекъ, братцевъ, сестрицъ, кузинъ и кузеновъ и проч. Громкіе аплодисменты привѣтствуютъ окончаніе именинной пьесы, Соничка или Любинька, въ буквальный смыслъ переходить изъ рукъ въ руки: ее осыпаютъ нѣжностями и поцелуями, а почтенная бабушка вынимаетъ изъ кармана колоссальную конфету и даритъ ее юной артисткѣ. Посреди всего этого торжества, этихъ сладкихъ овацій, не забыть, конечно, и виновникъ ихъ — музыкальный учитель. Маменька Сонички или Любочки, нѣжно пожимаетъ ему руку, а папенька, особенно если онъ недавно изъ провинціи, попросту въ обѣ свои руки беретъ голову вѣнца и напечатлѣваетъ на ней горячій поцалуй. Послѣ всего этого, что же остается дѣлать музыкальному учителю: хлопотать ли, наставлять ли, чтобъ прежде всего дали время Соничкѣ или Любочкѣ, окрѣпнуть въ первыхъ началахъ искусства, за что видѣть косые взгляды родителей, или уступить ихъ желанію и продолжать разучиванье полекъ и вальсовъ — за что получать объятія и ласки. Человѣкъ слабъ и вообще, а музыкальный учитель (благосостояніе котораго зависитъ отъ расположенія папеньки и маменьки) слабъ даже въ-особенности. И вотъ, послѣ перваго произведшаго фуроръ вальса, онъ ужъ снисходительнѣе смотритъ на разучиванье различныхъ пьесокъ для именинъ и другихъ торжественныхъ случаевъ. Новые торжества, новые успѣхи Сонички или Любочки, которая, можетъ-быть, стала уже называться полнымъ именемъ, подстрекаютъ ея музыкальную дѣятельность. Сначала она играла по желанію маменьки, теперь она играетъ по собственному желанію. Ей хочется самой не отстать отъ своихъ подругъ; она находитъ величайшее удовольствіе заставить порой шлокнутъ большое, шумное общество, заставить слушать ея игру и восхищаться ея искусствомъ. Репертуаръ ея великъ и разнообразенъ; она играетъ множество болѣе или менѣе трудныхъ пьесъ, но между ними нѣтъ у нея ни одной любимой, ни одной, надъ которою бы она мечтала, думала, вспомнила о чемъ-нибудь, ни одной, которая бы приносила ей отраду, которая смягчала бы ея грусть. Между многими извѣстными ей пьесами, она любитъ только тѣ, которыя производятъ большій эффектъ. Не любя музыки, не зная хорошо началъ этого искусства, она и теперь, послѣ многихъ лѣтъ своихъ музыкальныхъ занятій, не можетъ разучить ничего безъ усиленаго труда, безъ формулы учителя, безъ того, чтобъ учитель этотъ указалъ ей, гдѣ и какъ игрѣ нужно придать чувство и экспрессию. Но удивленіе, восторги и похвалы однихъ, возбужденная зависть, оскорбленное самолюбіе другихъ — все это съ избыткомъ выкупаетъ и труды, и му-

ченіе, и скуку при музыкальныхъ ея занятіяхъ. Но долго ли продлится такая комедія? Возбужденная зависть понемногу слабѣетъ, толпы восторженныхъ слушателей мало-по-малу рѣдѣютъ, а когда публична нѣтъ, когда не передъ кѣмъ выказывать своего таланта, нѣтъ возможности оскорблять чьего-нибудь самолюбія, остается одно — опустить занавѣсъ. Занавѣсъ опущенъ, ортепельно забыто, партитуры заброшены — комедія кончена. Итакъ всѣ эти долгія занятія, всѣ эти случайные труды, все это для минуты пустыхъ, ничтожныхъ, ложныхъ успѣховъ? Боже мой! неужели для этого существуетъ искусство? Нѣтъ. Тѣ скромные любители музыки, которые самоучкой, или просто по слуху, съ чувствомъ наигрываютъ только двѣ-три какія-нибудь пѣсни; которые, забываясь въ звукахъ незатѣйливыхъ мелодій, выплакиваютъ въ нихъ свое горе и печаль, эти любители выше, гораздо-выше передъ искусствомъ, нежели всѣ эти господа и госпожи, занимающіеся имъ безъ участія души и сердца, употребляющіе музыку для постороннихъ цѣлей и выходящіе въ ней не наслажденіе, а тяжелый и скучный трудъ.

Я разсуждаю и фантазирую, а между-тѣмъ надъ головою моею нѣніе смолкло, но все еще раздаются звуки рояля. Для чего же такъ долго, для чего такъ усердно трудится моя сосѣдка? спрашиваю я себя. Для того ли, что она любитъ музыку и находитъ въ ней наслажденіе, или просто для того, что не хочетъ не отстать отъ другихъ, хочетъ пощеголять передъ ними своимъ искусствомъ. Нѣтъ, я недавно встрѣтилъ мою сосѣдку: у ней такое свѣженкое, доброе личико, такіе свѣтленькіе голубые глазки, что я хочу думать, и думаю, что она играетъ и поетъ, искренно любя искусство. Если же теперь она и не находитъ въ музыкѣ еще особаго наслажденія, то я увѣренъ, найдетъ его потомъ, найдетъ современемъ, когда веселая улыбка будетъ рѣже появляться на ея розовомъ личикѣ... вѣдь она еще такъ молода!

Нынѣшній, такъ-называемый концертный сезонъ не оправдываетъ своего названія, потому-что концертовъ у насъ очень-немного. Любители и любительницы, петербургскіе артисты и оперные хоры — вотъ единственные дѣятели настоящихъ музыкальныхъ наслажденій! Ни одна иностранная знаменитость не явилась къ намъ за лаврами и рублями, и это обстоятельство вмѣстѣ съ другимъ — огромнымъ числомъ концертныхъ афишъ и объявленій — составляютъ характеристическія принадлежности нынѣшняго сезона.

Благотворительные концерты стоятъ на первомъ планѣ и привлекаютъ значительную публику. Множество посѣтителей было и въ концертѣ Филармоническаго Общества, и въ пользу инвалидовъ, и въ пользу рукодѣльни для взрослыхъ дѣвицъ недостаточнаго состоянія. Два концерта, данные въ пользу послѣдняго учрежденія, отличались оригинальною особенностью. Несмотря на то, что въ нихъ участвовали извѣстные петербургскіе любители и любительницы музыки, этимъ музыкальнымъ празднествамъ не было придано никакой цѣны, и они назывались бесплатными. Билетъ для входа давался даромъ, и получающій его долженъ былъ только купить нѣсколько (отъ двухъ до

осьми, смотря по мѣсту), билетовъ аллегри, предоставлявшихъ возможность счастливымъ выиграть серебряный сервизъ, роаль, или, наконецъ, механическую куклу, которая танцевала на канатѣ.

Если къ концертамъ благотворительнымъ прибавить музыкальные вечера въ Пѣвческой Капеллѣ, концерты извѣстныхъ нашихъ петербургскихъ артистовъ, каковы гг. Рубинштейнъ, Лешетицкій, недавно-вернувшійся изъ путешествія Франкенштейнъ и концерты нѣкоторыхъ артистовъ неизвѣстныхъ; если припомнить еще музыкальные вечера Благороднаго Собранія, въ которыхъ, вмѣстѣ съ скромными любителями и любительницами, принимали участіе и имѣющіе большую извѣстность, какъ, напримѣръ, г-жа Озерская (урожденная Болховская), то составитя полный перечень собственно-музыкальныхъ наслажденій. Вы, конечно, не потребуете, читатель, чтобъ я передалъ вамъ подробности этихъ концертовъ. Кто не знаетъ старыхъ истинъ, что произведенія Рубинштейна (исключительно-исполнявшіяся въ его концертѣ) постоянно носятъ на себѣ печать огромнаго таланта; что г. Лешетицкій вполне заслуживаетъ любовь, которою пользуется у петербургской публики; что классическіе концерты Пѣвческой Капеллы составляютъ нѣчто въ родѣ музыкальныхъ праздниковъ для истинныхъ любителей искусства? Новаго въ этомъ отношеніи намъ сказать нечего, кромѣ-того развѣ, что виолонистъ Франкенштейнъ, старый знакомецъ Петербурга, сдѣлалъ большіе успѣхи послѣ перваго своего появленія передъ нашею публикою и, благодаря благородной, полной чувства и искусства игрѣ своей, имѣлъ у насъ значительный успѣхъ.

Вмѣстѣ съ концертами шли другіе, въ которыхъ музыка стояла на второмъ планѣ — это концерты съ живыми картинами. Съ легкой руки г. Кажинскаго (дирижера оркестра Александринскаго Театра), каждую недѣлю по разу, и по два, на различныхъ сценахъ ставились живыя картины и наши декораторы одинъ передъ другимъ соперничали въ своемъ искусствѣ. Если картинами вообще стараются воспроизводить повозможности вѣрно природу, то какъ хороши могутъ быть живыя картины, въ которыхъ сама природа становится въ рамку?

Говоря о концертахъ, кстати припомнить объ утратѣ, понесенной недавно петербургскимъ театральнымъ міромъ. Въ началѣ нынѣшняго года скончался въ Петербургѣ г. Белингъ, извѣстный какъ композиторъ, какъ превосходный музыкальный учитель, а еще болѣе, какъ основатель такъ-называемой «Академіи Пѣнія», въ которой любителями и любительницами исполняются классическія произведенія музыки.

Концертный сезонъ приближается къ концу; концертовъ въ немъ было немного, и въ утѣшеніе сокрушающимся объ этомъ недостаткѣ, можно привести развѣ открытый абониментъ итальянской оперы. Г-жа де-ла-Гранжъ, Маррай, де-Мерикъ, Тальяфико, Котти, гг. Тамберликъ, Кальцолари, Ронкони, Лаблашъ, де-Бассини, Тальяфико и Дидо — вотъ составъ будущей итальянской труппы, вотъ тѣ соловьи, которые прилетятъ къ намъ коротать нашу длинную зиму, и которые теперь большею-частью разлетѣлись по разнымъ сторонамъ блага свѣта.

Странно кажется иногда эта кочевая жизнь знаменитых артистов. Тамъ, на родинѣ, у нихъ великолѣпныя виллы и роскошныя отели, тамъ, подъ голубымъ небомъ Италіи, у нихъ цвѣтутъ явры и померанцы, тамъ у нихъ и друзья и родные, а между-тѣмъ, оставивъ все это, забывъ усталость и спокойствіе, носятся они, какъ перелетныя птицы, изъ края въ край, изъ царства въ царство...

Признаюсь, я бы очень хотѣлъ быть знаменитостью сценическою, или музыкальною. Я хочу этого не для денегъ (я не корыстолюбивъ), но для того только, чтобъ любоваться и дѣлать наблюденія надъ тѣми людьми, которые бы бѣгали и сновали вокругъ меня, вертѣлись и суегились передо мною. Я бы отличилъ привязанность истинную къ моему таланту отложной къ моей славѣ и извѣстности; я бы поощрялъ ласкою и любезностью первую, я бы смѣялся и забавлялся надъ второю, какъ смѣюсь и забавляюсь надъ всѣми пародіями этого міра. Но изучать тѣла небесныя стали не дожидаясь устройства обсерваторій: такъ почему же мнѣ не начать астрономическихъ наблюденій надъ землею, не дожидаясь высокаго поста знаменитости? Еслибъ я не былъ увѣренъ, что читатель мой во всемъ хватаетъ звѣзды съ неба, я бы сталъ объяснять ему о значеніи тѣлъ свѣтлыхъ и темныхъ, изъ которыхъ послѣднія заимствуютъ свѣтъ у первыхъ; но теперь я пропускаю это астрономическое введеніе, и прямо поведу рѣчь о тѣхъ чело-вѣкахъ и чело-вѣчкахъ, которые стараются блестятъ... чужимъ свѣтомъ.

Бывая въ театрахъ, и въ-особенности въ концертахъ, посреди слушателей восторженныхъ и апатическихъ, жадныхъ къ удовольствіямъ и повидимому имъ чуждыхъ, вы, безъ-сомнѣнія замѣтили, такихъ, которые стараются сѣсть на мѣстѣ повозможности видномъ. Не слушая музыки и не находя повидимому никакого удовольствія въ спектаклѣ, они однако, при нѣкоторыхъ случаяхъ, вдругъ поднимаютъ руки, затаюты въ какія-нибудь замѣтныхъ цвѣтовъ (на утреннихъ концертахъ) перчатки, и заливаются сильными рукоплесканиями, пускаются въ сильные крики, сопровождая иногда и то и другое бросаньемъ массивныхъ букетовъ. Бывая въ концертахъ въ залѣ Дворянскаго Собранія, вы безъ-сомнѣнія замѣчали нѣсколько лицъ, блуждающихъ постоянно передъ дверьми комнаты, въ которой скрываются артисты до появленія на эстраду; вы замѣчали, какъ многіе изъ нихъ, при выходѣ артистовъ и артистокъ, расчищали имъ дорогу, заливаясь рукоплесканиями, и какъ нѣкоторые изъ нихъ являлись знаменитостямъ и получали въ отвѣтъ полуудивленный, полулюбезный взглядъ послѣднихъ. Если наконецъ, вы видѣли, что нѣкоторые изъ этихъ лицъ получали благосклонную улыбку, два-три слова, пожатіе руки и т. п. знаки вниманія, то посреди ихъ вы видѣли нѣсколько такихъ, которые на землѣ соответствуютъ темнымъ тѣламъ небеснымъ, и видѣли ихъ въ главныхъ фазахъ стремленій подпасть подъ лучи блестящаго свѣтила. Въ нихъ самихъ нѣтъ ничего особенно-замѣчательнаго: они не парадки, не великаны, не талантливыя художники, но имъ страстно хочется быть замѣтными, и они начинаютъ обращаться вокругъ знаменитостей. Послѣ многихъ хлопотъ, трудовъ и страданій, они, такъ страстно-аплодировавшіе знаменитости, представляются ей доб-

Рядом знакомыми. Вотъ знаменитость приглашаетъ ихъ посѣщать себя. Вотъ они однажды встрѣтились на Невскомъ съ знаменитостью и, при весьма-многочисленной публикѣ, шли съ нею рядомъ и говорили даже въ Петербургской погодѣ. Вотъ это сближеніе незнаменитостей съ знаменитостью получаетъ некоторую популярность; незамѣтные индивидуумы дѣлаются замѣтными и составляютъ даже предметъ зависти некоторыхъ другихъ индивидуумовъ. Къ довершенію зависти завиставель и къ собственному своему высокому наслажденію, обращающійся съ знаменитостью, при каждомъ удобномъ случаѣ, говоритъ о своей патрѣи, безпрестанно извертываетъ въ разговоръ свой фразы: «когда я былъ чай запросто у N N (именно знаменитости)» или «N N говорилъ мнѣ, что... и т. д.» или «вы не знаете, какъ мнѣ N N въ своей семейной жизни». Смыслъ всего этого угадать нетрудно; знаменитость не станетъ знакомиться и дружить съ кѣмъ попало, и следовательно мы, съ которыми она въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, не кто-нибудь, а лицо тоже весьма-почтенное. А быть замѣтнымъ, пустить пыль въ глаза, изъ тѣла темнаго сдѣлаться свѣтлымъ, къ которому какой-нибудь ничто напишетъ даже, можетъ-быть, стихотвореніе въ родѣ «небо чисто, небо ясно» и т. д.—все это такъ пріятно, такъ соблазнительно, такъ сильно нравится некоторымъ.

Если отъ міра артистическаго мы перенесемъ наблюденія свои въ остальной міръ, то и здѣсь тоже увидимъ, какъ тѣла темныя обращаются вокругъ тѣлъ свѣтлыхъ. Этого мало, здѣсь увидимъ какъ вокругъ этихъ живущихъ чужимъ свѣтомъ темныхъ тѣлъ двигаются тѣла темнѣйшія, вокругъ нихъ еще другія и т. д. Взгляните какъ этотъ молодой человѣкъ, средняго круга, самодовольно прогуливается по Невскому, какъ важно посматриваетъ онъ на своихъ знакомыхъ того же круга, и какъ нѣжно посматриваетъ на своего спутника — спутникъ его аристократъ, настоящій аристократъ. Этотъ молодой человѣкъ пускаетъ ребромъ послѣдній рубль для того, чтобъ сидѣть въ театрѣ рядомъ съ княземъ X. и передъ всемъ Большимъ Театромъ (который непремѣнно на него смотритъ весь), во время антрактовъ поговорить съ нимъ и его пріятелями, барономъ С. и графомъ N. Онъ не думаетъ о спектаклѣ и музыкѣ, а отъяскивая во вторыхъ ярусахъ своихъ знакомыхъ, думаетъ: видать ли они его блестящихъ сосѣдей-знакомыхъ? И его сосѣдство съ княземъ остается незамѣченнымъ. Одна знакомая ему, очень-небогатая дама рѣшилась дать балъ. Балъ этотъ долженъ быть тоинный; она хочетъ блеснуть своимъ хорошимъ знакомствомъ и, пригласивъ на балъ уже одну престарѣлую княжну, славившуюся, лѣтъ тридцать назадъ, своею красотою, очень-любовно и настойчиво приглашаетъ молодаго человѣка, котораго видѣла въ таномъ хорошемъ обществѣ. Молодой человѣкъ, хотя и увѣренъ, что у этой дамы балъ будетъ невыразимо-скученъ, ѣдетъ однакожь туда, потому-что тамъ будетъ престарѣлая княжна, настоящая аристократка. На балу молодой человѣкъ остался бы вовсе незамѣченъ: онъ ни особенно-красивъ собою, ни особенно-ловокъ и любезенъ, но такъ-какъ онъ замѣчался въ-особенности много княжното и, въ свободное отъ этихъ за-

нѣтъ время, въ кабинетѣ хоакина разсказывалъ нѣкоторымъ юношамъ о томъ, какъ вчера у Дюссо съ княземъ X. и барономъ С. она вышла дюжинну клико и какъ потомъ князь X. требовалъ несправедливо, чтобъ онъ остался у него на цѣлый вечеръ, тогда—какъ онъ обѣщавъ пить чай у графа Z, то нѣкоторые изъ слушающихъ начинаютъ читать къ нему уваженіе, а большинство скучный балъ тошной дамы находятъ весьма—пріятнымъ, потому—что тамъ были и княжна и тотъ молодой человѣкъ, который въ оперѣ свитъ всегда рядомъ съ княземъ X. своимъ пріателемъ... Еслибъ продолжать всѣ эти наблюденія, то можно было бы привѣсть множество подобныхъ забавныхъ примѣровъ. Каждое общество имѣетъ свои свѣтила, около которыхъ снуютъ разные человѣчки съ цѣлюю собственнаго освѣщенія чужимъ блескомъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ мельче эти человѣчки, какъ мельчаютъ и блѣднѣютъ и самыя свѣтила. Въ то время, какъ одни стараются быть замѣтными, обращаясь вокругъ свѣтилъ артистическихъ или аристократическихъ, другіе считаютъ себя очень—счастливыми, когда гуляютъ по большимъ улицамъ съ человѣкомъ, за которымъ идетъ экипажъ, у котораго жена въ бархатномъ салопѣ, или даже у котораго просто хорошее пальто.

Тѣла темныя бываютъ всѣхъ классовъ, половъ и возрастовъ, начиная съ какой—нибудь старушки, безпрестанно—говорящей о небываломъ имѣніи своей дочери, въ которомъ бьютъ фонтаны и растутъ удивительные персики, до какого—нибудь мальчика, который на обычный для всѣхъ школьныхъ новичковъ вопросъ: кто вашъ папенька? отвѣчалъ: у меня дяденька генералъ.

Довольно, однако, объ этомъ; обратимся къ новостямъ Петербурга.

Новымъ называемъ мы обыкновенно то, что случилось или появилось недавно; но это «надавно» имѣетъ чрезвычайно—различныя значенія, и въ то время, какъ одно считается новымъ въ продолженіе дня, или только нѣсколькихъ часовъ со времени его появленія, другое годъ и болѣе не перестаетъ считаться новостью. Перчатки новы—теченіе только одного вечера; листъ газеты старъ на другой день, по своему выходѣ, а супруги, цѣлый годъ послѣ свадьбы все еще называются «новобрачными». Вотъ почему я надѣюсь сказать читателю нѣчто новое, начавъ рѣчь о разныхъ сооруженіяхъ, которыми украсился Петербургъ въ два, три послѣдніе года.

Не говоря ужъ о такихъ, какъ Благовѣщенскій Мостъ, или Московская Желѣзная Дорога, о которыхъ знаетъ вся Россія, небывшій года три—четыре въ Петербургѣ удивится множеству другихъ новыхъ зданій въ нашей столицѣ. Если этотъ человѣкъ въѣдетъ въ Петербургъ чрезъ Московскую Заставу, то прежде всего глазамъ его представятся справа близъ шоссе два каменные большіе двухэтажные дома съ церковными главами посрединѣ—это вновь—выстроенный Воскресенскій Дѣвичій Монастырь. Взглянувъ налево, онъ увидитъ вдали большое каменное зданіе, отъ котораго валитъ паръ и несется сажистъ локомотива—это станція Варшавской Желѣзной Дороги, на которую прибылъ, или съ которой отходитъ поѣздъ изъ Гатчина, или въ Гат-

чно. Минуя рельсы, соединяющіе станціи двухъ дорогъ, Московской и Варшавской, для доставленія съ одного мѣста на другое вагоновъ и локомотивовъ; полюбовавшись вблизи совершенно-оконченнымъ и необведеннымъ только стѣною зданіемъ монастыря, онъ ѣдетъ далѣе. У Обводнаго Канала, справа, передъ глазами его заблестятъ опять знакомые ему золотыя остроконечныя колокольни вновь-отстроенной и еще невоплнѣнн-отдѣланной церкви Лейб-Гвардіи Егерскаго Полка. Если прїѣзжій поѣдетъ по Загородному Проспекту, то увидитъ нѣсколько новыхъ огромныхъ домовъ, изъ которыхъ у иныхъ (напримѣръ, г. Зейдлица) болѣе ста оконъ на улицу. Далѣе, на тѣнистой сторонѣ Невскаго Проспекта, близъ Знаменья, онъ увидитъ также два-три большіе новые дома частныхъ владѣльцевъ, а на самой Литейной замѣтитъ выстроенный въ прошломъ лѣтѣ не слишкомъ-большой, но замѣчательный красивымъ своимъ фасадомъ домъ академика Пела... Вдучи по Литейной, вы удивитесь, можетъ-быть, не увидѣвъ прямо передъ собою въ концѣ улицы давно-знакомаго вамъ зданія Литейнаго Двора. Это зданіе, которому теперь было бы сто-двадцать лѣтъ, сдюмано ужъ два или три года назадъ, и Литейная Улица прямо ведетъ теперь къ новому Воскресенскому Мосту, замѣнившему прежній, шедшій отъ Воскресенскаго Проспекта. Пробѣжавъ мостъ, миновавъ Артиллерійское Училище и чей-то новый большой каменной домъ, бросающійся въ глаза особенно разнообразіемъ формъ своихъ окошекъ, прїѣзжій достигаетъ наконецъ не такъ давно пустыннаго поля, на которомъ теперь высится съ двухъ сторонъ огромныя зданія краснаго цвѣта — новаго Арсенала и мастерскихъ, находившихся прежде на Пушечномъ Дворѣ. Если отъ новаго Арсенала отправиться черезъ Выборскую и Петербургскую Стороны на Васильевскій Островъ, то по дорогѣ можно увидѣть множество надстроенныхъ, передѣланныхъ и новыхъ домовъ; нѣкоторые изъ домовъ на Петербургской стоятъ не въ одномъ уровнѣ съ своими сосѣдами. Такъ-какъ улицы этой части столицы будутъ урегулированы, то новыя зданія строятся ужъ сообразно новымъ для улицъ планамъ.

Нѣсколько новыхъ и перестроенныхъ домовъ Васильевскаго Острова, обращеннаго, благодаря Благовѣщенскому Мосту, въ полуостровъ, домовъ, изъ которыхъ въ-особенности хороши два-три, на Набережной Невы, украшаютъ этотъ уютный уголокъ Петербурга. Набережная же острова, съ ея широкими гранитными троттуарами, стала рѣшительно красавицей. По другую сторону моста красуется роскошный отель г. Воллярларскаго. Миновавъ его и повернувъ въ Большую Морскую, прїѣзжій невольно остановится на обширной площади передъ Марининскимъ Дворцомъ, обставленной прекрасной архитектуры недавновыстроенными зданіями Министерства Государственныхъ Имуществъ и красивымъ домомъ г. Якунчикова. Продолжая путешествие, въ Морской полюбуется домомъ г. Руадзе, выросшемъ на мѣстѣ сѣренькихъ заборовъ и ветхаго павильона дѣтскаго театра. Сквозь огромныя зеркальныя окна нижняго этажа, занятаго магазинами, съ улицы видны груды бронзы Шопена, ювелирныя издѣлія Фаберже, соблазнительныя пастеты Бореля и множество другихъ разнообраз-

нмъ предметовъ. Что касается до Невскаго Проспекта, то, кромѣ тѣхъ домовъ, о которыхъ мы говорили прежде, должно упомянуть еще о новомъ здании Городской Думы. Это обширное зданіе замѣчательно и красивыми своими фасадами и превосходною отдѣлкою залъ для различныхъ общественныхъ собраній. Другихъ новыхъ построекъ на Невскомъ Проспектѣ, кажется, не было, но и безъ нихъ улица эта остается лучшею въ городѣ и будетъ еще красивѣе, когда осуществится предположеніе, о которомъ впечатано уже въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» — предположеніе о перестройкѣ Стараго Гостиного Двора.

Съ Невскаго Проспекта было бы можно отправиться по Садовой, потомъ по Екатерининскому Каналу, въ Коломну и т. д. и перебраться выстроенные на этихъ улицахъ новые дома, изъ которыхъ многіе, какъ, напримѣръ, гг. Шлиныхъ, Буха и другихъ, замѣчательны своею огромностью; но такъ—какъ этотъ перечень показался бы утомительнымъ читателю, съ которымъ мы объѣхали почти весь Петербургъ, то, для отдыха, предложимъ ему остановиться на выставкѣ лотерей дѣтскихъ приютовъ. Три большія комнаты въ домѣ г. Голубцова (въ Караванной) заставлены вещами, предназначенными для розыгрыша въ этой лотерей. Кромѣ колоссальныхъ фарфоровыхъ вазъ и другихъ предметовъ, пожертвованныхъ Императорскою Фамиліею, здѣсь есть прекрасной работы туалетъ съ серебряными къ нему принадлежностями, множество изящныхъ вещей для кабинета, прекрасныя вышитыя кресла и подушки, различныя работы приютскихъ питомицъ и наконецъ пятьдесятъ—двѣ довольно большія лудки, одѣты въ мѣстные костюмы пятидесяти—двухъ губерній. Очень интересно взглянуть на эти разнообразныя, часто изящныя, часто роскошныя костюмы, въ которыхъ щеголяютъ русскія красавицы изъ разныхъ краевъ обширнаго царства.

Въ каждой комнатѣ выставки, кромѣ начальствующихъ приюта, вы видите крошечныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые указываютъ посетителямъ на болѣе—замѣчательныя выигрыши, смотрятъ, чтобы зрители не трогали вещей руками.

Смотря на свѣженькихъ, розовыхъ малютокъ, питомицъ приютовъ, невольно думаешь: что случилось бы, можетъ—быть, съ этими дѣтями, если бы они настояще свои годы проводили дома, въ своей семьѣ? И въ отвѣтъ на это воображеніе представляетъ различныя картины.

Вотъ сырая комнатка. Слабый дневной свѣтъ, пробиваясь къ маленькія окошечки, освѣщаетъ ея бѣдную обстановку. Дѣти блѣдыя, худыя, прижавшись къ уголку, дрожатъ отъ холода, жалобно просятъ хлѣба у старой бабушки; но отецъ и мать пошли еще только добывать этотъ хлѣбъ. Цѣлый день родители проводятъ внѣ дома, въ трудахъ и работѣ; дѣти сидятъ одни, забнутъ и плачутъ. Порой, въ свободныя минуты мать рѣшается заняться дѣтями, но такнхъ минутъ у ней мало и дѣти вырастаютъ не зная ничего, не зная твердо даже ни одной молитвы.

Вотъ другая комнатка, показывающая нѣкоторый достатокъ своихъ владѣльцевъ. Въ ней также дѣти. Не нуждаясь въ насущномъ хлѣбѣ,

они не такія худыя и блѣдныя, какъ первыя, но окружающее ихъ тоже невесело. Цѣлый день въ этой комнатѣ раздаются крикъ и споры, слышатся упреки и сцены, которыя не забываются и взрослыми, происходятъ въ глазахъ дѣтей, ижныя сердца которыхъ такъ мягки, такъ впечатлительны... Вотъ сирота, приюченный каиникъ—нибудь дальнѣйшій родственникомъ, чужой въ семьѣ и во всѣхъ ея радостяхъ: безъ призора и присмотра, онъ по цѣлымъ днямъ бѣгаетъ по двору и улицѣ, за гроши прислуживаетъ сосѣдямъ. Не видя ни съ чьей стороны ни ласки, ни заботы, онъ, опираясь на собственныя свои средства, начинаетъ хитрить и обманывать и приучается къ праздной, иногда порочной жизни. Вотъ нѣсколько ролей, которыя суждено играть часто дѣтямъ въ бѣдныхъ семьяхъ; вотъ роли, которыя бы заняли можетъ быть и эти розовенькіе, чистенькіе мальчики и дѣвочки, если бы не были они подъ кровомъ дѣтскихъ приютовъ. Если бы дѣти находили здѣсь только одинъ дневный приютъ и ничего болѣе, то и тогда велика была бы заслуга этихъ учреждений. Но, проводя здѣсь цѣлый день сытыя, одѣтыя въ простенькое приютское платье, они, удаленныя въ это время отъ многого дурнаго, чему были бы свидѣтелями, быть-можетъ, дожа, учатся читать и писать, разнымъ работамъ и пѣнію. И когда, послѣ дневныхъ трудовъ и забавъ, иныя, украшенныя за отличіе разноцвѣтными кисточками, дѣти вечеромъ гурьбою высыпаютъ изъ приютскихъ подъѣздовъ и рассыпаются по разнымъ улицамъ, то пріятно смотрѣть на ихъ веселыя личики и прислушиваться къ ихъ звонкому говору. Они расходятся по разнымъ домамъ и домикамъ, и тамъ, гдѣ нѣкогда на нихъ смотрѣли какъ на лишнее, тяжелое бремя, тамъ они теперь приносятъ отраду и утѣшеніе. Отецъ и мать часто, можетъ-быть, забываютъ свое горе, труды и лишения, когда дѣти, на минуту затихнувъ, вдругъ начинаютъ согласно пѣть молитву, которой научились они въ приютскихъ классахъ. Болѣе двухъ тысячъ бѣдныхъ дѣтей находятъ убѣжище въ дѣтскихъ приютахъ, и эти заведенія, обезпечивая участь малютокъ въ настоящемъ, еще болѣе дѣлаютъ для ихъ будущаго. Отъ сколькихъ пороковъ и соединенныхъ съ ними несчастій ограждаютъ они своихъ питомцевъ! и сколько добрыхъ, честныхъ и полезныхъ людей выйдетъ изъ этихъ малютокъ, благодаря нравственнымъ началамъ и привычкѣ къ труду, приобретеннымъ ими въ этихъ учрежденияхъ!

Люди честные, благородные и полезные выходятъ изъ всѣхъ классовъ общества, и часто посреди міра, повидимому ничтожнаго, посреди людей совершенно-незамѣтныхъ, открываются отличные таланты и дарованія. Но перейдемъ къ другимъ предметамъ.

Въ залѣ Вольаго Экономическаго Общества можно поучиться истиннѣйшій физиологін на лекціяхъ профессора А. П. Загорскаго. Физиологія, въ примѣненіи ея къ сохраненію здоровья — вотъ предметъ этихъ чтеній, собирающихъ каждую среду многочисленныхъ слушателей, между которыми бываютъ и дамы. Профессоръ Загорскій читаетъ просто, ясно, безъ фразъ и выпыщенности, видимо стараясь сдѣлать чтенія свои нѣвозможно-популярными. На пер-

выхъ двухъ лекціяхъ г. Загорскій объяснялъ значеніе болѣзни, какъ состоянія противоположнаго здоровью, доказывая при этомъ, что болѣзнь есть не что-либо внѣшнее, но только пзмѣненіе организма челоука. Судя по началу, должно полагать, что профессоръ намѣреалъ читать курсъ свой весьма-пространно.

Изъ залы Вольнаго Экономическаго Общества переносимся въ Императорскую Публичную Библиотечу.

Мы были на аукціонѣ дублетовъ сочиненій о Россіи и древней Польши, происходившемъ въ Библиотекѣ въ концѣ февраля и началѣ марта. Въ числѣ книгъ, назначенныхъ въ продажу, находилось много истинно-драгоценныхъ библиографическихъ рѣдкостей. Здѣсь былъ Марко-Поло, Одерборнъ, Олай-Великій, Поссевинъ, Павелъ Іовій, Герберштейнъ и многіе другіе.

Говоря о новостяхъ ученыхъ, нельзя не упомянуть о новостяхъ художественныхъ. Художникъ-любитель Г. Ваннфантъевъ, о которомъ уже было какъ-то говорено въ нашихъ «Замѣткахъ», теперь совершенно окончилъ свое изданіе портретовъ начальствующихъ лицъ и профессоровъ С. Петербургскаго Университета. Коллекція эта состоитъ слишкомъ изъ тридцати портретовъ, которые отличаются большимъ сходствомъ и изящною отдѣлкою.

Всѣ другія повости художественныя относятся къ современнымъ военнымъ событіямъ. Художникъ Козловъ налитографировалъ большой эстампъ, изображающій синопское сраженіе, и взрывъ турецкаго корабля; почти въ каждомъ номерѣ «Русскаго Художественнаго Листка» представляются то эпизоды изъ современной турецкой кампаніи, то портреты отличившихся въ ней лицъ. На окнахъ эстампныхъ магазиновъ выставлены теперь по преимуществу гравюры, представляющія различныя военныя событія, и постоянно множество народа любуется изображениями подвиговъ Кореннаго, Старичкова, Архипа Осипова и другихъ, или забавляется надъ переправою французовъ черезъ Березину. Духъ патриотизма проникаетъ всюду и, отражаясь въ художествѣ, отразился и въ поэзи. Со всѣхъ концовъ Россіи въ редакцію нашихъ газетъ и журналовъ шлются разныя патриотическія стихотворенія. Каждый, какъ можетъ, какъ умѣетъ, выражаетъ свои чувства любви къ родинѣ и ея славѣ, и эти полныя теплоты и искренности выраженія находятъ къ себѣ всеобщее сочувствіе въ публикѣ. Всѣ и каждый полны любовью къ славѣ своей родины, и одна фраза, одно слово, намекающее на эти чувства, говоряція о славѣ Россіи, производитъ восторгъ необыкновенный. Доказательствъ тому можно привести множество, начиная отъ представленія «Морской праздннкъ въ Севастополѣ» до Русской пѣсни А. І. Неваховича, исполненной въ концертѣ въ пользу Рукодѣльни бѣдныхъ дѣвицъ. Вотъ эта пѣсня:

Мы громко поспоемъ : Россійскій Богъ великъ !
 Повсюду разнесемъ торжественный гимнъ славы;
 Обвитый лаврами, побѣдоносный штыкъ
 Вездѣ проложитъ путь тебѣ, орелъ двуглавый !

Вооружимся всѣ — за родину, за честь,
 Напомнимъ доблести двѣнадцатаго года —
 И вздрогнетъ цѣлый міръ, когда раздастся вѣсть
 О славныхъ подвигахъ великаго народа!

Прочитанныя внятно, съ одушевленіемъ, самимъ авторомъ и пропѣтые потомъ хоромъ любителей и любительницъ, стихи эти произвели эффектъ необыкновенный. Зала дрожала отъ рукоплесканій и криковъ и пѣснь была повторена.

Теплое чувство любви къ отчизнѣ хранилось и хранится всегда въ глубинѣ каждаго русскаго. Не хвастая имъ, не говоря о немъ безпрестанно, подобно другимъ, какъ горячо и сильно выражаетъ онъ это чувство, когда отечеству его грозитъ опасность! Стоитъ посмотреть на одушевленіе, которымъ проникнута теперь вся Россія; стоитъ прислушаться къ говору разныхъ сословій, чтобъ увидѣть и услышать то, какъ сильна, какъ велика у всѣхъ и каждаго любовь къ своей милой родинѣ. Въ то время, какъ поэтъ въ стихахъ выражаетъ эти народныя чувства, въ то время, какъ войска наши каждый шагъ свой ознаменовываютъ подвигами мужества и храбрости, самъ народъ русскій слагаетъ великую поэму, которая впишется на страницы исторіи, изъ слѣдующихъ, на примѣръ, фактовъ:

По случаю войны:

Д. С. С. Анатолій Демидовъ повергнувъ къ стопамъ Его Величества Государя Императора все свое достояніе.

Князь Н. Б. Юсуповъ вызвался снарядить на свой счетъ два батальона пѣхоты.

Московское купечество пожертвовало на госпитальныя вещи 461,750 руб. сер.

Гренадеръ Московской Дворцовой Роты Ткаченко въ пользу раненыхъ представилъ 500 р. с.

Воспитанники Императорскаго Лицея 1400 р. с.

Полтавское дворянство 600 паръ воловъ.

Симбирское дворянство 43,000 р. сер.

Мастеровые московской фабрики Соколова 300 р. с.

Костромское дворянство 25,000 р. с.

Казанское дворянство 20,000 р. сер.

Нѣтъ возможности выписать всей этой чисто-русской поэмы, въ которой любовь къ родинѣ выражается не на словахъ, а на дѣлѣ. Поэма эта велика, но далеко еще некончена, и каждый день мы читаемъ новыя-и-новыя ея продолженія. Дворяне, купцы, лица духовныя, мѣщане, мастеровые, крестьяне, словомъ: всѣ сословія, лица всѣхъ званій и состояній, наперерывъ другъ передъ другомъ, по мѣрѣ силъ и средствъ, несутъ свои жертвы для общаго дѣла. Вѣка и образованіе не измѣнили, но укрѣпили еще болѣе чувство русскаго народа и въ любви къ своей родинѣ, въ любви къ ея славѣ и счастью— онъ тотъ же, что былъ двѣсти лѣтъ назадъ, во времена Минниновъ, Пожарскихъ и Палицынскихъ.

М О Д Ы.

Балы прекратились; даже нѣтъ маленькихъ вечеровъ съ танцами: значить, всѣ наряды можно видѣть только въ концертахъ, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ мы замѣтили совершенно-балльные костюмы. Вотъ, на примѣръ, платье изъ бѣлой кисеи съ тремя широкими складками, въ которыя продернуты голубыя ленты. Лицо открытѣе, сборчатѣе и убранный лентами. Поясъ изъ широкихъ голубыхъ лентъ. На головѣ бѣлыя розаны, перемѣшанные съ бантами изъ голубыхъ лентъ. На шеѣ колѣе изъ жемчуга; на рукахъ, вмѣсто браслетъ, также по лѣтѣ жемчуга, завязаннаго узломъ.

Платье изъ репса, убранный напередѣ кружевами. Лицо открытѣе. Сверхъ лица надѣто кружевное карако, убранный лентами. На головѣ кружевные лопасти и банты изъ лентъ съ длинными концами.

Платье изъ шелковаго барежа съ пятью воланами, затканными цвѣтами. Лицо открытѣе съ бертой. На груди букетъ цвѣтовъ. На головѣ такіе же цвѣты, перемѣшанные съ лентами.

Головные уборы всѣ накладываются очень-низко и только покрываютъ косу, но отнюдь не надвѣваются на бѣло. Ко всѣмъ головнымъ уборамъ примѣшиваются банты изъ черныхъ или цвѣтныхъ лентъ съ длинными концами, которые спускаются почти до талии.

Для молодыхъ дѣвицъ большею-частью дѣлаются бѣлыя платья съ бѣеисчисленными воланами.

Утренніе костюмы для гулянья неменѣе-красивы. Въ хорошіе дни Дворцовая Набережная бываетъ покрыта гуляющими, и тутъ можно встрѣтить все, что есть моднаго и изящнаго въ нарядахъ.

Сколько намъ показалось, шляпы сдѣлались еще меньше; впрочемъ, вотъ чтó мы прочли въ одномъ французскомъ журналѣ модъ:

«Шляпы не существуютъ болѣе: онѣ такъ малы, что ихъ нетрудно принять за бальную кюафюру. Туля у шляпъ чрезвычайно-мала и наклонена назадъ, такъ-что, еслибъ г. Жиро не выдумалъ *point-dagget*, спрашивается, какъ бы могли держаться шляпы на головѣ? Эти *point-dagget*—спасительная вещь для лѣта: они удерживаютъ шляпу на головѣ и не пропускаютъ помады».

Шелковыя шляпы дѣлаются уже изъ пу-де-суа (это признакъ приближенія весны), болшею-частью съ рюшью изъ бѣлыхъ блондъ. Подъ полями чепчикъ изъ бѣлыхъ блондъ и цвѣтовъ. Цвѣтъ для весеннихъ шляпъ выбирается или бѣлый, или гороховый, или сѣрый, но, главное, не яркій; сверхъ шляпы надѣвается цвѣтной вуаль, или синій, или зеленый, или голубой, потому-что снѣгъ, при солнцѣ чрезвычайно вреденъ глазамъ.

Кромѣ шляпъ изъ пу-де-суа, мы видѣли шляпы изъ крепа съ перьями, назначенныя для визитовъ. Перья и цвѣты въ большой модѣ для нарядныхъ шляпъ; для утреннихъ же употребляются болшею-частью ленты.

Въ магазинахъ уже приготавливаются соломенные шляпы; но такъ-какъ эти шляпы еще не скоро можно будетъ носить, то мы поговоримъ о нихъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ; а теперь опишемъ нѣсколько верхнихъ костюмовъ. Бархатныя манто дѣлаются изъ трехъ воротниковъ; каждый изъ нихъ обшитъ въ нѣсколько рядовъ тесьмой. Рукавовъ нѣтъ, но второй воротникъ нашивается на прорѣжки и составляетъ рукава. Сукожныя пальто съ капюшономъ чрезвычайно-удобны для этого времени, потому-что они не портятся отъ грязи и очень-теплы. Но для лѣта невозможно ничего удобнѣе выдумать, какъ тальма: оно не сомнетъ ни одного бантика на вашихъ рукавахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ вѣтра можетъ защитить лучше всѣхъ верхнихъ костюмовъ.

Манто-*pelisse* прошлаго года было въ большой модѣ; но оно дѣлалось короткое; теперь его прибавляютъ въ длину и въ ширину; поэтому оно потеряло прежнюю свою форму и имѣетъ видъ стариннаго салопя; но лѣтомъ, при утреннемъ неглиже, манто-*pelisse* очень-граціозно.

Мантильи—шарфъ все попрежнему въ модѣ: онѣ обшиваются бахромой въ нѣсколько рядовъ, бархатомъ, или шелковой тесьмой. Говорятъ, что для лѣта мантильи опять прибавятся въ своемъ объѣмѣ, но теперь этого незамѣтно. Лѣтнія новыя матеріи, то-есть барежи, кисей, жаконетъ уже получены въ нѣсколькихъ магазинахъ. Рисунки на барежѣ очень-ярки и очень-красивы. Намъ очень понравился барежъ коричневаго цвѣта съ большими турецкими букетами.

Много кисейныхъ матерій съ затканными воланами ; эти платья уже надѣли и въ прошломъ году : не-уже-ли и нынче онѣ будутъ въ модѣ ? Но бѣлыя кисейныя платья съ вышитыми воланами очень-красивы и, вѣрно, никому не надѣли, хотя они также были въ модѣ въ прошломъ году. Есть очень-миленькій законетъ : по бѣлому фону лиловые, или голубые, или розовые разводы, шириною въ мизинецъ.

Весеннія матеріи всѣ сдѣланы изъ шерсти и шелка, или полосатыя или съ большими кѣтками

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЕВЯНОСТО-ТРЕТЬЯГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. Словесность.

	СТР.
ВСТРѢЧА, стихотвореніе А. Н. МАЙКОВА	1
КАЛЕНИКЪ, разсказъ А. А. ФЕТА	3
ДВА стихотворенія ДЕЛЪВИГА : 1) Призваніе и 2) Отрывокъ..	17
ЖЕНИХЪ ИЗЪ НОЖОВОЙ ЛИНИИ. Комедія А. КРАСОВСКАГО	107
ШАРМАНЩИКЪ, стихотвореніе А. А. ФЕТА	173
КЪ ЗВѢЗДАМЪ (изъ Шиллера), стихотвореніе А. А. ФЕТА ..	174
КЛЕРМОНТСКІЙ СОБОРЪ, стихотвореніе А. Н. МАЙКОВА ..	175
ЗАДНѢПРОВСКІЯ СЦЕНЫ. В. ГЛЕНКИ	183
ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ. Романъ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА . Переводъ съ англійскаго И. А. Бирилева . Части третья и четвертая.....	19 и 285
Три стихотворенія А. А. ФЕТА : 1) Стенъ, 2) Ива, 3) Пароходъ.	349

II. Науки и Художества.

	стр.
ВАЛЬТЕРЪ СКОТТЪ и его современники. <i>Статья первая и вторая. А. В. ДРУЖИНИНА</i>	1 и 97
ПЕРВОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО КАРЛА V и ФРАНЦИСКА I. (Историческій очеркъ <i>жизнь</i>)	53

III. Критика.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА въ 1853 году. <i>Статья третья и послѣдняя</i> (Всеобщая Исторія. — Географія и статистика)..	1
ГОРЕ ОТЪ УМА. Комедія <i>А. С. Грибоедова</i> . Четыре новыя изданія.....	29

IV. Библиографическая Хроника.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Игорь, князь Сѣверскій, переводъ <i>Гербеля</i>	1
Труды Комиссіи, Высочайше учрежденной при Университетѣ Св. Владиміра для описанія губерній Кіевского Учебнаго Округа. Томъ II.....	11
Указатель церковныхъ чтеній изъ св. книгъ Новаго и Вѣтхаго Завѣта, изданный <i>В. Гречулевичемъ</i>	16
Исторія военнаго искусства, <i>М. Богдановича</i>	—
Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ, <i>А. Гильфердинга</i>	—
Разказы Прѣзжаго, <i>П. Небольсина</i>	23
Комедія Мирзы <i>Фетъ-Али-Ахундова</i>	26
Паденіе Турціи.....	29
О числѣ, соч. <i>Порфирія Гаствило-Кармиловича</i>	—
Черты изъ исторіи и жизни литовскаго народа.....	57
Обозрѣніе Оттоманской Имперіи, Молдавіи, Валахіи и Сербіи, <i>В. Серчевскаго</i>	64
Матеріалы къ исторіи Инженернаго Искусства въ Россіи, <i>А. Савельева</i>	68
Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1725 году. г. <i>Обручева</i>	69
Сравнительные обзоры иностранныхъ морскихъ законодательствъ, <i>В. Мельницкаго</i>	—

	СТР.
Священная Исторія Нового Завета, <i>А. Рудакова</i>	71
О Государственномъ межеваніи въ Россіи.....	—
Признательность Псковскихъ гражданъ. <i>Н. Лебедева</i>	72
Упражненія при обученіи русскому чтенію, <i>А. Кремлева</i>	—
Нравственное чтеніе для дѣтей отъ 6 до 9 лѣтъ, сост. <i>К. О. Л.</i>	74
<i>Rachel soupçonnée par Coigneille par un habitant de Moscou</i>	—
Лучшіе московскіе блины.....	75
Историческіе Труды <i>А. Томлина</i>	76
Маркитантка, <i>Н. Кукольника</i>	—
Сочиненія <i>Петра Каратыгина</i>	77
Дядюшка на трехъ ногахъ, или хотѣли солгать, а сказали правду. Комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. <i>П. Каратыгина</i>	—

ПРОДОЛЖЕНІЕ НАЧАТЫХЪ ИЗДАНИЙ.

Временникъ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, кн. 18.....	78
--	----

ПЕРЕВОДЫ.

Искатели золота, соч. <i>А. Дюма</i>	81
Калифорнія, соч. <i>А. Дюма</i> . перев. <i>Л. Лаврентьева</i>	—
Дѣтская любовь.....	82
Подарокъ горнаго духа.....	—

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ.

Вѣра Надежда и Любовь, съ присовокупленіемъ духовныхъ стихотвореній <i>А. А. М. М.</i>	35
Собраніе русскихъ пѣсенъ <i>О. Исаева</i>	83
Сорокъ два обѣда, составл. <i>П-ею. М-ъ</i>	—
Битвы русскихъ съ черкесами, <i>И. Николаевича</i>	—
Древность Москвы, <i>П. Хавскаго</i>	84
Записки объ уженъѣ рыбы, <i>С. Аксакова</i>	—

ЖУРНАЛИСТИКА.

Стихотворенія гг. Фета и Некрасова. — Біографія П. А. Федотова, соч. г. Толбина. — Басни Федотова. — Два Пріятели, повѣсть г. Тургенева. — Крестьянка, романъ г. Потѣхина. — Благодарность, повѣсть.....	35
«Братъ и Сестра», драма въ 4 дѣйств. г. Потѣхина. — «Муму», разсказъ г. Тургенева. — «По поводу романовъ и разсказовъ изъ простонароднаго быта», крит. ст. г. А-ва. — Стихи : «Ис-	

куство и Правда», г. А. Григорьева. — Критика «Библиотеки для Чтенія»: Санскритизмъ г. Сенковского. — Статья г. Черепанова: «Ловля зѣрей въ Сибири» и статья г. Аксакова: «Охота съ ястребомъ за перепелами». — О лекціяхъ Тэккера. — «Инструкція о управленіи дому и деревень», Волынского. — Статья г. Ленкова «О народномъ продовольствіи въ древней Россіи». — «Саллустій, римскій историкъ». — Переводъ «Макбета» г. Лихониннымъ	85
---	----

V. Иностранная Литература.

Алхія въ XIX столѣтіи.....	1
О новыхъ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій ш. л. Винхайлова	10
Эсхилъ и историческая трагедія въ Греціи (статья <i>Луи Било</i>).....	16
Викторъ Кузенъ и его литературныя произведенія (статья <i>Густава Планша</i>).....	28
«Римская Исторія», соч. Швевлера, и «О древнѣйшемъ народонаселеніи Италіи», историческое изслѣдованіе Гердаха. <i>Статья первая. П. Н. Кудрявцева</i>	43

VI. Современная Хроника Россіи.

Обозрѣніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій правительства по государственному управленію за январь и февраль 1853 года.....	1 и 9
--	-------

VII. Смѣсь.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВЪ, НАУКЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Литература въ Германіи: стихотворенія Бауернольда; романъ Луизы Мюльбахъ; сборникъ народныхъ пѣсенъ; повѣсти Дрехслеръ Манфельда; Альфредъ Мейснеръ; «Шесть лѣтъ въ Суринамѣ»; «Изслѣдованія собственныхъ именъ» и проч. — Литература въ Англіи и Сѣверной Америкѣ: «Разказы о ожной границѣ»; стихотворенія Попе; біографія д'Израэли; сатира Тэккера; Норвегія и ея ледники; Библія на ста-пятидесяти языкахъ. — Литература во Франціи: Англичане у

себя дома ; Алжирія и ея нравы ; Маргаритки ; Бельгія ; второю томъ записокъ доктора Верона ; новая реторика ; два романа французскаго и швейцарскаго писателя, написанные на одну тему ; историческіе и литературные разговоры ; переводъ «Дженни Эйръ» ; одиннадцатый томъ «Литературной Франціи» ; Японія. — Еще одна англійская книга. — Аѳинскій Акрополь. — Литература въ Италіи. — Туринскіе журналы и газеты. — Китайскій журналъ. — Театръ въ Парижѣ : *Ромуль*, новая комедія Александра Дюма ; Брессанъ на Французскомъ Театрѣ ; *Луиза Нантейль*, драма Леона Гозлана ; *Смерть Сенвиля* ; *Электрическій телеграфъ* ; *Венеціанскій купецъ* ; *На морь и на сушь*. — Опера въ Парижѣ. Альбони и Крувелли ; Фрещоллини и Маріо. — Новый теноръ въ Италіи. — Опера принца Густава шведскаго и герцога саксен-кобург-готскаго. — Концерты и музыкальные вечера. — Симфонія Сен-Саена. — Водевильные куплеты и пѣсни. — Статистика парижскихъ театровъ въ прошломъ году. — Театръ въ Германіи : новыя драмы и комедіи ; опера Флоттова. — Анекдотъ о Рашели. — Театръ въ Лондонѣ. — Англійскій тарифъ за 1853 годъ. — Выставки въ Бакер-стритъ и Смит-филдъ. — Фабрика золотыхъ цѣпочекъ въ Спрингфилдъ. — Новый пароходъ въ Сѣверной Америкѣ. — Магнитизёры. — Смотрители лондонскаго монумента. — Механическія и физиологическія причины движенія столовъ по изслѣдованіямъ Бабине. — Что дѣлается въ Парижѣ. — Балы и костюмы. — Биржа. — Некрологъ. — Обработка свеклы. — Новый способъ жочки льна и пеньки. — Машины и изобрѣтенія. — Болѣзнь овощей. — Статистика холодныхъ зимъ во Франціи. — Измѣненія въ составѣ парижской обсерваторіи. — Фотографія. — Гидролокомотивъ. — Блестящая глина. — Греческіе памятники въ Каноосъ. — Египетскій саркофагъ въ Вѣнскомъ Музеумѣ. — Снимки съ масляныхъ картинъ. — Перламутровая бумага. — Краски въ Помпей. — Торговля гуано. — Статистика умалишенныхъ. — Этеризація животныхъ. — Средство отъ укушенія ядовитыхъ змѣй. — Болѣзнь Атлантическаго Океана. — Магниты изъ чугуна. — Машина для домашняго хозяйства. — Электрическій телеграфъ вокругъ свѣта. — Рѣчь Гонкиса о движеніи наукъ въ прошломъ году. — Изслѣдованія физическаго состава солнца. — Фотографическія карты луны. — Распределение звѣздъ по ихъ величинѣ. — Успѣхи наукъ въ Греціи. — Электрическіе опыты Паладжи. — Волшебныя зеркала. — Усовершенствованіе въ устройствѣ маяковъ. — Опасность притираний. — Ученая утка. — Зо-

лото и мѣдъ въ Америкѣ. — Какъ выбирала Парижская Академія преемника Араго. — Біографія Араго.....

Английская и сѣверо-американская литература: Лонгфеллоу и сочиненія; переводы съ санскритскаго; «Тѣни и лучи изъ жизни артиста»; »Кругосвѣтное путешествіе живописца»; Валласъ на Амазонской Рѣкѣ; «Опытность жизни»; сказки Гауторна; «Странствованіе натуралиста по берегамъ Девоншейра»; «Луиза Эльтонъ»; «Поиски Франклина»; изслѣдованія Овена о продолжительности человѣческой жизни. — Итальянская литература: книги на сардинскомъ діалектѣ: историческое сочиненіе. — Латинская литература: Эфемериды Псааба Казобона. — Нѣмецкая литература; Путешествіе въ Бразилію; живописецъ Пехтъ; романы и историческія сочиненія. — Шведская литература; Александръ Кастрей, его жизнь и путешествія. — Литература въ Греціи; возрожденіе цивилизаціи; Евгеній Булгари и другіе писатели; освобожденіе Греціи; развитіе школъ и просвѣщенія; писатели и народныя пѣсни. — Французская литература; «Константинополь»; греческая антологія; работы вокругъ джизегскаго сѣинкса; присоединеніе къ Франціи савойскихъ провинцій; изслѣдованіе геральдики; рассказы изъ древней исторіи Франціи; мысли маркизы сан-Марсанъ, печатанныя въ ея собственной типографіи; Фредерикъ Амель. Эдмондъ Тексъе; «Исторія герцоговъ Шампаніи»; переводъ Рамайяны; Поль де-Моленъ; Симеонъ Пеконталь; изданія «Избранной Библіотеки»; Бейль и Пратъ. Новый журналъ въ Парижѣ; пародія на «Мухкетера». — Дороговизна въ Лондонѣ. — Наслѣдникъ гангскаго престола. — Спектакли и чтенія въ Лондонѣ. — Страсть слушать. — Французскія лягушки въ Лондонѣ. — Процессъ Ломлея съ г-жею Вагнеръ. — Фабрика «револьверовъ» Кольта. — Балы и обѣды въ Парижѣ. — Голубыя камелии. — Перестройки и проектъ новаго театра. — Балетъ «Звѣзда» и г-жа Лемонъе. — Соперница Рашель. — Новая комедія г-жи Жирарденъ. — Партія въ пикетъ. — Новые водевилы. — Смерть Эстеръ. — Театральные процессы. — «Молодость Лудовика XIV» въ Брюсселѣ. — Театръ въ Берлинѣ: балетъ «Аладинъ, или волшебная лампа». — Смерть пѣвца Рубини и живописца Мартинна. — Причины упадка пѣнія. — Четыре франка за ноту. — Всеобщая азбука. — Книжная торговля въ Мадридѣ. — Археологическія разысканія въ таврскихъ горахъ — Смерть адмирала Руссена. — Висячая желѣзная дорога. — Машины для переноски тяжестей. — Сохраненіе подводной части судовъ и обшивка кораблей. — Открытіе подлоговъ посред-

ствомъ электричества. — Древнія монеты въ Англіи. — Археологическія открытія въ Египтѣ. — Могилы карловингскихъ временъ. — Гималайская сосна. — Библіотеки въ Пруссіи. — Ломки древняго мрамора. — Открытіе человѣческихъ костей въ Намюрѣ. — Адтекскіе карлики. — Еще археологическія открытія. — Клавиграфъ. — Шампньонисты. — Преобразованіе Парижской Обсерваторіи и Комиссіи Долготъ. — Новыя планеты. — Вычисленія солнечныхъ и лунныхъ затмѣній. — Наблюденія надъ солнечнымъ затмѣніемъ 1851 года. — Новѣйшіе успѣхи въ фотографическихъ и стереоскопическихъ изображеніяхъ. — Изобрѣтенія Араго, обнаруживаемыя послѣ его смерти. — Опыты надъ прохожденіемъ свѣта чрезъ сухой и влажный воздухъ. — Паноптиконъ.....

97

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«L'honneur et l'argent», комедія г. Понсара. — Другія новости французской сцены. — «Маркитантка», драматическое представленіе г. Кукольника. — Бенефисъ г. Мартынова. — «Станціонный Смотритель», драма, передѣланная изъ повѣсти Пушкина. — «Подвигъ Ширванскаго Полка», драматическое представленіе и «Антрпренеръ-Аферистъ», водевиль. — «Фаустъ», балетъ; его содержаніе и исполненіе. — Зимній садъ и нѣкоторыя сомнѣнія. — Оранжереи. — Цвѣточныя экспедиціи и горныя удовольствія. — Балы. — Вопросъ объ истинѣ балныхъ наслажденій. — Балные разговоры. — Безпроигрышная лотерея и ярмарка въ пользу бѣдныхъ. — Бѣги на Невѣ и катанья на Невской Набережной. — Масляница. — Гулянье у горъ. — Фланеры разныхъ возрастовъ и половъ. — Кто представляетъ въ балаганахъ. — Характеръ балаганныхъ представленій. — Удовольствія за удовольствіями. — Превращеніе театральной залы въ маскарадную, описанное прозою и стихами. — Неизвѣстный поэтъ. — Маскарадная исторійка....

Тихина въ общественной жизни. — Мирныя наслажденія. — Что такое удовольствіе? — Увлеченные и увлекающіеся. — Наблюденіе въ театрахъ. — Зрители и зрительницы. — Обыкновенная комедія. — Фантазія на едва-слышныя мотивы. — Музыкальность нашего времени. — Папеньки, маменьки, дѣтки и музыкальные учителя. — Скромные любители искусства. — Концерты и живыя картины. — Некрологъ. — Абонементъ на итальянскую оперу. — Вѣчные странники. — Нескромное желаніе быть знаменитостью. — Астрономическія наблюденія надъ землею. — Тѣла свѣтлыя и темныя. — Напрасныя глос-

74

поты. — Новость и ея продолжительность. — Новые зданія
Петербурга. — Отдыхъ. — Выставка лотерей дѣтскихъ при-
товъ. — Физиологическія лекція профессора Загорскаго. —
Аукціонъ дублетовъ въ Императорской Публичной Библиотекѣ. —
Новости художественныя. — Военное направленіе въ искус-
ствахъ. — Патріотическія стихотворенія и ихъ успѣхъ. —
Русская народная поэма .....

174

Моды (съ тремя парижскими картинками модъ).

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

у **М. БЕРНАРДА,**

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской,
въ домъ Паскаля, № 11.

Пьесы для фортепіано.

Сер. Р. К.

- Бернардъ.** — Сто русскихъ народныхъ пѣсенъ, аранжированныхъ для одного фортепіано. Новое, переделанное, и съ 25-ю цыганскими пѣснями умноженное изданіе. Часть I. 3 —
- Бавери.** — На нынѣшнюю войну «Вотъ въ воинственномъ азартѣ». Музыка посвящается Русскимъ Патриотамъ. Изданіе для пѣнія (для одного голоса съ аккомп. фортепіано) (60 к.). Изданіе для одного фортепіано въ видѣ марша — 50
- Дерфельтъ.** — «Русскимъ Солдатамъ на 1854 годъ». Походный маршъ. Изданіе для одного фортепіано, или для пѣнія (для одного или четырехъ голосовъ) . . . . . — 85
- Крейбихъ.** — «Грузинскій Князь». Солдатская пѣснь; посвящается храбрымъ русскимъ воинамъ въ Азіатской Турціи. Изданіе для одного фортепіано, или для пѣнія (для одного или четырехъ голосовъ) . . . . . — 50
- Lefebvre-Wéty.** — La garde montante. Caprice de genre . . . — 75
- Schadek.** — «Осѣдлаю коня». Ballade de Warlamoff transcrite précédée d'une Introduction (съ красивою виньеткою) . . . — 85
- Schulhoff.** — Trois idylles: doux reproche, l'étoile du soir, le ruisseau, op. 37 (1 p. 50 к.). Grande sonate, op. 37 . . . 2 —
- Thalberg.** — Quatuor de l'opéra i Puritani, transcrit (75 к.). Air du célèbre chanteur Stradella transcrit . . . . . — 85
- Vangrasdorff.** — Galop triomphal . . . . . — 85
- Vogt.** — Valse brillante (75 к.). Polka de salon . . . . . — 75
- Voss.** — Macbeth. Grande fantaisie (1 p.). Barcarolle d'Oberon variée (75 к.). Les adieux du soldat. Grande marche (1 p. 15 к.). Indra. Grande fantaisie (1 p. 70 к.).
- Wehle.** — Marsche cosaque . . . . . — 60

Пьесы для малаго оркестра.

- Casino.** — Choix de morceaux favoris et de potpourris des opéras nouveaux pour 2 violons, alto, contrebasse, flûte, clarinette et deux cors (violoncelle, 2-ém eclarinette, trombone, trompettes, timballes ad libitum): № 1. Les Guelfes et Gibelins (2 p. 60 к.). № 2. Norma (2 p. 60 к.). № 4. Les Puritains (3 p. 40 к.). № 5. La Sonnambula (4 p.).

№ 9. La fille du regiment (2 p. 85 к.).	№ 11. Belisario P. K. (6 p.).	№ 12 Anna Bolena (2 p. 85 к.).	№ 13. Alessandro Stradella (1 p. 70 к.).	№ 14. Les quatre fils d'Haymon (2 p. 85 к.).	№ 16. Le siège de Gand (5 p. 70 к.).	№ 17. Giselle (5 p. 40 к.).	№ 18. La bohémienne (3 p. 70 к.).	№ 19. Otello (3 p. 70 к.).	№ 20. I due Foscari (2 p. 60 к.).	№ 21. La Juive (4 p.).	№ 22. Robert (3 p. 15 к.).	№ 23. Ernani (5 p. 70 к.).	№ 24. Nabuco	4 —
													2 60	
<i>Donizetti.</i> — Ouvertures: Anna Bolena (2 p. 60 к.). Belisario														
<i>Lohrsky.</i> — Amarantho-Walzer (1 p. 15 к.). Aus der Jugendzeit. Walzer (1 p. 60 к.). Waldmeisters Brautfahrt. Walzer (1 p. 60 к.). Carlsbader Cur-Tänze. Drei Polkas 1 p. 85 к.). Dornröschen, Galop (90 к.). Schwalbenmärchen. Walzer (1 p. 60 к.). Waldblumen. Drei Polkas (1 p. 60 к.). Huldigung den Frauen. Walzer													1 60	
<i>Rossini.</i> — Ouverture de l'opéra le barbier de Seville													2 60	
<i>Wallerstein.</i> — Un dernier adieu. Galop romanesque													3 —	

Пьесы для виолончели.

<i>Butta.</i> — Mélodies de Schubert transcrites avec piano Livre 1 à 4, каждая	1 30
<i>Franckomme.</i> — Douze études avec acc. de piano op. 35 (3 p.). Les mêmes études avec acc. d'un violoncelle, op. 35 (2 p.). Grande valse avec piano	1 40
<i>Kummer.</i> — Fleurs de salon. Quatre mélodies de Gumbert avec piano (1 p. 70 к.). Six mélodies allemandes transcrites en forme de pièces de salon avec piano. № 1 à 6 (каждый 1 p.) Quatre duos. op. 103 pour 2 violoncelles	2 60

Выписывающие нотъ на сумму не менѣе *трехъ рублей серебромъ*, получаютъ *двадцать пять* процентовъ уступки, а выписывающие на *десять руб. сер.*, пользуясь означенною уступкою, кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями *непосредственно* въ магазинъ М. БЕРНАРДА. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го Апрѣля четвертая тетрадь музыкальнаго журнала «НУВЕЛИСТЪ» (годъ XV), которая содержитъ въ себѣ, между прочимъ: *Wehle*, Marche coraque. — *Mayer*, Romance sans paroles. — *Spindler*, Souvenir de jeunesse, pièce de salon. — *Escheltzky*, Les adieux. Romance sans paroles. — *Баверн*, На ильншнюю войну, «Маршъ Русскихъ». — *Мальшевскій*, Романсъ, *Beyer*, Mélodie russe de Dargomijsky variée.

Музыкально-литературное прибавленіе. (Годовая цѣна подписки 10 руб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. серебромъ).

Здѣсь же поступили въ продажу *всѣ сочиненія А. О. Львова*.
 Печатать позволено, 28-го февраля 1884 г. Цензоръ А. Фрейманъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ И. ПЕЦА, НЫНѢ СТЕЛЛОВСКАГО,

ВЪ БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ ДОМѢ ЛАУФЕРТА № 116.

Сер. Р. К.

Русскіе романсы для пѣнія съ фортепьяно.

<i>Глинка. М. И.</i> — Не называй ее небесной	4 —
— Только узналъ я тебя и сердце	— 50
— Побѣдитель. Сто красавицъ горделивыхъ	— 60
— Пѣсня Ильиничны. Ходитъ вѣтеръ у воротъ	— 50
— Я здѣсь Инизилья, я здѣсь подъ окномъ	— 60
— Голосъ съ того свѣта.	— 70
— Если встрѣчусь съ тобой	— 40
— Слышу ли голосъ твой	— 60
— Сомнѣніе. Уймись волненія страсти (для сопрано)	— 85
— Сомнѣніе. Уймись волненія страсти (для контральто)	— 85
— Къ ней. Когда въ часъ веселый откроешь ты губки.	— 75
— Есть пустынный край	— 60
— Въ крови горитъ огонь желанья	— 50
— Сонъ Рахили. Я видала его, жениха моего	— 60
— Не искушай меня безъ нужды	— 50
— Забуду ль я! слова Голицына	— 40
— Ночной смотръ. Слова Жуковского	1 20
— Гдѣ наша роза, друзья мои	— 40
— Ночной эфиръ струитъ эфиръ.	— 60
— Не щебечи соловейко. Малорос. пѣсня	— 40
— Скажи, зачѣмъ явилась ты	— 50
— О, память сердца! ты сильнѣй	— 60
— Ахъ! ты ночь ли ноченка	— 40
— Ночь осенняя любезная	— 40
— «Дѣдушка» дѣвицы разъ мнѣ говорили	— 40
— Ахъ! ты душечка красна дѣвица	— 40
— Гуде вѣтеръ вельмы въ доли. Малорос. пѣсня.	— 40
— Прощаніе съ Петербургомъ. Романсы и пѣсни слова Н. Кукольника. № 1. Кто она и гдѣ она	— 60
— № 2. Еврейская пѣсня. Съ горнихъ странъ наль туманъ. (50 к.) № 3. Болеро, О дѣва чудная моя. (85 к.) № 4. Каватина. Давно ли роскошно ты розой цвѣла (85 к.) № 5. Колыбельная пѣсня. Спи мой ангелъ почивай (85 к.) № 6. Попутная пѣсня. Дымъ столбомъ кипитъ, дымит- ся. (1 р. 40 к.) № 7. Фантазія. Стой мой вѣрный бур- ный конь. (1 р. 30 к.) № 8. Баркаролла. Уснули го- лубы (85 к.) № 9. Virtus Antiqua. Прости! корабль взмахнулъ крыломъ (60 к.) № 10. Жаворонокъ. Между небомъ и землей. (85 к.) № 11. Къ Молли. Не требуй пѣсенъ отъ пѣвца. (85 к.) № 12. Прощальная пѣсня.	

Прощайте добрые друзья. . . . . — 85
 Всѣ эти романсы собственность Ф. Стекловаго и продаются исключительно въ вышеозначенномъ магазинѣ.

Пьесы для фортепьяно въ две руки.

<i>Henselt. A. Romance en Si bémol et Etude Si oiseau j'étais.</i>	
• Nouvelle édition	1 —
— Chant sans paroles. op. 33	— 60
— Nocturne nouveau. op. 32	— 60
— Ballade. op. 31.	2 —
— Ouverture Coriolan de Beethoven	1 30
— L'Aurore Boréale. Grande Valse	1 70
— Petite-Valse. Nouvelle édition.	— 50
— Poème d'Amour. Nouvelle édition.	1 —

Всѣ оныя пьесы играны въ концертахъ съ **большимъ** успѣхомъ самимъ композиторомъ.

Танцы для фортепьяно въ две руки.

<i>Alexandroff. — Le Plaisir d'Hiver. Mazurka.</i>	— 50
— Bouquet-Polka	— 40
<i>Huppmann. — Nadine-Polka . . . . .</i>	— 40
<i>Ljadoff. — Souvenir de Gatschina. Mazurka.</i>	— 40
<i>Meltzer. — Rigoletto-Quadrille . . . . .</i>	— 60
<i>Mephisto. — Quædrille du Ballet: Faust . . . . .</i>	— 60
<i>Симонов. — Военная Полька-Мазурка . . . . .</i>	— 40
<i>Цыловъ. — Чародѣйка-Полька . . . . .</i>	— 40

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя, или объявленныя въ какомъ-либо каталогѣ на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе ногъ не жене, какъ на *три* руб. сер., получаютъ 25 процентовъ уступки; выписывающіе же не менѣе, какъ на *десять* руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку; выписывающіе же болѣе чѣмъ на *двадцать* руб. сер., получаютъ гораздо больше уступки. Магазинъ И. Пецла, точнымъ и скорымъ выполнениемъ требованій приобрѣлъ лестное расположеніе и довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе *семидесяти* лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногороднихъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первоотходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейскурантъ, рассылаются при посылкахъ безденежно.

Печатать позволено, 29-го марта 1884 г. Цензоръ А. Фрейманъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ И. ПЕЦА, НЫНѢ СТЕЛЛОВСКАГО,

ВЪ БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ ДОМѢ ЛАУФЕРТА № 116.

Пьесы для фортепьяно въ четыре руки.

	СЕР. Р. К.
Beyer. — Les delassements. Recueil de petites leçons à quatre mains pour le piano sur des motifs favoris : Norma, Belisario, Lucia, Puritani, Huquenots et la fille du Regiment. op. 85	1 —
— Petite fantaisie sur l'opera : Zora op. 112	1 —
Chopin. — Tois mazourkas favorites. op. 59	1 43
— Barcarolle. op. 60 (85). Deux nocturnes, op. 62.	1 15
— Sonate brillante. op. 65	2 85
Henselt. — Duo à quatre mains, op. 14. (1 p. 70 к.) Chanson de Printemps, op. 15 (60 к.) Tableau musical. Fantaisie sur l'air russe : Ты не повѣришь какъ ты мила, op. 16. (1 p. 70 к.) Quatre romances sans paroles, op. 18. (85 к.) Polka favorite	1 15
Marks. — Collection des Potpourris et Mosaïques des meilleurs operas à quatre mains. № 54, Alzira de Verdi (2 p. 30 к.) № 55, Il Finto Stanislao. (2 p. 30 к.) № 56, Robin des bois (2 p. 30 к.) № 57, Il Corsaro (2 p. 30 к.) № 58, Siège de Gand. (2 p. 30 к.) № 59, Martha (2 p. 30 к.) № 60, Euryanthe, (2 p. 60 к.) № 61, La Bohémienne (2 p. 60 к.) № 62, Sophia Catarina (2 p. 60 к.) № 63, Giralda. (2 p. 60 к.) № 64, La Straniera. (2 p. 60 к.) № 65, Figaro (2 p. 60 к.) № 66. Sommernachtstraum. (2 p. 60 к.) № 67, Don juan. (2 p. 60 к.) № 68. Siège de Corinthe (2 p. 60 к.) № 69. Rigoletto (2 p. 60 к.) № 70. Stiffelio de Verdi.	2 60
Schulhoff. — Valse brillante à quatre mains.	1 15
Thalberg. — Grande Fantaisie sur l'opéra : Zora	2 30
— Quatuor favorit de l'opéra : Zora	1 15
Voss. — Fantaisie sur l'opéra Martha	1 70
Wolff. — Fantaisie sur l'opera : La Fée aux roses.	1 50
— Reminiscence sur l'opéra : L'Enfant prodigue	1 70
— Fantaisie sur l'opéra : Siège de Gand.	1 70

Любимые русскіе романсы для пѣнія съ фортепьяно.

Булаховъ. — Колыбельная пѣсня : Ты для меня душа и сила. Пятая г-жею Самойловой.	— 60
Вильбоа. — Я васъ любила безнадежно (70 к.) Ахъ ! зачѣмъ меня силой выдали (70 к.) Моряки. Не люdimо наше море. Дуэтъ. (1 p. 15 к.) Взшелъ на небо, мѣсяць ясный. (75 к.) Волшебный мракъ отрадной ночи. Дуэтъ	1 15

<i>Вителларо.</i> — Внотъ вѣтры. Малороссійская пѣсня	— 40
— Кто слышалъ, тотъ васъ не забудетъ. Экспромтъ, написанный въ отвѣтъ романсу: Ты скоро меня позабудешь.	— 75
<i>Герасимовъ.</i> — Ангелъ-дѣва. Романсъ	— 50
<i>Гурилевъ.</i> — Богъ съ вами! (50 к.) Однозвучно гремитъ колокольчикъ (60 к.) Нѣтъ, красавица, напрасно. (60 к.) Мѣсяцъ всталъ и озаряетъ (60 к.) Съ пѣсней душа улетитъ (60 к.) Минуту свиданья лови (50 к.) Долго ли же будешь сердце ты томиться (50 к.) Расскажи мнѣ старичокъ, какъ жилали въ стары годы (40 к.) И ночь, и луна и любовь (70 к.) Въ морозную ночь	— 60
<i>Дарюмыжскій.</i> — Я все еще его люблю. (50 к.) Къ-чему веселые друзья (50 к.) Поцѣлуй, дарованный тобою. (50 к.) Лихорадушка. (40 к.) Бушуй и волнуйся. (75 к.) Богъ помочъ вамъ. (50 к.) Мечты, мечты гдѣ ваша сладость. (75 к.) Мельникъ. (40 к.) Скажи, что такъ задумчивъ ты.	1 50
<i>Титовъ.</i> — Я помню чудное мгновенье. (30 к.) На долго ль разстаемся мы. (30 к.) Узникъ. (40 к.) Не пой, красавица, при мнѣ. (50 к.) Я о тебѣ молюсь. (40 к.) Ты не узнаешь кто она. (50 к.) Намъ братъ не кормить коней.	— 30
<i>Цыганскія пѣсни.</i> — И нѣтъ въ мирѣ очей. (40 к.) По садочку хожу. (40 к.) Лѣтъ пятнадцати не болѣ. (40 к.) Матушка голубушка. (30 к.) Тебя ль забыть. (30 к.) Крамбамбули. (30 к.) Ъхали ребята.	— 30

Пьесы для семиструнной гитары.

<i>Моркова.</i> — Маршъ изъ оперы: Осада Генга.	— 60
— Венеціанскій карнавалъ	1 50
<i>Петровъ.</i> О. Арія знаменитаго пѣвца Страдела	— 85
<i>Саренко.</i> — Каватина изъ оперы: Риголетто	— 85
— Каватина изъ оперы: Марія ди Роганъ	— 40

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и къмъ бы то ни было изданныя, или объявленныя въ какомъ-либо каталогѣ на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе воть не менѣ, какъ на *три* руб. сер., получаютъ 25 процентовъ уступки; выписывающіе же не менѣ, какъ на *десять* руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку; выписывающіе же болѣе чѣмъ на *двадцать* руб. сер., получаютъ гораздо больше уступки. Магазинъ И. Пецца, точнымъ и скорымъ выполніемъ требованій приобрѣлъ лестное расположеніе и довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе *семидесяти* лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первоотходящею почтою. Катоги, какъ для пѣвца такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейс-нунантъ, разсылаются при посылкахъ безденежно.

Печатать позволено, 29-го января 1884 г. Цензоръ А. Фрейманъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

у **М. БЕРНАРДА,**

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской,
въ домѣ Паскаля, № 11.

Пьесы для скрипки.

	Сер. Р. К.
<i>Bazzini.</i> — L'absence. Mélodie avec piano	1 —
<i>Beethoven.</i> — Concerto, op. 61, avec piano	4 60
<i>Benesch.</i> — Introduction et air varié avec piano	1 70
<i>Dancla.</i> — Trois romances sans paroles, op. 57 avec piano (1 p. 40 к.). Le souvenir. Morceau de salon avec piano.	1 15
<i>Haupt.</i> — Лучина, лучинушка. Air russe varié avec piano	1 —
<i>Hauser.</i> — Trois mélodies de Bellini: Mira o Norma, Casta Diva, Vaga luna, transcrites avec piano, каждая	— 60
— Trois mélodies de Schubert avec piano, каждая	— 40
<i>Hunyady.</i> — Paraphrase d'une étude de Chopin avec piano	— 60
<i>Jansa.</i> — «Der junge Opernfreund». Nouvelle série. Mélodies choisies, avec piano, op. 75, № 1 Les Guelphes et les Gibelins (1 p.), № 2 Fenella (1 p.), № 3 Figaro (1 p.), № 4 Robert.	4 —
<i>Kündinger.</i> — Collection de fantaisies pour le violon avec piano sur des romances russes, 6 тетрадей, каждая	1 15
— Это же собраніе фантазій (18 пьесъ) для одной скрипки въ двухъ тетрадяхъ, каждая.	1 —
<i>Léonard.</i> — Sérénade (1 p. 70 к.) Elégie avec piano	1 15
<i>Lindner.</i> — Six morceaux de salon sur des thèmes favoris avec piano, op. 18, № 1 à 6, каждый	— 85
<i>Panofka.</i> — Le voyageur. Morceau de salon avec piano	— 85
<i>Reber.</i> — Berceuse avec piano (exécutée par Léonard)	— 60
<i>Soirées dansantes.</i> — Новое собраніе любимыхъ петербург- скихъ танцевъ для одной скрипки, 3 тетради, каждая	— 75
<i>Vieuxtemps.</i> Chansons russes de Werstoffsky transcrites et va- riées avec piano (1 p. 40 к.). Luisa Miller. Fantaisie avec piano (2 p.). Andante et rondo avec piano (2 p. 60 к.). Six divertissements d'amateurs sur des mélodies russes favorites pour le violon avec piano, op. 24, № 1 à 6, каждый	1 30
<i>Mazas.</i> — Лучшій скрипичный учитель или новѣйшая школа вышней игры на скрипкѣ.	3 —
<i>Dancla.</i> — 46 Etudes mélodiques et progressives pour le violon seul	6 30

Новые танцы.

Р. К.

«Синопъ». — Военная Полька-Мазурка, посвященная храбрымъ русскимъ морякамъ	— 70
<i>Almanach de danses les plus nouvelles pour 1854.</i> — Содержитъ въ себѣ 12 лучшихъ танцевъ, сочиненія Штрауса (сына), Лабинкаго, Ладе, Валлерштейна, Бернарда и другихъ. Въ переплетѣ (за пересылку за 2 фунта)	3 —
<i>Bernard.</i> — Quadrille de famille (60 к.). <i>Olympie-Polka</i> (60 к.). <i>Assemblée-Quadrille</i>	— 60
<i>Ciardi.</i> — La victoire. <i>Polka-Mazurka militaire</i>	— 40
<i>Hakmann.</i> — Marie-Polka	— 40
<i>Kazynsky.</i> — Souvenir-Polka	— 40
<i>Kross.</i> — Sourire et soupir-Quadrille.	— 60

Новые романсы.

<i>Гурилевъ.</i> — Смотрю я въ глубь лазури ясной (60 к.). Въ морозную ночь я смотрѣлъ (40 к.). Мнѣ не забыть тотъ взглядъ (40 к.). Какъ смотрю на него	— 40
<i>Дарюмыжскій.</i> — Двѣ цыганскія пѣсни: Ненаглядная ты (40 к.). Если встрѣчу съ тобой (40 к.). Кудри	— 60
<i>Дерфельтъ.</i> — Тебя здѣсь нѣтъ (40 к.). Забудь меня.	— 40
<i>Пауфлеръ.</i> — Снова тучи надо мною (85 к.). Жилъ князь въ странѣ далекой (40 к.). Тихая звѣздная ночь	— 50
<i>Козакова.</i> — На всегда для меня ты замолкъ соловей	— 50
<i>Имберда.</i> — Они меня много терзали (40 к.). Она разлюбовала меня	— 40

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трехъ рублей серебромъ*, получаютъ *двадцать пять* процентовъ уступки, а выписывающіе на *десять руб. сер.*, пользуясь означенною уступкою, кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которые обратятся съ своими требованіями *непосредственно* въ магазинъ М. Бернарда. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го марта третья тетрадь музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» (годъ XV), которая содержитъ въ себѣ, между-прочимъ: *Fumagalli*, Tarantella di bravura. *Goria*, Révergie. *Ascher*, Une fleur de salon, Impromptu. *Heller*, Romance sans paroles. *Bernard*, Romance célèbre du C-te Wielhorsky transcrite. *Stasny*, Vijou-Polka. — «Синопъ», Военная Полька-Мазурка. *Шварцартъ*, Рыбачка, романсъ. Портретъ Мейербера.

Музыкально-литературное прибавленіе. (Годовая цѣна подписки 10 руб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. серебромъ).

На дняхъ получены свѣжія итальянскія струны отличной доброты, которыя и продаются по умѣреннымъ цѣнамъ.

Печатать позволяется, 28-го февраля 1854 г. Ценсоръ А. Фрейлихи.

==

MAGASIN DE MUSIQUE BRANDUS (S. DUFOUR)

MAISON DE L'ÉGLISE HOLLANDAISE.

LE MONDE MUSICAL № 3

a paru le 1-er Mars.

Il contient 48 colonnes de texte français et russe : LA BERCEUSE, suite et d. — L'ODYSSÉE D'UN PIANO, par Fiorentino. — ENTRE ARTISTES IL FAUT S'ENTRAIDER, anecdote. — PREMIÈRE REPRÉSENTATION DE L'ÉTOILE DU NORD, opéra de Meyerbeer. — NOUVELLES DU MONDE MUSICAL.

Avec ce Numéro, la Maison Brandus met à la disposition de ses abonnés :

1° LE MUSÉE DES PIANISTES : cinq morceaux brillants : F. COUPERIN, Sœur Monique, composé en 1700 ; — THALBERG, l'Art du Chant, 2-me série : Il mio tesoro, de *Don Juan* ; — GUTMANN, 7-me Nocturne ; — WEHLE, Sérénade napolitaine ; — GORIA, la Rêveuse, Étude-Nocturne.

2° LE SUCCÈS : trois morceaux de moyenne force, et faciles : GODEFROID, Tyrolienne favorite ; — KRUG, So viel Stern' am Himmel stehen ; — BEYER, Morceau gracieux sur un air populaire.

3° LE BAL : cinq danses choisies : BURGMULLER, Valse sur *Marco Spada* ; — WALLERSTEIN, la Perle du Soir, polka ; — CZAPIEWSKI, Galop de Cavalerie ; — KAULICH, Habt Acht! Quadrille militaire ; — BATTMANN, Nella, schottisch.

4° LA LYRE : deux morceaux de chant :

MEYERBEER, «*BEAU CAVALIER AU CŒUR D'ACIER,*» CHANT INÉDIT du nouvel opéra comique de Meyerbeer,

БРЫЛОВА : Я васъ люблю, романсъ.

5° Un très beau portrait de F. CHOPIN.

Le nombre inattendu d'abonnés qui se sont inscrits pour l'année 1854 au MONDE MUSICAL a forcé les éditeurs à réimprimer les deux premiers Numéros, dont il ne restait plus un seul exemplaire. La Maison Brandus est maintenant en mesure de les fournir aux personnes qui désireraient s'abonner à ce journal.

Le succès qui vient d'accueillir le MONDE MUSICAL s'explique aisément : Un texte toujours amusant qu'on peut lire à son gré dans les deux langues ; un choix aussi varié qu'abondant de musique en vogue et toujours nouvelle, qu'on ne se procurerait pas à moins de 100 à 120 roubles argent dans les magasins ; une remise de 30% accordée à tous les abonnés sur la musique achetée par eux chez Brandus ; une extrême ponctualité dans la publication de chaque Numéro, — tels sont les avantages qui ne pouvaient manquer de séduire les amateurs, et surtout les familles habitant l'intérieur de l'Empire.

En donnant dans le Numéro de Mars un des morceaux les plus applaudis du nouvel opéra de Meyerbeer, avant même qu'il soit gravé à Paris : «*Beau cavalier au cœur d'acier,*» que tout le monde voudra avoir sur son piano, la Maison Brandus fournit une nouvelle preuve de sa ponctualité à tenir les promesses qu'elle a faites.

Prix de l'abonnement annuel . . . . 12 rbls.

avec port . . . . 13 rbls. 50 c.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ, 24 Февраля 1854 года.

Старшій Ценсоръ Рочертъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

въ 1854-мъ году

выходятъ въ первое число каждаго мѣсяца книжками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ отъ 20 до 25 листовъ большаго формата, съ восемнадцатью парижскими картинками модъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ :

Въ Петербургъ и Москвѣ :	Съ пересылкою, или доставкою:
15 рублей 50 коп. серебромъ.	17 рублей серебромъ.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, находящейся на Невскомъ Проспектѣ, на углу Малой Морской, въ домъ Бейльштейна.

ВЪ МОСКВѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ у П. В. Бабунова, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской Типографіи, въ домъ Загряжскаго.

ВЪ ОДЕССѢ :

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, при книжномъ магазинѣ М. П. Григорьева, на Де-Рибасовской-Улицѣ, въ домъ Сипицыной

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ : Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ.

Печатать дозволяется. Санктпетербургъ, 4 марта 1854 года.

Цесарь А. Фрейгангъ.

